С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ

КНИГА IV

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ
В ВОСЕМНАДЦАТИ
КНИГАХ

С.М.СОЛОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

В ВОСЕМНАДЦАТИ КНИГАХ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1989

С.М.СОЛОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

КНИГА IV

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

ТОМА 7-8

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1989

ББК 63.3(2)
С60

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ СССР

Ответственные редакторы:
академик И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО,
профессор С. С. ДМИТРИЕВ

Текст 7 тома
«ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН»
подготовлен к печати
М. Д. КУРМАЧЕВОЙ,
текст 8 тома —
А. П. ТЮРИНОЙ

Комментарии к 7 и 8 томам
написаны
доктором исторических наук
В. И. КОРЕЦКИМ
и кандидатом исторических наук
В. С. ШУЛЬГИНЫМ

Указатели к 7 и 8 томам составлены
И. В. ЛЕДОВСКОЙ

Художник издания
А. Б. КОНОПЛЕВ

Соловьев С. М.

С60 Сочинения. В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7—8/Отв. ред.: И. Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев.— М.: Мысль, 1989.— 752 с.

ISBN 5-244-00075-6
ISBN 5-244-00369-0

В четвертую книгу Сочинений С. М. Соловьева включены седьмой и восьмой тома «Истории России с древнейших времен». Она освещает события от начала царствования Феодора Иоанновича и до освобождения Москвы от иностранных интервентов и возведения на престол Михаила Романова.
Для широкого круга читателей.

С $\frac{0503020000-058}{004(01)-89}$ Подписное

ББК 63.3(2)

ISBN 5-244-00075-6
ISBN 5-244-00369-0

© Издательство «Мысль». 1989

С.М.СОЛОВЬЕВ
ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

ТОМ 7

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ВО ВРЕМЕНА ИОАННА IV

Титул царский.— Обычаи нового царского двора.— Состав двора.— Знатнейшие фамилии.— Княжеские отчины.— Уменьшительные имена.— Местничество.— Кормление и служба.— Стрельцы, пушкари, иноземцы.— Продовольствие войска.— Посоха.— Станичная и сторожевая служба.— Шляхта в Западной России.— Козаки.— Финансы.— Областное управление.— Города.— Села.— Холопи.— Инородцы.— Промышленность.— Торговля.— Физические бедствия.— Города в Западной России, крестьяне, промышленность, торговля.— Церковь в Восточной и Западной России.— Новый судебник в Восточной России.— Новый статут в Западной.— Народное право.— Нравы и обычаи в Восточной и Западной России.— Литература.— Книгопечатание

Если, по словам Герберштейна, еще великий князь Василий Иоаннович кончил то, что начато было отцом его, и властию своею над подданными превосходил всех монархов в целом свете, то сын Василиев вследствие изложенных выше обстоятельств сознал вполне свое значение, сознал свое отличие от тех государей, которые выбраны многомятежною волею народною или к которым земля приписывается. Это сознание Иоанна высказалось прежде всего в принятии титула царя и самодержца, во введении его в постоянное употребление как внутри, так и вне, в старании оправдать это принятие, утвердить его на исторических основах средствами, какие употреблялись в то время. Для придания титулу большей торжественности Иоанн в начале его стал употреблять так называемое богословие: «Троице пресущественная и пребожественная и преблагая праве верующим в тя истинным хрестьяном, дателю премудрости, преневедомый и пресветлий крайний верх! Направи нас на истину твою и настави нас на повеления твоя, да возглаголем о людех твоих по воле твоей. Сего убо бога нашего, в троице славимого, милостию и хотением удрьжахом скипетр Российского царствия мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич, всея Русии самодержец, владимерский, московский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, государь псковский и великий князь смоленский, тверский, югорский, пермьский, вятцкий, болгарский и иных, государь и великий князь Новгорода, Низовские земли, черниго-

ский, резанский, полотцкий, ростовский, ярославский, белоозерский, удорский, обдорский, кондинский, и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель, и государь отчинный земли Лифлянские и иных многих земель государь». Иоанну нравились пышные выражения грамот, которые присылались ему восточными владетелями, и некоторые из этих выражений мы встречаем в его грамотах [1].

Что касается до обычаев нового царского двора, то обряды царской свадьбы при Иоанне ничем не отличаются от обряда, который мы видели при свадьбе отца Иоаннова; замечательно, что на третьей и на последней свадьбе царя на большом месте, или вместо отца (посаженым отцом), был у Иоанна меньшой сын, царевич Феодор, а не старший, Иоанн, который был тысяцким; по всем вероятностям, причина заключалась в семейных отношениях царевича Иоанна: во время третьей свадьбы отцовой он был сам женихом, в последнюю свадьбу уже не был мужем первой жены, а мы видели, что при обручении великой княжны Елены старший посол литовский не мог занимать место жениха, потому что был женат на другой жене [2]. В 1573 году была в Новгороде свадьба нареченного лифляндского короля Магнуса, который женился на племяннице царской, дочери князя Владимира Андреевича, Марии; жених был протестант, и потому при описании этой свадьбы читаем: «Венчаться королю на Пробойной улице, на Славнове, у Дмитрия святого, а с королем ехать римскому попу; а княжну обручать и венчать дмитровскому попу; приехав к венчанью, княжне идти в церковь, а королю стать на паперти, и венчать короля по его закону, а княжну по христианскому закону».

Совершеннолетие сына и наследника Иоанна в случае своей смерти царь назначил в двадцать лет [3]. Восприемниками при крещении младенцев царского дома по-прежнему были духовные лица: так, восприемником царевича Иоанна был митрополит Макарий; крещение происходило в Чудове монастыре у мощей св. Алексия; крещение царевны Анны происходило в Новодевичьем монастыре: и как родилась царевна, Иоанн приехал в Новодевичий монастырь и обложил храм св. Иоакима и Анны, тут слушал всенощную и заутреню, утром церковь освящал и дочь свою крестил; восприемниками были два старца: Адриан из Андросовой пустыни и Геннадий из Сарайской; о крестных матерях не говорится. Когда у князя Владимира Андреевича родилась дочь, то на его радости на другой день были у него царь, царевич Иван, царь Александр казанский и многие бояре и кушали овощи. По случаю рождения царевича Иоанна прощены были судные пошлины; царь писал дьякам: «Как сын наш, царевич Иван, народился, и которые дела засужены и кончены до его нарожденья, а пошлины еще не взяты, с тех дел пошлин не брать».

В описании приема польских послов во время малолетства Иоанна IV читаем: стояли у великого князя для береженья: на правой стороне — боярин князь Василий Васильевич Шуйский, а на левой — боярин и конюший князь Иван Федорович Оболенский-Овчина, да у князя Василья стоял Иван Иванович Андреевича Челяднин, ходил у великого князя *в дяди место* [4]. Для сироты, лишившегося отца, место последнего естественно занимал дядя, наблюдавший за его воспитанием и поведением, особенно в тех случаях, где мать, как женщина, не могла присутствовать. Отсюда и теперь употребительное у нас слово *дядька* — в смысле человека, приставленного смотреть за ребенком. Поездки царские имели троякую цель: осмотр мест (объезд); так, в 1566 году ездил Иоанн *в объезд* в Козельск, Белев, Болхов и другие украинские места, боярам же, дворянам и детям боярским приказал с собою ехать со всем служебным порядком [5]; вторая цель поездок было *богомолье*; третья — *забава*, или, как тогда выражались, *прохлада*. После стола царского бывали *пиры*; в чем они состояли, видно из того, что они бывали после стола [6]. Траур по особам царского дома кроме печальной одежды состоял еще в отращивании волос, что называлось *быть в волосах*.

В описи домашнего имущества царя Иоанна находим перечисление образов разных *нарядов*; число этих нарядов простирается до 55, потом перечисляются государевы комнатные образа, кресты и иконы, которые государь носит на себе. Из платья перечисляются: кушаки, ферязи, терлики, армяки, кафтаны, кафтанцы, шапки, чуги, опояски, наурузы, опашни, однорядки, тегиляи, епанчи, тафьи, шубы, колпаки, зипуны; упоминаются чулки сафьянные, шитые золотом, серебром, шелками, башмаки, чоботы, цепи, ожерелья; перечисляются сосуды золотые и серебряные разных названий: кувшины, бочки, ендовы, достаканы, мушермы, рукомойники, братины, чарки, ковши, мисы, ложки, кубки, корцы, корчики, лохани, рога буйволовые, стопы; ножи булатные, клепики муромские; упоминаются часы медные, золоченные книжкою, и только [7].

Мы видели, как Иоанн при учреждении опричнины определил свои отношения к Думе боярской; видели, каким образом созван был собор по поводу войны литовской. Название князей по-прежнему встречаем еще выше названия бояр [8]. В духовной Иоанна говорится еще о князьях служилых в Московской и Тверской земле. Но на собор 1566 года явились: бояре, окольничие, казначеи, печатник, чиновник, присутствующий у бояр в суде, думные дьяки, дворяне первой статьи, дворяне и дети боярские другой статьи. Здесь как не видим князей в отдельности и выше бояр, окольничих и дворян, так не видим и детей боярских в отдельности и выше дворян; ясный знак, что вследствие возвышения значения великого князя, теперь царя, возвышается зна-

чение службы к нему близкой, службы при дворе его, и перед этим значением никнет значение происхождения, значение князя и сына боярского; последнее название меняется своим местом с названием дворянина и означает уже низший разряд служилых людей [9]. Но любопытно, что если сверху старались возвысить значение дворовой службы над значением происхождения, то внизу удерживались еще прежние понятия, вследствие чего видим в актах сопоставление старых и новых понятий, что при тогдашней неопределенности легко допускалось. Так, в начале приведенного соборного акта 1566 года встречаем только названия бояр, окольничих, казначеев, печатника, чиновника при боярском суде, думных дьяков, дворян первой и второй статьи; но в конце акта, пред прикладыванием рук, читаем: «Мы, государя своего царя и великого князя бояре и окольничие, и приказные люди, и дьяки на сей грамоте государю своему крест целовали и руки свои приложили. А мы, *княжата и дети боярские и дворяне*, на сей грамоте, на своих речах, государю своему крест целовали». Если по означенным причинам возвысилось значение дворянина, то еще более по тем же причинам возвысилось значение *слуги*, ибо это название с описываемого времени является самым почетным: в 1554 году его носил князь Михаил Иванович Воротынский [10].

Значение окольничего все более и более уясняется. В чине царского венчания говорится: «За великим князем идут его братья и дети, за ними — бояре и прочие вельможи и княжата, и дети боярские, и все благородные юноши; и никто же тогда дерзнет преходить царского пути, но все со страхом предстоят каждый на своем месте: потому что по обеим странам великого князя идут тогда окольничие и прочие чиновники со всяким вниманием и украшением, каждый по своему чину... Поют молебен. Тогда же великого князя окольничие и прочие чиновники ходят по всей церкви и устанавливают народ, чтоб стоял со всяким молчанием и кротостию и целомудрым вниманием» [11]. Мы видели [12], что еще в правление Елены, кроме бояр, окольничих и дворецких, жили (присутствовали) в Думе и некоторые дети боярские. В самостоятельное правление Иоанна видим дворян, которые называются *большими* и вместе с боярами присутствуют при важных делах, когда другие дворяне быть не могут; так, при описании приема литовского посланника Быковского читаем: «Царь велел дворянам из шатра повыступить, а оставил у себя бояр и дьяков *избных* и дворян больших, которым быть пригоже, и велел литовскому посланнику речь говорить» [13]. Потом встречаются дворяне, которые «живут у государя с боярами» [14]; далее встречаем названия: «бояре ближней Думы» и «дворяне ближней Думы» [15]; наконец является и название *думных* дворян; при описании приема литовских послов, приезжавших от Батория для подтверждения

Запольского перемирия, читаем: «От государя сидели бояре в большой лавке и окольничие, и дворяне думные, и казначеи, и дворяне сверстные; а на окольничем месте сидел окольничий Степан Васильевич Годунов и дворяне большие, и князья Черкасские и Тюменские» [16]. Мы видели также дворян первой и второй статьи при описании собора 1566 года. Встречаем названия: боярин и дворецкий, боярин и оружничий, кравчий, путный ключник, печатник, дьяк дворцовый, дьяк избный, дьяк введенный. Как возвысилось значение дьяка, можно видеть из того, что один из них, известный Ржевский, называется наместником черниговским [17]. Встречаем название *именитых людей*: так, при описании новгородского разгрома летописец говорит: «Иные дети боярские в городе гостей и приказных людей государевых, *именитых* и торговых людей перехватали». Встречаем название *именной* человек вместо знатный [18].

Что касается до порядка мест, занимаемых боярами в Думе, то о нем прежде всего можно получить сведения из сношений литовских панов разных с боярами; но этими сведениями нужно пользоваться, однако, с большою осторожностию, ибо паны при отправлении своих послов и грамот сообразовались иногда не с порядком мест, но с особенным значением, особенною приближенностию бояр к государю. В 1552 году литовские паны присылали посла к князю Ивану Михайловичу Шуйскому и боярину и дворецкому Даниле Романовичу Юрьеву, в 1555 — к князю Ивану Михайловичу Шуйскому. В переписке о мире гетмана Ходкевича с московским воеводою в Ливонии, Иваном Петровичем Федоровичем (Челядниным), наивысшею радою московскою называются: боярин и воевода наивысший, наместник владимирский, князь Иван Дмитриевич Бельский; боярин и наместник Великого Новгорода, князь Иван Федорович Мстиславский; боярин и наместник казанский, князь Василий Михайлович Глинский; боярин и наместник тверской, Данило Романович Юрьевича-Захарьина [19]. Между боярами, участвовавшими в соборном совещании 1566 года, не встречаем уже имен князя Василия Глинского и Данилы Романовича: здесь за Бельским и Мстиславским следует Иван Петрович Яковля (Челяднин), потом князь Иван Иванович Пронский, Иван Большой и Иван Меньшой Васильевичи Шереметевы, князь Василий Семенович Серебряного, Никита Романович Юрьев, князь Михайла Иванович Воротынский, Иван Михайлович Воронцов, Михайла Яковлевич Морозов, Василий Михайлович Юрьев, Иван Яковлевич Чоботов, Василий Дмитриевич Данилов, Василий Юрьевич Малый, Семен Васильевич Яковля. Здесь видим представителей старинных московских боярских родов: двоих членов рода Акинфова — Ивана Петровича Челяднина и Ивана Яковлевича Чоботова; четырех членов рода Кошкиных — Никиту Романовича и Василья Михай-

ловича Юрьевых, Ивана Большого и Ивана Меньшого Шереметевых (происходивших от Федора Кошки чрез Константина Александровича Беззубцева); одного Воронцова; одного Морозова; Даниловы вели свой род от князей смоленских, служивших у немцев и потом выехавших к Ивану Калите; что же касается до боярина Малого, то это — потомок известных Траханиотовых, выезжих греков.

Шуйских не встречаем в это время между боярами: князь Иван Михайлович умер, князь Петр Иванович погиб в битве с литовцами в 1564 году; а другие члены этой фамилии были еще молоды, и потому встречаем их между дворянами первой статьи, именно князей Ивана Андреевича, знаменитого впоследствии Ивана Петровича и Василия Федоровича. Между этими дворянами первой статьи 61 член некняжеских фамилий и 33 княжеских; из дворян второй статьи 89 членов некняжеских фамилий и только 11 княжеских. Предка знаменитых впоследствии князей Стародубских-Пожарских, князя Ивана Васильевича, встречаем в описываемое время, именно в 1547 году, наместником переяславским.

Из знатных фамилий особенным расположением царя пользовались три: князья Мстиславские, князья Глинские и Романовы-Захарьины-Юрьевы — все три находившиеся в родстве с царским домом; в духовной Иоанна насчет их читаем: «Чем отец наш князь великий Василий пожаловал князя Федора Мстиславского, и что я придал сыну его, князю Ивану, и сын мой Иван в ту его вотчину и у его детей не вступается. А что я пожаловал князя Михаила князя Васильева сына Львовича Глинского вотчиною, и сын мой Иван у него и у его детей не вступается ничем. А что я пожаловал Романову жену Юрьевича и ее сына Никиту волостями и селами, и сын мой Иван в ту вотчину у них и у детей их не вступается». Князья Мстиславские и Глинские были приезжие из Литвы недавно и в средствах содержания зависели от милостей государя; иного рода распоряжения видим относительно русских князей Рюриковичей, которые, и поступивши в служилые князья, сохраняли еще богатые отчины. У князя Воротынского взята была его старая вотчина, город Одоев с двумя другими городами, и взамен дана вотчина на севере, город Стародуб Ряполовский, муромская волость Мошок, нижегородское село Княгинино и на Волге Фокино селище. В духовной же Иоанна находим указания на отнятие отчин у потомков Стародубских князей — князей Гундоровых, Пожарских, Тулуповых, Ромодановских, Ковровых, Кривозерских, Нагаевых, Стародубских (собственно), Палецких; далее в духовной читаем: «Которые вотчины я взял у князей ярославских, те вотчины сыну моему Феодору». Для скорейшего перехода княжеских вотчин в казну в дополнительных указах к Судебнику сделаны следующие распоряжения: «Кото-

рые вотчины за князьями ярославскими, стародубскими, ростовскими, суздальскими, тверскими, оболенскими, белозерскими, воротынскими, мосальскими, трубецкими, одоевскими и за другими служилыми князьями вотчины старинные: тем князьям вотчин своих не продавать, не менять, за дочерьми и сестрами в приданое не давать; а которого князя бездетна не станет, и те вотчины брать на государя. А который князь напишет в своей духовной грамоте вотчину своей дочери или родной сестре и душу свою напишет с той вотчины строить (поминать), тех вотчин дочерям и сестрам в приданое не давать, давать приданое и душу поминать из животов (движимого имения); а у которого князя не будет столько животов, чтоб можно было за дочерью или сестрою в приданое дать и душу поминать, то государь, рассудя по вотчине, велит дать из своей казны, а вотчины велит государь взять на себя. А который князь вотчину свою напишет брату родному, или двоюродному, или племяннику, родного брата сыну, или какому-нибудь ближнему роду (родственнику), кроме тех степеней, в которых можно между собою жениться: и государь, того посмотря, по вотчине, и по духовной, и по службе, кому какую вотчину напишет, велит указ учинить. А которого князя не стало бездетна и останется у него жена, и откажет ей муж в духовной что-нибудь из вотчины, то жить ей на этой вотчине до смерти; а как ее не станет, то вотчина на царя, а душу ее велит государь из своей казны устроить. А который князь напишет жене в духовной всю свою вотчину, а вотчина будет велика, то государь о той вотчине указ учинит». Вследствие этого распоряжения встречаем грамоты с любопытными выражениями, например: «Я, царь и великий князь, пожаловал князя Бориса Дмитриевича Палецкого, отца его и братьев вотчиною, по брата его, князя Андрея, духовной грамоте. Жить князю Борису в тех селах и владеть ему ими до смерти, а умрет или пострижется, то по нем дать за те села в монастыри, по нашему уложенью, деньги, а те села взять на меня, царя и великого князя». До нас дошла любопытная докладная грамота государю о покупке боярином Шереметевым вотчины: в грамоте покупатель говорит, что он покупает «по жалованной царской грамоте» [20].

Мы видели, как изменение отношений членов дружины к великому князю московскому отразилось на именах служилых людей в отписках их к государю: при Иоанне III знатные люди подписываются обыкновенными именами: Иван и Василий; менее знатные употребляют уменьшительные: Иванец, Васюк; при Василии встречаем форму уменьшительную, уничижительную для людей незначительных, например Илейка; при Иоанне IV и люди знатные начинают употреблять эту последнюю форму: например, князь Александр Стригин подписывается: «холоп твой Олешка Стригин»; потом встречаем: «Федко Умный-Колычев» и т. д., а

самые знатные, как, например, боярин Челяднин, употребляют форму на ец или юк [21].

Но, преклоняясь все более и более пред значением единого властителя и самодержца, члены дружины, теперь принявшие название людей служилых, ревниво берегли родовую честь при служебных столкновениях друг с другом: число местнических случаев увеличивается все более и более. Это умножение местнических случаев мы не можем приписать только тому, что от описываемого времени дошло до нас большое количество более полных известий о них; мы имеем полное право принять, что были причины, действительно увеличивавшие местнические случаи в описываемое время. Во время усиления Московского княжества за счет других княжеств Северо-Восточной России дружина князей московских наполнялась пришельцами, которые получали место по назначению великого князя, их принимавшего; если это место не казалось им достаточно почетным, то они отъезжали в другие княжества; если оставались, то начинали новую службу, независимую от прежних преданий; притом число их было не велико; число походов, в которых бы сталкивались многие из них, было также не велико; служебные отношения предков были так недавни, так на памяти всех, что трудно было им при самом назначении подавать повод к столкновениям, а если и случались они, то решались легко. Начали приезжать князья, заняли первые места, но какие могли быть местнические столкновения между ними? Их служба была слишком нова. Но чем старее становилась служба княжеских и служилых родов, чем большее число поколений прошло в этой службе, чем многочисленнее становился двор государей московских и чем обширнее делались военные предприятия и блистательнее придворные торжества, тем чаще должны были встречаться местнические случаи, тем запутаннее должны были они становиться. Понятно, что по мере увеличения местнических случаев, столь вредного для службы, правительство должно было предпринимать меры для их ограничения, должно было стараться уменьшать в службе число столкновений, объявляя, что такие-то места не находятся ни в каком отношении друг к другу, ни в равном, ни в подчиненном; с другой стороны, должно было стараться определить и некоторые родовые отношения: вот почему с большою осторожностию надобно объяснять древние княжеские родовые отношения позднейшими определениями старшинства родовых ступеней, встречаемыми в местнических случаях и составившимися явно уже по воле правительства, по его уложению.

В 1550 году царь Иоанн приговорил с митрополитом, с родным братом, князем Юрием Васильевичем, двоюродным Владимиром Андреевичем и с боярами и в наряд служебный велел написать, где быть на его службе боярам и воеводам по полкам.

В большом полку быть большому воеводе; этот первый воевода большого полка считается выше первых воевод передового полка, правой и левой руки и сторожевого полка; а кто будет второй воевода в большом полку, до него правой руки большому воеводе дела и счету нет, быть им без мест. Первые воеводы передового и сторожевого полка не меньше воевод правой руки; левой руки воеводы не меньше воевод передового полка; левой руки воеводы меньше первого воеводы правой руки, а второй воевода левой руки меньше второго же воеводы правой руки. Князьям и дворянам большим и детям боярским на царской службе с боярами и воеводами или с легкими воеводами для царского дела быть без мест; и в наряд служебный царь велел записать, что если боярским детям и дворянам большим случится на царской службе быть с воеводами не по их отечеству, то отечеству их тут порухи никакой нет. «А которые дворяне большие ныне будут с меньшими воеводами где-нибудь на царской службе не по своему отечеству, а вперед из них кому-нибудь случится самим быть в воеводах с теми ж воеводами вместе или случится где быть на посылке, то с теми воеводами, с которыми они бывали, тогда счет им дать и быть им тогда в воеводах по своему отечеству; а прежде того, хотя и бывали с которыми воеводами меньшими на службе, и тем дворянам с теми воеводами в счете в своем отечестве порухи нет, по государеву приговору»[22]. Таким образом, во-первых, ограничено число случаев, в которых воеводы разных полков могли местничаться; во-вторых, уничтожено право молодых служилых людей знатного происхождения местничаться с воеводами менее знатного происхождения; право местничаться они получали только тогда, когда сами становились воеводами, и тут прежняя их подчиненная служба не имела никакого влияния.

Опричнина не исключала местничества, хотя иногда нарушала известные отношения, ибо после встречаем выражения: «То делалось в опричнине: хотя такой разряд и был, но то была государева воля в опричнине». Воеводы местничались не только при назначении в полки, но и в города, ибо один город был честнее других; так, в разряде 1570 года читаем: «А которым воеводам в котором городе быть не вместно, и тем воеводам быть для государева дела без мест», то есть настоящий случай не будет иметь влияния на последующие столкновения. Из местнических случаев Иоаннова времени уже открывается ясно, как родовые отношения, счеты по родовой лествице определяли равенство или неравенство лиц по службе; так, в грамоте князю Федору Троекурову 1573 года читаем: «Дядя твой князь Иван равен князю Константину Курлятеву, а ты потому равен третьему сыну князя Константина Курлятева». Но мы уже заметили, что для избежания различных взглядов, различных толкований при родовых счетах, взглядов и толкований, вынесенных из разных

мест, разных княжеств древней Руси, московское правительство должно было приводить их к единству своим приговором, своим уложением; так, в грамоте по делу Шереметева с князьями Курлятевым и Хованским царь пишет: «По нашему счету, князь Александр Кашин князю Константину Курлятеву седмой дядя; *а по нашему уложенью*, первого брата сын четвертому дяде в версту». Доказывать, основываясь на родовом единстве, что старший или равный в роде одного соперника был в известном служебном случае ниже равных или младших в роде другого соперника, называлось утягиванием. Легко понять, как страшно было это утягивание, легко понять, как смотрели в роде на человека, которым можно было утягивать, как, следовательно, важно было для каждого служилого человека не признать своего меньшинства пред членом другого рода, ибо это признание, принятие низшего места, повлечет за собою понижение всех равных и младших в его собственном роде перед членами известного другого рода. Если было сыскиваемо, что двое служилых людей, назначенные на одну службу, один в больших, а другой в меньших, были равны друг другу по родовым отношениям, по лествице и по службе, по разряду, то их *разводили* или *отставляли*, и эта отставка или развод служили и на будущее время доказательством их равенства, невозможности быть вместе. Пример вредных следствий местничества и мер, какие правительство должно было принимать при непослушании воевод, представляют известия разрядных книг под 1579 годом во время Ливонского похода: воеводы писали, что им быть не вместно; из Москвы им дан был ответ, чтоб были по росписи; но воеводы опять *замешались* и к Кеси не пошли; тогда царь, кручинясь, прислал к ним из Москвы посольского дьяка Андрея Щелкалова, а из слободы (Александровской) — дворянина Данила Салтыкова и велел им идти к Кеси и промышлять своим делом мимо воевод, а воеводам с ними.

Местничались воеводы по полкам, по городам; местничались головы у наряда (пушек); местничались царедворцы в придворных церемониях: в 1577 году государь велел стоять у своего стола с кравчим Борисом Годуновым князю Ивану Сицкому, и князь Иван сказал, что ему это не вместно, и бил челом на большого брата Борисова, а Борис Годунов бил челом на отца Иванова. Такие случаи бывали нередко: челобитчик, считая того, с кем местничался, бесспорно ниже себя многими местами, бил челом прямо на высшего родича своего противника, которого полагал последним к себе, т. е. только одним местом ниже себя. Иногда, наоборот, ответчик, считая унизительным для себя бить челом самому и уверенный в своей высоте пред противником, посылал вместо себя бить челом или отвечать младшего родича. Средством к прекращению местнических споров, кроме развода или отставки, было объявление службы без мест, или не вместною, т. е. не име-

ющею влияния на будущие случаи. Наказаниями за несправедливые челобитья были: выдача головою (выговор, присланный с царским гонцом, причем последний брал прогоны с виноватого), битье батогами пред Разрядною избою, заключение в тюрьму на известный срок, доправление бесчестья деньгами [23].

В летописи находим следующее известие о распоряжениях Иоанна относительно службы воинской: приговорил царь и великий князь с братьями и боярами о кормлениях и о службе всем людям, как им впредь служить. По сие время бояре, князья и дети боярские сидели по кормлениям по городам и по волостям для расправы людям и всякого устроения землям, себе же для покоя и прокормления; на которых городах и волостях были наместники и волостели, тем городам и волостям они расправу и устрой делали и от всякого лиха обращали их на благое, а сами были довольны своими оброками и пошлинами указными, что им государь уложил. И вошло в слух благочестивому государю царю, что многие города и волости пусты учинили наместники и волостели, презрев страх божий и государские уставы, и много злокозненных дел учинили, не были пастыри и учители, но сделались гонителями, разорителями. Также этих городов и волостей мужики много коварства соделали и убийства их людям; и как съедут наместники и волостели с кормлений, и мужики многими исками отыскивают и много в том кровопролития и осквернения душам сделалось, и многие наместники и волостели и старого своего имения лишились. И повелел государь в городах и волостях определить старост, сотских, пятидесятских и десятских и страшным грозным запрещением заповедь положить, чтоб им судить разбой, воровство и всякие дела, отнюдь бы никакая вражда не именовалась, также ни мзда, ни лживое послушество, а кого между собою найдут лихого, таких велел казням предавать; на города и волости велел положить оброки, по их промыслам и землям, и те оброки сбирать к царским казнам своим дьякам; бояр же, вельмож и всех воинов устроил кормлением и праведными уроками, кто чего стоит, а городовых в четвертый год, иных же в третий год денежным жалованьем. Потом государь рассмотрел, что некоторые вельможи и всякие воины многими землями завладели, а службою оскудели, не против государева жалованья и вотчин служба их: и государь сделал им уравнение землемерием; дано каждому, чего достоит, а лишнее разделено неимущим. С вотчин и поместий установлено служить службу: со ста четвертей доброй и угожей земли человек на коне и в доспехе полном, а в дальний поход при двух конях. Кто послужит по земле, тех государь жалует своим жалованьем, кормлением, и на уложенных людей дает денежное жалованье; а кто землю держит, но службы с нее не служит, на тех на самих брать деньги за людей; а кто дает на службу людей лишних перед землею, тем

от государя большое жалованье самим, а людям перед уложенными в полтретья давать деньгами. Все государь устроил, как бы служба государская была безо лжи и без греха, и подлинные тому разряды у государских чиноначальников, у приказных людей [24].

В 1550 году государь приговорил с боярами: раздать поместья в Московском уезде да в половине Дмитрова, в Рузе, Звенигороде, в Числяках, Ордынцах, в перевесных деревнях и Тетеревичах, и в оброчных деревнях, от Москвы верст за 60 и за 70, детям боярским, лучшим слугам, 1000 человек; а которым боярам и окольничим быть готовыми на посылки, а поместий и вотчин в Московском уезде у них нет, таким боярам и окольничим дать поместья в Московском уезде по 200 четвертей; детям боярским в первой статье дать поместья по 200 же четвертей, другой статьи детям боярским дать по 150 четвертей, третьей статьи — по 100 четвертей; сена давать им по стольку ж копен, на сколько кому дано четвертной пашни, кроме крестьянского сена, а крестьянам давать сена на выть по 30 копен. Который из той тысячи вымрет, а сын его к службе не пригодится, то на его место прибрать другого. А за которыми боярами и детьми боярскими вотчины в Московском уезде или в другом городе близко от Москвы, верст за 50 или за 60, тем поместья не давать. Между лицами, назначенными к наделению, упоминаются: псковские помещики городовые, псковские помещики дворовые, торопецкие помещики дворовые, лучане дворяне, луцкие помещики городовые.

Служивые люди отставлялись от службы за старостью и болезнями; на их место назначались на службу их сыновья, внуки; если эти сыновья или внуки были еще малолетны, то давалась им отсрочка на известное число лет (как поспеет). Раненые освобождались от службы до излечения. Освобожденным от службы давалась *отставленная* грамота. Когда у служилого человека *поспевали* сыновья на службу, т. е. когда достигали пятнадцати лет, то они или *припускались* к отцу в поместье, или жаловались поместьем в отвод от отца. Когда служилый человек вследствие умножения семейства бил челом, что ему с прежнего поместья служить нельзя, то показания челобитной, по царскому указу, поверялись явчим списком, *писцовыми отдельными и приправочными* книгами и всякими посыльными грамотами; название отдельных книг объясняется словами царского указа о прибавке помещику Сабурову двух обж к прежнему поместью: «Как Никитке к старому его поместью к десяти обжам две обжы отделят, и вы бы те две обжы и старое его поместье велели за ним написать в *отдельные* книги». Указы о прибавке или разделе поместья обыкновенно оканчивались словами, что распоряжение это должно иметь силу до *поместного верстанья*. По смерти служилого человека поместье его или разделялось всем сыновьям поровну, или некоторым из них давалось новое поместье; вдове и дочерям

выделялась также часть поместья на прожиток; как скоро дочери или выходили замуж, или достигали пятнадцатилетнего возраста, или умирали, то их участки отписывались на государя и по распоряжению последнего могли отдаваться братьям; вдовы пользовались своим участком до смерти, пострижения или выхода замуж. Помещики могли полюбовно меняться своими участками под условием, чтоб эта мена была ровна, чтоб обжи пашня пашне землею и всякими угодьями и доходом были ровны и не пусты, а государевой службе и податям при этой мене убытка не было бы. В Новгородской области сохранялось еще различие между *земцами* и выводными из низовых областей служилыми людьми: так, двое служилых людей били челом, что дьяки государевы сначала отделили было им в придачу из *земецких* поместий девять обж, но потом эти земецкие поместья у них были взяты и отданы назад *земцам*. Если помещик бил челом, что его поместье запустело и служить ему не с чего, то обыскивалось окольными жителями, на все стороны версты по три, четыре, пяти, шести и больше, игуменами, попами и диаконами по священству, а детьми боярскими и крестьянами по крестному целованию, от чего поместье запустело? От голоду, лихого поветрия, тягла или от самого помещика, или от иных от кого? И если в обыску скажут, что поместье запустело от помещика, от его небреженья, то челобитчик оставался при старом поместье; если скажут, что поместье запустело не от помещика, то оно отбиралось на царя, отдавалось в оброк или на льготу на известное число лет, а челобитчику давалось другое поместье; иногда же помещик просил не о перемене поместья, но о льготе от податей, вследствие того что крестьяне вымерли от мора, а остальные разошлись от *межениы* (голода). В 1548 году путный ключник Дуров просил льготы не только для поместья, но и для вотчин своих, потому что одно сельцо сгорело, а другие деревни запустели от царских податей, от проезжих и ратных людей. Царь дал льготы на 4 года, в которые люди и крестьяне вотчин и поместья Дурова не платили дани, ямских и туковых денег, не давали посошных, не строили города, не давали наместнику, волостелю и тиуну корма, праветчикова и доводчикова побора, ни подымного, коня царского не кормили, сена не косили, прудов не прудили, к городу камня, извести и колья не возили, на яму с подводами не стояли, ямского двора не делали. При даче поместий наблюдалось, чтоб обжи выделялись сряду, а не в розни и не через землю. Поместья отписывались за неявку на службу; не явившиеся назывались *нетями*, *нетчиками*; списки, куда записывались их имена, назывались *нетными* списками. Опала с нетчиков складывалась, им опять давались поместья, старые или новые, по случаю разных торжеств, церковных и царских, например по случаю принесения чудотворного образа, по случаю рождения царевича. Сбор детей

боярских на службу производился таким образом: назначенные из Москвы чиновники ехали в известную область, здесь у дьяков брали губных старост, городовых прикащиков и рассыльщиков, сколько пригоже, и отправлялись за своим делом, имея в руках список всем детям боярским; которых из них встречали на дороге, тех отдавали на крепкие поруки с записями; собравши детей боярских по списку, всех сполна, за поруками, ехали с ними на государеву службу; остальных детей боярских укрывающихся, сыскивая, били кнутом и высылали на службу. А которые продолжали скрываться, у тех забирали детей и людей, да, где про них скажут, туда посылали и, сыскав, били кнутом, давали на поруку, а за поруками высылали на государеву службу. А идучи дорогою, берегли накрепко, чтоб дети боярские на дороге не отставали и насильства грабежу дорогою никому не делали, кормов людских и конских силою не отнимали. Кроме поместий, служилым людям давались осадные дворы белые в городах, на которые семейства их перебирались в случае опасности от неприятеля.

Кроме дворян и детей боярских, в описываемое время видим стрельцов; они находятся под ведением голов своих и называются: *приборы такого-то головы.* Под головами находились пятидесятники и десятники; точно так же и городовые козаки различались по прибору или сбору голов своих и вместе со стрельцами находились в ведении Стрелецкого приказа. Из служителей при наряде артиллерии упоминаются пушкари, находившиеся также в ведении голов своих; в 1555 г. царь писал к новгородским дьякам: «Как к вам пушкари приедут, то вы немедленно велите новгородским кузнецам сделать 600 ядер железных по кружалам, какие посланы с пушкарями, и велите кузнецам ядра делать круглые и гладкие и как им укажут пушкари. Дайте пушкарям десять холстов, триста листов бумаги доброй, большой, толстой, двадцать два пятка льну мягкого малого, восемь ужищ льняных, по двадцати сажен ужище, восемь коробок на ядра и на мешки, осьмеро возжей лычных, двадцать гривенок и свинцу, восемь овчин. За пушкарями смотреть накрепко, чтоб они у кузнецов посулов и поминок не брали». Когда наряд отправлялся в поход, при нем были плотники и кузнецы с плотничьею и с кузнечною снастью. В городах у наряду, пушек и пищалей находились пищальники неотступно, день и ночь, городовые воротники, сторожа, кузнецы, плотники; со всех с них бралась присяга и давались они на поруки, что им из города никуда не отъезжать. Знаем, что пушкарей и пищальников *прибирали в случае* надобности в городах, иногда даже из старых и отставных. Наконец, в составе русского войска упоминаются иноземные отряды — литовские.

Относительно продовольствия войска видим, что посылались хлебные запасы в занятые ливонские города; доставлять эти

запасы было обязанностию посошных людей. Иногда хлебные запасы доставлялись в города по подряду; так, в 1582 году какой-то Терeха Ситников нанялся доставить из Нижнего в Астрахань хлебный запас 2500 четвертей муки и толокна. Подрядчику (запасчику) дана была грамота, по которой его пропускали везде беспошлинно и без задержек; если кто-нибудь на запасчика или на его людей попросит пристава, или козаки его, не желая идти у него на судах, станут на нем или на его людях чего искать или чем его клепать, то бояре, воеводы и дьяки не должны давать на него и на его людей пристава и суда; а кому будет до него или до его людей какое дело, то их судят в Москве бояре; также бояре, воеводы и дьяки не могли брать козаков Терехиных в стрельцы и козаки. Видим, что служилым татарам и козакам давалось на конский корм по две деньги на лошадь в день. При выступлении в поход татарского царевича Кайбулы к шведским границам велено было готовить по всей дороге людские и конские кормы: на всяком стану давали на 80 человек яловицу, полосмины круп, полбезмена соли, или на 10 человек по барану, круп и соли на деньгу; кожи с яловиц и овчины с баранов отдавались назад тем людям, у которых они взяты; конского корма на 10 лошадей давали по четвертке овса да по острамку сена. «Должно это припасти, сказано в указе, чтоб ратным людям без корму не быть, а крестьянству по дороге насилий и грабежа кормового не было». Царь не прощал воеводам, которые позволяли своим ратным людям буйствовать в Русской земле; так, при описании похода царя Шиг-Алея и князя Михайлы Глинского на литовцев читаем: «Тот князь Михайла с людьми своими, едучи дорогою, сильно грабил своих, и на рубеже люди его деревни Псковской земли грабили, скот секли; дворы жгли христианские; царь на него за это прогневался и велел обыскать, кого грабили дорогою, и на нем *иным* доправили те грабежи». Городовые козаки и стрельцы получали жалованья в год по полтине денег, кроме хлебного; пищальники, воротники, сторожа, кузнецы и плотники получали по рублю в год денег, по два пуда соли, по двенадцати коробей ржи и по стольку же овса. Городовые козаки получали и земли: так, в 1571 году бояре приговорили относительно путивльских и рыльских козаков, что если они захотят, то набрать 1000 человек козаков конных или сколько пригоже, посмотря по землям, сколько где будет земель. Служить им посылки польские (степные) и сторожи с земли без денег, и если который послужит, тогда государь велит его пожаловать.

Ратные люди собирались с городов и сел таким образом: в 1545 году, например, государь велел нарядить с Новгорода и пригородов, с белых не тяглых дворов с трех дворов по человеку, да с тяглых с пяти дворов по человеку, всего нарядить 1973 человека на конях. Да с новгородских же посадов и с пригородов,

с посадов, с рядов, погостов парядить 2000 человек пищальников, половина на копях, а другая половина пеших. Пешие пищальники были бы в судах, а суда им готовить на свой счет; у конных людей также должны быть суда, в чем им корм и запас свой в Нижний Новгород провезти; у всех этих пищальников, у конных и пеших, должно быть по ручной пищали, а на пищаль по 12 гривенок безменных зелья, да по столько же свинцу на ядра; на всех людях должны быть однорядки или сермяги крашеные. В следующем же месяце прислана была в Новгород грамота, по которой уже требовалось собрать с белых дворов и с гостиных по человеку с двора, с суконничьих — по человеку с двух дворов, с черных — по-прежнему, с пяти дворов по человеку, да с 20 дворов по пуду зелья, со всех без исключения; но через месяц велено было с достаточных людей, живущих на черных дворах, взять с двора по человеку, кроме прежнего побора — по человеку с пяти дворов; освобождены были от побора дворы архиепископских детей боярских, софийских священников, всех служилых людей архиепископских; с ружных священников велено было взять с 6 священников по человеку, да по две гривенки зелья, а не с ружных с 10 священников — человека, да по две гривенки зелья; дьяконы же, дьяки, пономари и просвирни помогают своим священникам по церковному доходу. Которые люди при этом объявили, что им зелья добыть нельзя, к тем посылались мастера ямчужные (селитряные) и пищальники указывать им, как варить зелье. Под 1535 годом псковский летописец говорит, что горожане его нарядили 500 пищальников, 3000 лошадей в телегах и человека на коне, 3000 четвертей овсяной засыпи на толокно, 3000 полтей свинины, 3000 четвертей солоду, 360 четвертей гороху, столько же семени конопляного; на Москву послали 400 пищальников, а новгородцы много посохи послали для построения нового города Себежа. Иногда посошные люди разбегались во время похода, и тогда области, их поставившие, должны были нанимать новых; под 1561 годом летописец говорит: царские воеводы людей потеряли много, посохи, а другие разбежались, потому что нечего есть; от этого Пскову, пригородам и сельским людям проторей стало много в посохе: вместо разбежавшейся посохи нанимали других, с сохи по 22 человека, а на месяц давали человеку по три рубля, а иные и по три с полтиной, с лошадьми и с телегами под наряд. Во время похода под Полоцк в войске Иоанновом было посохи пешей и коневой 80 900 человек, давали посошанам во Пскове: коневникам — по 5 р., а пешим — по 2 рубля. Под 1570 годом псковский летописец говорит: пришел царь в Великий Новгород и много людей было побито; к тому же велел править посоху под наряд, мосты мостить в Ливонскую землю, зелейную руду сбирать: от этого налога и правежа все люди, новгородцы и псковичи, обнищали, давать стало нечего и пошли сами в по-

соху, и злою смертию там померли от голода и мороза, от мостов и наряду; во Пскове байдаки и лодки большие посохой тянули под ливонские города и, не много потянув, покинули по лесам, тут лодки сгнили, а людей погубили [25].

Московское государство XVI века относительно юго-восточной границы своей находилось в таком же положении, как и древняя Приднепровская Русь времен св. Владимира: граничило с степью, из которой стремились кочевые хищники на его опустошение. Уже давно московские сторóжи, сторожевые отряды или станицы, разъезжали по разным направлениям в степи и стояли в определенных местах, наблюдая за татарами [26]; при Иоанне IV московские сторóжи начали сталкиваться с литовскими на Днепре: мы видели, что царь старался показать Сигизмунду-Августу, как выгодно для последнего помогать московским сторожам, а не затевать споров о том, что они становятся на Литовской земле. Во второй половине царствования, обративши все внимание на запад, Иоанн тем более должен был хлопотать, чтоб южная граница была защищена, чтоб крымцы не могли явиться у Оки безвестно. С этою целию в январе 1571 года государь приказал боярину своему, князю Михайле Ивановичу Воротынскому, ведать станицы, сторóжи и всякие свои государевы польские службы. Воротынский говорил государевым словом в разряде дьякам, что ему велел государь ведать и поустроить станицы и сторóжи и велел доискаться станичных прежних списков; в города: Путивль, Тулу, Рязань, Мещеру, в другие украинные города и в Северу велел послать грамоты по детей боярских, по письменных по станичных голов и по их товарищей станичников, и по станичных вожей, и по сторожей, которые ездят из Путивля, из Тулы, Рязани, Мещеры, из Северской страны в станицах на поле к разным урочищам и которые прежде езжали лет за десять и пятнадцать, велел им всем быть в Москву. Когда они приехали, то государь приказал князю Воротынскому *сидеть* (заняться) о станицах, сторожах и всяких польских службах, станичных голов, станичников и вожей расспрашивать и, расспрося, расписать подлинно порознь: из которого города, по которым местам и до каких мест пригоже станицам ездить и в каких местах сторожам на сторóжах стоять, и до каких мест на которую сторону от которой сторóжи разъездам быть, и в которых местах на поле головам стоять для береженья от приходу воинских людей, и из которых городов и по скольку человек, с которым головою и каким людям на государевой службе быть? Чтоб государю про приход воинских людей быть не безвестну, и воинские люди на государевы украйны безвестно не приходили.

После расспросов князь Воротынский приговорил с детьми боярскими, с станичными головами и станичниками о путивльских, тульских, рязанских и мещерских станицах, и о всех ук-

райных дальних и ближних месячных сторóжах и сторожах, из которого города к которому урочищу станичникам податисе и прибыльнее ездить и на которых сторóжах и из которых городов и по скольку человек сторожей на которой сторóже ставить. А станичникам бы к своим урочищам ездить и сторожам на сторóжах стоять в тех местах, которые были бы усторожливы, где б им воинских людей можно было усмотреть. Стоять сторожам на сторóжах, с коней не ссаживаясь, попеременно и ездить по урочищам попеременно же, направо и налево, по два человека по наказам, какие будут даны от воевод. Станов им не делать, огонь раскладывать не в одном месте, когда нужно будет кому пищу сварить, и тогда огня в одном месте не раскладывать дважды; в котором месте кто полдневал, там не ночевать; в лесах не останавливаться, останавливаться в таких местах, где было бы усторóжливо. Если станичники или сторожа подстерегут воинских людей, то посылать своих товарищей с этими вестями в ближайшие украинские города; а сами позади неприятеля едут на сакмы (дороги), по сакмам и по станам людей смечать и, поездив по сакмам и сметив людей, с теми вестями в другой раз отсылают товарищей в те же города; новые посланные едут направо или налево, которыми дорогами поближе, чтоб в украинские города весть была раньше, не перед самым приходом неприятеля; а самим им ехать за неприятелем сакмою, а где и не сакмою, как пригоже, покинув сакму направо или налево, ездить бережно и усторожливо, и того беречь накрепко: на которые украйны воинские люди пойдут и им, про то разведавши верно, самим с вестями подлинными спешить к тем городам, на которые неприятель пойдет. Если станичники завидят воинских людей на дальних урочищах, то им посылать посылки по три или по четыре или сколько будет пригоже, посмотря по людям и по делу, от которых мест пригоже, а не от одного места, чтоб, проведав подлинно про неприятеля, на какие места он идет, самим с подлинными вестями спешить наскоро в те города, на которые пойдет неприятель. А не быв на сакме и не сметив людей и не доведавшись допряма, на которые места воинские люди пойдут, станичникам и сторóжам с важными вестями не ездить, и сторожам, не дождавшись на сторóжах себе перемены, с сторóж не съезжать. А которые сторожа, не дождавшись смены, с сторóжи сойдут, и в то время государевым украйнам от воинских людей учинится война: тем сторожам от государя быть казненным смертью. Которые сторожа на сторóжах лишние дни за сроком перестоят, а их товарищи на смену в те дни к ним не приедут, то брать первым на последних по полуполтине на человека на день. Если воеводы или головы пошлют кого наблюдать за станичниками и сторожами на урочищах и на сторóжах, и посланные найдут, что они стоят небережно и неусторожливо и до урочищ не доезжают, то, хотя

бы приходу воинских людей и не ждали, тех станичников и сторожей за то бить кнутом. Воеводам и головам смотреть накрепко, чтоб у сторожей лошади были добрые и ездили бы на сторóжи о двух конях, чтоб можно было, увидавши неприятеля, уехать. У кого из станичников и сторожей лошади будут худы, а случится посылка скорая, и под тех сторожей велеть доправить лошадей на их головах; а если надобно вскоре и доправить некогда, то воеводам велеть брать лошадей добрых у их голов, а не будет у голов столько лошадей, то воеводам брать по оценке лошадей добрых у полчан своих, а на головах брать найму на всякую лошадь по 4 алтына с деньгою на день и отдавать деньги тем людям, у которых взяты лошади.

Ездить станицам из Путивля или Рыльска: первой станице ехать на поле с весны 1 апреля, второй — 15, третьей — 1 мая, четвертой — 15 и т. д., осьмой станице ехать 15 июля, потом в другой раз первой станице ехать 1 августа и т. д.; последний выезд 15 ноября. Если же надобно будет еще ездить станицам, снега не нападут (снеги не укинут), то станичников посылать и позднее 15 ноября по расчету; посылать по две станицы на месяц, меж станицы пропуская по две недели со днем.

Для разъездов употреблялись дети боярские, посадские люди, козаки и наемные жители Северской Украйны, или севрюки; но потом приговорили последних отставить, потому: стоят на сторóжах неусторожливо, воинские люди на украйны приходят безвестно, а они того не видят, вести от них прямой никогда не бывает, а приезжают с вестями ложными. Из Путивля и Рыльска на донецких сторóжах стерегли дети боярские, путивльцы и рыляне, с поместий и из денежного жалованья. Кроме донецких сторóж, на ближних путивльских и рыльских, смесных и несмесных сторóжах стерегли с посадов посадские люди, равно как из Новгорода Северского на смесной путивльской сторóже. Из Мценска и Карачева на смесных и несмесных сторóжах стерегли дети боярские мценяне и карачевцы с поместий и из денежного жалованья. На орельских, новосильских, дедиловских, донковских, епифанских, шацких, ряжских сторóжах стерегли козаки с земель и из денежного жалованья. На кадомских и темниковских сторóжах стерегли татары и мордва с земель Кадомских и Темниковских. На алаторских сторóжах стерегли козаки. После приговорили также ставить на сторóжу по шести человек сторожей вместо прежних четырех для того, чтоб им разъезжать направо и налево, переменяясь беспрестанно по два человека. Для надзора за исправностию сторожей назначены были четыре стоялые головы, которые разъезжали по всему пространству степи, от Волги до Вороны, Оскола и Донца.

В октябре 1571 года, по государеву указу, князь Воротынский с товарищами приговорили жечь степь; определили, из

которых украинских городов и в какую пору, по каким местам, к которым урочищам, до каких мест, скольким станицам и по скольку человек в станице ездить на поле и жечь его. Жечь поле определено осенью, в октябре или ноябре по заморозам, как на поле трава сильно посохнет, снегов не дожидаясь, а дождавшись ведреной и сухой поры, чтоб ветер был от государевых украинских городов на польскую (степную) сторону; не зажигать травы вблизи украинских городов, вблизи лесов или лесных засек и всяких крепостей, которые наделаны от проходу воинских людей. Станицы для зажжения степи должны были выезжать из городов: Мещеры, Донкова, Дедилова, Кропивны, Новосиля, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля; пожар должен был обхватывать пространство степи от верховьев Вороны до Днепра и Десны.

В 1574 году назначен был новый начальник над сторожевою и станичною службою, боярин Никита Романович Юрьев. При новом начальнике видим перемену относительно первого срока выезда станиц: вместо 1 апреля положено сообразоваться со временем открытия весны; потом выбирать детей боярских на степную службу велено разрядным дьякам, а не воеводам по городам. По челобитью польских (степных) месячных сторожей, бояре приговорили: в Шацке, Рязском, Донкове, Епифани, Дедилове, Кропивне, Новосиле и Орле козаков, которые стерегут месячную сторóжу, поместьем и денежным жалованьем поверстать: придать к старому их поместью, к 20 четвертям еще по 30 четвертей человеку; а денежного жалованья приговорили им дать в третий год по три рубля человеку для сторожевой службы, чтоб им бесконным не быть, а быть у них по два коня добрых или к коню мерин добрый. Велели послать в те города писцов, детей боярских и подьячих добрых — пересмотреть всех козаков на лицо с конями и со всею их службою: которые козаки собою худы или бесконны и в сторожевую службу их не будет, тех от сторожевой службы отставить и служить им козачью рядовую службу и поместной им придачи не придавать, а на их место прибрать из рядовых козаков добрых и конных. Во Мценске и Карачеве на сторóжах стеречь детям боярским из тех городов с малых статей, с 50, 70 и 100 четвертей, потому что в этих городах козаков в росписи не написано; в Шацке, Новосиле и Орле в прибавку к козакам посылать детей боярских. Что касается границ станичных разъездов, то во время управления боярина Никиты Романовича путивльские станицы ездили к верховьям Тора, по Миюсу, Самаре, Арели к Днепру до Песьих Костей; тульские — ко Мжу и Коломаку на Муравский шлях (дорогу); рязанские — к Северскому Донцу и к Святым Горам, а мещерские — вниз по Дону, до Волжской переволоки [27].

Таково было военное устройство в Северо-Восточной России, в государстве Московском. Здесь мы видим, что значение дружины

все более и более никнет пред значением государя. В России Западной, наоборот, шляхта ревниво блюдет за поддержанием старых прав своих. На виленском сейме 1547 года шляхта потребовала у короля защиты от двух сословий — духовного и мещанского (городового), просила, чтоб люди духовные на судах земских и светских не заседали и не звали б к духовному суду по светским делам; относительно мещан шляхта жаловалась, что ремесленники виленские берут непомерные цены за свои работы и надбавляют цены по произволу, от чего шляхта беднеет. Король обещал исполнить просьбу. На сейме 1551 года шляхта просила, чтоб простых холопей над шляхтою не повышать, чтоб простой холоп и шляхтич подозрительного происхождения урядов не держали. Король отвечал на это: пусть укажут, какой холоп или подозрительный шляхтич посажен мною на уряд? Потом шляхта просила, чтоб паны обходились с нею почтительно на судах и в других местах. В 1576 году браславская шляхта подала королю Стефану челобитную, чтоб королевские указы писались к ним на русском, а не на польском языке [28].

Мы видели характер козаков московских, т. е. живших по степям, прилегавшим к Московскому государству, и признававших по имени власть последнего; такой же точно был характер и козаков литовских, или малороссийских, известных тогда в Москве под именем черкас; притом безнаказанность последних еще более была обеспечена слабостью польско-литовского правительства. Мы видели поведение козацких вождей, Дашковича, князя Дмитрия Вишневецкого, который окончил свои похождения жестокою смертию в Турции. В то самое время, как польское правительство употребляло все усилия, чтоб жить в мире с Крымом и Турциею, козаки из Черкас, Канева, Браславля, Винницы, собравшись в степи за Черкасами, в числе 800 и больше, под начальством старших козаков: Карпа, Андруша, Лесуна, Яцка Белоуса, громили по нескольку раз караваны купцов турецких и крымских, шедшие в Москву и возвращавшиеся назад; мало того, крымский гонец, ездивший от хана к королю, был убит козаками в степи. Соленики, ездившие за солью в Кочубеев (Одессу), терпели постоянно от их нападений. Напрасно король писал хану, что это разбойничают козаки их общего неприятеля московского, выходящие из Путивля, Чернигова, Новгорода Северского: крымские и турецкие купцы умели очень хорошо различать козаков московских от черкас. Атаман Андрей Лях с козаками князя Дмитрия Вишневецкого напал в степях за Самарою на московского гонца Змеева, шедшего в Крым; с Змеевым шел вместе крымский гонец и, по обычаю, турецкие купцы и армяне; козаки убили 13 человек турок и армян, а тропм руки отсекли за то, что они покупают в Москве литовских пленников. Московские послы, жившие в Крыму, извещали государя о частых нападениях черкас

на Крым; очень любопытно известие, присланное из Крыма в Москву послом Ржевским: «Приехал к царю крымскому с Днепра козак с вестями: на Днепр прислал московский государь к *голове*, к князю Богдану Рожинскому, и ко всем козакам днепровским с великим своим жалованьем и приказал к ним: если вам надобно в прибавку козаков, то я к вам пришлю их, сколько вам надобно, и селитру пришлю, и запас всякий, и вы должны идти весной непременно на крымские улусы и к Козлову. Голова и козаки взялись государю крепко служить и очень обрадовались государской милости. Хан, услыхав эти вести, созвал на совет князей и мурз и стал говорить: «Если приходить козакам, то они прежде возьмут Белгород да Очаков, а мы у них за хребтом». Князья и мурзы отвечали на это: «Если придет много людей на судах, то города их не остановят; ведь козак — собака: когда и на кораблях на них приходят турецкие стрельцы, то они и тут их побивают и корабли берут!»» Как в старину русские князья, нуждавшиеся в войске для своих усобиц, находили готовые дружины в степях, где толпились разноименные народцы, так теперь, в XVI веке, владельцы дунайских княжеств, Молдавии и Валахии, борясь друг с другом, искали и находили помощь у козаков. Так, один из них, Ивон, угрожаемый соперником своим, Петриллою, которого поддерживали турки, обратился с просьбою о помощи к польскому королю Генриху; тот отказал в помощи на том основании, что Польша в мире с турками; Ивон обратился к козакам: этим не было никакой нужды, что король их в мире с турками; они пошли помогать Ивону под начальством Свирговского; сначала имели успех, но наконец были подавлены многочисленными полками турецкими. Подкова (как говорят, брат погибшего Ивона), прозванный так потому, что мог ломать подкову, нашел также убежище между козаками, вместе с ними пошел против Петриллы и одолел его; но Стефан Баторий, не желая разрывать с турками, велел брату своему, князю семиградскому, выступить против Подковы; последний должен был отступить и, понадеявшись на ручательство в безопасности, данное ему от имени королевского, отдался в руки полякам. Обещание было нарушено: Подкову заключили в оковы, и когда перед московскою войною посол турецкий настаивал, чтоб его казнили, угрожая в противном случае войною, то Баторий исполнил его требование и Подкова был казнен во Львове. Несмотря на то, брат Подковы, Александр, с козаками снова выгнал Петриллу, но попался в руки туркам, которые посадили его на кол. Потом козаки уже одни отправились против турок, сожгли крепости Ягорлик, Бендеры; Баторий велел войскам, стоявшим на границе, хватать и ковать козаков, возвращавшихся из этого похода [29].

Постоянное увеличение государственных потребностей в Московском государстве требовало увеличения финансовых средств

для их удовлетворения. Как же поступало московское правительство в этом случае? Очень просто и, естественно, по понятиям времени: явится новая потребность, новый расход — оно налагает новую подать; отсюда это накопление разного рода податей, которые наконец начали так затруднять финансовые отправления древней России. Так явились *пищальные деньги*, которых с новгородского посада, пригородков, рядков и погостов сходило 5236 рублей. Мы видели, что ближайшие к месту военных действий области должны были выставлять на войну посошных людей; но отдаленные области платили *посошные деньги* — по два рубля за человека. Для продовольствия войска с земель, находящихся в частном владении, *белых*, сбирался так называемый *белый* корм; с московской сохи — по 43 алтына без двух денег. Относительно податей и соединенных с платежом их издержек любопытны платежные отписи, например: «Я, Юшка, Митрофанов сын, десятский, взял у спасского игумна Евфимия со братьею дань и *горностальные* деньги, и ямские, кроме дани в поминок подьячему и в Московский *покруг*, и корм Великодневный и Петровский, все сполна, и отпись ему дал». Или: «Взято ямских денег и примету столько-то; дьячих писчих пошлин столько-то; за городовые и засечные дела, за подьячих, за земского дьячка, за плотников, кузнецов; за подмогу ямским охотникам, за емчужное дело» и проч.

Кроме дани, источником дохода для правительства служили оброки: в 1543 году вологодские писцы, по слову великого князя, отдали на оброк кирилловскому игумену две великокняжеские пустоши черные, потому что эти пустоши находятся между монастырских деревень, а от великокняжеских деревень отошли; с этих пустошей, сказано в грамоте, великому князю не надобны ни дань, ни посошная служба, ни наместничьи кормы, ни тиунские, ни праветчиковские, ни доводчиковские пошлины, и с черными людьми не тянут они ни во что; а дает монастырь с этих пустошей великому князю оброк ежегодно по десяти алтын. Отдавались на оброк пашни, сенокосы, леса, реки, мельницы, огороды; отдавались эти статьи на оброк из *наддачи* тому, кто наддавал против оброчной цены, платимой прежним содержателем. Правительство спешило пользоваться наместничьими доходами в то время, когда старый наместник выезжал из города, а новый еще не был назначен; так, в 1555 году, когда наместник князь Палецкий выехал из Новгорода, царь писал дьякам: «Сей час же выберите из городничих или из решеточных приказчиков сына боярского доброго, кому пригоже и можно верить, и велите ему ту половину Новгорода, наместничьи и его пошлинных людей всякие доходы ведать на меня и приведите его к присяге, и надзирайте над ним, чтоб нашим доходам истери не было». Как сбирались подати, видно из царской грамоты к новгородским дьякам

1556 года: «Вы писали к нам, что велено во все пятины разослать грамоты, чтоб князья, дети боярские и все служивые люди, игумены, попы, дьяконы, старосты, сотские, пятидесятские, десятские и все крестьяне выбрали из пятин по сыну боярскому доброму, да из пятин же выбрали человека по три по четыре лучших людей, да из погоста по человеку, а из малых погостов из двух или из трех по человеку: а велено тем старостам выборным сбирать наши ямские и приметные деньги, и за посошных людей, и за емчужное дело и всякие подати по писцовым книгам и привозить к вам в Новгород» [30].

Мы рассмотрели в своем месте [31] устав откупщикам тамги и пятна на Белоозере, данный Иоанном III; при Иоанне IV, в 1551 году, дана была туда же на Белоозеро таможенная грамота, которая относительно сбора тамги ничем не разнится от грамоты Иоанна III; но в ней прибавлен устав о сборе померной и дворовой пошлины: померное брать со пшеницы, ржи, ячменя, солоду, конопель, гречи, гороху, засны толокна, репы и со всякого жита, с хмелю, также с рыбы сухой, и с вандышев и с хохолков — брать с продавца с четырех четвертей деньга, а тамги с жита и сухой рыбы не брать. А кто продаст всякого жита воза два или три без меры или кто купит не в их пятенную меру, то с него заповеди два рубля: рубль — наместнику и рубль — померщикам; а кто продаст всякого жита четыре четверти московских или кто станет покупать и продавать не в их пятенную меру, то с него заповеди рубль: полтина — наместнику и полтина — померщикам. Дворовая пошлина на гостиных дворах: кто приедет товару купить на гостином дворе, дворники берут поворотной с тысячи белки шувайской или устюжской по 4 деньги с тысячи, а с кляземской белки — по 2 деньги с тысячи; с сорока соболей берут по тому ж расчету, как и с белки шувайской, с куницы с сорока по деньге; с десяти бобров берут по тому ж расчету, как с 1000 белки шувайской, с постава сукна иского или лунского — по три деньги, а с новогонского и трекунского — по деньге, с меду с кади от 7 до 10 пудов — по деньге, будет кадь меньше семи пуд, и они берут по расчету; кто купит перцу больше рубля или меньше, берут по тому ж расчету; с бочки сельдей — по деньге, с лукна икры — по деньге, с бочки слив — по полуденьге, с круга воску — по 4 деньги, с стопы бумаги — по полуденьге. Кто приедет на Белоозеро с мясом или с каким-нибудь товаром, а на гостином дворе не станет, станет у кого-нибудь и дворники уличат его пред наместником, что стал не на гостином дворе, у них не просясь, то наместник, обыскав, берет на себя заповеди полполтины на том, у кого во дворе тот купец стал, а с купца взять дворникам полполтины же, на нем же наместничью приставу взять хоженого четыре деньги. Кто привезет товару цепою меньше двух рублей, станет прямо на торгу и ночует тут, с того дворникам не брать

ничего; кто привезет товару больше (кажется, должно читать *меньше*), чем на два рубля, и станет на чьем-нибудь дворе, а не на гостином, то дворникам брать у него поворотное, смотря по товару: с амбарного брать на неделю по четыре деньги. Кто не поедет с возами на гостиный двор стоять, а товару будет у него больше двух рублей, то дворники ставят его на гостином дворе; если же не послушает дворников, не поедет к ним, то дворники ставят его у себя за наместничьим приставом, который берет хоженого по четыре деньги.

В таможенной грамоте, данной в 1563 году в принадлежавшее Симонову монастырю село Весьегонское, в Городецком стану Бежецкого Верха, с иногородных купцов, московских, тверских, новгородских и псковских, велено брать тамги с рубля по четыре деньги; с людей своего уезда — с рубля по полторы деньги; если торговые люди приедут рекою Мологою в судах, то с товару тамга берется с них по таможенной грамоте, а с судна брать с полубленного и неполубленного, с набои, прикольного и поводцового по алтыну, а со струга — по три деньги. Если же приедет в село Весь рязанец или казанец, или какой-нибудь другой иноземец, то у них брать с рубля по семи денег. Тамга и все таможенные пошлины (то есть пятно, померное и проч.) в селе Веси отдавались на откуп бежичанам, городецким посадским людям и сельским крестьянам; но в 1563 году Симонов монастырь, жалуясь, что от этого его людям и крестьянам чинятся обиды и продажи великие, выпросил откуп себе, обязавшись платить ежегодно по 38 рублей, впрок, без наддачи.

В 1571 году дана была таможенная новгородская грамота о сборе пошлин на Торговой стороне, в государевой опричнине. И здесь, как в предыдущих грамотах, начиная с грамоты новгородского князя Всеволода церкви св. Иоанна на Опоках, новгородцу дается преимущество пред пригородскими людьми Новгородской земли и сельскими людьми, также пред жителями других областей: новгородец платил тамги с рубля московского по полторы московки, остальные все — по четыре московки; но если приедут новгородцы с Софийской стороны с товаром в государеву опричнину, на Торговую сторону, то платят пошлины наравне с пригородскими и волостными людьми Новгородской земли. Новгородские мясники не смели покупать коров на дорогах *у путников* (погонщиков), путники должны были гнать коров на продажу в Новгород или же к Ивану святому на Опоке; кто же за городом или на дороге купит коров, на том заповеди — половина на купце и половина на продавце. При вывозе товаров из Новгорода новгородскими городецкими людьми, по взятии тамги, таможенники давали *узолки* за своею печатью. Мы видели, что новгородский князь Всеволод Мстиславич дал церкви св. Иоанна на Опоках вес вощаной. В описываемое время по-прежнему ве-

сили товар у Ивана св., но пошлины, как видно, шли прямо в казну царскую; в грамоте Иоанна IV читаем: воск, мед, олово, свинец, квасцы, ладан, темьян весить по старине, на крюк, у Ивана св. под церковью, на Пятрятине дворище, а таможникам в это не вступаться. Далее грамота говорит: без весу меду, икры и соли не продавать; а кто продаст или купит какой-нибудь весный товар без весу на рубль или больше рубля, то на них заповеди рубль новгородский, половина — на купце, а другая — на продавце; если покупка меньше рубля, то заповеди брать столько же, на сколько продано товару; если же меньше пяти алтын, то пудовщики весчего и заповеди не берут. Пуда у себя никто не смест держать, а кого в том уличат, тот платит заповеди два рубля. Брать тамгу, пуд и все пошлины с товаров царских, митрополичьих, владычних, наместничьих, боярских, с сельчан царских, митрополичьих, владычних, монастырских, боярских, с грамотчиков и со всех без исключения. Если купцы иноземные привезут бархаты, камки, всякое узорочье, лошадей, то эти товары не прежде пускать в продажу, как после выбора из них пригодных государю. Таможники должны беречь накрепко, чтоб всякие торговые люди и иноземцы не вывозили из Новгорода в Литву и к немцам денег, серебра и золота, сосудов, пуговиц, серебряных и золотых, в сундуках, коробьях и ящиках. Таможники же должны были брать *поплашную* пошлину по берегам реки Волхова, с судов и плотов, с плавного весу. Тамга и все таможенные пошлины собирались гостями и купцами московскими и новгородскими на веру, в котором году кого в головы поставят и целовальников выберут наместники новгородские и дьяк. В 1577 году дана была грамота целовальникам на Торговой стороне, как им брать пошлину с дворов гостиных и лавок: брать у гостей за один амбар на неделю, если гостей много, по три деньги, если мало, то по две, а иногда и по одной; за избу особый наем. Поворотная пошлина в Новгороде дворниками не бралась; целовальники должны были жить на гостиных дворах, но жен не могли на них держать. Тамга и весчая пошлина у Ивана св. на Опоках отдавалась на откуп; в 1556 году откупщики весчей пошлины отказались, потому что воск и сало перестали идти к немцам и они не могли набрать откупной суммы, за что стояли на правеже; тогда царь велел дьякам выбрать людей (не определено каких) и поручить им сбор весчей пошлины с тем, чтоб они собрали в год ту же самую сумму, какую прежде платили откупщики, именно 233 рубля 13 алтын, а если соберут больше, то царь их пожалует; что же будет с ними, если соберут меньше, не сказано.

В таможенной орешковской грамоте перечисляются пошлины: тамга, пуд, полавочное, поземь, носовое с судов (с носа на судне), явка, помер, оброк с домниц и с горнов, в которых дмут железо, и с кузниц. Мы видели в таможенной новгородской грамоте приказ

брать пошлины со всех товаров, чьи бы они ни были; то же стремление к уничтожению льгот относительно взимания торговых пошлин видим в царской грамоте дмитровским таможным откупщикам 1549 года. Эти откупщики били челом, что приезжают в Дмитров и на Кимру и в село Рогачево из царских подклетных сел, из Переяславля, из царицыной Мирославской слободы, митрополичьи, владычни, княжие, боярские, монастырские и другие крестьяне, смоленские *сведенцы*, *паны* московские, бараши, огородники, торгуют всяким товаром, а пошлины не платят, говорят, что у них царские грамоты жалованные, тарханные, освобождающие их от платежа таможенных пошлин. Царь отвечал: я ныне все свои жалованные грамоты тарханные в таможенных и померных пошлинах уничтожил, кроме монастырских: Троицкого Сергиева монастыря, Соловецкого, Новодевичьего и Кириллова, да Воробьевской слободы. Наконец, мы должны упомянуть о новой мере (осмине), введенной в 1550 году; как она вводилась, видно из царской грамоты на Двину старостам, сотским, целовальникам, лучшим, средним и младшим сельским людям: «Послал я к вам на Двину меру медную, новую: и когда к вам эту новую медную меру привезут, то вы, все земские люди, сделайте с нее перед собою спуски новые деревянные и велите, перед собою, на всех этих деревянных спусках положить по пятну, и отдайте их померщикам, чтоб они давали мерить ими всем людям всякое жито; а мерили бы купцы и продавцы и всякие люди в те новые меры ровно, без верху. Того берегите накрепко и в торгу велите не по одно утро кликать, чтоб все люди жито мерили новыми мерами; а кого уличат, что он мерил в старую меру, с того возьмите заповеди два рубля; уличат его в другой раз, возьмите четыре рубля; уличат в третий раз, возьмите с него втрое, да киньте его в тюрьму до нашего указа; а заповедные деньги пришлите в Москву».

В Литве места королевские платили: с волока земли первого разряда цыншу — 50 грошей, среднего — 40, низшего — 30 и с всякой толоки (новн) — по 12 грошей; с домов — на рынке с прута по 7 пенязей, а в улицах — от прута по 5 пенязей, с огорода — по 2, с гуменных мест на предместье от прута — 1 пенязь, а от морга — 3 гроша; копщизна: от меду — копа грошей, от пива — копа грошей, от горелки — 30 грошей. С мясников ежегодно бралось в казну за камень (32 фунта) сала по 15 грошей, а уряду в торговый день платилось особо деньгами от каждой скотины за лопатку. Пришлые в городе люди (коморники) платят ежегодно по 2 гроша в казну. С волоки сельской доброй земли крестьяне платили в королевских именнях цыншу — 21 грош, средний — 12, дурной — 8, самой дурной (песчаной или болотистой) — 6, овса с хорошей и посредственной волоки — по две бочки, с худой — одна бочка, или 5 грошей за бочку, да за отвоз каждой

бочки — пять грошей; потом с каждой волоки — по возу сена, или по три гроша, за отвоз — 2 гроша; с волоки очень дурной земли сена и овса не давалось; кроме того, был побор гусями, курами, яйцами. Волока равнялась 19 русским десятинам; грош литовский равнялся пяти копейкам серебром [32].

Еще в малолетство Грозного, во время боярского правления, мы видели новое важное явление в жизни городского и сельского народонаселения: после наместников, волостелей и тиунов их является новая власть иного происхождения: жители городские и сельские получают от правительства позволение сами, независимо от наместников и волостелей, ловить, судить и казнить воров и разбойников, для чего должны ставить себе в головах детей боярских, человека три или четыре в волости, присоединяя к ним старост, десятских и лучших людей; эти выборные старшины называются иногда прикащиками, иногда — выборными головами, губными старостами; иногда жители города должны были поставлять между собою десятских, пятидесятских и сотских для наблюдения за лихими людьми; заметивши подозрительного человека, должно было приводить его к городовому прикащику и с ним вместе обыскивать; при пытке должны были присутствовать также дворский, целовальники и лучшие люди. Отношения наместников, волостелей и тиунов их к губным старостам определяются так: «Поймают татя в первой татьбе, то доправить на нем истцевы иски, а в продаже он наместнику, и волостелям, и их тиунам; как скоро наместники, волостели и их тиуны продажу свою на тате возьмут, то вы, старосты губные, велите его бить кнутом и потом выбить из земли вон».

Псковский летописец смотрит на губные грамоты как на направленные против наместников, вызванные злоупотреблениями последних; в губных грамотах, дошедших до нас от времени малолетства Иоанна IV, еще нет жалоб на наместников: «Мы к вам посылали обыщиков своих; но вы жалуетесь, что от наших обыщиков и недельщиков большие вам убытки, и вы с нашими обыщиками лихих людей разбойников не ловите, потому что вам волокита большая». Из дошедших до нас грамот жалоба на наместников и тиунов их встречается впервые в 1552 году, в просьбе важан: «Важане, шенкурцы и Вельского стана посадские люди и всего Важского уезда становые и волостные крестьяне били челом и сказывали, что у них на посадах многие дворы, а в станах и волостях многие деревни запустели от прежних важских наместников, от их тиунов, доводчиков, обыскных грамот, от лихих людей, татей, разбойников, костарей; что важского наместника и пошлинных людей впредь прокормить им нельзя; и от того у них в станах и волостях многие деревни запустели; крестьяне у них от того насильства, продаж, татеб с посадов разошлись по иным городам, а из станов и волостей крестьяне разошлись в

монастыри бессрочно и без отказу, а иные разбрелись безвестно кой-куда; на оставшихся посадских людях и крестьянах наместники и тиуны их берут свой корм, а праветчики и доводчики свой побор сполна, и посадским людям и крестьянам впредь от наместников и от их пошлинных людей, от продаж, всяких податей тянуть сполна нельзя. И государь бы пожаловал, наместника и тиунов отставил, и велел бы управу чинить во всяких земских делах по судебнику выборным лучшим людям, кого они, все вяжане и шенкурцы, посадские люди и крестьяне, излюбили. Пошлин излюбленным головам со всяких управных дел и разбойных не брать; а за все наместничьи и тиунские пошлины, за все поборы и доходы, кроме государевых оброков, велеть на них положить оброк деньгами 1500 рублей ежегодно». Царь исполнил просьбу, велел быть у них *излюбленным головам*; оброк 1500 рублей разводить посадским людям, лучшим, средним и молодым, самим между собою, по животам и промыслам, а крестьянам, лучшим, средним и молодым, разводить по пашням, животам и сохам. Оброк привозят в Москву излюбленные головы, переменяясь по половинам, а с ними лучшие люди, не дожидаясь пристава; приехав в Москву с оброком, посулов и поминков не дают они никому ничего; если же не привезут оброка в срок, то царь посылает за ними приставов и доправливает оброки вдвое с ездом. Они должны прибрать также земских дьяков, кто б им в земские дьяки люб был; дьяки эти должны писать всякие дела излюбленных голов. Эта жалованная грамота называется откупною, ибо 1500 рублей, взносимые ежегодно, называются наместничьим откупом.

В уставной грамоте крестьянам устюжских волостей 1555 года говорится уже о беспрестанных жалобах городского и сельского народонаселения на наместников и волостелей, равно как о жалобах наместников и волостелей на горожан и сельчан, и о заменении наместников и волостелей излюбленными старостами говорится как об общей мере, вследствие этих жалоб предпринятой: «Прежде,— говорит царь,— мы жаловали бояр своих, князей и детей боярских, давали города и волости им в кормленья; и нам от крестьян челобитья великие и докука беспрестанная, что наместники наши и волостели, праветчики и их пошлинные люди, сверх нашего указного жалованья, чинят им продажи и убытки великие; а от наместников, волостелей, праветчиков и их пошлинных людей нам докуки и челобитья многия, что посадские и волостные люди им под суд и на поруки не даются, кормов им не платят и их бьют: от того между ними поклепы и тяжбы великие; от того на посадах многие крестьянские дворы, в уездах деревни и дворы позапустели, и наши дани и оброки сходятся не сполна. И мы, жалуя крестьянство, для тех великих продаж и убытков, наместников, волостелей и праветчиков от городов и

волостей отставили; а за доходы их, пошлины и присуд велели посадских и волостных крестьян пооброчить деньгами; и велели во всех городах, станах и волостях постановить старост излюбленных, которым между крестьянами управу чинить, наместничьи, волостелины и праветчиковы доходы сбирать и к нам на срок привозить, которых себе крестьяне между собою излюбят и выберут всею землею, от которых бы им продаж и убытков и обиды не было, которые умели бы их рассудить вправду беспосульно и безволокитно, и за наместничий доход оброк собрать умели бы и к нашей казне на срок привозили бы без недобору». В следующем, 1556 году дано было право двинянам вместо наместников выбрать излюбленных голов, которые тут же называются выборными судьями. Эти выборные судьи на Колмогорах на посаде, в станах и волостях должны были выбрать сотских, пятидесятских и десятских, которые были бы добры и прямы и всем крестьянам любы, и велеть им беречь накрепко, чтоб лихих людей не было.

Несмотря на то что замещение наместников и волостелей выборными от горожан и сельчан властями представлено в одной из приведенных грамот как общая мера, мы видим, что не во всех волостях произошло это изменение. Чтоб объяснить себе явление, мы должны припомнить, что грамоты, которыми волостям давалось право управляться своими выборными властями, назывались *откупными*; волость известною суммою, вносимою в казну, откупалась от наместников и волостелей; правительство давало ей право откупаться вследствие ее просьбы; если же она не била челом, считала для себя невыгодным новый порядок вещей, то оставалась при старом. Почему волость не решалась на перемену? На это могли быть разные причины. Мы знаем, как везде при неразвитости гражданских понятий кажется тяжким исполнение общественных обязанностей, как стараются избегать общественных должностей, общественных поручений, как трудно найти людей, которые бы взялись исполнять их и надлежащим образом исполняли. Волость избирала людей, которые не только должны были посвятить свое время управлению и суду, но также обязаны были отвозить откупную сумму в Москву, спешить из далеких мест к сроку, а в противном случае подвергались взысканию. Нет ничего удивительного, если некоторые волости не могли удовлетворить новым требованиям и предпочли оставаться при старом. В 1577 году мы встречаем пожалование наместничества в кормление, дана была грамота князю Морткину на город Карачев в кормление, со всем по тому, как было за прежними наместниками: «И вы, все люди того города, чтите его и слушайте, а он вас ведает и судит и ходит у вас во всем по доходному списку, как было при прежних наместниках». Мы видели в Перми наместника в 1581 году, видели, однако, подозрительность, какую об-

наружил царь относительно его: «Людей сбирали бы пермские и усольские люди сами между собою, чтоб им при сборе *от тебя* убытка не было». Кроме кормления, для содержания наместника назначались еще деревни. В пограничных, важных по своему военному положению городах видим воевод. В 1555 году князь Дмитрий Палецкий в Новгороде называется и воеводою и наместником; потом, как видно, в Новгороде был воевода при наместнике и считался выше последнего; но в наказе архиепископу казанскому Гурию видим, что наместник считался честнее воевод. В 1581 году свияжский воевода Сабуров был переведен воеводою же в Казань, причем послана была к нему такая грамота: мы велели быть на нашей службе в Свияжске на твое место воеводе князю Петру Буйносову-Ростовскому, а тебе велели быть в воеводах в Казани с князем Григорием Булгаковым с товарищи да с дьяком Михайлою Битяговским, вместе заодно. И ты бы сдал город князю Ростовскому, сдай, переписавши наряд, пушки и пищали, в казне зелье и свинец и всякий пушечный запас, наши прежние наказы и присыльные грамоты и всякие наши дела. Приехавши в Казань, был бы ты на нашей службе в остроге, попрежнему, и списки детей боярских, своих полчан, которые были прежде у тебя в полку, взял бы у воеводы князя Булгакова, и был бы на нашей службе в Казани в городе и в остроге и детей боярских своих полчан ведал, и всякими нашими делами промышлял; а с воеводою князем Булгаковым с товарищи и с дьяком Битяговским был бы без мест, а розни у вас не было бы ни в чем.

В этом наказе замечательны слова, что воевода Сабуров должен быть вместе заодно с воеводою князем Булгаковым и с дьяком Битяговским, чтоб был без мест с воеводою князем Булгаковым и дьяком Битяговским. Мы видели, что значение дьяков при дворе и в областном управлении очень усилилось еще при отце Грозного, и мы видели причины, по которым оно не могло ослабеть при самом Грозном. Курбский говорит, что Иоанн вполне доверял дьякам своим, которых избирал из поповичей или из простого всенародства, и поступал так, ненавидя вельмож своих; другой отъезжик, Тетерин, писал к Морозову: «Есть у великого князя новые доверенные люди (верники), дьяки, которые его половиною кормят, а большую себе берут, которых отцы вашим отцам в холопство не годились, а теперь не только землею владеют, но и головами вашими торгуют». Псковский летописец не перестает указывать на важное значение дьяка в городовом управлении; так, под 1534 годом он говорит: дьяка Колтырю Ракова свел князь великий на Москву, и была псковичам радость, потому что он многие пошлины во Пскове уставил. Об отношении дьяков к воеводам говорится в царской грамоте 1555 года к новгородским дьякам Еремееву и Дубровскому: «Велели мы боярам своим и воеводам, князю Петру Михайловичу Щенятеву и князю

Дмитрию Федоровичу Палецкому, быть для нашего дела в Великом Новгороде. И которые наши дела у бояр наших будут, и вы бы те дела делали и в наших делах их слушали». Но тут же видим, что при всех внутренних распоряжениях царь обращается прямо к дьякам, а при внешних сношениях, например при допущении дерптских немцев торговать в Новгороде и Пскове, царь обращается к наместнику князю Палецкому и дьякам Еремееву и Дубровскому; к наместнику обращается также в делах судных и при распоряжениях относительно войска. В конце 1555 года, когда наместник новгородский князь Дмитрий Палецкий отправился в поход против шведов, царское жалованье, Новгород, отказал и людей своих свел, царь велел дьякам Еремееву и Дубровскому выбрать тиуна и приказать ему судить всякие наместничьи дела, также выбрать недельщиков; потом царь писал к ним: «Теперь мы послали в Великий Новгород Ивана Ивановича Жулебина, велели ему, да вам, дьякам нашим, дела наши земские делать, которые делали прежние наместники. Которых дел тиунам нельзя будет решить, те решайте вы с Иваном; а которых и вам нельзя будет решить, те пересылайте к нам». Жулебин не носил никакого особенного названия; во всех грамотах царь продолжает по-прежнему обращаться к одним дьякам; к Жулебину обращается он только раз, когда дело шло о внешних сношениях, именно о пересылке грамоты к шведскому королю; эта грамота пересылалась от имени новгородского наместника, князя Глинского; но из слов грамоты можно заключить, что Глинский в это время еще не приезжал в Новгород.

Встречаются названия городничих, городовых прикащиков и городчиков. В губной грамоте галичанам говорится, чтоб выборные сотские, пятидесятские и десятские привозили лихих людей к городовым прикащикам и вместе с ними обыскивали их. Из других грамот видно также, что они ведали дела земские, полицейские и финансовые. В городовые прикащики, или, как выражались, на городовой приказ, выбирали всею землею из детей боярских; на содержание их выдавалось по пяти вытей в поместье. После городовых прикащиков упоминаются также решеточные прикащики, выбиравшиеся также из детей боярских и получавшие по пяти обжей в поместье; мы видели, что еще при великом князе Василии Иоанновиче дьяки в Новгороде велели поставить решетки по всему городу и сторожей у решеток для прекращения грабежей и убийств; это известие объясняет нам должность решеточных прикащиков; в одной из грамот царя Иоанна к новгородским дьякам читаем: «Вы б еще прислали из городчиков или из решеточных прикащиков, которые получше, да подьячих добрых и велели им по станам припасать корм конский и людской для ратных людей». В Новгороде видим по-прежнему старост по концам и улицам; когда в 1548 году царь пожа-

ловал, отставил в Новгороде корчмы и питье кабацкое, то давали по концам и по улицам старостам на 30 человек две бочки пива да шесть ведер меду, да вина горького полтора ведра. В 1555 году царь писал новгородским дьякам: «Учинен был в Великом Новгороде в старостах Иван Борзунов; жалованья нашего он получал по 50 рублей на год, да ему же дано поместье для старощенья. Теперь я этого Ивана Борзунова от старощенья велел отставить: и вы б ему в суде у наших наместников и дворецкого быть не велели, нашего жалованья ему не давали и поместье отписали на меня до тех пор, пока выберем на его место другого старосту». Этот Борзунов был староста большой, обязанностью которого, между прочим, было ездить на посады, вынимать корчемное питье и питухов брать; с ним вместе ездили: подьячий, уличный староста и посадские люди; бесчестья большому старосте платилось 50 рублей.

Относительно городского народонаселения встречаем различие между людьми, имеющими свои дворы, и людьми, которые не имеют своих дворов, живут при своедворцах и носят название *соседей*; так, например, в поручной записи, данной некоторыми новгородцами по недельщике в 1568 году, говорится: я, Потап Фомин сын, скотник с Варецкой улицы, живу своим двором, да я, Матвей Григорьев, сын шелковник, живу своим двором, да я, Иван Иванов, сын Воронков, деменский купчина с Павловой улицы, живу у Мити, у деменского же купчины, в *суседех* и т. д. В Новгороде встречаем название гостей *веденых*; из Новгорода, равно как из Пскова, продолжали выводить горожан в Москву и другие низовые города: так, в 1555 году свели в Казань опальных псковичей десять семейств. В 1569 году взял царь в Москву из Новгорода 150 семей да из Пскова 500 семей. В 1572 году поехало из Новгорода в Москву из земщины гостей веденых сорок семейств да из опричнины шестьдесят семейств. От 1574 года дошло до нас описание Мурома, которое представляет нам этот город, то есть посад его, в незавидном положении. На посаде муромском находился в это время царский двор, в котором хоромы, горницы, повалуши и сени сгнили и развалились, жил на нем один дворник; был еще другой двор царский — *поледенный*, ставились на нем подключники и повара царские во время государевых рыбных ловель. На посаде же находился двор зелейный; купеческие лавки: ряд мясной, ряд рыбный, соляной, калачный; лавки разделялись на лавки, полки, лубеники, места лавочные. В царском гостином дворе находилось 17 лавок — все пустые; кроме казенного гостиного двора, было два частных; тяглых черных дворов 111, жителей в них 149 человек, да 107 дворов пустых, да пустых дворовых мест 520, тогда как восемь лет тому назад было 587 дворов населенных (в живущем), и убыло черных тяглых дворов «из жива в пусто» 476 дворов; лавок занятых было

202, которые платили оброку 32 рубля 15 алтын, а пустых лавок — 117.

Если правительство для своих целей ставило новые города на западной и южной границах, то на востоке, куда по-прежнему продолжало двигаться народонаселение, новые городки являлись сами собою. Мы видели, что богатые Строгановы собственными средствами построили несколько городков; жители Вятской области, Верхнеслободского городка, выводили сначала починки и деревни, которые садились на лесу, потом этими деревнями и починками поставили себе городок на Шестакове на заемные деньги, причем выпросили себе у царя льготную грамоту, по которой они могли платить свои долги в продолжение пяти лет в истую уплату, без росту; слободской наместник не стал было обращать внимания на эту грамоту, запмодавцы начали править свои деньги на шестаковцах, и последние обратились к царю с жалобою, в которой, между прочим, писали: «Которые людишки должные в Шестаковский город пришли на пусто, и теперь они от своих должников (заимодавцев) разбежались и пашни свои пометали». Из этого видим, во-первых, какого рода люди населяли новые отдаленные городки и, во-вторых, чем они занимались; должники бросились бежать от своих заимодавцев и пометали свои пашни. Как заводились слободы, видно из следующего известия летописи под 1572 годом: «В Новгороде кликали: которые люди кабальные, монастырские и всякие, чей кто-нибудь, пусть идут в государскую слободу на Холыню; государь дает по 5 рублей, по человеку посмотря, а льготы на 5 лет».

Города не изменяли своего прежнего вида; по-прежнему встречаем известия о мощении улиц деревом; кучи деревянных зданий, из которых составлялись посады, по-прежнему становились легкою добычею пламени. Мы упомнпали о большом московском пожаре; в Новгороде в 1541 году выгорел весь Славенский конец, сгорело 908 дворов и 22 человека. В 1554 году сгорело 1500 дворов: зажгли зажигальщики; но ко времени Иоанна IV относится начало строгих мер, предписываемых правительством для избежания частых пожаров в городах. В 1560 году царские дьяки велели новгородцам ставить по дворам своим у дымниц бочки и чаны с водою и чтоб на каждой избе были веники на шестах. В 1571 году по всему Новгороду запрещено было летом избы топить; новгородцы делали печи в огородах и по дворам и там пекли хлебы и калачи.

В летописях находим известия о печатях для городов, именно для Дерпта и Новгорода Великого; велел царь сделать печать в вотчину лифляндскую, в город Юрьев, а на печати клеймо — орел двоеглавый, у орла у правой ноги герб, печать юрьевского епископа, около же печати подпись: «Царского величества боярина и наместника Лифлянские земли печать», и тою печатию велел

грамоты перемирные с шведским королем печатать и грамоты в иные государства. Государь велел сделать печать новую в Великий Новгород, наместникам печатать перемирные грамоты с шведским королем, а на ней клейно место, а на месте посох; а у места на одной стороне медведь, а на другой рысь, а под местом рыба, а около печати подпись: царского величества боярина и наместника печать. Из этих известий ясно видно, что печати эти употреблялись для внешних сношений и, по всем вероятностям, были только в Новгороде и Дерпте.

Новгородский летописец говорит нам о следующих событиях в своем городе: в 1543 году прислан был из Москвы в Новгород Иван Дмитриевич Кривой, который устроил в Новгороде 8 корчемных дворов; но через три года корчмы были отставлены. В 1549 году царь порушил в Новгороде ряды и грамоты рядовые собрал в казну [33].

Мы видели, что и сельские жители вместе с городскими при Иоанне IV начали получать откупные грамоты, дававшие им право избирать из своей среды правителей и судей. В 1555 году крестьяне Устюжского уезда получили право выбрать излюбленных старост или судей; последние должны были людей судить и управу чинить по Судебнику и уставной грамоте; но в разбойных делах волостных людей судят и управу чинят губные старосты. Излюбленные старосты вместе со всеми крестьянами, лучшими, средними и младшими людьми, выбирают целовальников, кому у них в суде сидеть и на рассылке быть, дьяков земских, кому судные дела писать, выбирают также людей, которые должны заступать место доводчиков, кому у них на поруки давать и на суде ставить; выбираются во все эти должности волостные же люди. В уставной двинской грамоте 1556 года излюбленным головам поручены также и разбойные дела: «А на судах и в обысках и во всяких делах у выборных судей быть лучшим людям посадским и волостным, чтоб у них сил и обид и продаж безлепичных не было бы». В 1554 году дана была уставная грамота двум дворцовым селам, Афанасьевскому и Васильевскому, по которой царские наместники, третчики и тиуны крестьян этих сел не судили ни в чем, кроме душегубства и разбоя с поличным, судил их посельский, у которого те села и деревни в приказе; а в 1556 году царь пожаловал крестьян своих переяславских подклетных сел, от ключникова и посельничьего суда их отставил, а велел быть у них в судьях тех же сел крестьянам, которых они все выбрали. Удельный князь Владимир Андреевич следовал примеру царя, давал крестьянам своих волостей право избирать из среды себя излюбленных судей. Касательно содержания этих выборных лиц знаем из царской грамоты в Вышковский стан 1565 года, что выборный губной целовальник получил от выбравших его крестьян *подмоги* по полтине с сохи.

В царских грамотах встречается обыкновенное разделение крестьян на лучших, средних и младших; в грамотах, писанных самими крестьянами, встречаем разделение на крестьян пахатных, непахатных и деревенских; именем сельчан непашенных в одной грамоте называются мельник, портной мастер, сапожный мастер. Таким образом, если в городах посадские люди занимались хлебопашеством, то, с другой стороны, в селах видим сапожных и портных мастеров. Относительно крестьянского выхода в новом Судебнике Иоанна IV повторено положение Судебника Иоанна III, что крестьяне отказываются из волости в волость и из села в село один раз в году: за неделю до Юрьева дня осеннего и неделю спустя после Юрьева дня; плата за пожилое увеличилась: по Судебнику Иоанна III, крестьянин платил в полях за двор рубль, а в лесах — полтину; по Судебнику Иоанна IV, в полях платил рубль и два алтына, а в лесах, где десять верст до хоромного (строевого) лесу,— полтину и два алтына. Кроме этого определения, что разуметь под выражением: *в лесах*, в Судебнике Иоанна IV находим еще следующие прибавки: пожилое брать с ворот, а за повоз брать с двора по два алтына, кроме же того, на крестьянине пошлин нет. Если останется у крестьянина хлеб в земле (то есть если выйдет, посеяв хлеб), то, когда он этот хлеб пожнет, платит с него или со стоячего два алтына; платит он царскую подать со ржи до тех пор, пока была рожь его в земле, а боярского ему дела, за кем жил, не делать. Если крестьянин с пашни продается кому-нибудь в полные холопы, то выходит бессрочно и пожилого с него нет; а который его хлеб останется в земле, и он с него платит царскую подать, а не захочет платить подати, то лишается своего земляного хлеба. Если поймают крестьянина на поле в разбое или в другом каком-нибудь лихом деле и отдадут его за господина его, за кем живет, или выручит его господин, и если этот крестьянин пойдет из-за него вон, то господин должен его выпустить, но на отказчике взять поруку с записью: если станут искать этого крестьянина в каком-нибудь другом деле, то он был бы налицо. Встречаются, впрочем, случаи, где позволялось выводить крестьян бессрочно: так, например, важане жаловались, что у них в станах и волостях многие деревни запустели, крестьяне от насильства, продаж и татеб разошлись в монастыри бессрочно и без отказу. Государь, жалуя им право выбрать излюбленных голов, между прочим, говорит в своей грамоте: в пустые им деревни и на пустоши и на старые селища крестьян называть и старых им своих тяглецов крестьян из-за монастырей выводить назад бессрочно и беспошлинно, и сажать их по старым деревням, где кто в которой деревне жил прежде. Здесь бессрочный и безотказный выход условливает бессрочный и беспошлинный поворот крестьян на прежние жилища.

Понятно, что в эти времена, когда государство было еще так юно, когда оно делало еще только первые попытки для ограничения насилия сильных, перезыв крестьян, при котором сталкивались такие важные интересы, не мог обходиться без насилий. Помещики, пользуясь беспомощным состоянием своих соседей, вывозили у них крестьян не в срок, без отказа и беспошлинно. Крестьяне черных станов пусторжевских били челом, что дети боярские, ржевские, псковские и луцкие, выводят за себя в крестьяне из пусторжевских черных деревень не по сроку, во все дни и беспошлинно; а когда из черных деревень приедут к ним отказчики с отказом в срок отказывать из-за них крестьян в черные деревни, то дети боярские этих отказчиков бьют и в железа куют, а крестьян из-за себя не выпускают, но, поймав их, мучат, грабят и в железа куют, пожилое берут с них не по Судебнику, а рублей по пяти и по десяти, а потому вывести крестьянина от сына боярского в черные деревни никак нельзя. Эта жалоба на задержку крестьян и на взятие с них лишнего за пожилое против Судебника не была единственною в описываемое время. Иногда землевладелец, взявши с отказывающегося крестьянина все пошлины, грабил его, и, когда тот шел жаловаться, землевладелец объявлял его своим беглым холопом и обвинял в воровстве. Дети боярские пользовались своею силою против черных деревень, не отпускали к ним крестьян; прикащики и крестьяне царских сел позволяли себе насилия, явные разбои над монастырскими крестьянами: так, прикащики и все крестьяне села Хрепелева, принадлежавшего Покровскому девичью монастырю, били челом, что государев даниловский прикащик прислал своих людей и крестьян, которые оступили село Хрепелево, бросились грабить монастырские дворы — конюшенный и большой, старосту и крестьян начали бить насмерть, стрелять из луков и ручниц, колоть рогатинами, сечь саблями и топорками, пограбили всего добра монастырского и крестьянского на 160 рублей. Иногда крестьянин, отжив льготные годы, продолжал не платить никаких пошлин, не давался под суд землевладельцу и, когда тот высылал его, не ехал; землевладелец обращался к суду, который, найдя жалобу его справедливою, решал, чтоб крестьянин выехал непременно в месячный срок, в противном случае приказывал выметать его вон немедленно.

До нас дошли от описываемого времени порядные крестьянские грамоты с землевладельцами, с монастырями. В них прежде всего говорится, сколько земель занимает крестьянин, потом перечисляется, сколько крестьянин обязан давать оброку землевладельцу, причем оброк хлебом отделяется от денежной дани; кроме того, крестьянин обязывался платить тиунские, ключничьи и посельничьи пошлины, давать всякие *разрубы* и ходить на монастырское дело, подобно всем другим крестьянам; иногда

если крестьянин приходил на новое или запустелое место, должен был распахать деревню, как тогда выражались, огораживать поля, чинить старые хоромы, строить новые, то получал от землевладельца подмогу деньгами и льготу на несколько лет не давать дани и не ходить на работу. Это выражение *распахивать деревню* указывает нам на первоначальное значение деревни и на отношение ее к селу: слово *деревня* происходит от *дерево* и потому означает место, только недавно освобожденное от леса, расчищенное для пашни; этому представлению соответствует уже известное нам западнорусское выражение: *сырой корень, сесть на сыром корню*. Если крестьянин не отживал льготных лет и уходил, не исполнивши своих обязанностей, то должен был возвращать подмогу землевладельцу. В случае неисправного платежа оброка правительство грозило крестьянам, жившим на черных землях: «Ослушников из волости высылать, и вперед им в той волости не живать, а на их место называть иных жильцев». Устроить хозяйство на новом или запустелом месте называлось *наставить соху*. Иногда на один участок земли садилось двое крестьян, между которыми не видно родственной связи.

Относительно холопей в новом Судебнике Иоанна IV встречаем перемены против Судебника Иоанна III; перемены эти клонятся к ограничению числа случаев, в которых свободный человек становился холопом. В старом Судебнике говорится: «По тиунству и по ключу сельскому холоп, с докладом и без докладу», в новом: «По тиунству без полной и без докладной не холоп; а по сельскому ключу без докладной не холоп». Далее, у полных и докладных холопей отнято право продавать своих свободных сыновей, которые у них родились до холопства; эти свободные сыновья могут продаваться сами, кому хотят, тому ли же господину, у которого отцы их служат, или кому-нибудь другому. Монахи и монахини также лишены права продавать своих сыновей и дочерей. Отпускные можно было давать только в Москве, Великом Новгороде и Пскове. Если вольный человек занимал деньги и за рост давал на себя кабалу служить заимодавцу, то занимаемая им сумма не могла превышать пятнадцати рублей. Если на одного холопа объявят притязания два хозяина, положат на одного холопа две полные или две докладные, то холоп присуждается тому, чья полная или докладная будет старше, причем деньги, заплаченные новым господином, пропали; кроме того, последний должен заплатить старому господину за убытки, если холоп ушел от него покравши; второй господин ведается с своим знахарем (человеком, представившим ему холопа за вольного) сам, и если станет бить челом на знахаря, то дать ему на него суд. Если холопа рать полонит и он выбежит из плена, то свободен, старому господину больше не холоп, разве сам захочет идти к нему опять в холопы. Если холоп убежит с господином

своим или один побежит в чужую землю, а потом опять выйдет к Москве, то он старому господину холоп, разве государь пожалует ему вольную грамоту. Детей боярских служивых и детей их, которые еще не служили, в холопи не принимать никому, кроме тех, которых государь от службы отставит. Кто займет деньги в рост, тот не может служить заимодавцу, живет сам по себе и платит рост; если же заимодавец будет держать должника у себя и последний сбежит, у него покравши, то заимодавец не имеет права искать своей пропажи и по кабале денег лишен. Если какие-нибудь люди станут у кого-нибудь служить добровольно, без крепостей, и пойдут от них прочь с отказом или без отказу, и те люди, у которых они служили, станут на них искать сносов (покраж), то тем людям, у которых они служили, суда на них не давать, потому что служил он у него добровольно, и господин, не желая его от себя отпустить, ищет на него сносу; а что у него пропало, то он сам у себя потерял, потому что добровольному человеку верит и у себя его держит без крепости. Если кто станет искать людей своих в холопи по полным и по докладным, или по холопе рабы, или по рабе холопа и сносу, а холопи перед судьею станут от холопства оттягиваться и если кто-нибудь этих холопей с суда выручит и за порукою холоп сбежит, тогда весь иск и пошлины брать на поручниках, с которых за холопью голову за всякую взять по четыре рубли; и хотя еще господин не доказал холопства, холопа присудить в беглые: он тем виноват, что сбежал; где господин его найдет, тут и берет себе без пристава, а деньги, что взял на поручниках, назад не отдает. О наймите определенно: если наймит, не дослужив у господина сроку своего, пойдет прочь, то найму лишен. А который господин наймиту не захочет дать найму, и уличит его в этом наймит, то с господина доправить наем вдвое. Кроме названия *наймит*, для означения вольнонанимающегося работника, в том же смысле, продолжаем встречать название *козак*, преимущественно когда дело идет о промышленности неземледельческой, например в жалованной грамоте Троицкому Сергиеву монастырю 1543 года говорится: «Кто у них станет жить у Соли, у варницы и в дворах, повара и водоливы и всякие козаки: наместники наши и волостели и тиуны их тех людей не судят; а которые козаки приходцы порядятся жить за монастырем, в варницы, в повара, водоливы, дрова рубить и возить и всякое дело делать: таким являться к нашим наместникам» и проч. Докладные грамоты на холопство имеют такую форму: господин, поставя пред наместником человека, отдающегося ему в холопство, говорит: вот, господин! это человек вольный царя и великого князя, берет у меня столько-то денег и в этих деньгах отдается мне на ключ в мое село, а по ключу отдается мне в холопи. Наместник спрашивает у отдающегося в холопи, действительно ли это так? Тот утверждает показание

господина. Потом прописываются имена тех, кто был на докладе (записи), прописывается, есть ли у отдающегося в холопи отец и мать или нет и что он другому никому не холопил.

Если при переходе крестьян были случаи, когда землевладельцы позволяли себе нарушение закона, перезывали не в срок крестьян, задерживали их у себя, брали лишнее за пожилое, то и в отношении к холопям видим подобное же нарушение закона, переманку к себе чужих холопей; случалось, что беглый холоп, отыскиваемый господином, объявлял перед судьею, что он бежал и с покражею совершенно от другого господина, по обещанию последнего отстоять его от законного иска. До нас не дошло случаев закабаления вольных людей без их согласия: Судебник Иоанна IV определяет за это смертную казнь.

Из инородцев одни платили ясак правительству, другие — прежним своим природным владельцам: так, в 1580 году дана была жалованная грамота кадомскому Ишею Мурзе на отцовский ясак с талдемской мордвы, что по реке Мокше; ясак состоял в семи рублях с полтиною в год; с этого ясака Ишей Мурза обязан был служить государеву службу, кормить сестру и выдать ее замуж [34].

Мы видели, что если жители городов, т. е. посадов, занимались хлебопашеством, то жители сельские занимались разными ремеслами. Первоначальная промышленность в царствование Иоанна IV распространилась вследствие приобретения новых стран на востоке и населения незанятых еще там диких пространств; особенно распространилось рыболовство вследствие приобретения низовьев Волги, где оно производилось в самых обширных размерах. Новоустроенный в Астрахани Троицкий монастырь вместо денежной и хлебной руги просил несколько мест в устьях Волги, удобных для рыболовства. Из старых мест встречаем известие о состоянии рыболовной волости в переяславском посаде: здесь в 1562 году было рыболовских дворов 99 и в них столько же людей, один средний и 98 младших, пустых дворов 21, пустых мест 40. Ямские деньги, за посошных людей и за всякое городовое и засечное дело рыболовы переяславские вносили деньги в Большой дворец; оброку давали они царю за щуки закорные и за сельди четыре рубля двадцать алтын с деньгою; кроме того, давали на дворец невод сто сажен, да две матицы; ловили на царя сельди безурочно; на царя же ловили на *поледной ловле* две ночи, на царицу — ночь, на поледчика — ночь, на стольника — ночь, на двух наместников — по ночи. Ловили они во всем озере Переяславском и в реке Вексе запорным неводом, сетями, бредниками, котцами с весны, как вода пойдет; им дано было кругом озера Переяславского берегу суши от воды по десяти сажен для пристанища, где им неводы и сети вешать. От описываемого времени дошло до нас любопытное известие, что дворцовые сокольники,

занимаясь своим промыслом на отдаленном севере, были также населителями пустынных пространств: так, трое вологодских оброчников соколья пути, Блазновы, просили у царя в 1548 году себе во владение дикие места, покрытые лесом, мхами и болотами, где находятся кречатьи и сокольи седьбища, от обитаемых мест версты за три и за четыре; царь дал им просимые земли, велел там дворы ставить, лес на пашни расчищать, на мхах и болотах помыкать кречетов и соколов для царской охоты; кого перезовут к себе не письменных и не тяглых людей, те освобождаются от всяких пошлин на десять лет; по прошествии урочных лет сокольники дают на царскую сокольню по три сокола, а не будет соколов пером, дают оброку полтора рубля.

Соляная промышленность распространилась вследствие занятия Строгановыми диких прикамских земель и вследствие приобретения Астрахани, в 30 милях от которой находилась ископаемая соль; промышленники сами ломали ее, платя в казну по копейке с пуда. В старых областях упоминаются в 1543 году соляные варницы в уезде Стародуба Северного или Ряполовского, принадлежавшие Троицкому Сергиеву монастырю; название *Новая Соль* на Холую показывает, что варницы эти были заведены недавно. Для селитряного производства (ямчужного дела) посылался ямчужный мастер, который в назначенном месте строил амбар; окольные сельчане обязаны были высылать к этому амбару землю, дрова, золу. В описываемое время селитра выделывалась на Белоозере; выделка производилась от казны; но в 1582 году Кириллов Белозерский монастырь получил право поставить амбар и варить селитру всею кирилловскою вотчиною на соху по два пуда, всего 38 пудов; это количество селитры доброй перепущенной, которая бы к ручпому зелью годилась, монастырь обязан был присылать в Москву, в Пушечный приказ. Мы видели также, что Григорию Строганову позволено было в Сольвычегодске сварить 30 пудов селитры для построенного им городка, но не на продажу. В Двинской области, около Емецкого яма, жители выделывали много смолы и золы. Псковские каменщики не утратили своей славы: когда в 1555 году царь задумал укрепить Казань каменными стенами, то псковский дьяк Билибин, двое старост, церковный и городовой, мастер Посник Яковлев и каменщики псковские Ивашка Ширяй с товарищами получили приказ прибрать 200 человек псковских каменщиков, стенщиков и ломцев для отсылки в Казань. Вообще, как видно, и в описываемое время между русскими людьми мастерства процветали более в Новгороде и Пскове, чем в Москве. Так, резчики на камне выписывались из Новгорода: в 1556 году царь писал к новгородским дьякам: «Мы послали в Новгород мастера *печатных книг* Марушу Нефедьева, велели ему посмотреть камень, который приготовлен на помост в церковь к Пречистой к Сретению. Когда Маруша этот

камень осмотрит, скажет вам, что он годится на помост церковный и лице будет на него наложить можно, то вы бы этот камень осмотрели сами и мастеров добыли, кто б на нем лице наложил, как у Софии Премудрости божией; а если сам Маруша захочет поискуситься, лице наложить, то вы бы для образца прислали к нам камня два или три; да велели бы испытать всех трех камней, железницы, голубицы и красный. Маруша же нам сказывал, что есть в Новгороде, Васюком зовут, Никифоров, умеет резать резь всякую: и вы бы этого Васюка прислали к нам в Москву». После большого московского пожара, когда приступили к возобновлению церквей, то послали за иконописцами в Новгород и Псков; из псковских иконописцев были известны в это время: Остап, Яков, Михайла, Якушка, Семен Высокий Глаголь; в Новгороде — дьякон Никифор Грабленый. Упоминается колокольный мастер Иван Афанасьев, который слил колокол для Новгорода в Александровской слободе. Под 1558 годом новгородский летописец говорит, что в Саввиной пустыни покрывали церковь новою кровлею мастера домашние Захар и Семен. Но в 1535 году каменную церковь св. Георгия на Хутыни «чудесную, какой нет в Новгородской земле», строили мастера Тверской земли: старшему из них имя Ермолай. В 1536 году была построена первая *теплая* церковь в Новгороде, Сретения на Дворище; из Новгорода же выписывались серебряные мастера для делания иконных окладов: этим мастерством были известны Артемий и Родион Петровы с братьями и детьми. В Новгороде можно было достать оконничные разноцветные стекла, которые выписывались отсюда царем. В Москве упоминается особое мастерство ожерелейное, в Новгороде упоминаются сермяжники, молодожники, краспльники. По свидетельству Михалона Литвина, города московские изобиловали мастерами, которые отправляли в Литву деревянные чаши, палки для опоры слабым, старым и пьяным, седла, копья, украшения и различные оружия. Несмотря на то, русских мастеров было очень недостаточно: мы видели, как Иоанн домогался гаваней на Балтийском море для того, чтоб иностранные мастера могли беспрепятственно приезжать в его государство; как сильна была нужда в знающих какое-нибудь мастерство иностранцах, видно из следующей грамоты царя к новгородским дьякам в 1556 году: «Велели бы вы в Новгороде, пригородах, волостях и рядах кликать по торгам не одно утро, чтоб боярские дети и всякие люди немецких пленников немцам и в Литву не продавали, а продавали бы их в московские города; а на кого доведут дети боярские, что немецких пленников продавал немцам, тех детей боярских пожалую своим жалованьем, а доведет черный человек, и ему на том, на кого доведет, доправить 50 рублей, а продавцов сажать в тюрьму до нашего указу. Если случится у кого-нибудь из детей боярских и всяких людей немец пленный,

умеющий делать руду серебряную и серебряное, золотое, медное, оловянное и всякое дело: то вы бы велели таких пленных детям боярским везти к нам в Москву, и мы этих детей боярских пожалуем своим великим жалованием» [35]. В 1567 году выехали в Москву из Англии: доктор, аптекарь, инженер с помощником, золотых дел мастер, пробирер и другие мастера.

Приобретение Казани и Астрахани должно было усилить торговлю с востоком, по крайней мере сравнительно с прежним. Об астраханской торговле до нас дошли от описываемого времени два противоречивые известия с востока и запада: мы видели, как огромен был доход московского царя от таможенных астраханских пошлин по показаниям магометанских владельцев, хотевших побудить султана к овладению Астраханью. Но на этих показаниях мы, конечно, не можем успокоиться, зная страсть восточных народов к преувеличениям, особенно когда дело идет об исполнении какого-нибудь желания. Иначе отзываются об астраханской торговле английские путешественники: по их словам, русские привозят в Астрахань кожи, деревянную посуду, узды, седла, ножи и разные другие безделицы, также хлеб и другие съестные припасы; татары привозят разного рода шерстяные и шелковые товары и другие вещи, но в таком малом количестве и купцы так бедны, что не стоит говорить об этом. Купцы армянские и турецкие по-прежнему приезжали в Москву; по английским известиям, они платили десятую деньгу со всех товаров, кроме того, за вес — две деньги с рубля; при продаже лошадей — по 4 деньги с лошади. Бухарцы также приезжали в Москву, привозили пряные коренья, меха, которые скупали в Сибири; ногаи продолжали пригонять на продажу огромные табуны лошадей: в 1555 году, например, они пригнали в Казань 20 000 лошадей и более 20 000 овец.

В договорах со Швециею, Данией и Англией видим со стороны московского правительства попытки завести деятельную торговлю с западными европейскими государствами. О значительности торговли со Швециею можно судить из того, что Густав Ваза пред началом войны с Москвою велел захватить в своих владениях 300 русских купцов из Новгорода, Корелы и Орешка; здесь, разумеется, могут возникнуть два вопроса: не преувеличено ли это показание, данное в Москве в ответ польскому королю, который ходатайствовал о мире со Швециею; потом любопытно было бы знать, где торговали эти русские купцы — в пограничных ли городах, например в Выборге, или в собственной Швеции? Но мы видели, что при заключении мира со Швециею царь дал право шведским купцам ездить не только в Москву, Казань и Астрахань, но чрез Россию в Индию и Китай с условием, чтоб и русским купцам позволено было из Швеции отправляться в Любек, Антверпен и Испанию. В договоре с королем датским выговорена

была русским купцам свободная торговля во всех городах Датской земли, «а маклерем и веркопером на обе стороны отнюдь у них не быть, пошлины и мыты платить как где обычай в которой земле. Которые наши купцы и гости, русь и немцы, поедут из Копенгагена в заморские государства с товаром или заморских государств купцы пойдут мимо Датского королевства морскими воротами, проливом Зундом: то король должен их пропускать». Князю Ромодановскому, ехавшему послом в Данию, было наказано: говорить, чтоб купецкие места царевым гостям велел король очистить такие же, какие дворы даны в Великом Новгороде и в Иван-городе, где были близко пристани, и по обеим сторонам русской церкви немецким церквам не быть. А если король дворов не даст в Копенгагене и в Готланде, то сказать, что царь не даст датским купцам дворов в Новгороде и Иван-городе. Под 1567 годом в летописях встречается следующее известие: «Отпустил государь с своею *бологодетию* от своей казны своих гостей и купцов в поморские государства: в Антроп (Антверпен) к бурмистрам и ратманам послал гостя Ивана Афанасьева да купца Тимофея Смывалова; в Гурмыз купцов Дмитрия Ивашева да Федора Першина; в Английскую землю к Елисавете королевне купцов Степана Твердикова да Федота Погорелова». Были ли это просто послы, отправленные на царском иждивении, или ездили они с товарами из казны царской с целию продать их в чужих землях и купить там других товаров, нужных для государя? Как видно, и то, и другое. По английским известиям, в 1568 году действительно были в Англии русские послы Твердиков и Погорелов.

Голландцы имели свой двор в Новгороде и торговали беспошлинно; потом за какие-то противозаконные поступки потеряли свои льготы и снова возвратили их, заплативши 30 000 рублей. Из переговоров царя с английским послом Боусом мы узнаем, что к известным северным гаваням приходили французские купцы и купец из Антверпена Иван Белобород (John de Wale). Но всего более известий имеем мы об английской торговле во времена Иоанна IV; мы видели, как началась она и какие были последние о ней переговоры у царя с послом Елисаветы, Боусом; здесь считаем нужным привести некоторые подробности для показания, в каком духе, с какими целями действовала русская компания, утвержденная королем Филиппом и королевою Марией в 1555 году. Агенты, отправленные компаниею в Россию, обязаны были изучать характер русского народонаселения во всех сословиях; остерегаться, чтоб никакой закон русский, ни религиозный, ни гражданский, не был нарушен ни ими, агентами, ни людьми их, ни моряками, ни кем-либо из англичан; смотреть, чтоб все пошлины были платимы исправно, дабы не навлечь конфискации товаров, чтоб все происходило покойно, без нарушения порядка в тех местах, куда англичане приедут и будут торговать;

агенты должны в Москве или другом каком-нибудь городе или в нескольких городах, где будет выгоднее торговать, построить один или несколько домов для себя и всех своих людей с магазинами, погребами и другими службами и смотреть, чтоб никто из нижних служителей не смел ночевать вне агентского дома без позволения; все нижние чины должны повиноваться агентам и в случае неповиновения наказываться по произволу последних. Агенты и факторы будут ежедневно собираться и советоваться о том, что было бы всего приличнее и выгоднее для компании. Ни один низший служитель не может сам от себя произвести никакой торговой сделки, а только по поручению и наказу агентов. Агенты должны подробно заметить все роды товаров, которые могут быть с выгодою проданы в России, должны иметь постоянно в уме, как бы всеми возможными средствами узнать дорогу в Китай, морем или сухим путем; должны заботиться об изучении русского народа, его характера, нравов, обычаев, податей, монеты, веса, мер, счета, товаров, какие ему нужны и какие нет, дабы вследствие незнания всего этого компания не потерпела какого-нибудь вреда или убытку, причем она объявляет, что незнание подобного рода не будет принято в оправдание вины. После компания обозначила своим агентам, какие из русских товаров имеют наибольший сбыт в Англии, это: воск, сало, масло, пенька и лен; меха требуются только дешевые, дорогих мехов не надобно присылать много; не присылать и пеньки необработанной, потому что это будет дорого стоить; но компания посылает в Россию семь канатных мастеров, которых агенты должны засадить тотчас за работу, снабдивши их работниками: это дело первой надобности; компания полагает, что это будет дешевле стоить, чем выписывать канаты из Данцига. Компания предписала агентам выслать образцы железа и меди, ибо она слышала, что в России и Татарии добывается большое количество этих металлов; дать знать, какого рода шерстяные ткани привозятся в Россию из Риги, Ревеля, Польши и Литвы, с подробным описанием их ширины и длины, цвета и цены, и какое количество их может быть сбыто в год, чтоб такое же приготовить в Англии; выслать всякого рода кожи, ибо слышно, что немцы и голландцы закупают их в России большое количество. Прислать на пробу известное количество земель или трав, или чего бы то ни было, чем русские красят шерстяные и льняные ткани, кожи и т. п., равно выслать и те красильные вещества, которые турки и татары привозят в Россию, с описанием, как употреблять их при крашении. Русский посол согласился на просьбы компании, чтоб агенты ее могли покупать у русских товары в долг: вследствие этого она требует от агентов, чтоб они этим или каким-нибудь другим способом накупили как можно более воску, чтоб захватить его весь в свои руки и снабжать им не только свою страну, но и чужие. Какие

выгоды получила компания от торговли с Россиею, видно из донесений агента ее Гудсона (Hoddesdon): в Нижнем Новгороде он продавал сукно, стоившее на месте 6 фунтов стерлингов, по 17 рублей за кусок, что, по его словам, составляло почти тройную цену; в Москве товары, стоившие 6608 фунтов, проданы были за 13 644. Мы видели, какие причины выставляло московское правительство английскому послу Боусу, почему ограничены были льготы английских купцов; но Боус приводит другие причины: по его словам, голландцы приобрели расположение трех главных советников царских — Никиты Романовича, Богдана Бельского и Андрея Щелкалова, ибо, кроме беспрестанных подарков, они заняли у них столько денег по 25 процентов, что платили каждому из них ежегодно по 5000 марок, тогда как английские купцы не имели в это время ни одного доброжелателя при дворе.

Самым значительным по торговле городом и в описываемое время продолжал быть Новгород Великий: хотя государь утвердил свой стол в Москве, пишут англичане, однако удобство водяных сообщений и близость моря заставляют купцов посещать Новгород предпочтительно пред Москвою. Главные товары, которыми Новгород производил торговлю, были: превосходный лен и пенька, кожи, мед и воск; двумя последними товарами производил торговлю также Псков. После Новгорода и Пскова важными торговыми городами были Ярославль и Вологда. Страна между Ярославлем и Москвою была самая населенная и считалась очень плодоносною; зимою по Ярославской дороге в Москву попадались иногда обозы в 700 и 800 саней, нагруженных хлебом или рыбою; северные жители за 1000 верст приезжали в Москву покупать хлеб и привозили соленую рыбу, меха, кожи. Вологда производила торговлю преимущественно льном; кроме того, вологодским купцам принадлежала большая часть судов, плававших по Северной Двине, насадов и дощаников, на которых перевозилась соль от морского берега в Вологду. Англичане устроили в Вологде контору на основании донесения агента Гасса, который писал в 1554 году о Вологде, что это город большой, в сердце России, окружен многими большими и хорошими городами; здесь большое изобилие в хлебе, вообще в жизненных припасах и во всех русских товарах; нет города в России, который бы не торговал с Вологдою; все вещи здесь вдвое дешевле, чем в Москве или в Новгороде. Для торговли мехами главным местом были Холмогоры, куда меха привозились на оленях из Печоры, Пинеги, Лампаса (Лампожни, в 18 верстах от Мезени) и Пустозерска; жители этих мест скупали их у самоедов и променивали купцам холмогорским на сукно, олово, медь; для этой мены в зимний Николин день была в Холмогорах большая ярмарка, на которую, кроме мехов, привозили также тюлений жир; жир этот холмогорские купцы отвозили в Новгород, где продавали немцам, меха

отвозили в Новгород, Вологду или Москву. Кроме того, Холмогоры снабжали соседние страны солью и солеиою рыбою. Мы видели, что соль эта шла по Северной Двине в Вологду; другим путем шла она на юго-запад чрез посредство каргопольцев, онежан, турчасовцев, порожан, устьмошан и мехренжан, которые ездили к морю, покупали соль у поморцев и в Каргополе продавали белозерцам, вологжанам и жителям других городов; но эти купцы вели свое дело не чисто, подмешивали в соль негодную примесь и убытчили купцов белозерских и вологодских; жалуясь на них правительству, белозерцы выставляют на вид, что в той соли, которую привозят с Двины сами двиняне, подмеси никакой не бывает.

Сказавши о распространении русской торговли в царствование Грозного, мы должны упомянуть и о препятствиях, которые она встречала в это время. По-прежнему препятствовала торговле громадность расстояний и неудобства, в некоторых местах невозможность летнего пути. Несмотря на все усилия, гаваней на Балтийском море не получили; открыт был далекий путь чрез Белое море и Северный океан, но для проезда от гавани св. Николая, где приставали англичане, до Вологды водою должно было употребить 14 суток; в летнюю пору сухим путем здесь нельзя было ездить по причине болот; зимою на санях от Белого моря до Вологды можно было проехать в 8 дней; от Вологды до Ярославля сухим путем ездили два дня, из Ярославля до Астрахани плыли 30 суток, следовательно, от гавани св. Николая до Каспийского моря на этот путь, посредствовавший между Европою и Азиею, надобно было употреблять 46 дней. На Балтийском море Москва в продолжение некоторого времени имела Нарвский порт; но мы видели, как соседние государства, особенно Польша, хлопотали об уничтожении нарвской торговли. В 1567 году агент английской компании Гудсон приплыл в Нарву с товарами на 11 000 фунтов стерлингов; товары эти состояли из сукна, коразеи и соли; при продаже их компания получила 40 процентов прибыли. В 1569 году тот же Гудсон приплыл из Лондона в Нарву на трех кораблях и писал компании, чтоб на следующую весну она прислала 13 кораблей, которые все он надеется нагрузить товарами; но притом он писал, что корабли надобно хорошо снабдить огнестрельным оружием на случай встречи с корсарами. Действительно, английские корабли встретили шесть кораблей польских корсаров; бой был неравный; один корсарский корабль ушел, другой был сожжен, остальные четыре приведены были в Нарву и 82 человека пленных выданы были московскому воеводе.

Вторым препятствием служило то, что пустынные дороги не были безопасны. По Волге каждое лето проходило 500 судов больших и малых, с верхних частей реки до Астрахани, за солью и рыбою, но суда эти от самой Казани до Астрахани должны были

плыть чрез страну пустынную; место на Переволоке, там, где Волга находится в ближайшем расстоянии от Дона, славилось разбойниками; англичане пишут, что с тех пор, как Астрахань и Казань подпали под власть русского царя, разбойников здесь стало меньше; но потом мы встречаем русские известия о казацких разбоях по Волге, о вреде, который они причиняли торговле. На юго-западе малороссийские козаки, или черкасы, грабили купцов турецких и крымских, шедших в Москву или из Москвы. По-прежнему встречаем постоянные жалобы литовских купцов на притеснения и разбои в московских областях и жалобы московских купцов на притеснения в Литве. Литовские купцы жаловались, что под Можайском напали на них разбойники. Могилевских мещан, ехавших с большим обозом торговать в Стародуб, побили до смерти под самым городом и товару пограбили на 600 рублей. Литовские купцы остановились в слободе Селижаровского монастыря; монастырский человек Окулов позвал их к себе, угостил и, отпуская на подворье, дал в провожатые четыре человека; но эти провожатые напали на дороге на купцов, прибили их и отняли 23 рубля денег; купцы били челом игумену, но игумен управы им не дал. В обоих государствах, Московском и Литовском, задерживали купцов за то, что они покупали или старались провезти запрещенные товары: так, один литовский купец привез в Москву сукна и купил здесь воск, а у серебряных мастеров купил ковши серебряные, чарку и слитки, всего серебра 15 гривенок, весь этот товар у него взяли, и, по жалобе послов, бояре приговорили: весь товар отдать купцу, кроме купленного серебра. Псковский купец шел из Царя-града и вез нефть вместе с другими товарами: в Киеве его схватили, товар отняли и самого купца держали три года; на жалобы московского правительства король отвечал, что нефть запрещено возить с обеих сторон. В 1555 году в Москве запретили вывоз воска и сала в Ливонию; также ограничена была торговля со Швециею: царь велел порубежным людям ездить в Выборг только с мелкими товарами, а с воском, салом, льном и посконью ездить не велел.

Число внутренних таможен не только не уменьшилось, но еще увеличилось вследствие учреждения опричнины; так, в новгородской таможенной грамоте 1571 года читаем: которые гости и торговые люди новгородцы, Софийской стороны, станут приезжать в государеву опричнину, на Торговую сторону с товарами, то они должны являться таможенникам, и таможенники должны брать с них явку и с товаров их тамгу и всякие пошлины точно так же, как берут явку и тамгу с пригородских и волостных людей Новгородской земли. К числу вредных для торговли распоряжений должно отнести продолжавшийся обычай жаловать монастырям право на беспошлинную торговлю; так, например, астраханский Троицкий монастырь выпросил себе право поставить

в Астрахани лавку, покупать в ней и продавать беспошлинно на монастырский обиход и право держать судно белозерку или дощеник, в длину от кормы до носа тридцати сажен, и привозить в этом судне соль или рыбу из Астрахани вверх Волгою до Ярославля и Окою до Калуги, продавать эти товары и покупать другие беспошлинно. В 1582 году подтверждена была жалованная грамота Троицкому Сергиеву монастырю, по которой монастырь имел право посылать с Вологды на Двину в Холмогоры и за море четыре насада с подвозками, возить на них хлеб всякий, мед, хмель и всякий товар, продавать и покупать соль в Холмогорах, по Двине, в Каргополе, Угличе, Тотьме и за морем беспошлинно; кроме того, монастырь мог купить сто возов рыбы и везти соль и рыбу до монастыря и до Москвы беспошлинно; привезши в Москву, продавать и покупать беспошлинно же.

Для избежания внутренних таможен купцы выбирали для ярмарок новые места, где еще не было таможенников; но последние проведывали об этом и доносили в Москву, откуда приходила строгая заповедь не торговать нигде, кроме назначенных мест, под страхом отобрания товаров. Иногда вотчинники известного ярмарочного места били челом, чтоб, кроме их вотчины, по окрестностям не было нигде ярмарок, ибо они откупали таможенные и замытные пошлины; иногда же, наоборот, вотчинник просил о сведении ярмарки с его земли, потому что при тогдашнем состоянии нравов и полиции крестьянам его было больше убытку от нее, чем прибыли; так, игумен Троицкого Сергиева монастыря с братиею били челом, что под их монастырем у Пречистой на Киржачи три раза в год съезжаются торговать многие люди со всяким товаром и от этого их монастырским крестьянам обиды великие, бьют их и грабят, хлеб и сено травят, от волостеля и его пошлинников крестьянам продажи великие, с торговыми людьми их продают; царь исполнил просьбу игумена, велел свести торг с Киржачи.

Вообще, хотя мы не имеем достаточного числа данных для определения степени материального благосостояния жителей Московского государства в правление Иоанна IV сравнительно со временами предшествовавшими и последовавшими, однако из тех известий, которые дошли до нас, мы никак не можем заключить, чтоб эта степень благосостояния была велика. Восточные области государства были успокоены покорением Казани, но южные страдали по-прежнему от крымцев: опустошительное вторжение Девлет-Гирея надолго оставило следы в Москве и в южных областях, лишившихся цвета своего народонаселения. На западе шла продолжительная, тяжелая война ливонская, к которой присоединились войны литовская и шведская, на востоке бунтовали дикие народы: все это требовало сильных напряжений от государства юного, с народонаселением малочисленным: Иоанн

принужден был занимать деньги у своих подданных, и долги эти были выплачены только Лжедимитрием. Право иметь выборные власти, отстранять насилия и своевольства наместников и волостелей могло во многих местах содействовать спокойствию и материальному благосостоянию жителей: но вспомним жалобы и своих, и чужих на опричнину, на жестокости Иоанна. Иностранцы дают Новгороду первое место в торговом отношении, но вспомним, что Иоанн сделал с Новгородом, и не с одним Новгородом, ибо он начал опустошительный поход свой с Твери.

Сюда присоединялись еще бедствия физические. Осенью 1552 года свирепствовал мор в Новгороде и по волостям его: умерло 279 594 человека. В 1553 году был большой мор в Пскове: в год положили в скудельницах 25 000 человек, а по оврагам — неизвестно сколько. Осенью 1565 года свирепствовал мор в Полоцке, продолжался до 6 декабря; весною следующего года он открылся на Луках, в Торопце, Смоленске, осенью свирепствовал в Великом Новгороде, Старой Русе, Пскове, дошел до Можайска и Москвы. В 1567 году пришла на казанские, свияжские и чебоксарские места мышь малая из лесов тучами великими и не оставила ни одного колоса, поела хлеб в житницах и закромах; в 1570 году свирепствовал страшный голод и мор по всему государству. Из мер против распространения заразы упоминаются заставы, сторожа. В новгородской летописи под 1551 годом читаем: был клич в Новгороде о псковичах и гостях, чтоб все они ехали вон тотчас из Новгорода с товарами своими; а поймают гостя псковича на другой день в Новгороде с товаром, то, выведши за город, сжечь его и с товаром; найдут псковича во дворе, то дворника бить кнутом, а псковича сжечь. И была застава на Псковской дороге, чтоб гости с товарами не ездили ни из Пскова в Новгород, ни из Новгорода во Псков. Под 1571 годом читаем: на которых людях было знамя смертоносное, тех у церквей погребать не велели, а велели хоронить их за шесть верст от Новгорода; поставили заставу по улицам и сторожей; в которой улице человек умрет знаменем, те дворы заперали и с людьми, и кормили тех людей улицею; отцам духовным исповедовать тех людей знаменных не велели, а станет священник таких людей исповедовать, не доложа бояр, то его сжечь вместе с больными. В 1566 году, когда в Можайске явилось лихое поветрие, царь велел учредить заставу крепкую. Во время язвы 1571 года, по английским известиям, дороги были загорожены и, кто пытался проехать непозволенными путями, тех жгли. В псковской летописи под 1568 годом читаем: видели сторожа у Чересского моста ночью свет и людей многое множество, вооруженных воинским обычаем и едущих ко Пскову, а сторожа те поставлены были стеречь от мору [36].

Что касается быта городов Западной России, то здесь продолжается прежнее явление, распри горожан с бурмистрами,

радцами, воеводами, князьями, панами и боярами, потому что, быть может, нигде в то время презрение власти и закона сильными людьми не доходило до такой степени, как в Польше и Литве. Мы видели, что жители Вильны в распре со своими бурмистрами и радцами требовали изменения в старом городовом уставе; король Сигизмунд I не согласился на это, оставил все по старине. Но недовольные нашли средство привлечь на свою сторону королеву Бону, и, по ее настоянию, как говорит сам король, он в 1536 году приказал Раде и поспольству выбрать из среды себя верных, смышленых, изучивших немецкое магдебургское право людей, которые бы решили споры, а в каких статьях не могли согласиться, те передали бы на решение королевское. Вследствие этого составлен был и подтвержден новый городовой устав следующего содержания: по-прежнему должно быть в городе 24 радцы и 12 бурмистров, половина римского и половина греческого закона. Из них ежегодно два бурмистра — один римского и один греческого закона — и четыре радцы — два римского и два греческого закона — должны быть на степени, присутствующими (седячими), и получают жалованье: бурмистр — по двадцати, а радца — по десяти коп грошей. Городовое имущество, доходы и расходы ведают четыре шафера; двоих из них выбирает Рада из среды себя, а двоих выбирает Рада ж из поспольства таким образом: поспольство выбирает 8 человек и ставит пред Радою, которая из них выбирает двоих. Шаферы обязаны ежегодно составлять отчеты, причем должны необходимо присутствовать два члена Рады, остальные же — как хотят; должны присутствовать также из цехов по одному мастеру, которых выбирает Рада, а поспольство выбирает из купцов и других виленских горожан, постоянно здесь живущих, 18 человек, а Рада выбирает из них шесть человек; эти выборные из поспольства и цехов по выслушании отчета присягают, что не будут разглашать об имуществе и *таемницах* городских. От казны и привилегий городских должны быть четыре замка и четверо ключей: двое ключей — у бурмистра степенного веры римской и двое — греческой. Казна эта может употребляться только на общие городские потребности. Рада рассуждает о своих делах с бурмистрами в одной избе, а лавники (целовальники) сидят и судят со войтом в другой, разве только когда Рада пришлет за лавниками для каких-нибудь общих дел, тогда лавники приходят к Раде; лавники имеют свою печать, которую король дает им навсегда; таким образом, сидя в разных избах, Рада и лавники не будут мешать друг другу. В бурмистры, радцы и лавники не могут избираться вместе отец с сыном и родные братья; также не может отец сидеть в Раде, и сын его в лаве, или один брат в Раде, другой в лаве. Каждый четверг в положенный час Рада должна собираться в ратушу, и, если кто не явится, тот платит штраф, а если по чьему-либо отсутствию

не дойдет правды простому человеку, тогда виновный должен быть наказан по закону. Послы, пришедшие от города и на городском ждивении к государю, не должны в то время заниматься своими или чьими-нибудь другими делами, кроме общих городских; когда послы возвратятся от государя назад в город, тогда Рада созывает поспольство, и послы перед Радою и поспольством должны объявить, с чем приехали от государя. Рада и поспольство должны стараться, чтоб по возможности все было готово к обороне против неприятеля, пушки, ружья и т. п.; чтоб каждый мещанин (горожанин) имел свое ружье, рогатины, ведра, топоры. Если случится пожар, то каждый мещанин обязан бежать гасить огонь, а бурмистры степенные обязаны принуждать к этому народ. Во время поветрия добрые люди должны наблюдать, чтоб люди не умирали без завещаний. Рада должна заботиться о снабжении города водою, о том, чтоб мясники не били нездоровый скот и не продавали, должна скупать на городские деньги хлеб на случай голода или осады, должна наблюдать за весами и мерами купеческими; все ворота городские Рада должна иметь под своим ключом и надзором. Кто захочет выйти из-под магдебургского права и поддаться под другое право, тот должен прежде продать свое недвижимое имущество мещанину, ратуше послушному. Рада без поспольства не может налагать никаких новых податей. Человек, пришедший откуда бы то ни было и проживший в Вильне шесть лет, не может быть оттуда выведен, ни потревожен никаким правительственным лицом под страхом платежа 500 коп грошей штрафа.

Одинакие финансовые побуждения заставляли правительство как Восточной, так и Западной России блюсти за тем, чтоб *посадские люди*, или *мещане*, не выходили с своим недвижимым имуществом из сословия тяглых людей, ибо казна лишалась чрез это доходов; остальные же горожане чувствовали большую тягость при исполнении разных общих городских обязанностей. До сведения короля Сигизмунда дошло, что многие домы в Вильне выходят из послушания городовому правлению: один — чрез тайные соглашения и записи, правительству не объявленные, другие — чрез супружество со вдовами и девицами дворянскими или служебников панских, чрез подданство ремесленников в оборону панам радным и другим правительственным лицам, от чего доходы королевские и городские очень уменьшаются. Король в 1553 году приказал войту и радцам внимательно наблюдать, чтоб никто ни под каким видом не высвобождался из-под городского права, и под присягою доносить об этом ему, королю, а он домы и фольварки таких ослушников будет отбирать и отдавать на городские потребности. Но в том же году войт, бурмистры, радцы и все мещане жаловались королю, что многие дворяне, бояре и панские слуги, взявши в приданое за женами мещанские дома, не хотят

вместе с мещанами нести никаких городских повинностей: король написал воеводе виленскому, чтоб все домовладельцы, какого бы звания ни были, исполняли все городские обязанности. Но через десять лет приказ королевский был забыт, и Сигизмунд-Август должен был повторить панам радным, чтобы они не принимали к себе мещан виленских с их домами.

В 1568 году Сигизмунд-Август в награду за верность, оказанную особенно в военное время, дал шляхетские права всем мещанам виленским, занимавшим правительственные должности в городе; права эти передавались и детям их, если последние не запятнали себя низкими ремеслами.

Из новой грамоты на магдебургское право, данное Полоцку Баторием в 1580 году, узнаем, что войтом обыкновенно был здесь воевода.

Несколько раз войт, бурмистры, радцы и все поспольство виленское жаловались королю на притеснения, которые им делаются при раздаче квартир постояльцам, дворянам и слугам королевским, панам радным и чиновникам, послам своим и чужеземным (когда все эти лица приезжали в Вильну во время пребывания там короля): забирают лучшие комнаты, хозяина с женою и детьми выгоняют, пожитки их и скот забирают; поместится хозяин с женою и детьми в одной светлице — и туда часто становят постояльца; и все это делается не для того, что постояльцу нужна квартира, а для того, чтоб взять с хозяина деньги: не захочет откупиться, так и терпи. В 1568 году король приказал, чтобы квартиры расписывались непременно в присутствии двух городских радцев и чтоб не отводить квартир никому, у кого есть свои домы в городе. В 1539 году вследствие жалоб жителей Черкас на своего старосту было определено, что они обязаны давать на городовую сторожу по два гроша с каждого человека, который ест свой хлеб; ежегодно должны давать старосте по возу сена с каждого двора; мед возить в Киев на продажу не могут, но должны продавать его на месте старосте по 85 грошей кадь, будет ли он дешев или дорог; могут сытить ежегодно восемь канунов, по две кади каждый раз: к Рождеству Христову, к Великому дню, к св. Илии, к Спасу, к Успению пречистой, к Рождеству пречистой, к св. Михаилу архангелу, к св. Николе; с пасек старосте ничего не дают; что касается уходов по Днепру бобровых и рыбных, то староста отпускает их на эти уходы из доли, на какой с ними условится; осенью, когда колодки на бобров будут ставить, дают по бобру на город; рыбу вольно им ловить и продавать, только часть должны давать на город; который козак умрет или татары возьмут, а жены и детей у него не останется, то половину имения его староста берет на город, а другую отдает по душе; днепровский порог Звонец мещане держат за собою, и староста в него не вступается; коледы на Рождество Христово мещане и козаки дают старосте

по лисице или по кунице, а не будет лисицы или куницы, то по шести грошей; с двух человек староста берет по подводе на посад в Канев; случится посол или гонец татарский, то мещане дают ему квартиру, а староста — мед; что касается сторожи степной и водяной и переезжанья татарских шляхов, то мещане обязаны стеречь, а шляхи переезжать вместе со старостовыми слугами.

В 1538 году король позволил жителям Вильны построить мост на городские деньги с правом собирать пошлину с проезжих по пенязю с воза. В том же году с виленцев потребовали было 500 коп грошей ордынщины; но они объявили, что по привилегиям своим платят только 80 коп, и король оставил эти привилегии в силе; но когда потом виленцы, основываясь на своих привилегиях, хотели отбыть от нового мыта, наложенного на все вывозные товары на три года по случаю войны московской, то король не исполнил их просьбы и велел платить мыто вместе с другими. В 1540 году дана была уставная грамота свислочьским горожанам и волостным людям, замечательная для нас по сохранившимся в ней названиям самых древних на Руси поборов; там говорится: «А полюдья по полтора гроша с дыма, осенью». В уставной могилевской грамоте 1561 года исчисляются подати, какие горожане должны были платить с каждого участка земли, приносящей известный доход, с домов, лавок, причем отличаются дома, находящиеся на рынке, от домов, построенных на улицах: с первых подать больше, чем со вторых; луга над Днепром отличаются от лугов на болотах: с первых также подать больше, чем со вторых. Грамота эта особенно замечательна определением, когда горожане могли приготовлять у себя хмельное питье, ибо в этих определениях сходились, как увидим, уставные грамоты городам Восточной и Западной России: «Сытить мед вольно панам семь раз на год, т. е. к Спасову дню, к Вознесенью, к Троицыну дню, к Успеньеву дню, Николину, Петрову и Ильину дню, на каждый раз могут покупать меду не больше как на два рубля грошей широких. Мещанам могилевским вольно иметь 12 *складов* в год на праздники, причем также не могут сытить меду больше чем на два рубля грошей широких. Кроме того, вольно всем мещанам для собственного употребления, а не на продажу держать мед, пиво и, с ведома мытников, палить горелку к свадьбе сына или дочери и на *коляцыю* (collatio); кроме того, мещане могут палить горелку пять раз в год: к Рождеству Христову, к маслянице, к Великому дню, к Троицыну дню и к Николину дню осеннему; однако они не могут каждый раз употреблять на горелку больше четверти солоду». В этой же грамоте говорится, что в силу нового постановленья поручено войтовство мещанину могилевскому Иосифовичу, а для лучшего порядка и управления установлено четыре сотника, из которых каждому поручена в управу известная

часть людей: войты никаких городских дел не могут решать без совета с сотниками и другими главнейшими мещанами.

Что касается цехов, то Сигизмунд-Август в 1552 году дал виленскому войту, бурмистрам и радцам право старые ремесленные товарищества (collegia opificum) исправлять и учреждать новые, давая им привилегии, предписывая законы и обычаи; никто в городе не смел заниматься никаким ремеслом, не будучи приписан к известному товариществу (collegium seu universitas), в противном случае он подвергался тюремному заключению, отнятию инструментов ремесленных, конфискации движимой собственности.

По челобитью жидов, Стефан Баторий в 1578 году предписал войтам, бурмистрам и радцам всех городов, чтоб жиды судились правом земским, а не магдебургским.

Мы видели, что еще при великом князе Александре в Бельзской волости было постановлено, что землевладелец, который захочет установить у себя легчайшие работы и дани с целию переманить больше крестьян, подвергался пени во 100 коп грошей. В 1551 году землевладельцы Витебского повета согласились между собою и постановили, на каких условиях жить у них вольным крестьянам: каждый обязался водворять их не иначе, как по принятому в земле Полоцкой обычаю, т. е. крестьянин должен был давать пану четвертый сноп, который молотился при панском посланце. Притом крестьяне должны были кормить посланцев панских и доставлять панскую долю в назначенное место; от пчел должны были давать панам половину меду. Каждое лето должны на панском хлебе работать на пана восемь толок, два дня пахать паровое поле, два дня рубить лед, два дня косить сено, два дня жать рожь и всякие хлеба; весною, в течение недели, строить на панском дворе новые хоромы или починивать старые, а зимою ходить на охоту и на рыбную ловлю. Если вольный крестьянин (похожий человек) не захочет жить на четвертой доле, то должен круглый год работать два дня в неделю, с косою, сохою, серпом, топором, с чем только будет приказано, да, кроме того, летом отработать 8 толок. А если вольный крестьянин захочет перейти к другому землевладельцу, то обязан заблаговременно, летом, уступить пану своему паровое поле и, явившись на мирской сходке, на первой неделе великого поста, ударивши челом и заплативши выходную куницу — 12 широких грошей, пойти прочь. Если б вольный крестьянин, живя в селе, допустил до расстройства свой дом или гумно, то, уходя прочь, должен поправить и обстроить, чтоб было так, как он сам застал. А если б кто поселил вольного человека на сыром корне, где прежде не было селитьбы, ни готового распаханного поля, то поселенцу должно быть дано 10 лет льготы, по миновании которых он должен также давать четвертый сноп и нести все упомянутые выше службы.

Постановивши эти условия, землевладельцы объявили, что если кто-нибудь из них будет водворять вольных людей, довольствуясь более легкими повинностями, из желания заселить свое именье или в чем-нибудь нарушит устав и будет уличен, то платит королю пени 50 коп грошей. В 1553 году король Сигизмунд-Август, подтвердив это постановление, принял его и для своих крестьян.

В уставе о волоках, данном в 1557 году для королевских волостей княжества Литовского, бояре путные стародавные и некупленные были водворяемы на двух волоках, с которых они платили за все повинности деньгами, смотря по оценке земли, а в тот год, когда ездили в дорогу, ничего не платили; без королевского приказания уряд не мог их посылать никуда. Из числа этих бояр ревизоры выбирали служек, которые должны были находиться при каждом замке или дворе королевском в потребном числе: они ездили с листами королевскими к дворам, уряду подлежащим, отвозили в Вильну денежные подати, ездили на следствия по жалобам крестьян и за то держали на одного коня по две волоки, свободных от всяких податей. Бортники платят деньгами от волоки, смотря по оценке земли, как платят новопоселенцы; когда король прикажет идти им на войну, то в том году они свободны от всяких податей; они обязаны также чинить мосты. Кучера седельные или дворовые имеют по две свободных волоки. Стрельцы владеют также двумя свободными волоками; служба их состоит в том, что они, по приказанию королевскому, отправляются на охоту и на войну. Другие дворовые слуги также имеют по две волоки свободных; сюда причисляются и осочники (загонщики на охоте), которых выбирает ревизор с лесничим. Войты по селам имеют по одной волоке; служба их состоит в следующем: по приказанию уряда они выгоняют крестьян на работу, для платежа оброка и податей, присутствуют при уплате податей, представляют крестьян в уряд на расправу, надзирают за работами, сдают в Вильне овес и сено, привозимые туда людьми из войтовства, поправляют ежегодно межевые знаки, доносят уряду о их порче. Уряд судит крестьян в торговый день во всяких делах, кроме кровопролития и насильства; в случае последних войт представляет крестьянина на суд, куда уряд прикажет. Войт присутствует на суде для помощи крестьянину, ведет ведомость пеням, поступающим в казну, и доносит ревизорам, наблюдает, чтоб уряд не брал пеней более установленного. Войта судит уряд за всякий проступок, но лишить его войтовства может только вместе с ревизором. Отставивши одного войта, должны определить другого из людей той же волости не подозрительного поведения, на избрание которого согласятся крестьяне. В каждом войтовстве должно быть около 100 волок, хотя бы для этого можно было соединить два, три и более сел. Для измерения волок войт должен иметь межевой шнур постоянной меры, верный. Лавники (целовальники) должны

быть определяемы в селах по два, по три и больше, смотря по величине села. Обязанность их состоит в исследовании вреда, причиняемого на пашнях пасущимся скотом, и других случаев; за труд они получают при каждом случае грош оглядного; за ложное показание они казнятся смертию.

Мы видели, сколько поземельного, или цыншу, платили королевские крестьяне или тяглые люди; работали они с каждой волоки по два дня в неделю; свободны были от работ — неделю о Рождестве Христове, неделю на маслянице, неделю о Светлом воскресении. Работа крестьянам должна быть заказана войтом в воскресный день. Если крестьянин не выйдет на работу, то за первый день платит грош, за другой — барана, за третий наказывается бичом на скамье и отрабатывает пропущенные дни. Если же по какому-нибудь случаю крестьянин не может выйти на работу, то должен известить о том уряд чрез соседа или лавника; если причина признана будет законною, то наказанию крестьянин не подвергается, но должен в другой день отработать все, что пропустил. От работы никто не может откупиться. Начинают крестьяне работу с восходом солнца, оканчивают с захождением; отдых тем, которые скотом работают, пред обедом час, в полдень час, под вечер час; а кто работает пешком, тому давать только по получасу отдыха. Крестьяне во всех замках и волостях королевских должны начать отдачу поземельного оброка и других податей в день св. Михаила и могут продолжать платеж до дня св. Мартина. Кто не уплатит к этому сроку и уряд найдет, что не уплачено по нерадению, то виновный отводится в тюрьму и содержится там, пока не заплатит, а волов и коней не отбирать никогда за поземельный оброк и ни за что другое. А который человек не может заплатить подати по причине пожара, смерти или болезни всего семейства, голода, градобития и бедности, такого войт представляет в уряд; уряд, расспросив войта, лавников и соседей и освидетельствовавши дом крестьянина, вносит его имя в реестр, а подскарбий, принимая отчет, должен опять исследовать дело чрез ревизора. Ревизоры должны быть присяжные, люди добрые, набожные, оседлые, знающие хорошо размерение волок и хозяйство. Ревизоры должны наблюдать, чтоб никто не рубил лесов королевских, доносить о неисправном уряднике, смотреть, чтоб места для поселений назначаемы были землемерами в третьем среднем поле, а уряд должен принуждать крестьян селиться в назначенных местах. Ревизор избирает землемеров. Во всех замках и дворах королевских там, где земли разделены были на волоки, уряд получает все сборы с десятой волоки, исключая овес и сено, из гумен третий сноп всякого хлеба, торговую и померную пошлину всю, с мясников в торговые дни, при спуске прудов десятую рыбу, пени с крестьян, которые на работу не выйдут, и проч. Крестьяне имеют право въезжать, хотя не глубоко, в леса королевские по дрова, хворост, строевой лес, по лыки,

впрочем, для своей только надобности, а не на продажу. Детям и женщинам не запрещается собирать во всех лесах королевских грибы, лесные овощи, ягоды и хмель. На своих волоках крестьянин может убить волка, лисицу, рысь, росомаху, зайца, белку и всякого другого малого зверя, также птицу всякую и может продавать эту добычу всякому, не объявляя уряду; но серн и других больших зверей не может убивать и на своих волоках; а особливо в пущах и под пущами королевскими крестьяне не должны держать ружей и не должны ловить никаких зверей под страхом смерти. Крестьяне могут ловить рыбу в реках и озерах королевских малыми сетями, но езов устроять не могут; в апреле, мае и июне месяцах в озерах не могут ловить рыбы ничем, должны оставлять ее для расплоду, а в реках могут ловить всегда. Бедный крестьянин может в голодное время, засеяв поля, на зиму уходить для прокормления, объявив о своей бедности уряду при войте; у него не отбираются ни хозяйство, ни посев до дня св. Иоанна; а если не воротится к этому времени, то теряет посев и все его хозяйство отдается другому. Если крестьянин уйдет, не объявивши урядинку при войте, то вся земля его со всем хозяйством отдается другому, а беглеца уряд отыскивает. Если крестьянин, ушедший с ведома уряда, воротится после св. Иоанна, также если беглец будет вытребован или сам воротится, то водворять их на пустых волоках. Если крестьянин уйдет вследствие обиды, нанесенной ему урядником или войтом, и потом возвратится, то ревизор должен исследовать дело и решить — допустить ли его к посевам и усадьбе или нет. Крестьянин может продать свое строение и хозяйство пред урядом, в присутствии войта и лавников и, водворив покупщика (который должен быть в силах исполнять повинности), может поселиться в городе или на пустой волоке, но только в королевском же имении. Пустые волоки заселяются добрыми людьми, которые в течение двух или трех лет не должны давать больше 42 грошей за все повинности. Для поставки подвод в дальний путь или для постройки замков и дворов крестьяне складываются с трех или четырех волок на один воз или на одного работника, за что крестьяне освобождаются от податей. Крестьяне должны строить также мосты, ходить на стражу в замки и дворы королевские. Ремесленники всякого рода должны быть водворяемы ревизором на одной свободной волоке при всех замках и дворах королевских.

Касательно промышленности любопытна грамота, данная Сигизмундом-Августом виленскому стеклянному заводчику, дворянину Мартину Палецкому: заводчик обязан был давать в казну королевскую ежегодно по 200 стекляниц больших и по 200 малых и за это получал привилегию, что все привозимое в Вильну стекло, кроме венецианского, могло быть продаваемо только одному ему и в Вильне не будет позволено никому другому устроивать стеклянные заводы.

Относительно торговли замечательна грамота Сигизмунда-Августа, по которой для избежания дороговизны съестных припасов в Вильне запрещено перекупать их; смотреть за исполнением королевского приказа поручено бурмистрам и радцам. В договоре, заключенном с крымским ханом в 1540 году, между прочим, выговорено, что купцы польские и литовские могут свободно брать соль в Качибиеве (Одессе) и, заплативши мыто по старине, возить соль в Киев, Луцк и другие города под охраною ханских людей и если бы королевские подданные потерпели в Качибиеве какой-нибудь убыток от людей ханских, то хан за него платит; также всем купцам польским и литовским вольно ходить с товарами в Перекоп и Кафу и торговать там, платя стародавные мыта, и, наоборот, купцам татарским вольно торговать во владениях королевских. В 1540 году установлены были две торговые дороги из Литвы в Пруссию: одна шла к Мемелю на Горжды, где собирался мыт; другая — на Юрбург, где по пятницам происходили торги; из товаров, складываемых здесь, упоминается преимущественно соль. В 1547 году на виленском сейме король с панами и шляхтою рассуждал о том, что подданные его закона римского и греческого добывают в пущах, лесах и борах Великого княжества Литовского всякого рода лесные товары и запродают их купцам прусским, лифляндским, а также и своим литовским жидам и купцы эти и жиды при запродаже товаров, при спуске их, бракованье и продаже обманывают их, так что они получают очень малую прибыль; пущи, леса и боры, вечная собственность земская, пустошатся, и только чужеземные купцы да жиды богатеют. Для избежания этого сейм постановил: учредить на границах складочные места, куда бы каждый из литовских подданных обязан был привозить лесные товары; здесь королевские чиновники покупали их по назначенным ценам и потом уже старались сбывать за границу как можно выгоднее для казны. Такие складочные места были устроены в Ковне, Бресте, в Дрисе под Полоцком и в Салате, в земле Жмудской.

От описываемого времени дошло до нас известие о торговом значении Киева и его области: «Киев изобилует иностранными товарами, ибо для всего, что привозится из Малой Азии, Персии, Индии, Аравии, Сирии на север, в Московское государство, Швецию, Данию (драгоценные каменья, шелковые и золотошвейные ткани, ладон, фимиам, шафран, перец и другие ароматы), нет другой более верной, прямой и известной дороги, как от Кафы, чрез Перекоп, Таванский перевоз на Днепре и Киев. Этою дорогою часто отправляются чужестранные купцы караванами, в которых бывает их до тысячи, со многими повозками и оседланными верблюдами. Но когда купцы, чтоб избежать двойной переправы через Днепр и уплаты пошлины, оставя старую дорогу, отправляются от Перекопа прямо в Московское государство на Путивль, то часто подвергаются грабежам. Киевские воеводы, откупщики, купцы,

менялы, лодочники, возчики, корчмари получают большую выгоду от этих караванов. Выгоды бывают от караванов и тогда, когда проходят они в зимнее время по полям и засыпаются грудами снега. Таким образом случается, что киевские хижины, обильные в прочем плодами, молоком и медом, мясом и рыбою, но грязные, наполняются драгоценными тканями, дорогими каменьями, соболями и другими мехами, ароматами и проч., так что шелк иногда там дешевле, чем лен в Вильне, а перец дешевле соли» [37].

Что касается состояния русской церкви при Иоанне, то пределы ее распространились вместе с пределами государства на востоке, чрез покорение Казани и Астрахани, которые, сделавшись городами русскими, вместе с тем должны были сделаться городами христианскими. По важности места, каким была Казань, по важности следствий для церкви и государства, какие могло иметь обращение окружного народонаселения в христианство, положено было учредить здесь особую епархию. Первый архиепископ казанский и свияжский, Гурий, отправился в свою епархию из Москвы весною 1555 года. Это отправление было необычное, первое в русской истории: архиепископ ехал в завоеванное, неверное царство распространять там христианство, утверждать нравственный наряд, вез с собою духовенство, нужные для церкви вещи, иконы и проч.; этот духовный поход Гурия в Казань соответствовал отправлению греческого духовенства из Византии и Корсуня для просвещения Руси христианством при Владимире; он был завершением покорения Казани, великого подвига, совершенного для торжества христианства над мусульманством: понятно, что он совершился с большим торжеством. В седьмое воскресенье после Светлого воскресенья в Успенском соборе был молебен: служил митрополит Макарий, новый архиепископ Гурий; крутицкий владыка Нифонт с архимандритом и игуменами святили воду над мощами; после молебна духовенство с крестом, евангелием и иконами пошло на Фроловский мост (к Фроловским, или Спасским, воротам), за ним шел царь с братьями, князьями, боярами и множеством народа; перед Кремлем другой молебен, после которого царь и митрополит простились с Гурием. В это время за Фроловскими воротами уже было положено основание знаменитому Покровскому собору в память взятия Казани; на этом основании Гурий говорил ектению, осенял крестом и кропил святою водою; выше дши на Живой мост из Нового города, он читал евангелие, ектению, осенял крестом и говорил молитву, сочинение митрополита Илариона русского, за царя и за все православие; здесь был отпуск: Гурий осенил крестом и благословил следовавший за ним народ, окропил его и город святою водою и вошел в судно, где продолжалось пение и чтение евангелия. Под Симоновом казанское духовенство вышло из судна и было встречено симоновским архимандритом с крестами. Здесь Гурий служил литургию, обедал и ноче-

вал, а на другой день рано отправился в дальнейший путь по Москве-реке, Оке и Волге; на дороге, по прибрежным погостам и большим селам, посылал кропить святою водою храмы, места и народ. Коломенский владыка должен был в своем городе велеть кликать на торгу, чтоб весь народ шел к молебнам и навстречу казанскому архиепископу; встреченный владыкою с крестным ходом и всем народом, Гурий служил в Коломне литургию и обедал у владыки. Во всех других городах был ему такой же прием. По приезде в Казань новый архиепископ обязан был поучать народ каждое воскресенье; новокрещенных всегда поучать страху божию, к себе приучать, кормить, поить, жаловать и беречь во всем, дабы и прочие неверные, видя такое бережение и жалование, поревновали христианскому праведному закону и просветились святым крещением. В наказе, данном Гурию, говорится: которые татары захотят креститься волею, а не от неволи, тех велеть крестить и лучших держать у себя в епископии, поучать христианскому закону и покоить как можно; а других раздавать крестить по монастырям; когда новокрещенные из-под научения выйдут, архиепископу звать их к себе обедать почаще, поить их у себя за столом квасом, а после стола посылать их поить медом на загородный двор. Которые татары станут приходить к нему с челобитьем, тех кормить и поить у себя на дворе квасом же, а медом поить на загородном дворе, приводить их к христианскому закону, причем разговаривать с ними кротко, тихо, с умилением, а жестоко с ними не говорить. Если татарин дойдет до вины и убежит к архиепископу от опалы и захочет креститься, то назад его воеводам никак не отдавать, а крестить, покоить у себя и посоветоваться с наместниками и воеводами: если приговорят держать его в Казани, на старой его пашне и на ясаку, то держать его на старой пашне и на ясаку, а нельзя его будет держать в Казани, из опасения новой измены, то, крестив, отослать к государю. Которого татарина за какую-нибудь вину воеводы велят казнить, а другие татары придут к архиепископу бить челом о печаловании, то архиепископу посылать отпрашивать виновного и по совету наместника и всех воевод взять его у наместника и всвод за себя и, если можно, держать его в Казани, а если нельзя, отослать к государю. Держать архиепископу совет с наместником и воеводами: на которых татар будет у них опала не великая и захотят их острастить казнию и до казни не дойдут, о таких пусть они сказывают архиепископу, и архиепископу от казни их отпрашивать, хотя ему от них и челобитья не будет. Всеми способами, как только можно, архиепископу татар к себе приучать и приводить их любовию на крещение, а страхом ко крещению никак не приводить. Услышит архиепископ бесчиние в казанских и свияжских воеводах, в детях боярских и во всяких людях или в самих наместниках относительно закона христианского, то поучать их с умилением; не станут слушаться — говорить с запреще-

нием; не подействует и запрещение — писать о их бесчинствах к царю. Архиепископу держать наместников казанских и свияжских честно. Если случится наместнику казанскому и воеводам обедать у архиепископа, то наместника сажать на конец стола, воевод сажать у себя по другую сторону в большом столе, пропустя от себя места с два; архимандритов, игуменов и протопопов сажать в кривом столе; после стола подать чашу царскую архиепископу, архиепископскую чашу — наместнику, наместничью — архимандриту или игумену большому, а не случится такого, то архиепископскому боярину. О каких царских думных делах наместник и воевода станут советоваться с архиепископом, то ему с ними советоваться и мысль свою во всяких делах им давать, кроме одних убийственных дел; а мыслей наместника и воевод никак не рассказывать никому. Держать архиепископу у себя во дворе береженье великое от огня, поварни и хлебни поделать в земле; меду и пива в городе у себя на погребе не держать, держать на погребе у себя квас, а вино, мед и пиво держать за городом на погребе. Наместнику и воеводам говорить почаще, чтоб береженье держали от огня и от корчем великое, чтоб дети боярские и всякие люди ночью с огнем не сидели и съездов у них, ночного питья не было; да и днем бы не бражничали, по городу и в воротах держали сторожей и береженье великое. Если архиепископ узнает, что у наместника и воевод в городе не бережно или людям насилие, то говорить об этом наместнику и воеводам дважды и трижды, чтоб так не делали; если же не послушают, то писать к государю. Новому архиепископу назначено было по тому времени большое жалованье: деньгами 865 рублей да из казанской, свияжской и чебоксарской таможенной пошлины десятой деньги 155 рублей 11 алтын, кроме того, столовые припасы шли натурою, от ржи до пряных кореньев. Наказ относительно обращения татар в христианство был выполнен как нельзя лучше Гурием и двумя помощниками его — архимандритами Германом и Варсонофием, из которых первый был преемником Гурия на архиепископии казанской: несколько тысяч магометан и язычников обращены были в христианство. В Астрахани были также обращения; мы видели, что черкесские князья приезжали в Москву, крестились сами или крестили сыновей своих; к ним в горы посылались из Москвы священники для восстановления падшего там христианства.

На далеком севере продолжалось обращение лопарей: при Иоанне IV кончил свои подвиги относительно обращения кольских лопарей Феодорит, печенгских — Трифон. Уроженец Новгородской области, Трифон с молодых лет пристрастился к пустынной жизни; странствуя по лесам своей родины, он услыхал голос, говоривший ему, что не в них он должен искать Христа, что его ждет земля необетованная, непроходимая, необитаемая и жаждущая. Трифон отправился к берегам моря-океана, поселился в пустынной стране

на реке Поченге, жил бездомно и бескровно и начал поучать окрестных лопарей новой вере; дело было трудное: колдуны-кебуны лопские, не умея оспорить Трифона словом, били, терзали его, собирались убить; но в толпе дикарей являлись защитники, слышались голоса: «Чем же он виноват? Говорит он нам о добром деле, о царствии божием, смерть нашу называет сном, говорит, что воскреснем; оставим его теперь, а если найдем в нем вину, тогда убьем». Трифона выгоняли, но он возвращался и успел огласить многих лопарей; приведенный им из Колы священник крестил оглашенных и освятил им церковь.

Но в то время как ревностные проповедники распространяли христианство на пустынных берегах Северного океана, новгородские владыки должны были бороться с язычеством, упорно державшимся в Воцкой пятине: в 1534 году новгородский архиепископ Макарий должен был писать в Воцкую пятину, в Чудь и во все копорские, ямские, ивангородские, корельские и ореховские уезды к тамошнему духовенству: «Здесь мне сказывали, что в ваших местах многие христиане заблудили от истинной веры, в церкви не ходят и к отцам своим духовным не приходят, молятся по скверным своим мольбищам деревьям и камням, в Петров пост многие едят скоромное, и жертву и питья жрут и пьют мерзким бесам, и призывают на свои скверные мольбища отступников арбуев чудских; мертвых своих кладут в селах по курганам и коломищам с теми же арбуями, а к церквам на погосты не возят хоронить; когда родится дитя, то они к родильницам прежде призывают арбуев, которые младенцам имена нарекают по-своему, а вас, игуменов и священников, они призывают после; на кануны свои призывают тех же арбуев, которые и арбуют скверным бесам; а вы от таких злочинний не унимаете и не наказываете ученьем. Да в ваших же местах многие люди от жен своих живут законопреступно с женками и девками, а жены их живут от них с другими людьми законопреступно, без венчания и без молитвы». Архиепископ для искоренения этих беспорядков послал в Воцкую пятину священника и двоих своих детей боярских с приказанием скверные мольбища разорять и истреблять, огнем жечь, а христиан поучать истинной вере, покаявшихся арбуев исправлять по правилам церковным, а непослушных хватать и отсылать к нему в Новгород. Но распоряжения Макария остались недействительными, потому что через 13 лет преемник его, архиепископ Феодосий, должен был повторить те же самые увещания и распоряжения, указывая на те же самые беспорядки, с прибавкою одного нового: «В ваших же местах,— пишет Феодосий,— в Чудской земле замужние жены и вдовы головы бреют и покрывало на головах и одежду на плечах носят подобно мертвячьим одеждам, и в том их бесчинии великое поругание женскому полу».

Монастыри по-прежнему продолжают содействовать заселению

пустынных пространств. Игумен Феодор построил пустыньку на лесу черном, диком между Вологодским, Каргопольским и Важским уездами; по его челобитью государь в 1546 году пожаловал, велел тот лес расчищать на все стороны от монастыря по двенадцати верст, займище распахивать и людей призывать; призванное народонаселение, по обычаю, получило известные льготы. Иногда монастырь основывался вследствие челобитья народонаселения целой страны; так, в 1580 году с Вятки, из города Хлынова, выборные судьи и все земские люди прислали к царю от всей земли челобитную, что вятские города от московских городов далеко, а монастыря во всей Вятской земле нет, престарелым и увечным людям постричаться негде, а иные при смерти постричься желают, и потому они хотят устроить у себя монастырь, в строители излюбили Пыскорского монастыря постриженника старца Трифона, а земля у них есть: паместничьи деревни стоят пустые, не пашет их никто.

Северные пустынные монастыри продолжали воспитывать в своих иноках твердость духа в борьбе против явлений нехристианских. В страшную эпоху кровавой борьбы и насилий торжествующего начала самый отдаленный на севере монастырь Соловецкий выслал в Москву в митрополиты своего игумена, который не усомнился поднять голос за милосердие: ряд знаменитых московских иерархов, столько содействовавших усилению Москвы, установлению единодержавия и признанных церковью святыми, заключился великим мучеником за священное право печалования о падших, слабых. Иоанн в послании из Александровской слободы к московскому народу жалуется, что духовенство печалуется за людей, по его мнению, недостойных; но любопытно, что здесь царь не упоминает о митрополите; с Филиппа Иоанн взял обещание не вступаться в опричнину и в домовый царский обиход, но о печаловании не было упомянуто ни слова; казанскому архиепископу Гурию печалование было предписано как средство привлекать татар к принятию христианства. Ходатайство митрополита Макария принималось в уважение царем и прямо выставлялось как побуждение к оказанию какой-нибудь милости, исполнению какой-нибудь просьбы; так, царь писал новгородским дьякам: «О жене князя Богдана Корецкого поминал нам отец наш Макарий, митрополит всея Руси, чтоб нам ее пожаловать, из мужнего поместья велеть дать земли на прожиток: и я, для отца своего Макария митрополита, ее пожаловал, велел ей из мужнего поместья отделить 15 обеж». Для митрополита же пожалован был новгородский помещик Курцов, не велено было отнимать у него старого поместья; по просьбе новгородского архиепископа Пимена и митрополита Макария уменьшен был денежный взыск с князя Ивана Буйносова-Ростовского. Хотя митрополит на просьбы литовских панов о посредничестве для заключения мира обыкновенно отвечал, что он в эти дела не входит, знает только свои церковные дела, однако

мы встречаем известие, что государь совещался с митрополитом о делах вовсе не церковных; так, в 1550 году государь приговорил с митрополитом, братьями и боярами, где быть на службе боярам и воеводам по полкам.

Свержение Филиппа с митрополии вследствие столкновений с опричниною не было первым примером в XVI веке: великий князь Василий сверг нул митрополита; в малолетство Иоанна свергнуты были два митрополита. До нас дошел чин поставления митрополита Иоасафа; здесь сначала сказано: «Князь великий Иван Васильевич всея России с своими богомольцами, архиепископом Макарием Великого Новгорода и Пскова, с епископами, со всем освященным собором, с старцами духовными и всеми боярами, избрал на митрополию духовного старца Троицкого Сергиева монастыря игумена Иоасафа и нарек его митрополитом всея России». После этого наречения государь пошел к соборной церкви Успения с нареченным митрополитом, со всем духовенством и боярами; нареченного пред государем вели два епископа под руки; приложившись к образам и мощам, государь пошел на митрополичий двор, где архиепископ и епископы посадили нареченного на уготованном месте. Потом в приведенном акте говорится, что в тот же самый день (февраля 6 1539 года) в соборной церкви Успения, в приделе Похвалы богородицы, по совету архиепископа Макария сели епископы — рязанский, тверской, сарский и пермский — и выбрали на митрополию по писанию книжному. Но ошибка в числе поправляется другим актом, где говорится о форме избрания: февраля 5 означенные епископы, имея с собою волю и хотение остальных епископов русских, избрали на митрополию киевскую, владимирскую и всея России троих: чудовского архимандрита Иону, троицкого игумена Иоасафа, новгородского хутынского игумена Феодосия; запечатавши имена их, отдали архиепископу Макарию, который, помолившись, распечатал и нарек митрополитом Иоасафа.

9 февраля происходило поставление избранного: пред литургиею он должен был громогласно прочесть исповедание православной веры. Во время литургии на третье «Святый боже» нареченного привели в алтарь в царские двери, и архиепископ с епископами поставили его митрополитом, и он сам служил литургию, причем, однако, посоха митрополичьего поддьяконы не держали; после литургии, когда новый митрополит сел на свое святительское место каменное, подошел к нему государь и после речи подал посох. По выходе из церкви митрополит с крестом в руках сел на осла и поехал на великокняжеский двор благословлять государя: осла вел великокняжеский конюший да боярин митрополичий. Побыв у государя, митрополит ездил на свой двор завтракать с архиепископом и епископами; после завтрака отправился опять на осле около города каменного благословлять народ и весь город, после чего обедал у себя с архиепископом и епископами. В письменном

исповедании своем митрополит клялся, между прочим, соблюдать православную веру согласно со вселенскими патриархами, а не так, как Исидор принес от новозлочестивие процветшего несвященного латинского собора: исповедовал, что при поставлении ничего никому не дал, не обещал дать и не даст; обещал соблюдать все по старине и не делать ничего по нужде ни от царя или великого князя, ни от князей многих, если и смертию будут грозить, приказывая что-нибудь сделать вопреки божественным и священным правилам; обещал не позволять, чтоб кто-нибудь из православных соединился с армянами, латинами и прочими иноверными браком, кумовством и братством. 9 февраля был поставлен Иоасаф, и только 26 марта предшественник его Даниил дал, то есть принужден был дать, отреченную грамоту. По смерти митрополита Макария в 1564 году царь с сошедшимися для избрания нового митрополита архиереями приговорил: митрополит архиепископам и епископам всем глава, а в том его высокопрестольной степени почести нет, что он носит черный клобук и владыки все носят черные же клобуки, а новгородский архиепископ носит белый клобук: от сего времени носить митрополиту клобук белый с рясами и херувимов, печатать грамоты красным воском; архиепископу новгородскому носить белый клобук и печатать грамоты красным воском; архиепископу казанскому красным же воском. Тогда же написан был новый чин митрополичьего поставления с некоторыми незначительными переменами против прежнего.

Относительно избрания епископов в летописях встречаем выражения: «Повелением царя, избранием митрополита и собора» или: «Повелением царя, по благословению и рукоположению митрополита, по совету освященного собора». В летописном известии о поставлении архиепископа Александра в Новгород в 1576 году встречаем слова: «А избрал его на владычество сам государь». О новгородском владыке Феодосии говорится, что он был поставлен в 1541 году митрополитом Макарием и возведен на архиепископию московским боярином Григорием Мануиловым. Новопоставленный владыка, приехавши в главный город своей епархии, приказывал читать всенародно настольную грамоту, данную ему митрополитом; под 1572 годом новгородский летописец рассказывает: владыка Леонид пел молебны со всеми соборами у св. Софии, а после молебнов велел свою настольную грамоту читать на амвоне Якову ризничему своему пред всем собором вслух людям всем. И в то же время владыка начал говорить архимандриту Юрьева монастыря Феоктисту: «Зачем ты, архимандрит, мне своей настольной грамоты не кажешь? По какому праву ты архимандритишь?» Архимандрит отвечал: «Государь! я не успел, была поездка в Москву, и потому я тебе своей грамоты не приносил». Владыка сказал на это: «Когда у меня настольной грамоты не было, так я три дня не служил». На это архимандрит отвечал: «Тебе с меня хочется де-

нег содрать, но мне тебе нечего дать: тебе и архимандритство, и настольная грамота; хочешь, сдери с меня и ризы, я и об этом тужить не буду». Тогда владыка сказал: «Игумены и все священники! слушайте на соборе и после не отопритесь: архимандрит прекословит на соборе перед вами». Тут же сказал он всем священникам: «Вы до сих пор мне не приносили своих поповских грамот подписывать, и я теперь подписывать их не стану; а которые священники дальние, тех бог простит». Мы видели судьбу новгородского владыки Пимена; преемника его Леонида царь велел зашить в медвежью шкуру и затравить собаками, а по другим известиям — удавить. Мы видели, что жители Хлынова, прося прямо царя об учреждении у них монастыря, извещают, что они уже излюбили строителя. Иногда игумен какого-нибудь монастыря бил челом царю, что он уже стар и чтоб царь пожаловал, устроил на его место такого-то старца; иногда вся братия просила царя о назначении им в игумены такого-то старца. Относительно избрания священников состоялся в 1551 году соборный приговор вследствие жалоб новгородских священников: «По всем церквам и улицам старостам и уличанам избирать попов и дьяконов искусных, грамоте гораздых и житием непорочных, а денег у них на церковь и себе мзды не брать ничего: выбравши, приходят с ними к архиепископу, и архиепископ, поучив и наказав, благословляет и не берет с них ничего, кроме благословенной гривны: от дьяконов, просвирень и пономарей попам и уличанам прихожанам посулов не брать, но бога ради избирать священников всем вместе, чтоб были искусны и непорочны. А который поп или дьякон овдовеет и останется у него сын или брат, или зять, или племянник, на его место пригожий, грамоте гораздый и искусный, то его в попы на место поставить, а денег на нем не брать же».

Мы видели, что еще при деде Иоанна Грозного церковь обратила внимание на улучшение нравственности духовенства, следствием чего было известное постановление о вдовых священнослужителях; в царствование Иоанна IV еще сильнее обнаружилось стремление уврачевать нравственные язвы, которыми страдало русское общество. Это стремление, это сознание своих недостатков и нежелание мириться с ними обнаруживало силу общества, способность его к дальнейшему преуспеванию: но как в описываемое время, так и долго после при этом стремлении во многом должны были ограничиваться указанием на нравственные язвы, выражением желания уврачевать их, увещаниями к этому врачеванию; зло не истреблялось, ибо главное средство к его истреблению по обстоятельствам не могло прийти еще в силу, хотя необходимость его и сознавалась лучшими людьми: это средство — просвещение. По недостатку ясного света должны были идти ощупью, браться за средства внешние, не ведущие к цели и оскорбительные для нравственного достоинства человека, как, например, постановление о вдовых свя-

щеннослужителях; по недостатку ясного света не могли различать хорошо предметов и смешивали действительные нравственные недостатки с обычаями, не имеющими никакого отношения к нравственности.

В 1545 году десятинники жаловались новгородскому архиепископу Феодосию, что игумены и священники Устюжны Железопольской пренебрегают церковным строением и службою, венчают первобрачные свадьбы и двоеженцев и троеженцам молитвы говорят без десятильничья знамени и докладу, пошлин десятильникам не платят; а иные, крадучи законное уложение, многим людям молитвы говорят четвертым и пятым браком, выставляя их другоженцами и троеженцами; а иных венчают в роду и племени, в кумовстве, сватовстве и законных роспусках: мужья неповинно жен своих законных отпускают и берут других, а пущеницы их выходят за других мужей: игумены же и священники такие свадьбы венчанием и молитвою случают законопреступно, от бесстрашия божия. Многие игумены и попы приходят из митрополии и от иных владык и служат в новгородской архиепископии, в устюжской десятине, без ведома и благословения владыки новгородского; а иные вновь ставятся в попы и в дьяконы у митрополита и других владык в устюжскую десятину без совета, повеления и без протропи владыки новгородского, ставятся в попы и дьяконы хитростию, грамоты отпускные себе вылыгают у митрополита и владык, и этих ставленных и отпускных грамот архиепископу новгородскому и его десятильникам не являют; а иные и без ставленных и без отпускных грамот служат. Случится попу или дьякону овдоветь, и они, постригшись в чернецы, служат у церквей литургию самовольно, без свидетельства, без обыску, без ведома и благословения владыки. Если за подобные дела десятильник станет игуменов, попов и дьяконов на поруки давать и назначать срок, когда им явиться на суд архиепископский (срочить), то они на суд не являются, на поруки не отдаются, десятильников бьют и злословят неподобною бранью.

В 1551 году на церковном соборе царь подал святителям следующий список беспорядкам, для прекращения которых требовал их содействия: чтоб по церквам звонили и пели по уставу, чтоб поставлены были старосты поповские над всеми священниками; при отдаче антиминсов продажа делается большая; иконы пишутся неприлично; чтобы при даче венечных знамен не было великой продажи христианству; божественные книги писцы пишут с неправильных переводов и, написав, не исправляют же; ученики учатся грамоте небрежно; у владык бояре, дьяки, тиуны, десятинники и недельщики судят и управу чинят не прямо, волочат и продают с ябедниками вместе, а десятинники попов по селам продают без милости, дела сочиняют с ябедниками, а женки и девки, с судьею по заговору, чернецов, попов и мирян обвиняют ложно в на-

силиях и позоре; в монастырях некоторые постригаются для покоя телесного, чтоб всегда бражничать; архимандриты и игумены некоторые службы божия, трапезы и братства не знают, покоят себя в келье с гостями, племянников своих помещают в монастыри и довольствуют их всем монастырским, также и по селам, в кельи женки и девки приходят, ребята молодые по всем кельям живут, а братия бедная алчут и жаждут и ничем не упокоены; все богатство монастырское держат власти с своими родственниками, боярами, гостями, приятелями и друзьями; монахи и монахини по миру бродят, монахини живут в мирских просвирнях, монахи у мирских церквей в попах живут; просвирни над просвирами приговаривают. Милостыню и корм годовой, хлеб, соль, деньги и одежду по богадельным избам во всех городах дают из царской казны, христолюбцы также милостыню подают; но в богадельные избы вкупаются у прикащиков мужики с женами, а прямые нищие, больные и увечные без призору по миру ходят; монахи и монахини, попы и миряне, мужчины и женщины с образами ходят и собирают на церковное строение: иноземцы этому дивятся. Надобно подумать, должны ли быть несудимые грамоты? В монастыри отдаются имения, а строения в монастырях никакого не прибыло и старое опустело: кто этим корыстуется? Надобно решить, прилично ли монастырям отдавать деньги в рост? Монахи и попы пьянствуют; вдовые попы соблазняют своим поведением, остаются при церквах и исправляют все требы, только обеден не служат; старец на лесу келью поставит или церковь срубит, да пойдет по миру с иконою просить на сооружение, у царя земли и руги просить, а что соберет, то пропьет; должно избирать игуменов и священников достойных. В церквах стоят в тафьях и шапках с палками, говор и ропот и всякое прекословие и беседы и срамные слова; попы и дьяконы пьют бесчинно, церковные причетники всегда пьяны, без страху стоят и бранятся; попы в церквах дерутся между собою и в монастырях тоже; попы и дьяконы без риз служат; пономари и дьяки двоеженцы и троеженцы в алтари входят и святыни касаются. Головы и бороды бреют и платье иноверных земель носят; крестное знамение кладут не по существу; бранятся скаредными словами: и у иноверцев такое бесчинное не творится; клянутся именем божиим во лжу; ружные попы не исполняют своих обязанностей. Продают давленину. Христиане приносят в церковь кутью, канун, на Велик день пасху, сыры, яйца, рыбы печеные, в иные дни калачи, пироги, блины, караваи и всякие овощи: в Новгороде и Пскове для этого устроен кутейник во всякой церкви, в Москве же все это вносится в жертвенник и в алтарь; в монастырях монахи и монахини и миряне живут вместе. Надобно заняться выкупом пленных из бусурманских рук.

Собор, удовлетворяя царским требованиям, постановил о поповских старостах в Москве: сто священников, или как число вмес-

тит, избирают себе священника, исполненного разума духовного, рачителя божественному писанию, всякими добродетелями украшенного; тот избирает себе десятских, и быть у одного старосты храмам сряду, чтоб священники могли удобнее собираться для совещаний о церковных чинах, духовных делах и о всяком благочестии. Должно устроить в Москве семь соборов и семь старост. Этих избранных старост приводят к митрополиту, который их испытывает и поучает; старосты и священники в соборном храме держат полное собрание божественных правил, с которыми старосты должны постоянно справляться; а священники и дьяконы, которые в их соборе, сходясь, держат перед ними совещания о всяких духовных делах; все дела решают по правилам св. отец, в чем же будет сомнение, извещают общему пастырю и учителю, митрополиту. Относительно церковного благочиния и нравственности духовенства собор постановил, чтоб церковное и алтарное устроение было благообразно, чисто и непорочно: в жертвенник и алтарь отнюдь бы ничего не вносили, ни съестного, никаких других вещей, кроме икон, крестов, священных сосудов, риз, покровов, свечей, ладону, просвир, масла и вина служебного, чтоб на священных сосудах непременно был третий покров или воздух, также чтоб престол не был без покрова и царские двери без занавеса. У простой чади в миру дети родятся в сорочках, и был обычай эти сорочки приносить к священникам, которые клали их на престоле до шести недель; собор определил: впредь такой нечистоты и мерзости в св. церкви не приносить. Собор постановил, чтоб просвирни были вдовы после одного мужа, не моложе 50 лет, в добрых делах свидетельствованные; отнюдь не должны они говорить над просвирами никаких речей; чтоб монахини при мирских церквах не жили в просвирнях. Чтоб звон церковный был по уставу. Чтоб священники уговаривали своих духовных детей чаще ходить в церкви, особенно по воскресеньям и господским праздникам; священники в церквах должны показывать собою пример всякой добродетели, благочестия, трезвости; также на пирах, во всенародном собрании и во всяких мирских беседах священникам должно духовно беседовать и божественным писанием поучать на всякие добродетели; а праздных слов, кощунства, сквернословия и смехотворения отнюдь бы сами не делали и детям своим духовным делать запрещали; где же будут гусли, прегудники и потехи хульные, от этих игр священники должны удаляться, уходить домой, а сами на них отнюдь не дерзать; чтоб службы церковные священники отправляли чинно и в ризах. Каждому новому десятиннику все городские попы и дьяконы обязаны показывать свои жалованные, ставленные, благословенные и отпускные грамоты перед поповскими и земскими старостами и целовальниками, которые у десятинников в суде сидят, причем пошлин с этих грамот не дают; у которых попов и дьяконов таких грамот не будет, тех отсылают к святителям за порукою. У сельских попов и

дьяконов смотрят грамоты десятские священники и старосты земские. Для большего утверждения все святители посылают к духовенству и ко всем православным христианам, по всем городам и селам соборных священников, добрых, искусных, чтобы церковные чины и божественное пение совершалось по уставу. Святители также должны посылать грамоты к архимандритам, игуменам и протопопам, чтоб они наблюдали за поведением поповских старост и десятских и всего духовенства. Относительно наблюдения за исполнением соборных предписаний мы имеем выпись, данную в 1552 году Берсеневу и Тютину, в которой говорится: «Не велено священническому и иноческому чину по священным правилам и соборному уложению в корчмы входить, упиваться, празднословить, браниться; и которые священники, дьяконы и монахи станут по корчмам ходить, упиваться, по дворам и улицам скитаться пьяные, сквернословить, непристойными словами браниться, драться: таких бесчинников хватать и заповедь на них царскую брать, по земскому обычаю, как с простых людей бражников берется, и отсылать чернецов в монастыри к архимандритам и игуменам, и те их смиряют по монастырскому чину; а попов и дьяконов отсылать к поповским старостам, которые объявляют о них святителям, и святители исправляют их по священным правилам; на котором чернеце нельзя заповеди доправить, то взять заповедь на том, кто его напоил. Велеть по торгам кликать: чтоб православные христиане от мала и до велика именем божиим во лжу не клялись, на кривь креста не целовали, непристойными словами не бранились, отцом и матерью сквернымн речами друг друга не упрекали, бород не брили и не стригли, усов не подстригали, к волхвам, чародеям и звездочетцам не ходили и у поля (судебного поединка) чародеи не были бы». Какие меры употреблялись для исправления церковных служителей, забывавших свои обязанности, видно также из следующего рассказа новгородского летописца под 1572 годом: архиепископ Леонид велел дьяков своих певчих поставить на правеж и велел на них взять по полтине московской за то, что не ходят в церковь к началу службы. Относительно иконописания собор постановил: писать живописцам иконы с древних образов, как греческие живописцы писали и как писал Андрей Рублев и прочие пресловутые живописцы, а от своего замышления ничего не изменять. Архиепископы и епископы по всем городам и весям и по монастырям испытывают мастеров иконных и их письма сами смотрят; каждый в своем пределе избирает несколько живописцев, парочитых мастеров, и приказывает им смотреть над всеми иконописцами, чтоб в них худых и бесчинных не было, а сами архиепископы и епископы смотрят над теми избранными живописцами и берегут этого дела накрепко, а живописцев берегут и почитают больше простых людей; вельможи и простые люди должны также живописцев во всем почитать. Относительно изображений святых

во Пскове в 1540 г. было любопытное происшествие: к Успеньеву дню старцы, переходцы с иной земли, привезли образ св. Николая и св. Пятницы на резн в храмцах (кнотах); во Пскове таких икон на резн прежде не бывало, и многие невежественные люди поставили это за болванное поклонение: была в людях молва большая и смятение; простые люди начали священникам говорить, а священники пошли к наместникам и дьякам с собора, что в людях большое смятение; старцев схватили, а иконы послали к архиепископу в Великий Новгород. Владыка Макарий сам молился пред этими святыми иконами, молебен им соборно пел, честь им воздавал, сам проводил до судна и велел псковичам эти иконы у старцев вымепить и встречать их соборно.

На жалобу царя, что ученики учатся грамоте небрежно, собор отвечал: ставленников святители строго допрашивают: почему мало умеют грамоте? И они отвечают: «Мы учимся у своих отцов или у своих мастеров, а больше нам учиться негде»; но отцы их и мастера и сами мало умеют, тогда как прежде в Москве, Великом Новгороде и по иным городам многие училища бывали, грамоте, писать, петь и читать учили; и мы по царскому совету собором уложили: выбирать добрых священников, дьяконов и дьяков женатых, благочестивых, грамоте, читать и писать гораздых, и у них устроить в домах училища: учили б они детей со всяким духовным наказанием, более же всего учеников своих берегли и хранили во всякой чистоте и блюли их от всякого растления, особенно от скверного содомского греха и рукоблудия. В Новгороде Великом попы, дьяконы, дьяки, пономари, просвирни и уличане к церкви принимают за большие деньги, на пономаре берут рублей 15, а иногда 20 и 30, и кто даст деньги, с тем идут к владыке всею улицею: а если владыка пришлет к церкви попа хорошего поведения и грамоте гораздого, но если этот поп больших денег уличанам не даст, то они его не примут. Вследствие этих злоупотреблений и постановлено было известное уже нам правило об избрании священнослужителей.

О церковном суде собор постановил: весь священнический и иноческий чин судят сами святители с великим истязанием и обыском, соборно, по священным правилам, во всех духовных делах и в прочих, кроме душегубства и разбоя с поличным, или судят те, кому святители велят судить, а не от мирских. А что по монастырям, у архимандритов, игуменов и строителей есть царские жалованные грамоты, где написано, что не судить владыкам архимандритов, игуменов, попов, чернецов и всякий причт церковный, то грамоты эти давались вопреки священным правилам и впредь таким грамотам не быть. Если кому-нибудь из священнического или иноческого чина случится искать своих обид на мирских людях, то они ищут пред мирскими судьями, с которыми вместе должны быть святительские судьи, десятские священники и земские ста-

росты. При суде крестное целование и поле не допускаются, употребляется только обыск; если же свидетелей нет и обыск невозможен, то употребляется жребий: чей наперед вынется, тот и прав. Крестного целования и поля священническому и иноческому чину не присужать ни в каких делах, кроме душегубства и разбоя с поличным: в таких винах мирские судьи судят по мирским законам. Монастыри и казны монастырские ведают и отписывают по всем монастырям царские дворецкие и дьяки, и приказывают архимандритам, игуменам и строителям с соборными старцами, и считают архимандритов, игуменов и строителей во всем приходе и расходе, да непорочен будет суд святительский. Если митрополит нездоров, то вместо себя приказывает судить владыке сарскому и подонскому со всеми архимандритами и игуменами соборно; а бояре митрополичьи в этом суде у святителей не сидят, кроме писарей, кому дело записывать; владыка, судивши соборно и обыскавши достоверными свидетелями, судный список кладет пред митрополитом и ставит перед ним обоих истцов, и митрополит, выслушавши список и спросивши истцов, был ли им такой суд, решает дело соборно, по священным правилам. Если на которых-нибудь духовных пастырей, на архимандритов и игуменов великих честных монастырей станут бить челом жалобщики об управах, то святители за ними недельщиков своих не посылают и на поруку их не дают, а посылают к ним свои грамоты именные, за своими печатями, с теми жалобщиками, чтоб с ними управились; а по жалобщиках брать поруки, чтоб им явиться на срок, если не управятся; сроки в посыльных грамотах архимандритам и игуменам назначать по жалованным и уставным царским грамотам, исключая духовных дел; жалобщики должны отдавать посыльные грамоты архимандритам и игуменам перед братиею на соборе; если архимандриты и игумены не управятся с жалобщиками, то пусть присылают к ответу слуг своих вместо себя, а захотят сами ехать к ответу — в том их воля. В духовных же делах архимандриты и игумены ездят к ответу, как им святители велят; в случае ослушания отправляется за ними пристав с записями и ставит их перед святителем. Царским боярам и дворецким, митрополичьим и владычним боярам игуменов, игуменей и строителей ни в которых делах не судить, судят их святители сами по священным правилам. А по рядным грамотам, по духовным, по кабалам, в поклажах, боях, грабежах и в прочих всяких делах, кроме духовных, попов, дьяконов и всех причетников и мирских людей, приказывают святители судить своим боярам, а у бояр в суде сидеть старостам поповским, пятидесятским и десятским по неделям, по две и по три, да градским старостам и целовальникам, да земскому дьяку, которым государь прикажет. Судные списки бояре полагают перед святителей и ставят обоих истцов; святители, выслушав список, спросят обоих истцов: «Такой суд им был ли?» И когда те скажут, что был, то святители, обгово-

рив список с искусными людьми, велят учинить управу и взять пошлины на виноватом. Где прежде при великих чудотворцах, Петре, Алексии, Ионе, жили десятинники, ведали и судили весь священнический и иноческий чин, все причты церковные и прочих людей во всех делах, кроме духовных, и теперь там быть десятильникам и судить, а на суде у них быть поповским старостам и десятским, также земским старостам, целовальникам и земским дьякам; чинят они управу по суду и обыску беспосульно и безволокитно; священникам и дьяконам к полю и крестному целованию срока не назначают без святительского ведома; если которого дела не смогут решить, то обоим истцам назначают срок стать перед святителем. Корчем десятильникам не держать, держать им питье про себя. Земские старосты, целовальники, поповские старосты и десятские священники должны наблюдать за поведением десятинников и в случае злоупотреблений писать к владыке, а если владыка не управит, писать царю; тогда десятиннику быть от царя в великой опале и взятое напрасно доправляется с него втрое. Десятинники могут давать обвиненного на поруку только пред поповскими старостами и десятскими священниками или перед земскими старостами и целовальниками, причем от поруки и поклонного не берут ничего; обыски пишут дьячки церковные или земские перед десятскими, старостами и целовальниками. Святительскую дань, десятильничьи пошлины, корм, заезд и венечную пошлину должны собирать и доставлять владыке старосты земские и поповские и десятские священники, по книгам, которые пришлет к ним владыка; венечной пошлины сбирать с первого брака алтын, со второго два, с третьего три (четыре).

Относительно беспорядков в богадельных избах собор отвечал: да повелит благочестивый царь всех больных и престарелых описать по всем городам, отдельно от здоровых строев, и в каждом городе устроить богадельни мужские и женские, где больных, престарелых и не имущих куда голову подклонить, довольствовать пищею и одеждою, а боголюбцы пусть милостыню и все потребное им приносят, да приставить к ним здоровых строев и баб стряпчих, сколько будет пригоже; священникам добрым, целовальникам или городским людям добрым смотреть, чтоб им насильства и обиды от стряпчих не было; священники должны приходить к ним в богадельни, поучать их страху божию, чтоб жили в чистоте и покаянии, и совершать все требы. Чтоб здоровые строп с женами по богадельням не жили, а питались бы от боголюбцев, ходя по дворам; которые же могут работать, работали бы.

О выкупе пленных собор отвечал: которых окупят царские послы в ордах, в Царе-граде, в Крыму, в Казани или Астрахани, или в Кафе, или сами откупятся, тех всех пленных окупать из царской казны. А которых пленных православных христиан окупят греки, турки, армяне или другие гости и приведут в Москву, а из Москвы

захотят их опять с собою повести, то этого им не позволять, за то стоять крепко и пленных окупать из царской же казны, и сколько этого окупа из царской казны разойдется, и то раскинуть на сохи по всей земле, чей кто-нибудь — всем ровно, потому что такое искупление общею милостынею называется. Но когда статьи соборного постановления были посланы в Троицкий Сергиев монастырь к бывшему митрополиту Иоасафу, бывшему ростовскому архиепископу Алексию, бывшему чудовскому архимандриту Васпану, бывшему троицкому игумену Ионе и всем соборным старцам, то они, утвердив все статьи, о выкупе пленных написали: «Окуп брать не с сох, а с архиереев и монастырей. Крестьянам, царь государь, и так много тягости; в своих податях, государь, покажи им милость».

Запретив остальные беспорядки, указанные царем, без особенных подробностей, собор обратил внимание еще на некоторые бесчинства и суеверия: на свадьбах играют скоморохи, и, как к церкви венчаться поедут, священник с крестом едет, а перед ним скоморохи с играми бесовскими рыщут. Некоторые тяжутся не прямо и, поклепав, крест целуют или образа святых, на поле бьются и кровь проливают: и в то время волхвы и чародеи помощь им оказывают, кудесы бьют, в Аристотелевы врата и в рафли смотрят, по звездам и планетам глядят, смотрят дней и часов и, на такие чародейства надеясь, поклепца и ябедник не мирятся, крест целуют и на поле бьются и убивают. Запрещено мужчинам и женщинам, монахам и монахиням мыться в бане в одном месте: этот обычай указан во Пскове. По дальним сторонам ходят скоморохи, собравшись большими ватагами до 60, 70 и до 100 человек, по деревням у крестьян силою едят и пьют, из клетей имение грабят, а по дорогам людей разбивают. Дети боярские и люди боярские и всякие бражники зернью играют и пропиваются, ни службы не служат, не промышляют, и от них всякое зло делается: крадут и разбивают и души губят. По погостам и селам ходят лживые пророки, мужики, женщины и девицы и старые бабы, нагие и босые, волосы отрастив и распустя, трясутся и убиваются, и говорят, что им является св. Пятница и св. Анастасия и велят им заповедать христианам кануны завечивать; они же заповедовают христианам в среду и пятницу ручного дела не делать, женщинам не прясть, платья не мыть, камней не разжигать. Собор запрещает заниматься злыми ересями, которые перечисляются: рафли, шестокрыл, воронограй, астрономия, задей, алманах, звездочетьи, Аристотель, Аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретические и коби бесовские; вооружается против известных уже нам суеверий, которым предавался народ в Троицкую субботу, Иванов день, Великий четверток и проч.

Мы видели, какого рода насилия позволяли себе сильные над слабыми в быту помещичьем и крестьянском; челобитная царю

игумена Кирилло-Белозерского монастыря и братии на старца Александра показывает, что мог позволять себе тогда дерзкий человек в монастыре: «Живет, государь, тот Александр не по чину монастырскому: в церковь не ходит, а строит пустыню, где и живет больше, чем в монастыре; монастырь опустошает, из казны, погребов, с сушила всякие запасы, из мельниц муку и солод, из сел всякий хлеб берет и отсылает к себе в пустыню; приехавши в монастырь, игумена и старцев соборных бранит б... детьми, а других старцев из собору выметал и к морю разослал; прочую братию служебников и клирошан колет остном и бьет плетми, без игуменского и старческого совета, и на цепь и в железа сажает. Строителем он был в Москве без малого семь лет, а отчета в монастырской казне не дал. После ефимона на погребе пьет силою с теми людьми, которых берет с собою в пустыню; братии грозит, хочет на цепь и в железа сажать на смерть, и тебе же, государю, хочет оговаривать ложью старцев и всю братию, и от тех его побой и гроз братия бегут розно. Православный царь государь! Укажи нам, как с Александром прожить; а про пустыню, про его строенье вели сыскать. Общежительство Кирилловское он разоряет, слуг и лошадей держит особенных, саадаки, сабли и ружницы возит с собою, солью торгует на себя, лодки у него ходят отдельно от монастырских». Царь Иоанн с своей стороны упрекал монахов, что они обращают слишком много внимания на знатных постриженников, в угоду им нарушают древние строгие уставы монастырские; в знаменитом послании своем в Кирилло-Белозерский монастырь он пишет: «Подобает вам усердно последовать великому чудотворцу Кириллу, предание его крепко держать, о истине крепко подвизаться, а не быть бегунами, не бросать щита: возьмите вся оружия божия и не предавайте чудотворцева предания ради сластолюбия, как Иуда предал Христа ради серебра. Есть у вас Анна и Каиафа, Шереметев и Хабаров, есть и Пилат, Варлаам Собакин, и есть Христос распинаем — чудотворцево преданье презренное. Отцы святые! В малом допустите ослабу — большое зло произойдет. Так, от послабления Шереметеву и Хабарову чудотворцево преданье у вас нарушено. Если нам благоволит бог у вас постричься, то монастыря уже у вас не будет, а вместо него будет царский двор! Но тогда зачем идти в чернецы, зачем говорить «отрицаюсь от мира и от всего, что в мире!». Постригаемый дает обет: повиноваться игумену, слушаться всей братии и любить ее: по Шереметеву как назвать монахов братиею? У него и десятый холоп, что в келье живет, ест лучше братий, которые в трапезе едят. Великие светильники — Сергий и Кирилл, Варлаам, Димитрий, Пафнутий и многие преподобные в Русской земле установили уставы иноческому житию крепкие, как надобно спасаться; а бояре, пришедши к вам, свои любострастные уставы ввели: значит, не они у вас постриглись, а вы у них постриглись, не вы им учители и законоположители, а они

вам. Да, Шереметева устав добр — держите его, а Кириллов устав плох — оставьте его! Сегодня один боярин такую страсть введет, завтра другой иную слабость, и так мало-помалу весь обиход монастырский испразднится и будут обычаи мирские. И по всем монастырям сперва основатели установили крепкое житие, а после них разорили его любострастные. Кирилл чудотворец на Симонове был, а после него Сергий, и закон каков был — прочтите в житии чудотворцеве; но потом один малую слабость ввел, другие ввели новые слабости и теперь что видим в Симонове? Кроме сокровенных рабов божиих остальные только по одежде монахи, а все по-мирскому делается. Вы над Воротынским церковь поставили: хорошо! Над Воротынским церковь, а над чудотворцем нет; Воротынский в церкви, а чудотворец за церковию. И на страшном спасовом судилище Воротынский да Шереметев выше станут потому: Воротынский церковию, а Шереметев законом, потому что его закон крепче Кириллова. Вот в наших глазах у Дионисия преподобного на Глушицах и у великого чудотворца Александра на Свири бояре не постригаются, и монастыри эти процветают постническими подвигами. Вот у вас сперва Иоасафу Умному дали оловянники в келью, дали Серапиону Сицкому, дали Ионе Ручкину, а Шереметеву уже дали и поставец, и поварню. Ведь дать волю царю — дать ее и псарю, оказать послабление вельможе, оказать его и простому человеку. Вассиан Шереметев у Троицы в Сергиеве монастыре постническое житие ниспровергнул: так теперь и сын его Иона старается погубить последнее светило, равно солнцу сияющее, хочет и в Кириллове монастыре, в самой пустыне, постническое житие искоренить. Да и в миру тот же Шереметев с Висковатым первые не стали за крестами ходить, и смотря на них, и другие все перестали ходить, а прежде все православные христиане с женами и младенцами за крестами ходили и не торговали, кроме съестного, ничем, а кто станет торговать, на том брали заповеди. Прежде как мы в молодости были в Кириллове монастыре и поопоздали ужинать, то заведующий столом нашим начал спрашивать у подкеларника стерлядей и другой рыбы; подкеларник отвечал: «Об этом мне приказу не было, а о чем был приказ, то я и приготовил, теперь ночь, взять негде; государя боюся, а бога надобно больше бояться». Такая у вас была тогда крепость, по пророческому слову: «Правдою и пред цари не стыдятся». А теперь у вас Шереметев, сидит в келье что царь, а Хабаров к нему приходит с другими чернецами, да едят и пьют что в миру; а Шереметев невесть со свадьбы, невесть с родин, рассылает по кельям постилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастырем у него двор, на дворе запасы годовые всякие, а вы молча смотрите на такое бесчиние! А некоторые говорят, что и вино горячее потихоньку в келью к Шереметеву приносили: но по монастырям и фряжские вина держать зазорно, не только что горячее! Так это ли путь спа-

сения, это ли иноческое пребывание? Или вам не было чем Шереметева кормить, что у него особые годовые запасы! Милые мои! Прежде Кириллов монастырь многие страны пропитывал в голодные времена, а теперь и самих вас, в хлебное время, если б не Шереметев прокормил, то все с голоду бы померли? Пригоже ли так в Кириллове быть, как Иоасаф митрополит у Троицы с клирошанами пировал или как Мисаил Сукин в Никитском монастыре и по иным местам как вельможа какой-нибудь жил, или как Пона Мотякин и другие многие живут? То ли путь спасения, что в чернецах боярин боярства не сострижет, а холоп холопства не избудет. У Троицы, при отце нашем, келарь был Нифонт, Ряполовского холоп, да с Бельским с одного блюда едал: а теперь бояре по всем монастырям испразднили это братство своим любострастием. Скажу еще страшнее: как рыболов Петр и поселянин Иоанн Богослов и все двенадцать убогих станут судить всем сильным царям, обладавшим вселенною: то Кирилла вам своего как с Шереметевым поставить? Которого выше? Шереметев постригся из боярства, а Кирилл и в приказе у государя не был! Видите ли, куда вас слабость завела? Сергий, Кирилл, Варлаам, Дмитрий и другие святые многие не гонялись за боярами, да бояре за ними гонялись и обители их распространились: потому что благочестием монастыри стоят и неоскудны бывают. У Троицы в Сергиеве монастыре благочестие иссякло, и монастырь оскудел: не постригается никто и не даст ничего. А на Сторожах до чего дошли? Уже и затворять монастыря некому, по трапезе трава растет, а прежде и мы видели, братий до осьмидесяти бывало, клирошан по одиннадцати на клиросе стаивало. Если же кто скажет, что Шереметев без хитрости болен и ему нужно дать послабление: то пусть он ест в келье один с келейником. А сходиться к нему на что, да пировать, да овощи в келье на что? До сих пор в Кириллове иголки и нитки лишней не держали, не только что каких-нибудь других вещей. А двор за монастырем и запасы на что? Все это беззаконие, а не нужда, а если нужда, то он ешь в келье как нищий, кроме хлеба звено рыбы да чаша квасу; а что сверх того, если вы послабляете, то вы и давайте, сколько хотите, только бы ел один, а сходов и пиров не было бы, чтоб было все как прежде у вас водилось. А кому к нему прийти для беседы духовной, и он приди не в трапезное время, еды и питья чтоб в это время не было, так это будет и беседа духовная. Пришлют поминки братья, и он бы это отсылал в монастырские службы, а у себя бы в келье никаких вещей не держал; а что к нему пришлют, то бы разделял на всю братию, а не двум или трем, по дружбе и пристрастию, и вы его в келье монастырским всем покойте, только чтоб было бестрастно. А люди бы его за монастырем не жили: приедут от братьев с грамотами, с запасом, с поминками — и они, пожив дня два, три и взявши ответную грамоту, поезжай прочь: так и ему будет покойно, и монастырю безмятежно. Теперь вы прислали грамоты,

от вас нам отдыху нет о Шереметеве; я писал вам, чтоб Шереметев и Хабаров ели в трапезе с братиею: я это приказывал для монастырского чина, а Шереметев поставил себе как бы в опалу. Может быть, вам потому очень жаль Шереметева, потому так сильно за него стоите, что братья его и до сих пор не перестают посылать в Крым и наводить бусурманство на христианство? А Хабаров велит мне перевести себя в другой монастырь: я не ходатай ему и его скверному житию; он мне сильно наскучил. Иноческое житие не игрушка: три дня в чернецах, а седьмой монастырь меняет! Когда был в миру, то только и знал, что образа окладывать, книги в бархат переплетать с застежками и жуками серебряными, налой убирать, жить в затворничестве, келью ставил, четки в руках; а теперь с братиею вместе есть не хочет. Надобны четки не на скрижалях каменных, а на скрижалях сердец плотяных; я сам видел как по четкам сквернымп словами бранятся; что в тех четках? О Хабарове мне нечего писать: как себе хочет, так и дурачится. А что Шереметев говорит, что его болезнь мне ведома: то для всех леженок не разорять стать законы святые! Написал я к вам малое от многого по любви к вам и для иноческого жития. Больше писать нечего; а впредь бы вы о Шереметеве и других таких же безлепицах нам не докучали: нам ответу не давать. Сами знаете: если благочестие не потребно, а нечестие любо, то вы Шереметеву хотя золотые сосуды скуйте и чин царский устройте — то вы ведаете; установите с Шереметевым свои предания, а чудотворцево отложите, и хорошо будет; как лучше, так и делайте, сами ведайтесь как себе с ним хотите, а мне до того ни до чего дела нет; вперед о том не докучайте; говорю вам, что ничего отвечать не буду: бог же мир и пречистые богородицы милость и чудотворца Кирилла молитва да будут со всеми вами и нами! Аминь. А мы вам, господа мои и отцы, челом бьем до лица земного». В новгородских монастырях и в описываемое нами время продолжало вводиться общее житие, по настоянию владык; устроить общее житие означалось на тогдашнем языке выражением: *заседать общину*.

Мы видели, что у митрополита и владык были свои бояре, которым они поручали церковный суд. Об этих боярах собор 1551 года постановил: митрополиту и владыкам, без царского ведома, не отсылать от себя бояр и дворецких и на их место не ставить других, исключая тот случай, когда эти бояре и дворецкие неоднократно уличены будут во взятках, ибо тогда они лишаются своих должностей и поместий. Если у которого святителя изведутся бояре и дворецкие, то ему выбирать новых из тех же родов, а некого будет выбрать из тех же родов, и он выбирает из других родов, обославшись с царем; если же владыка не найдет нигде способного человека, то бьет челом царю, чтоб государь пожаловал, выбрал у себя; также и дьяков владыки держат с царского ведома. Что касается до содержания владычных бояр, то, как видно, они получали по-

местья и от царя, ибо новгородский архиепископ Леонид, давши в 1574 году поместье боярину своему Фомину, пишет в грамоте: «Дано то поместье на время, до тех пор, пока его государь пожалует, здесь в Великом Новгороде велит дать поместье».

На соборе 1551 года был поднят опять важный вопрос — о церковных недвижимых имуществах; в первый раз решились постановить некоторые пределы увеличения этих имуществ; собор определил: вперед архиепископам, епископам и монастырям вотчин без царского ведома и доклада не покупать ни у кого, а князьям и детям боярским и всяким людям вотчин без докладу не продавать; а кто купит или продаст — у купца деньги пропали, а у продавца — вотчина: взять вотчину на государя безденежно. Вотчины, данные или которые вперед будут даваться монастырям по душам в помянок, не выкупаются никем и никаким образом. Если при отдаче вотчин в монастырь датель напишет в духовной, данной или какой-нибудь крепостной грамоте, что родичи могут выкупить ее за известную сумму денег, то пусть родичи выкупают по старине, как водилось при отце и деде государевом. Которые царские поместные и черные земли задолжали у детей боярских и у крестьян и насильством поотнимали их владыки и монастыри или которые земли писцы отдали владыкам и монастырям, норовя им, если владыки и монастыри починки поставили на государевых землях, сыскать, чьи земли были исстари, за тем и утвердить их. Возвратить назад села, волости, рыбные ловли, всякие угодья и оброчные деревни, отданные после великого князя Василия боярами владыкам и монастырям; сделать то же с ругами и милостынями, приданными монастырям и церквам после великого князя Василия; также милостыни, обращенные из временных в постоянные, сделать опять временными. В Твери, Микулине, Торжке, Оболенске, на Белоозере и в Рязани, также князьям суздальским, ярославским и стародубским без государева доклада вотчин в монастыри по душе не давать; если отдадут, то брать вотчину у монастыря безденежно на государя; вотчины, отданные без государева доклада до настоящего приговора, брать на государя, но платить за них деньги по мере и отдавать их в поместья. В 1573 году по государеву приказу митрополит Антоний и весь освященный собор и все бояре приговорили: в большие монастыри, где вотчин много, вперед вотчин не давать; если вотчина будет уже и написана, то ее в поместной избе не записывать, а отдавать роду и племени служилым людям, чтоб в службе убытка не было и земля из службы не выходила бы; а монастырских вотчин вотчичам вперед не выкупать. Но кто даст вотчину монастырям малым, у которых земель мало, то эти вотчины, доложа государю, записывать. В 1580 году сделан был шаг более решительный — в соборном приговоре, состоявшемся 15 января, говорится: «Ради надлежащего варварского прещения, от турского, крымского, ногай, от литовского короля, с которым совокупились

ярым образом Польша, венгры, немцы лифляндские и шведские, соединились как дикие звери, надмились гордостно и хотят истребить православие; ради того, чтоб церкви божии и священные места были без мятежа, а воинский чин ополчался крепко на брань против врагов креста Христова, мы, Антоний митрополит всея Руси с благочестивым царем и великим князем Иваном Васильевичем всея Руси, с сыном его князем Иваном Ивановичем, со всем священным собором и царским синклитом, уложили так: сколько ни есть земель и земляных угодий, до сих пор данных в митрополии, епископии и по монастырям, из них да не исходит, ни по какому суду, ни по какой тяжбе не берут их и не выкупают; что и не утверждено крепостями, и того не выкупать, и вперед с монастырями о вотчинах не тягаться. А от сего дня, 15 января, на последующее время вотчинникам вотчин своих по душам не отдавать, а давать за них в монастыри деньги, и села брать наследникам, хотя бы кто и далеко был в роду. А если у кого не будет роду и дальнего, то вотчину брать на государя, а деньги за нее платить из казны; митрополиту, владыкам и монастырям земель не покупать и в закладе не держать, а кто после этого уложения купит землю или закладную станет за собою держать, то землю брать на государя; а которые теперь закладни за митрополитом, владыками и монастырями, те земли брать на государя ж, а в деньгах ведает бог да государь, как своих богомольцев пожалует. Которые вотчины княженецкие даны прежде, и в тех волен бог да государь, как своих богомольцев пожалует. Вперед княженецких вотчин не брать; а кто возьмет без государского ведома, те вотчины взять на государя безденежно; кто купил княженецкие вотчины, и те вотчины взять на государя, а в деньгах ведает бог да государь, как своих богомольцев пожалует. У которого монастыря убогого земли будет мало, или вовсе не будет, то он бьет челом государю, и государь с митрополитом и боярами, соборно приговоря, устроят монастырь землею, как будет пригоже».

Касательно сборов с духовенства в пользу архиереев собор 1551 года, по жалобе новгородских священников, отменил *праздничный* сбор с священника по алтыну, с дьякона по три деньги; относительно подвод новгородскому владыке с монастырей и городских священников положено не брать больше прежнего. Как видно также, духовенство помогало епископам при построении и поправке их домов; так, псковский летописец под 1535 г. говорит: начали делать двор владычный во Пскове, а священники не пособили ни в чем, монастыри же все мшили горницы и повалушу склали. Псковское духовенство давало новгородскому владыке корм, когда он приезжал во Псков; по этому случаю под 1544 г. летописец рассказывает следующее: владыка Феодосий приехал во Псков, и отделились от городских попов от всех семи соборов сельские попы и пригородские, потому что городские попы взяли с них корму

больше, чем с себя, и было у них смятение большое; владыка дал им особого старосту. В Стоглаве, т. е. в постановлениях собора 1551 г., читаем: в Москве, на митрополичьем дворе, вечная тиунская пошлина ведется, называемая *крестец*: из всех городов архимандриты, игумены, протопопы, монахи, священники, дьяконы приезжают по своим делам и, живучи в Москве, сходятся на крестец в торгу на Ильинской улице и нанимаются у московских священников по многим церквам обедни служить, к митрополичью тиуну являются и знамя у него берут на месяц, на два и больше и пошлину ему дают, на месяц — по 10 денег, другие — по два алтына; а которые, не доложа тиуну, станут служить, на тех он берет промыты по 2 рубля, а того не обыскивает, есть ли у них ставленные и отпускные грамоты. Собор определил досматривать наперед этих грамот. Как при заселении дикой земли правительство давало льготы насельникам, освобождало их от податей, так при построении новой церкви архиерей освобождал ее причт от своих податей: в 1547 г. пермский и вологодский епископ Киприан дал следующую грамоту кирилловскому игумену и братии: «Поставили они церковь новую в моей епископии вологодской: и кто у них у этой церкви станет служить, игумен, поп или дьякон, не надобно им платить мою дань рождественскую, ни данские пошлины, ни десятинничьи пошлины, ни недельщичьи, ни конюховое, ни поварское, ни людское, ни явленных кунц с грамотою; к старосте поповскому с тяглыми попами они не тянут ни во что, и не судят их мои десятинники ни в чем, приставов своих за ними не посылают, и не въезжают к ним наши недельщики ни за чем; а кто будет чего-нибудь искать на них, то сужу я их сам; а ведают меня, владыку Киприана, игумен Афанасий с братиею сами собою». Из последних слов видно, что Кириллов монастырь обязался давать владыке известное вознаграждение за потерю доходов с новоустроенной церкви. Такую же грамоту дал ростовский владыка Алексей Троицкому Сергиеву монастырю относительно церкви в селе Берлюкове, причем, как видно, церковь не была вновь построена. Вообще монастырям было выгодно освобождать духовенство в принадлежащих им селах от архиерейских пошлинников: для этого они обязывались сами доставлять владыке следующие ему доходы; так, в 1542 году ростовский владыка Досифей дал грамоту тому же кирилловскому игумену Афанасию: попы в монастырских кирилловских селах венчают в своих приходах крестьян без знамен нашего знаменщика, а знамена берут в Кириллове монастыре у казначея и подать платят казначею, а казначей, собравши эти знаменные деньги, платит нашему знаменщику белозерскому. Песношский монастырь в 1542 г. освободил также духовенство своих сел дмитровской десятины от суда митрополичьих десятников и ведомства поповских старост; митрополит в своей грамоте обещал судить священников этих сел сам, с условием, чтоб они платили известный годовой

оброк ему, его десятиннику и заезжику; этот оброк священники привозили сами в Москву, в митрополичью казну, а десятинники и заезжики к ним не ездили и не посылали ни за чем, подвод и проводников не брали. Встречаем грамоты владык относительно поборов с самих монастырей; такую грамоту дал новгородский архиепископ Леонид старорусскому Козмодемьянскому монастырю в 1574 году. «Давать им в дом св. Софии и мне, за мой подъезд, и за благословенную куницу, и за все десятинничьи пошлины, по новому окладу, всякий год, по рублю московскому; но если случится мне по государеву приказу ехать в Москву, в тот год монастырь дает мне подъезд и десятину сполна по книгам». Под 1571 годом летописец рассказывает о ссоре новгородского владыки Леонида с священниками за милостынные деньги: «Владыка Леонид после выхода всем священникам, старостам, десятским и пятидесятским новгородским велел ризы с себя снимать и говорил им: «Собаки, воры, изменники, да и все новгородцы с вами! Вы меня оболгали великому князю, подаете челобитные в милостынных деньгах, а вам достанется по шести московок, да дьяконам по четыре московки; не буди на вас моего благословения ни в сей век, ни в будущий!»»

Относительно содержания монастырей по-прежнему встречаем царские уважные грамоты, вкладные грамоты частных людей и царские, которыми до последнего соборного приговора давались в монастыри земельные участки на помин души. Сам царь в 1575 году дал в любимый свой монастырь Кирилло-Белозерский по душе боярина князя Ивана Дмитриевича Бельского две вотчины последнего в Ростовском и Московском уездах. Еще отец Иоаннов дал в этот же монастырь 1000 рублей на покупку села, сам Иоанн дал 300 рублей на помин своим дочерям Анне и Марье, умершим в младенчестве; так как на соборе 1551 года было положено, что монастыри не могут без доклада покупать вотчин, то кирилловский игумен с братиею в 1556 году били челом о позволении купить вотчину на означенные денежные вклады; царь позволил им купить землю, но не дороже, как на 2000 рублей, и вне пределов новгородских, псковских, рязанских, тверских и смоленских, также не у князей вотчинных, которым запрещено было продавать свои земли без царского ведома; если окажется, что монастырь заплатил за вотчину дороже 2000 рублей, то земли отбираются на царя и монастырь лишается своих денег; если монастырь купит пустые земли или пустоши и пустое распашет, *рассечет* (очистит от леса) и людьми наполнит, а старые вотчичи захотят выкупить эти земли, то могут выкупить, заплативши монастырю за хоромы и за пашню. Из этой же грамоты узнаем, что Кириллов монастырь при отце Иоанна и в начале царствования Иоанна имел право торговать 10 000 пудов соли, что приносило ему 600 рублей годового дохода, но потом Иоанн отнял у него это право.

От описываемого времени дошло до нас несколько уставных

грамот, которые давали монастыри своим крестьянам; так, от 1548 года дошла до нас уставная грамота соловецкого игумена, св. Филиппа, крестьянам Выремской волости и другим монастырским крестьянам; грамота начинается так: «Божиею милостию Господа нашего Иисуса Христа и боголепного его преображения, и пречистые его матери честного и славного ее успения, и св. чудотворца Николы и св. чудотворцев Зосимы и Савватия, я, игумен Филипп Колычев, посоветовавшись с священниками, келарем, казначеем, старцами соборными и со всею братиею, благословил и пожаловал крестьян своих: дали мы им свою грамоту уставную, как у них быть старцу прикащику, старцу келарю и слуге нашему доводчику, и свои поминки с году на год брать». Относительно взимания этих поминков крестьяне разделяются на три разряда: живущие на тяглых дворах, бобыли, живущие особыми дворами, и козаки; первые платили с земли, с лука, сколько за кем было угодья по расчету. «Приедет какой козак незнаемый или и прежде живал и захочет в монастырских волостях жить и промышлять, то у которого человека станет жить, и тому человеку идти с ним к прикащику и доводчику, объявить его и заплатить за явку обоим; захочет козак вон выйти из монастырских волостей, то прежний хозяин опять идет с ним к прикащику и доводчику, объявляет его, причем не платится ничего; а который козак сойдет, не объявясь, и тот человек, у кого он жил, об его уходе не объявит же, то прикащику взять на нем пошлину монастырскую и свою; если же козак пойдет прочь, а прикащика и доводчика в это время в волости не будет, то хозяин должен явить козака соседям своим; если же козак сбежит безвестно, то прикащик опрашивает хозяина по крестному целованию, ему верит и не берет с него ничего». Прикащик отправлял должность судьи и брал судные пошлины; доводчик получал езд, если должен был ехать на правду (следствие); при тяжбах монастырских крестьян с чужими крестьянами доводчик отправлялся к суду, где должен был накрепко беречь монастырских крестьян, поминков и езду с них не брать, но тот крестьянин, у кого дело, должен везти его и кормить. При выдаче замуж монастырской крестьянки в чужую волость тот, кто выдает, платит прикащику за куницу два алтына; если же брак заключен между крестьянами монастырских волостей, то прикащик берет алтын с князя и княгини (с молодых), а приведут невесту из чужой волости в монастырскую, то взять с молодых четыре деньги московских. Поедут по волостям торговые люди с вином, то прикащик должен запретить принимать их на подворье; ни сам он, ни крестьяне, ни козаки не должны покупать у них вина, не должны и своего курить; если же крестьянин или козак купит вина, то платит пеню на монастырь прикащику и доводчику. Если крестьяне или козаки станут между собою или с прохожими козаками играть зернью, то прикащик берет на них пеню на монастырь, себе и доводчику и выбивает

их вон из волости; а станет какой-нибудь козак играть зернью, то прикащик выбивает его вон, а у кого он жил на подворье, на том доправляет пеню. Если прикащик или доводчик обидит крестьянина или козака, то быть ему от игумена в *пользе и смирении*, и доправить на нем вдвое в пользу обиженного. В 1561 году крестьяне монастырского соловецкого села Пузырева в Бежецком Верху били челом тому же игумену, что прикащики монастырские берут оброк и пошлины и дела делать велят не по жалованным грамотам и не по окладу; что прикащик, когда дает хлеба взаймы, берет на *соль* на две третью и поминки, и если хлеб дорог, то дает хлеб в деньги по торговой цене, а не в заем. Вследствие этой жалобы св. Филипп дал им уставную грамоту, в которой определен оброк: «С выти по 4 четверти ржи и столько же овса, на госпожин день по сыру сухому, на Покров по 50 яиц, по хлебу и по калачу; на прикащика, на слугу и на доводчика крестьяне должны молоть рожь на хлебы и солод на квас, привозить на монастырский двор по три воза дров с выти, возить повоз в разные города по лошади с выти; доводчику с выти по гривне московской, да въезжего по три деньги с дома. Судит прикащик, а с ним на суде быть священнику да крестьянам пяти или шести добрым и средним, и на виноватом брать пошлину. Определено, что́ платить прикащику и доводчику с браков, с продажи лошади, коровы, хоромины. Крестьяне обязаны были также чинить монастырский двор и гумно, перестраивать хоромы; прикащика должны были слушаться во всем и на монастырское дело ходить на солнечном всходе, как десятский весть подаст, а кто не придет, платит заповедь прикащику две деньги и доводчику с десятским две деньги; если прикащик позовет крестьян на монастырское дело в честь сверх урока, то пришедших кормить монастырским хлебом. У которых крестьян на полях рощицы, то им их беречь, на дрова и на жерди не сечь, а кому понадобится столп, подпор или переклад, то сечь деревья, доложа прикащика, а кто будет сечь без доклада, тот платит заповедь на монастырь. Хлеб давать взаймы крестьянам, рожь и овес, без наспу и не в цену, а брать у них пылового и на умер в год с четверти: со ржи — по четыре деньги московской, с овса — по две деньги, так же поступать и в неурожайные годы. Крестьянам вольно дворами и землями меняться и продавать их, доложа прикащика; а кто свой жребий продаст или променяет, прикащику брать явки с обеих половин полполтины на монастырь; кто продаст свой жребий, а сам пойдет за волость, на том брать похоромное сполна, а с купца брать порядное, смотря по земле и по угодью; кому не пожившется и захочет пойти из волости вон, а купца на его жребий не будет, на том брать похоромное сполна, а его выпускать по сроку».

В 1564 году старосты и целовальники, и все волощане монастырской Соловецкой волости Сумы, и крестьяне деревенские, и все козаки волостные и деревенские били челом св. Филиппу, что у

них в Суме между собою смущение живет великое относительно разрубов (раскладки податей) и всяких тягол. Игумен, посоветовавшись с братиею, написал им такой указ: «Как случится у вас разруб в волости, то вы бы выбрали из больших из лучших людей два человека, из средних два, из меньших два, из козаков два, и те бы восемь человек сидели у вас в окладе и окладывали земских людей и козаков в божию правду, кого чем пригоже, кто чего достоин, другу б не дружили, недругу не мстили, и посулов бы эти выборные люди окладчики не брали; а кто из них возьмет посул или не захочет быть окладчиком, того давать на крепкие поруки и назначить им срок становиться на суд перед ними в монастыре. Кого земских людей и козаков окладчики обложат, и те бы люди платили безо всякого перевода, а кто заупрямится, не станет платить, и вы бы у тиуна просили доводчика и велели на тех ослушниках доправлять бессрочно. Придется по царской грамоте платить примет, обежные деньги, и вы бы, земские люди, платили по обжам, а не по животам и не по головам, а козаки бы этого не платили; а придет служба ратчина, и вы бы платили по обжам и животам, по промыслам и головам, земские люди и козаки все без отмены, по рассуждению, кто чего стоит. В приметных же отписях пишутся разные деньги: наместничьи, дьяческие, старост городовых, целовальнические, пленным на окуп, пищальные, посошные, в городовое дело, в мостовщину, хлебные: то вы бы, земские люди и козаки, все эти разные деньги платили по рассуждению, по животам, промыслам и головам в тот год, когда службы ратчины нет; если же случится служба ратчина, то все эти разные деньги платят земские люди по обжам, животам, промыслам и головам, а козаки в этот год этих денег не платят, платят одну ратчину. Если таможные деньги возьмут на землю, то земские люди и козаки платят их по торгам и головам, а не по животам: кто больше торгует, тот больше и дает. Выгоозерского волостеля корм платится с обеж; а прогонные деньги, подводы разрубали бы земские люди по обжам и ценам (по соловаренью). У которых козаков дворы свои, лошадей и коров держат, на тех бы вы клали выть не целую, по рассуждению, кто чего стоит. У которых земских людей есть дети или племянники взрослые, которые могут зверя бить, птицу и рыбу ловить, ягоды и грибы брать, то вы бы на них клали против козаков по рассуждению, кто чего достоин. По грехам случится головщина, то вы бы разрубали по головам, земские люди и козаки, по рассуждению. О ценах мы уложили во всех наших деревнях ценом варить зимою и летом 160 ночей, дров на цену сечь на год 600 сажен, запасать дров только на один год, не больше, а кто станет прибылые ночи варить или лишние дрова сечь, или запасать более чем на год, с таких брать пеню на монастырь». Далее в грамоте следуют определения, что́ крестьяне должны платить тиуну, доводчику, старосте, биричу. Старосте и биричу все, и земские люди

и козаки, должны платить поголовно по московке, исключая тех, кому меньше 15 лет. В селе Соболеве, принадлежавшем Троицкому Сергиеву монастырю, крестьяне платили монастырю с выти по три рубля в год, да приказщику давали со всей волости по 20 четвертей ржи, столько же овса, четыре раза в год — на Велик день, на Петров день, осенью и на Рождество Христово по алтыну с выти, потом с целой волости по рублю денег ежегодно и обязаны были накашивать ему 60 копен сена. Стоглав определил: архимандритам, игуменам и строителям в объезд не ездить и чернецов в посельские не посылать, посылать в посельские слуг добрых: а для дел монастырских земских, для дозирания хлебного или для управы крестьянской посылать старцев добрых на время; а не смогут старцы управить, то архимандритам, игуменам и строителям не возбраняется один или два раза в год ездить самим для надзора, но в объезд по селам нигде не ездить, на пиры не ходить и даров не принимать. Стоглав запретил также святителям и монастырям деньги давать в росты и хлеб в наспы своим крестьянам и чужим людям.

Для оберегания монастырей и крестьян от насилий давались им от государя приставы: так, в 1540 году игумен Успенской Зосимпной пустыни жаловался, что прежний пристав ему с братиею не люб, дел монастырских не бережет, старцев, слуг и крестьян монастырских продает. Государь игумена с братиею пожаловал, дал им пристава *данного*, который им люб. Должность пристава состояла в следующем: если игумен, братия, люди и крестьяне монастырские будут искать чего-нибудь на ком-нибудь или если кто-нибудь будет искать на игумене, братии, людях и крестьянах монастырских, то пристав данный этих людей, истцов и ответчиков, дает на поруки и назначает срок ставиться на суд, а недельщики за игуменом, братиею, их людьми и крестьянами не ездят. Данный пристав должен был также наблюдать, чтоб никто не смел рубить лес монастырский, виновных должен брать, давать на поруку и ставить на суд. Из других грамот видно, что эти данные приставы назначались из подьячих и из царских певчих дьяков.

Мы уже видели прежде жалобы митрополита Киприана на искажение книг священных и богослужебных переписчиками вследствие отсутствия просвещения; жалоба эта была произнесена вновь царем Иоанном на соборе 1551 года: но как было помочь злу без отстранения главной его причины — отсутствия просвещения, когда и от священников требовалась только одна грамотность. Кроме искажений ненамеренных, происходивших от неразобрания слов подлинника, от описок, были еще искажения намеренные, происходившие от ложных толкований слов и целых речений. Интерес религиозный был силен: человек, грамотный и чувствовавший потребность в умственной пище, должен был обращаться исключительно к предметам религиозным, к книгам церковным, останавливался на некоторых местах, начинал объяснять себе их; но как

он мог их объяснять при отсутствии просвещения, у кого мог найти руководство, исправление в случае ошибочности своих мнений? У священника вроде тех, о которых писал новгородский владыка Геннадий? Легко было появляться учителям, толковникам-самозванцам, ибо кто мог поверить законность их звания? Стоило только быть грамотеем, начетчиком, говоруном, чтоб приобрести авторитет непререкаемый среди толпы людей безграмотных и малочитавших. Часто говорит он нелепо, темно: но говорит он о вещах высоких, внушающих всеобщее благоговение, беспрестанно приводит слова св. писания, отцов церкви; чем непонятнее, темнее говорил он, тем больше возбуждалось к нему уважение: это называлось говорить высоко. Иногда такой мудрец не ограничивался одними устными беседами, писал книжку, и книжка удостаивалась такого же почетного приема, особенно если сам автор или переписчик надписывал на ней имя знаменитого отца церкви.

Естественно, что при отсутствии просвещения младенчествующая мысль старинных наших грамотеев обращалась не к духу, а к плоти, ко внешнему, более доступному, входившему в ежедневный обиход человеческой жизни. Просвещенный греко-римский мир при появлении и утверждении христианства обращал внимание на главные существенные предметы нового учения, следствием чего было постепенное решение вопросов, постепенное утверждение догмата на вселенских соборах; но какие вопросы занимали древних русских людей и сильно иногда возмущали покой церкви? Вопрос о том, какую пищу употреблять в известные праздники, если они случатся в постные дни, вопрос, как мы видели, возобновлявшийся с одинаковою силою и на юге, и на севере; потом мы видели, как при Иоанне III сильно занимал правительство церковное и гражданское вопрос о том, как ходить во время освящения церквей — по солнцу или против солнца? Неправильному решению этого вопроса приписывались общественные бедствия. Еще в первой четверти XV века в Псковской области возник вопрос о том, двоить или троить *аллилуиа* в припеве: «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава тебе, боже!» В конце века известный нам новгородский владыка Геннадий спрашивал знаменитого в то время грамотея, толмача Димитрия Грека, как правильнее решить этот вопрос? Димитрий отвечал ему из Рима, что он смотрел в книгах и ничего в них не нашел об этом деле: «Но помнится мне,— продолжал Димитрий,— что и у нас спор бывал об этом между великими людьми, и они решили, что и то и другое можно допустить: троякое аллилуиа с четвертым: слава тебе, боже! означает единосущие триипостасного божества; а сугубое аллилуиа означает в двух естествах единое лицо Христа бога». Великие люди судили так, успокоился на этом и Геннадий; но не хотели успокоиться другие, и в 1547 году явилось житие преподобного Евфросина, псковского чудотворца, составленное клирником Василием (Вар-

лаамом), спустя около семидесяти лет по смерти святого: в этом житии провозглашено, что только сугубая аллилуиа есть правильная. Кто-то придумал, что надобно класть крестное знамение двумя перстами, подобно тому как благословляют священники, и мнение это изложено в сочинении, приписанном блаженному Феодориту, писателю V века; как мало было у пастырей русской церкви возможности поверять подобные мнения и сочинения, видно из того, что ложнофеодоритовское мнение о двуперстном сложении попадается в проповедях митрополита Даниила; в Кормчей митрополита Макария находим выписки из книги Еноха Праведного. Игумены монастырей в своих грамотах писали так: «Божиею милостию господа нашего Иисуса Христа и боголепного его преображения и пречистые его матере честного и славного ее успения». Мнения о двуперстном сложении и о сугубой аллилуиа вместе с запрещением брить бороды и стричь усы замешались между постановлениями собора 1551 года и распространились вместе с ними.

Таким образом, в описываемое время накоплялись и освещались мнения, которые впоследствии явились основными мнениями раскольников. Но подле этих мнений встречаем мнения о предметах религиозных более важных, мнения, имеющие связь с старым учением жидовствующих, подновленным приверженцами учения новых западных реформаторов.

После большого московского пожара, когда погорели кремлевские церкви, государь послал за иконами в Великий Новгород, Смоленск, Дмитров, Звенигород. Из этих городов и из других свозили в Москву иконы и ставили их в Благовещенском соборе, где иконописцы, приехавшие из Новгорода, Пскова и других городов, списывали с них новые образа. Знаменитый Сильвестр, доложив государю, велел написать следующие иконы: троицу живоначальную в деяниях, верую во единого бога отца, хвалите господа с небес, Софию премудрость божию, достойно есть, почи бог в день седьмый от всех дел своих, единородный сын слово божие, приидите людие трисоставному божеству поклонимся, во гробе плотски и другие. Известный дьяк Иван Висковатый, увидевший эти новые иконы, соблазнился и начал громко говорить при народе, что так писать иконы не годится, не следует изображать невидимое божество и бесплотных; «Верую во единого бога отца вседержителя, творца небу и земли, видимым же всем и невидимым» — надобно писать словами, а потом изображать по плотскому смотрению: «И в господа нашего Иисуса Христа», до конца. Висковатый написал и к митрополиту, что Сильвестр из Благовещенского собора образа старинные выпес, а новые, своего мудрования, поставил. Сильвестр оправдывался пред митрополитом, что если на святом Вселенском соборе «Достойно есть» и «Верую во единого бога» проповедано, то и на иконах пишут иконописцы, что иконники писали все со старых образцов своих, от древнего предания, идущего от

времен св. Владимира, а он, Сильвестр, ни одной черты тут не приложил из своего разума. Сильвестр требовал, чтоб дело было обсуждено на соборе; в начале 1554 года собор был созван, и дело решено в пользу Сильвестра: на Висковатого наложена епитимья за то, что о святых иконах сомнение имел и вопил, возмущал народ, православных христиан; за то, что нарушил правило шестого Вселенского собора, запрещающее простым людям принимать на себя учительский сан. Митрополит, между прочим, говорил Висковатому: «Ты стал на еретиков, а теперь говоришь и мудрствуешь негораздо о святых иконах: не попадись и сам в еретики; знал бы ты свои дела, которые на тебе положены,— не разроняй списков».

Но собор был созван не по одному этому делу. Пиша к митрополиту жалобу на Сильвестра относительно икон, Висковатый писал: «Башкин с Артемьем и Семеном в совете, а поп Семен Башкину отец духовный и дела их хвалит». Хотя здесь не было упомянуто имени Сильвестра, однако последний счел за нужное отклонить от себя всякое подозрение и писал к митрополиту: «Священник Семен (Благовещенского собора) сказывал мне про Матюшу (Башкина) в Петров пост на заутрени: пришел ко мне сын духовный необыкновенный и великими клятвами умолил меня припять его к себе на дух в Великий пост, многие вопросы предлагает мне недоуменные, от меня поучения требует, а иногда сам меня поучает. Я,— продолжает Сильвестр,— пришел от этого в большое недоумение и отвечал: Семен! каков-то этот сын духовный у тебя будет, а слава про него носится недобрая? И как государь из Кириллова приехал, я с Семеном все это рассказал ему про Башкина, при Андрее протопопе (духовнике царском) и Алексее Адашеве. Да Семен же сказывал, что Матюша просит истолковать ему многие вещи в Апостоле и сам их толкует, только не по сущности, развратно. Семен сказал ему: я и сам того не ведал, чего ты спрашиваешь, а он отвечал ему: спроси у Сильвестра, он тебе скажет. Мы и об этом сказали государю, который велел Семену сказать Матюше, чтоб тот отметил в Апостоле все свои речи; Матюша весь Апостол воском изметил, и Семен принес книгу в церковь, где государь его видел и все речь и мудрование Матюшино слышали. Но тогда государь поехал в Коломну и дело позаляглось. Захочешь об этом деле спросить у Семена, и он что вспомнит, все тебе скажет; а я с Матюшею никогда не ссылался и совета мне с ним никакого не бывало».

Священник Семен писал митрополиту: «Матвей Башкин в Великий пост у меня на исповеди был и говорил на исповеди: я христианин, верую во отца и сына и святого духа и поклоняюся образу господа бога и спаса нашего Иисуса Христа и пречистой богородицы, и великим чудотворцам, и всем святым, на иконе написанным. Говорил: великое ваше дело! Написано: «Ничтож сия любви болши, еже положите душу свою за други своя», и вы за нас души свои

полагаете и бдите о душах наших, яко слово воздати вам в день судный. После того приезжал ко мне и говорил: бога ради, пользуй меня душевно: надобно что написано в беседах евангельских читать, да на слово не надеяться, а дело делать; все начало от вас: прежде вы, священники, должны начало показать, да и нас научить. Потом прислал за мною человека и, когда я к нему приехал, стал мне говорить: в Апостоле написано: «Весь закон в словеси скончавается: возлюбиши искреннего своего яко сам себе; аще себе угрызаете и снедаете, блюдите, да не друг от друга снедени будете». А мы христовых рабов у себя держим; Христос всех братьею называет, а у нас на иных кабалы, на иных беглые, на иных нарядные, на иных полные грамоты; я благодарю бога: у меня что было кабал полных, все изодрал и держу людей своих добровольно: хорошо ему — и он живет, а нехорошо — идет куда хочет; вам, отцам, пригоже посещать нас часто, научать, как нам самим жить и людей держать, не томить; я видел это в правилах и мне показалось это хорошо».

Собор, исследовавши дело, нашел, что Матвей Башкин и его единомышленники виновны в следующем: 1) не признают Иисуса Христа равным богу отцу, а некоторые и других поучают на это нечестие; 2) тело и кровь Христову считают простым хлебом и вином; 3) святую, соборную апостольскую церковь отрицают, говоря, что собрание верных только церковь, а эти созданные ничто; 4) изображение Христа, богоматери и всех святых называют идолами; 5) покаяние ни во что полагают, говоря: как перестанет грешить, так и нет ему греха, хотя и у священника не покается; 6) отеческие предания и жития святых баснословием называют; на семь вселенских соборов гордость возлагают, говоря: все это они для себя писали, чтоб им всем владеть, и царским и святительским; одним словом, все священное писание баснословием называют, Апостол же и Евангелие неправильно излагают. Башкин оговорил в единомыслии с собою Артемия, бывшего троицкого игумена; поставленный с Башкиным с очей на очи, Артемий не признал себя виновным ни в чем, что тот взводил на него. Но, кроме Башкина, Артемия обвинял также бывший ферапонтский игумен Нектарий; однажды Артемий сказал ему: «В книге Иосифа Волоцкого написано не гораздо, что послал бог в Содом двух ангелов, то есть сына и св. духа»; по словам Нектария, Артемий еретиков новгородских не проклинал; латынь хвалил, поста не хранил, во всю четыредесятницу рыбу ел и на Воздвиженьев день у царя за столом рыбу же ел. Артемий признался, что когда случалось ему из пустыни приходить к христолюбцам, то он рыбу едал и у царя на Воздвиженьев день рыбу ел. Нектарий на очной ставке обвинял также Артемия, что тот из псковского Печерского монастыря ездил в Новый Городок немецкий (Нейгауз) и там веру немецкую восхвалил. На это Артемий отвечал, что точно ездил в Новый Городок и говорил с не-

мецким князем: есть ли у них такой человек, с которым бы можно было ему поговорить книгами? И такого ему человека книжного не указали. Явился еще обвинитель: троицкий келарь Адриан Ангелов объявил, что Артемий в Корнилиеве монастыре, в келье у игумена выразился так о поминовении умерших: «Панихидами и обеднями им не поможешь, от этого они муки не избудут». Артемий признался, что говорил это о людях, растленных житием, и грабителях. Троицкий старец Курачов писал, что слышал от Артемия неприличные речи об Иисусове каноне и акафисте богородичном. Об этом сам Артемий сказал на соборе: «Говорят в каноне: Иисусе сладкий! А как услышат слово Иисусово о заповедях его, как велел быть — и горько становится, что надобно их исполнять. В акафисте повторяют: радуйся да радуйся, чистая! А сами о чистоте не радят и в празднословии пребывают: так что говорят только по привычке, а не вправду». Кирилловский игумен Симеон писал царю: когда он объявил Артемию, что Башкин уличен в ереси, то Артемий отвечал: «Не знаю, что за ересь такая! Сожгли Курицына да Рукавого и теперь не знают, за что их сожгли». Артемий сказал на это на соборе: «Не упомню, так ли я про новгородских еретиков говорил; я новгородских еретиков не помню и сам не знаю, за что их сожгли; если я говорил, что не знаю, за что их сожгли и кто их судил, то я говорил это про себя, не сказал я: они того не знают». Митрополит, обратившись на соборе к Артемию, говорил ему: «Матвей Башкин ереси проповедовал, сына единородного от отца разделил, называл сына не равным отцу, говорил: сделаю грубость сыну и в страшное пришествие отец может избавить меня от муки, а сделаю грубость отцу, то сын не избавит; молился Матвей одному богу отцу, а сына и св. духа оставил: теперь Матвей во всем этом кается, дела все свои на соборе обнажил». Артемий отвечал митрополиту: «Это Матвей по-ребячески поступал и сам не знает, что делал своим самосмышлением: в писании этого не обретается и в ересях не написано». Митрополит говорил: «Прежние еретики не каялися и святители их проклинали, а цари их осуждали и заточали и казням предавали». Артемий отвечал: «За мною посылали еретиков судить, и мне так еретиков не судить, что казни их предать, да теперь еретиков нет и никто не спорит». Митрополит говорит ему: «Написал Матвей молитву к единому началу, бога отца одного написал, а сына и св. духа оставил». Артемий отвечал: «Что ему досталось еще врать, ведь есть молитва готовая Манасиина к вседержителю». Митрополит сказал на это: «То было до Христова пришествия, а кто теперь так напишет к единому началу, тот еретик». Артемий отвечал: «Манасиина молитва в большом ефимоне написана и говорят ее». Когда митрополит сказал Артемию: «Если ты в чем виноват, кайся»,— то он отвечал: «Я так не мудрствую, как на меня сказывали; то на меня все лгали: я верую в отца, сына и св. духа, в троицу единосущную». Бывший фе-

рапонтовский игумен Нектарий обвинял Артемия во многих богохульных речах на христианский закон и божественное писание, причем слался на свидетелей: на троих пустынников Нилловой пустыни и на одного соловецкого старца; но на соборе эти свидетели объявили, что от Артемия хулы на христианский закон и божественное писание не слыхали. Вследствие этого, что свидетели не подтвердили Нектариева обвинения, царь освободил Артемия от казни; но так как собор нашел, что Артемий не оправдался в других обвинениях, то его присудили на заточение в Соловецкий монастырь: там он заключен был в *молчательной* келье, чтоб душевредный и богохульный недуг не мог распространиться от него ни на кого; он не мог ни говорить ни с кем, ни писать ни к кому, ни получать ни от кого писем или других каких-нибудь вещей; он должен был сидеть в молчании и каяться: приставлен был к нему отец духовный, который должен был извещать игумена, истинно ли покаяние его; сам игумен должен был поучать его и в случае исправления позволить ему причаститься в смертельной болезни; книги ему иметь только такие, какие позволит собор. По некоторым известиям, один из отцов собора, епископ рязанский Кассиан, позволил себе отзываться дурно о книге Иосифа Волоцкого; он был поражен параличом, лишился употребления руки и ноги, оставил епископию, удалился в монастырь, но и тут не покаялся, не хотел называть Христа вседержителем.

Из отзывов Артемия о книге Иосифа Волоцкого и о новгородских еретиках видно, что он вместе с другими современными ему грамотными людьми, как, например, с знаменитым князем Андреем Курбским, не разделял убеждений Иосифа относительно еретиков и справедливости мер, против них принятых. Мы видели, как заволжские старцы ратовали против мер Иосифа Волоцкого; Башкин, по свидетельству летописи, также говорил, что заволжские старцы злобы его не хулили, а утверждали его в ней. В связи с самым известным из заволжских старцев Вассианом Косым был Максим Грек, который находился еще в живых, когда поднялось дело об ереси Башкина; вместе с другими он был приглашен на собор; но царю донесли, что Максим оскорбился этим приглашением, думает, что его зовут на собор из подозрения в единомыслии с Башкиным, хотят из его мнений и приговоров о ереси вывести заключение — враг он или скрытый доброжелатель еретиков. Чтоб успокоить Максима, царь писал ему: «Послал я за тобою, да будешь и ты поборник православию, наравне с древними богоносными отцами, да явишься и ты благочестию ревнитель, да примут и тебя те же небесные обители, какие приняли прежних подвижников за благочестие. Слышали мы, что ты оскорбляешься, думаешь, что мы тебя соединяем с Матвеем (Башкиным) и потому за тобою послали: никогда мы не сочетаем верного с неверными; отложи сомнение и данный тебе от бога талант умножи, пришли ко мне писа-

ние на нынешнее злодейство». Из этого письма видно, что царь освобождал Максима от присутствия на соборе, прося у него только обличительного на ересь послания.

Башкин и единомышленники его были заточены по монастырям. Из последователей его — белозерский монах Федосий Косой и какой-то Игнатий были схвачены в 1555 году и заключены в монастырь в Москве, но бежали в Литву, женились там и продолжали проповедовать на свободе свое учение; это учение состояло в том, что божество не троично, что Христос простой человек, что все внешнее устройство церковное не нужно. Артемию, несмотря на строгий надзор, также удалось бежать из Соловок в Литву. Есть еще известие о соборе по поводу ереси Давыда, архиепископа ростовского в 1582 году; этот Давыд выставлен соумышленником Антония Поссевина, который сам приводится на собор, излагает странное учение, совершенно сходное с учением Давыда, и опровергается царем Иоанном. Но известие о Поссевине явно выдумано: царь не мог говорить с ним так, как представлен говорящим на соборе; притом, если б было что-нибудь подобное, то известие о нем сохранилось бы в статейном списке; это сочинение вроде переписки царя Иоанна с турецким султаном, попадающейся в некоторых сборниках.

С православным Востоком по-прежнему происходили постоянные сношения. В 1543 году дана была грамота старцам Афонского Пантелеймонова монастыря, по которой они везде в областях Московского государства пропускались свободно, не платя никаких пошлин, получая корм и подводы. В 1547 году митрополит Макарий писал окружное послание о вспомоществовании старцам Пантелеймонова монастыря, пришедшим в Москву за милостынею. Также бил челом царю Паисий, игумен Афонского болгарского монастыря Хиландаря, что им от даней султановых истомы великие и от греков обиды большие: государь бы их пожаловал, послал об них свою грамоту к султану, чтоб тот от даней их пооблегчил и от греков оборонил. Царь исполнил просьбу, послал грамоту к султану. В 1545 году александрийский патриарх Иоаким писал Иоанну, ходатайствуя об освобождении Максима Грека, неправедно заточенного: «Так православные христиане,— пишет Иоаким,— не поступают с бедными людьми, особенно с иноками, и несправедливо держать человека сплою и оскорблять; нехорошо верить всякому слову, всякому писанию без испытания. Я никогда не писал к тебе, ничего не просил: так не оскорби меня теперь, не заставь писать вторично, ибо я не перестану писать к тебе, пока просьба моя не будет исполнена».

В 1556 году приезжал в Москву Иоасаф, митрополит евгрипский, с грамотою патриарха византийского: отпустивши его в следующем году, царь отправил с ним грамоту к патриарху Иоасафу, в которой просил о соборном благословении на свое царское

венчание. При этом послано было патриарху соболей на 2000 золотых. Просимая грамота была прислана в 1562 году: в ней собор восточных святителей признает Иоанна достойным царского имени, потому что он ведет свое происхождение от царицы Анны, сестры самодержца Василия Багрянородного, и потому что царь Константин Мономах послал с ефесским митрополитом царскую утварь великому князю Владимиру, который и был венчан на царство.

По смерти царицы Анастасии, брата царского, князя Юрия Васильевича, царевича Иоанна посылались патриархам, на Синайскую, на Афонскую горы, нищим цареградским богатые милостыни. К константинопольскому патриарху посылались из Москвы молодые люди учиться греческому языку: к патриарху Дионисию в 1551 году отправлен был паробок Обрюта Михайлов Греков; царь писал патриарху: ты бы велел его у себя учить грамоте греческой и языку; а если тебе у себя его научить нельзя, то отошли его на святую гору Афонскую, в наш монастырь св. Пантелеймона. После Обрюты посланы были учиться двое паробков —Ушаков и Внуков; патриарх жаловался, что учить их трудно, потому что они уже велики, а пристращать их нельзя: как бы к туркам не бежали.

В то время, как русская церковь на востоке, в Московском государстве, распространялась вместе с распространением пределов этого государства, на западе, в литовско-русских областях, происходило явление противное: здесь русская церковь вместо приобретения новых членов теряла старых, сначала вследствие распространения протестантских учений, потом вследствие католического противодействия, главными двигателями которого были иезуиты. Кроме того, нахождение под властию иноверного правительства, если еще не явно враждебного, то равнодушного к выгодам русской церкви, не могло обеспечивать для последней спокойствия и наряда. После уничтожения галицкой митрополии название галицкого митрополита было присоединено к титулу киевского митрополита, и галицкая епархия находилась поэтому в непосредственном заведовании последнего, который назначал в Галич своего справцу (прикащика, наместника). Но в то же самое время право назначать наместника для управления православною галицкою церковью имел католический львовский архиепископ, в силу грамоты короля Сигизмунда I, данной в 1509 году. Таким образом, наместник галицкий для отправления своей должности должен был получить согласие православного киевского митрополита, католического львовского архиепископа и подтверждение королевское. В сороковых годах описываемого века справцею митрополичьим в Галиче был Сикора, возбудивший своим поведением негодование епархии. Галичане послали к митрополиту Макарию просьбу, чтоб дал их в *опеку* Лаврентию, епископу перемышльскому; но митрополит назначал к ним справцею священника Гошевского, написавши, впрочем, к галичанам, что могут не принимать его,

если он им нелюб. Новый справца действительно не полюбился галичанам, и они послали опять к митрополиту челобитную: «Мы все сообща жители Русской (Галицкой) и Подольской земли не посылали к вашему святительству попа Гошевского и не выбирали его, и теперь никто из нас, великий и малый, богатый и убогий, не хотим иметь его справцею, точно так же как и Сикоры, потому что при Сикоре было большое безпарядье, тяжести и непослушание к вашему святительству; то же было бы и при попе Гошевском, или еще хуже; и так как ваше святительство к нам писали, чтоб мы выбрали доброго человека и к вам послали, то мы все духовные, шляхта, мещане и все поспольство, от больших и до меньших, выбрали Макария Тучанского, мещанина (гороженина) львовского, и покорно просим ваше святительство благословить его к нам в наместники». Митрополит исполнил их просьбу, новый наместник начал действовать к общему удовольствию; но старый справца Сикора, подбившись к католическому архиепископу львовскому, стал подучать его против Макария, как избранного не с его архиепископского согласия; архиепископ настоял у короля, чтоб назначена была комиссия для обсуждения поступков Макария и королевскими листами позвали последнего к суду комиссара; Макарий должен был явиться на этот суд в сопровождении большого числа обывателей Галиции и Подолии, которые должны были свидетельствовать в его пользу; как обыкновенно водилось, Макарий и его свидетели должны были потратить при этом много денег; но деньги не помогли, и Макарий перенес дело к королю на сейм. Король решил дело в пользу архиепископа: на основании старых Ягайловых привилегий подчинил ему православное галицкое духовенство, которое изъял из ведомства митрополита киевского и его наместника; Макарию грозило вечное заключение, но галичане, посредством двух панов, нашли доступ к королеве Боне, имевшей большое влияние над своим мужем. Король и королева не постыдились взять с галицкого духовенства посул — 200 волов; привилегия, данная католическому архиепископу, была разодрана и обещана была привилегия Макарию, как скоро 200 волов будут доставлены. Но этим дело не кончилось: когда король приехал в Львов, Макарий дал ему 50 волов, за что получил приказание приезжать в Краков за привилегией; но перед самым выездом короля из Львова архиепископ опять упросил его отдать в его ведомство русское галицкое духовенство; Макарию опять, следовательно, нужно было приниматься за волов: 110 волов роздал он королю, королеве и панам и получил вторично приказание ехать в Краков за привилегиею. Макарий поехал и долго жил в Кракове, но привилегии не получил: король отложил дело до сейма, на который Макарий должен был приехать. Макарий отправился, без малого год выжил в Кракове и добыл наконец привилегию «с великою бедою, накладом и трудом»; галицкое духовенство должно было заплатить

еще 140 волов. Но и этим дело не кончилось: когда Макарий возвратился из Кракова, архиепископ прислал к нему писаря своего, приказывая ему с угрозами, чтоб стал перед ним и с привилегиями. Макарий сам не пошел и привилегий не отослал к нему. Тогда архиепископ сказал: «Пока жив, не отстану от этого дела; Русь должна быть в моей власти, король не мог без меня порешить иначе». Он послал к королю жалобу на Макария и хотел вытребовать его на сейм. Тогда галичане немедленно отправили Макария в Киев к митрополиту с просьбою посвятить его в епископы, потому что ему, как владыке, нечего уже будет больше бояться архиепископа и всех бискупов католических; Макарий поехал в Киев в сопровождении многочисленной толпы своих русских: боялись за его жизнь, ибо архиепископ несколько раз приказывал убить его. После, между 1569 и 1576 годом, видим в Галиче явление подобного же рода: галицкий владыка, Марк Балабан, перед смертию с позволения королевского передал владычество сыну своему Григорию Балабану; но католический львовский архиепископ, Шломовский, объявил королю, что имеет право назначать православных владык и назначил уже Ивана Лопатку Осталовского. Сигизмунд-Август, несмотря на позволение, данное им прежде Балабану, подтвердил назначение Лопатки. Но Балабан и его сторона, опираясь на прежнее позволение королевское, не соглашались признать прав Лопатки, хотя король несколько раз потом подтверждал их, и когда Лопатка умер, то Балабан утвердился на владычестве. Мы видели, как Сигизмунд-Август был равнодушен к католицизму, и потому при нем панам греческой веры легко было испросить уравнение прав православного шляхетства с католиками: это уравнение последовало на виленском сейме 1563 года. При Батории русская церковь в Литве сильно почувствовала, чего она должна ожидать вперед от католического противодействия и главных проводников его, иезуитов: в 1583 году король велел отобрать землю у всех полоцких церквей и монастырей, кроме владычних, и отдать их иезуитам. В 1584 году во Львове, накануне Рождества Христова, католики, по приказанию архиепископа своего, с оружием в руках напали на православные церкви и монастыри, выволокли священников из алтарей, одних уже по освящении даров, других перед самым причастием, запечатали церкви и настрого запретили отправлять в них богослужение.

Еще при жизни владык короли уже назначали им преемников иногда людей светских, бояр, «ласково взглянувши на их верную службу, по желанию воеводы и бояр». Иногда престарелый владыка сдавал управление епархиальными делами какому-нибудь светскому лицу, оставивши за собою только звание и старшинство; новый правитель обращался к королю с просьбою об утверждении его на владычном столе в случае смерти старого архиерея. Назначивши митрополита в Киев, король давал знать об этом патриар-

ху константинопольскому, чтоб тот благословил нового митрополита; грамота королевская патриарху в этом случае имела такую форму: «Даем знать достоинству вашему, что в панствах наших Великого княжества Литовского в животе не стало митрополита киевского и галицкого и всея Руси; на его место представлен нам от жителей греческого закона годный на то, смиренный владыка такой-то. Благословите его на митрополию по закону вашему, к службе церкви святой христианской, к научению и управлению всем, принадлежащим к этому достоинству, за что будет получать и от нас такую же благодарность, какую от предков наших прежние митрополиты получали. При этом желаем вам всякого добра». Мы видели, что распря полоцкого владыки с митрополитом о титуле и распря того же владыки полоцкого с владыкою владимирским решены были королем с панами радными: но в 1548 году, когда полоцкий архиепископ Симеон вместе с князьями, панами и боярами своей области подал жалобу королю на митрополита Макария, что тот поставил его опять ниже владыки владимирского, то митрополит объявил королю, что это суд духовный, в который король не может вступаться в силу привилегии, данной митрополиту Иосифу, что дело должно быть решено на соборе, по закону греческому; король согласился на созвание собора, выговорив, что если которая-нибудь из тяжущихся сторон найдет соборный приговор несправедливым, то имеет право перенести дело на решение королевское. В том же году бурмистры, радцы и мещане виленские греческого закона выпросили у митрополита грамоту, по которой виленское духовенство отдавалось в их управу и, если б кто-нибудь из священников не захотел их слушаться, того они могли отставлять от церкви и замещать другим с позволения митрополичьего. Протопоп и все священники подали жалобу королю на такой поступок митрополита. Король в 1542 году писал к митрополиту: «Очень удивило нас то, что мещане виленские мимо нас обратились с таким делом к тебе и выхлопотали такие неприличные грамоты, по которым присвоили в свою мещанскую управу наше господарское владение, что им никак не следует; не следовало и тебе священников, богомольцев наших, записывать своими грамотами кому-нибудь во владение; нельзя церквей божиих нашего стольного города брать из-под нашей господарской управы и отдавать в управление подданным: этого никогда при предках наших не бывало. Мы велели эту твою грамоту взять в нашу канцелярию и приказываем: если у какой-нибудь церкви умрет священник, то бурмистр или кто-нибудь из добрых людей вместе с твоим наместником, протопопом виленским, идут в эту церковь, переписывают в ней церковное имущество и запечатывают ее, а ключи церковные отдаются в соборную церковь Богородицы. Потом, выбравши доброго и ученого человека, они дают тебе знать, и ты, увидавши его годность, ставишь его в священники и приказы-

вашь отдать ему ту церковь со всем ее имуществом». К мещанам король писал, чтоб они не смели управлять священниками под страхом пени в 1000 коп грошей и вперед подобных грамот у митрополита не брали: грамоты эти не имеют никакой силы; ибо митрополит имеет власть над духовенством только в делах духовных, а в других делах не может ни к чему их приневоливать. Но этим дело не кончилось: священники не переставали жаловаться королю на мещан, а мещане — на священников; тогда король в 1544 году, признавши, что имеет право чинить постановление божиим церквам, дал им уставную грамоту, в которой определил способ избрания священников, дьяконов и причетников: когда священник тяжело занеможет, то протопоп дает знать об этом бурмистру греческого закона; бурмистр идет сам или посылает двух радцев и писаря, которые и переписывают все церковные вещи, вместе с протопопом и священниками; когда же священник умрет, то бурмистр запирает церковь и держит у себя ключи до тех пор, пока будет поставлен новый священник; выбирают священника, дьякона, уставника и пономаря бурмистры и радцы с протопопом и двумя священниками. В грамоте определяется, сколько платить священникам за погребение, за соборование маслом; относительно исповеди постановлено: мещане приходят к отцам своим духовным по доброй воле, а не по нужде и, где хотят, там исповедаются; священники неволею никого не должны к себе призывать. Священники не имеют права вмешиваться в духовные дела лиц светских.

Недовольные судом епископа жаловались королю, и тот приказал митрополиту пересмотреть дело.

Что касается отношений монастырей ко власти светской, то распри между монахами и архимандритами судились воеводами: так, в 1534 году полоцкий воевода судил монахов Предтеченского монастыря с их архимандритом; монахи жаловались, что архимандрит берет себе следующую им половину доходов; архимандрит отвечал, что, когда полоцкий воевода или его урядники приезжают в монастырь, тогда архимандрит и чернецы вместе их угощают и дарят, а теперь чернецы не помогли ему обдарить пана воеводу, потому он и вычел из их половины доходов; чернецы возражали, что на потребы церковные и на дары воеводам есть деньги постригальные: когда кто идет в монахи, то дает по рублю грошей в казну монастырскую. В 1540 году вследствие жалобы монахов Уневского монастыря на львовского епископа Макария, поданной королю и митрополиту, дело рассматривалось перед девятью шляхтичами, четырьмя мещанами и возным. Макарий оправдался, но писал потом, что дело это стоило ему 20 волов, которых он должен был подарить пану Краковскому. Монахи признались, что они жаловались на хищность епископа только для того, чтоб высвободиться из-под его управления вопреки королевской грамоте, по которой монастырь их был отдан в управление Макарию. Через 15 лет, в

1555 году, дело возобновилось: архимандрит Уневского монастыря жаловался митрополиту Макарию на львовского епископа Арсения, что тот, приезжая в монастырь, грабит его, архимандрита, зовет к суду пред короля и панов радных, желая привести монастырь в свою власть; король велел митрополиту рассмотреть дело; митрополит назначил срок епископу и архимандриту стать пред ним на суд и решил дело в пользу архимандрита, освободил монастырь из-под управления епископа, не обращая внимания на упомянутую выше грамоту короля Сигизмунда; тогда епископ жаловался королю на несправедливость митрополичья суда, и митрополит был позван на суд королевский. Иногда могущественные паны позволяли своим урядникам вмешиваться даже в духовный суд митрополита, и лица духовные в надежде на покровительство какого-нибудь могущественного вельможи позволяли себе пренебрегать властию митрополита: в 1554 году митрополит Макарий жаловался королю, что княгиня Слуцкая приказывает наместникам своим вступаться в дела духовные, судить священников, сажать их в заключение, разводить мужей с женами; когда митрополит за двукратную неявку к суду запретил отправлять службу слуцкому архимандриту Никандру, то последний митрополичьей грамоты не захотел и читать, службу, присланного с нею, прибил, а сам прибегнул к покровительству княгини Слуцкой, которая за него заступилась. Король запретил княгине подобные поступки.

Короли по праву подаванья продолжали жаловать православные монастыри светским людям в управление: так, в 1562 году Сигизмунд-Август отдал полоцкий Предтеченский монастырь дворянину Корсаку с условием, чтоб он держал в монастыре наместника, особу духовную, человека ученого, который бы умел в делах духовных управляться по закону греческому. В 1568 году на городенском сейме митрополит Иона между прочими просительными статьями представил королю, чтобы достоинства духовные не раздавать людям светским, и если королю случится отдать духовную должность светскому человеку и последний в течение трех месяцев не вступит в сан духовный, то владыка вправе отбирать у таковых достоинства и хлебы духовные и раздавать людям духовным. Король отвечал, что просьба справедлива; но что если кто-нибудь из пожалованных не захочет вступить в духовное звание, то владыка не имеет права отбирать у него пожалования и отдавать другому, а доносит об этом королю, который сам отбирает пожалования и отдает другим, кого признает достойным. Такой ответ, как видно, был дан с тем, чтоб уклоняться, когда нужно, от исполнения просьбы: в 1571 году Сигизмунд-Август отдал киевский Межигорский монастырь безо всякого условия дьяку коронной канцелярии Высоцкому за верную службу, желая еще более усилить в нем ревность к службе; ясно, что дьяк, который должен был продолжать канцелярскую службу, не мог постричься в монахи.

Но в других случаях припоминали ответ королевский, данный на городенском сейме. Король Стефан дал минский Вознесенский монастырь дворянину Невельскому, а тот, не желая вступать в духовное звание, передал монастырь с ведома королевского земянину Достоевскому, который не был даже православный; митрополит Илия и каштелян минский Ян Глебович жаловались королю, что Достоевский пользуется только доходами и вовсе не радит об управлении монастырем, и просили отдать последний земянину же минскому Михаиле Рагозе, человеку благочестивому и в священном писании знающему, который немедленно пострижется в монахи. Король исполнил их просьбу, ссылаясь на ответ Сигизмунда-Августа, данный на городенском сейме митрополиту. Это было в 1579 году; в 1581 видим жалованную грамоту дворянину Левоновичу на Браславский монастырь прямо с условием, чтобы он вступил в духовное звание. Иногда монастырь отдавался во владение светскому лицу и сыновьям его: так, Сигизмунд-Август отдал монастырь св. Спаса во Владимире Волынском Оранским — отцу и троим сыновьям, которые должны были владеть один за другим: и отец, и сыновья при этом освобождены были от обязанности постригаться в монахи, только должны были держать в монастыре викария — духовное лицо. Иногда такие владельцы закладывали монастыри. Виленский Троицкий монастырь принадлежал также к числу тех монастырей, которыми распоряжались короли; он был отдан королем митрополиту Онисифору Девочке. Но еще при жизни последнего, в 1584 году, бурмистры, радцы и лавники виленские греческого закона били челом королю, что вследствие редких посещений митрополичьих и дальности расстояния от Киева монастырь Троицкий обнищал и пришел в расстройство; дабы не пришел он в окончательный упадок, они просили короля отдать им его в управление по смерти митрополита Онисифора. Король исполнил просьбу, отдал им монастырь с тем, чтоб они собирали доходы и употребляли их на монастырские потребности, на поддержку строения, на содержание архимандрита, священников, черпецов, убогих монахинь, слуг церковных, на учреждение школ, где должны воспитываться дети людей, живущих в монастыре и при монастыре. Бурмистры, радцы и лавники получили право выбирать архимандритов в монастырь, которые не имеют права без их ведома распоряжаться монастырским имуществом; бурмистры, радцы и лавники должны выбрать одного или двух добрых людей сами собою или сообща с православными мещанами виленскими; эти выбранные добрые люди должны смотреть за доходами монастырскими и ежегодно отдавать об них отчет бурмистрам, радцам и лавникам. Монастыри с ведома королевского выбирали себе опекунов, которые имели обязанность охранять их выгоды.

Мы видели, что в 1522 году вследствие челобитной, поданной королю Сигизмунду I монахами Киево-Печерского монастыря,

восстановлена была у них община, которая пала от обнищания монастыря после татарских нашествий. Но восстановленная община существовала только при одном архимандрите Игнатии, преемники которого уничтожили ее для своих выгод, отдавая доходы монастырские детям своим и родственникам. Монастырь начал приходить в упадок, и старцы в половине века снова обратились к королю Сигизмунду-Августу с просьбою о восстановлении общины; король поручил это дело воеводе киевскому, князю Фридриху Глебовичу Пронскому и дворянину Оранскому, которые и написали устав для общины. Здесь определено, какие доходы должны идти в казну монастырскую, какие — архимандриту и клирошанам: за погребение монахи должны брать то, что им дадут, а не торговаться; братию свою должны хоронить и поминать одинаково, оставит ли кто после себя имение, идущее на монастырь, или не оставит ничего. Архимандрит и старцы едят и пьют в одном месте; во время стола происходит чтение; монахи не смеют выходить из монастыря без позволения архимандричьего и экономова; ослушников архимандрит с братиею имеют право наказывать по их духовному праву, имеют право высылать из монастыря. Кельи и сады находятся в общем пользовании: монах, желающий выйти из монастыря, келью свою не продает, берет только движимое имущество; платье и дрова монахам даются из казны церковной; чернецы не могут держать у себя бельцов, мальчиков и никакой живности: один архимандрит держит слугу и хлопца; печать церковная хранится в казне; архимандрит ведает одно церковное управление; доходы же и расходы и управление имениями находятся в заведовании эконома, палатника и братии; в доходах и расходах эконом и палатник дважды в год отдают отчет архимандриту и братии; архимандрит и старцы не могут принимать к себе монахов из Москвы и Валахии. Несмотря на то, в Москве не забывали Киево-Печерского монастыря: по царевиче Иване послано туда милостыни 100 рублей.

Известно, что в 1509 году митрополит Иосиф созывал в Вильне собор, где постановлены были меры для отвращения беспорядков, происходивших от столкновения духовной власти со светскою; в 1546 году митрополит Макарий должен был созвать в Вильне собор по требованию короля Сигизмунда-Августа, который писал ему: «Слышали мы от многих князей и панов о беспорядках, которые происходят между вашим духовенством греческого закона, также между князьями, панами и простыми людьми, особенно между владыками, как, например, на Волыни; а твоя милость, старший их пастырь, о том знать и удерживать их не хочешь». Поучения священникам от архиерея после поставления в Юго-Западной Руси были сходны с известными уже нам поучениями, употреблявшимися в Московской Руси.

Изменение, сделанное в календаре папою Григорием XIII,

произвело сильное волнение как между протестантским, так и между православным народонаселением Польско-Литовского государства, не хотевшим принять новости, вышедшей из Рима. В 1583 году константинопольский патриарх Иеремия II запретил православному духовенству сообразоваться с новым григорианским календарем, вследствие чего в 1584 году Стефан Баторий запретил правительственным лицам принуждать православных к отправлению праздников по новому календарю.

Несколько раз упоминали мы о братчинах или складчинных пирах, обычае, с незапамятных времен распространенном в древней России. О братчинах упоминает старинная летопись, о ней поет старая песня, о ней беспрестанно говорят старые уставы, старые грамоты. О древности и важном значении братчины в жизни нашего народа свидетельствует язык: в известной поговорке братчина является представительницею всякого общего дела, союза; о человеке, не способном по своей сварливости, неуживчивости к общему делу, говорится: «С ним пива не сваришь». Другая пословица говорит: «К пиву едется, к слову молвится» — и свидетельствует, как было много охотников ездить на братчины, к общему пиву. Некоторые почетные лица, как мы видели, были приглашаемы на братчины. Должностные лица, волостели, тиуны, получали с братчин известные поборы. Но, кроме званых гостей или таких, которые по должности своей имели право приезжать на братчины, туда являлось много незваных гостей и таких, с которыми трудно было пиво сварить. Поэтому разные волости и села выхлопатывали себе жалованные грамоты, по которым запрещалось ездить к ним на братчины незваным. Но понятно, что за пивом и между самими участниками в братчине и гостями званными всего легче можно было начаться ссорам и даже дракам; легко было поссориться и подраться, легко было и помириться при посредничестве других участников; нельзя было на ссоры и драки, происшедшие за пивом, смотреть как на беспорядки, произведенные людьми, в полном сознании находящимися, и нельзя было взыскивать обычных штрафных денег с человека, который поссорился за пивом, а протрезвившись, спешит помириться, и потому в некоторых уставных грамотах говорится: «В пиру или братчине поссорятся или побьются и не вышедши из пиру помирятся, то не платят ничего; если даже и вышедши с пиру помирятся за приставом, то не платят ничего, кроме хоженого». В некоторых же областях братчины постарались освободиться совершенно от вмешательства правительственных лиц и приобресть право суда над своими членами, произведшими беспорядок во время пира. Легко догадаться, что эту большую степень самостоятельности братчины могли приобресть преимущественно в Новгороде и его владениях, во Пскове, по известным формам тамошнего быта; так, в псковской судной грамоте говорится: «Братчины судят как судьи». То же самое право имеют братчины

или братства и в Западной, или Литовской, России, где быт городов, как мы видели, представлял сходные черты с бытом Новгорода и Пскова и где видим сильнейшее развитие цехового устройства. К этим-то братствам Западной России мы и должны теперь обратиться, потому что об устройстве их в описываемое время дошли до нас подробные известия.

Из актов описываемого времени и из позднейших видно, что братства в некоторых местах, например в Вильне, получили свое устройство гораздо прежде, именно в половине XV века. В 1579 году трое мещан мстиславских от лица всех своих собратий жаловались Стефану Баторию, что у них издавна бывают складчины три раза в год — на Троицын день и на Николин — осенний и вешний: на каждый из этих праздников рассычают они по 10 пудов меду и продают его, воск отдают на свечи в церковь, деньги, что выручат за мед, отдают также на церковное строение. Но старосты мстиславские не позволяют им продавать этих складчинных медов долее трех дней и, что у них останется меду непроданного в этот срок, забирают за замок: от этого они терпят убыток; а церкви божии пустеют и приходят в упадок. Король предписал старостам, чтоб они не забирали медовых складов, а позволяли мещанам распродавать их все и по прошествии трех дней. В 1582 году виленские мещане (горожане) братства купеческого в челобитной королю объявляли, что у них в Вильне есть особый братский дом, на собственный счет их построенный; в этот братский дом собираются купцы виленские греческого закона для рассуждения о потребностях церковных и госпитальных и, по древнему обычаю, покупают мед восемь раз в год: на Велик день, на Седьмую субботу, на Петров день, к Успению богородицы, на Покров, на Николин день, на Рождество Христово и на Благовещенье, сытят этот мед и пьют его, сходясь по три дня в братский дом, воск отдают на свечи в церковь, а деньги, вырученные за мед, обращают на церковное строение, на слуг церковных, на госпиталь, на милостыню убогим. Чтоб дела братские отправлялись с бо́льшим порядком, они просили короля утвердить следующий устав: «Братья старшие и младшие братства купеческого выбирают ежегодно между собою старост, которым поручают все деньги братские, все имущество и все дела; по прошествии года старосты отдают отчет братьям старшим и младшим. Во время братских бесед эти годовые старосты сами и чрез ключников своих прилежно смотрят, чтоб братья вписанные и гости приходящие сидели в дому братском прилично, дурных слов между собою не говорили, на стол не ложились, меду братского не разливали, пили бы в меру и никаких убытков не делали; если же кто, напившись пьян, причинит какой-нибудь убыток, станет говорить неприличные слова, на стол ляжет и питье разольет, такого старосты должны сперва удержать словами, а в случае упорства с его стороны, берут с него пеню, чем братья обло-

жат. Если бы кто в братском доме завел ссору, то обиженный сейчас же объявляет о своей обиде старостам; старосты, выслушав жалобу, отлагают дело до завтрашнего дня, в который братия, собравшись в братский дом, судят и решают, кто прав и кто виноват, и последний платит пеню братству; никто, получивши обиду в братском доме, не жалуется никакому другому начальству, ни духовному, ни светскому, ни земскому, ни городскому, ни римской вере, ни греческой. но должен судиться перед старостами и братиею в том доме, где произошла ссора. Кто в братском доме выбранит старосту, выбранит или ударит ключника, тот наказывается братскою пенею; ключник, непослушный старосте, сперва удерживается словами, а потом наказывается братскою пенею; если староста провинится пред братьею, то братья старшие и младшие сперва останавливают его словами, а в другой раз наказывают братскою пенею. Если духовные люди, веры римской и греческой, или вписанные в братство, или приглашенные кем-нибудь из братий, или вписавшиеся на один только день, завели с кем-нибудь ссору, то не должны жаловаться — римской веры князю епископу, а греческой митрополиту, должны судиться в братстве и довольствоваться братским решением. Шляхтич или дворянин, или какой-нибудь чужой человек, приглашенный на братский пир, или вписавшийся на один день в братство, не должен брезговать местом, но обязан садиться, где придется; старосты, зная звание каждого, указывают места. Никто не смеет входить в светлицу братскую с оружием или приводить с собою слугу. Если бы кто-нибудь из вписанных братьев захотел перейти в другое братство, то обязан объявить об этом старостам и братье и взять выпись из их реестра; если же имя его будет стоять в братском списке, а он будет исполнять братские обязанности в другом месте, то он не считается братом, и братство не обязано хоронить его. Если вписанный брат умрет, то братья обязаны дать аксамит и свечи на погребение и сами провожать тело. Бурмистры и радцы виленские, римской и греческой стороны, не должны брать людей, в купеческое братство вписанных, служить к себе в братства: потому что каждое братство особенных слуг себе выбирает и для себя бережет». Король утвердил устав [38].

Замечательное по выражению новых потребностей государственных царствование Иоанна IV ознаменовалось и составлением более полного судного устава. В 1550 году царь и великий князь Иван Васильевич с своими братьями и боярами уложил Судебник: как судить боярам, окольничим, дворецким, казначеям, дьякам и всяким приказным людям, по городам наместникам, по волостям волостелям, их тиунам и всяким судьям. Так как в описываемое время, в XVI веке, явилась сильная потребность в мерах против злоупотреблений лиц правительственных и судей, то эта потребность не могла не высказаться и в Судебнике Иоанна IV,

что и составляет одно из отличий царского Судебника от прежнего великокняжеского, от Судебника Иоанна III. Подобно Судебнику Иоанна III, новый Судебник запрещает судьям дружить и мстить, и брать посулы, но не ограничивается одним общим запрещением, а грозит определенным наказанием в случае ослушания. Мы видели, что Судебник Иоанна III о случаях неправильного решения дела судьями выражается так: «Кого обвинит боярин не по суду и грамоту правую на него с дьяком даст, то эта грамота в неграмоту, взятое отдать назад, а боярину и дьяку в том пени нет». Новый Судебник постановляет: если судья просудится, обвинит кого-нибудь не по суду *без хитрости* и обыщется то вправду, то судье пени нет; но если судья посул возьмет и обвинит кого не по суду и обыщется то вправду, то на судье взять истцов иск, царские пошлины втрое, а в пене, что государь укажет. Если дьяк, взявши посул, список нарядит или дело запишет не по суду, то взять с него перед боярином вполовину, да кинуть в тюрьму; если же подьячий запишет дело не по суду за посул, то бить его кнутом. Если виноватый солжет на судью, то бить его кнутом и посадить в тюрьму. По Судебнику Иоанна III, судья не должен был отсылать от себя жалобников, не удовлетворивши их жалобам; новый Судебник говорит и об этом подробнее: если судья жалобника отошлет, жалобницы у него не возьмет и управы ему или отказа не учинит, и если жалобник будет бить челом государю, то государь отошлет его жалобницу к тому, чей суд, и велит ему управу учинить; если же судья и после этого не учинит управы, то быть ему в опале; если жалобник бьет челом не по делу, судьи ему откажут, а он станет бить челом, докучать государю, то кинуть его в тюрьму. При определении судных пошлин (от рублевого дела судье одиннадцать денег, дьяку семь, а подьячему две) против старого Судебника также прибавлена статья о наказании за взятие лишнего: взявший платит втрое; если в одном городе будут два наместника или в одной волости два волостеля, а суд у них не в разделе, то им брать пошлины по списку обоим за одного наместника, а тиунам их — за одного тиуна, и делят они себе по половинам; а которые города или волости поделены, а случится у них суд общий, то им обоим пошлины брать одне и делить между собою по половинам же; если же два наместника или два волостеля, или два тиуна возьмут с одного дела две пошлины и уличат их в том, то заплативший пошлины берет на них втрое; если же кто станет бить челом, что с него взяли на суде лишнее, и окажется, что жалобник солгал, то казнить его торговою казнью и вкинуть в тюрьму. Постановлены предосторожности против злоупотреблений дьяков и подьячих и наказания в случае их обнаружения: дела перешенные дьяк держит у себя за своею печатью, пока дело кончится. Дьяки, отдавая подьячим дела переписывать счерна начисто, должны к жалобницам и делам прикладывать руки по

склейкам, и когда подьячий перепишет, то дьяк сверяет сам переписанное с подлинником, прикладывает руку и держит дела у себя, за своею печатью. Подьячие не должны держать у себя никаких дел; если же вынут у подьячего дело или список без печати и рукоприкладства дьяка, то иск, пошлины и езд взять на дьяке, а подьячего бить кнутом; если же вынут у подьячего список или дело за городом или на подворье, то иск взять на дьяке же, а подьячего казнить торговою казнию и выкинуть из подьячих. Недельщик не должен просить посула на судей и сам не брать, в противном случае казнить его торговою казнию, доправить посулы втрое и выкинуть из недель (отставить от должности). Кроме этого, по недельщике давались еще поручные записки, в которых поручившиеся, человек 10, обязывались: «Ему, за нашею порукою, недели делать вправду; насильства и продажи никому не чинить, разбойников и воров оговаривать людей по недружбе не научать, колодников и воров не отпускать; безсудные и правые грамоты давать, а истцов и ответчиков не волочить; с записями людей своих и племянников не посылать и с приставными неписьменных ездоков не посылать же; корчмы, зернщиков, подпищиков, б... и всяких лихих людей у себя не держать и лихих дел никаких не делать; с конченных дел истцовы иски и царские пошлины править безволокитно, истцовы иски отдавать истцам, а с судных дел пошлин не красть; доправя пошлины, у себя не держать, отдавать в царскую казну. А станет он делать не так, как в этой записи писано, то на нас, на поручниках, царская пеня, что государь укажет, истцовы иски, царские пошлины, и наши головы в его голову, и наше имение в его имение».

Грозя наказанием корыстолюбивым судьям, новый Судебник заключает в себе меры и против ябедничества: по городам наместникам посадских людей судить, обыскивая по их имуществам, промыслам и по размету: кто сколько рублей дает царской подати, по тому их судить и управу чинить. Старосты, сотские, десятские и все горожане должны ежегодно присылать разметные книги в Москву к тем боярам, дворецким, казначеям и дьякам, у кого будут их города в приказе, а другие разметные книги должны отдавать старостам и целовальникам, которые у наместников в суде сидят. И если посадские люди станут искать друг на друге много, не по своему имуществу, то сыскивать про таких истцов разметными книгами, сколько рублей подати дает он с своего имения: и если окажется, что у него имения на столько есть, на сколько ищет, то суд ему дать; если же нет, то обвинить его, взять с него пошлины, а самого прислать в Москву, к государю. Городским посадским людям искать на наместниках и на их людях также по своим имуществам, промыслам и по размету; а в который год староста и целовальники разметных книг в Москву не пришлют, в том году им на наместника суда не давать. По волостям волостелям судить

черных людей по их жалобницам и управу им чинить безволокитно; а кто взыщет много, не по имуществу своему, а ответчик станет бить челом, что истец ищет много, имения у него столько нет, на сколько ищет, то волостели выбирают из тех же волостей лучших людей да целовальника одного или двоих, посмотря по делу, и посылают их обыскивать накрепко, было ли у истца на столько имения, на столько ищет, и после обыску поступать, как в предыдущем случае. Если же истец скажет, что у него было чужое имение, то обыскивать, правда ли это и много ли было у него чужого имения и каким образом оно попалось к нему? В 1582 году государю было доложено, что многие холопи боярские ходят в доводах за своих господ и нанимаются в судах у других людей, ябедами и крамолами людей проторят, в жалобницах пишут иски большие, в суде лгут и говорят не по делу, оттягивая суд, или составляют крамолу, поминая другие прежние дела и брань; а те, которые нанимаются у ищеи или ответчика стоять за него в суде, стакнувшись с противником, продают своего наемщика, говорят в суде лишнее или не договаривают, чего надобно, и тем его обвиняют; иные, ходя, составляют жалобницы и суды за деньги, вмещают крамолы в людей и тяжбы негодные умножают — и таким злым людям, детям боярским и холопям и иных чинов людям, казни нет. Государь приговорил со всеми боярами: ябедников, крамольников и составщиков по прежним уложениям не щадить. Кто будет стоять в суде за себя или за своего господина, или за кого-нибудь другого и в жалобнице напишет иск большой и доведет ответчик, что иск подписан ложно, то жалобника обвинить и, что искал лишнего, то, на нем доправя, отдать ответчику, да пошлина и продажа на нем же. Если в суде он будет говорить не по делу, того не слушать и не писать, а его, бив кнутом, от суда отослать и вперед к суду не пускать. А если бесчестил кого прежним делом, того также не писать, и если не докажет того, чем бесчестил, то, бив его кнутом, доправить бесчестье без суда. Если кто назовет другого вором и убийства, крамолы и рокоша на царя государя не доведет, того самого казнить смертью за то: в жалобнице и суде не бесчесть; а кто в жалобнице и суде лжет и составит ябеду, того казнить торговою казнью да написать в козаки, в украинские города Севск и Курск. Если какой-нибудь лихой человек, взявши деньги, продаст того, за кого стоял, тот суд не в суд, наемного доводчика казнить смертью, а кто подкупил, с того доправить все, что в жалобнице написано, также пошлины и протори все, да казнить его торговою казнию; если же доводчик с пытки не скажет, что подкуплен, то суд с головы. Которые дети боярские, бегая от службы, ходят в суды за других или бьют челом ябедою в больших исках, а мирятся на малом, потому что в жалобницах пишут иск не по делу, таких истцов винить во всем иску и вперед их в суд не пускать, и жалобниц от них не при-

пимать ни в каком приказе. А кто уличен будет в составе и в крамоле, то такого лихого человека казнить торговою казнью да сослать в козаки в украинские города, а поместье и отчины, взявши, раздать роду его, а не будет у него рода, то беспоместным служилым людям, кого государь пожалует. Если судья будет помогать какому-нибудь составнику или ябеднику или таить крамольника, ябеду не станет обличать или жалобницу примет не по делу, или в суде даст говорить, что не к делу, на таком судье взять истцов иск, пошлины и протори, а в пене, что государь укажет.

Мы видели, что целовальники явились в Новгороде в правление великого князя Василия; в Судебнике сына его читаем: на суде у бояр и детей боярских и у тиунов их быть, где дворский — дворскому, да старосте и лучшим людям *целовальникам*; а в которых волостях прежде старост и целовальников не было, в этих местах всюду теперь быть старостам и целовальникам. Случится кому из тех волостей перед наместником или перед волостелем, или перед их тиунами искать или отвечать, то в суде быть старостам и целовальникам той волости, из которой кто ищет или отвечает. Пришлет наместник или волостель, или тиун их список судный к докладу, а ищея или ответчик у доклада список оболживит, то послать на правду по дворского, старосту и целовальников, которые у того дела в суде сидели. Если эти судные мужи скажут, что суд был именно такой, у списка руки их и если противень писан наместничьим дьяком, сойдется слово в слово с судным списком, который писан земским дьяком, то виноват тот, кто список лживил; в противном же случае, если судные мужи скажут, что суд был не таков, список писан не земского дьяка рукою, руки у списка не их, противень не сходен со списком, то истцов иск взять на судье, да, кроме того, на нем пеня, что государь укажет. Если скажет дворский и те судные мужи, старосты и целовальники, которые грамоте умеют, что суд был именно такой и руки у списка их, а те судные мужи, которые грамоте не умеют, с ними порознятся, скажут, что суд был, да не таков, и противень с судным списком будет не слово в слово, то виноват судья и судные мужи, которые по списку такали, взять на них истцов иск, да пеню, что государь укажет. Если наместничьи или волостелины люди станут давать кого на поруку до суда и после суда и по ком поруки не будет, то должны объявить об этих людях в городе прикащикам городовым, да дворскому, старостам и целовальникам; а в волости объявлять старостам и целовальникам, которые в суде сидят; если же наместничьи или волостелины люди, не явя прикащику, дворскому, старосте и целовальникам, сведут к себе человека, по ком поруки не будет, да его у себя скуют, и род его и племя придут к прикащикам, дворскому, старосте и целовальникам бить челом: то прикащик, дворский, староста и целовальники этого человека у наместничьих или волостелиных

людей должны выпуть и взять на них его бесчестье и, чего он на них взыщет, взять иск вдвое.

Относительно уголовных преступлений в новом Судебнике видим больше мер предосторожности против их возобновления, еще большее, чем в старом, обращение внимания на интересы целого общества. Так, в старом Судебнике определено, что пойманного на воровстве впервые бить кнутом, потом доправить на нем вознаграждение истцу и судье продажу и отпустить; если же не будет у него имения, то, бивши кнутом, выдать истцу головою на продажу. В новом Судебнике правительство не отпускает уже так легко человека, уличенного в преступлении и могущего возобновить его немедленно после суда и наказания; новый Судебник постановляет: вора, пойманного впервые, бивши кнутом и доправивши на нем истцов иск, дать на крепкую поруку; а не будет по нем крепкой поруки, то вкинуть в тюрьму, пока порука будет. Если у вора не будет имения, чем заплатить истцу, то, бивши кнутом, выдать его истцу головою на правеж до искупа, а истца дать на поруки, что ему, доправя свое, отдать преступника боярам; если же истец не захочет дать по себе поруки, что приведет преступника к судье, то вора вкинуть в тюрьму, пока будет по нем порука, и тогда за этою порукою доправлять на нем истцов иск. О правеже государь приговорил с боярами в 1555 году: стоять на правеже во сто рублях месяц, а будет иск больше или меньше, то стоять по тому же расчету; а на которых людях и в месяц истцова иску доправить нельзя, тех выдавать истцам головою до искупа; которые люди добьют челом о переводе, то дать срок деньги перевести и на другой месяц, а больше того срока не давать для людской волокиты.

Важное различие нового Судебника от старого состоит и в том, что в нем обращено внимание на собственное признание преступника: приведут его с поличным впервые, то судить его и послать обыскивать. Назовут его в обыску лихим человеком, то пытать; скажет на себя сам, то казнить его смертною казнию; а не скажет на себя сам, то вкинуть в тюрьму до смерти, а истцово заплатить из его имущества; если же скажут в обыску, что добрый человек, то дело вершить по суду. Также при вторичной поимке на воровстве велено вора пытать, и если скажет на себя сам, то казнить смертною казнию; если же не признается, то обыскивать; скажут, что дурной человек, то посадить в тюрьму на всю жизнь; назовут добрым человеком, то дать на крепкую поруку. Также если вор обговорит кого-нибудь и по обыску окажется, что обговоренный дурной человек, то его пытать, и если признается, то казнить; если же не будет доказательства вины и в обыску на него лиха не скажут, то речам вора не верить и обговоренного только дать на поруку. В разбойных делах собственному признанию не дано такой силы. В наказе губным старостам 1571 года говорится: на

кого в обыску скажут, что они лихие люди, воры и разбойники, к кому разбойники приезжают и разбойную рухлядь привозят, кому эту рухлядь продают за разбойное, укажут именно на их дурные дела — кого разбивали и кого крали, то старосты эти речи велят губным дьякам писать подлинно, архимандритам, игуменам, попам, дьяконам и обыскным людям, которые грамоте умеют, велят к этим речам руки прикладывать, а кто грамоте не умеет, вместо тех прикладывают руки отцы их духовные. На кого в обыску скажут, что лихие люди, а истцов им нет, за такими старосты посылают и велят ставить их перед собою, имение их описывается и печатается до окончания дела, а самих пытают: станут виниться в разбоях и оговаривать других, то старосты посылают за оговоренными и ставят их на очную ставку с оговорившими, а имение их опечатывается. Если на очной ставке язык с них не сговорит, то старосты обыскивают об них многими людьми: окажется по обыску, что люди добрые, то старостам отдавать их на чистые поруки за обыскных людей, которые их одобрили, а по разбойничьим речам брать на них долю (выти) в истцовые иски, по сыску и по новому приговору, в *половину* истцева иска. Кто сам повинится в разбое, того казнить смертию, а об имении его отписать в Москву, к боярам, в Разбойную избу. На кого язык взговорит в разбое на одной пытке, а на очной ставке с него сговорит и в обыску назовут его добрым, такого давать на чистые поруки за обыскных людей, безвытно. На кого язык говорит на двух пытках, а на очной ставке или на третьей пытке, или, идя к казни, станет с него сговаривать и в обыску назовут добрым, такого человека дать на чистую поруку, но взять на нем выть и сговору не верить. На кого язык в разбое сговорит, но в обыску назовут их лихими людьми, таких пытать. Если признавшийся на пытке разбойник будет боярский человек, то на господине его брать выть в половину истцова иска. На кого язык в разбоях говорил и в обысках назовут их лихими людьми, но сами они на пытках не признаются, таких казнить смертию по обыску. На ком истцы ищут разбоев, но языки на них в разбоях не говорят, и истцы, кроме поля, улики не приводят никакой, то обыскивать; скажут в обыску, что лихие люди, а лиха именно не скажут, то пытать; не признаются на пытке, то сажать их в тюрьму на смерть; если же сами не признаются, но в обыску именно укажут на их разбои, то казнить смертию. На кого язык говорит, а в обыске половина назовет его добрым человеком, а другая половина — лихим, то его пытать: не признается, отдать на поруку за обыскных людей, которые его одобрили, а по разбойничьим речам взять на нем выть; если же в той половине, которая назвала его лихим человеком, окажется большинство человек в пятнадцать или двадцать, а сам он на пытке не признается, то посадить его в тюрьму на смерть, а после прибудет на него другое обвинение в разбое, то казнить

смертию, а на обыскных людях, которые его одобрили, взять выть. На кого говорят в разбое языка два или три, а в обыску одна половина назовет его добрым, а другая — лихим, то пытать: не признается, посадить в тюрьму на смерть, а после прибудет новое обвинение, то казнить смертию, а на обыскных людях, которые его одобряли, взять выть; сверх того, лучших людей двоих или троих бить кнутом. На кого языки скажут в разбое, а на очной ставке сговорят, но в обыску назовут лихими людьми с доводом, таких пытать и казнить смертию, хотя бы на пытке и не признались. В Судебнике определено: кто взыщет бою и грабежа и ответчик скажет, что бил, а не грабил, то ответчика в бою обвинить и бесчестие на нем взять, а в пене, посмотря по человеку, что государь укажет; в грабеже же суд и правда, а во всем не обвинять; так же поступать, если ответчик скажет, что грабил, а не бил. И в других делах судить так же: кто в чем скажется виноват, то на нем и взять, а в остальном суд и правда и крестное целование. По старому Судебнику, если скажут на кого человек пять или шесть детей боярских добрых по великого князя крестному целованию или черных человек пять, шесть добрых христиан целовальников, что он вор, а доказательства не будет, что он прежде воровал, то взять на нем вознаграждение истцу без суда. В новом Судебнике число свидетелей в этом случае увеличено до десяти или пятнадцати.

О поле, или судебном поединке, в новом Судебнике встречаем такие постановления: к полю приедут окольничий и дьяк и спрашивают истцов и ответчиков: кто за ними стряпчие и поручники? Кого за собою стряпчих и поручников скажут, тем велеть у поля стоять; а доспеху, дубин и ослопов стряпчим и поручникам у себя не держать. Бой *полщикам* давать ровный. А придут к полю посторонние люди, то окольничий и дьяк их от поля отсылают; кто не послушается, не пойдет, тех отсылать в тюрьму. Биться на поле бойцу с бойцом или небойцу с небойцом, а бойцу с небойцом не биться; если же захочет небоец с бойцом биться, то воля. Если кто пошлется на послухов, а послухи между собою поразнят, одни скажут в истцовы речи, а другие нет, и первые попросят с последними поля, то позволять им биться. Если послухи, которые показывали согласно с истцом, *убьют* (то есть поборют) тех послухов, которые ему противоречили, то истцово и пошлины брать на ответчиках и на послухах, которые противоречили истцу, и наоборот. А не попросят поля послухи, показавшие согласно с истцом, или послухи не договорят в истцовы речи, то истец обвинается. Досудятся в каком-нибудь деле до поля, а станет бить челом ответчик, что ему стоять у поля нельзя, чтоб присудили крестное целование, то поле отставить и дать на волю истцу — хочет сам целует или даст ответчику целовать и наоборот, если станет бить челом истец. Под 1572 годом новгородский летописец

говорит, что царь установил в Новгороде наместника по старине и полям велел быть по старине.

Относительно обыска постановлено в 1556 году: если ищеи и ответчики, тяжущиеся перед боярами и во всех приказах, пошлются в обыск на многих людей безыменно, то бояре посылают обыскивать к старостам и целовальникам. Старосты и целовальники велят ездить к обыскам многим людям и всем лучшим, князьям и детям боярским, их прикащикам и крестьянам, архимандритам, игуменам, попам и дьяконам; а из городов с посаду лучшими людьми обыскивать с лица на лицо, а заочно обыскных людей не писать; речи свои обыскные люди пишут сами; а которые люди грамоте не умеют, те руки прикладывают и отцы их духовные к тем речам также руки прикладывают. Если обыскные люди скажут не одни речи — иные люди говорят по истце, а другие по ответчике, то, по ком скажет больше людей, человеками пятидесятью или шестидесятью, того по большому обыску оправить, а по меньшому обвинить, без поля и крестного целования. После того государь прикажет владыке или архимандриту, или игумену разведать вправду, которая половина солгала, и лживых казнить. Скажут в обыску поровну, половина по истце, а другая половина по ответчике, то по таким обыскам дела не вершить, а посылать на обыск в другой раз, велеть обыскивать другими многими людьми про то, которая половина солгала. На которую половину доведут, что она солгала, то выбрать из нее, изо ста человек прикащиков и крестьян, лучших людей человек пять или шесть, и бить их кнутом, а игуменов, попов и дьяконов отсылать к святителю; все убытки, которые потерпит правый, кроме иска, взыскивать на тех, на которых ложь доведут, а которых людей пытали по ложному обыску, тем людям взять на них бесчестье вдвое, для лжи, чтоб вперед не лгали. Тому же самому подвергаются люди, которые на обыске в одном деле двойные речи говорят. Пошлется в суде ищея или ответчик не на многих людей, человек на пять или на шесть, а верить этим людям нельзя, то им не обыскивать, а вершить дело по суду и по делу, что положено на суде. Пошлется ищея или ответчик на боярина, или на дьяка, или на приказного человека, кому верить можно, посмотря по делу, то это свидетельство принимать и, как скажут, по тому и вершить без поля и крестного целования. Пошлется ищея или ответчик из виноватого, хотя на одного человека, то и это свидетельство принимать, что скажет, по тому и винить; если бы даже немного не договорил против ищеи или ответчика — обвинить. Бояре, дьяки, все приказные люди и дворяне должны приказать в своих селах накрепко, чтоб в обысках люди их и крестьяне не лгали, а говорили правду; если же сыщется, что люди их и крестьяне солгали в обысках, то самим боярам и детям боярским быть от государя в великой опале и людей и крестьян их казнить, как в разбойных делах. Сведа-

ет боярин, дьяк, приказный человек, дворянин и сын боярский, что в обыску люди их и крестьяне лгали, то сказать им правду государю, и в таком случае им от государя опалы не будет, а дело, сыскавши вправду, вершить. Старостам в воровских, разбойных и всяких делах обыскивать вправду, по крестному целованию, другу не дружить и недругу не мстить. Беречься им и сыскивать накрепко, чтоб в обысках не говорили бездельно, стакавшись семьями и заговорами; старосты должны о таких людях писать к государю: в случае неисполнения этих обязанностей старост казнить без милости.

Новый Судебник отличается от старого подробным постановлением о плате за бесчестье: бесчестье детям боярским, за которыми кормление, указывать против дохода, по книгам; а женам их — вдвое. Тем детям боярским, которые получают жалованье, плата за бесчестье равняется этому жалованью, жене — вдвое. Дьякам палатным и дворцовым бесчестья, что государь укажет, женам их — вдвое. Гостям большим бесчестья пятьдесят рублей, женам их — вдвое. Торговым людям и посадским и всем средним бесчестья пять рублей, женам — вдвое. Боярскому человеку доброму бесчестья пять рублей, кроме тиунов и доводчиков, которые получают плату за бесчестья против дохода, женам — вдвое. Крестьянину пашенному и непашенному бесчестья рубль, жене его — два рубля. Боярскому человеку младшему или черному городскому человеку младшему бесчестья также рубль, женам их — вдвое. За увечье налагать пеню, смотря по человеку и по увечью. От описываемого времени до нас дошло дело знаменитого дьяка Василия Щелкалова, на которого подьячий Айгустов доводил многие лихие дела; на пытке обвинитель признался, что составил на Щелкалова многие дела по наученью князя Михайлы Черкасского; тогда государь велел взять на Айгустове бесчестье Щелкалова и жены его 600 рублей; так как у Айгустова недостало денег для уплаты, то взяли у него вотчину.

Относительно чужеземцев к положению старого Судебника прибавлено: если человек здешнего государства взыщет на чужеземце или чужеземец — на здешнем человеке, то давать им жребий: чей жребий вынется, тот, поцеловавши крест, свое возьмет или отцелуется. Англичанин Лэн описывает нам это вынимание жребия: два восковых шарика с именами тяжущихся клались в шапку, и, чье имя прежде вынималось, тот выигрывал.

Относительно займов в 1557 году царь почел за нужное сделать следующее постановление: на служилых людях править долги денежные и хлебные по кабалам и памятям и духовным грамотам в продолжение пяти лет (до 1562 года), *истину*, деньги без росту, а хлеб без насыпу, разочтя на пять жребиев; по старым кабалам, по Рождество Христово 1557 года, все росты государь отставил. Но если служилые люди станут занимать деньги в рост или хлеб в

наспы в эти правежные пять лет, и в урочные года в новых долгах не выплатятся, то вперед с Рождества Христова 1562 года новые долги на служилых людях править всю *истину* сполна, да, кроме того, деньги с половинным ростом (10 на 100) и хлеб с наспом. Который заемщик в этот пятилетний срок не станет платиться по годам, будучи на службе или в отъезде год, два, то, когда возвратится, править на нет вдруг, за все те годы, в которые не платил. Кто будет на службе или в отъезде все урочные пять лет, то по возвращении править на нем весь долг вдруг, но без росту. Сторублевый долг править на служилом человеке два месяца, а будет долг больше или меньше, то по расчету; а неслужилым людям стоять на правеже во сторублевом долге месяц. По рядным грамотам на всех людях править всегда сполна. На неслужилых людях в урочные пять лет долги по старым кабалам править все сполна, но без росту; если же они станут занимать деньги в рост или хлеб в наспы в те же правежные годы, то на них в новых долгах правеж давать всегда, а рост и насып на хлеб велеть править вполовину (10 на 100); а не выплатят новых долгов в урочные пять лет, то править на них с полным ростом и наспом (20 на 100). Кто у кого возьмет деньги взаймы бескабально и без памяти или кто у кого возьмет в ссуду что-нибудь и на суде не отопрется, то велеть на нем править сполна и правеж давать всегда. Тот, кто занял деньги и заложил заимодавцу отчину за рост пахать, тот может выплачивать свой долг в урочные пять лет таким образом: отдает на первый год пятую долю долга по расчету, а вотчину возьмет назад; но заимодавец продолжает пахать ее у него за рост, и должник не может ни заложить ее, ни продать, ни променять, ни в приданое, ни по душе отдать, пока не выплатит всех денег, и если не выплатит, то вотчину отдавать назад заимодавцу. Если же должник, не заплативши всех денег по частям в пять лет, вотчину свою продаст, да и, продавши, не заплатит долга, то править на нем весь долг сполна; а не будет должника налицо, то править на том, кто у него закладную вотчину купил, и если на нем доправить нельзя, то взять у него эту вотчину и отдать заимодавцу, у кого она была заложена, а ему дать правеж на того, у кого он ее купил; если нельзя будет с него взыскать денег, то выдать его головою до искупа; а не будет его налицо, то у того, кто купил заложенную вотчину, деньги пропали, потому: покупай вотчину, сыскивая, свободна ли она? А если продавец после явится, то дать ему на него управу. В 1558 году государь приказал: кто займет деньги и кабалу на себя даст за рост служить, но, когда дело дойдет до взыскания, кабалу оболживит и скажет, что он сына боярского служивого сын, то сыскивать: если должнику более пятнадцати лет, а государевой службы не служит и в десятке не написан и кабала написана, когда уже ему минуло пятнадцать лет, то суд на него давать; если же ему будет менее пятнадцати

лет, то на таких суда по кабалам не давать. В 1560 году по случаю пожара было постановлено: кто, потерявши дворы от пожара, станет искать по кабалам заемных денег на тех людях, у которых дворы также погорели, то приставов не давать и править долгов не велеть пять лет [39].

Мы видели, что в старом Судебнике, по всем вероятностям, вследствие влияния законов Моисеевых, помещавшихся в кормчих книгах, имущество умершего за неимением сына положено отдавать дочери, за неимением дочери — ближайшему в роде. Но Иоанн IV, как мы видели также, счел нужным право наследования в старинных княжеских вотчинах ограничить мужеским потомством умершего. Относительно наследства после бездетных бояр и сыновей боярских Иоанн тогда же, в 1562 году, постановил, что если ближнего рода и духовной у них не будет, то вотчина отбирается на государя, а жене государь велит дать из этой вотчины, чем ей можно прожить, и душу умершего государь велит также устроить из своей казны. В 1572 году относительно вотчин пожалованных было определено, что в случае смерти бездетного владельца надобно обращать внимание на смысл жалованной грамоты, будет ли в ней прописано, что вотчина пожалована ему, жене, детям, роду: как написано, так и поступать; если в грамоте написано, что вотчина жалуется одному лицу, то по смерти его она отходит на государя; если же у него не будет государевой грамоты, то вотчины отбираются по его смерти на государя, хотя бы у него и дети были. Впрочем, и право боковых родственников наследовать в выслуженной вотчине ограничено только известными степенями: бездетно умершему наследуют братья его родные, сыновья и внуки родных братьев; если умрет бездетным один из этих братних сыновей или внуков, то участки умерших отдаются братьям их родным, дядям, племянникам и двоюродным внукам, по родственникам далее двоюродных внуков вотчина не отдается.

В новом Судебнике находим постановление о праве выкупа вотчин, которое, по всем вероятностям, возникло из крепкой родовой связи, из общего родового владения поземельною собственностию. Закон говорит: кто вотчину продаст, то детям его и внукам до нее дела нет, не выкупать им ее. Если братья или племянники продавца подпишутся свидетелями в купчих, то им, их детям и внукам также нет дела до проданной отчины. А не будет братьи или племянников в свидетелях, то братья, сестры и племянники вотчину выкупают. Если сам продавший захочет выкупить свою отчину, то может сделать это полюбовно, с согласия того, кому продал, но принудить его к тому не может. Пройдет сорок лет после продажи вотчины, то вотчичам до нее уже дела нет, нет им дела и до купель: кто свою куплю продаст, дети, братья и племянники ее не выкупают. Кто оставит свою куплю в наследство детям, то она становится им вотчиною и вперед им ее выкупать.

Кто вотчину свою выкупит в урочные сорок лет, тот должен держать ее за собою, другому в чужой род ее ни продать, ни заложить, отдать ему ее в свой род, именно тем родственникам, которые не подписались в прежних купчих свидетелями. Кто выкупит вотчину чужими деньгами или заложит, или продаст и прежде продавший ее родственник докажет, что выкупивший выкупил ее чужими деньгами и держит ее не за собою, то вотчина следует прежнему продавцу безденежно. Кто захочет свою вотчину, мимо вотчичей, заложить у стороннего человека, то эти сторонние люди должны брать в заклад вотчины только в такой сумме, чего вотчина на самом деле стоит. Если сторонний человек возьмет вотчину в заклад в большей цене, и вотчич станет бить челом, то последний может взять эту вотчину в заклад, в меру чего она стоит, а что сторонний человек дал взаймы лишнего, то у него деньги пропали. Кто свою вотчину променяет на вотчину и возьмет в придачу денег и если кто-нибудь из вотчичей захочет ее выкупить, то может это сделать, причем он должен тому, у кого выкупает, оставить земли в меру столько, сколько тот своей земли променял. В одном списке Судебника находится следующее прибавочное постановление: если бездетные князья, бояре и дети боярские и всякого чина люди захотят свои земли продать или заложить, или в монастырь по душе отдать, то им вольно это сделать со всеми своими куплями; что же касается до отчин, то могут отчуждать их только половину; если же кто отчудит больше половины и отчич будет бить челом об этом, то лишнюю продажу отдать отчичу, а кто, не разузнавши, больше половины купил или под заклад взял, тот деньги потерял [40].

В 1556 году было постановлено относительно духовных завещаний: если жена, умирая, напишет в духовной мужа своего прикащиком, то ему в прикащиках не быть, и духовная эта не в духовную, потому что жена в мужней воле: что ей велит написать, то она и напишет. В 1561 году велено было митрополичьим боярам выписать из митрополичьего указа, как поступать в следующих случаях? Кладут в суде духовные дети отцов своих, матерей, иные братьев своих, сестер, племянниц, жен, душеприкащиками назначены братья или сторонние люди, у жены мужья, отцы духовные: духовные не подписаны и не запечатаны, завещателевой руки нет потому что грамоте не знал или умер внезапно, есть только руки прикащиков и отцов духовных, а у иных только отцов духовных: и ответчики на суде эти духовные лживят, называют их *нарядными*, а не указывают, кто наряжал; только на них и пороку, что не подписаны и не запечатаны: и тем духовным верить или не верить? Митрополичьи бояре отписали: верить духовным, которые хотя не подписаны и не запечатаны, но при них есть отцы духовные, прикащики и сторонние свидетели, против которых нет никакого довода в составлении подложной духовной;

если в духовной жена назначила мужа прикащиком и вместе с ним берутся быть в приказе женины родственники, то таким духовным также верить; но если в духовной у жены муж написан один, а сторонних людей с ним не будет, то не верить. Выражение в приведенном указе: «Жена в мужней воле, что велит ей написать, то и напишет» — ясно указывает на положение жены в описываемое время. По понятиям этого времени, жена должна была разделить участь мужа в случае преступления, совершенного последним: князь Иван Пронский, давая запись царю, говорит в ней, что в случае отъезда его царь волен казнить его и его жену.

Из разных юридических грамот, отступных, дельных, отказных, видим общее родовое владение и разделы родичей, как видно, двоюродных или троюродных братьев, видим раздел неполный. Замечательна форма отступных грамот, подтверждающая сказанное нами в своем месте о происхождении земельного владения в Московском государстве: «Мы такие-то (родные братья) ступились *земли великого князя, а своего владения* таким-то (родным же братьям): не измогли мы великокняжеской службы служить, дань давать и всяких *разрубов* земских (или волостных); взяли мы себе на *посилье* столько-то». Видим, что целые общины приобретали земли: так, в 1583 году Никита Строганов отказал свою деревню в волость, в слободку Давыдову, старостам и целовальникам и всем крестьянам. Видим, что при дележе земель делившиеся братья прибегали к посредничеству постороннего лица; это лицо должно было разделить землю на участки, после чего делившиеся бросали пред ним жребий (жеребьевали): чей жребий наперед вынется, тому взять любое, другие жребии вынимать таким же образом, а остальному взять остальной жребий [41].

Что касается законодательной деятельности в Западной России, то здесь в 1556 году издан был новый статут. В первом отделе его (о персоне господарской) постановлено: кто составит заговор или бунт поднимет против государя, то, хотя бы намерение и не приведено было в исполнение, виновный при ясном доказательстве вины теряет честь и жизнь; кто поднимет бунт против государя ко вреду государства, станет бить монету без государской воли, станет собирать войско с намерением занять престол по смерти государя, кто станет сноситься с неприятелем, окажет ему помощь, поддаст ему замок, приведет в Литву неприятельское войско, тот теряет честь и жизнь, сыновья его считаются бесчестными, имение его отбирается на государя; жены таких изменников, если присягнут, что не знали о замысле мужей, не теряют имущества отцовского, материнского и вена, записанного им мужьями прежде измены. Кто нанесет бесчестие государскому величеству, тот будет наказан, смотря по важности дела и слов, только не лишением чести, жизни и имущества. Кто доносит о преступлении против государя, должен подтвердить истину показания своею

присягою и присягою шляхтичей, достойных веры и незаподозренных. Фальшивых монетчиков, также золотарей, которые портят золото и серебро, примешивая к нему цинк или олово, сожигать без милосердия. В делах по имуществам великие князья судятся одним судом со всеми подданными литовскими. Заповедные листы, отсрочивающие время явки на суд, даются государством только в трех случаях: 1) если бы вызываемый к суду находился в плену у неприятеля; 2) если бы кто находился в посольстве за границею или был отправлен с какими-нибудь другими поручениями государскими; 3) если кто действительно болен, что должен после подтвердить присягою. Если бы кто посланца государского с листами государскими, также посланцев от панов радных, старост судовых и суда земского с их листами прибил и листы подрал, такой должен просидеть 12 недель в замке, а дворянину заплатить бесчестье; дворянин при подаче листов должен всегда иметь при себе двоих шляхтичей для свидетельства, если что с ним случится. Листы железные не будут даваться от государя таким должникам, которые по собственной вине растратили имение и не могут платить долгов; листы будут даваться только таким, которые пришли в убожество по божьему попущению, от огня, воды, нашествия неприятельского, также если кто разорится на службе государству — и таким больше трехлетнего срока для уплаты не будет даваться; также не будут даваться железные листы простым людям, купцам и жидам против шляхты. Никто не смеет заводить новых мытов, в противном случае теряет имение, в котором заведен новый мыт. Шляхетские подводы, нагруженные хлебом с их собственных гумен, а не купленным, не платят мыта. В третьем отделе о вольностях шляхетских находим постановление о сеймиках поветовых и послах земских: за четыре недели пред сеймом великим собираются сеймики поветовые; на них собираются воеводы, каштеляны, урядники земские, князья, паны, шляхта и совещаются о всех потребах земских; потом по единогласному приговору выбирают послов, по две особы от каждого суда земского, сколько их будет в воеводстве; этих послов отправляют на великий сейм, поручивши им все поветовые дела и давши им полномочие. Король обязывается все держать по старине; если же понадобится сделать новое распоряжение, то это можно не иначе, как на великом сейме. Король обязуется не повышать простых людей над шляхтою, не возводить их в достоинства и не давать им урядов. В четвертом отделе — о судьях и судах — постановлено: в каждом повете должен быть судья, подсудок и писарь, которые выбираются таким образом: к назначенному от государя сроку съезжаются все землевладельцы повета ко двору, который находится в средине повета, и выбирают из всей шляхты на судейство четверых людей добрых, на подсудство четверых и на писарство четверых, а государь из этих двенадцати выбирает троих:

судью, подсудка и писаря. Писарь земский обязан все листы и позвы писать по-русски, а не на ином каком-либо языке. Воеводы для каждого повета выбирают возных из шляхтичей добрых, постоянно живущих в повете; должность возного состоит в следующем: позвы носить и ими позывать к суду, срок назначать, брать со свидетелей присягу в суде, исполнять судейские приговоры, делать следствие и все, что найдет, записывать в книги; за злоупотребление при своей должности возный казнится смертию. Судьи и подсудки должны судить сами, а не чрез наместников своих. В судьи не могут быть выбираемы ни духовные особы, ни урядники государские. Судьи судят дела гражданские; уголовные же подлежат суду воевод, старост и державцев; кроме того, воеводы, старосты и все державы замковые и дворов государских поветовых должны каждый на уряде своем выбрать доброго шляхтича, который вместе с замковым урядом судит все дела, относящиеся к замку. Суд земский отправляется три раза в году: с Троицына дня, с Михайлова дня и с трех королей после Рождества Христова; в это время судьи, подсудки и писарь приезжают на назначенное место и отправляют суд две недели, если много дел, если же мало, то как покончат. После, при Батории, срок продолжен до трех недель. Кто, стоя пред судом, будет противника своего бранить, того сажать в ближайший замок на шесть недель; если пихнет или рукою ударит противника, то платить ему 12 рублей грошей, а за вину сидит шесть недель в заключении; если обнажит оружие, то теряет руку, если ранит, то лишается жизни; то же наказание, если подсудимый поступит таким же образом с судьею, подсудком, писарем или с кем-нибудь из урядников; и наоборот, то же наказание судье, подсудку, писарю и урядникам, если они таким же образом поступят с подсудимым. Урядников государских никто не может судить, кроме государя, но в делах по имуществу они обязаны становиться перед судом земским. Свидетелями в судах должны быть христиане, люди добрые, веры достойные, ни в чем не заподозренные; слуги невольные не могут быть свидетелями ни за господ своих, ни против них; не могут быть свидетелями безумные; обвиненные вместе в одном деле не могут свидетельствовать друг за друга. Кому из судящихся приговор суда покажется несправедливым, тот может перенесть дело на суд государский, причем не должен говорить суду никаких грубых слов, а только одно: «Пан судья! Твой приговор кажется мне незаконным, переношу дело к государю его милости». В каждом повете должен быть подкоморий, назначаемый государем на всю жизнь. При всяких спорах земельных и граничных суд земский дает знать подкоморию, который имеет право посылать позвы по обе тяжущиеся стороны под собственным именем и печатию, назначить срок выезда на спорную землю за четыре недели; выехавши и рассмотревши грамоты, знаки пограничные, выслушавши свидетелей,

допускает к доводу ту сторону, у которой лучшие грамоты и свидетельства и явнейшие знаки межевые; выслушавши довод, подкоморий кладет решение, устанавливает границы и дает грамоты суда своего за своею подписью и печатию; в каждом повете подкоморий на помощь себе выбирает одного или двоих коморников, шляхтичей, имеющих постоянное пребывание в повете, людей годных. В пятом отделе говорится о брачных договорах: отец, выдавая дочь замуж и давая за нею приданое, должен взять с зятя своего грамоту за его печатью и за печатями людей добрых, что тот записал будущей жене своей третью часть своего недвижимого имущества; если же он этого не сделает, то дочь по смерти мужа приданое свое теряет, хотя бы и большую сумму денег принесла; но дети или ближние умершего обязаны за венец дать ей 30 коп грошей, если замуж пойдет; если же не захочет идти замуж, то получает из имений мужа равную часть с наследниками и остается на ней до смерти; если же имение умершего 30 коп грошей не стоит, то жена получает четвертую часть имущества, которую держит до смерти своей, если б даже и вышла замуж. Потом следует статья о записывании вена, сходная с той же статьею старого статута. Если бы кто-нибудь постоянный или временный обыватель Великого княжества женился в Литве и взял за женою недвижимое имущество, то во время войны обязан нести военную службу с имения жены своей и с других, если их прибретет, не отговариваясь тем, что жена ему ничего не записала: в противном случае он и жена его теряют имение в пользу государства. Если бы шляхтянка, девица или вдова, вышла замуж не за шляхтича, то лишается имения своего, как отцовского, так и материнского, которое переходит к другим наследникам, но последние обязаны выдать ей сумму денег, определенную статутом, за каждую службу людей пять коп грошей и т. д.; вдовы шляхтянки, вышедшие замуж за простых людей, теряют записанное им вено. Вдова шляхтянка не может выйти вторично замуж ранее шести месяцев по смерти первого мужа: в противном случае теряет записанное ей вено, если же вена не имеет, то платит в казну 12 рублей грошей. При разводе если духовный суд признает мужа виновным, то жена удерживает вено; если же виновата жена, то теряет и вено и приданое; если же будут разводиться по родству или по другим причинам, где ни муж, ни жена не виноваты, тогда вено остается при муже, а приданое — при жене. В шестом отделе заключается постановление об опеке: совершеннолетие назначается — мужчине 18, девице 15 лет. Отец может быть опекуном малолетних сыновей, которым досталось материнское имение; если во время опеки отец отчудит это имение вечно или временно, то сыновья, достигнув совершеннолетия, имеют право искать имение на том, кто его приобрел, лишь бы только не пропустили давности. Если отец истратит на себя имущество сына и потом умрет, оставя несколько

других сыновей, то прежде ровного раздела они должны все поделить между собою отцовский долг, не исключая и того брата, кому отец остался должен, и, когда каждый свою долю долга заплатит последнему, тогда и приступают к ровному разделу наследства. Опекунами бывают: во-первых, тот, кого отец назначит в завещании; если не будет назначен опекун в завещании, то старший брат, совершеннолетний, опекает младших братьев и сестер: если нет брата совершеннолетнего, то дядья по мужскому колену (по мечу); если нет родных дядей, то ближайшие родственники по мечу; если и таких нет, то родственники с материнской стороны (по кудели); если же нет и таких, то назначается опекун от государя или от воевод, или от суда земского, не чужеземец и которого имение равнялось бы тому имению, которое будет иметь в опеке; также и опекун из родственников должен иметь хорошее состояние, кроме тех опекунов, которые назначены отцом в завещании. В седьмом отделе говорится о записях и продажах; здесь постановлено: всякому вольно имения свои, отцовские, материнские, выслуженные, купленные и каким бы то ни было образом приобретенные, *не по старому статуту с сохранением двух третей для родственников*, но все в целости или по частям отчуждать, дарить, продавать и т. п. мимо детей и родственников; но из родовых имений только одна треть может быть отчуждена навеки, две же трети могут быть выкупаемы детьми и родственниками, почему за эти две трети продающий не может брать денег больше, чем во сколько они оценены, ибо после выкупающий не будет платить больше. В отделе осьмом постановляется о духовных завещаниях: относительно имущества движимого или недвижимого приобретенного всякий может делать духовные завещания, здоров ли кто или болен, только должен быть в доброй памяти; может завещать, кому хочет, призвавши уряд земский, судью, подсудка, писаря, каплана, а где бы этих лиц не было, то можно делать завещания перед тремя свидетелями, достойными веры. Если завещавший после того умрет, то, хотя бы и печати не приложил, духовное завещание имеет силу. Свидетелями при духовных завещаниях не могут быть те, которые сами не могут делать завещаний, женщины, душеприкащики, опекуны, назначенные в завещании, наконец, люди, которым что-нибудь по завещанию отказано. Никто не может ничего отказать в завещании своему рабу, не давши ему прежде свободы. Слуга путный, мещанин непривилегированных городов и простой человек может завещевать треть движимого, кому хочет, а две трети должен оставить в доме сыну, который обязан служить с той земли, на которой сидит; если же не имеет детей, то эти две части остаются в доме на службу того пана, на чьей земле сидит. Если же дети умершего, будучи вольными, захотят пойти прочь, то, взявши две части отцовского движимого, могут идти, но земля остается пану с хлебом посеянным, с хоромами и со всем,

с чем отец их эту землю взял. Причины, по которым отец может лишить сына или дочь наследства, состоят в непочтительном обращении, в покинутии в беде, в упорной привязанности к ереси, со стороны дочери в безнравственном поведении. Слепой может делать завещание при осьми свидетелях, не менее. В отделе одиннадцатом говорится о насилиях, причиненных шляхте: кто насильно обвенчается с девицею или вдовою и окажется, что ни ее, ни родственников ее на то позволения не было, то похититель лишается жизни, а третья часть имения его идет к похищенной; но если бы девица или вдова тайком от родственников дала согласие на брак и на похищение, то лишается имения отцовского и материнского. Если кто-нибудь из супругов лишит жизни другого и преступление будет подтверждено присягою семи шляхтичей, то преступник казнится смертию таким же образом, как убийца отца или матери. Кто кого лишит руки, ноги, глаза, губы, зубов, уха, должен за каждый такой член платить по 50 коп грошей и двадцать четыре недели сидеть в крепости; если лишит обеих рук или ног, обоих ушей и глаз, то платит сто коп грошей и сидит в крепости год и шесть недель и т. д. Если мещанин, находящийся в должности бурмистра, ранит шляхтича, то платит ему, как выше показано; если же ранит простой мещанин, то теряет руку. Если простой холоп ранит шляхтича, то теряет руку, если же лишит шляхтича руки или ноги или изувечит на каком-нибудь члене, то лишается жизни. Если сын или дочь умертвит отца или мать, то преступника возят по рынку, рвут тело его клещами, потом, завязавши в мешок вместе с собакою, петухом, ужами и кошкою, топят; той же казни подвергаются и помощники его; если же отец или мать умертвят сына или дочь, то должны год и шесть недель сидеть в крепости, а потом четыре раза в год при главной церкви произносить публичное покаяние. Кто умертвит сестру или брата, лишается жизни, а имение, которое следовало ему и детям его, идет к другим наследникам; кто убьет шурина, лишается сам жизни, а жена его, сестра убитого, наследует после брата, равно как и дети ее. Слуга, убивший господина, казнится жестокою смертною казнию, если только обнажит оружие, то теряет руку. В отделе двенадцатом о головщинах и вознаграждениях за раны простым людям, между прочим, помещено постановление, запрещающее жидам и женам их ходить в золоте и серебре: желтый цвет на головном уборе должен был отличать жида от христианина. Жид, татарин и всякий бусурманин не могли получать никакой должности; не могли иметь рабов христиан, но могли иметь закупней, и если было бы доказано, что кто-нибудь из них уговаривал закупня перейти в свою веру, такой без милосердия сожигается огнем. Христианки не могут быть мамками у детей жидовских и бусурманских, а если бы их кто к тому принуждал, такой лишается жизни. В четырнадцатом отделе о преступлениях говорится: вор,

приведенный с поличным, которое стоит больше полтины грошей, казнится смертию; если поличное стоит не больше полтины грошей, то вора бить палками у столпа, поличное возвратить тому, у кого украдено, и вознаграждение ему заплатить из имущества вора; если же у вора имения нет, то отрезать ему ухо. Если поймают вора в другой раз с поличным, пусть оно и десяти грошей не стоит, во всяком случае предавать его смерти [42].

Что касается народного права, то мы видели, что великий князь Василий высказал такое правило относительно послов от европейских христианских государей: «В обычае меж великих государей, послы ездят и дела меж их делают по сговору на обе стороны, а силы над ними ни которой не живет». Но сын его, Иван, по характеру своему часто не мог удерживаться от насильственных поступков ни в каких случаях, и потому он позволял себе задерживать послов, если речи их ему не нравились: так задержаны были послы шведский и литовский. С Иоанна же IV послов в Москве начали содержать гораздо строже, чем прежде, и строгость эта удержалась впоследствии: причиною этому было открытие сношений князя Семена ростовского с литовским послом Довойною во вред государству. Когда после этого приехал новый литовский посол, князь Збаражский, то его велено было держать в совершенном оцеплении; приставы получили наказ: беречь накрепко, чтоб дети боярские и боярские люди и торговые люди мимо Посольского двора не ходили и на двор не входили и не говорили б с посольскими людьми. Лошадей поить на Посольском же дворе, а на реку поить не отпускать; если же станут говорить, что прежде лошадей поивали на реке, а в колодцах вода дурна, лошади не пьют, то приставам отвечать: колодцы хорошие, лучше речной воды, прежде поивали на реке, да у водопоя люди посольские с здешними людьми всегда дерутся и лошадей теряют; если же посольские люди никак не захотят поить лошадей на дворе, то посылать их к реке с приставами, к особому прорубю, и беречь, чтоб никто с ними не говорил.

Кроме задержки, послы испытывали и другие знаки царской немилости, если переговоры с ними не вели к желанному концу: так, когда литовские послы, Кишка с товарищами, не соглашались на царские требования и просили отпуска, то царь приговорил с боярами: если от послов дела не явится, то отпустить их и на отпуске приказать с ними поклон королю, а руки им не давать, потому что в ответе слово положено на послов гневное. Когда приехал шведский посол от Густава Вазы после войны, то царь не звал его к руке и обедать, потому что приехал впервые после войны и неизвестно еще было, какого рода грамоты привез он.

В приеме крымских послов наблюдались особенные обычаи: посол, благодаря за государево жалованье, становился на колена и снимал колпак; после целования руки послу и его свите подава-

ли мед, потом раздавали им подарки. В малолетство Иоанна встречаем известие о бережении руки государевой во время представления послов: «Да звал (великий князь) его (посла) к руке, а берегли его руки князь Василий Васильевич Шуйский, да князь Иван Овчина». Касательно поминков, которые получали послы, любопытно известие о посольстве князя Ромодановского в Данию: послы дали королю от себя поминки, король отдарил их, но послы объявили королевской раде, что дары королевские и в половину не стоят их поминков, что царь не так жаловал датских послов. Вельможи отвечали, что доложат об этом королю, и при этом прибавили, что король пожаловал послов своих жалованьем не в торговлю: что у него случилось, тем и пожаловал. Послы отвечали: мы привезли королю поминки великие, делаючи ему честь великую, чтоб со сторон пригоже было видеть, а не в торговлю; мы в королевском жалованье корысти не хотим. Король прислал часть их поминков назад, причем им сказано: вы говорили о своих поминках, как будто торговать хотели; но государь наш торговать не хочет: что ему полюбилось, то взял, а что ему не любо, то вам отослал. В Москве был обычай оказывать иностранным послам внимание, посылая к ним в подарок часть добычи с царской охоты; по этому поводу в посольских книгах записан любопытный случай: приезжал от государя к литовским послам псовник с государским жалованьем от государской потехи, с зайцами; послы потчевали псовника вином, но не подарили ничем; приставы сочли своею обязанностью послать спросить послов, зачем они за государское жалованье псовника не подарили? Тогда послы отправили псовнику от себя 4 золотых да от дворян своих два золотых, причем посланный с деньгами сказал псовнику: «Послы тебя жалуют, а дворяне челом бьют». Псовник взял два золотых от дворян, но посольских четырех не взял: он обиделся выражением: жалуют. В 1537 году великий князь велел отослать назад все поминки, поднесенные ему литовским послом Яном Глебовичем с товарищами, и вместе послал к ним свое жалованье. Послы поминки и государево жалованье взяли, но сказали приставу: «Мы приехали к великому государю для доброго дела и поминки привезли, как пригоже его государству; мы думали, что этим честь оказали и ему, и своему господарю, а государь нас оскорбил, что наших поминков у нас не взял; а нам на что его жалованье? Так ты жалованье это возьми и отвези: мы приехали не для корысти, а для дела». Пристав сказал об этом великому князю, который велел ему сказать послам, как будто б от казначея: «Чего не бывало прежде, и нам о том государю сказать нельзя: прежде бывали у государя их дяди и братья, и что государю полюбится из их поминков, то он возьмет, а что не полюбится, то велит отдать и, сверх того, жалует своим жалованьем: сделается ли дело, не сделается ли, все равно государь жалует — таков государский чин.

Теперь государь пожаловал их, и, по-нашему, они не пригоже говорят, что взять жалованье назад». В 1554 году московский посол боярин Юрьев с товарищами поднесли королю Сигизмунду-Августу подарки, которые король велел отослать им все назад: принесли они кубки, кречетов и бубны, но кречеты были хворые и красного между ними ни одного не было.

Любопытно также известие о поведении литовских послов, Яна Кротошевского * с товарищами, в Москве и по дороге: задирка от их людей была не в одном месте: в Вязьме детей боярских слуги их били; в Москве, на встрече,— то же самое; едучи посадом, в трубы трубили, приставов бесчестили, в одного камнями бросали и нос ему перешибли, дьяка ругали; сыну боярскому давали пить зелья, а тот и умер с их зелья; у лошади хвост отсекли; ехал от Благовещенья, после обедни, царский духовник, Евстафий протопоп, и люди королевские его бесчестили, ругали и били, а послы сыску и обороны ни в чем не учинили. Царь, узнавши об этом, велел сказать послам: «С посольством они сюда приехали или по своей воле ходить: как им надобно». С того человека, который обесчестил протопопа, царь велел снять шапку, с лошади его весь наряд конский оборвать; встречать послов государь не велел, потому что им на государских очах нельзя быть за их бесчинство. Послы оправдывались, что в Вязьме сами москвичи били их людей; в трубы трубили по польскому обычаю, и приставы об этом ничего не говорили, чтоб не трубить; на другие бесчинства им не жаловались; кто лошади хвост отсек, сыскать нельзя; больному давали не лихое зелье, а лекарство, а он умер судом божиим; протопопа купец королевский позади себя не нарочно ударил палкой. Но потом, когда сам царь повторил послам те же жалобы и сказал, что протопопа, снявши с лошади, били, то послы ничего не сказали в оправдание. Потом послы с своей стороны подали лист, где перечислялись их убытки: все крали у них по дороге. Послы жаловались также, что в Москве взяли товары у литовских купцов и назад не отдали; бояре отвечали: мы обо всех этих статьях справлялись, и казначей с дьяком нам сказали, что лошади и товары побраны в пене царской у армян и греков; а в прежних обычаях того не бывало, чтоб с литовскими послами армяне и греки приходили, да и то нам известно, что в государстве государя вашего армяне и греки не живут, а теперь новость завелась, что с литовскими послами приходят разных земель люди; с вами были люди султана турецкого, а под именем вашего государя, и были они с вами для лазутчества, искали над землею нашего государя лихого дела: так еще царского величества милость, что их самих не казнили. В наказе московским послам, отправлявшимся для подтверждения договора в Литву, говорится: если станут го-

* В источнике не Кротошевский, а Скротошин.

ворить, что королевским послам было в Москве бесчестье, то отвечать: это делалось потому, что государь ваш прислал к государю нашему послов польских и литовских вместе, а ляхи на Москве ведомы и прежде; они приехали гордым обычаем на рубеж.

Люди, отправлявшиеся с русскими послами, иногда не понимали главной своей обязанности — быть молчаливыми; так, царь писал Наумову, бывшему послом в Крыму: «Ты своих ребят отпустил в Москву, а они, дорогою едучи, все вести рассказали; знаешь сам, что такие дела надобно держать в тайне; ты это сделал не гораздо, что людей своих отпустил, а они все вести разгласили. Так ты бы вперед к нам вести писал, а людей своих в то время не отпускал, чтоб такие тайные вести до нас доходили, а в людях бы молва не была без нашего ведома». Дьяк, отправлявшийся с послом, должен был целовать крест, что будет делать дела по государскому наказу, без хитрости, не пронесет речей никому до самой смерти и от государя не утаит ничего [43].

При описании осады Пскова в источниках встречаем известие о коварстве, которое употребил Замойский, чтоб лишить жизни князя Шуйского. К последнему явился из польского стана русский пленник с большим ящиком и письмом от немца Моллера, который прежде был в царской службе. Моллер писал, что хочет передаться к русским и наперед посылает свою казну, просил Шуйского отпереть ящик, взять оттуда золото и беречь его. Но Шуйскому ящик показался подозрителен: он велел открыть его бережно искусному мастеру, который нашел в нем заряженные пищали, осыпанные порохом. Баториев историк, Гейденштейн, говорит, что Замойский позволил себе этот поступок из мести русским, которые напали на знаменитого впоследствии Жолкевского во время перемирия, заключенного для погребения убитых.

Что касается пленных, то мы видели, что в сношениях московского двора с литовским каждое из двух государств обыкновенно требовало возвращения свободы пленным с обеих сторон, когда считало это для себя выгодным, т. е. когда имело пленных меньше, чем другое государство, и всякий раз последнее не соглашалось на это освобождение, и дело оканчивалось разменом и выкупом, или если не соглашались в цене выкупа, то пленные оставались умирать в неволе; иногда пленные отпускались в отечество с тем, чтоб собрали окуп за себя и за товарищей: смоленский наместник писал в 1580 году оршанскому старосте, что вышел из Литвы на окуп, на *веру государя великого князя* сын боярский Сатин, а товарищ его Одоевцов остался в плену у виленского воеводы; теперь Сатин приехал в Смоленск с окупом, привез за себя и за Одоевцова 250 рублей денег, 40 куниц, лису черную и два бобра черных. В походах на литовские области иногда отпускали пленных на свободу вследствие религиозных побуждений; так, под 1535 годом летописец говорит: посылал князь великий воевод

своих на Литовскую землю, они многих побрали в плен, но многим по своей вере православной милость показали и отпустили; также церкви божии велели честно держать всему своему воинству и не вредить ничем, ничего не выносить из церкви. Мы видели, что при заключении мира со Швециею московское правительство выговорило, чтоб шведы своих пленных выкупили, а русских отпустили без вознаграждения. Что касается до участи татарских пленников в описываемое время, как в малолетство Иоанна IV, так и при его совершеннолетии, то мы находим в летописях страшные известия: под 1535 годом говорится: «Посадили татар царя Шиг-Алея в Пскове 73 человека в тюрьму на смерть, в том числе семеро малых детей, а в Новгороде 84 человека; в продолжение суток они перемерли, только восемь человек остались живы в тюрьме не поены, не кормлены много дней; этих побили, а женщин посадили в другую тюрьму, полегче; в следующем году архиепископ Макарий выпросил этих женщин *на свое бремя* и роздал их священникам с приказанием крестить их в христианскую веру; священники начали выдавать их замуж, и они были очень усердны в вере христианской». Под 1555 годом читаем: давали дьяки по монастырям татар, которые сидели в тюрьмах и захотели креститься, а которые не захотели креститься, тех метали в воду. В 1581 году, во время войны со Швециею, царь велел казнить шведов, которые будут приведены в языках. Царь позволил литовским пленным, взятым в Полоцке, видеться с литовскими послами, но с условием, чтоб они при этом свидании говорили по-русски, а не по-польски. Что же касается до пленников малозначительных, то их дарили и продавали; мы видели, что в 1556 году царь запретил продавать шведских пленников в Ливонию и Литву, позволив продавать их только в московские города. Однажды царь послал хану в подарок красного кречета да двух пленных литовцев, королевских дворян. Из сношений с Крымом узнаем, что ханские гонцы и купцы, приезжая в Москву, покупали литовских и немецких пленников, человек по пятнадцати и двадцати; эти пленники, по их неосторожности, убегали от них дорогою, а потом они докучали об этом государю и приказным людям били челом, чтоб беглецов отыскивали. Однажды царь писал хану: «Твои гонцы покупали на Москве полон литовский и немецкий; мы велели дать им нашу грамоту в Путивль к наместнику о пропуске этих пленных; но наместник задержал из них 17 человек пленных литовцев и немцев, да женщину, которая сказывается русскою, потому что в пропускной грамоте эти 15 человек не написаны. Гонцы твои сделали нехорошо, что вели полон лишний, грамоты нашей пропускной не взявши». Ногаи также покупали пленных в Москве; царь писал к князю Измаилу: «Твоему человеку дали мы 50 рублей покупать что тебе нужно, и полон немецкий покупать позволили ему, сколько тебе надобно».

Но если татары накупали много пленных литовцев или немцев в Москве, то, с другой стороны, во время нападений своих на области московские они выводили много русских пленных. О состоянии этих несчастных в Крыму до нас дошло современное известие литовца Михалона: «Корабли, приходящие к крымским татарам часто из-за моря, из Азии, привозят им оружие, одежды и лошадей, а отходят от них нагруженные рабами. И все их рынки знамениты только этим товаром, который у них всегда под руками и для продажи, и для залога, и для подарков, и всякий из них, по крайней мере имеющий коня, даже если на самом деле нет у него раба, но, предполагая что может достать их известное количество, обещает по контракту кредиторам своим в положенный срок заплатить за одежду, оружие и живых коней живыми же, но не конями, а людьми, и притом нашей крови. И эти обещания исполняются в точности, как будто бы наши люди были у них всегда на задворьях. Поэтому один еврей, менялa, видя беспрестанно бесчисленное множество привозимых в Тавриду пленников наших, спрашивал у нас, остаются ли еще люди в наших сторонах или нет и откуда такое их множество? Так всегда имеют они в запасе рабов не только для торговли с другими народами, но и для потехи своей дома и для удовлетворения своим наклонностям к жестокости. Те, которые посильнее из этих несчастных, часто, если не делаются кастратами, то клеймятся на лбу и на щеках и, связанные или скованные, мучатся днем на работе, ночью в темницах, и жизнь их поддерживается небольшим количеством пищи, состоящей в мясе дохлых животных, покрытом червями, отвратительном даже для собак. Женщины, которые понежнее, держатся иначе; некоторые должны увеселять на пирах, если умеют петь или играть. Красивые женщины, принадлежащие к более благородной крови нашего племени, отводятся к хану. Когда рабов выводят на продажу, то ведут их на площадь гуськом, целыми десятками, прикованных друг к другу около шеи, и продают такими десятками с аукциона, причем аукционер кричит громко, что это рабы самые новые, простые, не хитры, только что привезенные из народа королевского, а не московского; московское же племя считается у них дешевым, как коварное и обманчивое. Этот товар ценится в Тавриде с большим знанием и покупается дорого иностранными купцами для продажи по цене еще большей отдаленным народам».

По известию того же Михалона, христианские пленники, увозимые из Таврида в далекие страны, всего более горевали о том, что будут удалены от храмов божиих. Отсюда выкуп пленных христиан из рук татарских сделался необходимо священною, религиозною обязанностью и из дела частного милосердия обращался в дело государственное, ибо правительство имело средства удовлетворительнее распоряжаться выкупом. Под 1535 годом

летописец говорит, что великий князь Иван Васильевич и мать его Елена прислали к новгородскому владыке такую грамоту: «Приходили в прежние годы татары на государеву украйну и, по нашим грехам, взяли в плен детей боярских, мужей, жен и девиц; господь бог не презрел своего создания, не допустил православных жить между иноплеменниками и умягчил сердца последних: они возвратили пленных, но просят у государя серебра. Князь великий велел своим боярам давать серебро, приказывает и богомольцу своему, владыке Макарию, собрать со всех монастырей своей архиепископии, по обежному счету, семь сот рублей». Макарий велел собрать эти деньги как можно скорее, помянув слово господне: «Аще злато предадим, в того место обрящем другое, а за душу человеческую несть что измены дати». Мы видели, какое распоряжение относительно выкупа пленных было сделано на соборе 1551 года. Выкуп пленных сделался очень выгодным промыслом для крымских гонцов; московские послы жаловались в Крыму: «Гонцы крымские ездят не для государского дела, *гонечество* покупают у князей и мурз и ездят для своих долгов: покупают пленных в Крыму дешево, а берут на них кабалы не по государеву уложенью, во многих деньгах, не по нхнему отечеству». В наказе, данном отправлявшемуся в Крым послом князю Мосальскому, говорится: «Если крымские князья и гонцы, приезжавшие в Москву, станут говорить, что приводили они с собою выкупленных пленников, а на Москве деньги за них давали не сполна,— то отвечать, что они выкупали детей боярских молодых не по их отечеству; выкупали также козаков и боярских людей; которые дети боярские взяты в боях, за тех государь давал окуп, кто чего стоит. Это дело торговое: в чем есть прибыток, тем и торгуют; а государю нашему не по цене, чего кто не стоит, вперед не платить; казначеи и дьяки государевы гонцам вашим не раз говаривали, чтобы они покупали по цене, кто чего стоит, а лишней безмерной цены не писали. Теперь, какие кабалы у гонцов были, государь наш много денег дать велел, чего кто и не стоит, потому что хан и калга об этом писали, а вперед пусть пленных выкупают, кто чего стоит». Сам царь писал хану: «Вперед если твои гонцы захотят выкупать пленных, то пусть выкупают, разведывая, кто чего стоит, и расспрашивая наших послов; а если ваши послы и гонцы вперед приведут выкупленных пленников, а нашего посла поруки и кабалы о них не будет, то мы будем таких пленных отдавать назад; а которого пленника наш посол выкупит, давши на себя кабалу, за того платеж будет без убавки» [44].

Что касается состояния нравов и обычаев в Московском государстве, то нельзя думать, чтоб царствование Грозного могло действовать на смягчение нравов, на введение лучших обычаев. Явление Грозного, условливаясь, между прочим, состоянием современных нравов, в свою очередь вредно действовало на послед-

ние, приучая к жестокостям и насилиям, к презрению жизни и благосостоянию ближнего. Церковь вооружалась против скоморохов и медвежьих поводчиков за их безнравственное поведение, монастыри предписывали выбивать их из своих владений; но Иоанн показывал пример пристрастия к грубым забавам, доставляемым медведями и скоморохами; Иоанн любил травить людей медведями: слуги подражали господину. Вот что рассказывает летописец под 1572 годом: на Софийской стороне, в земщине, Суббота Осетр бил до крови дьяка Данила Бартенева и медведем его драл, и в избе дьяк был с медведем; подьячие из избы сверху метались вон из окон; на дьяке медведь платье изодрал, и в одном кафтане понесли его на подворье. В это время в Новгороде и по всем городам и волостям на государя брали веселых людей и медведей, отсылали на государя; Суббота поехал из Новгорода на подводах с скоморохами, и медведей повезли с собою на подводах в Москву. Для опричников, как видно, не было ничего святого: так, во время государева разгрома в Новгородской волости они разломали гроб чудотворца Саввы Вишерского. В посланиях пастырей церкви встречаем указание на распространение гнусного противоестественного порока; не повторяем того, что говорят иностранцы. Кроме того, государство было еще слабо, не имело достаточных средств блюсти за общественным порядком: отсюда противообщественным стремлениям, стремлению жить на счет ближнего было по-прежнему много простора. Юное общество обнаруживало свою жизненность, свою силу тем, что не смотрело на это равнодушно, не хотело терпеть подобных явлений и изыскивало все возможные средства для устроения лучшего порядка: историк не может не признать этого; но вместе он должен признать, что благие усилия общества для водворения наряда встречали могущественные препятствия.

Общество было еще в таком состоянии, что допускало возможность наездов, как, например, в 1579 году государев даниловский прикащик со своими людьми и государевыми крестьянами наезжал на монастырское село Хрепелево. Из губных грамот можно ясно видеть, до какой степени доходило разбойничество в описываемое время: «Били вы нам челом, что у вас многие села и деревни разбойники разбивают, именья ваши грабят, села и деревни жгут, на дорогах многих людей грабят и разбивают, и убивают многих людей до смерти; а иные многие люди разбойников у себя держат, а к иным людям разбойники разбойную рухлядь привозят». Любопытен в этом отношении наказ князя Феодора Оболенского, присланный из литовского плена сыну его, князю Димитрию: «Жил бы ты по отца своего науке, смуты не затевал (не чмутил), людям отца своего и своим красть, разбивать и всякое лихо чинить не велел, от всякого лиха унимал бы их, велел бы своим людям по деревням хлеб пахать и тем сытым быть. А если людей от-

цовских и своих от лиха удержать не сможешь, то бей челом боярину князю Ивану Феодоровичу Оболенскому (Телепневу), чтоб велел их удержать, чтоб от государя великого князя в отцовских людях и в твоих тебе срамоты не было». Дурно было то, что убийства совершались и между людьми, не принадлежащими к разбойничьим шайкам: в 1568 году вологжанин Коваль жаловался на бутурлинского человека Мамина: «Поколол у меня Мамин сынишку моего Тренку, на площади, у судебни; а вины сынишка мой над собою не знает никакой, за что его поколол; а теперь сынишка мой лежит в конце живота». Доказательством, как слабо вкоренены были государственные понятия, как в этом отношении общество не далеко еще ушло от времен Русской Правды, служат мировые по уголовным делам. В мировой записи 1560 года говорится: «Я, Михайла Леонтьев, слуга Новинского митрополичья монастыря, бил челом государю, вместо игумена и братьи, на крестьян Кириллова монастыря, которые убили слугу Новинского монастыря. И мы, не ходя на суд перед губных старост, по государевой грамоте, перед князем Гнездиловским с товарищи, помирились с слугою Кириллова монастыря, Истомою Васильевым, который помирился с нами вместо тех душегубцев: я взял у Истомы долг убитого и за монастырские убытки, что от грамот давалось за проесть, за волокиту, сорок рублей денег казенных; и вперед мне и другим монастырским слугам на душегубцах этого дела не отыскивать, в противном случае на игумене Новинском и строителе взять сто рублей в Кириллов монастырь». Дошла до нас и другая мировая с убийцами, заключенная родственниками убитого: «Я, Михайла Кондратьев, я, Данила Лукьянов, я, Степан Скоморохов, дали на себя запись Ульяне Скорняковой да Василью Скорнякову в том, что, по грехам, учинилось убийство Ульянина мужа, а Васильева зятя, Григория Иванова, площадного писчика, убили: и за убитую голову головщину платить нам, а Ульяне да Василью в той головщине убытка-де не довести никакого». Конечно, мировые с ведомыми разбойниками, совершавшими убийства для грабежа, не допускались; но любопытно это послабление противообщественным привычкам, этой скорости на убийство в гневе, в ссоре: по грехам учинилось убийство, убийца заплатит головщину родственникам убитого и спокоен. Любопытны эти выражения в приведенных грамотах: поколол моего сынишку, а сынишка мой вины на себе не знает никакой, как будто если бы была вина, то убийца имел какое-нибудь оправдание; а в другой грамоте заключается мировая с людьми, которые называются настоящим своим именем — душегубцами. Как эти мировые объясняют нам поведение Шуйских и самого Иоанна, объясняют эту скорость на дела насилия в гневе, этот недостаток благоговения пред жизнию ближнего: Иоанн, по грехам, и сына поколол; ведь он не хотел этого сделать и после сильно раскаивался. По-прежнему летопис-

цы жалуются на большие грабежи во время пожаров.

Правительство сочло своею обязанностью вступиться, умерить посягательства на собственность ближнего под законными формами. Мы видели, что с 1557 года в продолжение пяти лет должникам дана была льгота выплачивать с раскладкою и без роста; понятно, как это невыгодно было заимодавцам, и вот встречаем челобитные такого рода: бил челом Ляпун Некрасов, сын Мякинин, и от имени братьев своих на Федора и Василья Волынских: занял он с братьями у Волынских по двум кабалам, по одной кабале — рубль, по другой — два, а кабалы писаны на имя их людей; он Волынским деньги по кабалам платит, а они не берут, деньги растят силою, хотят продержать государево уложенье, урочные лета. Встречаем также челобитную, что заимодавцы не берут от должника денег, желая удержать у себя заклад. Когда закладывалось недвижимое имущество, то заимодавец за рост пользовался им: «За рост деревни пахать, всякими угодьями владеть и крестьян ведать». Мы видели, что рост «как шло в людях» был 20 на 100.

По-прежнему церковь блюла за тем, чтобы противообщественные явления не усиливались; новгородский архиепископ Феодосий писал царю: «Бога ради, государь, потщися и промысли о своей отчине, о Великом Новгороде, что в ней теперь делается: в корчмах беспрестанно души погибают, без покаяния и без причастия в домах, на дорогах, на торжищах, в городе и по погостам убийства и грабежи великие, проходу и проезду нет; кроме тебя, государя, этого душевного вреда и внешнего треволнения уставить некому. Пишу к тебе не потому, чтоб хотел учить и наставлять твое остроумие и благородную премудрость: ибо нелепо нам забывать свою меру и дерзать на это; но как ученик учителю, как раб государю, напоминаю тебе и молю тебя беспрестанно; потому что тебе, по подобию небесной власти, дал царь небесный скипетр силы земного царствия, да научишь людей правду хранить и отженешь бесовское на них желание. Солнце лучами своими освещает всю тварь: дело царской добродетели миловать нищих и обиженных; но царь выше солнца, ибо солнце заходит, а царь светом истинным обличает тайные неправды. Сколько ты силою выше всех, столько подобает тебе светить делами» и проч.

«В 1555 году Троицкого Сергиева монастыря игумен, поговоря с келарем и соборными старцами, по соборному уложению государя царя и митрополита, приказали своим крестьянам Присецким (поименованы два крестьянина) и всей волости, не велели им в волости держать скоморохов, волхвов, баб ворожей, воров и разбойников: а станут держать, и у которого соцкого в его сотной найдут скомороха, или волхва, или бабу ворожею, то на этом соцком и на его сотной, на сте человек взять пени десять рублей денег, а скомороха или волхва, или бабу ворожею, бивши и ограбивши, вы-

бить из волости вон, а прохожих скоморохов в волость не пускать».

В старину не любили воевать в Великий пост, не делали приступов к городам по воскресеньям; в описываемое время, в 1559 году, царь дал память казначеям: в который день служится панихида большая, митрополит у государя за столом, а государь перед ним стоит, в тот день смертною и торговою казнию не казнить никого. Пред началом важных предприятий рассылалась милостыня по монастырям с просьбою о молитвах: пред казанским походом послано было в Соловецкий монастырь семь рублей с просьбою: «И вы б молили господа бога о здравии и тишине всего православного христианства и о государеве согрешении и здравии, обедни пели и молебны служили, чтоб господь бог государю нашему, его воеводам и воинству дал победу, а государя б во всех его грехах прощали». В 1562 году царь писал в Троицкий Сергиев монастырь: «Чтобы вы пожаловали, молили господа бога о нашем согрешении, что как человек, согрешил я: ибо нет человека, который и один час мог бы прожить без греха. И потому молю преподобие ваше, да подвигнетесь со тщанием на молитву, да ваших ради святых молитв презрит бог наши великие беззакония и подаст нам оставление грехов, дарует нам разум, рассуждение и мудрость в управлении и строении богом преданного мне стада христовых словесных овец. Враги христианства и наши, крымский царь, древний отступник божий, буйный варвар, всегда готовый пролить кровь христианскую, и литовский король, который имя божие и пречистыя его матери и всех святых много хулил, святые иконы попрал, честному кресту ругался, с ними издавна прельщенный от дьявола немецкий род — распылались на все православие, пожрать его желая и уповая только на свое бесовское волхование», и проч. В 1567 году митрополит прислал в Кириллов монастырь грамоту такого содержания: «Грех ради наших, безбожный крымский царь Девлет-Гирей, со всем своим бесерменством и латынством, и литовский король Сигизмунд-Август, и поганые немцы в многие различные ереси впали, особенно в Лютерову прелесть, и святые церкви разорили, честным иконам поругались и вперед злой совет совещают на нашу благочестивую христианскую веру греческого закона. Услыхав об этом, боговенчанный царь государь очень оскорбился и опечалился за святые церкви и честные иконы и, вземши бога на помощь, пошел со всем своим воинством на недругов» и проч. В 1571 году, по случаю войны со Швециею, митрополит писал в Кириллов монастырь, чтоб монахи не только упражнялись в молитвах об успехе царского оружия, но также соблюдали бы и пост; в Филиппов пост, Великий мясоед и Великий пост в пьянство не впивались бы. Богомольные грамоты по монастырям посылались в случае болезни царя. Во время голода, по предписанию митрополита, пели молебны и святили воду,

архиерей рассылал по епархии увещательные грамоты о нравственном исправлении. По случаю побед звонили в колокола целый день до полуночи, пели молебны по церквам. Был обычай в городах ходить около кремля и посада крестным ходом, молебны петь и воду святить три раза в год: во второе воскресенье после Велика дни, в первое воскресенье Петрова поста и в Успенский пост; в Крещенье и первое августа святили воду на реке: а 1 сентября, в новый год, *летопровожанье провожали* перед церковию. 21 июня 1548 года царь, по благословению митрополита, установил до скончания мира общую память благоверным князьям боярам и христолюбивому воинству, священническому и иноческому чину и всем православным христианам, от иноплеменных в бранях и на всех побоищах избиенных и в плен сведенных, голодом, жаждою, наготою, морозом и всякими нуждами измерших, в пожарах убитых и огнем скончавшихся, и в водах истопших.

Одним из характеристических явлений древнего русского общества были *юродивые*, которые, пользуясь глубоким уважением правительства и народа, позволяли себе во имя религии обличать нравственные беспорядки. В описываемое время знамениты были юродивые: в Пскове — Николай, в Москве — Василий (Блаженный, или Нагой), Иоанн (Большой Колпак).

Из обычаев, не относившихся к религии, заметим обычай писать рядные грамоты пред женитьбою и выдачею замуж. В 1542 году княгиня Согорская выдавала дочь свою за князя Хованского; эта дочь была вдова, но рядная написана от имени одной матери; в грамоте перечисляется приданое, которое дается зятю, а не дочери; оно состоит из образов, земель, из голов служних и деловых людей и денег, которые, сказано, даются за платье и разные женские украшения. Женихи давали записи, что они непременно женятся в назначенное время, в противном случае должны заплатить родственникам невесты означенную в рядной сумму денег за свадебный подъем. Иногда жених прибавлял в рядной, что по смерти его все имущество его переходит к жене, а если кто из роду его станет от нее требовать этого имущества, то должен заплатить ей означенную в рядной сумму денег. Один крестьянин-вдовец, у которого было трое сыновей, сосватался на вдове же, у которой был сын и четыре дочери; в рядной исчислено имение, приносимое женихом и невестою, и положено: дочерей выдавать замуж сообща, по силам; если женин сын (сын богоданный) захочет отделиться, то определено, что он должен получить из материнского имения; если муж умрет, то трое сыновей его от первого брака получают половину имения. В другой подобной рядной жених говорит, что если богоданный сын захочет уйти, то берет деньги за проданный двор отца своего; если же останется жить с вотчимом и будет его слушаться, то получит также часть из имения вотчима. Один крестьянин женился на вдове тихвинского посадского

и дал запись Тихвинскому монастырю, что богоданных сыновей своих будет кормить и поить до возраста, а как они придут в возраст, то им быть крестьянами Тихвинского монастыря, подобно деду и отцу своему, а в то время, как будут жить у вотчима, последний не должен отдавать их никуда, в боярский двор в холопство и в крестьяне не рядить никуда. По Стоглаву положено было венчать мужчин не ранее 15, а девиц не ранее 12 лет. Касательно одежды и украшений встречаем названия: кортел белий, кортел кощатый, одинцы жемчужные, серьги бечата на серебре с жемчугами, опашень, однорядка большая с пугвицами хамьянными, однорядка аспидная, ферези, тряски, терлик, кафтаны суконные однорядочные и сермяжные, новины, летники, сарафаны суконные и крашенинные, телогреи, торлоп, вошвы, передцы, птур. Встречаем описания домового строения — двор, во дворе хоромы: горница на подклете, горница с двумя комнатами на подклетях, две повалуши, сушило на подклетях, на улице против двора погреб. Или: две избы, клеть на подклети, мыльня, два сенника на двух хлевах, сарай. Иногда встречается: изба с прирубом; горница на двух щербетах, против горниц анбар на двух подклетях и с передмостьем; или: горница большая на подклети, а связи у этой горницы — сени с подсеньем; горенка на мшанике. Или горница столовая белая на подклети с сенями, горница с комнатой на подклети, сушило с перерубом, погреб, ледник. Или: три избы на два пристена, дверь огорожена заметом. При городских дворах упоминаются огороды с деревьями яблоневыми и вишневыми [45].

Что касается нравов и обычаев в Западной России, то до нас дошли об них любопытные известия в не раз приведенном уже сочинении Михалона Литвина, хотя автор, негодуя на роскошь, изнеженность нравов у современников своих и противополагая нравам последних нравы предков и соседних народов, не чужд преувеличений. «Всего чаще,— говорит он,— в городах литовских встречаются заводы, на которых выделывается из жита водка и пиво. Эти напитки жители берут с собою на войну и, сделав к ним привычку дома, если случится во время войны пить воду, гибнут от судорог и поноса. Крестьяне, оставив поле, идут в шинки и пируют там дни и ночи, заставляя ученых медведей увеселять себя пляскою под волынку. Отсюда происходит то, что, потратив свое имущество, они доходят до голода, обращаются к воровству и разбою, так что в каждой литовской провинции в один месяц казнят смертию за это преступление больше людей, чем во всех землях татарских и московских в продолжение ста или двух сот лет. Наших губит невоздержание или ссоры во время попоек, а не правительство. День начинается питьем водки; еще в постели кричат: вина, вина! И пьют этот яд и мущины, и женщины, и юноши на улицах, на площадях, а напившись, ничего не могут делать, как только спать, и кто раз привык к этому злу, в том постоянно

возрастает страсть к пьянству». Михалон жалуется на судебные поборы: «Берет председатель суда, берет слуга судьи, берет нотариус, берет протонотариус, берет вице, который назначает день суду, берет детский, который призывает подсудимого, берет чиновник, который призывает свидетелей. Бедняк, желая позвать к суду вельможу, ни за какие деньги не найдет себе стряпчего. Свидетелем может быть всякий во всяком деле, кроме межевых, и всякому верят без присяги; от этого многие сделали себе промысл из лжесвидетельств. Подсудимый, хотя бы он был явным похитителем чужой собственности, не прежде обязан явиться в суд, как по истечении месяца после позыва. Если у меня отнимается лошадь, стоящая 50 или 100 грошей, в самое нужное время полевых работ, то я не могу прежде позвать в суд похитителя, как заплатив за позыв цену похищенной лошади, хотя после не только не получу вознаграждения за убытки, но и виновного не прежде, как месяц спустя, могу притянуть к суду. Таким образом, обиженный или все уступает похитителю, или вносит столько же. Хотя из числа вельмож обязанность судей исполняют во всей Литве двое воевод, не слишком отдаленные один от другого, но как могут они рассмотреть все тяжбы такого многочисленного народа и таких провинций, особенно когда они должны заботиться и о государственных делах. Поэтому, будучи заняты множеством дел общественных и частных, они рассматривают тяжбы только по праздничным дням, когда бывают свободнее от дел. И то дурно, что нет определенных мест для их заседаний. Часто приходится обиженному искать правосудия более чем за 50 миль. Есть у нас 40 дней, посвященных воспоминанию страстей господних, посту и молитве, которые мы и проводим в тяжбах. Упомянутые воеводы имеют своих наместников, которые, питая свое тело, сидят обыкновенно в суде при шуме гостей, мало знакомые с законами, но исправно взимающие свой пересуд».

«В страну нашу собрался отовсюду самый дурной из всех народов — иудейский, распространившийся по всем городам Подолии, Волыни и других плодородных областей, народ вероломный, хитрый, вредный, который портит наши товары, подделывает деньги, подписи, печати, на всех рынках отнимает у христиан средства к жизни, не знает другого искусства, кроме обмана и клеветы».

«Мы держим в беспрерывном рабстве людей своих, добытых не войною и не куплею, принадлежащих не к чужому, но к нашему племени и вере, сирот, неимущих, попавших в сети через брак с рабынями; мы во зло употребляем нашу власть над ними, мучим их, уродуем, убиваем без суда, по малейшему подозрению. Напротив того, у татар и москвитян ни один чиновник не может убить человека даже при очевидном преступлении,— это право предоставлено только судьям в столицах. А у нас по селам и деревням делаются приговоры о жизни людей. К тому же на защиту

государства берем мы подати с одних только подвластных нам бедных горожан и с беднейших пахарей, оставляя в покое владельцев имений, которые получают гораздо более с своих владений».

«Ни татары, ни москвитяне не дают своим женам никакой свободы, говоря: кто даст свободу жене, тот у себя ее отнимает. Они у них не имеют власти; а у нас некоторые владеют многими мущинами, имея села, города, земли, одни на правах временного пользования, другие по праву наследования, и по этой страсти к владычеству живут они под видом девства или вдовства необузданно, в тягость подданным, преследуя одних ненавистию, губя других слепою любовию».

«Враги наши, татары, смеются над нашей беспечностью, нападая на нас, погруженных после пиров в сон: «Иван! ты спишь,— говорят они,— а я тружуся, вяжу тебя». Теперь наших воинов погибает среди праздности в корчмах, где они убивают друг друга, больше, нежели самих неприятелей, которые часто опустошают нашу страну, тогда как наши могли бы найти лучше случай показать свое мужество в боях с врагом трезвым и деятельным на границах Подолии и Киева, могли бы там из рекрутов сделаться храбрыми воинами, и нам не нужно было бы искать таких людей вне отечества».

«Смеются татары, что у нас почетные люди мягко покоятся и спят на скамьях, когда совершается божественная служба, а людей бедного состояния не пускают садиться, сами приходят в храмы со многими провожатыми и ставят их перед собой, чтоб похвастать их количеством. Греческие монахи воздерживаются от жен; а что священники в древние времена женились, это видно из многих мест св. писания. Если бы и наши поступали теперь так же, то были бы непорочнее, чем в этом поддельном монашестве, в котором они живут как изнеженные сибариты, горят всегда страстию и содержат наложниц. Обязанности, возложенные нами на них, слагают они на своих викариев, а сами предаются праздности и удовольствиям, пируют, одеваются великолепно».

Жалобы Михалона на роскошь, изнеженность мужчин в Западной России, на подчинение их женскому влиянию, разделяет, как мы видели, московский отъезжик, князь Курбский. Подробности о жизни князя Курбского в Западной России также содержат в себе любопытные черты тамошнего быта. Начнем с его семейных отношений. Курбский оставил в Московском государстве свою семью, мать, жену и сына-ребенка, которые, как он говорит в предисловии к Новому Маргариту, были заключены царем в темницу и там *тоскою поморены*. В 1571 году Курбский вступил в брак с Марьею Юрьевною Козинскою, урожденною княжною Голшанскою, вдовою после двоих мужей, матерью двоих взрослых сыновей от первого брака с Монтолтом. Сначала Курбский жил согласно с женою, которая записала ему почти все свои имения

и эту запись подтвердила в духовном завещании. Но скоро отношения переменились: в марте 1576 года было написано завещание княгини, а в августе 1577 года уже наряжены были возные с шляхтою, добрыми людьми для следствия по жалобе сына княгини, Андрея Монтолта, будто бы князь Курбский избил свою жену, измучил и посадил в заключение и будто бы от этих побоев и мук ее уже нет на свете. Возные нашли князя Курбского больным, в постели, а княгиню здоровою, сидящею подле мужа. Курбский сказал возному: «Пан возный! Гляди: жена моя сидит в добром здоровье, а дети ее на меня выдумывают» — и, обратясь к княгине, сказал: «Говори, княгиня, сама». Та отвечала: «Что мне говорить, милостивый князь, сам возный видит, что я сижу». Курбский прибавил: «Давно они мать свою морят, а она все жива и меня еще погребет». Княгиня заметила на это: «Как знать? Либо ваша милость меня погребешь, потому что и я плохого здоровья».

Но в тот же день, как возный внес в градские книги описанную сцену, князь Курбский подал жалобу, что недавно жена его взяла из кладовой сундук, в котором хранились привилегии и другие важные бумаги, и передала их сыновьям своим Монтолтам, что один из них, Андрей, разъезжает близ имений Курбского с слугами и многими помощниками своими, ловя и подстерегая Курбского по дорогам, делая засады, умышляя на его жизнь. Вслед за тем Курбский жаловался, что Андрей Монтолт наехал разбоем на его землю Скулинскую, сжег сторожку, сторожей побил, измучил, потопил, некоторых связал и увел с собою, бочечные доски все сжег. Курбский нашел в сундуке жены своей мешочек с песком, волосами и другими чарами; горничная княгини, Раинка, показала, что все эти вещи дала княгине какая-то старуха, но что это была не отрава, а только снадобье, приготовленное для возбуждения в Курбском любви к жене; а теперь, продолжала Раинка, княгиня старается повидаться с старухою, чтоб получить такое зелье, которое могла бы она употребить не для любви, а для чего-нибудь другого. Наконец, по приговору приятелей, Курбский и жена его положили развестись, причем некоторые имения княгини должны были остаться за Курбским. 1 августа 1578 года подписана была мировая сделка, а 2 числа бывшая княгиня Курбская подала жалобу на мужа, что он обходился с нею не как с женою, посадил безо всякой вины в заключение, бил палкой, принудил к тому, что она дала ему несколько бланковых листов с своими печатями и собственноручными подписями, и совершал акты ко вреду ее; жаловалась, что Курбский, разведясь с нею, удержал движимое ее имущество, силою удержал служанку ее, Раинку, мучил ее, посадил в тюрьму и велел там ее изнасиловать. Курбский с своей стороны подал жалобу, что когда он отправил бывшую жену свою во Владимир со всею учтивостию, в коляске четвериею, то воевода минский, Сапега, бывший при разводе пос-

редником со стороны Марьи Юрьевны, велел слугам своим перебить кучеру Курбского палкою руки и ноги и удержать коляску, бранил Курбского срамными словами. В декабре Марья Юрьевна помирилась с Курбским, объявила, что последний дал ей во всех ее исках законное удовлетворение и что она не будет начинать новых исков ни против него, ни против детей его и потомков; при этом горничная ее, Ранка, объявила также, что все ее прежние показания, как против Курбского, так и против бывшей жены его, ложны, что она делала их по наущению других в гневе, что никогда не была она ни бита, ни мучена, ни изнасилована. Но когда Курбский женился на девице Александре Семашковне, которою, как видно из его завещания, был очень доволен, то старая жена подала опять королю жалобу на незаконное расторжение брака; тогда Курбский выставил законную для церковного суда причину: трое людей показали, что они собственными глазами видели, как бывшая княгиня Курбская нарушала супружескую верность. Дело кончилось опять мировою сделкою.

Кроме этих неудовольствий Курбский должен был испытать еще много других. В 1575 году князь Андрей Вишневецкий, воевода браславский, собравшись со множеством вооруженных слуг, бояр и крестьян своих, конных и пеших, с пищалями и ружьями, наехал на его земли, захватил два стада, побил четырех пастухов; когда Курбский послал к нему слуг своих и посторонних добрых людей спросить о причине наезда, то Вишневецкий вместо ответа велел схватить и убить их. Курбский поспешил отомстить ему в тот же самый день: несколько сот слуг его и подданных напали на имение Вишневецкого, побили крестьян, пограбили хлеб. Горожане также не удерживались от насильственных поступков; любимый слуга Курбского, москвич Иван Келемет, подал в 1571 году такую жалобу: «Был я во Владимире, чтоб отвечать перед судом по делу господина моего. Когда я выезжал уже из города, то ландвойт, ратманы и мещане владимирские, приказав звонить в колокола и запереть городские ворота, собрались со множеством мещан, вооруженных разным оружием, намереваясь лишить меня жизни, безо всякого с моей стороны повода, так что я едва успел уехать из города. После того мещане, ратманы и ландвойт гнались за мною и, догнавши на поле, за милю от города, изранили меня самого, бывших со мною слуг господина моего, моих собственных слуг и коней; рыдван мой растрясли, жену мою истерзали, перстни с рук посрывали; а из рыдвана взяли сундук и шкатулку». В 1575 году сам князь Курбский подал жалобу: «Недавно, когда татары вторгнулись в землю Волынскую, я, по своей шляхетской обязанности, поехал с своим отрядом как можно скорее против неприятеля, а уряднику своему Калиновскому приказал с деньгами ехать вслед за мною как можно скорее. Когда он проезжал между Берестечком и Николаевом, то мещане берестецкие

Остаховичи с многими помощниками своими, захватив на большой дороге Калиновского и ехавшего с ним вместе боярина моего Туровицкого, разбойнически, жестоко избили их и изранили и все, что с ними было, побрали; после чего бросили их замертво и возвратились домой в Берестечко. Урядники берестецкие, узнавши об убийстве, поймали злодеев и посадили их в тюрьму; но когда привезен был Калиновский чуть живой в Берестечко и объявил, что он мой слуга, то урядники, посоветовавшись между собою, забрали все имение, отнятое злодеями у слуг моих, самих злодеев из тюрьмы выпустили и неизвестно куда девали, а Калиновского, продержавши не малое время в Берестечке, положив на воз едва живого, в одной рубашке, приказали вывезти вон из города и бросить в дубраве на месте разбоя».

Мы упоминали о верном слуге Курбского, Иване Келемете, о нападении на него горожан владимирских в 1571 году; в следующем 1572 году его постигла насильственная смерть там же, во Владимире. Когда он находился здесь опять по делам господина своего, то к нему на квартиру, под вечер, пришли слуги князя Булыги и уселись незваные; хозяин дома, мещанин Капля, стал их выпроваживать, но они отвечали: «Для чего нам идти? Разве для этого москвитянина?» Один из них, схвативши стклянку с горелкою, бросил ее в Келемета. Тут началась ссора, обнажено было оружие; Келемет выгнал было их из светлицы и заперся, но они начали выбивать двери и окна. Капля в это время выбежал из дому, и когда возвратился туда опять, то увидал, что сам князь Булыга стоит в сенях, а Келемет, уже убитый, лежит в светлице на земле. Деньги и вещи, принадлежавшие Келемету, были пограблены убийцами. Булыга не явился к суду, и местный суд приговорил его к уплате головщины и всех убытков, а самого преступника отослать на суд королевский; но убийца при посредничестве нескольких панов заключил мировую с Курбским, обязавшись заплатить ему за голову убитого и за все убытки и высидеть во владимирском замке год и шесть недель. Другой слуга Курбского, бежавший с ним из Московского государства, Петр Вороновецкий, был также убит неизвестно кем; жена убитого сначала обвинила было в преступлении самого князя Курбского, но потом отреклась от своего обвинения.

После этих случаев Курбский имел право жаловаться, что он, изгнанный без правды, пребывает в странствии между людьми тяжелыми и очень негостеприимными. Из всего видно, что его и его москвичей не любили в новом их отечестве. Но, с другой стороны, посмотрим, как поступал сам Курбский в столкновениях с соседями и людьми, ему подчиненными. Когда соседние с данными ему королем волостями крестьяне смединские обвиняли его в завладении их землею, подрании пчел, насилиях, побоях и грабежах и король прислал ему свой напоминальный лист, то Курбский от-

вечал: «Я не волю вступаться в землю Смединскую, а приказываю защищать свою землю; если смединцы будут присвоять мою землю, которую они считают своею, то я прикажу ловить их и вешать. А что касается до удовлетворения, которое смединцы требуют от урядников и крестьян моих за обиду и вред, то я им в том суда и расправы давать не обязан, ибо, если что урядники и крестьяне мои сделали, то сделали, защищая мою землю». Курбский по какому-то праву завладел именем панов Красенских; король Сигизмунд-Август решил, что Курбский должен возвратить имение. Курбский получил королевское приказание, когда уже Сигизмунда-Августа не было в живых. Посланец королевский долго разъезжал по имениям Курбского с листом королевским. Слуги Курбского посылали его из одного имения в другое, даже один из них грозил ему палкой. Наконец посланец нашел Курбского и хотел вручить ему лист королевский, но Курбский в присутствии многих знатных особ сказал ему: «Ты ездишь ко мне с мертвыми листами, потому что когда король умер, то и все листы его умерли. Да хотя бы ты и от живого короля приехал, то я тебе и никому другому имения не уступлю». В 1572 году на Курбского подана была жалоба, что он перехватил в своем имении слугу враждебного ему пана, ограбил и мучил, пытал о намерениях последнего против него; а в 1579 году возный, который ездил к Курбскому звать его к суду, подал жалобу, что слуги князя напали на него на дороге, били в шесть кнев, бросили едва живого и, бьючи, приговаривали: «Позовов к его милости князю, пану нашему, не носи». Верный слуга Курбского, известный уже нам Иван Келемет, подражал своему пану: в 1569 году владимирские жиды подали жалобу, что Келемет, урядник Курбского в Ковле, который был отдан королем во владение последнему, схватил за долги двоих жидов ковельских и жидовку в субботу, в школе на молитве, посадил в яму, наполненную водою, запечатал в домах их и в домах других жидов лавки и пивницы. Возный, отряженный по этой жалобе в Ковель, доносил, что когда он с понятою шляхтою пришел к воротам замка, то привратник их в замок не пустил. Стоя у ворот, они слышали вопль заключенных в водяной яме жидов, которых сосали пиявки. Наконец вышел Келемет и сказал: «Разве пану не вольно наказывать подданных своих не только тюрьмою или другим каким-нибудь наказанием, но даже смертию? А я что ни делаю, все делаю по приказанию своего пана, его милости князя Курбского, потому что пан мой, владея именем Ковельским и подданными, волен наказывать их, как хочет, а королю, его милости и никому другому нет до того никакого дела». Жиды владимирские, пришедшие вместе с возным, сказали на это: «Вольно пану карать своих подданных, но только согласно с законом, а ты нарушаешь наши права, подтвержденные королевскими привилегиями». Келемет отвечал: «Я ваших прав и вольностей знать не хочу» —

и велел всем жидам выбраться из города. По королевскому декрету, Курбский должен был освободить жидов, отпечатать школу их, домы и лавки. Панцирный боярин ковельский, Порыдубский, подал королю жалобу, что Курбский наслал открытою силою слуг, бояр и крестьян своих на его имение и на дом, приказал схватить его самого и со всем семейством и держал шесть лет в жестоком заключении, имение все пограбил. Что касается до сопротивления судным и королевским приговорам, то поведение Курбского и слуг его не составляло исключения: в 1582 году возный доносил, что когда он, по приказанию городского владимирского уряда, ездил к пану Красенскому, чтоб взыскать с него деньги в пользу князя Курбского, то Красенский в панцире, с несколькими сотнями конных вооруженных людей, загородил ему дорогу к своему селу и сказал: «Будем вас бить и защищаться до смерти», причем действительно прибил двоих слуг Курбского. Король принужден был дать указ, чтоб старосты кременецкий, владимирский и луцкий, ополчив шляхту всего воеводства Волынского, вооруженною рукою произвели взыскание с Красенского; но многие шляхтичи, вместо того чтоб исполнить королевский указ, присоединились к Красенскому, который, разделивши вооруженных людей своих на три отряда, сам с одним отрядом загородил дорогу к двум своим имениям, а жена его, Ганна, с двумя другими отрядами загородила дорогу к имению Красному [46].

В 1548 году католический виленский епископ Павел жаловался королю, что в его епархии многие жены мужей своих покидают, живут с жидами, турками, татарами, забыв свое христианство. Но подле этих известий, которые не могут дать нам выгодного понятия о нравственном состоянии в Западной России в описываемое время, встречаем известия, которые показывают и действия животворного начала, которое будило человека и указывало ему высшие цели жизни: на дороге, по которой проезжал с пира пьяный пан с женою, тоже нетрезвою, оба, как в пьяном, так и в трезвом виде, не уважавшие жизни, чести и собственности меньших братий; на дороге, по которой ехал пан с вооруженным отрядом слуг и крестьян, чтоб напасть на имение своего противника; на дороге, по которой шли слуги и служанки, чтоб сделать пред судом ложное показание или бесстыдно объявить ложным справедливое,— на этой же самой дороге можно было встретить молодого человека, который, испытав беду, признал ее божиим наказанием, за известный грех свой для очищения себя от него предпринял подвиг: идет пешком собирать на церковное строение.

Мы видели нравы, образ жизни, взаимные отношения панов западнорусских; теперь войдем в их жилища, в эти домы, где они пировали, ссорились и мирились. Среди обширного двора находился большой дом с большими сенями; из сеней вход в светлицу, в светлице двери на завесах, четыре окна, стол дубовый на ножках,

вокруг четыре скамьи, печь муравленая зеленая; из светлицы ход в кладовую. Из тех же сеней, на противоположной стороне, вход в другую светлицу, в которой такая же мебель, как и в первой, и ход в другую кладовую; из тех же сеней лестница наверх. Кроме большого дома, на дворе еще несколько строений, светлиц с окнами, вправленными в олово, столами разноцветными, дубовыми, липовыми, печами муравленными зелеными, скамьями при столах и вокруг светлиц, кроватями дубовыми, камельками, над воротами галерея с окнами; при описании панских дворов встречаем и старое знакомое нам слово гридня: на дворе гридня большая, в ней стол, вокруг четыре скамьи. Дом со стороны пруда и дикого леса огорожен острогом [47].

Нравственное состояние общества со всеми своими сторонами, светлыми и темными, должно было отразиться в памятниках литературных. Мы видели, что окончательная, доведенная до крайности, борьба между новым порядком вещей и остатками старины не прошла молча. Двое потомков Мономаха, потомок старшей линии, линии Мстиславовой, князь Андрей Курбский-Смоленский-Ярославский, и потомок младшей линии, линии Юрия Долгорукого, Иван Васильевич московский, царь всея Руси и самодержец, сразились в последней усобице, в последней которе, сразились словом. Но одна крайность борьбы, один личный характер борцов не объясняет нам вполне явления; надобно прибавить, что борцы эти воспитались в словесной борьбе, в преданиях о ней, привыкли признавать за этою борьбою важное значение, привыкли уважать это новое оружие — слово. Борьба, которая при Грозном оканчивалась, борьба государей московских с основанными на старине притязаниями княжеско-боярскими, началась при Иоанне III и тогда же была уже соединена с литературным движением; борьба Софии Палеолог с Патрикеевыми и Ряполовскими тесно была соединена с церковною борьбою по поводу ереси жидовствующих; одною материальною борьбою, преследованиями и казнями, дело не могло ограничиться: Иосиф Волоцкий, требуя от правительства строгих мер против еретиков, должен был вместе с этим написать книгу для их обличения. Враги Иосифа не оставались безмолвными: заволжские старцы опровергали письменно мнения Волоцкого, старец Вассиан Косой (князь Патрикеев) был представителем этих старцев, считался в Москве одним из самых грамотных и смышленых людей. Является Максим Грек — светило тогдашней науки; около него собираются русские грамотные люди, он образует учеников, в числе которых считает себя и князь Курбский; но около святогорского старца собираются также люди, недовольные новым порядком вещей, принесенным гречанкою Софьею, движение литературное опять тесно соединено с политическим; Максим Грек подвергается опале вместе с Вассианом Косым, их враг — митрополит Даниил — также один из самых

плодовитых писателей времени; в борьбе политической постоянно употребляется оружием слово. Таким образом, литература политико-церковно-полемическая, которою обозначается описываемое время, явно ведет свое начало оттуда же, откуда начинается борьба политическая, от борьбы Софии и Волоцкого с Патрикеевыми и жидовствующими.

Мы уже знакомы с произведениями пера Иоаннова; но прежде мы преимущественно должны были обращать внимание на содержание этих произведений; теперь же скажем несколько слов о форме, ибо последняя также послужит нам объяснением характера этого знаменитого исторического лица и средств, которыми владел Иоанн. По тогдашним средствам к умственному образованию Иоанн был начетчик, самоучка, и с ним случилось то же самое, что можно видеть и теперь на подобных начетчиках: формы языка, на котором читал он, формы, имевшие для него важное, священное значение, эти формы густо столпились в его памяти, и когда он хотел употреблять их, то, без изучения особенностей этих форм, руководясь только одною памятью, он часто не мог совладеть с ними, с постройкою речи, накидывал слова, предложения без связи, бросался от одного предмета к другому, не окончивши одного, начинал другое. Сюда же должно присоединить еще страстность Иоанна, которая препятствовала ему спокойно обдумывать то, что он писал.

Что читал Иоанн, это ясно видно из его писем: священное писание, переведенные сочинения отцов церкви, русские летописи, хронографы, из которых брал сведения о римской и византийской истории; но преимущественно он находился под влиянием двух первых, так что послания его наполнены местами из св. писаний и сочинений св. отцов. Талант Иоанна виден в искусном употреблении средств: в переписке с Курбским он ловко обращается к религиозному чувству последнего и выставляет ему на вид ту сторону его поступка, против которой это чувство особенно должно было вопиять: «Князь, зачем ты продал душу за тело; ты озлобился на меня и душу свою погубил, потому что поднял руки на церковное разорение. Не думаешь ли, что убережешься от этого? Никак. Если ты пойдешь вместе с ними (литовцами) воевать, то непременно будешь церкви разорять, иконы попирать, христиан губить. Представь себе, как нежные тела младенцев будут попираемы и терзаемы конскими ногами. Таким образом, твое злобесное умышление разве не уподобляется Иродову неистовству, направленному против младенцев? Неужели ты назовешь это благочестием? Итак, ты ради тела погубил душу, ради славы мимотекущие приобрел бесславие, и не на человека озлобился, но на бога восстал. Разумей, несчастный, с какой высоты и в какую пропасть ты низвергся душою и телом! Могут понять и там, кто поумнее, что ты отъехал, желая славы мимотекущие и богатства, а

не от смерти бегал. Если ты праведен и благочестив, то зачем испугался неповинной смерти, которая не есть смерть, но приобретение». Потом Иоанн словами писания доказывает, что и самый отъезд Курбского, даже и без войны против православного отечества, есть грех: «Зачем ты презрел Апостола Павла, который говорит: «Противящийся власти божию повелению противится». Смотри и разумей: кто богу противится, тот называется отступником, и это величайший грех». Курбский указывает на происхождение свое от святого князя Феодора Ростиславича Смоленского-Ярославского и отдает свое дело на суд этому предку своему. Но Иоанн низлагает его и здесь: «С охотою принимаю в судьи святого Феодора Ростиславича, хотя он тебе и родственник: потому что кто был праведен здесь, в земной жизни, тот тем более творит праведное по смерти, и праведно рассудит он между нами и вами. Этот самый святой князь Феодор исцелил царицу нашу Анастасию, которую вы уподобляли Евдокии: ясно, что он не вам, но нам недостойным милость свою простирает; так и теперь надеемся, что он будет помогать более нам, чем вам. Если б вы были чада Авраамля, то творили бы дела Авраамля: может бог и от камней воздвигнуть чад Аврааму; не все происходящие от Авраама к семени Авраамову причитаются, но живущие в вере Авраамовой. Ты пишешь, что хочешь письмо свое в гроб с собою положить: значит, ты отложил уже и последнее свое христианство. Господь повелел не противиться злу; а ты и конечное прощение отвергаешь: так не следует тебя и погребать по-христиански». Из св. писания заимствует Иоанн уподобления свои: «Ради временной славы (пишет он к Курбскому) и сребролюбия, и сладости мира сего, ты все свое благочестие душевное с христианскою верою и законом попрал; ты уподобился семени, падающему на камень и выросшему при жаре солнечном, но вдруг ради слова ложного ты соблазнился, отпал и плода не сотворил».

Понятно, что при том недостаточном состоянии просвещения, в каком находилось русское общество в описываемое время, грамотей, начетчик тем большим пользовался уважением, чем больше выказывал свою ученость, начитанность в речах и посланиях: понятно, что Иоанн любил выказывать свою ученость, помещая в письмах своих обширные исторические выписки: любят обыкновенно хвастаться тем, что редко и ново; толпа увлекается количеством, обилием; законность вопроса о приличии, о мере признается еще очень немногими, умственно возмужалыми; Иоанн же по природе своей не мог принадлежать к этим немногим, ибо менее других был способен удовлетворять требованиям приличия и меры. Плодовитость речи, неуменье сдержаться, умерить себя, проистекая вообще от страстности его природы, зависели также более или менее и от особенного состояния его духа: так, первое послание к Курбскому, написанное в сильном волнении и гневе,

отличается особенным многоречием; второе послание кратко; между другими причинами этой краткости нельзя не признать и ту, что второе послание написано при большем спокойствии духа, при большем довольстве своим положением, от военных удач прошедшим.

Болезненное нравственное состояние в Иоанне всего более выражается в этой насмешливости, в этом желании поймать человека на слове, поставить его в трудное положение и наслаждаться этим, в отсутствии уважения, снисхождения к несчастному положению человека, в желании не утешить человека в беде, но возложить на него вину беды, показать ему, что он не имеет права жаловаться. Неудивительно, что он не щадит в своих насмешках Курбского: «Писал ты себе в досаду,— отвечает он ему,— что мы тебя в дальние города, как бы в опале держа, посылали: теперь мы, по воле божией, и дальше твоих далеких городов прошли, и кони наши переехали все ваши дороги из Литвы и в Литву, и пеши мы ходили, и воду во всех тех местах пили; так теперь уже нельзя говорить, что не везде коня нашего ноги были. И где ты хотел успокоиться от всех трудов твоих, в Вольмаре, и тут на покой твой бог нас привел; и где ты думал, что ушел, а мы тут, по воле божией, догнали. И ты дальше поехал». Неудивительно, что Иоанн находил удовольствие злить крымского хана, напоминая ему о некстати высказанном порыве бескорыстия: «Зачем ты просишь у меня подарков? Ведь ты писал, что все богатства мира для тебя с прахом равны?» Но вот один из самых приближенных и усердных новых слуг Ивана, возвышенный царем вследствие нерасположения к людям более родовитым, Василий Грязной, попался в плен к крымским татарам; к этому Грязному царь писал: «Ты писал, что по грехам взяли тебя в плен: так надобно было тебе, Васюшка, без пути средь крымских улусов не заезжать; а если заехал, так надобно было спать не по-объездному. Ты думал, что в объезд приехал с собаками за зайцами: но крымцы самого тебя в торок завязали. Или ты думал, что так же и в Крыму, как у меня стоя за кушаньем, шутить? Крымцы так не спят, как вы, и умеют вас, неженок, ловить. Только бы такие крымцы были, как вы, женки, так им бы и за реку не бывать, не только что в Москве. Ты сказываешься великим человеком: правда, что греха таить? Отца нашего и наши бояре стали нам изменять, и мы вас, мужиков, к себе приблизили, надеясь от вас службы и правды. А помянул бы ты свое и отцовское величество в Алексине: такие и в станицах езжали; ты сам в станице у Пенинского был мало что не в охотниках с собаками, а предки твои у ростовских владык служили; мы не запираемся, что ты у нас в приближеньи был, и мы для твоего приближенья тысячи две рублей за тебя дадим, а до этих пор такие, как ты, по 50 рублей бывали» [48].

Мы видели, что Иоанн, словесной премудрости ритор, любил

устно, в ответах послам, выказывать обилие и красоту своей речи. От спора с Поссевином он уклонялся и потому, что опасался оказаться несостоятельным пред ученым иезуитом, и потому, что опасался, говоря против католицизма, оскорбить главу католического мира. Но дошло до нас известие о споре его с протестантом Рокитою, где он уже не боялся никого оскорбить: «Говорил я тебе прежде и теперь повторяю (начал Иоанн), что не хочу я с тобой вести спора потому: тебе хочется только разузнать наши мнения, а не согласиться с нами. Итак, должно поступить по заповеди господней: не давайте святыни псам, не бросайте бисера пред свиньями. Прежде скажу об учителе вашем Лютере, который и по жизни, и по имени своему был *лют*» [49], и проч. Надобно заметить, что в это время везде, и в Западной Европе, и в ближайшей Литве, в ожесточенных спорах, или, лучше сказать, перебранках, политических и религиозных, не соблюдали никаких приличий и любили, особенно по сходству звуков, давать смешное и обидное значение имени противника: так, в Литве доставалось от католиков имени знаменитого протестантского борца — Волана [50]; в Германии Мюнцер называл Лютера доктор Люгнер, а наш Грозный нашел еще ближайшее созвучие. Что словопроизводства были в ходу, видно также из других известий: рассказывают, что Грозный одно время ласкал очень немцев; это понятно и потому, что он хотел привязать к себе ливонцев, и потому, что подозревал своих русских, и потому, что хотел оправдать собственное поведение недостоинством последних. Он хвалился своим немецким происхождением именно от герцогов баварских и в доказательство этому приводил название: *бояре*, где слышалось ему слово Baiern [51]. Флетчер рассказывает, что однажды царь, отдавая золотых дел мастеру, англичанину, слитки золота для сделания из них посуды, велел хорошенько смотреть за весом, прибавя: «Русские мои все воры». Англичанин улыбнулся и, спрошенный о причине улыбки, отвечал: «Ваше величество забыли, что вы сами русский». «Я не русский,— отвечал царь,— предки мои германцы» [52].

Письма Курбского относительно изложения носят иной характер, чем письма к нему Иоанновы, по разным причинам. Во-первых, Иоанн был начетчик, самоучка; Курбский был учеником Максима Грека и поэтому должен был иметь уже другие, высшие понятия о риторстве в словесной премудрости, должен был приобрести большое уменье разбираться в словесном материале и давать своей речи большую стройность. В ответе Иоанну Курбский укоряет его за неприличное многословие, за нестройность речи, за слишком обширные выписки из св. писания и отеческих творений: «Широковещательное и многошумящее твое писание я получил, выразумел и понял, что оно отрыгнуто от неукротимого гнева с ядовитыми словами, что не только царю, столь великому и во вселенной славимому, но и простому, убогому вопну было бы не-

приличпо; особенно в пем много из священных писаний нахватано и приведены эти слова со многою яростию и лютостию, не строками и не стихами, как обычай искусным и ученым, которые в кратких словах многий разум замыкают, но сверх всякой меры и перепутано, целыми книгами, и паремьями, и посланиями! Тут же говорится и о постелях, и о телогреях, и о всякой всячине, точно басни баб непстовых, и так все варварски, что не только ученым и искусным мужам, но и простым, даже детям в удивление и смех особенно в чужой земле, где находятся люди, не только в грамматических и риторских, но и в диалектических и философских учениях искусные». Действительно, если сравним по форме письма Иоанна с письмами Курбского, то не можем не отдать преимущества последнему; вот, например, начало одного из писем его к царю: «Если пророки плакали и рыдали о граде Иерусалиме и о церкви преукрашенной, из камня прекраснейшего созданной, и о гибели живущих в нем, то как нам не восплакать о разорении града бога живого, или церкви твоей телесной, которую создал господь, а не человек, в которой некогда дух святый пребывал, которая после прехвального покаяния была вычищена и чистыми слезами измыта, от которой чистая молитва, как благоуханное мпро, или фимиам, ко престолу господню восходили, в которой, на твердом основании правоверной веры, благочестивые дела созидались, и в этой церкви царская душа, как голубица с посеребреннымп крылами, блисталась, честнее и светлее золота, благодатию духа святого преукрашенная делами, укрепленная и освященная телом и кровию Христовою. Такова твоя прежде бывала церковь телесная!»

Большей стройности, большему изяществу и спокойствию речи Курбского содействовало еще то, что он был способнее сохранять спокойствие, не был так раздражителен и страстен, не был так испорчен в молодости, как Грозный. Наконец, на форму речи Курбского должно было иметь сильное влияние то положение, в котором он явился писателем, положение изгнанника. Чувство ненависти к гонителю, побуждавшее его к речи гневной, умерялось другим чувством, чувством глубокой скорби о потере отечества, о безотрадности положения своего. Это особенно ощутительно в первом послании, которое состоит из одного болезненного вопля: «Зачем, о царь! ты побил сильных во Израили, и воевод, от бога тебе данных, различным смертям предал, и победоносную и святую кровь их в церквах божиих и на торжествах владычних пролил, и мученическою кровью их праги церковные обагрил! На доброхотов твоих, душу за тебя полагающих, неслыханные мучения, гонения и смерти умыслил, изменами, чародействами и другими неподобными поступками облыгая православных, стараясь усердно свет в тьму преложить и сладкое прозвать горьким? Чем провинились они пред тобою, о царь! Или чем прогневали тебя, христианский предстатель! Не прегордые ли царства храбростию

своею разорили и сделали тебе подручниками тех, у которых прежде в рабстве были праотцы наши? Не претвердые ли города германские тщанием разума их от бога тебе даны были? И вот твое нам воздаяние за это: всеродно губишь нас! Или думаешь, что ты бессмертен; или прельщен ересию и думаешь, что не будет суда Иисусова? Он, Христос мой, седящий на престоле херувимском, судья между тобою и мною. Какого зла и гонения от тебя я не претерпел? Каких бед и напастей на меня ты не воздвигнул? Каких лжесплетений презлых на меня не взвел? Приключившиеся мне от тебя различные беды по порядку, за множеством их, не могу теперь исчислить: потому что объят еще горестию души моей. Но скажу все вместе: всего я лишен и от земли божией понапрасну отогнан!»

Мы уже упоминали в своем месте о значении «Истории князя великого московского», написанной Курбским в изгнании. О цели истории вообще автор рассуждает здесь так: «Славные дела великих мужей мудрыми людьми в историях для того описаны, да ревнуют им грядущие поколения; а презлых и лукавых пагубные и скверные дела для того написаны, чтоб остерегались их люди как смертоносного яда или поветрия, не только телесного, но и душевного». Как один из главных участников события, Курбский подробно описывает взятие Казани; любопытно посмотреть, как он понимает значение этого события: «С помощию божиею против супостатов возмогло воинство христианское. И против каких супостатов? Против великого и грозного измаильтянского языка, которого некогда вся вселенная трепетала, и не только трепетала, но и опустошена была; и не против одного царя воинство христианское ополчилось, но зараз против трех великих и сильных, то есть против перекопского царя, казанского и против княжат ногайских. С помощию Христа бога с этого времени отражало оно нападения всех троих и преславными победами украшалось, и в небольшое число лет пределы христианские расширились: где прежде в опустошенных краях русских были зимовища татарские, там города соорудились; и не только кони русских сынов из текущих в Азии рек напились, но и города там поставились». Принадлежа к самым грамотным людям Восточной и Западной России, Курбский не упускал случая хвалить грамотность и красноречие в других; так, говоря о князе Иване Бельском, прибавляет: «Он был не только мужествен, но и разумен и в священных писаниях несколько искусен». О пленном ливонском ландмаршале, Филиппе Белле, говорит: «Был он муж не только мужественный и храбрый, но и *словесна* полон, острый разум и добрую память имущий».

Курбский был ученик Максима Грека и вместе ревностный хранитель патрикеевских преданий. Поэтому неудивительно встретить у него такой отзыв о Вассиане Косом: «Оставя мирскую славу,

он в пустыню вселился и препровождал строгое и святое житие подобно великому и славному древнему Антонию, и чтоб не обвинил меня кто в дерзости, Иоанну Крестителю ревностию уподобился, потому что и тот законопреступный брак царю возбранял». О Максиме Греке, по поводу посещения его царем, Курбский отзывается так: «Максим преподобный, муж очень мудрый и не только в риторском искусстве сильный, но и философ искусный, старостию умащенный, терпением исповедническим украшенный». Курбский находился в тесной связи с известным Артемием, игуменом троицким, который, по его словам, был совершенно невинен в неправославных мнениях. Наши церковные историки того мнения, что Артемий был не совсем прав пред собором; был ли совершенно прав Курбский в своих мнениях, в какой степени на правоту его мнений имело влияние сочувствие к врагам автора «Просветителя» и всех осифлян — мы не знаем; но известно то, что в Литве Курбский явился самым ревностным защитником православия как против католицизма, так особенно против протестантизма. Понятно, что самое изгнание, самая тоска по земле святорусской, как он выражается, могли усилить это усердие к вере, которая больше всего связывала его с потерянным отечеством, которая одна в Литве заставляла его думать, что он совершенно не на чужбине; понятно, что, страдая тоскою по земле святорусской, Курбский стал так усерден к поддержанию того исповедания, которое в Литве называлось русским. Курбский испытал то, о чем говорит поэт: «Родина — что здоровье: тогда только узнаешь им полную цену, когда потеряешь!» В пылу гнева Курбский назовет иногда отечество неблагодарным, но тут же невольно выразит тоску об изгнании из земли *любимого* отечества.

В «Истории князя великого московского» Курбский при всяком удобном случае выражает свое сильное нерасположение к протестантизму. Так, принятию протестантизма приписывает он падение Ливонии. Рассказавши о взятии Нарвы русскими, Курбский прибавляет: «Вот мзда ругателям, которые уподобляют Христов образ, по плоти написанный, и образ матери его болванам поганских богов! Вот икономахам воздаяние! Воистину знамение суда прежде суда на них было изъявлено, да прочие боятся не хулить святыни». Упадок воинственного духа у поляков и литовцев Курбский приписывает также распространению между ними лютеранских ересей: «Когда путь господень оставили и веру церковную отринули, ринулись в пространный и широкий путь, то есть в пропасть, ереси лютеранские и других различных сект, особенно самые богатые их вельможи: тогда и приключилось им это».

Переводя с латинского языка на славянский беседу Иоанна Златоустого о вере, надежде и любви, Курбский послал свой труд князю Константину Острожскому, а тот отдал его для перевода на польский язык человеку неправославному. Курбский рассер-

дился и писал князю Острожскому: «Не знаю, как это случилось, что вы отдали мой перевод на испытание человеку, не только в науках неискусному, но и грамматических чинов отнюдь неведущему, к тому еще и скверных слов исполненному, стыда не имущему, глаголы священных писаний нечисто отрыгающему: потому что я сам из уст его слышал искажение слов апостола Павла. Ты пишешь, что отдал перевести на польский язык: верь мне, что если бы множество ученых сошлось и стали ломать славянского языка чины грамматические, перелагая в польскую *барбарию*, то в точности изложить не смогли бы». При сильном движении и разгорячении страстей, как было тогда в Литве по случаю явления новых учений, Курбский не мог избежать горячих споров с ревнителями последних. Такой спор он имел у князя Корецкого с папом Чаплием, последователем известных нам московских еретиков — Феодосия Косого и товарища его Игнатия. Спор, как видно из слов Курбского, кончился сильным возвышением голоса со стороны Чаплия, причем Курбский, видя, что действует страсть, а не рассудок, не стал отвечать. Но Чаплий не оставил его в покое и прислал письменное изложение своего учения. Курбский отвечал, что его нечего учить, смолоду священному писанию наученного; как апостолы и ученики их не требовали толкований от древних еретиков, так и он, Курбский, не требует толкований Меланхтона, Лютера и учеников его, Цвинглия и Кальвина и прочих, которые еще и при жизни его с ним не соглашались; им последуют теперь и пан Феодосий и пан Игнатий не ради учений, а ради паней своих. «Ты пишешь,— продолжает Курбский,— чтоб я написал тебе о Лютере, почему я называл его лжепророком; но я уже тебе пространно говорил, что он не только презрел святых всех, но многих книг Ветхого завета и апостольских писаний некоторых не принимает. Ты забыл или хочешь выманить у меня сочинение какое-нибудь и дать пану Игнатию на поругание нашей церкви божией? Нет, это тебе не удастся: мы остережемся, по слову господню, повергать святыню псам». Протестанты любили выставлять на вид богатство епископов и монахов; Курбский отвечает Чаплию: «Что касается до епископов богатых и монахов любостяжательных, которым предки наши дали имения не для корысти, а для странноприимства, на милостыни убогим и на боголепие церковное — как они распоряжаются этими имениями, судит их бог, а не я, потому что у меня самого бремя грехов тяжкое. Мы не о таких говорим, а об истинных апостолоподобных епископах и монахах нестяжательных, которых Лютер вместе смешал с нынешними законопреступниками, похулил и уставы их отвергнул, как ваша милость отвергла Дамаскина. Хулишь его, думаю, не читавши, по чужим словам, потому что книга не переведена на славянский язык, а хотя часть некоторая и переведена, только так дурно, что понять нельзя; а у греков и латинов вся есть. Но ваша милость и учитель

твой, пан Игнатий, не только по-гречески, но и по-латыни, думаю, не умеете, только хулить и браниться искусны». Сильно обрадовался Курбский, когда один из молодых шляхтичей, Бокей Печихвостовский, обратился из протестантизма снова в православие: два увещательных письма писал он ему, чтоб пребывал твердо на новом, истинном пути.

Но во времена Курбского не против одного протестантизма нужно было ратовать защитнику православия: уже последовало и католическое, иезуитское, противодействие, более опасное, чем разделенный протестантизм. Курбский писал виленскому бурмистру Кузьме Мамоничу: «Слышал я от многих людей достойных об этом иезуите, который отрыгал много ядовитых силлогизмов на святую веру нашу, называя нас схизматиками, тогда как сами они совершенные схизматики, напившиеся от мутных источников, истекающих от новомудренных их пап. Но об этом, бог даст, будем пространнее беседовать не только с своим, но, если случится, и с ними; а теперь одно припомяну, чем они наших несовершенных в писаниях устрашают, говоря: кто не повинуется папе, тот не спасется. Это ложное их страшилище обличится; а теперь советуйте нашим, чтоб без православных ученых не сражались с ними, не ходили бы к ним на проповеди. Не стыдятся они правоверных, в седмостолпных догматах стоящих, ругать и срамить, с еретиками смешивать, лютеранами, цвинглианами, кальвинистами, и отводить от православия к полуверию, к новомыслешной и хромой феологии от истинного богословия. Похвально словесности навыкать и действовать, чтоб правду оборонять; а они, смешавши елокуцию с диалектическими софизмами и придав к тому пронунциацию, на правоверных обращают, истину стараются разорить ораторскими штуками, похлебствуя папе своему, превознося грозного вельможного епископа, оружием препоясанного и полки воинов водящего, и хуля наших патриархов, убогих и нищих, смиренномудрием Христовым украшенных, между безбожными турками мученически терпящих и благочестия догматы невредимо соблюдающих». В другом письме к тому же Мамоничу Курбский пишет: «О злохитростях иезуитских я уже тебе писал: не ужасайтесь софизмов их, но стойте только в православной вере крепко. Злохитростями своими супостаты не изгубят восточных церквей! Что они выдали против нашей церкви? Книжки, своими силлогизмами поганскими изукрашенные, софистически превращая и растлевая апостольскую феологию? Но вот, по божией благодати, подана нам книга от Святой Горы, точно самою рукою божиею принесена ради простоты и глубокого неискусства церковников русских церквей, не говорю — по лености и обжорству наших епископов. Об этой книге я уже тебе говорил, что князь Константин Острожский дал переписать пану Гарабурде и мне. В этой книге не теперешние дудки их и пищульки, но все силлогизмы, папою и всеми кардиналами и

наилучшим их феологом Фомою (Аквинским) на апостольскую феологию восточных церквей отрыгнутые, опровергнуты боговидными мужами, Григорием и Нилом, митрополитами солунскими. Я советую сам письмо мое это прочесть всему собору виленскому, да возревнуют ревностию божиею по праотеческом родном своем правоверии, да наймут писаря доброго, и переписавши книгу, да читают ее трезво, отлучившись от пьянства: в ней готовые ответы блаженных тех мужей. А если будем растянувшись лежать в давнообычном пьянстве, тогда не только паны иезуиты и пресвитеры римской церкви, сильные в священном писании, силлогизмами и софизмами поганскими могут вас растерзать лежащих, но и дрянные зверки, то есть новоявленные еретики, могут вас растерзать и развести каждый в свою нору. Итак, не унывайте, не отчаивайтесь, не ужасайтесь софизмов; но выберите одного из пресвитеров, или хотя из простых людей, словесного и в писаниях искусного, и, приняв ту книгу в руки, противтесь этим непреоборимым оружием».

Княгиня Чарторыйская писала к Курбскому, что сын ее в страхе божием и правоверии праотеческом утвержден, имеет охоту к священному писанию и что она хочет послать его в Вильну учиться, к иезуитам. Курбский отвечал: «Намерение твое похвально; но, как слуга и приятель твой, я не хочу от тебя утаить, что многие родители отдали детей своих иезуитам учиться свободным наукам, но они, не науча, прежде всего отлучили их от правоверия, как сыновей князя Коршинского и других. Впрочем, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоустый ездили учиться в Афины к поганским философам, а правости душевной и праотеческого правоверия не лишились. Я оставляю это дело на мудрое рассуждение вашей милости и приятелей твоих».

Другой знаменитый ревнитель по православию, князь Константин Острожский, считал позволительным низлагать врагов православия одних другими, пользоваться сочинениями протестантов против иезуитов. Курбский не разделял этого мнения: когда однажды Острожский прислал ему книгу иезуита Скарги и письмо арианина Мотовила, против нее направленное, то Курбский отвечал: «Кто слыхал от века, или в каких хрониках писано, чтоб волка-растерзателя к стаду овец на пажить призывать? Где слыхано, чтоб христианин правоверный от арианина христоненавистного услаждался епистолиями или принимал от него писания на помощь церкви Христа бога?» Когда в другой раз Острожский прислал Курбскому книгу Мотовила против иезуитов, то он отвечал: «Ваша милость прислал мне книгу, сыном дьявольским написанную, антихристовым помощником сочиненную! Мне, христианину правоверному, брату своему присяжному, ваша милость эту книгу вместо поминка шлет? О беда, плача достойная! О нужда окаяннейшая! В такую дерзость и стултицию

(глупость) начальники христианские впали, что не только ядовитых драконов в домах своих питать и держать не стыдятся, но и за оборонителей и помощников их себе почитают! И что еще далее: церковь божию оборонять им приказывают и книги против полуверных латин писать им повелевают!» Причину такого поведения князя Острожского Курбский полагает в лености и нерадении, в нежелании самому заняться изучением св. писания: «От лености все это нам приключается, от нежелания читать св. писание; я об этом тебе много и на словах докучал, чтоб ты читал его часто, хотя понемногу, и не перестану тебе докучать до самой смерти своей (потому что очень люблю тебя), пока не увижу, что ты приложишь об этом большее старание».

Религиозная деятельность Курбского не ограничивалась сословным кругом: мы видели, что он обращался с своими увещаниями к Мамоничу и всем виленским горожанам православного исповедания; находим между письмами его и письмо к Семену Седельнику, горожанину львовскому, которого называет превозлюбленным братом, правоверием украшенным. В ответ на вопрос Семена о чистилище Курбский послал ему переведенное им с латинского толкование Златоустого на апостола Павла: «Прими этот мой подарок духовный,— пишет Курбский Семену,— внимательно читай и услаждайся с правоверными восточных церквей, а схизматикам не показывай и не спорь с ними. Навести меня, и тогда побеседуем, как надобно с ними поступать, чтоб не могли противиться правде: у них ведь обычай очень искусными силлогизмами поганских философов, смешавши их с упорностию своею, истине евангельской сопротивляться; особенно нападают на таких, которые хотя оружие от Священного писания имеют, но действовать им не умеют, сопротивляться врагам не искусны».

Курбский не раз говорит об этом неискусстве русских людей действовать духовным оружием и об искусстве врагов их в этом деле, не раз отклоняет своих собратий по вере от опасных споров с ловкими иезуитами. Ясно понимая недостаточность средств к борьбе, разумеется, он всеми силами должен был стараться о их приобретении, о приобретении книг, доступных по языку своему большинству православных. Для этого нужно было переводить книги св. отцов восточной церкви; как хлопотал Курбский об этом переводе, всего лучше видно из письма его к Марку, ученику известного нам Артемия; по всем вероятностям, это — Марк Сарыгозин, известный также нам московский отъезжик. Курбский говорит в этом письме, что Артемий, находясь уже в Литве, просил его купить все сочинения Василия Великого и добыть такого человека, который бы мог перевести их с греческого или латинского языка. Курбский сказал ему на это: «Если я и добуду человека, знающего по-гречески и по-латыни, то по-славянски не будет уметь?» Артемий отвечал: «Хотя я и стар, но пешком приду из

Луцка туда, где мне укажешь, и буду помогать в переводе». «Я,— продолжает Курбский в письме,— услыхавши это из уст преподобного, не только начал отыскивать переводчика, но сам, будучи уже в сединах, не мало лет провел, учась языку латинскому с большим трудом; умолил и благородного юношу, брата моего, князя Михаила Оболенского (также отъезжика), чтобы он изучил высшие науки на языке римском; он послушался меня и три года провел в Краковской школе и потом для усовершенствования в науках в Италию поехал, оставя дом, жену и детей, и пробыл там два года; теперь возвратился здоров и в праотеческом благочестии невредим, как корабль, преисполненный дорогих корыстей. Я же купил не только все сочинения Василия Великого, но и других некоторых учителей наших, Златоуста, Григория Богослова, Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина и хронику, с новогреческого на латинский переведенную, очень потребную и премудрую: написана она Никифором Каллистом. Союза ради любовного Христа нашего, так и раба его, старца твоего, а моего отца, святого преподобного Артемия, яви любовь к единоплеменной России, ко всему славянскому языку! Не поленись приехать к нам на несколько месяцев на помощь нашей грубости и неискусству, потому что мы не умеем в совершенстве владеть славянским языком, как ты и князь Оболенский, и потому боюсь пуститься один без помощи на такое великое и достохвальное дело. Посылаю тебе предисловийце одной книги нашего перевода, не за тем чтоб величаться или потщеславиться этим, но для показания недостатка и невежества нашего; искал я себе помощи, обращался туда и сюда и нигде не нашел. Если бог тебя принесет к нам, то я бы сел с одним бакалавром за книгу Павловых посланий, протолкованных Златоустом, а ваша бы милость сел за другую книгу с князем Михаилом. Посылаю к вашей милости в подарок духовный одну речь Григория Богослова и слово Василия Великого нашего перевода». Предисловие к переводу своему слов Златоустовых, который он называет Новым Маргаритом, Курбский начинает жалобами на свое несчастное положение, на изгнание без правды, пребывание в странствии между людьми тяжелыми и негостеприимными, притом в ересях различных развращенными, тогда как в отечестве огонь мучительства прелютый горит: «Слыша это, объят я жалостию и стесняем отовсюду унынием, съедают нестерпимые беды, как моль, сердце мое. Обращаюсь в скорбях к господу и утешаюсь в книжных делах, изучая разумы древних высочайших мужей. Прочел Аристотеля. Часто обращался и читал родное мое священное писание, которым праотцы мои были по душе воспитаны. При этом случилось мне вспомнить о преподобном Максиме, новом исповеднике, как однажды он мне говорил, что книги великих учителей восточных не переведены на славянский язык, но после взятия Константинополя переведены были

на латинский. Вспомнив об этом, я начал учиться по-латыни, чтобы перевести на свой язык то, что еще не переведено: нашими учителями чужие наслаждаются, а мы голодом духовным таем, на свое глядя. Для этого не мало лет потратил я, обучаясь наукам грамматическим, диалектическим и прочим. Научившись языку, купил книги и умолил участвовать в переводе юношу, именем Амвросия, в писании искусного и верха философии внешней достигшего. Прежде всего мы с ним перевели с латинского на славянский язык оглавление книгам Златоустовым, во-первых, для того, чтобы все знали, сколько переведено из них на славянский язык и какое множество еще не переведено; во-вторых, чтоб благоверные мужи возревновали по боге и перевели остальное; в-третьих, потому, что некоторые поэты и многие еретики приписали свои сочинения Златоустому, чтоб удобнее принимались ради его имени: так пусть реестр наш покажет, что принадлежит Златоусту и что нет. По рассмотрении этих глав, я хотел начать перевод посланий Апостола Павла, объясненных Златоустом, и искал мужей, хорошо владеющих славянским языком, но не мог найти. Кого нашел из монахов и мирских, те не хотели помочь мне: монахи отреклись, непохвально уничижая себя, не говорю — лицемерно или от лености; мирские не захотели, будучи объяты суетами мира сего и тернием подавляя семя благоверия. Я боялся, что в молодости не навык славянскому языку, потому что беспрестанно обращался в исполнении повелений царевых, в чину стратилатском, потом в синклитском, исправлял дела, иногда судебные, иногда советнические, часто и с воинством ополчался против врагов креста Христова. И сюда приехавши, принужден был королем к службе военной, а когда освободился от службы, ненавистные и лукавые соседи мешали мне заняться этим делом, желая отнять у меня имение, королем данное мне на пропитание, желая и крови моей насытиться. Несмотря на то, покусился я с означенным юношею Амвросием перевести некоторые из слов Златоустовых, до сих пор еще на славянский язык не переведенные». В предисловии к переводу своему книги Иоанна Дамаскина «Небеса» Курбский указывает на значение просвещения и вооружается против тех, которые в Московском государстве не понимали этого значения: «Да приемлем слова предобрейшие и, бога ради, не потакаем безумным, или, лучше сказать, лукавым прелестникам, выдающим себя за учителей. Я сам от них слыхал, еще будучи в Русской земле, под державою московского царя: прельщают они юношей трудолюбивых, желающих навыкнуть писанию, говоря им: не читайте книг многих, и указывают: вот этот от книг ум потерял, а вот этот в ересь впал. О беда! От чего бесы бегают и исчезают, чем еретики обличаются, а некоторые исправляются, это оружие они отнимают, и это врачевство смертоносным ядом называют!» В другом месте говорит: «У нас и десятой части книг учителей наших

старых не переведено, по лености, нерадению властителей наших, потому что нынешнего века мнимые учителя больше в болгарских баснях или в бабьих бреднях упражняются, читают их и хвалят, нежели великих учителей разумом наслаждаются: господи Христе боже наш! отвори нам мысленные очи и избави нас от таких» [53]. Наконец, чтоб дать опору православным в борьбе с католицизмом, Курбский написал историю Флорентийского собора.

Так действовал для поддержания веры предков в России Западной один из первых грамотеев земли Московской, ученик Максима Грека. Это почетное имя, имя ученика Максимова, принадлежит не одному Курбскому; оно встречается и при имени других писателей второй половины XVI века и всего лучше показывает нам значение знаменитого святогорского инока. Курбский в «Истории князя великого московского» говорит, что митрополит Даниил злою смертию уморил в своем доме преподобного Силвана, Максимова ученика, искусного в любомудрии внешнем и духовном. Этот Силван, сотрудник Максима в переводах, славился как грамматик; в одном сборнике XVII века находится следующее место: «Никому нельзя правильно писать, кто не знает грамматического устроения, ниже родов, ниже чисел, ниже падежей, ниже времен, ниже склонений, ниже окончательных букв по родам во всех падежах, более же в притяжательных именах, как говорит старец Селиван, ученик Максима Грека, преподобного старца» [54].

Третий ученик Максима Грека, Зиновий Отенский, знаменит был на Востоке тем же, чем Курбский на Западе, борьбою с новоявившимися ересями, именно с ересью Феодосия Косого. В начале книги, написанной для обличения этой ереси, Зиновий рассказывает, что однажды пришли к нему в монастырь три человека, двое монахов и один мирянин; на вопрос Зиновия, кто они и откуда, монахи отвечали, что они клирошане Старорусского Спасова монастыря, одного зовут Герасимом, а другого — Афанасием, мирянин же — иконописец художеством, а зовут его Феодором. «Бога ради,— говорили они Зиновию,— не отринь нас от себя, не скрой пользы, как спастись?» Зиновий отвечал: «Вы называете себя клирошанами, постоянно, следовательно, читаете св. писание, научающее, как спастись». Клирошане: «Книги писаны закрыто». Зиновий: «Открыто божественное евангелие и отческие слова всякому хотящему готовы к разумению». Клирошане: «Просвещенным открыто писание, а непросвещенным и очень закрыто». Зиновий: «Всякому и не книжному понятно божественное евангелие и отческие писания». Клирошане: «Есть теперь ученье, и это нынешнее учение хвалят многие, потому что открыто, а отческое ученье закрыто, и потому отческое учение читать не полезно; умоляем тебя: скажи нам ты истину и не отринь нас, бога ради». Зиновий: «Отческое ученье знаю хорошо и божественного Василия книгу постническую знаю, а нынешнего учения не ве-

даю, о котором вы говорите». Клирошане: «Бога ради, скажи нам истину: нынешнее учение как по-твоему? Божественно оно, от бога ли? Ведь хорошо нынешнее учение, потому что возбраняет последовать человеческим преданиям и повелевает последовать писанию, столповым книгам; бога ради, скажи нам истину; многими хвалится и принимается новое учение и многие его любят». Зиновий отвечал, что оценка новому учению готова уже из самого названия его: оно новое, следовательно, беззаконное, ибо апостол Павел сказал: «Аще и ангел с небеси благовестит вам паче еже прияти, анафема да будет». Да скажите, кто это новый учитель? Клирошане: «Новому учению учитель Феодосий, прозвищем Косой». Зиновий: «С самого начала, объявивши только имя учителя, уже вы показали развращенность ученья: косое может ли быть прямо? Но скажите, кто и откуда этот учитель?»

Клирошане рассказали судьбу Косого, потом изложили его учение. Тогда Зиновий приступил к опровержению этого учения. Мы оставим богословскую сторону опровержения, как нам не принадлежащую, и обратим внимание на научные средства, какими обладали самые грамотные люди того времени. Доказывая необходимость первой причины, Зиновий говорит: «Не было нигде писано, чтоб произошла когда птица не от яйца, или яйцо не произошло от птицы, кроме так называемого уединенного финика (феникса); также и рыба: нет рыбы не от икры, нет икры не от рыбы. Где же всему этому родоначальник? Скажет ли последователь самобытной ереси, что от воздуха родоначальники явились, потому что из воздушных туч некогда дождило жито, иногда пепел, иногда серебряные крохи, как в летописных книгах пишется, да и на нашей памяти однажды на безводной земле, после сильного дождя, были найдены рыбы мертвые: но не воздух родитель всему этому, а снизу облака почерпают с водою рыбу и потом с дождем испускают ее опять на землю: ни земля, ни воздух в 7074 [55] году не произвели от себя вновь никаких родоначальников, но воспитывают бывших уже». В книге Зиновия особенно важны для нас указания на связь новой ереси с старою, с ересью жидовствующих, на желание последователей Косого утвердиться на авторитете старца Вассиана (князя Патрикеева) и Максима Грека. Так, клирошане, между прочим, сказали Зиновию: «Монастыри, преступая заповедь нестяжания, имеют села. Об этом очень хорошо писал князь Вассиан, также и Максим Грек много говорил об этом, написал и разговор между любостяжателем и нестяжателем». Зиновий отвечал: «Города и веси ничем не отличаются от монастырей относительно исполнения заповедей господних: почему же Вассиан и Максим осуждают монастыри за преступление евангельских заповедей, а на города и села никакого зазора не положили? Каждая страна имеет свой обычай по климату своему (по особому ее строения чину солнечного ради обхожде-

ния и воздушного пошествия): как же можно все страны ввести в один обычай единого гражданства? Василий Великий говорит, что одежда и пища постников должна быть по обычаю каждой земли. Благоговейный Максим, кажется, забыл об этих словах Великого Василия! Я человек грубый, смысла премудрого Максима разуметь не могу, но думаю, что он писал произвольно (хотением своего помысла обносился). Русские монастыри осуждал он за любостяжание, а сам не мог, по примеру пророка Даниила и трех отроков, оставить великого князя трапезу; как монах законоположник нестяжанию в монастырях русских, но был сам из числа многостяжательных. И латинские, и русские монастыри одинаково милостынею питаются; различествуют только тем, что латинский монастырь каждую неделю два раза город проходит, собирая брашно и вино, а русские монастыри, один раз летом пришедши в деревню, данную им в милостыню, соберут плод, а остальное время года безмолвствуют в монастыре, прилежа посту и молитвам. Хотя и высоко любомудрствовал о нестяжании добрый Максим, однако неприлично ему было латинской области и ереси монастырь пред русскими монастырями возвышать. Не показал он, что́ нестяжание в какой-нибудь стране и что́ стяжание, потому что разные страны не одинакое устроение от бога имеют. Он писал только для укора, потому и не представил в пример египетских монастырей, которые просияли силами и знамениями, как небеса звездами, но представил в пример латинский монастырь; если б предложил в пример египетский монастырь, то известно, что египетская страна не похожа на русскую. Слезы навертываются на глазах, когда вспомнишь, как живут эти иноки, которых осуждают за то, что они владеют селами: кожа на руках у них растрескалась от работы, лица осунулись, волосы в беспорядке, ноги посинели и опухли; сборщики податей истязуют их немилосердно; денег у них столько, что у нищих, которые приходят к ним за милостынею, больше: у редкого можно найти пять или шесть сребреников. Пища их — хлеб овсяный невеяный, колосья ржаные толченые; питье — вода; горячее кушанье из капустного листа, у богатых — свекла и репа; сладкое кушанье — рябина и калина. А князь Вассиан как жил в Симонове? Не угодно ему было симоновских блюд кушать — хлеба ржаного, щей, свекольника, каши; молока промзглого и пива монастырского, очищающего желудок, не пил потому, что это кушанье и пиво с деревень шло, вместо этого он питался кушаньями, которые приносили ему со стола великокняжеского; пил же нестяжатель романею, бастро, мушкатель, рейнское вино».

Ненависть к обличителю первой ереси, Иосифу Волоцкому, отрыгнула у Феодосия Косого и его последователей; клирошане сказали Зиновию: «Косой говорит, что не подобает теперь после

седьмого собора писать книг, а Иосиф Волоцкий написал книги свои после седьмого собора законопреступно, и потому читать их не должно». Понятно, что Зиновию легко было отвечать на это, и, между прочим, он заметил: «Косой укоряет книгу Иосифову потому, что в ней, как в зеркале, ересь его обличается». Находим и еще очень важное указание на ересь жидовствующих и ее продолжение. Клирошане говорили: «Некоторые в символе говорят: жду воскресения мертвых, и Максим Грек так велел говорить, что *чаять* речь не тверда: чаем того, что будет или не будет, а чего ждем, то будет непременно». Зиновий отвечал им: «Максим Грек был очень учен, искусен и в переводе с греческого языка на латинский; когда он пришел из Святой Горы и великий князь Василий велел ему переводить Псалтырь толковую с греческого языка на русский, то он приискал толмачей латинских и перевел Псалтырь с греческого языка на латинский, а толмачи латинские переводили с латинского на русский, потому что Максим русский язык мало разумел. Но во времена великого князя Ивана и сына его Василия возникла ересь безбожная, и многие тогда вельможи и люди чиновные в эту ересь поползнулись. Великие князья суд на нечестие воздвигли, особенно великий князь Василий, и огнем хульников истребили; тогда многие вельможи, страха ради пред самодержцем, отверглись нечестия, только лицом, а не сердцем, они-то умыслили лукавство на святое исповедание веры, потрясли народную речь и ввели новое, говоря, что слова *чаю* смысла неопределенного, Максим принял это от вельмож. Я думаю, что и это лукавое умышление христоборцев или людей грубых смыслом — возводить в книжные речи от общих народных речей, тогда как, по-моему, приличнее книжными речами исправлять общенародные речи, а не книжные народными обесчещивать».

После полемических сочинений религиозного и политического содержания, в которых сказался бурный век Грозного, век движения, разного рода попыток и протестов, наше внимание останавливают два памятника, в которых общество старалось собрать свои нравственные средства и представило: в одном своде — правила житейской мудрости, в другом — сокровища церковных учений и образцы высшей духовной жизни; первый памятник — Домострой, второй — Макарьевские Минеи.

Неудивительно, что с Домостроем, собранием правил житейской мудрости, домашнего семейного благочиния, соединено имя Сильвестра, знаменитого руководителя нравственности молодого царя, устроителя благочиния в семействе царском. В Домострое [56] бесспорно принадлежит Сильвестру последняя глава, начинающаяся так: «Благословение от благовещенского попа Сильвестра возлюбленному моему единородному сыну Анфиму». Это поучение сыну, подкрепленное собственным примером, очень

напоминающее поучение Мономаха, легко может быть принято за совершенно отдельное сочинение, не имеющее никакой связи с собственно так называемым Домостроем и приложенное к последнему позднейшим составителем или переписчиком по сходству содержания. И потому сначала мы должны обратиться к собственно Сильвестрову поучению и потом к пространному Домострою, имеющему также для нас большую важность по изложению понятий и обычаев времени: «Сын мой! — говорит Сильвестр,— ты имеешь на себе и святительское благословение и жалование государя царя, государыни царицы, братьев царских и всех бояр, и с добрыми людьми водишься, и со многими иноземцами большая у тебя торговля и дружба; ты получил все доброе: так умей совершать о боге, как начато при нашем попечении. Имей веру в бога, все упование возлагай на господа, прибегай всегда с верою к божиим церквам: заутрени не просыпай, обедни не прогуливай, вечерни не пропивай; повечерницу, полунощницу и часы ты должен петь каждый день в своем доме; если возможно, по времени, прибавишь правила: это от тебя зависит: большую милость от бога получишь. В церкви и дома на молитве самому, жене, детям и домочадцам стоять со страхом, не разговаривать, не озираться; читать единогласно, чисто, не вдвое. Священнический и иноческий чин почитай; повинуйся отцу духовному, в дом свой призывай священников служить молебны. В церковь приходи с милостынею и с приношением. Церковников нищих, малолетних, бедных, скорбных, странствовавших призывай в дом свой, по силе накорми, напой, согрей, милостыню давай в дому, в торгу, на пути. Помни, сын, как мы жили: никогда никто не вышел из дому нашего тощ или скорбен. Имей любовь нелицемерную ко всем, не осуждай никого, не делай другому, чего сам не любишь, и больше всего храни чистоту телесную, да возненавидь хмельное питье; господа ради отвергни от себя пьянство: от него рождаются все злые обычаи; если от этого сохранит тебя господь, то все благое и полезное от бога получишь, от людей честен будешь и душе своей просвет сотворишь на всякие добрые дела. Жену люби и в законе с ней живи; что сам делаешь, тому же и жену учи: всякому страху божию, всякому знанию и промыслу, рукоделью и домашнему обиходу, всякому порядку (порядне). Умела бы сама и печь и варить, всякую домашнюю *порядню* знала б и всякое женское рукоделье; хмельного питья отнюдь бы не любила, да и дети и слуги у ней также бы его не любили; без рукоделья жена ни на минуту б не была, также и слуги. С гостями у себя и в гостях отнюдь бы не была пьяна, с гостями вела бы беседу о рукоделье, о домашнем порядке, о законной христианской жизни, а не пересмеивала бы, не переговаривала бы ни о ком; в гостях и дома песней бесовских и всякого срамословия ни себе, ни слугам не позволяла бы; волхвов, кудесников и никакого чарования не знала

бы. Если жена не слушается, всячески наказывай страхом, а не ненавайся; наказывай наедине, да, наказав, примолви, и жалуй, и люби ее. Также детей и домочадцев учи страху божию и всяким добрым делам. Домочадцев своих одевай и корми достаточно. Ты видел, как я жил в благоговении и страхе божии, в простоте сердца, в церковном прилежании, со страхом всегда пользуясь божественным писанием; ты видел, как я был от всех почитаем, всеми любим; всякому старался я угодить: ни перед кем не гордился, никому не прекословил, никого не осуждал, не просмеивал, не укорял, ни с кем не бранился; приходила от кого обида — терпел и на себя вину полагал; от того враги делались друзьями. Не пропускал я никогда церковного пения; нищего странного, скорбного никогда не презрел, заключенных в темницы, плененных, должных выкупал, голодных кормил; рабов своих всех освободил и наделил; и чужих рабов выкупал. И все эти рабы наши свободны, и добрыми домами живут и молят за нас бога, и добра хотят нам всегда. Теперь домочадцы наши все свободные, живут у нас по своей воле. Видел ты, сколько я сирот, и рабов, и убогих, мужеского пола и женского, в Новгороде и в Москве вскормил и воспоил до совершенного возраста, научил кто к чему был способен: многих грамоте, писать, петь; иных иконному писанию, других книжному рукоделию; одних серебряному мастерству, других другому какому-нибудь рукоделию, некоторых выучил торговать. Так же и мать твоя многих девиц, сирот и бедных воспитала, выучила и, наделив, замуж отдавала; а мужчин мы поженили у добрых людей. Многие из них в священническом и дьяконском чину, в дьяках, подьячих и во всяких чинах, кто чего дородился и в чем кому благоволил бог. Во всех этих наших вскормленниках и послужильцах ни сраму, ни убытка, никакой продажи от людей, ни людям от нас, ни тяжбы ни с кем не бывало; а от кого из них досада и убытки большие бывали, то все на себе понесено, никто того не слыхал, а нам то бог исполнил. И ты, сын, так же делай: на себе всякую обиду понеси и претерпи: бог сугубо исполнит. Гостей приезжих у себя корми; а на соседстве и с знакомыми любовно живи, о хлебе, о соли, о доброй сделке, о всякой ссуде. Поедешь куда в гости, поминки недорогие вези за любовь. А в пути от стола подавай домохозяевам и приходящим, сажай их с собою за стол и питейца также подавай; а маломочным милостыню давай. Если так будешь делать, то везде тебя ждут и встречают, в путь провожают, от всякого лиха берегут, на стану не подадут, на дороге не разобьют. Кормят вот для чего: доброго за добро, а лихого от лиха, чтоб на добро обратился. Во всем этом убытка нет: в добрых людях хлеб-соль заемное дело; и поминки тоже, а дружба вечная и слава добрая. На дороге, в пиру, в торговле отнюдь сам брани не начинай, а кто выбранит, терпи бога ради. Если людям твоим случится с кем-нибудь брань, то ты на

своих бранись, а будет дело кручиновато, то и ударь своего, хотя бы он и прав был: тем брань утолишь, также убытка и вражды не будет. Недруга напоить и накормить: то вместо вражды дружба. Вспомни великое божие милосердие к нам и заступление: от юности и до сего времени на поруку я не давал никого, ни меня никто не давал, на суде не бывал ни с кем. Видел ты сам: мастеров всяких было много, деньги я давал им на рукоделье вперед, много было из них смутьянов и бражников: но со всеми с теми в сорок лет расстался я без остуды, без пристава, безо всякой кручины. Все то мирено хлебом да солью, да питьем, да подачею, да своим терпением. А сам у кого что покупал, продавцу от меня милая ласка, без волокиты платеж, да еще хлеб и соль сверх. Отсюда дружба вовек: мимо меня не продаст, худого товара не даст. Кому что продавывал, все в любовь, не в обман: не понравится кому мой товар, назад возьму и деньги отдам; о купле и продаже ни с кем брани и тяжбы не бывало: оттого добрые люди во всем верили, иноземцы и здешние. Никому ни в чем не солгано, не манено, не пересрочено; ни кабалы, ни записи на себя ни в чем не давывал, ложь никому ни в чем не бывала. Видел ты сам, какие большие сплетки со многими людьми бывали, да все, дал бог, без вражды кончалось. А ведаешь и сам, что не богатством жито с добрыми людьми: правдою, да ласкою, да любовью, а не гордостию, и безо всякой лжи».

В этом наставлении, в этом указании на свой образ мыслей и жизни, Сильвестр обнаруживается перед нами вполне. Мы понимаем то впечатление, какое должен был производить на современников подобный человек: благочестивый, трезвый, кроткий, щедрый, ласковый, услужливый, превосходный господин, любивший устраивать судьбу своих домочадцев, человек, с которым было приятно и выгодно иметь дело,— вот Сильвестр! Таков именно долженствовал быть этот человек, иначе мы не поймем его нравственного влияния над молодым царем, не поймем того, как простой священник мог собрать около себя остатки боярства. Но спросят: как же при этой кротости, уклончивости Сильвестр успел раздражить против себя царя и царицу? Это объясняется очень легко из того же образа мыслей и действий, какой высказывается в Домострое: Сильвестр к Иоанну находился в отношении наставника, руководителя; здесь он считал своею обязанностию поступать строго, требовать буквального исполнения предписанного; мы видели, что Сильвестр предписывает сыну ударить домочадца, хотя бы и правого, лишь бы только предотвратить вражду и убыток; Иоанн был для Сильвестра свой, ученик, сын; как сам Сильвестр при столкновении с другими считал своею обязанностию уклоняться, уступать, предотвращая вражду, так требовал того же самого и от царя в столкновении последнего с боярами: отсюда объясняются нам жалобы Иоанна на это принесение в жертву его

выгод выгодам бояр; пользуясь своим нравственным влиянием, Сильвестр позабывал в Иоанне царя и видел в нем только молодого человека, обязанного быть кротким, терпеливым и послушным; в боярах видел он мужей совета и доблести; и вот когда молодой царь решался прекословить им, настаивать на своем мнении, как, например, относительно войны Ливонской, то Сильвестр смотрел на это как на грех и грозил молодому человеку небесною карою за своевольство.

Несмотря на то что наставление Сильвестра сыну носит, по-видимому, религиозный, христианский характер, нельзя не заметить, что цель его — научить житейской мудрости: кротость, терпение и другие христианские добродетели предписываются как средства для приобретения выгод житейских, для приобретения людской благосклонности; предписывается доброе дело и сейчас же выставляется на вид материальная польза от него; предписывая уступчивость, уклонение от вражды и основываясь при этом, по-видимому, на христианской заповеди, Сильвестр доходит до того, что предписывает человекоугодничество, столь противное христианству: «Ударь своего, хотя бы он и прав был, этим брань утолишь, убытка и вражды избудешь». Вот следствие того, что христианство понято не в духе, а в плоти! Сильвестр считает добрым делом освободить рабов, хвалится, что у него все домочадцы свободные, живут по своей воле, и в то же время считает позволительным бить домочадца, хотя бы он и справедлив был: хочет исполнить форму, а духа не понимает, не понимает, что христианство, учение божественное и вечное, не имеет дела с формами преходящими, действует на дух, на его очищение и посредством этого очищения действует уже и на улучшение форм.

Что смешение чистого с нечистым, смешение правил мудрости небесной с правилами мудрости житейской мало приносит и житейской пользы человеку, видно всего лучше из примера Сильвестра; он говорил сыну: «Подражай мне! Смотри, как я от всех почитаем, всеми любим, потому что всем уноровил». Но под конец вышло, что не всем уноровил, ибо всем уноровить дело невозможное; истинная мудрость велит работать одному господину. По всем вероятностям, и во время болезни царя Сильвестр хотел всем уноровить, вследствие чего уклонился, голоса его вначале не было слышно, а потом он хотел помирить князя Владимира с больным Иоанном, говорил присягнувшим боярам: «Зачем вы не пускаете князя Владимира к государю? Он государю добра хочет».

В пространном Домострое говорится об обязанностях к богу, духовным пастырям, ближнему вообще, к царю. Между предписаниями религиозными, общими всем временам, нас останавливают особенные, например: св. крест, образа, мощи целовать перекрестясь, дух в себе удержав, губ не разевая; зубами просвиры не кусать, как обыкновенный хлеб, но ломать маленькими кусочками

и класть в рот, есть губами и ртом не чавкать. Если с кем хочешь сотворить целование о Христе, также должен дух в себе удержать и губами не плюскать. «Порассуди человеческую немощь: нечувственного духа гнушаемся — чесночного, хмельного, больного и всякого смрада: коль мерзки пред господом наш смрад и обоняние».

Об обязанностях родителей к детям говорится так: «Иметь попечение отцу и матери о детях: снабдить их и воспитать в добром наказании; учить страху божию, приличному поведению *(вежеству)* и всякому благочинию; по времени, и по детям, и по возрасту смотря, учить рукоделию, кто чего достоин, кому какую способность *(просуг)* бог дал. Любить их и беречь и страхом спасать; уча и наказуя, и рассуждая раны возлагать. Казни сына своего от юности, и будет покоить тебя на старости; не ослабевай бия младенца; если жезлом бьешь его — не умрет, но здоров будет; бия его по телу, душу его избавляешь от смерти и проч. т. п. А у кого дочь родится, то рассудительные люди откладывают на нее от всякого прибытка: также полотна и прочее каждый год ей в особый сундук кладут, всего прибавляют постоянно понемножку, а не вдруг; дочери растут, страху божию и вежеству учатся, а приданое с ними прибывает, и как замуж сговорят, то все готово».

Относительно обязанностей детей к родителям не встречаем ничего особенного против общих нравственных правил. Обязанности замужней женщины Домострой определяет так: она ходит в церковь по возможности, по совету с мужем. Мужья должны учить жен своих с любовью и благорассудным наказанием. Если жена по мужнему научению не живет, то мужу надобно ее наказывать наедине и, наказав, пожаловать и примолвить: друг на друга не должны сердиться. Слуг и детей также, посмотря по вине, наказывать и раны возлагать, да, наказав, пожаловать, а хозяйке за слуг печаловаться: так слугам надежно. А только жены, сына или дочери слово или наказание неймет, то плетью постегать, а побить не перед людьми, наедине; а по уху, по лицу не бить, ни под сердце кулаком, ни пинком, ни посохом не колотить и ничем железным или деревянным. А если велика вина, то, сняв рубашку, плеткою вежливенько побить, за руки держа. Жены мужей своих спрашивают о всяком благочинии и во всем им покоряются. Вставши и помолившись, хозяйка должна указать служанкам дневную работу; всякое кушанье, мясное и рыбное, всякий приспех скоромный и постный и всякое рукодельe она должна сама уметь сделать, чтоб могла и служанку научить; если все знает мужним наказанием и грозою и своим добрым разумом, то все будет споро и всего будет много. Сама хозяйка отнюдь никогда не была бы без дела; тогда и служанкам, смотря на нее, повадно делать; муж ли придет, гостья ли придет — всегда б за руко-

делием сидела сама; то ей честь и слава и мужу похвала; никогда по должны слуги будить хозяйку, хозяйка должна будить слуг. С слугами хозяйка не должна говорить пустых речей и пересмешных; торговки, бездельные женки и волхвы чтоб к ней не приходили, потому что от них много зла делается. Всякий бы день жена у мужа спрашивалась и с ним советовалась о всяком обиходе; знаться должна только с теми, с кем муж велит; с гостями беседовать о рукоделье, о домашнем устройстве, примечать, где увидит что хорошее; чего не знает, спрашивать вежливо, кто что укажет — низко челом бить и, пришедши домой, все мужу сказать. С такими добрыми женщинами пригоже сходиться; не для еды, не для питья, а для доброй беседы и науки, внимать себе на пользу, а не пересмехать и никого не переговаривать; спросят о чем про кого другие, отвечать: не знаю, ничего не слыхала и сама о ненадобном не спрашиваю, о княгинях, боярынях и соседях не пересужаю. Отнюдь беречься от пьяного питья; должна пить бесхмельную брагу и квас и дома, и в людях, тайком от мужа ни есть, ни пить; чужого у себя не держать без мужня ведома: обо всем советоваться с мужем, а не с холопом и не с рабою. Безлепиц домашних мужу не доносить; в чем сама не может управиться, о том должна сказать мужу вправду.

Об отношениях к слугам Домострой говорит: «Господа должны людей своих жаловать, кормить, поить, одевать, в тепле держать во всяком покое и благоденствии; а если держать у себя людей не по силе, не по доходу, не довольствовать их едою, питьем и одеждою, или держать не рукодельных, которые сами ничего не умеют промыслить: таким слугам по неволе, со слезами, и лгать, и красть и развратничать, мужчинам разбивать и красть и в корчме пить. Таким безумным господам от бога грех и от людей посмех, а с соседями дурное житье. Слугам приказывай: о людях не переговаривать, где в людях были и что видели недобро — того дома не сказывали бы, а что дома делается, того в людях не пересказывали бы; помнили бы о том, зачем посланы, а о другом о чем станут спрашивать — не отвечать, поскорее отделавшись, домой идти; так между господами никакой ссоры не будет. Куда пошлют слугу в добрые люди, то он должен у ворот легонько поколотить; когда будет идти по двору и кто спросит: за каким делом идет? Отвечать: не к тебе я послан, к кому послан, с тем и буду говорить; должно сказать только от кого идешь; пусть скажут господину. У сеней, избы или кельи должно ноги грязные вытереть, нос высморкать, выкашляться, искусно молитву сотворить; если аминя не отдадут, то и в другой, и в третий раз молитву сотворить побольше первого раза; если и тут ответа не дадут, то легонько потолкаться; когда впустят, святым иконам поклониться и от господина челобитье и посылку править, и в это время носа не копать пальцем, не кашлять, не сморкать, не харкать,

не плевать, если же нужно, то, отшед в сторону, устроиться вежливенько, стоять и на сторону не смотреть, исправить что наказано, ни о чем другом не беседовать и скорее к себе идти. Где случится быть, при господине или без господина, никакой вещи не ворошить, не смотреть, ни с места не переложить, еды и питья не отведывать; что куда послано, того также не подсматривать и не отведывать».

Вот идеал семейной жизни, как он был создан древним русским обществом! Женщина поставлена здесь на видном месте; ее деятельность обширна, она — хозяйка, то есть раньше всех встает она, будит слуг и до ночи не перестает работать, указывает, распоряжается; минуты она не может быть праздна; муж должен каждый день ходить в церковь ко всем службам, жена — по возможности, сколько позволяли ей хозяйственные заботы. Женщина-мать не на первом плане; кратко, в общих выражениях, говорится, что она вместе с мужем должна воспитывать детей в страхе божием и благочестии, должна учить дочерей рукодельям; гораздо подробнее говорится, как со дня рождения дочери она должна копить ей приданое; материальные, хозяйственные заботы должны поглощать все существо женщины, начиная с двенадцатилетнего возраста, когда она могла по закону выходить замуж. Но вот она переступает порог дома, едет в гости; чего же требует от нее здесь Домострой? С гостями она должна беседовать о рукоделье и о домашнем строении: как порядок вести и какое рукодельице сделать. Необходимого для восстановления нравственных сил развлечения, перемены занятия, перемены предмета для разговора нет и быть не должно по общественным условиям. Домострой совершенно прав, предписывая женщине заниматься только хозяйством и говорить только о хозяйстве, ибо другого приличного для нее занятия, другого приличного для нее разговора нет: если она не будет говорить о хозяйстве, то она будет пересмехать, переговаривать; дома она должна постоянно сидеть за работою или распоряжаться работами других, развлечения, каким она может предаться,— все это развлечения постыдные, вредные: пустые, пересмешные разговоры с слугами, разговоры с торговками, женками бездельными, волхвами. Повторяю, что мы не имеем никакого права упрекать Домострой в жестокости к женщине; у него нет приличных, невинных удовольствий, которые бы он мог предложить ей, и потому он принужден отказать ей во всяком удовольствии, принужден требовать, чтоб она не имела минуты свободной, которая может породить в ней желание удовольствия неприличного или, что всего хуже, желания развеселить себя хмелем. Сколько женщин по доброй воле могло приближаться к идеалу, начертанному Домостроем; скольких надобно было заставлять приближаться к нему силою и скольких нельзя было заставить приблизиться к нему никакою силою; сколько женщин преда-

валось названным неприличным удовольствиям? — На этот вопрос мы отвечать не решимся.

Много глав посвящено в Домострое подробностям хозяйственным: как всякое платье кроить, остатки и обрезки беречь, всякую посуду и снасть ремесленную в порядке держать, чтоб все было свое, не нужно было идти ни за чем на чужой двор; как всякое платье носить бережно, как запас годовой и всякий товар покупать; покупать все, чему привоз, что дешево; как огород и сад водить и пр. т. п. В главе о том, как избу устроить хорошо и чисто, видим только перечисление посуды, которую должно держать в чистоте и порядке; предписывается мыть избу, стены, лавки, скамьи, пол, окна, двери; у нижнего крыльца класть сено для обтирания ног, перед дверями — рогожку или войлок. Об иконах говорится, что и должно ставить на стенах, устроив благолепно, со всяким украшением, светильниками и завесою.

Всякий день муж с женою, детьми и домочадцами пост па дому вечерню, повечерницу, полунощницу. После правила отнюдь не пить, не есть, не разговаривать; в полночь должно тайно вставать и со слезами богу молиться.

Когда предлагается трапеза, то вначале священники прославляют отца и сына и св. духа, потом богородицу, пречистый хлеб вынимают, по окончании стола пречистый хлеб воздвизают и, отпев *достойно*, едят и чашу пречистой пьют; а потом о здравии и за упокой. Когда перед тобой поставят пищу, то не смей хулить, а с благодарностию ешь. Очень любопытно наставление, как вести себя на свадьбе, показывающее нравы и обычаи времени: «Когда зван будешь на брак, то не упивайся до пьянства и не засиживайся поздно, потому что в пьянстве и долгом сиденье бывает брань, свара, бой, кровопролитие. Не говорю не пить вовсе, нет! Но говорю не упиваться; я дара божия не хулю, но хулю пьющих без воздержания».

Что касается знаменитого сборника, известного под именем Макарьевских Миней, то об нем всего лучше можно получить понятие из предисловия (летописца) самого составителя: «1553 года, месяца ноября, дал я эту святую великую книгу Минею Четию, месяц ноябрь и прочие 12 великих книг. В этих Четиих Минеях все книги чтомые собраны: св. евангелие — четыре евангелиста толковых, св. Апостол и все св. апостольские послания и деяния с толкованиями, и три великих псалтири разных толковников и Златоустовы книги, Златоструй и Маргарит, и Великий Златоуст, и Великий Василий и Григорий Богослов с толкованиями и великая книга Никонская с прочими посланиями его, и прочие все святые книги собраны и написаны в них пророческие и апостольские и отеческие и праздничные слова и похвальные слова и всех святых отец жития и мучения святых мученик и святых мучениц, жития и подвиги преподобных и богоносных отец и святых

жеп страдания и подвиги; и все святые патерики написаны, азбучные, иерусалимские, египетские, синайские, скитские, печерские и все святые книги собраны и написаны, которые в Русской земле находятся, и с новыми святыми чудотворцами. Написал я эти святые книги в Великом Новгороде, когда был там архиепископом, а писал и собирал их в одно место двенадцать лет многим имением и многими различными писарями, не щадя серебра и всяких почестей, особенно много трудов и подвигов подъял от исправления иностранных и древних речений, переводя их на русскую речь, и сколько нам бог даровал уразуметь, столько и смог я исправить».

До нас дошли и подробности, как трудился Макарий при составлении своих Миней; дошли имена грамотеев, которым он поручал написание житий святых: так, под 1537 годом летописец говорит, что приехал в Новгород из Москвы сын боярский, храбрый воин, Василий Михайлович Тучков, для сбора ратных людей; узнавши, что этот Тучков из детства навык св. писанию, Макарий начал благословлять его на духовное дело, чтоб написал житие Михаила Клопского, оно и прежде было написано, но очень просто, потому что тогда люди в Новгороде еще не были искусны в писании. По благословению же Макарпя, уже митрополита, инок Варлаам (в миру Василий) написал страдание пресвитера Исидора Нового и 72 русских людей, замученных немцами в Юрьеве Ливонском (Дерпте), в княжение Иоанна III, при митрополите Филиппе и новгородском владыке Ионе: Исидор был священником при церкви св. Николая и св. Георгия Каппадокийского в Юрьеве в Русском конце, возбудил против себя немцев обличениями их веры, был схвачен с своими прихожанами во время крестного хода на реку Омовжу в день Богоявления, заключен в темницу, на увещания принять латинство отвечал сильнейшими обличениями и утоплен в той же реке Омовже вместе с 72 русскими [57]. Тот же Василий (Варлаам) написал несколько житий других святых, в том числе и житие Евфросина Псковского, о котором уже выше было сказано. Летописец говорит, что в 1536 году, по приказанию владыки Макария, была переведена толковая Псалтирь с латинского языка на русский; перевел Димитрий Толмач в глубокой старости.

К описываемому времени относится составление Степенной книги — изложения церковных и гражданских событий русской истории с религиозной точки зрения. В описываемое время, как мы видели, явилась потребность писать украшенным языком; Макарий не был доволен древним житием св. Михаила Клопского, ибо оно было очень просто написано. Степенная книга представляет образец того слога, который считался красивым, например в похвале великому князю Василию: «Поистине убо царь нарицашеся, иже царствуяй над страстьми и сластем одолевати могий,

ике целомудрия венцом венчанный и порфирою правды облеченный. Таков убо бысть сей: истовый велеумный правитель, вседоблий наказатель, истинный кормчий, изящный предстатель, молитвенник крепок, чистоте рачитель, целомудрия образ, терпения столп, князем русским и болярам и прочим вельможам и всем людем о благочестии твердый поборник, архиереям и всему освященному собору благоразумный соглагольник, и проч.»

Составление летописей продолжалось по-прежнему: в дошедших до нас списках легко усмотреть два рода составления — правительственное и частное; что в описываемое время летописи составлялись правительственными лицами, под высшим надзором — в этом не может быть сомнения: в описи царского архива читаем: «Списки черные, писал память, что писати в Летописец лет новых, которые у Алексея (Адашева) взяты», или: «Ящик 224, а в нем списки, что писати в Летописец, лета новые прибраны от лета 7068 до лета 7074 и до 76» [58]. Но в то же время частными людьми составлялись в Москве и других городах другого рода летописи, в которых находим неодобрение казням и опричнине. В своем месте были приведены эти отзывы летописей, как видно, в Москве составленных. Псковский летописец очень сильно вооружается против московских распоряжений; говоря о переводе немцев из Юрьева в московские города, он прибавляет: «Свели их не ведаем за что, бог весть, изменивши прямое слово, которое воеводы дали им, как Юрьев отворили, что не выводить их из города». Псковский летописец так объясняет причину гнева Иоаннова на бояр: «Пришел царь и великий князь Иван Васильевич с великою опалою в Великий Новгород и многих нарочитых людей погубил, многое множество людей на правеже побито было, иноческого и священнического чина и монахинь; и была тута и скорбь в людях большая, святые обители и церкви божии и села запустели. Кроме того, царь велел править посоху под наряд и мосты мостить в Ливонскую землю, зелейную руду сбирать, и от этого налога и правежа все новгородцы и псковичи обнищали и в посоху пошли сами, а давать стало нечего, и там в чужой земле померли от голода и холода, от мостов и наряда; в Пскове байдаки и лодки большие посохой тянули под ливонские города и, потянувши немного, покинули по лесам, тут они сгнили, а людей погубили. Взяв 24 города у немцев, своих людей посадил с нарядом и запасами, запасы возили из дальних городов из замосковных, наполнил чужие города русскими людьми, а свои пусты положил. Когда царь возвратился в Русь, то немцы собрались из-за моря, да литва пришла из Польши и все эти города себе побрали, русских людей в них побили, а к царю прислали немца, лютого волхва, именем Елисея (Бомелия), и был он у него в приближеньи, любимцем. Навел Елисей на царя страхованье, стал тот бегать от нахождения неверных и совсем было отвел царя от веры: на русских лю-

дей царю свирепство внушил, а к немцам на любовь преложил. Безбожные немцы узнали по своим гаданиям, что быть им до конца разоренным: для этого они такого злого еретика и подослали к царю, потому что падки русские люди на волхвование. И наустил Елисей царя на убийство многих родов княжеских и боярских, напоследок и самому внушил бежать в Английскую землю и там жениться, а своих остальных бояр побить. Но Елисея не допустили до этого, самого смерти предали, да не до конца разорптся Русское царство и вера христианская. Такова была держава грозного царя Ивана Васильевича». Бомелий был медиком, родом голландец: и, по иностранным свидетельствам, это был негодяй, подучавший Иоанна на убийства и составлявший отравы, но потом обвиненный в сношениях с Баторием и сожженный всенародно в Москве [59].

В некоторых летописных сборниках наших попадается повесть о начале Царя-града и взятии его турками. Думают, что повесть эта неизвестного сочинителя могла быть принесена скоро после описываемого в пей события греками, которые начали приходить в Москву за милостынею. Но в естественной связи с нею помещается рассказ о распоряжениях султана Магомета, рассказ, помещаемый и отдельно и приписываемый Ивану Пересветову, о котором мы уже упоминали [60]. Рассказ этот имеет политическое значение и непосредственное отношение к обстоятельствам Иоаннова времени. Распоряжения Магомета II, почерпнувшего мудрость из христианских книг, представляются в образец: «Царь Магомет салтан велел со всего царства все доходы к себе в казну собирать и ни в одном городе вельможам своим наместничества не дал, чтоб они не прельщались судить неправедно, а давал им жалованье ежегодно из казны своей царской, кто чего достоин, и во все царство суд дал прямой». Следует описание жестокой казни судьям за неправду: с них живых сдирали кожу. «Магомет салтан так говорил: нельзя царю царство без грозы держать: царь Константин (Палеолог) дал волю вельможам, и бог разгневался на него, на вельмож его и на все царство за то, что они правдою гнушались. Магомет велел принести книги полные и докладные и сжечь их; постановил, что раб должен служить только семь лет, а если дорого куплен, то девять; царь Магомет выписал из христианских книг ту мудрость, что в котором царстве люди порабощены, в том царстве люди не храбры... Греки хвалятся государевым царством благоверного царя русского, другого христианского царства вольного и закона греческого нет; и в спорах с латинами греки на Русское царство указывают: если бы к той истинной вере христианской да правда турецкая была, то с русскими людьми ангелы беседовали бы».

Выше приведен был рассказ псковского летописца и свидетельства иностранцев-современников о лекаре Бомелии. По этому

поводу явилась повесть некоего боголюбивого мужа, что был царь православный, боголюбивый и милостивый, ходивший по заповедям божиим; но, по действу дьвольскому, явился при нем один из синклитов, чародей злой, который вошел к нему в милость и начал клеветать на людей неповинных; оскорбил царь неповинных различными печалями и сам от них печаль имел и страх. Но приспело время мести божией: встали окрестные города и попленили его земли, города разорили, людей поразили и до царствующего града дошли; царь, видя беду, покаялся и сжег чародея с товарищами его [61].

События царствования Грозного перешли и в народные предания: в древних русских стихотворениях встречаем песню о взятии Казанского царства; согласно с настоящим делом, и в песне говорится, что город взят был подкопом; говорится, что великий князь московский только по взятии Казанского царства воцарился и насел на Московское царство, что тогда только Москва основалась и с тех пор пошла великая слава: мы видели, что сам Иоанн одним из прав своих на царский титул считал покорение царства Казанского. В песне, как Ермак Сибирь взял, говорится, что три донских атамана собрались в устье Волги и старший из них, Ермак, говорил товарищам: «Не корыстна у нас шутка зашучена: гуляли мы по морю синему, убили мы посла персидского и как нам на то будет ответствовать! В Астрахани жить нельзя, на Волге жить — ворами слыть, на Яик идти — переход велик, в Казань идти — грозен царь стоит, в Москву идти — перехватанным быть: пойдемте мы в Усолья к Строгановым!» Песня разнится с летописью в том, что посылает самого Ермака в Москву бить челом царю Сибирью. В песне о Мастрюке Темрюковиче описывается борьба черкасского князя Мастрюка, шурина Грозного, с двумя московскими богатырями: последние остаются победителями. Как в этой песне, так и в песне об Ермаке, самым приближенным к царю лицом является большой боярин Никита Романович. Предания о грозном царствовании, богатом казнями, о любимом опричнике Малюте Скуратове, скором исполнителе кровавых приказаний, о ненависти Годуновых к Романовым, о сыноубийстве, за которым следовало горькое раскаяние убийцы,— все эти предания, перемешавшись, исказившись в памяти народной, отозвались в песне: «Никите Романовичу дано село Преображенское». Иоанн является в народной памяти грозным царем, покорителем Казани, Астрахани, Рязани, выводчиком измены из Киева и Новгорода. Любопытно видеть, как народные сказания и песни, искажая главные события, верно сохраняют некоторые мелкие черты. Известно, что Иоанн в припадке гнева, увидавши человека ему неугодного, вонзал ему в ногу острый жезл свой; так он поступил с слугою Курбского, подавшим ему письмо от своего господина. В песне Иоанн делает то же самое с Никитою Рома-

повичем, на которого Годуновы донесли, что он веселится во время скорби царя о потере сына. Мы упомянали о донском атамане Мишке Черкашенине[62], который был грозою для Азова; в песне сохранилось предание об этом польском (степном) атамане: «За Зарайском городом, за Рязанью за Старою, издалеча из чиста поля, из раздолья широкого, как бы гнедого тура привезли убитого, привезли убитого атамана польского, атамана польского, а по имени Михайла Черкашенина» [63].

Что касается вообще состояния просвещения в Московском государстве в царствование Грозного, то мы не могли не заметить усиленного литературного движения против прежнего. Движения, и политическое и религиозное, возбуждали умственную деятельность, вызывали на борьбу словом, к которой нельзя было приступить без приготовления, без начитанности; пример царя в словесной премудрости ритора и людей к нему близких не мог не иметь влияния; духовное оружие собиралось, складывалось в одно место, чтоб удобнее можно было им пользоваться; митрополит Макарий собрал все известные на Руси духовные книги в двенадцать громадных фолиантов; монастыри продолжали собирать книги, а какую важность придавали они своим библиотекам, видно из того, что при них были особые книгохранители; в Иосифовом Волоколамском монастыре было более 1000 книг. Несмотря, однако, на усиление литературной деятельности, на распространение грамотности, общество, уважая грамотность, было еще далеко до убеждения в необходимости ее даже для членов своих, занимавших первые места в государстве; если в боярине князе Курбском видим замечательного по тогдашним средствам писателя, то к соборной грамоте 1566 года двое вельмож, Иван Шереметев Меньшой и Иван Чеботов, рук не приложили, потому что грамоте не умели. В поручной записи по боярине Иване Петровиче Яковлеве находим приписъ: «Которые князья и дети боярские в сей записи написаны, а у записи рук их нет: и те князья и дети боярские, ставши перед дьяком, сказали, что они Ивана Петровича ручали, а у записи рук их нет, потому что они грамоте не умеют». Были и такие, которые отвращали молодых людей от ученья, стращая их помешательством ума и ересями. В Домострое не видим увещания отцам учить детей грамоте, которая признается необходимостию только для духовного сословия и людей приказных. Мы видели, какие средства для распространения грамотности в Московском государстве употребил собор 1557 года. В житии св. Гурия казанского говорится, что господин посадил его в темницу; друг приносил ему сюда бумаги и чернил, и святой писал книжицы в научение детям, продавал их и вырученные деньги раздавал нищим. В Западной России были школы при церквах. В 1572 году Димитрий Митурич просил у князя Константина Острожского участка пустой земли, с тем чтоб не

нести с нее никаких повинностей, а только служить при церкви, держать школу и быть уставщиком. Поссевин пишет, что князья Острожский и Слуцкий имеют типографии и школы, которыми низма питается [64].

К царствованию Иоанна IV относится и введение того могущественного средства, которое окрылило мысль человеческую — введение книгопечатания. Еще в XV веке появилось книгопечатание в славянских странах: именно в Кракове с 1491 года; с 1525 года видим книгопечатание и в Вильне. Царь Иоанн в 1548 году между другими мастерами выписал из Германии и типографов; но их не пропустили в Россию. В 1552 году датский король Христиан III присылал в Москву Ганса Миссенгейма с предложением царю принять протестантизм; Миссенгейм привозил с собою библию и две другие книги, в которых содержалась сущность христианской веры по новому учению. Если бы царь согласился на предложение королевское, то Миссенгейм, переведя привезенные им книги на русский язык, должен был напечатать их в нескольких тысячах экземпляров. Неизвестно, как принят был Миссенгейм Иоанном; невероятно, чтоб царь поручил устроение типографии человеку, присланному явно с целию распространения протестантизма. По русским известиям, царь, нуждаясь в церковных книгах для вновь строящихся многих церквей, велел скупать их на торгах, но оказалось очень мало исправных; это привело Иоанна к мысли о необходимости книгопечатания; митрополит Макарий одобрил эту мысль, и с 1553 года приступили к делу, построили дом царскою казною, в котором только с 1563 года начали заниматься книгопечатанием два мастера — дьякон от Николы Гостунского Иван Федоров да Петр Тимофеев Мстиславец; кроме них мы уже прежде встречали имя мастера печатных книг Маруши Нефедьева под 1556 годом. 1 марта 1564 года окончено было печатание первой книги — Деяний апостольских и соборных посланий с посланиями апостола Павла. В XVII веке ходили слухи, что эти первые мастера печатного дела научились своему искусству у немцев; некоторые же говорили, что сначала русские мастера печатали книги малыми и неискусными начертаниями, а после выучились печатать лучше у немцев (у фрягов).

Хотя книгопечатание было заведено с целью прекратить порчу книг, однако при тогдашнем состоянии просвещения не было средств поверить славянского текста греческим и из славянских текстов выбрать лучший. Доказательством отсутствия просвещения служит то, что издатели текст Нового Завета называют текстом 70 толковников! Правописание в первой печатной нашей книге очень плохое, но внешность, по времени, очень удовлетворительна. Первые мастера, напечатавши в 1565 году Часовник, принуждены были бежать из Москвы за границу, обвиненные в ереси; они

сами потом объясняли это гонение завистию многих начальников, священноначальников и учителей, которые на них многие ереси умышляли, желая благое претворить во зло, не потому, чтобы навыкали грамматической хитрости или были исполнены духовного разума, но так, понапрасну злое слово пронесли. Есть известие, что типографский дом был сожжен неблагонамеренными людьми. В 1568 году была напечатана Андроником Невежею псалтирь в Москве, в 1578 она же напечатана в Александровской слободе; но в известии XVII века о книгопечатном деле говорится, что Андроник Невежа с товарищами печатал часовники и псалтири, апостолы и евангелия, триоди, октоих и прочие божественные книги. Московские изгнанники Иван Федоров и Петр Тимофеев, удалившись в Литву, напечатали там много книг: оба трудились в Заблудове, у гетмана Ходкевича; потом Иван Федоров печатал во Львове, Петр Тимофеев — в Вильне, наконец, Иван Федоров перешел в Острог к князю Константину и в 1581 году напечатал там целую славянскую библию. Хотя к этому важному изданию приступлено было, по-видимому, с достаточным приготовлением, однако острожская библия заключает в себе важные ошибки; князь Константин жалуется, что у него было мало помощников, а один из этих немногих помощников сознается, что никогда не видел училища.

Первая книга — Апостол, была напечатана на плотной голландской бумаге. Летописцы оставили нам известия о дороговизне бумаги, что, разумеется, должно было их занимать: так, в новгородской летописи под 1545 годом находим известие: в этом году была бумага дорога, десть два алтына книжная; год 1555: бумага дорога была, лист полденьги писчей.

Считаем приличным окончить обзор внутреннего состояния русского общества при Иоанне IV словами одного наблюдательного иностранца: «Что будет из русских людей, если они к способностям переносить суровую жизнь и довольствоваться малым присоединят еще искусство воинское? Если бы они сознавали свою силу, то никто не мог бы соперничать с ними и соседи не имели бы от них покою» [65]. Иностранцы смотрели односторонне: им все казалось, что наука увеличит только материальные средства русских людей, которые употребят эти средства против соседей. Наука дает сознание не одних материальных, но и нравственных сил, дает народу средства умерять силы материальные, направлять их ко благу своему и ко благу других народов.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА

Положение царского дома.— Будущие династии.— Смуты при утверждении Феодора на престоле.— Царское венчание Феодора.— Смерть боярина Никиты Романовича; Годунов и его борьба с Шуйскими.— Образ царя и правителя

Иоанн Грозный, собственно говоря, был последний московский государь из Рюриковской династии. Собирание земли, уничтожение прежних родовых отношений между князьями и коренившегося на этих отношениях положения дружины не обошлись без насильственных, кровавых явлений, которые, усиливаясь все более и более, под конец достигли страшных размеров и принесли свои плоды: боковые линии в потомстве Василия Темного пресеклись: князья этих линий перемерли беспотомственно в темницах или погибли насильственною смертию; наконец, вследствие страшной привычки давать волю гневу и рукам, Грозный поразил смертельно старшего сына, поразивши, как говорят, и внука в утробе материнской. Отчаяние сыноубийцы должно было увеличиваться сознанием того положения, в каком он оставлял свое потомство: младший сын Феодор был не способен к правлению; потом родился у Иоанна от пятой жены еще сын, Димитрий; но этот при смерти отца был еще в пеленках.

Таким образом, и по смерти Грозного государство находилось в таком же положении, как и по смерти отца его: хотя сын Грозного, Феодор, вступил на престол и возрастным, но был младенец по способностям, следовательно, нужна была опека, регентство и открывалось поприще для борьбы за это регентство. Но так как младенчество Феодора было постоянно и он умер, не оставя кровных наследников, то борьба бояр за регентство в его царствование получает уже новое значение: здесь должны были выставиться не могущественнейшие только роды боярские, но будущие династии: две из них погибли в борьбе, в бурях Смутного времени, третья утвердилась на престоле Рюриковичей.

Из князей Гедиминовичей большим почетом пользовалась фамилия князей Мстиславских; при смерти Иоанна князь Иван Федорович Мстиславский занимал первое место между боярами,

но члены этой фамилии не отличались никогда значительными способностями, энергиею; гораздо виднее в этом отношении была младшая линия знаменитого Патрикеевского рода, линия князей Голицыных, и представитель ее, князь Василий Васильевич, является искателем престола в Смутное время.

Князей — потомков Рюрика было много, и южных и северных, и племени Святослава Черниговского, и племени Всеволода III Суздальского, но князья эти в борьбе с младшею линиею Невского, с князьями московскими, потеряли свое значение: отношения родственные, происхождение от одного родоначальника, были забыты, когда эти князья назвались холопями государей московских; сами князья хорошо помнили свое прежнее значение, но народ забыл об нем: мы видели, как слаба была связь этих князей с областями, которыми прежде владели их предки, и как Иоанн Грозный отобранием в казну и переменою вотчин старался окончательно порвать всякую связь; притом и название *князь* не напоминало более народу о происхождении от древних властителей России, ибо подле Рюриковичей с этим же титулом явились и Гедиминовичи литовские, и выходцы из Орды и с Кавказа.

Между князьями Рюриковичами по-прежнему первое место по родовым преданиям, по энергии и выдающимся достоинствам своих членов занимала фамилия Шуйских. Опала, постигшая эту фамилию при совершеннолетии Иоанна, не могла сломить ее: князь Петр Шуйский, как полководец, является на самом видном месте и хотя погиб без славы во второй Оршинской битве, но защита Пскова, в которой прославился сын его, князь Иван Петрович, восстановила с лихвою славу фамилии. Известно, как дорог бывает для народа один успех среди многих неудач, как дорог бывает для народа человек, совершивший славный подвиг, поддержавший честь народную в то время, когда другие теряли ее; неудивительно потому встречать нам известие, что князь Иван Петрович Шуйский пользовался особенным расположением горожан московских, купцов и черных людей.

Но подле княжеских фамилий Рюриковских и Гедиминовских являются две боярские московские фамилии, приблизившиеся к престолу посредством родства с царями, фамилии Романовых-Юрьевых и Годуновых. Конечно, ни потомки удельных, представители отжившей старины, ни литовские выходцы не имели такого исторического права наследовать собирателям земли, государям московским, как представители древнего, истого московского боярства, которое так усердно послужило собирателям земли при их деле. Ни одна из этих старых, истых боярских, фамилий так устойчиво не удерживала за собою видного места, так неуклонно не присутствовала при деле государственного созидания, совершаемого Москвою, как фамилия Романовых-Юрьевых [66]. Менее значительна была фамилия Годуновых: Борис Федорович Годунов при-

близился к царю Иоанну посредством брака своего на дочери любимца царского, известного опричника Малюты Скуратова-Бельского; потом Годунов еще более приблизился к царскому семейству через брак сестры его Ирины с царевичем Феодором; личные достоинства давали Борису средства сохранить и усилить значение, приобретенное им посредством этих связей. Источники говорят согласно, что умирающий Иоанн поручил сыновей своих, Феодора и Димитрия, некоторым из самых приближенных вельмож; но источники сильно разногласят относительно имен и числа этих вельмож. Одни называют только двух старших членов Думы: князя Ивана Федоровича Мстиславского и Никиту Романовича Юрьева; другие называют Никиту Романовича и князя Ивана Петровича Шуйского; по некоторым, Иоанн приказал Феодора Шуйскому, Мстиславскому и Никите Романовичу; иные упоминают неопределенно о четырех главных советниках, а иные, наконец, о пяти, прибавляя к трем означенным лицам еще двух — Богдана Бельского и Бориса Годунова. Сначала из этих вельмож самым сильным влиянием пользовался дядя царский, Никита Романович [67], но уже от августа 1584 года мы имеем известие о тяжкой болезни этого боярина [68].

Феодор утвердился на престоле не без смут: как по смерти великого князя Василия началась немедленно смута по поводу удельного князя, так и теперь смута началась также по поводу удельного князя, брата Феодорова, Димитрия, хотя этот удельный и был младенец. Как видно, смута началась еще при жизни Иоанна, потому что в первую же ночь по его смерти, 18 марта, приверженные к Феодору вельможи обвинили в измене Нагих, родственников Димитрия по матери, велели их схватить, держать под стражею, схватили и многих других, которых жаловал покойный царь, и разослали по городам, иных по темницам, других за приставами; домы их разорили, поместья и отчины роздали в раздачу [69]. Волновались вельможи и горожане; для охранения порядка отряды войска ходили по улицам и пушки стояли на площадях. Потом Димитрий с матерью, отцом ее и родственниками, Нагими, отослан был в свой удел — Углич [70]. Иностранцы пишут, что главным заводчиком смуты в пользу Димитрия был Богдан Бельский, человек славившийся умом, досужеством ко всяким делам, беспокойный, честолюбивый, склонный к крамолам. По отъезде Димитрия в Углич Бельский остался в Москве и продолжал крамолы, вследствие чего противные ему бояре с народом осадили его в Кремле и принудили к сдаче. Русские летописцы также говорят о восстании московского народа против Бельского. По их словам, в народе разнесся слух, что Бельский с своими советниками извел царя Иоанна, а теперь хочет побить бояр, хочет искать смерти царю Феодору, после которого быть ему самому на царстве Московском. Чернь взволновалась, возмутила и ратных людей,

пришли с великою силою и оружием к городу, и едва успели затворить от них Кремль. К черни пристали рязанцы — Ляпуновы, Кикины и другие городовые дети боярские, оборотили пушку к Фроловским (Спасским) воротам и хотели выбить их вон. Тогда царь Феодор выслал к народу бояр князя Ивана Федоровича Мстиславского, Никиту Романовича Юрьева и двоих дьяков, братьев Щелкаловых, велел уговаривать народ милостиво, что возмутил его кто-нибудь не по делу, хотя пролития крови христианской, и расспросить, что их приход в город и на кого? На этот вопрос в народе раздался крик: «Выдай нам Богдана Бельского: он хочет извести царский корень и боярские роды». Тогда царь велел объявить народу, что Богдана Бельского он велел сослать в Нижний Новгород; и народ, слыша слова государевы и видя всех бояр, разошелся по домам [71]. По другим известиям [72], в народе ходили слухи, что Бельский прочит царство Московское советнику своему Борису Годунову и что заводчиками Смуты были рязанцы Ляпуновы и Кикины, по внушению князей Шуйских. Наконец, по одному известию, поводом к Смуте было следующее обстоятельство: между боярами были две стороны: к одной принадлежали: князь Мстиславский, Шуйский, Голицын, Романов, Шереметев, Головин; к другой — Годуновы, Трубецкие, Щелкалов (?); Богдан Бельский хотел быть больше казначея, Петра Головина, и за Петра стал князь Мстиславский, а за Богдана — Годунов; Бельского хотели убить до смерти, и едва ушел он к царице; в это время один сын боярский выехал из Кремля на торг, начал скакать и кричать, что бояр Годуновых побивают до смерти; народ взволновался и двинулся к Кремлю; увидевши, что Кремль заперт, всколебался еще сильнее и стал придвигать пушки к воротам; тогда бояре помирились, выехали и уговорили народ разойтись. По некоторым известиям, в этом деле было убито 20 человек и около 100 ранено [73].

Как бы то ни было, верно одно, что приверженцы Феодора опасались неприязненных движений со стороны приверженцев Димитрия, что Богдан Бельский своими честолюбивыми стремлениями возбудил против себя сильную ненависть многочисленной и могущественной стороны в Думе и должен был ей уступить вследствие случайного или подготовленного его врагами мятежа народного. Летописец говорит, что Борис Годунов, мстя за приход на Богдана Бельского, велел схватить и разослать по городам и темницам дворян Ляпуновых, Кикиных и других детей боярских, также многих посадских людей; но мы знаем, как летописцы любили приписывать Годунову всякий насильственный поступок: они приписывают ему же и отдачу под стражу Нагих тотчас по смерти царя Иоанна; мы знаем также, что в это время он вовсе не имел того могущества, которым обладал после.

По словам летописца, пришли изо всех городов в Москву име-

нитые люди и молили со слезами царевича Феодора, чтоб был на Московском государстве царем и венчался царским венцом. Это известие очень любопытно: зачем явились именитые люди из городов в Москву? Был ли обычай прежде, что именитые люди из городов являлись в Москву поздравлять нового государя, и теперь они, устрашенные смутами, умоляют Феодора поскорее [74] принять царский венец? Или положение дел было так смутно и опасно, или действительно рождался вопрос, кому быть царем — возрастному, но неспособному Феодору или младенцу Димитрию — и было так много людей на стороне последнего, что Дума сочла за нужное вызвать именитых людей из городов? Англичанин Горсей, бывший в это время в Москве, говорит о соборе, бывшем 4 мая, на котором присутствовали митрополит, архиепископы, епископы, игумены и все дворянство [75].

В 1584 году 31 мая Феодор венчался на царство по прежним обычаям [76]; митрополит Дионисий говорил поучение, увещевал царя иметь веру ко святым церквам и честным монастырям, ему, митрополиту, и всем своим богомольцам повиноваться, ибо честь, воздающаяся святителю, к самому Христу восходит; братью свою по плоти любить и почитать; бояр и вельмож жаловать и беречь, по их отечеству, и ко всем князьям и княжатам, к детям боярским и ко всему воинству быть приступну, милостиву и приветну; всех православных христиан блюсти, жаловать и попечение о них иметь от всего сердца, за обидимых стоять царски и мужески, не давать обижать ни по суду и не по правде; языка льстивого и слуха суетного не принимать, оболгателя не слушать и злым людям веры не давать; быть любомудру или мудрым последовать, потому что на них, как на престоле, бог почивает: раздавать сапы безвозмездно, ибо купивший власть мздоимцем бывает, и проч.

В 1586 году в апреле умер боярин Никита Романович [77], и на его место, по словам летописей, стал правителем брат царицы, Борис Годунов, хотя, как видно и прежде, при жизни Никиты Романовича, особенно пользуясь болезнию последнего, Борис не упускал случаев все более и более усиливать свое влияние на царя посредством сестры; Ирина же, как говорят современные свидетельства, была способна сама иметь влияние и проводить влияние брата [78]. Но понятно, что утверждение на месте правителя не могло обойтись для Годунова без борьбы с людьми, которые считали за собою большие права на занятие этого места. Была вражда между боярами, говорят летописцы; разделились они на две стороны: на одной — Борис Годунов с дядьями и братьями, с некоторыми князьями, боярами, дьяками, духовными и многими служилыми людьми; на другой стороне — князь Иван Федорович Мстиславский, а с ним Шуйские, Воротынские, Головины, Колычевы и другие служилые люди, и чернь московская. Говорят,

что сначала Годунов привлек на свою сторону князя Мстиславского, так что тот назвал его себе сыном, но потом Шуйские, Воротынские, Голицыны, другие бояре, служилые люди и чернь московская стали уговаривать Мстиславского, чтоб он, соединясь с ними, извел Бориса. Мстиславский долго отказывался, но потом согласился: положили убить Годунова на пиру в доме Мстиславского. Известие вероятное: мы знаем, как действовали Шуйские в малолетство Иоанна, а потом в грозное царствование от насильственных, кровавых поступков некогда было отвыкнуть; родовой характер, т. е. родовая бесхарактерность Мстиславских, изображен также верно: сперва князь Иван отказывается, а потом соглашается на убийство названного сына. Как бы то ни было, свидетельства согласны, что на этот раз борьба с Годуновым велась во имя первенствующего боярина, князя Мстиславского, и Годунов, соединясь с дьяками Щелкаловыми, назвавши их себе отцами, осилил противников [79]: князь Иван Мстиславский был схвачен и пострижен в Кириллове монастыре; Воротынских, Головиных и многих других схватили и разослали по городам, некоторых заключили в темницы; один из Головиных, Михайла, услыхав об опале родичей, ушел из своей медынской отчины в Литву к Баторию.

Но Шуйские, искусно действуя через других, остались нетронутыми. Годунов с своими советниками держал на них большой гнев; они с своей стороны ему противились и ни в чем не поддавались; гости все и московские торговые черные люди стояли за Шуйских и, говорят, хотели побить Годунова камнями, что заставило его искать мира с Шуйскими. Митрополит Дионисий хотел быть посредником: он позвал и Годунова, и Шуйских к себе, умолял помириться, и они послушались его увещаний. Но в то время, как бояре были у митрополита, у Грановитой палаты собралась толпа торговых людей; князь Иван Петрович Шуйский, вышедши от митрополита, подошел к купцам и объявил им, что они, Шуйские, с Борисом Федоровичем помирились; тут из толпы выступили два купца и сказали ему: «Помирились вы нашими головами: и вам от Бориса пропасть, да и нам погибнуть». В ту же ночь эти два купца были схвачены и сосланы неведомо куда. Любопытно это сильное участие торговых людей московских в борьбе Шуйских с Годуновым; мы не можем не видеть здесь следствия поступков Грозного, который, враждуя к боярам, поднял значение горожан московских, призывая их на собор, обращаясь к ним с жалобою на бояр по отъезде в Александровскую слободу. Понятно, что поступок Годунова с купцами не мог поддержать мира между ним и Шуйскими. Последние придумали самое удобное средство — сломить в корню могущество Годунова, убедивши Феодора развестись по примеру деда с неплодною Ириною и вступить в новый брак; князь Иван Петрович Шуйский и другие бояре, гости

московские и все люди купеческие согласились и утвердились рукописанием бить челом государю о разводе. Митрополит, которого голос больше всех имел значения в этом деле, также был согласен действовать заодно с ними. Но Годунов узнал о замысле врагов и постарался уговорить Дионисия не начинать дела. Между прочим, говорят, Борис представлял митрополиту, что и лучше, если у Феодора не будет детей, ибо в противном случае произойдет междоусобие между ними и дядею их, Димитрием Углицким. Естественно, что, отклонивши эту беду, Годунов не мог долго оставлять в покое Шуйских, давать им время еще что-нибудь придумать против него; естественно, что и Шуйские также не могли долго оставаться в покое. Летописцы говорят, что Борис не умягчил своего сердца на Шуйских и научил людей их, Феодора Старого с товарищами, обвинить господ своих в измене. Вследствие этого в 1587 году Шуйских перехватали; князя Ивана Петровича схватили на дороге, когда он ехал в свою суздальскую вотчину; вместе с Шуйскими схватили друзей их, князей Татевых, Урусовых, Колычевых, Бакасывых и других; людей их пытали разными пытками и много крови пролили; пытали крепкими пытками и гостей московских, Феодора Нагая с товарищами, и на пытках они ничего не сказали. По окончании следствия князя Ивана Петровича Шуйского сослали в отчину его, село Лопатничи, с приставом, из Лопатнич отправили на Белоозеро и там удавили; князя Андрея Ивановича Шуйского сослали в село Воскресенское, оттуда — в Каргополь и там удавили; князя Ивана Татева сослали в Астрахань, Крюка-Колычева — в Нижний Новгород, в тюрьму каменную, Быкасовых и других знатных людей разослали по городам, а гостям московским, Феодору Нагаю с шестью товарищами, в Москве на Пожаре отсекли головы, других торговых людей заключили в тюрьмы, некоторых разослали по городам на житье. Не знаем, верить ли безусловно показанию летописца об участи двоих князей Шуйских, Ивана и Андрея? Действительно ли они были удавлены и именно по приказанию Годунова? Или это был только слух? Дело Романовых научает нас осторожности. Любопытно, как само правительство, т. е. Годунов с своею стороною, старалось представить это дело правительствам иностранным. В наказах послам, отправлявшимся в Литву, находим: спросят, за что на Шуйских государь опалу положил? И за что казнили земских посадских людей, отвечать: государь князя Ивана Петровича за его службу пожаловал своим великим жалованьем, дал в кормленье Псков и с пригородами, с тамгою и кабалами, чего ни одному боярину не давал государь. Братья его, князь Андрей и другие братья, стали пред государем измену делать, неправду, на всякое лихо умышлять с торговыми мужиками, а князь Иван Петрович им потакал, к ним пристал и неправды многие показал пред государем. То не диво в государстве

добрых жаловать, а лихих казнить. Государь наш милостив: как сел после отца на своих государствах, ко всем людям свое милосердие и жалованье великое показал; а мужики, надеясь на государскую милость, заворовали было, не в свое дело вступились, к бездельникам пристали; государь велел об этом сыскать и, которые мужики воры такое безделье учинили, тех пять, или шесть, человек государь велел казнить; а Шуйского князя Андрея сослал в деревню за то, что к бездельникам приставал, а опалы на него никакой не положил; братья же князя Андрея, князь Василий, князь Димитрий, князь Александр и князь Иван, в Москве; а князь Василий Федорович Скопин-Шуйский, тот был на жалованье на Каргополе, и теперь, думаем, в Москве; боярин князь Иван Петрович поехал к себе в отчину новую, в государево данье, на Кинешму: город у него большой на Волге, государь ему пожаловал за псковскую осаду; а мужики, все посадские люди теперь по-старому живут. Если спросят: зачем же в Кремле-городе в осаде сидели и стражу крепкую поставили? — отвечать: этого не было, это сказал какой-нибудь бездельник: от кого, от мужиков в осаде сидеть? А сторожа в городе и по воротам не новость — так издавна ведется: сторожа по воротам, и дети боярские прикащики живут для всякого береженья [80].

Лилась кровь на пытках, на плахе; лилась кровь в усобице боярской; и вот митрополит Дионисий вспомнил свою обязанность печалования: видя многое убийство и кровопролитие неповинное, он вместе с крутицким архиепископом Варлаамом начал говорить царю о многих неправдах Годунова. Но какое действие могли произвести слова архиереев на ребенка, привязанного к своей няньке? Годунов оболгал царю архиереев, говорит летописец: Дионисий и Варлаам были свергнуты и заточены в новгородские монастыри; в митрополиты возведен был Иов, архиепископ ростовский, человек, вполне преданный Годунову.

О митрополите Дионисии существует мнение, что он, будучи честолюбив, умен, сладкоречив, действовал против Годунова в союзе с Шуйскими вследствие оскорбленного честолюбия, вследствие того, что Годунов мешал его влиянию на набожного царя [81]. Дионисий мог быть умен и сладкоречив; во многих хронографах он называется *мудрым грамматиком*, но, чтобы он действовал против Годунова из честолюбия, на это нет никаких современных свидетельств. Дионисий является вначале миротворцем между Годуновым и Шуйским; потом, когда тотчас же после примирения Годунов опять начал вражду, сославши неизвестно куда двоих приверженцев Шуйского, митрополит соединяется с последним, но позволяет уговорить себя Борису не начинать дело о разводе, ибо это дело долженствовало быть очень тяжело для совести святителя; Дионисий не мог не помнить, каким нареканиям подвергался митрополит Даниил за развод великого князя Василия.

Наконец, когда, по прямому свидетельству летописца, Годунов, преследуя Шуйских, пролил много крови неповинной, Дионисий является явным обличителем неправд его пред царем и страдает за это. Душа человеческая темна; Дионисий мог действовать по разным побуждениям; но мы считаем непозволительным для историка приписывать историческому лицу побуждения именно нравственные, когда на это нет никаких доказательств.

Годунов освободился от всех соперников; после падения Шуйских и свержения Дионисия с Варлаамом никто уже не осмеливался восставать против всемогущего правителя, который был признан таковым и внутри и вне государства. Годунов величался конюшим и ближним великим боярином, наместником царств Казанского и Астраханского; правительствам иностранным давалось знать, что если они хотят получить желаемое от московского правительства, то должны обращаться к шурину царскому, которого просьбы у царя без исполнения не бывают; правительства иностранные поняли это, и мы видим, что Годунов переписывается и передаривается с императором, королевою английскою, с ханом крымским, с великим визирем турецким, принимает у себя послов. По известиям иностранцев, бывших в Москве, Борис был правителем государства по имени и царем по власти; ежегодный доход его вместе с жалованьем простирался до 93 700 рубл. и больше; он получал доходы с области Важской, с Рязани и страны Северской, с Твери и Торжка, с бань и купален московских, с пчельников и лугов по обоим берегам Москвы-реки на 30 верст вверх и на 40 вниз по течению; говорят, что Годунов и его родственники могли выставлять с своих имений в 40 дней 100 000 вооруженных людей.

Мы видели, как Борис достиг значения правителя и какими путями избавился от всех своих противников. Теперь мы должны перейти к его правительственной деятельности; но прежде взглянем на образы и царя, и правителя, как они начертаны современниками.

Феодор был небольшого роста, приземист, опухл; нос у него ястребиный, походка нетвердая; он тяжел и недеятелен, но всегда улыбается. Он прост, слабоумен, но очень ласков, тих, милостив и чрезвычайно набожен. Обыкновенно встает он около четырех часов утра. Когда оденется и умоется, приходит к нему отец духовный с крестом, к которому царь прикладывается. Затем крестовый дьяк вносит в комнату икону святого, празднуемого в тот день, перед которую царь молится около четверти часа. Входит опять священник со святою водою, кропит ею иконы и царя. После этого царь посылает к царице спросить, хорошо ли она почивала? И чрез несколько времени сам идет здороваться с нею в средней комнате, находящейся между его и ее покоями; отсюда идут они вместе в церковь к заутрени, продолжающейся около часу. Возвратясь из

церкви, царь садится в большой комнате, куда являются на поклон бояре, находящиеся в особенной милости. Около девяти часов царь едет к обедне, которая продолжается два часа; отдохнувши после службы, обедает; после обеда спит обыкновенно три часа, иногда же — только два, если отправляется в баню или смотреть кулачный бой. После отдыха идет к вечерне и, возвратясь оттуда, большею частию проводит время с царицею до ужина. Тут забавляют его шуты и карлы мужеского и женского пола, которые кувыркаются и поют песни: это самая любимая его забава; другая забава — бой людей с медведями. Каждую неделю царь отправляется на богомолье в какой-нибудь из ближних монастырей. Если кто на выходе бьет ему челом, то он, избывая мирской суеты и докуки, отсылает челобитчика к большому боярину Годунову.

Об этом большом боярине современники говорят, что он цвел благолепием, видом и умом всех людей превзошел; муж чудный и сладкоречивый, много устроил он в Русском государстве достохвальных вещей, ненавидел мздоимство, старался искоренять разбои, воровства, корчемства, но не мог искоренить; был он светлодушен и милостив и нищелюбив; но в военном деле был неискусен. Цвел он, как финик, листвием добродетели, и если бы терн завистной злобы не помрачал цвета его добродетели, то мог бы древним царям уподобиться. От клеветников изветы на невинных в ярости суетно приним[illegible]и поэтому навел на себя негодование чиноначальников всей Русской земли: отсюда много напастных зол на него восстали и доброцветущую царства его красоту внезапно низложили [82].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА

Состояние Польши в начале царствования Феодора.— Посольство Измайлова к Баторию.— Посольство князя Троекурова и Безнина.— Слухи о замыслах Австрийского дома на престол московский.— Приезд в Москву Баториева посла Гарабурды и переговоры его о престолонаследии.— Вторичное посольство князя Троекурова к Баторию.— Смерть Батория.— Королевские выборы в Польше.— Избрание Сигизмунда Вазы.— Сношения с Швециею. Война с нею.— Сношения с Польшею.— Мир с Швециею.— Сношения с Австриею.— С папою.— С Англиею.— С Данiею.— С Крымом: нашествие хана Казы-Гирея на Москву.— Сношения с Турциею.— Донские казаки.— Дела кавказские.— Переговоры с Персиею.— Утверждение русских в Сибири

В то время, когда на престоле московском воцарился последний из Рюриковичей и в глазах его боролись две фамилии, Годуновы и Шуйские, которым суждено было на короткое время занимать престол московский и погибнуть в бурях Смутного времени,— в то время Европа приготовлялась к решению великого религиозного вопроса, поднятого в XVI веке. Южные полуострова — Апеннинский и Пиренейский — оставались верны католицизму; на севере, наоборот, в Англии, Шотландии, Нидерландах, Дании, Северной Германии, торжествовал протестантизм; в Швеции, несмотря на колебания короля Иоанна, торжество протестантизма также было несомненно. В государствах Средней Европы борьба продолжалась: во Франции, среди кровавых волнений, пресекалась царственная линия Валуа, но Генрих Бурбон,начавший борьбу под знаменем протестантизма, скоро должен был убедиться в необходимости уступить католическому большинству; Германия готовилась к Тридцатилетней войне, которою должно было запечатлеться ее раздвоение. В Польше брал верх католицизм; здесь оканчивал свое царствование Баторий.

Баторий принадлежал к числу тех исторических лиц, которые, опираясь на свои личные силы, решаются идти наперекор уже установившемуся порядку вещей, наперекор делу веков и целых поколений, и успевают на время остановить ход неотразимых событий; эти люди показывают, какое значение может иметь в известное время одна великая личность, и в то же время пока-

зывают, как ничтожны силы одного человека, если они становятся на дороге тому, чему рано или поздно суждено быть. Явившись случайно на польском престоле, Баторий предположил себе целию утвердить могущество Польши, уничтожив могущество Московского государства и, по-видимому, достиг своей цели: победил, унизил Иоанна IV, отнял у него балтийские берега, обладание которыми было необходимым условием для дальнейшего преуспеяния, для могущества Московского государства; но когда он вздумал нанести этому государству решительный удар, то внутри собственной страны встретил тому препятствия, приготовленные веками и сокрушить которые он был не в состоянии: то было могущество вельмож, преследующих свои личные цели и согласных только в одном стремлении — не давать усилиться королевской власти. Баторий действовал не один: он приблизил к себе, в сане гетмана и канцлера, самого даровитого и самого образованного из вельмож польских Яна Замойского; но и соединенные усилия этих двух знаменитых людей не могли ничего сделать.

Дело Зборовских, напоминающее римских Катилин, Клодиев и Милонов, дает нам ясно понятие о состоянии Польши в описываемое время. В 1574 году, при короле Генрихе, у самого королевского замка произошла схватка между двумя врагами, Самуилом Зборовским и Яном Теньчыньским, из которых каждый был окружен своею дружиною; вместе с Теньчыньским находился приятель его, Андрей Ваповский, который был смертельно ранен в схватке. Зборовский приговорен был за то к вечному изгнанию из отечества; но он мало думал об исполнении приговора: набравши наемную дружину, он разъезжал с нею по польским областям, правители которых или не смели, или не хотели остановить его. С ним в сношениях были братья его, Христоф и Андрей, которые, видя нерасположение к себе Батория и Замойского и грозимые разорением вследствие своей расточительности, обнаруживали явно враждебные умыслы против короля и гетмана: два раза давали знать Баторию о замыслах Зборовских на его жизнь.

В таком положении находились дела, когда Замойский в званиии старосты краковского отправился в Краков для отправления судных дел; на дороге получил он весть, что Самуил Зборовский другим путем приближается также к Кракову и явно хвалится, что въедет в город в одно время с Замойским. Когда Замойский остановился в Проповицах, месте, принадлежавшем уже к Краковскому старосту, Зборовский остановился в Подоланах, в миле от Проповиц, и при солнечном заходе отправился в Печму, к одной из своих родственниц; а в Кракове между тем толпа буйной молодежи собиралась ударить на Замойского при его въезде в город в то самое время, как Зборовский ударит на него с тылу. Узнавши, что Зборовский один в Печме, Замойский отправил отряд пехоты под начальством верных людей захватить его там

ночью, что и было легко исполнено; опираясь на права старост приводить в исполнение судные приговоры, Замойский велел казнить смертию Зборовского, ибо за нарушение приговора о вечном изгнании нарушителю назначена была смертная казнь [83].

Этот поступок канцлера возбудил страшную бурю, потому что у Зборовских была большая партия да и, кроме них, было много недовольных королем и Замойским. Выставляли сомнение относительно права Замойского казнить смертию Самуила; говорили, что хотя король Генрих и осудил последнего на вечное изгнание, однако чести у него не отнял,— следовательно, его нельзя было казнить смертию; на это возражали, что если осужденному на вечное изгнание не будет грозить смерть за нарушение приговора, то что будет мешать ему возвращаться на родину? Что на изгнание осуждают именно тех, которые по вине своей дошли до смертной казни. Между прочим, Зборовским удалось привлечь на свою сторону Станислава Гурку, воеводу познаньского, пользовавшегося самым сильным влиянием в Великой Польше. Гурка до сих пор был в неприязни с Зборовскими и в дружбе с Замойским, но в это время умер брат его, после которого он просил себе у короля староства Яворовского; того же староства просил Замойский и получил: тогда раздосадованный Гурка перешел на сторону Зборовских.

Приближался сейм. На предварительных сеймиках уже обнаружились волнения. На сеймик в Прошовицы приехал Христоф Зборовский из Моравии; когда Николай Зебржидовский, родственник Замойского, входил в церковь, раздались выстрелы; когда начались совещания, Зборовский с приятелями подняли громкие голоса против Батория: с негодованием указывали на могущество Замойского, оплакивали смерть Самуила Зборовского, называли неслыханным тиранством суд, которым правительство грозило двоим другим Зборовским. Христоф Зборовский прямо взводил на Замойского обвинение, что тот хотел его отравить: но человек, на которого Зборовский указывал, как на подосланного Замойским отравителя, высвободившись из-под власти Зборовского, объявил, что последний обещаниями, угрозами и пытками заставил его признать себя виновным в умысле и указать на Замойского как на подстрекателя к преступлению. В Великой Польше на сеймике, когда Ян Зборовский, каштелян гнезненский, в речи своей осыпал бранью Замойского, а краковский каноник, Петровский, говорил за последнего, то воевода познаньский, Гурка, прервал Петровского, за ним подняла крик вся сторона Зборовских и раздались выстрелы. На других сеймиках происходили подобные же волнения. Вследствие этого на большой сейм съехались толпы в полном вооружении, как на войну. Король приехал в сопровождении дружины Замойского, большей части сенаторов литовских и князя Константина Острожского. Начался суд над Христофом

Зборовским, который почел за лучшее не явиться на него лично: кроме означенных обвинений в посягательстве на жизнь королевскую, его обвинили еще в сношениях с Московским двором, клонившихся ко вреду Польши, и в подобного же рода сношениях с козаками. Ян Зборовский и Ян Немоевский, объявившие себя защитниками обвиненного, так слабо его защищали, что суд приговорил Христофа к лишению чести, прав шляхетства и имущества. Но этот приговор, разумеется, не утишил, а только еще более раздражил сторону Зборовских.

Несмотря на эти внутренние волнения, Баторий не оставлял своего замысла — нанести решительный удар Московскому государству, отнять у него по крайней мере Смоленск и Северскую землю. Вступление на престол слабого Феодора и смуты, раздоры боярские, немедленно обнаружившиеся, представляли, по его мнению, самый удобный к тому случай. Посол его, Лев Сапега, с целию застращать новое московское правительство, объявил, что султан приготовляется к войне с Москвою; требовал, чтоб царь дал королю 120 тысяч золотых за московских пленников, а литовских освободил без выкупа на том основании, что у короля пленники все знатные люди, а у царя простые; чтоб все жалобы литовских людей были удовлетворены и чтоб Феодор исключил из своего титула название Ливонского. Новое московское правительство наследовало от старого сильное нежелание воевать с Баторием и потому решено было употребить все усилия, чтоб продлить перемирие. Государь приговорил с боярами, как венчался царским венцом: литовских пленников всех что ни есть отпустить в Литву даром, а о своих пленниках положить на волю короля Стефана: если Стефан король государевых пленников и не отпустит, то государева правда будет на нем и явна будет всем пограничным государям; а захочет Стефан король пленных продавать, то их выкупить. Сапеге объявили об этом решении, объявили, что 900 пленных уже освобождены и что ждут такого же поступка и от Стефана; что новым жалобам литовских подданных будет удовлетворено, но что касается до жалоб, относящихся еще ко временам царя Иоанна, то это дела старые, о них припоминать непригоже, были в то время обиды и русским людям от Литвы, но об них государь не упоминает; Сапеге объявили тоже, что название ливонского Феодор наследовал от отца своего вместе с царством. Посол уехал, заключив перемирие только на 10 месяцев, и новости, привезенные им к королю, конечно, не могли сделать последнего миролюбивее: Сапега в письме своем к папскому легату Болоньетти из Москвы, от 10 июля 1584 года, так изображает особу нового царя и положение дел в Москве: «Великий князь мал ростом; говорит он тихо и очень медленно; рассудка у него мало, или, как другие говорят и как я сам заметил, вовсе нет. Когда он во время моего представления сидел на престоле

во всех царских украшениях, то, смотря на скипетр и державу, все смеялся. Между вельможами раздоры и схватки беспрестанные; так и нынче, сказывали мне, чуть-чуть дело не дошло у них до кровопролития, а государь не таков, чтобы мог этому воспрепятствовать. Черемисы свергли иго; татары грозят нападением, и ходит слух, что король шведский собирает войско. Но никого здесь так не боятся, как нашего короля. В самом городе частые пожары, виновниками их, без сомнения, разбойники, которыми здесь все наполнено» [84]. Королю доносили также, что между четырьмя вельможами, которых покойный царь назначил правителями, господствует несогласие и что они часто спорят о местах в присутствии государя. Доносили, что первый по месту боярин, князь Мстиславский, очень расположен к польскому королю и если из противной партии умрет Никита Романович, который не может долго жить по причине тяжкой болезни, то король будет иметь много приверженцев между боярами [85].

Еще до отъезда Сапеги отправлен был к Баторию посол Андрей Измайлов с известием о воцарении Феодора; Измайлову дан был наказ вести себя очень умеренно, уступать относительно церемоний: к панам не ходить, грамоту отдать самому королю; но если будут упрямиться, станут непременно требовать, чтоб ему быть у панов, то ему к панам идти, только речей не говорить и грамоты верющей не давать. Прежде наказывалось настрого послам, чтоб они сначала речь говорили и грамоту подали, а потом уже шли к руке королевской, но теперь Измайлову позволено было согласиться идти наперед к руке. Если король не спросит о здоровье царском и против поклона Феодора не встанет, то посол должен сказать: царь Иван Васильевич при поклоне королевском встает, а Стефан король не встает, и то ведает Стефан король, что так делает мимо прежнего обычая, а больше того ничего не говорить.

Король действительно против государева имени и поклона не встал; Измайлов заметил, как ему было приказано, и тогда Стефан встал и шапку снял. Измайлов представил опасную грамоту на великих литовских послов, которые должны были ехать в Москву для заключения мира, но паны радные отвечали ему: «Король к государю вашему послов своих слать не хочет, потому: государя нашего посол Лев Сапега и теперь у государя вашего в Москве, а теснота ему великая, где стоит, тот двор огорожен высоко, и малые щели позаделаны, не только что человека нельзя видеть, и ветру провеять некуда; с двора литовского человека никакого не спустят, корм дают дурной; литовского посла держат хуже всех других послов; в такое государство никто не захочет идти в послах, а государь наш силою никого не пошлет». Измайлов отвечал: «Это слово пронес какой-нибудь недобрый человек; послы разных государств, которые теперь на Москве, стоят по разным дворам и береженье к ним крепкое для того, чтоб между

ними ссоры не было; а если б других государств послов на Москве не было, то вашему послу было бы всех вольнее; крымский посол и гонцы стоят за городом не близко, двор для них особый сделан, и с двора их никуда не спускают». Один из панов, молодой Радзивилл Сиротка, говорил с запальчивостию: «Государя нашего посол теперь на Москве и государь бы ваш отпустил его, да за ним бы своего посла к королю прислал, и государь наш станет советоваться со всею радою и землею, как ему с государем вашим вперед быть. Государь ваш молод, а наш государь стар, и государю вашему пригоже к нашему государю писаться младшим братом, да и Смоленска и северских городов государь ваш поступился бы». Измайлов отвечал, что таких безмерных речей говорить непригоже. Когда все паны вышли, остался старик Гарабурда, он подошел к Измайлову и сказал: «Видел, как молодые-то паны чуть-чуть дела не разодрали, а старых слушать не хотят». Измайлов отвечал, что старики должны наводить молодых на доброе дело, на мир; а если король, послушавшись молодых, мира не захочет, то государь, надеясь на бога, воевать готов. Гарабурда, зная хорошо расположение умов в сенате и шляхте, уверял посла, что будет мир, хотя король не переставал обнаруживать неприязненное расположение к Москве; на отпуске Измайлову объявили, что Баторий опасной грамоты не принимает, новых послов в Москву для переговоров о мире не отправит; обедать Измайлова король не позвал, отговариваясь множеством дел. Измайлов доносил своему правительству, что король тотчас по смерти Иоанна IV хотел объявить войну Москве; но Рада отсоветовала; а земля на военные издержки давала только половину против того, чего требовал Баторий, потому что в Польше неурожай. Из пленников московских король прислал царю только двадцать человек; их привез посланец Лука Сапега, которому бояре велели объявить: «Царь Феодор освободил пленных литовцев до 900 человек, а король прислал ему за это двадцать человек, самых молодых людей, только один между ними Мещерский князь получше, да и тот рядовой, а доброго сына боярского нет ни одного». Посланец отвечал на это, что король после отпустит и всех пленных, только оставит на окуп 30 человек. Царь написал по этому случаю Баторию: «И вперед бы между нами этого не было с обеих сторон, что христиан продавать из плена на деньги и на золотые»,— и приводил в пример свой поступок по смерти отцовской.

Но Баторий не уступал ни в чем; в Москве также не хотели уступать, но не хотели и раздражать короля, ускорять опасный разрыв. Приставу, бывшему при Луке Сапеге, дан был такой наказ: если литовский посланник начнет речи о раздоре, станет говорить о войне, то отвечать ему: «Не хитро разодрать, надобно добро сделать; а тем хвалиться нечем, что с обеих сторон начнет литься кровь христианская; Москва теперь не старая; и на Москве

молодых таких много, что хотят биться и мирное постановление разорвать, да что прибыли, что с обеих сторон кровь христианская разливаться начнет?» Не надеясь дождаться послов от Батория, отправили к нему в начале 1585 года великих послов, боярина князя Троекурова и думного дворянина Безнина, которым дали наказ: к руке королевской прежде поклона не ходить; но если принудят, то идти, сказавши: «Это делается новою причиною, не по прежнему обычаю». От всяких людей уклоняться, чтоб ни с кем не говорить ни про что, кроме приставов да тех, кого с ответом вышлют; но и с ответчиками речей не плодить, а говорить гладко, чтоб к делу было ближе. Если станут государя укорять, то говорить: «Того судит бог, кто государя укоряет»,— и пойти прочь. Проведывать: рижские немцы королю послушны ли и королевы люди теперь в Риге есть ли, кто именно и много ли их и что рижские люди королю с себя дают, и Лифляндская земля на какой мере устроена у Стефана короля, и как ее вперед строить хочет? Когда спросят о шведском короле, отвечать: государю нашему над шведским королем и впредь промышлять, сколько бог помощи подаст. Относительно главного дела, заключения перемирия, послам было наказано: заключите перемирие до того срока, до какого было заключено при царе Иване; если паны станут говорить высоко, и вы отвечайте им высоко же, говорите, что теперь Москва не по-старому, государю у них мира не выкупать стать, государь против короля стоять готов; это *большая мера*: делайте по ней, как узнаете, что у короля с панами рознь есть. Если же почаете, что у короля с панами розни большой нет и уговорить панов по первой мере будет невозможно, то делайте по другой мере, чтоб непременно перемирие с королем взять; если же и по другой мере уговорить будет нельзя, то настаивайте на обсылку, чтоб вам с государем о деле обослаться; если же и на обсылку не приговорите и отпуск вам скажут, то по конечной неволе объявите и последние меры, чтоб непременно, хотя на малое время, заключить перемирье. Послам было наказано также, чтоб они постарались уговорить Тимофея Тетерина и других московских отъезжиков возвратиться в отечество по опасной грамоте, за исключением одного Головина, отъехавшего в последнее время, вследствие торжества Годунова над Шуйскими.

Этот Головин сначала очень было затруднил посольское дело, наговоривши королю, и без того сильно желавшему войны, что Московское государство вследствие слабости царя и раздора между боярами находится в самом бедственном положении, что войскам его сопротивления ниоткуда не будет: «Никто против него руки не поднимет для того: рознь в государевых боярах великая, а людям строенья нет, и для розни и нестроения служить и биться никто не хочет». Головин уверял также короля, что Троекуров и Безнин присланы заключить мир на всей королевской

воле. Вследствие этих речей король запросил у послов Новгорода, Пскова, Лук, Смоленска, Северской земли и прибавил: «Отец вашего государя не хотел меня знать, да узнал, и он меня не знает, а потом узнает; когда ему буду знаком, тогда с ним и помирюся, а теперь он меня не знает и мне зачем с ним мириться?» Но попрежнему Баторий встретил сопротивление в сенате и сейме: «Король,— доносили Троекуров и Безнин в Москву,— просил у панов радных и у послов поветных наемных людей и грошей и говорил им: «Не потеряйте сами у себя, пустите меня с московским воеваться, бог даст вам государство в руки даром»». Послы поветовые не согласились дать королю денег; притом же Троекуров и Безнин распустили слух, что Головину верить нельзя; ибо это — лазутчик, подосланный нарочно боярами к Баторию. Паны и шляхта, и без того не желавшие войны, охотно поверили этому слуху. Послы поветовые, по донесению Троекурова и Безнина, говорили королю: «Как такой нелепости верить, что король куда ни пойдет, все его будет? А люди-то на Москве куда девались? Еще бы Головин приехал к тебе от старого государя, тогда можно было бы верить: старый государь жесток был; а от нынешнего зачем ехать! Теперь государь у них милостивый; ты теперь помирись да рассмотри: если объявится, что Головин сказал правду, то у тебя война с московским государем и вперед не уйдет». Баторий сердился на послов поветовых, сердился на московских послов, подарков их не взял, обедать не звал, со столом к ним не посылал, стояли они далеко и тесно: но принужден был согласиться на двухлетнее перемирие. Лука Новосильцев, отправленный к императору через Польшу, доносил, что на дороге архиепископ примас Карнковский звал его к себе обедать и на обеде говорил: «Король наш Стефан с вашим государем мириться не хотел, а верил словам Михайлы Головина. А слышал я от пленников литовских, что государь ваш набожный и милостивый, и государыня разумна и милостива не только до своих людей, но и до пленных милостива; пленников всех государь ваш освободил и отпустил даром. И мы, и послы со всех уездов королю отказали, что с земель своих поборов не дадим, на что рать нанимать, а захочешь с государем московским воеваться идти, нанимай ратных людей на свои деньги, и уговорили, чтоб пленников отпустил, так же как и государь московский; а пленников много на панских имянах, и паны для своей корысти короля не слушают. Король наш нам не прочен, а впредь думаем быть с вами вместе под государя вашего рукою, потому что государь ваш набожный, христианский. Сказывали нам пленники наши, что есть на Москве шурин государский, Борис Федорович Годунов, правитель земли и милостивец великий: к нашим пленникам милость оказал, на отпуске их у себя кормил и поил, и пожаловал всех сукнами и деньгами, и, как были в тюрьмах, великие милостыни присылал, и нам за честь,

что у такого великого государя такой ближний человек разумный и милостивый; а у прежнего государя был Алексей Адашев, и он Московским государством также правил». Новосильцев сказал ему на это: «Алексей был разумен, а этот не Алексеева верста: это великий человек, боярин и конюший, государю нашему шурин, государыне брат родной, а разумом его бог исполнил всем и о земле великий печальник». Пристав говорил Новосильцеву тоже, что король непрочен и не любят его всею землею, с королевою живет не ласково; теперь он болен, на ноге старые раны отворились, а доктора заживлять не смеют потому: как заживят, так и будет ему смерть.

Новое обстоятельство еще более усиливало в это время миролюбивое расположение панов и шляхты к Москве, не могло не действовать и на самого короля. До сих пор Москва должна была со вниманием следить за избранием королей в Польше, хлопотать о соединении государств или по крайней мере о том, чтоб не был избран государь враждебный; но теперь, казалось, наступала очередь Польше и Литве принять такое же положение относительно Москвы: во владениях Батория пронесся слух, и слух очень крепкий, будто австрийские эрцгерцоги хлопочут, чтоб Максимилиан, брат императора, занял престол московский вместо неспособного Феодора, будто бояре московские уже отправляли по этому делу посольство к императору. Баторию дано было знать из Данцига, что не только Австрийский дом хлопочет об этом, но что в Регенсбурге собрались курфюрсты для совещания о средствах, как бы достигнуть Максимилиану престол московский [86]. Если бы это дело удалось, то Польше грозила опасность быть окруженною владениями Австрийского дома, тогда в случае смерти Батория она по неволе должна была бы так же выбрать кого-нибудь из принцев этого дома, чего не хотели Баторий, Замойский и очень многие вместе с ними. Вот почему решено было отправить в Москву известного уже и приятного здесь, притом же и православного. Гарабурду с предложениями, которые должны были противодействовать предложениям австрийских принцев.

Гарабурда начал посольство жалобами на притеснения, которые терпели литовские купцы в московских областях, и на то, что царь не выпускает из плена немцев ливонских. Ему отвечали жалобами, что король Стефан выпустил из плена только молодых людей, детей боярских, стрельцов, пашенных мужиков; относительно ливонских немцев отвечали, что некоторые вступили в службу царскую и живут на поместьях, а иные торговые люди торгуют вместе с торговыми людьми московскими, что ни тех, ни других отпустить непригоже. Когда начались переговоры о мире, начались обычные запросы, то Гарабурда сказал: «Еще о Новгороде да о Пскове можно речь (говорю) оставить, но за Смоленск и Северскую землю государю нашему стоять крепко». Бояре отве-

чали: «И прежде такие слова много раз говорились, да потом эти речи оставляли же: и границы с одного города государь наш не поступится». После этого Гарабурда приступил к выполнению главного своего поручения и сказал боярам: «Паны радные прислали со мною к преосвященному отцу, Дионисию митрополиту, и к вам, Думе государской, грамоту. Что идут речи между нами о городах и волостях, и те речи ни к чему не поведут: как можно этому статься? Чего мы у вас просим, то можно ли вам отдать без кровопролития? А чего вы будете у нас просить, того нам без кровопролития ничего отдать нельзя. И потому нам бы эти речи с обеих сторон оставить, и был бы государь ваш с нашим государем в докончанье на том: кто что теперь за собою держит, тот то и держи, и никто бы ни у кого ничего не просил, чего без кровопролития взять нельзя, и чем быть кровопролитию, лучше брат у брата ничего не проси. Дай, господи, многолетия обоим государям; но если бог по душу пошлет Стефана короля, и потомков у него не останется, то Корону Польскую и Великое княжество Литовское соединить с Московским государством под государскую руку: Краков против Москвы, а Вильну против Новгорода. А пошлет бог по душу вашего царя, то Московскому государству быть под рукою нашего государя, а другого государя вам не искать. Это великое дело мне поручено приговорить и записи написать». Бояре отвечали: «Нам про государя своего таких слов, что ты говорил, и помянуть непригоже; это дело к доброму делу не годится». Бояре доложили о своих переговорах государю: решено было в Думе, что государю пригоже помириться с Стефаном на том, что теперь за кем есть; но что вести переговоры о смерти государевой непригоже. Гарабурда, однако, не отставал от своего предложения, причем начал уже переменять условия, убедившись, вероятно, на месте, что Феодору не грозит близкая смерть: «Пошлет бог по душу государя вашего, то государство Московское соединить с королевством Польским и Великим княжеством Литовским и быть им вместе под рукою государя нашего; государства разные, а главу бы одну над собою имели. Если же Стефана короля не станет, то нам, полякам и литовцам, вольно выбирать себе в государи вашего государя, вольно нам его и не выбрать». Бояре отвечали на это: «Мы с тобою об этом и не говорили: как нам про государя своего говорить? У нас государи прирожденные изначала, и мы их холопи прирожденные, а вы себе выбираете государей: кого выберете, тот вам и государь. Ты теперь говоришь мимо прежней своей речи, что третьего дня с нами говорил: ворочаешь речь иным образцом, и нам с тобою об этом говорить нечего. Мы про твои речи митрополиту и всему собору сказывали, и митрополит со всем собором нам запретил духовно, чтоб мы отнюдь об этом не говорили. Как нам про государя своего и помыслить это, не только что говорить? Мы и про вашего государя говорить этого

не хотим; а вам воля говорить и мыслить про своего государя. Ты, посол великого государя, пришел к великому государю нашему и такие непригожие слова говоришь о их государской смерти? Кто нас не осудит, когда мы при государе, видя его государское здоровье, будем говорить такие слова?» Гарабурда отвечал: «Вижу, что вы сердитесь; сказываете, что митрополит и попы запрещают вам говорить о том деле, что я вам объявил; но я говорю то, что со мною наказано. И если это дело не сойдется, то мне на доконченье без уступок с вашей стороны делать не наказано». Бояре повторили, что и границы государь не даст, а просит государь у короля искони вечной вотчины своей — Киева с уездом и пригородами и прочих вотчин своих; бояре говорили Гарабурде с сердцем: «Если с тобою только и дела, что ты говорил, то незачем было тебе с этим и ездить; если посол не однословен, то чему верить?» А приставу было наказано говорить послу: «Теперь Москва не старая: надобно от Москвы беречься уже не Полоцку, не Ливонской земле, а надобно беречься от нее Вильне».

Гарабурда, видя неудачу и видя, что его запискивания произвели перемену в тоне у бояр московских и у пристава, чтоб сделать что-нибудь, предложил съезд великих людей на границах для постановления вечного мира. Бояре, имея постоянно в виду выиграть время, соглашались на съезд, но с условием продолжения срока перемирия; они говорили Гарабурде: «Михайла! это дело великое для всего христианства; государю нашему надобно советоваться об нем со всею землею; сперва с митрополитом и со всем освященным собором, а потом с боярами и со всеми думными людьми, со всеми воеводами и со всею землею; на такой совет съезжаться надобно будет из дальних мест». Гарабурда отвечал, что для продолжения перемирия ему наказа нет; тогда бояре сказали ему: «Так какое же с тобою дело? Приехал с бездельем, с бездельем и отъедешь». Гарабурда действительно поехал ни с чем; он сказал боярам о слухе, что они посылали к эрцгерцогу Максимилиану с предложением престола; в ответ на это бояре написали к панам: «Сильно раздосадовало нас, что какой-то злодей изменник затеял такие злодейские слова».

Но продлить перемирие считали по-прежнему необходимым в Москве, и князь Троекуров вторично отправился к Баторию, которого нашел в Гродне. Паны теперь в свою очередь осердились на бояр за отказ принять их предложение о соединении государств; они обратились к Троекурову с бранчивою речью: «Мы бояр государя вашего, братью твою, кормили хлебом, а они нам против нашего хлеба мечут камень. Рассуди сам, не камень ли это? Мы усердно просили нашего государя, и по нашим просьбам он по сие время с государем вашим не воюет. Вперед мы государю вашему, боярам и всей земле добра хотим, точно так же как и всей земле; а бояре пишут: кто начнет недружбу, против того государь ваш

стоять готов, да пишут, чтоб государь наш поотдавал вашему государю свои искони вечные вотчины и что внове взял, и после этих статей пишут, чтоб мы государя своего наводили на вечную приязнь! Рассуди сам, как мы можем такую грамоту поднесть своему государю? Мы и между собой такой грамоте дивуемся, как это бояре не знают, что над вашим государством по грехам сделалось? Потомков у государя вашего нет; а каков ваш государь от природы, мы знаем: есть в нем набожность, а против неприятелей биться его не станет. На Москве что делается, то мы также знаем; людей нет, а кто и есть и те худы, строенья людям нет, и во всех людях рознь. Бояре думают, что они себе пособляют, а они только дело портят: в нашей земле давно ведомо, что бояре ваши посылали к цесареву брату от себя посла. Но цесарю с вашим государством что сошлось? Цесарь теперь и сам себе пособить не умеет; и смотря на эту пересылку с цесаревым братом, многие государи домогаются и промышляют о вашей земле; а турскому у вас же просить Астрахани и Казани, и перекопский вас же всегда воюет и вперед воевать хочет; а черемиса ваша вам же недруги. И у бояр где ум? Пишут, что государь ваш против всех недругов стоять готов, и просить запросов не стыдятся! Речи ваши государю нашему ничего доброго не принесли; только лишь сердцу его надсада. Теперь мы не только государя своего не будем просить, чтоб был с государем вашим в покое, еще будем ему напоминать, чтоб, по присяге своей, земель при предках его у государства отнятых отыскивал, и не только что дадим ему денег на наемных людей, но и сами своими головами из обеих земель идти с ним готовы. А вы с чем приехали, с тем вам и уезжать». Посол отвечал: «На боярские речи вам досадовать непригоже и в дело того ставить нечего; и прежде в ссылках и разговорах бывало: о стародавных делах с обеих сторон говорят, да что к делу пригодится, то с обеих сторон оставляют, да говорят о делах, как чему статься пригоже. Дивимся мы вашему разуму, что вы бога не боитесь и людей не стыдитесь, говорите такое, чего было вам и мыслить непригоже. Рассказываете, что над государством государя нашего по грехам учинилось; но мы над государством нашим никакого греха не видим, а только милость божию и благоденствие. Вы еще с богом не беседовали; а человеку того не дано знать, что впредь будет. По писанному, кто злословит царя, тот смертию да умрет: государь наш дородный государь, разумный и счастливый, сидит он на своих государствах по благословению отца своего и правит государством сам и против всех недругов стоять готов так же, как отец, дед и прадед его; людей у него много, вдвое против прежнего, потому что к людям своим он милостив и жалованье дает им, не жалея своей государской казны, и люди ему все с великим раденьем служат и вперед служить хотят и против всех его недругов померети хотят; в людях розни никакой нет; это вам такие без-

дельные речи говорят собаки изменники: таким людям вам потакать нечего и говорить изменничьих речей непригоже; нам про государя вашего и про государство ваше и про вас много что есть говорить, да, по государеву наказу, говорить не хотим, присланы мы на доброе дело, а не на раздор. Государю нашему у вашего государя мира не покупать стать: захочет государь ваш доброго дела, и наш государь доброго дела хочет, а не захочет ваш государь доброго дела, то наш государь против него стоять готов». В переговорах, когда дело пошло о взаимных требованиях известных земель, разумеется, не могли согласиться; паны по-прежнему настаивали на пограничный съезд вельмож, послы, сообразно с своими целями, требовали для этого съезда продолжения перемирия хотя на один год; паны отвечали им: «И на полгода мы перемирья не заключим: вы говорите о съезде не для дела, а только чтоб время проволочить; зачем вам для съезда еще целый год перемирья?» Послы отвечали, что нужно много времени для совещания со всею землею; паны на это возражали: «У вас в обычае ведется: что сдумает государь да бояре, на том и станет, а земле до того и дела нет». По конечной неволе послы должны были согласиться только на двухмесячную прибавку к прежде заключенному перемирию, и в это время положено быть съезду великим послам между Оршею и Смоленском для переговоров о том, как быть обоим государствам под одною державою в случае кончины того или другого государя и как определить границы их, если они не захотят соединиться.

Но Баторий не дождался съезда. 2 декабря 1586 года он умер, не успев довершить ни одного из своих начинаний ни внутри, ни вне; он задержал только на время усиление Московского государства, отнявши у него прибалтийские области, но сокрушить могущество этого государства, раздвинуть Литву до границ Вятовтовых он не успел: тому помешала ограниченность средств, ограничение власти королевской, подозрительность могущественных вельмож к воинственному королю. Сломить могущество вельмож, установить наследственное правление или по крайней мере установить лучший способ избрания королевского, сдержать своеволие он также не успел. Найдя государства свои в сильном религиозном разъединении, Баторий, хотя не был по природе своей фанатиком, не воздвигал гонения на диссидентов, однако благоприятствовал утверждению иезуитов, потому что это знаменитое братство могло обещать ему деятельную помощь в замышляемых им внутренних переменах. Какого рода была эта помощь, какого рода были внушения, которые должно было принимать от иезуитов воспитывавшееся у них юношество, видно из проповедей самого талантливого из них, Петра Скарги Повенского. Скарга громко восставал против существующего порядка вещей в Польше: проповедуя, с одной стороны, подчинение свет-

ской власти власти духовной, королей папе, он, с другой стороны, твердил о необходимости крепкой, неограниченной власти королевской: «Естественный порядок,— говорил он,— состоит в том, чтоб одна голова управляла телом: и если в государстве не одна, а много голов, то это знак тяжкой, смертельной болезни». Скарга утверждал, что Римская империя тогда только вошла в исполинские размеры свои, когда в ней утвердилось монархическое правление; вооружался против послов сеймовых за то, что они присваивают себе могущество, вредное для власти королевской и сенаторской, и спасительную монархию превращают в демократию, самый дурной из образов правления, особенно в таком обширном государстве, как Польша и Литва. Право, по которому шляхтич, не уличенный в преступлении, не мог быть схвачен, Скарга называл источником разбоев, измен и т. п. Но все эти внушения остались тщетными: иезуиты не могли переменить политического строя Польши и Литвы; они успели только в одном, чего, конечно, не хотел Баторий: они успели воспламенить в католическом народонаселении Польши и Литвы религиозную нетерпимость, которая повела к гонению на несходные исповедания, к гонению на православное русское народонаселение, а это гонение повело к отложению Малороссии, нанесшему самый сильный удар могуществу Польши. Таким образом, орудие, приготовленное для утверждения крепости, могущества Польши, стало орудием ее падения.

События, происходившие в конце царствования Батория, обещали сильные волнения после его смерти: ненависть между стороною Зборовских и стороною Замойского могла теперь разыграться на свободе. Волнения начались на сеймиках: даже во Львове, где было так сильно влияние Замойского, нашлись приверженцы Зборовских, в числе которых стал Николай Язловецкий, староста снятыньский. Язловецкий начал провозглашать, что пора положить предел возвышению одного человека над всеми, что всем ведомы замыслы Замойского, который, во что бы то ни стало, хочет посадить на престоле одного из Баториев; что для охранения государства необходимо отнять у Замойского гетманство, ибо со смертию королевскою все правительственные лица должны сложить с себя свои должности. Замойский отвечал, что все саны и почести получил он за прямые отечеству заслуги, что слух о замыслах его относительно Баториев — клевета, что утверждать, будто со смертию королевскою должны прекратиться все правительственные отправления, противно здравому смыслу, ибо именно во время междуцарствия государство и не может обойтись без начальства военного, без гетмана. Во Львове дело кончилось в пользу Замойского, но не так было в Варшаве на конвокационном сейме: Карнковский, архиепископ гнезненский, примас, который занимал первое место в государстве во время междуцарст-

вия, поддался совершенно влиянию Зборовских и Гурки; по их внушению, он написал к Замойскому, чтоб тот для охранения границ королевства не покидал войска; отсутствие Замойского дало в сенате верх Зборовским. Андрей Зборовский явился в сенат с требованием управы на Замойского, и когда один из сенаторов, Лесновольский, хотел защищать последнего, то голос его был заглушен криками и угрозами приятелей Зборовского; один из них даже нацелил ружье на Лесновольского и спрашивал Зборовских: прикажут ли стрелять? За стенами Варшавы также едва дело не дошло до усобицы между обеими сторонами. Наконец назначили день избирательного сейма — 30 июня 1587 года.

Зборовские явились на избрание с 10 000 войска, в числе которого находилось не мало наемников французских, немецких, итальянских, чешских; толпы эти были наняты на австрийские деньги, ибо Зборовские, поддерживаемые папским нунцием, Аннибалом ди Капуа, хотели избрать эрцгерцога Максимилиана, брата императора Рудольфа II. Замойский, опираясь преимущественно на шляхту и поддерживаемый деньгами вдовы Батория, королевы Анны, держал сторону племянника ее, шведского принца Сигизмунда, сына короля Иоанна и Екатерины Ягеллон. Замойский и Гурка с Зборовскими расположились военными станами, каждый в назначенном себе месте под Варшавою (на равнинах Воли), готовясь в случае нужды с оружием в руках поддерживать своего избранника; но на противоположном берегу Вислы, под Каменкою, расположились особым станом литовцы, у которых был свой кандидат — царь московский.

20 декабря 1586 года в Москве узнали о смерти Батория. Недавний опыт показал, как важно было для Московского государства избрание короля в Польше: Иоанн IV не хотел употребить деятельных мер для получения польского престола, допустил сесть на нем Баторию и потерял прибалтийские области, принужден был заключить постыдный мир с Литвою; но Иоанн во время избрания не знал еще характера Батория и мог презирать этого бедного средствами князька трансильванского; теперь же бояре Феодора не могли не видать страшной опасности, которая грозила их государству в случае, если б избран был на престол королевич шведский и два соседние и враждебные Москве государства соединились под одним главою. Вот почему в Москве решили деятельно хлопотать о приобретении в Польше и особенно в Литве приверженцев царю Феодору.

20 января 1587 г. уже отправлен был дворянин Ржевский в Литву с царскою грамотою к панам, в которой говорилось: «Вы бы, паны рада, светские и духовные, смолвившись между собою и со всею землею, о добре христианском порадели, нашего жалованья к себе и государем нам на Корону Польскую и Великое княжество Литовское похотели, чтоб этим обоим государствам быть

под нашею царскою рукою в общедательной любви, соединении и докончании; а мы ваших прав и вольностей нарушать ни в чем не хотим, еще и сверх прежнего во всяких чинах и вотчинах прибавлять и своим жалованьем наддавать хотим». Кроме этой общей грамоты, посланы были отдельные к каждому вельможе: каждого царь приглашал стараться об его избрании с братьею своею, племянниками и целым родом. Потом каждый боярин писал к соответствующему себе по месту пану литовскому с тем же предложением. Ржевскому дан был такой наказ: «Если паны литовские станут говорить, что они государя царя к себе на государство хотят, но польские паны не хотят, и если они от королевства Польского отложатся, то государь будет ли за них стоять? — отвечать: сами знаете, что поляки верою с христианами розны, а вы, паны рада литовские и вся земля Литовская, с нашею землею одной веры и одного обычая, так вы бы пожелали себе государя нашего, христианского государя, а если будет Литовское государство соединено с Московским, то государю нашему Литовской земли как не оберегать? Если будут оба государства на всех недругов заодно, то Польская земля поневоле будет присоединена к Московскому и Литовскому государствам, а государю то и любее, что Литовское великое княжество будет вместе с его государствами. И как нашему государю за это не стоять? Начальное государство Киевское от прародителей следует нашему государю, а теперь изневолено, от Литовского государства оторвано к Короне Польской; и не одним Киевом польские люди завладели у вас, панов литовских, да присоединили к Польской земле насильством; так государю нашему как всего этого у поляков не отнять и к вам и к государству Московскому не присоединить?» Ржевскому наказано было также: «Увидится с ним Тимоха Тетерин, Давид Бельский, Мурза Купкеев и другие отъезжие в Литву и станут спрашивать, есть ли к ним государев приказ, то отвечать, чтоб они государева жалованья к себе поискали, государю послужили и доброхотали; а что они пред государем проступили, дерзость сделали, в Литву отъехали, и они б в том себе никакого сомненья не держали: государь эту вину отдаст им, если на государствах Польском и Литовском будет, и во всем их пожалует по отечеству: которые из них захотят быть в Русском государстве, тех государь пожалует вотчинами и поместьями, устроить велит в Московском государстве по их достойнству; а они бы теперь государю службу свою показали: что проведают у панов рад о государском деле — которые паны захотят к себе государя на государство и которые не захотят,— о том бы проведывая, послам сказывали и государю доброхотали. Если паны станут говорить, чтоб государь дал им на государство брата своего, царевича Димитрия, то отвечать: «Это дело не сходное: царевич еще молод, всего четырех лет; а вам чего лучше, как быть под царскою рукою

в обороне и жить по своим обычаям, как у вас ведется и как вам захочется»».

Паны литовские отвечали на посольство Ржевского, что дело избрания должно решиться на общем сейме в Варшаве, куда царь должен отправить своих послов. Богатый купец литовский, Лука Мамонич, имевший торговые связи с Москвою, говорил Ржевскому от имени трех панов — Николая Радзивилла, Льва Сапеги и Федора Скумина: «Паны эти государю радеют и говорят, чтоб государь ваш непременно отправил послов своих великих на *елекцию* (олекцею); к панам радам и к рыцарству обеих земель прислал бы свои грамоты с любовию и ласкою, не так бы высоко было выписано в грамотах, как теперь, потому что паны польские люди сердитые и упрямые, к ним надобно писать ласково, а государю великому какой в том убыток будет? Рыцарству бы написать, что государь их пожалует, заплатит им все жалованье из своей казны, чего король Стефан им не заплатил, а всего денег будет немного: тысяч с пять или шесть, да и этих денег рыцарство не возьмет на государе, только было бы в грамоте написано, для того чтоб они за государя вашего стояли. Стефан король обещал рыцарству все деньги заплатить и присягал, но ни одного пенязя на нем не взяли. Да и к панам бы государево жалованье было: теперь к панам присылают цезарь и другие княжата с поминками большими и с ласкою, доискиваясь государства». Ржевский отвечал на это, что государю послов своих на большой сейм к панам посылать непригоже.

Но сношения этим не кончились. В Литве не боялись от Феодора того, чего боялись от Иоанна, и тем сильнее желали избрания московского царя; притом литовские паны не хотели порвать с последним из боязни, чтоб он не воспользовался междуцарствием и не послал войска в их пределы. Вот почему еще в апреле того же года двое знатных послов литовских, Черниковский и князь Огинский, приехали в Москву с просьбою о продолжении перемирия до конца 1588 года. Просьба эта была принята очень охотно, причем бояре говорили: «Мы все бояре и думные люди со всею землею хотим и у бога просим, чтобы государство Московское, Польское и Литовское были под одною царскою рукою. Выехали недавно к нам выезжие литовские люди на Псков и сказывали, будто некоторые паны для денег, что раздает королева, выбирают шведского королевича, пишут и выставляют большие прибытки, которые Польша и Литва от этого получат. Но кто выбирает шведского королевича, тот христианству убыток замышляет, а не прибыток, будет такое же кровопролитие, что и при Стефане короле: как скоро шведского выберете, то между нами и вами, да и между всеми христианами пойдет кровопролитие и не перестанет». Послы захотели напомнить, что войны Стефана не были невыгодны для его государства, и спросили: «Что же дурного

при Стефане короле делалось?» На это им отвечали: «Мы вам про Стефана правду и про его к вашему государству доброхотство расскажем подробно, только вы не подосадуйте. Со стороны нашего государя прибыток и нам, и вам, и всему христианству будет: государь наш — государь христианский, богобоязливый, милосердый, ласковый до всего христианства, а другие *рядовые* государи выбираются на государство, а любви к нему не имеют, как, например, Стефан король, который присягал султану привести поляков и литовцев к нему в подданство; писал он к турскому султану в тайных своих грамотах, чтоб султан рать готовил на литовских и польских панов, таковы-де есть в Польше и Литве люди богатые, денег тысяч до пяти сот золотых ефимков и всякой казны много без числа, их надобно протрясти, чтоб они гордости своей посбавили, а то они очень спесивы теперь. У нашего же государя у самого богатства бесчисленные, и, казны своей не жалея, хочет он защищать как Московское государство, так и Польское и Литовское от татар и турок: от Крыма по Дону, Донцу и Днепру поставит своих людей, города поделает и на Крым наступит своею казною, чтоб на Подолье и на Волынскую землю, и на Польскую, и на Литовскую вперед те поганые никто не приходил, в доходы и прибытки королевские государь вступаться не хочет, обещает все это отдать панам радным и всему рыцарству, да еще из своей казны польским и литовским панам радным и всему рыцарству хочет наддавать, и в своих государствах у новых городов в степи хочет польских и литовских людей землями жаловать. За грехи всего христианства у вас к нам ненависть, и эта ненависть всему христианству вредит, покой и любовное соединенье во всем христианстве разоряется, и для того надобно вам, всем панам, советовать то, что к прибытку всему христианству, да неповинны будете в крови христианской пред вседержителем богом. И то пригоже знать всякому христианину, что за приязнь христианам с погаными? Если бы государства ваши с царством православного государя нашего соединились, то все поганские государи руки бы свои опустили: пришлось бы им тогда уже себя беречь, а не христианство пленить: Молдавия, Валахия, Босния, Сербия и Венгрия, которые за турками, достались бы Польше и Литве, а что поближе к нам — Крым, Азов, Кафа, Черкасы и другие орды достались бы Москве, потому что и теперь трое крымских царевичей со многими людьми уже на стороне нашего государя, готовы в Астрахани. А только будет избран шведский королевич, то этих татар, которым было из Астрахани и из-за Волги идти на Крым, поворотят на Литовскую землю. Если же выберете нашего государя, то он будет стоять на бусурманов сам своею царскою *персоною* (парсуною) и со всеми своими людьми, станет помогать своею казною, а панских обычаев и вольностей ни в чем не нарушит, и ничего у них не захочет; а что какие до-

ходы собираются с Польской и Литовской земли, то все государь наш уступит панам радным, и что у них старая казна прежних королей и что вновь к ней прибавлено, и что из Венгрии привезено, из того ничего государю нашему не надобно, много у государя нашего и своей всякой казны, и столько пожитку всякого, как в его государстве, ни в каком государстве нет, встреч многих, что Польше и Литве были в убыток, государю нашему не надобно: он приедет с своим кормом и с своими всякими государскими обиходами, а вашего ничего государю нашему не надобно, кроме ласки; государь наш с своею казною к вам приедет, чтоб из своей казны можно было всяким тамошним людям давать».

В Москве так опасались соединения Польши и Литвы с Швециею под одним государем, что не находили более непригожим отправить великих послов на сейм; эти послы были двое бояр: Степан Васильевич Годунов и князь Федор Михайлович Троекуров с знаменитым дьяком Василием Щелкаловым. В Литве также сильно хотели избрания Феодора: перехвачены были грамоты жителей Вильны к царю; но в Литве московские приверженцы хорошо понимали, какие важные препятствия этому избранию встретятся на польском сейме. Литовский подскарбий, Федор Скумин, говорил московскому послу Ржевскому: «Я христианин вашей греческой веры, и отец с матерью у меня были христиане, так я вам говорю по своему христианству: мы все хотим, чтоб нам с вами быть в соединении на веки, чтоб ваш государь пановал на наших панствах, только бы дал бог нам три колоды пересечь, за что все паны радные стоят и стоять будут: 1) чтоб государю вашему короноваться у нас в Кракове; 2) писаться в титуле прежде королем польским и великим князем литовским; 3) чтоб государю веру переменить; вы говорите, что не только государю, и вам о том мыслить нельзя, это правда, я с панами радными говорил: христианину как веру свою оставить? Если мы эти три колоды, даст бог, перевалим, то будем с вами в вечном соединении».

Кроме обещаний, которые бояре давали в Москве послам литовским, Годунов и князь Троекуров должны были предложить еще на сейме, что государь платит из собственной казны до 100 000 золотых венгерских ратным людям, которым остался должен Стефан Баторий; что по изгнании шведов из Эстонии все города ее будут уступлены Литве и Польше, кроме Нарвы; что купцам польским и литовским открыт будет путь во все московские области и дальше во все восточные страны; что между жителями соединенных государств будет позволено свободное сообщение и сватовство. Насчет пребывания царя в Польше (четвертой колоды, о которой забыл Скумин) послы должны были сказать: побыв немного в Польше и Литве, государь опять поедет в Москву и будет жить на своем прежнем государстве; в Польше же и Литве

всем управляют паны радные по прежнему обычаю, по своим правам и вольностям. Послов, которые придут с неважными делами, отправлять панам радным, обославшись с государем, а которые придут с великими земскими делами, тем быть у государя в Москве, а у государя в то время быть из Польши и Литвы по два пана радных, да по писарю.

В случае, если сейм не согласится на избрание Феодора, послы должны были говорить, чтоб избрали цесарева брата Максимилиана: «Государю царю то будет любо же потому, что Максимилиан великого государя сын и на таких великих государствах быть ему пригоже; а выбирать шведского и других поморских непригоже: это государи непристойные, о христианстве не радеют и всегда кровопролития христианского желают». Желание помешать выбору Сигизмунда шведского и трудность соглашения в мерах относительно управления двумя государствами, из которых ни одно не хотело уступить другому ни в чести, ни в выгодах, привели московское правительство к мысли предоставить Польшу и Литву полному самоуправлению, лишь бы они по имени только признавали своим государем царя московского; в этом смысле Годунову и Троекурову было наказано: «Выберут ли нас себе государем или приговорят быть под нашею царскою рукою, а управляться самим — все равно, соглашайтесь, только пусть будут с нами в соединении и докончании на всякого недруга заодно; только этим промышляйте, этим свою службу и раденье нам покажите, чтоб дал бог вам, не сделавши дела, не разъехаться».

В Литве обрадовались, что московский государь согласился действовать решительно для достижения короны польской и литовской, согласился отправить великих послов на сейм, и послы эти оказывали большую учтивость, не спорили, как прежде, о мелких церемониях. Выезжавшие навстречу литовцы говорили послам: «Теперь мы встречаем вас, великих послов государя православного; и дал бы нам бог всею землею встретить самого вашего государя к себе. В Литовской земле во всех поветах все рыцарство и вся земля уложили на том: хотят выбирать себе государем вашего государя». Приставы говорили послам: «Вы показали уступчивость большую против прежних обычаев: прежде, когда приставы приезжали к послам вашего государя и от короля, то послы о шапках спор поднимали и против королевского имени шапок не снимали тотчас; а вы теперь, великие послы, против речи панов радных, братьи своей, шапки сняли: и паны радные, братья ваши, принимают это от вас за великую учтивость».

Но в Литве скоро увидали, что московские послы по-прежнему разнятся от всех других послов, приехавших на сейм хлопотать об избрании своих государей; по-прежнему московские послы приехали без денег. Паны радные литовские послали писаря

сказать им: «Надобно вам промыслить сейчас же, выдать тысяч с двести рублей, для того, чтоб всех людей от Зборовских, и от воеводы познаньского, Гурки, и от канцлера, Яна Замойского, приворотить к себе на выбор вашего государя: как увидят рыцарские люди государя вашего грош, то все от Зборовских и от канцлера к нам приступят; а только деньгами не промыслить, то доброму делу никак не бывать, и будут говорить про вас все: «Что ж это за послы, когда деньгами не могут промыслить!»» Послы отвечали, что обо всем будут говорить с самими панами на посольстве. Потом ночью тайно приехал к ним воевода троцкий, Ян Глебович, с стольником коронным, князем Василием Пронским, и говорил: «Я государю вашему службу свою хочу показать, воеводу познаньского и Зборовских уговариваю, чтоб были с нами вместе и выбирали вашего государя, и на то уже их и навел: только у них люди наемные, которым срок приходит, и надобно воеводе познаньскому и Зборовским помочь деньгами, чтоб им было что наемным людям давать и против канцлера стоять». Послы отвечали, что об этом им наказа нет, да и казны с ними нет.

Несмотря, однако, на недостаток этого могущественного на избирательных сеймах средства — денег, сторона московская была очень сильна, не только между Литвою, но и между поляками, ибо для большинства избрание Феодора казалось самым верным выходом из борьбы двух сторон, Зборовских и Замойского. Когда выставлено было в поле три знамени: московское — шапка, австрийское — немецкая шляпа и шведское — сельдь, то под шапкою оказалось огромное большинство. 4 августа Годунов и Троекуров правили посольство в *рыцарском коле:* поставили послам скамью против больших панов, а кругом того места сидели паны же радные и послы поветовые. Увидавши, что для них приготовлена скамья, что паны и послы поветовые все сидят, московские послы начали говорить панам радным: «В обычае не ведется ни в каких государствах, что послам, пришедшим от государя своего, речь говорить сидя, и нам как это сделать, что посольство государя своего сидя править? Мы станем от государя посольство править стоя, и вам пригоже государя нашего речь от нас слушать стоя же». Паны отвечали: «Мы вам сказываем, как у нас в обычае ведется, не спорьте об этом, правьте посольство сидя, а мы при имени государя вашего будем вставать». Послы продолжали спорить; наконец паны сказали: «Мы вам обычай здешний сказываем; вы не слушаете, так делайте как хотите: мы сядем, а вы как хотите, так посольство и правьте, на вашей воле». Сказавши это, паны сели, и послы правили посольство сидя.

Для рассуждения о подробностях условий выбора назначили 15 панов духовных и светских, которые должны были съехаться

с московскими послами в селе Каменце, близ Варшавы. Здесь тотчас же обнаружились те колоды, пересечь которые Скумин считал таким трудным делом. Паны спросили послов: соединит ли государь свое Московское государство с королевским так, как Литва соединена с Польшею, навеки и неразрывно? Приступит ли к вере римской? Будет ли послушен папе? Будет ли венчаться в Кракове в латинской церкви от архиепископа гнезненского? Причастие опресночное примет ли и церковь греческую с римскою соединит ли? Приедет ли в Варшаву через 10 недель после избрания? Напишет ли в своем титуле королевство Польское выше царства Московского? Бояре отвечали: королевство Польское и Великое княжество Литовское соединятся с Московским государством навеки так, чтоб им против всякого недруга стоять заодно, чтобы жители их могли свободно ездить из земли в землю, жить, свататься и жениться с позволения государя. Государь останется в православной вере; венчаться на королевстве будет или в Москве, или в Смоленске; будет уважать папу, не будет препятствовать ему в управлении польским духовенством, но не позволит мешаться в дела греческой церкви. Корона Польская будет под царскою шапкою Мономаховою; титул будет: царь и великий князь всея Руси, владимирский и московский, король польский и великий князь литовский. «Хотя бы,— сказали послы,— и Рим старый и Рим новый, царствующий град Византия, начали прикладываться к нашему государю, то как ему можно свое государство Московское ниже какого-нибудь государства поставить?» Относительно времени приезда в Польшу послы объявили: «В том волен бог да государь: как захочет, так к вам и приедет, нам того угадать нельзя и наказа нам государь об этом не дал».

Паны отвечали, что на этих условиях Феодор не может быть избран, и особенно настаивали на вопросе о деньгах, которые царь как можно скорее должен выдать для подкрепления стороны своей на сейме и для найму войска, потому что в случае царского избрания враги с разных сторон нападут на Польшу; приводили в пример щедрость императора и короля испанского. Послы говорили на это: «Государь наш на наемных людей казны своей даст, что будет пригоже. Вы говорите, что цесарь и король испанский для своего избрания дают вам казну большую, да еще на много лет; но государь наш хочет быть королем польским и великим князем литовским не для своего прибытка и чести, а только для покоя христианского, для избавления и расширения этим государствам. Приводит государь наш то себе на память, что давно уже Московское государство и Корона Польская, и Великое княжество Литовское между собою в неприятельстве, и кровь христианская с обеих сторон лилась: так его бы государским смотреньем кровь литься перестала и были бы христиане в покое; а вы на такое государя нашего раденье о покое христианском не

смотрите, указываете на цесареву да на испанского короля казну. Ваша воля, если вам деньги христианского покоя лучше. А государю нашему ваши государства зачем покупать? С божиею помощью государь наш сидит на своих государствах. Государь наш хочет, чтоб между всеми христианами утвержден был покой и стоять бы всем христианам на бусурман заодно; но если вы говорите, что государь наш должен дать свою казну, должен велеть биться с теми людьми, которые не захотят его выбрать, то, значит, он должен воздвигнуть еще больше кровопролития между христианами, а не покой христианам сделать». Паны отвечали: «По всем этим статьям, которые между нами в разговоре были, государю вашему у нас в государстве быть нельзя». Тогда послы, исполняя наказ, объявили, что царь, если не может быть избран сам, желает избрания эрцгерцога Максимилиана. На это паны отвечали: «Непригоже государю вашему, да и вам государя нам указывать; знаете сами, что мы ни по чьему указу государя себе не выбираем; выбираем, кого нам бог укажет по нашим вольностям». На втором съезде паны опять начали дело о деньгах, спросили: «Даст ли им государь на скорую оборону 200 000 рублей? Без чего об избрании Феодора говорить нельзя». Послы отвечали, что государь государства не покупает; но если будет избран, то они, послы, занявши, дадут до 60 000 золотых польских. Паны возразили, что этого мало; послы прибавили до 100 000; паны не согласились и на это; они говорили: «Царь обещает давать шляхте землю по Дону и Донцу; но в таких пустых местах какая им прибыль будет? Да далеко им туда и ездить. У нас за Киевом таких и своих земель много. Как вам не стыдно о таких землях и в артикулах писать! Будет ли государь давать нашим людям земли в Московском государстве, в Смоленске и северских городах?» Послы отвечали: «Чья к государю нашему служба дойдет, того государь волен жаловать вотчиною и в Московском государстве». Паны спрашивали: «Заплатит ли государь войску долги королей Сигизмунда-Августа и Стефана?» Послы отвечали, что государь заплатит за одного Стефана что пригоже, но за Сигизмунда-Августа платить не будет. Паны говорили: «Что эта за вольность, что нашим людям к вам ездить вольно, а вашим людям к нам ездить можно только с доклада государя? Но если государь ваш не позволит никому ездить, то ездить и не станут?» Паны говорили долго, чтоб было вольно ездить людям с обеих сторон, как захотят; но послы им решительно в этом отказали: «У вас,— говорили они,— в ваших государствах людям вольность ездить во все государства; а в Московском государстве того в обычае не живет, что без государева повеленья ездить по своей воле и вперед тому быть непригоже, о том вам много говорить не надобно». Между тем шли споры между панами духовными и светскими, приверженцами Максимилиана, Сигизмунда и Феодора.

Кардинал Радзивилл говорил, что «избрание московского царя очень выгодно для республики, но препятствием непреодолимым служит религия. Притом это наследственный враг нашего народа: недостойно было бы нам неприятеля взять в государи. Опричнина его также была бы нам тяжела. Если при покойном короле нам тяжелы были несколько сот гайдуков, то опричнина будет еще тягостнее. Но, что всего важнее, московский не способен к правлению, не имеет достаточного к тому разума». Христоф Зборовский также указывал на неспособность Феодора, выставлял сомнения, будут ли исполнены обещания? «По-моему, невозможное дело,— говорил он,— чтоб этот гордый народ москвитяне, который придает важность даже снятию шапки, мог согласиться, чтоб государство его было присоединено к короне, скорее захотят они приставить Польшу к Московскому государству, как рукав к кафтану». Приверженцы Феодора возражали, что насчет умственных способностей его ходят разные слухи, а дела его неразумия не показывают: он укротил внутренние раздоры, что гораздо труднее, чем вести удачно внешние войны, как внутреннюю рану труднее вылечить, чем наружную. Пленных выпустил без окупа: все это показывает в нем человека разумного и милосердного. Особенно приверженцы Феодора хвалили его за отпуск пленных без окупа.

В то время как происходили эти споры и переговоры с московскими послами, которые не вели ни к чему решительному, сторона австрийская, то есть сторона Гурки и Зборовских, слабела ежедневно и вследствие народного нерасположения к Австрийскому дому, к немцам, и вследствие явного стремления вождей партии к мерам насильственным, желания решить дело поскорее междоусобною битвою. Сильный удар нанес австрийской партии примас королевства Карнковский, открыто перешедший на сторону Замойского. Папский нунций и другие члены австрийской партии, видя затруднительность своего положения, не раз пытались помирить Зборовских с Замойским, чтобы отвлечь последнего от Сигизмунда, предлагали сделку, обещали, что Максимилиан австрийский, ставши королем польским, женится на Анне шведской, сестре Сигизмунда. Замойский колебался, ибо сам находился в затруднительном положении: несмотря на то что сильное большинство панов и шляхты было на его стороне, денежные средства его истощились; около Варшавы съестные припасы были страшно дороги, вследствие чего паны и шляхта, не имея возможности кормиться, разъезжались с сейма: таким образом, материальные силы Замойского уменьшались, тогда как у Зборовских было наемное войско, содержавшееся на австрийские деньги. В одну ночь, когда Замойский волновался тяжелыми мыслями о своем положении, о невозможности достать денег для удержания своих приверженцев, а с другой стороны,

об унижении, о безотрадном будущем в случае избрания австрийца и торжества Зборовских, которые во всяком случае останутся на первом месте при Максимилиане, вдруг вошел к нему примас Карнковский и объявил, что медлить более нечего и что он готов провозгласить королем Сигизмунда. Замойский согласился, и 19 августа (нового стиля) Сигизмунд был избран стороною Замойского; но сторона Зборовских не согласилась уступить противникам и 22 августа провозгласила королем эрцгерцога Максимилиана. Литва не участвовала ни в том, ни в другом избрании; по свидетельству современников, не мало было и поляков, которые оба избрания считали неправильными.

Вследствие этого разъединения к московским послам приехали опять депутаты от панов и объявили, что Замойский с товарищами избрали Сигизмунда, а Литва вся и большая половина поляков хотят избирать московского царя, но не могут провозгласить его, ибо не решено еще дело об условиях избрания, и потому пусть послы объявят решительно: приступит ли государь к римской вере? Можно ли ему приехать в 10 недель? Каким обычаем государю титул свой описывать, ибо корона не может быть под шапкою, которая называется царскою? Даст ли государь сейчас же на скорую оборону 100 000 рублей? Послы отвечали, что на все это ответ дан и другого не будет.

Этим ответом дело было кончено с Польшею, но не с Литвою. Литовские паны послали сказать послам: «Замойский выбрал шведского королевича, воевода познаньский — Гурка да Зборовские выбрали цесарева брата; а мы все, литва и поляков большая половина, хотим государя вашего, да стало дело за верою и за приездом, что государь ваш скоро не приедет: только б нам государя вашего приезд был ведом вскоре, и мы бы, избравши вашего государя, тотчас все своими головами рушились к Кракову и короны не дали бы ни шведу, ни цесареву брату. Теперь нам приезд государя вашего не ведом, и за этим да еще за верою нам государя вашего выбрать нельзя, а шведа и цесарева брата мы также не выбрали и вперед их не хотим, елекцию мы разорвали и хотим назначить новый съезд для избрания государя. Вечного мира теперь нам с вами заключить нельзя, потому что время коротко, да и нас, панов-рад мало, многие уже разъехались: заключим теперь перемирие». Послы согласились, и заключено было перемирие на 15 лет, причем каждое государство осталось при своем. Когда перемирие было заключено, заехали к послам на подворье воевода виленский Христоф Радзивилл да воевода троцкий Ян Глебович и говорили им тайно, выславши всех людей: «Через пять недель будет у нас, у литвы, съезд всем людям в Вильне, и у поляков, которые шведа и цесарева брата не выбирали, также съезд будет; все мы хотим того, чтоб у нас государем был ваш царь, если же не будет у нас ваш государь, то разве

потому только, что сам не захочет. Вы теперь с гонцом отпишите к государю наскоро, что если он хочет быть у нас государем, то прислал бы на съезд в Вильну гонца с грамотами наскоро, а в грамотах к панам литовским и ко всей Литовской земле хвалил бы их и благодарил, что они его себе государем выбрать хотели и имя его выставляли, и просил бы их, чтоб и вперед так делали. А о вере бы написал так: вы бы меня на государство выбрали, а за верою не останавливались: от греческой веры отступить и к римской приступить мне нельзя; а как меня на государство выберете, то я сейчас же отправлю посла своего к папе с прошеньем, чтоб меня в том не нудил; о приезде своем написал бы государь, что будет после того, как его провозгласят, через три месяца или немного позднее; да на скорую оборону дал бы 100 000 рублей, и мы тотчас государя вашего обеими землями выберем. О цесареве же брате государь бы ваш к нам не писал: если будет писать, то всех людей от себя отгонит; мы уже лучше приступим все к шведу. Цесарева брата и помянуть у нас никто не хочет, потому что он не богатый государь, да и весь в долгах; а цесарь, брат его, и сам должен, и дань дает турскому султану; и как только цесарев брат у нас на государстве будет, то он тотчас захочет богатеть и долги платить, а все это станет с нас лупить. Захочет с турским воевать, все с нас же сбирать станет; а своего ему на войну дать нечего: мало ли что сулит, чтоб только его выбрали, а на самом деле нет ничего. Да и потому цесарева брата не хотим: которые государства поддались цесарю, и он у них все права поломал, и дань на них наложил такую, что стянуть нельзя. У нас писанное дело, что немецкий язык славянскому языку никак добра не смыслит: и нам как немца взять себе в государи? Если уже государь ваш не захочет у нас быть на государстве, то написал бы в грамотах, чтоб мы выбрали себе государя из своего народа, что у нас слывет *пяст:* это нашим людям всем будет любо. Да и то у нас, у литвы, есть в разговорах; если поляки с нами на избрание вашего государя не согласятся, то мы: Литва, Киев, Волынь, Подолье, Подляшье и Мазовия, хотим от Польши отодраться: так государь ваш нас возьмет ли и на одной Литве без Польши у нас государем будет ли, и за нас своею силою станет ли?»

С ответом на этот важный вопрос отправлен был в Литву дворянин Ржевский, который повез также богатые подарки для каждого пана, ценою на 20 000 нынешних рублей. В грамоте своей к панам царь писал: «Мы у вас государем быть хотим: только нам теперь к вам ехать нельзя, потому что вы себе не одного государя выбрали, и многие хотят того, чему статься нельзя, чтоб мы, оставя свою истинную православную христианскую веру, пристали к римской вере; сами подумайте, как этому можно статься? А если бог даст вперед, как нам будет время, то мы к

вам ехать хотим». По тайному наказу Ржевский должен был сказать панам: «Только возьмите себе в государи нашего государя и будьте под его царскою рукою, а всем управляйте сами в Короне Польской и Великом княжестве Литовском по своим правам и вольностям. А потом государь наш, когда рассмотрит вас и вашу к себе ласку увидит, а вы государскую милость к себе увидите, то государь поедет к вам короноваться по своей государской воле, как ему время будет; короноваться ему по греческому закону, а к римской вере приступить и помыслить ему нельзя. Надобно будет вам теперь на скорую оборону денег, то, как скоро выберете нашего государя, он даст вам русскими деньгами до 70 000 рублей, а польскими золотыми до 230 000». Паны отвечали на это, что царь не может быть королем без принятия римской веры: «Государь ваш,— говорили они Ржевскому,— сам порвал дело тем, что писал в своих грамотах; у нас никогда не бывало, чтоб король короновался по греческому закону; хотя бы мы все паны радные на это согласились, то архиепископы и епископы никак не согласятся, а видите и сами, что у нас в Раде они большие люди и стоят крепко за то, чтоб король у них был римской веры, и никому против них в том устоять нельзя; государю вашему вовсе не надобно было писать в грамотах, что ему короноваться по греческому закону». Ржевский доносил, что государево жалованье паны приняли с большою благодарностию, много челом били и обещали заслужить за него государю; не взял соболей один Николай Христоф Радзивилл, сказавши, что дал богу обещание не брать даров ни у которого государя. Но и отпустивши Ржевского с решительным отказом, литовские паны велели везти его тихо, все поджидая вестей из Польши, и велели везти не мешкая только тогда, как узнали, что Сигизмунд уже короновался [87].

Паны литовские имели право медлить и ждать вестей из Польши, потому что оба соперника — Сигизмунд и Максимилиан не хотели уступить друг другу без кровопролития. Максимилиан приблизился к Кракову, но принужден был отступить, после неудачной попытки овладеть городом. Сигизмунд беспрепятственно вступил в Краков и короновался; Замойский двинулся за удалившимся Максимилианом и при Бычине, в Силезии, взял его в плен после кровопролитного сражения. Так исполнились, по-видимому, замыслы Замойского, грозившие бедою Москве. Но у Замойского была одна судьба с Баторием. Стремления Батория шли наперекор всей истории того государства, где он призван был царствовать; стремления Замойского шли наперекор великому движению, господствовавшему тогда во всей Европе, и понятно, что дело знаменитого канцлера и гетмана обратилось немедленно против него самого. Замойский надеялся, что при соединении двух могущественных государств, Польши и Швеции,

«Сигизмунд если не всем Московским государством овладеет, то по меньшей мере возьмет Псков и Смоленск, а военными кораблями шведскими загородит морскую дорогу в Белое море, отчего Московскому государству великий убыток будет». Но на первом плане тогда в Европе было религиозное движение; новый король польский, наследный принц шведский, долженствовавший поэтому соединить оба государства под одною державою, был, подобно Фердинанду II австрийскому, вполне человек своего времени, человек, которым господствующий интерес времени владел неограниченно. Сигизмунд был ревностный католик и хотел доставить торжество своему исповеданию всюду, во что бы то ни стало, все поступки его естественно и необходимо вытекали из того положения, в какое он, по убеждениям своим, поставил себя относительно господствующего интереса времени. Как ревностный католик, Сигизмунд стал одним из главных деятелей католического противодействия и потому сильно сочувствовал учреждению, имевшему целию торжество католицизма над всеми другими христианскими исповеданиями, сильно сочувствовал иезуитам, подчинялся их внушениям. Будучи похож на Фердинанда II и нисколько не похож на Генриха IV, французского, Сигизмунд не был способен к сделкам в деле веры: ставши королем шведским, он не хотел позволить, чтоб в Швеции господствовал протестантизм, вследствие этого потерял отцовский престол и вместо соединения произвел ожесточенную борьбу между Швециею и Польшею; так же точно потом он не мог позволить сыну своему Владиславу принять православие и тем самым заставил жителей Московского государства встать как один человек против поляков; в областях польских и литовских он не мог быть равнодушен относительно диссидентов и, поддерживая унию, приготовил отпадение Малороссии; в отношении к западным соседям он не мог не сочувствовать католическим стремлениям Австрийского дома и потому из соперника немедленно сделался ему другом и союзником. Так жестоко обманутыми были все надежды Замойского.

В Москве скоро могли уверяться в разрушении замыслов Замойского и освободиться от страха, который внушало сначала избрание шведского королевича на польский престол. Подьячий Андрей Иванов, отправленный в Литву для вестей, писал, что нового короля Сигизмунда держат ни за что, потому что промыслу в нем нет никакого: и неразумным его ставят, и землею его не любят, потому что от него земле прибыли нет никакой, владеют всем паны. Нужно было ласкать этих панов, особенно литовских, и Годунов писал к самому могущественному из них, виленскому воеводе Христофу Радзивиллу: «Ведомо тебе, брату нашему любительному, что я, будучи у великого государя в ближней Думе, всегда радею, и с братьями своими, со всеми боя-

рами, мудрыми думами мыслим и промышляем и государя всегда на то наводим, чтоб между ним и вашим государем была любовь. Послал я к тебе от своей любви поминок, платно — кизильбашское (персидское) дело, а прислал ко мне это платно в поминках персидский Аббас-шах с своего плеча». Потом Годунов писал к Радзивиллу, что за его Борисовым челобитьем с литовских купцов пошлин в Москве не брали и благодаря ему же опалы на них не положено за то, что они подрались с приказными людьми.

Всего важнее для Москвы было то, чтоб Польша и Литва не действовали заодно с Швециею, война с которою считалась необходимостию: Баторию при Иоанне уступлена была спорная Ливония, но в руках у шведов остались извечные русские города, возвратить которые требовала честь государственная. В начале царствования Феодора, при жизни Батория, о войне с Швециею думать было нельзя, ибо с часа на час ждали разрыва с Литвою. Эстонский наместник, известный Делагарди, узнав о смерти Грозного, спрашивал у новгородского воеводы, князя Скопина-Шуйского, будет ли соблюдаться Плюсский договор, заключенный при покойном царе, и приедут ли московские послы в Стокгольм для заключения вечного мира? Делагарди прислал и опасные грамоты на послов. Требование, чтоб московские послы ехали в Стокгольм, было большим оскорблением для московского правительства, не привыкшего соблюдать даже и равенства в сношениях с шведским, притом в письме Делагарди титул царский был написан не так, а король назван великим князем Ижорским и Шелонской пятины в земле Русской. Не получая долго ответа, Делагарди прислал вторую грамоту, снова приглашая московских послов приехать в Швецию. На эту грамоту отвечал ему второй новгородский воевода, князь Лобанов-Ростовский: «Ты пришлец в Шведской земле, старых обычаев государских не ведаешь, как отец государя вашего ссылался с новгородскими наместниками. Государю нашему опасные королевские грамоты на послов ненадобны, то дело непригожее, и я эту опасную грамоту отослал с твоим же гончиком назад. А что ты писал государя нашего титул не по-пригожу, так это потому, что ты при государях не живал, государя нашего титула и не знаешь, как его описывать». Делагарди обиделся этим ответом, обиделся и тем, что отвечал ему не первый новгородский воевода, а второй, и потому писал к Скопину-Шуйскому: «Я всегда был такой же, как ты, если только не лучше тебя», а к Лобанову-Ростовскому писал: «Вы все стоите в своем великом русском безумном невежестве и гордости; а пригоже было бы вам это оставить, потому что прибыли вам от этого мало. Будь тебе ведомо, что я издавна в здешнем высокохвальном государстве Шведском не иноземец, и не называют меня иноземцем. Пишешь, что некоторое время я не был при дворе своего государя — это правда: думаю, что об этом узнал твой государь и ты,

и другие его подданные, потому что я ходил с шведскою ратью в вашей земле и ее воевал. Знай, что мой король никак не пошлет своих послов в землю твоего государя до тех пор, пока все дела постановятся и совершатся на рубеже».

Переговоров на рубеже требовал и сам король Иоанн в грамоте к царю; но и эта королевская грамота заключала в себе также оскорбление для Феодора, потому что король не удержался, чтоб не высказать своей ненависти к отцу Феодорову; он писал: «Отец твой владел своею землею и подданными своими немилостиво, с кровопролитием; и сосед он был лихой и непокойный». Феодор отвечал: «Нам было непригоже отпустить к тебе твоего гонца: на гонцов, которые с такими укорительными словами приезжают, везде опалы кладут. Но мы государи христианские, за челобитьем бояр своих, для своего милостивого христианского обычая, на твоего гонца никакой опалы не положили. Мы твоему гонцу наших царских очей видеть не велели, потому что он с такою грамотою приехал: в грамоте написаны укоры нашему отцу, чего нигде не слыхано. А что ты писал, чтоб нам послов своих послать на съезд, и нам мимо прежних обычаев и за такие твои слова послов своих посылать было непригоже: но для своего царского милосердого обычая, по челобитью бояр, мы послов своих на съезд отправить велели».

В октябре 1585 года боярин князь Федор Шестунов и думный дворянин Игнатий Татищев съехались на устье Плюсы, близ Нарвы, с шведскими сановниками Класом Тоттом и Делагарди. Не имея возможности начать войну, московское правительство наказало своим послам не разрывать мира ни под каким видом; требовать сначала возвращения русских городов даром и, если не согласятся, предложить за них деньги, именно за Иван-город, Яму, Копорье и Корелу 15 000 рублей. Если шведские послы непременно будут требовать, чтоб царь писал себе короля братом, то по конечной неволе согласиться и на это; если же Иван-города отдать не захотят, то помириться и без него, давши за три другие города 6000 рублей. На требование московских послов возвратить города даром шведы отвечали: «Где слыхано, чтоб города отдавать даром? Отдают яблоки, да груши, а не города. Если отдавать города, то лучше отдать их литовскому: он присылал просить у нашего государя с большим челобитьем, и денег дает за них много, хочет помириться с нашим государем вечным миром и стоять заодно на вашего государя, да он же государю нашему в свойстве». Шведы требовали только за Яму и Копорье 400 000 рублей! Соглашались также менять земли на земли: уступали Яму и Копорье, но требовали за них Орешка или земель за Невою и Сумерского погоста; за вечный мир с братством предлагали даже деньги, только чтоб все спорные города остались за ними. На это предложение московские послы отвечали: «Велено

нам говорить о городах: Иван-городе, Яме, Копорье, Корсле, чтоб государь ваш отдал государю нашему его вотчину, а государь наш христианский хочет монастыри и церкви христианские воздвигнуть по-прежнему, чтоб имя божие славилось, потому что теперь все эти места разорены. Государь наш в своей вотчине, в дальних местах на степи, по Дону и за Тихою Сосною, поставил 12 городов и в них воздвиг монастыри и церкви; а были те места пусты лет по триста и по четыреста. А деньги государю нашему не надобны; много у нашего государя всякой царской казны и без вашего государя».

Во время переговоров Делагарди утонул при переезде через Нарову. Шестунов и Татищев дали знать об этом в Москву и получили ответ от царского имени: «Писали вы нам, что Пунтус Делагарди утонул; сделалось это божиим милосердием и великого чудотворца Николы милостию». Несмотря, однако, на то, что страшного Делагарди не было более, послам было предписано: давать за Иван-город, Яму и Копорье до 15 000 рублей и уже по конечной неволе заключить перемирие без городов, только ни под каким видом не разрывать. Послы видели конечную неволю, ибо переговоры не вели ни к чему, и в декабре 1585 года утвердили перемирие на четыре года безо всяких уступок.

Сношения возобновились летом 1589 года опять бранчивою перепискою: король Иоанн писал Феодору, что русские вторгнулись в шведские владения, жгли, грабили, били и мучили молодых и старых, что таким образом перемирие нарушено со стороны царя, и он, король, с воинскою силою стоит уже в Ливонии: если царь хочет мира, то пусть высылает великих послов ко дню св. Лаврентия; если же не хочет, то пусть знает, что он, король, не будет держать своих воинских людей без дела до перемирного срока. Царь отвечал: «Твоя грамота пришла к нам за день до св. Лаврентия, 9 августа. Мы грамоту твою выслушали и такому безмерному задору твоему подивились. Нам было за такие твои гордые слова и ссылаться с тобою непригоже; да мы великие государи христианские для своего царского милосердого обычая тебе объявляем». Отвергнувши известие о нападении русских на шведские области и укоривши в свою очередь шведов за нападения на московские владения, царь продолжает: «Ты писал, что не хочешь ждать до срока мирного постановления: таких гордых слов тебе было писать непригоже. А у нас у великих государей благочестивых русских царей изначала ведется: где наши послы и посланники не только переговоры закрепят крестным целованием, хотя где и слово молвят, и то непременно бывает. Если ты начнешь до срока войну, то кровь будет на тебе, а наши рати против тебя готовы. А что ты писал о послах: и нам было за такие задоры и за такие твои гордые письма ссылаться с тобою непригоже; но мы государи христианские, за челобитьем бояр наших

и чтоб разлития крови христианской не было, послов своих великих на съезд, на реку Нарову, к устью Плюсы-реки послали».

Эти послы были: окольничий князь Хворостинин и казначей Черемисинов. Они получили наказ: требовать Нарвы, Ивангорода, Ямы, Копорья, Корелы, за эти города заключить договор с *братством* и заплатить до 20 000 рублей, а без Нарвы давать только до 15 000; заключить вечный мир с братством даже за три города — Яму, Копорье и Корелу; если же шведы будут уступать только два города, то не решать дела без обсылки с государем. Когда уже послы отправились и переслались с шведскими послами насчет времени начатия переговоров, то получили новый царский наказ: «Говорить с послами по большим, высоким мерам, а последняя мера: в государеву сторону Нарву, Ивангород, Яму, Копорье, Корелу без накладу, без денег; если же не согласятся уступить этих городов без денег, то ничего не решать без обсылки с государем; если же согласятся, то заключить вечный мир без братства». Дело, разумеется, не уладилось. Шведские послы объявили, что они не уступят ни одной пяди земли, не только городов; русские отвечали им: «Государю нашему, не отыскав своей отчины, городов Ливонской и Новгородской земли, с вашим государем для чего мириться? Теперь уже вашему государю пригоже отдавать нам все города, да и за подъем государю нашему заплатить, что он укажет».

Такая перемена происходила оттого, что Баторий уже не было более, и хотя на престоле польском сидел сын шведского короля, однако отношения его к подданным нисколько не обещали тесного союза между ними и шведами. В Москву давали знать, что Сигизмунд непрочен в своих государствах, что Литва по крайней мере легко может поддаться царю. В грамоте своей к королю Иоанну Феодор грозил союзом с императором Рудольфом, с шахом персидским, прямо объявлял, что литовцы хотят ему поддаться. Иоанн отвечал: «Пришла к нам твоя грамота, писанная неподобно и гордо; мы на нее не хотим больше отвечать, а полагаемся на волю божию. Ты пишешь, что ждешь помощи от императора и других государей: и мы рады, что теперь стал ты бессилен и ждешь от других помощи. Увидим, какая помощь от них тебе будет! Пишешь, что Литва хочет под твою руку поддаться: все это ложь! Мы знаем подлинно, что Литва клятвы своей не нарушит. Знай, что мы оба, я и милый мой сын, можем наших подданных, которые нам не прямят, унять, и тебе за великую твою гордость отомстить. Отец твой в своей спесивости не хотел покориться, и земля его в чужие руки пошла. Хочешь у нас земель и городов — так попытайся отнять их воинскою силою, а гордостию и спесивыми грамотами не возьмешь».

В Москве решили не упускать благоприятного времени и попытаться возвратить государеву отчину воинскою силою.

В январе 1590 года многочисленное русское войско выступило к шведским границам; сам царь находился при нем; воеводами были: в большом полку — князь Федор Мстиславский, занимавший после ссылки отца первое место между боярами, в передовом полку — князь Дмитрий Хворостинин, считавшийся лучшим полководцем [88]; при царе, в звании дворовых, или ближних воевод, находились Борис Годунов и Федор Никитич Романов. Яма была взята; двадцатитысячный шведский отряд под начальством Густава Банера был разбит князем Хворостининым близ Нарвы; несмотря на неудачный приступ к Нарве, огбитый с большою для русских потерею, шведы видели невозможность продолжать с успехом войну и 25 февраля заключили перемирие на один год, уступив царю Яму, Иван-город и Копорье, обещая уступить и больше на будущем съезде посольском. Съезд не повел ни к чему, потому что шведы уступали Корельскую область, но русские не хотели мириться без Нарвы. Военные действия, однако, кончились на этот раз неудачною осадою Иван-города шведами. Московское правительство не решалось предпринимать нового похода: приступ к Нарве показал, что осада больших крепостей не может обещать верного успеха; а правитель Годунов по характеру своему всего менее был способен прельщаться предприятиями, не обещавшими верного успеха; с другой стороны, несмотря на все нежелание Литвы заступаться за Швецию и нарушать перемирие с Москвою, нельзя было надеяться, что Сигизмунд польский останется долго спокойным зрителем успехов Москвы в войне с отцом его; Швеция одна не казалась опасною; от нее не трудно было получить желаемое, да и немногого от нее требовалось; чего наиболее должны были желать в Москве — удачного похода, этого достигли: и Швеции, и Польше, а главное, Литве было показано, что Москва теперь не старая и не боится поднять оружия против победителей Грозного, и царь, которого называли не способным, водит сам полки свои; до сих пор приверженцы Феодора в Польше и Литве могли указывать только на успехи его внутреннего управления, теперь могли указывать и на успех воинский, а усилить приверженцев государя московского в Литве было важнее всего при том смутном состоянии, в котором находились владения Сигизмунда III. В Москву дали знать, что крымцы повоевали Литву, а Сигизмунд поехал к отцу и не возвратится в Польшу; тогда решили послать панам грамоты, припомянуть о соединенье, да и вестей проведать; посланы были грамоты от князя Мстиславского к кардиналу Радзивиллу, от Бориса Годунова к воеводе виленскому Радзивиллу, от Федора Никитича Романова к воеводе троцкому, Яну Глебовичу. Бояре извещали панов, что хан снова хочет идти на Литву, приглашали и царя воевать ее, но царь не согласился, что необходимо соединиться Литве с Москвою против неверных. Но эта задирка не

повела ни к чему: паны благодарили за доброе расположение к ним царя, но прибавили, что по вестям из Крыма сам царь поднимает хана на Литву. В то же время московское правительство должно было двинуть войско к Чернигову и требовать удовлетворения за обиду, нанесенную ему, впрочем, без ведома польско-литовского правительства. И твердый Баторий принужден был горько жаловаться на своевольство запорожцев, которых он величал разбойниками: в 1585 году они посадили в воду Глембоцкого, которого он послал уговаривать их, чтоб не тревожили крымского хана, не нарушали договоров, с ним заключенных [89]. Понятно, что своевольство козаков не могло укротиться по смерти Батория: собравшись из Канева, Черкас, Переяславля, они явились перед Воронежем, объявив тамошнему воеводе, что пришли стоять заодно против татар с донскими козаками; воевода поверил, давал им корм и поставил их в остроге у посада; но козаки ночью зажгли город и побили много людей. На жалобу московского правительства киевский воевода, князь Острожский, отвечал: «Писали паны радные к князю Александру Вишневецкому, велели ему схватить атамана запорожского, Потребацкого с товарищами, которые сожгли Воронеж; паны грозили Вишневецкому, что если он козаков не переловит, то поплатится головою, потому что они ведут к размирью с государем московским. Вишневецкий Потребацкого схватил и с ним 70 человек козаков».

Осенью 1590 года в Москву дали знать, что едут послы Сигизмундовы — Станислав Радоминский и Гаврила Война; затем пришло известие из Смоленска о странном поведении послов: побыв немного в этом городе, они вдруг вернулись назад. Смоленский воевода Траханиотов послал сына боярского *Андрея Дедевшина* [90] сказать им, что никогда так не водилось: не бывши послам у государя, возвратиться назад, и почему они возвращаются? Послы отвечали: «От прежних королей литовских к вашим государям послы хаживали, а такого бесчестья им не бывало: с голоду нас поморили, корму нам не дают, поставили нас с стрельцами, и мы нынче стали не послы, а пленники, приставы нас бесчестят. И мы идем назад: мы хотим с вами биться за такое бесчестье; побьем мы вас и пройдем назад — укору нам в том не будет; а вы нас побьете, то во всех землях отзовется, что московские люди побили послов». Воевода назад их не пустил, но и своим детям боярским биться с ними не велел. Послы пробили булавами головы двоим детям боярским; но когда наехали стрельцы и козаки, то Радоминский и Война, увидев многих людей, возвратились, только в отведенную им Богданову околицу не поехали, а стали на лугу в шатрах, корму от приставов не брали, а послали людей своих по деревням брать корм силою, и эти люди их начали жечь изгороды и ломать мельницы. В Можайске собирали для них корм губные старосты и городовой прикащик.

Годунов, не упускавший случая выставить себя с выгодной стороны, заискать расположение иностранцев, послал от себя корм на Вязему, в свое село Никольское, и пристав должен был сказать послам: «Надобно было вам стоять на Вяземе, а тут деревни в стороне от дороги, и дворцы худы, по боярским селам у великих людей не ставятся: но вот ко мне указ пришел от конюшего боярина, велит нам с вами стоять в своем селе на Вяземе; делает он это, желая между великими государями любовь братскую видеть, а вам, великим послам, почесть оказывая».

Чего особенно не желали в Москве, то и случилось: послы объявили, что царь нарушил перемирие, взявши шведские города, и должен возвратить их. Бояре отвечали, что государь таких безмерных речей и слушать не захотел. Бояре выставляли на вид, что царь вследствие челобитья панов велел двинуть войско в северские города на помощь Польше против турок, послы отвечали, что король и они об этом ничего не знают. Месяца два толковали об условиях вечного мира; послы просили Смоленска, потом просили хотя какой-нибудь уступки: «Хотя бы одну деревню государь ваш уступил нашему; а то как ничем не потешить на докончанье?» Бояре отвечали: «Деревня дело пустое, нашим братьям можно уступать друг другу деревни для любви; но великим государям не деревня дорога, дороги государское имя да честь; как государю нашему отдавать от любви и от соединенья города? Государю нашему не только города не давать, и деревни». Насчет вечного мира согласиться не могли, большое затрудненье и для заключения перемирия представляли отношения шведские: московское правительство хотело получить от Швеции Нарву; польское, поставившее условием избрания Сигизмундова присоединение Эстонии к Польше, никак на это не соглашалось. 1 января 1591 года государь велел быть у себя на соборе духовенству, всем боярам, думным дворянам и думным дьякам и говорил, что послы без Нарвы никак перемирья закрепить не хотят, а шведский перед государем ни в чем не исправится. И только теперь на шведского послать войско, а с литовским перемирья не закрепить, то литовский шведскому станет помогать, и в том государеву делу и земскому, надобно думать, будет не прибыльно. И приговорил государь с собором, чтоб теперь Нарвы не писать в обеих перемирных грамотах, ни в государеву сторону, ни в королевскую; да написать о Нарве боярам с послами договорные записи: с обеих сторон не воевать и города не доступать, пока государевы послы будут у короля и об нем договорятся. Заключено было перемирие на 12 лет; послы требовали, чтоб царь не воевал с Швецией, и царь согласился не воевать с нею год; согласился в продолжение всех 12 перемирных лет не трогать, кроме Нарвы, тех городов ливонских, которые теперь за шведским, но которые шведский уступает Короне Польской. В заключение

бояре говорили послам: «Написано в перемирных грамотах: татя, беглеца, холопа, рабу, должника, по исправе, выдать; это пишется исстари, а не соблюдается, беглецов никогда не выдают с обеих сторон: и этого слова в грамотах теперь не писать бы?» Послы отвечали: «Это слово старинное, отставить нам его нельзя; ведь это не те беглецы, что отъезжают от государя к государю: бывают беглецы по украйнам, которые живут близ рубежа, от шляхты и от детей боярских бегают мужики своровавши, да перешед за рубеж, живут невдалеке, и таких, сыскивая, отдают».

Послы Сигизмундовы выговорили, чтоб царь целый год не воевал с королем шведским; но не успели они еще выехать из Московского государства, как Иоанн в надежде на союз с крымским ханом велел своим воеводам возобновить военные действия. Зимою шведы пожгли села близ Ямы и Копорья; летом выслана была против них рать — в большом полку воевода Петр Никитич Шереметев, в передовом — князь Владимир Тимофеевич Долгорукий; этот передовой полк был разбит, Долгорукий попался в плен; с другой стороны, шведы напали на берега Белого моря, но здесь не имели успеха. А между тем великие московские послы — Салтыков и Татищев отправились в Литву взять с Сигизмунда клятву в ненарушении перемирия, ибо всего больше боялись иметь в одно время дело и с Польшею, и с Швециею. Послам дан был наказ: о корме с приставами не браниться, говорить гладко; объявить, что, несмотря на дурное поведение польских послов в Смоленске, по их жалобе, для Сигизмунда короля, государь велел приставов посадить в тюрьму, а воеводу с Смоленска свел и опалу на него положил. Наказано было: беречь накрепко, чтоб король на обеих грамотах крест целовал в самый крест прямо губами, а не в подножье, и не мимо креста, и не носом. В тайном наказе говорилось: «Если захотят Нарву писать в королевскую сторону, то, по самой конечной неволе, давать за Нарву до 20 и до 30 000, а по самой неволе и до 50 000 золотых венгерских, только бы перемирье закрепить и Нарву написать в государеву сторону; а по самой конечной неволе написать, что и Нарву государю не воевать во все перемирные 12 лет». С послами отправлены были в запас две опасные грамоты на случай, если какие-нибудь именитые люди из Польши или из Литвы захотят отъехать на государево имя. В грамотах говорилось: «Как у нас будешь, и мы тебя пожалуем своим великим жалованьем, устроить велим поместьем и вотчиною и денежным жалованьем по твоему достоинству». Послана была опасная грамота и на доктора, который захочет ехать к государю; в ней заключалось то же обещание и, кроме того, обещался свободный выезд назад. Наконец, послам велено было жаловаться на малороссийских козаков (черкас), которые в степи побивают и в плен берут

московских станичников и сторожевых голов, не дают наблюдать за крымцами.

Салтыков и Татищев встретили дурной прием, их задерживали на дороге. Чтоб узнать причину задержки, они напоили шляхтича, князя Лукомского, и тот проговорился, почему их не пускают: король живет в Кракове, и поляки миру не хотят, а литовские паны и шляхта миру рады и хотят, чтоб послы были у короля в Литве, а не в Польше. Из Варшавы послы доносили царю, что король искал причины разорвать перемирие с Москвою для отца своего, короля шведского, и они, послы, по самой конечной неволе дали договорную запись не посылать войска к Нарве во все продолжение перемирия с Польшею. Салтыков и Татищев настаивали, чтоб сначала король подтвердил это перемирие, а потом они поведут переговоры о тех делах, которые не были решены в Москве. Но паны радные сказали им на это: «Мы знаем, для чего вы этого хотите, обманываете нас что глупых пташек: одну поймав, после и всех переловите. Мы вам говорим, что, не постановя о всех тех делах, о которых не договорено, перемирья государь сам писать не велит и креста целовать не будет». Паны согласились писать Феодора царем только тогда, когда он уступит королю Смоленск и Северскую землю. На предложение денег за Нарву паны отвечали: «Это не товар; государи великих городов не продают; вот у вашего государя Псков и Смоленск: только б их продали, и мы бы собрали с своего государства деньги большие да за Псков и Смоленск дали».

Московское правительство обязалось не действовать против Нарвы; но это обязательство не препятствовало ему отомстить шведам опустошением Финляндии около Выборга и Або зимою 1592 года. В ноябре того же года умер король Иоанн; Сигизмунд стал королем шведским, но не надолго: во время кратковременного пребывания своего в Швеции для коронации он возбудил против себя народ явною враждебностию к протестантизму, явным нарушением условий, вытребованных у него чинами перед коронациею. Когда Сигизмунд возвратился в Польшу, правителем Швеции остался дядя его Карл, который успел привлечь любовь народную поведением, противоположным Сигизмундову. Король сильно охладел к интересам протестантской, явно враждебной ему Швеции; правитель был занят внутренними делами, приготовлениями к разрыву с племянником; это, разумеется, заставляло обоих желать скорейшего заключения мира с Москвою. Еще в январе 1593 года заключено было двухлетнее перемирие с условием, чтоб каждый владел тем, чем владеет. Послы московские, отправляемые в Литву, давали знать государю, что Сигизмунда бояться нечего, несмотря на то, что он по имени король шведский. Посол Рязанов, бывший у короля в 1592 году, доносил, что Сигизмунда не любят за женитьбу на австрийской

принцессе и за то, что несчастлив: как начал царствовать, все голод да мор, что его ссадят с престола и все рады видеть королем царя; только паны боятся, что царь повыкупит у них все города королевские, и которая у них шляхта теперь служит, та у них служить не будет, все будут служить государю. Когда королевский посол Хребтович потребовал, чтоб царь возвратил Сигизмунду города, взятые у шведов, то бояре ему отвечали: «Ты своими безмерными речами большое кровопролитие всчинаешь; мы идем к государю, а слушать твоих слов нечего, говоришь безделье, напрасно было тебе с этим и приезжать». Тогда Хребтович объявил, что ему велено заключить перемирие на том, что за кем есть, и на то время, на какое заключено перемирие с Польшею. Но царь отвечал Сигизмунду, что относительно Швеции будет держать перемирие только на то время, на какое оно было заключено в 1593 году, то есть на два года.

Пред истечением этого срока, в конце 1594 года, шведские послы — Стен Банер, Горн, Бое — съехались с московскими — князем Трубецким и Пушкиным на русской земле у Тявзина, близ Иван-города. Дело началось письменною перебранкою: шведы грозили тем, что у них теперь с Польшею один король; Трубецкой отвечал: «Хотя Корона Польская и королевство Шведское и в соединенье будут, но нам не страшно, да и писать вам про это с угрозами к нам не годится». Шведские послы требовали опять тех городов, которые были взяты недавно при Феодоре; русские отвечали, чтоб они оставили эти свои непригожие слова, от которых многие крови движутся, и поискали бы в себе дороги к доброму делу. Русские послы требовали сперва Нарвы и Корелы, но потом ограничились одною последнею. Когда шведы упомянули, что в Кореле их правительством сделаны большие укрепления, которые дорого стоили, то московские послы отвечали: «А вам кто велел чужое брать неправдою и, взявши, еще укреплять? Чужое сколько за собою ни держать, и хотя золотым сделать, а потом отдавать же с кровью, да и своего прибавить». Шведы просили за Корелу денег и требовали разорения Иван-города: «И многие жестокие разговорные слова о Кореле с обеих сторон были». Наконец шведы отдали Корелу без денег. Начались переговоры о торговле. Московские послы говорили: «Сотворил бог человека самовластна и дал ему волю сухим и водяным путем, где ни захочет, ехать: так вам против воли божией стоять не годится, всех поморских и немецких государств гостям и всяким торговым людям, землею и морем задержки и неволи чинить непригоже». Шведские послы отвечали: «Мимо Ревеля и Выборга торговых людей в Иван-город и Нарву с их товарами нам не пропускать, потому что море наше и в том мы вольны». Наконец уговорились: для иностранных купцов торговые пристани будут только Выборг и Ревель; одни шведские подданные могут приез-

жать в Нарву, и торгу быть на нарвской, а не на ивангородской стороне. Между подданными обоих государств торговля вольная; путь чист через шведские владения московским послам в другие государства и послам других государств в Москву; шведы обязаны пропускать без задержки тех купцов, которые из иностранных земель пойдут к царю с товарами, годными для его казны; обязаны пропускать также докторов, лекарей и всяких служилых людей и мастеров, которые пойдут к царю; пленные освобождаются с обеих сторон без окупа и без обмены, кроме тех, которые по своей воле останутся; русским людям вольно посылать людей своих в Шведскую землю отыскивать русских пленных; королю брать дань с лопарей на восточной стороне (Остерботнии) к Варанге, а царю брать дань с лопарей, которые к Двинской и к Корельской земле и к Коле-городу. На этих условиях заключен был вечный мир 18 мая 1595 года.

Сношения с Сигизмундом, как польским королем, были не важны. Зная о сильном неудовольствии на Сигизмунда в Польше, московское правительство считало нужным еще усиливать это неудовольствие, указывая панам на унижение, которое терпят их государства от короля. Так, гонец московский в 1594 году говорил панам: «Великий государь наш и все бояре очень удивляются, каким образом Сигизмунд король такие непригожие дела начинает, что такие великие государства, Корону Польскую и Великое княжество Литовское, под Шведское королевство в титуле своем подписал. Ведомо всем, как велики государства Польское и Литовское перед Шведским королевством; Корона Польская и Великое княжество Литовское издавна в равенстве с великими государствами бывают, а Шведская земля не великая, изначала бывала в подданных у датского короля, и были в ней правители, а не короли; короли в ней недавно стали, а ссылались прежние правители с боярами и наместниками новгородскими. Бояре думают, что Сигизмунд король так пишется без совету панов рад, по совету шведских думцев, а шведских немцев неправда вам самим ведома, неправда их во всей вселенной явна» [91].

Отношения польские по-прежнему поддерживали сношения московского двора с австрийским. Лука Новосильцев, отправленный к императору Рудольфу с известием о воцарении Федора, доносил, что приходили к нему нарочно вельможи и говорили наедине, чтоб великих государей сердца были вместе и как выйдут перемирные лета с королем Стефаном, то царь с братом своим Рудольфом цесарем сослался бы и стали бы они заодно на короля Стефана, потому что король Стефан сидит не на своем государстве, а государь московский и цесарь — прирожденные государи и довелось бы им Стефаново государство между собою разделить. По смерти Батория брат Рудольфа, эрцгерцог Максимилиан, прислал в Москву посла своего с просьбою к царю хлопотать о

польской короне или для себя, или для него, Максимилиана; писал о том же к Годунову, называя его дражайшим особенно любительным своим, приятеля своего царя начальным, тайной думы думцем и властелем; писал и к думным дьякам Щелкаловым, прося их помощи, называя избранными, любительными. В январе 1588 года царь приговорил с боярами послать к Рудольфу цесарю и брату его Максимилиану гонца с грамотами о литовском деле, что на Короне Польской и на Великом княжестве Литовском государя нет, так об этих государствах промышлять бы сообща, чтоб они мимо них, великих государей, к другому государю не прошли. Ехать гонцу через Литовскую землю; грамоты о большом деле везти тайно, а другие везти явно — о персидском деле, о торговых людях, о заповедных товарах. Персидское дело состояло в том, что шах просил царя, императора Рудольфа, королей испанского и французского быть с ним в союзе на всякого недруга заодно, и царь пожелал быть с ним в крепком докончанье. Относительно торговых людей и заповедных товаров царь писал: «Из давных лет, при деде и отце нашем торговые люди изо всей Немецкой земли во Псков, Новгород и Нарву со всякими товарами приходили, и что годно нам к ратному делу, медь, олово, свинец, серу, селитру и всякий товар привозили и с нашими гостями торговали на всякий товар без вывета, и прибытка себе искали с обеих сторон. Но когда, по смерти отца моего, я напомнил тебе об этом, то ты отвечал, что от предков ваших, Карла V и Фердинанда, по прошенью и совету курфюрстов и князей, заповедано годные к воинскому делу товары из Римского государства вывозить и тебе без совета с курфюрстами и князьями переменить этого нельзя. Мы очень подивились, что в прежние года торговые люди ходили на обе стороны со всякими товарами без вывета, а теперь, по твоему закону, ваши торговые люди не вывозят к нам товаров, надобных к ратному делу».

Гонец дал знать из Смоленска, что он встретил государева посланника Ржевского, который сказывал ему, что шведского короля сын теперь в Кракове, сажают его на королевство не многие паны, и со всею землею он не укрепился, а цесарев брат Максимилиан стоит в Польше и с ним многие люди. Гонцу велено продолжать путь, а из опасения, что его через Литву не пропустят, отправлена была другая грамота к императору, тайно, на Ригу с немцем Лукашем Павлусовым, третья — с московским торговым человеком Тимохою Выходцем также на Ригу или на которые места пригоже, куда проехать можно; четвертая — с гонцом Загрязским. Русские гонцы возвратились с литовского рубежа по вестям, что Сигизмунд утвердился в Польше, а Максимилиан разбит и взят в плен Замойским; Тимоху Выходца в Риге схватили и посадили в тюрьму; дошла грамота, посланная с немцем Лукашем. Император отвечал через посла Николая

Варкоча, похождения которого на дороге описаны в грамоте к царю Лукаша Павлусова, возвращавшегося вместе с Варкочем: «Как приехали мы в Поморскую землю, в город Штетин, то нашли тут любского торгового человека Крона и с ним тайно договорились, что ему нас провезти через Немецкую землю (Ливонию). И поехали мы врозь для того, чтоб про нас не проведали; поехал цесарский посол в торговом платье с одним своим человеком, да со мною и с Кроном через Прусскую землю. Когда мы были уже близко от московского рубежа, в Новгородке Ливонском, то нам сказали, что про нас заказ есть и стерегут по всем дорогам; на нас напал страх великий: не ведаем, как ехать? Ни назад, ни вперед не смеем. Положа упование на бога, забыв свой живот, пошли на смерть; вооружились пищалями, самопалами, кортами и сквозь заставу под Новым-городом пробились силою. За нами погоня была великая, крик, шум необычайный, в городе звон, хотели нас поймать; но бог помиловал, ушли; гнался за нами державца новгородский на пятнадцати конях за три версты до Печоры, но бог нас унес». Варкоч приехал с благодарностию от императора и всего Австрийского дома за радонье в пользу Максимилиана на избирательном сейме и с вопросом, какой помощи от царя может ждать император в войне с Польшею и Турциею? О заповедных товарах посол объявил очень неопределенно: цесарь радеет о вольной торговле, чтоб торговым людям из Римского государства вольно было приезжать торговать в Русскую землю, а русские торговые люди ездили бы в Римское государство. Посол привез грамоту и к Годунову, который принял его по-царски: сидя, звал к руке, потчевал вином и медами, потом посылал ему на подворье вместо стола корм с своими людьми. Посол правил от императора челобитье Годунову за старание о союзе царя с Рудольфом, просил, чтоб он и больше еще промышлял об этом, говорил, что Борис Федорович за свои добрые дела у цесаря и короля испанского в великой славе, чести и похвале и из ласки их никогда не выйдет. Годунов о всех этих делах докладывал государю, и государь приговорил с боярами, что к цесарю римскому и к брату его Максимилиану от конюшего и боярина Бориса Федоровича Годунова грамоты писать пригоже ныне и вперед: это царскому имени к чести и прибавленью, что его государев конюший и боярин ближний станет ссылаться с великими государями; да и к иным ко всем государям, которые станут к Борису Федоровичу грамоты писать, ответные от Бориса Федоровича грамоты писать в Посольском приказе вместе с государевыми грамотами. На все речи Варкоча был дан ответ от царского имени: «Государь хочет, чтоб брат его дражайший Рудольф цесарь, сославшись и укрепившись с папою римским, с королем испанским и со всеми поморскими государями христианскими, был с ним в соединенье и докончанье на турского. А пер-

сидский шах с государем ссылается о любви братской и хочет с ним стоять на турского заодно: как будут шаховы послы у государя и обо всем договорятся, то государь объявит об этом подлинно цесарскому величеству. Говорил ты о Максимилиане, чтоб ему подать помощь при отыскании короны польской: послы государевы затем вечного мира и дальнего перемирия с Польшею не заключили, чтобы и вперед приводить панов на избрание Максимилиана». Годунов писал императору: «Я принял, государь, твое жалованье, грамоту с покорностию любительно выслушал, и тебя, великого государя, выславлял перед государем нашим, при многих государевых царях, царевичах и государских детях разных государств, которые под государя нашего рукою, при боярах, князьях и всяких служилых людях, что ты, великий государь, своею великою милостию и ласкою меня навестил, свою грамоту ко мне прислал; и вперед хочу тебя, великого государя, выславлять. Я и прежде о твоих делах радел, а теперь и больше того радею и вперед радеть и промышлять хочу». Максимилиану, который прислал ему грамоту и часы в подарок, Годунов отвечал: «Я ваш поминок принял в покорности, с великою любовию, и за то вашему величеству челом бью и вперед тебя, великого государя, буду выславлять, и вашему пресветлейшеству много челом бью: примите мой легкий поминок, сорок соболей».

Варкоч был отправлен назад чрез новый холмогорский город (Архангельск) морем-океаном. Приставу дан был наказ отпустить его на кораблях известного нам Ивана Белобородa в Гамбург, непременно дня в три или четыре, чтоб английские купцы, которые поедут с Вологды, цесаревых людей на Холмогорах не застали. А если английские корабли придут раньше кораблей Ивана Белобородa, то держать цесарева посла тайно на дворе Ивана же Белобородa и, как его корабли придут, отпустить Варкоча тайно ночью или с утра рано.

Летом 1590 года Максимилиан известил царя, что он выпущен из плена под условием отречения от польской короны, что это освобождение совершилось вследствие переговоров императора с Сигизмундом, против воли его, Максимилиана, и потому он хочет мстить полякам за свою обиду войною; но так как для войны нужно много денег, то просит царя прислать их ему. Максимилиан просил денег на войну с Польшею, и Варкоч в 1591 году также прислал к царю с просьбою о жалованье, потому что выдавал дочь свою замуж. Варкоч просил также принять в государеву службу графа Шкота, человека славного рода из Итальянской земли, наученного великим разным наукам свыше иных всяких людей. Годунов отвечал ему: «Пишешь ко мне о таком невеликом деле, а о большом деле, которое началось между нашим и вашим государем, не пишешь. Государь наш, желая быть в соединении с Рудольфом цесарем, по твоим же речам, с турец-

ким султаном и с крымским царем не ссылался и с литовским королем вечного мира заключать не велел. А теперь к нам слух дошел, что Рудольф цесарь с турским султаном ссылается о перемирье, а с литовским королем о вечном мире и сватовстве. И я тому очень подивился, как такое великое дело, годное всему христианству, начать и покинуть. Что ты писал о Шкоте, то такой рыцарский и великий человек достоин быть при государе нашем, только теперь ехать ему к государю не время, а как время будет, то я к тебе отпишу. Посылаю к тебе для любви, на свадьбу дочери твоей, сорок соболей: столько же посылаю к графу Шкоту, отдай их ему».

Великое дело, годное всему христианству, было только на словах да на бумаге. К московскому двору обращались только тогда, когда его помощь нужна была Австрийскому дому, когда нужно было помочь Максимилиану взойти на польский престол, когда Рудольф нуждался в помощи против турок. Осенью 1593 года в Москву дали знать, что идет цесарев посол, опять тот же Варкоч. Московское правительство было очень озабочено в это время внешними отношениями, смертию шведского короля Иоанна, вследствие которой польский король получил и престол шведский, родственным союзом Сигизмунда с Австрийским домом, делами турецкими. Приставу, который должен был встречать посла, дан был наказ: проведать, на какой мере положено у цесаря и брата его Максимилиана с Сигизмундом польским? Каким обычаем цесарь отдал за Сигизмунда племянницу свою? Какие слухи у них о Сигизмунде: быть ему назад на Польском королевстве или быть ему на одном Шведском королевстве? И если не быть ему вперед на Польском королевстве, то кого будут выбирать и польские короли? И как теперь у цесаря дела с турским? Поминки большие цесарь к турскому посылает ли по-прежнему?

Посол объявил, что император от брата своего дражайшего и любительного, государя царя, ожидает крепкой любви и соединения. Теперь они государи сильные, великие, всему христианству надежда, и вся вселенная на них смотрит, а неверные турки и татары всеми своими лихими умыслами на них, великих государей, стоят, христианство потоптать хотят. Теперь время, чтоб все христианские государи руки свои распростерли для братской любви и стояли б заодно против гонителя христианского. Цесарь старается, чтоб был мир между государем царем и Сигизмундом, королем польским и шведским; цесарь просит у его царского величества, чтоб его пресветлейшество братскую помощь оказал, руку свою распростер к обороне цесарского величества и всего христианства и свою царскую мысль объявил, как промышлять над бусурманством? В тайном разговоре с Годуновым Варкоч просил, чтоб царь отводил крымских татар,

мешал им проходить вместе с турками на Венгрию, чтоб уговаривал также персидского шаха не мириться с турками; объявил, что Сигизмунд на Польском королевстве быть не хочет, а хочет быть на Шведском королевстве, потому что паны-рада польские и литовские — самовольные люди и делают по своей воле, как хотят, и ни в чем его не слушают, за государя не имеют и воли ему нет никакой: держат его, как невольника, а не как государя. Канцлер Ян Замойский умышляет взять на королевство брата Стефана Батория и привезти его в Краков тотчас, как весть об отречении Сигизмунда короля будет. Посол объявил также, что низовские (запорожские) козаки бьют челом цесарю, хотят быть в Венгрию и служить против турок; цесарь наказал Варкочу спросить у Годунова: эти козаки государю царю верою и правдою служат ли и смирно ли живут по границам. Если они государя царя ничем не разгневали, служат правдою и с царскими людьми не ссорятся, то цесарь думает принять их и послать против турок. Годунов обещал бить челом царю, чтоб с Рудольфом цесарем против неприятелей веры христианской стал заодно и помощь во всем оказал. Потом Варкоч просил, чтоб ему позволено было снестись с бывшим тогда в Москве персидским послом Ази Хозревым; государь велел цесареву послу с персидским обослаться дворянами и проведать над ними, что они станут говорить между собою о соединении на турского. Дворянин, посланный Варкочем, объявил Ази Хозреву, что цесарь желает союза с шахом, который может отправить к нему послов чрез царские владения. Ази Хозрев отвечал: «Шах Аббас прислал меня сюда с великим молением, чтоб великий государь царь принял его к себе в любовь и стоял бы на своих и на его недругов заодно. А положил всю надежду шах на шурина царского, Бориса Федоровича Годунова, потому что он много разумен и справедлив, радеет между государями о всяком добром деле, и имя его и слава во всей восточной и полуденной стране сияет. Если я по здорову доеду до шахова величества, то все государю своему расскажу, и государь наш тому очень обрадуется. Если три великие государя будут в союзе и станут заодно на турского, то турского житье с час не будет».

После всех этих сношений Варкочу было объявлено: государь с цесарем быть в соединенье хочет, только хочет знать, как Рудольф цесарь против турского намерен стоять и кто с ним будет в союзе? Папа римский, король испанский, король датский, князь венецианский и другие поморские государи с цесарем все ли в соединенье будут и с литовским королем ссылка о союзе была ли? Государь для брата своего, Рудольфа цесаря, и по челобитью шурина своего, Бориса Федоровича Годунова, наскоро отправит послов своих к крымскому хану, чтоб он с турским в Венгерскую землю войною не ходил; персидскому шаху также

накрепко накажет, чтоб он с турским не мирился. А что посол говорил тайно Борису Федоровичу о Сигизмунде короле, то Рудольфу цесарю прежде всего надобно промышлять, чтоб брат его Максимилиан был на королевстве Польском, а великий государь хочет помогать этому делу всячески. Варкоч отвечал, что цесарь, папа и король испанский о союзе против турок между собою утвердились и положили все дело на Рудольфе; а к другим государям цесарь еще не посылал: датский король молод, а люди его думные хотят жить в покое; к Сигизмунду не посылал потому, что паны живут с королем несогласно и его ни в чем не слушают. Бояре сказали на это: «Ты был уже здесь прежде и государь отпустил тебя с тем, чтоб цесарь, сославшись с другими государями, присылал сюда послов своих великих о вечном мире, и чтоб испанские и папины послы шли к государю с цесаревыми вместе. Донес ли ты об этом цесарю?» Посол отвечал, что «донес, но отправление послов замешкалось, потому что началась война между Испанией, Англией и королем Наварским (Генрихом IV), английская королева на море велит крепко беречь, чтоб от цесаря к государю никто морем не проезжал». Хорошо было б, продолжал Варкоч, если б государь со мною отправил своих послов к цесарю для окончательных приговоров и закрепления, а испанские и папины послы тут же будут. Бояре отвечали: «То дело не статочное, что великому государю посылать к цесарю послов своих наперед». Варкоч сказал на это: «Воля государева; я только об этом припомянул, а много не говорю». Наконец Варкоч высказал главную цель своего посольства: «Вы мне объявили,— сказал он боярам,— что великий государь хочет быть с Рудольфом цесарем в любви и на всякого недруга помогать; так цесарь вот чего просит теперь у вашего государя: если гонитель христианский, турский султан, наруша перемирие, наступит на государя нашего, то ваш государь пожаловал бы, Рудольфу цесарю помощь оказал своею государевою казною, соболями, куницами и другою рухлядью, а государь наш наймет на это людей и будет против турского стоять, пока все государи христианские соединятся». Бояре отвечали, что государь Рудольфу цесарю поможет своею казною и турскому его не выдаст.

Находясь в затруднительном положении, принужденная просить казны у московского государя для войны с турками, Австрия никак, однако, не могла освободиться от властолюбивых замыслов и старалась заранее обеспечивать приобретения вовсе неверные. Варкоч объявил боярам: «Рудольф цесарь велел мне сказать государю вашему тайно, что он хочет доступать Лифляндской земли, привести ее под свою цесарскую руку, а от Литвы и шведского отвести. Только о том государь наш хочет знать: захочет ли ваш государь, чтоб цесарь Лифляндскую землю под свою руку приводил?» Бояре отвечали, что государь для братской

любви Лифляндскую землю Рудольфу уступает, кроме Юрьева с пригородами да Нарвы с пригородами.

Мы видели, что Австрийский двор, ища отовсюду помощи против турок, обратил свое внимание на козаков и спрашивал об них у московского правительства; последнему не было никакого дела до черкас запорожских; но, желая искренне успеха императору против страшных турок, оно сочло нужным описать Варкочу характер козаков: козаки, по этому описанию, были очень полезны для захвата добычи, для опустошения земли неприятельской, для внезапных наездов, но, с другой стороны, это народ неукротимый, жестокий и непостоянный, они лучше других войск переносят голод, но им нельзя вверять крепостей, пусть они ищут себе корму в земле неприятельской.

Польский шляхтич Станислав Хлопицкий взялся набрать осьми- или десятитысячный отряд козаков для императорской службы и в 1594 году явился в Москву с грамотою от Рудольфа, которая была написана вместе на имя царя Феодора, Аарона, воеводы волошского, князя Збаражского, воеводы браславского, и всех честнейших и удалых рыцарей, которые живут в войске запорожском. Император просил жаловать Хлопицкого и его войско и всюду пропускать; козаки, по словам грамоты, должны были залечь все дороги крымским людям, чтоб им нельзя было пройти к турскому на помощь, также идти в Турецкую землю и опустошать ее. Из этого мы видим, что московскими указаниями на козацкий характер уже воспользовались. В Москву приехал Хлопицкий для того, как сам говорил, что запорожцы издавна слуги царские и без ведома царя идти не хотят; он просил, чтоб царь, прибавивши к запорожцам своих людей, послал все это войско под своим знаменем и помог ему своею казною: тогда у неприятелей креста Христова сердце упадет, как услышат такую силу царского величества. Кроме желания выпросить у царя денег, в этой просьбе могла заключаться хитрость, желание вовлечь Москву в войну с турками и таким образом отвлечь силы последних от Австрии. Но государь указал, что Хлопицкому у него быть непригоже, потому что цесарь писал в одной грамоте к государю и к князю Збаражскому, а князь Збаражский — холоп литовского, и к государю великому писать в одной грамоте с холопом не годится. За это Хлопицкий достоин был большой опалы: но государь для Рудольфа цесаря опалы на него не положил и отпускает к цесарю, а что приказывал цесарь о запорожских черкасах, то сказать Хлопицкому, что государь повеление свое к запорожским черкасам, к гетману Богдану Микошинскому послал, велел им идти к цесарю на помощь.

В конце 1594 года приехал в третий раз Варкоч в Москву напомнить царю обещание его помочь цесарю казною: «Если хотите помогать,— говорил он,— то помогите теперь, потому что

турский пришел на нас со всею своею силою». Годунову Варкоч говорил: «Цесарь прислал тебе свои любительные поминки, какие посылает к братьям своим и к курфюрстам: две цепи золотые, одна с персоною (портретом) цесарскою, да часы золоченые с плапитами. Его царское величество, государь мой, ваше пресветлейшество просит, чтоб вы умилосердились, о кровопролитии христианском пожалели и были бы печальником его царскому величеству, чтоб государь казны своей послал, которой имеет от господа бога очень много, и пожаловал бы послал скоро, потому что теперь пора. Господь бог на сем свете всякими потехами и радостию надарит тебя и детей твоих, а на том свете вечный платеж будет; а у всех государей и людей христианских великую и вечную славу иметь будешь». Бояре дали ему ответ, что государь, жалея о христианстве, по братской любви к цесарю Рудольфу, по прошению и челобитью шурина своего, Бориса Федоровича Годунова, Рудольфу цесарю против неприятеля всего христианства, турского султана, своею царскою казною вспоможенье учинил, мягкою рухлядью, соболями и другими мехами, и с этою казною отправляет к цесарю посланников своих. Услыхав это, Варкоч бил челом и говорил: «Это будет государю нашему и всем государям христианским и всему христианству в великую радость, и будет за это цесарь сам собою и со всеми своими землями и областями служить и благодарность воздавать. А сделалось это ходатайством, раденьем и промыслом царского шурина, Бориса Федоровича Годунова, и цесарское величество за то его пресветлейшеству своею любовию всячески воздавать будет и ни за что не постоит».

Не знаем, в какой степени на решение помочь императору казною имело влияние честолюбие Годунова, обольщенного ласкательствами императора и посла его, обольщенного мыслию, что приобретает благодарность первого государя христианской Европы; очень может быть, что честолюбие Годунова играло в этом деле большую роль; но должно заметить, что в собственных глазах и в глазах других Годунов мог легко оправдывать свой поступок: по смерти Батория и после того, как увидали, что избрание Сигизмунда шведского на польский престол вовсе не имеет таких следствий, каких опасались прежде, в Москве больше всего боялись могущества турок, и помочь косвенным образом против них Австрийскому дому могло считаться делом благоразумия.

Варкоч уверял Годунова в благодарности императора, в том, что Рудольф ни за что не постоит при изъявлении этой благодарности, и вот приставу, провожавшему посла, было наказано поговорить с ним к слову: «У царского шурина Бориса Федоровича, по его дородству и храбрости, многих государств лошади есть, а цесарской области дородных лошадей больших, которые бы пригодились под его седло, нет: и если цесарь захочет прислать

Борису Федоровичу лошадей добрых, то Борису Федоровичу это будет очень любительно».

В апреле 1595 года отправлены были к цесарю с казною на вспоможение против турского думный дворянин Вельяминов и дьяк Власьев; они повезли соболей, куниц, лисиц, белки, бобров, волков, кож лосиных на 44 720 рублей. Приехавши в Прагу, где жил Рудольф, Вельяминов и Власьев потребовали, чтоб им указали место, где разложить меха. Им дали у цесаря на дворе двадцать палат, где они разложили соболей, куниц, лисиц, бобров и волков налицо, а белку в коробьях. Когда все было изготовлено, сам император с ближними людьми пришел смотреть посылку, государеву вспоможенью обрадовался и удивлялся, как такая великая казна собрана? Говорил, что прежние цесари и советники их никогда такой большой казны, таких дорогих соболей и лисиц не видывали, и расспрашивал послов, где такие звери водятся, в каком государстве? Послы отвечали, что все эти звери водятся в государевом государстве, в Конде и Печоре, в Угре и в Сибирском царстве, близ Оби реки великой, от Москвы больше 5000 верст. На другой день цесаревы советники присылали к послам с просьбою, чтоб государевы собольники положили цену присылке, как ее продать. Послы отказали: «Мы присланы к цесарскому величеству с дружелюбным делом, с государевою помощию, а не для того, чтоб оценивать государеву казну, оценивать мы не привыкли и не знаем; а собольники присланы с нами для переправки, ценить они такой дорогой рухляди не умеют, такими товарами не торгуют». После сказывали послам, что цесарь велел оценить присылку пражским купцам, и те оценили ее в 400 000 рублей, а трем сортам лучших соболей цены положить не умели по их дороговизне.

Весною 1597 года приехал в Москву знатный посол императорский Авраам, бургграф допавский, привез царю подарки: мощи чудотворца Николая, окованные золотом и серебром, с каменьем; два возка со всем прибором, а у возков по шести санников, шесть серых и шесть гнедых; часы с перечасьем, с людьми, трубами, накрами и варганами: как перечасье и часы забьют, в то время в трубы, накры и варганы заиграют люди как живые; другие часы с перечасьем: как перечасье забьют, в то время часы запоют разными голосами; два сосуда для питья хрустальные, золотом окованные. Поблагодаривши государя за присылку мехов, посол объявил, что меха эти до сих пор в казне у императора, на деньги променять их не случилось, и потому просил, чтоб вперед государь прислал серебром и золотом, просил объявить, сколько еще государь намерен прислать казны своей императору и в какое время? Годунову посол говорил: «Государь наш велел тебе бить челом, чтоб великий государь ваш оборонил его от крымского царя, чтоб крымский царь не ходил войною на Венгерскую зем-

лю». Годунов отвечал на это очень хитро: «У великого государя рати много, можно ему Рудольфа цесаря оборонять от недругов: только бы дал дорогу нашей рати король польский через Литовскую и Польскую земли рекою Днепром; тогда государь послал бы на крымского рать свою плавную, а из Северской земли послал бы рать конную, и крымскому от такой ратн где было бы деться? Не стало бы крымского царя ни на один час». Годунову прислал Рудольф поминки: кубок двойчатый серебряный, позолоченный, жемчугом да изумрудом саженый; часы стоячие боевые с знаменами небесными; два жеребца с бархатными попонами; два попугая. Сыну Борисову Федору: часы стоячие боевые, а приделан на них медведь, четыре попугая, две обезьяны.

Печатнику и посольскому дьяку, Василию Яковлевичу Щелкалову, поручено было вести переговоры с послом. Щелкалов начал с того, что император несколько раз присылал к царю с просьбою о союзе, с обещанием прислать великих послов для его заключения: «Теперь,— продолжал Щелкалов.— цесарь прислал тебя, великого человека; так объяви, какой дал тебе цесарь наказ о заключении союза?» Посол отвечал, что испанский король воюет с английскою королевою, с королем французским и Нидерландами и потому о союзе к цесарю послов не присылывал, и цесарь потому же не приказывал ему, послу, заключать союза с царем, ибо с папою и королем испанским еще не укрепился. «Как же,— возразил Щелкалов,— прежний посол, Варкоч, объявил здесь, что цесарь уже заключил союз с папою и королем испанским?» «Это Варкоч соврал,— отвечал посол,— здесь говорил не по приказу, а приехавши к цесарю, сказал не так, как здесь делалось». Щелкалов продолжал: «Главное дело в том, чтоб укрепить братскую любовь и союз между нашим государем и Рудольфом цесарем, а все другие дела после сделаются: цесарь укрепится с испанским, наш государь с персидским. А теперь ты прислан сюда, именитый человек, и от папы римского посол здесь же; так это великое дело закрепить бы теперь для общего добра христианского». Посол отвечал: «Я сам знаю, что это дело между великими государями очень годное, да если со мною от государя нашего наказа нет, то как мне сделать? Только были бы у меня крылья, так я бы полетел, наказ у царя взял и здесь это дело сделал». «Если такое великое дело годно всему христианству,— сказал на это Щелкалов,— и ты его желаешь, то побудь здесь, а к государю своему за наказом пошли дворянина». «Это дело не статочное,— отвечал посол,— да и не смею я так сделать мимо наказа государя своего».

Этим переговоры кончились. Австрийский двор показал ясно, чего он добивался от московского царя, которого считал очень богатым. Один из дворян посольской свиты потребовал также переговорять с Щелкаловым от имени эрцгерцога Максимилиана

и объявил, что Максимилиан хочет всякими мерами промышлять, чтоб быть на королевстве Польском, и держит крепкую надежду, что государь поможет ему в том. Щелкалов отвечал: «Великий государь радел и промышлял об этом, что вам и самим ведомо: да если на то воли божией не было, и то не сталось? И теперь государь наш хочет, чтоб Максимилиан был на королевстве Польском, да ведь сам знаешь: на государство силою как сесть? Надобно, чтоб большие люди, да и всею землею захотели и выбрали на королевство; а только землею не захотят, и того государства трудно доступать. Ты мне объяви, есть ли ссылка Максимилиану с панами радными, которые бы его хотели на государство, и многие ли паны хотят?» Дворянин отвечал: «Есть тайная ссылка панов-рад с Максимилианом, хотят его князь Острожский, воевода познаньский, Зборовские и другие паны и рыцарство многое до 7000 человек. И только царского величества вспоможение будет, то Максимилиану Польское государство можно получить». Щелкалов спросил: «Какого же вспоможения хочет Максимилиан?» Дворянин отвечал: «Теперь государю вашему помогать людьми нельзя, потому что до исхода перемирья вашего с Литвою еще пять лет: так государь бы пожаловал, помог своею царскою казною; пожаловал бы, прислал эту казну в Любек, а наперед прислал бы в Любек послов своих, и Максимилиан туда же послов своих пришлет для укрепления». Щелкалов сказал на это: «Дело не статочное, чтоб государю посылать послов своих в Любек к таким мужикам торговым». Этим кончилось сношение с Австрийским домом в царствование Феодора [92].

Имя папы упоминалось постоянно в сношениях с Австрийским двором, в толках о союзе всех христианских держав против турок, и папа не упускал случая давать знать о себе московскому правительству, давать знать о своем влиянии. И Григорий XIII, и Сикст V уведомляли царя, что они хотят отправить в Москву опять Антония Поссевина; Сикст объявлял, что Стефан Баторий в исполнение своей клятвы, данной при вступлении на престол польский, хочет возвратить земли, отшедшие от Литвы к Москве при прежних королях, и потому папа отправляет Поссевина, чтоб воспрепятствовать войне. Но смерть Батория сделала это посредничество ненужным. Потом два раза, в 1595 и 1597 году, приезжал в Москву посол Климента VIII, иллирийский священник Комулей: славянин был избран именно потому, что мог объясняться с русскими без посредства переводчика. Комулею было наказано склонять царя к войне с турками, склонять внушением страха пред могуществом турок, указанием выгод, которые могут получить русские от приобретения счастливых южных стран в сообществе с народами, искусными в деле ратном, напоминанием, что Византия есть наследственное достояние государей московских, что народы, угнетаемые турками, родственны русским по

языку и вере. Комулей должен был также хлопотать о соединении церквей; внушать, что один папа может утверждать государей в королевском достоинстве, что истинная церковь в Риме, а не в Константинополе, где патриархи рабы султана. Ход переговоров и следствия их нам неизвестны [93].

Мы видели, что Грозный перед смертию вел переговоры с английским послом Боусом, который сердил его тем, что никак не хотел войти в виды его относительно союза Москвы с Англией против Польши и Швеции. Мы видели также, что Боус главными врагами своими считал Никиту Романовича, Богдана Бельского и дьяка Андрея Щелкалова. Последний, по жалобе посла, был удален от сношения с ним и, если верить Боусу, был даже прибит царем. По смерти Иоанна посол (как он сам говорит) впал в руки врагов своих, Никиты Романовича и Андрея Щелкалова: девять недель держали его в заключении в его доме, содержали строго, обходились дурно, и каждый день ждал он еще худшего. После прекращения восстания против Бельского послу велено было явиться во дворец, при входе в который у него отняли меч: «Если б я не вооружился терпением, то погиб бы,— писал Боус,— большие услуги оказал мне Борис Федорович Годунов и сделал бы еще больше, но он не имел еще власти до коронации царя; несмотря на то, он часто присылал ко мне и дарил дорогими подарками». Боуса отпустили с грамотою, в которой царь писал Елисавете, что английские купцы будут пользоваться и при нем теми же выгодами, которые были даны им последнею грамотою отца его; но взамен требовал, чтоб королева позволила московским купцам ходить торговать в Англию и через Англию в другие государства, также чтоб позволила иностранным купцам ходить чрез Англию в Россию со всякими товарами, с доспехами, медью, оловом, серою, нефтью, свинцом, селитрою и всяким оружием, чтоб пропускала мастеров всяких ратных и рукодельных, каменного дела и городовых мастеров, пушечных литцев и колокольников. Но озлобленный Боус бросил в Холмогорах царскую грамоту и дары. Тогда отправили в Англию в *легких гончиках* толмача Бекмана, родом ливонца.

Вследствие жалоб Боуса королева долго не принимала Бекмана, наконец приняла и спросила: «Для чего нынешний государь ко мне не так любовен, как был отец его? Всяким людям иных земель велит на Русь ездить торговать, а моим людям для чего не велит?» Бекман отвечал, что такого запрещения нет. Тогда призван был Боус, и Елисавета спросила его: зачем он ей сказал, что царь не велит англичанам ездить торговать в его землю? Боус отвечал, что он не то говорил, говорил он, что с других иноземцев пошлин не берут, а с англичан берут. Бекман возражал: «Это неправда: с англичан берут половинную пошлину, а с других полную, и если б Боус государевых грамот в

Холмогорах не покинул, то ты бы, государыня, подлинно проведала, какую нынешний государь хотел держать к тебе любовь, больше старого». Бекмана отпустили с грамотою, в которой Елисавета соглашалась позволить русским купцам торговать в Англии, с условием, чтоб царь дал Английско-Русской компании право исключительной торговли в своих областях. Но при отпуске Бекман не был допущен к Елисавете. Этим оскорбились в Москве, и приговорил государь с боярами отписать к королеве Елисавете с вычетом о после ее и о гостях и что толмача Бекмана не по-пригожу отпустил дьяк ее, а не сама она, о том подлинно выписать, а грамоту послать с англичанином. В грамоте говорилось: «Дело не схожее указывать нам в наших государствах — тому торговать, а иному не торговать; гости твои бьют тебе челом не по делу, хотят одни корыстоваться, а других мимо себя пускать не хотят; в наших государствах с божиею помощию всяких товаров довольно и без твоих гостей, государства наши великие и людей в них, и всяких товаров много».

Англичанин, с которым приговорили послать эту грамоту к Елисавете, купец Горсей, должно быть, объяснил в Лондоне состояние дел при московском дворе, указал, к кому нужно обратиться, чтоб получить желаемое. Елисавета прислала с Горсеем грамоту к царице Ирине, где писала, что часто слышит о ее мудрости и чести, что слава об этой мудрости разнеслась по многим государствам; прислала к ней опять лекаря Якоби, знатока в женских болезнях. Но главное, Елисавета прислала грамоту к Годунову, в которой называла его кровным любительным приятелем, как переводили в Москве [94]. В грамоте к царю Елисавета оправдывала поведение посла своего Боуса тем, что его очень рассердили, приказывая снимать меч при входе к царю: «Такое недоверие нас очень опечалило,— писала Елисавета,— в наших землях это великое бесчестие, когда велят меч снять, и за такое бесчестие в сердце нашего посла великая кручина была, и что ни делал, все с кручиною. А теперь сказал нам Горсей, что меч отнимают у послов по вашему обычаю, как у вас всегда ведется в царстве, и мы, узнав это, перестали кручиниться и надеемся, что между нами будет вечная любовь». Горсей сказал Елисавете, что в Москве недовольны тем, что она приняла Бекмана в саду, который он назвал огородом; королева писала об этом царю: «Место, где Бекман был перед нами, есть место честное, близко нашей палаты, и туда никого не пускают, только великих и любительных слуг для чести, и в огороде этом нет ни луку, ни чесноку; Бекман сказал неправду. Так пригоже тебе Бекмана гонца за его лживые и бездельные ссорные слова не только понаказать, и побить пригоже».

Годунов оправдал надежды своей кровной любительной приятельницы: в 1587 году позволено было английским купцам тор-

говать вольною торговлею, пошлины с их товаров — таможенной, замытной, свальной, проезжей, судовой, с голов, мостовщины, перевозов — брать не велено. Только запрещено было им брать с собою в Московское государство чужие товары; русским людям от англичан английскими товарами не торговать; закладней русских людей англичанам за собою не держать, закупней своих по городам не посылать, товар на товар менять и продавать должны они местным делом, а в розницу, вразвес и в аршин на своем дворе не продавать и не менять: сукна продавать кипами и поставами, камки и бархаты поставцами, вина куфами. Если английские купцы захотят ехать в иные государства или в свою землю, то брать им с собою товары из царской казны [95], продавать и менять их на товары, которые Московскому государству потребны, и в царскую казну отдавать. Выезжая из Москвы, английские купцы должны являться в Посольском приказе к дьяку Андрею Щелкалову. Разобьет английский корабль и принесет к русским берегам, то царь велит сыскать товары вправду и отдать англичанам. Английские купцы живут по старине на дворе своем у св. Максима за торгом, держат одного дворника русского или своего немца, а других русских людей не держат; да у них же дворы — в Ярославле, в Вологде, на Холмогорах и у пристанища морского. На людей своих, посылаемых из Московского государства, англичане берут проезжие грамоты из Посольского приказа; кому будет дело до англичан, судят их царский казначей и посольский дьяк, а чего сыск не возьмет, присуживают им веру с жребия: чей жребий вынется, тому и веру учинить.

Годунов дал знать Елисавете в своей грамоте, что государь «для тебя, сестры своей, и для нашего печалования твоих подданных пожаловал больше прежнего. А я об них вперед буду государю своему печаловаться и держать их под своею рукою, буду славить перед государем и государынею твои к себе милость и ласку». Благодаря кровному, любительному приятельству Елисаветы к Годунову английские купцы освободились от платежа пошлин, простиравшихся более чем на 2000 фунтов стерлингов в год. Но доходили жалобы других иностранных купцов, что англичане не пропускают кораблей их к Московскому государству. Вследствие этих жалоб царь писал Елисавете: «Бьют нам челом многие немцы разных земель, англичане (не из компании), французы, нидерландцы и других земель на твоих гостей, что они кораблей их к нашему государству пропускать не хотят. Мы этому и верить не хотим; а если так делается в самом деле, то это твоих гостей правда ли, что за наше великое жалованье иноземцев отгоняют? Божию дорогу, океан-море как можно перенять, унять и затворить?» С другой стороны, министры Елисаветины прислали на имя Годунова и Щелкалова грамоту, в которой прописаны были жалобы английских купцов на москов-

ских приказных людей. Щелкалов отвечал один: «К такому великому человеку (Годунову) писали вы многие непригожие слова, поверя непрямым людям, ворам. Пишете в своей грамоте с укоризною к такому честному и великому человеку, к шурину государскому, будто вашим торговым людям и жить нельзя, потому что им от приказных людей жесточь великая, и торговать перестать хотят, и если торговать перестанут, то будет бесчестно государю нашему и его приказным людям. За такие слова боярин Годунов сам в своей грамоте писать к вам не захотел, словам вашим очень подивился и приказал мне вам отписать».

Сношения возобновились по делу англичанина Антона Мерша, который набрал в долг денег у Годунова, бояр, служилых людей, у купцов, монахов и объявил, что эти деньги на общий расход, в общие товары; но товарищи его отказались платить долги, объявили, что Мерш брал деньги без их ведома, на себя. Годунов в 1588 году велел известному уже нам Бекману отвезти этого Мерша в Англию. Королева не скоро приняла Бекмана: «Я долго не пускала тебя до своих очей,— сказала она ему,— потому что была нездорова, очень грустила о смерти своего дворецкого (графа Лейстера); да великая досада была у меня на тебя за то, что ты в речах своему государю применил наш потешный сад к капустному огороду, где сеют лук да чеснок; за такое дело ты достоин был пени, но мы тебе не мстили». Бекман отвечал: «Бью челом вашему величеству, вели безопально выговорить». Елисавета позволила, и Бекман стал говорить: «Я этого не думал, не только что не говорил, в чем бог свидетель; если в царской грамоте об этом написано, или кто сможет на меня довести, то я у вашего величества милости не прошу, хочу за мою вину терпеть наказанье; нанес на меня это лихой человек, который хотел моей доброй славе поруху учинить, и я надеюсь, что тот камень упадет на его голову». Елисавета отвечала, что она об этом деле забудет. Мерш, позванный к допросу, объявил, что он заплатил деньги, взятые им из царской казны; в частных долгах — в одних винился, в других запирался и сказал, что его собственных денег задержано в Москве 15 000 рублей. Когда лорд казначей сказал об этом показании Бекману, тот отвечал, что надобно верить царской грамоте, а не бездельным речам Мерша. «Это правда,— возразил казначей,— но зачем было Мершу давать такие деньги? Он был гость небольшой, скорей был простой слуга у гостей, а большие гости кабал не подписывали». Бекман отвечал: «Мерш был на гостином дворе, покупал, продавал, деньги занимал и сам в долг давал не как слуга, а как большой гость, на котором все положено; сверх того, он умеет по-русски читать и писать, и ваши большие гости не объявили, что ему не верить».

Еще до возвращения Бекмана, осенью 1588 года, приехал в Москву посол от Елисаветы — Флетчер. Он объявил царю, что

с королевною Елисаветою многие государи в братстве, дружбе и любви, но ни с кем не имеет она такой дружбы и любви, как с ним, царем. «Если некоторые англичане,— продолжал Флетчер,— поступили здесь нехорошо, то его величество за немногих виновных на других невинных нелюбья не держал бы, не велел оглашать и поругать всей земли за одного человека, потому что нет такой земли и торговли, где бы не было лихих людей; хотя бы подданные королевины и лихие люди были, то все в них столько худого не было бы, если б государевы люди с ними в безделье не мешались. Королева надеется, что государь последует примеру отца своего, будет продолжать сердечное приятельство к ней; да чем ему следовать примеру отцовскому, лучше смотреть на свой собственный образец, потому что он сам подданных королевиных жаловал своею государскою ласкою». Флетчер подал длинный список статей, в которых заключались просьбы Елисаветы к царю: Елисавета просила, чтоб государь подтвердил ее купцам последнюю жалованную грамоту с прибавлением некоторых новых статей из прежней грамоты Грозного; купцы английские прекратили бы торговлю с Россиею, если бы не надеялись вперед на государево жалованье, что государь не отнимет у них грамоты из такого небольшого дела, как Мершево. На это Флетчеру отвечали: «Английским гостям государево жалованье стало ни во что; а тем нечем грозить, что они не поедут торговать в наше государство: много гостей, и кроме англичан, приезжают к нам торговать». Королева просила, чтоб приказные люди не отнимали силою товаров у английских купцов, как недавно случилось. Ответ: насилия никакого никаким гостям казначеи и дьяки не делают, английских же гостей больше других берегут; а если кто взял товар у английского гостя и денег не заплатил или кто-нибудь его обидел, то ты скажи, кто это сделал именно, и государь велит расправу учинить. Королева просила, чтоб английские купцы не платили долгов за Мерша, потому что он набрал денег взаймы, когда не был с ними в товариществе, а торговал сам по себе, и дана была ему от царских приказных людей особенная грамота на торговлю за морем во всех местах; об этой грамоте купцы английские и прикащики их не знали; притом эти купцы и прикащики их сказывали русским людям, которые теперь ищут на Мерше своих денег, чтоб они ему не верили и с ним не торговали, а русские люди отвечали, что они с ним не торгуют; королеве известно также, что Мершевы деньги остались на сохраненье в государевой земле и они не отданы его заимодавцам. Чтоб вперед в таких делах царю докуки не было, королева бьет челом, чтоб приказные люди считали членами компании только тех англичан, которых имена принесет к ним прикащик. На это отвечали: сыскано подлинно, что, в то время как Мерш занимал деньги, английские купцы жили на своем дворе

все вместе и торговали заодно; на то, чтоб считать принадлежащими к компании только тех англичан, о которых прикащик даст знать, согласились. Королева просила, чтоб позволено было английским купцам покупать все товары без вывета; на это отвечали, что позволение уже дано, исключая воск, который позволено променивать только на селитру, порох и серу. Елисавета просила, чтоб не пытать англичан, которые будут обвинены в каком-нибудь преступлении; на это отвечали, что англичан никогда не брали и за недельщика не давали, о пытке же никогда и помину не было и вперед не будет. Елисавета просила, чтоб суд над англичанами поручен был самому Годунову; на это отвечали: дело несходное судить купеческие дела Борису Федоровичу; Борису Федоровичу приказаны дела государственные, которыми государство держится; английских купцов будут судить приказные люди, а вершить дела будут, докладывая Борису Федоровичу. Елисавета просила, чтоб царь позволил английским гостям проезжать чрез свою землю в Бухарию, Шемаху, Казбин, Персию, а другим гостям туда ездить запретил бы, кроме своих посланников; на это отвечали, что государь велит пропускать английских купцов в эти страны беспошлинно, но и государевы люди в те земли будут также ходить: как тому можно статься, чтоб государевым людям туда не ходить? И то велико государево жалованье к английским гостям, что им позволено ходить в такие дальние государства, а другим иноземцам за версту дальше Москвы ходить не велено. Елисавета просила, чтоб позволено было англичанам на Вычегде двор поставить, руды железной искать и железо выделывать, и лесу дать им верст на семь или на восемь около тех мест, где станут дворы и мельницы железные ставить, за что англичане будут платить тамги по московке за каждый фунт. Отвечали, что царь этим англичан пожалует. Королева просила, чтоб английским купцам позволено было держать у себя и нанимать барышников и скупщиков, которым они будут платить наем по договору. Ответ: тому быть непригоже; в этих барышниках и наймитах большая смута и воровство бывает. Прежде с такими барышниками английские гости, Роман Романов с товарищами, дошли до большой вины: был у них на дворе в купчинах торговый человек, ярославец Вахруш Семенов, и когда английские гости посылали людей своих тайком чрез Литовскую землю, без проезжих грамот, то Вахруш этим промышлял, извощиков нанимал под тех воров, которые от гостей ездили с грамотами, а в грамотах Роман писал непригожие дела про наше государство. Елисавета просила, чтоб позволено было денежным мастерам во всех местах переделывать на английских гостей ефимки в деньги беспошлинно, гости будут платить только за уголье и мастерам за работу. На это согласились, но пошлина оставлена общая. Елисавета опять просила, чтоб царь запретил торговать в своей земле англичанам, не при-

надлежащим к компании, и другим иноземцам. Ответ: это дело нестаточное и ни в каких государствах этого не ведется; если Елисавета королевна к государю об этом приказывает, то этим нелюбье свое объявляет царскому величеству, к убытку государевой земле хочет дорогу в нее затворить. Елисавета просила, чтоб вольно было купцам английским, их прикащикам и слугам жить по своей вере; на это отвечали: государю нашему до их веры дела нет; многих вер люди живут в нашем государстве, и никого государь от веры отводить не велит, всякий живет в своей вере. Наконец Елисавета просила, что если английские гости пошлют искать Китайской земли, то вольно было бы им брать проводников, судовых людей, суда, корм на людей и всякие другие запасы. Ответ: это дело нестаточное; государю нашему чрез свое государство пускать на отыскиванье других государств непригоже.

Вместе с этими ответами Флетчеру дали роспись, что взять на английских купцах по кабалам Мерша; всего приходилось более 23 000 рублей, но потом объявлено было послу, что государь, любя сестру свою Елисавету королевну, приказал взыскать только половину этих денег. Между тем Антон Мерш объявил министрам Елисаветиным, что все деньги, которые он занял на имя компании, заняты были по наущению дьяка Андрея Щелкалова, который велел ему и печать сделать такую же, какая была у него, когда он еще служил у гостей, дал слово во всем этом его очистить и помочь собрать все долги, что он, Мерш, не смел ослушаться Щелкалова, который был канцлер и один из самых больших людей у государя, притом же у него, Мерша, не было никакого другого приятеля. Елисавета переслала эти показания в Москву, давая им полную веру, прислала назад и самого Мерша. По Флетчеру, который представил об этом деле государю, дан был ответ, что Мерш, вор ведомый, сказал ложные слова на государского дьяка Андрея Щелкалова и то диво великое, что люди честные, королевнины думные люди, не умели такого ведомого вора обличить в своей земле, обыскать об его воровстве его же товарищами.

Елисавета продолжала льстить Годунову в своих грамотах; Годунов повторял ей в своих, что государь оказал разные милости английским купцам, «любя тебя, сестру свою любительную, а за моим челобитьем и печалованием». Королева присылала ему подарки; однажды он их не взял и извинился в этом таким образом: «Ты, государыня, прислала ко мне свое жалованье, поминки, и я твоего жалованья не взял, потому что посол твой привез от тебя к государю нашему в поминках золотые — в половину золотой, и в четверть золотой, и в деньгу золотой. Такие поминки между вами, великими государями, прежде не бывали. Государь наш этих поминков брать не велел, и я поэтому твоего жалованья

взять не посмел, а за твое жалованье тебе, великой государыне, челом бью. Я вперед хочу видеть и государя своего умолять и на то наводить, чтоб между вами любовь братская утвердилась навеки и больше прежнего; твое жалованье вперед хочу на себе держать и твоих гостей хочу держать под своею рукою во всяком береженье». Знаменитый министр Елисаветин, Сесиль (который в русских грамотах величается: Вилим Сисель, честнейшего чину рычард подвязочной, то есть кавалер ордена Подвязки), писал Годунову: «Вздумали было наши гости не торговать больше в вашем государстве для многих обид; но теперь они хотят торговать многими всякими товарами, если ты, Борис Федорович, станешь их беречь, вперед они другого помощника себе не ищут». Сесиль просил уничтожения остающихся кабал, данных Мершем, и беспошлинной торговли. Борис отвечал: «На английских гостях и то взяли только половину долгов, не велю брать и другой половины, убытков им никаких не будет и во всем их стану беречь, по всем приказам от всяких убытков, и торговля им будет повольная по-прежнему, государь не велел брать с дворов их никаких пошлин». Но Сесиль продолжал жаловаться на обиды: «Как придут английские гости в вашу землю, то им не велят торговать никакими товарами, а велят им покупать государев товар по указной цене, а не по той, чего стоит; и если наши гости не захотят покупать этого товару по такой высокой цене, то их задерживают долгое время в устье Двинском, и они живут в большом страхе, как им идти назад в морозы и бури. Тебе известно, что насилье не годится над торговыми людьми: если будут вперед делать им насилие, навязывать им товары, которые им ненадобны, а надобным товарам цену указывать высокую, то это будет не вольная торговля, а насилие». Борис в ответе своем говорил, что жалобы на насилия несправедливы, и по-прежнему обещал, что торг будет повольный еще больше прежнего [96].

С Данией были в царствование Феодора неважные сношения по поводу определения границ с Норвегиею. Гораздо больше внимания московское правительство должно было обращать на юг, где из Крыма ежечасно ожидали нападения и где Турция не переставала грозить отнятием завоеваний Грозного. С 1584 до 1588 года крымцы несколько раз нападали на Украйну; но счастьем для Москвы было то, что в это время, когда ждали войны с Баторием, в Крыму происходили усобицы: хан Магмет-Гирей был убит братом Ислам-Гиреем; сыновья Магмет-Гирея, Сайдет и Мурат, прогнали было дядю, причем опустошили весь Крым, ханскую казну всю разграбили, жен и детей русских и литовских в плен побрали; но были прогнаны опять дядею Исламом и отдались в покровительство московского царя: Сайдету позволено было кочевать с ногаями близ Астрахани, а Мурат стал жить в самой Астрахани. Ислам, боясь племянников, которых любили

в Крыму, должен был опираться на турок, позволять им всякого рода насилия, что еще больше ожесточило против него крымцев: «Мы всем Крымским юртом желаем,— говорили они,— чтоб был царем Сайдет-Гирей, царевич, а Ислам-Гирея все люди не любят. Турецкими людьми Крымский юрт опустошил, от янычар насильство и убийство великое». До чего дошел Крым во время этих усобиц, видно из слов калги Исламова, Алп-царевича, московскому гонцу: «Государь ваш прислал мне поминки легкие; но мы не думали, чтоб государь ваш в такое время захотел и сноситься с нами». Ислам писал Фсодору: «Если захочешь с нами в самом деле быть в дружбе, то ты бы наших недругов, Сайдета и Мурата, у себя не держал, хотя они тебе и в руки попались; ты бы сослал их туда, где бы их не слыхать, не видать; а денег и казны не годится им давать. Если ты с нами подружишься, то мы непременно станем над неверною Литвою промышлять». Московский посол должен был поручиться хану, что Сайдет и Мурат не пойдут на Крым, если только сам хан не пойдет на московские украйны, царевичей не отпустит, султану поход на Астрахань отговорит, а в Москву весть пришлет о замыслах турецких людей.

Большую услугу также оказывали Москве запорожские козаки, которые не давали покоя туркам и татарам, раздражали султана и хана против Литвы, отвлекали внимание их от Москвы. Козаки то приходили войною на крымские улусы, то присылали к хану с предложением своей службы и потом опять нападали на Крым. Так, в 1585 году козаки с атаманом своим Яном Ярышевским два раза приходили на крымские улусы, отогнали лошадей и всякого скота больше 40 000 и людей многих в плен взяли. А потом от этого же Ярышевского и от всех атаманов приехали к хану четыре козака и говорили ему: «Прислали нас атаманы днепровские, чтоб ты, государь, их пожаловал, с ними помирился и давал им свое жалованье; атаманы же и все черкасы тебе хотят служить: куда их пошлешь на своего недруга, кроме литовского короля, и они готовы». Хан отвечал: «Я атаманов и всех черкас рад жаловать, и как они будут мне надобны, то я им тогда свое жалованье пришлю, и они бы были готовы». Но вместо службы хану козаки взяли Очаков, а в 1588 году, в числе 1500, пришли морем в судах на крымские улусы в Тунтарахань, между Козлевом и Перекопью, взяли 17 сел. Султан присылал к Ислам-Гирею с угрозою, что если все так будет, то он выгонит его из Крыма. Ислам умер в 1588 году; преемник его, Казы-Гирей, в исполнение воли султана должен был мстить Литве за козацкие опустошения и потому дружелюбно сносился с Москвою; царь отвечал ему таким же образом: «Прежде, как был на Крымском юрте Ислам-Гирей, то мы послали рать свою большую на Дон и Волгу со многими воеводами, а идти было им с Мурат-Гиреем царевичем на Ислам-Гирея царя за его неправды. Да и на Днепр за пороги

к князю Кирику и к князю Михайлу Ружинским, к атаманам и черкасам послали мы голов Лихарева и Хрущова, велели им идти со всеми черкасами на Крым. Но когда услыхали мы, что ты воцарился, то поход отложили и послали к тебе языка — татарина, которого прислали к нам с Днепра головы Лихарев и Хрущов и князья Ружинские». В Москве считали нужным оказывать хану услуги, по крайней мере на бумаге, услуги в татарском вкусе: Казы-Гирей писал к царю, чтоб тот велел извести одного татарина, Аталык Муслы, попавшегося в плен к русским, потому что он негодный человек; царь отвечал, что просьба ханская исполнена, Аталык изведен.

Впрочем, из тона царских грамот и из небольшого количества поминков видно было, что в Москве не очень боялись хана: царь писал хану только поклон, а не челобитье, а хан в грамотах к Годунову обращался таким образом: «Брата нашего, многого крестьянства государя, большому визирю и доброму карачею и в боярах начальнейшему и в крестьянском законе в своей стране между своих сверстников честнейшему, другу нашему Борису множеством мног поклон». Не посылая в Крым богатых подарков, правитель не хотел кормить и дарить многочисленную толпу татар, которые обыкновенно приходили с гонцами, чтоб попользоваться государевым жалованьем; гонцу Мишурину, отправлявшемуся в Крым, было наказано: царю, царевичам и царевым ближним людям говорить накрепко, чтоб посылали к государю гонцов своих немногих, больше 30 человек не посылали бы, а что посылают многих гонцов, от того государеву и цареву делу поруха. Вот теперь прислал Казы-Гирей царь гонца своего, а с ним пришло 80 человек, чего никогда не бывало. Вперед бы царь велел посылать гонцов немногих, а станут гонцы ходить многие, то им государева жалованья и корму не будет.

Мы видим, что царь в грамоте к хану упомянал о сношениях своих с запорожцами, которые должны были вместе с московскими войсками идти на Крым при Ислам-Гирее. Какого рода отношения были у московского правительства к черкасам, видно из наказа, данного гонцу Петру Зиновьеву, отправлявшемуся в Крым; как пойдет Петр с Ливен, и весть будет, что пришли на Донец с Днепра, из Запорожья, черкасы, Матвей Федоров с товарищами, стоят смирно и государевым людям от них зацепки нет никакой, то Петру послать наперед себя станицу к запорожским черкасам и велеть про себя сказать, что есть с ним от государя к ним ко всем грамота и речь, и Матвей бы Федоров и товарищи его с ним виделись, и черкасам своим всем по всему Донцу заказали бы, чтоб они над Петром и над крымскими гонцами и над провожатыми их ничего не сделали, а он, Петр, идет в Крым с крымскими гонцами легким делом наскоро и поминков с ним ничего не послано. Да как с ним атаманы и молодцы запорожские

съедутся, и Петру от государя поклон им исправить и грамоту от государя подать; а говорить им от государя, чтоб они его, Петра, и крымских гонцов пропустили и провожатых ничем не тронули [97], а государево к ним жалованье будет сейчас же с государским сыном боярским. А государь, увидя их перед собою службу, пришлет к ним на Донец большое свое жалованье. Службу свою запорожцы показывали по-прежнему; гонец Мишурин в 1589 году доносил, что черкасы взяли турецкий корабль на море близ Козлева; потом дали знать Казы-Гирею, что пришли в Козлев, в посад, ночью литовские люди, атаман черкасский Кулага и с ним черкас 800 человек, пришли они морем в малых стругах. Казы-Гирей тотчас пошел в Козлев со всеми людьми, но черкас в городе уже не застал: они выграбили здесь лавки, выбирая из них лучшее, турок и жидов одних били, других забирали в плен, но тут напал на них калга Фети-Гирей и был бой в самом посаде, татары взяли у черкас человек с тридцать в плен, Кулага был убит, остальные ушли. Кроме того, черкасы вокруг Белгорода (Акермана) все посады пожгли, воевали в Азове посад, взяли в плен 300 человек, бухарских купцов побили. После этого султан прислал три каторги (судна), в каждой по 500 янычар, с огненным боем, да по четыре пушечки, за ними будет еще пять каторг с янычарами, велел им турский султан при устье Днепра беречь от черкас прохода на море, а к хану турский писал, чтоб шел на Литву.

Козаки донские и терские также беспокоили татар и турок, хотя и не в такой степени, как запорожцы. Хан писал Годунову: «Ваши козаки донские Азову городу досаждают; ваши же козаки с Дона и с Самары к Овечьим водам приходят украдкою к нашим улусам, воруют скот. Султан ко мне писал, что казну свою потратил, взял город Дербент, а теперь из Азова в Дербент людям его прохода нет: русские козаки, которые на Тереке живут, на перевозах и топких местах на них нападают; султан не может этого терпеть, с большою ратью и нарядом хочет города брать и Москву воевать». Султан приказывал хану наблюдать за Литвою; Казы-Гирей хотел, чтоб царь московский платил ему за это; он писал Феодору: «Хотим этою зимою зимовать на Днепре и караулить, а у вас просим, чтоб вы за этот караул прислали нам наем». Казы-Гирею хотелось, с одной стороны, чтоб царь отпустил к нему Мурат-Гирея, который продолжал жить в Астрахани, а с другой, выманить побольше денег, и потому он написал очень ласково: «Русские козаки приходили на наши стада и отогнали с 700 лошадей; наши люди вместе с азовскими козаками пошли за ними в погоню; но мы за этими погонщиками послали людей своих, велели их перехватать и опалу на них положили; да привели было они одного сына боярского, мы его у них взяли и послали к вам, брату нашему». Но в Москве не трогались этими учтиво-

стями, не присылали ни Мурат-Гирея, ни денег. Легко понять, как это раздражало хана, особенно последнее. Мурат-Гирей умер в Астрахани; русские утверждали, что он был отравлен людьми, подосланными из Крыма, а в Крыму утверждали, что его отравили русские — новое побуждение к вражде и мести; побуждал хана к этой вражде и султан, который сердился на Москву за нападение донских и терских козаков; наконец, побуждал хана к нападению на Москву король шведский Иоанн, обещал ему богатые поминки, если он изоюет московского царя, давая знать, что сопротивления татарам не будет, потому что войска царские находятся на севере, у границ шведских. Хан решился посмотреть берегов Оки и, если можно, пробраться дальше. В конце 1590 года приехал в Крым русский посол Бибиков; когда он правил поклон и посольство от государя, а потом правил челобитье от боярина Бориса Федоровича, подал грамоту и поминки, то хан против государева поклона и здоровья не встал. 11 января 1591 года приехал в жидовский город Кыркор, где стоял посол, Ахмет-ага, велел Бибикова позвать к себе и говорил ему царевым словом: «Посылал царь к тебе просить пятидесяти шуб бельих, да пяти шуб куньих, что не прислано муллам, да списков, наказов и росписей, а ты царева слова не послушал, и царь у тебя велел взять все твое именье». Приставы ограбили Бибикова и толмачей, взяли у них все — шубы, шапки, платье, деньги, запасы, вино. Весною орда собралась в поход, и 5 мая хан послал сказать Бибикову, что он идет не на государеву Украйну, а на литовского короля.

Но в июне в Москве узнали, что татары идут не на Литву, а на государеву Украйну; тогда, 26 числа, велено было воеводам изо всех полков, расположенных по обычаю на берегу Оки, и из городов украйных идти в Серпухов в сход к боярину князю Федору Ивановичу Мстиславскому; но когда узнали подробно, что идет сам хан с большим войском прямо к Москве, то велено было боярам и воеводам со всеми полками спешить к столице, чтоб предупредить хана. 1 июля к вечерни пришли полки к Москве и стали против Коломенского; 2 числа им велено было идти к обозу, устроенному против Данилова монастыря; в этот день приезжал к ним сам царь: бояр, воевод, дворян и детей боярских жаловал, о здоровье спрашивал, по полкам смотрел. 3 июля приехал в Москву с берегу оставленный там для вестей голова Колтовской и объявил, что хан перешел Оку под Тешиловом, ночевал в Лопасне и идет прямо к Москве. По этим вестям отправили на Пахру 250 человек детей боярских — смольнян, алексинцев, тулян под начальством князя Бахтеярова-Ростовского; им велено было стать на реке и промышлять над передовыми крымскими людьми; эти передовые люди сбили их с Пахры, ранили воеводу и много детей боярских побили и взяли в плен. Тогда велено

было боярам и воеводам стать со всеми людьми в обозе; в большом полку был воеводою князь Феодор Иванович Мстиславский, в правой руке — князь Никита Романович Трубецкой, в передовом полку — князь Тимофей Романович Трубецкой, в левой руке — князь Василий Черкасский; у каждого из трех первых воевод были в товарищах по Годунову: у Мстиславского — сам Борис, у Никиты Трубецкого — Степан Васильевич Годунов, у Тимофея Трубецкого — Иван Васильевич Годунов; кроме того, у Мстиславского и Бориса Годунова в прибылых в Думе были кравчий Александр Никитич Романов, окольничий Андрей Клешнин, казначей Черемисинов, оружничий Богдан Яковлевич Бельский, думный дворянин Пивов.

4 июля, утром в воскресенье, пришел к Москве хан, сам стал против Коломенского, а к обозу, где сидели русские воеводы, выслал царевичей; против них воеводы выслали изо всех полков голов с сотнями, ротмистров с литовскими и немецкими людьми, велели им *травиться* с крымцами, по тогдашнему выражению. Эта травля продолжалась до ночи, без решительного исхода; татары не любили таких встреч: травиться с русскими безо всякой пользы им не нравилось; идти на обоз, где сосредоточены были московские силы с нарядом,— еще менее, между тем пленники объявили, что пришло к Москве новое войско, новгородское и из других областей и воеводы хотят ударить на крымцев ночью. Казы-Гирей не стал дожидаться рассвета и побежал, бросив обоз. Утром 5 числа воеводы послали за ним скорые полки; но те не могли его нигде нагнать, потому что он бежал, не останавливаясь ни у одного города; задние отряды его были нагнаны и разбиты под Тулою, остатки истреблены в степях. Главная царская рать двинулась также из обоза и шла до Серпухова: сюда 10 июля приехал из Москвы князь Козловский и объявил Мстиславскому опалу за то, что в отписках к государю он писал одно свое имя, не упоминая о конюшем боярине Борисе Федоровиче Годунове. Но в тот же день приехал стольник Иван Никитич Романов, правил боярам и воеводам от государя поклон, спрашивал всю рать о здоровье, подал князю Мстиславскому и Борису Годунову золотые португальские, другим боярам и воеводам — по два золотых корабельных; иным — по одному, другим — золотые венгерские. Младшие воеводы остались на берегу, старшие возвратились в Москву. Здесь Годунов получил шубу в тысячу рублей с плеч государевых, цепь золотую также с государя, сосуд золотой, который называли Мамай, потому что был взят в Мамаевом обозе после Куликовской битвы, три города в Важской земле, звание *Слуги*, которое, как должны были объяснять наши послы в Литве, было честнее боярского; князь Мстиславский получил также шубу с царских плеч, кубок с золотою чаркою и пригород Кашин с уездом: другие воеводы и ратные люди по-

лучили шубы, сосуды, вотчины, поместья, деньги, камки, бархаты, атласы, меха, сукна. Несколько дней были пиры у государя в Грановитой палате; в благодарность богу построили Донской монастырь.

В конце июля возвратился в Крым с войны калга, стали спрашивать его: где хан? А он ничего не знает, прибежал калга скорым делом, войска возвратилось только треть, пришли пешком, полону привели немного. 2 августа приехал сам хан в Бахчисарай, ночью, в телеге, раненый; после видели, что левая рука у него была подвязана. В конце августа позвали к хану московского посла Бибикова; хан велел ему сесть и начал говорить: «Был я на Москве, и меня не потчевали, гостям не рады». Посол отвечал: «Вольный человек царь! Ты у государя нашего украл, ходил в его землю через свое слово, да и был ты в нашей земле и у Москвы постоял немножко, а если б ты постоял побольше, то государь наш умел бы потчевать». Хан не отвечал на это ничего, позвал Бибикова обедать и после обеда велел положить на него платно золотное. Бибиков проведывал, для чего хан ходил в государеву землю? Ему отвечали, что хану хотелось показать себя, потому что он, как сел на царство, на московской украйне не бывал, а у них это бесчестно, умысел ханский был уже давно. Объяснили ему, почему хан побежал от Москвы: пленники сказали, что новгородская и псковская сила пришла и хочет государь выслать на хана воевод своих; Казы-Гирей спросил: «Кто главный воевода?» Пленные отвечали, что Борис Федорович Годунов. Тогда князья и мурзы стали говорить: «Если Бориса пошлют, то с Борисом будет много людей». Хан и побежал. Один из князей крымских говорил Бибикову: «Зачем государь ваш много городов ставит на украйнах, на Тереке, на Волге, около Крыма?» Бибиков отвечал: «В земле государевой людей умножилось, взяла теснота, государь сильный, для того и города ставит». Князь сказал на это: «Ваш государь так же хочет сделать, как над Казанью: сначала город близко поставил, а потом и Казань взял; но Крым не Казань, у Крыма много рук и глаз, государю вашему надобно будет идти мимо городов в середку».

Хан первый начал сношения с царем и через два месяца по возвращении из похода прислал гонцов своих в Москву. На вопрос от бояр: зачем они приехали? — гонцы отвечали: «Царь у государя вашего ни Казани, ни Астрахани не просит, только поминки бы ваш государь прислал по царевой грамоте». Бояре велели сказать им: «Если познал царь неправду свою, то должен принести покорение большое; поминки посылают за дружбу, а, видя цареву неправду и такую недружбу, поминков посылать не за что». Гонцы отвечали: «Если б царь своей неправды не узнал, то нас к государю вашему не послал бы; а государь бы ваш Казы-Гирею царю приход его под Москву простил: ведь царь

ходил войною и большой досады ему не учинил, которою дорогою пришел, тою же дорогою и назад вышел». Но это наглое смирение оказалось хитростию: хану нужно было *оплошить* московское правительство, как тогда выражались; в Москве действительно оплошали; думали, что крымцы после несчастного похода своего не в состоянии скоро напасть на украйны, и обманулись жестоко: в мае 1592 года калга Фети-Гирей ворвался в Украйну безвестно, в рязанские, каширские и тульские земли; татары побили много людей, пожгли много сел и деревень, много побрали в плен дворян и детей боярских, которые, не ожидая нападения, не перебирались с семействами в города; полону сведено было так много, говорит летописец, что и старые люди не запомнят такой войны от поганых.

Хан поправился и переменил тон, сказал гонцу царскому, отправленному к нему еще до нападения калги: «Дивлюсь я больше всего тому, что около Троицына дня у вас прибылых больших людей ни на берегу, ни на Украйне не было, а которые украинские люди и собрались, и они были все в лесу, на поле не вышли и с нашими людьми не бились, только и побились немного литовские люди. Сказывали мне царевичи и все князья: такой войны нашим людям не бывало никогда: наши люди ни сабли, ни стрелы не вынимали, загоняли пленных плетьми». Гонец отвечал: «Ты присылал к государю гонцов своих с любовными грамотами, и от того людей на Украйне в сборе не было; если теперь так оплошали, то вперед уже так не будет, не оплошится государь наш, положась на твое слово». Но хан, довольный тем, что мог переменить тон и снова запрашивать, не думал более о войне с Москвою, ибо должен был участвовать в войнах султана в Молдавии, Валахии, Венгрии. На запросы ханские и обычные уверения, что калга нападал на московские украйны своевольно, царь велел отвечать ему: «Посылаем к тебе посла с большими поминками, а на тебе хотим еще правды посмотреть. Одного из послов твоих Аллабердея мурзу мы оставили у себя для большого дела, чтоб без доброго человека у нас не было и ссылка между нами не порвалась. Когда наш посланник Семен Безобразов и твои гонцы в Крым к тебе придут, то ты тотчас отпусти к нам своего гонца легкого и отпиши, какого своего доброго человека нарядишь к ним в послах и какого большого своего человека пошлешь с ним в провожатых, который с нашим добрым человеком у Ливен будет говорить о вечном мире; напиши, к какому сроку быть им к Ливнам и взять нашего посла и твоего посла Аллабердея с большими поминками и запросными деньгами: мы к этому сроку пришлем при своем после, князе Меркурии Щербатом, и своего доброго человека, который с твоим ближним великим человеком о всяких делах приговорит и разменяется послами по прежнему обычаю: наш посол князь Щербатый и твой посол Аллабердей

пойдут к тебе, а твой новый посол и наш старый посланник Безобразов пойдут к нам». Посланнику Безобразову был дан наказ: «Послано с ним 1000 золотых, и ему те золотые держать у себя тайно; как он придет в крымские улусы и проведает, что царь в Крыму не по-старому и походу на московские украйны не чаять, или царь ждет себе перемены от турского, или есть на нем какая-нибудь иная худоба, или будет у него поход на Литву, по приказу турского, то ему, Безобразову, никак не давать золотых и держать их у себя тайно, чтоб никто не знал, и толмачи. А если он проведает, что царь наготове, собрался на государевы украйны и худобы на нем нет никакой, то дать золотые: царю 700, калге 200, Нурадину царевичу 100». Посланнику наказано было также выкупать пленных: обыкновенно платили за детей боярских от 50 до 100 рублей, за сотника стрелецкого — 50, за попадью — 25 рублей, за дочь княжескую — 50; в последний набег попались в плен несколько людей значительных: так, Безобразов должен был непременно выкупить Никифора Ельчанинова, дать за него 200 рублей; непременно же должен был выкупить жену Тутолмина, дать за нее 200 рублей, да от мужа до 200 рублей; за мать Щепотьевых давать до 70 рублей, да от детей ее — до 40 рублей.

Прежде отправления посла и знатного человека для переговоров о вечном мире хан прислал гонца с требованиями от своего и султанова имени, чтоб сведены были терские и донские козаки, чтоб царь прислал ему 30 000 рублей на постройку города на Днепре, на Кошкине перевозе, что по-русски Добрый перевоз выше порогов, и велел бы отпустить в Крым жену умершего Мурат-Гирея. Дьяк Андрей Щелкалов отвечал гонцу: «Это дело нестаточное, государь наш в этом крымского и турского не послушает, мало ль что турский пишет! Прежде писывал турский о Казани и Астрахани, и тому чему верить? Как было тому статься? А теперь также не схожее дело. Терского города государю нашему не снашивать. Терский город поставил государь в своей отчине, в Кабардинской земле, для того: из давних лет кабардинские черкасы холопи государевы; а бежали из рязанских пределов в горы, и служили отцу государя нашего и теперь служат; они били челом, чтоб для их обереганья город велел на Тереке поставить, а теперь государю нашему от своей вотчины как отступиться?» Гонец стал опять говорить: «Царь со мною приказывал тайно, чтоб государь города сносить и козаков сводить с Терки (Терека) не велел, только б велел поманить и к царю отписать, что Терку очистить, а царь об этом отпишет к турскому, чтоб турский дал покой; на государя ходить ему не велел; а царь в это время город на Кошкине перевозе у Днепра поставит, все крымские улусы к Днепру переведет и Перекоп разорит; а на городовой бы харч государь послал к Казы-Гирею 30 000 рублей». Щелкалов отвечал: «Как этому верить? Как царю от турского отстать?

И можно ли ему против турского стоять? И каким обычаем город поставить и укрепить? И наряд у царя есть ли и знает ли турский про город?» Гонец отвечал, что хан пришлет в заложники сына и по человеку из каждого большого рода. С теми же речами гонец был у Годунова; тот отвечал ему о Тереке также отказом, прибавив: «Сам рассуди: если кто поставит деревеньку, хотя и не на своей земле, да устроит ее, то даром не отдаст без крови, да без бою». На тайный наказ о строении города и присылке 30 000 рублей Борис отвечал: «Такой великий запрос как можно выполнить? Столько денег и собрать нельзя, просить бы так, как чему можно статься; да чему и верить; царево слово, что ни приказывал к нашему государю, прямо никогда не бывало». После этих переговоров в Думе решились отправить в Крым князя Щербатова, послать с ним поминки, примерясь к прежнему, да 40 000 рублей или больше, да хану послать 10 000 рублей, Мурат-Гирееву жену отпустить.

В ноябре 1593 года вместе с князем Щербатовым отправились в Ливны боярин князь Федор Иванович Хворостинин да оружничий Богдан Яковлевич Бельский для переговоров о вечном мире с ханским уполномоченным Ахмет-пашою. Приехавши в Ливны, Хворостинин послал сказать Ахмет-паше, чтоб тот ехал к ним за реку Сосну на переговоры; Ахмет отвечал, что ему за реку ехать невместно: прежде приезжал в Путивль большой его брат Мурат князь, а с Москвы приезжал тогда на размену послов Андрей Нагой, который приезжал за реку Сейм к Мурату князю в шатер, потому теперь он, Ахмет-паша, государя своего имени потерять и прежнего обычая нарушить не хочет. Хворостинин возражал, что Андрей Нагой был дворянин обычный и великого такого дела тогда не было, а теперь для великого дела посланы люди великие. Ахмет отвечал, что и он у своего государя человек именитый же, да и служба его к царю Феодору Ивановичу ведома, и ему от хана приказ — за Сосну не ездить. Когда Хворостинин дал знать об этом затруднении царю, то получил грамоту: «Сами знаете, что по ту и по сю сторону Сосны все наша земля, и вы бы приказали к Ахмет-паше, что вы для доброго дела и мимо нашего указа свой съезжий шатер на их стороне велите поставить, только бы Ахмет-паша приезжал к вам на съезд в ваш шатер». Но Хворостинин урядился с Ахмет-пашею иначе: положили съезжаться на середине реки на мосту. Ахмет дал шерть за хана и царевичей — быть в прямой дружбе и братстве с царем, а Хворостинин обещал: «Если хан, калга и все царевичи в своей правде устоят, летом 1594 года на московские украйны воевать не будут, то государь осенью послов своих и другую половину запроса к хану пришлет (первую половину вез Щербатов), и вперед поминки станет посылать ежегодно, государя нашего слово инако не будет, в том верьте нам». Ахмет отвечал: «Я вашим словам верю». Потом Ахмет стал говорить, чтоб

государь велел козаков с Дона свести, а к Дербенту и Шемахе дорогу велел очистить. Хворостинин отвечал: «На Дону живут козаки воры, беглые люди и, живучи на Дону, сложась с запорожскими черкасами, Азов теснят без государева ведома и государевых посланников не слушают. А теперь как ваш государь с нашим государем укрепятся, то государь наш пошлет на Дон рать свою и велит тех воров, донских козаков, перехватать и перевешать, остальных с Дону сослать, и вперед на Дону не будет ни одного человека; а на Терку государь пошлет воеводам крепкий наказ, чтоб турецким людям тесноты и помешки нигде не делали».

Несмотря на эти соглашения князя Хворостинина с Ахмет-пашею, дело не вдруг уладилось в Крыму, когда приехал туда князь Щербатов с поминками: князья, мурзы и уланы приехали к послу в стан брать государево жалованье, и некоторые взяли поминки, а другие не взяли и говорили: «Государь ваш царь писал к нашему государю, что послал к нам свое жалованье большое, а нам и с гонцами присылалось больше этого: кому прежде присылалось платен по десяти, тому теперь прислано пять-шесть, а шапки худые». Посол говорил, что хану прислано 10 000 рублей, а калге и всем князьям, мурзам и уланам — 17 000 деньгами и платьем; на это мурзы отвечали: «Нам до запросных ханских денег дела нет, эти деньги идут на городовое строение, платья и наших денег с ханскими запросными деньгами нельзя мешать». Царевич-калга рассердился, что ему прислано денег мало: если хану, говорил он, прислали 10 000, то ему должны были прислать 5000. Калга побранился с ханом: «Ты,— говорил он ему,— денег много взял, завладел всем один и идешь теперь на Венгрию, а я останусь в Крыму и пойду на московскую украйну». Хан также не хотел давать шерти, требовал, чтоб царь ежегодно присылал ему по 10 000 рублей; но Ахмет-паша говорил хану: «Если ты теперь перед московским послом клятвы в вечном мире не дашь и пойдешь на султанову службу в Венгрию, а государь московский с королем литовским помирится, то вперед тебе от него ничего не видать». Хан призадумался, ничего не сказал на это, наконец дал шерть, согласился написать в шертной грамоте полный царский титул, согласился приложить печать внизу грамоты, что делал он для одного турецкого султана. «Скажи брату моему,— говорил он Щербатову,— что я ему за великую честь не постоял, чего при прежних царях не бывало». Щербатов настаивал на безденежное освобождение пленных с обеих сторон; хан отвечал: «Которые пленники у князей и у мурз, тех мне взять нельзя; у меня ни одного пленника нет, а если б были, то я бы за них брату моему никак не постоял; в Крымском юрте не ведется, чтоб царю отнимать пленных у князей и мурз: они тем живут; а у которых татар братья и племя в плену у вашего государя, тех они окупают и меняют сами, а мне до них дела нет». Любопытно донесение Щербатова о том, как он разузна-

вал о нужных ему вестях: «У нас,— писал он,— полоняники старые прикормлены для твоего государева дела»; о распре калги с ханом, например, Щербатов узнал от старого русского пленника Сеньки Иванова, который жил в мельниках у одного мурзы. Щербатов доносил также о том, как хан и царевич-калга угощались на его счет: однажды калга ехал от хана мимо посольских станов и заслал к Щербатову татарина, велел ему сказать, чтоб он выслал к нему на поле вина, меду и чего-нибудь поесть; Щербатов послал вина, меду, коврижек, черных хлебцев и пастил. Так же угощал он и самого хана.

В Москве, при переговорах с крымским послом, встретилось также затруднение. Посол требовал возвращения Пашая-мурзы, который выехал с Мурат-Гиреем в нужде, *козачеством*, как он выражался, и по смерти Мурат-Гирея, вступил в службу московскую; государь дал ему на волю: хочет едет в Крым, хочет остается в Москве. Посол просил свидания с Пашаем и говорил ему, чтоб ехал в Крым к хану и к отцу своему. Пашай отвечал, что ему от царского жалованья в Крым не ехать, здесь он пожалован великим государевым жалованьем, вотчинами и поместьями большими, селами и деньгами, чего всему родству его в Крыме у хана не видать, и пожаловал его государь, велел за него дать царевну, дочь Кайбулину. Тогда крымские послы и гонцы начали говорить с сердцем, что он глупит, говорит не гораздо, а дьяку Андрею Щелкалову говорили: только государь пожалует, велит его отдать, и они его возьмут силою, и к хану в Крым отведут, связавши. Дьяк отвечал: «Если он ехать сам не хочет, то государю в неволю его не отдавать, а сердиться вам и в брань говорить о том непригоже». Один из крымских гонцов сказал на это: «Только государь не велит отдать Пашая-мурзу, то за этим все доброе дело порушится». Дьяк отвечал: «Такие непригожие речи и раздорные слова к доброму делу непригодны: великому государю нашему не только что хана, и никого не страшно; только хану за такие невеликие дела раскидывать, то государю его дружба не под нужду, надобно хану о том стараться, чтоб государь наш захотел быть с ним в дружбе и любви». Посол окончил дело, сказавши: так промолвилось с сердца, а хан за такие невеликие дела с государем не раскинет, будет в дружбе и в любви во веки» [98].

Ясно было, что Крыму мир был нужен, и в Москве это понимали. Война с Австриею отвлекла татар от московских украйн; она же мешала и султану обращать большое внимание на Москву, хотя он и не переставал враждебно смотреть на нее; причиною были: жалобы ногайских владельцев на притеснения от Москвы и особенно действия козаков. Вот что говорил московским толмачам в Крыму ногайский посол, приехавший к Ислам-Гирею: «Государь ваш князь великий завоевал с нами, послов Урусакнязя велел обесчестить и отпустил их с Москвы не пожаловав, а

козаки волжские сильно обижают нас, много улусов у нас повоевали, много городков поставили на Яике и за Яиком, теспоту нам сделали большую. Меня отправил Урус-князь к турскому царю просить, чтоб турский послал людей своих под Астрахань, а мы пойдем с ними». Толмачи отвечали, что ногаи, забыв жалованье царя Ивана, московских послов велели грабить и бесчестить и людей своих посылали на московские украйны ежегодно. Но турский людей своих к Астрахани не посылал, и ногаи принуждены были подчиниться Москве. Ногаи верно и простосердечно объясняли причины, принуждавшие их к этому подчинению; посол ногайского князя Уруса говорил московскому послу в Крыму: «Меня Урус-князь послал к турскому султану, чтоб турский султан на Уруса-князя и на всех мурз не пенял, что учинились в воле государя московского: чья будет Астрахань, Волга и Яик, того будет и вся Ногайская орда». Потом московский посол доносил из Крыма царю: «Поехали мурзы ногайские и все лучшие люди в Крым от неволи, заплакав, пометали отцов и матерей, жен и детей и все имение, говорят: «Просили у нас Мурат-Гирей царевич и воеводы астраханские лучших людей, братью нашу и детей в заклад: но наши отцы, деды и прадеды век свой жили, а закладов не давали, в воле государя московского бывали и присягали, но никогда над ними такой неволи не бывало, что над нами делает теперь Мурат-Гирей царевич». Мурзы и все лучшие люди вследствие этого послали к турскому царю бить челом, чтоб принял в подданство.

Султан, разумеется, не мог слушать равнодушно этих жалоб; не мог равнодушно слушать и донесений, что донские козаки приходят под Азов беспрестанно, корабли и каторги громят и людей турецких побивают.

В июле 1584 года отправлен был в Константинополь к султану Амурату посланник Благов известить султана о восшествии на престол Феодора, объявить, что новый царь не велел с турецких купцов брать пошлины и тамги, что покойный царь для султана Селима велел вывести своих ратных людей из Терской крепости, где живут теперь волжские козаки, без государева ведома; что вере магометанской нет нигде тесноты в России: в Касимове мечети владеет там магометанин Мустафалей; что на Дону и близко Азова живут козаки все беглые люди, иные козаки тут и постарели живучи, а ссора идет оттого, что азовские люди с крымцами и ногаями ходят на государевы украйны войною, много русских людей берут в плен и возят в Азов, а козаки этого не могут терпеть и на них приходят, потому что их род и племя на украйнах. Благов настаивал, чтоб султан отправил с ним своего посланника в Москву; это, собственно, считалось нужным для того, чтоб заявить пред другими государями дружественные сношения страшного и надменного султана с царем. Паши долго не соглашались на это,

говорили: «Султан государь великий; послы его ездят к великим государям, к цесарю, королю французскому, испанскому, английскому, потому что те присылают ему казну; а с вами у нас одни дела торговые». Благов отвечал: «Государи наши никогда к турскому казны не посылывали; государь бы ваш послал для братской любви со мною вместе посланника своего чауша доброго; а только государь ваш со мною его не пошлет, а пошлет после меня, то нашему государю эта присылка учинится не в любовь и султанова посланника ко своему царскому лицу пустить не велит». Паши говорили: «Вот тому будет 14 лет, как приходил от отца государя вашего посланник, и с ним поминки присланы были большие, а с тобою поминки присланы малые не по-прежнему, и государю нашему теперь для чего посылать своего посланника». Благов отвечал: «Разве тот посланник делал чрез государев наказ и прибавлял свои поминки? И государь наш за то и опалу свою на него положил; а со мною что послано, то я и довез». Когда пришли к Благову приставы и сказали, что паши велели взять с него деньги за проезд на корабле Черным морем, то посланник отвечал: «Это где водится, чтоб послам не давали подвод или корабля?» Приставы говорили: «Паши нам сказывали, что султан на тебе деньги велел взять за то, что с тобою поминков прислано мало». Благов отвечал: «Я привез то, что мне дано, и Амурат султан писал бы о том к нашему государю; если на мне султан деньги за корабль велит взять, то я от этого у государя своего в убытке не буду; но от такого малого дела между государями братская любовь и дружба порушится и ссылки между ними вперед не будет». Благов настоял на своем: султан отпустил с ним в Москву посланника своего Ибрагима. И этот посланник, как прежний, отказался от переговоров с боярами о союзе между султаном и царем, но требовал, чтоб ему выдали Мурат-Гирея царевича и уняли донского атамана Кишкина, нападавшего на Азов. Ибрагима отпустили с ответом, что на Дону разбойничают больше козаки литовские, чем московские, что Кишкин отозван в Москву и остальным козакам запрещено нападать на Азов, а о Мурат-Гирее будет наказано султану с новым царским послом.

Благов говорил в Константинополе всем одно о терских и донских козаках: «Сами знаете, что на Тереке и на Дону живут воры, беглые люди, без ведома государева, не слушают они никого, и мне до козаков какое дело?» Благов уже, кроме царского наказа, мог делать подобные отзывы о козаках по собственному опыту. Когда он ехал Доном, то козаки приходили на него, бесчестили его, суда отнимали, много запасов пограбили. Когда в Москве узнали об этом и узнали, что Благов возвращается вместе с посланником султановым, то навстречу к ним отправлен был Василий Биркин. Этот Биркин, приехав на Дон, должен был вместе с атаманом Кишкиным и другими атаманами и козаками, которые государю слу-

жат, сыскать и перехватать грабителей, лучших трех-четырех из них привести к государю, а других за воровство бить кнутом на Дону; если же над ними так промыслить нельзя, то промыслить над ними обманом, уговорить их да и перехватать, чтоб другим, на них смотря, было не повадно воровать. В Москву дали знать, что перешел с Волги на Дон атаман Юшка Несвитаев с товарищами и хочет воровать, приходить на Благова; Биркину и Кишкину велено было его схватить и привести в Москву; если же Юшка исправится и станет служить и прямить, то над ним ничего не делать. Биркин доносил, что козаки на море захватили черкес рыболовов; Биркин стал им говорить, чтоб они отпустили черкес, ибо от этого может пострадать царский посланник в Константинополе, Благов; козаки отвечали ему, что за Благова не только не отпустят пленников, но и волоса не дадут сорвать у себя; козаки, которые служили государю, говорили Биркину, что другие козаки непременно хотят громить Благова и турецкого посланника и не отпустят ни одного человека живого, чтоб в Москве вести не было. О намерении козаков громить Благова и турецкого посланника узнали и в Азове, куда принес эти вести бусурманин Магмет, который был прежде донским козаком; тогда турецкий посланник не захотел ехать из Азова, и Благова долго здесь задерживали, требуя, чтоб донские козаки дали клятву не громить посланников; за плененных козаками черкес взяли у Благова толмача да подьячего.

Не ранее апреля 1592 года отправлен был второй посланник из Москвы в Константинополь, дворянин Нащокин. В Думе решили: пригоже к турскому послать посланника, чтоб ссылки не порвались; пригоже прежние ссылки припомянуть и про то объявить, отчего посланник позамешкался, да о присылке персидского шаха объявить, что присылал просить союза и рати, но государь ему рати не дал и послов его отпустил ни с чем; о цесаревой присылке также приказать устно, что цесарь и союзники его, папа, короли испанский и польский, уговаривают царя воевать с султаном, но царь их не слушает; проведать на султане: в дружбу ли ему это будет? Да и вестей всяких проведать.

Нащокин должен был сказать султану, что государь так долго не отправлял к нему посланника потому, что король польский не пропускал послов чрез Литву, а на Дону живут литовские козаки, сложась с нашими изменниками, донскими козаками, наконец, потому, что зашли многие дела, поход на шведов. Между прочим, Нащокину дана была такая память: приезжал к государю терновский митрополит Дионисий и сказывал приказным людям, что у турского султана ближний человек Иван Грек, родственник ему, митрополиту; митрополит обещал государю служить и всякими делами промышлять и, что проведает, государевым посланникам приказывать, и к Ивану Греку послано с ним государево жалова-

нье. Так, когда посланник в Царь-град приедет, то ему с митрополитом терновским и с Иеремиею патриархом обослаться тайно, чтоб митрополит вместе с патриархом государю служил, султановых ближних людей на то приводил, чтоб государю служили и султана на всякое добро наводили, чтоб он с государем захотел быть в крепкой дружбе и в любви; посланника государева отпустил бы с добрым делом и с ним вместе отправил бы своего посланника, доброго человека. Если патриарх и митрополит станут государю служить и станут просить списка с государевой грамоты, которая послана к султану, чтоб им знать государево дело, чем промышлять, то Нащокину список дать и отослать его тайно и государево жалованье Ивану Греку отослать тайно же.

К донским козакам, «которые атаманы и козаки на Дону вверху и которые на низу близко Азова», послана была царская грамота с убеждением, чтоб они в то время, как Нащокин пойдет в Азов, жили с азовскими людьми мирно и, которые азовские люди будут ходить на Дон по-прежнему для рыбных ловель и дров, тех не задирали бы, чтоб пленных турок и черкес отдали, за что царь пожалует их великим жалованьем; козакам было объявлено также, что, в то время как Нащокин будет в Турции, на Дону будет жить сын боярский Хрущов, с которым они не должны пропускать воинских людей на государевы украйны.

Когда Нащокин объявил козакам волю государеву, то они отвечали: «Тебя, посланника, провожать и государю служить мы готовы; но пленников нам отдать нельзя: взяли мы их своею кровью, а ходили эти черкесы за нами сами и наших голов искали, а не мы на них ходили; которых нашу братью атаманов и козаков берут азовские люди, тех на каторги сажают, и не только что не отдают даром, и на окуп не дают, во время мира перехватали козаков 24 человека и на каторги посажали, а эту зиму больше 100 человек по городкам азовские люди с черкесами взяли и на каторги распродали; и то к нам государево нежалованье, что хочет взять у нас пленников, которых мы добыли своею кровью». Сказавши это, козаки отошли от Нащокина, стали в круг и начали читать государевы грамоты; прочтя их, все атаманы и козаки говорили между собою шумно, что им пленников не отдавать; потом некоторые подошли опять к послу и начали говорить: «Прежде государь нас жаловал, писывал к нам в грамотах: низовым атаманам, и лучших называл по имени, а потом приписывал: и всем атаманам низовым и верховым; а теперь писано наперед атаманам и козакам верховым, и потом уже нам, низовым, и то не поимянно; но верховые козаки государевой службы не знают. Если государь теперь с вами прислал окуп, то мы пленников отдадим, а без окупу нам их отдать нельзя: только нам теперь отдать их без окупу, и нам тех окупов не видать и в 10 лет, а к Москве нам по те окупы не ездить; если же вам велел государь тех пленников взять у нас силою, то вы у

нас возьмите их из крови, а мы, пересекши их, пойдем, куда очи несут, уже то у нас готово пропало». Нащокин отвечал: «Отъездом вам государю грозить непригоже, холопы вы государевы и живете на государевой отчине». Козаки на это сказали: «Если к нам государево нежалованье, то нам вперед на Дону как жить, что уж вперед у нас пленников окупать не станут? Кого возьмем, а турский станет писать к государю, и государь станет у нас даром брать и к турскому отсылать: и нам на Дону чем жить?» Когда Нащокин стал им говорить, чтоб жили в мире с Азовом, пока он сходит в Константинополь, то козаки отвечали: «Нам теперь через прежние обычаи самим о миру задирать непригоже, а вот наши товарищи на море, Василий Жегулин с товарищами 300 человек, и нам их не выждав, как мириться?» Посланник привез козакам государево жалованье, сукна, и хотел раздавать их по наказу: лучшим — хорошие, а рядовым — похуже; но козаки сказали, что у них больших нет никого, все ровны и разделят сами на все войско, по чему достанется. Когда, наконец, Нащокин стал им говорить, чтоб они служили государю с Хрущовым, то они отвечали: «Прежде мы служили государю и голов у нас не бывало, служивали своими головами, и теперь рады государю служить своими головами, а не с Хрущовым». Но одними словами не кончилось: по возвращении с моря атамана Жегулина козаки в числе 600 человек пришли к посольскому шатру с саблями и ручницами и кричали, чтоб Нащокин показал им государев наказ. Посланник отвечал, что наказ дан о многих делах и показывать его нельзя; если же они пришли грабить государеву казну, то он, посланник, с своими людьми готов помереть за нее. Козаки шумели много, селитру и запасы государевы взяли силою; потом схватили донского атамана Васильева, приехавшего с Нащокиным из Москвы, били его ослопами и посадили в воду перед шатром посольским. Этот Васильев уговаривал их, чтоб они измены свои покрыли, государю не грубили и пленников выдали.

Нащокин после многих затруднений достиг Константинополя и справил свое посольство: султан уже отпустил его и решил вместе с ним отправить своего посланника в Москву, как вдруг пришли вести, что донские козаки взяли у азовцев в плен 130 человек и что царь московский поставил на Дону и на Тереке четыре новых города. Тогда великий визирь сказал Нащокину: «Это ли любовь вашего государя к нашему? За это ведь пригоже за сабли да воеваться, а не дружиться! Если государь ваш велит с Дону козаков свести, и государь наш также крымского хана, азовских и белгородских людей велит унять. Вы говорите: донские козаки вольные люди, воруют без ведома вашего государя; крымские и азовские люди также вольные. Вперед только государь ваш не сведет с Дону козаков, и я вам говорю по богу: не только крымскому и ногаям велим ходить, но сами пойдем своими головами со многою ра-

тью сухим путем и водяным, с нарядом и городом, хотя и себе досадим, а уж сделаем это, и тогда миру не будет». Нащокин отвечал: «Дал бы бог, чтоб между государями вперед братская любовь утвердилась; а теперь если крымский хан и пойдет на государевы украйны, то воля божия: государя нашего рать против него готова, и не угадать, кому что бог даст. Лучше бы крымского унять, чтоб вперед между государями братская любовь не рушилась». Визирь сказал на это: «Правда: когда люди с людьми сшибутся, то будет убыток на обе стороны, да уже не воротишь. А нам стало досадно, что сделали ваши козаки. За такие дела над послами опала бывает; но государь наш над вами за это ничего сделать не велел, потому что у нас того в обычае не ведется, и отпустит вас к вашему государю по прежнему обычаю, а с вами вместе посылает своего посланника».

Когда Нащокин дал знать об этом в Москву, то на Дон отправлена была царская грамота: «Если вы начнете с азовскими людьми какой-нибудь задор и между нами и турским сделаете этим недружбу, то вам от нас быть в опале и в Москве вам никогда уже не бывать; пошлем на низ Доном к Раздорам большую свою рать, велим поставить город на Раздорах и вас сгоним с Дону: тогда вам от нас и турского султана где избыть? Так вы бы службу свою показали: перебрав лучших атаманов и молодцов конных, послали на Калмиус, на Аросланов улус, улус его погромили бы, языков добрых добыли и к нам с этими языками товарищей своих прислали, чтоб нам про ханское умышленье и про его поход ведомо было. Если же до приходу в Азов нашего и турского посланников хан или царевичи его пойдут на наши украйны и с ними азовские люди, то вы бы все на конях шли под них на перевоз и на дороги и на Донец Северский, и над ними нашим делом промышляли; а где сойдетесь на Донце с нашими людьми путивльскими и с запорожскими черкасами, которые придут по нашему указу под хана на Донец (а велено черкасам запорожским, гетману Христофу Косицкому и всем атаманам и черкасам быть на Донце на дорогах и за ханом идти к нашим украйнам), то вы бы промышляли с ними, с нашим дворянином, который с ними будет вместе заодно».

Но козаки не только не хотели показать своей службы по царским требованиям, даже не хотели дать провожатых для послов. Князь Волконский, отправленный встречать турецкого посланника под Азов, доносил царю: «Донские атаманы и козаки о провожанье нам отказали, что им неволею послать провожатых нельзя, а которые охотники сами захотят ехать, то они им не запрещают; но охотников с нами идет только человек с тридцать. Хотели с нами идти в провожатых атаманы и козаки многие: но приехал с Украйны на низ в войско козак Нехорошко Картавый, который сбежал с твоей государевой службы из Сернухова, и сказывал козакам, что на Москве их товарищам нужда большая, твоего госу-

дарева жалованья им не дают, на Дон не пускают, служат на своих конях, корму им не дают, а иных в холопи выдают. Услыхавши это, многие атаманы и козаки с нами ехать раздумали, а которые охотники с нами едут, и тем мы не верим, потому что побежали от донских козаков 40 человек, думаем, что пошли к черкасам».

Турецкий посланник, Резван, приехавши в Москву, объявил те же требования, о которых Нащокин слышал уже от визпря в Константинополе, то есть, чтоб донские козаки были сведены и крепости на Дону и Тереке разрушены. Государь приговорил с боярами: «Турского посланника отпустить, а с ним вместе к Амурату султану отправить своего посланника для того, чтоб ссылка вперед не порвалась; против грамоты султановой отписать, что государь чрез Кабардинскую землю турецким людям, которые станут ходить в Дербент и Шемаху, дорогу отворяет; а про козаков отписать по-прежнему, что на Дону живут воры, беглые люди и, соединясь с литовскими черкасами, турецким городам тесноту делают без государева ведома; а городов государевых на Дону нет». Новым послом был назначен дворянин Исленьев, который отправился в июле 1594 года. Исленьев должен был отдать грамоту и жалованье терновскому митрополиту и сказать ему: «Как был посланник Нащокин, то ты государю служил, и эта твоя служба государю известна, послужи и теперь». К патриарху повез Исленьев наробка для наученья греческому языку [99]. Подробности переговоров этого посла нам неизвестны; из сношений с Австрийским двором узнаем, что Исленьев был задержан в Константинополе новым султаном, Магометом III.

Изо всех этих переговоров мы видим, что султан, кроме сведения козаков с Дону, требовал еще уничтожения крепости московской на Тереке. Мы видели, как после взятия Астрахани Московское государство должно было войти в сношения с народцами кавказскими, которые, враждуя друг с другом, боясь турок и крымцев, требовали его покровительства, предлагали подданство; Иоанн IV вошел в родственный союз с черкесскими владетелями и построил крепость на Тереке, которую потом оставил по требованию султана. При Феодоре, в 1586 году, явились в Москве послы от кахетинского князя Александра, который, угрожаемый с одной стороны турками, с другой — персами, бил челом со всем народом, чтобы единственный православный государь принял их в свое подданство, спас их жизнь и душу. Царь принял Александра в подданство: отправлены были в Кахетию учительные люди, монахи, священники, иконописцы, чтоб восстановить чистоту христианского учения и богослуженья среди народа, окруженного иноверцами; дана была и помощь материальная: отправлен снаряд огнестрельный. Терская крепость исправлена и занята стрельцами. Из Москвы требовали, чтоб Александр доставил в эту крепость запасы на 2500 человек, но он отказался: «Для дальной дороги, для

гор высоких, да и запасу собрать столько нельзя». Московскому войску легко было защитить Александра от владельца тарковского (Шевкала), сделать последнему утеснение великое и отнять у него реку Койсу, вследствие чего он и бил челом государю, но нельзя было решиться за Кахетию вступить в явную борьбу с страшными турками: турки требовали от Александра запасов и пропуска войскам их чрез его землю в Дербент и Баку; Александр отвечал: «С запасом чрез свою землю не пущу и своих запасов не дам: я холоп царя русского, а турского не боюсь». Но из Москвы дали ему знать, чтоб он жил с турским, переманивая его, пока промысл над ним учинится. Александр видел, что чрез подданство Москве он не достиг главной цели своей, не может надеяться скорой и сильной обороны, видел, что ему советуют по-прежнему, как слабому, хитрить с сильными, переманивать их, и потому не мог быть усерден. Он бил челом, чтоб государь опять послал на Шевкала большую рать, взял Тарки и посадил тут из своих рук свата Александрова, Крым-Шевкала. Из Москвы отвечали, что рать будет отправлена, но чтоб и он с своей стороны послал туда же свою рать с сыном и сватом; московский воевода, князь Хворостинин, действительно вошел в землю Шевкалову и взял Тарки, но понапрасну дожидался полков кахетинских; вместо них явились неприятели, разные горские народцы; Хворостинин принужден был разорить Тарки и выступить оттуда; но он возвратился на Терек с немногими людьми: 3000 человек было у него истреблено горцами. Было ясно, что Московское государство в конце XVI века еще не могло поддерживать таких отдаленных владений; но Феодор уже принял титул государя земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских князей [100].

Ведя переговоры с императором немецким о союзе всех христианских государей против турок и приказывая послам говорить султану, что царь из дружбы к нему не слушает предложений императора, королей и папы, Годунов в то же время вел переговоры с Персиею о том же самом союзе против турок, и также московские послы утверждали в Константинополе, что царь не слушает предложений шаха. Неудачная борьба с турками заставила шаха Годабенда в 1586 году предложить царю союз против султана; шах не щадил обещаний, говорил, что отдаст русским Баку и Дербент, если даже и сам возьмет их у турок. Сын его, Аббас Великий, продолжал сношения все с тою же целию; этот, кроме Дербента и Баку, уступал царю Кахетию, владение русского присяжника *Александра*; посол его, склоняя Годунова к союзу, говорил, что такие два великие государя, как царь и шах, не только смогут стоять против турского, но и сгонят его с государства. От этого нового союзника московскому правительству нечего было позаимствовать хорошего в нравственном отношении. Аббас велел сказать Годунову, что перемирие, заключенное им с султаном, есть толь-

ко хитрость, что он отдал туркам в заложники шестилетнего племянника своего — и это ничего: «Ведь племянника своего мне убить же было». Посол персидский также говорил Годунову: «Один племянник шахов у турского, а двое у шаха посажены по городам и глаза у них повынуты; государи наши у себя братьев и племянников не любят». И переговоры с Персиею о союзе против турок кончились так же, как и переговоры с Австриею, ничем [101].

Но если Московское государство не могло утвердить свою власть на юго-востоке, в странах кавказских, по условиям местным и по столкновению там с государствами магометанскими, бывшими тогда еще во всей силе: то оно могло беспрепятственно распространять свои владения в обычном направлении, к северо-востоку. В бывшем Казанском царстве и при Феодоре, как при отце его, волновались черемисы, но были укрощаемы; главным средством к их усмирению служили постройки городов, населенных русскими людьми: Цывильска, Уржума, Царева-города на Кокшаге, Санчурска и других. Русские люди успели утвердиться и за Уралом, в Сибири, куда при Иоанне IV проложили дорогу козаки с Ермаком. Мы видели, что Грозный, узнав об успехах последнего, послал в Сибирь воевод, князя Болховского и Глухова. Эти воеводы соединились с Ермаком осенью 1583 года, были приняты с большою честию, козаки надарили им дорогих мехов, но не озаботились главным, собранием съестных припасов на зиму для гостей. Сделался голод между русскими, и много померло козаков и московских служилых людей, в том числе и воевода князь Болховской. Весною 1584 года голод прекратился, но постигли несчастия другого рода: Карача, который покинул Кучума после плена Маметкулова, стоял с своим улусом на реке Таре; он прислал к Ермаку просить помощи против Ногайской орды; Ермак, поверив одной шерти, не взявши заложников, отправил к нему Ивана Кольцо с сорока человеками козаков, которые все были изменнически истреблены Карачею; другой атаман, Яков Михайлов, подошедший к улусу на разведку, был также убит. После этого Карача облег малочисленных козаков в городе и стоял с половины июня, желая выморить русских голодом; но в одну ночь, когда улусники спали, ничего не подозревая, атаман Мещеряк вышел из города и ударил на неприятельский стан: Карача, потерявши двоих сыновей, побежал из стана; на рассвете улусники собрались и дали битву козакам в надежде подавить их числом, но Мещеряк, засевши в стану Карачи, отбивался до полудня и заставил неприятеля отступить; Карача потерял надежду одолеть козаков и ушел за Ишим. Но торжество козаков не было продолжительно; бухарские купцы дали знать Ермаку, что Кучум не пропускает их в город Сибирь; Ермак с небольшим отрядом (50 человек) отправился по Иртышу к ним навстречу, не нашел их и с 5 на 6 августа расположился ночевать на берегу реки; козаки, утомленные путем, креп-

ко заснули, а на другом берегу не спал Кучум. В глубокую ночь, под проливным дождем, он переправился через реку, напал на сонных козаков и истребил их; Ермак, как носился слух, желая достигнуть своего струга, утонул в Иртыше.

После голода и трех поражений козаков осталось так мало в Сибири, что атаман Мещеряк счел невозможным оставаться здесь долее и выступил по дороге на Русь. Сибирь снова была занята Кучумом, который, однако, скоро был выгнан из нее соперником своим Сейдяком. Но эти князьки недолго могли на свободе выгонять друг друга. Новое правительство московское высылало в Сибирь воеводу за воеводой. Осенью 1585 года пришел воевода Мансуров, который поставил городок на Оби, при устье Иртыша. Остяки пришли осаждать его и принесли с собою славного идола, к которому на поклонение ходили из дальних мест, но пушечное ядро, вылетевшее из русского городка, разбило его, и остяки, потерявши надежду на свое божество, не беспокоили больше русских; мало того, Лугуй, князь двух городов и четырех городков на Оби, приехал в Москву с челобитьем, чтоб русские ратные люди, которые сидят в городе на устье Иртыша, не воевали его племени и людей, а он будет давать дань в Вымской земле приказным людям. За то, что он приехал прежде всех бить челом, государь его пожаловал, велел привозить дань ему самому или его братьям, или племянникам по семи сороков соболей лучших. Воеводы Сукин и Мясной основали на берегу Туры город Тюмень, а воевода Чулков в 1587 году основал Тобольск; Сейдяк вздумал было приступить к этому городу, но был разбит и взят в плен. Соперник его, Кучум, держался в Барабинской степи и нападал на русские владения; в 1591 году воевода князь Кольцов-Мосальский разбил его близ озера Чили-Кула, взял в плен двух жен его и сына, Абдул-Хаира. После этого Кучум обратился к царю с просьбою, чтоб тот отдал ему юрт и отпустил племянника Магмет-Кула, а он, Кучум, будет под царскою высокою рукою; три года ему не было ответа, а на четвертый, как видно, Кучум опять показался опасен, и в 1597 году отправлена была к нему царская грамота, в которой, перечисливши все грубости Кучума при царе Иоанне и после, Феодор писал: «Теперь в нашей отчине, в Сибирской земле, города поставлены, в них осадные люди с огненным боем устроены, а большой своей рати в Сибирскую землю на тебя послать мы не велели для того, что ожидаем от тебя обращенья: а если б наша большая рать послана была в Сибирь, то тебя бы нашли, где бы ты ни был, и неправды твои тебе отомстили бы. Мы, великий государь, хотели тебя пожаловать, устроить на Сибирской земле царем, а племянник твой Магмет-Кул устроен в нашем государстве, пожалован городами и волостями по его достоинству и служит нашему царскому величеству. А как ты козаком кочуешь на поле с немногими людьми, то нам известно. Ногайские улусы, которые кочевали вместе с то-

бою, на которых была тебе большая надежда, от тебя отсталн; Чин-Мурза отъехал к нашему царскому величеству, остальные твои люди от тебя пошли прочь с двумя царевичами, а иные пошли в Бухары, ногаи, в козацкую орду, с тобою теперь людей немного,— это нам подлинно известно; да хотя б с тобою было и много людей, то тебе по своей неправде против нашей рати как стоять? Знаешь сам, какие были великие мусульманские государства Казань и Астрахань, и те отец наш, пришедши своею царскою *тр. соною*, взял, а тебе, будучи на поле и живучи козаком, от нашей рати и огненного боя как избыть? Теперь за твои прежние грубости и неправды пригоже было нам на тебя послать свою рать с огненным боем и тебя совсем разгромить. Но мы, истинный христианскнй милостивый государь, по своему царскому милосердому обычаю смертным живот даем и винным милость кажем, видя тебя в такой невзгоде, наше жалованное и милостивое слово тебе объявляем, чтоб ты ехал к нашему царскому величеству безо всякого сомнения: захочешь быть в нашем государстве Московском, при наших царских очах, и мы тебя устроить велим городами и волостями и денежным жалованьем по твоему достоинству; а если, бывши у нас, захочешь быть на прежнем своем юрте, в Сибири, и мы тебя пожалуем на Сибирской земле царем и станем тебя держать милостиво». Кучум отвечал требованием Иртышского берега, писал к тарским воеводам: «До сих пор я пытался против вас стоять, Сибирь не я отдал, сами вы взяли. Теперь попытаемся помириться: на конце не будет ли лучше? С ногаями я в союзе, и только с обеих сторон станем, то княжая казна шатнется; а хочу помириться правдою, и для мира на всякое дело устушки сделаю». О дальнейших сношениях мы не знаем; по всем вероятностям, они прекратились вследствие несогласия Кучума ехать в Москву. Не скоро успокоились и другие князьки: так, в июле 1592 года царь писал Строгановым, чтоб они собрали с своих городов сотню ратных людей, давали им найму помесячно и запасов дали бы на всю осень и зиму: из них 50 человек пеших, которые должны были идти в Сибирь с воеводою Траханиотовым, и 50 конных, назначенных на войну против пелымского князя. Но самым верным средством укрепления Сибири за Москвою было построение городков, население их и мест окрестных русскими людьми; в царствование Феодора были построены: Пелым, Березов, Сургут, Тара, Нарым, Кетский острог [102].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА

Царская власть.— Соборы.— Приказы.— Финансы.— Торговля.— Города.— Береговая служба.— Козаки.— Местничество.— Укрепление крестьян.— Холопи.— Переселения.— Церковь.— Учреждение патриаршества.— Нравы и обычаи.— Искусство

Царствование Грозного было тяжело не для одного только сословия, которое особенно испытывало гнев царский, не для одних только тех мест, которые были разгромлены Иоанном: кроме того, что земщина должна была испытывать от опричнины, страшно изнурительны были беспрерывные войны, и государство при восшествии на престол Феодора находилось в самом незавидном положении. На соборе, созванном в июле 1584 года, было положено отставить тарханы для воинского чина и оскудения, «пока земля поустроится и помощь во всем учинится царским осмотрением» [103]. В тринадцатилетнее царствование Феодора земля имела возможность поустроиться, потому что продолжительных войн не было, а правитель Годунов там, где дело не шло о его личных выгодах, любил показывать свое попечение о благе общем, свою вражду к злоупотреблениям лиц правительственных, свое милосердие, и потому современники имели право прославлять царствование Феодора как счастливое, безмятежное, в которое и начальные люди, и все православное христианство начали от бывшей скорби утешаться.

Годунов действовал именем царским, был силен властию, от царя истекавшею, властию, которая давала ему средство осиливать людей знатнейших: естественно, что в выгодах Годунова было поддерживать царское значение на той высоте, на которую оно было возведено государями предшествовавшими. В важнейших делах, как, например, для временного прекращения тарханов, по поводу переговоров с Польшею и т. п., созывались соборы, или чрезвычайные собрания Думы, где, кроме бояр и думных людей, присутствовало духовенство. По свидетельству Флетчера, царь приказывал призывать на собор тех из принадлежавших к Думе вельмож, которых сам заблагорассудит, патриарх же приглашал, кроме митрополитов и архиепископов, тех епископов, архимандритов и

монахов, которые пользовались особенною известностию и уважением. Соборы обыкновенно созывались по пятницам, в Столовой палате; царь садился на троне, недалеко от него, за небольшим четырехугольным столом, за которым могло поместиться человек двенадцать, садился патриарх с духовенством и некоторые из знатнейших членов Думы с двумя дьяками, которые записывали все, что происходило; прочие члены садились на скамьях около стены. Потом один из дьяков излагал содержание дела, для рассуждения о котором созван собор; спрошенные о мнении духовные лица обыкновенно отвечали, что государь и Дума его премудры, опытны, гораздо способнее их судить о том, что полезно для государства, потому что они, духовные, занимаются только служением богу и предметами, относящимися до религии, и потому просят государя и думных людей сделать нужное постановление, а они вместо советов будут помогать им молитвами.

Для управления делами внешними и внутренними существовали приказы, и некоторые из них носят название четвертей, или четей: первый — Посольский, находившийся в ведении думного дьяка Андрея Щелкалова, получавшего 100 рублей жалованья; второй — Разрядный — в ведении Василия Щелкалова, за которого управлял Сапун Абрамов; жалованье и здесь было то же — 100 рублей; третий — Поместный — в ведении думного дьяка Елизара Вылузгина, получавшего 500 рублей жалованья; четвертый — Казанского дворца — в ведении думного дьяка Дружины Пантелеева, человека замечательного по уму и расторопности; он получал 150 рублей в год. В царских грамотах четверти называются по имени дьяков, ими управлявших, например: «Четверть дьяка нашего Василья Щелкалова». В других же приказах сидели бояре и окольничие: так, в 1577 году царь приказал сидеть в Разбойном приказе боярину князю Куракину и окольничему князю Лобанову [104]. При областных правителях находились по-прежнему дьяки, помощники, или, лучше сказать, руководители их, потому что эти дьяки заведовали всеми делами. Областные правители обыкновенно сменялись через год, за исключением некоторых, пользовавшихся особенным благоволением: для них срок продолжался еще на год или на два; они получали жалованья по 100, по 50, по 30 рублей; народ, по свидетельству Флетчера, ненавидел их за взятки, и русский летописец говорит, что Годунов, несмотря на доброе желание свое, не мог истребить лихоимства; правители областей брали взятки и потому еще, что должны были делиться с начальниками четей или приказов. В четыре самые важные пограничные города назначались правителями люди знатные, по два в каждый город: один — из приближенных к царю лиц. Эти четыре города: Смоленск, Псков, Новгород, Казань. Обязанностей у правителей этих городов было больше, чем у других, и им давалась исполнительная власть в делах уголовных. Их также сме-

няют каждый год, исключая особенные случаи; жалованья получают они от 400 до 700 рублей.

Дворцовый приказ, или приказ Большого дворца, управлявший царскими вотчинами, находился при Феодоре в заведовании дворецкого Григория Васильевича Годунова, отличавшегося бережливостию: при Иоанне IV продажа излишка податей, доставляемых натурою, приносила Приказу не более 60 000 рублей ежегодно, а при Феодоре — до 230 000; Иоанн жил роскошнее и более по-царски, чем сын его. Четверти собирали тягла и подати с остальных земель до 400 000 рублей в год: область Псковская доставляла 18 000 рублей, Новгородская — 35 000; Торжокская и Тверская — 8000; Рязанская — 30 000; Муромская — 12 000; Холмогорская и Двинская — 8000; Вологодская — 12 000; Казанская — 18 000; Устюжская — 30 000; Ростовская — 50 000; Московская — 40 000; Костромская — 12 000; Сибирь — 20 000. Пошлины торговые, судные и другие и остатки сумм из разных приказов, шедшие в приказ Большого прихода, доставляли ежегодно 800 000 рублей; с Москвы торговых пошлин сходило 12 000 рублей, Смоленска — 8000, Пскова — 12 000, Новгорода — 6000, Старой Русы — 18 000 (от солеварения), Торжка — 800, Твери — 700, Ярославля — 1200, Костромы — 1800, Нижнего Новгорода — 7000, Казани — 11 000, Вологды — 2000. Таким образом, ежегодно поступало в казну чистого дохода до 1 430 000 рублей [105]. Торговые пошлины собирались целовальниками и отдавались на откуп из наддачи; в грамотах, которые давались откупщикам, говорилось: «Отказать ему пошлину до сроку за два месяца, а не откажет до сроку за два месяца и станет отказывать на срок, то вперед брать откуп на откупщике и на его поручниках, а наддача вдвое». Срок откупа назначался год. По грамоте, данной двинским таможенным целовальником в 1588 году, велено брать с судна, какое бы оно ни было, судовой подъемной грузовой пошлины с 1000 пуд по два рубля и по две гривны; со ста пуд — по семи алтын и по две деньги; с того же судна посаженного брать по десяти алтын и головщины по деньге с головы; с людей брать побережное по 22 алтына с ладьи. Кто приедет в санях или верхом, или пешком придет, с того брать явку. Тут же упоминается пошлина свальная: с 1000 пуд — по полтине, с воза — по две деньги и проч.; подъемная пошлина — с подъему по две деньги, «а поднимать в весу товар под оба конца», кто же станет продавать в развес меньше пуда, с тех подъема не брать; рукознобная пошлина: с пудом ходить и товар всякий весчий у гостей весить, пошлину рукознобную брать с купца и продавца с подъема по деньге, да с припуску по деньге. Целовальники доносили, что у них многие люди пошлин не платят: так, не платят их английские гости, не платят суда Троицкого, Кириллова и других монастырей; суда Федора Кобелева большой иногородной пошлины

не платят, а платят только туземную, двинскую, на том основании, что у Кобелева есть на Двине промыслы и угодья; на том же основании не платят пошлин суда Данилы Строганова и Данилы Брепкова. Царь отвечал, чтоб пошлину брали с русских людей со всех без исключения, с двинян — двинскую, а с иногородцев — иногородную, также и с иноземцев, кроме англичан, которые имеют жалованную грамоту. В 1592 году торговые пошлины в селах Чаранде и Коротком были пожалованы боярину Дмитрию Ивановичу Годунову.

В 1588 году староста и рыболовы переяславской рыболовской слободы били челом, что берут с них во дворец оброки и пошлины за посошной корм, с рыбных ловель, за закорных щук, с рек, пошлины дворецкого и дьячьи, ключничьи, ямские деньги, сенные деньги, присудные деньги, всего до 50 рублей, и от того у них рыболовская слободка пустеет. Царь с царицею пожаловали, не велели два года брать с них ямских и присудных денег. В 1590 году были освобождены от торговых пошлин и земских повинностей жители Кольской волости, также волостей Керети и Ковды по случаю разорения их шведами. В 1591 г. крестьяне Глотовой слободки били челом, что вычегжане, вымичи и сысоличи самовольством велят им всякие подати платить с собою вместе, сбавя с себя; а у них в Глотовой слободке живут все молодшие люди, кормятся пиктою да зверем, а хлеба не пашут и не торгуют ничем, а на Вычегде и на Сысоле живут прожиточные, торговые люди, торгуют всякими товарами и хлеб пашут. Государь пожаловал, велел крестьянам Глотовой слободки привозить подати в Москву самим по-прежнему, а с вымичами, сысоличами и вычегжанами ни в какие подати им не тянуть [106].

Количество торговых пошлин должно было уменьшиться в царствование Феодора, если верить показаниям Флетчера, по словам которого вывоз почти всех товаров уменьшился очень значительно против прежнего. Мехов вывозилось на 400 000 или 500 000 рублей; воску вывозилось до 10 000 пудов, тогда как прежде отправлялось до 50 000; о меде Флетчер говорит неопределенно, что вывозили в довольно большом количестве; сала вывозилось до 30 000, а прежде — до 100 000. Льном и пенькой прежде нагружалось в Нарвской пристани до 100 судов, а во Флетчерово время — не более 5. Причины этого уменьшения вывоза объяснены у Флетчера неудовлетворительно: первою причиною, говорит он, полагают отнятие у русских Нарвской пристани; второю — закрытие сухопутного сообщения чрез Смоленск и Полоцк по случаю войны с Польшею; в-третьих, наконец, упадок внешней торговли зависит от того, что купцы и крестьяне с недавнего времени были обременены невыносимыми налогами и не были обеспечены в собственности. Вторую причину нельзя принять, по крайней мере в том виде, как она высказана Флетчером, ибо в царствование

Феодора войны с Польшею не было; если разуметь так, что война с Польшею должна была уменьшить сухопутный вывоз в царствование Иоанна и в царствование Феодора дело еще не успело поправиться, то в таком случае под словом *прежде* мы должны разуметь первую половину века и выражение: купцы и крестьяне с *недавнего времени* обременены невыносимыми налогами, должно также отнести к царствованию Иоанна, а не Феодора, ибо мы знаем, что при последнем особенного обременения не было. Мы видели причину, почему уменьшился вывоз воску: зная, как этот товар требуется иностранцам, и видя, что последние не хотят к нам возить военных запасов, московское правительство постановило: менять воск только на селитру, порох и серу. В царствование Феодора торговля производилась с Польшею, московские купцы ездили в Варшаву и Познань; но по-прежнему встречаем сильные жалобы купцов на притеснения, обманы и разбои. Торопецкий купец Рубцов ездил торговать в Витебск; и, сторговавшись, поехал назад на Велиж, и здесь его ротмистр Дробовский прибил, взял два челна ржи, а в них 35 четвертей, куплена четверть по 20 алтын с гривною, да 10 литр золота и серебра, ценою по 5 рублей литра, да 25 литр шелку разных цветов, по 40 алтын литра, да постав сукна лазоревого в 14 рублей, да двум челнам цена 5 рублей с полтиною. Двое смоленских купцов били челом на двоих оршанских купцов: торговали они с ними товар на товар и договорились, чтоб оршане дали им за их товары 40 пуд квасцов и 2 пуда ладану; оршане привезли в Смоленск две бочки и сказали, что в них квасцы; но когда смоленские купцы при целовальниках разбили эти бочки, то оказалось, что на верху только квасцы, а в середине всякая всячина. Два других смоленских купца били челом, что ездили они с хмелем в Оршу и договорились с тремя литовскими купцами менять хмель на сукна, оценивши сукно по 30 алтын без гривны аршин, а хмель — по 30 алтын пуд, но литовцы стали им давать сукна худые полуанглийские. Двое торговых людей, московские жильцы, били челом, что ездили они в Польшу, в Варшаву и Познань и отдали познаньским купцам соболей на 1500 рублей, взявши с них кабалу за руками и печатями; в это время Познань вся сгорела и должники отказали, что им платить долгу нечем. Купцы московские, новгородские, псковские, смоленские, бельские, торопецкие, вяземские и всех городов били челом: ездят они торговать в Литву Смоленскою дорогою, и с них берут державцы и урядники поборы, головщины, мостовщины, явки, перевозы по всем городам и большим селам до Вильны, да с них же берут по городам подарки большие, в котором городе торгуют они или не торгуют, все берут с них тамгу; где ни остановятся, урядники, мытники и поборцы держат их по неделе и по две для своей корысти, а они им подарки поневоле дают; в Вильне им с приезжими людьми торговать не велят; извощиков

им под товар самим нанимать не позволяют, нанимают извощиков литовские люди, а провоз с московских купцов берут вдвое. А в Смоленске с литовских купцов берут одну пошлину, которые из них захотят ехать в Москву, то их туда пропускают беспошлинно, и в Москве пошлину берут малую, всего со 100 рублей — по 4 рубля, с рубля — по 8 денег, и всякие приезжие люди, устюжане и двиняне, пермичи и холмогорцы, с литовскими купцами в Москве торгуют свободно. Купцы жаловались также на пограничные разбои: беглые крестьяне приходили из-за рубежа разбоем, во Ржевском уезде славился разбоями какой-то Мухорт [107].

Любчане хлопотали о восстановлении своей торговли в Новгороде, Иван-городе и Пскове и в 1593 году выпросили у царя позволения завести здесь свои дворы и платить только половину пошлины; но ревельцы настаивали, чтоб ганзейские корабли не могли проходить мимо их города, жалуясь, что в противном случае они останутся без пропитания [108].

Флетчер говорит о невыносимых налогах, которыми были обременены купцы и крестьяне; но московские послы так обязаны были прославлять Годунова в Литве: «Это человек начальный в земле, вся земля от государя ему приказана, и строенье во всей земле такое, какого никогда не бывало, города каменные на Москве и в Астрахани поделал, что ни есть земель в государстве, все сохи в тарханах, во льготе, даней никаких не берут, ни посох ни к какому делу, городовые дела всякие делают из казны наймом, а плотников устроено больше 1000 человек» [109].

Разумеется, мы не обязаны верить, что в царствование Феодора правительство не брало никаких податей; что же касается до постройки новых городов и укрепления старых, то в это царствование действительно было сделано довольно. Углубление в степь было необходимо для безопасности государства: подвижные разъезжие станицы не вполне помогали, необходимы были станицы неподвижные, города, мимо которых нельзя было бы проходить безнаказанно хищным толпам татарским. Но, с другой стороны, построение города в степи означало взятие во владение всей окружной страны; так незаметно, ибо беспрепятственно, распространялась и без того уже обширная государственная область; город с своим военным населением вытягивал в степь и другого рода насельников, которые могли быть безопасны под его защитою; таким образом, все далее и далее двигалась русская колонизация. Мы видели, как хорошо понимали татары опасность, грозившую им от этого движения; мы видели также, что построением города московское правительство грозило козакам. В царствование Феодора построены были в степи Курск, Ливны, Кромы, Воронеж, Белгород, Оскол, Валуйки; в волжской области, на луговой стороне, в Черемисе поставлены города Шанчурин, или Санчурск, Саратов, Переволока, Царицын, наконец, поставлен город и на от-

далеком Яике. В 1584 году основан был Архангельск с деревянными стенами; в Астрахани в 1589 году построена крепость каменная, такая же основана в Смоленске в 1596 году [110]. В начале царствования, в 1586 году, сочли нужным укрепить Москву, заложили Белый, или Царев, город; строителем был церковный и палатный мастер Феодор Конь [111]. Как производилось это городовое строенье, видно из наказа, данного князю Звенигородскому с товарищами, ехавшему строить крепость в Смоленске: «Приехав в Смоленск, сыскать на посаде и в уезде сараи и печи все, владычни и монастырские и всяких людей, где делывали кирпич, известь и кирпич жгли, и все эти сараи и печи отписать на государя, потом велеть их починить и покрыть, также поделать новые сараи и печи, лес и дрова приготовить, а если можно, то и камень на известь, и бутовый камень велеть ломать. Для этого дела послана с ними государева казна, и все те дела им делать наймом, нанимать охочих людей, уговариваясь с ними, а сваи велеть делать государевыми дворцовыми селами, росписать на выть по сту свай и велеть вывезти эти сваи в Смоленск зимою по пути дворцовых же сел крестьянам. Ко всему делу взять у смоленского воеводы 10 человек целовальников из смольнян, посадских лучших людей, и велеть им ведать денежные расходы и писать их в книги подлинно, порознь, по статьям, и к этим книгам, ко всем статьям целовальники должны руки прикладывать, чтоб в деньгах кражи не было. А на рассылку взять у воеводы детей боярских 20 человек; и над этими детьми боярскими, целовальниками и подмастерьями беречь, чтоб они посулов не брали и не корыстовались ничем, и самому князю Звенигородскому с товарищами посулов и поминков не брать, не поровить никому и не корыстоваться ничем. А кто не станет запасами промышлять или кому поноровить, или посул возьмет, или чем покорыствуется, тот будет от государя казнен смертию» [112].

Война с Баторием при Иоанне, значение, какое приобрел во время этой войны крепкий Псков, должны были навести на мысль о необходимости укрепить Смоленск, тем более что войско оставалось в прежнем ненадежном положении: и против крымцев оно билось из обоза под Москвою. По известиям Флетчера, войско, кроме неопределенного числа ратников, набираемых в важных случаях, состояло при Феодоре из 80 000 конницы дворянской и из 12 000 пехоты — стрельцов, из которых 5000 должны были находиться в Москве, 2000 (стременные) — при особе государя; остальные 5000 размещались по важнейшим городам; дворяне большие получали жалованья от 70 до 100 рублей в год, середние — от 40 до 60; дети боярские — от 20 до 30; стрельцы получают по 7 рублей в год, кроме того, 12 мер ржи и столько же овса; упоминаются и конные стрельцы [113]. Наемных солдат из иностранцев при Флетчере было 4300 человек, из них 4000 черкас, или мало-

российских козаков, 150 голландцев и шотландцев и смешанный отряд из 150 человек: греков, турок, датчан и шведов; кроме этих иностранцев, в походы выступали по-прежнему толпы татар, черемис, мордвы. Полки выступали под начальством воевод; под воеводами находились головы, предводительствовавшие 1000, 500 и 100 человеками, пятидесятники, начальники 50, десятские — 10 человек; литовские и немецкие люди выступали в поход под начальством своих ротмистров. Когда государь выступал в поход, то при нем находились: дворовые воеводы, оружничий, воеводы для посылок, окольничии перед государем, дворяне с пищалями, со шлемами, с доспехом, дворяне у знамени; рынды: с большим саадаком, с другим саадаком, с меньшим копьем да с сулицею, с меньшим саадаком, с рогатиною; рынды имели поддатней.

Главною обязанностию войска была *береговая* служба: каждую весну полки собирались на берега Оки стеречь крымских татар; в связи с береговою службою находилась сторожевая и станичная. Воеводам, строившим города Ливны и Воронеж, было приказано: «Какие будут вести на Ливнах про приход воинских людей на государевы украйны, то с Ливен присылать с вестями на Воронеж, а с Воронежа на Ливны; ездить дорогами, которые поближе и бережнее. Сторожи воеводам ставить, присмотря, в которых местах пригоже, и станицы посылать, также присмотря». С Ливен расписано было ставить 13 сторож, с Воронежа — 12. В 1591 году писал путивльский воевода, что черкасы во многих местах ходят на поле, путивльские большие станицы и сторожевые все погромили, проезду из Путивля большим станицам к устью Айдара, а сторожевым к устью Боровой нет. Бояре приговорили: учредить на Ливнах две станицы добрые, выбрать вожей из козаков или из кого пригоже, одну послать к Донцу Северскому большим Муравским шляхом, а другую — к Северскому же Донцу до Изюм-Кургана, между Донцом и Осколом. С Ельца ставили 9 сторож по Быстрой Сосне и за Сосною, с Кром — семь сторож. В 1594 году было постановлено: путивльским, ливенским и елецким станичным головам, станичникам и вожам, за службу, изрон и полон давать государево жалованье: за коня — по 4 рубля, за мерина — по 3 рубля; а которых станичников или вожей на поле в станице убьют, то за их службу, убийство и за изрон давать жалованье женам и детям их по 4 рубля [114].

Мы имели уже случай говорить о поведении степных козаков в описываемое время. Как поступало государство издавна с татарами, принимая их в службу и употребляя против враждебных себе соплеменников их, так точно поступало оно и с козаками, заставляя верных себе козаков преследовать козаков непокорных или воровских. В 1591 году бил челом царю волжский атаман Болдырь вместо товарищей своих, 40 человек, и сказывал: в прошлом, 1589 году громили его на Волге черкасы, ранили, держали в плену

6 недель; но он из плена ушел и взял три человека козаков воров и привел на Переволоку к воеводе; его же, Болдыря, посылали с Царицына за воровскими атаманами и козаками, за Андрюшею Голощапом с товарищами, и он Голощапа поймал; посылали его на Медведицу за воровскими козаками, и он на Медведице поймал четыре человека; посылали его из нового города Саратова, и он поймал воровского атамана Щеголева; так государь за его службу пожаловал бы, как его бог известит. Болдырю дали сукно да рубль денег. В 1591 же году астраханскому воеводе велено было для похода на Шевкала собрать 1000 человек волжских козаков и 500 яицких и дать им по осмине муки человеку, да десяти человекам четверть круп и толокна, или и больше, смотря по времени, сколько они останутся в Астрахани, конным дать по четверти овса человеку, если же они, для нужды, станут просить денег, то дать им по полтине на человека. Точно так же государство употребляло и малороссийских козаков, черкас, вступавших в его службу, против их прежних товарищей. В этом отношении очень любопытна отписка царю путивльского воеводы Борисова в 1589 году: «Приехал с поля в Путивль на твое государево имя черкашенин Василий Андреев с двумя донецкими козаками и в расспросе сказал: был он на Донце с черкасами, с атаманом Евлашовым и громили донецких козаков, Власа Яковлева и Семейку Новгородца, взяли их в плен и привели к себе в стан; здесь Влас уговорил Василья Андреева, чтоб он отстал от своих; тот отправился в стан ко Власовым товарищам, подвел их на своего атамана Евлашова, погромил его, а Власа и Семейку отгромил и вместе с ними явился в Путивль». Воевода немедленно употребил его в дело, послал на государеву службу с путивльскими нововыезжими черкасами за черкасами же, и он ходил дважды с другим атаманом и громил черкас, именье и лошадей путивльских севрюков у них отгромил. В этом отношении любопытны также царские наказы Афанасью Зиновьеву: в апреле 1589 года царь писал ему, чтоб он с путивльцами, черниговцами, с рыльскими и стародубскими козаками шел на поле, на Донец или на Оскол, укрепился там в крепких местах и посылал станицы проведывать про хана. Должен послать и к запорожским черкасам, к атаману Матвею с товарищами, проведать, будут ли они государю прямы? Как хотят стоять и промышлять государевым делом? Станичников, сторожей, путивльских козаков и севрюков государевых, которые по Донцу стоят, берегут ли? Крымских гонцов пропускают ли? Не пойдут ли вместе воровать с ворами черкасами, Мишуком и его товарищами, или станут над ними промышлять? Если проведает, что черкасы, атаман Матвей с товарищами, прямы, то вместе с ними должен промышлять над крымскими людьми. Если о татарах вестей не будет, то Зиновьеву идти промышлять над ворами черкасами, Мишуком с товарищами (а был Мишук путивлец козак), воров этих переловить и

перевешать. По царскому указу, к Зиновьеву собрались из Путивля 20 человек детей боярских, белодворцев 57, черкас 45, из Рыльска 20 человек детей боярских, да козаков 47, из Чернигова пришло детей боярских 70 человек с 93 лошадьми; велено было также в Путивле, Рыльске и Стародубе прибрать охочих козаков 277 человек и дать им жалованья по 2 рубля, с тем чтоб они были о двух конях и о двух меринах, но в Путивле и Рыльске головы не могли прибрать ни одного человека, а из Стародуба привели только пять человек. Велено было также из путивльских стрельцов из 100 человек выбрать 25 человек лучших, да из пушкарей и затинщиков 20 лучших, но стрельцы объявили, что у них лошадей нет, а пушкари и затинщики объявили, что у них пищалей нет, и царского указа не послушались. Когда Зиновьев донес об этом, то государь приказал на стрельцах, пушкарях и затинщиках лошадей и пищали доправить тотчас, охочим же козакам давать по три рубля, и были бы они о двух конях или о двух меринах, а по нужде у двоих могут быть три лошади. Зиновьев нашел запорожского атамана Матвея на Донце и увидал, что черкасы служат государю прямую службу, и так как они били челом, что на Донце они терпят голод, едят траву, то царь послал им запасы, муку и толокно и 100 рублей денег в раздел на 620 человек, атаманам послал подарки [115].

Местничество вредило московскому войску все более и более вследствие увеличения и осложнения родовых и служебных счетов. Степень интереса, который принимало служилое сословие в местничестве, и характер этого явления обнаруживается в выражениях челобитных: «Вели, государь, мне свой царский суд дать, вели в нашем отечестве счесть, чтоб я, холоп твой, вконец не загинул!» Или: «Милостивый царь государь, покажи холопу своему милость! Не вели отнять отца и деда у меня, холопа своего, вели суд вершить». В 1589 году, во время представления турецкого посла, четвертым рындою был назначен Гаврила Вельяминов; один из трех других рынд подал челобитную на деда Вельяминова и писал: «Если я, холоп твой, не утяжу деда Гаврилова, то я всему роду Вельяминовых бесчестье плачу».

В 1588 году государь велел быть на Туле против крымцев в большом полку воеводами князю Тимофею Романовичу Трубецкому да князю Димитрию Ивановичу Хворостинину; в то же время князь Хилков был воеводою в Орле, князь Кашин — в Новосиле и Кривой-Салтыков — в Белеве; эти воеводы украинских городов, по обычаю, должны были при вестях о неприятеле идти в сход к главным воеводам, и вот Хилков, Кашин и Салтыков бьют челом: «Если грамоты будут приходить к одному боярину и воеводе, князю Т. Р. Трубецкому с товарищи, то мы на государеву службу готовы, а станут грамоты приходить к князю Трубецкому и к князю Хворостинину, то нам меньше князя Хворостинина

быть невместно». В следующем году опять Трубецкой и Хворостинин были назначены в Тулу воеводами большого полка, а в передовом — князь Андрей Голицын: последний разболелся, будто болен, не хотя в меньших быть у князя Трубецкого. Князья Ногтев и Одоевский сказали: «На государеву службу готовы, а меньше князя Ивана Голицына быть нам невместно»; князь Петр Буйносов сказал: «Меньше мне князя Одоевского быть невместно»; князь Туренин сказал: «Меньше мне князя Буйносова быть невместно». Князь Михайла Одоевский, приехав на службу, списков с именами служилых людей не взял для князя Ивана Голицына; князь Иван Туренин списков не взял для князя Буйносова, а князь Буйносов на службу не поехал для Одоевского. В 1597 году высланы были на берег (Оки) для предосторожности от крымцев знатнейшие бояре: Мстиславский, Годунов (Борис), Шуйские, Трубецкой, Голицын, и вот князь Тимофей Романович Трубецкой, воевода сторожевого полка, бьет челом на князя Василия Ивановича Шуйского, воеводу правой руки; Иван Голицын, воевода левой руки, бьет челом на князя Трубецкого, князь Черкасский бьет челом на князя Ноготкова, Буйносов — на Голицына, Шереметев — на Ноготкова и Буйносова, Кашин — на Буйносова и Шереметева.

Когда дело было неясное, правительство назначало суд: судили обыкновенно боярин и дьяк; в разрядных книгах встречаем известия, что иногда бояре решали дела по пристрастию: так, в 1586 году Федор Колычев был оправлен пред Романом Алферьевым, и разрядная говорит: «Тем судом промышлял боярин князь Иван Петрович Шуйский для Крюка Колычева». В судьи по делу князя Тимофея Трубецкого с князем Андреем Голицыным назначен был первенствующий боярин — князь Феодор Мстиславский. Когда Трубецкой подал память, то Мстиславский сказал: «Князь Тимофей Романович Трубецкой в памяти написал, что дед мой, князь Феодор Михайлович, был с князем Микулинским; но дед мой меньше князя Микулинского не бывал, тем меня князь Т. Р. Трубецкой бесчестит». Да стал о том сердитовать, да, встав с места, пошел вон. Князь Трубецкой говорил ему: «Не сердитуй, князь Федор Иванович! По деде твоем с тобою можно было в отечестве считаться, но по отце твоем с тобою местничаться нельзя, потому что государь отца твоего жаловал и учинил его велика». Бояре также стали уговаривать Мстиславского, и он сел в суде опять. Князь Трубецкой ссылался на свадьбу короля Магнуса, на которой князь Вас. Юр. Голицын был меньше брата его, князя Федора Трубецкого. Для поверки спросили ящик с свадебными чинами, нашли списочек о свадьбе короля Магнуса, где имени князя Трубецкого не было, а написаны были только князь Шейдяков, князь Голицын да дьяк Василий Щелкалов. Бояре спросили последнего, где у него книги о свадьбе короля Магнуса? Тот отвечал, что свадьбу

приказал государь ему, но он разболелся, и государь приказал свадьбу брату его Андрею. Андрей же отвечал, что он книг о королевой свадьбе у себя не упомнит. Тогда князь Трубецкой бил челом, что Андрей и Василий Щелкаловы своровали, свадьбу переделали, брата его не написали, дружка Голицыным, потому что Голицыны Щелкаловым друзья и сваты. Щелкаловы оправдывались тем, что списочек был написан рукою подьячего Яковлева, который не мог переделать его в их пользу, потому что он и все разрядные подьячие им недруги. На другой день дьяк Сапун Абрамов принес к боярам черный список королевой свадьбе и сказал, что он этот список нашел в ящике Василья Щелкалова; в этом списке дьяк Василий Щелкалов написал сам себя в сидячих с боярами, а помарки сделаны рукою брата его Андрея. Тогда бояре спросили Василия Щелкалова: почему он сам себя написал в сидячих на свадьбе, а вчера сказывал, что был болен? Щелкалов отвечал: «Да моя ли это рука: боюсь, чтоб кто-нибудь не подделал мою руку». Бояре велели ему смотреть, и он должен был признаться, что рука его. Дело было решено в пользу Трубецкого. Иногда суд не вершался, потому что служба заняла. Когда челобитные казались явно несправедливыми, то правительство употребляло понуждения и наказания: в 1588 году князь Тюфякин бил челом на князя Хворостинина; царь суда не дал и велел Тюфякина посадить в воровскую тюрьму на четыре недели. Когда князь Андрей Голицын не поехал на службу из местничества с князем Трубецким, то царь велел отправить его на службу с приставом; но князь Андрей и тогда списков не взял; царь велел посадить его в тюрьму, а корм давать из его же денег, по алтыну на день; Голицын просидел в тюрьме две недели и все же списков не взял; царь велел освободить его из тюрьмы и отпустить со службы. Подобное же упорство обнаружил в 1596 году Петр Шереметев, назначенный третьим воеводою в большом полку; он бил челом на Феодора Никитича Романова, второго воеводу правой руки, у царской руки не был и на службу не поехал; царь велел Шереметева вывесть скованного в телеге за посад и послать на службу; и приехав на службу, он два раза отговаривался взять списки, наконец уступил и взял. В 1589 году стольник князь Гвоздев бил челом на стольника же князя Одоевского: царь велел Гвоздева без суда бить батогами и потом выдать головою Одоевскому. В том же году в Алексине были посажены в тюрьму воеводы, князья Одоевский и Туренин, за то, что списков не взяли и детей боярских в приезде не переписывали. В 1591 году воевода князь Борятинский был послан в Сибирь за местничество с князем Долгоруким. Иногда правительство не ограничивалось только угрозою наказания, ибо это мало помогало с некоторыми лицами, но угрозою еще большего понижения родовой чести: так, в 1592 году, когда известный уже нам князь Андрей Голицын, назначенный воеводою передового полка, бил

челом на князя Ивана Михайловича Глинского, воеводу большого полка, то царь велел сказать ему: «Что дуришь, бьешь челом не по делу! Велю на отца дать правую грамоту». Иногда дело ограничивалось тем, что государь челобитья не принимал и не приказывал его записывать.

Местничались не одни воеводы, но и станичные головы: в 1595 году Захар Ляпунов, брат знаменитого впоследствии Прокофья, не захотел быть в станичных головах вместе с Кикиным и сбежал со службы из Ельца; рязанскому воеводе велено было взять Ляпунова из его поместья, скованного привезти в Переяславль Рязанский, бить батогами перед всеми людьми, посадить в тюрьму и потом отправить на службу с приставом.

Под 1586 годом упоминается любопытный случай местничества по отношению к городовому управлению: в Торопец был назначен воевода Елизарий Сабуров, но там уже был наместник и воевода князь Василий Пронский; Сабуров бил челом, что ему меньше Пронского быть невместно. Дело решено было так, что государь велел Сабурову ведать дело ратное, а князю Пронскому ведать свое дело наместническое. Наконец упоминаются местнические случаи между придворными чинами и при торжествах придворных. Государь пожаловал, велел сесть за стол постельничему Истоме Безобразову да стряпчему Елизару Старого: последний бил челом на Безобразова: «Истома постельничий с путем, а я стряпчий с ключом, и мне ниже Истомы сидеть невместно, хотя Истома честнее меня путем». В 1589 году князь Григорий Куракин не был у стола государева, потому что не хотел сидеть ниже князя Федора Трубецкого. Когда в 1593 году князь Хворостинин не ел за государевым столом и бил челом на князя Туренина, то дело, как видно, показалось так запутанным, что государь им суда не дал и не указал ничего.

В описываемое время начинаем встречать известие о жаловань, или подмоге, послам, отправлявшимся к иностранным дворам: так, думному дворянину Вельяминову, ехавшему к императору, дано было 200 рублей, дьяку Власьеву — 100 рублей, дворянам: одному — 25, другим — по 24 рубля [116].

К царствованию Феодора относится одно из самых важных в истории русских сословий явление — закон об укреплении крестьян. Мы уже не раз указывали на причину этого явления в обширности русской государственной области и в малом ее населении, в обилии земель и в недостатке рук для их обработания; отсюда для землевладельцев всего важнее было перезывать к себе как можно более работников и удерживать их. При существовании отдельных княжеств каждое из них старалось перезвать, переманить льготами земледельцев из другого. Когда отдельные княжества исчезли, земля собралась, то богатые и сильные землевладельцы имели возможность большими льготами переманп-

вать к себе вольных крестьян с земель бедных отчинников и помещиков. Стараясь перезывать крестьян, богатые и сильные землевладельцы старались в то же время удерживать их у себя разными средствами: мы видели, что при Василии Темном Троицкий монастырь выпросил себе право удерживать крестьян в известных волостях; мы видели также, как тяжко было каждому землевладельцу расставаться с крестьянином, отпускать его на чужую землю, потому некоторые позволяли себе насилия для удержания крестьян, и можно думать, что эти насилия не были редки. Но если для значительных землевладельцев было выгодно льготами перезывать к себе крестьян от менее значительных, то эти выгоды необходимо должны были столкнуться с выгодами государства. Одною из самых главных потребностей последнего было умножение войска; основу войска составляли дворяне и дети боярские, получавшие за свою службу поместья, с которых они должны были содержать себя и по призыву государеву являться на службу *конны, людны и оружны*, по тогдашнему выражению. Но понятно, что эта возможность содержать себя и являться на службу в требуемом виде зависела от дохода, который получал помещик с своего земельного участка, а доход этот зависел от населения земли; чтоб иметь возможность всегда нести требуемую службу, служилый человек должен был иметь на своей земле постоянное народонаселение; а мог ли он иметь его, когда богатый сосед переманивал у него крестьян бóльшими льготами? Государство, давши служилому человеку землю, обязано было дать ему и постоянных работников, иначе он служить не мог. Чтоб понять цель закона об укреплении крестьян, стоит только обратить внимание на то, с какою целию и в чью пользу закон поддерживался после, в XVII веке: бедные помещики бьют челом, что богатые, несмотря на закон, переманивают у них крестьян и засылают их сначала в свои дальние вотчины, чтоб сыскать было нельзя, и таким образом разоряют их, бедных помещиков. Мы видели, что в Литовской России гораздо прежде поднят был тот же самый вопрос: как воспрепятствовать переманке крестьян большими льготами от одного землевладельца к другому? Здесь шляхта решила ввести общее положение, на каких условиях водворять вольных крестьян, и тот, кто б осмелился дать крестьянам бóльшие льготы и тем переманивать их к себе, подвергался денежному взысканию. В России Восточной употреблено было другое средство — прикрепление к земле.

Когда именно последовало это прикрепление, мы не можем с точностию определить, ибо указа о всеобщем укреплении крестьян до нас не дошло; дошел до нас только следующий указ 1597 года: «Которые крестьяне из поместий и отчин выбежали до нынешнего года за пять лет, на тех суд давать и сыскивать накрепко, и по суду этих беглых крестьян с женами, детьми и со всем

имением отвозить назад, где они жили; а которые крестьяне выбежали до этого указа лет за пять, за семь, за десять и больше, а помещики или отчинники на них в побеге не били челом, на таких суда не давать». По смыслу этого известия закон об укреплении можно отодвинуть к началу царствования Феодора; отодвигать дальше мы не можем, ибо есть прямое известие об указе царя Василия Ивановича Шуйского, где Годунов выставляется виновником закрепления в царствование Феодора. В этом известии говорится, что царь Феодор, по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьянам заказал.

Кроме приведенного известия об указе Шуйского, о переходе крестьян в первый год царствования Феодора свидетельствует еще известие о мере, которая служила приготовлением к прикреплению и которая прямо указывает на главное побуждение к нему. В приговорной грамоте духовного собора, державного 20 июля 1584 года, сказано: «Советовались мы и утвердились, чтоб вперед тарханам не быть; земли митрополичьи, архиепископские, владычни и монастырские в тарханах, никакой царской дани и земских разметов не платят, а воинство, служилые люди эти земли оплачивают; оттого большое запустение за воинскими людьми в отчинах их и поместьях; а крестьяне, вышедши из-за служилых людей, живут за тарханами в льготе, и от того великая тощета воинским людям пришла. И потому, для великих нужд и тощеты воинским людям, мы уложили» и проч. Здесь явно приближение к закреплению: служилым людям тощета от того, что крестьяне уходят от них, приманиваемые тарханами: положено уничтожить тарханы. Но эта мера на соборе была объявлена временною, и мы знаем, как она была кратковременна: в октябре того же года уже тарханы восстановляются. По всем вероятностям, следовательно, закон об укреплении крестьян долженствовал быть одновременен с восстановлением тарханов, ибо надобно было дать служилым людям обеспечение, необходимость которого была так торжественно провозглашена на соборе. Таким образом, мы видим, что и в Московском государстве при решении вопроса сначала приблизились было к тому же средству, которое было употреблено в Западной России, то есть к уравнению выгод на всех землях, уравнению, необходимо отнимавшему у крестьянина побуждение к переходу с одной земли на другую. Но в Московском государстве это средство скоро было покинуто вследствие столкновения с интересом могущественного сословия. При объяснении этого явления необходимо также обращать внимание на то, что Московское государство в описываемое время находилось на очень низкой ступени промышленного развития, было чисто земледельческим; мануфактурная промышленность была в младенчестве, город в смысле центра мануфактурной промышленности не существовал, город продолжал быть огороженным селом, городские жители продол-

жали заниматься земледелием точно так же, как сельчане и деревенщики. В чисто земледельческом государстве господствующим отношением бывает отношение землевладельца к земледельцу, причем обыкновенно первый стремится привести второго в полную от себя зависимость. Главный землевладелец — государство испоместило на своих землях служилых людей, которым должно было дать постоянных насельников, земледельцев. Но тут государство, как землевладелец, сталкивалось с другим богатым землевладельцем — церковью. Сперва было государство потребовало от церкви, чтоб она отказалась от тарханов в пользу служилых людей; но скоро потом, не желая нарушать интересов ни одного из этих могущественных землевладельцев, ни государства, ни церкви, дело уладили таким образом, что церковь осталась при тарханах, а служилые люди удержали навсегда население земель своих. Что же касается до других землевладельцев, знатных и богатых отчинников, то, конечно, закрепление крестьян не могло быть для них выгодно, ибо лишало их права перезывать на свои земли крестьян с земель мелких помещиков; но значение вельмож было ослаблено вследствие известной нам борьбы государей московских с княжескими и дружинными притязаниями, борьбы, которая, с другой стороны, усиливала значение мелких служилых людей, выставляла их интересы на первый план для правительства. Шуйский в приведенном выше указе говорит, что царь Феодор, по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьянам заказал. Понятно, что Годунову не нужно было щадить интересы старейших бояр, которых никакими уступками он не мог заставить уступить себе первенство; в борьбе с старейшими боярами ему выгодно было опираться на духовенство и на мелких служилых людей, которых он старался привлечь на свою сторону уступками. Поэтому имеем право принять известие, что Годунов содействовал этой сделке между выгодами духовенства и мелких служилых людей. У нас нет средств знать отношение, существовавшее в описываемое время между землями государственными, служилых людей — вотчинников и церковными; мы можем указать только на некоторые отрывки из общего описания земель, в которых видно очень любопытное отношение. В Горетове стану Московского уезда в 1586 году под поместьями и вотчинами было 5780 четвертей пахотной земли; порожней и оброчной земли, находившейся в непосредственном ведении правительства, было 8639 четвертей, церковных же земель было 9422 четверти. Из 59 поместий и вотчин, упоминаемых в Горетове стану, 16 переменили своих владельцев не посредством продажи [117].

Относительно крестьян в описываемое время любопытна наказная память Вельского стана крестьянам Бориса Годунова: «По наказу государя Бориса Федоровича, приказали его приказные люди (такие-то) Вельского стана крестьянам (следует перечисле-

ние 12 человек: Петру Иванову Дьяконову, Никите Иванову и проч.) и старостам, и целовальникам, и сотским, и пятидесятским, и десятским, и всем крестьянам Вельского стана. Били вы челом государю Борису Федоровичу, чтоб от вас кабак свести: и государь Борис Федорович кабак свести велел; и вы бы, Петр Дьяконов да Никита Иванов с товарищами, которые в этой памяти имянно писаны, и выборные судьи и старосты, и целовальники, и сотские, и пятидесятские, и десятские, берегли крепко, чтоб у вас продажного питья ни у кого не было и в отвоз с вином и со всяким продажным питьем не ездили, зернью по деревням крестьяне не играли бы и воровства бы не было; а лучшие *отрадные* крестьяне, кому можно про себя питье держать в своих домах, и они бы держали про себя, а не продавали; а которым крестьянам случится к праздникам или поминкам пива сварить и вина скурить, и они бы о том вам докладывали, тебе, Петру Дьяконову, да Никите Иванову с товарищами, также выборным судьям, старостам и целовальникам» и проч. Мы видим, что здесь, в годуновских имениях, были выборные судьи, старосты, целовальники, сотские, пятидесятские и десятские, и в то же время видим, что выше всех этих лиц стояло 12 человек крестьян. В этом же отношении замечательна царская грамота 1590 года: посадские люди Соли Вычегодской и волостные крестьяне били челом на коряжемского игумена Герасима за то, что он не участвовал с ними в подмоге переселенцам в Сибирь; игумен в свою очередь бил челом на вычегодцев, обвиняя их в неправильных поступках; в Москве решили дело, а привести в исполнение это решение поручено было Строгановым, Максиму и Никите, царская грамота послана была к ним, но из этой грамоты вовсе не видно, чтоб Строгановы занимали какую-нибудь правительственную должность в Сольвычегодске: они были только самые богатые, самые значительные по своему влиянию люди в области, и вот царь, мимо старост и целовальников, посылает грамоту к ним, пишет: «И вы бы посадским людям и волостным крестьянам на старцах Коряжемского монастыря, на слугах и на крестьянах его больше того брать не велели» [118]. Из этих грамот мы видим значение лучших людей в волости, видим, как в волостях подле правительственных лиц по *праву* существовали правительственные лица *на деле*. Это явление ярко освещает тогдашнее общество, к которому никак нельзя прилагать наших определений.

Вместе с прикреплением крестьян в царствование Феодора последовало и прикрепление или обращение в холопи вольных слуг. В 1597 году велено было всем господам принести в Холопий приказ списки имен холопей своих, как служащих, так и беглых, и крепости на них и записывать в книги для большего укрепления. Кто дал на себя служилую кабалу с 1 июня 1586 года, тем быть в холопстве, денег по этим служилым кабалам у них не брать и

челобитья их не слушать, а выдавать их господам в службу до смерти. Которые люди служат у кого добровольно, тех вольных людей ставить в Холопьем приказе с теми, у кого служат, да расспрашивать, как давно служат и кабалу на себя дают ли? Которые люди вольные послужили у кого недель пять-шесть, а кабал на себя давать не хотят, тех отпускать на волю; а кто послужил с полгода и больше, на тех служилые кабалы давать и челобитья их не слушать, потому что господин такого добровольного холопа кормил, одевал и обувал [119].

Земли было много, рук мало; служилым людям была тощета, что крестьяне уходили от них, а между тем пространство земель, требовавших населения, увеличивалось все более и более, колонии вытягивались и на юг, в степи, и на северо-восток, за Уральские горы, в бесконечную Сибирь. Много говорят о том, как сильно пострадала Испания вследствие выселения ее жителей в новооткрытые страны; а Россия в XVI веке, и без того бедная населением, разве не высылала беспрестанно колоний? И какое следствие должен был иметь для государства этот вывод колоний? Флетчер говорит, что на дороге между Вологдою и Ярославлем он видел до 50 обширных деревень, совершенно пустых. Легко понять, как эта редкость населения должна была замедлять общественное развитие, затруднять все государственные отправления, а с другой стороны, редкость населения, отсутствие мест, где бы сталкивались большие массы народонаселения, разобщенность мест с относительно бо́льшим народонаселением, возможность при первом неудобстве, физическом или нравственном, уходить в пустынные страны, не разрывая с отечеством, доставляло правительству возможность с меньшими препятствиями приводить в исполнение меры, которые оно считало необходимыми. Для примера приведем только одно явление из последующей истории: раскольничество в конце XVII века, несомненно, обнаружилось бы иначе, если б многие из фанатиков должны были оставаться в городах и селах, не имея возможности уйти в далекие, пустынные страны и таким образом избавить от себя общество. Воровские козаки были вредны государству, в Смутное время явились *грубнее* литвы и немцев, по выражению современников, но в спокойное время на ход государственного развития разве не могло иметь влияния то обстоятельство, что люди с козацкими наклонностями уходили за границу государства? Понятно, какую силу получало правительство от этого ухода людей беспокойных.

К концу XVI века пустынных пространств было уже очень много в Московском государстве, когда к ним присоединились еще обширные пустыни сибирские. Правительство взяло у козаков Сибирское царство, ибо прежде всего оно должно было радоваться возможности обогащать казну свою дорогим пушным товаром; но чтоб укрепиться в Сибири, нужно было населить ее русскими людь-

ми; чтоб иметь возможность населять сибирские городки служилыми людьми, нужно было иметь подле них людей пашенных, взять, следовательно, часть народонаселения в старых областях государства, и без того имевших его мало. В 1590 году велено было в Сольвычегодске на посаде и во всем уезде выбрать в Сибирь на житье тридцать человек пашенных людей, с женами и детьми и со всем имением, а у всякого человека было бы по три мерина добрых да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пяти овец, да по двое гусей, да по пяти кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да сани и всякая рухлядь, а на подмогу сольвычегодские посадские и уездные люди должны были им дать по 25 рублей человеку [120].

С распространением границ государства, с переселением русских людей в новые страны распространялись, разумеется, и пределы церкви. Но, приобретая новых членов между инородцами, церковь должна была принимать меры, чтоб не отпадали от нее старые. В 1593 году казанский владыка Гермоген писал царю, что в Казани и в уездах Казанском и Свияжском живут новокрещены вместе с татарами, чувашами, черемисами и вотяками, едят и пьют с ними, к церквам божиим не приходят, крестов на себе не носят, в домах образов и крестов не держат, попов не призывают и отцов духовных не имеют; обвенчавшись в церкви, перевенчиваются у попов татарских, едят скоромное в посты, живут мимо своих жен с немецкими пленницами. Он, владыка, призывал их и поучал, но они ученья не принимают и от татарских обычаев не отстают и совершенно от христианской веры отстали, о том сильно скорбят, что от своей веры отстали и в православной вере не утвердились, потому что живут с неверными вместе, от церквей далеко; и видя такое неверье в новокрещенах, иные татары не только не крестятся в православную веру, но и ругаются ей; да прежде, в сорок лет от казанского взятья, не бывали в татарской слободе мечети, а теперь стали мечети ставить близ посада, на лучной выстрел. Получивши это донесение, царь приказал воеводам, чтоб они, переписавши всех новокрещен, устроили им слободу в Казани с церковию и полным причтом; кто из них не захочет переселиться и ставить себе двор на слободе, тех давать на поруки, а иных в тюрьму сажать; чтоб воеводы выбрали сына боярского доброго и приказали ему эту слободу ведать, беречь, чтоб новокрещены христианскую веру держали крепко, женились бы у русских людей и дочерей своих выдавали за русских же; которые не станут христианской веры крепко держать, тех смирять, в тюрьму сажать, в железа, в цепи, бить, а других отсылать к владыке, чтоб наказал епитимью. Все мечети воеводы должны были посметать и вконец их извести. Гермоген писал также, что многие русские люди живут у татар, черемис, чувашей, женятся у них, многие живут у немцев по слободам и деревням добровольно и в деньгах, и

все эти люди от христианской веры отпали, обратились у татар в татарскую веру, а у немцев в римскую и лютеранскую: царь приказал воеводам распорядиться, чтоб русские люди не жили у татар и у немцев; должников, которые служат в небольших деньгах, выкупить, а которые в больших, тех отдать новокрещенам, у которых взамен взять литву и латышей и отдать татарам и немцам, которым запретить, чтоб они русских людей вперед не принимали и денег им взаймы не давали. В 1597 году князю Василию Ухтомскому, назначенному воеводою в Пустоозерский острог, велено было призывать самоедов и других иноземцев в православную христианскую веру. Ухтомский бил челом, что Пустоозерский острог место дальнее, деревень у него, воеводы, по той дороге нет, из Москвы запас взять далеко: почему государь пожаловал бы, велел ему дать с устюжского кружечного двора 300 ведер вина по подрядной цене. Царь велел ему дать 50 ведер [121].

Главный пастырь русской церкви в царствование Феодора переменил звание митрополита на звание патриарха. Мы видели, вследствие каких причин северо-восточная русская церковь получила на деле самостоятельность от церкви константинопольской, хотя самое название главного пастыря ее: митрополит, обличало номинальную зависимость ее от патриарха. Взятие Константинополя турками, зависимость восточных патриархов от султана должны были возбудить в Москве желание приобресть самостоятельность совершенную, а в патриархах уничтожить противоборство исполнению этого желания; возвышение северо-восточной русской церкви, как самостоятельной и цветущей, требовало по крайней мере уравнения ее с старшими церквами, которые страдали под игом неверных, нуждались в ее помощи; в Москве возникло даже мнение, что опасно иметь единение с людьми, рабствующими неверным, мнение, против которого должен был вооружиться Максим Грек. Желание полной самостоятельности должно было еще более усилиться, когда обнаружились враждебные движения католические, когда иезуиты главною укорою русской церкви ставили зависимость ее от раба султанова. Необходимо было, следовательно, для русской церкви иметь своего патриарха; выгодно было иметь его для Москвы, ибо этим наносился удар делу Витовтову: Москва брала неоспоримое преимущество пред Киевом, и глаза православных в Литве не могли не обращаться к патриарху всероссийскому.

Посланник Благов, отправленный к султану, повез патриарху константинопольскому на помин души царя Иоанна милостыни 1000 рублей; у патриарха, по обычаю, учились греческому языку два русских паробка, Ушаков и Внуков; к ним Благов отвез шубы и деньги по 10 рублей; посланник должен был им сказать, чтоб они учились греческому языку и грамоте радетельно, прилежно, а не гуляли, патриарха во всем слушались бы, а патриарху

должен был сказать, чтоб велел учить паробков радетельно, держал бы их у себя в наказанье, а воли бы им не давал. Посланы были богатые милостыни и другим православным церквам, греческим и славянским [122]. Летом 1586 года приехал в Москву за милостынею антиохийский патриарх Иоаким. Любопытны подробности свидания его с митрополитом Дионисием: когда он вошел в Успенский собор, то митрополит стоял в святительском сане на устроенном месте, окруженный знатным духовенством; приложившись к образам, патриарх пошел к митрополиту, тот сошел к нему навстречу с сажень от своего места и благословил его наперед и потом уже принял благословение от патриарха; Иоаким поговорил слегка, что пригоже было митрополиту от него принять благословение наперед, да и перестал. Здесь, при этом столкновении значения действительного с значением номинальным, всего яснее высказалась несообразность отношений московского митрополита к патриархам, и очень может быть, что именно прибытие патриарха Иоакима в Москву и это столкновение его с митрополитом Дионисием, показавши на деле несообразность отношений между значением действительным и значением номинальным, и побудили к решительному шагу. Как бы то ни было, предложение об учреждении патриаршества было сделано царем Думе во время пребывания Иоакима в Москве, и побуждением к этому делу царь именно выставил бедственное состояние церкви греческой и возвеличение церкви русской: «По воле божией, в наказание наше, восточные патриархи и прочие святители только имя святителей носят, власти же едва ли не всякой лишены; наша же страна, благодатию божиею, во многорасширение приходит, и потому я хочу, если богу угодно и писания божественные не запрещают, устроить в Москве превысочайший престол патриаршеский; если вам это угодно, объявите; по-моему, тут нет повреждения благочестию, но еще больше преуспеяния вере Христовой». Духовенство и вельможи похвалили мысль царскую, но прибавили, что надобно приступить к делу с согласия всей церкви восточной, «да не скажут пишущие на святую нашу веру латыны и прочие еретики, что в Москве патриарший престол устроился одною царскою властию». Эти слова показывают, что в Москве знали о враждебных движениях на православие в Западной России и принимали их в соображение. Иоакиму дали знать о желании царя, и он обещал предложить об этом деле собору греческой церкви.

Летом 1587 года приехал в Москву грек Николай с объявлением, что патриархи цареградский и антиохийский уже созывали собор, послали за двумя другими патриархами, иерусалимским и александрийским, будут советоваться с ними и пришлют в Москву патриарха иерусалимского с наказом об учреждении патриаршества. Но через год, летом 1588, государю дали знать, что в Смоленск нечаянно приехал старший из патриархов, византийский

Иеремия. В ответ на это извещение смоленские воеводы получили выговор, зачем патриарх пришел к ним к пристани безвестно? «Впередъ такъ просто не делайте, чтоб на рубеж никакой посланник и никакой человек под посад безвестно не пріезжал». Епископу смоленскому царь писал: «Если патриарх станет проситься у воевод в церковь Пречистой богородицы помолиться, то мы ему в церковь идти позволили: и у тебя в церкви в то время было бы устроено чинно и людно, архимандритов, игуменов и попов было бы много, встречал бы ты патриарха и чтил его честно, точно так же как митрополита нашего чтите». Пристав, отправленный встречать и провожать патриарха, получил наказ: «Разведать, каким обычаем патриарх к государю поехал, и теперь он патриаршество цареградское держит ли и нет ли кого другого на его месте? И кроме его нужды, что едет за милостынею, есть ли с ним от всех патриархов с соборного приговора к государю приказ? Честь к патриарху держать великую, такую же, как к здешнему митрополиту».

В Москве Иеремию поместили на дворе рязанского владыки; самого его велено было поместить в больших хоромах в горнице с комнатою; провожатых его, митрополита мальвазийского и архиепископа элассонского, в Столовой избе и в комнате, архимандриту дать подклет особый, а старцев и слуг устроить по подклетам. Греков, турок и других иноземцев не велено было пускать на двор, слуг патриарших со двора, если от митрополита Нова, от знатного духовенства и бояр станут приходить с кормом, таких людей пускать было позволено; если же какой иноземец станет проситься к патриарху или сам патриарх захочет видеться с каким-нибудь иноземцем, то приставы должны были ему отвечать, что скажут об этом боярам и посольскому дьяку Андрею Щелкалову. Купцов, приехавших с Иеремиею, поставили на литовском гостином дворе.

Неделю спустя по приезде государь велел патриарху быть у себя и принял его, как принимал обыкновенно послов, с тем только различием, что навстречу ему переступил с полсажени от трона. После этого представления, не выходя из дворца, Иеремия имел разговор с Годуновым, рассказал ему о своих несчастиях, как он был обнесен султану, свергнут с патриаршего престола, потом опять возведен; рассказал о бедственном состоянии своей церкви, о грабеже турок; рассказал о делах литовских, что мог узнать дорогою, наконец, говорил *тайные речи*. После этого разговора государь, подумав с царицею, говорил боярам: «Велел нам бог видеть к себе пришествие патриарха цареградского, и мы о том размыслили, чтоб в нашем государстве учинить патриарха, кого господь бог благоволит: если захочет быть в нашем государстве цареградский патриарх Иеремия, то ему быть патриархом в начальном месте Владимире, а на Москве быть митрополиту по-прежнему; если же не захочет цареградский патриарх быть во Владимире,

то на Москве поставить патриарха из московского собора». Годунову поручено было ехать к Иеремии и советовать с ним, возможно ли тому статься, чтоб ему быть в Российском царстве в стольнейшем городе Владимире. Иеремия отвечал: «Будет на то воля великого государя, чтоб мне быть в его государстве,— я не отрекаюсь: только мне во Владимире быть невозможно, потому что патриархи бывают всегда при государе: а то что за патриаршество, что жить не при государе?» Тогда царь опять созвал бояр и говорил им: «Патриарх Иеремия вселенский на владимирском и всея Руси патриаршестве быть не хочет, а если мы позволим ему быть в своем государстве на Москве на патриаршестве, где теперь отец наш и богомолец Иов митрополит, то он согласен. Но это дело не статочное: как нам такого сопрестольника великих чудотворцев и достохвального жития мужа, святого и преподобного отца нашего и богомольца Иова митрополита от пречистой богородицы и от великих чудотворцев изгнать, а сделать греческого закона патриарха, а он здешнего обычая и русского языка не знает, и ни о каких делах духовных нам с ним говорить без толмача нельзя». Годунов вместе с Щелкаловым отправился опять к Иеремии и говорил ему, чтоб благословил и поставил в патриархи из российского собора митрополита Иова. При этом свидании было решено, что Иеремия на патриаршество владимирское, московское и всея Руси благословит и поставит кого государю будет угодно и благословение даст, что вперед патриархам поставляться в Российском царстве от митрополитов, архиепископов и епископов.

Нам не нужно предполагать, что в первом разговоре с Годуновым сам Иеремия изъявил желание остаться патриаршествовать в Москве: мысль о выгодных следствиях перемещения старшего патриаршего стола из Византии в Московское государство легко могла прийти Годунову и другим. Пусть в Константинополе, по приказу султана, выбрали бы другого патриарха: Иеремия и его русские преемники не потеряли бы чрез это права называться вселенскими, права на первенство; утверждение Иеремии в Московском государстве особенно было б важно относительно западной русской церкви, которая уже давно признавала свою зависимость от него. С другой стороны, нам не нужно предполагать, что дело не уладилось единственно по настоянию Годунова, которому невыгодно было удалить Иова, совершенно ему преданного: при отчужденности от иностранцев и сильно развившейся вследствие того подозрительности, ясные следы которой видны повсюду, иметь патриархом иностранца, грека, должно было казаться крайне неудобным; указывать на единоверие, как могущее уничтожить всякое подозрение, нельзя, ибо мы видели, как обходились с этим самым Иеремиею: не велено было пускать к нему ни одного иностранца; наши предки в описываемое время жили тою жизнью, когда свой обычай составляет все; отсюда понятно, как страшно было

иметь патриархом человека, не знающего русского обычая, человека греческого закона. Мало того, нужно было решиться на дело страшно тяжелое: отвергнуть человека, которого уже привыкли видеть на таком высоком месте, каково было митрополичье; для вселенского патриарха Иеремии не могли придумать чести высшей, как та, которая воздавалась митрополиту Иову, и вот этого Иова надобно безвинно лишить этой чести, прогнать! Понятно, следовательно, что не по одним личным отношениям Годунова к Иову настаивали, чтоб Иеремия жил во Владимире.

Несмотря на то что царь прямо объявил о невозможности прогнать Иова от церкви Богородицы и от чудотворцев, исполнили обычай избрания: архиереи назначили трех кандидатов: митрополита Иова, новгородского архиепископа Александра, ростовского Варлаама, и предоставили царю выбор. Феодор избрал Иова, который и был посвящен 26 января 1589 года: следовательно, дело тянулось полгода! Патриарх должен был иметь в своем ведении митрополитов; это звание дали владыкам: новгородскому, казанскому, ростовскому и крутицкому (в Москве), шесть епископов получали звание архиепископов: вологодский, суздальский, нижегородский, смоленский, рязанский, тверской.

Богато одаренный отправился Иеремия в мае 1589 года в Константинополь с грамотою от царя к султану, в которой Феодор писал: «Ты б, брат наш Мурат салтан, патриарха Иеремию держал в своей области и беречь велел нашам своим так же, как ваши прародители патриархов держали в береженье, по старине во всем; ты б это сделал для нас». Приехавши в Смоленск, Иеремия получил грамоту от Годунова, в которой правитель просил его проведать в Литве о тамошних делах: «О Максимилиане, где он теперь и каким обычаем живет? В Польской ли земле, или отпущен? И как отпущен, по какому договору? Укрепился ли королевич шведский на польской короне и на какой мере утвердился, какое его вперед умышленье о нашем государе? Проведав об этом, отписал бы ты ко мне тайно, не объявляя своего святительского имени ни в чем; а когда будешь в Цареграде, то отпиши о всех тамошних делах».

Только чрез два года, в июне 1591 года, приехал в Москву митрополит терновский и привез утвержденную грамоту на московское патриаршество. Иеремия писал к Иову: «Послали мы твоему святительству соборную совершенную грамоту: будешь иметь пятое место, под иерусалимским патриархом. И ты прими грамоту с благодарностию и тихомирием, и постарайся о митрополите терновском при царе и при царице словом и делом, попечалуйся святому и высочайшему царю нашему, да сотворит пригожую помощь, как обещал ты нас пожаловать при постановлении своем, в своей палате; а мы кроме бога да святого царя надежды ни от кого не имеем, патриаршества цареградского не может никто воздвигнуть и устроить по-прежнему кроме святого царя». В письме Годунову

патриарх просил о присылке 6000 золотых на сооружение патриаршества. Митрополит терновский поднес Годунову дары: два атласа золотных, саблю булатную, да два сосуда ценимых; Годунов даров не принял, сказав: «Нам у вас даров брать не подобает, мы должны вас наделять, чем бог послал». Митрополит просил, чтоб Годунов не обижал его, взял дары, и тот взял два сосуда ценимых. Правитель хотел знать, как был держан собор об учреждении московского патриаршества, с ведома ли султана и папей? Митрополит отвечал, что собор был держан, доложа султану. Просьба патриарха была исполнена: царь послал на построение церкви и патриаршеского дома большое количество мехов и рыбьего зуба [123]. Когда Салтыков и Татищев отправились послами в Литву, то им дан был наказ: «Станут спрашивать про патриаршеское постановленье, то вы говорите: приходил к великому государю из Греческого государства антиохийский патриарх Иоаким и говорил государеву шурину, Борису Федоровичу Годунову, что из давних лет на семи соборах уложено быть в Риме папе греческой веры, а в Греческом государстве четырем патриархам; но когда Евгений папа римский составил суемысленный осьмой собор, то с этого времени папы римские от греческой веры отстали; если бы по сие время в Греческом государстве были благочестивые цари христианские, то патриархи поставили бы папу в Греческом государстве, и теперь они все четыре патриарха советовали со всем вселенским собором Греческих государств, дабы вместо папы римского поставить вселенского патриарха константинопольского, а на его место поставить четвертого патриарха в Московском государстве. Если папы радные будут говорить, что изначала этого не бывало, то отвечать: вот у вас в Вильне прежде кардиналов не бывало, а были епископы, а теперь папа сделал Юрия Радзивилла кардиналом: и тому что дивиться» [124].

Из других отношений церковных при Феодоре заметим, что архиереи, как говорилось в их настольных грамотах, ставились «по избранию св. духа (на соборе) и по совету боговенчанного царя». В начале царствования Феодорова был любопытный случай, при котором опять послышалась укоризна осифлянам. Рязанский епископ Леонид подал царю следующую челобитную: «Пожаловал ты меня, государь, велел быть у себя за столом на Рождество Христово: а архиепископ ростовский Евфимий мне с собою есть с блюда не дал и меня вконец позорил; а прежде, при отце твоем. я едал с одного блюда с архиепископом новгородским; а он же нас, осифовских постриженников, называет всех не осифлянами, но жидовлянами». Неизвестно, чем решено было дело.

В июне 1594 года, по государеву приказу, патриарх Иов со всем освященным собором приговорил учредить в Москве 8 старост поповских, чтоб у каждого было по 40 попов, да по четыре дьякона в десятских, поставить им избу у Покрова богородицы на

Рву (у Покровского собора или у Василия Блаженного), куда должны сходиться старосты и десятские каждый день. Старосты должны были наблюдать, чтоб в известные дни были по всем церквам молебны и обедни; рассылать для этого по всем церквам память, чтоб всем попам было ведомо; да и всякий день перед обеднями попы должны были по всем церквам петь молебны о вселенском устроении, благосостоянии церквей, о многолетнем здравии царя и царицы, о их чадородии, о христолюбивом воинстве и о всем православном христианстве. Старосты должны были наблюдать, чтоб все попы и дьяконы являлись в крестные ходы и до окончания их не расходились, а которые не явятся, о тех доносить патриарху. Служить должны по церквам попы сами, а наймитов не нанимать, кроме великой нужды или какого-нибудь прегрешения; от ружных церквей и приходских храмов попам по другим церквам служить не наниматься; безместные попы должны приходить к Покрову богородицы, к поповской избе и здесь наниматься служить с патриаршего доклада; найму брать в простые дни по алтыну, а в большие праздники и на Святой неделе по два алтына, а больше не брали бы и божественною литургиею не торговали бы, старосты должны за этим смотреть крепко. Черным попам у мирских церквей не наниматься служить. В который день панихиды служить и на завтрее обедни заупокойные по государям, в те дни старосты с десятскими давали бы памяти по всем церквам, к которым по книгам велено каноны давать, а которые попы за государевы панихидные столы садятся, те должны знать, кого в какой день поминать. Если христолюбцы станут приносить милостыню на храмы о здравии или за упокой и велят разделить по храмам в поповской избе, то старосты должны эту милостыню раздать по храмам. Пяти протопопам поручено было смотреть, чтоб старосты поповские исполняли этот наказ.

Относительно монастырского благочиния царь в 1584 году писал в Соловецкий монастырь: «Слух до нас дошел, что у вас сытят квасы медвеные да квасят, и устав прежний монастырский переменен: так вы бы квасов не квасили и прежнего чина монастырского не рушили; и которые старцы станут роптать, тех бы смиряли по монастырскому чину». В 1592 году двое старцев били челом на игумена и келаря Кириллова Новгородского монастыря, что они монастырскую казну раздают взаймы, для своей прибыли, без братского ведома, дружатся с детьми боярскими, берут у них себе гостинцы всякие. Когда один из челобитчиков стал им об этом говорить, то они посадили его в двои железа да в цепь, а потом девять дней били его на правеже, правили деньги, которые он проездил в Москву по монастырским делам. Бить на них челом нельзя, откупаются монастырскою же казной; кроме субботы и воскресенья, службы никогда в монастыре нет и священника нет.

В июле 1584 года постановили, чтоб тарханам не быть, с 1 сен-

тября, на время, до государева указа, пока земля поустроится и помощь во всем учинится царским осмотрением. Но уже в октябре того же года царь дал тарханную грамоту митрополиту Дионисию на слободку Святославлю, которую великий князь Василий Дмитриевич дал митрополиту Киприану вместо города Алексина. Тогда же, в июле 1584, было подтверждено, чтоб вотчинникам вотчин своих по душам не давать; но видим, что это постановление или было скоро отменено, или не исполнялось. В 1587 году знаменитый впоследствии князь Дмитрий Михайлович Пожарский, по приказу отца своего, дал в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь вотчинную деревню без доклада государю; не перечисляем царских пожалований землями в монастыри. По-прежнему давалось монастырям право производить торговлю, право сбирать в своих селах таможенную пошлину; по-прежнему давались грамоты с освобождением монастырских владений от разных податей и повинностей; этих грамот от царствования Феодора дошло до нас очень много, и начинают они раздаваться очень рано.

Касательно отношений монастыря к тем, на чей счет он был построен и поддерживался, любопытна царская грамота 1595 года. В Двинском уезде, при устье Нижнего Моржа, был монастырь Никольский, построенный мирским иждивением. Староста этого монастыря бил челом государю, что десятильник митрополита новгородского разорил монастырь своим насильством; царь дал грамоту двинским данным старостам и становым земским судьям Калейского стана, где находился монастырь, чтобы они защищали монастырь от обид; а когда Калейского стана крестьяне захотят вперед переменить никольских старост и в монастырской казне их считать или сами старосты захотят переменпться и в казне отчет отдать, то все бы крестьяне Калейского стана четырьмя волостками никольских старост выбирали меж собою кого сами излюбят, новых старост приводили к крестному целованью, а старых с лучшими людьми в казне считали и счетные списки отдавали новым старостам.

По старым грамотам Грозного, монастырские крестьяне выбирали у себя прикащиков, старост, целовальников, сотских, пятидесятских, десятских, для губных дел прикащиков, губных целовальников и дьячков; монастыри продолжали определять свои отношения к крестьянам уставными грамотами [125].

Кроме приведенных указов о крестьянах и холопях от времен Феодора, до нас не дошло других дополнений к Судебнику. Относительно заведывания судом любопытно известие разрядных книг под 1588 годом: царь велел отставить князя Меркурия Щербатова от плавной рати и послал его в Тверь судьею. Дошла до нас от описываемого времени любопытная челобитная царю старцев Иосифова монастыря по поводу спора о земле между их крестьянами и крестьянами боярина Ивана Васильевича Годунова: «Послана, го-

сударь, от тебя грамота в Козельский и Белевский уезд к Кузьме Безобразову: велено ему выбрать 10 лучших крестьян боярина Ивана Васильевича Годунова и столько же наших лучших крестьян и дать им жребий: чей жребий вынется, тем отводить землю и лес с образом». Кузьма лучших людей выбрал и говорил крестьянам Ивана Васильевича: «С образом с жребия идете ли отводить лес и землю, по своему отводному рубежу?» Слуга Ивана Васильевича отвечал: «Крестьянам Ивана Васильевича лесу и земли не отваживать и жребия не брать; пусть монастырские крестьяне отводят лес и землю без жребия». Монастырские крестьяне били челом Кузьме: «Ивана Васильевича крестьянам надобна земля и лес пречистой богородицы и чудотворца Иосифа, перелезши из Белевского уезда в Козельский уезд через вековую межу города с городом: так и лес им отводить с образом, землю и лес пречистой, а мы им верим и без жребия». «Крестьянцы наши с образом земли и лесу отводить не смеют, мы им не велим отводить твоего государева жалованья; а люди и крестьяне Ивана Васильевича нашим крестьянам грозят: велят им неволею отводить нашу прямую монастырскую землю, для того, чтоб нас, нищих твоих, опозорить, огласить и в грех ввесть, а крестьянец наших продать и вотчину монастырскую запустошить; а монастырские крестьянцы уже и так от них застращены, четвертый год беспрестанные обиды и насильства терпят. Государь милосердый царь! пощади свою богомолью, вели учинить безгрешно, чего не ведется, что иноческому чину землю отводить с образом: вели сыскать старыми писцовыми книгами и старыми гранями. Обыскные люди обоих городов, Козельска и Белева, все знают вековой рубеж городу с городом, да не смеют сказать правды, блюдутся Ивана Васильевича» [126].

Относительно нравов и обычаев заметим известие о потехах царских: государь пожаловал Василия Усова, дано ему 15 рублей денег, да сукно доброе в 2 рубля: тешил он государя, заколол перед ним медведя; даны были подарки какому-то Молвенинову: государя тешил, привел медведя с хлебом да солью в саадаке и с диким медведем своего медведя спускал; дано сукно доброе в два рубля охотнику Глазову: тешился государь на царицыны именины медведями, волками и лисицами, и медведь Глазова ободрал. 1 августа государь ездил под Симонов для водоосвящения на реке и там купался (мочался). Смирное платье (траур) по царевне Феодосии для чинов придворных было цвету темно-зеленого, вишневого, багрового, синего, без саженья.

Относительно нравов и обычаев народных заметим, что в 1590 году староста и крестьяне Тавренской волости *обговорились* между собою, по благословению отца своего духовного, и учинили заповедь на три года, чтоб в праздник, в воскресение Христово, дела не делать никакого черного, ни угодья не угодовать, ни пасного, ни силового, ни белки не лесовать, ни рыбы не ловить, ни ягод, ни

губ не носить, ни путика пасного, ни силового внове не ставить; а в пятницу ни толочь, ни молоть, ни камня не жечь, проводить с чистотою и любовию; женам по воскресеньям не шить, не брать. А кто заповедь эту порушит и доведут его людьми добрыми, на том доправить сотскому, по мирскому уложению, 8 алтын денег на церковное строение, а две деньги сотскому. Кто станет яйца бить, на том доправить ту же заповедь 8 алтын.

Под 1595 годом летописец рассказывает, что князь Василий Щепин да Василий Лебедев составили заговор зажечь Москву во многих местах, а самим у Василия Блаженного грабить казну; решеточный прикащик Байков, участвовавший в заговоре, должен был в это время не отпирать решеток. Но заговор был открыт, и главные участники казнены смертию.

В летописях же находим известие о чародействах и о полной вере в их силу. О Годунове говорится, что он из многих городов собирал волхвов и кудесников и с их помощию привлек к себе любовь царя. Волшебники предсказывали Борису, что он будет царствовать, но недолго, только семь лет. Приведем также любопытный рассказ летописца об отравлении крымского царевича Мурат-Гирея в Астрахани: бусурманы прислали ведунов и его испортили. Воеводы, видя его болезнь великую, привели к нему лекаря арапа. Арап сказал, что его вылечить нельзя, пока не сыщут ведунов, которые его портили, взял с собою русских людей, пошел в юрты, перехватал там ведунов и начал их мучить. Ведуны сказали: «Если кровь больных не замерзла, то можно пособить». Тогда арап велел ведунам метать из себя кровь в лохань, и они выметали всю кровь, которую выпили из сонного царевича, жен его и других татар и тем их испортили. Ведуны рассказывали арапу по порядку: вот это кровь царевича, вот эта его жен, вот эта других татар; кровь царевича и одной из жен его вся замерзла, и потому ведуны сказали, что им живым не быть; чья же кровь не замерзла и если помазать ею больного, то он останется жив. Когда царевич умер, то воеводы донесли обо всем подробно государю; царь отправил в Астрахань Астафия Пушкина с приказаньем пытать ведунов, по чьему умышлению испортили царевича, и после пытки пережечь. Пушкин пытал ведунов накрепко разными пытками, но ничего не мог допытаться. Тогда тот же арап начал говорить, что у них так ничего не допытаться, а велел положить им в зубы конские удила, повесить их за руки и бить их не по телу, а по стене против них, и они стали все сказывать. Воеводы, после пытки, велели их сжечь, и жег тот же арап своим мастерством; когда их жгли, то слетелось сорок и ворон многое множество [127].

Из перечисления подарков, выданных из царской казны разным лицам, мы узнаем имена тогдашних художников: дано было сукно в два рубля и еще два рубля денег Поснику ростовцу за то, что писал образ смоленской богородицы. Этот Посник ростовец

носил название знаменщика; он получил английское сукно доброе за то, что *знаменовал*, садил жемчугом с дробницами черный бархатный покров на гроб Иоанна Грозного. Сохранились имена 14 серебряных мастеров, которые делали раку Сергия чудотворца [128]. Литьем огромных пушек отличался мастер Андрей Чохов.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ОКОНЧАНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА

Значение Рюриковой династии.— Смерть царевича Димитрия в Угличе.— Разбор известий об этом событии.— Решение дела в Москве.— Мнение народа.— Кончина царя Феодора

XVI век исходил: с его исходом прекращалась Рюрикова династия. В двух различных положениях, в двух различных странах следили мы за деятельностию потомков Рюрика и не могли не заметить основного различия в этой деятельности. Сначала мы видим их действующими в громадной и редко населенной стране, не имевшей до их появления истории. С необыкновенною быстротой Рюриковичи захватывают в свое владение обширные пространства и подчиняют себе племена, здесь живущие; эту быстроту объясняет равнинность страны, удобство водных путей, малочисленность и особность племен, которые не могли выставить крепкого и дружного сопротивления, ибо не знали союзного действия, каждое племя покорялось поодиночке: ясный знак, что никакого единства между племенами не существовало, что это единство принесено князьями и сознание о единстве народном и государственном явилось вследствие их деятельности. Они расплодили Русскую землю, и сами размножились в ней с необыкновенною силой: обстоятельство важное, ибо оно дало возможность членам одного владельческого рода устроить себе множество столов во всех пределах громадной страны, взять в свое непосредственное заведывание все важнейшие места: не было потому необходимости в наместниках больших городов и областей, в людях, из которых могла бы образоваться сильная аристократия. Князья разошлись по обширной стране, но не разделились, ибо их связывало друг с другом единство рода, которое, таким образом, приготовило единство земли. Чтоб не порвалась связь между частями, связь слабая, только что завязавшаяся, необходимо было это беспрерывное движение, перемещение князей из одной области в другую, с концов отдаленных. Князья с своими дружинами представляли начало движения, которое давало стране жизнь, историю: недаром Мономах хвалился своим движением, большим количеством совершенных им путешествий. Движение, движение неутомимое, было главною обязанностию князей

в это время: они строили города, давали им жителей, передвигали народонаселение из одной области в другую, были виновниками новых общественных форм, новых отношений. Все новое, все, что должно было дать племенам способность к новой высшей жизни, к истории, было принесено этим движущимся началом, князьями и дружинами их: они в своем движении столкнулись с греками и взяли от них христианство; чтоб понять значение Рюриковичей и дружин их, как проводников нового, людей, пролагавших пути исторической жизни, стоит только вспомнить рассказ летописца о появлении волхва в Новгороде: на вопрос епископа: «Кто идет к кресту и кто к волхву?»— народ, масса, хранящая старину, потянулась к волхву, представителю старого язычества, князь же и дружина его стали на стороне епископа. Скоро, при описании Смутного времени, мы укажем и на великое значение массы народной, охранявшей старину, когда движение пошло путем незаконным.

Такова была начальная деятельность Рюриковичей. Понятно, что в эпоху этой начальной деятельности, при начале государственной зиждительности в стране, не имевшей прежде истории, не могло быть еще ничего прочного, определенного, все было еще в зародыше, начала, семена вещей сопоставлялись друг с другом без внутренней связи; части, образовавшись, стремились еще жить особенною жизнию; при сильном движении, просторе, возможности уходить при первом неудобстве не было места никаким определениям, ибо на движущейся почве ничего построить нельзя. Главное право, главное ручательство в выгоде положения для члена общества, для члена известного сословия, заключалось в праве уйти, праве, которое основывалось на возможности ухода и прекращалось с этою возможностию. Столкновения интересов разрешались не общими определениями, но порванием отношений, уходом из одной области в другую, которая случайно, вследствие своей особой жизни с особым правительством, на время представляла большие удобства; отсюда господство временного, местного, личного, случайного над общим, господство, необходимое при слабости, младенчестве государства.

Но государство росло, и из младенчества оно переступило на высшую степень, которая знаменуется сосредоточением, оседлостию. Эта эпоха сосредоточения необходима для утверждения сознания о государственном единстве, о единстве государственного интереса; здесь части, области, лица должны отказаться от своей особной, своеобразной жизни и подчиниться условиям жизни общей, и когда потом, при утверждении сознания о государственном единстве, части получают бóльшую или меньшую самостоятельность, самоуправление, то эта самостоятельность является уже вследствие государственных требований, является с непосредственным отношением к сосредоточивающей власти: так, например, при Иоанне IV были даны откупные грамоты, установлявшие само-

управление в волостях; но отношение этих волостей к царю вовсе не было похоже на отношение Новгорода или Пскова к прежним великим князьям московским.

В эту эпоху сосредоточения Рюриковичи вследствие новых условий, временных и местных (ибо главная сцена действия переносится с юга на север), переменяют свой характер и неуклонно ведут общество по новому пути. Из расплодителей земли они становятся собирателями земли, из храбрых вождей дружин, любивших везде честь свою брать, думавших преимущественно об этой воинской чести, а не об упрочении себе движимых и недвижимых стяжаний, считавших неприличным копить имение, но все раздававших дружине, Рюриковичи становятся на севере бережливыми хозяевами, преимущественно заботившимися о промыслах, прибытках, крайне осторожными, неохотниками до решительных битв. И все на севере, в эпоху сосредоточения, принимает характер прочности, оседлости, вследствие чего земельные отношения, условливающие прочность, получают важное значение; общество сознает различие *земского* человека, оседлого собственника, от вольного козака, представителя старины, старой эпохи безнарядного движения; этому представителю старины трудно в новом обществе, он уходит на простор в вольную степь и там ждет случая вступить в борьбу с враждебным ему новым порядком вещей. Но эпоха сосредоточения, но государи московские сделали свое дело: государство крепко, и козаку не осилить земского человека.

Кончивши это второе дело свое, дело сосредоточения земли, династия Рюрика сходит со сцены. Царь Феодор не мог сам управлять государством; явился правитель, который вследствие произведенного прежними государями сосредоточения власти и ослабления могущества вельможных родов мог легко, опираясь на свои близкие отношения к царю, осилить всех своих соперников. Достигнув первенства, Годунов должен был подумать о будущем, и будущее это было для него страшно, тем страшнее, чем выше было его положение настоящее: у Феодора не было сына, при котором бы Годунов, как дядя, мог надеяться сохранить прежнее значение, по крайней мере прежнюю честь; преемником бездетного Феодора долженствовал быть брат его, Димитрий, удаленный в Углич при воцарении старшего брата, удаленный «советом всех начальнейших российских вельмож» [129]. Димитрий рос при матери и ее родственниках, Нагих; понятно, какие чувства эти опальные Нагие питали к людям, подвергнувшим их опале, с какими чувствами дожидались прекращения своих бедствий, своего изгнания, в каких чувствах к Годунову и к людям ему близким воспитывали ребенка, который не умел скрывать этих чувств. За будущее должен был бояться не один Годунов, за будущее должны были бояться все те люди, которые были обязаны выгодами положения своего Годунову и лишались всего с его падением, а таких людей было очень много;

наконец, за будущее должны были бояться те люди, которых судьба хотя и не была тесно соединена с судьбою Годунова, по по совету которых Димитрий подвергся изгнанию, а к этим людям принадлежали все начальнейшие российские вельможи. И вот в мае 1591 года разнеслась по государству весть, что царевича Димитрия в Угличе не стало [130], и понесся слух, что погиб он насильственною смертию, от убийц, подосланных Годуновым. Летописцы так рассказывают подробности события.

Сначала хотели отравить Димитрия: давали ему яд в пище и питье, но понапрасну. Тогда Борис призвал родственников своих, Годуновых, людей близких, окольничего Клешнина и других, и объявил им, что отравой действовать нельзя, надобно употребить другие средства. Один из Годуновых, Григорий Васильевич, не хотел дать своего согласия на злое дело, и его больше не призывали на совет и чуждались. Другие советники Борисовы выбрали двух людей, по их мнению, способных на дело,— Владимира Загряжского и Никифора Чепчюгова; но эти отреклись. Борис был в большом горе, что дело не удается; его утешил Клешнин. «Не печалься,— говорил он ему,— у меня много родных и друзей, желание твое будет исполнено». И точно, Клешнин отыскал человека, который взялся исполнить дело: то был дьяк Михайла Битяговский. С Битяговским отправили в Углич сына его Данилу, племянника Никиту Качалова, сына мамки Димитриевой, Осипа Волохова; этим людям поручено было заведовать всем в городе. Царица Марья заметила враждебные замыслы Битяговского с товарищами и стала беречь царевича, никуда от себя из хором не отпускала. Но 15 мая, в полдень, она почему-то осталась в хоромах, и мамка Волохова, бывшая в заговоре, повела ребенка на двор, куда сошла за ними и кормилица, напрасно уговаривавшая мамку не водить ребенка. На крыльце уже дожидались убийцы; Осин Волохов, взявши Димитрия за руку, сказал: «Это у тебя, государь, новое ожерелье?» Ребенок поднял голову и отвечал: «Нет, старое». В эту минуту сверкнул нож; но убийца кольнул только в шею, не успев захватить гортани, и убежал; Димитрий упал, кормилица пала на него, чтоб защитить, и начала кричать: тогда Данила Битяговский с Качаловым, избивши ее до полусмерти, отняли у нее ребенка и дорезали. Тут выбежала мать и начала кричать. На дворе не было никого, все родственники ее разошлись по домам; но соборный попомарь, видевший с колокольни убийство, заперся и начал бить в колокол; народ сбежался на двор и, узнавши о преступлении, умертвил старого Битяговского и троих убийц; всего погибло 12 человек. Тело Димитрия положили в гроб и вынесли в соборную церковь Преображения, а к царю послали гонца с вестию об убийстве брата. Гонца привели к Борису; тот велел взять у него грамоту, написал другую, что Димитрий сам зарезался, по небрежению Нагих, и велел эту грамоту подать царю: Феодор долго плакал.

Для сыску про дело и для погребения Димитрия посланы были в Углич князь Василий Иванович Шуйский, окольничий Андрей Клешнин, дьяк Елизар Вылузгин и крутицкий митрополит Геласий. Посланные осмотрели тело, погребли его и стали расспрашивать угличан, как, по небрежению Нагих, закололся царевич? Им отвечали, что царевич был убит своими рабами — Битяговским с товарищами — по приказанию Бориса Годунова и его советников. Но, приехавши в Москву, Шуйский с товарищами сказали царю, что Димитрий закололся сам. Нагих привезли в Москву и пытали крепко; у пытки был сам Годунов с боярами и Клешниным; но с пытки Нагие говорили, что царевич убит. Царицу Марью постригли в монахини и заточили в Выксинскую пустынь за Белоозеро; Нагих всех разослали по городам, по тюрьмам; угличан — одних казнили смертию, иным резали языки, рассылали по тюрьмам, много людей свели в Сибирь и населили ими город Пелым, и с того времени Углич запустел.

В этом рассказе мы не встречаем ни одной черты, которая бы заставляла заподозрить его; подробности самого убиения, предшествовавший разговор убийцы с жертвою, подробности приготовлений в Москве, имена лиц, выбранных, но отказавшихся взять на себя совершение злодейства, указания на Клешнина, как на главного деятеля,— все эти подробности не позволяют историку видеть в этом рассказе выдумку [131]. Сравним теперь с этим рассказом другой памятник, имевший целию доказать противное, т. е. что Димитрий сам закололся, обратимся к следственному делу о убиении царевича.

19 мая, вечером, приехали в Углич князь Василий Шуйский, Андрей Клешнин, Елизар Вылузгин и расспрашивали Михайлу Нагова: «Каким обычаем царевича Димитрия не стало? И что у него была за болезнь? Для чего он, Нагой, велел убить Михайлу Битяговского, сына его Данилу, Никиту Качалова, Данилу Третьякова, Осипа Волохова, посадских людей, слуг Битяговского и Волохова, и для чего он велел во вторник сбирать ножи, пищали, палицу железную, сабли и класть на убитых людей? Посадских и сельских многих людей для кого сбирал? И почему городового прикащика, Русина Ракова, приводил к крестному целованью, что ему стоять с ним заодно; и против кого было им стоять?»

Следователи приехали 19 мая, вечером; в тот же вечер сделали допрос Михайле Нагому, и о чем же спросили? Не о том только, как приключилась смерть царевича и что происходило потом, но спросили: какая болезнь была у царевича? Зачем он, Нагой, велел убить известных людей и положить на них оружие, зачем сбирал людей, приводил городового прикащика ко кресту? Тотчас же представляется вопрос, каким образом следователи могли узнать все это? И после уже из розыска открывается, что следователи, приехав в Углич, прежде всего выслушали городового

прикащика, Русина Ракова, который обвинил Нагих и показал, что царевич убился сам. Итак, в самом начале акта мы уже замечаем подозрительную неточность: о Русине Ракове ничего не сказано и прямо делается допрос Нагому на основании показаний Русина Ракова!

Михайла Нагой отвечал, что царевич зарезан Осипом Волоховым, Никитою Качаловым и Даниlою Битяговским, что убийц побили черные люди, без его, Михайлова, приказа, что оружие на убитых положил Русин Раков сам, также без его ведома, и к присяге городового прикащика он, Михайла Нагой, не приводил. Тогда Русин сослался на брата Михайлова, Григория Нагова, и на слугу, Бориса Афанасьева, и те показали, что оружие положено на убитых по приказу Михайлы Нагова. Что же отвечал на это последний? Не знаем; знаем то, что он не приложил руки к своим речам; знаем еще любопытное обстоятельство: Русин Раков и сторож дьячьей избы, Евдоким Михайлов, показали, что во вторник приходил в дьячью избу человек Михайлы Нагова, Тимофей, вместе с Русином Раковым; этот Тимофей принес живую курицу, зарезал ее, кровью вымазали разного рода оружие, которое Русин Раков и положил на трупы Битяговского с товарищами; но другой слуга Нагова, Борис Афанасьев, показал, что Тимофей еще в понедельник вечером сбежал неведомо куда, и действительно Тимофей у допроса не был.

Теперь посмотрим, что показали Нагие о самой смерти царевича. Михайла Нагой, как мы видели уже, сказал, что Димитрия зарезали Осип Волохов, Никита Качалов и Данила Битяговский. Но он не объявил самого главного, именно: кто сказал ему об этом, потому что сам он не видал, как было дело, прибежавши уже на колокольный звон и думая, что горит во дворце. Григорий Нагой показал противное, что царевич накололся сам ножом в припадке падучей болезни, которая на нем и прежде бывала. Но и Григорий не объявил главного: кто сказал ему о роде смерти царевича, потому что сам он также ничего не видал, прибежавши вместе с Михайлою. Но Григорий в своем показании прибавляет очень важное обстоятельство, именно, что они застали царевича еще в живых и умер он при них. При этом Григорий не прибавил обстоятельств важных: в каком положении застал он царевича (кормилица показала, что он умер на ее руках)? Был ли у него или подле него нож, которым он играл? Следователи об этом не спрашивали. Потом Григорий Нагой показал, что когда явился старый Битяговский и набежало множество народу, то начали говорить, *неведомо кто*, будто царевича зарезал Данила Битяговский с товарищами. Из других показаний открывается, что этот *неведомо кто* была царица Марья, что Григорий Нагой верил своей сестре и по ее приказу бил мамку Василису Волохову поленом по бокам; а теперь что заставило его переменить убеждение? Одни

скажут: он одумался, увидал неправду сестры и собственную; но другие скажут, что он был улещен и застращан, и дело по-прежнему остается темным. Наконец, третий Нагой, Андрей, показал, что царевич ходил на заднем дворе, играл с детьми через черту ножом; и вдруг на дворе закричали, что царевича не стало, царица сбежала сверху, а он, Андрей, в то время сидел за столом; услыхав крик, он прибежал к царице и видит, что царевич лежит на руках у кормилицы *мертв, а сказывают, что его зарезали:* и он, Андрей, того не видал, кто его зарезал, а на царевиче бывала болезнь падучая. Это показание правдоподобнее прочих; но вот что замечательно: Андрей Нагой сидел во дворце за обедом и сбежал на двор тотчас за царицею, как только услыхал крик, и нашел уже царевича мертвым на руках кормилицы; а Григорий Нагой обедал у себя на подворье, прибежал уже на звон колоколов и нашел еще царевича живым!.. Что же мы должны заключить об этих показаниях? То, что все они, по своему явному противоречию и утайке главных обстоятельств, должны быть заподозрены и отстранены. Но обратимся к показаниям очевидцев: не объяснят ли они нам дела удовлетворительнее.

Мамка Василиса Волохова показала, что царевич играл с детьми ножом и в припадке падучей болезни покололся сам в горло; тогда царица Марья сбежала на двор и начала ее, Василису, бить поленом, не слушая никаких оправданий, пробила ей голову во многих местах, приговаривая, что Димитрия зарезали сын ее, Василисин, Осип, вместе с Данилою Битяговским и Никитою Качаловым; потом царица велела бить ее, Василису, брату своему, Григорию Нагому, после чего бросили ее замертво. Потом начали звонить у Спаса в колокола, сбежались посадские люди, и царица Марья велела им опять взять ее, Василису; мужики взяли ее, ободрали и простоволосу держали пред царицею; прибежал на двор Михайла Битяговский и начал уговаривать посадских людей и Михайлу Нагова; но царица и Михайла Нагой велели убить Битяговского. Василиса объявила также, что вместе с нею во время смерти царевича были: кормилица Ирина и постельница Марья Самойлова; спросили и этих женщин: кратко и сжато, почти в одних словах, они объявили, что царевич играл с детьми и, в припадке падучей болезни, накололся сам ножиком. Спросили и детей, игравших с Димитрием: они показали то же, что и женщины; следователи спросили у них: кто еще с ними был на дворе во время смерти царевича? Дети указали дважды на кормилицу Ирину и на постельницу Марью Самойлову, но пропустили Василису Волохову, и следователи не обратили внимания на это обстоятельство! Кроме трех женщин и детей, явился еще один очевидец, стряпчий Семейка Юдин, который сказал, что стоял в то время у поставца и сам видел, как царевич накололся ножом в припадке падучей болезни. Вот и все очевидцы. Остальные же

лица говорили по чужим речам (чьим — неизвестно), и тем не менее многие утверждали, что царевич играл с детьми и в припадке падучей болезни сам наткнулся на нож.

Но, кроме приведенных, есть еще и другие подозрительные обстоятельства. Здесь первое место занимал вопрос: кто и когда начал первый звонить у Спаса и этим привлек толпу народа на двор царевичев? Михайла и Григорий Нагие показали, что они прибежали с своего подворья к царевичу, будучи встревожены колокольным звоном; Василиса же Волохова объявила, что Григорий Нагой находился у царевича и бил ее прежде, чем начали звонить у Спаса; Григорий Нагой прибавил, что в колокол начал звонить пономарь, прозвищем Огурец. Константиновской церкви пономарь, вдовый поп Федот Афанасьев, прозвищем Огурец, был потребован к допросу и показал, что сидел дома, когда у Спаса зазвонил сторож Максим Кузнецов, и он, Огурец, от себя с двора побежал в город и, когда прибежал к церкви к Спасу, встретился ему кормового дворца стряпчий, Суббота Протопопов, и велел ему звонить в колокол у Спаса, да ударил его в шею и заставил силою звонить, говоря, что царица Марья приказывает, и все это он говорил перед Григорием Нагим. Григорий Нагой сказал: «Того он не слыхал, что тому попу Федоту велел звонить Суббота Протопопов; а сказывал ему тот же поп Федот, что велел ему звонить Суббота и что прибегал к нему Михайла Битяговский, и он заперся, на колокольню его не пустил». А Суббота Протопопов, поставленный на очную ставку с попом Федотом, сказал: «Как приехал на двор Михайла Нагой и велел ему, Субботе, звонить в колокола для того, чтобы мир сходился, то он и приказал пономарю Огурцу звонить». Таким образом, звон произошел по приказу Нагих, а Нагие показывали, что они сами прибежали на звон; но если они показывали ложно, то как очутились они на дворе у царевича? Кто им дал знать о несчастии? Следователи не обратили на это внимания. Мало того, Огурец объявил, что он сам прибежал на звон, что первый стал звонить у Спаса сторож Максим Кузнецов; но для чего же Субботе нужно было толкать Огурца в шею и заставлять его звонить, когда звон уже был произведен? Куда девался Кузнецов? Как следователи не обратили внимания на эту запутанность и не потребовали к допросу Кузнецова? Далее Константиновской церкви священник Богдан показал, что он в тот день, в субботу, обедал у Михайлы Битяговского: вдруг зазвонили в городе у Спаса в колокол; Битяговский послал своих людей проведать, зачем звонят, и думал, что где-нибудь пожар; посланные возвратились и сказали, что царевича Димитрия не стало; тогда Михайла *тотчас* приехал на двор к царевичу, начал уговаривать посадских людей и был ими убит; а сын Михайлы Битяговского, Данила, был в то время у отца своего на подворье, обедал. Священник показал, что Битяговский дома еще узнал о

смерти царевича и тотчас отправился во дворец; а угличские рассыльщики показали, что Михайла Битяговский, услыхав шум, вошел вместе с сыном в дьячью избу; здесь сытник Моховиков сказал ему, что царевич болен падучею болезнию (еще только!), и Битяговский отправился к царице, а сын его остался в дьячьей избе. Какое же из этих двух показаний справедливо? Если справедливо показание священника Богдана, то Михайле Битяговскому, извещенному, что царевича не стало, не за чем было сначала идти в дьячью избу: он должен был прямо спешить во дворец. Разумеется, для объяснения этого противоречия нужно было спросить сторожа дьячьей избы, Евдокима Михайлова: он должен был знать, был ли Михайла Битяговский в избе, и как попал туда сын его, Данила, как вместе с последними очутился там и Качалов? Но сторожа Евдокима спросить об этом не заблагорассудили. Спрашивали Кирилла Моховикова, который, по объявлению рассыльщиков, первый дал знать Битяговскому о болезни царевича; и Моховиков не сказал ни слова о том, давал ли он об этом знать Битяговскому, и объявил только, что когда царевич покололся ножом и начали звонить, то Михайла Битяговский прибежал к двору, к воротам, а ворота были заперты, и он, Моховиков, побежал к Михайле к воротам и ворота отпер; когда Михайла вошел на двор и начал посадских и всяких людей уговаривать, то Моховикова начали бить и забили насмерть, руки и ноги переломали. Но каким образом ворота были заперты, когда толпа народа находилась уже на дворе, когда нарочно велено было звонить, чтоб народ собирался на двор; и за что били Моховикова? На эти обстоятельства следователи не обратили никакого внимания; упустили из виду и слова пономаря Огурца, что Михайла Битяговский прибегал к нему на колокольню, но что он заперся.

После всего этого не должны ли мы заключить, что следствие было произведено недобросовестно? Не ясно ли видно, как спешили собрать побольше свидетельств о том, что царевич зарезался сам в припадке падучей болезни, не обращая внимания на противоречия и на укрытие главных обстоятельств. Нагие пострадали за то, что наустили народ убить Битяговских, Волохова и Качалова; угличане пострадали за то, что поверили Нагим; но ни один из Нагих не был свидетелем несчастия: кто же первый произнес имена убийц? Царица Марья, как выходит из показания Василисы Волоховой? Но царица сама не была свидетельницею несчастия; следовательно, она или выдумала и то, что царевича убили, и то, кто именно убил, или услыхала об этом от кого-нибудь из очевидцев. Положим, что выдумала, но странно, почему она назвала именно троих людей: Данилу Битяговского, Никиту Качалова и Осипа Волохова? Почему она не назвала Михайлу Битяговского, главного врага ее братьев и ее самой? Митрополит Геласий, возвратясь в Москву, говорил на духовном соборе: «Ца-

рица Марья, призвав меня к себе, говорила, что убийство Михайлы Битяговского с сыном и жильцов дело грешное, виноватое, просила меня донести ее челобитье до государя, чтоб государь тем бедным червям, Михайлу Нагому с братьями, в их вине милость показал». Положим, что царица точно говорила Геласию таким образом, но из ее слов еще вовсе нельзя заключить, что она признавалась в собственной вине; поступок Нагих она называет грешным и виноватым; он и точно был таков, потому что Битяговские и товарищи его были убиты без суда, беззаконным образом. Любопытно также, что ни постельница, ни кормилица, ни дети не подтвердили показания мамки, что царица первая назвала имена убийц. Летописное сказание благосклонно отзывается о кормилице Ирине Ждановой: эта Жданова, подобно мамке и постельнице, показала, что царевич закололся в припадке черной болезни, однако ее, вместе с мужем, вытребовали после в Москву.

Несмотря на всю неудовлетворительность показаний, содержащихся в следственном деле, патриарх Иов удовлетворился ими и объявил на соборе: «Перед государем Михайлы и Григория Нагих и углицких посадских людей измена явная: царевичу Димитрию смерть учинилась божиим судом; а Михайла Нагой государевых приказных людей, дьяка Михайлу Битяговского с сыном, Никиту Качалова и других дворян, жильцов и посадских людей, которые стояли за правду, велел побить напрасно, за то, что Михайла Битяговский с Михайлом Нагим часто бранился за государя, зачем он, Нагой, держал у себя ведуна, Андрюшу Мочалова, и много других ведунов. За такое великое изменное дело Михайла Нагой с братьею и мужики угличане, по своим винам, дошли до всякого наказанья. Но это дело земское, градское, то ведает бог да государь, все в его царской руке, и казнь, и опала, и милость, о том государю как бог известит; а наша должность молить бога о государе, государыне, о их многолетнем здравии и о тишине междоусобной брани».

Собор обвинил Нагих; но в народе винили Бориса, а народ памятлив и любит с событием, особенно его поразившим, соединять и все другие важные события. Легко понять впечатление, какое должна была произвести смерть Димитрия: и прежде гибли удельные в темницах, но против них было обвинение в крамолах, они наказывались государем; теперь же погиб ребенок невинный, погиб не в усобице, не за вину отца, не по приказу государеву, погиб от подданного. Скоро, в июне месяце, сделался страшный пожар в Москве, выгорел весь Белый город. Годунов расточил милости и льготы погоревшим: но понеслись слухи, что он нарочно велел зажечь Москву, дабы милостями привязать к себе ее жителей и заставить их забыть о Димитрии или, как говорили другие, дабы заставить паря, бывшего у Троицы, возвратиться в Москву, а не ехать в Углич для розыска; народ думал, что царь не

оставит такого великого дела без личного исследования, народ ждал правды. Слух был так силен, что Годунов почел нужным опровергнуть его в Литве чрез посланника Исленьева, который получил наказ: «Станут спрашивать про пожары московские, то говорить: мне в то время не случилось быть в Москве; своровали мужики воры, люди Нагих, Афанасья с братьею: это на Москве сыскано. Если же кто молвит, что есть слухи, будто зажигали люди Годуновых, то отвечать: это какой-нибудь вор бездельник сказывал; лихому человеку воля затевать. Годуновы бояре именитые, великие». Пришел хан Казы-Гирей под Москву, и по Украйне понесся слух, что подвел его Борис Годунов, боясь земли за убийство царевича Дмитрия; ходил этот слух между простыми людьми; алексинский сын боярский донес на своего крестьянина; крестьянина взяли и пытали в Москве; он оговорил многое множество людей; послали сыскивать по городам, много людей перехватали и пытали, кровь неповинную проливали, много людей с пыток померло, иных казнили и языки резали, иных по темницам поморили, и много мест от того запустело [132].

Через год после углицкого происшествия у царя родилась дочь Феодосия, но в следующем году ребенок умер; Феодор был долго печален, и в Москве был плач большой; к Ирине патриарх Иов писал утешительное послание, говорил, что она может помочь горю не слезами, не бесполезным изнурением тела, но молитвою, упованием, по вере даст бог чадородие, и приводил в пример св. Анну. В Москве плакали и говорили, что царскую дочь уморил Борис [133].

Через пять лет по смерти дочери, в самом конце 1597 года, царь Феодор занемог смертельною болезнию и 7 января 1598 года, в час утра, скончался. Мужеское племя Калиты пресеклось; оставалась одна женщина, дочь несчастного двоюродного брата Иоаннова, Владимира Андреевича, вдова титулярного ливонского короля Магнуса, Марфа (Марья) Владимировна, возвратившаяся по смерти мужа в Россию, но и она была мертва для света, была монахинею; пострижение ее, говорят, было невольное; у ней была дочь Евдокия; но и та умерла еще в детстве, говорят, также смертию неестественною. Оставался еще человек, который не только носил название царя и великого князя, но и действительно царствовал одно время в Москве по воле Грозного, крещеный касимовский хан, Симеон Бекбулатович. В начале царствования Феодора он еще упоминается в разрядах под именем царя тверского и первенствует пред боярами; но потом летопись говорит, что его свели в село Кушалино, дворовых людей было у него не много, жил он в скудости; наконец он ослеп, и в этом несчастии летопись прямо обвиняет Годунова. Не пощадили Годунова и от обвинения в смерти самого царя Феодора.

ПРИМЕЧАНИЯ
К ТОМУ СЕДЬМОМУ[1]

[1] Дела шведские, № 3, стр. 37 [2].

[2] Древн. Росс. Вивлиоф. 13 [3]; История России V, 138 [4].

[3] С. г. г. и д. I, № 168 [5].

[4] Никон. VII, 214 [6]; Летоп. рукопис. Синодал. библ. № 486 [7]; Карамз. VIII, примеч. 587 [8]; Допол. к акт. истор. I, № 55 [9].

[5] Александро-Невск. летоп. под означ. годом [10].

[6] А после стола царь и в. князь пировал. Дела крымские, № 10, стр. 379 [11].

[7] Дела польск. № 14, стр. 134 [12]; Времен. Москв. Истор. Общ. № 7 [13].

[8] С. г. г. и д. I, № 163 [14]; от твоих князей, или от твоих бояр; А. арх. экси. I, № 187; «от в. князя в Белозерскій уезд, князем и детем боярским» [15].

[9] С. г. г. и д. II, № 35 [16].

[10] Древн. Росс. Вивлиоф. XIII, 58 [17].

[11] Дополн. к акт. истор. I, № 39 [18].

[12] Том VI, стр. 36 [19].

[13] Дела польск., № 7, стр. 985 [20].

[14] ТЖ. № 9, стр. 99 [20].

[15] ТЖ. № 10, стр. 280 и 281 [20].

[16] ТЖ. № 14, стр. 140 [20].

[17] ТЖ. № 4, год 1552; № 6, стр. 21; № 7, стр. 21, 985 [20]; Английские дела,

[1] Исправление мелких неточностей у С. М. Соловьева в страницах цитируемых изданий и рукописей специально не оговаривается.

[2] ЦГАДА, ф. 96. Сношения России со Швецией. Кн. 3, л. 37. См. также: Сб. РИО. Т. 129. СПб., 1910. С. 243.

[3] ДРВ. Изд. 2. Ч. XIII. М., 1790. С. 29—35, 85—97, 103—116.

[4] *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. III. М., 1989. С. 102.

[5] СГГД. Ч. 1. М., 1813. № 168. С. 462—464.

[6] Русская летопись по Никонову списку. Ч. 6. СПб., 1791. С. 214. См. также: ПСРЛ. Т. XIII. 1-я половина. СПб., 1904. С. 239.

[7] ГИМ. Синод. собр. № 486, л. 278 об.— 279.

[8] *Карамзин Н. М.* История государства Российского/Изд. И. Эйнерлинга. Кн. II. Т. VIII. СПб., 1842. Примеч. 587. Стб. 79—82.

[9] ДАИ. Т. I. СПб., 1846. № 55. С. 119—120.

[10] Александро-Невская летопись // ГПБ. ОР. СПб. ДА. № 298, л. 116. См. также: Отрывок из летописи о временах царя Ивана Васильевича Грозного // РИБ. Т. III. СПб., 1876. Стб. 274.

[11] ЦГАДА, ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 10, л. 379.

[12] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 14, л. 134 об.

[13] Временник МОИДР. Кн. 7. М., 1850. Отд. III. С. 1—46.

[14] СГГД. Ч. 1. № 163. С. 451—452.

[15] ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 187. С. 163.

[16] СГГД. Ч. 2. М., 1819. № 38. С. 46—47.

[17] ДРВ. Ч. XIII. С. 58.

[18] ДАИ. Т. I. № 39. С. 42—43.

[19] *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. III. С. 407.

[20] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 7, л. 1064; Кн. 9, л. 101; Кн. 10, л. 280—281 об.; Кн. 14, л. 140 об.; Кн. 4, л. 214; Кн. 6, л. 21 об.; Кн. 7, л. 21, 985. См. также: Сб. РИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 556, 73, 666, 8; Т. 59. СПб., 1887. С. 358

№ 1, стр. 219 [21]; Акты арх. эксп. I, № 207 [22]; Акты историч. I, № 180 [23]; Дела ногайские, № 5, стр. 134 [24].

[18] П. С. Р. Л. III, 255 [25]; Дела польск., № 7, стр. 506 [26].

[19] Дела польск., № 4, год 1552, 1555; № 7; № 10, стр. 204 [27].

[20] Акты историч. I, № 154 [28]; С. г. г. и д. I, № 170 [29]; Акты арх. эксп. I, № 304 [30]; Акты юрид. № 22 [31].

[21] Дела крымские, № 8, стр. 114 [32]; Польск., № 7, стр. 985; № 12, стр. 5; № 13, стр. 548 [33].

[22] С. г. г. и д. II, № 38 [34].

[23] Синбирский Сборник, Введение к Разрядной [35].

[24] Никон. VII, 258 [36].

[25] Акты арх. эксп. I, № 218, 225 [37]; Временн. Моск. Общ. кн. 20 [38]; Дополн. к акт. истор. I, № 47, 52, 100, 124, 69, 68, 72, 73, 90, 125, 107, 80, 68, 70, 90 [39]; Акты арх. эксп. I, № 205, 314 [37]; П. С. Р. Л. IV, 300, 309, 312, 314, 318 [40]; Чтения Москов. Истор. Общ. № 4, 1846 г.: О сторожев. службе, примеч. 7 [41].

[26] История России V, 216 [42].

[27] См. статью Беляева: О сторожевой, станичной и полевой службе, в Чтениях Москов. Истор. Общ. № 4, 1846 г.[43]

[28] Акты Западной Росс. III, № 4, 11, 38, 64 [44].

[29] Метрика Литовская, I, стр. 20, 22, 26, 30 [45]; Дела крымск., № 12, стр. 188; № 15, вестовой список Ржевского 1576 года [46]. L. Goreeii — Desc-

[21] ЦГАДА, ф. 35. Сношения России с Англией. Кн. 1, л. 220. См. также: Сб. РИО. Т. 38. СПб., 1883. С. 126.

[22] ААЭ. Т. I. № 218. С. 207.

[23] АИ. Т. I. СПб., 1841. № 180. С. 341—343.

[24] ЦГАДА, ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Кн. 5, л. 133 об.

[25] ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841. С. 255. См. также: Новгородские летописи/Изд. Археографической комиссии. Т. I. СПб., 1879. С. 338—339.

[26] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 7, л. 505 об. См. также: Сб. РИО. Т. 71. С. 298.

[27] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 4, л. 226, 230; Кн. 7, л. 11—11 об.; Кн. 10, л. 204. См. также: Сб. РИО. Т. 59. С. 362, 364; Т. 71. С. 74.

[28] АИ. Т. I. № 154. С. 268—270. См. также: Сводный судебник // Памятники русского права. Вып. IV. М., 1956. С. 529—531.

[29] СГГД. Ч. 1. № 170. С. 468—469.

[30] ААЭ. Т. I. № 304. С. 368—369.

[31] АЮ. СПб., 1838. № 22. С. 49—53.

[32] ЦГАДА, ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 8, л. 114.

[33] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 7, л. 983 об.; Кн. 12, л. 5—5 об.; Кн. 13, л. 548. См. также: Сб. РИО. Т. 71. С. 522.

[34] СГГД. Ч. 2. № 38. С. 46—47.

[35] Разрядная книга от 1559 до 1604 г. // Синбирский сборник. Т. I. М., 1844. Введение. С. 51—54.

[36] Русская летопись по Никонову списку. Ч. 7. С. 258—262. См. также: ПСРЛ. Т. XIII. 1-я половина. С. 267—269.

[37] ААЭ. Т. I. № 218. С. 207—208; № 225. С. 216—217; № 205. С. 184—195; № 314. С. 377.

[38] Временник МОИДР. Кн. 20. М., 1854. Отд. III. С. 41—55.

[39] ДАИ. Т. I. № 47. С. 65—66; № 52. С. 85—118; № 100. С. 150; № 124. С. 180—181; № 68—69. С. 127—128; № 72—73. С. 131—132; № 90. С. 141—143; № 125. С. 181—182; № 107. С. 154—155; № 80. С. 135—136; № 70. С. 128—131.

[40] ПСРЛ. Т. IV. СПб., 1848. С. 300, 309, 312—314. См. также: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 107; Вып. 2. М., 1955. С. 288, 235, 240, 243—244, 261—262.

[41] *Беляев И.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украйне Московского государства до царя Алексея Михайловича // Чтения ОИДР. Кн. 4. М., 1846. Отд. I. Примеч. 7. С. 1.

[42] *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. III. С. 155—156.

[43] *Беляев И.* О сторожевой, станичной и полевой службе... С. 11—30.

[44] АЗР. Т. III. СПб., 1848. № 4. С. 11; № 11. С. 38; № 38. С. 138—139; № 64. С. 187—188.

[45] Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда Августа (1545—1572 гг.) (далее: Метрика Литовская). Ч. I. М., 1843. С. 20, 22, 26, 30.

[46] ЦГАДА, ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 12, л. 188; Кн. 15, л. 26—27 об.

riptio belli Jyoniae ap. Pestorium polon, histor. corpus, t. III [47]; Solicovii Commentarius [48]; Septentrionalische Historien (Pamiętniki Miller. do pan. St. Bat.), стр. 12 [49].

[30] Дополн. к акт. историч. I, № 89 [50]; Акты арх. эксп. I, № 233[51]; Дополн. к акт. истор. I, № 78 [50]; Акты юридич. № 209, 168—172 [52]; Дополн. к акт. истор. I, № 84, 85, 93 [50].

[31] История России V, 201 [53].

[32][54] Акты арх. эксп. I, № 230, 263, 282, 298 [55]; Дополн. к акт. истор. I, № 95, 116 [56]; Акты арх. эксп. I, № 223 [55]. Дополн. к акт. истор. I, № 45 [56]; Акты Запад. России, III, № 19 [57]; Акты изд. Киев. Комисс. т. II, устав о волоках [58].

[33] Акты арх. эксп. I, № 234, 243, 250 [59]; С. г. г. и д. II, № 46 [60]; История России VI, 425 [60]; Дополн. к акт. истор. I, № 76, 79, 127, 103 [62]; П. С. Р. Л. IV, 299 [63]; Дополн. к акт. истор. I, № 76 и след.; № 52 и след.[62]; П. С. Р. Л. III, 153 [63]; Дополн. к акт. истор. I, № 86, 146 [62]; Акты юридич. № 289, 229[64]; Акты арх. эксп. I, № 184, 210 [59]; П. С. Р. Л. III. 152, 160, 164, 174, 156, 158, 164, 169 [63].

[34] Акты арх. эксп. I, № 243, 250, 240 [65]; Акты истор. I, № 165 [66]; Акты арх. эксп. I, № 256 [65]; Акты истор. I, № 175 [66]; Акты юридич. № 46 [67]; Акты истор. № 153 [66]; Акты арх. эксп. I, № 234 [65]; Дополн. к акт. истор. I, № 51, 56 [68]; Акты юридич. № 46, 176—182 [67]; Акты истор. № 134, 153 [66]; Акты арх. эксп. I, № 237 [69]; Акты юрид. № 21, 22, 228 [70]; Акты арх. эксп. I, № 200 [69]; С. г. г. и д. II, № 49 [71].

[35] Акты истор. I, № 193 [72]; Акты арх. эксп. I, № 261 [73]; Акты истор. I,

[47] *Gorecii L.* Descriptio belli Ivoniae... // Polonicae Historiae corpus... T. III. Basileae (Basel), 1582. P. 94.

[48] *Solikovii J. D.* Commentarius brevis rerum Polonicarum Dantisci. Gdańsk, 1647. P. 104—110.

[49] *Müller L.* Septentrionalische Historien oder warhaffte Beschreibung der... Polnischen, Lifflandischen, Moscowiterischen, Schwedischen und andern Geschichten... Amberg, 1595. S. 12.

[50] ДАИ. Т. I. № 89. С. 141; № 78. С. 134—135; № 84—85. С. 137—139; № 93. С. 144—146.

[51] ААЭ. Т. I. № 233. С. 230—231.

[52] АЮ. № 209. С. 219—222; № 168—172. С. 190—192.

[53] *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. III. С. 145—146.

[54] В издании 1879 г. данная сноска в тексте пропущена, а в издании «Общественная польза» поставлена неверно.

[55] ААЭ. Т. I. № 230. С. 222—226; № 263. С. 291—297; № 282. С. 320—328; № 298. С. 361—363; № 223. С. 212—213.

[56] ДАИ. Т. I. № 95. С. 147—148; № 116. С. 163—181; № 45. С. 62—63.

[57] АЗР. Т. III. № 19. С. 72—95.

[58] «Устав о волоках...» // Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов. Т. 2. Киев, 1846. Отд. II. С. 1—233.

[59] ААЭ. Т. I. № 234. С. 231—239; № 243. С. 264—267; № 250. С. 271—273; № 210. С. 199—200; № 184. С. 158—163 (в данном документе нет сведений, указанных Соловьевым).

[60] СГГД. Ч. 2. № 46. С. 65.

[61] *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. III. С. 668.

[62] ДАИ. Т. I. № 76—112. С. 134—157; № 127. С. 183—184; № 52—76. С. 85—134; № 86. С. 139—140; № 146. С. 249—250.

[63] ПСРЛ. Т. IV. С. 299; Т. III. С. 152—153, 160, 164, 174, 156, 158, 169, 200—201 (последние две страницы Соловьев не указывает, хотя ссылается на отмеченные в них факты). См. также: Псковские летописи. Вып. 1. С. 106; Новгородские летописи. Т. I. С. 76—79, 92—94, 101, 120—121, 85—86, 88—89, 110, 128.

[64] АЮ. № 289. С. 294; № 229. С. 247—251.

[65] ААЭ. Т. I. № 243. С. 264—267; № 250. С. 271—273; № 240. С. 256—257; № 256. С. 279—280; № 234. С. 231—239.

[66] АИ. Т. I. № 165. С. 315—318; № 175. С. 336; № 134. С. 195; № 153. С. 219—251. См. также: Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 97—120.

[67] АЮ. № 46. С. 91—93; № 176—182. С. 195—198.

[68] ДАИ. Т. I. № 51. С. 72—85; № 56. С. 120.

[69] ААЭ. Т. I. № 237. С. 240—241; № 200. С. 178—179.

[70] АЮ. № 21—22. С. 47—53; № 228. С. 244—247.

[71] СГГД. Ч. 2. № 49. С. 68.

[72] АИ. Т. I. № 193. С. 356—359; № 301. С. 546—549.

№ 301 [72]; Акты арх. эксп. I, № 200, 292, 317 [73]; Дополн. к акт. истор. I, № 82, 96, 93 [74]; Акты юридич. № 21 [75]; Дополн. к акт. истор. I, № 202 [74]; Hakluyt's Collection of the early voyages et c. v. I [76]; П. С. Р. Л. III, 153, 164, 161, 168, 158 [77].

[36] Hakluyt's Collection of the early voyages et c. v. I [78]; Начал. торг. и полит. сношен. между Англ. и Россией — Гамеля, в Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, № 2 и 3 [79]; Дела ногайские, № 4, стр. 350 [80]; Дела польские, № 4, стр. 530 [81]; Дела шведские, № 1, стр. 128 [82]; Дела датские, № 1, стр. 251, 333 [83]; Александро-Невская летопись под 7075 годом [84]; Акты арх. эксп. I, № 211 [85]; Дела польские, № 3, стр. 58, 60, 61, 62, 180, 200; № 4, стр. 155, 530 [81]; Дополн. к акт. истор. I, № 61 [86]; Дела шведские № 1, стр. 424 [82]; Акты арх. эксп. I, № 282 [85]; Акты истор. I, № 193 [87]; Акты арх. эксп. I, № 188, 269 [85]; Акты истор. I, № 138 [87]; П. С. Р. Л. III, 155, 169; IV, 308, 317 [88]; Александро-Нев. летоп., год 1566, 1567 [84]; Дела крымские, № 13, стр. 140 [89]; Карамз. IX, прим. 326, 327, 328 [90]; Описс. архива старых дел, стр. 230 [91].

[37] Собр. древ. грам. гор. Вильны и проч. I, № 27, 28, 30, 31, 33, 34, 47, 48, 53, 60, 61, 64 [92]; Акты Зап. Росс. III, № 28, 92, 121; II, 195, 203 [25]; Собр. грам. Впл. и проч. № 44 [92]; Акты Зап. Росс. II, № 200, 202 [93]; Метрика Литов. I, № 27 [94]; Отрывки Михалона Литвина в Архиве истор. юридич. сведений, кн. второй, полов. вторая [95]; Акты пзд. Киев. Комисс. I, отд. II, № 23, т. II, отд. II [96].

[72] ААЭ. Т. I. № 261. С. 287—289; № 200. С. 178—179; № 292. С. 356—357; № 317. С. 379—380.
[73] ДАИ. Т. I. № 82. С. 136; № 96. С. 148; № 93. С. 144—146; № 202. С. 354—355 (документ назван Соловьевым ошибочно, так как относится к концу XV в.).
[74] АЮ. № 21. С. 47—49.
[75] Hakluyt's Collection of the Early Voyages. Travels and Discoveries, of the English Nation. Vol. I. L., 1809.
[76] ПСРЛ. Т. III. С. 153, 164, 161, 168, 158. См. также: Новгородские летописи. Т. I. С. 110, 89.
[77] Hakluyt's Collection of the Early Voyages... Vol. I.
[78] *Гамель.* Начало торговых и политических сношений между Англией и Россией // ЖМНП. № 2. СПб., 1856. Отд. V. С. 57—106; № 3. СПб., 1856. Отд. V. С. 107—134.
[79] ЦГАДА, ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Кн. 4, л. 350 об.
[80] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 4, л. 561, 158; Кн. 3, л. 59 об.—63, 182, 202. См. также: РИО. Т. 59. С. 490, 333, 168—170, 218, 225.
[81] ЦГАДА, ф. 96. Сношения России со Швецией. Кн. 1, л. 128, 424. См. также: Сб. РИО. Т. 129. С. 52.
[82] ЦГАДА, ф. 153. Сношения России с Данией. Кн. 1, л. 251, 333.
[83] ГПБ. ОР. СПб. ДА. № 298, л. 122—123 об., 132. См. также: РИБ. Т. III. С. 282—283, 292.
[84] ААЭ. Т. I. № 211. С. 200—201; № 282. С. 320—328; № 188. С. 165—166; № 269. С. 304—307.
[85] ДАИ. Т. I. № 61. С. 124.
[86] АИ. Т. I. № 193. С. 356—359; № 138. С. 200—201.
[87] ПСРЛ. Т. III. С. 155, 169; Т. IV. С. 308, 317. См. также: Новгородские летописи. Т. I. С. 82, 111; Псковские летописи. Вып. 2. С. 233, 248—249.
[88] ЦГАДА, ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 13, л. 140.
[89] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. III. Т. IX. СПб., 1843. Примеч. 326, 327, 328. Стб. 69—70.
[90] *Иванов П.* Описание Государственного архива старых дел. М., 1850. С. 230.
[91] Собрание древних грамот и актов городов Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Ч. 1. Вильно, 1843. № 27, 28, 30, 31, 33, 34, 47, 48, 53, 60, 61, 64, 44.
[92] АЗР. Т. III. № 28. С. 110—114; № 92. С. 221; № 121. С. 255—259; Т. II. СПб., 1848. № 195. С. 352—354; № 200. С. 362—364; № 202—203. С. 366—368.
[93] Метрика Литовская. Ч. I. № 27. С. 36—39.
[94] Извлечение из сочинения Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» // Архів историко-юридических сведений, относящихся до России/Изд. Н. Калачова. Кн. 2. 2-я половина. М., 1854. Отд. V. С. 27—71.
[95] Памятники, изданные временною комиссиею... Т. 1. Киев, 1848. Отд. II. № 2—3. С. 8—19; Т. 2. Отд. II. С. 1—233.

[38] Акты арх. эксп. № 241 [97]; Рукопис. житие св. Трифона Печенгского [98]; Дополн. к акт. истор. I, № 28, 43 [99]; Акты арх. эксп. I, № 208, 305 [97]; Дополн. к акт. истор. I, № 52, 62 [99]; Акты арх. эксп. I, № 184, 185, 264 [97]; Акты истор. I, № 173 [100]; Акты арх. эксп. № I, 186 [97]; Акты истор. I, № 158[100]; Акты арх. эксп. I, № 229 [97]; Акты истор. I, № 298 [100]; Дополн. к акт. истор. I, № 41 [99]; Стоглав. по рукоп. Имп. Публ. библиот.[101]; Акты арх. эксп. I, № 232[97]; Акты истор. № 154, 155 [100]; Акты арх. эксп. I, № 231 [97]; Акты истор. I, № 212, 204, 190 [100]; Акты арх. эксп. I, № 227, 308 [97]; С. г. г. и д. I, № 200 [102]; Акты арх. эксп. I, № 214, 195, 202, 197 [97]; Акты истор. I, № 189 [100]; Акты юрдич. № 125, 126 [103]; Акты арх. эксп. I, № 191, 246, 221, 258, 208, 307, 189, 198 [97]; Акты истор. I, № 157 [100]; Еп. Макария — История русского раскола, стр. 5 и сл.[104]; Акты арх. эксп. I, № 238, 239 [97]; Никон. лет. VII, 204 [105]; Акты истор. № 161, 296, 300, 297 [100]; П. С. Р. Л. III, 156, 164, 170, 172 [106]; Дела греческ. № 1, 2 [107]; Собор. Грам. Духов. Правосл. Восточ. церкви, изд. кн. Оболенским 1850 г.[108]; Чтения Москов. Истор. Общ. 1847 г., № 3 [109]; Акты Запад. России II, № 193, 197, 198; III, № 32, 137, 140, 20, 21, 71, 80; II, № 67, 68, 212, 219, 231; III, № 2, 43; II, № 174, 205; III, 14, 15; II, № 230; III, № 29, 43, 53, 89, 118, 110, 129, 144, 126, 10, 3, 31 [110]; История России V, 266 [111]; Акты Западн. России III, 138, 139 [110]; Собр. древн. грам. город. Вильны и проч. II, № 17 [112]; Акты Западн. России III, № 109, 131 [110]; Supplem. ad histor. Russ. Monum. № L, LIII—LIX, CLXIX—CLXXVI [113]; Акты, изд.

[97] ААЭ. Т. I. № 241. С. 257—261; № 208. С. 197—198; № 305. С. 370—371; №184. С. 158—163; № 185. С. 163; № 264. С. 297—300; № 186. С. 163; № 229. С. 220—222; № 232. С. 227—230; № 231. С. 226—227; № 227. С. 218—219; № 308. С. 372—373; № 214. С. 204; № 195. С. 174; № 202. С. 181; № 197. С. 176—177; № 191. С. 168; № 246. С. 268—269; № 221. С. 209—211; № 258. С. 283—285; № 268. С. 303—304; № 307. С. 371—372; № 189. С. 166—167; № 198. С. 177—178; № 238. С. 241—249; № 239. С. 249—256.

[98] Житие и чудеса Трифона Печенгского // ГИМ. Муз. собр. № 1460, л. 1—27.

[99] ДАИ. Т. I. № 28. С. 27—30; № 43. С. 57—60; № 52. С. 85—118; № 62. С. 124—125; № 41. С. 55—56.

[100] АИ. Т. I. № 173. С. 331—333; № 158. С. 283—287; № 298. С. 541—544; № 154. С. 251—272; № 155. С. 272—280; № 212. С. 404—405; № 204. С. 372—395; № 190. С. 353; № 189. С. 352—353; № 157. С. 281—283; № 161. С. 296—298; № 296. С. 539; № 300. С. 545—546; № 297. С. 539—540. См. также: Памятники русского права. Вып. IV. С. 482—542.

[101] ГПБ. ОР. Q II. № 47, л. 7—227. См. также: Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. С. 253—379.

[102] СГГД. Ч. 1. № 200. С. 583—587.

[103] АЮ. № 125—126. С. 151—152.

[104] *Епископ Макарий.* История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855. С. 5 и сл.

[105] Русская летопись по Никонову списку. Ч. 7. С. 204. См. также: ПСРЛ. Т. XIII. 1-я половина. С. 232—233.

[106] ПСРЛ. Т. III. С. 156, 164, 170—172. См. также: Новгородские летописи. Т. I. С. 84, 101, 116—118.

[107] ЦГАДА, ф. 52. Сношения России со странами Балканского полуострова и Ближнего Востока (далее: Греческие дела). Кн. 1—2.

[108] Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем, 1561 года/Изд. М. А. Оболенского. М., 1850. С. 1—50.

[109] Чтения ОИДР. Кн. 3. М., 1847. Отд. II. С. 1—30; Отд. III. С. 19—24.

[110] АЗР. Т. II. № 193. С. 349—350; № 197. С. 357—359; № 198. С. 359—361; Т. III. № 32. С. 118—121; № 137. С. 277—278; № 140. С. 281—283; № 20. С. 95; № 21. С. 95—96; № 71. С. 196—197; № 80. С. 208; Т. II. № 67. С. 84—85; № 68. С. 85; № 212. С. 375—377; № 219. С. 382—386; № 231. С. 398—400; Т. III. № 2. С. 1—2; № 43. С. 144—146; Т. II. № 174. С. 221—222; № 205. С. 370—372; Т III. № 14. С. 66—67; № 15. С. 67—68; Т. II. № 230. С. 397—398; Т. III. № 29. С. 114—115; № 43. С. 144—146; № 53. С. 158—159; № 89. С. 218—219; № 118. С. 252—253; № 110. С. 240—241; № 129. С. 268—269; № 144. С. 286—288; № 126. С. 264—267; № 10. С. 22—25; № 3. С. 3; № 31. С. 116—118; № 138. С. 278—280; № 139. С. 280—281; № 109. С. 240; № 131. С. 269—272.

[111] *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. III. С. 190.

[112] Собрание древних грамот и актов... Ч. 2. Вильно, 1843. № 17. С. 40—44.

[113] Supplementum ad Historica Russiae Monumenta... // Дополнения к актам историческим, относящимся к России, собраны в иностранных архивах и библиотеках

Киевск. Комисс. I, отд. II, № 4—9 [114].

[39] Акты истор. I, № 153—155 [115]; Акты арх. эксп. I, № 274 [116]; Акты юридич. № 289 [117]; Акты арх. эксп. № 281, 280 [118].

[40] См. отступную грамоту отчича, где он обязывается не выкупать проданной вотчины, в С. г. г. и д. I, № 173 [119]. Неволин (Ист. Росс. Гражд. Зак. III, 68 [119]), рассуждая о праве выкупа, говорит: «Неопределительность, в какой выкуп родственный является по самым первым об нем известиям, едва ли способна произвесть в нас убеждение о глубокой его древности. Но он может быть тем не менее весьма древен... как те отношения, из которых он мог возникнуть». Далее он отвергает объяснения, что выкуп есть остаток того общего поземельного владения, в котором некогда состояли родственники; он не признает существования у нас общего владения родственников, ибо если в древние времена родственники владели иногда у нас имуществами совокупно, то это ни в каком случае не была единственная форма обладания землями; напротив, подле нее очень легко могла существовать и действительно существовала другая форма отдельного обладания.

Указание, что в древние времена подле совокупного обладания существовала еще форма отдельного обладания, может доказывать только, что первая форма не была исключительною; но тут еще рождается вопрос: которая форма древнее? Неволин (II, 9) [120] в баснословном известии о Кие, Щеке и Хориве предполагает, что три брата живут друг от друга отдельно, на особых местах, особыми хозяйствами; но это предположение ни откуда не следует: три брата могли занять вблизи друг от друга разные места для хозяйственных удобств, но из этого еще нисколько не следует, чтоб они разделились: разве теперь мы не видим, что братья живут в разных местах, в разных домах и, однако, имеют нераздельное имущество? О наделении князей участками нечего говорить, ибо мы знаем, что князья смотрели на эти участки как на временное владение и покидали их для других, стремясь к старшинству по родовой лествице, признавая нераздельность рода и родовой собственности, отчинность всей Русской земли для всех. Но с появлением дружины, по самому характеру ее, необходимо должна была явиться отдельная собственность подле родовой, как вообще с появлением князей и дружин их родовой быт начал ослабевать, но до окончательного его ослабления было еще очень далеко; он уступал не легко, оставлял и оставил видные следы.

«При существовании общего владения,— говорит далее Неволин,— по самому свойству вещи, участник в иске не может отчуждать своей доли без согласия прочих соучастников; отчуждение, им сделанное без согласия с ними, должно иметь своим последствием не право выкупа для прочих соучастников, но недействительность самого отчуждения. Если же соучастникам дано согласие на это отчуждение, то после сего для них не может еще существовать право выкупа».

Мы уже заметили, что с появлением князей и дружин их родовому быту нанесен был удар, он должен был ослабевать; но, как обыкновенно бывает при борьбе двух форм, если старая форма так сильна, что не может быть совершенно уничтожена новою, то между ними происходят, так сказать, сделки, взаимные уступки: к таковым сделкам принадлежит и право выкупа: владелец мог отчудить владение без согласия родичей, но последние удерживали право выкупать отчужденное. Относительно борьбы между старою и

и изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1848. № L. С. 137; № LIII—LIX. С. 140—150; № CLXIX—CLXXVI. С. 460—466.

[114] Памятники, изданные временною комиссиею... Т. 1. Отд. II. № 4—9. С. 21—82.

[115] АИ. Т. I. № 153—155. С. 219—280. См. также: Памятники русского права. Вып. IV. С. 233—261, 482—542; Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. С. 97—120.

[116] ААЭ. Т. I. № 274. С. 311—312; № 281. С. 316—320; № 280. С. 315—316.

[117] АЮ. № 289. С. 294.

[118] СГГД. Ч. 1. № 173. С. 473.

[119] *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. Т. 3. СПб., 1851. С. 68.

[120] *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. Т. 2. СПб., 1851. С. 9.

новою формою и сделок между ними чрезвычайно важно приведенное нами в тексте постановление, что владелец может отчуждать только половину отчины мимо отличей, в противном же случае отчуждение недействительно. То же самое увидим и в литовском законодательстве.

[41] С. г. г. и д. I, № 165 [121]; История России IV, 240 и сл.[122]; Акты юрид. № 23, 137, 259 [123].

[42] Временн. Москов. Истор. Общ., кн. 23 [124].

[43] Дела польск. № 4, год 1556, стр. 530 и след., стр. 56 [125]; Дела швед. № 1, стр. 18 [126]; Дела крымск. № 8, стр. 159 [127]; Акты Зап. Росс. II, № 175 [128]; Литов. метр. 1, № 55 [129]; Дела датские № 1, стр. 375 [130]; Дела польск. № 9, стр. 33, 198, 375 [125]; Дела крымские № 8, стр. 326 [127]; Дела польские № 6, стр. 21 [125].

[44] Акты Зап. Росс. III, № 120 [131]; П. С. Р. Л. IV, 293; VI, 300, 301; III, 200, 157 [132]; Акты арх. эксп. I, № 310 [133]; Дополн. к акт. истор. I, № 102 [134]; Дела польск. № 7, стр. 461 [125]; Дела крымск. № 10, стр. 143; № 11, стр. 126; № 12, стр. 296 [136]; Дела ногайские, № 6, стр. 18 [137]; Архив историко-юридич. свед., кн. II, полов. 2 [138]; П. С. Р. Л. VI, 293 [132]; Дела крымские № 15, стр. 161, 250, 459 [136].

[45] Опис. рукоп. Румянц. музея, стр. 158 [139]; Акты юридич. № 46 [140]; Акты арх. эксп. I, № 187 [141]; Акты юрид. № 45, 270, 271 [140]; Дополн. к акт. истор. № 239 и след.[142]; Дополн. к акт. истор. I, № 41 [142]; Акты арх. эксп. I, № 244 [141]; Акты истор. I, № 154 [23]; Акты арх. эксп. I, № 212, 260, 267, 275, 283, 302, 306 [141]; Дополн. к акт. истор. I, № 129, 221, 32 [142]; Акты арх. эксп. I, № 219 [141]; Акты юридич. № 392—399 [140]; П. С. Р. Л. IV, 303; III, 155, 167, 166, 173 [144]; Акты юридич. № 21, 46 [140]; Дополн. к акт. истор. № 51 [142];

[121] СГГД. Ч. 1. № 165. С. 454—457.
[122] *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. II. М., 1988. С. 594.
[123] АЮ. № 23. С. 53—58; № 137. С. 158; № 259. С. 272—273.
[124] Статут Великого княжества Литовского 1566 года // Временник МОИДР. Кн. 23. М., 1855. Отд. II. С. 1—242.
[125] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 4, л. 58, 561 и сл.; Кн. 9, л. 33, 198, 375; Кн. 6, л. 21 об. См. также: Сб. РИО. Т. 59. С. 291, 490; Т. 71. С. 633, 714, 783, 8.
[126] ЦГАДА, ф. 96. Сношения России со Швецией. Кн. 1, л. 18 об. См. также: Сб. РИО. Т. 129. С. 8.
[127] ЦГАДА, ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 8, л. 159, 326.
[128] АЗР. Т. II. № 175. С. 222—326.
[129] Метрика Литовская. Ч. I. № 55. С. 89—91.
[130] ЦГАДА, ф. 53. Сношения России с Данией. Кн. 1, л. 375.
[131] АЗР. Т. III. № 120. С. 254—255.
[132] ПСРЛ. Т. IV. С. 299—300; Т. VI. СПб., 1853. С. 300—301, 293—294; Т. III. С. 200, 157. См. также: Псковские летописи. Вып. 1. С. 106—107; Новгородские летописи. Т. I. С. 126, 87.
[133] ААЭ. Т. I. № 310. С. 374—375.
[134] ДАИ. Т. I. № 102. С. 151—152.
[135] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 7, л. 461. См. также: Сб. РИО. Т. 71. С. 282.
[136] ЦГАДА, ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 10, л. 143; Кн. 11, л. 126; Кн.12, л. 296; Кн. 15, л. 161, 250 об., 459.
[137] ЦГАДА, ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Кн. 6, л. 18.
[138] Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 2. 2-я половина. Отд. V. С. 20—27.
[139] *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 158.
[140] АЮ. № 46. С. 91—93; № 45. С. 91; № 270—271. С. 281—282; № 392—399. С. 418—423; № 21. С. 47—49; № 85—87. С. 125—129; № 90. С. 130; № 91. С. 130—131; № 114. С. 147.
[141] ААЭ. Т. I. № 187. С. 163—165; № 244. С. 267; № 212. С. 201—202; № 260. С. 286—287; № 267. С. 302—303; № 275. С. 312—313; № 283. С. 328—329; № 302. С. 368; № 306. С. 371; № 219. С. 208.
[142] ДАИ. Т. I. № 239 и сл. С. 41—53; № 41. С. 55—56; № 129. С. 185—186; № 221. С. 366—371; № 32. С. 33—34; № 51. С. 72—85.
[143] АИ. Т. I. № 154. С. 251—272. См. также: Памятники русского права. Вып. IV. С. 482—542.
[144] ПСРЛ. Т. IV. С. 303; Т. III. С. 155, 166—167, 173. См. также: Псковские летописи. Вып. 1. С. 109; Вып. II. С. 229; Новгородские летописи. Т. I. С. 82, 105—107, 119—120.

Акты юридич. № 85, 86, 87, 90, 91, 114 [140]; Акты Западн. России II, № 188 [145].

46 Жизнь кн. А. М. Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849 г.[146]

47 Акты Западн. России III, № 8, 37 [147]; Акты изд. Киев. Комисс. III, отдел. II [148].

48 Дела крымские № 14, стр. 215 [149].

49 Lasicii — De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione [150].

50 См. Pisma historyczne Michata Balińskiego, т. III [151].

51 Карамзин IX. примеч. 166 [152].

52 Fletcher — of the Russe Common Wealth, начало VI-й главы [153].

53 Описание Румянцев. музеума, стр. 557, стр. 242 [154]; на 243 любопытная выходка против осифлян, которые упрекаются в *небытной* ереси: того бо ради люты, бесчеловечны и лукавы зело, и властей и именний желатели, ниже не надеются за все прегрешения ответа дати на суде.

54 Сборник Синодал. библиот. № 850, стр. 534 [155].

55 Указание на время составления книги.

56 По изданию во Временнике Москов. Истор. Общ. № 1 [156].

57 Сборн. Синодал. библиот. № 850 [157].

58 Акты арх. экспед. I, № 289 [158].

59 Таубе и Крузе, стр. 230 [159]; Hakluyt's Collection I, 520 [160].

60 История России VI, стр. 220, 448 [161].

61 Москвитян. 1844 года. № 1 [162].

62 История России VI, стр. 422. 423 [163].

63 О других письменных памятниках Иоаннова времени, в которых мы не нашли ничего особенно замечательного, не упоминаем.

64 Акты истор. т. I, стр. 404 [164]; Опись книг Волоколам. монаст. в Чтениях Москов. Истор. Общ. 1847, № 7 [165]; Описс. Румянц. музея, стр. 127 [166]; Possev. de reb. Moscov. в конце 1 комментария [167].

65 Русск. Истор. Сборн. т. IV, стр. 122 [168]. Сказание известно о воображе-

[145] АЗР. Т. II. № 188. С. 340—341.

[146] Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. Т. 1—2. Киев, 1849.

[147] АЗР. Т. III. № 8. С. 20—21; № 37. С. 137—138.

[148] Акты об устройстве помещичьих имений Юго-Западной России в XVI в. // Памятники, изданные временною комиссиею... Т. 3. Киев, 1852. Отд. II. С. 1—192.

[149] ЦГАДА. ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 14, л. 215.

[150] *Lasicki J.* De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu. Spirae (Speyer), 1582. P. 11—14.

[151] *Baliński Michał.* Pisma historyczne. T. III. Warszawa, 1843. S. 41—43 et al.

[152] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. III. Т. IX. Примеч. 166. Стб. 34—35.

[153] *Fletcher G.* Of the Russe Common Wealth. L., 1591. P. 15. См. также: *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 19.

[154] *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей... С. 557, 242—243.

[155] ГИМ. Синод. собр. № 850, л. 534.

[156] Временник МОИДР. Кн. 1. М., 1849. Отд. II. С. 1—114.

[157] ГИМ. Синод. собр. № 850, л. 20—29.

[158] ААЭ. Т. I. № 289. С. 354—355. См. также: Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 43.

[159] Zar Iwan der Grausame. Sendschreiben an Gotthard Kettler, Herzog zu Kurland und Semgallen, von Iohann Taube und Elert Kruse // Beiträge zur Kenntniß Rußlands und seiner Geschichte. Dorpat, 1816. S. 230. См. также: Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузо // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пгр., 1922. С. 54.

[160] Hakluyt's Collection of the Early Voyages. Vol. I. P. 520.

[161] *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. III. С. 537, 689.

[162] Повесть о волхвовании, написанная для царя Ивана Васильевича Грозного // Москвитянин. Ч. I. № 1. М., 1844. С. 246—249.

[163] *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. III. С. 672—673.

[164] АИ. Т. I. № 212. С. 404.

[165] Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 г. // Чтения ОИДР. Кн. 7. М., 1847. Отд. IV. С. 1—16.

[166] *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей... С. 127.

[167] *Possevino A.* Commentarii di Moscovia et della pace seguita fra lei, e'l regno di Polonia. Mantova (Mantua), 1596. P. 70. См также: *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 39.

[168] Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. Т. IV. Кн. 1. М., 1840. С. 122.

пии книг печатного дела в Сборн. Синод. библ. № 850 [169]. Флетчер, гл. 21 [170]—Hakluyt I, 263 [171].

[66] См. Историю России т. IV, стр. 45, 124; т. V, стр. 208, примеч. 246, стр. 415 [172].

[67] Известный нам англ[ийский] посол Боус пишет, что по смерти Грозного вся власть перешла в руки боярина Никиты Романовича, которого главным советником был дьяк Андрей Щелкалов; Борис же Годунов не имел еще власти до коронации царя.— По малежь времени умре Никита Юрьевич Романовых, и бысть преемник и правитель в его место Борис Федорович Годунов (Летоп. о мятеж., стр. 7 [173]; Хронографы библ. Архива Мин. Ин. Д. № 2 и 14) [174].

[68] Летоп. о мятеж., стр. 5 [175]; Хронографы библ. Арх. Мин. Ин. Д. № 2, 14, 580 [176]; из иностранцев Одерборн [177], Гейденштейн [178] и Горсей [179]; Histor. Russ. Monum. II, № VIII [180].

[69] Летоп. о мятеж. 6 [181].

[70] Одерборн [182], Горсей [183] и Петрей [184].

[71] Летоп. о мятеж. 8 [185].

[72] Так наз. Латухинская Степенн. книга [186].

[73] Сокращенн. Временник до 1691 года, рукоп. Импер. Публич. Библиот., составлен. в Вологде [187]. Histor Russiae Monumenta, II, № 1 [188].

[74] Так можно заключать из Никонов. летоп.[189]: «Молили со слезами, чтоб не мешкали»: но в летоп. о мятеж. просто: «чтоб был» [190].

[75] And all the nobility whatsoever. Карамзин [191] говорит: «Вероятно, люди воинские, приказные и купеческие». Но мы не можем согласиться, чтоб под

[169] ГПМ. Синод. собр. № 850, л. 73—81.
[170] *Fletcher G.* Of the Russe Common Wealth. P. 85 об. См. также: *Флетчер Д.* О государстве Русском. С. 96.
[171] Hakluyt's Collection of the Early Voyages. Vol. I. P. 266.
[172] *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. Кн. II. С. 378, 436; Кн. III. С. 150, 359, 291.
[173] Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев по представлении царя Иоанна Васильевича (далее: Летопись о мятежах). М., 1788. С. 7.
[174] ЦГАДА, ф. 181. РО б-ки Моск. главн. архива Мин. иностр. дел. № 14/15, л. 150 и сл.; № 2 (в документе нет сведений, указанных Соловьевым).
[175] Летопись о мятежах. С. 5.
[176] ЦГАДА, ф. 181. РО б-ки Моск. главн. архива Мин. иностр. дел. № 14/15, л. 150 и сл.; № 580, 1082, л. 723.
[177] *Oderborn P.* Joannis Basilidis Magni Moscoviae ducis vita... Witebergae (Wittenberg), 1585 (в книге нет факта, о котором говорит Соловьев).
[178] *Гейденштейн Р.* Записки о московской войне (1578—1582). СПб., 1889 (в книге нет факта, о котором говорит Соловьев).
[179] Travels of sir Jerome Horsey // Russiae of the Close of the Sixteenth Century/Ed. by Edw. A. Bond. L., 1856. P. 226. См также: *Горсей Д.* Записки о Московии XVI в. СПб., 1909. С. 77.
[180] Historica Russiae Monumenta // Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. II. СПб., 1842. № 8. С. 7.
[181] Летопись о мятежах. С. 5—6.
[182] *Oderborn P.* Joannis Basilidis Magni Moscoviae... (в книге нет факта, о котором говорит Соловьев).
[183] Travels of sir Jerome Horsey. P. 270. См. также: *Горсей Д.* Записки о Московии XVI в. Прил. I. С. 110.
[184] *Petreium Petrum de Erlesunda.* Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow: Lipsiae (Leipzig), 1620. S. 256. См. также: *Петрей П. де Ерлезунда.* История о Великом княжестве Московском. М., 1867. С. 167.
[185] Летопись о мятежах. С. 8.
[186] Латухинская степенная книга // ГПМ. Синод. собр. № 293, л. 384.
[187] ГПБ. ОР. Q IV. № 149, л. 254—255. См. также: Сокращенный временник // Материалы по истории СССР. Т. II. М., 1955. С. 148—149.
[188] Historica Russiae Monumenta. T. 11. N 1. C. 1.
[189] Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. СПб., 1792. С. 5. См. также: ПСРЛ. Т. XIV. 1-я половина. СПб., 1910. С. 35.
[190] Летопись о мятежах. С. 6.
[191] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. III. Т. X. Примеч. 8. Стб. 5.

nobility надобно было разуметь кого-нибудь, кроме дворян, ибо тот же Горсей ясно различает *nobilitie* и *cominaltie* [192].

[76] С.г.г. и д. II, № 51 [193].

[77] Samml. Russisch. Geschichte. V, 36 [194]. Шли обычные в то время слухи, будто правитель был отравлен (Флетчер, гл. 9) [195]. Что эти слухи, как неосновательные, скоро утихли, доказательством служит молчание наших летописцев, которые любили приписывать Годунову преступления всякого рода.

[78] Флетчер в конце 7 главы [196]; Горсей у Гаклюйта I, 529 [197].

[79] Летоп. о мятеж. 9 [198]; Латухин. Степен. кн. [199] и летоп. Морозова [200].

[80] Летоп. о мятеж. стр. 4 [201]; Хронографы [202]; Rer. Russicar. scriptor. exteri I, p. 150 [203]. Петрей рассказывает, что Годунов, уговаривая митрополита не начинать дело о разводе, между прочим, представлял и то, что если у Феодора будут дети, то междоусобие между ними и дядей Димитрием неминуемо [204]. Карамзин (X. прим. 147) [205] говорит: «Это невероятно: Димитрий не имел бы права на корону, если бы Феодор оставил сыновей». Но мы видели ясные доказательства, что преемство сына после отца вовсе не утвердилось, как закон непреложный; мы видели в малолетство Иоанна смуту от удельных, дядей; во время болезни Иоанна многие хотели возвести дядю Владимира Андреевича вместо сына царского Димитрия.— Сборн. Имп. Пуб. Библ. № 17. Повесть како похвти неправдою на Москве царский престол Борис Годунов [206]. Здесь говорится, что Годунов в начале борьбы с Шуйским «не возможе им вскоре зла сотворити ничтоже, но точию сам на себе поношение и укоризну принесе, и учинися вестно про сие всенародного собрания московских людей множеству, яже убо то и Борис умышляет на них, и восхотеша того окаянного московские народи побити камением». Тогда Борис начал хлопотать, как бы помириться с Шуйским. Написано сказание в первое время царствования Шуйского; автор говорит, что он был самовидцем дел самозванца.

[81] Карамзин [207]: Феодор, духом младенец, превосходя старцев в набожности, какую государственную важность мог бы дать сану первосвятительства без руководства Годунова, при митрополите честолюбивом, умном, сладкоречивом? Но Годунов не для того хотел державной власти, чтоб уступить ее монахам: честил духовенство, как и бояр, только знаками уважения, благосклонно слушал митрополита, рассуждал с ним, но действовал независимо, досаждая ему непреклонностью своей воли. Сим объясняется неприязненное расположение Дионисия к Годунову и тесная связь с Шуйскими.

[192] Travels of sir Jerome Horsey. P. 269—270. См также: *Горсей Д.* Записки о Московии XVI в. Прил. 1. С. 109—110.
[193] СГГД. Ч. 2. № 51. С. 72—85.
[194] Versuch einer Neueren Geschichte von Rußland // Sammlung Russischer Geschichte. Bd V. St.-Petersburg, 1760. S. 36.
[195] *Fletcher G.* Of the Russe Common Wealth. P. 27 об. См. также: *Флетчер Д.* О государстве Русском. С. 33.
[196] *Fletcher G.* Of the Russe Common Wealth. P. 21—22. См. также: *Флетчер Д.* О государстве Русском. С. 27.
[197] Hakluyt's Collection of the Early Voyages. Vol. I. P. 528. См. также: *Горсей Д.* Записки о Московии XVI в. Прил. 1. С. 115.
[198] Летопись о мятежах. С. 9—10.
[199] ГИМ. Синод. собр. № 293, л. 388—388 об.
[200] Морозовский летописец // ГПБ. ОР. F IV. № 228, л. 74 об.— 78.
[201] Летопись о мятежах. С. 10—12.
[202] ЦГАДА, ф. 181. РО 6-ки Моск. главн. архива Мин. иностр. дел. № 14/15, л. 151 об.— 152 об.; № 580/1082, л. 719—726.
[203] Rerum rossicarum scriptores exteri (Сказания иностранных писателей о России). T. I. Petropoli, 1851. P. 150.
[204] *Petreium Petrum de Erlesunda.* Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow. S. 259. См. также: *Петрей П. де Ерлезунда.* История о Великом княжестве Московском. С. 169.
[205] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. III. Т. X. Примеч. 147. Стб. 31.
[206] ГПБ. ОР. Q IV. № 17, л. 402—402 об. (цитировано Соловьевым неточно).
[207] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. III. Т. X. Стб. 45.

[82] Флетчер, глава 26 [208]; Морозов. летописец [209]; хронограф Карамзинский № 2, археогр. Комис.[210]; Русск. достопамятн. I, 173 [211].

[83] См. подробности в книге: Pamiętniki do życia i sprawy żborowskich zebral Zegota Pauli [212].

[84] Histor. Russiae Monum. II, № III [213].

[85] ТЖ. № VIII [214].

[86] Zrzódla do dziejow Polskich, pr. Grabowskiego i Przezdzieckiego t. I, p. 62, List Króla Stefana do Stanisl. Tarnowskiego, 1585. Jam a multo tempore crebris rumoribus ad nos perferebatur, archiduces Austriae laborare, ut in locum... minus idonei Moschoviae ducis Maximilianus Romanorum imperatoris frater assumatur. Ipsam etiam Moschov. legationem apud imperatorem fuisse recensent. Gedano nobis significatum est, non modo Austriacam familiam in id incumbere, sed et electorum principum conventum Ratisbonae haberi ad consultandum de modo deducendi Maximilianum in Moschoviam [215].

[87] Дела польскне, № 15—19 [216]; Histor. Russ. Monum. II, № XV и XVI [217]; Памятн. дипломат. спош., стр. 933 [218].

[88] По свидетельству Флетчера [219]. По Разрядам, Хворостинин был вторым воеводою в передовом полку, а первым — князь Катырев-Ростовский.

[89] Zrzódla do dz. Polsk. Grabowsk. t. I. p. 64 [220].

[90] Это тот самый Дедевшин. по измене которого Смоленск был взят Сигизмундом в 1611 году: его еще прежде видим в свите москов[ского] посла кн. Троекурова к Баторию.

[91] Дела польскне. № 20—24 [221]; Дела шведскне № 4—8 [222]; Histor. Russiae Monum. II, № XIX [223].

[92] Памятн. дипломат. спош. т. I и II [224]; Histor. Russiae Monum. II, № XXV [225].

[93] Histor. Russ. Monum. II, № IV, VI, X, XI, XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX [226]; Древн. Росс. Вивлиоф. XII [227].

[94] Our most dear and loving cousin.

[95] Нашу бологодеть.

[96] Дела английскне, № 1 и 2 [228].

[208] *Fletcher G.* Of the Russe Common Wealth. P. 107—110. См. также: *Флетчер Д.* О государстве Русском. С. 119—122.

[209] Морозовский летописец // ГПБ. ОР. F IV. № 228, л. 75 об.

[210] См. Хронографы (карамзинские) // ГПБ. ОР. F IV. № 595, 598, 599, 600. Ссылка на все хронографы карамзинского собрания приводится потому, что нумерация, данная Соловьевым, отсутствует в самих хронографах, не соответствует тем номерам, под которыми они хранятся в Отделе рукописей, и трудно установить, какой хронограф Соловьев имел в виду. Наиболее подробное изложение приведенных Соловьевым фактов дано в хронографе № 595, л. 506 об.— 507.

[211] Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских. Ч. I. М., 1815. С. 173—174.

[212] Pamiętniki do życia i sprawy Samuela i Krysztofa Zborowskich, zebral Żegota Pauli. Lwów, 1846. S. 1—18.

[213] Historica Russiae Monumenta. T. II. N 3. C. 2—3.

[214] Ibid. N 8. C. 7.

[215] Zrzódla do dziejów polskich, wydawane przez M. Grabowskiego i A. Przezdzieckiego. T. I. Wilno, 1843. S. 62—63.

[216] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 15—19.

[217] Historica Russiae Monumenta. T. II. N 15—16. C. 13—23.

[218] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. I. СПб., 1851. Стб. 933.

[219] *Fletcher G.* Of the Russe Common Wealth. P. 56 об. См. также: *Флетчер Д.* О государстве русском. С. 65.

[220] Zrzódla do dziejów polskich, wydawane przez M. Grabowskiego i A. Przezdzieckiego. T. I. S. 64.

[221] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 20—24.

[222] ЦГАДА, ф. 96. Сношения России со Швецией. Кн. 4—8.

[223] Historica Russiae Monumenta. T. II. N 19. C. 25—26.

[224] Памятники дипломатических сношений. Т. I — II. СПб., 1851 — 1852.

[225] Historica Russiae Monumenta. T. II. N 25. C. 32—45.

[226] Ibid. N 4. C. 3—4; N 6. C. 5—6; N 10—11. C. 8—10; N 26—29. C. 45—50.

[227] ДРВ. Ч. XII. М., 1789. С. 449—460.

[228] ЦГАДА, ф. 35. Сношения России с Англией. Кн. 1—2. См. также: Сб. РИО. Т.38.

97 Не крянули.

98 Дела крымские № 16—21 [229]; Летоп. о мятеж., стр. 27 [230]; Разрядная кн. в Синбир. сборн. год 1591 [231].

99 Дела турецкие, № 2 и 3 [232].

100 Дела грузинские, № 1-й в столбцах, год 1596 и 1597 [233]; Летоп. о мятеж., стр. 36 [234]; Акты истор. I, № 227 [235].

101 Дела персидские, № 1—4 [236].

102 [237] С. г. г. и д. II, № 54, 68, 66 [238]; Дополн. к акт. истор. I, № 138 [239]; Летоп. сибирск., изд. 1821 г.[240]; Миллера — Сибирская история [241].

103 С. г. г. и д. I, № 202 [242].

104 Of the Russe Common Wealth, гл. 8 [243]; Акты арх. эксп. I, 326 [244]; Синбир. Сборн. Разрядн. кн., стр. 95 [245].

105 ТЖ. гл. 12 [246].

106 А. арх. эксп. I, № 331, 332, 334, 338, 342, 356, 341, 347 [247]; Дополн. к акт. истор. I, № 134 [248].

107 Дела польские, № 22 [249].

108 Supplement. ad Histor. Russ. Monum. № LXXXVIII—XCIV [250].

109 Дела польские, № 22, стр. 28 [251].

110 Древн. Вивлиоф. XVIII, 15 [252]; Хронографы [253]; Никон. VIII, 30 [254]; Рааряд. кн. Синбир. сбор., стр. 89, 106, 129 [255]. В Латухинской Степенной книге [256] сказано, что Годунов, съездивши в Смоленск для основания там крепости, назвал этот город ожерельем Московского государства: «В то же время болярин князь Ф. М. Трубецкой противу Борисовых речей глагола сице: как в том ожрелье заведутся вши, и их будет и не выжить».

229 ЦГАДА, ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 16—21.
230 *Летопись* о мятежах. С. 27.
231 Синбирский сборник. Т. I. С. 112—119.
232 ЦГАДА, ф. 89. Сношения России с Турцией. Кн. 2—3.
233 ЦГАДА, ф. 110. Сношения России с Грузией. 1596—1597 гг. № 1, л. 1—110.
234 Летопись о мятежах. С. 36.
235 АИ. Т. I. № 227. С. 429—433.
236 ЦГАДА, ф. 77. Сношения России с Персией. Кн. 1—4.
237 В издании 1879 г. в тексте было две сноски под № 103. В издании «Общественная польза» неверно снята сноска 104. В данном издании снята сноска 102, а первая сноска 103 исправлена на 102.
238 СГГД. Ч. 2. № 54. С. 88; № 68. С. 132—134; № 66. С. 130.
239 ДАИ. Т. I. № 138. С. 230—231.
240 Летопись сибирская, содержащая повествование о взятии сибирские земли русскими... СПб., 1821. С. 1—69.
241 *Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел... СПб., 1750. С. 167—202. См. также: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937. С. 249—267.
242 СГГД. Ч. 1. № 202. С. 592—598.

243 *Fletcher G.* Of the Russe Common Wealth. P. 22—24. См. также: *Флетчер Д.* О государстве Русском. С. 27—29.
244 ААЭ. Т. I. № 326. С. 387—388.
245 Синбирский сборник. Т. I. С. 95.
246 *Fletcher G.* Of the Russe Common Wealth. P. 36 об.— 45. См. также: *Флетчер Д.* О государстве Русском. С. 43—48.
247 ААЭ. Т. I. № 331. С. 398—400; № 332. С. 400—402; № 334. С. 402—403; № 338. С. 408—411; № 342. С. 413—415; № 356. С. 431—435; № 341. С. 413; № 347. С. 419—420.
248 ДАИ. Т. I. № 134. С. 213—215.
249 ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 22.
250 Supplementum ad Historica Russiae Monumenta... N LXXXVIII—XCIV. С. 239—250.
251 ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 22, л. 28 об.
252 ДРВ. Ч. XVIII. М., 1791. С. 15.
253 ЦГАДА, ф. 181. РО б-ки Моск. главн. архива Мин. иностр. дел. № 14/15, л. 161 об.; № 580/1082, л. 719—726.
254 Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 30. См. также: ПСРЛ. Т. XIV. 1-я половина. С. 47.
255 Синбирский сборник. Т. 1. С. 89, 106, 129.
256 ГИМ. Синод. собр. № 293, л. 404 об. (цитировано Соловьевым неточно).

[111] Акты истор. I, № 230 [257]. Следов[ательно], права Латухинская степенная книга [258], а не Хронографы, которым последовал Карамзин относительно имени строителя (т. X, примеч. 137) [259].

[112] Акты арх. эксп. I, № 365 [260].

[113] Акты истор. I, № 230 [261].

[114] См. выше, примеч. 27 [262].

[115] Акты истор. I, № 230, 228 [263]; Древняя Вивлиоф. Полевого, ст. 266 [264].

[116] Разрядн. кн. в Сибир. Сборнике [265]; Времен. Моск. Истор. Общ. кн. 14 [266]. Памятн. диплом. сношп. II, 235 [267].

[117] Акты историч. I, № 221 [268]; С. г. г. и д. I, № 202 [269]; Времен. Моск. Истор. Общ. № 13 [270].

[118] Акты арх. эксп. I, № 361, 349 [271].

[119] Акты истор. I, № 221 [272].

[120] Акты арх. эксп. I, № 349 [273].

[121] Акты арх. эксп. I, 358 [274]; Акты историч. I, № 250 [275].

[122] Дела греческ. № 2 [276]; иерусалимскому патриарху и в монастыри послано 900 рублей, да 82 рубля на вечные лампады за здравие царя, царицы и чадородие их; архиепископу Синайской горы 54 рубля; в сербский Вознесенский Милешев монастырь, где мощи Саввы Сербского, 270 рублей; в сербский Благовещенский монастырь, что на реке на Понарати, 120 рублей.

[123] Послано было: 40 сороков соболей, 30 сороков куниц, десятеры цки горностайные, 15 пудов рыбьего зуба; самому патриарху царь послал: омофор сажен жемчугом, чару золотую на святую воду да убрусец сажен жемчугом дробным. Патриарх Иов послал бархат черный да 40 соболей. Годунов послал Иеремии, которого величал великим господином и государем отцом, наставником и спасителем души своей, 40 соболей, от жены ширинку, от сына Федора кубок серебряный позолоченный с крышкою. На строение Пантелеимонова монастыря Афонского послано рухляди на 500 рублей; этому монастырю возобновлена жалованная грамота Грозного, по которой старцы его могли приезжать в Россию для сбора на церковное строение; такая же грамота дана иерусалимскому монастырю Саввы Освященного. В 1593 году посланы Трифон Коробейников да Михайла Огарков с заздравною милостынею в Царь-град, Александрию, Антиохию, Иерусалим и Синайскую гору; послано было с ними 5534 золотых угорских, да три золотых португальских против 30 золотых угорских, да 8 сороков соболей, да цки соболи, цки куньи, сорок куниц, пятеры цки белки хребтовые, черева лисьи, да велено им взять в Царь-граде у Ивана Кашурина за государевы соболи, которые

[257] АИ. Т. I. № 230. С. 436—446 (в документе нет сведений, указанных Соловьевым).
[258] ГИМ. Синод. собр. № 293, л. 390.
[259] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. III. Т. X. Примеч. 137. Стб. 29.
[260] ААЭ. Т. I. № 365. С. 450—452.
[261] АИ. Т. I. № 230. С. 436.
[262] *Беляев И.* О сторожевой, станичной и полевой службе... С. 35—36.
[263] АИ. Т. I. № 230. С. 436—447; № 228. С. 433—434.
[264] Русская вивлиофика, или Собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы/Изд. Н. Полевого. Т. 1. М., 1833. С. 266.
[265] Сибирский сборник. Т. I. С. 91—130.
[266] Временник МОИДР. Кн. 14. М., 1852. Отд. II. С. 1—18.
[267] Памятники дипломатических сношений. Т. II. Стб. 235.
[268] АИ. Т. I. № 221. С. 420—422. См. также: Памятники русского права. Вып. IV. С. 339—540.
[269] СГГД. Ч. 1. № 202. С. 592—598.
[270] Временник МОИДР. Кн. 13. М., 1852. Отд. II. С. 115—184.
[271] ААЭ. Т. I. № 361. С. 442—443; № 349. С. 422—423.
[272] АИ. Т. I. № 221. С. 417—420. См. также: Памятники русского права. Вып. IV. С. 517—521.
[273] ААЭ. Т. I. № 349. С. 422—423.
[274] Там же. № 358. С. 436—439.
[275] АИ. Т. I. № 250. С. 466—467.
[276] ЦГАДА, ф. 52. Греческие дела. Кн. 2, л. 76—79 об. и др.

ему даны на Москве за 300 рублей, 600 золотых угорских.— Дела греческ. № 2 и 3 [277]; С. г. г. и д. II, № 58, 59 [278]; Дополн. к акт. истор. II, № 76 [279]; Arsenii Elassonis — iter in Moscoviam, in — Histor. Ruthen. scriptor. exter. v. II [280]. Лучшая статья об учреждении патриаршества — Зернина, в Архиве Истор. юридич. сведен. изд. Калач [281].

[124] Дела польские, № 21, стр. 82 [282].

[125] Дополн. к акт. истор. I, № 137 [283]; Акты историч. I, № 216 [284]; Акты арх. эксп. I, № 360, 321 [285]; Акты истор. I, № 242, 215, 220 [284]; Акты арх. эксп. I, № 322, 365, 329, 336, 339, 343, 344, 354, 355, 386 [285]; Акты истор. I, № 217, 222, 246, 247 [284]; Дополнен. к акт. историч. I, № 130, 132, 141, 142, 143 [283]; Акты арх. эксп. I, № 364, 330, 351, 357 [285].

[126] Разрядн. кн. в Синбпр. сбор., стр. 97 [286]; Юридич. акты, стр. 82 [287].

[127] Дополн. к акт. истор. I, № 131 [288]; Акты юридич., стр. 383 [289]; Дела греч., № 3, стр. 195 [290]; Памятн. дипл. снош. II, стр. 57 [291]; Морозов. летоп. 75 [292]; Летоп. о мятеж. 19 [293].

[128] Дополн. к акт. истор. I, № 131 [294].

[129] Палицына — Сказание о осаде Троицк. мон., стр. 3 [295].

[130] Там же [296]. Сему же царевичу Димитрию, естеством возрастающу и от ближних си смущаему, за еже не вкупе с братом пребывания, и о сем печалуяся, и часто в детских глумлениях глаголет и действует нелепая, о ближайших брата си, паче же о сем Борисе. И врази суще, и ласкатели великим бедам замышленницы, в десятерицу лжи составляюще, с сими подходят вельмож, паче ж сего Бориса, и от многие смуты ко греху сего низводят, его же, краснейшего юноту, отсылают и нехотяща в вечный покой.

[131] Против этого летописного рассказа существуют в нашей исторической литературе следующие возражения: прежде всего предлагают вопрос: нужна ли была Годунову смерть царевича и видно ли было из прежних его деяний намерение погубить несчастного сироту? Говорят: «Димитрий родился от

[277] ЦГАДА, ф. 52. Греческие дела. Кн. 2—3.
[278] СГГД. Ч. 2. № 58—59. С. 94—102. См. также: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. Прил. С. 477—478.
[279] ДАИ. Т. II. СПб., 1846. № 76. С. 185—221.
[280] *Elassonis Arsenii.* Iter in Moscoviam, ubi et patriarchatus Moscovitici institutio narratur // Historicae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI/Coll. et ed A. de Starczewski. Vol. II. Berolini, 1842. P. 369—384. См. также: *Дмитриевский А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. С. 77—103.
[281] *Зернин А. П.* Учреждение в России патриаршества // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 2. 1-я половина. М., 1855. Отд. I. С. 3—34.
[282] ЦГАДА. ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 21, л. 82 — 82 об.
[283] ДАИ. Т. I. № 137. С. 229—230; № 130. С. 187—189; № 132. С. 211—212; № 141—143. С. 233—237.
[284] АИ. Т. I. № 216. С. 410—411; № 242. С. 458—460; № 215. С. 408—410; № 220. С. 416—417; № 217. С. 411—414; № 222. С. 422—423; № 246. С. 462—463; № 247. С. 463—464.
[285] ААЭ. Т. I. № 360. С. 439—442; № 321. С. 382; № 322. С. 382—383; № 365. С. 450—452; № 329. С. 390—391; № 336. С. 405—407; № 339. С. 411—412; № 343. С. 415—417; № 344. С. 417—418; № 354. С. 428—429; № 355. С. 429—431; № 386. С. 490—491; № 364. С. 448—450; № 330. С. 391—398; № 351. С. 425; № 357. С. 435—436.
[286] Синбирский сборник. Т. I. С. 97.
[287] АЮ. № 32. С. 82—83.
[288] ДАИ. Т. I. № 131. С. 189—211.
[289] АЮ. № 358. С. 383—384.
[290] ЦГАДА, ф. 52. Греческие дела. Кн. 3, л. 197 об.
[291] Памятники дипломатических сношений. Т. II. Стб. 57.
[292] ГПБ. ОР. F IV. № 228, л. 75 об.
[293] Летопись о мятежах. С. 18—19.
[294] ДАИ. Т. I. № 131. С. 189—211.
[295] *Палицын Аврамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах. М., 1822. С. 3. См. также: Сказание Авраамия Палицына. М., 1955. С. 101.
[296] *Палицын Аврамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 3. См. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 101—102.

седьмого брака Иоаннова, и по тогдашним понятиям едва ли имел право на престол, по крайней мере неоспоримое». На это мы должны заметить, что Димитрий назывался царевичем, все государство признавало его таким, начиная от царя-брата; имя его поминалось в церкви на ектениях, он имел удел, двор; его выставляли не только законным наследником, но даже соперником старшего брата; наконец самое удаление его из Москвы показывает, как он казался опасен.

Говорят: «Митрополит Дионисий, Шуйский и другие заговорщики в заговоре против Годунова, условились ударить челом царю, чтоб он развелся с неплодною супругою и взял другую, дабы иметь наследников: следовательно, они не почитали Димитрия наследником». Но здесь надобно прежде всего обратить внимание на цель заговора: Шуйским нужно было каким бы то ни было средством удалить Годунова от царя, и единственным к тому средством был развод Феодора с сестрою Годунова. Великий князь Василий Иванович развелся с женою и вступил в новый брак для того, чтоб иметь наследника: неужели отсюда можно заключить, что родные и единоутробные братья великого князя, Юрий и Андрей, не имели права наследовать ему на московском престоле?

Далее возражают: «Борис не велел молиться о Димитрии и поминать его имени на литургии, мысля тем объявить царевича незаконнорожденным; зачем было прибегать Борису к этой лишней мере, если он задумал убийство,— мере, которая ясно обнаруживала неприязнь его к Димитрию, навлекала на него неудовольствие в настоящем времени и оправдывала будущее сильное подозрение в предполагаемом убийстве?» Отвечаем: этот поступок свидетельствует только, что Годунов с товарищами шли постепенно в своих мерах против Димитрия, и испытанная недостаточность одной меры заставляла прибегать к другой, сильнейшей.

Говорят: «Задумав убийство, как Борис не удалил из Углича Нагих, своих злоумышленников, как не избавился от кормилицы, будто бы преданной царице?» На это легко отвечать, что подобная мера была опасна, ибо возбуждала сильное подозрение. Также легко отвечать и на следующее возражение: «Не слишком ли рано, говорят, в 1591 году думать было Борису о престоле, когда Феодору было еще только 34 года, когда он мог иметь еще детей, что и действительно случилось, когда он мог вступить в новый брак, после естественной смерти супруги?» Но зачем же предполагать, что Годунов думал о престоле? Он с товарищами считал крайне опасным дождаться, пока царевич возрастет и захочет привести в исполнение те угрозы, которые, по словам доносчиков, уже привыкал произносить детский язык его. Феодор *мог* иметь детей, *мог* пережить жену и жениться в другой раз, но бесконечно *возможнее* было, что он не будет иметь детей и что хворый муж не переживет здоровой жены.

Наконец говорят: «Неужели Борис, располагавший духовенством, с сильною стороною между боярами, привлекший к себе народ благодеяниями, умевший устроить дела так, что вся Россия по смерти Феодоровой несколько дней на коленях просила его, мимо многих потомков Рюрика, о принятии венца и молила со слезами бога о внушении ему сей мысли,— неужели Борис мог бояться совместничества с семилетним или четырнадцатилетним отроком, без подпоры в церкви, дворянстве, гражданах, без положительного права? Неужели он не мог предвидеть, что сей несчастный сирота был бы непременно отвержен народом вслед за приверженцами правителя, если бы слуга Борисов, патриарх Иов, по решению собора и патриархов александрийского, антиохийского, константинопольского и иерусалимского, торжественно объявил народу с Лобного места, что сын от седьмого брака не имеет права на престол?» Положим, что Борис располагал духовенством, имел сильную сторону между боярами, привлек народ благодеяниями; но мы не можем согласиться, чтобы вся Россия стала на коленях предлагать престол боярину при жизни царевича. Нам не нужно много распространяться об этом предме-

те: стоит только вспомнить о появлении Лжедимитрия и об его успехе. Против этого возражают: «Лжедимитрий явился при других обстоятельствах: за него была мнимая невинность, чудесное спасение, смерть Бориса. Тогда уже не думали о седьмом браке, а видели только сына Иоаннова, единственного наследника, и кто был ему соперником? Юный Феодор среди московских бояр, которые не любили Бориса». Но если за Лжедимитрия была мнимая невинность, чудесное спасение, смерть Бориса, то против него было самозванство, в котором уверял народ патриарх Иов, проклявший еретика; если не поверили Иову в этом случае, то основательно ли предполагать, чтобы положились на его решение, когда бы он вздумал объявить, что царевич, как незаконнорожденный, не имел права на престол. Борис сам хорошо знал, что объявление Димитрия незаконнорожденным произведет самое пагубное влияние на умы русского народа, питавшего сильную привязанность к царскому дому и привыкшего считать Димитрия царевичем: вот почему Борис в сношениях с Польским двором упоминал о незаконности Димитрия, но не смел упомянуть о ней в грамотах к своему народу. Но положим даже, что какими бы то ни было средствами Годунову удалось бы захватить престол московский мимо Димитрия, то неужели он мог думать, что последний позволил бы ему спокойно владеть престолом? Неужели Борис мог предполагать, что Димитрий в борьбе с ним не найдет ревностных помощников, тогда как находили их все прежние удельные князья, воевавшие с великими князьями и при меньших правах, чем какие имел Димитрий над Борисом? Мог ли Борис не бояться совместничества царевича, сына Иоаннова, единственной отрасли царского корня, когда он боялся совместничества крещеного татарина Семена Бекбулатовича?

Теперь рассмотрим возражения, направленные против подробностей сказания об убиении царевича. Сказание говорит, что Борис советовался с родственниками и ближними людьми о средствах отделаться от царевича, ибо отравление не удавалось. «Как! возражают: Борис почел за нужное советоваться! Какой обыкновенный убийца (не говорю уже правитель, будущий царь, мнимый лицемер) осмеливается объявлять многим лицам о будущем своем преступлении и таким образом вручать им судьбу свою? Этот опытный знаток людей открывается опять двум человекам (двадцатым?), которые отказываются исполнить его поручение и предаются гонению (даже и не смерти?)! Мог ли Борис гнать этих людей (Загрязского и Чепчугова) и питать их нерасположение к себе, во всяком случае опасное! Он верно убил бы их или наградил без меры. Наконец отправляется в Углич Битяговский, представленный Клешниным, с сыном и Качаловым, удостоенные также совершенной доверенности Годунова... Не слишком ли уже дешева эта доверенность Борисова?» Отвечаем: обыкновенный убийца мог обойтись без соучастников и советников, но не мог обойтись без них правитель Годунов: не самому же ему было ехать в Углич для совершения преступления! И благоразумно ли было Годунову самому непосредственно сноситься с убийцами? Ясно, что он должен был, для отклонения всякого подозрения, действовать чрез поверенного, каким является Клешнин. Палицын говорит, что были люди, которые, выставляя беспрестанно опасность, грозившую со стороны Димитрия, склонили Бориса ко греху; сказание выставляет также советников, которым Годунов не объявляет в первый раз о своем замысле, но извещает об его неудаче, из чего ясно, что советники эти изначала были участниками дела. Из сказания хорошо видно, как сам Борис действовал нерешительно, вяло, как главную роль играл Клешнин, и вот Палицын, которому не для чего было уменьшать преступление Бориса, обвиняет больше советников его. Хотят, чтоб Борис убил Загрязского и Чепчугова, но это легко теперь сказать, а не легко было тогда сделать. Борис старался приобрести привязанность народа милостями, а не казнями, и вот его заставляют убивать двух людей — без вины! Или заставляют награждать их через меру, для возбуждения подозрений в других, для обнаружения своей боязни перед самими награжден-

ными! Говорят: «Борис не умел *растолковать* убийцам, чтоб они сделали свое дело как можно тише, осторожнее, по крайней мере не днем, не при свидетелях, всего менее при кормилице, преданной Нагим?» Легко было Годунову растолковывать все это убийцам, но трудно было им исполнить его наказ; трудно им было забраться ночью в спальню царевича (по всем вероятностям, он спал в одной комнате с матерью); днем они убили его только при трех женщинах, а чтоб забраться к нему в спальню ночью, должны были подгонаривать сторожей, постельниц и т. д., следовательно, иметь гораздо более трех свидетелей? Напротив, время, выбранное убийцами, было самое удобное: все разошлись обедать, надобно было колоколом поднимать их из домов. Но положим даже, что убийцам удалось бы умертвить царевича ночью, но как бы они сами и те, в пользу которых они действовали, объяснили это дело? Днем Димитрий мог играть ножом в тычку и наколоться им в припадке падучей болезни, но неужели можно было сказать, что царевич ночью играл в тычку, что с ним на постель клали нож?

Говорят, что против Годунова рассеяно в летописях много нелепых обвинений, из которых нельзя ли заключить, хотя по аналогии, что и первое преступление, убиение Димитрия, приписывалось ему от предубеждения? На это заметим, что всякому знаменитому историческому лицу приписывается обыкновенно лишнее как в хорошем, так и в дурном отношении, но из этого лишка мы не заключаем, что известное историческое лицо не сделало ничего хорошего или ничего дурного. Вспомним только о Наполеоне! В нашей истории Курбский обвиняет Иоанна III в смерти сына, в заключении брата и внука; мы знаем, что первое нелепость, а второе справедливо. Лишние злодейства накинуты на память Грозного: из этого следует ли заключать, что он во всю жизнь не пролил капли крови? (Все эти рассмотренные возражения предложены г. Погодиным в статье: «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия» [297].) О Петре Нагом и о ссыльной старице см. Акты истор. I, № 225 [298].

Было представлено несколько возражений против нашего взгляда на оба известия о смерти царевича Димитрия (Сочинения К. С. Аксакова, стр. 241 и след.) [299].

Говорят: «Мы встречаем положительную неверность в летописном сказании. В нем говорится, что угличане показали о убиении царевича, что Нагих пытали в Москве и они с пытки говорили, что царевич убит. Между тем в следственном деле собраны многие показания угличан, большею частию в пользу того, что царевич убился сам».

Отвечаем: летопись говорит о показании угличан, сделанном всем городом, а кого водили к расспросу, что спрашивали и как записывали, об этом летопись не знает; притом разве можно летописное сказание уличать в неверности на основании следственного дела, которое заключает в себе такие ясные черты недобросовестности? Возражатель говорит, что один Михаил Нагой не в Москве, а в Угличе показал, что царевич убит, а другие его два брата показали, что царевич убился сам. Да, именно, это в Угличе, а летопись говорит совершенно о другом, о московских пытках, отрицать которые нет никакого основания. Возражатель указывает на неверность летописного показания о том, что яд не действовал по невозможности этого явления: мы не видим этой невозможности, дело может легко объясниться тем, что просто аптека была плоха.

Относительно следственного дела возражатель настаивает на обвинении Михайлы Нагого в том, что он велел класть оружие на тела убитых людей, причем верит приказчику Ракову; но мы указали на противоречие показания Ракова с показанием Бориса Афанасьева, возражатель не обратил на это

[297] *Погодин М. П.* Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия: Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 271—305 (цитировано Соловьевым неточно).
[298] АИ. Т. I. № 225. С. 427—428.
[299] *Аксаков К. С.* Полн. собр. соч. Т. I. М., 1861. С. 241 и сл.

внимания. Возражатель указывает на свидетельство священника Богдана, что он в то самое время, как ударили в набат, обедал у Михайлы Битяговского, сын которого Данила был в то же время на подворье отца своего, обедал; но в деле находятся другие показания о Битяговском, противоречащие показанию Богдана: возражатель и об них не упоминает. Он указывает на свидетельство жильцов — детей, но мы заподозрриваем их свидетельство указанием, что они при перечислении лиц, находившихся при смерти царевича, дважды пропустили Василису Волохову: таким свидетелям верить было вельзя.

[132] Летоп. о мятеж., стр. 30 [300]; Латухинск. степен. кн.[301]; Маржерет [302]; Дела польские № 21, стр. 206 [303]. Любопытно, что слух шел между простыми людьми на Украйне, что сын боярский донес на крестьянина.

[133] Сборн. Импер. Публ. библиот. № 17 [304]. Иов пишет: Адам по извержении от бога из рая еще надеяся бессмертен и в раю быти, понеже не ведаше смертного искуса, донележ мертва сына своего Авеля виде... над телом мертвым сына своего плакася седяще, не веда, что сотвори, мняще бо и еще востати ему, и по малу день ото дня видев лице его и доброта погибающи, надежде отпадши тем же и ангелу к нему послану бывшу и рекшу, что всуе тружаешися, о Адаме! И плачася сединя над телом мертвым: сия есть клятва, юже еси слышал, яко земля еси и в ту же землю паки пойдеши. Милостив бо и человеколюбив бог не презирает молитву молящихся ему с верою и даст излише прошения просящим у него и разверзает ложесна неплодная, якоже древле Иоакиму и Анне, неплодным уже бывшим им и сего ради от всех сынов двоюнадесять колен Израилев попошаемым и из церкви изгоняемым и в приношение божье не приемлемым; Иоаким же иде в пустыню и молящеся тамо 40 дней. Анна же иде в сад свой и ста под древом парицаемом дафини, еже есть яблонь, и ту молитвы принося богови со слезами о бесчадствии своем; молящиюся ей прилете птица малейшая седе на древе том. Анна же возревши к верху древа, хотя посмотрети птичицу ту и се виде гнездо и птичища того на гнезде седяща, возрыда же велми Анна и возопи гласом ко господу, глаголя: О владыко! Кому уподобил мя еси, яко и малейшие птичицы сея худши есмь, ибо и сия птица дети имать; люте мне, яко не уподобихся ни зверем земным, ибо и звери земные дети родят, аз же едина бесчада есмь пред тобою, господи! Увы мне убозей: и водам аз не уподобихся, яко и воды плодисты суть пред тобою, господи! Волны бо их по быстринам их разливающеся веселятся славяще тебе, господи. И се ангел господень ста пред нею глаголя: Анно! Анно! Услышана бысть молитва твоя. Видиши ли, государыни благоверная царице, колико может молитва праведных терпящих находящая им скорби, а кручиною, государыни, не взяти ничево, взяти то милостию божиею... аще и печалуеши, то птитоже полезно себе обретаеши, но точию гневиши бога, души же своей вред не мал сотворяеши, тело же свое безгодно изнуряеши, дияволь же егда видит кого скорбяща и печалующа, тогда укрепляется напь. Сего ради молю твое благочестие о всем положи упование на бога и на пречистую богородицу, и пречистая богородица, видя твое таковое благоволение, умолит сына своего, да подаст ти всяко прошение твое его же у него проспиши, и благородная чресла твоя многоплодна сотворит и устроит тя яко лозу плодовиту в дому твоем.

[300] Летопись о мятежах. С. 30—31.
[301] ГИМ. Синод. собр. № 293, л. 400—400 об.
[302] *Маржерет.* Состояние Российской державы и Вечикого княжества Московского // *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. I. СПб., 1831. С. 2—22. См. также: *Устрялов Н. Г.* Указ. соч. Ч. I. СПб., 1859. С. 256—257.
[303] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 21, л. 206—206 об.
[304] ГПБ. ОР. Q IV. № 17, л. 12 об.— 28 (цитировано Соловьевым неточно).

С.М.СОЛОВЬЕВ
ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

ТОМ 8

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ЦАРСТВОВАНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА

Избрание Годунова.— Неофициальные известия об этом избрании.— Въезд нового царя в Москву.— Подкрестная запись.— Слух о нашествии хана.— Борис выводит войско за Москву.— Торжество без подвига.— Меры для утверждения Бориса на престоле.— Царское венчание Бориса.— Милости.— Благоприятные отношения к соседям.— Посольство Льва Сапеги в Москву.— Посольство Салтыкова в Литву.— Сношения Годунова с ливонскими недовольными.— Вызов шведского принца Густава в Россию.— Датский принц Иоанн, жених царевны Ксении; его смерть.— Сношения с Австриею, Англиею, городами Ганзейскими, Италиею, Крымом.— Неудачи русских за Кавказом.— Успехи за Уральскими горами.— Внутренние распоряжения Бориса

Русь древняя, Киевская, жила обычаем: по старому обычаю великое княженье принадлежало старшему в целом роде; Русь новая, Северная, повела против этого обычая; обычай потерял силу, но до закона о престолонаследии юное государство еще не доросло; вся власть собралась в руках единовластителей, и вот Иоанн III объявил: «Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? Кому хочу, тому и дам княжество». Этой воли не оспаривал никто и у правнука Иоаннова, Феодора, в знаменитый 1598 год.

Никогда еще для Московского государства завещание, последняя воля царя, не имело такого важного значения, как при смерти Феодора Иоанновича, сходившего в могилу беспотомственно. На кого указал царь и указанием этим освободил народ от многотрудного дела избрания? Но Феодор умер, как жил: и в последние минуты жизни, как во все продолжение ее, он, избывая мирской суеты и докуки, не решил великого вопроса, предложенного ему патриархом и боярами: «Кому царство, нас, сирот, и свою царицу приказываешь?» Тихим голосом отвечал на это Феодор: «Во всем царстве и в вас волен бог: как ему угодно, так и будет; и в царице моей бог волен, как ей жить, и об этом у нас улажено» [1]. Патриарх Иов в житии Феодора говорит, что царь вручил скипетр супруге своей; но в других памятниках, заслуживающих в этом отношении большего доверия, в избирательных грамотах Годунова и Михаила Феодоровича, сказано: «После себя великий государь оставил свою благоверную великую государыню Ирину Федоровну на

всех своих великих государствах». Но понятно, как велика разница между выражениями «вручить скипетр» и «оставить после себя на престоле». Действительно, по смерти Феодора оставалась особа, к нему самая близкая, носившая царский титул, Ирина, и ей поспешили присягнуть, чтоб избежать междуцарствия [2]. Но Ирина отказалась от престола, объявив желание постричься; патриарх с боярами и народом били ей челом, чтоб не оставила их, сирот, до конца была бы на государстве, а править велела брату своему Борису Федоровичу, как было при покойном царе. Много раз били об этом челом Ирине, но она не согласилась и в девятый день по кончине мужа выехала из дворца в Новодевичий монастырь, где и постриглась под именем Александры.

Во главе правления должен был стать патриарх, как первое лицо в государстве после царя. О том, как решались дела в это время, всего лучше может дать нам понятие следующее местническое дело: «Писал государыне царице иноке Александре Федоровне из Смоленска князь Трубецкой на князя Голицына, что тот никаких дел с ним не делает, думая, что ему меньше его, Трубецкого, быть невместно. По царицыну указу бояре, князь Федор Иванович Мстиславский с товарищами, сказывали о том патриарху Иову, и по царицыну указу писал патриарх Иов к Голицыну, чтоб он всякие дела делал с Трубецким, а не станет делать, то патриарх Иов со всем собором и со всеми боярами приговорили послать его Трубецкому головою» [3].

Итак, несмотря на то что Ирина заключилась в монастыре, дела производились по ее указу; по ее указу бояре сказывают патриарху о деле, патриарх с собором и боярами приговаривает и пишет об исполнении приговоров. И в деле царского избрания, следовательно, патриарху принадлежал первый голос, за ним оставалось самое сильное влияние, и патриарх старался закрепить за собою право на это влияние в сознании современников: «Благодатию св. духа,— писал он,— имеем мы власть, как апостольские ученики, сошедшись собором, поставлять своему отечеству пастыря и учителя и царя достойно, кого бог избрал» [4].

Кого же должно было избрать в цари достойно, по мнению патриарха Иова? После он сам говорил: «Когда был я на коломенской епископии и на ростовской архиепископии, и на степени патриаршеской, не могу и пересказать превеликой к себе, смиренному, милости от Бориса Федоровича» [5].

За Годунова был патриарх, всем ему обязанный, патриарх, стоявший во главе управления; за Годунова было долголетнее пользование царскою властию при Феодоре, доставлявшее ему обширные средства: везде — в Думе, в приказах, в областном управлении — были люди, всем ему обязанные, которые могли все потерять, если правитель не сделается царем; пользование царскою властию при Феодоре доставило Годунову и его род-

ственникам огромные богатства, также могущественное средство приобретать доброжелателей; за Годунова было то, что сестра его, хотя заключившаяся в монастыре, признавалась царицею правительствующею и все делалось по ее указу: кто же мимо родного брата мог взять скипетр из рук ее? Наконец, для большинства, и большинства огромного, царствование Феодора было временем счастливым, временем отдохновения после бед царствования предшествовавшего, а всем было известно, что правил государством при Феодоре Годунов.

Многое было за Годунова, но есть известия, что сильны были и препятствия, сильны были враги. Патриарх Иов говорит: «В большую печаль впал я о преставлении сына моего, царя Феодора Ивановича; тут претерпел я всякое озлобление, клеветы, укоризны; много слез пролил я тогда». Кто же были эти люди, которые мешали патриарху в его стремлении доставить престол Годунову, осыпали его клеветами, укоризнами, заставляли проливать много слез? Летопись указывает на одних князей Шуйских [6]; но, конечно, Шуйские по значению своему стояли только на первом плане: от одних Шуйских Иову не пришлось бы много плакать. Послушаем сначала, что говорят памятники официальные. Когда Ирина заключилась в монастыре, то дьяк Василий Щелкалов вышел к собравшемуся в Кремле народу и требовал присяги на имя Думы боярской, но получил в ответ: «Не знаем ни князей, ни бояр, знаем только царицу». Когда же дьяк объявил, что царица в монастыре, то раздались голоса: «Да здравствует Борис Федорович!» Патриарх с духовенством, боярами и гражданами московскими отправились в Новодевичий монастырь просить царицу благословить брата на престол, потому что при покойном царе «он же правил и все содержал милосердым своим премудрым правительством по вашему царскому приказу». Просили и самого Годунова принять царство. Борис отвечал: «Мне никогда и на ум не приходило о царстве; как мне помыслить на такую высоту, на престол такого великого государя, моего пресветлого царя? Теперь бы нам промышлять о том, как устроить праведную и беспорочную душу пресветлого государя моего, царя Феодора Ивановича, о государстве же и о земских всяких делах промышлять тебе, государю моему, отцу, святейшему Иову патриарху, и с тобою боярам. А если моя работа где пригодится, то я за святые божие церкви, за одну пядь Московского государства, за все православное христианство и за грудных младенцев рад кровь свою пролить и голову положить». После этого патриарх много раз наедине упрашивал Годунова, и, как видно, вследствие этих тайных совещаний, Иов отложил дело до тех пор, пока исполнится сорок дней по Феодоре и пока съедутся в Москву все духовные лица, которые на великих соборах бывают, весь царский синклит всяких чинов, служивые и всякие люди [7]. По иностранным известиям [8], Борис прямо требовал созвания

государственных чинов, т. е. от каждого города по осьми и десяти человек, дабы весь народ решил единодушно, кого должно возвести на престол.

Итак, с достоверностию можно положить, что Годунов не хотел принять короны до приезда выборных из областей и всех лиц, которые на соборах бывают, советных людей, как тогда выражались, хотел быть избран земским собором. Понятно, что в этом только выборе всею землей он мог видеть полное ручательство за будущую крепость свою и потомства своего на престоле. Иностранцы и свои говорят о средствах, употребленных Борисом и сестрою его для привлечения народа на свою сторону: царица призывала к себе тайно сотников и пятидесятников стрелецких, деньгами и льстивыми обещаниями склоняла их убеждать войско и горожан, чтобы не выбирали на царство никого, кроме Бориса. Правитель приобретал приверженцев с помощию монахов, разосланных из всех монастырей в разные города, с помощию вдов и сирот, благодарных ему за решение своих продолжительных тяжб, с помощью людей знатных, которых он снабжал деньгами, обещая дать и больше, когда будет избран в государи[9]. На соборе должны были участвовать 474 человека, из них: 99 духовных лиц, которые не могли противоречить патриарху, да и сами по себе были за Годунова; 272 человека бояр, окольничих, придворных чинов, дворян, дьяков; у Годунова была партия и между боярами, тем легче было ему приобресть большинство между второстепенными лицами; выборных из городов было 33 человека только; затем было семь голов стрелецких, 22 гостя, 5 старост гостиных сотен и 16 сотников черных сотен. Все дело решалось, значит, духовенством и дворянством второстепенным, которые были давно за Годунова или смотрели на патриарха как на верховный авторитет; люди неслужилого сословия составляли ничтожное меньшинство; в выборе из городов видим также людей служилых.

17 февраля, в пятницу перед масляницей [10], открылся собор; патриарх начал речь, объявил, что по смерти Феодора предложено было царство Ирине; когда та не согласилась, просили ее благословить брата, просили и самого Годунова; когда и он не согласился, отложили дело на 40 дней, до приезда выборных: «Теперь,— продолжал Иов,— вы бы о том великом деле нам и всему освященному собору мысль свою объявили и совет дали: кому на великом преславном государстве государем быть?» И, не дожидаясь ответа, продолжал: «А у меня, Иова патриарха, у митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и у всего освященного вселенского собора, у бояр, дворян, приказных и служилых, у всяких людей, у гостей и всех православных христиан, которые были на Москве, мысль и совет всех единодушно, что нам, мимо государя Бориса Федоровича, иного государя никого

не искать и не хотеть». Тогда советные люди громко и как бы одними устами сказали: «Наш совет и желание одинаково с твоими, отца нашего, всего освященного собора, бояр, дворян и всех православных христиан, что неотложно бить челом государю Борису Федоровичу и, кроме его, на государство никого не искать». После этого началось на соборе исчисление прав Бориса на престол [11]: «Царь Иван Васильевич женил сына своего, царевича Феодора, на Ирине Федоровне Годуновой, и взяли ее, государыню, в свои царские палаты семи лет, и воспитывалась она в царских палатах до брака; Борис Федорович также при светлых царских очах был безотступно еще с несовершеннолетнего возраста, и от премудрого царского разума царственным чинам и достоянию навык. По смерти царевича Ивана Ивановича великий государь Борису Федоровичу говорил: божиими судьбами, а по моему греху, царевича не стало, и я в своей кручине не чаю себе долгого живота; так полагаю сына своего царевича Феодора и богом данную мне дочь царицу Ирину на бога, пречистую богородицу, великих чудотворцев и на тебя, Бориса; ты бы об их здоровье радел и ими промышлял; какова мне дочь царица Ирина, таков мне ты, Борис, в нашей милости ты все равно, как сын. На смертном одре царь Иван Васильевич, представляя в свидетельство духовника своего, архимандрита Феодосия, говорил Борису Федоровичу: тебе приказываю сына своего Феодора и дочь Ирину, соблюди их от всяких зол. Когда царь Феодор Иванович принял державу Российского царства, тогда Борис Федорович, помня приказ царя Ивана Васильевича, государское здоровье хранил, как зеницу ока, о царе Феодоре и царице Ирине попечение великое имел, государство их отовсюду оберегал с великим радением и попечением многим, своим премудрым разумом и бодро-опасным содержательством учинил их царскому имени во всем великую честь и похвалу, а великим их государствам многое пространство и расширение, окрестных прегордых царей послушными сотворил, победил прегордого царя крымского и непослушника короля шведского под государеву высокую десницу привел, города, которые были за Шведским королевством, взял; к нему, царскому шурину, цесарь христианский, салтан турецкий, шах персидский и короли из многих государств послов своих присылали со многою честию; все Российское царство он в тишине устроил, воинский чин в призрении и во многой милости, в строении учинил, все православное христианство в покое и тишине, бедных вдов и сирот в крепком заступлении, всем повинным пощада и неоскудные реки милосердия изливались, святая наша вера сияет во вселенной выше всех, как под небесем пресветлое солнце, и славно было государево и государынино имя от моря и до моря, от рек и до конец вселенной».

В субботу 18 числа и в воскресенье 19 в Успенском соборе

торжественно служили молебны, чтобы господь бог даровал православному христианству по его прошению государя царя Бориса Федоровича. В понедельник на масляницe, 20 февраля, после молебна патриарх с духовенством, боярами и всенародным множеством отправились в Новодевичий монастырь, где Борис жил вместе с сестрою; со слезами били челом, много молили и получили отказ; Годунов отвечал: «Как прежде я говорил, так и теперь говорю: не думайте, чтоб я помыслил на превысочайшую царскую степень такого великого и праведного царя». Православное христианство было в недоумении, в скорби многой, в плаче неутешном. Опять святейший патриарх созывает к себе всех православных христиан и советует устроить на другой день, во вторник, празднество пречистой богородице в Успенском соборе, также по всем церквам и монастырям, после чего с иконами и крестами идти в Новодевичий монастырь, пусть идут все с женами и грудными младенцами бить челом государыне Александре Федоровне и брату ее, Борису Федоровичу, чтоб показали милость. Тут же патриарх с духовенством приговорили тайно: если царица Александра Федоровна брата своего благословит и государь Борис Федорович будет царем, то простить его и разрешить в том, что он под клятвою и слезами говорило нежелании своем быть государем; если же опять царица и Борис Федорович откажут, то отлучить Бориса Федоровича от церкви и самим снять с себя святительские саны, сложить панагии, одеться в простые монашеские рясы и запретить службу по всем церквам.

21 февраля, во вторник, двинулся крестный ход в Новодевичий монастырь; к нему навстречу при звоне колоколов вынесли из монастыря икону смоленской богородицы, за иконою вышел Годунов. Подошед к иконе владимирской богородицы, он громко возопил со слезами: «О милосердая царица! Зачем такой подвиг сотворила, чудотворный свой образ воздвигла с честными крестами и со множеством иных образов? Пречистая богородица, помолись о мне и помилуй меня!» Долго лежал он пред образом и омочал землю слезами, потом приложился к другим иконам, подошел к патриарху и сказал ему: «Святейший отец и государь мой Иов патриарх! Зачем ты чудотворные иконы и честные кресты воздвигнул и такой многотрудный подвиг сотворил?» Патриарх отвечал ему, обливаясь слезами: «Не я этот подвиг сотворил, то пречистая богородица с своим предвечным младенцем и великими чудотворцами возлюбила тебя, изволила прийти и святую волю сына своего на тебе исполнить. Устыдись пришествия ее, повинись воле божией и ослушанием не наведи на себя праведного гнева господня». Годунов отвечал одними слезами. После этого Иов пошел в церковь, Годунов к сестре в келью, а бояре и весь народ вошли на монастырь, которые же не поместились на монастыре, те все стояли около ограды. После обедни патриарх со всем духовенством, в священных

одеждах, с крестом и образами, пошли в келью к царице и били ей челом со слезами долго, стоя на коленах; с ними пошли бояре и все думные люди, а дворяне, приказные люди, гости и весь народ, стоя у кельи по всему монастырю и около монастыря, упали на землю и долго с плачем и рыданием вопили: «Благочестивая царица! Помилосердуй о нас, пощади, благослови и дай нам на царство брата своего Бориса Федоровича!» Царица долго была в недоумении, наконец заплакала и сказала: «Ради бога, пречистой богородицы и великих чудотворцев, ради воздвигнутия чудотворных образов, ради вашего подвига, многого вопля, рыдательного гласа и неутешного стенания даю вам своего единокровного брата, да будет вам государем царем». Годунов с тяжелым вздохом и со слезами сказал: «Это ли угодно твоему человеколюбию, владыко! И тебе, моей великой государыне, что такое великое бремя на меня возложила и предаешь меня на такой превысочайший царский престол, о котором и на разуме у меня не было? Бог свидетель и ты, великая государыня, что в мыслях у меня того никогда не было, я всегда при тебе хочу быть и святое, пресветлое, равноангельское лицо твое видеть». Александра отвечала ему: «Против воли божией кто может стоять? И ты бы безо всякого прекословия, повинуясь воле божией, был всему православному христианству государем». Тогда Годунов сказал: «Буди святая твоя воля, господи». Патриарх и все присутствовавшие пали на землю, воссылая благодарение богу, после чего отправились в церковь, где Иов благословил Бориса на все великие государства Российского царствия.

Так говорится об избрании Годунова в акте официальном, в утвержденной грамоте об этом избрании, составленной уже в августе 1598 года. Но до нас дошли другие известия, другие предания, записанные в памятниках неофициальных. Так, дошло до нас известие о желании бояр, чтобы Годунов целовал крест на ограничивающей его власть грамоте; Борис не хотел этого сделать, не хотел и отказать прямо и потому выжидал, чтобы простой народ принудил бояр выбрать его без договора,— отсюда и происходил его отказ принять престол. Шуйские, видя его упрямство, начали говорить, что неприлично более его упрашивать, а надобно приступить к избранию другого. Тогда-то патриарх и решился идти с крестным ходом в Новодевичий монастырь [12]. Есть также известие, что Годунов, желая заставить Романовых забыть права свои на престол, дал старшему из них, Федору Никитичу, страшную клятву, что будет держать его, как брата и помощника, в деле государственного управления [13]. Наконец, о торжественном молении, плаче и вопле народном в Новодевичьем монастыре сохранилось такое предание: «Народ неволею был пригнан приставами, нехотящих идти велено было и бить и заповедь положена: если кто не придет, на том по два рубли править на день. Приставы понужда-

ли людей, чтоб с великим кричанием вопили и слезы точили. Смеху достойно! Как слезам быть, когда сердце дерзновения не имеет? Вместо слез глаза слюнями мочили. Те, которые пошли просить царицу в келью, наказали приставам: когда царица подойдет к окну, то они дадут им знак, и чтобы в ту же минуту весь народ падал на колена; нехотящих били без милости» [14].

26 февраля, в воскресенье на масляницe, Годунов имел торжественный въезд в Москву, в Успенском соборе слушал молебен, после которого принимал поздравление от духовенства, бояр и всего православного христианства. Отслушав обедню в Успенском соборе, Борис пошел в Архангельский, где, припадая к гробу великих князей и царей, говорил со слезами: «Великие государи! Хотя телом от своих великих государств вы и отошли, но духом всегда пребываете неотступно и, предстоя пред богом, молитву творите; помолитесь и обо мне и помогите мне». Из Архангельского собора пошел в Благовещенский, отсюда — в царские палаты, из дворца поехал к сестре в Новодевичий монастырь; отсюда приехал опять в Кремль к патриарху, долго разговаривал с ним наедине, после чего простился с ним и с знатным духовенством на Великий пост и возвратился на житье в Новодевичий монастырь.

Неизвестно, в какое время присягали на верность новому царю, но известна любопытная подкрестная запись. Присягавший по ней, между прочим, клялся: «Мне над государем своим царем и над царицею и над их детьми, в еде, питье и платье, и ни в чем другом лиха никакого не учинить и не испортить, зелья лихого и коренья не давать и не велеть никому давать, и мне такого человека не слушать, зелья лихого и коренья у него не брать; людей своих с ведовством, со всяким лихим зельем и кореньем не посылать, ведунов и ведуней не добывать на государское лихо. Также государя царя, царицу и детей их на следу никаким ведовским мечтанием не испортить, ведовством по ветру никакого лиха не насылать и следу не вынимать никаким образом, никакою хитростию. А как государь царь, царица или дети их куда поедут или пойдут, то мне следу волшебством не вынимать. Кто такое ведовское дело захочет мыслить или делать и я об этом узнаю, то мне про того человека сказать государю своему царю или его боярам, или ближним людям, не утаить мне про то никак, сказать вправду, без всякой хитрости; у кого узнаю или со стороны услышу, что кто-нибудь о таком злом деле думает, то мне этого человека поймать и привести к государю своему царю или к его боярам и ближним людям вправду, без всякой хитрости, не утаить мне этого никаким образом, никакою хитростию, а не смогу я этого человека поймать, то мне про него сказать государю царю или боярам и ближним людям». Нас здесь останавливает не вера в волшебство, которая господствовала в описываемое время; нас останавливает перечисление видов зла, которое можно было сделать Борису

и его семейству, повторение, распространение одного и того же, что должно приписать не времени уже только, а лицу, приписать мелкодушию Бориса, его подозрительности, ибо в подкрестных записях преемников его мы этого не видим.

Присягавший должен был клясться также: «Мне, мимо государя своего царя Бориса Федоровича, его царицы, их детей и тех детей, которых им вперед бог даст, царя Симеона Бекбулатова и его детей и никого другого на Московское государство не хотеть, не думать, не мыслить, не семьиться, не дружиться, не ссылаться с царем Симеоном, ни грамотами, ни словом не приказывать на всякое лихо; а кто мне станет об этом говорить или кто с кем станет о том думать, чтоб царя Симеона или другого кого на Московское государство посадить, и я об этом узнаю, то мне такого человека схватить и привести к государю» [15] и т. д.

9 марта, в четверг на второй неделе поста, патриарх созвал знатное духовенство, бояр, дворян и весь царский синклит и говорил им: «Уже время молить нам бога, чтоб благочестивого великого государя царя нашего Бориса Федоровича сподобил облечься в порфиру царскую, да установить бы нам светлое празднество преславному чуду богородицы в тот день, когда бог показал на нас неизреченное свое милосердие, даровал нам благочестивого государя Бориса Федоровича, учредить крестный ход в Новодевичий монастырь каждый год непременно». Все, слыша такой премудрый глагол святейшего Иова патриарха, отвечали со слезами, обещали молиться богу беспрестанно, день и ночь. Разосланы были по областям грамоты с приказанием петь молебны по три дня со звоном [16].

Проведши Великий пост и Пасху в монастыре с сестрою, Борис 30 апреля, в Мироносицкое воскресенье, торжественно переехал на житье во дворец кремлевский. Опять был он встречен крестным ходом, в Успенском соборе патриарх надел на него крест Петра митрополита; опять Борис обошел соборы, ведя за руки детей, сына Федора и дочь Ксению; был большой обед для всех. Но царское венчание не могло скоро последовать: еще 1 апреля пришла весть, что крымский хан Казы-Гирей собирается на Москву со всею ордою и с полками турецкими. Весть пришла рано, и потому через месяц на берегах Оки могла собраться огромная рать: говорят, число ее простиралось до 500 000 человек. 2 мая сам царь выехал из Москвы с двором своим, в числе которого находилось пять служилых царевичей. Борис остановился в Серпухове и отсюда распоряжался устройством рати. Но среди этих распоряжений новый царь занимался и тем, чтоб щедростию и угощениями привязать к себе служилых людей; пишут, что почти ежедневно бывали у него обеды на 70 000 человек: «И подавал,— говорит летописец,— ратным людям и всяким в Серпухове жалованье и милость великую». Цель, по-видимому, была достигнута: «Они

все, видя от него милость, обрадовались, чаяли и вперед себе от него такого же жалованья». Итак, вот на чем основался союз Годунова с служилыми людьми: они чаяли вперед себе от него большого жалованья!

Слух о походе ханском оказался ложным: вместо грозной рати явились мирные послы. Годунов воспользовался случаем, чтобы произвесть на татар самое сильное впечатление: послов поставили верстах в семи от стана царского, расположенного на лугах на берегу Оки, ночью велено было ратным людям стрелять по всем станам. 29 июня послы представлялись Борису; когда они ехали к нему, то на протяжении семи верст от их стана до царского по обе стороны дороги стояли пешие ратники с пищалями и разъезжали повсюду конные. Послы, видя огромное войско и беспрестанную стрельбу, так перепугались, что, пришедши к царю, едва могли справить посольство от страха. Царь пожаловал их великим жалованьем, отпустил с большою честию и послал с ними богатые дары к хану [17]. В тот же день царь угостил все войско и отправился в Москву.

Сюда он въехал с большим торжеством, как будто одержал знаменитую победу или завоевал целое царство иноплеменное: патриарх с духовенством и множеством народа вышли к нему навстречу; Иов благодарил за совершение великого подвига, за освобождение христиан от кровопролития и плена: «Радуйся и веселися,— говорил он Борису,— богом избранный и богом возлюбленный, и богом почтенный, благочестивый и христолюбивый, пастырь добрый, приводящий стадо свое именитое к начальнику Христу богу нашему!» По окончании речи патриарх, духовенство и весь народ пали на землю, плакали и потом, встав, приветствовали Бориса «на его государеве вотчине и на царском престоле и на всех государствах Российской земли».

Столько слез было пролито при челобитьях и встречах! Кажется, можно было бы уверяться в преданности народа к доброму пастырю, но, видно, царь и патриарх были еще далеки от этой уверенности. 1 августа Иов созвал всех бояр, дворян, приказных, служилых людей и гостей и начал им говорить: «Мы били челом соборно и молили со слезами много дней государыню царицу Александру Федоровну и государя царя Бориса Федоровича, который нас пожаловал, сел на государстве, так я вас, бояр и весь царский синклит, дворян, приказных людей и гостей, и все христолюбивое воинство благословляю на то, что вам великому государю Борису Федоровичу, его благоверной царице и благородным чадам служить верою и правдою, зла на них не думать и не изменять ни в чем, как вы им государям души свои дали у чудотворного образа богородицы и у целбоносных гробов великих чудотворцев». Бояре и все православные христиане отвечали: «Мы целовали крест и обет дали богу и всем святым, тебя, великого гос-

подпиа, и весь освященный собор в свидетельство представляем, что за великого государя, благоверную царицу и детей их души и головы положить и служить им верою и правдою и никого мимо их на престол не искать и не хотеть; а кто похочет мимо их иного государя искать или какое лихо учинить, и нам на того изменника известить тебе, св. патриарху, и стоять на него всею землею заодно. Также нам не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо царского повеления, чести никак не хотеть и быть в государевых делах без прекословия, а кто станет сопротивляться царской власти и повелению, на того положить клятву святительскую; а нам беречь того: как кому государь на своей службе и у всякого дела быть велит, так тому и быть. Также нам смотреть накрепко, чтобы государю царю в разрядных и земских делах кручины не приносить никакой». Великий и пресвятейший патриарх, услыхав такие речи, сказал: «Если вы такой обет пред богом полагаете, то нам грамоту утвержденную написать и руки свои к ней приложить, чтобы было впредь крепко, неподвижно, стоятельно навеки». Все единогласно отвечали: «Благословен глагол твой от бога, святитель первопрестольнейший, Иов патриарх, отец наш великий, пастух душам нашим! Святого духа преисполнены все глаголы уст твоих, владыко! Подобает так быть, как ты глаголешь».

Годунов был избран голосом всей земли; народ, стоя на коленах, с воплем и слезами умолял его умилосердиться, принять престол; какого права нужно было после того человеку, хотя бы он был самого низкого происхождения? Какого соперника мог бояться он, хотя бы этот соперник и был самого знатного происхождения? Не было ли признаком крайнего мелкодушия тяготиться своим относительно незнатным происхождением, подозревать, что для других это происхождение уменьшает право, значение всенародного избранника? Не было ли признаком крайнего мелкодушия не уметь скрыть этого подозрения, обнаружить свою слабость, напомнить народу о том, о чем, вероятно, большая часть его не думала или забыла? Издано было соборное определение об избрании Годунова в цари. В нем прежде всего прямо объявлено, что царь Иван Васильевич, умирая, вручил сына своего Феодора боярину Борису Федоровичу с такими словами: «Тебе предаю с богом этого сына моего, будь благоприятен ему до скончания живота его, а по его смерти тебе приказываю и царство это». И царь Феодор по приказу отца своего и по приятельству вручил царство Борису Федоровичу. Далее патриарх счел нужным примерами из священной и римской истории показать, что восходили на царский престол люди не от царского рода и не от великих синклит и, несмотря на то, большой славы достигали, ибо не на благородство зрит бог, но благоверие предъизбирает и душу благочестивую почитает. Наконец, в заключении говорится: «Да не скажет кто-

нибудь: отлучимся от них, потому что царя сами себе поставили; да не будет того, да не отлучаются, а если кто скажет такое слово, то не разумен есть и проклят» [18]. Странное предположение возможности подобного слова после стольких всенародных слез и воплей!

1 сентября, в праздник Нового года, Борис венчался на царство. В речи своей, произнесенной при этом случае патриарху, Борис сказал, что покойный царь Феодор приказал патриарху, духовенству, боярам и всему народу избрать кого бог благословит на царство, что и царица Ирина приказала то же самое, «и по божиим неизреченным судьбам и по великой его милости избрал ты, св. патриарх, и проч. меня, Бориса» [19]. Эти слова вполне подтверждают известие летописи, что никаких назначений со стороны Феодора не было и что он не вручал царства жене. Но патриарх и тут явился усерднее к выгодам Годунова, чем сам Годунов: в ответной речи своей царю он сказал, что Феодор приказал свое царство Ирине; здесь, впрочем, Иов еще сдержался, употребил еще не только определенное слово *приказал*, тогда как в житии Феодора употребил слово *вручил*, а в соборном определении сказано, что вручил царство прямо Борису!

Современники не оставили нам известий, что заметили разноречие в словах царя, патриарха и соборного определения; их поразило другое во время царского венчания Борисова; новый царь, принимая благословение от патриарха, громко сказал ему: «Отче великий патриарх Иов! Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека!» — и, тряся ворот рубашки своей, продолжал: «И эту последнюю рубашку разделю со всеми!» [20]

Первые шаги Бориса, сделанные при новом положении, первые слова, им сказанные, уже достаточно обнаруживали характер человека, севшего на престол государей московских. Этот престол для знаменитого конюшего боярина был самою лучшею меркой нравственного величия, и тотчас же обнаружилось, что он не дорос до этой мерки. Что Годунов искал престола, употреблял все зависевшие от него средства для достижения своей цели — это понятно: он искал престола не по одному только властолюбию, он искал его и по инстинкту самосохранения. Но если бы Годунов по своему нравственному характеру был в уровень тому положению, которого добивался, то он не обнаружил бы такой мелочной подозрительности, какую видим в присяжной записи и в этом стремлении связать своих недоброжелателей нравственными принудительными мерами; с одной стороны, видим в актах, относящихся к избранию Годунова, страшное злоупотребление в известиях о всеобщей преданности, всеобщих воплях и слезах при челобитье, всеобщем восторге при согласии принять царство и тут же встречаем, в совершенном противоречии, сильную подозрительность со стороны человека, которому оказывается столько усердия. Одно из двух: или эта подозрительность, оскорбительная для

усердствующих, обличала человека, недостойного такого усердия, или если подозрительность была основательна, то беспрерывно повторяемые известия о всеобщем усердии заключали в себе вопиющую ложь, средство страшное и недостойное. Мелкая подозрительность, неуверенность в самом себе высказалась и в этом страхе пред низостью происхождения, страхе, недостойном человека, избранного всею землей, которая самым этим избранием подняла его выше всех. Мелкодушие Годунова, непонимание своего положения высказалось и в этом явном стремлении задаривать, заискивать себе расположение народное расточением милостей, небывалых при прежних государях, например, в этих пиршествах и подарках ратным людям, которые не видали неприятеля; Годунов не понимал, что только тот может приобресть прочное народное расположение, кто не ищет его или по крайней мере не показывает ни малейшего вида, что ищет, не понимал, что расточение милостей только уменьшает их цену, что милость, дарованная государем, по наследству престол получившим, имеет только значение милости, тогда как милость от царя избранного является в виде платы за избрание. Наконец, недостаток нравственного величия, уменья владеть собою, не забываться при достижении желанной цели, всего разительнее оказался в словах Годунова, произнесенных при царском венчании: «Бог свидетель, что не будет в моем царстве бедного человека!» Как можно было обрадоваться до такой степени, забыться от радости до такой степени, чтобы торжественно связать себя подобным обещанием!

Годунов принадлежал к новому, второму поколению бояр московских. Представителями старого поколения были Патрикеевы и старые Шуйские с товарищами, помнившие хорошо свое происхождение, прежнее положение свое относительно великих князей и старавшиеся поддержать его. Это поколение было сломлено усилиями Иоанна III, сына его Василия и внука Иоанна IV. Годунов воспитался, достиг боярства во вторую половину царствования Грозного, в то время, когда боярин не мог безнаказанно обнаружить самостоятельность своего характера, когда он должен был сохранить свою жизнь, свое приближенное к царю положение только при ясном сознании своей слабости, своей полной зависимости, беспомощности, только заботливо наблюдая за каждым движением наверху и около себя, с напряженным вниманием озираясь на все стороны. Понятно, какое влияние должно было иметь такое положение на человека, особенно если природа этого человека не представляла сильного противодействия подобному влиянию, понятно, как подозрительность Грозного должна была заражать окружавших его, особенно тех, которые по слабости своей природы были восприимчивы к этой болезни. В числе таких, как видно, был и Годунов, человек очень умный бесспорно, быть может, более всех других вельмож способный к правительствен-

ному делу, быть может, яснее других понимавший потребности государства, главную из них — потребность просвещения, сближения с народами Западной Европы; человек благонамеренный, готовый сделать все возможное добро там, где дело не шло о его личных выгодах, но человек, не имевший столько нравственной твердости, нравственного величия, чтоб освободиться из-под влияния школы, в которой воспитался, чтоб, приближаясь к престолу, и на престоле, сбросить с себя боярство времен Грозного и явиться с царственным величием, тем более необходимым, что он был царь избранный, начинавший новую династию. Годунов, который, будучи боярином, казался достойным царствовать, явился на престоле боярином, и боярином времен Грозного, неуверенным в самом себе, подозрительным, пугливым, неспособным к действиям прямым, открытым, привыкшим к мелкой игре в крамолы и доносы, не умевшим владеть собою, ненаходчивым в случаях важных, решительных.

Царское венчание, по обычаю, ознаменовано было милостями, пожалованиями: звание конюшего получил Дмитрий Иванович Годунов, дворецкого — Степан Васильевич (на место Григория Васильевича, незадолго пред тем умершего); некоторым лицам пожаловано было боярство, другим — окольничество; служилым людям выдано двойное жалованье, купцам дано право беспошлинной торговли на два года, земледельцы освобождены от податей на год; есть известие, что определено было, сколько крестьяне должны были работать на господ и платить им; вдовам и сиротам, русским и чужеземным, розданы деньги и съестные припасы; заключенные в темницах освобождены и получили вспоможение. Новгородцы получили особые льготы: были у них два кабака, от которых им нужда, теснота, убытки и оскуденье учинились; поэтому царь, царица и царские дети пожаловали гостей и всех посадских людей, царские денежные доходы с кабаков отставили и кабакам на посаде быть не велели. Кроме того, пожаловали гостей и всех посадских людей: с их дворов, лавок, приплавков, скамей, анбаров лавочные денежные оброки сложили и мелкие промыслы, для младших посадских людей, никому на откуп давать и оброка с них брать не велели, свою отчину великое государство Великий Новгород во всем отжаловали. Инородцы освобождены были также на целый год от ясака, «чтоб они детей своих и братью, дядей, племянников и друзей отовсюду призывали и сказывали им царское жалованье, что мы их пожаловали, ясаку с них брать не велели, а велели им жить безоброчно и в городах бы юрты и в уездах волости они полнили».

Облегчена была участь некоторых опальных Феодорова царствования: так, был выпущен из тюрьмы Иван Григорьевич Нагой, который рассказывает о своей беде и о своем избавлении в следующей любопытной грамоте: «Я, Иван Григорьевич Нагой,

пожаловал, дал человеку своему Богдану Сидорову старинную свою вотчину за его к себе прямую службу и за терпение, что он со мною живот свой мучил на государевой службе в Сибири, да его же, Богдана, за мой грех государь царь Феодор Иванович велел у меня взять из Сибири и привезти в Москву скованного, мучил он живот свой, сидя у приставов в цепи и железах год. Когда государь надо мной смиловался и велел его отпустить, то он, Богдан, бил челом обо мне государю царю Феодору Ивановичу, и по его челобитью государь надо мной смилосердовался, велел из Сибири отпустить в Казань. Но в Казани грех мой надо мною взыскался: пришла на меня царская опала, прислал государь князя Якова Борятинского в Казань и велел ему меня ограбить донага, отвезти на Вологду и посадить в тюрьму. Тогда Богдан в другой раз поехал в Москву, был там схвачен и сидел полгода у пристава. Государь царь Борис Федорович пожаловал, от пристава велел его освободить, и он, Богдан, обо мне бил челом, о моей жене и о детках. По его челобитью государь меня пожаловал, из тюрьмы велел выпустить и велел мне жить в тверской моей вотчине. И мне его, Богдана, за такую великую себе работу и за терпение пожаловать нечем: что было моих животов, то все взято на государя. Так жалую ему старую свою вотчинку: владеть ему этим моим жалованьем и, если захочет, может его продать, заложить или по душе отдать. А после моей смерти ему, Богдану, за то мое жалованье жену мою и детей не покинуть и их устроить по моей духовной грамоте, чем я их благословлю; и детей моих, Никифора и Гаврилу, ему, Богдану, грамоте научить и беречь и покоить всем, пока бог их на ноги поднимет» [21].

Царствование Бориса относительно западных, самых опасных соседей, Польши и Швеции, началось при самых благоприятных обстоятельствах: эти державы, так недавно грозившие Москве страшным союзом своим под одним королем, теперь находились в открытой и ожесточенной вражде вследствие этого самого союза; Сигизмунд польский воевал с дядею своим, Карлом шведским, в котором видел похитителя своего отчинного престола. Годунов дал знать Сигизмунду о своем воцарении через думного дворянина Татищева; в Польше решили отправить в Москву для переговоров уже бывалого там и славного своею ловкостию в делах канцлера литовского Льва Сапегу, к которому приданы были Станислав Варшицкий, каштелян варшавский, и Илья Пелгржымовский, писарь Великого княжества Литовского. 16 октября 1600 года въехал Сапега в Москву с обычным торжеством, и на другой же день начались неприятности, жалобы; посольство, по обычаю, держали в строгом заключении, но что всего неприятнее было для Сапеги, представление царю откладывали день за день, объявляя, что у государя болит большой палец на ноге. 16 ноября подле посольского дома был пожар, сгорело несколько домов; Сапега жа-

ловался приставу, что их держат в тесноте, во всех углах накладена солома, боже сохрани пожар: не только вещей не спасешь, но и сам не выбежишь. «Если нас еще будут держать в такой тесноте,— прибавил Сапега,— то нам надобно иначе распорядиться и промыслить о себе». Последнее слово не понравилось приставу, и он сказал, что это слово высокое и к доброму делу непристойно. 26 ноября наконец послов представили государю: подле Бориса сидел сын его, царевич Федор, имя которого было неразлучно с именем отца: так, например, послам говорили: «Великий государь, царь и великий князь Борис Федорович всея Руси самодержец и сын его царевич Федор Борисович жалуют вас своим обедом». И тут высказалось недоверие Бориса к присяге русских людей, которые клялись служить ему и детям его и мимо их никого не хотеть на царство. Подобное допущение сына в соправительство для упрочения за ним великокняжеского стола было очень благоразумно со стороны Василия Темного, испытавшего следствия борьбы с притязаниями родичей, но такая же мера со стороны Бориса не имела никакого смысла.

И после представления медлили начатием переговоров, выставляя причинами то нездоровье царя, то, что день праздничный. 3 декабря послы явились во дворец и на царском месте нашли не Бориса, но сына его, окруженного боярами и людьми думными. Федор объявил послам, что отец его приказал своим боярам вести с ними переговоры. «Мы этому рады,— отвечал Сапега,— мы для этого и приехали, а не для того, чтоб лежать и ничего не делать». Первое заседание прошло в спорах о титуле царя и самодержца, которого бояре требовали для Бориса и в случае упорства со стороны поляков грозили войною; Сапега отвечал: «Войну вы начать можете; но конец войны в руках божиих». На другой день, во втором заседании, Сапега представил условия вечного мира, состоявшие из следующих статей: 1) Обоим великим государям быть между собою в любви и вечной приязни, также панам радным и всем станам духовным и светским Короны Польской и Великого княжества Литовского с боярами думными и со всеми чинами великого государства Владимирского и Московского и иных быть в вечной, нераздельной любви братской, как людям одной веры христианской, одного языка и народа славянского. 2) Обоим великим государям иметь одних врагов и друзей. 3) Никаких соглашений, перемирий и союзов великие государи ко вреду друг друга заключать не будут; во все соглашения, перемирия и союзы будут входить не иначе, как наперед посоветовавшись друг с другом. 4) В случае нападения на одного из государей другой обязан защищать его. 5) Земли, добытые у врага общими силами, отходят к тому государству, которое имело на них давние права. 6) Землями, никогда прежде не принадлежавшими ни одному из союзных государств, владеть или сообща, или разделив пополам. 7) Поддан-

ным обоих государств вольно приезжать, вступать в службу придворную, военную и земскую: полякам и литовцам — в Москве, русским — в Польше и Литве. 8) Вольно им вступать друг с другом в браки. 9) Поляки и литовцы в Московском государстве, русские в Польше и Литве могут выслуживать вотчины, поместья, покупать земли, брать в приданое. 10) Жителям польских владений вольно присылать детей своих учиться и в службу в Московское государство и жителям последнего — во владения польские. 11) Тем русским, которые приедут в Польшу и Литву для науки или для службы, вольно держать веру русскую; а которые из них поселятся там, приобретут земли, таким вольно на своих землях строить церкви русские. Тем же правом пользуются поляки и литовцы в Московском государстве, держат веру римскую и ставят римские церкви на своих землях. 12) Государь и великий князь Борис Федорович позволит в Москве и по другим местам строить римские церкви для тех поляков, которые у него будут в службе, для купцов и послов польских и других католических государств. 13) Купцам путь чистый по землям обоих государств и чрез них в другие государства; мыто остается старое. 14) Беглецов, воров, разбойников, зажигателей и всяких преступников выдавать с обеих сторон. 15) Заодно оборонять Украйну от татар. 16) Оба государства должны иметь общий флот на море Литовском и на море Великом. 17) Монета должна быть одинаковая в обоих государствах. 18) Для крепчайшего соединения этих славных государств и для объявления его пред целым светом должны быть сделаны двойные короны: одна послом московским возлагается при коронации на короля польского, а другая послом польским возлагается на государя московского. 19) Король в Польше избирается по совету с государем московским. 20) Если бы король Сигизмунд не оставил сына, то Польша и Литва имеют право выбрать в короли государя московского, который, утвердив права и вольности их, должен жить поочередно два года в Польше и Литве и год в Москве. 21) По смерти государя московского сын его при вступлении на престол подтверждает присягою этот союз. 22) Если бы у государя московского не осталось сына, то король Сигизмунд должен быть государем московским. 23) Княжество Смоленское и Северское с тремя крепостями, принадлежавшими к Полоцку, должны быть возвращены Польше.

Итак, вместо условий вечного мира посол Сигизмундов предложил условия союза, и союза, приближавшегося к соединению двух государств в одно. Цель Сигизмунда и советников его, иезуитов, при этом была ясна: если бы царь московский принял условия, то этим отворил бы в свое государство дорогу для католицизма. Бояре отвечали послам, что статьи о союзе оборонительном и наступательном, о выдаче перебежчиков, о свободной торговле могут быть приняты по заключении вечного мира, для которого

прежде всего надобно решить вопрос о Ливонии, искони вечной вотчине государей российских, начиная от великого князя Ярослава. Что же касается до других статей, поданных Сапегою, то государь не может согласиться, чтоб поляки и литовцы женились в Московском государстве, приобретали земли и строили церкви латинские, но не запрещает им приезжать, жить и оставаться при своей вере; о том, кому после кого наследовать престол, говорить нечего, потому что это дело в руках божиих; при царском венчании возлагать корону принадлежит духовенству, а не светским людям. Начались жаркие споры о главном предмете, о Ливонии. До чего доходили бранные речи, видно из следующего разговора Сапеги с думным дворянином Татищевым. *Татищев*: «Ты, Лев, еще очень молод; ты говоришь все неправду, ты лжешь». *Сапега*: «Ты сам лжешь, холоп, а я все время говорил правду; не с знаменитыми бы послами тебе говорить, а с кучерами в конюшне, да и те говорят приличнее, чем ты». *Татищев*: «Что ты тут раскричался! Я всем вам сказал и говорю, и еще раз скажу и докажу, что ты говоришь неправду». Тут Сапега обратился к боярам с жалобою на Татищева, и те велели последнему замолчать. Но когда Сапега, чтоб уклониться от споров о Ливонии, сказал, что не имеет никакого полномочия говорить о ней, то Татищев не утерпел и снова закричал: «Не лги, мы знаем, что у тебя есть полномочие». Сапега отвечал: «Ты, лжец, привык лгать, я не хочу с таким грубияном ни сидеть вместе, ни рассуждать об делах». С этими словами он встал и вышел. Послов польских задерживали нарочно, ибо ждали шведских. Наконец шведские послы, Гендрихсон и Клаусон, приехали, и их нарочно провезли мимо дома, который занимал Сапега с товарищами. Польским послам бояре объявляли, что Карл шведский уступает царю Эстонию и сам поддается Москве, а шведским послам было объявлено, что Сигизмунд уступает царю часть Ливонии, если только Борис будет воевать с королем; этим объявлением думали испугать шведов и принудить их к уступке Нарвы; но шведы не поддались и настаивали, чтоб последний договор был сохранен ненарушимо. Вследствие этих переговоров Сапегу держали до августа 1601 года и наконец заключили с ним двадцатилетнее перемирие, причем в грамоте не написали Сигизмунда шведским королем. Сапега уехал озлобленный, вменяя себе, впрочем, в важную заслугу то, что успел порвать связь Годунова с Михаилом, воеводою волошским, который домогался польского престола и заключил было тайный союз с царем, обещавшим помогать ему в его предприятии.

Взять с короля присягу в соблюдении перемирия отправились бояре Михайла Глебович Салтыков-Морозов и думный дьяк Власьев. Когда они приехали в Литву, то им объявили, что король при войске в Ливонии и чтоб они ехали к нему в Ригу; на это Салтыков отвечал приставу: «Ты нам сказываешь от себя, что нас хотят вез-

ти к Жигимонту королю в Ливонскую землю Двиною рекою в судах, но мы того и слушать не хотим: великий государь наш прислал нас к государю вашему с великими делами, а на посольстве велел нам быть у государя вашего в Короне Польской или в Великом княжестве Литовском, в котором городе государь ваш в то время будет; а в Ливонскую землю нам не хаживать, того себе и в мысли не держите, хотя бы король над нами и неволю какую велел учинить, то и тут нам мимо царского приказа ничего сделать нельзя». Паны прислали к послам грамоту с сожалением, что они так долго принуждены будут ждать, причем складывали вину на самих послов, зачем они поторопились приехать, желая поскорее взять с короля крестное целование, и при этом паны употребили выражение, что будут бить челом королю о послах. Салтыков отвечал: «Таких бы непригожих и гордых слов паны-рада вперед к нам не приказывали, тем доброму делу порухи не чинили: идем мы от великого государя к государю вашему по прежнему обычаю, а не для того, чтоб нам перемирье у государя вашего крестным целованием утвердить. Великому государю нашему то перемирье не нужно, и спешить нам было нечего; нынешнее перемирье Короне Польской и Великому княжеству Литовскому больше нашего надобно, потому что у вас многие недруги и войны частые, да у вас же божие посещение, хлебный недород, а у великого государя нашего божиею милостию и его государским счастием недруга никакого нет, отовсюду его царским премудрым разумом и бодропасным содержательством и храбростию великим государствам его прибавление и расширение; а нынешнее перемирие великий государь наш велел учинить по своему царскому обычаю, жалея о христианстве и за челобитьем сына своего царевича Федора Борисовича, по прошенью ваших послов. Если государю вашему нас принять теперь не время будет для воинского дела, то государь ваш велел бы нам себя ждать в Литовской или в Польской земле и корм нам велел бы давать по прежнему обычаю, и мы государя вашего дожидаемся, где нам велит, хотя долгое время».

Наконец Сигизмунд приехал в Вильну, где московские послы представились ему и начали переговоры. Послы требовали, по обычаю, царского титула для Бориса. Сапега отвечал жалобою: «Как приехал я в Москву, и мы государских очей не видали шесть недель, а как были на посольстве, то мы после того не видали государских очей 18 недель, потом от думных бояр слыхали мы много слов гордых, все вытягивали они у нас царский титул. Я им говорил так же, как и теперь говорю, что нам от государя нашего наказа о царском титуле на перемирье нет, а на докончанье наказ королевский был о царском титуле, если бы государь ваш по тем по всем статьям, которые мы дали боярам, согласился. Били мы челом государскому сыну, просили его доложить отцу, чтоб нас задерживать не велел, велел бы отпустить и без дела; но нашего

челобитья не приняли и к тому нас привели, что мы просили себе смерти: ни дела не делают, ни отпускают. Да и то нам вашего государя люди сказывали, что хотят нас разослать по городам и засадить, что и дворы уже поделали, где нам сидеть, и мы с сердца приставам говорили: если государь ваш не велит нас отпустить, то мы на коней сядем и поедем сами, а кто нас станет бить, и мы начнем бить, потому что пришло нам не до государской чести, нам жизнь своя всего дороже, в неволе жить не привыкли. И, видя над собою такую тесноту, мы приговорили на перемирье поневоле. А что государя нашего не назвали в грамоте шведским королем, то мы с боярами много говорили и плакали: боже святый! Увидь неправду государя вашего над государем нашим, что без божией воли отнимают титул дедовский; и на то нас неволею привели, что и титул государя своего мы из грамоты вычеркнули».

Послы отвечали, что Сапега говорит это все на ссору, что задержанья и тесноты ему не было, а задержались послы на Москве оттого, что великий государь ножкою долгое время недомогал, выходу его государского не было. Паны настаивали, чтоб Сигизмунд назывался в грамотах по-прежнему королем шведским, ибо Карл есть похититель; послы отвечали: «Вы говорите, что государь ваш короновался шведскою короною, но великому государю нашему про шведское коронованье государя вашего никакого ведома не бывало, с царским величеством Сигизмунд король не обсылывался; только про то нам ведомо, что государь ваш Жигимонт король ходил в Швецию и над ним в Шведской земле невзгода приключилась. Если бы государь ваш короновался шведскою короною, то он прислал бы объявить об этом царскому величеству и сам был бы на Шведском королевстве, а не Арцы-Карло (герцог Карл); теперь на Шведском королевстве Арцы-Карлус, и Жигимонту королю до Шведского королевства дела нет, и вам о шведском титуле праздных слов говорить и писать нечего, нечего о том говорить, чего за собою нет. А что ты, Лев, говорил, будто вы, послы, в государстве государя нашего были заперты за сторожами и никуда вас не пускали, и ты говоришь не гораздо: береженье было на дворе от огня, потому что у вас на дворе конского корму, сена и соломы было много, люди ваши хаживали ночью с огнем небережно, и за двором сторожа были не для бесчестья, для береженья, чтоб над вами какого-нибудь лиха не сделалось».

Если послы не хотели давать Сигизмунду титула шведского короля, то паны никак не согласились называть Бориса царем и самодержцем; они говорили: «Государь наш король и мы, паны-рада, от этого не отказываемся, и пригоже государю вашему титул царский писать, только это будет вперед, как между государей искренняя сердечная любовь и вечное доканчанье совершится. Прежде надобно сделать вечное соединенье, чтоб один другого не берегся, а не так, как нынешнее перемирье на время: скоро ми-

нется, и после того кто ведает, какой государь на котором государстве будет? И теперь на перемирье как царский титул писать?»

Не согласившись насчет титулов, положили подтвердить двадцатилетнее перемирие, как оно было заключено Сапегою в Москве. Но пред целованием креста Сигизмунд сказал: «Целую крест, что мне тот мир держать во всем по тому, как в перемирной грамоте написано; а в том перед св. крестом обещаюсь, что мне своего дедовского титула шведского короля не отступаться, также и в Ливонской земле городов Нарвы и Ревеля и других, которые теперь за Швециею, в эти перемирные лета доступать, за кем бы они ни были, и никому их не уступать. А Велижской волости быть попрежнему к Короне Польской и Великому княжеству Литовскому». Салтыков, услыхав это, сказал: «Целуй государь Жигимонт король крест к великому государю нашему на всем на том, что в перемирных грамотах написано». Паны-рада сказали на это: «Целует наш государь крест на всем на том, что в перемирных грамотах написано»; сам король подтвердил то же самое [22].

Какую же пользу извлек для себя Годунов из благоприятных обстоятельств на Западе, из борьбы между Польшею и Швециею,— перемирие, удовольствие отнять у Сигизмунда титул короля шведского? Но не одной этой отрицательной пользы хотел Годунов: ему хотелось Ливонии. Приобресть эту желанную страну или часть ее было теперь легко, но для этого было средство одно, средство прямое, решительное: заключить тесный союз с Карлом шведским против Польши. Но Годунов по характеру своему именно не был способен к средствам решительным, прямым, открытым. Он думал, что Швеция уступит ему Нарву, а Польша — Ливонию или часть ее, если только он будет грозить Швеции союзом с Польшею, а Польше — союзом с Швециею, раздражать и ту и другую, обнаруживая политику мелочную, двоедушную! Он боялся войны: сам не имел ни духа ратного, ни способностей воинских, воеводам не доверял, страшился неудачею затмить свое прежнее, счастливое в глазах народа правление, и вот он хочет, чтоб Ливония сама поддалась ему, старается поддержать неудовольствие ее жителей против польского правительства, возбудить сильнейшее, осыпает милостями пленных ливонцев, приказывает внушать рижанам: «Слух дошел до великого государя, что им, рижанам, от польских и литовских людей во всем теснота, хотят их отвести от веры и привести в папежскую и в езовитскую веру, права, обряды и вольности их порушить и так сделать, чтоб их, немцев, всех не найти и с фонарем в Ливонской земле. Великого государя это очень опечалило; он жалованье и милосердие показал ко многим ливонским немцам: такого милосердия им ни от которого государя не бывало и не будет; такого государя благочестивого, храброго и разумного от начала Русской земли не бывало». Наследовав мысль Грозного о необходимости Ливонии, Годунов под-

ражал ему и относительно средства приобресть расположение жителей: как Грозный хотел сделать из Ливонии вассальное королевство и назначал из своей руки королем датского принца Магнуса, так Годунов для той же цели еще при царе Феодоре завел сношение с шведским принцем Густавом, сыном Эрика XIV, изгнанным из Швеции и жившим в Италии; в царствование Бориса Густав приехал в Москву, и царь начал стращать им двоюродного брата его, Сигизмунда польского; Льва Сапегу во время торжественного въезда посольского нарочно провезли мимо дома, занимаемого Густавом, чтоб послы могли видеть этого соперника Сигизмундова. Но понятно, что все эти средства, не подкрепляемые действиями прямыми и решительными, не вели ни к чему. Несколько горожан нарвских составили заговор сдать город русским; но заговор был открыт и заговорщики казнены [23].

Годунов вызвал Густава не для того только, чтоб сделать его вассальным королем Ливонии; он хотел выдать за него дочь свою Ксению, но Густав не захотел отказаться от протестантизма и любовницы; за это у него отняли Калугу с тремя другими городами, назначенными ему сперва в удел, и вместо них дали Углич [24].

Нужно было искать другого жениха Ксении между иностранными принцами, и жениха нашли в Дании: принц Иоанн, брат короля Христиана, согласился ехать в Москву, чтоб быть зятем царским и князем удельным. В августе 1602 года Иоанн приехал в Россию и в устье Наровы был встречен боярином Михайлою Глебовичем Салтыковым и дьяком Власьевым. В Иван-городе датские послы, сопровождавшие принца, говорили Салтыкову: «Когда королевич поедет из Иван-города, будет в Новгороде и других городах и станут королевича встречать в дороге боярские дети и княжата, то королевичу какую им честь оказывать?» Салтыков отвечал: «В том королевичева воля; он великого государя сын, как кого захочет пожаловать по своему государскому чину». Салтыков писал царю: «Когда мы приходим к королевичу челом ударить, то он, государь, нас жалует не по нашей мере; против нас встает и здоровается (витается), шляпу сняв; мы, холопи ваши государские, того недостойны и потому говорили послам датским, чтоб королевич обращался с нами по вашему царскому чину и достоинству. Послы нам отвечали: королевич еще молод, а они московских обычаев не знают; как даст бог королевич будет на Москве, то, узнав московские обычаи, станет по ним поступать». Салтыков описывал царю подробно, в чем был одет принц каждый день: «*Платьице* на нем было атлас ал, делано с канителью по-немецки; *шляпка* пуховая, на ней *кружевца*, делано золото да серебро с канителью; *чулочки* шелк ал; *башмачки* сафьян синь». В Новгороде королевич ездил тешиться рекою Волховом вверх и иными речками до Юрьева монастыря, а едучи, тешился, стрелял из самопалов, был утят; натешившись, приехал в город поздно и стал

очень весел. За столом у королевича играли по *музыке*, в цымбалы и по литаврам били, играли в *сурны*. Салтыков писал царю: «Датские послы говорят королевичу, чтоб он русские обычаи перенимал не вдруг. Послы и ближние люди королевича на то наговаривали, чтоб он вашего царского жалованья, платьица что-нибудь к брату своему послал, и королевич говорил, что ваше царское жалованье, платьице к нему первое, что он принял его с покорностью, с радостным сердцем, и послать ему вашего царского жалованья первого не годится».

Иоанн был принят в Москве с большим торжеством, очень ласково от будущего тестя и сына его; царицы и царевны, разумеется, он не видал. Царь поехал в половине октября к Троице и на возвратном пути узнал о болезни Иоанна: у принца сделалась горячка, от которой он 28 октября умер на двадцатом году жизни. Борис сильно горевал, Ксения была в отчаянии, а в народе шел слух, что принцу приключилась смерть с умыслу царского, что Борис, видя, как все полюбили Иоанна, боялся, чтоб после не возвели его на престол мимо сына его Федора. В 1604 году начались было переговоры о браке Ксении с одним из герцогов шлезвигских, но прерваны были несчастиями Борисова семейства [25]. Годунов искал жениха для дочери и невесты для сына между владельцами грузинскими; о том же предмете велись переговоры с Австриею и Англиею.

Сношения с Австрийским домом продолжали носить прежний характер. В июне 1599 году Борис отправил к императору Рудольфу посланника, думного дьяка Афанасия Власьева, который ехал морем из Архангельска, норвежским и датским берегом, а потом Эльбою. На дороге гамбургское правительство встретило Власьева с честию, и он прославлял пред ним могущество и добродетели своего царя, рассказывал, как Борис при восшествии на престол велел дать служивым людям на один год вдруг три жалованья: одно — для памяти покойного царя Феодора, другое — для своего царского поставленья и многолетнего здоровья, третье — годовое. Со всей земли не велел брать податей, дани, посохи и на городовые постройки, делает все своею царскою казною. Да не только русских людей пожаловал, и над всеми иноземными милосердье его царское пролилось: немцев и литву, которые по грехам своим были в ссылке по дальным городам, велел взять в Москву, дал поместья, вотчины, дворы и деньги, а которые захотели служить, тех принял в службу и годовым жалованьем устроил; торговым людям немцам дал по тысяче рублей, иным — по две тысячи, и многих пожаловал званием гостя. Бурмистры отвечали: «Слышали мы подлинно, что государь ваш дороден, счастлив и милостив, и за его к бедным немцам лифляндским жалованье по всей земле Немецкой во веки ему честь и хвала».

Нашедши Рудольфа в Пильзене, куда он выехал из Праги

от морового поветрия, Власьев так говорил большим думным людям императорским: «Ведомо цесарскому величеству и вам, советникам его, что попустил бог бусурман на христианство, овладел турскнй султан Греческим царством и многими землями — Молдованами, Волохами, Болгарами, Сербами, Босняками и другими государствами христианскими, также, где была из давних лет православная христианская вера,— Корсунь город, и тут вселился магометанский закон, и тут теперь Крымское царство. Для избавы христианской царское величество сам своею персоною хочет идти на врага креста Христова со многими своими ратями, русскими и татарскими, сухим путем и водяным, чтоб Рудольфу цесарю вспоможенье, а православному христианству свободу учинить. Но царскому величеству и вам ведомо, что к крымскому хану водяного пути нет, кроме Днепра, а по Днепру города литовского короля и литовские черкасы; великий государь посылал к Сигизмунду королю посланника просить судовой дороги Днепром, но Сигизмунд и паны-рада дороги не дали и посланника к цесарскому величеству не пропустили. Король не хочет видеть между великим государем нашим и цесарем дружбы, а христианам добра, с турским ссылается и крымского через свою землю на цесареву землю пропускает. Да и прежде от польских людей над Максимилианом, арцы-князем австрийским, многое бесчестье учинилось. Так цесарское величество, подумав с братом своим Максимилианом и со всеми курфирстами, государю нашему объявил бы: как ему над Польшею промышлять и такие досады и грубости отомстить? А великий государь наш хочет стоять с ним на Польшу и Литву заодно».

Эта хитрая по-тогдашнему речь, начавшаяся несбыточным обещанием, что сам Борис пойдет на Крым, и кончившаяся призывом к войне с Польшею, показывает, какие жалкие попытки делало московское правительство вследствие совершенного незнания отношений между западными государствами. Годунов надеялся голословными обвинениями побудить императора Рудольфа к разрыву с Польшею! Цесаревы советники отвечали: «Король Сигизмунд и паны радные нам отказали: на турского заодно стоять с нами не хотят. Да что с ними и говорить! Смятенье у них великое, сами не знают, как им вперед жить, короля не любят. Цесарское величество большую надежду держит на великого государя Бориса Федоровича: думает, что по братской любви и для всего христианства он его не забудет. Всего досаднее на поляков цесарскому величеству, что не может их на то привести, чтоб стояли с ним заодно на турка, но делать нечего, надобно терпеть, хотя и досадно: цесарское величество с турским воюет, и если еще с поляками войну начать, то с двух сторон два недруга будут, а казны у цесаря не станет от турецкой войны, по как даст бог время, то цесарь станет над Польшею промышлять... Правду сказать, король Сигизмунд

цесарю недавно послушен и любителен показался; король ни в чем не виноват, пенять на него нельзя, надобно пенять на поляков, которые великие недруги Австрийскому дому». Этими словами австрийские вельможи давали ясно выразуметь послу о тесном союзе императора с королем Сигизмундом; поэтому сношения Москвы с Австриею не могли повести ни к чему: Борис не мог в угоду императору начать войну с турками, а император в угоду Борису не мог воевать Польшу.

Королева Елисавета по-прежнему льстила Борису и послам его, чтоб доставить в России выгоды купцам английским. Узнав о восшествии на престол Годунова, Елисавета писала ему: «Мы радуемся, что наш доброхот по избранию всего народа учинился на таком преславном государстве великим государем». Борис отвечал ей, что он учинился царем по приказу царя Феодора, по благословению царицы Ирины и по челобитью всего народа. В 1600 году отправлен был в Англию посланником дворянин Микулин, которому дан наказ: если спросят, каким образом учинился на государстве Борис Федорович? — отвечать: «Ведомо вам самим, при великом государе Феодоре Ивановиче царский шурин Борис Федорович, будучи во властодержавном правительстве, в какой мере и в какой чести был, и своим разумом премудрым, храбростию, дородством и промыслом царского величества имени какую честь и повышенье и государству Московскому прибавленье во всем сделал: всяким служивым людям милосердье свое показал и многое воинство устроил, черным людям — тишину, бедным и виновным — пощаду, всю Русскую землю в покое и тишине и в благоденственном житии устроил. И великий государь Феодор Иванович, отходя сего света, приказал и благословил государыне царице и своему царскому шурину быть на государстве Московском. Государыня пошла в монастырь и по слезному челобитью всего народа благословила брата своего».

Микулину при всяком удобном случае давали знать, что ему оказывается особенная честь пред другими послами. Так, ему говорили: «В том месте, где вам выйти из судов в Лондоне, пристает одна государыня наша Елисавета королевна, а кроме нее, никто». Елисавета говорила по-прежнему: «Со многими великими христианскими государями у меня братская любовь, но ни с одним такой любви нет, как с вашим великим государем». За обедом во дворце московский посланник с подьячим и переводчиком сидели за особым столом по левую руку от королевы. Когда стол отошел, королева начала умывать руки и, умыв, велела серебряный умывальник с водою подать Микулину, но посланник на жалованье бил челом, рук не умывал и говорил: «Великий государь наш королевну зовет себе любительною сестрою, и мне, холопу его, при ней рук умывать не годится». Королева засмеялась и Микулина похвалила за то, что ее почтил, рук при ней не умывал.

Микулин чтил королеву, но больше всего боялся уменьшить чем-нибудь честь своего государя: когда лорды приглашали его вести переговоры на их дворе, то он не согласился, требовал непременно, чтоб переговоры происходили во дворце, и его требованию уступили, лорды съезжались с ним на Казенном дворе, как он выражается. Лорд-мэр позвал его обедать; купцы, бывавшие в России, сказали Микулину, что лорд-мэр сядет за столом выше его, ибо такой обычай, и все послы садятся ниже лорда-мэра. Микулин отвечал: «Нам никаких государств послы и посланники не образец; великий государь наш над великими славными государями высочайший великий государь, самодержавный царь. Если лорд-мэр захочет нас видеть у себя, то ему нас чтить для имени царского величества, и мы к нему поедем; а если ему чину своего порушить и меня местом выше себя почтить нельзя, то мы к нему не поедем». И действительно, посланник не обедал у лорда-мэра. Микулин был в Лондоне во время восстания Эссекса (13 февраля 1601); Елисавета писала Годунову, что Микулин готов был подвергнуться опасности и биться с бунтовщиками. Но сам Микулин доносит только, что была смута и 24 февраля *ерль Ексетский* (граф Эссекс) казнен смертию, и по нем в Лунде (Лондоне) было великое сетованье и плач великий во всех людях [26].

Кроме Англии по делам торговым были сношения с городами ганзейскими: Борис исполнил просьбу 59 городов и дал им жалованную грамоту для торговли, при этом любчанам сбавлена была пошлина до половины. В 1601 и 1604 годах папа Климент VIII и кардинал Альдобрандини писали к Борису о пропуске нунциев и миссионеров, отправлявшихся в Персию; позволение было дано. С герцогом тосканским Борис пересылался насчет вызова в Москву итальянских художников, на что герцог объявлял радушное согласие [27].

Отношения к Крыму были благоприятны; хан, живший не в ладу с султаном, принуждаемый принимать участие в войнах последнего и видя, с другой стороны, могущество Москвы, невозможность приходить врасплох на ее украйны, ибо в степях являлись одна за другою русские крепости, должен был смириться и соглашаться с московскими послами, которые провозглашали, что государь их не боится ни хана, ни султана, что ратн· его бесчисленны. Борис приказывал отпускать крымских гонцов так, чтоб новые города: Оскол, Валуйки, Борисов — были в стороне, чтоб они шли не близко тех городов, не видали их и не рассматривали; провожатых с ними из Ливен не посылать, потому что они провожатых бьют и в полон берут. Летом 1601 года в новый Борисов город послан был окольничий Бутурлин для размена русских и крымских послов; в послах должен был идти князь Григорий Волконский; со стороны хана приехал известный уже нам Ахмет-паша Сулешов; переговоры происходили на мосту, который

был наведен на Донце. Когда Бутурлин сказал Ахмет-паше, что князь Волконский везет к хану деньгами больше 14 000 рублей, то Ахмет отвечал: «В прежние годы посылывано больше того и в последний раз, как я на Ливнах разменивал послов, было послано больше: что это за любовь, час от часу все убавлять? Привезши казну несполна, хотите меня к шерти привести; ваш государь к царю писал, что по цареву запросу все сполна послано и мне шерти не давать». Бутурлин отвечал, что царь Борис на преславных государствах учинился внове, государь мудрый, храбрый, милосердый, такого милостивого государя в Русском царстве не бывало: объявляя свое царское милосердие всяким ратным людям для своего царского венца и для своего многолетнего здоровья и для блаженной памяти царя Феодора Ивановича, пожаловал на один год три жалованья, а что было казны прежних государей и что было его прежней казны, все роздал и никаких податей брать не велел; а что в казне осталось, то прислал к хану. Пусть, продолжал Бутурлин, хан даст шерть и соблюдает ее; а если он захочет это сделать обманом, на своем слове и на правде не устоит, то государь наш сам своею царскою персоною, со всеми своими несчетными ратями, русскими, татарскими и немецкими, против царя пойдет и станет над ним своего дела искать, где царь ни будет. Ахмет сказал на это: «Я знаю, что государь ваш милостивый и дородный, захочет какую недружбу своему недругу мстить, и ему все можно сделать». Но, и признав могущество Бориса, Ахмет никак не хотел давать шерти, потому что денег было мало, и Бутурлин должен был разменяться послами без шерти. После размена Бутурлин звал Ахмет-пашу к себе в шатер за полученпем царского жалованья, но Ахмет не пошел. Тогда князь Волконский, уже бывший с ним за Донцом, дал знать Бутурлину, что Ахмет-паша двинулся с места, говорит, что ему царского жалованья не дали, так он хочет государеву казну, что с послами, взять, а самих послов покинуть. Бутурлин испугался, возобновил переговоры, и решили поставить шатер на мосту, на том месте, где прежде сходились, и в шатре Ахмету взять жалованье.

Но хан не отказался дать шерти и прислать клятвенную грамоту в Москву с послом своим Ахмет-Челибеем, причем писал Борису: «Вы на правде не стоите: донские козаки дважды уже в нашу землю приходили и улусы наши побрали». Очень любопытна тайная грамота Казы-Гирея Борису, в которой хан старается убедить царя, чтоб тот не строил крепостей в степи: «Теперь,— пишет хан,— ты города поставил, и этими городами к нашему государству близко подошел, а те места, которые по Донцу, наших улусов угодья. Будь тебе, брату нашему, ведомо: турский государь на ваше государство как ни помыслит рать послать, так я ему отговариваю тем, что место дальнее и пешей его рати до вашего государства не дойти, чем ему и запрещаю; а только он сведает,

что к вашим городам близко и дойти можно, то он будет вашим государствам вредить. И тебе бы вперед гораздо помыслить: если дальше тех городов, которые поставлены, станете подвигаться, то это шерть и добро порушит. Татарские князья и лучшие люди нам говорят: русские города к нам близко поставлены, и если между нами будет недалеко, то нашим людям с русскими людьми нельзя не задираться». На это дан был ответ: «Турского рать великому государю не страшна; великий государь может стоять против всех своих недругов, а рати у государя нашего несчетно. Города поставлены на поле для воров черкас, потому что многие воры черкасы и донские козаки послов и гонцов громили; а как те города поставлены, то теперь послам, посланникам и гонцам дорога чиста, государя вашего улусам от тех городов убытка нет, а только прибыль, что уже тут воры черкасы больше не живут».

Перемена отношений ясно высказывалась во всем: когда Борис должен был клясться в соблюдении мирных условий, то велел быть Ахмет-Челибею у себя наедине, взял в руки книгу и, подержав ее, сказал: «Это наша большая клятва, больше ее у нас не бывает», и отдал книгу боярину Семену Никитичу Годунову. Ахмет-Челибей ударил челом о землю и говорил: «Когда государь наш Казы-Гирей перед вашим послом, князем Григорием Волконским, прямую шерть учинил на коране, то князь Волконский велел эту книгу смотреть толмачу своему; со мною Казы-Гирей для такого же дела прислал дьяка грека; и в том как ты, государь, повелишь». Борис отвечал: «Сказывал я тебе, что мы такой клятвы не давали никогда, как теперь брату своему дали; с которыми великими государями бывает у нас мирное постановление, то с их послами утверждают бояре наши окольничие и думные дьяки, а большим укреплением царское слово бывает, то и правда. А теперь, желая крепить братство с Казы-Гиреем свыше всех государей, велели мы тебе быть у себя наедине, только теперь при нас сродник (и указал на боярина Семена Никитича) да ближний дьяк Афанасий Власьев, потому что все большие дела тайные». Посол должен был удовольствоваться этим объяснением.

То, что Борис подержал книгу в руках, разумеется, не мешало донским козакам нападать на крымцев; хан требовал у московского посла, князя Борятинского, чтоб тот или сам поехал, или послал кого-нибудь к козакам унять их и взять у них пленных татар; Борятинский отвечал с сердцем, что он послан не для того, чтоб унимать козаков и полон отыскивать. За такой ответ хан выслал его из Крыма, но и это не имело никаких неприятных последствий для Москвы, и сношения возобновились.

Мирных сношений с Турцией не было при Борисе. Как прежде при царе Феодоре Борис помог Австрийскому двору казною против турок, так теперь помогал он против них единоверному воево-

де молдавскому Михаилу; кроме денег на военные издержки, в Молдавию посылались церковные украшения, образа [28].

Если отношения к Крыму видимо принимали благоприятный оборот, то иначе шли дела за Кавказом: рано еще, не по силам было Московскому государству бороться в этих далеких краях с могущественными турками и персиянами. Мы видели уже, что Александр кахетинский не мог быть усерден к Москве, из которой ему давали знать, чтоб он не надеялся скорого освобождения от страшных магометанских соседей, и манил султана. Александр горько жаловался, что ошибся в своих надеждах. Преждевременное вмешательство в дела Закавказья обошлось дорого Москве уже при Феодоре, еще дороже обошлось в царствование Бориса: уполномоченный Москвою хитрить, Александр, признавая себя слугою Бориса, сносился в то же время с сильным Аббасом персидским и позволил сыну своему Константину принять магометанство, но и это не помогло: Аббас хотел совершенного подданства Кахетии и велел отступнику Константину убить отца и брата за преданность Москве. Преступление было совершено; с другой стороны, в Дагестане русские под начальством воевод Бутурлина и Плещеева вторично утвердились было в Тарках, но турки вытеснили их отсюда, а кумыки перерезали при отступлении после отчаянного сопротивления: 7000 русских пало вместе с воеводами, и владычество Москвы исчезло в этой стране [29] (1605 г.).

В далеком Закавказье Москва не могла защитить единоверцев своих от могущественных народов магометанских; зато беспрепятственно утверждалась ее власть в степях приволжских и в пустынях Сибири, где государи магометанские по своей отдаленности не могли защитить от нее своих слабых единоверцев. Ногаи разделялись на три орды, из которых одна только признавала власть московского царя. Борис, желая подчинить себе все три орды и опасаясь связи одной из них с Турциею и Крымом, приказывал подчиненному себе хану теснить ногаев турецких и в то же время, чтоб вернее достигнуть цели, приказывал астраханским наместникам ссорить ханов, следствием чего была кровопролитная война и запустение неприязненного улуса; но в подчиненном себе улусе Борис строго запрещал междоусобия [30].

В Сибири Кучум был жив и не переставал отводить сибирские волости от московского государя. В августе 1598 года за ним погнался воевода Воейков, сбирая на дороге языки о кочевьях слепого сибирского царя; кинув обоз, Воейков шел день и ночь, нашел Кучума на лугу на Оби, бился с ним от восхода солнечного до полудня и наконец одолел; семейство Кучума попалось в плен к русским, старик сам-третей ушел в лодке вниз по Оби. С какими же средствами велись эти сибирские войны, вследствие которых вся северная Азия подчинялась Москве, подчинялась христианству и гражданственности европейской? Воевода Воейков пишет,

что у него в походе против Кучума было рати: три сына боярских да голова татарский, три атамана да четыреста без трех человек литвы, козаков, юртовских и волостных татар. С такою разноплеменною ратью воевода бился полдня и поразил Кучума, но при этом надобно сказать также, что у сибирского царя было только 500 человек войска.

Пока упрямый Кучум был жив и не отказывался от вражды к Москве, до тех пор нельзя было ждать покоя в Сибири, и вот завели с ним опять сношения. Воейков послал сказать ему, чтоб он ехал к государю, государь его пожалует, жен и детей велит отдать; Кучум отвечал: «Не поехал я к государю, по государевой грамоте, своею волею в ту пору, когда я был совсем цел; а теперь за саблею мне к государю ехать не по что, теперь я стал глух и слеп, и нет у меня ничего. Взяли у меня промышленника, сына моего Асманака царевича; хотя бы у меня всех детей побрали, а один остался Асманак, то я бы с ним еще прожил; а теперь сам иду в Ногаи, а сына посылаю в Бухары». Старик пошел в Ногаи за смертию: его убили там. Семейство Кучума отправили в Москву с воеводами и козаками; дорога была тяжела для пленных, потому что провожавшие их воеводы не смели ничего сделать без царской грамоты, обо всякой безделице писали в Москву и дожидались ответа, а между тем пленники нуждались в необходимом. Козаки, по обычаю, буйствовали; воеводы писали царю: «Пришел к царевичам ночью пьяный козак, царевичей бранил непристойными словами, потом пришли ночью и к нам козаки и нас бранили. Мурзам от козаков теснота великая, а нас не слушают, ходят пьяные, воруют, к царевичам и к царицам ходят бесчинно, а нас и атаманов своих не слушают, говорят: мы вам не приказаны, так мы такие же, что и вы». Пленников ввезли торжественно в Москву напоказ народу и потом разослали по городам.

Строение городов в Сибири продолжалось; построены были: Верхотурье, Мангазея, Туринск, Томск. Томскому воеводе велено было прибрать в свой город в служивые люди и на пашню из зырян 50 человек, но ему удалось прибрать в Сургуте только пять человек. Тогда царь писал на Верхотурье, чтобы там прибрали для Томска 50 человек из гулящих охочих людей, и дать им по два рубля с полтиною денег человеку, хлеба по четверти муки, по полосмине круп, столько же толокна; прибрать молодцев молодых добрых, которые бы стрелять умели. Кроме служилых и пашенных людей, в новопостроенные сибирские города переводились из других городов и торговые люди: так, в 1599 году велено было двоим купцам из Вятки переселиться на Верхотурье. Прибирались туда и ямские охотники; им дано было от запмодавцев льготы на три года, с тем чтоб они в это время устроили себе дворы и завели пашню. Верхотурские стрельцы, козаки, пашенные крестьяне и ямские охотники били челом государю: держат они по

найму для своей нужды, для пашни и для гоньбы ярыжных козаков, дают им найму по три рубля с полтиною и по четыре рубля на лето, кроме того, что они едят и пьют у них; но этих козаков берут у них воевода и голова на царские изделья; кроме того, воевода и голова нанимают к казенным баням ярыжных козаков, дают им найму в год по четыре и по пяти рублей, и эти деньги, также деньги на банную поделку велят собирать с их ярыжных козаков. Царь запретил это. Позволено было пинежанам и мезенцам ездить в Сибирь, торговать с тамошними народцами, платя десятый лучший мех в казну царскую. В 1604 году бил царю челом верхотурский ямской охотник Глазунов: торгует на Верхотурье верхотурский жилец, торговый человек Лучанин всякими товарами с вогуличами; у кого сведает какой товар, перекупает, а младшим людям товару никакого купить не даст; сам на товаре даст рубли два или три, а возьмет рублей восемь, десять или пятнадцать, царской десятинной пошлины не платит, говорит, что у него жалованная грамота. Царь писал воеводе, что если ямщик говорит правду, то брать у Лучанина пошлину, какая берется с приезжих торговых людей, и не велеть ему перекупаться товарами, чтобы верхотурским всяким людям в том нужды и тесноты не было.

В Верхотурском уезде заведены были казенные соляные варницы; но промышленность эта не могла идти успешно по причине недостатка в людях. Своего хлеба в новопостроенных сибирских городах недоставало, надобно было присылать хлебные припасы туда из Европейской России; самый удобный способ доставки был по рекам, но для этого нужны были суда, и вот для постройки судов велено было выслать в Сибирь плотников с Перми, Вятки, Выми, Сольвычегодска, Устюга человек 80 и больше; эти плотники устраивались пашнею в удобных для судостроения местах; судовые снасти отправлялись из Ярославля и Вологды. Надобно бы озаботиться и о дорогах сухопутных; проведена была дорога между Соликамском и Верхотурьем; прокладывали ее посошные люди под надзором вожа и целовальников; вож воровал, приказывал дороги чистить узко, мосты мостить худые, целовальники на него жаловались; жаловались воеводы и служилые люди, ездившие в Сибирь, что по этой новой дороге хлебных запасов и сибирской казны провозить будет нельзя и служилым людям ездить по ней будет с большою нуждою; царь велел послать целовальников и посошных людей чистить дорогу сызнова, чтобы на ней заломов и пней не было. Годунов заботился и о туземцах: в 1598 году он писал, чтобы не брать у тюменских татар подвод для гонцов, не взыскивать ясака с татар и остяков бедных, старых, больных и увечных; заботился о примирении выгод туземцев и русских переселенцев, писал верхотурскому воеводе, чтоб он вогуличам с верхотурскими торговыми людьми сенные покосы, рыбные и

звериные ловли и всякие угодья поделил, как доведется, чтобы вогуличам нужды не было и верхотурским торговым людям чтобы также нужды не было. Крещеных дикарей велено было записывать в стрельцы; церкви в новопостроенных городах были снабжаемы книгами [31].

Так распоряжался Борис в странах новоприобретенных и новонаселенных. Теперь взглянем на его распоряжения в старых областях Московского государства. В 1599 году патриарх объявил, что грамота, данная Грозным митрополиту Афанасию, ветха, и потому Борис возобновил ее на свое имя: в этой грамоте подтверждено, что духовенство патриарших монастырей и все люди, служащие патриарху и живущие на его землях и землях его монастырей, подлежат только его патриаршему суду, исключая душегубство; кроме того, крестьяне патриаршие и его монастырей освобождены от разных повинностей.

Мы видели, что в 1580 году жители города Хлынова просили царя, чтоб у них был основан монастырь; теперь, в 1599 году, жители вятского же города Слободского били челом, что у них много людей желают постричься, но нет монастыря, а которые уже постриглись, то волочатся без пристроя между дворов, отца духовного у них близко нет и они помирают без покаяния и причащения; есть монастырь Успенский в Хлынове, но далеко, да посадским людям и волостным крестьянам постригаться в нем трудно: архимандрит и старцы просят много вкладу, по десяти, пятнадцати и двадцати рублей, с убогого человека меньше десяти рублей не берут, а кому случится постричься у себя на подворье, то они без пяти рублей не постригут. Поэтому слобожане просили, чтоб патриарх позволил им построить монастырь у себя в городе, а строителя уже они выбрали; патриарх согласился. В Верхотурье монах Иона построил монастырь по своему обещанию. Мы видели, какой дан был наказ поповским старостам в 1594 году; но в 1604 году патриарший тиун Чортов доносил Иову, что старосты и десятские поповские в поповскую избу не приходят, попов и дьяконов от бесчиния не унимают: безместные попы и дьяконы в поповскую избу не ходят и перед литургиею правила не правят, садятся у Фроловского моста и бесчинства делают большие, бранятся скаредно, а иные играют, борются и на кулачки бьются; а которые нанимаются обедни служить, те идут в церковь, не простившись с теми из своих братий, с которыми бранились; служат обедни не вовремя, рано, без часов; приезжие попы ему, тиуну, ставленных грамот своих не кажут, его не слушают, бранят и позорят. Патриарх подтвердил прежний наказ поповским старостам [32].

При вступлении своем на престол, собирая войско против хана, Борис объявил, чтоб воеводы были без мест. Но местничество при нем не ослабевало. В этом отношении любопытна перепис-

ка с царем Михайлы Глебовича Салтыкова, посланного в Иван-город навстречу принцу Иоанну датскому. В Иван-городе было трое воевод: князь Василий Ростовский, Третьяк Вельяминов и князь Петр Кропоткин. Салтыков, приехав в Иван-город, обратился с вопросом к двум младшим воеводам — Вельяминову и Кропоткину: нет ли немецких выходцев на государево имя, и если есть, то посланы ли они к государю? Воеводы отвечали, что выходцы есть, выехали тому дня с четыре, о вестях, ими принесенных, написали они, воеводы, к государю грамоту, но эта грамота еще не отпущена, потому что старший воевода, князь Василий Ростовский, в съезжую избу не приезжал, выходцев не расспрашивает и государю о том не пишет; они же мимо его писать не смеют и писать у них некому: подьячие живут у князя Василья на дворе, и прогонов им дать нечего, денег у них нет. Они, воеводы, ежедневно к князю Василью приказывают, чтоб он немцев спросил или бы велел им, воеводам, быть к себе на двор и с ними тех немцев расспросил и о всяких делах городовых с ними поговорил; но князь Василий их к себе не пускает и дела не делает: ключи городовые и списки дворянам прислал с подьячим в избу, велел положить на столе и отказал, что ему государевых дел не делать. Салтыков сказал на это Вельяминову и Кропоткину: «Вы делаете не гораздо, что такие великие многие дела за вашею рознею теперь стали». Потом Салтыков пошел к князю Ростовскому и говорил с ним наедине; воевода отвечал, что дела ему никакого делать нельзя за Вельяминовым, у которого написано в наказе, что по государеву указу велено ему быть в Иван-городе в воеводах, а воеводы — князь Ростовский и князь Кропоткин уже тут, в Иван-городе, были и этим ему, князю Василью, голова ссечена, и за тем ему и никакого дела делать нельзя. Салтыков отвечал ему: «Какое тебе будет до Третьяка дело, то пиши и бей челом государю, а унижения тебе тут никакого нет, Третьяк тебе не местник, велено ему быть с тобою, да и сам Третьяк перед тобою говорит, что ему с тобою не сойтись». Князь Ростовский сказал на это, что он дела не делает явно за Третьяком, а тайно всякие дела делает и за ним не станет, и прибавил: «Кто таких дураков воевод посылает?» Потом, спохватившись, сказал: «Государь этого не ведает». Но Салтыков отвечал ему, что он говорит не гораздо: жалует воевод государь, отпускает от своего царского лица и от своей царской руки и посылают их по государеву указу; да и про свою братию, воевод, так ему говорить непригоже. Князь Ростовский с своей стороны жаловался царю, что двое других воевод не велели ходить к нему подьячим, отчего ему писать к царю нельзя, ибо своею рукою писать не может, болен; жаловался, что Салтыков ни о каких государевых делах ему не говорит [33].

К царствованию Бориса принадлежит любопытный местнический случай, в котором видим столкновение интересов родственных

с интересами родовыми: в июле 1598 года бил челом князь Ноготков вместо всех князей Оболенских: в нынешнем году был на берегу в правой руке в третьих боярин князь Иван Васильевич Сицкий, а в передовом полку в третьих — князь Александр Репнин-Оболенский. И князь Репнин был меньше князя Сицкого, не бил челом в отечестве, дружась с князем Сицким и угождая Федору Никитичу Романову, потому что Федор Романов, князь Сицкий и князь Репнин между собою братья и великие друзья. А умышлял это Федор Романов для того, чтобы воровским нечелобитьем князя Репнина поруха и укор учинились в отечестве от его рода Романовых и от других чужих родов всему их роду князей Оболенских. Государь бы их пожаловал, велел это их челобитье записать, чтобы всему их роду в отечестве порухи и укору не было от чужих родов. И государь князя Ноготкова пожаловал, велел челобитье в разряд записать, что князь Репнин был с князем Сицким по дружбе, и князь Репнин князю Сицкому виноват один, а роду его — всем князьям Оболенским от этого порухи в отечестве нет никому.

Борис, если верить показаниям иностранцев, увеличил число стрельцов в Москве: по Флетчеру, при Феодоре было в Москве 7000 стрельцов; при Борисе, по Маржерету, уже было 10 000; они разделялись на приказы, каждый — в 500 человек, приказом начальствовал голова. Голова, смотря по службе, получал жалованья от 30 до 60 рублей и, кроме того, поместье; сотники получали от 12 до 20 рублей, десятники — до 10, рядовые — от 4 до 5[34], кроме того, получали ежегодно по 12 четвертей ржи и столько же овса. Когда Борис выезжал из Москвы, хотя бы не далее шести верст, то его окружало множество стрельцов, которым выдавались лошади из царских конюшен, и число всей конницы, как стрелецкой, так и дворянской, окружавшей царя при выездах, простиралось от 18 000 до 20 000. Каждый воевода имел свое знамя с изображением известного святого, знамя это благословлялось патриархом, для ношения его определялось двое или трое человек; кроме того, каждый воевода имел свой собственный набат или большие медные барабаны, которые возились на лошадях; у каждого воеводы таких барабанов 10 или 12, столько же труб и несколько бубнов; при звуке всех этих инструментов начинается битва, но один барабан назначен бить отступление. Жалованье боярам, по Маржерету, простиралось от 500 до 1200 рублей: последнюю сумму получал первый боярин, князь Мстиславский; окольничие получали от 200 до 400 рублей и от 1000 до 2000 четвертей земли, окольничих было 15; думные дворяне, числом шесть, получали от 100 до 200 рублей и до 1200 четвертей земли; московский дворянин — от 20 до 100 рублей и от 500 до 1000 четвертей, выборный дворянин — от 8 до 15 рублей и городовой — от 5 до 12 и до 500 четвертей земли; боярские дети получа-

ли по 4, 5, 6 рублей и от 100 до 500 четвертей земли. Из этих служилых людей, говорит Маржерет, составляются огромные толпы, не знающие порядка и дисциплины и потому приносящие гораздо более вреда, чем пользы. Вспомогательные отряды черемис, мордвы и татар простираются до 30 000; черкас — от 3000 до 4000, иностранцев, то есть немцев, поляков и греков,— 1500; последние получают от 12 до 60 рублей жалованья, а начальные люди — до 120 рублей и, кроме того, от 600 до 1000 четвертей. Даточные люди выставляются с земель духовенства, с каждой четверти — по два ратника, один конный, другой пеший. Лошади большею частию получаются из Ногайской орды (кони), они средней величины и могут бежать от семи до осьми часов, не останавливаясь, очень дики и пугаются ружейного выстрела, цветом они белые с черными пятнами, едят мало овса или вовсе не едят его; русские употребляют еще грузинских лошадей: эти красивы, но относительно выдержливости и скорости их нельзя и сравнивать с ногайскими. Употребляются также турецкие и польские лошади, которые называются аргамаками; собственно русские лошади малы ростом, но добры, особенно те, которых пригоняют из Вологды и соседних стран. Можно купить хорошую русскую или татарскую лошадь за 20 рублей, и она служит лучше, чем турецкий аргамак, стóящий от 50 до 100 рублей.

Давно уже московские государи начали принимать в службу иностранцев, немцев, но никогда еще эти иностранцы не пользовались таким почетом и такими выгодами, как при Борисе. Главною причиною тому опять было желание приласкать ливонцев, потом явное преимущество иностранных ратников пред русскими, наконец, можно присоединить сюда и подозрительность Бориса, который, не доверяя своим русским, хотел окружить себя иностранцами, вполне ему преданными. В 1601 году приехали в Москву ливонцы, лишившиеся имений своих вследствие войны Польши с Швецией, приехало также несколько немцев из Германии, из Швеции; Борис принял их чрезвычайно милостиво и при торжественном представлении сказал: «Радуемся, что вы по здорову в наш царствующий город Москву доехали. Очень скорбим, что вы своими выгнаны и всех животов лишились, но не печальтесь: мы в три раза возвратим вам то, что вы там потеряли; дворян мы сделаем князьями, других, меньших людей,— боярами; слуги ваши будут у нас людьми свободными; мы дадим вам землю, людей и слуг, будем водить вас в шелку и золоте, кошельки ваши наполним деньгами; мы не будем вам царем и господином, но отцом, вы будете нашими детьми, и никто, кроме нас самих, не будет над вами начальствовать; я сам буду вас судить; вы останетесь при своей вере. Но за это вы должны поклясться по своей вере, что будете служить нам и сыну нашему верою и правдою, не измените и ни в какие другие государства не отъедете, ни к турскому,

ни в Крым, ни в Ногаи, ни к польскому, ни к шведскому королю. Сведаете против нас какой злой умысел, то нам об этом объявите, никаким ведовством и злым кореньем нас не испортите. Если будете все это исполнять, то я вас пожалую таким великим жалованьем, что и в иных государствах славно будет». Тизенгаузен, ловкий и красноречивый ливонский дворянин, благодарил царя от имени своих собратий и клялся за них в верности до смерти. «Дети мои! — отвечал на это Борис,— молите бога о нас и о нашем здоровье, а, пока мы живы, вам ни в чем нужды не будет»,— и, взявшись за свое жемчужное ожерелье, прибавил: «И это разделю с вами». Немцев разделили на 3 статьи: находившиеся в первой получили по 50 рублей жалованья и поместье со 100 крестьянами; находившиеся во второй — 30 рублей жалованья и поместье с 50 крестьянами; в третьей — 20 рублей жалованья и поместье с 30 крестьянами; наконец, слуги дворянские получили по 15 рублей и поместье с 20 крестьянами [35].

Не одни служилые немцы пользовались благосклонностию Бориса: купцы ливонские, выведенные в Москву еще при Грозном, получили по 300 и по 400 рублей займы из царской казны, без роста, на бессрочное время, под условием не выезжать из России без позволения и не распускать за границею дурных слухов о государе. Должно быть, к числу этих немцев принадлежали Поперзак и Витт, которым Борис дал жалованные грамоты на звание московских лучших торговых людей с правом беспошлинной торговли с иностранными государствами; ведал и судил их во всем печатник Василий Щелкалов; московские дворы их были свободны от всяких податей и повинностей; на дворах своих они имели право держать питье всякое про себя, а не на продажу; причислены они были к московской Гостиной сотне, а с посадскими людьми московскими ничего не тянули [36].

Таким образом, в сословии служилых людей увеличилось число иноземцев, иноземцы появились и среди купцов московских. Касательно внешней торговли при Борисе мы имеем известие, что в 1604 году к Архангельску приходило 29 кораблей английских, голландских и французских; товары, привозимые на этих кораблях, были: жемчуг, яхонты, сердолики, ожерелья мужские канительные, стоячие и отложные, сукна, шелковые материи, миткаль, киндяки, сафьян, камкасеи, полотенца астрадамские (амстердамские), вина, сахар, изюм, миндаль, лимоны в патоке, лимоны свежие, винные ягоды, чернослив, сарачинское пшено, перец, гвоздика, корица, анис, кардамон, имбирь в патоке, цвет мускатный, медь красная, медь волоченая, медь в тазах, медь зеленая в котлах, медь *паздера*, медь зеленая тонкая, олово прутовое и блюдное, железо белое, свинец, ладан, порох, хлопчатая бумага, сельди, соль, сера горячая, зеркала, золото и серебро пряденое, мыло греческое, сандал, киноварь, квасцы, целибуха,

колокола, паникадила, подсвечники медные, рукомойники, замки круглые, погребцы порожние со склянницами, ртуть, ярь, камфора, москательный товар, проволока железная, камешки льячные в кистках, камешки белые льячные, масло спикопардовое, масло деревянное, масло бобковое. Корабли приходили из Лондона, Амстердама, Дюнна [37].

Мы видели, что в начале царствования Феодорова произошла важная перемена в судьбе земледельческого сословия — выход крестьянский был запрещен; Борис, как говорит одно иностранное известие, при восшествии своем на престол определил, сколько крестьянин должен платить землевладельцу и сколько работать на него. Несмотря на то, сильные притеснения, которые претерпевали крестьяне вследствие нового порядка вещей, заставили Годунова в 1601 году изменить закон так, чтобы цель, для которой он был издан, достигалась, т. е. чтобы богатые землевладельцы не могли переманивать крестьян с земель мелких служилых и приказных людей, а между тем крестьянин, притесняемый мелким помещиком, мог освободиться от него выходом, только не к богатому землевладельцу, у которого мог получить больше льготы, а к другому мелкому же. «Великий государь царь,— говорит указ,— и сын его великий государь царевич пожаловали, во всем своем государстве *от налога и от продаж* велели крестьянам давать выход». Но отказывать и возить крестьян могли только: дворяне, которые служат из выбору, жильцы, дети боярские городовые, городовые приказчики, иноземцы всякие, Большого дворца люди всех чинов (ключники, стряпчие, ситники, подключники), Конюшенного приказа приказчики, конюхи стремянные и стряпчие, ловчего пути охотники и конные псари, сокольничья пути кречетники, сокольники, ястребники, трубники и сурначеи, царицыны дети боярские, всех приказов подьячие, сотники стрелецкие, головы козачьи, Посольского приказа переводчики и толмачи, патриаршие и архиерейские приказные люди и дети боярские. Срок крестьянского отказа и возки прежний — Юрьев день осенний да после него две недели; пожилого крестьяне платят по Судебнику рубль и два алтына. Крестьяне не могли переходить: в дворцовые села и черные волости, за патриарха, архиереев, за монастыри, за бояр, окольничих, дворян больших, за приказных людей и дьяков, за стольников, стряпчих, голов стрелецких; а в Московском уезде и в Московский уезд из других областей запрещено было отказывать и возить крестьян всем людям без исключения. Кроме того, было постановлено, чтоб один человек от другого мог вывезти не больше двух крестьян. В 1602 году новое постановление было подтверждено; велено было в городах и по сельским торжкам бирячу кликать несколько раз: кто из крестьян хочет за кого идти в крестьяне же может, как и в прошлом году, выходить на Юрьев день осенний, чтобы таких крестьян

помещики и вотчинники выпускали из-за себя со всем их именем, без всякой зацепки и в крестьянской возке между людьми боев и грабежей не было бы, силою дети боярские крестьян за собою не держали бы и продаж им никаких не делали; а кто станет крестьян грабить, из-за себя не выпускать, тем быть в большой опале. Очень вероятно, что голод, свирепствовавший в это время, был причиною налогов и продаж, которые заставили прибегнуть к означенной мере.

От описываемого времени, именно от 1599 года, дошли до нас любопытные известия, показывающие нам точку зрения, с какой в Московском государстве смотрели на отношение прикрепленных крестьян к землевладельцам вскоре после прикрепления. Крестьянин с сыном и пасынком, прикрепленный к земле Вяжицкого монастыря, бежал и скрылся в имении одного сына боярского. Игумен Вяжицкого монастыря его отыскивал и чрез несколько лет отыскал; тогда вдова того сына боярского, у которого он укрывался, не желая тягаться с монастырем, выдала беглого игумену. Как же последний поступил с ним? Он его *порядил* к себе в крестьяне на пашню; крестьянин обязался поставить избу с разными службами, распахать пашни и проч., а игумен дал ему разные льготы и подмогу. Потом тот же Вяжицкий монастырь счел для себя выгодным переселить несколько крестьян с одной своей земли на другую; как же он распорядился? Он заключил с этими крестьянами порядную запись: крестьяне *порядились* жить за монастырем на новой земле, обязались по старому обычаю произвести известные работы, а монастырь обязался дать им известные льготы; в случае же неисполнения условий со стороны крестьян они обязались заплатить монастырю известную сумму денег. Уже в описываемое время правительство должно было вооружиться против людей, которые, отбывая от платежа податей, *закладывались*, по тогдашнему выражению, за других: в 1599 году Борис велел выслать на житье в город Корелу тех корелян, которые жили в Спасском Кижском погосте за митрополитом, монастырями, за детьми боярскими и за всякими людьми (в захребетниках и подсуседниках).

Царские послы прославляли Годунова пред иностранцами за облегчение народа от податей; действительно, в распоряжениях его встречаем известие о таком облегчении: например, в грамоте в Серпухов 1601 года говорится, что в Серпухове и Коломне отменены целовальники и дьячки для денежных сборов и жители освобождались от платежа или подмоги, которая собиралась с сох; остались губные целовальники, дьячки, сторожа, палачи и бирячи, и денежные доходы с сох велено собирать губным целовальникам; брать в целовальники крестьян с сох и подмогу им давать с сох же; а с посадов и с дворцовых сел губным целовальникам, дьячкам, сторожам, палачам и бирячам не быть, потому что *во всех*

городах на посадах и по слободам всякие таможенные пошлины указал царь собирать посадским людям. В той же грамоте говорится, чтобы в Серпухове и Коломне вперед тюрьм сохами не строить, строить их на деньги из царской казны. При Годунове был дан в Разбойный приказ боярский приговор: которые разбойники говорили на себя в расспросе и с пыток и сказали: были на одном разбое, а на том разбое убийство или пожог дворовый или хлебный был, и тех казнить смертью. А которые разбойники были на трех разбоях, а убийства и пожогу хотя и не было, и тех казнить смертию же; а которые разбойники были на одном разбое, а убийства и пожогу на тех разбоях не было, и тем разбойникам сидеть в тюрьме до указу. Которые разбойники или тати сидят в тюрьме года два или три и на которых людей с пыток в первом году не говорили, а в другом и третьем году станут говорить, то их речам не верить [38].

Мы видели, как Борис был верен мысли Грозного о необходимости приобрести прибалтийские берега Ливонии для беспрепятственного сообщения с Западною Европою, для беспрепятственного принятия от нее плодов гражданственности, для принятия науки, этого могущества, которого именно недоставало Московскому государству, по-видимому, так могущественному. Неудивительно потому встречать известие, что Борис хотел повторить попытку Грозного — вызвать из-за границы ученых людей и основать школы, где бы иностранцы учили русских людей разным языкам. Но духовенство воспротивилось этому; оно говорило, что обширная страна их едина по религии, нравам и языку; будет много языков, встанет смута в земле. Тогда Борис придумал другое средство: уже давно был обычай посылать русских молодых людей в Константинополь учиться там по-гречески; теперь царь хотел сделать то же относительно других стран и языков; выбрали несколько молодых людей и отправили одних в Любек, других в Англию, некоторых во Францию и Австрию учиться. Ганзейские послы, бывшие в Москве в 1603 году, взяли с собой в Любек пять мальчиков, которых они обязались выучить по-латыни, по-немецки и другим языкам, причем беречь накрепко, чтоб они не оставили своей веры и своих обычаев. С английским купцом Джоном Мериком отправлены были в Лондон четверо молодых людей «для наук разных языков и грамотам» [39]. Но пока эти молодые люди учились за границею иностранным языкам и грамотам, государство нуждалось в знаниях, искусствах необходимых, и вот Борис отправил известного уже нам Бекмана в Любек для приглашения в царскую службу врачей, рудознатцев, суконников и других мастеров. В наказной памяти Бекману говорилось: «Приехав в Псков, сказать воеводе, чтоб отпустил его тотчас не шумно, чтоб о том иноземцы не узнали. Из Пскова ехать в Любек Лифляндскою землею на Юрьев или на Кесь, или другие какие города, куда

ехать лучше и бесстрашнее». Из этих слов ясно видно, что́ заставляло московских государей добиваться хотя одной гавани на Балтийском море: иначе надобно было действовать тайком, не шумно, надобно было выкрадывать знания с запада. Далее в наказе говорится: «Приехавши в Любек, говорить бурмистрам, ратманам и палатникам, чтоб они прислали к царскому величеству доктора навычного, который был бы навычен всякому докторству и умел лечить всякие немощи. Если откажут, то промышлять в Любеке доктором самому, чтоб непременно доктором в Любеке промыслить. Посланы с ним опасные грамоты суконным мастерам, рудознатцам, которые умеют находить руду золотую и серебряную, часовникам: так ему промышлять накрепко, чтоб мастеровые люди ехали к царскому величеству своим ремеслом послужить, сказывать им государево жалованье и отпуск повольный, что им приехать и отъехать во всем будет повольно безо всякого задержанья» [40].

Борис по характеру своему особенно дорожил медиками, потому что трепетал за свое здоровье и здоровье своего семейства, думал, что враги постоянно умышляют против его жизни и здоровья, следовательно, хотел окружить себя искусными людьми, которые могли бы противодействовать вражьим замыслам. У него было шесть иностранных медиков, которым он давал богатое содержание и подарки, почитал их, как больших князей или бояр, позволил им построить себе большую протестантскую церковь. Относительно медицинских понятий века сохранился любопытный разговор печатника Василья Щелкалова с приехавшим из Англии доктором Вильсом. Щелкалов спрашивал доктора: «Сказываешься ты доктор, а грамота у тебя Елисавет королевнина докторская и книги докторские и лечебные и зелье с тобою есть ли? И как немочи знаешь? И по чему у человека какую немочь познаешь?» Доктор отвечал: «Которые книги были со мною повезены из Английской земли для докторства, и я те книги все оставил в Любеке для проезда, сказывался в дороге торговым человеком для того, чтоб меня пропустили, а зелья не взял для проезду же, потому что нас, докторов, в Москву нигде не пропускают». Щелкалов спросил: «По чему же тебе у человека без книги какую немочь можно познать — по водам ли или по жилам?» Доктор отвечал: «Немочь в человеке всякую можно и без книг разумом знать по водам; а если будет в человеке тяжкая болезнь, то ее и по жилам можно познать: лечебная книга со мною есть, а старая книга у меня в голове» [41].

Печатание книг продолжал при Годунове старый типографщик времен Грозного Андроник Тимофеев Невежа, а потом сын его, Иван Андроников Невежин. Последний в послесловии к *Цветной триоди* распространяется в похвалах Борису и, между прочим, говорит: «И о сем богодухновенных писаний трудолюбственнем

деле тщание велие имел и с прилежным усердием слова истины исправляя, делателей же преславного сего печатного дела преизобилне своими царскими уроки повсегда удоволяя, и дом превелик устроити повеле: в нем же трудолюбному сему книжного писания печатному делу совершатися».

Ясно высказанная правительством необходимость сближения с иностранцами для заимствования у них знаний, ясно высказанное, следовательно, убеждение в превосходстве иностранцев, у которых должно учиться, умножение числа этих иностранцев в войске, появление их в сословии торговом, почесть, которую оказывал им царь, державший медиков своих, как князей или бояр,— все это не могло не породить в некоторых русских людях желания подражать иностранцам и начать это подражание, по известному закону, со внешнего вида. Современники Борисова царствования, и свои и чужие, согласно говорят о пристрастии русских к иноземным обычаям и одеждам, о введении обычая брить бороды, причем выставляется и причина: царь очень любил иностранцев, был их потаковником. Приверженцы старины обратились к патриарху: «Отец святый! — говорили они ему,— зачем ты молчишь, видя все это?» Совесть Иова уязвлялась этими речами, как стрелами, но говорить царю против нововведений у него недоставало духа: «Видя семена лукавствия, семые в винограде Христовом, делатель изнемог и только, к господу богу единому взирая, ниву ту недобрую обливал слезами» [42].

ГЛАВА ВТОРАЯ
ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ БОРИСА ГОДУНОВА

Причины Смуты.— Дело Богдана Бельского.— Доносы.— Опала Романовых.— Отношения царя к другим вельможам.— Навязанная молитва при заздравной чаше.— Голод.— Мор и разбои.— Слухи о самозванце.— Разбор мнений о самозванце.— Похождения Отрепьева.— Обличения ему из Москвы.— Меры царя и патриарха против самозванца.— Вступление Лжедимитрия в московские пределы.— Сдача Путивля.— Битва под Новгородом Северским.— Битва при Добрыничах.— Недеятельность царских воевод.— Смерть Бориса Годунова.— Присяга царю Феодору Борисовичу.— Отправление воеводы Басманова к войску.— Переход войска к самозванцу.— Возмущение Москвы против царя Феодора.— Свержение патриарха Иова.— Убиение царя Феодора и матери его

Для многих в Московском государстве Борис и на престоле оставался таким же, каким был во время правления своего при царе Феодоре. Муж чудный и сладкоречивый [43] продолжал устраивать в Русском государстве много достохвальных вещей, попрежнему ненавидел мздоимство, старался искоренить разбои, воровство, корчемства, был светлодушен, милостив и нищелюбив. Ради таких строений всенародных Борис в первые годы своего царствования был всем любезен. Россия цвела всеми благами [44]. И, несмотря на это, он пал, потому что, говорят русские современники, навел он на себя негодование чиноначальников всей Русской земли.

Годунов пал вследствие негодования чиноначальников Русской земли. Так говорят современники, иностранцы и русские, и после поверки их объяснения мы не можем не согласиться с ними. Но падением Годуновых дело не кончилось, за ним последовало страшное Смутное время, и потому надобно объяснить еще, почему Смута, произведенная меньшинством, не встретила сопротивления в большинстве, не была им затушена? Почему зло могло так приняться на русской почве в начале XVII века и принести такие страшные плоды?

У Годунова были враги, были соперники между боярами, но вступление его на престол со всеми обстоятельствами, сопровождавшими это событие, показывало ясно могущественные средства

Годунова и бессилие врагов его. Явного противодействия быть не могло ни тут, ни после; у врагов Годунова не было средств вещественных: это не были правители сильных областей, в которых, пользуясь народным расположением, могли поднять знамя восстания; соперники Годунова не имели на своей стороне и средств нравственных: он был лучший между ними, по общему признанию. Средства Годунова были велики; но по характеру своему он не был в уровень своему положению, не умел признать своих средств и воспользоваться ими. «Если бы терн завистной злобы не помрачил цвет его добродетели, то мог бы древним царям уподобиться». Эти слова современника объясняют как нельзя лучше дело. Годунов не мог уподобиться древним царям, не мог явиться царем на престоле и упрочить себя и потомство свое на нем по неумению нравственно возвыситься в уровень своему высокому положению. Восходя на престол, он не мог освободиться от боярских отношений, от боярских чувств, продолжал питать *завистную* злобу к своим старым соперникам, был способен унизиться до зависти, то есть до признания в других равных или бóльших прав на престол, чем какие он имел сам; неуверенность в собственном достоинстве, в собственных правах, собственных средствах не могла дать ему необходимого в его положении спокойного величия и развила в нем эту мелкую, болезненную подозрительность, заставившую его осквернить царство доносами неслыханными; не имея доверия, уважения к самому себе, он не мог доверять никому. Подозрительностью, завистною злобою он раздражил родовитых людей, в которых видел врагов своих, то отдалял их от себя по какому-нибудь доносу, то опять приближал, преследуя, однако, людей, сносившихся с ними; но раздражая врагов, он в то же время своим мелкодушием, подозрительностью, боязливостью уничтожал в них уважение к себе, обнаруживал пред ними свою слабую сторону, указывал средство действовать против себя, действовать испугом, отнимавшим у него дух, решительность.

Таким образом, в характере человека, воссевшего на престоле Рюриковичей, заключалась возможность начала Смуты, но продолжение ее и сильное развитие условливались другими обстоятельствами: болезнь прикинулась и сильно развилась в общественном теле, потому что тело это заключало в себе много дурных соков. Давно уже мы имели случай замечать неудовлетворительное состояние народной нравственности в Московском государстве. Мы видели причины тому в борьбе, сопровождавшей появление и утверждение нового порядка вещей, собрание земли. Борьба между князьями за волости сменилась борьбою государей московских с основанными на старине притязаниями князей служебных и дружины вообще. Борьба эта достигла до ужасных размеров в царствование Грозного. Водворилась страшная привычка

не уважать жизни, чести, имущества ближнего; сокрушение прав слабого пред сильным при отсутствии просвещения, боязни общественного суда, боязни суда других народов, в общество которых еще не входили, ставило человека в безотрадное положение, делало его жертвою случайностей, заставляло сообразоваться с этими случайностями, но эта привычка сообразоваться со случайностями, разумеется, не могла способствовать развитию твердости гражданской, уважения к собственному достоинству, уменья выбирать средства для целей. Преклонение пред случайностию не могло вести к сознанию постоянного, основного, к сознанию отношений человека к обществу, обязанности служения обществу, требующего подчинения частных стремлений и выгод общественным. Внутреннее, духовное отношение человека к обществу было слабо; все держалось только формами, внешнею силою, и, где эта внешняя сила отсутствовала, там человек сильный забывал всякую связь с обществом и позволял себе все на счет слабого. Во внешнем отношении земля была собрана, государство сплочено, но сознание о внутренней, нравственной связи человека с обществом было крайне слабо; в нравственном отношении и в начале XVII века русский человек продолжал жить *особе*, как физически жили отдельные роды в IX веке. Следствием преобладания внешней связи и внутренней, нравственной особности были те грустные явления народной жизни, о которых одинаково свидетельствуют и свои, и чужие, прежде всего эта страшная недоверчивость друг к другу: понятно, что когда всякий преследовал только свои интересы, нисколько не принимая в соображение интересов ближнего, которого при всяком удобном случае старался сделать слугою, жертвою своих интересов, то доверенность существовать не могла. Страшно было состояние того общества, члены которого при виде корысти порывали все, самые нежные, самые священные связи! Страшно было состояние того общества, в котором лучшие люди советовали щадить интересы ближнего, вести себя по-христиански с целию приобрести выгоды материальные, как советовал знаменитый Сильвестр своему сыну. И любопытно видеть, как подобные советы обнаруживали свое действие в поведении Годунова, который стремился к вещам достохвальным, был светлодушен, милостив, нищелюбив для достижения своих честолюбивых видов, для того, чтоб прослыть везде благотворителем. Любопытно видеть, как в характере Бориса и в отношениях к нему общества отразился господствующий недуг времени: Борис был болен страшною недоверчивостию, подозревал всех, боязливо прислушивался к каждому слову, к каждому движению, но и общество не осталось у него в долгу: каждый шаг его был заподозрен, ни в чем ему не верили; если он осквернил общество доносами, то и общество явилось в отношении к нему страшным доносчиком, страшным клеветником; он, по уверению современного ему обще-

ства, отравил царскую дочь, самого царя, сестру свою царицу Александру, жениха своей дочери, сжег Москву, навел на нее хана! Царь и народ играли друг с другом в страшную игру.

Но послушаем современников о нравственном состоянии общества при Борисе: иностранцы, как и русские, говорят о старании Бориса уничтожить взяточничество. Если судья был уличен во взятках, то должен был возвратить взятое, заплатить штраф от 500 до 1000 и 2000 рублей, имение его отбирали в казну. Если это был дьяк, не пользовавшийся случайно особенным расположением власти, то его возили по городу и секли, причем висел у него на шее мешок со взяткою, будь то деньги или мех, или соленая рыба; потом преступника заточали. Но взяточничество не уменьшалось, только взяточники поступали осторожнее: для избежания подозрения просители вешали подарок к образу в доме правительственного лица или при христосовании всовывали деньги в руку вместе с красным яйцом. «Во всех сословиях,— говорит другой современник-иностранец,— воцарились раздоры и несогласия; никто не доверял своему ближнему; цены товаров возвысились неимоверно; богачи брали росты больше жидовских и мусульманских; бедных везде притесняли. Друг ссужал друга не иначе, как под заклад, втрое превышавший занятую сумму, и, сверх того, брал по четыре процента еженедельно; если же заклад не был выкуплен в определенный срок, то пропадал невозвратно. Не буду говорить о пристрастии к иноземным обычаям и одеждам, о нестерпимом, глупом высокомерии, о презрении к ближним, о неумеренном употреблении пищи и напитков, о плутовстве и разврате. Все это, как наводнение, разлилось в высших и низших сословиях». Это говорят иностранцы, а вот слова русского современника: «Впали мы в объядение и в пьянство великое, в блуд и в лихвы, и в неправды, и во всякие злые дела» [45]. После услышим еще не менее резкие слова.

Кроме дурного состояния нравственности, развитию смут в Московском государстве в описываемое время благоприятствовало еще одно обстоятельство. Мы упомнили о сильном развитии казачества во второй половине XVI века, видели и характер казаков. Беглец из общества потому ли, что общественные условия ему не нравились, или потому, что общество преследовало его за нарушение наряда, казак, разумеется, не мог согласить своих интересов с интересами государства, беспрестанно действовал вопреки последним. Государство терпело это по слабости, но для казаков было ясно, что терпение не будет продолжительно. Открыто действовать против государства они не смели: при обычном ходе дел, при внутреннем спокойствии государства они не могли иметь ни малейшей надежды действовать с успехом против него. Но когда открылась Смута, наряд исчез, то казакам явилась полная возможность войти в пределы государства и жить на его счет.

К этим степным козакам, разумеется, должны были пристать все люди с козацким характером, люди, которые по разным обстоятельствам тяготились своим положением, искали выхода из него, люди, хотевшие пожить на чужой счет. Толпы степных козаков должны были, следовательно, увеличиться толпами козаков внутренних; и тем и другим было необходимо поддерживать Смуту как можно долее, ибо с восстановлением спокойствия, наряда, прекращалось их царство, их выгодное положение относительно государства, которое по-прежнему стало бы грозить их противуобщественному быту. Таким образом, Смутное время мы имеем право рассматривать как борьбу между общественным и противуобщественным элементом, борьбу земских людей, собственников, которым было выгодно поддержать спокойствие, наряд государственный для своих мирных занятий, с так называемыми козаками, людьми безземельными, бродячими, людьми, которые разрознили свои интересы с интересами общества, которые хотели жить на счет общества, жить чужими трудами. Некоторые полагают причиною Смуты запрещение крестьянского выхода, сделанное Годуновым. Но мы не можем согласиться с этим мнением, во-первых, потому, что ни один из современных писателей не намекает на это, хотя они объясняют, почему Северская Украйна стала гнездом Смуты, указывают на столпление в ней холопей опальных бояр, преступников, бежавших от казни; во-вторых, закон об укреплении крестьян был вполовину отменен Годуновым в его царствование, участь крестьян была облегчена именно там, где она могла быть тяжела. При этом должно заметить, что козаки под знаменем самозванцев действительно стараются повсюду возбудить низшие классы против высших, действительно в некоторых местах на юге крестьяне восстают против помещиков; но это явление местное, общее же явление таково, что те крестьяне, которые были недовольны своим положением, по характеру своему были склонны к козачеству, переставали быть крестьянами, шли в козаки и начинали бить и грабить прежде всего свою же братию — крестьян, которые в свою очередь толпами вооружаются против козаков в защиту своих семейств, собственности и мирного труда; нигде мы не видим, чтоб крестьяне под знаменами самозванцев восставали как крестьяне в защиту своих сословных прав и интересов.

Только два первые года царствования Бориса, два последние XVI столетия, современники называют спокойными, счастливыми; в первом году нового века мы должны, следовательно, положить начало Смут, но какая же была первая Смута? Этого мы не знаем по недостатку хронологических указаний в источниках. Можно догадываться только, что слухи о царевиче Димитрии смутили Бориса и возбудили всю его подозрительность; можно догадываться только, что преследование Богдана Бельского не без связи с

этими слухами. Мы не знаем, к какому именно времени относится дело Богдана Бельского, известного нам по Смуте в начале царствования Феодорова. Летописец так рассказывает об этом деле: послал царь Борис на поле ставить город Борисов окольничего Богдана Яковлевича Бельского да Семена Альферьева и с ними послал многих всяких людей. Богдан, человек богатый, пошел на городское строение с большим богатством и всякого запасу взял с собою много. Пришедши на городище, стал он делать город прежде своим двором и сделал своими людьми башню и городки, укрепил великою крепостью; потом с того образца велел всей рати делать, и сделали весь город вскоре и укрепили всякими крепостями; ратных людей Богдан поил и кормил всякий день множество и бедным давал деньги, платье и запас. Прошла на Москве про него от ратных людей хвала великая. Царь Борис исполнился ярости, велел его схватить, разорить и сослать в один из низовых городов в тюрьму, дворян старых, которые были с ним и на него не доводили, также велел разорить. По иностранным свидетельствам, Борису донесли, будто Бельский величал себя царем Борисовским. Из этих свидетельств узнаем и о позорном наказании, которому подвергся Бельский: один из иностранных медиков царских вырвал у него длинную густую бороду [46]. Зная мелкодушие Бориса, мы можем принять причину опалы, как она показана в приведенных известиях: естественно, что Борис, одержимый завистною злобою, наполнился яростию на человека, который осмелился приобрести народное расположение щедростию, то есть употребить те же самые средства, какие употреблял Годунов; подозрительность же Бориса должна была особенно возбудиться тем, что народное расположение приобретал человек, выдававшийся из толпы собратий своих умом, энергиею и дознанным крамольным духом. Сохранилось, впрочем, еще одно известие, в котором отразился известный народный взгляд на деятельность Бориса: Бельский, по этому известию, был сослан за то, что покаялся на духу в смерти царя Иоанна и царя Феодора, которых он умертвил по научению Годунова; духовник сказал об этом патриарху, а патриарх — царю [47]. Нельзя не обратить внимание также и на способ наказания, которому подвергся Бельский: мы встречали известия своих и чужих современников о страсти к подражанию иноземным обычаям, которая открылась между русскими людьми в царствование Бориса; царь был покровителем иностранцев, а Бельский ненавидел их, и вот Борис велит иностранцу вырвать у Бельского бороду, которая так дорога была людям, отличавшимся привязанностию к старине и ненавистию к новым, чужим, обычаям, а из этих обычаев бритье бороды было самым видным [48].

Дьявол, говорит летописец [49], вложил Борису мысль все знать, что ни делается в Московском государстве: думал он об этом мно-

го, как бы и от кого все узнавать, и остановился на том, что, кроме холопей боярских, узнавать не от кого. Начали тайно допытываться у людей князя Шестунова о замыслах господина их. Один из них, какой-то Воинко, явился с доносом. Что он объявил о Шестунове — неизвестно, вероятно, что-нибудь не стоящее внимания, потому что князя оставили на это время в покое, но доносчику сказали царское жалованное слово пред Челобитным приказом на площади, выставили перед всем народом его службу и раденье, объявили, что царь дает ему поместье и велит ему служить в детях боярских. Это поощрение произвело действие страшное: боярские люди начали умышлять всякий над своим боярином; сговорившись между собою человек по пяти и по шести, один шел доводить, а других поставлял в свидетели. Тех же людей боярских, которые не хотели душ своих погубить и господ своих не хотели видеть в крови, пагубе и разорении, тех бедных мучили пытками и огнем жгли, языки им резали и по тюрьмам сажали. А доносчиков царь Борис жаловал много, поместьями и деньгами. И от таких доносов была в царстве большая Смута: доносили друг на друга попы, черпецы, пономари, просвирни, жены доносили на мужей, дети — на отцов, от такого ужаса мужья от жен таились, и в этих окаянных доносах много крови пролилось неповинной, многие от пыток померли, других казнили, иных по тюрьмам разослали и со всеми домами разорили — ни при одном государе таких бед никто не видал. Люди происхождения знаменитого, князья, потомки Рюрика, доносили друг на друга, мужчины доносили царю, женщины — царице; так, князь Борис Михайлович Лыков в челобитной на князя Пожарского, поданной царю Василию Шуйскому, говорит: «Прежде, при царе Борисе, он, князь Дмитрий Пожарский, доводил на меня ему, царю Борису, многие затейные доводы, будто бы я, сходясь с Голицыными да с князем Татевым, про него, царя Бориса, рассуждаю и умышляю всякое зло; а мать князя Дмитрия, княгиня Марья, в то же время доводила царице Марье на мою мать, будто моя мать, съезжаясь с женою князя Василия Федоровича Скопина-Шуйского, рассуждает про нее, царицу Марью, и про царевну Аксинью злыми словами. И за эти затейные доводы царь Борис и царица Марья на мою мать и на меня положили опалу и стали гнев держать без сыску»[80].

Подан был донос на Романовых. Летопись рассказывает дело так: дворовый человек и казначей боярина Александра Никитича Романова, Второй Бартенев, пришел тайно к дворецкому Семену Годунову и объявил, что готов исполнить волю царскую над господином своим. Семен по приказу царя наклал с Бартеневым в мешки разных кореньев и велел Бартеневу положить их в кладовую Александра Никитича. Исполнивши это, Бартенев явился с доносом, что у господина его припасено отравное зелье. Царь послал окольничего Салтыкова обыскать; тот нашел мешки и при-

вез их прямо на двор к патриарху; собрано было туда множество народа, пред которым высыпали коренья из мешков. Привели Романовых, Федора Никитича с братьями. Многие бояре пышали на них, как звери, и кричали; обвиненные не могли ничего отвечать от многонародного шума. Романовых отдали под стражу вместе со всеми родственниками их и приятелями — князьями Черкасскими, Шестуновыми, Репниными, Сицкими, Карповыми. Федора Никитича с братьями и племянника их князя Ивана Борисовича Черкасского приводили не раз к пытке; людей их, мужчин и женщин, пытали и научали, чтоб они что-нибудь сказали на господ своих, но они не сказали ничего. Долго держали обвиненных за приставами в Москве, наконец в июне 1601 года состоялся приговор боярский: Федора Никитича Романова, человека видного, красивого, ловкого, чрезвычайно любимого народом, постригли и под именем Филарета послали в Антониев Сийский монастырь; жену его Аксинью Ивановну также постригли и под именем Марфы сослали в один из заонежских погостов; ее мать, Шестову,— в Чебоксары, в монастырь; Александра Никитича — в Усолье-Луду, к Белому морю; Михайлу Никитича — в Пермь, в Ныробскую волость; Ивана Никитича — в Пелым; Василия Никитича — в Яренск; мужа сестры их, князя Бориса Черкасского, с женою и с племянниками ее, детьми Федора Никитича, пятилетним Михаилом и маленькою сестрою его, с теткою их, Настасьею Никитичною, и с женою Александра Никитича — на Белоозеро; князя Ивана Борисовича Черкасского — в Малмыж, на Вятку; князя Ивана Сицкого — в Кожеозерский монастырь; других Сицких, Шестуновых, Репниных и Карповых разослали по разным дальним городам.

Только двое из братьев Романовых пережили свое несчастие — Филарет и Иван Никитичи. В смерти остальных упрекают Годунова, но несправедливо, как свидетельствует дошедшее до нас дело о ссылке их. Из этого дела узнаем, что с Васильем Никитичем был отправлен человек его для прислуги; приставу дан был такой наказ: «Везти дорогою Василья бережно, чтоб он с дороги не ушел и лиха никакого над собою не сделал; беречь, чтобы к нему на дороге и на станах никто не приходил и не разговаривал ни о чем и грамотами не ссылался; а кто придет к Василью и станет с ним разговаривать или принесет письмо, то этого человека с письмом схватить и прислать в Москву или, расспроса, отписать к государю; а кто доведется до пытки, тех пытать и расспрашивать подлинно. Приехавши в Яренск, занять для себя и для Василья двор в городе от церкви, от съезжей избы и от жилых дворов подальше; если такого двора нет, то, присмотря место, велеть двор поставить подальше от жилых дворов да чтобы проезжей дороги мимо двора не было. На дворе велеть поставить хоромы: две избы да сени, да клеть, да погреб, чтоб около двора была городьба. С двора

Василья и детины его никуда не спускать, и беречь накрепко, чтобы к Василью и к человеку его никто не подходил. Корму Василью давать с человеком: по калачу да по два хлеба денежных; в мясные дни — по две части говядины да по части баранины; в рыбные дни — по два блюда рыбы, какая где случится, да квас житный; на корм послано сто рублей денег. Что Василий станет говорить, о том пристав должен отписать государю».

Исполняя последние слова наказа, пристав Некрасов писал царю: «Едучи дорогою, твой государев злодей и изменник со мною ничего не разговаривал, только украл у меня на Волге цепной ключ и кинул его в воду, чтоб я его не ковал, и хотел у меня убежать, но я другой ключ прибрал и цепь, и железа на Василья положил за его воровство; приехавши в Яренск, он со мною воровством говорил: «Погибли мы напрасно, без вины, к государю в наносе, от своей же братии; они на нас наносили, сами не зная, что делают, и сами они помрут скоро, прежде нас».

Скоро обоих братьев, Василия и Ивана, соединили вместе в одном городе Пелыме, когда Василий был уже при последнем издыхании от зверства пристава, что приставы поступали своевольно, без царского приказа, видно из грамоты Борисовой к ним: «По нашему указу Ивана и Василия Романовых ковать вам не велено: вы это сделали мимо нашего указа». Пристав, оправдывая себя, доносил, что он ковал Василия, слыша многие разговорные речи, например, пристав стал говорить Василью: «Кому божиим милосердием, постом, молитвою и милостынею бог дал царство, а вы, злодеи, изменники хотели царство достать ведовством и кореньем». Василий отвечал на это с насмешкою: «Не то милостыня, что мечут по улицам; добра та милостыня, дать десною рукою, а шуйца не ведала бы». О смерти Василия пристав доносил так: «Взял я твоего государева изменника Василья Романова больного, чуть живого, на цепи, ноги у него опухли; я для болезни его цепь с него снял, сидел у него брат его Иван да человек их Сенька; и я ходил к нему и попа пускал; умер он 15 февраля, и я похоронил его, дал по нем трем попам да дьячку, да пономарю двадцать рублей. А изменник твой Иван Романов болен старою болезнию, рукою не владеет, на ногу немного прихрамывает». После этого Иван Никитич был переведен в Уфу, а потом вместе с князем Иваном Черкасским отправлен на службу в Нижний Новгород, причем царь наказывал приставу: «Едучи дорогою и живучи в Нижнем Новгороде, ко князю Ивану и к Ивану Романову береженье держать большое, чтоб им нужды ни в чем никакой отнюдь не было и жили б они и ходили свободны». И о княгине Черкасской, жившей с детьми Федора Никитича на Белоозере, царь повторял несколько раз: «Чтоб им всем в еде, питье и платье никакой нужды не было». Скоро Иван Никитич с князем Иваном Черкасским возвращены были в Москву, а княгиня Черкасская с детьми

Федора Никитича и женою Александра Никитича переведены в уезд Юрьева-Польского, в отчину Федора Никитича, причем царь опять наказывал приставу: «Чтобы дворовой никакой нужды не было: корму им давать вдоволь, покопть всем, чего ни спросят, а не так бы делал, как писал прежде, что яиц с молоком даешь не помногу; это ты делал своим воровством и хитростию; по нашему указу велено тебе давать им еды и питья во всем вдоволь, чего ни захотят».

О Филарете Никитиче пристав Воейков доносил: «Твой государев изменник, старец Филарет Романов, мне говорил: «Государь меня пожаловал, велел мне вольность дать, и мне б стоять на крылосе». Да он же мне говорил: «Не годится со мною в келье жить малому; чтобы государь меня, богомольца своего, пожаловал, велел у меня в келье старцу жить, а бельцу с чернецом в одной келье жить непригоже». Это он говорил для того, чтоб от него из кельи малого не взяли, а он малого очень любит, хочет душу свою за него выронить. Я малого расспрашивал: что с тобою старец о каких-нибудь делах разговаривал ли или про кого-нибудь рассуждает ли? И друзей своих кого по имени поминает ли? Малый отвечал: «Отнюдь со мной старец ничего не говорит». Если малому вперед жить в келье у твоего государева изменника, то нам от него ничего не слыхать; а малый с твоим государевым изменником душа в душу. Да твой же государев изменник мне про твоих государевых бояр в разговоре говорил: «Бояре мне великие недруги; они искали голов наших, а иные научали на нас говорить людей наших, я сам видал это не однажды». Да он же про твоих бояр про всех говорил: «Не станет их ни с какое дело, нет у них разумного; один у них разумен Богдан Бельский, к посольским и ко всяким делам очень досуж». Велел я сыну боярскому Болтину расспрашивать малого, который живет в келье у твоего государева изменника, и малый сказывал: «Со мною ничего не разговаривает; только когда жену вспомянет и детей, то говорит: «Малые мои детки! маленьки бедные остались; кому их кормить и поить? Так ли им будет теперь, как им при мне было? А жена моя бедная! Жива ли уже? Чай, она туда завезена, куда и слух никакой не зайдет! Мне уж что надобно? Беда на меня жена да дети: как их вспомнишь, так точно рогатиной в сердце толкает; много они мне мешают: дай господи слышать, чтоб их ранее бог прибрал, я бы тому обрадовался. И жена, чай, тому рада, чтоб им бог дал смерть, а мне бы уже не мешали, я бы стал промышлять одною своею душою; а братья уже все, дал бог, на своих ногах»».

На это донесение царь отвечал приставу: «Ты б старцу Филарету платье давал из монастырской казны и покой всякий к нему держал, чтоб ему нужды ни в чем не было; если он захочет стоять на крылосе, то позволь, только б с ним никто из тутошних и приходких людей ни о чем не разговаривали; малому у него в келье

быть не вели, вели с ним жить в келье старцу, в котором бы воровства никакого не чаять. А которые люди станут в монастырь приходить молиться, прохожие или тутошные крестьяне и вкладчики, то вели их пускать, только смотри накрепко, чтобы к старцу Филарету к келье никто не подходил, с ним не говорил и письма не подносил и с ним не сослался». Эти распоряжения относились к 1602 году; в 1605-м пристав Воейков жаловался царю на послабление спйского игумена Ионы Филарету; вот что писал Борис к игумену Ионе в марте месяце: «Писал к нам Богдан Воейков, что рассказывали ему старец Ириарх и старец Леонид: 3 февраля ночью старец Филарет старца Ириарха бранил, с посохом к нему прискакивал, из кельи его выслал вон и в келью ему к себе и за собою ходить никуда не велел; а живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птиц ловчих и про собак, как он в мире жил, и к старцам жесток, старцы приходят к Воейкову на старца Филарета всегда с жалобою, бранит он их и бить хочет, и говорит им: «Увидите, каков я вперед буду!» Нынешним великим постом у отца духовного старец Филарет не был, в церковь и на прощанье не приходил и на крылосе не стоит. И ты бы старцу Филарету велел жить с собою в келье, да у него велел жить старцу Леониду, и к церкви старцу Филарету велел ходить вместе с собою да за ним старцу, от дурна его унимал и разговаривал, а бесчестья бы ему никакого не делал. А на которого он старца бьет челом, и ты бы тому старцу жить у него не велел. Если ограда около монастыря худа, то ты велел бы ограду поделать, без ограды монастырю быть не гоже, и между кельями двери заделать. А которые люди станут к тебе приходить, и ты бы им велел приходить в переднюю келью, а старец бы в то время был в комнате или в чулане; а незнакомых людей ты бы к себе не пускал, и нигде бы старец Филарет с прихожими людьми не сходился». Для объяснения этого известия надобно вспомнить, что в 1605 году шатость, брожение умов были во всей силе от появления и успехов самозванца, следовательно, мысль о скорой гибели Годуновых не могла не прийти в голову игумену Ионе, который, сообщив Филарету о событиях, начал обращаться с ним снисходительнее; невольный пострижеиник с своей стороны не мог удержаться от мысли о скором конце своих бедствий, о скорой перемене к лучшему вследствие гибели своего гонителя — вот откуда этот смех неведомо чему и нетерпение при грубом обращении старцев, которые по-прежнему видели в нем опального человека. Любопытно также известие, что Филарет любил разговаривать о птицах ловчих и собаках: здесь мы видим родовую страсть к охоте, которая была так сильна во внуке Федора Никитича, царе Алексее Михайловиче, и в правнуке последнего, Петре II [51].

Кроме Романовых, оставались еще знаменитые фамилии, кото-

рых боялся Годунов. Князь Федор Иванович Мстиславский по-прежнему стоял в челе знатных родов, по-прежнему занимал первое место в Думе; но, подобно отцу, по характеру своему должен был уступать на деле первое место старшему другой знаменитой фамилии, князю Василью Ивановичу Шуйскому, превосходившему его живостию, способностию к начинанию дела, многочисленностию сторонников. Но, страдая завистною злобою, Борис одинаково подозревал и деятельного Шуйского и более спокойного Мстиславского, потому что оба равно превосходили его знатностию рода; не имея улик явных, обоих одинаково преследовал, мучил своею подозрительностию, у обоих отнял семейное счастие, не позволив им жениться, чтоб отсутствием потомства отнять побуждение к честолюбивым замыслам; над обоими вследствие этого мелкодушия, недоверчивости Бориса висел постоянно нож, что, разумеется, делало существование их невыносимым и должно было наполнять сердца их страшною ненавистию. Несколько раз Борис удалял Шуйского от двора и потом опять приближал, пытал людей невинных только за то, что они посещали иногда Шуйских, даже и в то время, когда последние были в милости [52]; видели также, что Борис считал своими врагами князей Голицыных, Татева, Лыкова. Из князей Гедиминовичей по способностям и энергии рядом с рюриковичем Шуйским мог стать князь Василий Васильевич Голицын, представитель знаменитого Патрикеевского рода; мы увидим, что он питал сильную ненависть к Годуновым и не разбирал средств для удовлетворения этой ненависти.

Борис был не способен величием духа обезоружить ненависть людей родовитых, был не способен и поддержать расположение к себе большинства народа вследствие той же подозрительности и мелочности взгляда. Он подозревал народ в нерасположении к себе и, чтобы уничтожить это нерасположение, к какому средству прибег он? Он приказал всем читать особенную молитву при заздравной чаше [53]. Здесь высказалась также одна из болезней тогдашнего общества, вера в господство внешнего, формы, буквы над внутренним, духовным; Годунов верил, что молитва, произнесенная языком без ведома духа, будет действительна. И тут Годунов по мелкодушию своему стремился показать народу, что он не похож на древних прирожденных государей, которые не нуждались в особенных молитвах, кроме установленных церковию, и тут достигал совершенно противного своему желанию, возбуждая в народе мысль, что что-нибудь не так, что царь чего-нибудь боится, ибо этого при прежних государях не бывало.

При заздравной чаше должно было молиться, «чтоб он, Борис, единый подсолнечный христианский царь, и его царица, и их царские дети на многие лета здоровы были и счастливы, недругам своим страшны; чтобы все великие государи приносили достойную почесть его величеству; имя его славилось бы от моря до моря и

от рек до концов вселенной, к его чести и повышению, а преславным его царствам к прибавлению, чтобы великие государи его царскому величеству послушны были с рабским послушанием и от посечения меча его все страны трепетали; чтобы его прекрасноцветущие, младоумножаемые ветви царского изращения в наследие превысочайшего Российского царствия были навеки и нескончаемые веки, без урыву; а на нас бы, рабах его, от пучины премудрого его разума и обычая и милостивого нрава неоскудные реки милосердия изливались выше прежнего».

В 1601 году страшное общественное бедствие дало Борису случай излить реки милосердия выше прежнего и этим милосердием усилить зло, ибо в добрых делах Борисовых, как замечали современники [54], клятва смешивалась с благословением, добрые дела служили только средством к достижению корыстных целей, как учил, впрочем, всех русских людей Домострой Сильвестров. Все лето были дожди великие по всей земле и не давали хлебу созревать, стоял он, наливши, зеленый, как трава. На праздник Успения богородицы был мороз великий и побил весь хлеб, рожь и овес. В этом году люди еще кормились с нуждою старым хлебом и что собрали нового. Новым же хлебом посеяли; но он весь погиб в земле, и тогда-то сделался голод, купить стало негде, отцы покидали детей, мужья — жен, мерли люди, как никогда от морового поветрия не мерли. Видали людей, которые, валяясь по улицам, щипали траву, подобно скоту, зимою ели сено; у мертвых находили во рту вместе с навозом человеческий кал; отцы и матери ели детей, дети — родителей, хозяева — гостей, мясо человеческое продавалось на рынках за говяжье в пирогах, путешественники боялись останавливаться в гостиницах. Если мы примем, что каждый из описанных ужасов случился только раз где-нибудь, то и этого уже будет довольно. Зло увеличивалось тем, что Борис велел раздавать в Москве ежедневно деньги бедным; услыхав об этом, окрестные жители устремились в Москву, хотя некоторые из них имели средства кормиться на месте; когда же они приходили в Москву с пустыми руками, то не имели средства содержать себя одною царскою милостынею и умирали с голоду: одни — в Москве же на улицах, другие — дорогою на возвратном пути. Зло увеличивалось также недобросовестностию людей, которым поручена была раздача и которые прежде раздавали деньги своим родным и знакомым, являвшимся в виде нищих [55]. Наконец Борис, узнав, что со всего государства народ двинулся в Москву на явную смерть, приказал прекратить раздачу денег, и тогда, разумеется, число жертв еще увеличилось. В одной Москве, говорят, погибло около 500 000 человек: царь хоронил их на свой счет. К голоду присоединилось моровое поветрие, холера [56]. Наконец для прекращения голода употребили действительные меры: послали в отдаленные области, отыскали там запасы хлеба от

прежних годов, привезли в Москву и в другие города и продавали за половинную цену; бедным, вдовам, сиротам и особенно немцам отпущено было большое количество хлеба даром; в некоторых областях, например в Курской, был большой урожай, вследствие чего туда стеклось много народу и Курск наполнился жителями. Чтобы дать работу людям, стекшимся в Москву, построены были большие каменные палаты в Кремле, где были прежде хоромы Грозного; наконец урожай 1604 года прекратил бедствие. Какие явления были следствием голода в областях, можно видеть из отписки царю ивангородского воеводы князя Буйносова-Ростовского по случаю встречи датского принца Иоанна: ямские охотники от хлебной дороговизны охудали, лошади у них попадали; московской дороги всех ямов охотники от дороговизны, падежа и большой гоньбы хотели бежать, но Михайла Глебович Салтыков их уговорил перетерпеть; новгородские ямские охотники также хотели бежать, и воеводы, видя их великую нужду, дали им по рублю на человека, чтобы не разбежались [57].

За голодом и мором следовали разбои: люди, спасавшиеся от голодной смерти, составляли шайки, чтобы вооруженною рукою кормиться на счет других. Преимущественно эти шайки составлялись из холопей, которыми наполнены были домы знатных и богатых людей, особенно после известного нам закона о холопях, изданного в царствование Феодора. Во время голода, найдя обременительным для себя кормить толпу холопей, господа выгоняли их от себя, некоторые с отпускными, а другие так, в надежде, что когда голод прекратится, то можно будет взять их опять к себе, а тех, которые дадут им пристанище и пропитание, обвинить в укрывательстве беглых и взять с них деньги. Вследствие этого никто не хотел принять несчастного холопа без отпускной. В августе 1603 года только Борис издал указ, по которому господа непременно обязывались, отсылая холопей для прокормления, выдавать им отпускные; тем же холопям, которые не получат отпускных от господ, будет выдавать их Холопий приказ. Но зло было трудно поправить, тем более что с увеличением бедствия холопи и с отпускными едва ли могли найти себе у кого-нибудь пристанище. Число этих холопей, лишенных приюта и средств к прокормлению, увеличивалось еще холопями опальных бояр, Романовых и других, пострадавших вместе с ними; так как эти холопи не доводили на господ своих, то Борис заподозрил их и запретил всем принимать их к себе. Эти люди, из которых многие были привычны к военному делу, шли к границам, в Северскую Украйну, которая уже и без того была наполнена людьми, ждавшими только случая начать неприязненные действия против общества: еще царь Иоанн, желая умножить народонаселение этой страны людьми воинственными, способными защищать ее от татар и поляков, позволял преступникам, осужденным на смерть, спа-

сать жизнь свою бегством в украинские города. Таким образом, давно уже народонаселение Северской Украйны, как обыкновенно бывает в пограничных областях, отличалось характером вовсе неблагонадежным; мы видели, как дурно отзывались о севрюках во времена Грозного [58]. В этой-то *прежепогибшей Украйне*, по выражению современников, теперь после голода образовались многочисленные разбойничьи шайки, и не только не было от них проезда по пустым местам, но и под самою Москвою, атаманом их был Хлопко Косолап. Царь долго думал с боярами, как помочь беде, и наконец решился послать против разбойников воеводу с большою ратью. Воеводою отправлен был окольничий Иван Басманов, который сошелся с Хлопкою под Москвою. Разбойники бились, не щадя голов своих, и убили Басманова, несмотря на то, царское войско одолело их; Хлопка, чуть живого, взяли в плен; товарищей его, бежавших в Украйну, ловили и вешали, но там было много им подобных, черная роль прежепогибшей Украйны только что начиналась: начинали ходить слухи о самозванце [59].

Слухи, мнения о самозванце ходили и ходят разные.

Первое мнение состоит в том, что человек, объявивший себя царевичем Димитрием, был истинный царевич, сын Иоанна Грозного, спасшийся от гибели, приготовленной ему Годуновым в Угличе, где вместо его был убит другой ребенок, подставной. Здесь прежде всего надобно заметить, что в известиях о спасении Димитрия находятся исторические несообразности, например говорят, будто он спасся бегством в Украйну к отцу своему крестному, князю Ивану Мстиславскому, жившему там в ссылке еще со времен Грозного. А после смерти Мстиславского, вскорости случившейся, царевич отправился в Польшу, но известно, что никакого Мстиславского на Украйне никогда не бывало, притом если царевич был спасен и отправлен в Польшу, то что мешало ему немедленно же открыться польскому правительству? Гонимые удельные князья обыкновенно убегали из Москвы в Литву. Тогда дело не подлежало бы никакому сомнению. Далее в известиях о спасении встречаются противоречия относительно обстоятельств спасения: одни говорят, что спас царевича доктор подменом, другие — что сама мать. Но важнее следующее обстоятельство: все известия согласны, как и должно быть, в одном, что убийство подмененного ребенка произошло ночью, тогда как нам достоверно известно, что происшествие случилось днем: и те показания, которые говорят, что царевич был убит, и те, которые утверждают, что он накололся ножом в припадке падучей болезни, вполне согласны в этом обстоятельстве, следовательно, не было возможности убийцам, потом родным царевича, близким к нему людям и гражданам угличским обмануться; если бы даже обманулись сначала, то мертвое тело лежало долго пред глазами всех, все имели возможность увидать свою ошибку. Свидетельства очевидцев о несходстве

малолетнего Димитрия с тем, кто потом назвался его именем, неважны, взятые отдельно, ибо часто люди, знавшие младенца и увидавшие потом того же человека взрослым, не могут найти между ними ничего общего; неважно и свидетельство о том, что настоящий Димитрий был бы гораздо моложе, чем казался Лжедимитрий: часто человек может казаться многими годами старее или моложе своего настоящего возраста, а жизнь Димитрия была именно такова, что могла его состарить. По чрезвычайной важности для нас свидетельства современников, вполне беспристрастных, как, например, Буссова, который был очень привязан к Лжедимитрию, превозносит его достоинства, имеет все побуждения засвидетельствовать его правду, его царское происхождение, и между тем свидетельствует о противном; его свидетельство основывается на свидетельстве Басманова, который больше всех других имел причины утверждать законность Лжедимитрия, и, несмотря на то, свидетельствует о его самозванстве, свидетельствует наедине, в разговоре с человеком, доверенным и привязанным к царю.

Но если тот, кто царствовал в Москве под именем Димитрия, сына царя Иоанна, носил это имя незаконно, то является вопрос: в собственной ли голове родилась мысль о самозванстве или она внушена была ему другими? И во втором случае, сознательно ли он принял на себя роль самозванца или был убежден, что он истинный царевич? Чтоб сознательно принять на себя роль самозванца, сделать из своего существа воплощенную ложь, надобно быть чудовищем разврата, что и доказывают нам характеры последующих самозванцев. Что же касается до первого, то в нем нельзя не видеть человека с блестящими способностями, пылкого, впечатлительного, легко увлекающегося, но чудовищем разврата его назвать нельзя. В поведении его нельзя не заметить убеждения в законности прав своих, ибо чем объяснить эту уверенность, доходившую до неосторожности, эту открытость и свободу в поведении? Чем объяснить мысль отдать свое дело на суд всей земли, когда он созвал собор для исследования обличений Шуйского? Чем объяснить в последние минуты жизни это обращение к матери? На вопрос разъяренной толпы — точно ли он самозванец? — Димитрий отвечал: «Спросите у матери!» «Почему,— говорят,— расстрига, сев на престоле, не удовлетворил народному любопытству знать все подробности его судьбы чрезвычайной? Для чего не объявил России о местах своего убежища, о своих воспитателях и хранителях?» Возможность таких вопросов служит самым лучшим доказательством того, что Лжедимитрий не был сознательный обманщик. Если бы он был обманщик, а не обманутый, то чего же бы ему стоило сочинить подробности своего спасения и похождений? Но он этого не сделал. Что он мог объявить? Могущественные люди, его подставлявшие, разумеется, были так осторожны,

что не действовали непосредственно; он знал и говорил, что некоторые вельможи спасли его и покровительствуют, но имен их не знал; по имени он упоминал только о дьяках Щелкаловых.

Но теперь рождается другой вопрос: кем же был подставлен самозванец? Кто уверил его в том, что он царевич Димитрий? Кому было выгодно, нужно появление самозванца? Оно было выгодно для Польши, Лжедимитрий пришел отсюда, следовательно, он мог быть подставлен польским правительством. Кого же мы должны разуметь под польским правительством? Короля Сигизмунда III? Но характер последнего дает ли нам право приписать ему подобный план для заведения смут в Московском государстве? И осторожное, робкое поведение Сигизмунда в начале деятельности самозванца дает ли основание предполагать в короле главного виновника дела? План придуман кем-нибудь из вельмож польских? Указывают на Льва Сапегу, канцлера литовского. Сапега два раза был в Москве послом: один раз — при царе Феодоре, другой — при Борисе, и в последний раз приехал из Москвы с сильным ожесточением против царя; когда самозванец объявился у князя Вишневецкого, то Петровский, беглый москвич, слуга Сапеги, первый явился к Вишневецкому, признал Отрепьева царевичем и указал приметы: бородавки на лице и одну руку короче другой. Потом Сапега является сильным поборником планов Сигизмунда против Москвы, ожесточенным врагом нового царя Михаила, восшествие которого расстраивало его планы; в царствование Михаила, до самой смерти своей, держит под рукою, наготове, самозванца, несчастного Лубу, как орудие смут для Москвы. Любопытно, что и наш летописец злобу поляков и разорение, претерпенное от них Московским государством, приписывает раздражению Льва Сапеги и товарищей его за то, что они видели в Москве много иностранного войска. Наконец, некоторые рассказывают, что после сражения при Добрыничах самозванец издал манифест, в котором, между прочим, говорил, что был в Москве при посольстве Льва Сапеги; такого манифеста, впрочем, не сохранилось, и в дошедшем до нас ни слова не упоминается об этом обстоятельстве [60]. Как бы то ни было, если заподозрить кого-нибудь из вельмож польских в подстановке самозванца, то, конечно, подозрение прежде всего должно пасть на Льва Сапегу; но можно ли заподозрить одного частного человека в начинании такого дела? Гораздо более основания заподозрить могущественных тогда в Польше иезуитов, которым появление самозванца, как орудия для введения католицизма в Московское государство, было очень нужно [61]; на Сапегу же можно смотреть как на поверенного иезуитов. Но, принимая это мнение, надобно непременно принять, что самозванец был человек воспитанный, подставленный в польских владениях, а не Григорий Отрепьев, как согласно утверждают все русские свидетельства, отвергнуть которые чрез-

вычайно трудно. Очевидцы признавали в первом Лжедимитрии великороссиянина и грамотея, который бегло и красноречиво изъяснялся на московском наречии, как на родном, четко и красиво писал, латинскую же грамоту знал плохо или почти вовсе не знал; побочный сын Стефана Батория, воспитанник иезуитских школ, за которого выдавали его некоторые, не мог бы писать *imperator*; когда посол папский произносил пред ним латинскую речь, то ее должно было переводить ему [62]. Московское правительство при Годунове, Шуйском и при Михаиле Федоровиче постоянно упрекало польское правительство за то, что оно было виновником разорения Московского государства, помогая Лжедимитрию, и в то же время постоянно утверждало, что самозванец этот был москвич, именно Григорий Отрепьев; если бы была малейшая возможность усомниться в этом, то что препятствовало московскому правительству укорить польское за то, что оно прибрало своего поляка, назвало его царевичем Димитрием и выслало в Московское государство для смуты? Некоторые современники говорили, что монах Григорий Отрепьев играл в деле важную роль, был руководителем самозванца; это мнение основывалось на том, что подле самозванца при его появлении действительно находился монах, называвшийся Григорием Отрепьевым; но дело объясняется известием, что Отрепьев, объявивши себя царевичем, сдал свое прежнее имя монаху Леониду. Если бы монах Григорий Отрепьев существовал отдельно, то что мешало явиться ему в Москву и этим появлением уничтожить годуновскую выдумку или ошибку и самым блистательным образом подтвердить, что тот, кто называется Димитрием, не есть расстрига Гришка Отрепьев? Желание некоторых писателей, чтоб так было, остается только желанием, ибо не подкрепляется свидетельствами источников. Что самозванец был москвич, с которым иезуиты познакомились уже после того, как он объявил себя царевичем, неоспоримо доказывает послание папы Павла V к воеводе сендомирскому, где говорится, что Лжедимитрий обращен в католицизм францисканцами, а не иезуитами [63].

Но если самозванец был человек из Москвы или даже если согласимся, что руководителем его был монах московский, то как объясним себе возможность для Сапеги или для иезуитов издалека ковать эту крамолу в Москве? Предполагают, что Сапега во время своего пребывания в Москве сговорился с боярами о подстановке посредством дьяка Власьева. Следовательно, это мнение о подстановке самозванца иезуитами и Сапегою требует для вероятности своей соединения с другим мнением, высказанным современниками события, а именно, что самозванец был подставлен в Москве тамошними врагами Бориса. Это последнее мнение твердо само по себе, не требует никаких предположений, не находится ни в малейшем противоречии с известиями о похождениях

Отрепьева. Принимая это мнение как вероятнейшее, мы, разумеется, не имеем никакой нужды отвергать участие Сапеги и вообще польских панов или иезуитов в замысле; но должно заметить, что если Польше или иезуитам было выгодно появление самозванца и смута, имеющая от того произойти, то внутренним врагам Бориса, терзавшимся мыслию, что Годунов на престоле, грозимым ежечасно тяжелою опалою, это появление было более чем выгодно, оно вполне соответствовало их цели, ибо им надобно было орудие, которое было бы так могущественно, что могло свергнуть Годунова, и в то же время так ничтожно, что после легко было от него отделаться и очистить престол для себя. Мнение о подстановке самозванца внутренними врагами Бориса высказывается ясно в не раз приведенном месте из хронографов о Годунове: «Навел он на себя негодование чиноначальников всей Русской земли: отсюда много напастных зол на него восстали и доброцветущую царства его красоту внезапно низложили». Но не в одних хронографах русские современники выразили такое мнение. Из иностранных писателей его высказывает Буссов, оставивший нам лучшее описание событий, которых был очевидцем, находившийся в близких сношениях с главными деятелями. Буссов говорит также, что сам царь Борис считал появление самозванца делом бояр.

Это мнение о подстановке самозванца внутренними врагами Бориса, кроме того, что правдоподобнее всех других само по себе, кроме того, что высказано современниками, близкими к делу, имеет за себя еще и то, что вполне согласно с русскими свидетельствами о похождении Григория Отрепьева, свидетельствами, которые, как мы видели, отвергнуть нет возможности. И по известиям польским, Отрепьев, открывая о своем происхождении князю Вишневецкому, объявил, что он, спасенный от убийц, отдан был на воспитание к одному сыну боярскому, а потом был в монахах [64].

По согласному показанию всех свидетельств, правительственных и частных, Юрий Отрепьев, переменивший в монастыре это имя на созвучное имя Григория, был сын галицкого сына боярского Богдана Отрепьева, убитого литвином в Москве, в Немецкой слободе. В детстве является он в Москве, отличается грамотностию, живет в холопях у Романовых и у князя Бориса Черкасского и тем самым становится известен царю как человек подозрительный. Беда грозит молодому человеку, он спасается от нее пострижением, скитается из монастыря в монастырь, попадает наконец в Чудов и берется даже к Иову патриарху для книжного письма. Но здесь речи молодого монаха о возможности быть ему царем на Москве навлекли на него новую беду: ростовский митрополит Иона донес об них сперва патриарху и, когда тот мало обратил на них внимания,— самому царю. Борис велел дьяку Смирному-

Васильеву сослать Отрепьева под крепким присмотром в Кириллов монастырь. Летописцу XVII века казалось, что сам дьявол замешался в это дело и заставил Смирного сперва тронуться просьбами другого дьяка Семена Ефимьева, а потом и совершенно забыть указ царский: мы, разумеется, можем объяснить себе это дело не иначе, как тем, что промысл людей сильных бодрствовал над Григорьем и предохранял его от беды. Узнав об опасности, Отрепьев убежал из Чудова монастыря в Галич, оттуда — в Муром, в Борисоглебский монастырь, где настоятель дал ему лошадь для возвращения в Москву.

В 1601 или 1602 году, в понедельник второй недели Великого поста, в Москве Варварским крестцом шел монах Пафнутьева Боровского монастыря Варлаам; его нагнал другой монах, молодой, и вступил с ним в разговор. После обыкновенных приветствий и вопросов: кто и откуда? — Варлаам спросил у своего нового знакомца, назвавшегося Григорьем Отрепьевым, какое ему до него дело? Григорий отвечал, что, живя в Чудовом монастыре, сложил он похвалу московским чудотворцам и патриарх, видя такое досужество, взял его к себе, а потом стал брать с собою и в царскую Думу, и оттого вошел он, Григорий, в великую славу. Но ему не хочется не только видеть, даже и слышать про земную славу и богатство, и потому он решился съехать с Москвы в дальний монастырь: слышал он, что есть монастырь в Чернигове, и туда-то он хочет звать с собою Варлаама. Тот отвечал Отрепьеву, что если он жил в Чудове у патриарха, то в Чернигове ему не привыкнуть: черниговский монастырь, по слухам, место неважное. На это Григорий отвечал: «Хочу в Киев, в Печерский монастырь, там старцы многие души свои спасли; а потом, пожив в Киеве, пойдем во святой город Иерусалим ко гробу господню». Варлаам возразил, что Печерский монастырь за рубежом, в Литве, а за рубеж теперь идти трудно. «Вовсе не трудно,— отвечал Григорий,— государь наш взял мир с королем на двадцать два года, и теперь везде просто, застав нет». Тогда Варлаам согласился идти вместе с Отрепьевым: оба монаха поклялись друг другу, что не обманут, и отложили путь до завтра, уговорившись сойтись в Иконном ряду. На другой день в условленном месте Варлаам нашел Отрепьева и с ним третьего спутника: то был чернец Мисаил, а в миру звали его Михайла Повадин, Варлаам знавал его у князя Иван Ивановича Шуйского.

Богомольцы счастливо добрались до Новгорода Северского, прожили здесь недолго в Преображенском монастыре и, сыскав провожатого, какого-то отставного монаха, перебрались за границу. В Киеве они были приняты в Печерском монастыре, прожили здесь три недели и отправились в Острог, к тамошнему владельцу князю Константину. Проведши лето в Остроге, Варлаам и Мисаил посланы были князем Константином в Троицкий Дерман-

ский монастырь, но Григорий не пошел туда с ними: он отправился в город Гощу, и скоро товарищи его узнали, что он скинул с себя монашеское платье и в гощинской (арианской) школе учится по-латыни и по-польски. Варлаам ездил из Дерманского монастыря в Острог бить челом князю Константину, чтобы тот велел взять Григория из Гощи и сделать по-старому чернецом, но дворовые люди князя отвечали ему: «Здесь земля вольная: кто в какой вере хочет, в той и живет»; а сам князь сказал: «Вот у меня и сын родной родился в православной вере, а теперь держит латинскую, мне и его не унять». Отрепьев зимовал в Гоще, но весною, после Светлого воскресенья, пропал без вести; по всем вероятностям, к этому времени должно отнести пребывание его у запорожцев, потом встретили его снова в польских пределах, в службе у князя Адама Вишневецкого, которому он и нашел случай открыть свое царственное происхождение, причем показал дорогой крест, возложенный на него при крещении крестным отцом Мстиславским.

Вишневецкий поверил, и весть о московском царевиче, чудесно спасшемся от смерти, быстро распространилась между соседними панами. Отрепьев должен был переезжать от одного из них к другому, и везде принимали его с царским почетом. Особенно понравилось ему в Самборе, где жил богатый сендомирский воевода Юрий Мнишек, младшая дочь которого была замужем за Константином, братом князя Адама Вишневецкого. Здесь Отрепьев поражен был явлением, до сих пор ему неизвестным; он увидал старшую дочь воеводы Марианну, или Марину, и легко понять, какое впечатление на пылкого молодого человека произвело это энергическое существо, в высшей степени обладавшее теми качествами, которые давали польской женщине такое видное место в обществе. Панна Марина Мнишек поняла, что ей предстоит случай отличным образом устроить свою судьбу, принялась за дело и скоро овладела сердцем мнимого царевича. Мнишки были ревностные католики, принятие латинства всего более помогало Отрепьеву, ибо становило на его сторону духовенство и особенно могущественных иезуитов, и Лжедимитрий позволил францисканским монахам обратить себя в католицизм, а между тем слал письмо за письмом к папскому нунцию при польском дворе Рангони. Тот не отвечал ни на одно из них и, говоря с королем о появлении царевича, обнаруживал полное равнодушие к делу, но в то же время с помощью иезуитов и других людей заботливо сторожил за всяким движением Лжедимитрия, справился и в Москве, есть ли надежда на успех? Удостоверившись в последнем, Рангони приказал иезуитам склонить сендомирского воеводу к поездке в Краков вместе с царевичем — и вот Лжедимитрий в Кракове в начале 1604 года.

Наружность искателя Московской державы не говорила в

его пользу: он был среднего или почти низкого роста, довольно хорошо сложен, лицо имел круглое, неприятное, волосы рыжеватые, глаза темно-голубые, был мрачен, задумчив, пеловек. Это описание наружности Лжедимитриевой, сделанное очевидцем, сходно с лучшим дошедшим до нас портретом Лжедимитрия: и здесь видим лицо очень некрасивое с задумчиво-грустным выражением. Рангони очень обрадовался приезду Мнишка и Лжедимитрия, на другой день утром они посетили его и были приняты чрезвычайно ласково. В продолжительном разговоре с Отрепьевым нунций дал ему ясно выразуметь, что если он хочет получить помощь от Сигизмунда, то должен отказаться от греческой веры и вступить по своему обещанию в лоно церкви римской. Лжедимитрий согласился и в следующее воскресенье в присутствии многих особ дал торжественную клятву, скрепленную рукоприкладством, что будет послушным сыном апостольского престола; после этого Рангони причастил его и миропомазал, на исповеди же Отрепьев был у одного из иезуитов. Когда Рангони достиг таким образом главной цели своей, то повез новообращенного к королю, и тот признал его царевичем. Король был, однако, в большом затруднении: с одной стороны, ему очень хотелось завести смуту в Московском государстве, ослабить его опасное могущество, отмстить Борису за его недоброжелательство к нему относительно дел шведских, получить большие выгоды от Димитрия, посаженного на престол с его помощию, наконец, способствовать введению католицизма в Москву; Отрепьев говорил, что успех верен, что бояре за него; иезуиты утверждали то же самое; с другой стороны, страшно было нарушить перемирие, оскорбить могущественного соседа, который в случае неудачи дела Димитриева мог жестоко отмстить за свою обиду наступательным союзом с Швецией; четверо знаменитейших вельмож: Замойский, Жолкевский, князь Василий Острожский, Збаражский — были против вмешательства в дело. Сигизмунд решился употребить такую хитрость: он признал Димитрия московским царевичем, хотя и не публично, назначил ему ежегодное содержание (40 000 злотых), но не хотел помогать ему явно войском от своего лица, а позволил панам частным образом помогать царевичу. Королю хотелось, чтоб в челе предприятия был князь Збаражский, воевода брацлавский, но тот никак не мог убедить себя в том, что Димитрий истинный царевич, и никак не соглашался руководить делом, в правде которого не был убежден. Надобно было обратиться к человеку, менее совестливому, а таким именно был старый воевода сендомирский Юрий Мнишек, известный участием своим в грязном деле развращения короля и расхищения казны королевской в последнее время Сигизмунда-Августа.

Природная склонность и привычка к интриге, неразборчивость средств, гордость, тщеславие были господствующими чертами в

характере сендомирского воеводы, и отсюда понятна та гнусная роль, которую он играл в смутах московских, особенно при втором Лжедимитрии. Приняв от короля поручение вести дело, Мнишек с торжеством привез царевича в Самбор, где тот предложил руку свою Марине. Что он был действительно очарован ею и предложил ей руку не из одних корыстных целей, не для того только, чтоб побудить Мнишка и родню его к оказанию более деятельной помощи,— это мы увидим изо всего последующего поведения его относительно Марины. Предложение было принято, но брак отложен до утверждения жениха на престоле московском. 25 мая 1604 года Лжедимитрий дал Мнишку запись, в которой обязывался жениться на Марине с такими условиями: 1) тотчас по вступлении на престол выдать Мнишку 1 000 000 польских золотых для подъема в Москву и уплаты долгов, а Марине прислать бриллианты и столовое серебро из казны царской; 2) отдать Марине Великий Новгород и Псков со всеми жителями, местами, доходами в полное владение, как владели прежние цари; города эти остаются за Мариною, хоть бы она не имела потомства от Димитрия, и вольна она в них судить и рядить, постановлять законы, раздавать волости, продавать их, также строить католические церкви и монастыри, в которых основывать школы латинские; при дворе своем Марина также вольна держать латинских духовных и беспрепятственно отправлять свое богослужение, потому что он, Димитрий, соединился уже с римскою церковию и будет всеми силами стараться привести и народ свой к этому соединению. В случае если дело пойдет несчастно и он, Димитрий, не достигнет престола в течение года, то Марина имеет право взять назад свое обещание или если захочет, то ждет еще год. Не прошло месяца, как 12 июня Лжедимитрий должен был дать другую запись, по которой обязывался уступить Мнишку княжества Смоленское и Северское в потомственное владение, и так как половина Смоленского княжества и шесть городов из Северского отойдет к королю, в чем также обязался Димитрий, то Мнишек получал еще из близлежащих областей столько городов и земель, чтобы доходы с них равнялись доходам с городов и земель, уступленных королю [65].

Мнишек собрал для будущего зятя 1600 человек всякого сброда в польских владениях, но подобных людей было много в степях и украйнах Московского государства, следовательно, сильная помощь ждала самозванца впереди. Московские беглецы, жаждавшие случая возвратиться безопасно и с выгодою в отечество, первые приехали к нему и провозгласили истинным царевичем; донские козаки, стесненные при Борисе более чем когда-либо прежде, ибо царь не велел их пускать ни в один город, куда ни приедут, везде их ловили и сажали по тюрьмам,— донские козаки откликнулись также немедленно на призыв Лжедимитрия: они отправили к нему еще в Польшу двоих атаманов, которые застали

его в Кракове, признали законным царевичем, обещали помощь и исполнили обещание: 2000 козаков присоединились к ополчению Лжедимитрия, которое состояло, таким образом, из 4000 человек.

Как скоро Лжедимитрий объявился в Польше, то слухи об нем начали с разных сторон приходить в Москву и ужаснули Бориса, так склонного к испугу; слухи приходили из Ливонии, из Польши, от донских козаков, которые подняли теперь головы, ограбили одного из царских родственников и послали сказать Годунову, что скоро явятся в Москве с законным царем. Борис начал проведывать, кто был этот новый враг, и к удивлению своему узнал, что то был известный уже ему прежде Григорий Отрепьев, сосланный в Кириллов монастырь; он велел призвать к себе дьяка Смирного и спросил, где монах Отрепьев? Смирной стоял пред ним, как мертвый, и ничего не мог отвечать. Борис велел считать Смирного, и начли на него множество дворцовой казны: дьяка вывели на правеж и засекли до смерти.

Борис объявил прямо боярам, что подстановка самозванца их дело, велел привезти в Москву, в Новодевичий монастырь, мать царевича Марфу и ездил к ней вместе с патриархом. По другим известиям, царицу Марфу привезли ночью во дворец, где Борис допрашивал ее вместе с женою. Когда Марфа сказала, что не знает, жив ли ее сын или нет, то царица Марья выругала ее и бросилась на нее со свечою, чтоб выжечь глаза, Борис защитил Марфу от ярости жены. Разговор кончился очень неприятными для него словами Марфы, что люди, которых уже нет на свете, говорили ей о спасении ее сына, об отвозе его за границу. Между тем, по приказу и образцу, присланному из Москвы, пограничные воеводы разослали к пограничным державцам польским грамоты с известиями об Отрепьеве, но грамоты эти давали самозванцу и бывшим при нем русским людям возможность уличать показания московского правительства во лживости и противоречии друг другу. Так, в 1604 году прислана была грамота старосте остерскому от черниговского воеводы князя Кашина-Оболенского, где говорилось, что царевич Димитрий сам зарезался в Угличе тому лет 16, ибо случилось это в 1588 году, и погребли его в Угличе же, в соборной церкви Богородицы; а теперь монах из Чудова монастыря, вышедший в Польшу в 1593 году, называется царевичем. Москвичи, бывшие при самозванце, доказывали полякам, что вместо царевича убили другого ребенка в Угличе в 1591 году и похоронили его в соборной церкви св. Спаса, а не Богородицы, которой церкви нет вовсе в Угличе, доказывали многими свидетельствами, что царевич их вышел в Польшу в 1601 (?) году, а не в 1593. Потом уже в 1605 году пришла грамота, в которой говорилось, что царевич умер в Угличе тому лет 13, а князь Татев писал из Чернигова, что это происшествие случилось тому 14 лет назад.

В то же время поляки все больше и больше убеждались в справедливости показаний Лжедимитрия, ибо из Москвы приходили к нему вести о всех замыслах Борисовых, приходили призывы, просьбы, чтоб шел скорее к границам московским. В грамотах воевод Борисовых говорилось, что если бы Димитрий и действительно был жив, то он не от законной жены царя Иоанна родился, но в Польше хорошо было известно, что Димитрий родился от царицы, которая была обвенчана с Иоанном, все привыкли к повторениям, что после Грозного осталось двое сыновей — Феодор и Димитрий. Между многими свидетелями в пользу Лжедимитрия явились два свидетеля против него: спутник его Варлаам, следя за ним повсюду, пробрался в Краков и (если верить его собственному показанию) объявил королю, что человек, которого привозил сендомирский воевода, не царевич, а монах, Гришкою зовут, прозвищем Отрепьев, и шел с ним, Варлаамом, вместе из Москвы. Король и паны радные ему не поверили и отослали его в Самбор к Мнишку; туда же явился другой обличитель, сын боярский Яков Пыхачев; Лжедимитрий (как показывает тот же Варлаам) стал говорить, что оба они подосланы Годуновым, чтоб его убить, вследствие чего Пыхачева казнили смертию, а Варлаама бросили в тюрьму, из которой после ухода самозванца и Мнишка он был освобожден женою последнего и дочерью Мариною. Почему сделано было такое различие, что Пыхачева казнили, а Варлаама посадили только в тюрьму, и по какому побуждению невеста Димитриева и ее мать освободили Варлаама — неизвестно.

Борис придумал послать в Польшу более сильного обличителя. От имени бояр московских он отправил к польским панам радным дядю самозванцева Смирного-Отрепьева; что же случилось? В грамоте, привезенной Смирным, не оказалось ни одного слова о самозванце! Даже, вопреки обычаю, не было означено имени гонца, написаны были только жалобы, что судьи королевские не выезжают на границы, жалобы на грабежи пограничные, на новые мыта! Сохранилось также любопытное известие, что бояре отправили к королю тайно Ляпунова, племянника знаменитого впоследствии Прокофья, который обнадежил крепко поляков и от имени бояр просил короля, чтобы тот помог самозванцу. К королю был отправлен Посник Огарев с следующею грамотою: «В вашем государстве объявился вор расстрига, а прежде он был дьяконом в Чудове монастыре и у тамошнего архимандрита в келейниках, из Чудова был взят к патриарху для письма, а когда он был в миру, то отца своего не слушался, впал в ересь, разбивал, крал, играл в кости, пил, несколько раз убегал от отца своего и наконец постригся в монахи, не отставши от своего прежнего воровства, от чернокнижества и вызывания духов нечистых. Когда это воровство в нем было найдено, то патриарх с освященным собором осудили его на вечное заточение в Кириллов Белозерский монастырь;

но он с товарищами своими, попом Варлаамом и клирошанином Мисаилом Повадиным, ушел в Литву. И мы дивимся, каким обычаем такого вора в ваших государствах приняли и поверили ему, не пославши к нам за верными вестями. Хотя бы тот вор и подлинно был князь Димитрий Угличский, из мертвых воскресший, то он не от законной, от седьмой жены». Годунов требовал, чтобы король велел казнить Отрепьева и советников его. От имени короля объявили Огареву, что Димитрий не получает никакой помощи от польского правительства и помощники его будут наказаны. Патриарх Иов отправил от себя Афанасья Пальчикова к князю Острожскому убеждать его во имя православия не помогать расстриге; князь отпустил Пальчикова без ответа. Наконец патриарх и все духовенство отправили Андрея Бунакова к духовенству польскому с увещанием не благоприятствовать смуте: Бунаков был задержан на границе в Орше.

Лжедимитрий не остался в долгу у Годунова и послал к нему грамоту, в которой прописывал его преступления и увещевал к покаянию: «Жаль нам, что ты душу свою, по образу божию сотворенную, так осквернил и в упорстве своем гибель ей готовишь: разве не знаешь, что ты смертный человек? Надобно было тебе, Борис, удовольствоваться тем, что господь бог дал, но ты, в противность воли божией, будучи нашим подданным, украл у нас государство с дьявольскою помощию. Сестра твоя, жена брата нашего, доставила тебе управление всем государством, и ты, пользуясь тем, что брат наш по большей части занимался службою божиею, лишил жизни некоторых могущественнейших князей под разными предлогами, как-то князей Шуйских, Ивана и Андрея, потом лучших горожан столицы нашей и людей, приверженных к Шуйским, царя Симеона лишил зрения, сына его Ивана отравил; ты не пощадил и духовенства: митрополита Дионисия сослал в монастырь, сказавши брату нашему Феодору, что он внезапно умер, а нам известно, что он и до сих пор жив и что ты облегчил его участь по смерти брата нашего; погубил ты и других, которых имени не упомним, потому что мы были тогда не в совершенных летах. Но хотя мы были и малы, помнишь, однако, сколько раз в грамотах своих мы тебе напоминали, чтоб ты подданных наших не губил; помнишь, как мы отправили приверженца твоего Андрея Клешнина, которого прислал к нам в Углич брат наш Феодор и который, справив посольство, оказал к нам неуважение, в надежде на тебя. Это было тебе очень не по нраву, мы были тебе препятствием к достижению престола, и вот, погубивши вельмож, начал ты острить нож и на нас, подготовил дьяка нашего Михайлу Битяговского и 12 спальников с Никитою Качаловым и Осипом Волоховым, чтобы нас убили; ты думал, что заодно с ними был и доктор наш Симеон, но по его старанию мы спасены были от смерти, тобою нам приготовленной. Брату наше-

му ты сказал, что мы сами зарезались в припадке падучей болезни; ты знаешь, как брат наш горевал об этом; он приказал тело наше в Москву принести, но ты подговорил патриарха, и тот стал утверждать, что не следует тело самоубийцы хоронить вместе с помазанниками божиими; тогда брат наш сам хотел ехать на похороны в Углич, но ты сказал ему, что в Угличе поветрие большое, а с другой стороны подвел крымского хана: у тебя было вдвое больше войска, чем у неприятеля, но ты расположил его в обозе под Москвою и запретил своим под смертною казнию нападать на неприятеля; смотревши три дня в глаза татарам, ты отпустил их на свободу, и хан вышел за границы нашего государства, не сделавши ему никакого вреда; ты возвратился после этого домой и только на третий день пустился за ним в погоню. А когда Андрей Клобуков перехватал зажигальщиков и они объявили, что ты велел им жечь Москву, то ты научил их оговорить в этом Клобукова, которого велел схватить и на пытке замучить. По смерти брата нашего (которую ты ускорил) начал ты подкупать большими деньгами убогих, хромых, слепых, которые повсюду начали кричать, чтобы ты был царем; но когда ты воцарился, то доброту твою узнали Романовы, Черкасские, Шуйские. Опомнись и злостью своей не побуждай нас к большому гневу; отдай нам наше, и мы тебе, для бога, отпустим все твои вины и место тебе спокойное назначим: лучше тебе на этом свете что-нибудь претерпеть, чем в аду вечно гореть за столько душ, тобою погубленных».

Что же делал Борис, как приготовлялся к борьбе, в которой одних материальных сил было недостаточно? Новый враг был не хан крымский, не король польский или шведский: развертывая свиток, исписанный преступлениями, вскрывая душу царя, страшный враг звал его на суд божий. В Москве патриарх Иов и князь Василий Шуйский уговаривали народ не верить слухам о царевиче, который действительно погиб в Угличе, и он, князь Шуйский, сам погребал его, а идет вор Гришка Отрепьев под царевичевым именем. Но народ не верил ни патриарху, ни Шуйскому; в толпе слышались слова: «Говорят они это поневоле, боясь царя Бориса, а Борису нечего другого говорить; если этого ему не говорить, так надобно царство оставить и о животе своем промышлять». По областям только в январе 1605 года патриарх разослал духовенству приказ петь молебны, чтоб господь бог отвратил свой праведный гнев, не дал бы Российского государства и Северской области в расхищение и плен поганым литовским людям, не дал бы их в латинскую ересь превратить. Велено было читать в церквах народу, что «литовский король Жигимонт преступил крестное целование и, умысля с панами радными, назвал страдника, вора, беглого чернеца расстригу, Гришку Отрепьева, князем Димитрием Углицким для того, чтоб им бесовским умышлением своим в Российском государстве церкви божии разорить,

костелы латинские и люторские поставить, веру христианскую попрать и православных христиан в латинскую и люторскую ересь привести и погубить. А нам и вам и всему миру подлинно ведомо, что князя Димитрия Ивановича не стало на Угличе тому теперь 14 лет, и теперь лежит на Угличе в соборной церкви; на погребении его была мать его и ее братья, отпевал Геласпй митрополит с освященным собором, а великий государь посылал на погребение бояр своих, князя Василья Ивановича Шуйского с товарищами. И то не явное ли их злодейское умышленье, воровство и бесовские мечты? Статочное ли то дело, что князю Димитрию из мертвых воскреснуть прежде общего воскресения? А делают это Сигизмунд король и паны радные своим умышлением для того, чтоб Северской земли городов доступить к Литве, для того страдника назвали князем Димитрием; а страдник этот расстрига, ведомый вор, в мире звали его Юшком Богданов сын Отрепьев, жил у Романовых во дворе, и, заворовавшись, от смертной казни постригся в чернецы, был по многим монастырям, в Чудове монастыре в дьяконах, да и у меня, Нова патриарха, во дворе для книжного письма побыл в дьяконах же; а после того сбежал с Москвы в Литву с товарищами, чудовскими чернецами, с попом Варлаамом Яцким да с клирошанином Мисаилом Повадиным; был тот Гришка Отрепьев в Киеве, в Печерском и Никольском монастырях в дьяконах, потом отвергся христианской веры, иноческий образ попрал, платье с себя черническое скинул и уклонился в латинскую ересь, впал в чернокнижие и ведовство и по призыванию бесовскому и по умышлению короля Сигизмунда и литовских людей стал Димитрием царевичем ложно называться. Товарищи его воры, которые за рубеж его проводили и в Литве с ним знались, чернец Пимен да чернец Венедикт, да Ярославец Степанко иконшик, предо мною патриархом на соборе сказывали; чернец Пимен сказывал, что познакомился с Гришкою Отрепьевым в Новгороде Северском и проводил его за литовский рубеж; чернец Венедикт сказал, что видел вора Гришку в Киеве, в Печерском и Никольском монастырях в чернецах, и у князя Острожского был в дьяконах, и после того пристал к лютарям, уклонился в ересь и чернокнижье, стал воровать у запорожских черкас, в чернецах мясо есть; и он, Венедикт, извещал на него печерскому игумену; и печерский игумен посылал к козакам этого вора схватить, и он, узнав про то своими бесовскими мечтами, скрылся и ушел к князю Адаму Вишневецкому и по сатанинскому ученью, по вишневецких князей воровскому умышленью и по королевскому веленью стал называться князем Димитрием». Патриаршая грамота оканчивалась так: «Вы бы эту грамоту велели прочесть всем и того расстригу Гришку и его воровских советников и государевых изменников, которые тому вору последуют, и вперед кто станет на то прельщаться и ему верить, соборно и всенародно прокляли и вперед проклинать

велели, да будут они все прокляты в сем веке и в будущем. А мы здесь в царствующем граде Москве соборно и со всеми православными христианами также их вечному проклятию предали и вперед проклинать повелеваем» [66].

Только в январе 1605 года северные русские области были уведомлены правительством о Лжедимитрии, тогда как южные давно уже волновались его подметными грамотами. «Люди, которые в государстве за их богомерзкие злодейские дела приговорены были на сожжение, а другие к ссылке, бежали в Литовскую землю за рубеж и злые плевелы еретические сеяли, между царств вражду и ссору делали, и в Северской стране мужики севрюки люди простые, забыв бога и душу свою, поверя сендомирскому воеводе с товарищи, что паны радные, начали приставать к вору». Подметные грамоты провозились в мешках с хлебом, которого доставлялось тогда много из Литвы по случаю дороговизны. Таким образом, заставы, поставленные под предлогом мора, а в самом деле для перехватывания подозрительных людей с вестями о Димитрии, не помогали. Борис велел двинуться и войскам в Ливны под предлогом нашествия крымцев, но воеводы этого ополчения, Петр Шереметев и Михайла Салтыков, сказали Хрущову (посланному на Дон уговаривать козаков), «что трудно против природного государя воевать». В Москве были схвачены Василий Смирнов и Меньшой Булгаков за то, что на пиру пили здоровье Димитрия, а между тем в народе шли разговоры о странных явлениях, предвещавших что-то удивительное: на небе по ночам сражались друг с другом огненные полчища, являлось по два месяца, по три солнца; неслыханные бури сносили верхи башен и кресты с церквей, у людей и животных рождались уроды; птица и рыба, приготовленные для стола, теряли свой настоящий вкус; собака пожрала другую собаку, волк — волка; волки ходили огромными стаями и выли страшным образом; лисицы среди белого дня бегали по Москве; летом 1604 года показалась яркая комета; Борис призвал старика астролога, которого выписал из Лифляндии, и велел дьяку Афанасию Власьеву спросить у него, что это значит? Астролог отвечал, что господь бог этими новыми звездами и кометами остерегает государей: пусть и царь теперь остережется и внимательно смотрит за теми, кому доверяет, пусть велит крепко беречь границы от чужеземных гостей.

Опасные гости в самом деле шли к границам Московского государства: 15 августа 1604 года Лжедимитрий выступил в поход. Под Глинянами поляки, сопровождавшие его, собрались в коло и выбрали гетманом Юрия Мнишка, выбрали и полковников. Войско князя Острожского следило за ними до самого Днепра и заставляло их не спать по целым ночам.

В октябре 1604 года Лжедимитрий вошел в области Московского государства. Жители первого пограничного города, Моравска,

узнав, что идет царь с польским войском, стали волноваться и больше из страха, чем по доброй воле, отправили к Димитрию послов с покорностию и присягнули ему. Козаки, которые всегда шли вперед главного войска, приблизились к Чернигову и были встречены выстрелами, но потом, узнавши, что Моравск сдался, черниговцы вступили в переговоры и связали воеводу, не хотевшего сдаваться царевичу. Несмотря на то, козаки до прихода главного войска бросились на посад и выграбили его. Димитрий послал сказать им, чтоб отдали добычу: иначе он поведет против них рыцарство; козаки долго ругались и отговаривались, однако принуждены были возвратить добычу, хотя и не всю. Чернигов поддался, но не поддался Новгород Северский, где засел воевода Петр Федорович Басманов, любимец Годунова, который возвысил его наперекор местничеству. На требование сдачи из Новгорода Северского отвечали полякам: «А... дети! приехали на наши деньги с вором!» Басманов отбил приступ, не дал зажечь города, и нетерпеливый Лжедимитрий, раздраженный помехою, начал укорять поляков: «Я думал больше о поляках,— говорил он,— а теперь вижу, что они такие же люди, как и другие». Рыцарство отвечало ему: «Мы не имеем обязанности брать городов приступом, однако не отказываемся и от этого, пробей только отверстие в стене». Поляки хотели было уже покинуть его, как пришла весть, что воевода князь Василий Рубец Мосальский сдал Путивль, самый важный город в Северской земле. Примеру Путивля последовали другие украинские города, и на протяжении 600 верст от запада к востоку Лжедимитрий уже признавался истинным царевичем. Народ видел этого царевича, окруженного поляками, но видел и усердие его к вере православной: так, он велел принести в Путивль из Курска чудотворную икону богородицы, встретил ее с честию и поставил в своих палатах и каждый день горячо молился перед нею; эта икона сопровождала его и в Москву, где он держал ее также во дворце. Царский воевода, боярин князь Дмитрий Шуйский, стоял неподвижно у Брянска, не помогал Басманову и писал царю, что надобно выслать больше войска. Борис велел набирать полки, но в приговоре об этом наборе должен был признаться, что «войска очень оскудели: одни, прельщенные вором, передались ему; многие козаки, позабыв крестное целование, изменили, иные от долгого стояния изнурились и издержались, по домам разошлись; многие люди, имея великие поместья и отчины, службы не служат ни сами, ни дети их, ни холопи, живут в домах, не заботясь о гибели царства и святой церкви. Мы судили и повелели,— продолжает царь,— чтобы все патриаршие, митрополичьи, архиепископские, епископские и монастырские слуги, сколько ни есть их годных, немедленно собравшись, с оружием и запасами, шли в Калугу; останутся только старики да больные».

Новая рать была поручена первому боярину, князю Федору Ивановичу Мстиславскому, которому подана была надежда, что царь выдаст за него дочь свою, с Казанью и Северскою землею в приданое. Мстиславский сошелся с войсками самозванца под Новгородом Северским 18 декабря: царского войска было от 40 000 до 50 000, у самозванца же — не более 15 000. И прежде, при недостатке ратного искусства, многочисленность московских войск мало оказывала пользы в чистом поле, а теперь шатость, недоумение отнимали нравственные силы у воевод и воинов; мы видели, как Шереметев и Салтыков еще прежде говорили, что трудно сражаться с прирожденным государем; после этого легко понять, почему, как выражается очевидец, у русских не было рук для сечи. Мстиславский подступил к стану самозванца, но медлил, ожидая еще подкрепления: 50 000 против 15 000 казалось ему еще мало! Лжедимитрий не хотел медлить: 21 декабря, одушевив свое войско речью, которая дышала полною уверенностью в правоте дела, он ударил на царское войско, которое тотчас дрогнуло, Мстиславский был смят в общем расстройстве, сбит с лошади, получил несколько ран в голову; царское войско потеряло 4000 человек убитыми, и только неопытность Лжедимитрия в ратном деле помешала ему нанесть Мстиславскому совершенное поражение. Обозревая после битвы поле сражения и видя столько трупов с русской стороны, Лжедимитрий заплакал [67].

Несмотря, однако, на эту победу, которая по-настоящему должна была бы сильно возвысить дух в подвижниках Лжедимитрия, дела его грозили принять очень дурной оборот. Лев Сапега писал Мнишку, что в Польше на его предприятие смотрят очень дурно, и советовал возвратиться, и Мнишек под предлогом сейма стал сбираться в Польшу; рыцарство начало требовать у Лжедимитрия денег: «Если не дашь, то едем все в Польшу»,— кричало оно. Рота Фредрова сказала ему: «Дай только нам, а другим не давай: другие смотрят на нас и останутся, если мы останемся». Лжедимитрий поверил, дал деньги одной роте; но другие, узнав об этом, еще больше взволновались, и когда Мнишек выехал из обоза, то за ним поехала и большая часть поляков. Лжедимитрий ездил от одной роты к другой, уговаривая рыцарство остаться, но встречал только оскорбления, один поляк сказал ему: «Дай бог, чтоб посадили тебя на кол». Лжедимитрий дал ему за это в зубы, но этим не унял рыцарство, которое стащило с него соболью шубу; русские приверженцы царевича должны были потом выкупать ее. С Лжедимитрием осталось только 1500 поляков, которые вместо Мнишка выбрали гетманом Дворжицкого. Но эта убыль в войске скоро была вознаграждена: пришло 12 000 козаков малороссийских, с которыми самозванец засел в Севске.

Так как главный воевода, князь Мстиславский, был ранен, то другие воеводы, князь Дмитрий Шуйский с товарищами, не

позаботились известить царя о битве под Новгородом Северским. Борис узнал об ней стороною и тотчас послал к войску чашника Вельяминова-Зернова с речью и милостивым словом. Посланный говорил Мстиславскому: «Государь и сын его жалуют тебя, велели тебе челом ударить, да жалуют тебя, велели о здоровье спросить». Потом, упомянув о сражении и ранах Мстиславского, посланный продолжал от имени царя: «И ты то сделал, боярин наш князь Федор Иванович! Помня бога и крестное целованье, что пролил кровь свою за бога, пречистую богородицу, за великих чудотворцев, за святые божии церкви, за нас и за всех православных христиан, и если даст бог, службу свою довершишь и увидишь образ спасов, пречистыя богородицы и великих чудотворцев и наши царские очи, то мы тебя за твою прямую службу пожалуем великим своим жалованьем, чего у тебя и на уме нет». С тем же посланным Борис отправил Мстиславскому для лечения ран медика и двоих аптекарей. Князю Дмитрию Шуйскому с товарищами царь велел поклониться, но прибавить: «Слух до нас дошел, что у вас, бояр наших и воевод, с крестопреступниками литовскими людьми и с расстригою было дело, а вы к нам не писали, каким обычаем дело делалось, и вы то делаете не гораздо, вам бы о том к нам отписать вскоре». У дворян, детей боярских и всех ратных людей царь и сын его велели спросить о здоровье. Такое благоволение могло быть оказано войску только за самую блистательную победу, следовательно, здесь обнаружилась вся робость Годунова пред опасностью, робость, заставившая его унизиться до ласкательства пред войском. Если и разбитое войско получило знаки царского благоволения, то понятно, что Борис спешил осыпать милостями воеводу, который один исполнил свою обязаность как должно, Басманова, защитника Новгорода Северского: он был вызван в Москву, куда имел торжественный въезд, получил боярство, богатое поместье, множество денег и подарков, не в пример больше, чем первый воевода, сидевший в Новгороде, князь Никита Трубецкой.

На помощь к больному от ран Мстиславскому был послан князь Василий Иванович Шуйский, который при появлении самозванца торжественно, с Лобного места, свидетельствовал пред московским народом, что истинный царевич умер и погребен им, Шуйским. Самозванец вышел из Севска и 21 января 1605 года ударил на царское войско при Добрыничах, но, несмотря на храбрость необыкновенную, потерпел поражение вследствие многочисленности наряда в царском войске. Знаменитый впоследствии Михайла Борисович Шеин, бывший тогда в звании чашника, привез царю в Троицкий монастырь весть о победе и был пожалован за такую радость в окольничие; воеводы получили золотые; войску роздано 80 000 рублей; в письме к воеводам Борис употреблял обычную фразу, что готов разделить с верными слугами последнюю рубаш-

ку. Но радость Бориса не была продолжительна: скоро пришли вести о шаткости жителей Смоленска, этой неприступной ограды Московского государства; царь послал выговор смоленским воеводам, зачем они поступают милостиво и совестятся пытать людей духовных? «Вы это делаете не гораздо, что такие дела ставите в оплошку, а пишете, что у дьякона некому снять скуфьи и за тем его не пытали; вам бы велеть пытать накрепко и огнем жечь».

Пришли вести, что и самозванец не истреблен окончательно, а усиливается. После поражения при Добрыничах самозванец заперся в Путивле и, видя малочисленность своего войска, хотел было уехать в Польшу, но теперь между русскими было уже много людей, которые тесно соединили свою судьбу с его судьбою и которые не хотели ни бежать в Польшу, ни отдаваться в руки Борису; они удержали Лжедимитрия, грозили, что могут спасти себя, выдав его живым Годунову, утверждали, что, несмотря на поражение, средств у него еще много, что у Бориса много врагов. Враги Бориса, которым нужно было поддержать самозванца, не замедлили предложить последнему свою помощь: 4000 донских казаков явилось в Путивль. Что же делали в это время царские воеводы? Они пошли осаждать Рыльск; но тут поляки распустили слух, что к ним на помощь идет Жолкевский, гетман польный; язык сообщил эту весть царским воеводам, которые испугались, отступили поспешно от Рыльска, стали в Комарницкой волости и начали страшно мстить ее жителям за приверженность к Лжедимитрию: не было пощады ни старикам, ни женщинам, ни детям, что, разумеется, еще более усилило ненависть севрюков к Борису и привязанность к Лжедимитрию. Недеятельность воевод рассердила царя: он послал сказать воеводам, что они ведут дело нерадиво: столько рати побили, а Гришку не поймали. Бояре и все войско оскорбились; в войске, по словам летописца, стало мнение и ужас от царя Бориса, и с той поры многие начали думать, как бы царя Бориса избыть и служить окаянному Гришке. Так при шаткости, при усобице, первая немилость со стороны одного соперника уже производила сильное неудовольствие, заставляла многих думать, как бы избыть немилостивого государя; уже многие начали смотреть на свою службу не как на необходимую обязанность в отношении к царю и царству, но как на милость, которую они оказывали Борису, и при первом неудовольствии начинали думать об отступлении от него: при появлении соперника царю единение царя и царства рушилось и возвращалось безнарядное время многовластия, когда вольно было переходить от одного знамени к другому.

Побуждаемые царем, воеводы пошли осаждать Кромы, где засел приверженец Лжедимитрия Акинфиев да донские казаки с атаманом Корелою. Воеводы, по словам иностранца очевидца Маржерета, при осаде Кром занимались делами, достойными

одного смеха, но русский летописец говорит еще о других делах, достойных не одного смеха: когда деревянная стена Кром уже сгорела и нужно было порешить дело, известный нам Михайла Глебович Салтыков велел отвести наряд от крепости, «норовя окоянному Гришке». К шаткости, ослаблению нравственному присоединилось еще бедствие физическое, открылась сильная смертность в стане царском: Борис прислал лекарства ратным людям, а между тем попытался отделаться от самозванца отравою, подослал к нему в Путивль монахов с зельем, но умысел был открыт, и скоро разнеслась весть о смерти самого Бориса: 13 апреля, когда он встал из-за стола, кровь хлынула у него изо рта, ушей и носа, и после двухчасовых страданий он умер, постриженный в монахи под именем Боголепа. Понесся слух, что он погиб от яда, собственною рукою приготовленного.

После Бориса остался сын Федор, который, по отзыву современников, хотя был и молод, но смыслом и разумом превосходил многих стариков седовласых, потому что был научен премудрости и всякому философскому естественнословию. Действительно, как видно, Борис, первый из царей московских расширил для своего сына круг занятий, которым ограничивались при воспитании русских людей: так, известна карта Московского государства, начерченная рукою Федора. Говорят, Борис сильно любил сына; мы видели, что он приобщил его к правлению, имя его постоянно соединялось в грамотах с отцовским; как в царствование Феодора Иоанновича обыкновенно писалось, что просьбы исполняются царем по ходатайству конюшего боярина Годунова, так в царствование Бориса писалось, что просьбы исполняются по ходатайству царевича Федора [68].

Жители Москвы спокойно присягнули Федору, целовали крест: «Государыне своей царице и великой княгине Марье Григорьевне всея Руси, и ее детям, государю царю Федору Борисовичу и государыне царевне Ксении Борисовне». Форма присяги та же самая, что и Борису; повторено обязательство не хотеть на Московское государство Симеона Бекбулатовича, но прибавлено: «И к вору, который называется князем Димитрием Углицким, не приставать, с ним и его советниками не ссылаться ни на какое лихо, не изменять, не отъезжать, лиха никакого не сделать, государства не подыскивать, не по своей мере ничего не искать, и того вора, что называется царевичем Димитрием Углицким, на Московском государстве видеть не хотеть». Здесь самозванец не назван Отрепьевым не потому, что само правительство переменило мнение о его происхождении, но чтоб отнять у изменников всякую оговорку в нарушении присяги, чтоб они не могли сказать: мы не нарушили клятвы и не присягаем Отрепьеву, потому что царевич не есть Отрепьев,— так по крайней мере объясняли это самозванцу сами изменники: «Форма присяги,— говорили они,— иначе была нам

выдана, не так, как мы разумели, имя Гришки в ней не упомянуто, чтобы мы против тебя, природного государя нашего, действовали и тебя в государи себе не избрали». Прибавлена была особая присяга для дьяков: «Мы, будучи у ее государынина и государева дела, всякие дела делать вправду, тайных и всяких государевых дел и вестей никаких никому не сказывать, государынниной и государевой казны всякой и денег не красть, дел не волочить, посулов и поминков ни у кого не брать, никому ни в чем по дружбе не норовить и не покрывать, по недружбе ни на кого ничего не затевать, из книг писцовых, отдельных и из дач выписывать подлинно прямо». В присяге Федору Борисовичу может остановить то обстоятельство, что имя царицы Марьи Григорьевны поставлено впереди: из этого вовсе не следует, чтобы Федор вступил на престол под опекою матери; в противном случае надобно бы предположить, что и царевна Ксения была соправительницею брату. И присяга при вступлении на престол отца Федорова также дана была целой семье: царю Борису, жене его, царевичу Федору, царевне Ксении и тем детям, которых им вперед бог даст. Любопытно, что в грамотах владыкам о молебствии за нового царя вступление на престол Федора рассказывается точно так же, как рассказывалось о вступлении на престол отца его: «По преставлении великого государя нашего, святейший Иов и весь освященный собор и весь царский сиклит, гости и торговые люди и всенародное множество Российского государства великую государыню царицу Марью Григорьевну молили со слезами и милости просили, чтобы государыня пожаловала, положила на милость, не оставила нас, сирых, до конца погибнуть, была на царстве по-прежнему, а благородного сына своего благословила быть царем и самодержцем; также и государю царевичу били челом, чтобы пожаловал, по благословению и приказу отца своего, был на Российском государстве царем и самодержцем. И великая государыня слез и молений не презрела, сына своего благословила, да и государь царевич, по благословению и по приказу отца своего, по повелению матери своей нас пожаловал, на Московском государстве сел». Вероятно, хотели показать, что, кроме благословения отцовского, Федор принял престол вследствие единодушного желания и слезного моления народного. В Москве все присягнули без сопротивления, но состояние умов в жителях областей было подозрительно, и потому в грамотах, разосланных к воеводам с приказанием приводить жителей к присяге, было прибавлено: «Берегли бы накрепко, чтоб у вас всякие люди нам крест целовали и не было бы ни одного человека, который бы нам креста не целовал». Доносили, что в отдаленных северных областях разносятся слухи о грамотах Лжедимитрия, в которых он обещается быть в Москве, «как на дереве станет лист разметываться».

Недеятельность бояр Мстиславского и Шуйского, воевод

огромной рати, неуменье или нежелание их истребить самозванца, вождя дружины малочисленной, сбродной, заставили новое правительство отозвать обоих князей в Москву и на их место послать уже показавшего свою верность и мужество Басманова; но Басманова нельзя было назначить главным воеводою, ибо вследствие местничества надобно было бы сменить других воевод, которым с Басмановым быть не приводилось, и потому первым воеводою послали князя Катырева-Ростовского, а Басманова назначили вторым воеводою большого полка. Вместе с боярами, князем Ростовским и Басмановым, отправлен был новгородский митрополит Исидор для приведения войска к присяге царю Федору. Ратные люди дали присягу, но недолго соблюдали ее. Басманов видел, что с войском, в котором господствовала шаткость умов и нравственная слабость, ничего сделать нельзя, что дело Годуновых проиграно окончательно смертию Бориса, в которой многие видели указание свыше на решение борьбы, притом же за Федора при всех личных достоинствах его, известных, впрочем, не всем, не было старины, как за отца его, а это в то время очень много значило; Басманов видел, что воеводы сколько-нибудь деятельные, способные сообщать деятельность, одушевление войску, не хотят Годуновых, видел, что противиться общему расположению умов — значит идти на явную и бесполезную, в его глазах, гибель, и, не желая пасть жертвою присяги, решился покончить дело. Он соединился с князьями Голицыными — Василием и Иваном Васильевичами, с Михайлою Глебовичем Салтыковым и 7 мая объявил войску, что истинный царь есть Димитрий. Полки без сопротивления провозгласили последнего государем; только немногие не захотели нарушить присягу Федору и с двумя воеводами, князьями Ростовским и Телятевским, побежали в Москву.

Князь Иван Васильевич Голицын был послан в Путивль объявить самозванцу о переходе войска на его сторону. Говорят, что некоторые из приехавших с Голицыным узнали в новом царе монаха Отрепьева, но уже было поздно объявлять о подобных открытиях. Лжедимитрий приказал войску идти под Орел и там его дожидаться, а сам двинулся туда из Путивля 19 мая. К нему навстречу поехали сперва Салтыков и Басманов, а потом князь Василий Голицын и Шереметев, который прежде других сказал, что трудно воевать с прирожденным государем. Прибывши в Орел, Лжедимитрий отпустил войско к Москве с князем Василием Голицыным, а сам пошел за ним с своею польскою и русскою дружиною. Поляки говорят, что он не хотел идти вместе с русским войском из недоверчивости и всегда распоряжался так, чтобы между обоими войсками было не менее мили или полмили расстояния.

После измены войска гонцы с грамотами от Лжедимитрия беспрестанно являлись в Москве, но их хватали и замучивали до смерти. 1 июня приехали с грамотами Наум Плещеев и Гаврила

Пушкин и отправились сперва в Красное село, где жили богатые купцы и ремесленники, а мы знаем, что при царе Феодоре Иоанновиче московские купцы были не за Годунова. Плещеев и Пушкин прочли красносельцам Лжедимитриеву грамоту, написанную на имя бояр Мстиславского, Василия и Димитрия Шуйских и других, окольничих и граждан московских. Лжедимитрий напоминал в ней о присяге, данной отцу его, Иоанну, о притеснениях, претерпенных им в молодости от Годунова, о своем чудесном спасении в общих, неопределенных выражениях, извинял бояр, войско и народ в том, что они присягнули Годунову, «не ведая злокозненного нрава его и боясь того, что он при брате нашем царе Феодоре владел всем Московским государством, жаловал и казнил, кого хотел, а про нас, прирожденного государя своего, не знали, думали, что мы от изменников наших убиты». Напоминал о притеснениях, какие были при Борисе «боярам нашим и воеводам, и родству нашему укор и поношение, и бесчестие, и всем вам, чего и от прирожденного государя терпеть было невозможно». В заключение самозванец обещал награды всем в случае признания, гнев божий и свой царский в случае сопротивления. Красносельцы с радостию приняли посланных и собрались шумною толпою провожать их в город. Правительство выслало было против них стрельцов, но те, испугавшись, возвратились с дороги, и послы Лжедимитрия с красносельцами достигли беспрепятственно Лобного места, прочли народу грамоту Лжедимитриеву. Народ взволновался; бояре объявили патриарху о мятеже; тот заклинал их выйти к народу и образумить его; бояре, по-видимому, послушались, вышли на Лобное место и ничего не сделали. Говорят, что народ просил князя Василия Ивановича Шуйского объявить правду, точно ли он похоронил Димитрия царевича в Угличе? Шуйский отвечал, что царевич спасся от убийц, а вместо его убит и похоронен попов сын. Ворота в Кремль не были заперты: толпы народа ворвались туда, схватили царя Федора с матерью и с сестрою во дворце и вывели их в прежний боярский дом Борисов; родственников их взяли под стражу, имение их разграбили, дома разломали. В это Смутное время является опять на сцену Богдан Бельский, возвращенный из ссылки по смерти Бориса; врага его уже не было в живых, семейству этого врага уже мстили другие, но у Бельского оставались еще враги — немцы Борисовы; он шепнул народу, что лекаря иноземные были советниками Бориса, получили от него несметные богатства и наполнили погреба свои всякими винами; толпы черни бросились немедленно к немцам и не только осушили все бочки в погребах, но и разграбили все имение.

3 июня отправлены были из Москвы к самозванцу в Тулу с повинною боярин князь Иван Михайлович Воротынский и князь Андрей Телятевский, тот самый, который убежал в Москву,

увидя измену Басманова и войска. В то же время с другой стороны приехали к Лжедимитрию послы от донских козаков, первых и самых верных его помощников. Лжедимитрий позвал донцов к руке прежде бояр московских, которых встретил грозною речью за долгое сопротивление законному царю; козаки, хвалясь своею верностию, также позорили бояр, а князя Телятевского чуть не убили до смерти за прежнюю верность Годунову. Еще прежде приезда Воротынского и Телятевского, как скоро узнано было о присяге Лжедимитрию, отправились в Москву князья Василий Голицын и Василий Мосальский, да дьяк Сутупов покончить с Годуновыми. Посланные начали с патриарха Иова, самого ревностного приверженца последних: его с бесчестием вывели из собора во время самой службы и как простого монаха сослали в Старицкий монастырь; сидевших под стражею родных бывшего царя Годуновых и однородцев их, Сабуровых и Вельяминовых, также разослали в заточение; один только Семен Годунов был задушен в Переяславле: он больше других навлек на себя ненависть, потому что ревностнее других заботился о выгодах своего рода. Покончив с патриархом и Годуновыми, князья Голицын и Мосальский с Молчановым, Шелефединовым и тремя стрельцами пошли в старый дом Борисов: царицу Марью удавили скоро, но молодой Федор боролся отчаянно; наконец одному из убийц удалось умертвить его самым отвратительным образом; народу объявили, что царица Марья и сын ее со страху отравились. Царевна Ксения осталась в живых. Тело царя Бориса выкопали в Архангельском соборе, положили в простой гроб и вместе с женою и сыном погребли в бедном Варсонофьевском монастыре на Сретенке [69].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЖЕДИМИТРИЯ

Грамоты Лжедимитрия.— Присяжная запись.— Въезд царя в Москву.— Действия князя Шуйского против нового царя.— Патриарх Игнатий.— Приезд царицы Марфы в Москву.— Правительственная деятельность царя.— Поведение поляков, приведенных им в Москву.— Новые обычаи.— Обличители.— Сношения с Польшею.— Сношения с Римом.— Женитьба царя на Марине Мнишек.— Самозванец Петр.— Неудовольствия в Москве на царя.— Новые обличители.— Заговор Шуйского.— Смерть Лжедимитрия.— Избрание князя Василия Шуйского в цари

Узнав об успехе своего дела в Москве, Лжедимитрий тотчас же разослал грамоты по городам с известием о том, что Москва признала его истинным Димитрием, и с требованием последовать ее примеру. Новый царь писал, что бог поручил ему Московское государство, и патриарх Иов, духовенство и всяких чинов люди, «узнав прирожденного государя своего, в своих винах добили челом. И вы бы о нашей матери и о нашем многолетнем здоровье по всем церквам велели бога молить, и нам служили и прямили во всем, и того берегли накрепко, чтобы в людях шатости, грабежа и убийства не было, и о всяких делах писали бы к нам». Вслед за первою грамотою отправлена была и другая, с предписанием не выпускать денег из казны, беречь ее накрепко и так же не позволять никакого замедления в сборах. Потом был разослан приказ приводить жителей к присяге. В присяжной записи соблюдена была та же форма, какую мы видели в Годуновской: присяга бралась на имя царицы Марфы Федоровны и сына ее Димитрия, но было и важное различие — в записи Димитриевой не было того исчисления всех возможных посягновений на особу царскую, какое видели мы в записях Годуновых; о Годуновых сказано: «С изменниками их, с Федькою Борисовым, сыном Годуновым, с его матерью, с их родством, с их советниками, не ссылаться ни письмом, ни каким другим образом».

Лжедимитрий узнал в Серпухове о гибели Годуновых; на дороге из этого города к Москве остановился на несколько дней в селе Коломенском и 20 июня въехал торжественно в столицу, при звоне колоколов у всех церквей, при бесчисленном множестве народа на

улицах, на крышах домов, на колокольнях; народ падал на колена пред новым царем и кричал: «Дай господи, тебе, господарь, здоровья! Ты наше солнышко праведное!» Димитрий отвечал на эти крики: «Дай бог и вам здоровья! Встаньте и молитесь за меня богу!» День был ясный и тихий, но, когда новый царь, переехавши живой мост, через Москворецкие ворота вступил на площадь, поднялась сильная буря; народ смутился, начал креститься, приговаривая: «Помилуй нас бог! Помилуй нас бог!» Духовенство встретило царя на Лобном месте с крестами; отъехавши несколько шагов от Лобного места, Димитрий остановил свою лошадь подле церкви Василия Блаженного, снял шапку, взглянул на Кремль, на бесчисленные толпы народа и с горючими слезами начал благодарить бога, что сподобил его увидеть родную Москву. Народ, видя слезы царя, принялся также рыдать.

В Кремле, по старому обычаю, царь пошел по соборам, слушал молебны, но заметили и новое, которое не понравилось: во время этих молебнов латыне-литва сидели на лошадях, трубили в трубы и били в бубны. Была и другая новость: благовещенский протопоп Терентий говорил витиеватую речь, в которой умолял царя о помиловании народа, по неведению преступившего клятву: «Когда слышим похвалу нашему преславному царю,— говорил оратор,— то разгораемся любовию к произносящему эти похвалы; мы были воспитаны во тьме и привлекли к себе свет. Уподобляяся богу, подвигнись принимать, благочестивый царь, наши мольбы и не слушай людей, влагающих в уши твои слухи неподобные, подвигающих тебя на гнев, ибо если кто и явится тебе врагом, то бог будет тебе другом. Бог, который освятил тебя в утробе матерней, сохранил невидимою силою от всех врагов и устроил на престоле царском, бог укрепил тебя и утвердил, и поставил ноги твои на камне своего основания: кто может тебя поколебать? Воздвигни милостивые очи свои на нас, пощади нас, отврати от нас праведный гнев свой». Замечательно, что в этой речи оратор не один раз упоминает о людях, которые хотят поссорить царя с его народом: вероятно, он разумел под этими людьми поляков. Когда новый царь был уже во дворце, из Кремля на Красную площадь выехал Богдан Бельский, окруженный боярами и дьяками, он вошел на Лобное место и громко свидетельствовал пред всем народом, что новый царь есть истинный Димитрий, и в доказательство правды слов своих поцеловал крест.

Но другое втихомолку свидетельствовал человек, который при жизни царя Бориса торжественно объявлял московскому народу, что царевич убит и тот, кто называется его именем, есть вор Гришка Отрепьев. Князь Василий Шуйский не повторил торжественно этого свидетельства пред народом по смерти Годунова, не повторил, когда оно было всего нужнее, когда Пушкин и Плещеев читали на Лобном месте грамоту Лжедимитриеву и

толпы стремились в Кремль низводить с престола Федора Годунова; говорят даже, что он в это время объявил совершенно противное. Но когда с Годуновыми было покончено и когда самозванец с горстию поляков был в Москве, Шуйский начал повторять прежнее свидетельство свое: он объявил торговому человеку Федору Коневу и какому-то Косте лекарю, что новый царь — самозванец, и поручил им разглашать об этом тайно в народе. Но Конев и Костя не умели сделать этого тайно: Басманов узнал о слухах, узнал, от кого они идут, и донес царю. По польским известиям, Шуйский хотел поджечь посольский двор, занимаемый поляками. 23 июня Шуйский был схвачен, и Лжедимитрий отдал дело на суд собору, на котором, кроме духовенства и членов Думы, были и простые люди, ибо летописец говорит, что из простых людей никто не был за Шуйского, все на него кричали. По некоторым иностранным известиям, самозванец сам оспаривал Шуйского и уличал его в клевете, причем говорил с таким искусством и умом, что весь собор был приведен в изумление и решил, что Шуйский достоин смерти. 25 число назначено было для исполнения приговора. Шуйский был уже выведен к плахе, уже прочитана была ему сказка, или объявление вины, уже простился он с народом, объявив, что умирает за правду, за веру и народ христианский, как прискакал гонец с объявлением помилования. Источники разногласят в названии лиц, которые убедили Лжедимитрия помиловать Шуйского: одни называют бояр, другие — поляков и именно секретаря царского, Бучинского, некоторые — Афанасья Власьева; известия, что убедила к тому царица Марфа, мы принять не можем, ибо ее не было еще тогда в Москве. Как бы то ни было, Шуйского вместе с двумя братьями сослали в Галицкие пригороды, имение отобрали в казну, но, прежде нежели они достигли места ссылки, их возвратили в Москву, отдали имение и боярство.

Известить народ о восшествии на престол нового царя должен был патриарх. Первым из русских архиереев, признавшим торжественно Лжедимитрия, был рязанский архиепископ Игнатий, родом грек, прежде бывший архиепископом в Кипре и пришедший в Россию в царствование Феодора Иоанновича; когда Лжедимитрий был в Туле, Игнатий, к епархии которого принадлежала Тула, встретил его здесь как царя. Этого-то Игнатия 24 июня возвели в патриархи. Новый патриарх разослал по всем областям грамоты с известием о восшествии Димитрия на престол и возведении его, Игнатия, в патриаршеское достоинство по царскому изволению, причем предписывал молиться за царя и за царицу-мать и, между прочим, чтобы возвысил господь бог их царскую десницу над латинством и бусурманством.

Но признание Игнатия не могло окончательно утвердить нового царя на престоле: это могло сделать только признание матери, царицы Марфы. Великий мечник (новое достоинство придворное,

учрежденное Лжедимитрием по образцу польскому), знаменитый впоследствии князь Михайла Васильевич Скопин-Шуйский, был послан за Марфою и привез ее в Москву 18 июля; царь встретил ее в селе Тайнинском и имел с ней свидание наедине в шатре, раскинутом близ большой дороги; говорят, Марфа очень искусно представляла нежную мать, народ плакал, видя, как почтительный сын шел пешком подле кареты материнской; Марфу поместили в Вознесенском монастыре, куда царь ездил к ней каждый день. Вскоре по приезде матери, 30 июля, Лжедимитрий венчался на царство по обыкновенному обряду. Объявлены были милости: мнимый дядя царя, Михайла Федорович Нагой, получил звание конюшего боярина, Филарет Никитич Романов возведен в сан ростовского митрополита, брату его, Ивану Никитичу, дано боярство. Бывший царь и великий князь тверской, Симеон Бекбулатович, был также вызван из ссылки и явился при дворе с прежнею честию: мнимый сын Грозного не боялся его совместничества. Между пожалованиями видим и небывалые: двое думных дьяков — Василий Щелкалов и Афанасий Власьев — были произведены в окольничие. Замечательно, что Лжедимитрий, еще будучи в Польше, говорил о покровительстве, оказанном ему Щелкаловыми, и замечательно, что Борис удалил Василия Щелкалова от дел. Из родственников и приверженцев бывшего царя подверглись ссылке 74 семейства.

Не проходило дня, в который бы царь не присутствовал в Думе. Иногда, слушая долговременные бесплодные споры думных людей о делах, он смеялся и говорил: «Столько часов вы рассуждаете и все без толку! Так я вам скажу: дело вот в чем!» — и в минуту, ко всеобщему удивлению, решал такие дела, над которыми бояре долго думали. Он любил и умел поговорить; как все тогдашние грамотеи, любил приводить примеры из истории разных народов, рассказывал и случаи собственной жизни. Нередко, впрочем, всегда ласково, упрекал думных людей в невежестве, говоря, что они ничего не видали, ничему не учились, обещал позволить им ездить в чужие земли, где могли бы они хотя несколько образоваться; велел объявить народу, что два раза в неделю, по средам и субботам, будет сам принимать челобитные, предписал приказам решать дела без посулов. Когда поляки советовали ему принять строгие меры против подозрительных людей, то он отвечал им, что дал обет богу не проливать христианской крови, что есть два средства удерживать подданных в повиновении: одно — быть мучителем, другое — расточать награды, не жалея ничего, и что он избрал последнее. Он велел заплатить всем те деньги, которые были взяты взаймы еще Грозным и не отданы. Жалованье служилым людям удвоено; духовенству подтверждены старые льготные грамоты и даны новые; послано соболей на 300 рублей во Львов для сооружения там православ-

ной церкви, причем в царской грамоте к тамошнему духовенству говорится: «Видя вас несомненными и непоколебимыми в нашей истинной правой христианской вере греческого закона, послали мы к вам от нашей царской казны». В духовники себе Лжедимитрий выбрал архимандрита владимирского Рождественского монастыря. Печатание священных книг продолжалось в Москве: Иван Андроников Невежин напечатал Апостол, в послесловии к которому читаем: «Повелением благочестия поборника и божественных велений изрядна ревнителя, благоверного и христолюбивого, исконного государя всея великия России, крестоносного царя и великого князя Димитрия Ивановича».

Относительно крестьян и холопей в правление Лжедимитрия сделаны два распоряжения: 1) приговорили бояре: «Если дети боярские, приказные люди, гости и торговые всякие люди станут брать на людей кабалы, а в кабалах напишут, что занял у него да у сына его деньги и кабалу им на себя дает, то этих кабал отцу с сыном писать и в книги записывать не велеть, а велеть писать кабалы порознь, отцу особая кабала и сыну особая, сыну же с отцом, брату с братом, дяде с племянником кабал писать и в книги записывать не велеть. Если же отец с сыном или брат с братом станут по служилым кабалам на ком-нибудь холопства искать, то этим истцам отказывать, а тех людей, на кого они кабалу положат, освободить на волю». Этот приговор состоялся, вероятно, для избежания следующего случая: вольный человек брал деньги и давал на себя служилую кабалу; взявший кабалу, чтоб упрочить в случае своей смерти холопа и наследникам своим, сыну, брату или племяннику, писал, что холоп взял деньги у обоих, и таким образом делал его холопом для обоих, что могло случиться без ведома неграмотного холопа; особые же кабалы никак не могли быть даны без его ведома. Закон имел, вероятно, целию ограничить распространение холопства, чтобы сын или вообще наследник не мог наследовать холопей умершего отца или родственника.

Другой бярский приговор касается беглых крестьян: «Если землевладелец будет бить челом на крестьян, сбежавших с его земли за год до бывшего голода, то беглецов сыскивать и отдавать старым помещикам. Если крестьяне бежали к другим помещикам и вотчинникам в голодные годы, но с именем, которым прокормиться им было можно, то их также сыскивать и отдавать старым помещикам и вотчинникам. Если крестьяне бежали далеко, из подмосковных городов на украйны или обратно, и пошли от старых помещиков с именем, но растеряли его дорогою и пришли к другим помещикам в бедности, про таких велено было спросить окольных людей старого поместья, и если они скажут, что крестьянин был прежде не беден и сбежал с имением, достаточным для прокормления, то беглеца отдать прежнему помещику; если же

окольные люди скажут, что крестьянин бежал в голодные годы от бедности, было нечем ему прокормиться, такому крестьянину жить за тем, кто кормил его в голодные года, а истцу отказать: не умел он крестьянина своего кормить в те голодные года и теперь его не ищи. Если крестьяне в голодные года пришли в холопи к своим или чужим помещикам и вотчинникам и дали на себя служилые кабалы, а потом старые помещики или вотчинники станут их опять вытягивать к себе в крестьяне, в таком случае сыскивать накрепко: если шел от бедности, именья у него не было ничего, то истцам отказывать: в голодные лета помещик или вотчинник прокормить его не умел, а сам он прокормиться не мог и от бедности, не хотя голодною смертию умереть, бил челом в холопи, а тот, кто его принял, в голодные года кормил и себя истощал, проча его себе, и теперь такого крестьянина из холопства в крестьяне не отдавать, и быть ему у того, кто его в голодные лета прокормил, потому что не от самой большой нужды он в холопи не пошел бы. Если кабальный человек станет оттягиваться, будет говорить, что помещик взял его во двор с пашни насильно, а ему прокормиться было нечем, в таком случае сыскивать по крепостям: если крепости будут записаны в книге в Москве или других городах, то холоп укрепляется за господином, потому что если бы кабала была взята насильно, то крестьянин должен бить челом у записки; если же кабалы в книги не записаны, то им и верить нечего. Если же крестьяне бежали за год до голода или год спустя после него, то их сыскивать прежним помещикам и вотчинникам, в случае же спора давать суд; равно если крестьяне пошли в холопи до голода, то обращаются снова в крестьянство»; приговор оканчивается повторением старого постановления, что на беглых крестьян далее пяти лет суда не давать. Этот приговор особенно замечателен тем, что в нем ясно высказано различие, существовавшее в то время между состоянием крестьянина и состоянием холопа. Милости нового царя достигли и отдаленных остяков: притесненные верхотурскими сборщиками ясака, остяки просили царя, чтобы велел собирать с них ясак по-прежнему из Перми Великой; Лжедимитрий сделал более: он освободил их совершенно от сборщиков, приказал им самим отвозить ясак в Верхотурье [70].

После царского венчания своего Лжедимитрий отпустил иностранное войско, состоявшее преимущественно из поляков, выдав ему должное за поход жалованье, но этот сброд, привыкший жить на чужой счет, хотел подолее повеселиться на счет царя московского; взявши деньги, поляки остались в Москве, начали роскошничать, держать по 10 слуг, пошили им дорогое платье, стали буйствовать по улицам, бить встречных. Шляхтич Липский был захвачен в буйстве и приговорен к кнуту; когда перед наказанием, по обычаю, стали водить его по улицам, то поляки отбили его, переранивши сторожей. Царь послал сказать им, чтобы выдали Лип-

ского для наказания, иначе он велит пушками разгромить их двор и истребить их всех. Поляки отвечали, что помрут, а не выдадут товарища, но, прежде чем помрут, наделают много зла Москве. Тогда царь послал сказать им, чтобы выдали Липского для успокоения народа, а ему не будет ничего дурного, и поляки согласились. Пропировавши и проигравши все деньги, поляки снова обратились к царю с просьбами, когда же тот отказал им, то они отправились в Польшу с громкими жалобами на неблагодарность Лжедимитрия. Осталось при царе несколько поляков, его старых приятелей, несколько способных людей, необходимых ему для сношений с Польшею, как, например, братья Бучинские; остались в прежнем значении телохранителей царских иностранцы, набранные Борисом, преимущественно из ливонцев. Лжедимитрий ласкал их не менее Бориса, испытав их храбрость и искусство воинское в битвах, которые они выдержали против него под знаменем Годунова.

И на Бориса дошли до нас сильные жалобы за то, что он очень любил иностранцев, отчего распространилось пристрастие к иностранным обычаям. Легко понять, что гораздо более поводов к подобным жалобам должен был подать Лжедимитрий, человек молодой, с природою необыкновенно живою, страстною, деятельною, человек, сам побывавший на чужбине. Он ввел за обедом у себя музыку, пение, не молился перед обедом, не умывал рук в конце стола, ел телятину, что было не в обычае у русских людей того времени, не ходил в баню, не спал после обеда, а употреблял это время для осмотра своей казны, на посещение мастерских, причем уходил из дворца сам-друг, без всякой пышности; при обычной потехе тогдашней, бою со зверями, он не мог по своей природе оставаться праздным зрителем, сам вмешивался в дело, бил медведей; сам испытывал новые пушки, стрелял из них чрезвычайно метко; сам учил ратных людей, в примерных приступах к земляным крепостям лез в толпе на валы, несмотря на то что его иногда палками сшибали с ног, давили. Все это могло казаться странным; отступление от старых обычаев могло оскорблять некоторых; трудно сказать, что оно могло оскорблять всех, потому что пристрастие к иноземным обычаям начало распространяться еще при Годунове. Могли оскорбляться некоторые приближенные люди, большинство не было свидетелем уклонения самозванца от старых обычаев; молодечество его, видное для всех, конечно, не могло оскорблять большинства.

Сильнее всего могли оскорбляться пристрастием самозванца к чужой вере. Он принял католицизм, но из всего видно, что это принятие было следствием расчета: в Польше оно было необходимо ему для получения помощи от короля, то есть от иезуитов. Теперь, когда он уже сидел на престоле московском, ему нужно было сохранить дружеские отношения к папе, королю Сигизмунду

и ко всем католическим державам. В это время, несмотря на появление других могущественных интересов в Европе, еще не утратила своей силы и привлекательности мысль о необходимости всеобщего христианского ополчения против страшных турок; неудивительно, что поход против турок стал любимою мечтою пылкого, храброго Лжедимитрия, но он знал, что для осуществления этой мечты нужно было находиться в тесном союзе, в единении с католическими державами, с папою. Приязнь папы, иезуитов и руководимого ими короля Сигизмунда нужны были Лжедимитрию еще по другой причине: он был влюблен в Марину Мнишек, которую хотел как можно скорее видеть в Москве; король, духовенство католическое могли препятствовать ее приезду, и сами Мнишки были ревностные католики. Нет сомнения, что для выхода из затруднительного положения относительно Римского двора и для своих политических замыслов Лжедимитрий желал соединения церквей, которое должно было решиться на соборе, желал внушить русским людям, что дело это не так трудно, как они думали, что нет большой разницы между обоими исповеданиями, так, например, у него вырывались слова, что можно быть осьмому и девятому собору, что в латинах нет порока, что вера латинская и греческая — одно; говорят, что на вопрос одного из русских вельмож, правда ли, что он хочет построить для поляков в Москве церковь, Димитрий отвечал: «Почему мне этого не сделать? Они христиане и оказывают мне верные услуги; вы позволили же иметь свою церковь и школу еретикам». Но мысль о решительных, насильственных мерах в пользу католицизма была ему совершенно чужда, как видно изо всех известных нам его поступков и сношений с Римским двором. Слова самозванца о безразличии исповеданий, о возможности нового собора должны были оскорблять русских людей, заставлять их смотреть на него как на еретика, прелестника; но многие ли люди слышали подобные слова? Один из современников, смотревший на Лжедимитрия как на еретика, приписывавший ему много дурных дел, должен был, однако, признаться, что большинство было за него, что он пользовался сильною народною привязанностию [71]. Это особенно обнаружилось, когда явились новые обличители: дворянин Петр Тургенев и мещанин Федор Калачник, последний, когда вели его на казнь, вопил всему народу: «Приняли вы вместо Христа антихриста и поклоняетесь посланному от сатаны, тогда опомнитесь, когда все погибнете». Но народ ругался над ним, кричал: «Поделом тебе смерть». Говорят, что в Галиче Отрепьевы, мать и дядя Лжедимитрия, объявляли гласно о настоящем происхождении царя: дядю сослали в Сибирь, мать не тронули [72].

Между тем как все это происходило в Москве, деятельно велись сношения внешние, преимущественно с Польшею и Римом. Когда Лжедимитрий еще боролся с Годуновым, в Польше сейм

высказался против него. В инструкциях послам воеводства Бельзского, написанных Замойским, говорилось: «О подлинности Димитрия господарчика нет достоверности; да если бы даже и была, то удивительно нам, как решились помогать ему частным образом, мимо сейма: прежде не бывало ничего подобного, дурной это пример в республике; знаем, что король с господарем московским заключил перемирие и подтвердил его клятвою, но если присяга всякого человека священна, то тем более должна быть священна присяга королевская, потому что король присягнул не только за себя, но и за нас». На сейме пан Остророг, каштелян познаньский, объявил, что, по его мнению, в таких делах, как Димитриево, нельзя принимать скорых решений: боюсь, говорил он, чтоб этот Димитрий не принес нам чего-нибудь дурного. Замойский говорил: «По моему мнению, дело это должно было отложить до сейма; не думаю (разве бог сделает особенное чудо), чтоб оно пошло хорошо: боюсь, чтоб слава наша, которую мы приобрели в чужих краях военными подвигами, не затмилась, если войска наши, столь страшные Москве при короле Стефане, будут поражены Борисом, таким негодным человеком, ибо в чужих краях не знают, пошло ли в Москву только козачество или войско польское. Что касается до самого Димитрия, то никак не могу себя убедить, чтоб его рассказ был справедлив. Это похоже на Плавтову или Теренциеву комедию: приказать кого-нибудь убить, и особенно такого важного человека, и потом не посмотреть, того ли убили, кого было надобно! Величайшая была бы глупость, если бы велено было убить козла или барана, подставили другого, а тот, кто бил, не видал. Притом и, кроме этого Димитрия, есть в княжестве Московском настоящие наследники престола, именно князья Шуйские; легко увидать их права из летописей русских. По-моему, надобно послать к московскому князю с объявлением, что дело сделалось без согласия короля и республики». В артикулах, поданных на сейме, прямо было сказано: «Будем стараться всеми силами, чтоб смута, начатая московским господарчиком, была утушена, чтоб от московского государя ни Корона, ни Литва никакого вреда не потерпели. С теми, которые бы осмелились нарушить мир с чужими государствами, должно поступать как с изменниками». Король не одобрил этих артикулов.

Успех Лжедимитрия на время заставил недовольных молчать; Мнишек торжествовал; он прислал к боярам и всему московскому рыцарству письмо, в котором называл себя началом и причиной возвращения Димитриева на престол предков и обещался, как скоро приедет в Москву, способствовать увеличению прав боярских и дворянских. Бояре Мстиславский и Воротынский с товарищами отвечали ему: «В грамоте своей писал ты и речью приказывал к нам с посланцем своим, что ты великому государю нашему в дохождении прирожденных панств его служил и промышлял с ве-

ликим раденьем и вперед служить и во всем добра хотеть хочешь: и мы тебя за это хвалим и благодарим». Царь немедленно отправил Афанасия Власьева в Краков уговаривать Сигизмунда к войне с турками и испросить согласие его на отъезд Марины в Москву; секретаря своего Яна Бучинского отправил для переговоров с Мнишком; из наказов, данных Бучинскому, можно ясно видеть желание царя, чтоб поведение жены иноверки не произвело неприятного впечатления на народ: так, он домогался у Мнишка, чтоб тот выпросил у легата позволение Марине причаститься у обедни из рук патриарха, потому что без этого она не будет коронована, чтоб ей позволено было ходить в греческую церковь, хотя втайне может оставаться католичкою, чтоб в субботу ела мясо, а в середу постилась по обычаю русскому, чтоб голову убирала также по-русски. Говорят, будто Сигизмунд сказал Власьеву, что государь его может вступить в брак, более сообразный с его величием, и что он, король, не преминет помочь ему в этом деле, но Власьев отвечал, что царь никак не изменит своему обещанию; прибавляют, что Сигизмунд имел в виду женить Лжедимитрия на сестре своей или на княжне трансильванской. Сигизмунд скоро должен был оставить намерение породниться с царем и без настояний Власьева: к нему приехал какой-то швед из Москвы с тайными речами от царицы Марфы, в которых она извещала короля, что царь московский не ее сын. Сигизмунд немедленно объявил об этом известии Мнишку, который хотя, по-видимому, не обратил на него внимания, однако из медленности, с какою он сбирался в путь и ехал в Москву, можно заключить, что он чего-то опасался, ждал подтверждения своих опасений.

10 ноября в Кракове совершено было обручение, с большою пышностию, в присутствии короля. Власьев, представлявший жениха, не мог понять своего положения и потому смешил своими выходками. На вопрос кардинала, совершавшего обряд обручения, не давал ли царь обещания другой невесте, Власьев отвечал: «А мне как знать? О том мне ничего не наказано,— и потом, когда настоятельно потребовали решительного ответа, сказал,— если бы обещал другой невесте, то не послал бы меня сюда». Из уважения к особе будущей царицы он никак не хотел взять Марину просто за руку, но непременно прежде хотел обернуть свою руку в чистый платок и всячески старался, чтоб платье его никак не прикасалось к платью сидевшей подле него Марины. Когда за столом король уговаривал его есть, то он отвечал, что холопу неприлично есть при таких высоких особах, что с него довольно чести смотреть, как они кушают. Ясно после этого, с каким негодованием должен был смотреть Власьев, когда Марина стала на колена пред королем, чтоб благодарить его за все милости: посол громко жаловался на такое унижение будущей царицы московской.

Исполняя желание царя, Власьев требовал, чтоб Мнишек с

дочерью ехал немедленно в Москву, но воевода медлил, отказываясь недостатком в деньгах для уплаты долгов, хотя из Москвы пересланы были ему большие суммы, и Лжедимитрий просил его поспешить приездом, несмотря ни на какие расходы. Мы видели уже, что не один недостаток в деньгах мог быть причиною его медленности; так, в письме своем к Лжедимитрию он говорит, что в Польше много царских доброхотов, но также много и злодеев, которые распускают разные нелепые слухи; потом намекает на одну из важнейших причин своего замедления — связь Лжедимитрия с дочерью Годунова Ксениею и просит удалить ее. Самозванец поспешил исполнить требование: Ксения была пострижена под именем Ольги и сослана в один из белозерских монастырей. Но Мнишек все медлил; Лжедимитрий сердился, особенно досадовал он на невесту, которая не отвечала ему на его письма, сердясь за Ксению. Власьев, который после обручения уехал в Слоним и там дожидался Мнишка, писал к нему: «Сердцем и душою скорблю и плачу о том, что все делается не так, как договорились со мною и как по этому договору к цесарскому величеству писано; великому государю нашему в том велпкая кручина, и думаю, что на меня за это опалу свою положить и казнить велит. А по цесарского величества указу на рубеже для великой государыни нашей цесаревны и для вас присланы ближние бояре и дворяне и многий двор цесарский и, живя со многими людьми и лошадьми на границе, проедаются». Сам царь писал к нареченному тестю с упреком, что не только сам не дает о себе никакого пзвестия, но даже задерживает гонцов московских; наконец Власьев, ждавши понапрасну целый месяц Мнишков в Слониме, решился сам ехать к ним в Самбор; его увещание подействовало, и Марина выбралась в дорогу, с огромною свитою родных и знакомых [73].

Сигизмунд падеялся, что зять сендомирского воеводы отдаст все силы Московского царства в распоряжение польскому правительству, которому тогда легко будет управляться с турками, крымцами и шведами, легко будет завести торговлю с Персиею и Индиею. Лжедимитрий действительно хотел тесного союза с Польшею, но не хотел быть только орудием в руках польского правительства, хотел, чтоб союз этот был столько же выгоден и для него, сколько для Польши, и главное, он хотел, чтоб народ московский не смотрел на него как на слугу Сигизмундова, обязанного заплатить королю за помощь на счет чести и владений Московского государства. Говорят даже, что Лжедимитрий имел в виду отнять у Польши Западную Россию и присоединить ее к Восточной. По утверждении своем в Москве Лжедимитрий спешил показать свои дружественные отношения к Польше, спешил сделать то, что можно было для нее сделать. 17 июля смоленский воевода писал оршинскому старосте, что государь литовских торговых людей пожаловал, позволил им приезжать в Смоленск

со всякими товарами и торговать с государевыми людьми во всем повольною торговлею, а кто из них захочет в Москву, может ехать беспрепятственно. Но этим все и ограничилось. Сигизмунд замечал холодность со стороны Лжедимитрия и считал себя вправе обнаружить досаду.

В августе приехал в Москву посланник Сигизмундов Александр Гонсевский поздравить Лжедимитрия с восшествием на престол; как бы желая показать Лжедимитрию, что он еще не крепок на престоле и потому рано обнаруживает свою холодность к Польше, Сигизмунд велел объявить ему о слухе, будто Борис Годунов жив и скрывается в Англии; король велел прибавить при этом, что он, как верный друг московского государя, велел пограничным воеводам быть наготове и при первом движении неприятелей Димитрия спешить на помощь к последнему. Далее Сигизмунд требовал, чтобы царь не держал Густава шведского как сына королевского, но посадил бы в заключение, потому что Густав может быть соперником его, Сигизмунда, в притязаниях своих на шведский престол; требовал также, чтоб царь отослал к нему шведских послов, которые приедут в Москву от Карла IX, требовал отпуска и уплаты жалованья польским ратным людям, служившим Димитрию; для польских купцов требовал свободной торговли в Московском государстве; просил позволения Хрипуновым, отъехавшим в Польшу при Годунове, возвратиться в отечество, наконец, просил разыскать о сношениях виленского посадника Голшаницы с Годуновым. В грамоте королевской Димитрий не был назван царем. Лжедимитрий отвечал: «Хотя мы нимало не сомневаемся в смерти Бориса Годунова и потому не боимся с этой стороны никакой опасности, однако с благодарностию принимаем предостережение королевское, потому что всякий знак его расположения для нас приятен; усердно благодарим также короля за приказ, данный старостам украинским. Карлу шведскому пошлем суровую грамоту, но подождем еще, в каких отношениях будем сами находиться с королем, потому что сокращение наших титулов, сделанное его величеством, возбуждает в душе нашей подозрение насчет его искренней приязни. Густава хотим держать у себя не как князя или королевича шведского, но как человека ученого. Если Карл шведский пришлет гонцов в Москву, то я дам знать королю, с какими предложениями они приехали, а потом уже будем сноситься с королем, что предпринять далее. Ратных людей, которые нам служили, как прежде не задерживали, так и теперь всех отпускаем свободно. Свободную торговлю купцам польским повсюду в государстве нашем позволим и от обид их будем оборонять. Хрипуновым, по желанию королевскому, позволяем возвратиться на родину и обещаем нашу благосклонность. О Голшанице прикажем разведать и дадим знать королю с гонцом нашим».

Лжедимитрий не только не хотел в угоду королю отказаться

от царского титула своих предшественников, но еще вздумал перевесть русское слово *царь* на понятное всей Европе цесарь, или император, прибавив к нему слово *непобедимый*. Ясно, что это новое требование могло повести только к новым неудовольствиям. Однако Лжедимитрий знал, что Сигизмунда нельзя раздражать, пока Марина еще в Польше, и потому просил папского посланника, графа Рангони, сказать от него королю, что он очень удивляется сомнению, которое обнаружил король касательно его расположения лично к нему и ко всему королевству Польскому, что сильно оскорбляет его также и умаление его титулов, сделанное королевскою канцелярией. Если он, царь, обнаружил холодность к королю и к Польше, то единственно из опасения возбудить нерасположение и измену подданных, ибо между ними уже идут слухи, что царь хочет отдать королю часть Московского государства и даже объявить себя подручником Польши. Лжедимитрий просил Рангони уверить короля, что он не забыл его благодеяний, почитает его не столько братом, сколько отцом, и согласен исполнить все его желания, но что касается до титулов, то никогда не откажется от своего требования, хотя из-за этого и не начнет войны с Польшею. Касательно Густава Рангони должен был сказать королю, что царь держит его и ждет, что велит сделать с ним Сигизмунд. Любопытны последние слова наказа, данного Рангони; из них ясно видно, что царь льстил королю только для того, чтобы как можно скорее выманить из Польши Марину: «Мы хотели,— велел сказать Лжедимитрий Сигизмунду,— отправить наших великих послов на большой сейм, но теперь отсрочили это посольство, потому что прежде хотим поговорить о вечном мире с вельможным паном Юрием Мнишком». Бучинский после объяснял королю, что некоторые поляки задержаны Димитрием именно из опасения, что не выпустят Марину из Польши; Бучинскому был дан наказ: соглашаться на все, лишь бы выпустили панну.

Бучинский пересылал Лжедимитрию дурные вести: он писал, что требования его относительно титула произвели всеобщее негодование между панами; что те из них, которые и прежде ему не благоприятствовали, подняли теперь снова головы и голоса: так, воевода познаньский упрекал короля в неблагоразумном поведении относительно дел московских, говорил, что, отказавши Димитрию в помощи, можно было бы много выторговать у Годунова, а теперь от Димитрия вместо благодарности одни только досады: требует такого титула, какого не имеет ни один государь христианский; за это самое, продолжал воевода, бог лишит Димитрия престола да и в самом деле пора уже показать всему свету, что это за человек, а подданные его должны и сами о том догадаться. Сюда присоединялись еще жалобы поляков, приехавших из Москвы ни с чем, потому что пропировали там все жалованье. В заключение Бучинский доносил о слухах из Москвы, что Димитрий не

есть истинный царевич и недолго будет признаваться таким. Слухи эти, по польским известиям, дошли таким образом: когда Димитрий, узнавши об обручении Марины, выбирал человека, которого бы мог послать с благодарственными письмами к Мнишку и королю, то Шуйские обратили его внимание на Ивана Безобразова, который и был отправлен в Краков с письмами от Димитрия и с тайным поручением от бояр. Он требовал свидания с литовским канцлером Сапегой, но король нашел, что важность сана Сапеги обращала на него всеобщее внимание и потому трудно было бы скрыть переговоры его с Безобразовым от Бучинского и русских, находившихся в Кракове. Уговорились, чтобы вместо Сапеги Безобразов открылся возвратившемуся из Москвы Гонсевскому. Последний узнал от Безобразова, что Шуйский и Голицыны жалуются на короля, зачем он навязал им человека низкого, легкомысленного, распутного тирана, ни в каком отношении недостойного престола. Безобразов объявил о намерении бояр свергнуть Лжедимитрия и возвести на престол сына Сигизмундова, королевича Владислава. Бояре, если известие справедливо, достигали своей цели как нельзя лучше: Сигизмунд, который теперь в низложении Димитрия видел не ущерб, но выгоду для себя и для Польши, велел отвечать боярам, что он очень жалеет, обманувшись насчет Димитрия, и не хочет препятствовать им промышлять о самих себе. Что же касается до королевича Владислава, то он, король, сам не увлекается честолюбием, хочет и сыну внушить такую же умеренность, предоставляя все дело воле божией [74].

Римский двор внимательно следил за отношениями Лжедимитрия к Польше, потому что от них всего более зависело дело католицизма, введение которого в свое государство обещал самозванец папе: если бы царь разорвал связь с Польшею, с Мнишком, то уже тем меньше стал бы обращать внимание на прежние обязательства свои относительно двора Римского. Вот почему кардинал Боргезе писал к папскому нунцию в Польше, Рангони, что его святейшество очень беспокоится насчет неудовольствия московского посла Власьева на поляков, хотя должно надеяться, прибавляет кардинал, что великий князь не разделит мнение своего посла и не забудет услуг, оказанных ему королем. Нунций Рангони писал к Лжедимитрию, что он всего более старается об усплении любви и укреплении союза между ним и Сигизмундом. Извещая царя о восшествии на престол папы Павла V, Рангони просил его, чтоб он послал поздравить новоизбранного папу, к которому уже отправлен портрет его. Посылая к Лжедимитрию между прочими подарками латинскую библию последнего издания, Рангони изъявляет желание, чтобы царь особенно обратил внимание свое на глагол божий к израильтянам: «Ныне аще послушанием послушаете гласа моего и соблюдете завет мой, будете мои люди суще от

всех язык». Текст этот нунций применяет к Димитрию, намекая, что ему остается в благодарность за благодеяние божие исполнить обещание свое, ввести католицизм в Московское государство, но при этом Рангони советует, чтобы царь начал это дело мудро и бережно, дабы в противном случае не претерпеть какого-нибудь вреда. Так же осторожно поступал и иезуит Лавицкий, бывший при Димитрии в Москве: извещая старшину своего ордена в Польше о деле Шуйского, о том, что одним из обвинений Шуйского царю было намерение последнего разрушить все церкви московские по совету врагов народа русского, иезуитов, Лавицкий пишет: «Мы наложили на себя молчание, не говорим с царем ни об одном нашем деле, опасаясь москвитян, чтобы царь имел полную свободу в действиях и мог склонить вельмож к своим намерениям».

Лжедимитрий исполнил просьбу нунция, отправил к новому папе поздравительное письмо, в котором с признательностию упоминает о расположении к себе покойного папы Климента VIII. Извещая о счастливом окончании борьбы своей с Годуновым, Димитрий говорит, что в надежде на помощь и покровительство божие, столь явно ему оказанное, он не хочет проводить время в праздности, но будет всеми силами заботиться о благе христианства; для этого он намерен соединить свои войска с императорскими против турок и просить папу убедить императора не заключать мира с последними. О введении католицизма между своими подданными ни слова, и хотя пишет, что о некоторых делах сообщит папе отправившийся в Рим иезуит Лавицкий, однако в наказе, данном последнему, также ничего не говорится о введении католицизма: из этого наказа узнаем только о желании царя, чтобы папа склонил императора и короля польского к войне с турками, чтобы папа склонил также Сигизмунда дать Димитрию императорский титул, наконец, чтобы папа возвел в кардиналы приятеля Димитриева, Рангони. Новый папа отвечал Димитрию также поздравлением с победою над тираном Годуновым, причем особенно благодарил бога за то, что Димитрий взошел на престол предков, уже принявши католицизм: это обстоятельство, по словам папы, и было главною причиною его торжества; письмо заключается увещанием сохранить принятое учение.

Между тем кардинал Валенти писал к нунцию в Польшу, что должно разыскивать всеми средствами и вести переписку со многими особами, чтобы иметь верные известия о московских событиях; особенно нужно знать мнение, какое имеют о них люди умные и опытные. В письме к Сигизмунду папа благодарит его за помощь, оказанную Димитрию, особенно потому, что эта помощь полезна церкви божией, ибо если Димитрий, принявши во время изгнания своего католицизм, сохранит это учение и по возвращении к своему народу, то нет сомнения, что оно распространится со временем и между москвитянами. Папа писал также к кардиналу

Мацеевскому, чтобы тот уговорил Мнишка воспользоваться своим влиянием на Димитрия и поддерживать в нем расположение к католицизму; в таком случае, прибавляет папа, москвитяне со временем приведены будут в лоно римской церкви, потому что народ этот, как слышно, отличается необыкновенною привязанностию к своим государям. В том же духе писал Павел V к самому Мнишку, убеждая его содействовать всеми силами трудному делу обращения москвитян. Кардинал Валенти наказывал именем папы нунцию Рангони, чтобы тот обращался как можно ласковее с московским послом Власьевым, чтобы последний остался им вполне доволен и расположен к продолжению дружелюбных сношений. Вскоре после тот же кардинал писал к тому же нунцию, что папа в восхищении от успешных дел Димитрия и воздает благодарность богу, который среди трудов, предпринятых для блага общего, соблаговолил утешить его надеждою видеть во время своего первосвященства обращение московских отщепенцев к религии католической. Уведомляет также, что папа очень доволен обращением нунция с московским послом, который убласкан учтивостями Рангони, что папа просит последнего продолжить подобное обращение, могущее служить очень полезным средством для уловления умов, особенно в тех странах, где ласковость очень дорого ценится. Узнав о короновании Димитрия, папа писал к нему: «Мы уверены, что католическая религия будет предметом твоей горячей заботливости, потому что только по одному нашему обряду люди могут поклоняться господу и снискивать его помощь; убеждаем и умоляем тебя стараться всеми силами о том, чтобы желанные наши чада, народы твои, приняли римское учение; в этом деле обещаем тебе нашу деятельную помощь, посылаем монахов, знаменитых чистотою жизни, а если тебе будет угодно, то пошлем и епископов».

Король Сигизмунд, недовольный поведением Димитрия относительно Польши, не очень охотно видел сильное доброжелательство к нему Римского двора и потому противился отправлению графа Рангони, племянника нунциева, послом в Москву. Рангони поехал к Димитрию против воли королевской, за что Римский двор очень сердился на дядю его, нунция, как видно из двух писем кардинала Боргезе к последнему; папа боялся, чтобы это посольство не увеличило смуты, подозрения москвитян, и таким образом не повредило делу католицизма, пользы которому папа более всего надеялся от брака Димитриева на Марине; кардинал Боргезе писал нунцию, что его святейшество ожидает и духовных плодов от этого брака для блага всего христианства. Сам папа писал к Димитрию, что брак его на Марине есть дело, в высокой степени достойное его великодушия и благочестия, что этим поступком Димитрий удовлетворил всеобщему ожиданию: «Мы не сомневаемся,— продолжает папа,— что так как ты хочешь иметь сыновей

от этой превосходной женщины, рожденной и свято воспитанной в благочестивом католическом доме, то хочешь также привести в лоно римской церкви и народ московский, потому что народы необходимо должны подражать своим государям и вождям. Верь, что ты предназначен от бога к совершению этого спасительного дела, причем большим вспоможением будет для тебя твой благороднейший брак». То же самое писал папа к Марине и отцу ее. Павел V счел нужным напомнить Димитрию о письме, которое тот писал к предшественнику его, Клименту VIII, 30 июля 1604 года; напомнив о письме, папа повторяет увещания свои просветить светом католического учения народ, до сих пор сидевший во мраке и сени смертной, причем снова обещается прислать благочестивых людей и даже епископов на помощь великому делу, если царь признает это нужным. Папа так спешил браком самозванца с Мариною, что уполномочил патера Савицкого обвенчать их тайно в Великий пост. Зная, что Лжедимитрий добивается императорского титула, папа через кардинала Боргезе наказывал нунцию удовлетворить в этом отношении желанию царя, и потому Рангони дает Димитрию требуемый титул: «Serenissimo et invictissimo Monarchiae Demetrio Joannis, Caesari ac Magno Duci totius Russiae, atque universorum Tartariae regnorum aliorumque plurimorum dominiorum, Monarchiae Moscoviticae subjectorum, Domino et Regi».

Не считая приличным прямо требовать от Сигизмунда, чтобы тот уступил желаниям Димитрия относительно титула, папа косвенным образом намекал королю, как бы важен был союз Москвы с Польшею для дружного нападения на общих врагов — татар. Кардинал Боргезе в письме своем к нунцию говорит, что так как великий князь московский показывает сильное расположение к союзу с Польшею против татар, то на будущем сейме не должно быть никакого затруднения насчет предложенного союза, причем требует от нунция, чтобы тот устремил все свои мысли для приведения этого дела к желанному концу. В то же самое время кардинал писал другое письмо к Рангони, в котором от имени папы уполномочивал его убеждать короля к уступке требованиям Димитрия, если только он, Рангони, думает, что посредничество папы может подействовать на короля, и если уступка последнего склонит царя к союзу против татар; и сам папа писал к Сигизмунду, умоляя его поддержать, усилить союз с Димитрием.

Но в то самое время, как Римский двор употреблял все усилия для скрепления союза между Москвою и Польшею, возникли затруднения в собственных сношениях его с Димитрием. Папа надеялся, что брак царя на католичке будет могущественно содействовать распространению латинства в московских областях, но Димитрий требовал, чтобы Марина содержала католицизм в тайне, наружно же исполняла обряды закона греческого, ходила в

русскую церковь, постилась в дни, предписанные православием. Нунций Рангони, к которому Димитрий обратился с этими требованиями, отвечал, что, несмотря на пламенное желание услужить ему, он не имеет никакой возможности удовлетворить его желанию, ибо такое важное и трудное дело требует для своего решения власти высшей и рассуждения более зрелого. Не желая, чтоб это дело пошло далее, Рангони пишет к Димитрию: «Я не сомневаюсь, что когда ваше величество рассмотрите это дело с своею обычною мудростию и известным благочестием, то посредством самодержавной власти, которой никто противиться не должен, отстраните все затруднения, не потерпите, чтобы закону дано было неприличное истолкование, и не сделаете никакого принуждения вашей невесте в столь важном деле, в противном случае могут произойти большие неприятности. Притом же это дело не новое: повсюду видим, что женщины греческого закона выходят замуж за латынов и наоборот, причем каждый из супругов сохраняет прежнее исповедание, прежние обряды; этот обычай имеет силу не только для частных людей, но и для государей; говорят, что один из ваших предков, задумав жениться на королевне польской, именно предлагал, чтоб она удержала все обряды церкви латинской». Однако Димитрий не тронулся увещаниями нунция, и дело было отослано на решение папы. 4 марта 1606 года Боргезе уведомлял Рангони, что пункты, предложенные царем, решены не согласно с его желанием, ибо конгрегация из кардиналов и теологов после тщательного обсуждения предмета произнесла приговор, что престол апостольский не разрешает в подобных случаях и не бывало примера, чтобы когда-нибудь разрешил. В таких же точно обстоятельствах находился и ныне царствующий король польский, когда отправился в Швецию для принятия престола, но ему не было позволено сообразоваться с лютеранскими обычаями.

Между тем приехал в Рим Лавицкий; папа известил об этом Димитрия в следующих выражениях: «Мы с таким нетерпением ждали от тебя писем, что даже упрекали в медленности Андрея Лавицкого, человека самого старательного: когда сильно чего-нибудь желаешь, то всякое замедление нестерпимо. Наконец он приехал, отдал нам твои письма, рассказал о тебе вещи достойные; мы жалели только об одном, отчего он не мог сказать нам всего вдруг, как бы нам хотелось. Такое наслаждение доставил он нам своими речами, что мы не могли удержать радостных слез; мы твердо уверены теперь, что апостольский престол сделает самые великие приобретения, когда ты будешь твердо и мудро управлять теми странами. Благословен бог и отец господа нашего Иисуса Христа, соблаговоливший утешить нас в беспокойствах! У тебя поле обширное: сади, сей, пожинай на нем, повсюду проводи источники благочестия, строй здания, которых верхи касались бы

небес; воспользуйся удобностию места и, как второй Константин, первый утверди на нем римскую церковь. Так как ты можешь делать в земле своей все, что захочешь, то повелевай. Пусть народы твои услышат глас истинного пастыря, Христова на земле наместника!» Несмотря, однако, на восторженный тон папского письма, в нем проглядывает беспокойство: видно, что Лавицкий принес папе не одни только утешительные вести; Павла V беспокоило то, что телохранителями Димитрия были иностранцы, исповедовавшие протестантизм, что в числе самых приближенных к нему людей были два поляка, братья Бучинские, которые также не были католиками; вот почему папа пишет в заключение письма: «Посылаем к тебе обратно Лавицкого, который много кой-чего объявит тебе от нашего имени; особенно внемли увещаниям не вверять себя и своих еретикам и не удаляться от совета мудрых и благочестивых людей». Под последними папа разумеет Мнишка с товарищами и особенно католических духовных; из этих же слов видно, что царь не слишком приклонялся к советам мудрых и благочестивых и нуждался в увещаниях по этому случаю. Гораздо более мог надеяться папа от Марины; он писал к ней: «Мы оросили тебя своими благословениями, как новую лозу, посаженную в винограднике господнем; да будешь дщерь, богом благословенная, да родятся от тебя сыны благословенные, каковых надеется, каковых желает святая матерь наша церковь, каковых обещает благочестие родительское, то есть самых ревностных распространителей веры Христовой». Потом папа увещевает Марину воспитывать будущих детей своих в строгости и благочестии, с младенчества напитать их мыслию, что на них лежит обязанность распространять истинную религию. В заключение Павел V поручает расположению московской царицы Андрея Лавицкого и весь орден иезуитов, полезный целому свету. К воеводе сендомирскому папа писал, что он всего более полагается на его благочестие и нуждается в его совете и помощи. Павел V изъявляет надежду, что народ московский легко обратится в католицизм, потому что от природы кроток и до сих пор еще не был заражен ересями.

Доехавши до Вязьмы, старый Мнишек оставил здесь дочь, а сам поспешил в Москву, куда приехал 24 апреля 1606 года; 2 мая с большим великолепием въехала в Москву Марина и остановилась в Вознесенском монастыре; считали, что самозванец на одни дары Марине и полякам издержал до четырех миллионов нынешних серебряных рублей. 8 мая Марина была коронована и обвенчана с Лжедимитрием по старому русскому обряду; новостию было то, что у Марины в других дружках был пан Тарло, в свахах — его жена [75]; другою новостию было то, что на свадьбе присутствовали послы короля польского, Николай Олесницкий и Александр Гонсевский, но присутствие этих небывалых гостей не придало большого веселья свадьбе. При первом приеме их уже

начинались неудовольствия, несмотря на усердное посредничество старого Мнишка. Димитрий требовал императорского титула, Сигизмунд отказывал ему даже и в том титуле, который польское правительство давало его предшественникам, не называл даже его великим князем, а просто князем. Последнее трудно объяснить одною только досадою на неумеренные требования Лжедимитрия: вероятно, эта охота дразнить последнего пришла королю тогда, когда получил он верные вести о непрочности его на престоле. Когда Димитрий не хотел взять королевской грамоты, потому что в ней не давалось ему цесарского титула, то Олесницкий сказал ему: «Вы оскорбляете короля и республику, сидя на престоле, который достался вам дивным промыслом божиим, милостию королевскою, помощию польского народа; вы скоро забыли это благодеяние». Лжедимитрий отвечал: «Мы не можем удовольствоваться ни титулом княжеским, ни господарским, ни царским, потому что мы император в своих обширных государствах и пользуемся этим титулом не на словах только, как другие, но на самом деле, ибо никакие монархи, ни ассирийские, ни мидийские, ни цезари римские, не имели на него большего, чем мы, права. Нам нет равного в полночных краях касательно власти: кроме бога и нас, здесь никто не повелевает». Олесницкий отговорился тем,что царь не прислал к королю особых послов с требованием императорского титула и что Сигизмунд не может дать ему этот титул без согласия сейма. Димитрий возражал, что уже сейм кончен и послы отправились с сейма, но что некоторые поляки не советуют королю давать ему, Димитрию, должного титула. Олесницкий требовал отпуска и хотел выйти; Димитрий, бывши хорошо знаком с ним в Польше, звал его к руке, как частного человека и старого приятеля, но посол отвечал, что не может принять этой чести: «Как вы,— сказал он царю,— знали меня в Польше усердным своим приятелем и слугою, так теперь пусть король узнает во мне верного подданного и доброго слугу». Тогда Димитрий сказал Олесницкому: «Подойди, вельможный пан, как посол»; Олесницкий отвечал: «Подойду тогда, когда вы согласитесь взять грамоту королевскую»,— и Димитрий согласился взять ее. После этого оба посла подошли к руке царской; дьяк взял грамоту и, прочитав, отвечал, что цесарь берет ее только для своей свадьбы, но что после никогда, ни от кого не примет грамоты, в которой не будет прописано его полного титула. Но этим споры и неудовольствия не кончились: послы отказались участвовать в брачных пирах Димитрия, потому что он не хотел посадить их за один стол с собой; в этом случае уступили поляки благодаря посредничеству Мнишка.

Обнаружилось, что главная цель, для которой после приезда Марины царь хотел поддержать союз с Польшею, не могла быть достигнута. Нунций Рангони писал к Димитрию, что хотя он по приказу папы и говорил с королем Сигизмундом о тайном

союзе между Москвою, Польшею и Империею, однако к заключению этого союза встречаются неодолимые препятствия, в числе которых первое место занимает народная вражда между немцами и поляками; король может согласиться на союз с Империею только на том условии, чтоб все имперские князья на это согласились и дали клятву не оставлять поляков во все продолжение войны с неверными, но при известном состоянии дел в Германии от князей нельзя ожидать подобного обязательства. Поэтому папа хотел ограничиться союзом Москвы с Польшею против одних крымских татар, истреблением которых оба государства отняли бы у Порты важное пособие и дали бы императору возможность с большим успехом действовать против нее в Венгрии. Но война с крымцами была вместе и войною с Турциею, которая не могла оставить без помощи своих подданных, и если Сигизмунд отговаривался от войны с турками, то не мог начать и похода на Крым. Послы Олесницкий и Гонсевский, начавши переговоры с боярами, предложили им вопрос: «Когда и с какими силами государь их намерен ополчиться против неверных?» Бояре отвечали: «Наш цесарь намерен воевать с погаными единственно по ревности к славе божией и святой вере, безо всяких других видов. Если же король поручил вам только выведать наши мысли, чтоб после самому ничего не делать, то это будет коварством и обманом». На это послы сказали: «Вам самим известен порядок переговоров: кто предлагает какое-нибудь важное дело и требует чего-нибудь от другого, тот сам прежде объявляет свои средства». Тогда бояре пошли переговорить с цесарем и, возвратившись, объявили, что сам Димитрий будет скоро говорить с послами в присутствии ближних бояр; но эти переговоры не могли состояться. Димитрий, по свидетельству летописи, объявил своим подданным, что ни одной пяди Московской земли не отдаст Литве; что это объявление не было сделано только для успокоения своих, доказательством служат условия, предложенные ему польским правительством, и ответы его на них. Поляки требовали: 1) чтобы Димитрий отдал Польше землю Северскую; 2) заключил вечный союз с Польшею; 3) чтобы позволил иезуитам и прочему католическому духовенству войти в Московское государство и строить там церкви; 4) чтобы помог Сигизмунду возвратить шведский престол. На первое требование Лжедимитрий отвечал: земли Северской не отдам, но дам за нее деньги; на второе: союза с Польшею и сам чрезвычайно желаю; на третье: церквей латинских и иезуитов не хочу; на четвертое: для возвращения Швеции буду помогать деньгами. Чтобы показать на деле расположение свое к союзу с Польшею, готовность сделать для короля все, что только не влекло за собою ущерба целости и чести Московского государства, Лжедимитрий еще в 1605 году послал к Карлу IX шведскому письмо с объявлением о своем воцарении, с

увещанием возвратить похищенный престол Сигизмунду и с угрозою начать войну в случае отказа [76].

Но в то время как в Москве происходили брачные торжества и велись переговоры о великих предприятиях, на юго-восточных границах государства обнаружилось явление, которое показывало опасное состояние государственного организма, показывало, что рана раскрылась и дурные соки начали приливать к ней: при жизни первого самозванца уже явился второй. Самые дальнейшие козаки, терские, хотели, подобно другим собратиям своим, жить на счет соседей: сперва думали они идти на реку Куру и грабить турецкие области, а в случае неудачи предложить услуги свои персидскому шаху Аббасу. Но скоро их кто-то надоумил, что гораздо выгоднее под знаменами самозванца пустошить Московское государство и получить такую же честь, какую донцы и черкасы получили от Лжедимитрия. Триста самых удалых из терских козаков под начальством атамана Федора Бодырина условились выставить искателя престола и стали разглашать, что в 1592 году царица Ирина родила сына Петра, которого Годунов подменил девочкою Феодосиею, скоро после того умершею: выдумка, по всем вероятностям, московская, а не терская, ибо странно, чтобы какому-нибудь козаку пришли на ум такие хитрости. Как бы то ни было, двое молодых козаков, астраханец Димитрий и муромец Илья, признаны были способными играть роль царевича, но первый отказался, что в Москве он никогда не бывал, не знает и тамошних дел и царских обычаев; тогда положили Илье быть царевичем. Илья был побочный сын муромского жителя Ивана Коровина. По смерти отца и матери его взял нижегородский купец Грозильников в сидельцы, и сидел он в лавке с яблоками да с горшками. Оставаясь три года в этой должности, Илья имел случай съездить в Москву, где прожил пять месяцев. Отойдя от Грозильникова, нанимался он у разных торговых людей в кормовые козаки и ходил с судами по Волге, Каме и Вятке; в 1603 году он является уже козаком при войске, ходившем в Тарки, здесь перешел из козаков в стрельцы, а по возвращении из похода в Терский город вступил в услужение к Григорию Елагину, у которого и зимовал. Летом 1604 года поехал в Астрахань, где опять вступил в козаки и отправился на Терек в отряде головы Афанасия Андреева. Все эти похождения показывают, что Илье не могло быть меньше двадцати лет от роду, тогда как царевичу Петру не могло быть больше четырнадцати: но такая несообразность не остановила козаков, они говорили: «Государь нас хотел пожаловать, да лихи бояре, переводят жалованье бояре, да не дадут жалованья». Они твердо положили исполнить свое намерение и отвезли Илью к козачьему атаману Гавриле Пану. Терский воевода, Петр Головин, узнав о появлении самозванца, послал к козакам с предложением отослать его к нему в город, но козаки не

послушались и спустились на стругах до моря, где остановились на острову, против устья Терека. Напрасно Головин уговаривал их не покидать границы беззащитною и оставить по крайней мере половину козаков на Тереке; козаки не хотели ничего слушать и все, в числе 4000, отправились к Астрахани. Не будучи впущены в город, они миновали его и поплыли вверх по Волге, занимаясь разбойничеством. Лжедимитрий, неизвестно по какому побуждению, послал звать царевича Петра в Москву, объявив, что приказано взять нужные меры для обеспечения его продовольствия на пути. Посланный застал его в Самаре; козаки приняли предложение и двинулись с Ильею в Москву, но дядя не мог свидеться с племянником [77].

Шуйский был возвращен из ссылки, снова приблизился к царю, который позволил ему жениться вместе с князем Мстиславским, и старик спешил помолвить на молодой княжне Буйносовой-Ростовской; но вместе он спешил составить заговор против доверчивого царя. Неудовольствия против Лжедимитрия должны были увеличиться с исполнением его пламенного желания, с приездом Марины. Мы видели, что Лжедимитрий, не будучи в состоянии отказаться от брака с Мариною, в то же время не хотел оскорблять русских людей в их коренных убеждениях, требовал и настоял, чтоб Марина, оставаясь втайне католичкою, сообразовалась с постановлениями православной церкви и с обычаями народными. Но этою сделкою нельзя было всех удовлетворить: люди приближенные хорошо знали, что царица остается латынкою некрещенною, и между духовенством не могли не явиться ревнители, которые явно восстали против этого: так, Гермоген, митрополит казанский, Иоасаф, архиепископ коломенский, говорили, что если Марина не переменит исповедания, то брак не будет законным; Гермогена удалили в его епархию и там заключили в монастырь; Иоасафа оставили в покое, неизвестно по каким причинам. Неизвестно также, по каким причинам Лжедимитрий, столько осторожный в этом отношении, не хотел сообразоваться с уставом церковным и венчался 8 мая, на пятницу и на Николин день. Были неудовольствия и другого рода: для помещения родных невесты и других свадебных гостей вывели из кремлевских домов не только купцов и духовных, но даже бояр; арбатские и чертольские священники выведены были также из домов, в которых помещены иностранные телохранители царские. Поляки, спутники Марины, вели себя нагло; козаки подражали им, но торговые люди утешали себя тем, что получали большие барыши от расточительных гостей. Говорят еще об одном распоряжении Лжедимитрия, которое если бы в самом деле было исполнено, то могло бы возбудить сильное неудовольствие в духовенстве: говорят, будто царь велел осмотреть монастыри, представить ведомость их доходам, оценить их вотчины и, оставив только необходимое для содержания монахов,

остальное отобрать в казну на жалованье войску, сбиравшемуся в поход против турок. Но трудно принять это известие, во-первых, потому, что, как мы знаем, Димитрий подтверждал монастырям жалованные грамоты и давал новые; во-вторых, потому, что об этом распоряжении не говорится в русских источниках. Вероятно, что, подобно Грозному, Лжедимитрий потребовал у духовенства щедрого вспоможения для наступающей войны с неверными, а это ревностным протестантам показалось отобранием имущества у монахов.

Но если и были причины к неудовольствию, то неудовольствие это по-прежнему не было сильно и всеобще, по-прежнему любовь большинства к царю продолжала обнаруживаться: однажды Басманов донес самозванцу, что некоторые стрельцы распускают о нем дурные слухи; Лжедимитрий, как прежде отдал дело Шуйского на решение собора, так теперь отдал дело семерых обличенных стрельцов на решение их товарищей; тогда голова стрелецкий, Григорий Микулин, грубо выразил свое усердие: «Освободи меня, государь,— сказал он,— я у тех изменников не только что головы поскусаю и черева из них своими зубами повытаскиваю»; и тут же, по знаку Микулина, стрельцы бросились на обвиненных товарищей и изрубили их в куски. Явился еще обличитель — дьяк Тимофей Осипов: постившись и причастясь св. таин, Осипов пришел во дворец и перед всеми начал говорить Лжедимитрию: «Ты воистину Гришка Отрепьев, расстрига, а не цесарь непобедимый, не царев сын Димитрий, но греху раб и еретик». Осипова казнили, и народ остался покоен. Свободный в обращении с приближенными людьми, Лжедимитрий позволял им делать замечания насчет его образа жизни, если только эти замечания не переходили границ вежливости: так, однажды, когда в четверг на шестой неделе Великого поста за столом царским подали телятину, то князь Василий Шуйский заметил, что в пост русские не могут есть мяса; Лжедимитрий начал спор с князем; думный дворянин, известный уже нам неразборчивостью выражений, Татищев, взял сторону Шуйского и наговорил царю таких вещей, что тот должен был выгнать его из-за стола и хотел было сослать в Вятку, но простил по просьбе Басманова.

Видя расположение большинства московских жителей к Лжедимитрию, расположение, не нарушаемое противными старине поступками последнего, наученный страшным опытом, что нельзя подвинуть народа против царя одним распущением слухов о самозванстве, Шуйский прибег к другому средству, к составлению заговора, в челе которого вместе с ним стали князья Василий Васильевич Голицын и Иван Семенович Куракин. Еще прежде свадьбы царя между ними было все улажено; для сохранения единства между собою, необходимого в таком деле, бояре положили прежде всего убить расстригу, «а кто после него будет из них

царем, тот не должен никому мстить за прежние досады, но по общему совету управлять Российским царством». Условившись с знатными заговорщиками, Шуйский стал подбирать других из народа, успел привлечь на свою сторону осьмнадцатитысячный отряд новгородского и псковского войска, стоявший подле Москвы и назначенный к походу на Крым: быть может, тут помогла давняя связь новгородцев с Шуйскими. Ночью собрались к князю Василию бояре, купцы, сотники и пятидесятники из полков. Шуйский объявил им о страшной опасности, которая грозит Москве от царя, преданного полякам, прямо открылся, что самозванца признали истинным Димитрием только для того, чтоб освободиться от Годунова, думали, что такой умный и храбрый молодой человек будет защитником веры православной и старых обычаев, но вместо того царь любит только иноземцев, презирает святую веру, оскверняет храмы божии, выгоняет священников из домов, которые отдает иноверцам, наконец, женится на польке поганой. «Если мы,— продолжал Шуйский,— заранее о себе не промыслим, то еще хуже будет. Я для спасения православной веры опять готов на все, лишь бы вы помогли мне усердно: каждый сотник должен объявить своей сотне, что царь самозванец и умышляет зло с поляками; пусть ратные люди советуются с гражданами, как промышлять делом в такой беде; если будут все заодно, то бояться нечего: за нас будет несколько сот тысяч, за него — пять тысяч поляков, которые живут не в сборе, а в разных местах». Но заговорщики никак не надеялись, что большинство будет за них, и потому условились по первому набату броситься во дворец с криком: «Поляки бьют государя!» — окружить Лжедимитрия как будто для защиты и убить его; положено было ворваться в то же время в домы поляков, отмеченные накануне русскими буквами, и перебить ненавистных гостей; немцев положено не трогать, потому что знали равнодушие этих честных наемников, которые храбро сражались за Годунова, верны Димитрию до его смерти, а потом будут также верны новому царю из бояр.

Если заговорщики условились разглашать о самозванстве царя и злых его умыслах, то понятно, что эти разглашения должны были немедленно обнаружиться: если трезвые были осторожны, то пьяные ругали царя еретика и поганую царицу. Немецкие алебардщики схватили одного из таких крикунов и привели во дворец, но бояре сказали Лжедимитрию, что не следует обращать внимания на слова пьяного человека и слушать доносы немецких наушников, особенно когда у него столько силы, что легко задавит всякий мятеж, если б даже кто-нибудь и вздумал его затеять. Такие советы как нельзя лучше приходились по душе Димитрию. Вот почему, когда начальники иноземной стражи на бумаге три дня сряду доносили ему, что в народе замышляется недоброе, то сначала Димитрий спрятал их донесение, сказав: «Все это вздо-

ры!»,— а потом, когда это ему наскучило, велел наказывать доносчиков. В это время готовилась воинская потеха: Димитрий хотел сделать примерный приступ к деревянному городку, выстроенному за Сретенскими воротами. Заговорщики воспользовались этими приготовлениями и распустили слух, что царь во время потехи хочет истребить всех бояр, а потом уже без труда поделится с Польшею московскими областями и введет латынство. Если заговорщики не щадили царя, то тем менее должны были щадить его гостей, с которыми, по их словам, он замышлял сгубить Русскую землю; по почам толпы бродили по улицам, ругая поляков, разумеется, в этом случае к ним приставали и многие из тех, которые не хотели предпринимать ничего против самого Димитрия; дело доходило и до драки; дом, где жил князь Вишневецкий, был раз осажден толпою тысяч из четырех человек. Лжедимитрий смотрел на это как на необходимое столкновение между двумя враждебными народами; ему донесли однажды, что один поляк обесчестил боярыню, ехавшую в повозке: царь нарядил следствие, из которого, однако, по уверению поляков, ничего не оказалось.

Сами поляки, впрочем, не разделяли беспечности Лжедимитрия, который должен был два раза посылать к Олесницкому и Гопсевскому с уверением, что нечего бояться, ибо он так хорошо принял в руки государство, что без воли его ничего произойти не может. Несмотря на то, послы поставили у себя на дворе стражу, а Мнишки поместили у себя всю польскую пехоту, которую привели с собою. Эти ратные люди донесли воеводе, что москвитяне не продают им больше пороху и оружия; испуганный Мнишек тотчас пошел сказать об этом Лжедимитрию, но тот отвечал ему смехом, удивляясь малодушию поляков; однако для успокоения тестя велел расставить по улицам стрелецкую стражу.

В ночь с шестнадцатого на семнадцатое мая вошел в Москву отряд войска, привлеченный на сторону заговорщиков, которые заняли все двенадцать ворот и не пускали уже никого ни в Кремль, ни из Кремля. Немцы, которых обыкновенно находилось во дворце по сту человек, получили именем царским приказ от бояр разойтись по домам, так что при дворце осталось только тридцать алебардщиков. Поляки ничего не знали об этих распоряжениях и спали спокойно, тем более что пятница, шестнадцатое число, прошла без всякого шума и приключения, но не спали заговорщики, дожидаясь условного знака. Около четырех часов утра ударили в колокол на Ильинке, у Ильи Пророка, на Новгородском дворе, и разом заговорили все колокола московские. Толпы народа, между прочим, и преступники, освобожденные из темниц, вооруженные чем ни попало, хлынули на Красную площадь; там уже сидели на конях бояре и дворяне, числом до двухсот, в полном вооружении; на тревогу выбежали из домов и те, которые не знали о заговоре; на вопросы о причине смятения им

отвечали, как было условлено, что литва бьет бояр, хочет убить и царя; тогда все спешили на защиту своих. Для бояр было важно поскорее, без объяснений, кончить дело с Димитрием внутри Кремля и дворца, среди участников заговора, без многочисленных свидетелей; и вот Шуйский, не дожидаясь, пока много народа соберется на площадь, в сопровождении одних приближенных заговорщиков въехал в Кремль чрез Фроловские (Спасские) ворота, держа в одной руке крест, в другой меч. Подъехав к Успенскому собору, он сошел с лошади, приложился к образу владимирской богородицы и сказал окружавшим: «Во имя божие идите на злого еретика». Толпы двинулись ко дворцу.

Набат и тревога разбудили Лжедимитрия; он послал Басманова узнать о причинах смятения: встреченные им бояре отвечали, что они сами не знают, но, вероятно, где-нибудь случился пожар. Димитрий сначала было успокоился этим ответом, но потом, когда шум становился все сильнее и сильнее, выслал вторично Басманова осведомиться обстоятельнее. На этот раз его встретили неприличными ругательствами и криком: «Выдай самозванца!» Басманов бросился назад, приказал страже не впускать ни одного человека, а сам в отчаянии прибежал к царю, крича: «Ахти мне! Ты сам виноват, государь! Все не верил, вся Москва собралась на тебя». Стража оробела и позволила одному из заговорщиков ворваться в царскую спальню и закричать Димитрию: «Ну, безвременный царь! Проспался ли ты? Зачем не выходишь к народу и не даешь ему отчета?» Басманов, схватив царский палаш, разрубил голову крикуну, сам Лжедимитрий, выхватив меч у одного из телохранителей, вышел к толпе и, махая мечом, кричал: «Я вам не Годунов!» Однако выстрелы принудили его удалиться. В это время явились бояре; Басманов подошел к ним и начал уговаривать их не выдавать народу Димитрия, но тут Татищев, тот самый, который был спасен Басмановым от ссылки, обругал его как нельзя хуже и ударил своим длинным ножом так, что тот пал мертвый; труп его сбросили с крыльца. Смерть Басманова охмелила толпу, ждавшую первой крови: заговорщики стали смелее напирать на телохранителей; Димитрий снова вышел, хотел разогнать народ палашом, но увидал, что сопротивление бесполезно: в отчаянии бросил он палаш, схватил себя за волосы и, не говоря ни слова немецкой страже, кинулся в покои жены; сказав ей, чтобы она спасалась от мятежников, сам поспешил пробраться в каменный дворец, выскочил из окна на подмостки, устроенные для брачного празднества, с одних подмосток хотел перепрыгнуть на другие, но оступился, упал с вышины в 15 сажен на житный двор, вывихнул себе ногу и разбил грудь.

Между тем заговорщики, обезоружив стражу, бегали из одной комнаты в другую, ища Димитрия, и ворвались в покои царицы. Узнав от мужа об опасности, Марина спустилась сперва вниз в

подвал, но потом, когда ей отсоветовали тут оставаться, опять взошла наверх, причем была столкнута с лестницы не узнавшей ее толпой, и едва успела пробраться в свою комнату, как заговорщики показались у дверей. Тут встретил их слуга Марины, Ян Осмульский, и долго один сдерживал натиск толпы, наконец пал под ударами. Марина, небольшого роста и худенькая, легко спряталась под юбку своей гофмейстерины. Ворвавшись в комнату, заговорщики с ругательством спрашивали у женщин, где царь и царица? Им отвечали, что о царе не знают, а царицу отправили в дом к отцу ее. Прибытие бояр, глав заговора, положило конец отвратительным сценам грабежа и бесстыдства: они выгнали толпу и приставили стражу, чтобы не пускать никого к женщинам; Марину, которая вышла из своего убежища, проводили в другую комнату.

Распорядившись насчет Марины, бояре спешили отвратить страшную опасность, которая начинала было грозить им: стрельцы, стоявшие на карауле близ того места, где упал Димитрий, услыхали стоны раненого, узнали царя, отлили его водою и перенесли на каменный фундамент сломанного годуновского дома. Придя в себя, Димитрий стал упрашивать стрельцов, чтоб они приняли его сторону, обещая им в награду жен и имение изменников бояр. Стрельцам понравилось обещание, они внесли его снова во дворец, уже опустошенный и разграбленный; в передней Димитрий заплакал, увидав верных своих алебардщиков, стоявших без оружия, с поникшими головами; когда заговорщики хотели приблизиться к нему, то стрельцы начали стрелять из ружей. Для глав заговора теперь шло дело о жизни и смерти, и Шуйский стал горячо убеждать своих докончить начатое дело убийством самозванца. Заговорщики придумали средство испугать стрельцов и заставить их покинуть Димитрия, они закричали: «Пойдем в Стрелецкую слободу, истребим их жен и детей, если они не хотят нам выдать изменника, плута, обманщика». Стрельцы испугались и сказали боярам: «Спросим царицу: если она скажет, что это прямой ее сын, то мы все за него помрем; если же скажет, что он не сын ей, то бог в нем волен». Бояре согласились. В ожидании ответа от Марфы заговорщики не хотели остаться в покое и с ругательством и побоями спрашивали Лжедимитрия: «Кто ты? Кто твой отец? Откуда ты родом?» Он отвечал: «Вы все знаете, что я царь ваш, сын Ивана Васильевича. Спросите обо мне мать мою или выведите меня на Лобное место и дайте объясниться». Тут явился князь Иван Васильевич Голицын и сказал, что он был у царицы Марфы, спрашивал: она говорит, что сын ее убит в Угличе, а это самозванец. Эти слова повестили народу с прибавкою, что сам Димитрий винится в своем самозванстве и что Нагие подтверждают показание Марфы. Тогда отовсюду раздались крики: «Бей его! Руби его!» Выскочил из толпы сын боярский Григорий

Валуев и выстрелил в Димитрия, сказавши: «Что толковать с еретиком: вот я благословлю польского свистуна!» Другие дорубили несчастного и бросили труп его с крыльца на тело Басманова, говоря: «Ты любил его живого, не расставайся и с мертвым». Тогда чернь овладела трупами и, обнажив их, потащила через Спасские ворота на Красную площадь; поравнявшись с Вознесенским монастырем, толпа остановилась и спрашивала у Марфы: «Твой ли это сын?» Та отвечала: «Вы бы спрашивали меня об этом, когда он был еще жив, теперь он уже, разумеется, не мой». На Красной площади выставлены были оба трупа в продолжение трех дней: Лжедимитрий лежал на столе в маске, с дудкою и волынкою, Басманов — на скамье у его ног. Потом Басманова погребли у церкви Николы Мокрого, а самозванца — в убогом доме за Серпуховскими воротами, но пошли разные слухи: говорили, что сильные морозы стоят благодаря волшебству расстриги, что над его могилою деются чудеса; тогда труп его вырыли, сожгли на Котлах и, смешав пепел с порохом, выстрелили им из пушки в ту сторону, откуда пришел он.

В то время как одни толпы народа ругались над обезображенным трупом того, кто незадолго величался красным солнцем России, другие разделывались с ненавистными гостями. Прежде всего были побиты польские музыканты, найденные во дворце; потом бросились к домам, занятым их единоземцами; мужчин били, женщин уводили к себе, но воевода сендомирский, сын его и князь Вишневецкий отражали силу силою до тех пор, пока им на помощь не подоспели бояре, которые, имея только в виду разделаться с самозванцем, вовсе не хотели заводить войну с Польшею бесполезным убийством ее панов. Послов польских не тронули: бояре послали сказать Олесницкому и Гонсевскому, что им, как послам, опасаться нечего, и с своей стороны послы и люди их не должны мешаться с другими поляками, которые приехали с воеводою сендомирским в надежде завладеть Москвою и наделали много зла русским. Гонсевский отвечал: «Вы сами признали Димитрия царевичем, сами посадили его на престол, теперь же, узнав, как говорите, о самозванстве его, убили. Нам нет до этого никакого дела, и мы совершенно покойны насчет нашей безопасности, потому что не только в христианских государствах, но и в бусурманских послы неприкосновенны. Что же касается до остальных поляков, то они приехали не на войну, не для того, чтоб овладеть Москвою, но на свадьбу, по приглашению вашего государя, и если кто-нибудь из их людей обидел кого-нибудь из ваших, то на это есть суд; просим бояр не допускать до пролития крови подданных королевских, потому что если станут бить их пред нашими глазами, то не только люди наши, но и мы сами не будем равнодушно смотреть на это и согласимся лучше все вместе погибнуть, о следствиях же предоставим судить самим боя-

рам». Для охранения послов было поставлено около дома их пятьсот стрельцов. За час до полудня прекратилась резня, продолжавшаяся семь часов; по одним известиям, поляков было убито 1200 или 1300 человек, а русских — 400; по другим — одних поляков 2135 человек, иные же полагают — 1500 поляков и 2000 русских.

Несмотря на то что восстание было возбуждено во имя веры православной, во имя земли Русской, гибнувших от друга еретиков и ляхов, в народе не могло не быть сознания, что совершено дело нечистое или по крайней мере нечистым образом. При гибели Годуновых народ был спокоен: он был уверен, что новый царь есть истинный сын Иоанна IV, и в истреблении Борисова семейства видел казнь, совершенную законным царем над своими изменниками, но теперь не было этой всеобщей уверенности. Многие были за Лжедимитрия; многие взяли оружие при известии, что поляки бьют царя, прибежали в Кремль спасать любимого государя от рук врагов ненавистных и видят труп его, обезображенный и поруганный не поляками, а русскими, слышат, что убитый царь был обманщик, но слышат это от таких людей, которые за минуту перед тем обманули их, призвав вовсе не на то дело, какое хотели совершить: обманом не бывают довольны, его не забывают, как самую жестокую обиду. И кто же был обманут, кто был недоволен? Масса людей умеренных, спокойных, самая могущественная часть народонаселения, которая дает прочный успех всякому делу. Согласие немногих людей отважных, скоп, заговор может дать мгновенный успех делу, но прочность его зависит от «да» или «нет» умеренной, спокойной массы народонаселения. Вот почему 17 мая 1606 года в Москве не было ознаменовано тем одушевленным ликованием, какое обыкновенно бывает по совершении общего дела. Некоторые радовались гибели друга еретиков, но не смели для принесения благодарности богу созвать в храмы толпы людей, хмельных от вина и крови. Недолго раздавались по улицам клики заговорщиков, недолго слышалось хвастовство их легкою победою: этим кликам не было отзыва, рассказам о кровавых подвигах не было сочувствия, и Москва скоро успокоилась, ночью царствовала глубокая тишина: смущенное, оробевшее общество притаилось, гнетомое тяжелою думою о прошедшем и будущем.

Были, однако, люди, которые осмелились забыть прошедшее для честолюбивых замыслов о будущем, которые осмеливались думать, что и другие также забудут прошедшее. Мы видели, что бояре, составляя заговор против Лжедимитрия, уже думали о том, как поступать, когда один из них сделается царем. Видпее всех бояр московских по уму, энергии, знатности рода, по уменью сохранять родовые предания, быть им верными были два князя — Василий Шуйский и Василий Голицын: они-то и были главами заговора, они-то и должны были думать о том, как бы прежде других воспользоваться его успехом. Оба князя имели сильные

стороны, по мог ли Голицын успешно бороться с Шуйским? Род Шуйских давно уже гораздо больше выдавался вперед, чем род Голицыных, ибо о Патрикеевых уже забыли; сам Шуйский гораздо больше выдавался вперед, чем Голицын, особенно в последнее время. Он первый поднялся против самозванца, был страдальцем за правду для тех, которые были убеждены в самозванстве бывшего царя; он был на первом месте в заговоре, в его доме собирались заговорщики, его речам, его увещаниям внимали, за ним шли в Кремль губить злого еретика; для людей, совершивших дело убийства Лжедимитриева, кто мог быть лучшим царем, как не вождь их в этом деле? Но это дело было чисто московское, и далеко не все москвичи его одобряли, а что скажут советные люди, выборные из городов по всей России? Годунов при избрании своем имел все причины требовать созвания выборных изо всех городов Российского царства: он долгое время был хорошим правителем, и это знала вся земля; дурное о Годунове было преимущественно известно в Москве, хорошее — в областях; притом за Годунова был патриарх, долженствовавший иметь самое сильное влияние на выборных. В другом положении находился Шуйский: его хорошо знали только в Москве, но мало знали в областях, так что для советных людей, присланных из Галича или Вологды, Шуйский был известен не более чем Голицын или Воротынский; патриарха не было, ибо Игнатия, как потаковника Лжедимитриева, тотчас же свергнули, и потому советные люди могли легко подчиниться влиянию людей, не хотевших Шуйского, людей, не одобрявших его последнего, самого видного поступка. Вот почему Шуйскому опасно было дожидаться выборных из городов. «По убиении расстриги,— говорит летописец,— бояре начали думать, как бы согласиться со всею землею, чтобы приехали из городов в Москву всякие люди, чтобы выбрать, по совету, государя такого, который бы всем был люб. Но богу не угодно было нас помиловать по грехам нашим: чтобы не унялась кровь христианская, немногие люди, по совету князя Василия Шуйского, умыслили выбрать его в цари».

19 мая, в 6 часов утра, купцы, разнощики, ремесленники толпились на Красной площади точно так же, как и 17 числа; бояре, чины придворные, духовенство вышли также на площадь и предложили избрать патриарха, который должен был стоять во главе временного правления и разослать грамоты для созвания советных людей из городов: но понятно, как страшно было Шуйскому избрание патриарха, если бы избрали человека к нему равнодушного, а может быть, даже и не расположенного. На предложение бояр в толпе закричали, что царь нужнее патриарха, а царем должен быть князь Василий Иванович Шуйский. Этому провозглашению толпы, только что ознаменовавшей свою силу истреблением Лжедимитрия, никто не осмелился противодейст-

вовать, и Шуйский был не скажем избран, но выкрикнут царем. Он сделался царем точно так же, следовательно, как был свергнут, погублен Лжедимитрий, скопом, заговором, не только без согласия всей земли, но даже без согласия всех жителей Москвы; умеренная, спокойная, охранительная масса народонаселения не была довольна в обоих случаях, не сказала своего «да»: гибельное предзнаменование для нового царя, потому что когда усердие клевретов его охладеет, то кто поддержит его? Таким образом, на московском престоле явился царь партии, но партия противная существовала: озлобленная неудачею, она не теряла надежд; к ней присоединились, т. е. объявили себя против Шуйского, все те, которым были выгодны перемены, и всякая перемена могла казаться теперь законною, ибо настоящего, установленного, освященного ничего не было. Масса людей умеренных, охранительных, молчала, потому что не питала сочувствия ни к одному явлению, ни к новому порядку вещей, ни к движениям, против него направленным; произволу людей беспокойных открывалось свободное поприще, и представители общества, люди, не разрознившие своих интересов с его интересами, должны были сносить все буйство этого произвола, не имея на что́ опереться, во имя чего ратовать, не имея сочувствия к человеку, который провозгласил себя главою государства [78].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ЦАРСТВОВАНИЕ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ШУЙСКОГО

Грамота нового царя о своем избрании.— Ограничение царской власти.— Царские грамоты по областям.— Царское венчание Шуйского.— Патриарх Гермоген и отношения его к царю.— Причины появления второго самозванца.— Молчанов.— Возмущение в Украйне.— Волнение в Москве.— Болотников.— Поражение царского войска и повсеместное восстание на юге. Ляпуновы.— Болотников у Москвы.— Отступление дворян от Болотникова.— Поражение и бегство Болотникова.— Наступательное движение Шуйского.— Разрешительная грамота патриархов Иова и Гермогена.— Болотников и самозванец Петр в Туле.— Победа царских войск.— Шуйский осаждает Тулу.— Появление второго самозванца.— Взятие Тулы царем.— Состав войска второго Лжедимитрия.— Рожинский, Заруцкий.— Новые самозванцы.— Беспокойство в Москве.— Лжедимитрий спешит к Москве.— Мир Шуйского с Польшею.— Лжедимитрий в Тушине.— Война его с Шуйским.— Марина и отец ее в Тушине.— Польский наказ для второго Лжедимитрия

Исполняя обещание, данное товарищам своим по заговору, Шуйский так повестил о своем воцарении: «Божиею милостию мы, великий государь, царь и великий князь Василий Иванович всея Руси, щедротами и человеколюбием славимого бога и за молением всего освященного собора, по челобитью и прошению всего православного христианства учинилпсь на отчине прародителей наших, на Росспйском государстве царем и великим князем. Государство это даровал бог прародителю нашему Рюрику, бывшему от рпмского кесаря, и потом, в продолжение многих лет, до самого прародптеля нашего великого князя Александра Ярославича Невского, на сем Росспйском государстве были прародители мои, а потом удалились на суздальский удел, не отнятием или неволею, но по родству, как обыкли большие братья на больших местах садиться. И ныне мы, великий государь, будучи па престоле Росспйского царства, хотим того, чтобы православное христианство было нашим доброопасным правительством в тишине, и в покое, и в благоденстве, и поволил я, царь и великий князь всея Руси, целовать крест на том: что мне, великому государю, всякого человека, не осудя истинным судом с боярами своими, смерти не предать, вотчин, дворов и животов у братьи его, у жен и детей не

отнимать, если они с ним в мысли не были; также у гостей и торговых людей, хотя который по суду и по сыску дойдет и до смертной вины, и после их у жен и детей дворов, лавок и животов не отнимать, если они с ними в этой вине невинны. Да и доводов ложных мне, великому государю, не слушать, а сыскивать всякими сысками накрепко и ставить с очей на очи, чтобы в том православное христианство невинно не гибло; а кто на кого солжет, то, сыскав, казнить его, смотря по вине, которую взвел напрасно. На том на всем, что в сей записи писано, я, царь и великий князь Василий Иванович всея Руси, целую крест всем православным христианам, что мне, их жалуя, судить истинным, праведным судом и без вины ни на кого опалы своей не класть, и недругам никого в неправде не подавать, и от всякого насильства оберегать». Летописец рассказывает, что как скоро Шуйский был провозглашен царем, то пошел в Успенский собор и начал говорить, чего искони веков в Московском государстве не важивалось: «Целую крест на том, что мне ни над кем не делать ничего дурного без собору, и если отец виновен, то над сыном ничего не делать, а если сын виновен, то отцу ничего дурного не делать, а которая была мне грубость при царе Борисе, то никому за нее мстить не буду». Бояре и всякие люди, продолжает летописец, ему говорили, чтоб он на том креста не целовал, потому что в Московском государстве того не повелось, но он никого не послушал и целовал крест. Любопытно, если летописец не ошибся, и Шуйский сначала обязывался не произносить смертных приговоров без соборного решения, как сделал Лжедимитрий в деле самого Шуйского, а потом уже в грамоте вместо собора поставлено: «Не осудя с боярами своими», что сообразнее было с прежним обещанием при составлении заговора: «Общим советом Российское царство управлять», впрочем, и здесь *общий совет* — выражение довольно неопределенное, так как бояре уговаривались, то *общим советом* прежде всего может относиться к ним, что и вероятнее, но может также означать и собор. Что же касается до обещания не наказывать вместе с виновным и невинных родственников, то, по всем вероятностям, представление о правде этого устава принесено Лжедимитрием и спутниками его из Польши, где, как мы видели, давно уже вследствие более раннего ослабления родовых отношений родственники преступника не подвергались вместе с ним наказанию; мы видели, что Мнишек обещал боярам расширение прав их при Лжедимитрии.

Разослана была по областям и другая грамота — от имени бояр, окольничих, дворян и всяких людей московских с извещением о гибели Лжедимитрия и возведении на престол Шуйского: «Мы узнали про то подлинно, что он прямой вор Гришка Отрепьев, да и мать царевича Димитрия, царица инока Марфа, и брат ее Михайла Нагой с братьею всем людям Московского государства

подлинно сказывали, что сын ее, царевич Димитрий, *умер* подлинно и погребен в Угличе, а тот вор называется царевичем Димитрием ложно; а как его поймали, то он и *сам сказал*, что он Гришка Отрепьев и на государстве учинился *бесовскою помощию*, и людей всех *прельстил чернокнижеством*; и тот Гришка, за свое злодейственное дело, принял от бога возмездие, скончал свой живот злою смертию. И после того, прося у бога милости, митрополиты, архиепископы, епископы и весь освященный собор, также и мы, бояре, окольничие, дворяне, дети боярские и всякие люди Московского государства, избирали всем Московским государством, кому бог изволит быть на Московском государстве государем; и всесильный, в троице славимый бог наш на нас и на вас милость свою показал, объявил государя на Московское государство, великого государя царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси самодержца, государя благочестивого, по божией церкви и по православной христианской вере поборателя, от корени великих государей российских, от великого государя князя Александра Ярославича Невского; многое смертное изгнание за православную веру с братиею своею во многие лета он претерпел и больше всех от того вора, богоотступника и еретика смертью пострадал» [79].

Вслед за этою грамотою новый царь разослал другую, уже от своего имени, в которой также объявлял о гибели Лжедимитрия, с точнейшим объяснением причин, а именно объявлял о бумагах, найденных в комнатах самозванца: «Взяты в хоромах его грамоты многие ссыльные воровские с Польшею и Литвою о разорении Московского государства». Но Шуйский не объясняет ничего о содержании этих воровских грамот, хотя вслед за этим упоминает о содержании писем от римского папы, нам уже известных. Далее Шуйский пишет о показании Бучинских, будто царь был намерен перебить всех бояр во время воинской потехи и потом, отдавши все главные места в управление полякам, ввести католицизм. В самом деле сохранилось это показание, но достоверность его прежде нас уже отвергнута [80]. Шуйский приводит также свидетельство о записях, действительно данных в Польше Мнишку и королю об уступке русских областей, и заключает: «Слыша и видя то, мы всесильному богу хвалу воздаем, что от такого злодейства избавил». Наконец, разослана была окружная грамота от имени царицы Марфы, где она отрекалась от Лжедимитрия. Марфа говорит: «Он ведовством и чернокнижеством назвал себя сыном царя Ивана Васильевича, омрачением бесовским прельстил в Польше и Литве многих людей и нас самих и родственников наших устрашил смертию; я боярам, дворянам и всем людям объявила об этом прежде тайно, а теперь всем явно, что он не наш сын, царевич Димитрий, вор, богоотступник, еретик. А как он своим ведовством и чернокнижеством приехал из Путивля в Москву, то, ведая

свое воровство, но нас не посылал долгое время, а прислал к нам *своих советников и велел им беречь накрепко, чтобы к нам никто не приходил и с нами об нем никто не разговаривал.* А как велел нас к Москве привезти, и он на встрече был у нас один, а бояр и других никаких людей с собой пускать к нам не велел и говорил нам с великим запретом, чтобы мне его не обличать, претя нам и всему нашему роду смертным убийством, чтобы нам тем на себя и на весь род свой злой смерти не навести, и посадил меня в монастырь, и приставил ко мне также своих советников, и остерегать того велел накрепко, чтоб его воровство было не явно, а я для его угрозы объявить в народе его воровство явно не смела». Марфа говорит или за нее говорят, что Лжедимитрий прислал за нею своих советников, но, кого именно, об этом ни слова, тогда как это всего важнее: кто были именно советники Лжедимитрия, которые знали о его самозванстве и между тем действовали в его пользу? Или этих советников не существовало вовсе, а если существовали, то теперь были так могущественны, что имен их нельзя было открыть народу; но нам известно, что Димитрий посылал за Марфою князя Михайлу Васильевича Скопина-Шуйского! Следовательно, Скопин был главным из этих советников Лжедимитрия, которым приказано было беречь накрепко, чтобы никто к ней не приходил и не разговаривал с нею о царе...

Легко можно представить, какое впечатление должны были произвести эти объявления Шуйского, царицы Марфы и бояр на многих жителей самой Москвы и преимущественно на жителей областных! Неизбежно должны были найтись многие, которым могло показаться страшным, как вор Гришка Отрепьев мог своим ведовством и чернокнижеством прельстить всех московских правителей? Недавно извещали народ, что новый царь есть истинный Димитрий; теперь уверяют в противном, уверяют, что Димитрий грозил гибелью православной вере, хотел делиться с Польшею русскими землями, объявляют, что он за это погиб, но как погиб?— это остается в тайне; объявляют, что избран новый царь, но как и кем? — неизвестно: никто из областных жителей не был на этом собрании, оно совершено без ведома земли; советные люди не были отправлены в Москву, которые, приехав оттуда, могли бы удовлетворить любопытству своих сограждан, рассказать им дело обстоятельно, разрешить все недоумения. Странность, темнота события извещаемого необходимо порождали недоумения, сомнения, недоверчивость, тем более что новый царь сел на престол тайком от земли, с нарушением формы уже освященной, уже сделавшейся стариною. До сих пор области верили Москве, признавали каждое слово, приходившее к ним из Москвы, непреложным, но теперь Москва явно признается, что чародей прельстил ее омрачением бесовским; необходимо рождался вопрос: не омрачены ли москвитяне и Шуйским? До сих пор Москва была средото-

чием, к которому тянули все области; связью между Москвою и областями было доверие ко власти, в ней пребывающей; теперь это доверие было нарушено, и связь ослабела, государство замутилось; вера, раз поколебленная, повела необходимо к суеверию: потеряв политическую веру в Москву, начали верить всем и всему, особенно когда стали приезжать в области люди, недовольные переворотом и человеком, его произведшим, когда они стали рассказывать, что дело было иначе, нежели как повещено в грамотах Шуйского. Тут-то в самом деле наступило для всего государства омрачение бесовское, омрачение, произведенное духом лжи, произведенное делом темным и нечистым, тайком от земли совершенным.

1 июня 1606 года Шуйский венчался на царство: новый царь был маленький старик лет за 50 с лишком, очень некрасивый, с подслеповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любил только тех, которые шептали ему в уши доносы, и сильно верил чародейству. Подле нового царя немедленно явилось и второе лицо по нем в государстве — патриарх: то был Гермоген, бывший митрополит казанский, известный своим сопротивлением неправославным поступкам Лжедимитрия. Это сопротивление показывало уже в Гермогене человека с твердым характером, готового страдать за свои убеждения, за правду и неприкосновенность вверенного ему дела; таким образом, новый патриарх по природе своей был совершенно в уровень своему высокому положению в бурное Смутное время, но современники жалуются, что с этою твердостию Гермоген соединял жесткость нрава, непривлекательность в обращении, неумеренную строгость; жалуются также, что он охотно слушал наветы, худо отличал истинное от ложного, верил всему. Этою слабостию воспользовались враги Шуйского: они наговорили патриарху на царя и успели поссорить их; по жесткости нрава патриарх не скрывал своего неудовольствия и обращался с царем вовсе недружественно, хотя в то же время, по основным убеждениям своим, готов был всегда защищать Шуйского, как царя венчанного, против возмутителей [61].

Легко себе представить, как вредны были для Шуйского такие отношения его к патриарху, когда уж он и без того не пользовался большим уважением и доверенностью подданных. Клятва, данная им при восшествии на престол, повела к тому, что на него стали смотреть не так, как смотрели на прежних государей; ограничение власти царской относительно наказания, ограничение ее боярами, к царю нерасположенными, обещало безнаказанность смутам, крамолам: клеврет Голицына или другого какого-нибудь сильного боярина мог отважиться на все по внушению своего милостивца, зная, что последний может защитить его. Современники прямо говорят, что с воцарением Шуйского бояре стали иметь гораздо больше власти, чем сам царь. Некоторые из

бояр крамолили против царя с целию занять его место, другие не хотели видеть его царем по прежним отношениям; не все бояре были в заговоре с Шуйским против Лжедимитрия, некоторые, и из них самые способные, например Михайла Глебович Салтыков, князь Рубец-Мосальский и другие, оставались верны Лжедимитрию и, следовательно, были враждебны новому правительству, которое и не замедлило подвергнуть их опале: князь Рубец-Мосальский был сослан воеводою в Корелу, Афанасий Власьев — в Уфу, Салтыков — в Иван-город, Богдан Бельский — в Казань; других стольников и дворян разослали также по разным городам, у некоторых отняли поместья и вотчины. Таким образом, в отдаленные области, и даже в качестве правителей, были отправлены люди озлобленные, то есть верные возмутители или по крайней мере готовые принять самое деятельное участие в возмущении для свержения правительства, им враждебного; скоро заметили также, что и вообще новый царь изменил своему обещанию — преследует людей, которые прежде были ему враждебны. Глава заговора, виновник восстания, Шуйский был выкрикнут царем участниками в заговоре, восстании, людьми самыми беспокойными, площадными крикунами и смутниками, испытавшими уже три раза свою силу при свержении и возведении царей; они выкрикнули Шуйского, своего вождя, в надежде богатых наград от него, но от скупого старика нельзя было ничего дождаться; тогда эти люди стали готовым орудием в руках врагов Шуйского.

Но все эти люди — и бояре могущественные, имевшие виды на престол, и сановники второстепенные, враждебные Шуйскому или по личным и родовым отношениям, или по приверженности к его предшественнику, наконец, смутники из людей всякого происхождения, которым выгодны были перемены,— никто не мог отважиться прямо на свержение Шуйского: Голицын не имел никакого права, никакой возможности прямо выставить себя соперником новому царю и открыто против него действовать: какое из своих прав мог выставить Голицын, которое бы превышало права Шуйского? Он мог надеяться получить престол только тогда, когда Шуйский будет свергнут чужим, а не его именем, следовательно, мог только крамолить против него, а не действовать открыто; то же самое должно сказать и о всех других людях, почему бы то ни было недовольных Шуйским и желавших перемены: во чье имя возмутились бы они, кого предложили бы взамен Шуйского? Для всех нужен был предлог к восстанию, нужно было лицо, во имя которого можно было действовать, лицо, столько могущественное, чтобы могло свергнуть Шуйского, и вместе столько ничтожное, чтобы не могло быть препятствием для исполнения известных замыслов, одним словом, нужен был самозванец. Шуйского можно было свергнуть только так, как свергнут был Годунов. Вот причина появления второго самозванца и успеха его внутри

государства; что же касается до козаков, то мы уже видели, как им был необходим самозванец: еще при жизни первого они подставили другого. Как для государства спокойного, благоустроенного государь, правительство не может умирать (le roi est mort — vive le roi!), так для тогдашнего русского общества, потрясенного в своих основах, не мог умереть самозванец: и точно, еще кровавый труп первого Лжедимитрия лежал на Красной площади, как уже пронеслась весть о втором.

17 мая, когда заговорщики были заняты истреблением самозванца и поляков, Михайла Молчанов, один из убийц Федора Годунова, успел скрыться из дворца и из Москвы. В сопровождении двоих поляков Молчанов направил путь к литовским границам, распуская везде по дороге слух, что он царь Димитрий, который спасается из Москвы и вместо которого москвитяне ошибкою убили другого человека. Этот слух скоро достиг Москвы и распространился между ее жителями. Мы не удивимся такому, с первого взгляда странному явлению, если вспомним, что не все москвичи принимали участие в убийстве Лжедимитрия, что многие из них шли в Кремль с целию спасать царя из рук поляков, и вдруг им выкинули обезображенный труп Лжедимитрия, в котором трудно было различить прежние черты. Чему хотим верить, тому верим охотно; как обыкновенно бывает в таких случаях, всякий старался представить свое мнение о чудном, таинственном событии, свою догадку, свое: *мне показалось*; так, одному французскому купцу показалось, что на трупе Лжедимитрия остались ясные знаки густой бороды, уже обритой, тогда как у живого царя не было бороды; тому же французу показалось, что волосы у трупа были длиннее, чем у живого царя накануне; комнатный слуга убитого Лжедимитрия, поляк Хвалибог, клялся, что труп, выставленный на Красной площади, нисколько не походил на его прежнего господина: лежал там, говорил он, какой-то малый, толстый, с бритым лбом, с косматою грудью, тогда как Димитрий был худощав, стригся с малыми по сторонам кудрями по обычаю студенческому, волос на груди у него не было по молодости лет Маска, надетая на лицо Лжедимитрия, также была поводом к толкам, что тут скрывалась подстановка, и вот молва росла более и более. Но если некоторые жители Москвы верили в спасение Лжедимитрия, тем более должны были верить ему жители областей. Сам Шуйский видел, что ему нельзя разуверить народ касательно слухов о втором Лжедимитрии и что гораздо благоразумнее вооружиться против прав первого, дабы самозванец, и спасшийся, по мнению некоторых, от убийц, оставался все же самозванцем. Для этого Шуйский немедленно велел с большим торжеством перенести из Углича в Москву тело царевича Димитрия, после чего разосланы были грамоты с извещением об этом событии и с повторением о злодействах Лжедимитрия, с приобщением показа-

ния Бучинских, грамот, данных самозванцем воеводе сендомирскому, и переписки его с папою, равно как известия о покаянии царицы Марфы. Но в то время как в Угличе и в Москве прославляли святость невинного младенца, павшего под ножами убийц, на престоле сидел человек, который при царе Феодоре торжественно объявил, что царевич сам себя заколол в припадке падучей болезни! Шуйский решился даже сам нести всею Москвою до Архангельского собора тело царевича!

Грамоты Шуйского не помогли. В то время как Молчанов в самую минуту убийства Лжедимитрия уже помышлял о его воскрешении, в то же время князь Григорий Петрович Шаховской думал о том же и во время смуты во дворце унес государственную печать, как вещь нужную для исполнения своих замыслов. Новый царь помог ему в этом как нельзя лучше, сославши его воеводою в Путивль за преданность Лжедимитрию. Шаховской, приехав в Путивль, собрал жителей и объявил им, что царь Димитрий жив и скрывается от врагов; путивльцы немедленно восстали против Шуйского, и примеру их последовали другие северские города. В Чернигове начальствовал тот самый боярин князь Андрей Телятевский, который прежде не хотел участвовать в переходе целого войска на сторону первого Лжедимитрия, а теперь объявил себя на стороне второго, о котором еще никто ничего не знал обстоятельно: нет сомнения, что личные отношения к Шуйскому были причиною такого поступка. Начались волнения и в Москве; здесь еще не смели произнести громко имя Димитрия и потому старались привести толпу в движение по другому поводу: на домах иностранцев и бояр написали, что царь предает домы этих изменников народу на разграбление. Толпы начали сбираться, но на этот раз их разогнали. Чрез несколько времени, в один воскресный день, когда царь шел к обедне, увидел он множество народа у дворца: толпы были созваны известием, что царь будет говорить с народом. Шуйский остановился и, плача от досады, начал говорить окружавшим его боярам, что им не нужно выдумывать коварных средств, если хотят от него избавиться, что, избрав его царем, могут и низложить его, если он им неугоден, и что он оставит престол без сопротивления. Потом, отдав им царский посох и шапку, продолжал: «Если так, выбирайте кого хотите». Видя, однако, что все неподвижны, ниоткуда нет возражения, Шуйский подумал, что пристращал крамольников, что большинство за него, и потому, взявши снова посох, сказал: «Мне уже наскучили эти козни: то меня хотите умертвить, то бояр и иностранцев или по крайней мере ограбить их; если вы меня признаете царем, то я требую казни виновных». На этот раз все спешили уверить его в преданности своей и просили наказать возмутителей; схватили пятерых из толпы, высекли кнутом и сослали. Шуйский хотел воспользоваться этим усердием, чтобы вскрыть

заговор, составленный во имя князя Мстиславского, но по исследовании дела нашли, что этот боярин вовсе не виноват в пем, что во имя его действовали родные, из которых больше всех был уличен боярин Петр Никитич Шереметев: его послали в Псков воеводою.

Между тем Шаховскому для успеха поднятого им восстания необходим был самозванец, откуда бы то ни было. Зная, что Молчанов прежде всех выдал себя за Димитрия, он звал его в Путивль из Самбора, где тот с согласия Мариниой матери распространял слухи о спасении царя. Но Молчанов сам не хотел играть роль самозванца и не нашел еще никого, кто бы согласился и был способен принять ее, однако медлить было нельзя: надобно было подкрепить восстание, давши ему вождя смелого, таким явился Болотников.

Болотников был холопом князя Телятевского; рассказывают, что в молодости, взятый в плен татарами и проданный туркам, он несколько лет был галерным невольником. Получив как-то свободу, он был заброшен судьбою в Венецию, откуда в описываемое время пробирался через Польшу на родину. В Польше услыхал он о событиях, волновавших Русь; как русского, Болотникова схватили и представили Молчанову, который увидал в нем полезного для своего дела человека, обдарил его и послал с письмом в Путивль к князю Шаховскому, который принял его как царского поверенного и дал начальство над отрядом войска. Холоп Болотников тотчас же нашел средство увеличить свою дружину и упрочить дело самозванца в прежденогибшей Украйне: он обратился к своим, обещая волю, богатства и почести под знаменами Димитрия, и под эти знамена начали стекаться разбойники, воры, нашедшие пристанище в Украйне, беглые холопи и крестьяне, козаки, к ним пристали посадские люди и стрельцы, начали в городах хватать воевод и сажать их в тюрьмы; крестьяне и холопи стали нападать на домы господ своих, разоряли их, грабили, мужчин убивали, жен и дочерей заставляли выходить за себя замуж. На московских улицах показались подметные грамоты, в которых упрекали москвитян в неблагодарности к Димитрию, спасшемуся от их ударов, и грозили возвращением его для наказания столицы не позже 1 сентября, тогдашнего нового года; царь велел созвать всех дьяков и сличить почерки их с почерком грамот, но сходного не нашли: грамоты, как видно, явились из Украйны, туда надобно было обратить оружие, но прежде начала военных действий царь хотел попытаться утишить восстание средствами религиозными: для этого он послал в Северскую землю духовенство с увещаниями; в Елец был послан боярин Михайла Нагой с грамотою сестры своей царицы Марфы, с образом Димитрия царевича; но эти средства не помогли. Тогда боярин князь Иван Михайлович Воротынский осадил Елец, стольник князь Юрий

Трубецкой — Кромы, но на выручку Кром явился Болотников: с 1300 человек напал он на 5000 царского войска и наголову поразил Трубецкого; победители — козаки насмехались над побежденными, называли царя их Шуйского *шубником*. Московское войско и без того не усердствовало Василию, следовательно, уже было ослаблено нравственно; победа Болотникова отняла у него и последний дух; служилые люди, видя всеобщую смуту, всеобщее колебание, не хотели больше сражаться за Шуйского и начали разъезжаться по домам; воеводы Воротынский и Трубецкой, обессиленные этим отъездом, не могли ничего предпринять решительного и пошли назад. При состоянии умов, какое господствовало тогда в Московском государстве, при всеобщей шаткости, неуверенности, недостатке точки опоры, при таком состоянии первый успех, на чьей бы стороне ни был, имел важные следствия, ибо увлекал толпу нерешительную, жаждущую увлечься, пристать к чему бы то ни было, опереться на что бы то ни было, лишь бы только выйти из нерешительного состояния, которое для каждого человека и для общества есть состояние тяжкое, нестерпимое. Как скоро узнали, что царское войско отступило, то восстание на юге сделалось повсеместным. Боярский сын, сотник Истома Пашков, возмутил Тулу, Венев и Каширу; в то же время встало против Шуйского и древнее княжество Рязанское; здесь в челе восстания были воевода Григорий Сунбулов и дворянин Прокофий Ляпунов.

Писатели иностранные хвалят храбрость старого народонаселения рязанского; летописцы московские удивляются его дерзости и речам высоким: рязанцы Ляпуновы оправдывают тот и другой отзыв. Во время народного волнения по смерти Грозного рязанцы — Ляпуновы и Кикины являются на первом плане; Захар Ляпунов, брат Прокофия, дерзкий, как увидим, на слово и на руку, первый в таком деле, на которое редкие могли решиться, заявляет в первый раз себя тем, что не хочет быть в станичных головах вместе с Кикиным и бежит со службы из Ельца. В 1603 году о нем опять встречаем известие: царь Борис велел спросить детей боярских рязанцев: кто на Дон к атаманам и козакам посылал вино, зелье, серу, селитру и свинец, пищали, панцири и шлемы и всякие запасы, заповедные товары? Отвечали: был слух, что Захар Ляпунов вино на Дон козакам посылал, панцирь и шапку железную продавал. Захара за это высекли кнутом. Брат его, Прокофий, красивый, умный, храбрый и в военном деле искусный человек, как отзывались об нем современники, обладал также страшною энергиею, которая не давала ему покоя, заставляла всегда рваться в первые ряды, отнимала у него уменье дожидаться. Такие люди обыкновенно становятся народными вождями в смутные времена: истомленный, гнетомый нерешительным положением народ ждет первого сильного слова, первого движения, и,

кто первый произнесет роковое слово, кто первый двинется, тот и становится вождем народного стремления. Ляпунов стал за Димитрия против Шуйского; мы не имеем права полагать, что Ляпунов был уверен в самозванстве того, кто называл себя Димитрием, в ложности слухов о его спасении: по всем вероятностям, он, как и большая часть, если не все рязанцы, как большая часть, если не все жители других московских областей, не имел никаких крепких убеждений в этом отношении и восстал при вести о восстании, повинуясь своей энергической природе, не умея сносить, подобно другим, нерешительного положения, не умея ждать. С другой стороны, восстание под знаменами Димитрия против Шуйского, т. е. против правления бояр, охранявших старину, не допускавших в свои ряды людей новых, такое восстание было привлекательно для людей, подобных Ляпунову, Сунбулову и Пашкову, людей, чувствовавших в себе стремление быть впереди, но по происхождению не имевших на это права.

Кроме Рязани, двадцать городов в нынешних губерниях Орловской, Калужской и Смоленской стали за Лжедимитрия. На восточной украйне, в странах приволжских, точно так же, как и в Украйне Северской, встали холопи и крестьяне; к ним присоединились инородцы, недавно, после долгого сопротивления, принужденные подчиниться государству и теперь обрадовавшиеся случаю сбросить с себя это подчинение. Мордва, холопи и крестьяне осадили Нижний Новгород под начальством двух мордвинов — Москова и Вокорлина, волнение коснулось областей Вятской и Пермской; рознь встала между пермичами, набранными в войско для царя: они начали биться друг с другом, едва не убили царского приставника, хотевшего разнять их, и кончили тем, что разбежались от него с дороги. В земле Вятской московского чиновника, присланного для набора войск, встретили громкою хулою на Шуйского, говорили, что Димитрий уже взял Москву, пили за него заздравные чаши. Но в Астрахани не чернь встала за Лжедимитрия: здесь изменил Шуйскому воевода, князь Хворостинин; здесь, наоборот, дьяк Афанасий Карпов и мелкие люди были побиты с раскату.

Болотников, соединившись со Пашковым и рязанцами, переправился за Оку, взял и разграбил Коломну; отряд царского войска под начальством князя Михайлы Васильевича Скопина-Шуйского одержал верх в стычке на берегах Пахры; но главная рать под начальством князя Мстиславского и других бояр старых была поражена в семидесяти верстах от Москвы, при селе Троицком. Болотников, гоня побежденных, дошел до Москвы и стал в селе Коломенском. Царствование Шуйского, казалось, должно было кончиться; при нерасположении к себе многих он имел мало средств к защите; на остатки разбитых Болотниковым полков была плохая надежда, области кругом, с юго-востока и запада, признавали

Лжедимитрия; цены на хлеб возвысились в Москве, а кто хотел терпеть голод для Шуйского? Но в полках, пришедших осаждать Шуйского, господствовало раздвоение, которое и спасло его на этот раз. Пришедши под Москву, Болотников тотчас обнаружил характер своего восстания: в столице явились от него грамоты с воззваниями к низшему слою народонаселения: «Велят боярским холопам побить своих бояр, жен их, вотчины и поместья им сулят, шпыням и безименникам ворам велят гостей и всех торговых людей побивать, именье их грабить, призывают их, воров, к себе, хотят им давать боярство, воеводство, окольничество и дьячество». Рязанские и тульские дворяне и дети боярские, дружины Ляпунова и Сунбулова, соединившись с Болотниковым, увидав, с кем у них общее дело, из двух, по их мнению, зол решились выбрать меньшее, т. е. снова служить Шуйскому; они явились с повинною в Москву, к царю Василию, без сомнения уверенные прежде в прощении и милости, ибо наказать первых раскаявшихся изменников значило заставить всех других биться отчаянно и таким образом продлить и усилить страшное междоусобие; Ляпунов и Сунбулов явились первые, и Ляпунов получил сан думного дворянина. В то же время счастливый для Шуйского оборот дела произошел на северо-западе: если на юге, увлеченные примером энергических людей — Ляпунова, Сунбулова, Пашкова, жители бросились на сторону самозванца, то в Твери произошло иначе: архиепископом здесь был в это время Феоктист, человек, как видно, сильный духом, способный стать в челе народонаселения; когда толпа приверженцев самозванца показалась в Тверском уезде, Феоктист собрал духовенство, приказных людей, своих детей боярских, торговых и посадских людей и укрепил их в верности к Шуйскому, так что лжедимитриевцы были встречены с оружием в руках и побиты. Другие города Тверской области, присягнувшие самозванцу вследствие упадка духа и нерешительности, последовали тотчас примеру Твери, и служилые люди их отправились под Москву помогать Шуйскому. Также сильное усердие к нему показали жители Смоленска; смольнянам, говорят современники, поляки и литва были враждебны, исконн вечные неприятели, жили смольняне с ними близко и бои с ними бывали частые: поэтому смольняне не могли ждать хорошего от царя, который был другом поляков и за помощь, ему оказанную, мог уступить Смоленск Польше. Как скоро узнали в Смоленске, что из Польши готов явиться царь, ложный или истинный, новый или старый — все равно, ибо никто ничего не знал подлинно, то немедленно служилые люди собрались и пошли под Москву, выбравши себе в старшие Григория Полтева, на дороге очистили от лжедимитриевцев Дорогобуж и Вязьму. Дорогобужские, вяземские и серпейские служилые люди соединились с смольнянами и

вместе пришли в Можайск 15 ноября, куда пришел также воевода Колычев, успевший очистить от воров Волоколамск.

Шуйский ободрился; он послал уговаривать Болотникова отстать от самозванца, но люди, из которых состояло войско Болотникова, бились не за самозванца, а за возможность жить на счет государства, от примирения с которым они не могли ожидать для себя никакой выгоды; Болотников не прельстился обещанием царя дать ему знатный чин и отвечал: «Я дал душу свою Димитрию и сдержу клятву, буду в Москве не изменником, а победителем». Надобно было решить дело оружием: молодой воевода, князь Михайла Васильевич Скопин-Шуйский, свел полки у Данилова монастыря и 1 декабря, дождавшись прихода смольнян, пошел к Коломенскому; Болотников вышел к нему навстречу и сразился у деревни Котлов: холопи и козаки бились отчаянно, но Истома Пашков с дворянами и детьми боярскими передался на сторону царя; причиною отступления Пашкова полагают то, что Болотников не хотел уступить ему первенства, а Пашков не хотел быть ниже холопа. Болотников, потерпев поражение, засел в своем укрепленном Коломенском стане; три дня воеводы били из пушек по острогу и не могли разбить, наконец сделали ядра огненные и зажгли острог. Тогда Болотников побежал к Серпухову, собрал мир и спросил, есть ли у них столько съестных припасов, чтоб могли целый год прокормить и себя и войско? Если есть, то он останется у них и будет дожидаться царя Димитрия; если же нет, то уйдет. Серпуховичи отвечали, то им нечем будет целый год и себя прокормить, не только что войско. Тогда Болотников пошел дальше и засел в Калуге, жители которой объявили, что могут содержать его войско в продолжение года; некоторые из его козаков засели в деревне Заборье, но принуждены были сдаться царским воеводам: Шуйский велел их взять в Москву, поставить по дворам, кормить и ничем не трогать, но тех, которые были пойманы на бою, велел посажать в воду; если в это число были включены те, которых взяли при Котлах, то их было немало, ибо летописец говорит, что им не находили места в тюрьмах московских.

Шуйский не терял времени для наступательного движения: пять воевод двинулись на юг для осады городов, верных самозванцу; брат царский, князь Иван Иванович Шуйский, осадил Калугу, несколько раз приступал к ней, но ничего не сделал; царь послал к Калуге последнее войско под начальством первого боярина, князя Мстиславского, Скопина-Шуйского и князя Татева, но Болотников отбил приступы и этих воевод. Также неудачны были приступы к Веневу и Туле; но боярин Иван Никитич Романов и князь Мезецкий разбили князя Василия Рубца-Мосальского, приближавшегося к Калуге на помощь Болотникову; сам воевода, князь Мосальский, был убит, и ратные люди его сели на поро-

ховые бочки и взорвали сами себя на воздух. Порадовали Шуйского и вести с востока: там Арзамас был взят; Нижний освобожден от осады; на жителей Свияжска, присягнувших Лжедимитрию, казанский митрополит Ефрем наложил церковное запрещение, и они принесли повинную Шуйскому.

Так начался 1607 год. Несмотря на успехи в разных местах, дело Шуйского было далеко не в благоприятном положении, ибо юг упорно стоял за самозванца. Материальные средства не помогли, захотели употребить нравственные. Еще в 1606 году, принужденный бороться с тенью Лжедимитрия, Шуйский счел нужным оправить царя Бориса и семейство его, погибшее жертвою самозванца: с этою целию он велел вынуть гробы Годуновых из Варсонофиевского монастыря; Ксения (Ольга) Борисовна провожала гробы родных своих и, по обычаю, громко вошла о своих несчастиях. В начале 1607 года придумали другую церемонию, которая должна была произвести сильнейшее впечатление. 3 февраля великий государь велел быть у себя патриарху Гермогену с лучшим духовенством для своего государева и земского дела и приговорил послать в Старицу за прежним патриархом Иовом, чтоб он приехал в Москву, простил и разрешил всех православных христиан в их клятвопреступлении. В Старицу с приглашением отправился крутицкий митрополит Пафнутий и повез Иову грамоту от Гермогена: «Государю отцу нашему, святейшему Иову патриарху, сын твой и богомолец Гермоген, патриарх московский и всея Руси, бога молю и челом бью. Благородный и благоверный, благочестивый и христолюбивый великий государь царь и великий князь Василий Иванович, всея Руси самодержец, советовавшись со мною и со всем освященным собором, с боярами, окольничими, дворянами, с приказными людьми и со всем своим царским синклитом, с гостями, торговыми людьми и со всеми православными христианами паствы твоей, послал молить твое святительство, чтоб ты учинил подвиг и ехал в царствующий град Москву для его государева и земского великого дела; да и мы молим с усердием твое святительство и колено преклоняем, сподоби нас видеть благолепное лицо твое и слышать пресладкий голос твой».

14 февраля Иов приехал в Москву в царской каптане (карсте), подбитой соболями, и остановился на Троицком подворье. 16 числа два патриарха с архиереями сочинили следующую грамоту: «Царь Иван Васильевич повелел царствовать на Российском государстве сыну своему Феодору Ивановичу; а второму сыну своему, царевичу Димитрию Ивановичу, дал в удел город Углич, и царевича Димитрия в Угличе не стало, *принял заклание* неповинное от рук изменников своих. По отшествии к богу царя Феодора Ивановича мы и всякие люди всего Московского государства целовали крест царю Борису Федоровичу. Во времена царства его огнедыхательный дьявол, лукавый змей, поядатель душ человеческих воздвиг на

нас чернеца Гришку Отрепьева. Когда царя Бориса Федоровича не стало, все православные христиане целовали крест сыну его, Федору Борисовичу; но грех ради наших расстрига прельстил всех людей божиих именем царевича Димитрия Ивановича; православные христиане, не зная о нем подлинно, приняли этого вора на Российское государство, царицу Марью и царевича Федора злою смертью уморили, множество народа вошло в соборную церковь с оружием и дрекольями во время божественного пения и, не дав совершиться литургии, вошли в алтарь, меня, Иова патриарха, взяли и, таская по церкви и по площади, позорили многими позорами, а в царских палатах подобие Христова тела, богородицы и архангелов, что приготовлено было для плащаницы, раздробили, воткнули на копья и на рогатины и носили по городу, забыв страх божий. Потом этот враг расстрига, приехавши в Москву с люторами, жидами, ляхами и римлянами и с прочими осквернепными языками и назвавши себя царем, владел мало не год и каких злых дьявольских бед не сделал и какого насилия не учинил — и писать неудобно: люторами и жидами христианские церкви осквернил и, не будучи сыт таким бесовским ядом, привез себе из Литовской земли невесту, люторской веры девку, ввел ее в соборную церковь, венчал царским венцом, в царских дверях св. миром помазал. Впдя достояние свое в такой погибели, воздвиг на него бог обличителя, великого государя нашего, воистину святого и праведного царя, Василия Ивановича: его промыслом тот враг до конца сокрушен был, а на Российское государство избран был великий государь Василий Иванович, потому что он от корени прежде бывших государей, от благоверного великого князя Александра Ярославича Невского. Святая наша вера в прежний добрый покой возвратилась и начала сиять, как солнце на тверди небесной, святые церкви от осквернения очистились, и все мы, православные христиане, как от сна воспрянув, от буйства уцеломудрились. Но прегордый сатана восставил плевелы зол, хочет поглотить пшениценосные класы; собрались той же преждепогибшей Северской Украйны севрюки и других рязанских и украинских городов стрельцы и козаки, разбойники, воры, беглые холопы, прельстили преждеомраченную безумием Северскую Украйну, и от той Украйны многие и другие города прельстились и кровь православных христиан, как вода, пролпвается, называют мертвого злодея расстригу живым, а нам и вам всем православным христианам смерть его подлинно известна. И теперь я, смиренный Гермоген, патриарх, и я, смиренный Иов, бывший патрпарх, и весь освященный собор молим скорбными сердцами премилостивого бога да умилосердится о всех нас. Да и вас молит наше смирение, благородные князья, бояре, окольничие, дворяне, приказные люди, дьяки, служилые люди, гости, торговые люди и все православные христиане! Подвигнитесь трудолюбезно, по-

стом и молитвою и чистотою душевною и телесною и прочими духовными добродетелями, начнем вместе со всяким усердием молить бога и пречистую богородицу и великих чудотворцев московских Петра, Алексия, Иону и новоявленного страстотерпца Христова, царевича Димитрия, и всех святых, да тех молитвами подаст нам бог всем мир, любовь и радость и Российское государство от непотребного сего разделения в прежнее благое соединение и мирный союз устроит. А что вы целовали крест царю Борису и потом царевичу Федору и крестное целование преступили, в тех и всех прежних и нынешних клятвах я, Гермоген, и я, смиренный Иов, по данной нам благодати вас прощаем и разрешаем; а вы нас бога ради также простите в нашем заклинании к вам и если кому какую-нибудь грубость показали».

19 февраля по государеву указу патриарх Гермоген приказал на оба земские двора разослать памяти: послать по всем сотням к старостам и сотским, чтобы из сотен и из слобод посадские, мастеровые и всякие люди мужеского пола были в Успенский собор на другой день, 20 февраля. Когда в назначенный день всенародное множество собралось в собор, а некоторые, не поместившись, стояли вне церкви, патриарх Гермоген начал служить молебен, после которого гости, торговые и черные люди начали у патриарха Иова просить прощения с великим плачем и неутешным воплем: «О пастырь предобрый! Прости нас, словесных овец бывшего твоего стада: ты всегда хотел, чтобы мы паслись на злаконосных полях словесного твоего любомудрия и напоялись от сладкого источника книгородных божественных догматов, ты крепко берег нас от похищения лукавым змеем и пагубным волком; но мы окаянные отбежали от тебя, предивного пастуха, и заблудились в дебре греховной и сами себя дали в снедь злолютому зверю, всегда готовому губить наши души. Восхити нас, богоданный рецитель! От перешимых уз по данной тебе благодати!» После этой речи гости и торговые люди подали Иову челобитную, написанную таким же витиеватым слогом: «Народ христианский от твоего здравого учения отторгнулся и на льстивую злохитрость лукавого вепря уклонился, но бог твоею молитвою преславно освободил нас от руки зломышленного волка, подал нам вместо нечестия благочестие, вместо лукавой злохитрости благую истину и вместо хищника щедрого подателя, государя царя Василья Ивановича, а род, благоцветущей его отрасли корень сам ты, государь и отец, знаешь, как написано в Степенной книге; но и то тебе знать надобно, что от того дня до сего все мы во тьме суетной пребываем и ничего нам к пользе не спеется; поняли мы, что во всем пред богом согрешили, тебя, отца нашего, не послушали и крестное целование преступили. И теперь я, государь царь и великий князь Василий Иванович, молю тебя о прегрешении всего мира, преступлении крестного целования, прошу прощения и разрешения». Когда

подали эту челобитную, Гермоген велел успенскому архидиакону взойти на амвон и громко читать ее, а после этого патриархи велели тому же архидиакону читать разрешительную грамоту. Народ обрадовался, припадали к ногам патриарха Иова и говорили: «Во всем виноваты, честный отец! Прости, прости нас и дай благословение, да примем в душах своих радость великую».

Так рассказывает дело официальное известие, в котором замечаем тот же дух, под влиянием которого составлялись грамоты об избрании царя Бориса. Конечно, многим из присутствовавших в соборе могло показаться странным, как тот же самый Василий Иванович Шуйский торжественно свидетельствовал, что царевич Димитрий сам закололся в припадке падучей болезни, и тот же патриарх Иов объявлял, что это свидетельство истинное, а теперь оба говорят, что царевича Димитрия убили его изменники! Любопытно, что во всем этом деле торжественного разрешения действуют одни гости и торговые люди, они просят устно о прощении, они подают челобитную.

Но если, как говорит известие, народ обрадовался, что получил разрешение от патриарха, то радость эта была непродолжительна. Чрез несколько дней понесся по городу слух, что сторожа, караулившие ночью на паперти Архангельского собора, слышали, как в соборе были голоса, говор, смех, а потом плач, собор осветился, и один толстый голос заглушил другие, говорил за упокой беспрестанно. Желая действовать на успокоение народа, оживление его нравственных сил средствами нравственными, религиозными, Шуйский в то же время хотел прекратить сопротивление другими средствами. Он принял предложение немца Фидлера отравить Болотникова в Калуге. Фидлер обязался такою клятвою: «Во имя пресвятой и преславной троицы я даю сию клятву в том, что хочу изгубить ядом Ивана Болотникова; если же обману моего государя, то да лишит меня господь навсегда участия в небесном блаженстве; да отрешит меня навеки Иисус Христос, да не будет подкреплять душу мою благодать св. духа, да покинут меня все ангелы, да овладеет телом и душою моею дьявол. Я сдержу свое слово и этим ядом погублю Ивана Болотникова, уповая на божию помощь и св. евангелие». Царь дал Фидлеру лошадь и 100 рублей, обещая в случае успеха дела 100 душ крестьян и 300 рублей ежегодного жалованья. Но Фидлер, приехав в Калугу, открыл все Болотникову и отдал ему самый яд.

Положение Болотникова с товарищами было, однако, очень затруднительно: долгое неявление провозглашенного Димитрия отнимало дух у добросовестных его приверженцев; тщетно Шаховской умолял Молчанова явиться в Путивль под именем Димитрия: тот не соглашался. В такой крайности Шаховской послал звать к себе козацкого самозванца Петра, который, узнав о гибели Лжедимитрия, поворотил было назад в степи. Царевич

Петр явился на зов: замучив несколько верных Шуйскому воевод, обесчестив дочь убитого им князя Бахтеярова, получив подкрепление из Запорожья, он двинулся вместе с Шаховским к Туле. Узнавши об этом движении и подкрепленный одним из отрядов самозванца, Телятевский выступил из Тулы к Калуге на помощь к Болотникову и поразил при Пчельне царское войско, высланное против него Мстиславским из-под Калуги. Весть об этом поражении навела ужас на рать Мстиславского, и она поспешно отступила от Калуги, причем 15 000 человек перешли на сторону Болотникова; последний, пользуясь этим, оставил Калугу и соединился в Туле с Лжепетром, чтобы действовать отсюда соединенными силами. Тогда Шуйский принял меры решительные: разосланы были строгие приказы собираться отовсюду служилым людям, монастырские и церковные отчины должны были также выставить ратников, и, таким образом, собралось до 100 000 человек, которыми царь решился сам предводительствовать. 21 мая Шуйский выступил на свое государево и земское великое дело, как сказано в грамотах патриарха, призывавшего молиться об успехе похода; скоро получены были другие грамоты от патриарха, в которых он уже призывал петь благодарственные молебны за победу царских войск над мятежниками при реке Восме: целый день бились с ожесточением и царские полки уже начали колебаться; но тут воеводы, князь Андрей Голицын и князь Борис Лыков, ездя по полкам, начали говорить ратным людям со слезами: «Куда нам бежать? Лучше нам здесь помереть друг за друга единодушно всем!» Ратные люди отвечали: «Надобно вам начинать, а нам помирать за вами». Царские войска одержали победу: князь Телятевский, предводитель лжедимитриевских войск, ушел с немногими людьми; но по другим известиям, князь Телятевский во время самого сражения с 4000 войска перешел на сторону Шуйского и тем решил дело в пользу последнего.

Шуйский хотел воспользоваться победою и докончить дело; он сам лично осадил Тулу, куда скрылись Шаховской, Телятевский(?), Болотников и Лжепетр. Осажденные два раза отправляли гонца в Польшу, к друзьям Мнишка, чтобы те постарались немедленно выслать какого-нибудь Лжедимитрия, в отчаянии писали к ним: «От границы до Москвы все наше, придите и возьмите, только избавьте нас от Шуйского». Наконец самозванец отыскался; что это был за человек, никто не мог ничего сказать наверное; ходили разные слухи: одни говорили, что это был попов сын, Матвей Веревкин, родом из Северской страны; другие — что попович Дмитрий из Москвы, от церкви Знаменья на Арбате, которую построил князь Василий Мосальский, иные разглашали, что это был сын князя Курбского, иные — царский дьяк, иные — школьный учитель, по имени Иван, из города Сокола, иные — жид, иные — сын стародубского служилого человека. Подробнее

других источников говорит о нем одна белорусская летопись: «Того же року 1607 месяца мая после самое суботы и шол со Шклова из Могилева на Попову Гору якийсь Дмитр Иванович, менил себе быти царем московским. Тот Дмитр Нагий был на первей у попа, Шкловского именем, дети грамоте учил, школу держал, также у священника Федора Сазоновича Никольского у села деги учил, а сам оный Дмитр Нагий имел господу у Могилеве у Терешка, который проскуры заведал при церкви св. Николы, и прихаживал до того Терешка час не малый, каждому забегаючи, послугуючи, и имел на себе плохой кожух баранпй, в лете в том ходил». Верно только то, что этот второй Лжедимитрий вовсе не был похож наружностию на первого и что был человек грамотный, начетчик в священном писании; последнее обстоятельство и заставляло догадываться, что он был из духовного звания; так, летописец говорит: «Все воры, которые назывались царским именем, известны были многим людям, откуда который взялся; но этого вора, который назвался расстригиным именем, отнюдь никто не знал, не ведомо, откуда взялся; многие догадывались, что он был не из служилых людей, думали, что он или попов сын, или церковный дьячок, потому что знал весь круг церковный». Что же касается до его нравственного характера, то уже можно догадаться, каков мог быть человек, сознательно принявший на себя роль самозванца, и потому мы не имеем права предполагать сильное преувеличение в тех известиях чужеземных, следовательно, беспристрастных, которые называют его безбожным, грубым, жестоким, коварным, развратным, составленным из преступлений всякого рода, недостойным носить имя даже и ложного государя. Мы должны прибавить только, что, как видно из его поступков, это был человек, умевший освоиться с своим положением и пользоваться обстоятельствами.

Человек, знаменитый в нашей истории под именем Тушинского вора, или просто вора, вора по преимуществу, показался впервые в белорусском местечке Пропойске, где был схвачен как лазутчик и посажен в тюрьму. Здесь он объявил о себе, что он Андрей Андреевич Нагой, родственник убитого на Москве царя Димитрия, скрывается от Шуйского, и просил, чтобы его отослали в Стародуб. Рагоза, урядник чечерский, с согласия пана своего Зеновича, старосты чечерского, отправил его в Попову Гору, откуда он пробрался в Стародуб. Прожив недолго в Стародубе, мнимый Нагой послал товарища своего, который назывался московским подьячим Александром Рукиным, по северским городам разглашать, что царь Димитрий жив и находится в Стародубе. В Путивле жители обратили внимание на речи Рукина и послали с ним несколько детей боярских в Стародуб, чтобы показал им царя Димитрия, причем пригрозили ему пыткою, если солжет. Рукин указал на Нагого; тот сначала стал запираться, что не знает

ничего о царе Дмитрии, но когда стародубцы пригрозили и ему пыткою и хотели уже его брать, то он схватил палку и закричал: «Ах вы б... дети, еще вы меня не знаете: я государь!» Стародубцы упали ему в ноги и закричали: «Виноваты, государь, перед тобою».

Стародубцы начали давать государю своему деньги и рассылать по другим городам грамоты, чтобы высылали к ним своих ратных людей на помощь царю; как в других городах, так и в Стародубе теперь жители слушались одного человека, какого-то Гаврилу Веревкина, успевшего взять в свои руки народную волю. Нашелся между стародубцами сын боярский, который решился ехать под Тулу в царский стан и спросить самого царя Василия, зачем он подыскался царства под прирожденным государем? Мученик обмана умер геройски, поджариваемый на медленном огне и повторяя те же речи, что Шуйский подыскался под прирожденным государем. Этот прирожденный государь между тем рассылал грамоты по литовским пограничным городам с просьбою о помощи: «В первый раз,— писал он,— я с литовскими людьми Москву взял, хочу и теперь идти к ней с ними же». О том же писал к мстиславскому державцу Пацу рославский наместник и воевода, князь Дмитрий Мосальский: «Чтобы вы прислужились государям нашим прирожденным Дмитрию и Петру, прислали бы служилых всяких людей на государевых изменников, *а там будет добра много*; если государь царь и государь царевич будут на прародительском престоле на Москве, то вас всех служилых людей пожалуют своим великим жалованьем, чего у вас на разуме нет» [82].

Около самозванца начала собираться дружина, над которою он поставил начальником поляка Меховецкого: в конце августа пришел к нему из Литвы пан Будзило, хорунжий мозырский, но с этою малочисленною еще дружиною Лжедимитрий не мог идти на освобождение Тулы, и участь ее была решена: муромский сын боярский Кровков, или Кравков, предложил царю затопить Тулу, запрудив реку Упу: сначала царь и бояре смеялись над этим предложением, но потом дали волю Кровкову; тогда он велел каждому из ратных людей привезти по мешку с землею и начал прудить реку: вода обступила город, влилась внутрь его, пресекла все сообщения жителей с окрестностями, настал голод, и Болотников с Лжепетром, как говорят, вошли в переговоры с царем, обещая сдать город, если Василий обещает им помилование, в противном случае грозили, что скорее съедят друг друга, чем подвергнутся добровольной казни. Шуйский, имея уже на плечах второго Лжедимитрия, естественно, должен был хотеть как можно скорее избавиться от Лжепетра и Болотникова и потому обещал помилование. 10 октября Тула сдалась. Болотников приехал в царский стан, подошел к Василию, пал пред ним на колена и, положив саблю на шею, сказал: «Я исполнил свое обещание, служил верно

тому, кто называл себя Димитрием в Польше: справедливо или нет — не знаю, потому что сам я прежде никогда не видывал царя. Я не изменил своей клятве, но он выдал меня, теперь я в твоей власти: если хочешь головы моей, то вели отсечь ее этою саблею, но если оставишь мне жизнь, то буду служить тебе так же верно, как и тому, кто не поддержал меня». В страшное время Смуты, всеобщего колебания, человек, подобный Болотникову, не имевший средств узнать истину касательно событий, мог в самом деле думать, что исполнил свой долг, если до последней крайности верно служил тому, кому начал служить с первого раза. Но не все так думали, как Болотников; другие, не зная, кто царь законный — Шуйский или так называемый Димитрий, считали себя вправе оставлять одного из них тотчас, как скоро военное счастие объявит себя против него; иные, считая и Шуйского и Лжедимитрия одинаково незаконными, уравнивали обоих соперников вследствие одинакой неправоты обоих и вместе с тем уравнивали свои отношения к ним, считая себя вправе переходить от одного к другому: и тех и других было очень много. Болотникова сослали в Каргополь и там утопили; Шаховского, *всей крови заводчика*, по выражению летописцев, сослали на Кубенское озеро в пустынь; Лжепетра повесили; об участи Телятевского мало известно [83].

Шуйский с торжеством возвратился в Москву, как будто после завоевания царства; собственно говоря, поход Шуйского был важнее завоевания многих царств, потому что поражение шаек Болотникова было поражением противуобщественного начала, но подвиг был не кончен и потому был бесполезен. Шуйскому не следовало бы возвращаться в Москву: ему надобно было воспользоваться своим успехом, двинуться на самозванца и его истреблением упрочить себя на престоле. Но мы должны взять во внимание тогдашнее состояние войска, не позволявшее удерживать его долго под оружием, и в какое время года? В глубокую осень; помещиков должно было распустить по домам до зимнего пути. Спешить, казалось, было не для чего: самозванец находился сначала в очень незавидном положении.

Набрав тысяч до трех войска, Лжедимитрий пошел под Козельск и там, напав врасплох, разбил отряд царских войск. Но когда оттуда возвращался в Карачев, то литовцы захотели уйти у него с добычею, взятою под Козельском, и начали волноваться. Самозванец испугался и ушел от них с небольшим отрядом людей, на которых совершенно полагался, и засел в Орле. Но и здесь сильно трусил, особенно после покушения убить его ночью. Меховецкий не знал сначала, куда девался царь, потом, узнав, что он в Орле, послал к нему с просьбою возвратиться, потому что одно его присутствие может удержать войско. Лжедимитрий возвратился, но, видя, что войско не перестает волноваться, снова украд-

кою выехал по дороге в Путивль. Тут он встретил Валавского, который из киевской Украйны шел к нему от князя Романа Рожинского с тысячью человек; потом встретил Тышкевича с 1000 человек поляков, князя Адама Вишневецкого, знаменитого Лисовского и других. По совету Лисовского Лжедимитрий пошел осаждать Брянск, на подмогу к которому спешили воеводы, князья Куракин и Литвин-Мосальский. Последний пришел 15 декабря к Десне, которая отделяла его от города; несмотря на позднее время, река еще не стала, лед шел по ней большими глыбами. Жители Брянска, видя, что ратные люди остановились за льдом, кричали им: «Помогите! Погибаем!» Ратные люди, слыша это, сказали: «Лучше нам всем помереть, нежели видеть свою братию в конечной погибели; если помрем за православную веру, то получим у Христа венцы мученические». Взяв прощение друг у друга, они начали метаться в реку и поплыли. Ни лед, ни стрельба с другого берега, где стояли осаждающие, не остановили их, и они благополучно добрались до города: ни один человек и ни одна лошадь не погибли. Вслед за Мосальским пришел и князь Куракин. Не надеясь отбиться от Лжедимитрия, он отступил, снабдив Брянск продовольствием, и засел в Карачеве; Лжедимитрий, не надеясь взять этого города, пошел на зимовку в Орел.

Когда весть о появлении самозванца разнеслась по Польше, то люди, хотевшие пожить на счет Москвы, начали собираться со всех сторон под знамя Димитрия, выставленное князем Рожинским. Когда собралось до 4000 войска, Рожинский выступил в поход и остановился в Кромах, откуда отправил послов в Орел к Лжедимитрию объявить ему о своем приходе, предложить условия службы и требовать денег. Самозванец встретил послов неласково; на их речи он отвечал им сам на московском наречии: «Я рад был, когда услышал, что Рожинский идет ко мне; но дали мне знать, что он хочет изменить мне: так пусть лучше воротится. Посадил меня прежде бог на столице моей без Рожинского и теперь посадит; вы уже требуете денег, но у меня здесь много поляков не хуже вас, а я еще ничего им не дал. Сбежал я из Москвы от милой жены моей, от милых приятелей моих, ничего не захвативши. Когда у вас было коло под Новгородом, то вы допытывались, настоящий ли я царь Димитрий или нет?» Послы отвечали ему на это с сердцем: «Видим теперь, что ты не настоящий царь Димитрий, потому что тот умел людей рыцарских уважать и принимать, а ты не умеешь. Расскажем братьи нашей, которые нас послали, о твоей неблагодарности, будут знать, что делать». С этими словами послы вышли; Лжедимитрий прислал потом звать их обедать и просить, чтобы не сердились за его слова. Оказалось, что самозванец встретил их так грубо по наущению Меховецкого, который предчувствовал, что должен будет уступить Рожинскому

всю власть. Когда послы возвратились в Кромы и рассказали своим о приеме, какой им сделал царь, то поляки решились идти назад: но те поляки, которые были в Орле с Лжедимитрием, удержали их, дав знать, что все пойдет иначе, когда приедет сам князь Рожинский.

Рожинский поехал в Орел с отрядом своего войска и переночевал в городе; на другое утро получил приглашение ехать до руки царской: но когда он собрался и выехал, то прискакал гонец, чтобы воротился: царь еще в бане; самозванец каждый день ходил в баню и говорил, что он там отдыхает от трудов. Но Рожинский не воротился и вошел в дом, где жил Лжедимитрий; тут начался спор между его провожатыми и придворными: последние требовали, чтобы поляки вышли из избы и дали время царю прийти и усесться на своем месте, и тогда уже, по его зову, должны войти. Но Рожинский и на это не согласился, и самозванец должен был проходить между поляками: идучи, он отворачивал лицо от той стороны, где стоял Рожинский, и когда уселся на престоле, то князь подошел к нему, сказал речь и поцеловал руку. После этого был обед: Рожинский сидел с царем за одним столом, остальные поляки — за другим. За обедом и после обеда было много разных разговоров: самозванец расспрашивал о сильном восстании, рокоше, бывшем тогда против короля в Польше, и, между прочим, сказал, что не согласился бы быть королем в Польше: «Не на то уродился монарх московский, чтобы им заправлял какой-нибудь арцыбискуп». На другой день Рожинский потребовал, чтобы ему было позволено поговорить наедине с царем. Начали оттягивать, день, другой; Рожинский рассердился и собрался уже выехать, как вдруг прибегают к нему ротмистры и простые поляки, бывшие прежде у Лжедимитрия, просят его и всех его товарищей, чтобы подождали до другого дня. «Мы,— говорили они,— соберем коло, и если царь не переменит своего поведения, то мы соединимся с вами, свергнем Меховецкого и провозгласим гетманом тебя, князя Рожинского». Рожинский выехал из города в посад и там решился ждать до утра.

На другой день, действительно, поляки собрались в коло, сидя на лошадях, пригласили и Рожинского с товарищами. Тут провозгласили, что Меховецкий лишен гетманства и изгоняется из войска вместе с некоторыми другими и если осмелятся остаться при войске, то вольно каждому убить их; гетманом выкрикнули Рожинского и отправили посольство к царю, чтобы назвал тех, которые донесли ему об измене Рожинского. Тот отказался объявить об этом через послов, но обещал сам приехать в коло, и действительно приехал на богато убранном коне, в золотом платье, приехало с ним несколько бояр, пришло несколько пехоты. Въехав в коло и услыхав шум, Лжедимитрий крикнул с неприличною бранью, когда все успокоилось, один из

войска от имени кола повторил ему просьбу указать тех, кто называл Рожинского изменником. Сперва самозванец велел отвечать одному из своих русских, но тот отвечал не так, и самозванец сказал: «Молчи, ты не умеешь по их говорить, я сам буду»,— и начал: «Вы посылали ко мне, чтобы я выдал вам верных слуг моих, которые меня предостерегают от беды, никогда этого не повелось, чтобы государи московские верных слуг своих выдавали, и я этого не сделаю не только для вас, но если бы даже и сам бог сошел с неба и велел мне это сделать». Ему отвечали: «Чего ты хочешь? Оставаться только с теми, которые тебе по углам языком прислуживают, или с войском, которое пришло здоровьем и саблей служить?» «Как себе хотите, хоть ступайте прочь»,— отвечал самозванец. Тут начался страшный шум; одни кричали: «Убить негодяя, рассечь!» Другие: «Схватить его, негодяя: привел нас, а теперь вот чем кормишь?» Самозванец не смутился и поехал спокойно в город к своему двору, но поляки Рожинского приставили к нему стражу, чтобы не убежал. Тогда он пришел в отчаяние и, будучи всегда трезвым, выпил множество горелки, думая этим себя уморить, однако остался жив. Между тем весь остальной день и всю ночь придворные его — Валавский, канцлер, Харлинский, маршалок, князь Адам Вишневецкий, конюший — бегали между ним и войском, хлопоча о примирении. Наконец помирились, самозванец опять приехал в коло, извинился, и Рожинский отправился покойно в свой стан к Кромам. В это время приехали к Лжедимитрию другие союзники: приехало 3000 запорожцев, также приехало 5000 донцов под начальством Заруцкого. Этот Заруцкий был родом из Тарнополя, еще ребенком был взят в плен татарами, выросши, ушел к донским козакам, отличился между ними и теперь приехал на службу к Лжедимитрию уже старшиною, выдавался он, действительно, пред товарищами красотою, стройностию, отвагою. Донцы привели к Лжедимитрию вместо казненного в Москве Лжепетра другого племянника, также сына царя Феодора; дядя велел убить его; козакам понравились самозванцы: в Астрахани объявился царевич Август, потом князь Иван, сказался сыном Грозного от Колтовской; там же явился третий царевич, Лаврентий, сказался внуком Грозного от царевича Ивана; в степных юртах явились: царевич Федор, царевич Клементий, царевич Савелий, царевич Семен, царевич Василий, царевич Ерошка, царевич Гаврилка, царевич Мартынка — все сыновья царя Феодора Иоанновича.

Когда на юге обнаруживались явные признаки, показывавшие, что тяжелая болезнь государственного тела будет продолжительна, Москва продолжала волноваться страшными слухами. Тотчас по взятии Тулы, когда еще царь не приезжал в столицу, Москва была напугана видением: какой-то муж духовный видел во сне, что сам Христос явился в Успенском соборе и грозил страшною

казнью московскому народу, этому новому Израилю, который ругается ему лукавыми своими делами, праздными обычаями и сквернословием: приняли мерзкие обычаи, стригут бороды, содомские дела творят и суд неправедный, правым насилуют, грабят чуждые имения, нет истины ни в царе, ни в патриархе, ни в церковном чине, ни в целом народе. Видевший этот сон сказал об нем благовещенскому протопопу Терентию, тот все списал с его слов и подал записку патриарху, дали знать и царю, скрыли, однако, имя человека, видевшего сон, потому что он заклял Терентия именем божиим не говорить об нем. Видение это читали в Успенском соборе вслух всему народу и установили пост с 14 октября по 19-е. Несмотря, однако, на недобрые предвещания, Шуйский спешил воспользоваться спокойным зимним временем и 17 января 1608 года отпраздновал свадьбу свою на княжне Марье Петровне Буйносовой-Ростовской, с которою помолвил еще при Лжедимитрии.

Весною самозванец с гетманом своим Рожинским двинулся к Болхову и здесь в двухдневной битве, 10 и 11 мая, поразил царское войско, бывшее под начальством князей Дмитрия Шуйского и Василия Голицына, который первый замешался и обратил тыл. Болхов сдался победителям, которые, будучи уверены, что скоро посадят своего царя на престол московский, собрали коло и требовали от самозванца, чтоб он дал им обещание, как скоро будет в Москве, заплатит все жалованье сполна и отпустит без задержки домой. Лжедимитрий дал обещание, что заплатит жалованье, но просил со слезами, чтобы не отъезжали от него, он говорил: «Я без вас не могу быть паном на Москве; я бы хотел, чтобы всегда поляки при мне были, чтоб один город держал поляк, а другой — москвитянин. Хочу, чтобы все золото и серебро было ваше, а я буду доволен одною славою. Если же вы уже непременно захотите отъехать домой, то меня так не оставляйте, подождите, пока я других людей на ваше место призову из Польши».

Беглецы с болховской битвы, или действительно пораженные страхом, или для своего извинения, распустили в Москве слух, что у самозванца войско бесчисленное, что они бились с передними полками, а задние стояли еще у Путивля. Желая воспользоваться победою, страхом, нагнанным на приверженцев Шуйского, самозванец спешил к Москве, делая по семи и по осьми миль на день. Но пять тысяч ратных людей, сдавшихся в Болхове и присягнувших Димитрию, изменили ему; они первые переправились через Угру, ночью ушли от поляков и, прибежав в Москву, объявили царю и народу, что бояться нечего, потому что у самозванца очень мало войска. Но самозванец спешил увеличить это войско, увеличить число своих приверженцев: он велел объявить во всех городах, чтобы крестьяне, которых господа служат Шуйскому, брали себе поместья и вотчины их и женились на их доче-

рях. Таким образом, говорит один современник, многие слуги сделались господами, а господа должны были в Москве у Шуйского терпеть голод. Через Козельск, Калугу, Можайск и Звенигород шел самозванец к Москве, не встречая нигде сопротивления; только в Звенигороде встретил он Петра Борзковского, отправленного из Москвы королевскими послами. Послы приказали сказать полякам, провожавшим Лжедимитрия, чтоб они вышли из Московского государства и не нарушали мира, который они, послы, заключают между этим государством и Короною Польскою [84].

Мы оставили Марину, отца ее, Мнишка, с товарищами и послов королевских в страшную минуту истребления Лжедимитрия. Мы видели, что Шуйский немедленно же принял меры для охранения жизни знатных поляков. Марину отпустили в дом к отцу ее, которому был сделан допрос о появлении самозванца в Польше и о связях его с ним, воеводою. О появлении самозванца в Москве Мнишек отвечал уже всем известное; касательно же связи своей с ним объявил, что он признал его за настоящего царевича Димитрия, провожал и помогал, потому что все Московское государство признало его таким, все русские люди встретили его и помогли сесть на престоле. После этого допроса простых ратников польских, оставшихся в живых, отправили за границу, отобрав у них только оружие и лошадей; но знатных поляков, равно и послов королевских, оставили в Москве, как важных заложников, на которых можно было выменять у Польши мир, а в мире сильно нуждались. Послы, Олесницкий и Гонсевский, были призваны во дворец, где бояре в длинной речи хотели оправдаться в убийстве поляков, сложив всю вину на них самих. Гонсевскому, как прежде Мнишку, легко было отвечать на это обвинение: он показал, что король никогда не думал вооружаться за Димитрия, но предоставил все дело суду божию; что если бы пограничные города не признали Димитрия сыном Иоанна IV, то поляки никогда не стали бы провожать его далее; так, когда Димитрий встретил первое сопротивление под Новгородом Северским, и в то же время царь Борис написал к королю о самозванстве Отрепьева и напомнил о мирном договоре, заключенном недавно между Москвою и Польшею, то король немедленно отозвал всех поляков от Димитрия. По смерти царя Бориса король ожидал, что москвитяне, пользуясь свободою, доставят ему своим решением достоверное сведение об истине: и вот все войско, все лучшие воеводы передались Димитрию, бояре, остававшиеся в Москве, Мстиславский и Шуйский, выехали к нему навстречу за 30 миль от столицы. Потом послы московские и бояре не переставали говорить, что не поляки посадили Димитрия на престол, но сами русские приняли его добровольно и никогда никто после того не говорил полякам, что Димитрий не был истинным царевичем. Гонсевский заключил свою речь так: «Теперь, убив Димитрия,

вдруг вопреки вашим речам и клятвам сами себе противоречите и несправедливо обвиняете короля. Все остается на вашей ответственности. Мы не станем возражать против убийства Димитрия, потому что нам нечего жалеть об нем: вы сами видели, как он принял меня, какие объявил неумеренные требования, как оскорбил короля. Мы только тому не можем надивиться, как вы, думные бояре, люди, как полагаем, разумные, позволяете себе противоречия и понапрасну упрекаете короля, не соображая того, что человек, называвшийся Димитрием, был природный москвитянин и что не наши о нем свидетельствовали, а ваши москали, встречая его на границе с хлебом и солью; Москва сдавала города, Москва ввела его в столицу, присягнула ему на подданство и короновала. Одним словом, Москва начала, Москва и кончила, и вы не вправе упрекать за то кого-нибудь другого; мы жалеем только о том, что побито так много знатных людей королевских, которые с вами не ссорились за того человека, жизнь его не охраняли, об убийстве не ведали и спокойно оставались на квартирах своих, под покровительством договоров». Гонсевский советовал боярам для собственной их пользы и спокойствия отпустить Мнишка и других поляков с ними, послами, в отечество, обещая в таком случае стараться о продолжении мира. Слова Гонсевского смутили бояр: они молчали, поглядывали друг на друга, но между ними находился известный нам окольничий Татищев, который вызвался отвечать Гонсевскому. Повторив прежние упреки, Татищев прибавил, что Польша находится в самом бедственном положении, угрожаемая татарами, шведами и мятежным сеймом. Татищев сказал правду, ибо действительно в это время вследствие страшного восстания (рокоша) возникало сомнение, останется ли Сигизмунд на престоле польском. Гонсевский, однако, возразил, что все сказанное Татищевым есть чистая выдумка, что неприятель никогда так далеко не заходил в глубь Польши, как заходил в глубь Московского государства, и что русским не следует стращать поляков. Наконец бояре согласились, что в деле Лжедимитрия никто не виноват: «Все делалось по грехам нашим,— сказали они,— этот вор обманул и вас и нас».

После того послы думали, что их скоро отпустят в Польшу, но обманулись в своей надежде. Тщетно Гонсевский писал к боярам, чтоб они выпросили у государя немедленный им отпуск, угрожая в противном случае, что король и республика могут заключить об убийстве послов и потому начать войну; тщетно грозил, что если царь без них отправит в Польшу своих послов, то они не ручаются за их безопасность, ибо братья убитых в Москве поляков отомстят за своих. С ответом на эти представления приехал к послам тот же Татищев; он говорил прежние речи и показывал как новое обвинение запись самозванца Марине, письмо короля, в котором тот хвалился, что посредством поляков своих посадил

Димитрия на престоле, также письма легата и кардинала Малагриды о введении латинства в Московское государство. При этом Татищев объявил, что после таких замыслов нельзя отпустить послов и других поляков до тех пор, пока московские послы не возвратятся из Польши с удовлетворительными объяснениями. Гонсевский отвечал на первое обвинение, касательно записи Марине, прямо, что воевода, убежденный свидетельством всего Московского государства, решился выдать дочь свою за Димитрия: согласившись же на брак, он должен был устроить как можно выгоднее судьбу дочери, почему вовсе неудивительно, если он вытребовал у царевича эти условия, исполнение которых, однако, зависело от москвитян. Когда воевода приехал в Москву, то покойный царь советовался со всеми боярами, какое содержание назначить Марине на случай ее вдовства, и сами бояре дали ей больше, чем Новгород и Псков, потому что согласились признать ее наследственною государынею и еще до коронации присягнули ей в верности. Но трудно было Гонсевскому отвечать на обвинение касательно стараний римского духовенства распространить латинство в Московском государстве: неловко и сбивчиво опирался посол на праве поляков и литовцев, служивших в России, покупать в ней имущества, иметь свои церкви и совершать в них богослужение по своему обряду: не об этом праве говорилось в письмах римского духовенства. Всего легче было отвечать на обвинения относительно письма королевского: «Вы сами,— сказал Гонсевский,— через послов своих приписали эту честь королю и благодарили его». Наконец послам, призванным во дворец, решительно объявили, что царь не отпустит их до возвращения своих послов из Польши. Послы были в отчаянии; люди их говорили неприличные слова о новом правительстве, за это царь велел уменьшить послам корм наполовину. Еще более раздосадованные послы вздумали было уехать насильно, но, разумеется, это им не удалось; когда пришел подьячий выговаривать им за это от имени посольского дьяка, то они отвечали: «Мы здесь живем долгое время, от дурного запаха у нас многие люди померли, а иные лежат больны, и нам лучше умереть, чем жить так; мы поедем, а кто станет нас бить, и мы того станем бить. Нам очень досадно, что государь ваш нами управляет, положил на нас опалу — не велел корму давать, мы подданные не вашего государя, а королевские, вашему государю непригоже на нас опалу свою класть и смирять, за такое бесчестье мы все помрем, и, чем нам здесь с голоду помереть, лучше убейте нас». Подьячий отвечал: «И так от вас много крови христианской пролилось, а вы теперь опять кровь затеваете; сами видите, сколько народу стоит! Троньтесь только, и вас тотчас московским народом побьют за ваши многие грубости. А корму не велели вам бояре давать за то, что люди ваши говорят такие непригожие слова, что и одно слово молвить теперь

страшно, да и за то, что детей боярских бьют». Послов содержали в Москве; но Мнишка с дочерью и родственниками отослали в Ярославль.

13 июня 1606 года отправлены были к королю посланники — князь Григорий Волконский и дьяк Андрей Иванов. Волконскому дали 300 рублей подмоги, но царь велел записать в Посольском приказе, чтобы вперед этой подмоги в пример не выписывать, потому что князю Григорию дано для бедности. Посланникам дан был наказ объяснить в Польше недавние события; успех самозванца они должны были объяснить так: «Одни из русских людей от страха ослабели, а другие — от прелести, а некоторые и знали прелесть, но злобой на царя Бориса дышали, потому что он правил сурово, а не царски». Если паны радные спросят, каким обычаем вор расстрига убит, то отвечать: «Как изо всех городов Московского государства дворяне и всякие служилые люди съехались в Москву, то царица Марфа, великий государь наш Василий Иванович, бояре, дворяне, всякие служилые люди и гости богоотступника вора расстригу Гришку Отрепьева обличили всеми его злыми богомерзкими делами, и он сам сказал пред великим государем нашим и пред всем многонародным множеством, что он прямой Гришка Отрепьев, а делал все то, отступя от бога, бесовскими мечтами, и за те его злые богомерзкие дела осудя истинным судом, весь народ Московского государства его убил». Если паны будут указывать на свидетельство Афанасия Власьева, бывшего послом в Польше, то Волконский должен был отвечать: «Афанасию Власьеву как было верить? Афанасий — вор, разоритель вере христианской, тому вору советник, поехал к государю вашему Сигизмунду королю по его воле, без ведома *сенаторей* (бояр)».

Когда посланники переехали границу, то пристав сказал им, что царь Димитрий жив и находится у сендомирской воеводши. Послы отвечали, что это говорить непригоже: сбежал в то время, как убили вора, Мнхалко Молчанов, а жил он у вора для чернокнижия. И если Молчанов называется Димитрием, то пусть нам его покажут, у него приметы на спине. Как он за воровство и за чернокнижество был на пытке, то его кнутом били, и эти кнутные бои можно на нем видеть. А если другой вор такой же называется Димитрием, то вам таких принимать и слушать не надобно, а если он вам годен, то вы посадите его у себя на королевство, а государю вашему в великое Российское государство посылать и сажать непригоже, хотя б был и прямой прирожденный государь царевич Димитрий, но если его на государство не похотели, то ему силою нельзя быть на государстве; а то вор убежал от смерти, называется царевичем — и такому верить?» Пристав говорил: «Польские и литовские люди, которые приехали из Москвы, сказывают, а слышали они от ваших же, что убит и лежал на пожаре, а подлинно не знают, его ли убили или кого-нибудь другого в его мес-

то». Посланники спрашивали у пристава: «Видел ли кто того вора, каков он *рожеем* (лицом) и волосом?» Пристав отвечал, что он ростом не мал, лицом смугл, нос немного покляп, брови черные большие нависли, глаза небольшие, волосы на голове черные курчеватые, от лба вверх взглаживает, усы черные, бороду стрижет, на щеке бородавка с волосами, по-польски говорит, грамоте польской горазд и по-латыни говорить умеет. Посланники сказали на это, что Молчанов такой именно лицом, а прежний вор расстрига был лицом не смугл и волосом рус. Другой пристав говорил, что при Димитрии в Самборе князь Мосальский сам-друг да Заболоцкий, и Заболоцкого Димитрий послал в Северскую страну уговаривать севрюков, чтобы Шуйскому не поддавались и что он, Димитрий, собравши людей, к ним будет.

Народ в Литве встречал московских посланников дурно: по городам и в посадах, и в панских имениях их бесчестили, бранили непристойными словами, называли изменниками, в Минске в их людей бросали камнями и грязью и хотели драться, к посланникам на двор приходили, бранили и грозили убить. Посланники говорили приставу, что такого бесчестья и тесноты над посланниками прежде никогда не бывало; пристав отвечал, что у них теперь люди стали самовольны, короля не слушают, и ему их унять нельзя. В Кракове король посланников обедать не позвал и вместо стола корму не прислал. Посланники подали королю письменное объявление, в котором раскрыто было происхождение самозванца, его похождения, как он с польскими и литовскими людьми пришел в Московское государство, как он потом призвал в Москву сендомирского воеводу с его приятелями и как они церкви божии и святые иконы обругали, московским людям польские и литовские люди много насильства и кровопролития учинили, великих людей жен бесчестили, из возков вырывали и такое насильство чинили, какого никогда в Москве не бывало. Потом в объяснении упомянуто о появлении в Польше нового самозванца, который есть не иной кто, как Михайло Молчанов, вовсе не похожий на первого Лжедимитрия. Посланники требовали удовлетворения за кровопролитие и расхищение царской казны, бывшие следствием подсылки от Польши Лжедимитрия, но вместе с тем объявили, что царь Василий не хочет нарушать мира с Польшею. Паны радные отвечали: «Государь наш ни в чем не виноват; вы говорите, что Димитрий, который был у вас государем, убит, а из Северской страны приехали многие люди, ищут этого Димитрия по нашему государству, сказывают, что он жив, ушел; так нашему государю ваших людей унять ли? А в Северской стране теперь государем какой-то Петр, но этого ведь не наш государь поставил? Сами люди Московского государства между собою разруху сделают, а на нас пеняют. Если государь ваш отпустит сендомирского воеводу с товарищами и всех польских и литовских людей, которые теперь на Москве, то ни

Дмитряшки, ни Петрушки не будет; а если государь ваш их не отпустит, то и Димитрий, и Петр настоящие будут и наши за своих с ними заодно станут». Посланники грозили панам также, что если король не исправится, то царь Василий пошлет на Ливонию королевича Густава. Но для Сигизмунда грознее был польский рокош, чем какой-нибудь Густав, и потому он вовсе не хотел войны с новым московским царем, радуясь, что последний также не может желать этой войны, угрожаемый Дмитряшкою и Петрушкою. О судьбе первого Лжедимитрия король не мог жалеть не потому только, что непобедимый цесарь не хотел ничем поступиться Польше: ходили слухи, что некоторые из рокошан имели тайные сношения с Лжедимитрием, что дело шло у них о провозглашении его королем польским, что Димитрий обещал выслать деньги некоторым панам и, между прочим, Стадницкому, самому яростному противнику короля. Вот почему король обещал Волконскому в скором времени отправить своих посланников в Москву, и действительно, в октябре 1607 года приехали в Москву посланники Сигизмундовы — пан Витовский и князь Друцкой-Соколинской поздравить царя Василия с восшествием на престол и требовать отпуска прежних послов и всех других поляков. Переговоры длились до 25 июля 1608 года, когда посланники заключили перемирие с боярами на три года и одиннадцать месяцев на следующих условиях: оба государства остаются в прежних границах; Москва и Польша не должны помогать врагам друг друга; царь обязывается отпустить в Польшу воеводу сендомирского с дочерью и сыном и всех задержанных поляков; король обязывается тем же самым относительно русских, задержанных в Польше; король и республика должны отозвать всех поляков, поддерживающих самозванца, и вперед никаким самозванцам не верить и за них не вступаться, Юрию Мнишку не признавать зятем второго Лжедимитрия, дочь свою за него не выдавать, и Марине не называться московскою государынею. Посланники обязались писать к Лжедимитриевым полякам с увещанием оставить самозванца; на возвратном пути отсылать обратно в свои земли польских ратных людей, которые им встретятся, и разослать во все пограничные города объявления, чтобы никто не смел идти на войну в Московское государство; обязались, что поедут прямо в Польшу, избегая всяких сношений и свиданий с поляками Лжедимитриевыми; но не хотели обязаться, что король выведет Лисовского из Московского государства, потому что Лисовский изгнанник из земли и чести своей отсужден [85].

Мы видели, что еще до заключения договора, когда Лжедимитрий был в Звенигороде, посланники отправили в его стан Борзковского с приказом полякам выйти из Московского государства. Но Рожинский с товарищами отвечали, что так как они уже взялись за дело, то ничьего приказу больше не слушают и того,

с кем пришли, хотят посадить в его столице. После этого Лжедимитрий немедленно двинулся к Москве, не встречая по-прежнему никакого сопротивления; царь выслал было против него войско под начальством князя Скопина-Шуйского и Ивана Никитича Романова, и воеводы эти расположились на реке Незнани между Москвою и Калугою, но в войске открылся заговор: князья Иван Катырев, Юрий Трубецкой и Троекуров вместе с некоторыми другими решились передаться самозванцу; заговорщиков схватили, пытали, знатных разослали в города по тюрьмам, незнатных казнили, но царь не велел уже этому войску встречать самозванца, а велел ему идти в Москву. Здесь в народных толпах слышались слова: «Если б он не был настоящим Димитрием, то князья и бояре, которые к нему отъехали, воротились бы; значит, он тот же самый. Да что ж нам-то? Ведь князья и бояре перебили его поляков и его самого выгнали; мы об этом ничего не знали». «Он ведун,— говорил один,— по глазам узнает, кто виноват, кто нет». «Ахти мне! — отвечал другой,— мне никогда нельзя будет ему на глаза показаться: этим самым ножом я зарезал пятерых поляков».

1 июня войско Лжедимитрия приблизилось к столице и остановилось над рекою Москвою; сначала не знали, где лучше расположиться: некоторые говорили, что надобно перейти на другую сторону и занять большую дорогу на север, по которой приходят в Москву и ратные люди и припасы. Это мнение взяло верх, и войско перешло к селу Тайнинскому. Но выбранное место оказалось очень невыгодным, и через несколько дней обнаружилась большая опасность: некоторые из русских, находившихся при Лжедимитрии, завели сношения с Москвою, ночью бежали в Москву, но были схвачены сторожами и объявили товарищей: одних из них посадили на кол, другим отрубили головы. Счастливо избавившись от этой опасности, самозванец не хотел более оставаться в Тайнинском: он думал отрезать Москву от сообщения с севером, а между тем царские войска отрезывали его от юга, перехватывая шедших к нему из Польши купцов и ратных людей. Вот почему решили возвратиться на старое место; но московское войско стояло на Тверской дороге: Лжедимитрий, разбив его, перешел на Волоколамскую дорогу и выбрал наконец удобное место для стана — в Тушине, между двумя реками: Москвою и Всходнею. Сюда к Рожинскому и товарищам его приехал опять из Москвы от послов королевских пан Доморацкий с приказом выходить из областей московских, но поехал с прежним ответом: Рожинский хотел вступить в Москву после решительной битвы. Царское войско, в числе семидесяти тысяч, стояло на реке Ходынке, сам царь с двором и отборными полками стоял на Пресне, готовый его поддерживать. Ночью врасплох Рожинский напал на царское войско, захватил весь обоз и гнал бегущих до самой Пресни, но здесь, подкрепленные полками, высланными царем, бегущие остановились и в свою

очередь погнали поляков, которые остановились за рекой Химкою, отсюда опять ударили на русских и, отогнавши их за Ходынку, возвратились в свой тушинский стан, очень довольные, что так кончилось дело, ибо некоторые из них, испуганные поражением у Пресни, прибежав в стан, велели уже запрягать возы, чтобы бежать дальше к границе. Поляки хвалились, что они последние прогнали русских, которые не преследовали их более из-за Ходынки, но признавались, что битва дорого им стоила. Опасаясь нападения, они окопали свой стан, обставили частоколом, поделали башни и ворота.

В половине августа Рожинский прислал к боярам грамоту, требуя переговоров; бояре отвечали: «Пишете к нам, боярам, и ко всем людям Московского государства о ссылках, чтобы мы бояр, дворян и изо всех чинов людей прислали к вам говорить о добром деле, а вы пришлете к нам панов и рыцарских людей. Пишете, чего знающим людям писать не годится. В Российском государстве над нами государь наш царь и великий князь Василий Иванович, и мы все единодушным изволением имеем его, как и прежних великих государей, и во всяких делах без его повеления и начинания ссылаться и делать не привыкли. Удивляемся тому, что ты называешь себя человеком доброго рода, а не стыдно тебе, что вы, оставя государя своего Сигизмунда короля и свою землю, назвавши неведомо какого вора царем Димитрием, у него в подданстве быть и кровь христианскую невинно проливать хотите. Мы тебе ответ даем: то дело будет доброе, как ты князь Роман Рожинский со всеми литовскими людьми, поймав того вора, пришлете к государю нашему, а сами немедленно из нашего государства в свою землю выйдете; вам ведомо, что государь наш с королем литовским помирился и, закрепив мирное постановление, послов и сендомирского со всеми людьми в Литву отпустил». Между тем Лисовский с козаками действовал особо, взял Зарайск, для отнятия у него этого города пришел из Рязани воевода Захар Ляпунов, но был разбит Лисовским наголову. После этого Лисовский пошел к Коломне, взял ее приступом, разорил, но на дороге к Москве был разбит князьями Куракиным и Лыковым, и Коломна опять была занята на имя Шуйского.

Так война велась с переменным счастием, но для Шуйского впереди не было ничего утешительного. Самозванец укрепился под Москвою; вопреки договору, заключенному с послами королевскими, ни один поляк не оставил тушинский стан, напротив, приходили один за другим новые отряды: пришел прежде всего Бобровский с гусарской хоругвью, за ним — Андрей Млоцкий с двумя хоругвями, гусарскою и козацкою; потом Александр Зборовский; Выламовский привел 1000 добрых ратников; наконец, около осени пришел Ян Сапега, староста усвятский, которого имя вместе с именем Лисовского получило такую черную знаменитость в

нашей истории. Сапега пришел вопреки королевским листам, разосланным во все пограничные города и к нему особенно. Мстиславский воевода Андрей Сапега прямо признался смоленскому воеводе Шеину, что польскому правительству нет никакой возможности удерживать своих подданных от перехода за границу: «Я тебе настоящую и правдивую речь пишу, что все это делается против воли и заказу его королевской милости; во всем свете, за грехи людские, такое своевольство стало, что и усмирить трудно; не таю от вас и того, что многие люди, подданные его королевской милости, и против самого государя встали и упорно сопротивляться осмелились; но бог милостив, государю нашему на них помог, и они, убегая от королевского войска, идут своею волею в чужие государства, против заказа его королевской милости». Таким образом, победа Сигизмунда над рокошанами доставила Лжедимитрию новых союзников. Узнав о походе Сапеги, самозванец послал к нему письмо, в котором просил его не грабить по дороге жителей, присягнувших ему, Димитрию; письмо заключается словами: «А как придешь к нашему царскому величеству и наши царские пресветлые очи увидишь, то мы тебя пожалуем своим царским жалованьем, тем, чего у тебя и на разуме нет».

Но нужнее всех этих подкреплений для самозванца было присутствие Марины в его стане. Узнав, что в исполнение договора Мнишек с дочерью отпущен из Ярославля в Польшу и едет к границе под прикрытием тысячного отряда, самозванец разослал в присягнувшие ему пограничные города приказ: «Литовских послов и литовских людей перенять и в Литву не пропускать; а где их поймают, тут для них тюрьмы поставить да посажать их в тюрьмы». Но он не удовольствовался этим распоряжением и отправил перехватить их Валавского с полком его; но полякам, которые уже давно служили Лжедимитрию, почему-то не хотелось, чтобы Марина была у них в стане: очень вероятно, что, уверенные в самозванстве своего царя, они не хотели силою заставить Мнишка и особенно его дочь признавать вора за настоящего, прежнего Димитрия и боялись дурных для себя последствий от подобного насилия, не могли они знать, что Мнишки пожертвуют всем для честолюбия. Как бы то ни было, Валавский, по уверению одного из товарищей своих, с умыслом не нагнал Мнишка. Тогда самозванец отправил Зборовского; этот, приехавши недавно, хотел прислужиться Лжедимитрию, пошел очень скоро, нагнал Мнишка под Белою, разбил провожавший его московский отряд и воротил Мнишка с семейством и послом Олесницким; Гонсевский, отделившись от них за несколько дней перед тем, уехал за границу другой дорогою. Но теперь затруднение состояло в том, что Марина и отец ее не хотели прямо ехать к самозванцу в Тушино, не хотели безусловно отдаваться ему в руки: они приехали прежде в стан к Сапеге и оттуда уже вели переговоры с Лжедимитрием. Говорят, что Мнишек и

послы заранее условились, чтоб их захватили из Тушина, и для этого нарочно, против воли приставов, стояли два дня на одной станции, все поджидая погони. По другому известию, Марина, увидавши тушинского вора, увидавши, что нет ничего общего между ним и ее прежним мужем, никак не хотела признать его; для убеждения ее к тому нужно было время и долгие переговоры. Оба эти известия легко согласить: Марина могла заранее знать, что ее переймут посланные из Тушина, могла быть согласна на это, ибо у нее менее чем у кого-нибудь было причин сомневаться в спасении ее мужа, по крайней мере она должна была желать убедиться в этом лично и, убедившись в противном, сначала отказалась признать обманщика своим мужем. Рассказывают, что, подъезжая к Тушину, Марина была чрезвычайно весела, смеялась и пела. Но вот на осьмнадцатой миле от стана подъезжает к ее карете молодой польский шляхтич и говорит ей: «Марина Юрьевна! Вы веселы и песенки распеваете; оно бы и следовало вам радоваться, если б вы нашли в Тушине настоящего своего мужа, но вы найдете совсем другого». Веселость Марины пропала от этих страшных слов, и плач сменил песни. Это нежелание Марины ехать немедленно в Тушино, долгие переговоры с нею и отцом ее были очень вредны для Лжедимитрия, как признается один из поляков, ему служивших, и последовавшее потом согласие Марины и отца ее признать его одним лицом с первым Димитрием уже не могло изгладить первого вредного впечатления, произведенного их колебанием, хотя самозванец и хлопотал об этом изглажении; так, в одном письме он говорит Марине, чтоб она, находясь в Звенигороде, присутствовала в тамошнем монастыре при торжестве положения мощей: «От этого,— пишет Лжедимитрий,— в Москве может возбудиться к нам большое уважение, ибо вам известно, что прежде противное поведение возбудило к нам ненависть в народе и было причиною того, что мы лишились престола».

Мнишек только тогда решился назваться тестем второго самозванца, когда тот дал ему запись, что тотчас по овладении Москвою выдаст ему 300 000 рублей и отдаст во владение Северское княжество с четырнадцатью городами. Олесницкий также получил жалованную грамоту на город Белую. 5 сентября в стане Сапеги происходило тайное венчание Марины со вторым Лжедимитрием, совершенное духовником ее, иезуитом, который, разумеется, убедил ее в том, что все позволено для блага римской церкви. Последняя не теряла еще совершенно надежды на воскресение Димитрия, как видно из писем кардинала Боргезе к папскому нунцию в Польше. Сначала он пишет: «Мне кажется маловероятным, чтобы Димитрий был жив и спасся бегством из своего государства, ибо в таком случае он не явился бы так поздно в Самборе, где, как говорят, он теперь». Потом: «Если только он жив, то еще можно уладить все дела; мы отправим письма и сделаем все возможное,

чтобы примирить его с польским королем». Далее пишет: «Начинаем верить, что Димитрий жив, но так как он окружен еретиками, то нет надежды, чтоб он продолжал оставаться при прежнем намерении; король польский благоразумно замечает, что нельзя полагаться на него во второй раз. Бедствия должны были бы побудить его к оказанию знаков истинного благочестия, но дружба с еретиками обнаруживает, что у него нет этого чувства». В инструкции, написанной кардиналом Боргезе новому нунцию Симонетта, находятся следующие слова: «О делах московских теперь нечего много говорить, потому что надежда обратить это государство к престолу апостольскому исчезла со смертию Димитрия, хотя и говорят теперь, что он жив. Итак, мне остается сказать вам только то, что, когда введется реформа в орден монашеский св. Василия между греками, тогда можно будет со временем воспитать много добрых растений, которые посредством сношений своих с Московиею могут сообщить свет истинный ее народу». Несмотря на то, в Риме все еще не переставали колебаться между отчаянием и надеждою и принимать участие в делах самозванца. Так, в начале 1607 года Боргезе писал, что если Петр Федорович будет признан законным наследником, то Димитрию не останется надежды поправить свои дела. В ноябре 1607 года надежда воскресла; Боргезе пишет: «Сыновья сендомирского палатина, которые находятся здесь в Риме, сообщили его святейшеству достоверное известие, что Димитрий жив и что об этом пишет к ним их мать. Горим желанием узнать истину». Потом в августе 1608 года пишет: «Димитрий жив и здесь во мнении многих; даже самые неверующие теперь не противоречат решительно, как делали прежде. Жаждем удостовериться в его жизни и в его победах». В этом же месяце кардинал пишет: «Если справедливо известие о победе Димитрия, то необходимо должно быть справедливо и то, что он настоящий Димитрий».

В Польше уже составили для воскресшего Димитрия наказ, как ему действовать для собственной безопасности и для введения унии в Московское государство. Составители наказа сочли нужным изложить причины, почему Лжедимитрий не должен требовать императорского титула: а) Этот титул не достался ему в наследство от предков, следовательно, надобно доказать какое-нибудь новое, им самим приобретенное, право. в) Сами русские против этого титула: что же сказать об иностранцах? с) Его не признает ни один государь христианский, а в посольствах и других делах не надобно подавать повода к новым затруднениям. d) И о титуле королевском бывали и бывают споры с соседними государями: что же об императорском? е) Для принятия этого титула необходимо новое венчание, которого патриарх совершить не может; нет и курфирстов, для этого необходимых. Но царь может достигнуть желанного через унию. За этим следуют собственно наставления:

1) Хорошо, если бы государственные должности и сопряженные с ними преимущества раздавались не по древности рода, надобно, чтобы доблесть, а не происхождение получало награду. Это было бы для вельмож побуждением к верной службе, а также и к унии. Однако при этом должно смотреть, чтобы не возникли раздоры между старыми и новыми сенаторами. Не худо бы это распоряжение отложить до унии, а тут раздавать высшие должности в виде вознаграждения более приверженным к ней, чтобы сам государь вследствие унии получил титул царский, а думные его сановники — титул сенаторский, то есть чтобы все это проистекало от папы; должно обещать и другие преимущества, чтобы скорее склонить к делу божию.

2) Постоянное присутствие при особе царской духовенства и бояр влечет за собою измены, происки и опасность для государя: пусть остаются в домах своих и ждут приказа, когда явиться. А вместо них его величеству иметь советниками мужей зрелых и доблестных как для суда, так и для дел государственных, пусть он беседует преимущественно с теми из них, от которых зависит спокойствие государства и любовь народная к государю, не оставляя совершенно и прочих, но попеременно имея при себе то тех, то других. Притом беспрестанные угощения бояр и думных людей, долгое пребывание с ними влекут за собою трату времени, опасность и ненужные издержки, порождают неудовольствие и, вероятно, были причиною нынешней трагедии. Однако надобно иметь в виду и то, чтобы эти бояре вдали от глаза государева не замышляли чего-нибудь опасного. Надобно запретить всякие собрания. Государь должен кушать иногда публично, а иногда в своих покоях, по обычаю других государей.

3) Недавний пример научает, что его величеству нужны телохранители, которые бы без его ведома, прямо, как до сих пор бывало, никого не пропускали во дворец или где будет государь. Нужно иметь между телохранителями иностранцев, хотя наполовину с своими, как для блеска, так и для безопасности. В комнатные служители надобно выбирать с большим вниманием. В телохранители и комнатные служители надобно выбирать таких людей, которых счастие и жизнь зависят от безопасности государя, или, говоря ясно, истинных католиков, если совершится уния. Из москвитян брать в телохранители приверженных к унии, которые, обращаясь и разговаривая с нашими, желали бы видеть наше богослужение, слушать проповеди и проч.

Таким образом, от самих подданных, а не от государя возникнут разговоры об унии, государь будет скорее посредником и судьею, чем действователем и поощрителем: это нужно для отвращения ненависти, особенно теперь, вначале. Притом надобно выбрать расположенных к дому се царского величества. Надобно обращать внимание и на то, что верность людей, которым не за

чем возвращаться в отечество, бывает подозрительна. Между здешними нашими, кажется, много таких, которые по безнравственности и буйству в великой ненависти у москвитян. Надобно смотреть, чтобы поведение католиков, находящихся при их величествах, не навлекало поношения святой вере и унии.

4) И москвитян не очень должно отдалять от двора государева, ибо это ненавистно и опасно для государя и чужеземцев. Эти приближенные к царю москвитяне могут примером своим поощрять других к унии. Государь только посредством них может сноситься с поддаными в делах, необходимых для государства. Наконец, они доказали свою верность тем, что при открытии недавнего заговора подвергали опасности жизнь свою за государя. Надобно остерегаться, чтобы не подать повода к новым заговорам, в противном случае должно было бы держать всегда иноземное войско, но все насильственное недолговечно. Как трудно без русских получить предостережение на случай бунта, крамолы и прочего, долженствующего быть известным государю, то изведано на опыте. Притом не должно забывать о положении государства по смерти государя: если все будет делаться силою и страхом, то надобно опасаться, что благие намерения государя относительно преобразования веры, народа и государства обратятся в ничто. Потом надобно позаботиться о ее величестве и о дворе их величеств. Важнее всего было бы сближение наших с москвитянами и дружественные беседы их, особенно при дворе государевом. Пусть наши держат слуг и мальчиков из московского народа, но они должны смотреть внимательно, сколько и в чем доверять каждому. Не худо, если бы царица из вельможных семейств московских имела при дворе своем несколько лиц обоего пола. Полезно, чтобы поляки, если возможно, взяли с собою в Польшу сыновей знатных бояр: это послужило бы к перемене нравов и веры и было бы ручательством за безопасность наших здесь. При раздаче должностей дворских весьма полезно давать полякам более приближенные, а москвитянам — почетнейшие, чтоб оградить жизнь и безопасность государя.

5) Производить тщательно тайный розыск о скрытых заговорщиках и участниках заговора: вызнавать расположение близких особ, чтобы знать, кому что́ поверить.

6) Для принятия просьб назначить известных верностию секретарей, которые должны отправлять дела как можно скорее. Этим, с одной стороны, приобретается расположение подданных, с другой — охраняется безопасность государя, ибо в просьбах могут заключаться предостережения.

7) Канцелярия должна употреблять скорее народный язык, чем латинский, особенно потому, что латинский язык считается у туземцев поганым. Однако государю нужно иметь при себе людей, знающих язык латинский, политику и богословие, истин-

ных католиков, которые бы не затрудняли благого намерения, не сближали государя с еретиками, не подсовывали книг арианских и кальвинских на пагубу государству и душам, не возбуждали омерзения к наместнику Христову, не отторгали от соединения с государями католическими. Такие ученые по крайней мере необходимы для сношений с государями христианскими.

8) Вековая запись, данная царице, должна быть за подписью думных людей. Одной копии быть здесь, а другой — в Польше с печатями и подписями. При случае включить в договор с Польским королевством, чтобы ее царское величество была под покровительством королевства при перемене обстоятельств. Надобно, чтобы сенаторы и подданные по городам дали присягу ее царскому величеству, как своей государыне, на подданство и послушание; один экземпляр присяжного листа хранить здесь, а другой — в Польше с подписью правителей и старост городовых. На всякий случай дозволить царице покупку какого-нибудь имения в Польше, по преимуществу соседнего с волостями, ей уступленными в Московском государстве.

9) Перенесение столицы, по крайней мере на время, кажется необходимым по следующим причинам: a) Это будет безопаснее для государя. b) Удобнее будет достать иностранное войско и получить помощь от союзного короля и других государей христианских. c) При перемене царя для царицы удобнее получить помощь от своих, безопаснее и легче выехать с драгоценностями и свободною в отечество; однако разглашать о перенесении столицы не нужно, ибо это ни к чему не послужит, надобно жить где-нибудь, только не в Москве. d) Мир московский будет смирнее: он чтит государя, вдалеке находящегося, но буйствует в присутствии государя и мало его уважает. e) Обычные пирования с думными людьми могли бы удобнее исподволь прекратиться. f) Удобнее было бы вести переговоры об унии. g) Удобнее приискивать людей способных. h) Легче учреждать коллегии и семинарии подле границы польской. i) Легче московских молодых людей отправлять учиться в Вильно и другие места.

10) Перечисляются полезные следствия унии для образованности в России.

11) Императорское достоинство вряд ли долго удержится в доме Австрийском и государстве Немецком вследствие распространения протестантизма в Германии. Если еретики курфирсты выберут еретика или произойдет раздор по поводу избрания, то папа передаст императорское достоинство тому из государей, кто ревностнее других будет защищать церковь. Кто знает, не наступило ли время, когда императорское достоинство, перенесенное при Карле Великом с востока на запад, будет перенесено с запада на север.

12) Если жив сын старшего брата царского, то престол по пра-

ву принадлежит ему. В таком случае обеспечением для Дмитрия может служить уния, ибо церковь имеет власть царей неверных удалять от владычества над верными и вручать скипетр верным сынам своим.

13) Сохранения царского величества от внезапной смерти справедливо приписать молитвам церкви; тем же молитвам надобно приписать и то, что люди, восставшие на государя с целию воспрепятствовать унии, претерпели много неудач и множество погибло их от меньшей силы.

За этим следует особое изложение средства, как ускорить дело унии.

1) Еретикам, неприятелям унии запретить въезд в государство.

2) Выгнать приезжающих сюда из Константинополя монахов.

3) Руси польской заградить путь к происках, ибо и теперь по ее наущению произошло кровопролитие, его царское величество едва спасся и возникла бо́льшая, чем прежде, ненависть к унии.

4) С осторожностию должно выбирать людей, с которыми об этом говорить, ибо преждевременное разглашение и теперь повредило.

5) Государь должен держать при себе очень малое число духовенства католического. Письма, относящиеся к этому делу, как можно осторожнее принимать, писать, посылать, особенно из Рима.

6) Государю говорить об этом должно редко и осторожно. Напротив, надобно заботиться о том, чтобы не от него началась речь.

7) Пусть сами русские первые предложат о некоторых неважных предметах веры, требующих преобразования, которые могут проложить путь унии. Поводом к этому могут служить объезды и исследования по последнему заговору, в котором участвовало и духовенство; преобразование нравственности и способа учения духовенства, отдаление неучей священников, которые сами не знают о вере и других не учат. Вследствие этого прихожане не знают символа веры, десяти заповедей, молитвы господней, отсюда между ними клятвопреступления, прелюбодеяния, пьянство, чародейство, обман, воровство, грабежи, убийства, редкий почитает за грех воровство и грабеж. Нет поучительных проповедей для народа. Священники отличаются невежеством при исповеди. Священство раздается за деньги. Предложить вопрос об отношении патриарха московского к византийскому, откуда его власть? Обратить внимание на то, что молодые люди не получают образования, что большие доходы духовенства не обращаются на дела полезные. Почему не ввести наук, какие были при св. Златоусте, Василии, Николае и других святых, которые были учеными, учили и учиться велели? А для этого нужно соединение с церковию латинскою, которая производит столько людей ученых. Почему бы по примеру прежних святых патриархов не произвести преоб-

разования в вере и правах, чтоб все было по-прежнему, как жили до разделения церквей и до владычества турок, ибо с того времени все в духовных делах начало портиться? Почему бы не иметь семинарии и коллегиум? При случае намекнуть на устройство католической церкви для соревнования. Издать закон, чтобы все подведено было под постановления соборов и отцов греческих, и поручить исполнение закона людям благонадежным, приверженцам унии. Возникнут споры, дойдет дело до государя, который, конечно, может назначить собор, а там с божию помощию может быть приступлено и к унии.

8) Раздавать должности людям, приверженным к унии, внушать им, какие от нее произойдут выгоды; особенно высшее духовенство должно быть за унию, оно должно руководить народ к предположенной цели, а это в руках его царского величества.

9) Намекнуть черному духовенству о льготах, белому — о достоинствах, народу — о свободе, всем — о рабстве греков, которых можно освободить только посредством унии с государями христианскими.

10) Иметь при государе священников придворных и способных, которые бы указывали истинный путь словесно и письменно.

11) Учредить семинарии, для чего призвать людей ученых, хотя светских.

12) Отправить молодых людей для обучения в Вильно или лучше туда, где нет отщепенцев, в Италию, в Рим.

13) Позволить москвитянам присутствовать при нашем богослужении.

14) Хорошо, если бы поляки набрали здесь молодых людей, отдали бы их в Польше учиться отцам иезуитам.

15) Хорошо, если б у царицы между священниками был один или два унията, которые бы отправляли службу по обряду русскому и беседовали с русскими.

16) Для царицы и живущих здесь поляков построить костел или монастырь католический.

Этот наказ был написан напрасно: Лжедимитрию не удалось взять Москвы, и товарищи его должны были думать о том, как зимовать в Тушине, ибо снег уже начал набиваться в их палатки. У самозванца было в это время польского конного войска 18 000, пехоты 2000, козаков запорожских 13 000, донских 15 000, кроме русских людей, последних поляки не много держали в стане, потому что им не доверяли; купцов польских бывало иногда при Тушине тысяч до трех: они стояли особым станом. Некоторые думали, что надобно разделиться на отряды и зимовать в разных волостях московских, но большинство сочло опасным разделить силы и решилось зимовать в Тушине. Начали рыть землянки, для лошадей поделали стойла из хвороста и соломы. Для продовольствия поделили завоеванные волости между отрядами, и огромные обо-

зы по первому пути потянулись к Тушину, на каждую роту приходилось по тысяче и больше возов; везли нам, чего только душа хотела, говорит один из тушинских поляков; наскучило жить в землянках, начали брать из ближних деревень избы и ставить их в обозе, у иного было две и три избы, а в землянках устроили погреба. Среди стана построили хоромы царю, царице и Мнишку, было им где поместиться просторно, и стан Тушинский превратился в город [86].

ГЛАВА ПЯТАЯ
ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ШУЙСКОГО

Шведский король предлагает помощь свою Шуйскому.— Царский племянник князь Скопин-Шуйский отправляется в Новгород для заключения союза с Швецией.— Борьба в Пскове между большими и меньшими людьми.— Псков целует крест самозванцу.— Шуйский садится в осаду в Москве.— Тушинский двор.— Осада Троицкого монастыря.— Тушинцы захватывают врасплох северные города.— Пересылки между последними.— Неистовство тушинцев.— Восстание против них.— Положение Шуйского в Москве; неудача восстаний против него.— Война между Москвою и Тушином.— Договор царя Василия с шведским королем.— Поход Скопина-Шуйского с шведами для освобождения Москвы

Самозванец выстроил себе столицу под самою Москвою, и к нему на помощь приходили польские отряды; договор, заключенный в Москве королевскими послами, был явно нарушен, Мнишек и дочь его признали тушинского вора истинным Димитрием. Но если со стороны поляков было такое явное нарушение договора, если вор утверждался с польскою помощию, то Шуйскому естественно было обратиться с просьбою о помощи ко врагу Польши и короля ее, Карлу шведскому, тем более что последний уже давно предлагал эту помощь. В феврале 1607 года выборгский державец писал к корельскому воеводе князю Мосальскому, что король его готов помогать царю и послы шведские давно уже стоят на рубеже, дожидаясь послов московских для переговоров. Но в это время Шуйский, успев отогнать Болотникова от Москвы, думал, что сладит с прежде-погибшею Украйною одними силами Северной России, и потому дал наказ Мосальскому так отвечать на письмо из Выборга: «Ты писал ко мне, что государя вашего Арцыкарлуса послы стоят долго на рубеже понапрасну, дожидаются послов его царского величества: я твоему письму подивился, что пишешь все о тех же делах, о которых прежде не один раз мы вам ответ давали, и теперь даю знать, что о послах великого государя у нас указа нет и к вам мы о том никогда не писывали, что будут государя нашего послы на съезд. И вы бы вперед к нам о посольских съездах не писали, потому что посольские съезды и о послах ссылки в Кореле никогда не бывали, государь бы ваш велел о посольском

съезде ссылаться с новгородскими воеводами. Ты пишешь, что государя вашего воевода со многими людьми стоит в Выборге и еще воинских людей собирает каждый день; но он этим только убыток государю своему делает, а нам его сборы не страшны; знаете и сами, что у великого государя нашего многие рати собственные его государевы, а не сборные и не наемные, всегда готовы. Постановленного прежнего мира великий государь наш нарушать ничем не велел: с его стороны никакой неправды и задоров нет. Да вы же пишете, хотите знать от меня, кто у нас царь и великий князь! Но государь ваш знает по нашей сказке, что у нас государь Василий Иванович всея Руси. Пишете, будто его подданные стоят против него, и потому гонцам вашего государя к нашему государю дороги нет, и что у вас указ есть с своими воинскими людьми помогать нашему государю против его недругов, а Русской земле государь ваш не хочет никакой порухи, хочет помогать Новгородской земле: и вам давно известно, что по божией милости, по прародительской степени, за прошением освященного собора и за челобитьем всего народного множества Московского государства учинился на великих государствах Василий Иванович, и все ему служат, и розни между ними никакой нет, по милости божией, и вперед не будет, а вы теперь, не ведомо каким воровским обычаем, пишете такие непригожие и злодейственные слова. А что пишете о помощи, и я даю вам знать, что великому государю нашему помощи никакой ни от кого не надобно, против всех своих недругов стоять может без вас, и просить помощи ни у кого не станет, кроме бога. А гонцам ездить было нельзя оттого, что во всем Новгородском уезде было моровое поветрие».

В другой раз Карл прислал гонца своего в Москву, когда царь был под Тулою. От гонца сначала хотели скрыть цель царского похода, пристав сказал ему, что Василий стоит на Украйне против крымского хана. Царь писал к боярам, чтоб они велели отписать Карлу против всех статей, а писали бы к нему не жестоко, а ласково. Несмотря на то, бояре сочли нужным выразить свое негодование на короля, который и в грамоте, присланной с гонцом, писал, что причиною задержки гонцов было не моровое поветрие, а государевы недруги. Бояре отвечали ему от имени царского: «У нас у всех великих государей ведется: с которыми великими государями ссылка о любви и о дружбе, то между ними таких непригожих речей в наших государских ссылках не бывает, и тебе в том пригоже остерегаться, и вперед бы ты к нам таких невежливых слов не писал. Когда злого врага, еретика и богоотступника расстригу Гришку Отрепьева Московским государством убили, то воры козаки и беглые холопы, расстригины советники, боясь за свое воровство опалы и смертной казни, сбежали из Москвы в украинские и в польские города и стали воровать; но теперь этих воров побили и в наших великих государствах смуты нет никакой;

бывает во всех великих государствах, что воры, разбойники и душегубцы бегают и воруют, избывая смертной казни. Ты писал, что хочешь нам на наших недругов помогать: наше царское величество в том тебя похваляем, что ты нам доброхотаешь и нашей любви к себе ищешь, и против того любовью тебе воздавать будем же. Но и прежде мы к тебе писали, и теперь объявляем, что недруга у нас никакого нет, а хотя который пограничный государь и помыслит какую недружбу начать, то это нам нестрашно, помощи мы просим от единого всемогущего бога, да и самому тебе известно, что у нашего царского величества многие несчетные русские и татарские рати».

Скоро, однако, Шуйский должен был переменить этот тон, когда его несчетные рати были побиты и самозванец выстроил себе столицу под Москвою; отвергнув сперва два раза предложенную ему Карлом помощь, теперь он счел необходимым отправить племянника своего князя Скопина-Шуйского в Новгород, чтоб оттуда завести сношения с шведским королем о помощи. В Новгороде приняли Скопина с честию: издавна новгородцы отличались привязанностию к Шуйским, во времена Грозного они стояли за них всем городом. Но в Пскове дела шли иначе. Несмотря на погром, бывший над Псковом при великом князе Василии, этот город сохранял еще остатки прежнего быта. Как остаток старины, сохранялась в Пскове вражда двух сторон, так называемых лучших и меньших людей; но после окончательного присоединения к Москве эта вражда должна была еще усилиться по той причине, что псковские лучшие люди были выведены и на их место были присланы другие из московских областей; разумеется, в спокойное время эта вражда не могла резко высказываться, но теперь, со Смутою, настало для этого удобное время. «Гости, славные мужи, велики мнящиеся пред богом и людьми, богатством кипящие», по выражению летописца, нашли случай изгубить предводителей противной стороны, «которые люди в правде против них говорили о градском житии и строении, и за бедных спрот». Шуйский прислал в Псков просить у его жителей денежного вспоможения. Гости и вообще богатые люди собрали 900 рублей со всего Пскова, с больших и с меньших, и со вдовиц по раскладу, и послали с этими деньгами в Москву не по выбору главных людей противной стороны — Самсона Тихвинца, Федора Умойся Грязью, Ерему сыромятника, Овсейка Ржову, Илюшку мясника и написали Шуйскому: «Мы тебе гости псковские радеем, а эти пять человек тебе, государю, добра не хотят и мелкие люди казны тебе не дали». Тогда же знаменитый гость Григорий Щукин хвалился: «Которые-де поехали с казною, и тем живоначальной Троицы верха не видать и в Пскове не бывать». В самом деле, уже в Новгороде, вследствие упомянутой грамоты лучших псковичей к царю, посадили в тюрьму четверых из псковичей, посланных с деньгами,

и держали их до самого того времени, как узнали, что дорога очистилась от воровских людей и их можно стало отправить в Москву. Оставили на воле одного только Ерему сыромятника, потому что его имя в грамоте пропустили: похотел ему добра псковской воевода Петр Шереметев за то, что Ерема на него много всякого рукоделья делал даром.

Когда посланные приехали в Москву, то их по оговорной грамоте вывели казнить смертию. К счастию их, в это время находился в Москве отряд псковских стрельцов, взятый царем на помощь против Лжедимитрия: стрельцы эти бросились к Шуйскому, били челом за своих земляков и выручили их в том, «что тебе, царю, они не изменники, а наши головы в их головы». Между тем Ерема возвратился из Новгорода в Псков и сказал своим, что остальных четверых его товарищей прямо из тюрьмы отослали в Москву с казною и на них писана измена. Тогда народ встал всем Псковом на гостей на семь человек и бил на них челом воеводе. Шереметев посадил гостей в тюрьму и воспользовался этим случаем, чтобы потребовать с них большие деньги, а между тем послал сказать в Москву, чтобы присланным туда четверым псковичам не делали никакого зла и тотчас отпустили бы их домой, ибо за них поднялось в Пскове страшное смятение и гостям грозит гибель. Шуйский испугался и отпустил псковичей. С этих пор встала страшная ненависть между лучшими и меньшими людьми: «Большие на меньших, меньшие на больших, и так было к погибели всем». Понятно, какие следствия должно было иметь такое раздвоение в городе, когда, по выражению летописца, «разделилось царство Русское надвое, и было два царя и двои люди несогласием». Когда Шуйский разослал по городам, в том числе в Новгород и Псков, пленников, взятых у самозванца, то новгородцы топили этих несчастных в Волхове, а псковичи кормили их, поили, одевали и плакали, на них смотря,— это был дурной знак для Шуйского!

В мае 1607 года пришли из тушинских табор стрельцы псковские и пригородные, также дети боярские, которые были взяты в плен самозванцем, целовали ему крест и с ласкою отпущены домой. Стрельцы, разойдясь по своим пригородам, а дети боярские — по поместьям, смутили все пригороды и волости, привели их к крестному целованью *таборскому* царю Димитрию. Псковской воевода Шереметев собрал ратных людей и послал воеводою с ними сына своего Бориса против возмутителей, но Борис едва успел убежать от них в Псков поздорову. В это время пришли в Псков новгородцы и стали говорить псковичам, чтобы соединиться и стоять вместе на воров, «а к нам немцы (шведы) будут из-за моря тотчас в помощь Новугороду и Пскову». Но это обещание, что немцы придут на помощь, могло только заставить псковичей передаться на сторону Лжедимитрия. Мы видели, что в продолжение нескольких веков Псков постоянно боролся с немцами, беспрестанно

грозившими его самостоятельности и вере; едва младенец в Пскове начинал понимать, как уже существом самым враждебным представлялся ему немец. К этой исторической вражде присоединялось теперь новое опасение; меньшие люди видели, что немцы, союзники Шуйского, вместе с новгородцами придут для того, чтоусилить воеводу и сторону лучших людей, которые воспользуются своею силой для низложения стороны противной. Псковичи объявили новгородцам, что именно для немцев они соединяться с Новгородом не хотят.

В это время, когда вследствие появления двух царей Псков разделился, что же делало начальство псковское, воевода Шереметев и дьяк, знаменитый впоследствии Иван Грамотин? Они воспользовались Смутою, ослаблением власти царской для собственных выгод: взяли себе в поместья и в кормление лучшие дворцовые села. Когда тушинский воевода Федор Плещеев пришел с войском, набранным в пригородах, и стал приводить к крестному целованию волости псковские, то крестьяне из волости явились в Псков к воеводе, прося оборонить их от Плещеева, но Шереметев отвечал им, чтобы целовали крест таборскому царю; те, делать нечего, целовали крест и начали давать Плещееву корм и подымщину. Но потом Шереметев и Грамотин выслали вооруженный отряд грабить и брать в плен крестьян по волости; пленных мучили на пытках и, вымучивши деньги, отпускали, приговаривая: «Зачем мужик крест целовал!» Но мужик знал, что сам воевода велел ему крест целовать. Псковичи волновались все сильнее и сильнее, видя гибель пригородам и крестьянам, воеводские неправды, обиды и грабеж, опасаясь, что когда придут новгородцы с немцами, то Шереметев еще более возьмет силы и тогда уже не будет от него никому пощады. Один сын боярский распустил слух, что отправлена грамота в Москву с доносом на 70 человек посадских; со страхом указывали друг другу на крепкие тюрьмы, поставленные воеводою, тогда как прежде тюрьмы были простые, без ограды. Шереметев много раз спрашивал у псковичей: «Что у вас дума? Скажите мне!» Псковичи молчали, думы у них не было никакой; но когда воевода говорил: «Немцы будут во Псков»,— то был ответ: «Немцев не хотим и за то помрем». Большие люди также, вместо того чтоб утишать народ, как нарочно, больше и больше раздражали его: перестали ходить во всегородную избу, гнушались мелкими людьми, смеялись над ними; когда звали их на совет, то не ходили и давали во всем волю мелким людям да стрельцам, козакам, поселянам, а стрельцы превозносили таборского царя Димитрия за добродетель и милость, за хитрость воинскую, за силу великую. Эти слова наполняли всех радостию, чаяли истины и от всех зол избавления и от властельских всяких насильств, потому что воеводы, несытые мздоимянием и грабежом, восколебали мир всякими неправдами, всякую правду вывели

изо Пскова, всякий порядок добрый потоптали, умножили воров, кормильцев своих, обманщиков, подметчиков, поклепщиков, людям праведным не оставили места где прожить. И вот, когда низшее народонаселение было раздражено таким образом против воеводы и лучших людей, 1 сентября 1608 года пришла весть, что немцы уже близко. Тогда народ встал, как пьяный, по выражению летописца, отворил ворота, целовал крест самозванцу и впустил в город ратных людей Плещеева, который стал воеводою в Пскове. Иван-город также присягнул Лжедимитрию; в Орешек Скопин не был впущен тамошним воеводою Михайлом Глебовичем Салтыковым, который также объявил себя за Тушино. В самом Новгороде Великом началось было волнение между чернью, но митрополит Исидор утишил его. Скопин, узнав об этом волнении, вышел из Новгорода, но потом, когда дали ему знать, что все успокоилось, возвратился и вступил в переговоры с шведами касательно вспомогательного войска. Приехавший в Новгород королевский секретарь Монс Мартензон (у тогдашних русских Монша Мартыныч) договорился с Скопиным, что шведы вышлют на помощь царю 5000 человек, на содержание которых московское правительство обязалось выдавать ежемесячно по 100 000 ефимков. Заключение окончательного договора отложили до съезда в Выборге [87].

Но в то время как шведы еще только обещали пособить Шуйскому, поляки самозванцевы действовали в пользу своего союзника под Москвою и на севере. Сапега, хотевший действовать отдельно и самостоятельно, пошел к Троицкому монастырю, который обеспечивал сообщение Москвы с северными и восточными областями. Узнав о движении Сапеги, Шуйский послал брата своего Ивана перехватить ему дорогу, но московское войско было наголову разбито под Рахмановым, и Шуйский явился в Москву с очень немногими людьми; остальные рассеялись по домам ждать развязки борьбы, не желая проливать крови ни за царя московского, ни за царя тушинского. В таком расположении духа находились многие из жителей Москвы; Шуйский должен был знать это, должен был знать, как опасны равнодушные граждане при первой неудаче, и потому повестил, что намерен выдержать осаду в городе, но что, если кто не хочет сидеть вместе с ним, тому вольно выехать. Согласиться на такое предложение, явно объявить себя нерасположенным к царю или трусом, казалось совестно и опасно: не испытывал ли только Шуйский верность к себе и усердие, чтобы после жестоко наказать неверных или неусердных? Все целовали крест умереть за дом Пречистой богородицы, но на другой, на третий и на следующие дни поехали в Тушино боярские дети, стольники, стряпчие, дворяне, жильцы, дьяки и подьячие, поехали туда стольники — князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, князь Алексей Юрьевич Сицкий, Михайла Матвеевич Бутурлин и двое князей Засекиных. Мы вп-

дели, что спачала под знамена самозванца собирались люди из самых низких слоев народонаселения, но мы видели также, зачем собирались они. Крестьяне, например, собирались вовсе не побуждаемые сословным интересом, не для того, чтоб, оставаясь крестьянами, получить большие права: крестьянин шел к самозванцу для того, чтобы не быть больше крестьянином, чтобы получить выгоднейшее положение, стать помещиком вместо прежнего своего помещика; но подобное движение произошло во всех сословиях: торговый человек шел в Тушино, чтобы сделаться приказным человеком, дьяком, подьячий — чтобы сделаться думным дворянином, наконец люди родовитые, князья, но молодые, не надеявшиеся по разным отношениям когда-либо или скоро подвинуться к боярству в Москве, шли в Тушино, где образовался особый двор в противоположность двору московскому.

Поразив Шуйского, Сапега вместе с Лисовским приступили к Троицкому монастырю 23 сентября. Войско осаждавших по самой большой мере простиралось до 30 000 человек, но так как после первых неудачных попыток овладеть монастырем Сапега увидал необходимость остаться под ним долгое время, почему должен был заботиться собранием запасов на зиму и рассылать отряды для занятия других городов, то число войска его нередко изменялось, уменьшаясь иногда до 10 000 человек. Силы осажденных трудно определить с точностью по недостатку свидетельств. По сохранившейся современной записи о сидевших в осаде оказывается, что дворян, детей боярских, стрельцов и козаков было там 609 человек; если мы должны приложить сюда еще 700 разных людей, над которыми начальствовали головы из детей боярских разных городов, да если приложим сюда еще монахов, способных нести воинские труды, то выйдет около 1500 человек, кроме монастырских слуг и крестьян; при определении числа последних должно сообразоваться с возможностию помещения внутри монастыря, где было еще много женщин и детей: толпы окольных жителей с семействами собрались в монастырь, и теснота была страшная. Воеводами монастырской заставы или гарнизона были окольничий князь Григорий Борисович Роща-Долгорукий и дворянин Алексей Голохвастов. Архимандритом монастыря был в это время Иоасаф, о характере которого трудно сказать что-нибудь решительное; гораздо резче выдавался келарь монастыря Авраамий Палицын, на которого мы должны обратить особенное внимание, как на человека, принимавшего важное участие в событиях, и как историка этих событий. Авраамий Палицын назывался в миру Аверкием Ивановичем; в 1588 году, в царствование Феодора, Аверкий Палицын подвергся опале: именье его было отобрано в казну, сам он сослан и постригся или пострижен в монахи. Причина опалы неизвестна; но нельзя не обратить внимания на год ее — 1588, ибо незадолго до этого времени, именно в конце 1587 года, подверглись опале Шуй-

скне, друзья их и клевреты вследствие замыслов против Годунова. В 1600 году царь Борис снял опалу с монаха Авраамия, но последний при Годунове и самозванце оставался в удалении, только с восшествием Шуйского на престол Авраамий получает важное значение: он становится келарем Троицкого монастыря, первого монастыря в государстве, посредником между монастырем и государем; это обстоятельство опять может навести на мысль о прежних связях Палицына с новым царем. В 1609 году дело по закладной кабале было решено в его пользу, и он получил свою долю в селе, тогда как монахам было запрещено брать в залог земли. Мало того, при выдаче правой грамоты следовало взять с Палицына два рубля в казну; Авраамий не хотел платить и подал просьбу, чтобы государь не велел на нем своих пошлин искать. Государь пожаловал, для осадного времени пошлин брать не велел. Рассмотрев внимательно поведение Палицына в описываемое время, можно вывести о нем такое заключение: это был человек очень ловкий, деловой, уклончивый, начитанный, по тогдашним понятиям красноречивый, одним словом, настоящий келарь, ибо келарь был представителем монастыря пред мирскими властями, охранителем его выгод, ходатаем по делам его в судах; если каждый монастырь имел нужду в опытном и ловком келаре, то тем более монастырь Троицкий, владевший такою огромною недвижимою собственностию, имевший столько льгот; и в обыкновенное время келарь его должен был часто отлучаться из монастыря, жить в столице, хлопоча по делам обители; во время осады Палицын находился в Москве по воле царя, как сам пишет.

Сапега и Лисовский думали скоро управиться с Троицким монастырем, но встретили сильное сопротивление: все приступы их были отбиты, осадные работы уничтожены. Монахи ревностно помогали ратным людям: тогда как одни отправляли богослужение, другие работали в хлебне и поварне над приготовлением пищи для воинов; иные же день и ночь находились на стене вместе с людьми ратными, выходили на вылазки, принимали даже начальство над отрядами; вероятно, многие из них до пострижения были людьми служилыми. Сапега и Лисовский в грамоте своей сами засвидетельствовали о поведении троицких монахов: «Вы, беззаконники,— писали они к ним,— презрели жалованье, милость и ласку царя Ивана Васильевича, забыли сына его, а князю Василью Шуйскому доброхотствуете и учите в городе Троицком воинство и народ весь стоять против государя царя Димитрия Ивановича и его позорить и *псовать* неподобно, и царицу Марину Юрьевну, также и нас. И мы тебе, архимандрит Иоасаф, свидетельствуем и пишем словом царским, запрети попам и прочим монахам, чтоб они не учили воинства не покоряться царю Димитрию». Сапега с Лисовским писали и к воеводам троицким, и ко всем ратным людям, убеждая к сдаче обещаниями богатых наград;

в противном случае грозили злою смертию. Убеждения и угрозы остались тщетными: монахи и ратные люди видели пред стенами своими не того, кто называл себя сыном царя Ивана Васильевича; они видели пред стенами обители св. Сергия толпы иноверцев, поляков и литву, пришедших поругать и расхитить церковь и сокровища священные. Здесь дело шло не о том, передаться ли царю тушинскому от царя московского, но о том, предать ли гроб великого чудотворца на поругание врагам православной веры; троицкие *сидельцы* защищали не престол Шуйского только, но гроб св. Сергия, и потому здесь измена не могла пересилить верности. Характер одушевления осажденных видим в ответе их на грамоты Сапеги. «Да ведает ваше темное державство, что напрасно прельщаете Христово стадо, православных христиан. Какая польза человеку возлюбить тьму больше света и преложить ложь на истину: как же нам оставить вечную святую истинную свою православную христианскую веру греческого закона и покориться новым еретическим законам, которые прокляты четырьмя вселенскими патриархами? Или какое приобретение оставить нам своего православного государя царя и покориться ложному врагу, и вам, латыне иноверной, уподобиться жидам, или быть еще хуже их?»

При господстве религиозного одушевления измена не могла пересилить верности в Троицком монастыре, хотя измена вкралась и сюда. Если в стане осаждающих нашлись козаки, которые, мучась совестию за то, что подняли руки на обитель св. Сергия, перебегали к осажденным и сообщали им о замыслах неприятеля, зато нашлись перебежчики и между монастырскими слугами, даже между детьми боярскими, которые не стерпели сидеть в осаде, ставшей очень трудною в зимнее время. Осенью, когда было еще тепло, толпы народа могли жить на открытом воздухе, но когда начались морозы, то все столпились в кельях; отсюда страшная теснота и ее следствие — повальная болезнь, к которой присоединился еще недостаток топлива. Среди этих физических бедствий открылось и зло нравственное — вражда между монахами, несогласие между воеводами, послышались обвинения в измене. 29 марта 1609 года дочь Бориса Годунова Ксения, или Ольга, писала из Троицкого монастыря, где находилась во время осады, к одной своей тетке, что она «в своих бедах чуть жива, совсем больна вместе с другими старицами, и вперед ни одна из них себе жизни не чает, с часу на час ожидают смерти, потому что у них в осаде шатость и измена великая». Стрельцы и монастырские служки жаловались на архимандрита и братию, что плохо их кормят; архимандрит писал царю в оправдание: «Как сели в осаде, все люди едят троицкий хлеб, а своего у них было мало запасено, и деньги, что кому пригоже, даем. А как в казне денег не стало, то мы собирали с братии по рублю с человека, а с иных по полтине: другим, кому

надобно, занимаем да даем. Мы говорили ратным людям: ешьте в трапезе, что братия едят, возьми мое архимандричье себе, а свое передо мной поставь; но они братские кушанья просят по кельям, потому что в трапезе ставят перед четверыми столько же, сколько по кельям пойдет одному: в кельях-то у них жены да дети, а у иных жонки. А нам смирить себя больше уже не знаем как? Едим с братиею с Филиппова заговенья сухари с хлебом. В осаде нам теснота и нужда великая: по дрова не выпустят, от келий кровли, задние сени и чуланы уже пошли на дрова, теперь жжем житницы».

Но не одни ратные люди писали жалобы на архимандрита и соборных старцев: нашлись жалобщики и между братиею, в которой произошло разделение по случаю доноса на казначея монастырского Иосифа Девочкина. Палицын пишет, что дьякон и левого клироса головщик Гурий Шишкин выведал у Девочкина измену и донес главному воеводе. Долгорукий тотчас схватил казначея и велел пытать. Такой поступок воеводы с одним из главных лиц в монастыре возбудил негодование архимандрита и соборных старцев, вооружив их и против доносчика Шишкина с товарищами (если только были они у Шишкина), которые в грамоте своей к царю от 3 июля 1609 года жалуются, что на них за донос на Девочкина «архимандрит и соборные старцы положили ненависть и морят их всякими нуждами, голодом и жаждой, а сами соборные старцы едят с своими заговорщиками и пьют по кельям по-старому, по вся дни. А ратных людей, дворян и детей боярских и слуг монастырских соборные старцы очень оскорбили». Долгорукий писал в Москву к Палицыну: «В старцах, знаю в каких, большая ссора: после Осифова дела всякую смуту начали и мир возмутили». Но большая ссора была и между двумя воеводами; Долгорукий пишет Авраамию: «За четыре дня до приступа пришел ко мне монастырский слуга Михайла Павлов и говорит: ты готовишься на воров, а Алексей Голохвастов на тебя наущает, говорит старцу Малахею Ржевитину: поди к слугам, которым веришь, и к мужикам клементьевским, говори им, что нам от князя Григория, в осаде сидя, всем погибнуть, и нам над князем Григорием надобно как-нибудь промыслить, ключи бы у него городовые отнять. И я, князь Григорий, услыша такое слово, начал говорить дворянам, головам, сотникам, детям боярским и всяким ратным людям: мы готовимся на врагов, а только Алексей такое слово говорил, то у нас в святом месте будет дурно. Услыхав это, Алексей начал запираться; и старец Малахея перед дворянами заперся, что такого слова у Алексея не слыхал, но потом прислал ко мне сказать: виноват я, князь Григорий Борисович, в том, что сперва заперся, потому что если бы я стал говорить, то была бы у вас большая смута, а если бог даст благополучное время, то и ни в чем перед государем не запрусь; и в другой раз присылал он ко мне с тем же словом. А прежде, как я схватил вора Иосифа Девочкина, то Алексей

говорил монастырским слугам, призвавши их к себе в седьмом часу ночи: пожалуйста, не выдавайте казначея князю Григорию. А как я пошел пытать казначея, то Алексей велел сбить с города всех мужиков. Я послал проведать слугу, и тот, возвратившись, сказал: площадь полна мужиков с оружием из съезжей избы. И я мужиков отговорил от мятежа и пошел пытать казначея; но Алексей у пытки ни за какое дело не принялся, и то его нераденье видели многие дворяне и дети боярские и всякие ратные люди и мне о том после говорили: зачем это Алексей с тобою к такому великому делу не принялся?» То же самое доносили и старцы в упомянутой выше грамоте.

Заступление Голохвастова за Девочкина, обвиненного в измене, умысел отнять у Долгорукого городовые ключи дали повод смотреть и на Голохвастова как на участника в измене казначея, дали повод думать, что второй воевода хочет прибрать к своим рукам ключи для того, чтоб отпереть неприятелю вход в монастырь. Палицын прямо обвиняет Голохвастова в согласии с Девочкиным, говорит, что этот воевода снесся с врагами и назначил день, в который хотел предать им монастырь таким образом: когда осажденные сделают вылазку, Голохвастов хотел затворить ворота и предать вышедших на жертву полякам, впустив в то же время неприятеля другим входом в монастырь. Из связи рассказа Палицына выходит, что Девочкин, признавшись на пытке в собственной измене, оговорил соучастников, и в том числе Голохвастова: «Нетерпелив в крепких явился Иосиф, все потонку умышленное объявил, и странно было слышать треснутие думы иудиной. Не напрасно Оська Селевин отскочил; не одного его, но и четверых невежд поселян также послал за ним, полякам весь предался и других не мало прельстил. Его лукавству и второй воевода, Алексей Голохвастов, потаковник был, и уже сослался» и проч. Но здесь должно заметить, во-первых, что сам Палицын ослабляет доверие к своим показаниям, умалчивая о подробностях, закрывая истину слогом витиеватым, выражениями темными; так, до открытия упомянутых грамот Долгорукого и старцев никто не мог догадаться о пытке, которой был подвергнут Девочкин и которую Палицыну благоугодно было обозначить словом *крепкие*: «нетерпелив в крепких явился Иосиф». Потом, если бы осажденные доведались об измене последнего каким-нибудь другим образом, то и Долгорукий, и старцы в своих донесениях в Москву не преминули бы довести об этом до сведения царя и Палицына, но в упомянутых донесениях ни слова не говорится об измене Голохвастова и о подробностях замысла, как их приводит Палицын. Долгорукий заключает свое донесение Палицыну о поведении Голохвастова следующими словами: «А к государю о том я до сих пор не пишу, потому что, по грехам, осада продлилась, и я здесь бессемеен; и если, Авраамий Иванович, осада еще вдаль продлится, то тебе бы

пожаловать, о том государю известить, чтобы в монастыре святому месту какой-нибудь вред не учинился. А про Алексея в осаде ведают многие люди, что Алексей дела не делает, только ссору чинит, и если все об нем писать, то и в письме не поместится. Так тебе бы, господин, порадеть о святом месте». В другой грамоте к тому же Палицыну Долгорукий пишет: «Пожалуй, государь Авраамий Иванович, извести государю тайно, что здесь в осаде ссору делает большую Алексей Голохвастов, чтобы государь пожаловал, на просухе прислал сюда верных человек сто, и про него велел бы сыскать и велел бы его к Москве взять. И если государь пожалует, будет ко мне, холопу своему, о том писать, то он бы государь пожаловал, ко мне отписал тайно». Из этих слов оказывается, что Долгорукий боялся явно действовать против Голохвастова, у которого было много приверженцев, с которым, как видно, одинаково думали архимандрит и соборные старцы. В то время, когда Шуйского мало уважали, ибо от гнева его всегда можно было найти убежище у царя тушинского, в то время одного приказа из Москвы было недостаточно для смены воеводы, нужно было прислать сто человек верных людей и поступить с большою осторожностию и тайною.

Но упомянутые грамоты Долгорукого и старцев не дошли в Москву; Голохвастов остался воеводою до конца осады и не обнаружил попытки к измене; сто человек верных не были присланы из Москвы, и дело осталось неразведанным, вследствие чего и нам теперь трудно обвинить Голохвастова, ибо прямое обвинение Палицына ослабляется молчанием врагов Голохвастова и самым характером палицынского повествования, мало внушающим доверия. Трудно также обвинить решительно и Девочкина, потому что собственному признанию, вынужденному пыткою, верить нельзя; двое соучастников казначея, Гриша Брюшина и Худяк, умерли, не объяснив ничего. Рассказывают, что Девочкин сам открыл свои замыслы Гурию Шишкину, но опять характер этого Гурия накидывает подозрение на справедливость его доноса. Видно, что Шишкин был клеврет Палицына; так, он пишет последнему в Москву: «Государю келарю старцу Авраамию, великого твоего жалованья вскормленник и богомолец чернец Гурий Шишкин». Из этой же грамоты видно, что Гурий, обвиняя казначея Кочергина и старцев в расхищении монастырской казны, добивался сам казначейского места, которое хотел получить чрез Палицына и Шуйского, мимо старцев, врагов своих, просил, чтобы грамота о его назначении в должность была прислана на имя Долгорукого, тайно от старцев. Мы не раз упоминали о грамоте к Шуйскому, написанной от имени некоторых троицких старцев с доносом на Голохвастова, архимандрита и соборных старцев. Но эта грамота также подозрительна: она написана от имени нескольких старцев или, лучше сказать, всех: «Царю государю и великому князю Василью Ивановичу всея

Руси, твоего государева богомолья, живоначальные Троицы Сергиева монастыря священницы и братия бога молят и челом бьют». Но в конце грамоты читаем следующее: «Да в монастыре смута большая от королевы (ливонской) старицы Марфы: тебя, государь, поносит праздными словами, а вора называет прямым царем и себе братом; вмещает давно то смутное дело в черных людей. А как воры сперва пришли в монастырь, то на первый вылазке казначей отпустил к вору монастырского детину Оську Селевина с своими воровскими грамотами, что он монастырем промышляет, хочет сдать, а та королева с тем же детиною послала свои воровские грамоты, что промышляет с казначеем заодно, писала к вору, называя его братом, и литовским панам, Сапеге с товарищами, писала челобитье: спасибо вам, что вы вступились за брата моего, московского государя царя Димитрия Ивановича; также писала в большие таборы к пану Рожинскому с товарищи. А к Иосифу Девочкину посылает по вся дни с пирогами, блинами и с другими разными приспехами и с оловяниками, а меды берет с твоих царских обиходов, с троицкого погреба; и люди королевины живут у него безвыходно и топят на него бани еженедельно, по ночам. И я, *богомолец твой*, королеве о том говорил, что она к твоему государеву изменнику по вся дни с питьем и едою посылает, и королева за это положила на меня ненависть и пишет к тебе, государю, на меня ложно, будто бы я ее бесчестил, и тебе бы, государю, пожаловать, о том свой царский указ учинить, чтоб от ее безумия святому месту какая опасность не учинилась». Странно, как вдруг братия Троицкого монастыря превратилась в одного богомольца! Кто же этот богомолец? Отгадать нетрудно: прежде в той же грамоте говорится, что на них, старцев, или на него, богомольца, архимандрит и соборные старцы положили ненависть за донос на Девочкина; но мы знаем, что доносчиком был Гурий Шишкин. Таким образом, обвинители Девочкина и Голохвастова, сами действуя нечисто, лишают себя доверенности [88].

Но как бы то ни было, какие бы ни были поползновения к измене, Троицкий монастырь держался, тогда как другие города северной части Московского государства легко доставались в руки тушинцам. Но и здесь успех последних не был продолжителен. Мы видели, что борьба, которою знаменуется Смутное время, происходила, собственно, между противуобщественным и общественным элементами, между козаками, бездомовниками, людьми, недовольными своим состоянием и стремящимися жить на счет других, на счет общества, и людьми земскими, охранителями порядка государственного. В этом отношении область Московского государства делилась на две части — южную и северную. В южной части, Украйне, прилегавшей к степи и границе литовской, преобладал элемент козацкий, здесь города по преимуществу носили характер военных укреплений, сюда стекались изо всего государ-

ства люди беспокойные, не могшие оставаться по разным причинам на прежних местах жительства. Северные же области, давно уже спокойные, были относительно южных в цветущем состоянии: здесь мирные промыслы не были прерываемы татарскими нашествиями, здесь сосредоточивалась деятельность торговая, особенно с тех пор, когда открылся беломорский торговый путь, одним словом, северные области были самые богатые, и в их народонаселении преобладали земские люди, люди, преданные мирным выгодным занятиям, желающие охранить свой труд и его следствия, желающие порядка и спокойствия. Элемент противообщественный действовал во имя царя тушинского; но, к несчастию, у людей земских не было представителя, ибо и в самой Москве, тем более в областях, после недавних страшных и странных событий господствовала смута, шатость, сомнение; этим состоянием, отнимавшим руки у земских людей, воспользовались тушинцы и овладели многими северными городами. Прежде других захвачен был Суздаль: здесь жители хотели было обороняться, но вокруг какого-то Меншика Шилова собрались люди, которые начали целовать крест царю Димитрию. Мы видели уже, как в Смутное время могущественно действовал на нерешительную толпу первый пример, первый сильный голос: весь город последовал примеру Шилова, волею и неволею не сопротивлялся и архиепископ. В Суздале засел Лисовский, опустошая окрестную страну. Владимир был увлечен Иваном Ивановичем Годуновым: крепко стоя под Кромами за родственника своего против первого Лжедимитрия, Годунов не хотел теперь стоять за Шуйского; он не послушался царского указа, не поехал в Нижний, остался во Владимире и привел его жителей к присяге самозванцу, хотя сначала, подобно суздальцам, и они хотели было сесть в осаде. Но переяславцы, едва только отряды Сапегина войска показались пред их городом, присягнули самозванцу и вместе с тушинцами двинулись на Ростов. Ростовцы, по словам современного известия, жили просто, совету и обереганья не было; они хотели бежать далее на север всем городом, но были остановлены митрополитом своим Филаретом Никитичем Романовым и воеводою Третьяком Сеитовым, который собрал несколько тысяч войска, напал с ним на Сапегинных козаков и переяславцев, но был разбит, бежал в Ростов и там упорно защищался еще три часа. Одолев наконец воеводу, козаки и переяславцы ворвались в соборную церковь, где заперся Филарет с толпами народа, и, несмотря на увещания митрополита, вышедшего с хлебом и солью, выбили двери, перебили множество людей, поругали святыню; сам летописец говорит, что все это было сделано не литовскими людьми, а своими, переяславцами: такой поступок последних трудно объяснить иначе, как историческою враждою Переяславля к Ростову. Филарета с бесчестием повезли в Тушино, где ждали его почести еще более унизительные, чем прежнее по-

руганпе: самозванец из уважения к его родству с мнимым братом своим, царем Феодором, объявил его московским патриархом, и Филарет должен был из Тушина рассылать грамоты по своему патриаршеству, т. е. по областям, признававшим самозванца. Так, дошла до нас его грамота к Сапеге об освящении церкви; она начинается: «Благословение великого господина, преосвященного Филарета, митрополита ростовского и ярославского, нареченного патриарха московского и всея Руси».

Ростовские беглецы смутили и напугали жителей Ярославля, лучшие из которых, покинув домы, разбежались; остальные с воеводою своим, князем Федором Борятинским, отправили повинную в Тушино: «Милость, государь, над нами, над холопами своими, покажи, вину нашу нам отдай, что мы против тебя, государя, стояли, по греху своему неведаючи; а прельщали нас, холопей твоих, твои государевы изменники, которые над тобою умышляли, сказывали нам, что тебя на Москве убили, и в том мы перед тобою виноваты, что тем твоим государевым изменникам поверили: смилуйся над нами, вину нашу нам отдай: а мы тебе, государю, ради служить и во всем прямить и за тебя, прирожденного государя, умереть; смилуйся пожалуй, чтобы мы на твою царскую милость были надежны». После этого Борятинский послал в Вологду к тамошнему воеводе Пушкину наказ и целовальную запись: Пушкин присягнул по примеру Борятинского; последний отправил наказ в Тотьму, и тотмичи «от нужды со слезами крест целовали». В Тотьме присягнул вору и Козьма Данилович Строганов, но в то же время, собирая ночью детей боярских и лучших людей, читал им увещательные грамоты царя московского. Кого было слушать, на что решиться? Двадцать два города присягнули царю тушинскому, по большей части неволею, застигнутые врасплох, увлекаемые примером, в тяжком недоумении, на чьей стороне правда? (Октябрь 1608.)

Но скоро из этого недоумения земские люди, жители северных городов и сел, были выведены поведением тушинцев. Один из последних, описывая приход польских отрядов на помощь Лжедимитрию, говорит: «Удивительное дело, что, чем больше нас собиралось, тем меньше мы дела делали, потому что с людьми умножились между нами и партии». Сапега и Лисовский действовали отдельно: нашлись люди, которые назло гетману Рожинскому и вопреки решению кола хотели ввести опять Меховецкого в войско, и тот приехал в Тушино. Рожинский, узнав об этом, послал сказать ему, чтоб выехал немедленно, иначе он прикажет его убить; Меховецкий скрылся у царя в доме, но Рожинский пришел туда сам-пят, собственноручно схватил Меховецкого и велел своим провожатым убить его, что они и сделали. Самозванец сердился, но молчал, ибо Рожинский велел сказать, что и ему сверпет голову. Но не так могли повредить Лжедимитрию партии в Тушине,

как поведение его сподвижников, которые прежде всего думали о деньгах и требовали их у своего царя. Тот просил, чтоб подождали, но напрасно: взяли у него разряды и велели писать по городам грамоты, которыми налагались новые подати; с этими грамотами отправили в каждый город по поляку и по русскому, главным зачинщиком этого дела был Андрей Млоцкий. Сперва самозванец рассылал к покорившимся городам похвальные грамоты, обещал дворянам и всем служилым людям царское жалованье, деньги, сукна, поместья, духовенству же и остальным жителям — тарханные грамоты, по которым никакие царские подати не будут с них собираться. И вдруг вследствие распоряжений Млоцкого с товарищами пришли грамоты, требующие сильных поборов. Когда в Вологде прочли эти грамоты пред всем народом, то вологжане против грамот ничего не сказали, только многие заплакали и тихонько говорили друг другу: «Хотя мы ему и крест целовали, но только бы бог свой праведный гнев отвратил, дал бы победу государю Василию Ивановичу, то мы всею душою рады головами служить, пусть только другие города — Устюг, Усолье и поморские нам помогут». Устюжане по своему отдаленному положению имели время собрать сведения, подумать, посоветоваться. Приезжие из Ярославля и Вологды рассказывали им о неохотной присяге народа тушинскому царю, о хищности тушинцев, об угнетениях, которым подвергаются присягнувшие; говорили, что города ждут только помощи, чтоб восстать против притеснителей, что целость Московского государства, которою держался наряд в земле, нарушена, что возобновляется прежнее страшное время уделов: «Которые города возьмут за щитом или хотя и волею крест поцелуют, то все города отдают панам на жалованье, в вотчины, как прежде уделы бывали». Ярославцы послали в Тушино 30 000 рублей, обязались содержать 1000 человек конницы, но этими пожертвованиями не избавились от притеснения; поляки врывались в домы знатных людей, в лавки к купцам, брали товары без денег, обижали простой народ на улицах. Наслушавшись таких рассказов, устюжане решились не целовать креста тому, кто называется царем Димитрием (самозванцем они его назвать не могли, потому что не знали ничего верного), а стоять накрепко и людей собирать со всего Устюжского уезда. С известием о решении своем они тотчас послали к вычегодцам, убеждая тамошних начальных людей снестись с Строгановыми, Максимом Яковлевичем и Никитой Григорьевичем — «Что их мысль? Хотят ли они с нами, устюжанами, стоять крепко о том деле и совет с нами крепкий о том деле держат ли?» — и в случае согласия требовали присылки человек пяти, шести или десяти для совета. Грамоту свою устюжане оканчивают следующими словами, из которых видно, что особенно побуждало их стоять крепко против тушинского царя: «А в Ярославле правят по осьмнадцати рублей с сохи; а у торговых людей

у всех товары всякие переписали и в полки отсылают». Не получая ответа от вычегодцев, устюжане послали к ним вторую грамоту, в которой извещают об успехе Шуйского, жалуются на долгое молчание и заключают грамоту опять любопытными словами, из которых всего лучше видно тогдашнее состояние умов: «Да и то бы вы помыслили, на чем мы государю царю Василию Ивановичу душу дали: если послышим, что бог послал гнев свой праведный на всю Русскую землю, то еще до нас далеко, успеем с повинной послать». Устюжане убеждают вычегодцев не целовать креста Димитрию, потому что если они теперь поцелуют по грамоте вологодского воеводы Пушкина, то вся честь будет приписана ему, а не им; грамота заключается так: «Пожалуйста, помыслите с миром крепко, а не спешите крест целовать! Не угадать, на чем совершится».

В том же духе писал нижегородский игумен Иоиль к игумену Тихоновой пустыни Ионе, чтоб тот убеждал жителей Балахны не отставать от нижегородцев, решившихся держаться того царя, который будет на Москве: «Чтоб христианская неповинная кровь не лилась, а были бы балахонцы и всякие люди по-прежнему в одной мысли с нижегородцами и прислали бы на договор лучших людей, сколько человек пригоже, а из Нижнего мы к вам пришлем также лучших людей; говорить бы вам с ними о том: кто будет на Московском государстве государь, тот всем нам и вам государь, а до тех пор мы на вас не посылали, а вы к Нижнему ратью не приходили, ездили бы балахонцы в Нижний со всем, что у кого есть, по-прежнему, а нижегородцы бы ездили к вам, на Балахну; да сослались бы с нами о добром деле, а не о крестном целовании». Действительно, людям спокойным тяжелый вопрос о том, кому целовать крест, представлялся недобрым делом, нарушавшим спокойствие и все добрые сношения между жителями одного государства. В то время как некоторые города переписывались, уговаривая друг друга подождать, не спешить присягою царю тушинскому, жители Железопольской Устюжны показали пример геройского сопротивления. 6 декабря 1607 года пришла к ним грамота от белозерцев о совете, чтоб веры христианской не попрать, за дом богородицы, за царя Василия и друг за друга головы сложить и польским и литовским людям не сдаться. Жители Устюжны обрадовались такому совету и послали на Белоозеро подобную же грамоту. В это время приехали посланцы из Тушина кормов править: устюженцы им отказали и отослали их на Белоозеро, а сами решили сесть в осаде, хотя острога и никакой крепости у них не было. Они послали в уезды по бояр и детей боярских, поцеловали крест в соборной церкви не сдаваться Литве и выбрали себе в головы Солменя Отрепьева да Богдана Перского, да прикащика Алексея Суворова, потому что на Устюжне воеводы тогда не было; но потом приехал из Москвы Андрей Петрович Ртищев, и устюженцы

выбрали его себе воеводою; тогда же пришел с Белоозера к ним на помощь Фома Подщипаев с 400 человек.

Заслышавши о приближении поляков, черкас и русских воров, Ртищев выступил с войском к ним навстречу, но не хотел идти далеко, говоря, что литва и немцы в ратном деле искусны и идут с большим войском. Ратные люди с ним не согласились: «Пойдем,— кричали они,— против злых супостат, умрем за св. божии церкви и за веру христианскую!» Воевода должен был двинуться вперед и 5 января 1608 года встретился с литвою при деревне Батневке: устюженцы и белозерцы, не имея никакого понятия о ратном деле, по словам современника, были окружены врагами и посечены, как трава. Ртищев спасся бегством в Устюжну и не знал, что делать? Ратные люди побиты, под Москвою литва, под Новгородом литва, на Устюжне нет никаких укреплений. Несмотря на такое отчаянное положение дела, устюженцы и белозерцы, оставшиеся от поражения, собрались и решили: «Лучше нам помереть за дом божией матери и за веру христианскую на Устюжне». На их счастие поляки возвратились от Батневки назад: этим воспользовались устюженцы и стали делать острог день и ночь, рвы копали, надолбы ставили, пушки и пищали ковали, ядра, дробь, подметные каракули и копья готовили; Скопин прислал пороху и 100 человек ратных людей. Но вслед за ними прискакали подъездные люди с вестию, что поляки под начальством Казаковского идут под Устюжну, и действительно, 3 февраля караульные увидали с башен неприятеля, и литву, и черкас, и немцев, и татар, и русских людей. Как дождь напустили они на острог; осажденные с криком: «Господи помилуй!» начали отстреливаться и делать вылазки. Неприятель отступил, но в полдень опять двинулся на приступ и опять должен был отступить. В последний час ночи поляки повели новый приступ, но горожане отбили и его, сделали вылазки, отняли у осаждающих пушку и прогнали за четыре версты от города. 8 февраля, получив подкрепление, поляки снова приступили к Устюжне с двух сторон и снова были прогнаны с большим уроном, после чего уже не возвращались. Как ясно видно из рассказа об осаде Устюжны, горожан подкрепляло религиозное одушевление. До сих пор 10 февраля празднуют они спасение своего города от поляков крестным ходом, в котором носят чудотворную икону богородицы.

Повсюду поведение тушинцев все менее и менее давало возможности выбора между двумя царями — московским и тушинским. Поборам не было конца: из Тушина приезжал один с требованием всяких товаров, за ним из Сапегина стана — другой с теми же требованиями; воеводы не знали, кому удовлетворять, а удовлетворить всем было слишком тяжко, если не совершенно невозможно; воеводы требовали грамот за подписью царскою, в ответ получали ругательства. Сапега играл важную роль: к нему воеводы

обращались с челобитными: так, ярославский воевода князь Борятинский писал ему: тебе б, господин, надо мною смиловаться и у государя быть обо мне печальником. Я послал к тебе челобитенку о поместье: так ты бы пожаловал, у государя мне поместьице выпросил, а я на твоем жалованье много челом бью и рад за это работать, сколько могу». Но не одни денежные поборы выводили народ из терпения: страшным неистовством ознаменовывали свои походы тушинцы, а не поляки, потому что эти иноземцы пришли в Московское государство только за добычею; они были равнодушны к явлениям, в нем происходившим, а равнодушие, холодность не увлекают к добру, не увлекают также и к крайностям в зле; поэтому у поляков не было побуждения свирепствовать в областях московских: они пришли за добычею, за веселою жизнию, для которой им нужны были деньги и женщины; и буйство их не заходило далее грабежа и похищения женщин, крови им было не нужно; поживши весело на чужой стороне, попировавши на чужой счет, в случае неудачи они возвращались домой, и тем все оканчивалось: дело не шло о судьбе их родной страны, об интересах, близких их сердцу. Но не таково было положение русских тушинцев, русских козаков, бездомовников. Русский человек, передавшийся Лжедимитрию, приобретший чрез это известное значение, известные выгоды, терял все это, терял все будущее, в случае если бы восторжествовал Шуйский, и понятно, с каким чувством он должен был смотреть на людей, которые могли дать Шуйскому победу, на приверженцев Шуйского: он смотрел на них не как на соотечественников, но как на заклятых врагов, могущих лишить его будущности, он мог упрочить выгоды своего положения, освободиться от страха за будущее, только истребляя этих заклятых врагов. Что же касается до козаков старых и новых, то, долго сдерживаясь государством, они теперь спешили отомстить ему, пожить на его счет; они видели заклятого врага себе не в одном воине вооруженном, шедшем на них под знаменем московского царя: злого врага себе они видели в каждом мирном гражданине, живущем плодами честного труда, и над ним-то истощали всю свою свирепость; им нужно было опустошить государство вконец, истребить всех некозаков, всех земских людей, чтобы быть безопасными на будущее время. Поэтому неудивительно читать в современных известиях, что свои свирепствовали в описываемое время гораздо больше, чем иноземцы, поляки, что когда последние брали в плен приверженца московского царя, то обходились с ним милостиво, сохраняли от смерти; когда же подобный пленник попадался русским тушинцам, то был немедленно умерщвляем самым зверским образом, так что иноземцы с ужасом смотрели на такое ожесточение и, приписывая его природной жестокости народа, говорили: если русские друг с другом так поступают, то что же будет нам от от них? Но они напрасно беспокоились. С своей стороны русские

не понимали хладнокровия поляков и, видя, что они милостиво обходятся с пленными, называли их малодушными, бабами. Писатель современный с изумлением рассказывает, что русские тушинцы служили постоянно твердым щитом для малочисленных поляков, которые почти не участвовали в сражениях; но когда дело доходило до дележа добычи, то здесь поляки были первые, и русские без спора уступали им лучшую часть. Русские тушинцы и козаки не только смотрели хладнокровно на осквернение церквей, на поругание сана священнического и иноческого, но и сами помогали иноверцам в этом осквернении и поруганьи. Жилища человеческие превратились в логовища зверей: медведи, волки, лисицы и зайцы свободно гуляли по городским площадям, и птицы вили гнезда на трупах человеческих. Люди сменили зверей в их лесных убежищах, скрывались в пещерах, непроходимых кустарниках, искали темноты, желали скорейшего наступления ночи, но ночи были ясны: вместо луны пожарное зарево освещало поля и леса, охота за зверями сменилась теперь охотою за людьми, которых следы отыскивали гончие собаки; козаки если где не могли истребить сельских запасов, то сыпали в воду и грязь и топтали лошадьми; жгли дома, с неистовством истребляли всякую домашнюю рухлядь; где не успевали жечь домов, там портили их, рассекали двери и ворота, чтобы сделать жилища не способными к обитанию. Звери поступали лучше людей, говорит тот же современник, потому что звери наносили одну телесную смерть, тушинцы же и поляки вносили разврат в общество, похищая жен от мужей и девиц от родителей; безнаказанность, удобство для порока, легкая отговорка, легкое оправданье неволею, насилием, наконец, привычка к сценам буйства и разврата — все это должно было усиливать безнравственность. Многие женщины, избегая бесчестия, убивали себя, бросались в реки с крутых берегов; но зато многие, попавшись в плен и будучи выкуплены из него родственниками, снова бежали в стан обольстителей, не могши разлучиться с ними, не могши отвыкнуть от порока. Была безнравственность и другого рода: нашлись люди, и даже в сане духовном, которые воспользовались бедствиями общества для достижения своих корыстных целей, покупая у врагов общества духовные должности ценою денег и клеветы на людей, верных своим обязанностям. Но такие покупщики недолго могли пользоваться купленным, потому что пример их возбуждал других, которые наддавали цену на этом безнравственном аукционе, вследствие чего власти менялись, рушилось уважение и доверие к ним, и к анархии политической присоединялась анархия церковная.

Вот какие челобитные получал тушинский царь от своих подданных: «Царю государю и великому князю Димитрию Ивановичу всея Руси бьют челом и кланяются сироты твои государевы, бедные, ограбленные и погорелые крестьянишки. Погибли мы, ра-

зорены от твоих ратных воинских людей, лошади, коровы и всякая животина побрана, а мы сами жжены и мучены, дворишки наши все выжжены, а что было хлебца ржаного, и тот сгорел, а достальной хлеб твои загонные люди вымолотили и развезли: мы, сироты твои, теперь скитаемся между дворов, пить и есть нечего, помираем с женишками голодною смертью, да на нас же просят твои сотные деньги и панской корм, стоим в деньгах на правеже, а денег нам взять негде». Из другого места писали: «Приезжают к нам ратные люди литовские, и татары, и русские люди, бьют нас и мучат и животы грабят. Пожалуй нас, сирот твоих, вели нам дать приставов!» Из третьего места писал крестьянин: «Стоит у меня в деревне пристав твой государев, пан Мошницкий: насильством взял он у меня сынишка моего к себе в таборы, а сам каждую ночь приезжает ко мне, меня из дворишка выбивает, хлеба не дает, а невестку у себя на постели насильством держит». Но не от одних притесненных дошли до нас жалобы на притеснения. Суздальский воевода Плещеев доносил Сапеге, что «во многих городах от великих денежных поборов произошла смута большая, мужики заворовались и крест целовали Василию Шуйскому, оттого денег мне сбирать скоро нельзя, не та пора стала, в людях смута великая». В каждом письме своем к Сапеге Плещеев жалуется на козаков. Владимирский воевода Вельяминов принужден был вооружиться против козаков или *загонных людей*, опустошавших Владимирский уезд. Посланный против них отряд взял в плен начальника грабителей — пана Наливайку, который, по словам Вельяминова, многих людей, дворян и детей боярских побил до смерти, на кол сажал, а жен и детей позорил и в плен брал. Весть о злодействах Наливайки дошла и до Тушина и привела в сильный гнев самозванца, который хорошо видел, как вредят козаки успеху его дела; он послал во Владимир приказ немедленно казнить Наливайку, а Сапеге, просившему освободить его, писал выговор в следующих словах: «Ты делаешь не гораздо, что о таких ворах упрашиваешь: тот вор Наливайко наших людей, которые нам, великому государю, служили, побил до смерти своими руками, дворян и детей боярских и всяких людей, мужиков и жепок 93 человека. И ты бы к нам вперед за таких воров не писал и нашей царской милости им не выпрашивал; мы того вора Наливайку за его воровство велели казнить. А ты б таких воров вперед сыскивал, а сыскав, велел также казнить, чтобы такие воры нашей отчины не опустошили и христианской истинной православной крови не проливали».

Но распоряжения самозванца не помогали, и восстания вспыхнули в разных местах. Встали черные люди, начали собираться по городам и волостям: в Юрьевце-Польском собрались с сотником Федором Красным, на Решме—под начальством крестьянина Григорья Лапши, в Балахнинском уезде — Ивана Кушинникова, в

Гороховце — Федора Наговицына, на Холую — Ильи Деньгина; собрались и пошли в Лух, там литовских людей побили и пошли в Шую; Лисовский выслал против них известного нам суздальского воеводу Федора Плещеева, но тот был разбит у села Данилова и бежал в Суздаль. Восставшие укрепились в селе Данилове острогом, но не могли им защититься от множества врагов, пришедших осаждать их; после многих боев острог был взят, и много черных людей погибло. Но это не прекратило восстания: Галич, Кострома, Вологда, Белоозеро, Устюжна, Городец, Бежецкий Верх и Кашин отложились от Тушина. Города не довольствовались одним свержением тушинского ига, но, чтобы не подвергнуться ему снова, спешили вооружить как можно более ратных людей на защиту Москвы и рассылали грамоты в другие города, убеждая их также вооружиться и разослать призывные грамоты далее; грамоты оканчивались так: «А не станете о таком великом государеве деле радеть, то вам от бога и от государя не пробудет». Вологжане писали, что они посадили в тюрьму посланцев Лжедимитриевых, у которых вынули грамоты, а в грамотах будто бы заключался наказ: жителей побивать, имение их грабить, жен и детей отвозить пленниками в Литву. Из Тотьмы писали, что и там захватили тушинцев, которые везли приказ освобождать преступников из тюрем; задержанные сказывали в допросе, какие люди окружают тушинского царя, называли князя Звенигородского, князя Димитрия Тимофеевича Трубецкого, дьяка Сафонова; объявили различные мнения насчет происхождения тушинского вора: так, одни называли его сыном князя Андрея Курбского, некоторые — поповым сыном из Москвы с Арбата, другие же просто говорили: «Димитрий вор, а не царевич прямой, а родиною не ведаю откуда». С другой стороны, явилась в северных городах грамота московского царя с увещанием сохранять единство, собираться всем вместе: «А если вскоре не соберутся,— говорила грамота,— а станут все врозь жить и сами за себя не станут, то увидят над собою от воров конечное разоренье, домам запустение, женам и детям наругание; и сами они себе будут, и нашей христианской вере, и своему отечеству предатели». Увещевая северное народонаселение собираться вместе, Шуйский, однако, запертый в Москве, не имел возможности сам распоряжаться движениями восставших и отдавал на их волю направление этого движения: «Можно вам будет пройти к нам к Москве, то идите не мешкая, на какое место лучше; а если для большого сбора, захотите посождаться в Ярославле, то об этом к нам отпишите. Если вам известно про боярина нашего и воеводу Федора Ивановича Шереметева с товарищами, то вы бы к нему навстречу кого-нибудь послали, чтоб ему с вами же вместе сходиться». В заключение царь уведомляет, что в Москве все благополучно, что войско желает биться с ворами и что в воровских полках многие прямят ему, Шуйскому, что над литовскими людь-

ми хотят промышлять, изождав время. Скопин-Шуйский с своей стороны присылал грамоты, в которых извещал о немедленном выступлении своем с сильною помощию шведскою.

Вычегодцы и четверо Строгановых отправили к Москве отряд исправно вооруженных людей. Восставшие города, озлобленные на тушинцев, мучили и били их, тушинцы не оставались у них в долгу; так, когда Лисовский овладел Костромою вторично, то страшно опустошил ее; Галич был также снова взят тушинцами. В Вологде готовились к упорной обороне, несмотря на то что между нею и другими северными городами возникла распря. В Вологде оставались по-старому воевода Пушкин и дьяк Воронов, которые прежде присягнули Димитрию, поэтому другие города не хотели сноситься с ними, а писали прямо к миру. Вологжане обиделись таким недоверием и писали к устюжанам: «Пишете к нам о совете, о государевом ратном и земском деле, а к воеводе и к дьяку не пишете; но воевода и дьяк у государевых и у земских дел живут по-прежнему и о всяких делах с нами радеют вместе единомышленно; и нас берет сомненье, что вы к ним о совете не пишете». Тотмичи не удовольствовались тем, что называли изменниками воеводу и дьяка, но обратили это название и на всех вологжан. Ратные люди, собравшиеся в Вологде из разных городов, писали к вычегодцам, что вологжане всем им, иногородцам и, наоборот, иногородцы вологжанам крест целовали стоять крепко и друг друга не выдавать, из города без совета мирского не выйти, но что происходит смута большая от тотмичей, которые воеводу, дьяка и всех вологжан называют изменниками и пишут в Вологду к воеводе и к миру с бранью, на раздор, а не на единомыслие, утверждая, что устюжане и усольцы научают их так писать. «И вы бы, господа,— продолжают иногородцы,— посоветовавшись с устюжанами, отписали к тотмичам, чтоб они на смуту и на раздор в Вологду не писали бездельно. А мы на Вологде до сих пор измены никакой не знаем, и, где в ком сведаем измену, тех людей захватываем и крепкими пытками пытаем, и по сыску и по вине, кто доведется, изменников и казни предаем, с вологжанами вместе». Но тотмичи и жители других городов считали себя вправе называть Пушкина изменником: они перехватили одного тушинца, который с пытки объявил им: «С Вологды Никита Пушкин пишет в полки к вору: я-де вам Вологду сдам; треть жителей стоит, а два жеребья сдаются, и как придете, то мы Вологду сдадим».

Пермичи не помогали общему делу: на них, видно, подействовали слова устюжан, писавших вначале, чтобы погодили целовать крест тому, кто называется Димитрием, успеют сделать это, когда он будет поближе; пермичи точно не целовали креста тушинскому царю, но зато и не помогали против него, дожидаясь, которая сторона возьмет верх. Вычегодцы пишут к ним: «Вы пишете к нам словом, что стоять с нами единомысленно ради во всем, а

делом с нами ничего не делаете; а богоотступники литовские люди и с ними русские воры села и волости и деревни воюют, церкви божие разоряют, образа колупают, оклад и кузнь снимают, православную веру попирают, крестьян секут, жен и детей их в плен в Литву ведут, именье их грабят, и хвалятся, хотят идти к Вологде и на Сухону и в наши места воевать. Так если какое разорение над здешними местами и над нами сделается от литовских людей и от воров, то вам от бога и от государя это не пройдет, а с литовскими людьми и с ворами вам не прожить, и вам от них то же будет». Смутное время, надежда на безнаказанность развязывали руки людям, которые любят извлекать выгоды из общей беды: пермские старосты и целовальники, обязанные отправить хлебные запасы в сибирские непашенные города служилым людям на жалованье, купили в Верхотурье дешевою ценою хлеб с подмесью, «и этими запасами,— говорит царская грамота,— в сибирских городах ратных людей без хлеба поморили, потому что верхотурские жилецкие люди продают хлебные запасы, мешая с каменьем и песком». На Двине жители, свободные теперь от всякого правительственного влияния, посадили в воду дьяка Илью Уварова; сначала хотели они предать смерти и воеводу своего Ивана Милюкова-Гуся, обвиняя его в разных несправедливостях, но потом передумали, пришли в тюрьму, где он был посажен, и с честию просили его идти в приказную избу и по-прежнему управлять ими.

Несмотря, однако, на измену, на распри между городами, на равнодушие и бездействие некоторых областей, дела земских людей против воров шли успешно. Толпы поволжских инородцев, мордвы и черемис, осадили Нижний Новгород, к ним присоединился отряд тушинцев под начальством князя Семена Вяземского; нижегородцы сделали вылазку, поразили осаждавших и прогнали их от своего города, причем князь Вяземский был взят в плен: нижегородцы повесили его, не давая знать в Москву. Мы видели, что нижегородцы чрез игумена Иоиля уговаривали балахонцев не затевать усобицы из-за вопроса о правах Димитрия или Шуйского, а признавать государем того, кого признает Москва. Но жители Балахны не послушались увещаний Иоиля, и нижегородцы под начальством воеводы Алябьева овладели Балахною. Полки, собранные северными городами, заняли опять Галич и Кострому. Сохранилось известие, как в это время города содержали своих ратных людей: всякий служилый человек, отправляясь в поход в чужой город, чужую область, получал от своего города деньги вперед за месяц, а по истечении месяца город, отправивший его, высылал ему деньги в то место, где он находился. Предводительствовать ополчением северных городов Скопин прислал воеводу Вышеславцева, который разбил тушинцев, взял у них Романов, Пошехонье; Молога и Рыбинск присягнули также царю Василию; собрав тысяч сорок ратников, Вышеславцев двинулся из Рома-

пова и поразил тушинского воеводу Тишкевича, следствием чего было занятие Ярославля и Углича. Вятчане писали пермичам, что в Арзамасе, Муроме, Владимире, Суздале и в других городах всякие люди хотят государю добить челом и крест целовать, ждут только прихода боярина и воеводы Федора Ивановича Шереметева, которому царь Василий велел оставить осаду Астрахани и идти на север по Волге, приводя в повиновение тамошние города, что Шереметев и исполнял с успехом. Действительно, муромцы, снесясь с нижегородским воеводою Алябьевым, впустили его к себе в город, и владимирцы, как скоро узнали о приближении нижегородского войска, тотчас встали против тушинцев. Воевода их Вельяминов упорствовал в верности Лжедимитрию; владимирцы схватили его и повели в соборную церковь, чтобы там, исповедовавшись и причастившись, он приготовился к смерти. Протопоп собора, совершив таинства, вывел его к народу и сказал: «Вот враг Московского государства!» Тогда всем миром побили Вельяминова камнями, поцеловали крест царю Василию и начали биться с воровскими людьми, не щадя голов своих. В известии об этом событии нас останавливает торжественность, какою оно сопровождалось: здесь мы не видим буйного восстания черни, которого следствием обыкновенно бывают немедленные насилия, убийства; народ, который удержал свой порыв, который дал обвиненному время христиански приготовиться к смерти, этот народ действовал в полном сознании, умерщвлял не человека ему ненавистного; нет, он оказал уважение к этому человеку, а казнил воеводу — изменника государству. Здесь останавливают нас также слова протопопа о Вельяминове: «Вот враг Московского государства!» Эти слова показывают, что владимирцы уже поняли значение Тушина и его приверженцев, воров, которые грозят гибелью наряду, поддерживаемому государством; протопоп не говорит: вот враг московского государя! Ибо в это время для городов вопрос о правах Димитрия и Шуйского не был решен, они вообще стараются его обходить, для них борьба между царями-соперниками — Димитрием и Шуйским исчезает, остается борьба между началами общественным и противообщественным. Впрочем, не везде жители северных городов поступали подобно владимирцам: в Костроме самозванцева воеводу, князя Дмитрия Мосальского, долго мучили и потом, обрубив руки и ноги, утопили в реке.

Летописец прав, сказав, что владимирцы начали биться с воровскими людьми, не щадя голов своих; то же свидетельствуют и враги их: суздальские воеводы самозванцевы — Плещеев и Просовецкий пишут Сапеге, что они «ходили под Владимир вместе с Лисовским и хотя побили под городом изменников государевых и город осадили, однако взять его не могли, потому что там изменники сели насмерть; мало того, рассылают во все понизовые города воровские грамоты прельщать и приводить к присяге Шуй-

скому». В том же письме суздальские воеводы объясняют и причины, побудившие владимирцев сесть насмерть в осаде: «Пахолики литовские и козаки, стоя в Суздале, воруют, дворянам и детям боярским, монастырям и посадским людям разорение и насильство великое, женок и девок берут, села государевы, дворянские и детей боярских и монастырские вотчины выграбили и пожгли, и нам от пахоликов и козаков литовских позор великий: что станем о правде говорить, о государевом деле, чтоб они государевы земли не пустошили, сел не жгли, насильства и смуты в земле не чинили; и они нас, холопей государевых, позорят, ругают и бить хотят». Воеводы уведомляют также о насилиях Лисовского, который под пустыми предлогами отнимает свободу у людей и грабит их, тогда как они ни в чем пред государем не виноваты. Но из этих суздальских воевод, которые так жалуются на Лисовского, один, именно Просовецкий, имел также дурную славу между жителями северных городов. Произведенный из козацких атаманов в стольники при тушинском дворе, Просовецкий сначала был воеводою города Луха, и когда узнали, что самозванец назначает его в Суздаль воеводою на место Федора Плещеева, то жители Суздаля писали Сапеге: «Государя царя и великого князя Димитрия Ивановича всея Руси гетману, пану Яну Петру Павловичу Сапеге, каштеляновичу киевскому, старосте усвятскому и керепецкому, бьют челом холопи государевы суздальцы, дворяне и дети боярские, всем городом. Слух до нас дошел, что государь велел быть окольничему и воеводе Федору Кирилловичу (Плещееву) к себе в полки, а у нас в Суздале быть в воеводах Андрею Просовецкому да суздальцу Нехорошему Бабкину; и ты, государь, сам жалуй, а государю будь печальник, чтоб у нас государь велел быть по-старому Федору Кирилловичу Плещееву, чтобы нам службишки свои не потерять. А если ты милости не покажешь, а государь не пожалует, Федора Кирилловича к себе в полки возьмет, то мы всем городом, покинув матерей, жен и детей, к тебе и к государю идем бить челом, а с Андреем Просовецким и Нехорошим Бабкиным быть не хотим, чтобы государевой службе порухи не было и нам до конца не погибнуть». Суздальцы, как видно, были успокоены тем, что Плещеев остался у них первым воеводою, а Просовецкий сделан вторым. Понятно после этого, почему и ярославцы, подобно владимирцам, решились сесть в осаде насмерть. Весною 1609 года тушинцы под начальством Наумова и Будзила двинулись под Ярославль; четыре дня ярославцы не пускали их переправиться через реку Пахну, в миле от города; потеряв надежду одолеть ярославцев здесь, тушинцы ушли, переправились через реку выше, зашли в тыл ярославцам и поразили их; но когда приблизились к ярославскому посаду, то опять встретили упорное сопротивление; тут были стрельцы архангельские, в числе 600, и сибирские, в числе 1200; тушинцам удалось наконец ворваться в посад, но города

взять они не могли и ушли, боясь Скопина, хотя Ярославль был им «больнее всех городов», по выражению ярославцев. Здесь надобно заметить, что тушинцы, не имея успеха при осаде городов, успешнее действуют в чистом поле против нестройных масс восставшего народонаселения, не имевшего вождей искусных. Так, поляки, потерпевшие неудачи под Владимиром и Ярославлем, разбивали наголову земские полки в разных местах [89].

Но в то время как на севере завязалась борьба между общественным и противуобщественным элементами народонаселения, когда земские люди восстали за Московское государство, в каком положении находилась Москва и ее царь, которому снова начали присягать северные города? Здесь царем играли, как детищем, говорит современник-очевидец. Требование службы и верности с двух сторон, от двух покупщиков, необходимо возвысило ее цену, и вот нашлось много людей, которым показалось выгодно удовлетворять требованиям обеих сторон и получать двойную плату. Некоторые, целовав крест в Москве Шуйскому, уходили в Тушино, целовали там крест самозванцу и, взяв у него жалованье, возвращались назад в Москву; Шуйский принимал их ласково, ибо раскаявшийся изменник был для него дорог: своим возвращением он свидетельствовал пред другими о ложности тушинского царя или невыгоде службы у него; возвратившийся получал награду, но скоро узнавали, что он отправился опять в Тушино требовать жалованья от Лжедимитрия. Собирались родные и знакомые, обедали вместе, а после обеда одни отправлялись во дворец к царю Василию, а другие ехали в Тушино. Оставшиеся в Москве были покойны насчет будущего: если одолеет тушинский царек, думали они, то у него наши братья, родные и друзья, они нас защитят; если же одолеет царь Василий, то мы за них заступимся. В домах и на площадях громко рассуждали о событиях, громко превозносили тушинского царя, громко радовались его успехам; многие знали о сборах в Тушино, знали, что такие-то и такие люди, оставаясь в Москве, радеют самозванцу, но не говорили о них Шуйскому; тех же, которые говорили, называли клеветниками и шепотниками. На сильного никто не смел сказать, ибо за него нашлось бы много заступников, без воли которых Шуйский не смел казнить его, но на слабого, не родного сильным, донос шел беспрепятственно к царю, и виновный подвергался наказанию, вместе с виноватым казнили иногда и невинных; Шуйский, говорят, верил не тем, кто носил службу на лице и на теле, но тем, кто носил ее на языке.

Но хотя Шуйского не любили в Москве, однако люди земские не хотели менять его на какого-нибудь другого боярина, тем менее на царя тушинского, ибо хорошо знали, чем грозит его торжество. Вот почему попытки свергнуть Шуйского не удавались. Первая попытка сделана была 17 февраля 1609 года, в субботу на масля-

нице, известным уже нам Григорием Сунбуловым, князем Романом Гагариным и Тимофеем Грязным, число сообщников их простиралось до 300 человек. Они прежде всего обратились к боярам с требованием свергнуть Шуйского, но бояре не взялись за это дело и разбежались по домам ждать конца делу; один только боярин, князь Василий Васильевич Голицын, явился на площадь. Заговорщики кинулись за патриархом в Успенский собор и требовали, чтобы шел на Лобное место; Гермоген не хотел идти, его потащили, подталкивая сзади, обсыпали его песком, сором, некоторые схватывали его за грудь и крепко трясли. Когда поставили его на Лобное место, то заговорщики начали кричать народу, что Шуйский избран незаконно одними своими потаковниками, без согласия земли, что кровь христианская льется за человека недостойного и ни на что не потребного, глупого, нечестивого, пьяницу, блудника. Но вместо одобрительных кликов заговорщики услыхали из толпы слова: «Сел он, государь, на царство не сам собою, выбрали его большие бояре и вы, дворяне и служивые люди, пьянства и никакого неистовства мы в нем не знаем; да если бы он, царь, вам и неугоден был, то нельзя его без больших бояр и всенародного собрания с царства свести». Тогда заговорщики стали кричать: «Шуйский тайно побивает и в воду сажает братью нашу, дворян и детей боярских, жен и детей, и таких побитых с две тысячи». Патриарх спросил их: «Как же это могло статься, что мы ничего не знали? В какое время и кто именно погиб?» Заговорщики продолжали кричать: «И теперь повели многих нашу братью сажать в воду, за это мы и стали». Патриарх опять спросил: «Да кого же именно повели в воду сажать?» В ответ закричали: «Мы послали уже ворочать их, сами увидите!» Потом начали читать грамоту, написанную ко всему миру из московских полков от русских людей: «Князя-де Василья Шуйского одною Москвою выбрали на царство, а иные города того не ведают, и князь Василий Шуйский нам на царстве не люб и для него кровь льется и земля не умирится: чтоб нам выбрать на его место другого царя?» Патриарх начал говорить: «До сих пор Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков и ни которые города не указывали, а указывала Москва всем городам; государь царь и великий князь Василий Иванович возлюблен и избран и поставлен богом и всеми русскими властьми и московскими боярами и вами, дворянами, всякими людьми всех чинов и всеми православными христианами, изо всех городов на его царском избрании и поставлении были в то время люди многие, и крест ему, государю, целовала вся земля, присягала добра ему хотеть, а лиха не мыслить; а вы забыли крестное целование, немногими людьми восстали на царя, хотите его без вины с царства свесть, а мир того не хочет да и не ведает, да и мы с вами в тот совет не пристаем же». Сказав это, Гермоген отправился домой. Заговорщики, никем не подкрепляемые, не могли его удерживать; они с криками и ругательствами

бросились во дворец, но Шуйский не испугался, он вышел к ним и с твердостию сказал: «Зачем вы, клятвопреступники, ворвались ко мне с такою наглостию? Если хотите убить меня, то я готов, но свести меня с престола без бояр и всей земли вы не можете». Заговорщики, видя везде неудачу, убежали в Тушино, а князь Голицын остался в Москве с прежним значением. Любопытно, однако, что народ, не согласившись на сведение Шуйского с престола, не бросился защищать его от заговорщиков.

После этого события патриарх отослал в Тушино две грамоты: одну — к ушедшим туда после 17 февраля, другую — к ушедшим прежде. Первая грамота начинается так: «Бывшим православным христианам всякого чина, возраста и сана, теперь же не ведаем, как вас и назвать. Не достает мне слов, болит душа и болит сердце, все внутренности мои расторгаются и все составы мои содрогаются, плачу и с рыданием вопию: помилуйте, помилуйте свои души и души своих родителей, восстаньте, вразумитесь и возвратитесь». Патриарх заключает первую грамоту обещанием выпросить у царя прощение раскаявшимся: «Царь милостив, непамятозлобен, знает, что не все своею волею так делают: которые ваша братья в субботу сыропустную и восставали на него, ложные и грубые слова говорили, как и вы же, тем он вины отдал, и теперь они у нас невредимы пребывают; ваши собственные жены и дети также на свободе в своих домах живут». Вторая грамота начинается подобно первой: «Бывшим братиям нашим, а теперь не знаем как и назвать вас, потому что дела ваши в наш ум не вмещаются, уши наши никогда прежде о таких делах не слыхали и в летописях мы ничего такого не читывали: кто этому не удивится, кто не восплачет? Слово это мы пишем не ко всем, но к тем только, которые, забыв смертный час и страшный суд Христов и преступив крестное целование, отъехали, изменив государю царю и всей земле, своим родителям, женам и детям и всем своим ближним, особенно же богу; а которые взяты в плен, как Филарет митрополит и прочие, не своею волею, но силою, и на христианский закон не стоят, крови православных братий своих не проливают, таких мы не порицаем, но молим о них бога». Описав событие 17 февраля, патриарх заключает грамоту так: «Те речи были у нас на Лобном месте, в субботу сырную, после чего все разъехались, мы в город, иные по домам, потому что враждующим поборников не было и в совет к ним не приставал никто; а которые были молодые люди, и те им не потакали же, и так совет их вскоре разрушился. Солгалось про старых то слово, что красота граду старые мужи: а эти старые и молодым беду доспели, и за молодых им в день страшного суда Христова ответ дать. Это чудо в летописцы записали мы, чтоб и прочие не дерзали делать подобного; а к вам мы пишем, потому что господь поставил нас стражами над вами, стеречь нам вас велел, чтобы кого-нибудь из вас сатана не украл. Отцы ваши не только к Московскому царству врагов

своих не припускали, по и сами ходили в морские отоки, в дальние расстояния и в незнаемые страны, как орлы острозрящие и быстролетящие, как на крыльях парящие, и все под руку покоряли московскому государю царю».

Другой заговор был составлен боярином Крюком-Колычевым; положено было убить Шуйского в Вербное воскресенье. Но заговор был открыт; за Колычева никто не заступился, он был пытан и казнен; сообщников его посажали в тюрьмы, но не всех. Обо всех этих событиях знали в Тушине чрез беспрестанных перебежчиков, или *перелетов;* до нас дошел рассказ одного из таких перелетов, подьячего Чубарова, о том, как он перелетал из Москвы в Тушино: «Вышел он из Москвы на государево царево Димитрия Ивановича имя мая 6, вышел в Тверские ворота с подьячим Скурыгиным, и шли с ним вместе до деревни Пироговой, а от Пироговой в другую деревню, и в той деревне ночевал, а на другой день утром крестьянин допроводил его до села Черкизова, а из Черкизова отослали его до села Братошина, а из Братошина привели его в Тушино. Товарищ его Скурыгин отстал от него от первой деревни Пироговой и пошел лесом, хотел пытаться прямо в таборы к государю». Чубаров рассказывал в Тушине, что «которые бояре, дворяне и дети боярские, и торговые люди были в заговоре с Иваном Федоровичем Колычевым и хотели Шуйского убить на Вербное воскресенье, и то не случилось; из их думы один Иван Федорович был на пытке и ни на кого из них не говорил, потому одного и казнили, а их никого казнить Шуйский не велел; и они тем же своим старым заговором промышляют, хотят его убить на Вознесеньев день из самопала, а на Николин день какая замятня будет ли, он того не знает. А дети боярские и черные всякие люди приходят к Шуйскому с криком и воплем, говорят: до чего им досидеть! Хлеб дорогой, а промыслов никаких нет, и ничего взять негде и купить не на что. Шуйский просит у них сроку до Николина дня и надеется на Скопина, будто идет Скопин с немецкими людьми, а немцев с ним семь тысяч; и как он к Москве с силою подойдет, и ему, Шуйскому, с своею силою его встретить и приходить на большие таборы. А весть про Скопина на Москве есть, что пошел из Новгорода; а в котором городке ныне, и того не ведали подлинно. Из бояр прямят государю Димитрию Ивановичу князь Борис Лыков, князь Иван Куракин, князь Василий да князь Андрей Голицыи, да князь Иван Дмитриевич Хворостинин, а с ними дворяне, дети боярские и торговые люди, а сколько их человек и кто именно, того не упомнит». Перелеты уведомляли единогласно, что в Москве большая дороговизна на съестные припасы, дров также нет, жгут опальные дворы, что недовольные приходят к Шуйскому всем миром и говорят: до чего нам дойти! Голодною смертью помирать? И будто Шуйский хочет жить в тропцкой деревне Ивантееве. Действительно, когда, несмотря на победу князя Дмитрия Михайловича Пожарского при

селе Высоцком, в тридцати верстах от Коломны, город этот был осажден тушинским отрядом под начальством Млоцкого, то в Москве сделалась сильная дороговизна; четверть ржи покупали по семи рублей ($23^1/_3$ нынешних серебряных), и толпы народа приходили к Шуйскому с вопросом: до каких пор сидеть и терпеть голод? Шуйский убедил троицкого келаря Авраамия Палицына пустить в продажу по 2 рубля ($6^2/_3$ нынешних серебряных) хлеб из богатых житниц его монастыря, находившихся в Москве. Понижение цены на хлеб поуспокоило народ; к тому же 28 мая выехал из Тушина князь Роман Гагарин, глава недавнего восстания против Шуйского, и начал говорить во весь мир, чтобы не прельщались: тушинский царь настоящий вор, и все это завод литовского короля, который хочет истребить православную христианскую веру; а в Тушине подлинно известно, что в Новгород пришли немецкие люди и литву от Новгорода отбили прочь. Слыша такие речи, люди в Москве укрепились, и никто не поехал в Тушино.

Но если Москва не могла быть спокойна после того, как подле нее образовалась столица другого царя, то не более спокойно было и Тушино, где вся зима 1608—1609 года прошла в смутах, бунтах, что и мешало вору действовать решительно против Москвы; на весну взбунтовалась войсковая челядь, разосланная для сбора припасов, поставила сама себе ротмистров и полковников, ходила по волостям и грабила, а к господам своим в Тушино не хотела возвратиться; для укрощения бунтовщиков тушинцы должны были выслать целые роты. Притом силы самозванца были разделены: отряд запорожцев послан был к Новгороду Великому для попытки, нельзя ли склонить его на сторону тушинского царя. Сапега с Лисовским осаждали Троицкий монастырь, Млоцкий с Бобровским — Коломну, у которой должны были биться с Ляпуновым, воеводою рязанским, Мархоцкий сторожил большие дороги к Москве, а при вестях о движениях Скопина должны были отправить против него Зборовского. Под Москвою поэтому происходили битвы частые, но мелкие; в одной из них в конце февраля гетман Рожинский получил тяжелую рану, от которой после никогда не мог оправиться. Летом, в самый Троицын день, произошла битва большая, неожиданно для тушинцев: часть их подошла к Москве, опрокинула московский отряд, против них высланный, прогнала его до самого города, возвратилась и стала за Ходынкою на берегу. Но царю Василию дали знать, что литовские люди поднялись на Москву всеми таборами, и он выслал против них все свое войско, с пушками и гуляй-городами (подвижными дубовыми городками на возах, в которых сидели стрельцы и стреляли в отверстия). Поляки, увидев это войско, бросились на него и одержали было совершенную победу, овладели гуляй-городами, как вдруг, по словам поляков, в их войске произошло по ошибке замешательство; москвичи поправились и вогнали неприятеля в Ходынку,

гуляй-города свои отгромили и ворвались бы в самое Тушино, если бы Заруцкий с своими донскими козаками не остановил их на речке Химке. По русским же известиям, проигранное дело поправлено было прибытием свежих сил под начальством князей Ивана Семеновича Куракина, Андрея Васильевича Голицына и Бориса Михайловича Лыкова. Тушинцы, по свидетельству их самих, потеряли всю свою пехоту, много у них было побито, много взято в плен москвичами. Русский летописец говорит, что в этом деле у московских людей была такая храбрость, какой не бывало и тогда, когда Московское государство было в собранье.

Имея в своих руках много пленных поляков, царь Василий велел им выбрать кого-нибудь из своей среды и послать в Тушино с предложением, что он освободит всех пленных, если поляки покинут самозванца и выйдут из Московского государства; посланному позволялось отправиться на том условии, что если предложение не будет принято, то он возвратится в Москву. Выбор пал на Станислава Пачановского, который и поехал в Тушино, где получил от своих такой ответ: «Скорее помрем, чем наше предприятие оставим; дороги нам наши родные и товарищи, но еще дороже добрая слава». Пачановский долго колебался, остаться ли в Тушине или возвратиться в Москву, наконец решился возвратиться, за что в Москве оказывали ему уважение и содержали гораздо лучше, чем других пленников. Особенною ласковостию к пленным полякам отличался брат царский, князь Иван Васильевич Шуйский: он вылечил от ран и даром освободил доставшегося ему шляхтича Борзецкого, кроме того, давал по сукну всем пленным, которые выходили на обмен. Предчувствовал ли князь Иван, что скоро сам будет нуждаться в подобной снисходительности [90]?

Описанная битва была последним важным делом между Москвою и Тушином, ибо Скопин был уже недалеко. Мы оставили его в Новгороде, где он завязал переговоры со шведами. В конце февраля 1609 года стольник Головин и дьяк Сыдавный Зиновьев заключили с поверенными Карла IX договор такого содержания: король обязался отпустить на помощь Шуйскому две тысячи конницы и три тысячи пехоты наемного войска, да сверх этих наемников, обязался отправить еще неопределенное число войска в знак дружбы к царю. За эту помощь Шуйский отказался за себя и детей своих и наследников от прав на Ливонию. Шуйский обязался также за себя и за наследников быть в постоянном союзе с королем и его наследниками против Сигизмунда польского и его наследников, причем оба государя обязались не заключать с Сигизмундом отдельного мира, но если один из них помирится с Польшею, то немедленно должен помирить с нею и союзника своего, «а друг друга в мирном постановленьи не выгоражпвать». Шуйский обязался в случае нужды отправить к королю на помощь столько же ратных людей, наемных и безденежно, сколько в настоящем случае

король посылает к нему, причем плата наемных должна быть совершенно одинакая. Шуйский обязался не задерживать никого из присланных на помощь шведов (здесь любопытно, что в числе шведов упоминаются и русские, которые королю служат) и гонцов, ездящих от них в Швецию и обратно. Если шведы возьмут в плен русских изменников, то не должны убивать их, а давать на окуп, литовских же людей вольны бить и вести в свою землю. Королевским ратным людям людской и конский корм будет продаваться по цене настоящей, а лишних денег с них брать не будут; под пеших людей и под наряд будут даваться подводы и лошади безденежно; конным людям, если у кого падет лошадь или убьют в деле, будет даваться другая лошадь немедленно, но в зачет жалованья. Шведские полномочные со своей стороны обязались запретить своим ратным людям, чтоб они, будучи в Московском государстве, не жгли и не разоряли, над иконами не ругались, крестьян не били и в плен не брали. Обязались: городов и областей, верных Шуйскому или принесших повинную, не воевать и не занимать их, равно не занимать и тех городов, которые будут взяты приступом или сдадутся сами; к ворам не приставать и царю Василию не изменять; над князем Скопиным и над государевыми людьми хитрости и измены никакой не сделать, у князя Михаила Васильевича быть в послушанье и совете и самовольством ничего не делать. Шведские поверенные выговорили также, чтоб шведская монета имела обращение в Московском государстве и чтоб русские не ругались над королевскими деньгами под страхом царской опалы; выговорили, чтоб шведским войскам, идущим в Ливонию, был свободный пропуск чрез московские владения. К этому договору была еще дополнительная запись, в которой Шуйский обязался, спустя три недели по выступлении шведского войска из-за границы, доставить королевским воеводам крепость за государевою новгородскою печатью и за князя Скопина рукою на город Корелу с уездом, а после этих трех недель спустя два месяца доставить крепость на город Корелу с уездом за государевою печатью и уступить королю этот город за его любовь и дружбу; потом, спустя одиннадцать недель, начиная с того времени, как шведы уже начнут служить царю, очистить город Корелу и отдать его королю, вывезши из церкви образа и всякое церковное строенье, а из города — пушки, пищали, зелья, ядра, выведши всех русских людей и корелян, которые захотят идти на Русь.

Еще в начале января 1609 года Карл IX уведомлял новгородцев, что он, по просьбе их, послал им на помощь ратную силу «пособлять за старую греческую веру. Поэтому берегитесь,— заключает грамота,— и примите думу, пока вам подмогу дают, или сами увидите: если поляки и литва над вами силу возьмут, то не пощадят ни патриарха, ни митрополитов, ни архиепископов, ни игуменов, ни воевод, ни дьяков, ни дворян, ни детей боярских, ни

гостей, ни торговых людей, ни детепков в пеленках, не только что иных, доколе не изведут славный российский род». До нас дошла также грамота каянбургского шведского воеводы Исаака Бема к игумену Соловецкого монастыря с убеждением не отступать от Шуйского; эта грамота, писанная ломаным русским языком, отличается наивностию выражений, например: «Вы так часто меняете великих князей, что литовские люди вам всем головы разобьют: они хотят искоренить греческую веру, перебить всех русаков и покорить себе всю Русскую землю. Как вам не стыдно, что вы слушаете всякий бред и берете себе в государи всякого негодяя, какого вам приведут литовцы!» Шведы выполнили свои обязательства: кроме пяти тысяч наемников, они выставили еще около десяти тысяч человек всякого разноплеменного сброда под начальством Якова Делагарди, получившего военное воспитание в хорошей школе.

Первое столкновение Скопина должно было произойти с тем отрядом запорожцев, которые под начальством Кернозицкого были высланы из Тушина к Новгороду и на дороге заняли Торжок и Тверь. Чтобы не допустить их к переправе через Мсту, Скопин хотел выслать сильный отряд в Бронницы; начальствовать этим отрядом вызвался известный нам окольничий Михайла Игнатьевич Татищев. Несколько раз встречали мы этого человека, заметили его характер: он крупно разговаривал со Львом Сапегою, бранился с самозванцем за телятину, нанес первый удар Басманову, потом опять перебранивался с польскими послами. Трудно представить себе, чтоб этот человек, так сильно стоявший за старину, убийца Басманова, один из самых ревностных заговорщиков против первого Лжедимитрия, хотел передаться второму. Гораздо вероятнее, что Татищева не любили за его характер, не хотели быть под его начальством. Как бы то ни было, несколько новгородцев явились к Скопину и донесли ему, что Татищев сбирается изменить и нарочно выпросился идти в Бронницы, чтобы помочь Кернозицкому овладеть Новгородом. Обвинение в измене было тогда легким средством для заподозрения человека, отдаления его; быть может, доносчики сами не хотели своим доносом сделать большого вреда Татищеву, но вышло иначе. Скопин, выслушав обвинение, собрал всех ратных людей, призвал Татищева и объявил о доносе на него: толпы взволновались и без всякого исследования бросились на Татищева и умертвили его. Передовой отряд поэтому не мог быть отправлен; Кернозицкий подошел к Новгороду и стал у Хутынского монастыря, многие дворяне уже отбежали в литовские полки, Скопин был в большом горе, как явились тихвинцы с воеводою Горихвостовым в числе 1000 человек; за ним шли с Евсевием Рязановым люди, собравшиеся в заонежских погостах. Горихвостов стал в селе Грузине; несколько крестьян попались в плен к Кернозицкому и на пытке объявили, что пришло в Грузино ратных людей

множество, а за ними идет еще большая сила. Кернозицкий испугался и отступил.

С прибытием шведского войска, весною 1609 года, Скопин начал наступательные действия на тушинцев. Шведы под начальством Горна и русские под начальством Чулкова и Чоглокова выгнали Кернозицкого из Старой Русы, разбили при селе Каменках в Торопецком уезде (25 апреля), очистили Торопец, Торжок, Порхов, Орешек, воевода которого, знаменитый Михайла Глебович Салтыков, убежал в Тушино. Скопин отправил и ко Пскову отряд под начальством князя Мещерского. Здесь лучшие люди и духовенство сносились с войсками Шуйского, желая сдать город московскому царю и тем усилить свою сторону, низложить противников. Стрельцы, козаки, мелкие люди, крестьяне проведали это, отняли лошадей у лучших людей и отдали их стрельцам для битв с отрядом Мещерского, заключили жен отъехавших лучших людей, переписали их имения. Козацкий атаман Корсяков дал знать в Псков о приближении Мещерского, но лучшие люди утаили это известие и посадили в тюрьму гонца. Меньшие, ничего не зная, спокойно вышли все за город навстречу иконе богородицы, приносимой 28 мая из Печерского монастыря, как вдруг пушечная пальба известила их, что неприятель у города. Несмотря на то, однако, что страшный пожар опустошил город, что две стены были взорваны, стрельцы отбились в своей слободе от московского войска и дали время меньшим людям войти в город. При этом деле был освобожден из тюрьмы гонец, присланный Корсяковым; а вскорости потом двое духовных лиц, священник и дьякон, побежали за стену в неприятельский стан; священник был схвачен, предан пытке и оговорил много других; оговоренных также пытали, те оговорили еще других, и тогда пролилось много крови больших людей. У пыток стояли самозванцевы воеводы, но меньшие люди вспомнили псковскую старину и мало слушались воевод; набатный колокол, как прежде вечевой, сзывал народ на площадь, и здесь главным был простой мужик Тимофей, прозвищем Кудекуша Трепец. Ему далось пуще всех, говорит летописец, и воеводам указывал, и стоял крепко у пыток, пристали к нему и другие подобные же и овладели городом. Злоба меньших к лучшим поджигалась все более и более: языки, пойманные на вылазках, говорили, что большие люди пишут из Пскова, зовут к себе на помощь воевод царя Василия: «И бояр многих мучили, жгли и ребра ломали, и часто приходили новгородцы с немцами и козаками, дети боярские, новгородские и псковские, татары и стрельцы, и много было битв и кровопролития, крестьянам и пригородам грабежа, и много всякой беды псковичам».

Уведомляя Скопина (от 2 июня 1609 года) о высылке против него Зборовского и Шаховского и о нетерпении, с каким Москва и все города ждут его, царь Василий писал племяннику: «И тебе бы, боярину нашему, никак своим походом не мешкать, нам и

всему нашему государству помощь на воров подать вскоре. И только божиею милостию и твоим промыслом, и раденьем государство от воров и от литовских людей освободится, литовские люди твоего прихода ужаснутся и из нашей земли выйдут или по божией милости победу над собою увидят, то ты великой милости от бога, чести и похвалы от нас и от всех людей нашего государства сподобишься, всех людей великою радостию исполнишь, и слава дородства твоего в нашем и окрестных государствах будет памятна, и мы на тебя надежны, как на свою душу». Скопин еще 10 мая выступил из Новгорода: потеряв надежду взять Псков, он отозвал Мещерского, чтоб, не тратя времени, с соединенными силами спешить к Москве. Мы видели, что из Тушина выслан был против него Зборовский, у которого было тысяч до четырех войска, поляков и русских; последних вел князь Григорий Шаховской: он успел освободиться из своего заключения во время занятия северских городов войсками самозванца и пробраться в Тушино. У Торжка встретился Зборовский с передовым отрядом Скопина, бывшим под начальством Головина и Горна, и разбил его, но, узнав от языков, что следом идет сам Скопин с большим войском, отступил к Твери, где соединился с козаками Кернозицкого. Скопин с своей стороны соединился в Торжке с смоленским ополчением и дал битву Зборовскому под Тверью: два крыла поляков смяли русских и союзников их, но средина обратилась в бегство, опомнилась, только пробежавши несколько миль, и возвратилась к своим, торжествующим победу; но эта победа была сомнительна, потому что шведская пехота не уступила поле битвы и только ночью, когда битва прекратилась, отступила к оставленному назади обозу. Поляки, именно те, которые действовали с успехом во время дня, советовали также немедленно отступить, указывая на превосходство сил Скопина, но те, которые бежали, желая смыть с себя пятно, настояли, чтобы не уходить от Твери. Зборовский требовал, чтобы все войско стало в одном месте и соблюдало большую осторожность, но его не послушали: одни стали в поле, а другие — в самом посаде безо всякой осторожности; этим воспользовались русские и шведы, на рассвете ударили и нанесли полякам сильное поражение. Зборовский был принужден отступить от Твери, и Скопин двинулся вперед, как вдруг в 130 верстах от Москвы получил весть, что шедшие за ним иноземцы отказываются служить под предлогом, что вместо платы за четыре месяца им дали только за два, что русские не очищают Корелы, хотя уже прошло одиннадцать условных недель после вступления шведов в Россию. Скопин, пославши уговаривать Делагарди возвратиться, сам перешел Волгу под Городнею, чтобы соединиться с ополчениями северных городов, и по левому берегу достиг Колязина, где и остановился. В то время как Зборовский, соединившись с Сапегою, без всякого успеха приступал к Троицкому монастырю, Скопин соединился с северными отрядами и успел

выпросить у Делагарди около тысячи человек иностранцев, которые пришли под начальством Христиерна Сомме; тогда Сапега и Зборовский, опасаясь усиления Скопина, выступили против него к Колязину, но потерпели поражение на реке Жабне и удалились опять к Троицкому монастырю.

Теперь главным делом царя Василия и Скопина было достать как можно больше денег для уплаты иностранному войску; они слали грамоты за грамотами в северные города и монастыри с требованием денег на жалованье немецким людям. Царь Василий писал в Соловецкий монастырь, что «литва и изменники стоят под Московским государством долгое время и чинят утесненье великое; и в том многом стоянье из нашей казны служивым людям на жалованье много денег вышло, а которые монастыри в нашей державе, и у них всякая монастырская казна взята и роздана служилым людям. Что у вас в Соловецком монастыре денежной всякой монастырской казны, или чьи поклажи есть, то вы бы тотчас эту казну прислали к нам в Москву, и когда всесильный бог над врагами победу подаст и с изменниками и с ворами управимся, то мы ту монастырскую казну исполним вдвое». Скопин бил челом пермским приказным людям в таких выражениях: «Иноземцам, наемным людям найму дать нечего, в государевой казне денег мало, известно вам самим, что государь в Москве от врагов сидит в осаде больше году; что было казны и та раздана ратным людям, которые сидели с государем в Москве. И вам бы говорить гостям и торговым лучшим и середним и всяким людям, чтобы они для покоя и христианской избавы, чтобы Московское государство за наемными деньгами до конца не разорилось, дали на наем ратным людям денег, сукон, камок, тафты, сколько кому можно; а как, даст бог, от воров и от литовских людей Московское государство свободно будет, то государь велит те деньги заплатить. Да собрать бы вам с посаду и с уезду, кроме того кто из воли своей даст, с сохи по пятидесяти рублей денег, для избавы христианские, немецким и крымским людям на наем. А у меня в полках дворяне и дети боярские всех городов немецким людям деньги, лошадей и платье давали не однажды, а в Новгороде митрополит, архимандриты, игумены, гости, посадские и уездные всякие люди деньги, сукна и камки давали им сколько кому можно». Писали к пермичам и другие города, укоряя их в холодности к общему делу; устюжане писали к ним: «Только от вас к государю и службы, что всего 80 человек в Ярославле; а если вы теперь к государю его казны не отпустите, и в прибавку денег сбирать не станете, и ратных людей не прибавите, то вам от государя какой милости ждать? А при государе царе Иване Васильевиче в походах и на берегу было с вас по тысяче человек. Вся Русская земля с государем страдает, да и окольные государства по нашей христианской вере поборают и государю помогают: и вам бы, господа, помня бога, свои души и крестное

целованье, одноконечно о государеве и о земском ратном деле порадеть». Пермичи отвечали Скопину, что обрадовались божией помощи, ему оказанной, но что требованиям его удовлетворить вполне не могут, потому что «сукнами, камками и тафтами у них никто не торгует, а собрали они девять сороков соболей, да черную лисицу доброхотного приношения, что и высылают ему тотчас же, послали собирать с сох по пятидесяти рублей, а сборных денег прислать не могут, потому что путь зимний еще не установился». Но соболей и лисицу они прислали и не по зимнему пути; отчего же не могли прислать сборных денег?

Не так поступили соловецкие монахи: в два раза переслали они в Москву более 17 000 нынешних серебряных рублей и даже ложку серебряную. Не так поступил и Петр Семенович Строганов, как свидетельствует жалованная грамота, данная ему Шуйским: в ней царь говорит, что «Строганов против воров стоял крепко, без всякого позыванья, ратных многих людей на царскую службу против воров посылал, города от шатости укреплял, да у него же брались на царя в Москве и по другим городам в ссуду большие деньги для раздачи служилым людям на жалованье. За такие его службы... царь его пожаловал, велел писать во всех грамотах с «вичем»; он сам, дети его, племянники, люди и крестьяне везде освобождались от суда бояр, воевод, дьяков и всяких приказных людей, судит их сам царь или кому прикажет; за бесчестье платится ему против московского лучшего человека вдвое, сто руб.; питье ему всякое про себя держать безъявочно, стояльщиков у него во дворах на Москве и по иным городам русских всяких людей и иноземцев не ставить, летом у него во дворе избы и мыльни топить вольно; сверх того, с него самого, с сыновей и племянников, с его людей и крестьян проезжего мыта, головщины и мостовщины не брать».

Плохо помогая деньгами царю московскому, пермичи обнаружили холодность и тогда, когда надобно было помочь от воров ближайшим к ним вятчанам. Напрасно вятчане, устюжане, вычегодцы и Строгановы писали к ним не раз, чтоб они выставили своих ратных людей против воров, козаков, стрельцов и черемис, засевших в Котельниче: пермичи обещались и не прислали ратных людей. На неотступные просьбы вятчан они отвечали, что ратные люди у них собраны и готовы выступить в поход, но что их смущают разноречивые вести из Вятки: пишут им, что изменники очистили Котельнич, убежали в Яренск, и воевода вятский, князь Михайла Ухтомский, распустил всех сборных людей, поэтому и они, пермичи, своих ратных людей удержали у себя, а приезжий сын боярский Василий Тырков сказывал, что в Котельниче государевых изменников было всего 1400 человек, а у князя Ухтомского было ратных людей в сборе 12 000. «С таким собраньем,— писали пермичи в Вятку,— можно было бы над государевыми изменниками промыслить всякими мерами; а то нам кажется, что князь

Михайла Ухтомский нарочно государевых изменников из Котельнича упустил, да и не послал за ними, а в Яренск из Вятки ездят об одну ночь, татары каринские и Василий Тырков с государевыми ратными людьми у князя Ухтомского на изменников просились, но князь Михайла их не пустил. И вы бы, господа, на такую князя Михайла дурость не смотрели, и ратным людям со всей Вятской земли велели быть в сборе, тотчас, больше прежнего, чтоб государевы изменники на вас украдкою не пришли». Раздосадованные вятчане отвечали на эту грамоту в таких выражениях: «Вы к нам теперь писали самою глупостью, да не только что глупостью, пьянством; видите над нами от врагов разоренье великое, у вас ратные люди в сборе есть, а вы их к Вятке не присылаете, с дороги их воротили. Мы на вашу глупость не смотрим, помним бога, свои души и крестное целованье: с изменниками не ссылаемся, над ворами промышляем и против врагов стоим, как нас милосердый бог вразумит и сколько помощи подаст. А вы над собою милость божию и пречистой богородицы, свое крестное целованье и государево жалованье забыли, рады христианскому кровопролитию и разоренью: Вятскую землю ворам на разоренье напрасно подаете, ратных людей к нам не присылаете и с нами на воров не стоите; так вы сами себе предатели и от своей вам глупости погибнуть. Прежде этого к вам были посланы два государева изменника, велено вам казнить их смертью, а вы над ними ничего не сделали. Смотрите, как служат и прямят государю устюжане и Соль Вычегодская: прислали к нам для обереганья ратных многих людей и велели им быть на Вятке до тех пор, пока Яренск очистится. Так вы бы глупость свою покинули, непременно прислали бы к нам для обереганья ратных многих людей тотчас, чтоб Вятской земле помочь и ворам не подать, да и самим бы вам от врагов в разоренье не быть. Вы россказням Тыркова верите, а нашему письму не верите, так вам бы самим пьяным всегда быть, как был пьян на Вятке Василий Тырков». Нам теперь трудно оправдать пермичей: прямо видно желание их медлить, дожидаться времени, не обременять себя пожертвованиями; предлог, под которым они отказали вятчанам в помощи, был ничтожный. В самом деле, какое право имели они, мимо отписок воеводы и мира, поверить речам какого-то Тыркова, который мог лгать на Ухтомского по личным отношениям, особенно когда другие города писали то же, что и вятчане, и посылали ратных людей к ним на помощь. Если б даже известия Тыркова были и справедливы, то во всяком случае пермичи должны были тотчас двинуться к Вятке, ибо если Ухтомский действовал плохо по трусости, то они должны были ободрить его своим приходом, если же он благоприятствовал ворам, то пермичи должны были спешить в Вятку, чтоб уничтожить все крамолы; но измену Ухтомского предположить трудно, ибо он не стал бы тогда созывать к себе отовсюду на помощь ратных людей, верных царю московскому. На-

конец, против пермичей свидетельствуют и прежние и последующие их нерешительность и недеятельность. Когда Ухтомского сменил в Вятке воевода Мансуров, то и он писал также к пермичам о немедленной присылке ратных людей и наряда, но ему пермичи отвечали, что у них много ратных людей было в сборе, но что прежний воевода, князь Ухтомский, писал к ним об уходе изменников из Котельнича в Яренск и чтоб они ратных людей не присылали, поэтому они и распустили войско; наряду у них в Перми лишнего нет, а какой есть, тот надобен самим. Несмотря на такую холодность к общему делу, Шуйский дал пермичам грамоту, в которой за службу и раденье освобождал их от сбора по 50 рублей с сохи.

Когда дела шли таким образом на северо-востоке, князь Скопин, стоя в Колязине, занимался обучением своих северных новобранцев, причем ревностно помогал ему швед Сомме, а с другой стороны, шли деятельные переговоры с Делагарди касательно возвращения его отряда снова на службу царскую. Царь Василий принужден был поспешить исполнением Выборгского договора и послал в Корелу приказ очистить этот город для шведов. Между тем один отряд, высланный Скопиным, занял Переяславль Залесский, с другой стороны приближался боярин Федор Иванович Шереметев, который беспрепятственно вошел в Муром и взял приступом Касимов. В Касимове явился к нему из Москвы от царя князь Прозоровский с жалованным словом за службу, что царю Василью служил и прямил; но Прозоровский должен был также сказать Шереметеву, что идет медленно, государевым делом не радеет. Таким образом, Шереметев получил и похвалу и выговор в одно время, за одно и то же дело; товарищ его Иван Салтыков был взят в Москву: его, как видно, считали главным виновником медленности и нераденья. Шереметев после того перешел во Владимир.

Таким образом север очищался и главные рати царя Василия с востока и запада сходились к Москве, чтоб под ее стенами дать решительный бой царю тушинскому, царю южной части государства, преждепогибшей Украйны и степей козацких. Победа Скопина над Зборовским сильно встревожила Тушино: самозванец писал Сапеге, чтоб тот, бросив осаду Троицкого монастыря, спешил на защиту Тушина: «Неприятель,— пишет Лжедимитрий,— вошел в Тверь почти на плечах нашего войска. Мы не раз уже писали вам, что не должно терять времени за курятниками, которые без труда будут в наших руках, когда бог увенчает успехом наше предприятие. Теперь же, при перемене счастья, мы тем более просим оставить там все и спешить как можно скорее со всем войском вашим к главному стану, давая знать и другим, чтоб спешили сюда же. Просим, желаем непременно и подтверждаем, чтоб вы иначе не действовали». Не довольствуясь этим, самозванец приписал собственноручно: «Чтоб спешил как можно скорее» [91]. Но гроза поднималась над Тушином с другой стороны.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ОКОНЧАНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ШУЙСКОГО

Польский король Сигизмунд осаждает Смоленск.— Смута в Тушине по этому случаю.— Самозванец бежит из Тушина в Калугу.— Послы от русских тушинцев у короля Сигизмунда и предлагают русский престол сыну его Владиславу.— Условия избрания Владислава.— Положение Марины в Тушине.— Положение самозванца в Калуге.— Марина убегает из Тушина.— Поляки оставляют Тушино.— Народная любовь к князю Скопину.— Торжественный въезд его в Москву.— Затруднительное положение короля Сигизмунда.— Смерть Скопина.— Ляпунов поднимается против царя Василия.— Победа польского гетмана Жолкевского над русскими при Клушине.— Поход Жолкевского к Москве.— Самозванец под Москвою.— Свержение Шуйского.— Правительственные распоряжения в царствование Шуйского

Мы видели, что при вступлении Шуйского на престол королю Сигизмунду, угрожаемому страшным рокошем, было не до Москвы. Но рокош кончился торжеством короля, который имел теперь возможность заняться делами внешними, а между тем в дела Московского государства вмешалась чуждая и враждебная Польше держава. Сигизмунд еще мог ждать спокойно развязки дел, пока Шуйский боролся с самозванцем, но когда Шуйский завел переговоры с шведами, с Карлом IX, заклятым врагом Сигизмунда и Польши, когда между царем московским и королем шведским заключен был вечный союз против Польши, тогда Сигизмунд оставаться в покое не мог; с другой стороны, послы польские, возвратившиеся из Москвы, уверяли короля, что бояре за него, что стоит только ему показаться с войском в пределах московских, как бояре заставят Шуйского отказаться от престола и провозгласят царем королевича Владислава. После Сигизмунд объявлял испанскому королю, что он предпринял московскую войну, во-первых, для отмщения за недавние обиды, за нарушение народного права, потом, чтоб дать силу своим наследственным правам на престол московский, ибо предок его Ягайло был сыном княжны русской и женат был также на княжне русской, наконец, чтоб возвратить области, отнятые у его предков князьями московскими. Поход был, впрочем, предпринят не из одних частных выгод короля, но и для

блага всего христианства: король видел, что колеблющемуся государству Московскому, с одной стороны, угрожают турки и татары, с другой — еретические государи: в войсках Шуйского были татары, были еретики французы, голландцы, англичане, набранные теми (шведами), которые хотели, заключив союз против Польши с варварами, истребить католическую религию и основать еретическое государство с титулом империи, который москвитяне себе присваивают.

Король отправился к московским границам, повестив сенаторам, что едет в Литву для наблюдения за войною со шведами в Ливонии и за ходом дел в России, обещаясь иметь в виду только одни выгоды республики; в Люблине объявил сеймовым депутатам, что все добытое на войне московской отдаст республике, ничего не удержит для себя. Эти обязательства очень важны для нас: они устанавливают точку зрения, с какой мы должны смотреть на поведение Сигизмунда относительно Московского государства. Мы не можем упрекать Сигизмунда в близорукости, в безрассудном упрямстве, упрекать его за то, что он непременно хотел взять Смоленск, не послал тотчас сына своего Владислава в Москву, раздражил тем русских и произвел восстание, окончившееся изгнанием поляков. Мы прежде всего должны обратить внимание на положение Сигизмунда, который не мог заботиться о своих династических выгодах, обязавшись думать только о выгодах республики: как бы он мог возвратиться в Польшу и явиться на сейм, потратив польскую кровь и деньги для того только, чтоб посадить сына своего на московский престол, если это посажение не доставляло Польше никакой непосредственной выгоды. Польский престол был избирательный; по смерти Сигизмунда сын его Владислав, царь московский, мог быть избран королем польским и нет: и прежние цари московские бывали искателями польского престола, но не достигали его по невозможности согласить интересы польские с московскими, а эта невозможность должна была существовать и при Владиславе, потому что если бы он, сидя на московском престоле, вздумал быть полезен Польше, то ему могли приготовить участь Лжедимитрия. Другое дело, если бы Москва покорилась самому королю Сигизмунду, то есть присоединилась к Польше, это было выгодно для последней, и Сигизмунд мог добиваться этого; но прежде он должен был овладеть какою-нибудь областию для Польши, чтобы достигнуть цели своего похода, доставить Речи Посполитой что-нибудь верное, тогда как овладение Москвою было таким предприятием, которого успех был очень сомнителен. Гетман Жолкевский писал к королю, что все думают, будто король выступил в поход для собственных выгод, а не для выгод республики, и потому не только простой народ, и сенаторы неохотно об этом говорят, необходимо, следовательно, уверить сенаторов в противном. Понятно после этого, что Сигизмунд должен был спешить этим уверением не

на словах, а на деле, спешить приобретением для республики, а не для себя какого-нибудь важного места в московских владениях. Издавна Смоленск был предметом спора между Москвою и Литвою; наконец первой удалось овладеть им. Но Литва не могла позабыть такой важной потери, ибо этот город, ключ Днепровской области, считался твердынею неприступною. Сигизмунда уведомляли, что воевода смоленский Шеин и жители охотно сдадутся ему; король не хотел упускать такого удобного случая и двинулся к Смоленску вопреки советам гетмана Жолкевского, который хотел вести войско в Северскую землю, где худо укрепленные городки не могли оказать упорного сопротивления.

Как смотрели в это время в Польше на дела московские, на цель похода Сигизмундова, можно видеть из письма какого-то Отоевского из Польши к какому-то Вашийскому в Ливонию от 12 декабря 1608 года. Отоевский пишет о найме шведами полков на помощь Шуйскому, причем прибавляет: «Нам теперь следует положиться во всем на всемогущего бога и держать надежду на тех, которые теперь в Русской земле пасутся, потому что им до сих пор все сходило с рук счастливо: русские своим государям, которым они крест целовали, толпами изменяют и землю свою нашим отдают, и теперь здесь мирская молва, что наши мало не всею Русскою землею овладели, кроме Москвы, Новгорода и других небольших городов. Я вам объявляю, что на будущем сейме постановят такое решение: видя легкоумие и непостоянство московских людей, которым ни в чем верить нельзя, надобно разорить шляхту и купцов и развести в Подолию или в другие дальные места, а на их место посадить из наших земель добрых людей, на которых бы можно было в нужное время положиться. Теперь нам этим делом надобно промыслить раньше: прежде чем придут шведы, надобно Шуйского со всеми его приятелями разорить и искоренить до основания». Из этого письма мы видим, как союз Шуйского со шведами вывел поляков из бездействия, понудил их ускорить решительными мерами относительно Москвы. С другой стороны, видим, что целию королевского похода для поляков было покорение Московского государства Польше, а не возведение на московский престол сына королевского. Но если поляки хотели воспользоваться смутным состоянием Московского государства для его завоевания, то это завоевание не могло быть легко, когда бы поляки вступили в московские области с явно враждебным видом, с явно высказанною целию завоевания. Москва была разделена между двумя искателями престола; чтоб облегчить себе завоевание русских областей, Польша должна была выставить также искателя, именно королевича Владислава, на которого еще при жизни первого Лжедимитрия указывали бояре, о котором некоторые из них думали и теперь, как доносили Сигизмунду; итак, посажение Владислава на престол

московский было только предлогом для достижения цели, но не могло быть целию Сигизмундова похода.

Обо всех замыслах и движениях в Польше знал смоленский воевода Шеин, который посылал в Литву, за рубеж, своих лазутчиков; они приносили ему вести, слышанные ими от своих *сходников*, т. е. людей подкупленных, которые, *сходясь* в условленных местах с русскими лазутчиками, уведомляли их обо всем, что у них делалось. Но не от одних лазутчиков-крестьян узнавал Шеин польские новости: у него был подкуплен в Польше какой-то Ян Войтехов, который непосредственно на письме доносил ему обо всем. В марте 1609 года Войтехов писал ему, что по окончании сейма королевич хотел было идти на Москву, но приехал воевода сендомирский и посол от Лжедимитрия вместе с послами от тушинских поляков с просьбою к королю и панам, чтоб королевича на Московское царство не слали, ибо они присягнули тушинскому царю головы свои положить, хотя б и против своей братьи. Войтехов сообщил также вести и из Тушинского стана, писал, что крутиголова Димитрий хочет оставить Тушино и утвердиться на новом месте, потому что весною смрад задушит войско; весною же хочет непременно добыть и Москву. Войтехов писал, что сендомирский воевода на сейме именем Димитрия обязался отдать Польше Смоленск и Северскую землю, и если б Мнишек в этом не присягнул, то поляки непременно хотели посадить королевича на царство Московское. Войтехов писал также, что много купцов польских приехало домой из Тушина и сказывают, будто Лжедимитрий хочет бежать, боясь Рожинского и козаков, что у него нет денег на жалованье польскому войску, которое будто бы говорит: «Если бы царь московский заплатил нам, то мы воров выдали бы, а из земли Московской вышли», что Шуйскому стоит привлечь к себе Заруцкого с его донскими козаками, и тогда можно сжечь тушинские таборы. О самом себе Войтехов писал: «Пришлите мне, пожалуйста, бобра доброго черного самородного, потому что меня слово обошло за прежнее письмо к вам, так надобно что-нибудь в очи закинуть». Шеину сообщали также слухи, ходившие в Литве о самозванцах, писали, что вор тушинский пришел с Белой на Велиж, звали его Богданом, и жил он на Велиже шесть недель, а пришел он с Белой вскорости, как убили расстригу, сказывал, что был у расстриги писарем ближним; с Велижа съехал с одним литвином в Витебск, из Витебска — в Польшу, а из Польши объявился воровским именем. Петрушка, что сидел в Туле, и теперь живет в Литве, и прямой он сын царя Феодора, а вместо его в Москве повесили мужика. Борисов сын, Федор Годунов, также жив и теперь у цесаря христианского.

Между тем у пограничных жителей московских и литовских по обычаю происходили ссоры, наезды. По этому поводу начальники пограничных областей — староста велижский Александр Гонсев-

ский, бывший недавно послом в Москве, и смоленский воевода Шеин должны были войти в сношения друг с другом. Гонсевский звал Шеина на порубежный съезд для решения спорных дел; Шеин в такое Смутное время боялся принять на себя за это ответственность, особенно когда ему доносили, что Гонсевский нарочно для того и приехал в Велиж, чтоб подговорить смольнян к сдаче королю. Шеин упрекал Гонсевского за то, что он не выполнил условий договора, заключенного им с товарищами в Москве, что поляки не выведены из Московского государства и оттого происходит страшное кровопролитие. Гонсевский отвечал: «Ты хочешь, чтоб польские и литовские люди были выведены из Московского государства, но каким образом это сделать? Грамотами королевскими? Грамоты были посланы к ним: король хотел послать еще гонца, и велел мне обо всем этом переговорить с тобою, но вы сами от доброго дела бегаете, держась своего обычая московского: брат брату, отец сыну, сын отцу не верите; этот обычай теперь ввел царство Московское в погибель. Я знаю, что у вас, у государей, и в народе такой доверенности, как у нас, нет, и тебе, по обычаю московскому, нельзя было со мною съезд устроить; зная это, я писал тебе, чтоб ты объявил о деле архиепископу и другим смольнянам и с их ведома съезд устроил: но и это не помогло. Припоминая себе дела московские, к которым, будучи в Москве, приглядеался и прислушался, также и нынешнее ваше поведение видя, я дивлюсь тому: что ни делаете, все только на большее кровопролитие и на пагубу государству своему». Гонсевский был прав на словах, но вовсе не прав на деле, потому что он-то и известил короля о желании бояр иметь царем Владислава, он-то и теперь всех больше хлопотал о сдаче Смоленска, как прямо сам король сказал Жолкевскому; следовательно, известия, полученные Шеиным о замыслах Гонсевского, были вполне справедливы и Шеин имел полное право не доверять велижскому старосте.

Надобно было готовиться к обороне, принимать меры предосторожности; но в такое Смутное время трудно было рассчитывать на всеобщее усердие, на всеобщее повиновение: стрелецкие сотники и дети боярские отказывались стоять на стороже против поляков. А между тем из-за границы приходили вести одна другой страшнее о движениях Сигизмунда. Донесение Войтехова, что обещания Мишка, данные на сейме, удержали поляков от войны, оказалось ложным; в мае 1609 года лазутчики донесли Шеину, что король строго запретил сендомирскому воеводе и всем вообще полякам ходить к Москве. В июле доносили, что Гонсевский идет с нарядом под Смоленск, что туда же в следующем месяце ждут самого Сигизмунда, что Гонсевский приводил жителей пограничных московских волостей к присяге на имя королевское. Вести были справедливы. В Минске съехался с королем гетман Жолкевский и расспрашивал о подробностях касательно предпринимаемого по-

хода, хотел знать, что́ ручается королю за успех его? Те, которые обнадеживали Сигизмунда, говорили, что пока он находится далеко, то боярам московским трудно отозваться в его пользу, и потому, чтоб заставить их высказать свое расположение, королю необходимо спешить к границам. В Минск пришло письмо от Гонсевского, который настаивал, чтоб король как можно скорее выступал под Смоленск беззащитный, ибо ратные люди смоленские ушли на помощь к Скопину. Сигизмунд выехал из Минска, а в Орше свиделся с литовским канцлером Львом Сапегою, который также убеждал короля спешить походом. Сапега пошел вперед к Смоленску, беспрестанными записками побуждая к скорости и Жолкевского, которому очень не нравилась вся эта поспешность и, как ему казалось, необдуманность: опытному полководцу странно было предположить, что такая сильная крепость, как Смоленск, захочет сдаться войску, в котором было только 5000 пехоты. Несмотря на то, 19 сентября нетерпеливый Сапега уже стоял под Смоленском, 21-го прибыл туда и сам король; всего войска собралось, кроме 5000 пехоты, 12 000 конницы, 10 000 козаков запорожских и неопределенное число татар литовских; запорожцев было также не всегда одинаковое число, потому что часть их отъезжала за кормами; в числе 12 000 конницы было много волонтеров, которые, набравши добычи, разбегались. Число осажденных, способных к обороне, полагают до 70 000.

Перейдя границу, Сигизмунд отправил в Москву складную грамоту, а в Смоленск — универсал, в котором говорится, что по смерти последнего Рюриковича, царя Феодора, стали московскими государями люди не царского рода и не по божию изволению, но собственною волею, насилием, хитростию и обманом, вследствие чего восстали брат на брата, приятель на приятеля, что многие из больших, меньших и средних людей Московского государства и даже из самой Москвы, видя такую гибель, били челом ему, Сигизмунду, чтоб он, как царь христианский и наближайший родич Московского государства, вспомнил свойство и братство с природными, старинными государями московскими, сжалился над гибнущим государством их. И вот он, Сигизмунд, сам идет с большим войском не для того, чтоб проливать кровь русскую, но чтоб оборонять русских людей, стараясь более всего о сохранении православной русской веры. Потому смольняне должны встретить его с хлебом и с солью и тем положить всему делу доброе начало, в противном же случае войско королевское не пощадит никого. Смольняне отвечали королю, что у них обет положен в дому у Пречистой богородицы: за православную веру, за святые церкви, за царя и за царское крестное целование всем помереть, а литовскому королю и его панам отнюдь не поклониться. Посады были пожжены, жены и дети служилых людей, бывших в войске Скопина, перебрались из уезда в крепость, но крестьяне в осаду не пошли и даточ-

пых людей не дали, потому что король обольстил их вольностию. Смольняне посылали челобитные в Москву с просьбою о помощи, но вместо помощи царь Василий мог присылать им только милостивые грамоты. Несмотря на то, осажденные решились защищаться отчаянно, и если вступали в переговоры с королем, то единственно для того, чтобы выиграть время. При этих переговорах смольняне прямо говорили посланным королевским, что они хвалят Сигизмунда за его доброе расположение, но опасаются его подданных, на которых положиться нельзя. Если бы король и обещал что-нибудь под клятвою, то поляки не сдержат его слова по примеру стоявших под Москвою, которые, уверяя, что сражаются за русских, сами забирают семейства их и разоряют волости. Таким образом, кроме враждебных пограничных отношений, издавна господствовавших между литвою и смольнянами, последние не могли сдаться Сигизмунду вследствие слабости королевской власти в Польше, вследствие недостатка ручательства в том, что обязательства, королем данные, будут исполнены его подданными. Некоторые из смольнян объявили еще, что они не хотят терпеть от поляков того же, что терпели от них жители Москвы во время первого Лжедимитрия, и потому решились умереть верными царю Василию и скорее собственными руками умертвят своих жен, чем согласятся видеть их в руках поляков. Трудно было полагаться и на обещания самого Сигизмунда, который, уверяя смольнян, что будет охранять их веру, в Польше объявил, что начал войну преимущественно для славы божией, для распространения католической религии. Между причинами, побуждавшими смольнян к сопротивлению, можно положить еще и ту, что служилые люди смоленские были в войске Скопина, а семейства их сидели в осаде в Смоленске: эти семейства, разумеется, всеми силами должны были противиться сдаче города Сигизмунду, ибо тогда они были бы разлучены с своими; с другой стороны, присутствие смоленских служилых людей в стане Скопина одушевляло осажденных надеждою, что земляки их непременно явятся на помощь к ним, на выручку семейств своих. Наконец, указывают еще причину сопротивления, именно со стороны богатейших купцов смоленских; они дали в долг Шуйскому много денег: если бы они сдались Сигизмунду, то эти деньги пропали бы.

С самого начала осада пошла неудачно; осажденные позволяли себе очень смелые вещи: однажды шестеро смельчаков переехали из крепости в лодке через Днепр к шанцам неприятельским, среди белого дня схватили знамя и благополучно ушли с ним обратно за реку. 12 октября король велел своему войску идти на приступ; разбивши ворота петардой, часть войска ворвалась было в город, но не получила подкрепления от своих и была вытеснена осажденными. Подкопы также не удавались, потому что осажденные имели при стенах в земле тайные подслухи. Не Смоленск, но Тушино

испытало на себе весь вред от королевского похода: когда здесь узнали об этом походе, то началось сильное волнение; поляки кричали, что Сигизмунд пришел за тем, чтоб отнять у них заслуженные награды и воспользоваться выгодами, которые они приобрели своею кровию и трудами. Гетман Рожинский был первый против короля, потому что в Тушине он был полновластным хозяином, а в войске королевском не мог иметь такого значения. Он собрал коло и, разумеется, легко уговорил товарищей своих не отказываться от цели уже столь близкой и дать друг другу присягу ни с кем не входить в переговоры и не оставлять Димитрия, но, посадив его на престол, требовать всем вместе награждения; если же царь станет медлить, то захватить области Северскую и Рязанскую и кормиться доходами с них до тех пор, пока не получат полного вознаграждения. Все поляки охотно подписали конфедерационный акт и отправили к королю под Смоленск послов, Мархоцкого с товарищами, с просьбою, чтоб он вышел из Московского государства и не мешал их предприятию. Рожинский хотел уговорить и Сапегу к конфедерации, для чего поехал сам к нему в стан под Троицкий монастырь, но Сапега не решился на меру, которая вела к открытой борьбе с королем.

Между тем Скопин, соединившись опять с Делагарди, двинулся из Колязина на Александровскую слободу, откуда передовой отряд его, под начальством Валуева и Сомме, вытеснил поляков. Скопин остановился в слободе, дожидаясь Шереметева и новых подкреплений из Швеции; он медлил, а Москва опять терпела голод: покупали четверть по семи рублей, и народ волновался, кричали, что лгут, будто придет скоро князь Михайла Васильевич, приходили в Кремль миром к царю Василью, шумели и начинали мыслить опять к тушинскому вору. В это мятежное время вдруг пришла станица от Скопина с письмом к царю, царь послал письмо к патриарху, и настала в Москве радость, зазвонили в колокола, начали петь молебны. Но радовались недолго, потому что голод все усиливался: крестьянин Салькoв с толпою русских воров перехватил Коломенскую дорогу, по которой шли в Москву запасы из земли Рязанской, свободной от тушинцев; царь выслал против него одного воеводу, но Салькoв разбил его; выслал другого — тот ничего не сделал разбойникам, наконец вышел третий воевода, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, и разбил Салькова наголову на Владимирской дороге, на речке Пехорке; на четвертый день после битвы Салькoв явился в Москву с повинною: у него изо всей шайки осталось только 30 человек. В самой Москве козаки завели измену: атаман Гороховой, которому пришла очередь стоять в Красном селе, снесся с тушинцами и сдал им Красное село; тушинцы выжгли его; мало этого: подведенные также изменниками, они подкрались ночью к деревянному городу и зажгли его; москвичи отбили их и затушили пожар; выгорело сажен сорок. Скопин все

стоял в Александровской слободе. Сапега пошел туда из-под Троицкого монастыря, разбил высланный против него Скопиным отряд, но не мог осилить самого Скопина и после жаркого боя с ним возвратился опять под Троицу. После этого он уговаривал Рожинского действовать вместе против Скопина, но тот, раздосадованный отказом Сапеги приступить к конфедерации, отказался помогать ему и уехал в Тушино, которому король скоро нанес последний удар.

В то время как тушинские поляки отправили послов к Сигизмунду под Смоленск, король отправил своих послов в Тушино, пана Станислава Стадницкого с товарищами. Они должны были внушать полякам, что им гораздо приличнее служить природному своему государю, чем иноземному искателю приключений, и что они прежде всего должны заботиться о выгодах Польши и Литвы. Король обещал им вознаграждение из казны московской в том случае, когда соединенными силами Москва будет покорена, притом обещал, что они будут получать жалованье с того времени, как соединятся с полками его; начальным людям сулил богатые награды не только в Московском государстве, но и в Польше. Что же касается до русских тушинцев, то Сигизмунд уполномочил послов обещать им сохранение веры, обычаев, законов, имущества и богатые награды. если они предадутся ему. С другой стороны, послы должны были войти в сношение с самим Шуйским и начальными людьми в Москве, передать им грамоты королевские. Грамота к Шуйскому (от 12 ноября 1609 года н. с.) начинается упреком за дурной поступок с послами польскими при восстании на самозванца, потом король продолжает: «Ты заключил перемирие с этими послами нашими, вымогая из них силою, по своей воле дела трудные, чтобы мы свели своих людей, которые против воли нашей в землю Московскую вошли с человеком москвичом, называющимся Димитрием Ивановичем; ты велел нашим послам целовать на этом крест; но мы этого условия не приняли, и ты к нам послов своих за подтверждением перемирия не прислал, и сам разными способами его нарушил: людей наших, в Москве задержанных и в заточенье разосланных, ты до 28 сентября 1608 года на рубеже не поставил, как было договорено, иных до сих пор задержал, а некоторых после перемирья велел побить, за невинно побитых людей наших и за разграбление имущества их удовлетворения не сделал; сверх того, с неприятелем нашим Карлом Зюдерманландским ссылался, казною ему против нас помогал. Мы, однако, хотим Московское государство успокоить и для того отправляем к людям нашим, которые стоят под Москвою таборами, послов наших великих, пана Станислава Стадницкого с товарищами, и тебе об этом объявляем, чтобы ты боярам своим думным велел с нашими послами съехаться на безопасном месте под Москвою и о добрых делах договор постановить для унятия этой войны в Московском государ-

стве». Грамоты к патриарху и всему духовенству заключали в себе следующее: «Так как в государстве Московском с давнего времени идет большая смута и разлитие крови христианской, то мы, сжалившись, пришли сами своею головою не для того, чтобы желали большей смуты и пролития крови христианской в вашем государстве, но для того, чтоб это великое государство успокоилось. Если захотите нашу королевскую ласку с благодарностию принять и быть под нашею рукою, то уверяем вас нашим господарским истинным словом, что веру вашу православную правдивую греческую, все уставы церковные и все обычаи старинные, цело и ненарушимо будем держать, не только оставим при вас старые отчины и пожалования, но сверх того всякою честью, вольностию и многим жалованьем вас, церкви божии и монастыри одаривать будем». Грамота к боярам и всем людям московским была точно такого же содержания.

Послы, отправленные из Тушина к королю, и королевские, отправленные в Тушино, встретились в Дорогобуже; послы королевские допытывались у тушинских, зачем они едут к Смоленску, но те не сказали им ничего. Приехав под Смоленск, тушинские послы правили посольство сперва пред королем, потом пред рыцарством. Речь, произнесенная пред королем при почтительных формах, была самого непочтительного содержания: тушинцы объявили, что король не имеет никакого права вступаться в Московское государство и лишать их награды, которую они приобрели у царя Димитрия своими трудами и кровию. Получив от короля суровый ответ, тушинские послы отправились немедленно из-под Смоленска и приехали в Тушино прежде комиссаров королевских. Выслушавши их донесение, Рожинский с товарищами начали советоваться, принимать ли королевских комиссаров или нет, потому что прежде они уговорились стоять при Димитрии и не входить ни с кем в переговоры, если бы кто захотел вести их с ними, а не с царем. Рожинский, Зборовский и многие другие начальные люди утверждали, что должно оставаться при первом решении. Но войско не соглашалось: в таборах пронесся слух, что у короля много денег и может он заплатить жалованье войску, если оно, отступивши от Димитрия, перейдет на его сторону. В это время явился посланный от Сапеги и от всего войска, бывшего под Троицким монастырем, и потребовал, чтобы тушинцы непременно вступили в переговоры с королевскими комиссарами, в противном случае Сапега сейчас же перейдет на службу королевскую. Тогда Рожинский должен был допустить комиссаров; начались переговоры, сопровождавшиеся сильными волнениями. Что же делал во все это время самозванец? Его время прошло, на него не обращали никакого внимания; мало того, вожди тушинских поляков срывали на нем свое сердце с тех пор, как вступление короля в московские пределы поставило их в затруднительное положение: так, пан Тиш-

кевич ругал его в глаза, называя его обманщиком, мошенником. Лжедимитрий хотел уехать из стана с своими русскими приверженцами, которым неприятно было такое обращение поляков с их царем прирожденным; несмотря на то что все лошади его были заперты поляками, царику удалось было выйти из стана с 400 донских козаков, но Рожинский догнал его и привел назад в Тушино, где он был с того времени под строгим надзором. Когда 27 декабря Лжедимитрий спросил у Рожинского, о чем идут у них переговоры с королевскими комиссарами, то гетман, бывший в нетрезвом виде, отвечал ему: «А тебе что за дело, зачем комиссары приехали ко мне? Ч... знает, кто ты таков? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видим». Пьяный Рожинский грозил ему даже побоями. Тогда Лжедимитрий решился во что бы то ни стало бежать из Тушина и в тот же день вечером, переодевшись в крестьянское платье, сел в навозные сани и уехал в Калугу сам-друг с шутом своим Кошелевым.

После отъезда самозванца Рожинскому с товарищами ничего больше не оставалось, как вступить в соглашение с королем, умерив свои, сначала безрассудные требования. Но в Тушине было много русских: что им было теперь делать? Двинуться за самозванцем они не могли: поляки бы их не пустили; да и трудно им было надеяться, что самозванец успеет поправить свои обстоятельства. Они не могли решиться просить у Шуйского променять положение важное на участь еще неизвестную даже и в случае помилования: Шуйский не мог смотреть на них так снисходительно, как смотрел он на тех отъезжиков из Тушина, которые оставляли самозванца во всем его могуществе; теперь они не по доброй воле оставляли самозванца, а были им самим оставлены. Русским тушинцам, как и польским, оставался один выход — вступить в соглашение с комиссарами королевскими. Последние просили их собраться в коло; собрались — нареченный патриарх Филарет с духовенством, Заруцкий с людьми ратными, Салтыков с людьми думными и придворными; пришел и хан касимовский с своими татарами. Гадницкий говорил речь, доказывал добрые намерения короля относительно Московского государства, говорил о готовности Сигизмунда принять его в свою защиту для освобождения от тиранов бесправных. Речь была неопределенная, и совесть многих могла быть покойна; охотно слушали и речь посла и грамоту королевскую, целовали Сигизмундову подпись, хвалили Речь Посполитую за скорую помощь. Но, принимая покровительство короля, русские требовали прежде всего неприкосновенности православной веры греческого закона, и комиссары поручились им в этом; написали и ответную грамоту королю, в которой ясно высказывается нерешительность и желание продлить время, дождаться, что произойдет в Москве и областях, ей верных: «Мы, Филарет патриарх московский и всея Руси, и архиепископы, и епископы и весь освя-

щенный собор, слыша его королевского величества о святой нашей православной вере раденье и о христианском освобождении подвиг, бога молим и челом бьем. А мы, бояре, окольничие и т. д., его королевской милости челом бьем и на преславном Московском государстве его королевское величество и его потомство милостивыми господарями видеть хотим; только этого вскоре нам, духовного и светского чина людям, которые здесь в таборах, постановить и утвердить нельзя без совету его милости пана гетмана, всего рыцарства и без совету Московского государства из городов всяких людей, а как такое великое дело постановим и утвердим, то мы его королевской милости дадим знать». Русские тушинцы вступили в конфедерацию с польскими, обязавшись взаимно не оставлять друг друга и не приставать ни к бежавшему царику, ни к Шуйскому и его братьям; но, как говорят, многие из них спешили выйти из нерешительного положения и целовали крест Сигизмунду. Решено было также, чтобы русские и польские тушинцы отправили от себя послов к королю для окончательных переговоров.

31 января 1610 года послы от русских тушинцев были торжественно представлены королю; явились люди разных чинов и приняли на себя представительство Московского государства; здесь были: Михайла Глебович Салтыков с сыном Иваном, князь Василий Михайлович Рубец-Мосальский, князь Юрий Хворостинин, Лев Плещеев, Никита Вельяминов; дьяки: Грамотин, Чичерин, Соловецкий, Витовтов, Апраксин и Юрьев; здесь были и Михайла Молчанов, и Тимофей Грязной, и Федор Андронов, бывший московский кожевник. Михайла Салтыков начал речь, говорил о расположении московского народа к королю и от имени этого народа благодарил короля за милость. Сын его, Иван Салтыков, бил челом королю от имени Филарета, нареченного патриарха, и от имени всего духовенства и также благодарил Сигизмунда за старание водворить мир в Московском государстве. Наконец дьяк Грамотин от имени Думы, двора и всех людей объявил, что в Московском государстве желают иметь царем королевича Владислава, если только король сохранит ненарушимо греческую веру и не только не коснется древних прав и вольностей московского народа, но еще прибавит такие права и вольности, каких прежде не бывало в Московском государстве. Из этого видно, что долгое пребывание русских и поляков в одном стане произвело свои действия, но тут же обнаружилось и главное препятствие к соединению Московского государства с Польшею: говорят, что Салтыков заплакал, когда начал просить короля о сохранении греческой веры; он не мог остаться равнодушным при мысли о той опасности, какая ждет православие со стороны Сигизмунда. И когда начались переговоры между сенаторами и послами об условиях, на которых Владиславу быть царем московским, то русские опять прежде всего требовали ненарушимости православия. Наконец 4 февраля согласились на-

писать следующие условия: 1) Владислав должен был венчаться на царство в Москве от русского патриарха, по старому обычаю; король прибавил сюда, что это условие будет исполнено, когда водворится совершенное спокойствие в государстве. Из этой прибавки явно было намерение Сигизмунда не посылать сына в Москву, но под предлогом неустановившегося спокойствия домогаться государства для себя. 2) Чтобы святая вера греческого закона оставалась неприкосновенною, чтоб учители римские, люторские и других вер раскола церковного не чинили. Если люди римской веры захотят приходить в церкви греческие, то должны приходить со страхом, как прилично православным христианам, а не с гордостию, не в шапках, псов с собою в церковь не водили бы и не сидели бы в церкви не в положенное время. Сюда король прибавил, чтобы для поляков в Москве был выстроен костел, в который русские должны входить с благоговением. Король и сын его обещались не отводить никого от греческой веры, потому что вера есть дар божий и силою отводить от нее и притеснять за нее не годится. Жидам запрещается въезд в Московское государство. 3) Король и сын его обязались чтить гробы и тела святых, чтить русское духовенство наравне с католическим и не вмешиваться в дела и суды церковные. 4) Обязались не только не трогать имений и прав духовенства, но и распространять их. 5) В том же самом обязались относительно бояр, окольничих, всяких думных, ближних и приказных людей. 6) Служилым людям, дворянам и детям боярским жалованье будет выдаваемо, как при прежних законных государях. 7) Так же точно будет поступаемо с ружниками и оброчниками. 8) Судам быть по старине, перемена законов зависит от бояр и всей земли. 9) Между Московским государством, Короною Польскою и Великим княжеством Литовским быть оборонительному и наступательному союзу против всех неприятелей. 10) На татарских украйнах держать обоим государствам людей сообща, о чем должно переговорить думным боярам с панами радными. 11) Никого не казнить, не осудя прежде с боярами и думными людьми; имение казненных отдается наследникам, король не должен никого вызывать насильно в Литву и Польшу. Великих чинов людей невинно не понижать, а меньших людей возвышать по заслугам. В этом последнем условии нельзя не видеть влияния дьяков и людей, подобных Андронову, которых было много в Тушинском стане: люди неродовитые, выхваченные бурями Смутного времени снизу наверх, хотят удержать свое положение и требуют, чтобы новое правительство возвышало людей низших сословий по заслугам, которые они ему окажут. Выговорено было и другое любопытное условие: «Для науки вольно каждому из народа московского ездить в другие государства христианские, кроме бусурманских поганских, и господарь отчин, имений и дворов у них за то отнимать не будет». Здесь надобно вспомнить, что люди, писавшие этот

договор, были Салтыков, Мосальский, ревностные приверженцы первого Лжедмитрия, а следовательно, и приверженцы его планов, а мы знаем, что Лжедмитрий, упрекая бояр в невежестве, обещал позволить им выезд за границу. 12-м условием было положено: русских пленников, отведенных в Польшу, возвратить. 13) Польским и литовским панам не давать правительственных мест в Московском государстве: тех панов, которые должны будут остаться при Владиславе, награждать денежным жалованьем, поместьями и отчинами, но с общего совета обоих государств; также король должен переговорить с боярами о том, чтоб в пограничных крепостях польские люди могли остаться до совершенного успокоения государства. Понятно, с какою целью было внесено поляками последнее условие: в случае сопротивления восточных областей король мог удержать в своих руках по крайней мере пограничные места. 14) Подати будут сбираться по старине; король не может прибавлять никакой новой подати без согласия думных людей; податям должны подлежать только места заселенные. 15) Между обоими государствами вольная торговля: русские могут ездить и в чужие страны через Польшу и Литву, тамги остаются старые. 16) Крестьянский переход запрещается в московских областях, также между московскими областями и Литвою. 17) Холопей, невольников господских оставить в прежнем положении, чтобы служили господам своим по-прежнему, а вольности им король давать не будет. 18) О козаках волжских, донских, яицких и терских король должен будет держать совет с боярами и думными людьми: будут ли эти козаки надобны или нет.

В приведенном договоре нас останавливает особенно то, что на первом плане король, а не королевич; к договору было приписано: «Чего в этих артикулах не доложено, и даст бог его королевская милость будет под Москвою и на Москве, и будут ему бить челом патриарх и весь освященный собор, и бояре, и дворяне, и всех станов люди: тогда об этих артикулах его господарская милость станет говорить и уряжать, по обычаю Московского государства, с патриархом, со всем освященным собором, с боярами и со всею землею». Ясно было, что имя Владислава служило здесь только прикрытием для замыслов Сигизмундовых, ибо прямо действовать во имя старого короля было нельзя; купцы из Юго-Западной России, находившиеся в Москве, дали знать ее жителям, чтоб они не верили обещаниям человека, введшего унию. Сигизмунд спешил сделать и второй шаг вперед для исполнения своих замыслов; он потребовал от послов, и послы согласились повиноваться ему до прибытия Владислава, в чем и дали такую присягу: «Пока бог нам даст государя Владислава на Московское государство, буду служить и прямить и добра хотеть его государеву отцу, нынешнему напресветлейшему королю польскому и великому князю литовскому Жигимонту Ивановичу». Достигши этого, король отправил к

польским сенаторам письмо, в котором, уведомив о приезде тушинских послов и об их просьбе насчет Владислава, продолжает: «Хотя при таком усильном желании этих людей мы, по совету находящихся здесь панов, и не рассудили вдруг опровергнуть надежды их на сына нашего, дабы не упустить случая привлечь к себе и москвитян, держащих сторону Шуйского, и дать делам нашим выгоднейший оборот: однако, имея в виду, что поход предпринят не для собственной пользы нашей и потомства нашего, а для общей выгоды республики, мы без согласия всех чинов ее не хотим постановить с ними ничего положительного». Отстранив таким образом от себя нареканье, что имеет в виду только свои династические выгоды, король обращается к сенаторам с просьбою о помощи войском и деньгами, потому что, пишет он, только недостаток в деньгах может помешать такому цветущему положению дел наших, когда открывается путь к умножению славы рыцарства, к расширению границ республики и даже к совершенному овладению целою Московскою монархией.

Между тем в Тушине, несмотря на то что Рожинский и другие начальные люди после бегства Лжедимитриева должны были вступить в соглашение с королем, большая часть войска хотела искать бежавшего царика и помогать ему овладеть Москвою. Марина оставалась в Тушине; бледная, рыдающая, с распущенными волосами ходила она из палатки в палатку и умоляла ратных людей снова принять сторону ее мужа, хотя положение ее при самозванце было самое тяжелое, как видно из переписки ее с отцом. Из одного письма узнаем, что старый Мнишек уехал из Тушина в сердцах на дочь, не дал ей благословения. Из этого же письма узнаем об ее отношениях ко второму мужу: она просит отца, чтоб тот напомнил об ней Лжедимитрию, напомнил о любви и уважении, какое он должен был оказывать жене своей. В другом письме Марина говорит: «О делах моих не знаю, что писать, кроме того, что в них одно отлагательство со дня на день: нет ни в чем исполнения; со мною поступают так же, как и при вас, а не так, как было обещано при отъезде вашем. Я хотела послать к вам своих людей, но им надобно дать денег на пищу, а денег у меня нет». Но дух ее не ослабевал, она не хотела отказываться от цели, для которой пожертвовала всем, переезжая из стана Сапеги в Тушино; самая великость жертв, ею принесенных, делала цель эту для нее еще драгоценнее и отнимала возможность возвратиться назад. В ответ родственнику своему Стадницкому, который уведомлял ее о вступлении короля в московские пределы, Марина писала: «Крепко надеюсь на бога, защитника притесненных, что он скоро объявит суд свой праведный над изменником и неприятелем нашим (Шуйским)». В этом письме собственною рукою приписала: «Кого бог осветит раз, тот будет всегда светел. Солнце не теряет своего блеска потому только, что иногда черные облака его заслоняют». Эти слова

Марина прибавила потому, что Стадницкий в письме своем не дал ей царского титула. Замечательно письмо ее к королю, в котором она прибегает под его защиту и желает счастливого окончания его предприятиям; Марина пишет: «Разумеется, ни с кем счастье так не играло, как со мною: из шляхетского рода возвыспло оно меня на престол московский и с престола ввергнуло в жестокое заключение. После этого, как будто желая потешить меня некоторою свободою, привело меня в такое состояние, которое хуже самого рабства, и теперь нахожусь в таком положении, в каком, по моему достоинству, не могу жить спокойно. Если счастие лишило меня всего, то осталось при мне, однако, право мое на престол московский, утвержденное моею коронациею, признанием меня истинною и законною наследницею, признанием, скрепленным двойною присягою всех сословий и провинций Московского государства». Из этого письма видно, во-первых, ужасное положение Марины в Тушине при втором самозванце; во-вторых, Марина основывает свои права на московский престол не на правах мужей своих, но на своей коронации и присяге жителей Московского государства признавать ее своею царицею в случае беспотомственной смерти первого Лжедимитрия, следовательно, Марина отделяет свое дело от дела второго самозванца; он мог быть обманщик, каким признает его польское правительство, но она чрез это не лишается прав своих.

Марина, впрочем, напрасно так рано отчаялась в деле своего второго мужа. Отделение от поляков имело для него сначала свою выгодную сторону, ибо до сих пор главный упрек ему состоял в том, что он ляхами опустошает Русскую землю; теперь ссора с поляками освобождала его от этого нарекания. Приехав под Калугу, самозванец остановился в подгородном монастыре и послал монахов в город с извещением, что он выехал из Тушина, спасаясь от гибели, которую готовил ему король польский, злобившийся на него за отказ уступить Польше Смоленск и Северскую землю, что он готов в случае нужды положить голову за православие и отечество. Воззвание окапчивалось словами: «Не дадим торжествовать ереси, не уступим королю ни кола ни двора». Калужане спешили в монастырь с хлебом и солью, проводили Лжедимитрия с торжеством в город и дали ему средства окружить себя царскою пышностию. Но скоро обнаружилось, что и по отделении от поляков самозванец должен был оставаться воровским царем, потому что сила его основывалась на козаках. Князь Шаховской, всей крови заводчик, остался верен самозванцу и привел к нему козаков, с которыми стоял в Цареве-Займище; вероятно, в Калугу манила Шаховского надежда первой роли при Лжедимитрии, ибо там не было более Рожинского.

Чтоб отнять силу у последнего, Лжедимитрий хотел поселить раздор в Тушине и, злобясь особенно на русских тушинцев, пока-

завших мало к нему усердия, хотел вооружить против них поляков. С этою целию Лжедимитрий отправил в Тушино поляка Казимирского с письмом к Марине и другим лицам, где уверял, что готов возвратиться в стан, если поляки обяжутся новою присягою служить ему и если будут казнены отложившиеся от него русские, но письма были отняты у Казимирского и сам он получил запрещение, под смертною казнию, возмущать войско. Рожинский хотел отплатить самозванцу тою же монетою: он дал Казимирскому письмо к прежнему воеводе калужскому, поляку Скотницкому, где убеждал последнего с помощию бывших в Калуге поляков схватить Лжедимитрия и переслать назад в Тушино. Но Казимирский, приехав в Калугу, отдал письмо самозванцу, который тотчас велел бросить в Оку Скотницкого, хотя вовсе не мог быть убежден в том, что этот несчастный исполнит поручение Рожинского; такой же участи подвергся и окольничий Иван Иванович Годунов. Подозревая двойную измену, не веря более ни полякам, ни знатным русским, самозванец хотел жестокостию предупреждать вредные для него замыслы. Но если самозванец не верил знатным русским людям, то холопам и козакам он верил: выгоды их были тесно связаны с его собственными. Так, донские козаки не послушались Млоцкого, убеждавшего их вступить в королевскую службу, и отправились в Калугу. Те из тушинских поляков, которые не хотели соединяться с королем и думали опять сблизиться с Лжедимитрием, более всего надеялись на донских козаков и уговаривали их начать дело, явно двинуться из Тушина в Калугу, уверяя, что если Рожинский пойдет их преследовать, то они, поляки, ударят ему в тыл. Несмотря на несогласие главного воеводы своего, Заруцкого, козаки под начальством князей Трубецкого и Засецкого ушли из Тушина, Рожинский погнался за ними; они остановились и дали битву в надежде получить помощь от самих поляков, но те обманули их, и Рожинский положил с две тысячи козаков на месте, остальные рассеялись по разным местам, некоторые пришли назад в Тушино к Заруцкому.

Отъезд Марины подал повод к новым волнениям в Тушине: ночью 11 февраля она убежала верхом в гусарском платье, в сопровождении одной служанки и нескольких сотен донских козаков. На другой день поутру нашли письмо от нее к войску: «Я принуждена удалиться,— писала Марина,— избывая последней беды и поругания. Не пощажена была и добрая моя слава и достоинство, от бога мне данное! В беседах равняли меня с бесчестными женщинами, глумились надо мною за покалами. Не дай бог, чтобы кто-нибудь вздумал мною торговать и выдать тому, кто на меня и Московское государство не имеет никакого права. Оставшись без родных, без приятелей, без подданных и без защиты, в скорби моей поручивши себя богу, должна я ехать поневоле к моему мужу. Свидетельствую богом, что не отступлю от прав моих как для за-

щиты собственной славы и достоинства, потому что, будучи государыней народов, царицею московскою, не могу сделаться снова польскою шляхтянкою, снова быть подданною, так и для блага того рыцарства, которое, любя доблесть и славу, помнит присягу». В письме Марина объявляла, что она едет к мужу поневоле, но скоро узнали, что она живет в Дмитрове у Сапеги. Рожинский писал к королю, что Марина сбилась с дороги и потому попала в Дмитров, но один из его товарищей по Тушину, Мархоцкий, пишет иначе: по его словам, Сапега переманил к себе Марину обещанием взять ее сторону. Мы не можем отвергнуть этого объяснения, если вспомним, какое житье было Марине при воре, к которому она могла отправиться только по самой крайней необходимости. Как бы то ни было, Тушино волновалось. Собралось коло подле ставки Рожинского; люди, державшие его сторону, т. е. хотевшие соединиться с королем, пришли пешком, только с саблями, ничего не опасаясь от своих, но противники Рожинского, человек сто, приехали верхами с ружьями, а некоторые — и в полном вооружении. Начали рассуждать, к кому лучше обратиться, к королю или к Димитрию? Приверженцы соединения с королем говорили, что стоять за Димитрия нет возможности: Москва его ненавидит, Москва склоннее к королю, чем к нему. Некоторые из противников Рожинского объявили, что лучше вступить в переговоры с Шуйским, им возражали: «Шуйский не будет таким простяком, что станет покупать у вас мир, ведя уж войну с королем». Другие говорили: «Уйдем за Волгу, откроем бок королевскому войску, пусть его сдавит неприятель!» Им возражали, что это будет понапрасну, королю от того не будет никакого вреда, потому что Москва, имея их в земле своей, все же должна будет разделить свои силы. Наконец, некоторые кричали, что надобно возвратиться в Польшу, и на этот крик легко было возражать: «Разъедемся, король не прекратит войны, а мы без службы не обойдемся; потерявши награду за столько трудов, принуждены будем этою же весною вступить в службу за новое жалованье». Не могши противопоставить доказательств доказательствам, противники Рожинского подняли крик: зачинщиком был пан Тишкевич, личный враг Рожинского, раздались ружейные выстрелы в ту сторону, где стоял гетман, приверженцы его отвечали также залпом; коло разбежалось. Противники Рожинского, закричав: «Кто добр, тот за нами!» — выехали из стана в поле и решили ехать в Калугу к Лжедимитрию. Но более благоразумные начали их уговаривать, чтобы до времени остались покойно в Тушине, а если королевские условия не понравятся, то надобно отойти за несколько миль от столицы в согласии и в порядке и оттуда уже расходиться, куда кто хочет. На это все согласились. В таких обстоятельствах Рожинский написал письмо Сигизмунду, где уведомлял его о бегстве Марины и мятеже войска, говорил, что если в положенный срок не получится известие, мо-

гущее удовлетворить рыцарство, то трудно будет удержать его от дальнейшего беспорядка. Чтобы избавиться от опасностей, грозивших ему со всех сторон, и от своего войска, и от Лжедимитрия из Калуги, и от Скопина, Рожинскому необходимо было немедленное прибытие короля на помощь, поэтому он старался уговорить Сигизмунда к скорому походу в Тушино, писал, что москвичи очень желают этого, что царь Василий в ссоре с Скопиным; советовал написать письмо к Скопину, которого, по словам лазутчиков, нетрудно будет преклонить на польскую сторону; что русские тушинцы вместе с патриархом Филаретом оскорблены невниманием короля, который не прислал к ним еще ни одной грамоты, также разбойничеством запорожцев в Зубцовском уезде. Но король не трогался из-под Смоленска и не высылал никого в Тушино для окончательных переговоров с рыцарством; вследствие этого Рожинский принужден был покинуть Тушино: он в первых числах марта 1610 года зажег стан и двинулся по дороге к Иосифову Волоколамскому монастырю; немногие из русских тушинцев последовали за ним, большая часть поехали с повинною или в Москву, или в Калугу; Салтыков с товарищами оставались у короля под Смоленском.

Так Москва освободилась от Тушина. Скопину оставалось только разделываться с отрядом Сапеги. Мы оставили Скопина в Александровской слободе, где он продолжал торговаться с шведами, требовавшими новых договоров, новых уступок. Несмотря на сопротивление жителей, Корела была сдана шведам, мало того, царь Василий должен был обязаться: «Наше царское величество вам, любительному государю Каролусу королю, за вашу любовь, дружбу, вспоможение и протори, которые вам учинились и вперед учинятся, полное воздаяние воздадим, чего вы у нашего царского величества по достоинству ни попросите: города, или земли, или уезда». Этим обязательством еще была куплена помощь четырехтысячного отряда шведов. Сапега не мог долее оставаться под Троицким монастырем, 12 января снял знаменитую осаду и расположился в Дмитрове с малым отрядом, потому что большая часть его людей отправилась за Волгу для сбора припасов. В половине февраля русские и шведы подошли под Дмитров; Сапега вышел к ним навстречу и был разбит, Дмитров был бы взят, если б не отстояли его донские козаки, которые сидели в особом укреплении под городом. Здесь также Марина показала большое присутствие духа: когда поляки, испуганные поражением, вяло принимались за оборону укреплений, то она выбежала из своего дома к валам и закричала: «Что вы делаете, негодяи! Я женщина, а не потеряла духа». Видя, что дела Сапеги идут очень дурно, она решилась отправиться в Калугу. Сапега не хотел отпускать ее; в ней родилось подозрение, что Сапега хочет выдать ее королю, и потому она сказала ему: «Не будет того, чтоб ты мною торговал, у меня здесь свои

донцы: если будешь меня останавливать, то я дам тебе битву». Сапега после этого не мешал ей, и она отправилась в Калугу опять в мужском платье, то ехала верхом, то в санях. Сапега недолго после нее оставался в Дмитрове: как только пришли к нему отряды из-за Волги с припасами, то он двинулся к Волоколамску, и Скопин мог беспрепятственно вступить в Москву.

Знаменитому воеводе было не более 24 лет от роду. В один год приобрел он себе славу, которую другие полководцы снискивали подвигами жизни многолетней, и, что еще важнее, приобрел сильную любовь всех добрых граждан, всех земских людей, желавших земле успокоения от смут, от буйства бездомовников, козаков, и все это Скопин приобрел, не ознаменовав себя ни одним блистательным подвигом, ни одною из тех побед, которые так поражают воображение народа, так долго остаются в его памяти. Что же были за причины славы и любви народной, приобретенных Скопиным? Мы видели, как замутившееся, расшатавшееся в своих основах общество русское страдало от отсутствия точки опоры, от отсутствия человека, к которому можно было бы привязаться, около которого можно было бы сосредоточиться; таким человеком явился наконец князь Скопин. Москва в осаде от вора, терпит голод, видит в стенах своих небывалые прежде смуты, кругом в областях свирепствуют тушинцы; посреди этих бед произносится постоянно одно имя, которое оживляет всех надеждой: это имя — имя Скопина. Князь Михайла Васильевич в Новгороде, он договорился со шведами, идет с ними на избавление Москвы, идет медленно, но все идет, тушинцы отступают перед ним; Скопин уже в Торжке, вот он в Твери, вот он в Александровской слободе; в Москве сильный голод, волнение, но вдруг все утихает, звонят колокола, народ спешит в церкви, там поют благодарные молебны, ибо пришла весть, что князь Михайла Васильевич близко! Во дворце кремлевском невзрачный старик, нелюбимый, недеятельный уже потому, что нечего ему делать, сидя в осаде, и вся государственная деятельность перешла к Скопину, который один действует, один движется, от него одного зависит великое дело избавления. Не рассуждали, не догадывались, что сила князя Скопина опиралась на искусных ратников иноземных, что без них он ничего не мог сделать, останавливался, когда они уходили; не рассуждали, не догадывались, не знали подробно, какое действие имело вступление короля Сигизмунда в московские пределы, как он прогнал Лжедмитрия и Рожинского из Тушина, заставил Сапегу снять осаду Троицкого монастыря: Сигизмунд был далеко под Смоленском, ближе видели, что Тушино опустело и Сапега ушел от Троицкого монастыря, когда князь Скопин приблизился к Москве, и ему приписали весь успех дела, страх и бегство врагов. Справедливо сказано, что слава растет по мере удаления, уменьшает славу близость присутствия лица славного. Отдаленная деятельность Скопина, направлен-

ная к цели, желанной всеми людьми добрыми, доходившая до их сведения не в подробностях, но в главном, как нельзя больше содействовала его прославлению, усилению народной любви к нему. Но должно прибавить, что и близость, присутствие знаменитого воеводы не могли нарушить того впечатления, какое он производил своею отдаленною деятельностию: по свидетельству современников, это был красивый молодой человек, обнаруживавший светлый ум, зрелость суждения не по летам, в деле ратном искусный, храбрый и осторожный вместе, ловкий в обхождении с иностранцами; кто знал его, все отзывались об нем как нельзя лучше.

Таков был этот человек, которому, по-видимому, суждено было очистить Московское государство от воров и поляков, поддержать колебавшийся престол старого дяди, примирить русских людей с фамилиею Шуйских, упрочить ее на престоле царском, ибо по смерти бездетного Василия голос всей земли не мог не указать на любимца народного. Но если граждане спокойные, найдя себе точку опоры в племяннике царском, для блага земли и самого Скопина должны были терпеливо дожидаться кончины царя Василия, чтобы законно возвести на престол своего избранника, чистого от нареканий в искательствах властолюбивых, то не хотел спокойно дожидаться этого Ляпунов, человек плоти и крови, не умевший сдерживаться, не умевший подчинять своих личных стремлений благу общему, не сознававший необходимости средств чистых для достижения цели высокой, для прочности дела. Когда Скопин был еще в Александровской слободе, к нему явились посланные от Ляпунова, которые поздравили его царем от имени последнего и подали грамоту, наполненную укорительными речами против царя Василия. В первую минуту Скопин разорвал грамоту и велел схватить присланных, но потом позволил им упросить себя и отослал их назад в Рязань, не донося в Москву. Этим воспользовались, чтоб заподозрить Скопина в глазах дяди; царю внушили, что если бы князю Михаилу не было приятно предложение Ляпунова, то он прислал бы в Москву рязанцев, привозивших грамоту; с этих пор, прибавляет летописец, царь и его братья начали держать мнение на князя Скопина.

12 марта Скопин с Делагарди имел торжественный въезд в Москву. По приказу царя вельможи встретили Михаила у городских ворот с хлебом и солью; но простые граждане предупредили их, падали ниц и со слезами били челом, что очистил Московское государство. Современные писатели сравнивают прием Скопина с торжеством Давида, которого израильтяне чтили больше, чем Саула. Царь Василий, однако, не показал знаков неудовольствия, напротив, встретил племянника с радостными слезами. Иначе вел себя брат царский, князь Дмитрий Шуйский. Царь Василий от позднего брака своего имел только одну или двух дочерей, которые умерли вскоре после рождения; следовательно, брат его

Дмитрий считал себя наследником престола, но он увидал страшного соперника в Скопине, которому сулила венец любовь народная при неутвержденном еще порядке престолонаследия. Князь Дмитрий явился самым ревностным наветником на племянника пред царем: последний, или будучи уверен в скромности Скопина, не считая его соперником себе и не имея причины желать отстранения его от наследства, или по крайней мере побуждаемый благоразумием не начинать вражды с любимцем народа, сердился на брата за его докучные наветы и даже, говорят, прогнал его однажды от себя палкою! Говорят также, что царь имел искреннее объяснение с племянником, причем Скопин успел доказать свою невинность и опасность вражды в такое смутное время. Несмотря на то, однако, что царь не показывал ни малейшей неприязни к Скопину, народ, не любивший старших Шуйских, толковал уже о вражде дяди с племянником. Делагарди, слыша толки о зависти и ненависти, остерегал Михаила, уговаривал его как можно скорее оставить Москву и выступить к Смоленску, против Сигизмунда.

Положение последнего было вовсе не блестящее. Если вначале полякам удалось овладеть Ржевом Володимировым и Зубцовом, которые были сданы им воеводами самозванца, то некоторые города прежденогибшей Северской Украйны выставили отчаянное сопротивление запорожцам. Стародубцы ожесточенно резались с ними, а когда город их был охвачен пламенем, побросали в огонь сперва имение свое, а потом кинулись и сами. Такое же мужество оказали жители Почепа, из которых 4000 погибло при упорной защите. В Чернигове неприятель встретил меньше сопротивления; Новгород Северский также присягнул Владиславу; Мосальск нужно было брать приступом, Белую — голодом. А Смоленск все держался, и жители его имели причины к такому упорному сопротивлению: поляки и особенно запорожцы, несмотря на королевские увещания, страшно свирепствовали против жителей городов, сдавшихся на имя Владислава. Смоленские перебежчики уверяли в польском стане, что в городе у них голод и моровое поветрие, что сам воевода Шеин хотел было сдать Смоленск королю, но архиепископ Сергий не допустил до этого. Однажды мир с воеводою ходил уговаривать архиепископа к сдаче, но тот, сняв с себя облачение и положив посох, объявил, что готов принять муку, но церкви своей не предаст и охотнее допустит умертвить себя, чем согласится на сдачу города. Народ, увлеченный этими словами, отложил свое намерение и, надев на Сергия опять облачение, поклялся стоять против поляков до последней капли крови. Воевода предлагал сделать вылазку, но и на это архиепископ не согласился, подозревая Шеина в намерении вывести людей из города и ударить челом королю. Тушинский поляк Вильчек, начальствовавший в Можайске, продал этот город царю Василию за 100 рублей ($333\frac{1}{2}$ нынешних серебряных). В Иосифове монастыре, где остано-

вился Рожинский, вспыхнуло опять восстание против него; уходя от возмутившихся, гетман оступился на каменных ступенях и упал на тот бок, который был прострелен у него под Москвою; от этого случая и с горя, что дела совершенно расстроились, Рожинский умер (4 апреля н. с.), имея не более 35 лет от роду. После его смерти Зборовский с большею частию войска пошел дальше к Смоленску, другие с Рудким и Мархоцким остались в Иосифове монастыре, но 21 мая н. с. были вытеснены оттуда русскими и иноземными войсками, бывшими под начальством Валуева, Горна и Делавиля. Уходя из монастыря с величайшею опасностию, поляки должны были покинуть русских, выведенных ими из Тушина, и в том числе митрополита Филарета, который таким образом получил возможность уехать в Москву. Из полутора тысяч поляков и донских козаков, бывших в Иосифове монастыре, спаслось только 300 человек, потерявши все и знамена; при этом бегстве, по признанию самих поляков, большую помощь оказали им донские козаки. Все тушинские поляки соединились теперь на реке Угре и здесь завели сношение с Лжедимитрием, который два раза сам приезжал к ним из Калуги, потому что без выдачи денег вперед они не трогались, и успел многих привлечь к себе, чрез это войско самозванца увеличилось до 6200 человек. Но Зборовский от имени остальных поляков отправился под Смоленск изъявить свою преданность королю; туда же приехал и Ян Сапега и даже хан касимовский; не смел приехать Лисовский, как опальный; он не мог оставаться один на востоке при разрушении тушинского стана и успехах Скопина и потому двинулся из Суздаля на запад, засел в Великих Луках. И Лжедимитрий, и король находились в затруднительном положении: первый с своими 6000 войска не мог ничего предпринять против Москвы, наоборот, московские отряды подходили под самую Калугу; движение Скопина и шведов к Смоленску против короля должно было решить борьбу, и решить, по всем вероятностям, в пользу царя Василия: тогда что останется царю калужскому? С другой стороны, король видел, что его вступление в московские пределы принесло пользу только Шуйскому, выгнавши вора из Тушина, раздробивши его силы; Шуйский торжествовал, у него было большое войско под начальством знаменитого полководца, у него была шведская помощь, а король, который поспешил под Смоленск с малыми силами в надежде, что одного его присутствия будет достаточно для покорения Московского государства, истерзанного Смутою,— король видел перед собою неравную борьбу с могущественным и раздраженным врагом. При таких обстоятельствах естественно было произойти сближению между королем и калужским царьком. Брат Марины, староста саноцкий, находившийся под Смоленском, получил из Калуги достоверное известие, что Лжедимитрий хочет отдаться под покровительство короля, но ждет, чтоб Сигизмунд первый начал дело. Вследствие этого

король созвал тайный совет, на котором решили отправить старосту саноцкого в Калугу, чтоб он уговорил царика искать королевской милости. С другой стороны, хотели попытаться войти в переговоры и с московским царем, но Василий, видя, что счастие обратилось на его сторону, запретил своим воеводам пропускать польских послов до тех пор, пока король не выйдет из московских пределов. Но счастье улыбнулось Шуйскому на очень короткое время.

23 апреля князь Скопин на крестинах у князя Ивана Михайловича Воротынского занемог кровотечением из носа и после двухнедельной болезни умер. Пошел общий слух об отраве: знали ненависть к покойному дяди его, князя Дмитрия, и стали указывать на него как на отравителя; толпы народа двинулись было к дому царского брата, но были отогнаны войском. Что же касается до верности слуха об отраве, то русские современники далеки от решительного обвинения; летописец говорит: «Многие на Москве говорили, что испортила его тетка княгиня Екатерина, жена князя Дмитрия Шуйского (дочь Малюты Скуратова, сестра царицы Марьи Григорьевны Годуновой), а подлинно то единому богу известно». Палицын говорит почти теми же словами: «Не знаем, как сказать, божий ли суд его постиг или злых людей умысел совершился? Один создавший нас знает». Жолкевский, который, живя в Москве, имел все средства узнать истину, отвергает обвинение, приписывая смерть Скопина болезни. Этим важным свидетельством опровергается свидетельство другого иноземца, Буссова, не расположенного к царю Василию. Псковский летописец, по известным нам причинам также не любивший Шуйского, говорит утвердительно об отраве, обстоятельно рассказывает, как жена Дмитрия Шуйского на пиру сама поднесла Скопину чашу, заключавшую отраву. Но в этом рассказе встречаем смешное искажение: отравительница вместо Екатерины названа Христиною; по всем вероятностям, это имя образовалось из слова крестины или крестинный пир, на котором занемог Скопин.

Как бы то ни было, смерть Скопина была самым тяжелым, решительным ударом для Шуйского. И прежде не любили, не уважали Василия, видели в нем царя несчастного, богом не благословенного; но Скопин примирил царя с народом, давши последнему твердую надежду на лучшее будущее. И вот этого примирителя теперь не было более, и, что всего хуже, шла молва, что сам царь из зависти и злобы лишил себя и царство крепкой опоры. Для народа удар был тем тяжелее, что он последовал в то время, когда возродилась надежда на лучшее будущее, на умилостивление небесное; подобные удары обыкновенно отнимают последний дух, последние силы. Будущее для народа нисколько уже не связывалось теперь с фамилиею Шуйских: царь стар и бездетен, наследник — князь Дмитрий, которого и прежде не могли любить и уважать, а теперь

обвиняли в отравлении племянника: известно, как по смерти любимого человека начинают любить все им любимое и преследовать все, бывшее ему неприятным и враждебным; понятно, следовательно, какое чувство должны были питать к Дмитрию Шуйскому по смерти Скопина. Говорят, что народ плакал по князе Михаиле точно так же, как плакал по царе Феодоре Ивановиче: действительно, можно сказать, что Скопин был последний из Рюриковичей, венчанный в сердцах народа; в другой раз дом Рюрика пресекался на престоле московском.

Когда таким образом порвана была связь русских людей с Шуйским, когда взоры многих невольно и тревожно обращались в разные стороны, ища опоры для будущего, раздался голос, призывавший к выходу из тяжелого, безотрадного положения: то был голос знакомый, голос Ляпунова. Незадолго перед тем, когда большинство своею привязанностию указывало на Скопина, как на желанного наследника престола, Ляпунов не хотел дожидаться и предложил Скопину престол при жизни царя Василия, тогда как это дело, если бы Скопин согласился на него, могло только усилить Смуту, а не прекратить ее: здесь Ляпунов всего лучше показал, что его целию, действовал ли он сознательно или бессознательно, не было прекращение Смутного времени. Теперь, когда Скопина не было более и неудовольствие против Шуйского усилилось, Ляпунов первый поднимается против царя Василия, но он только начинает движение, а цели его не указывает, требует свержения Шуйского, как царя недостойного, погубившего знаменитого племянника своего, но преемника Шуйскому достойнейшего не называет; он заводит переговоры с царком калужским, в Москве входит в думу с князем Василием Васильевичем Голицыным, чтоб ссадить Шуйского, по выражению летописца, а между тем явно отлагается от Москвы, перестает слушаться ее царя, посылает возмущать города, верные последнему.

В то время как уже Ляпунов поднял восстание в Рязани, войско московское в числе 40 000 вместе с шведским, которого было 8000, выступило против поляков по направлению к Смоленску. Кто же был главным воеводою вместо Скопина? Князь Дмитрий Шуйский, обвиняемый в отравлении племянника и без того ненавидимый ратными людьми за гордость! Король, узнав, что в Можайске собирается большое царское войско, отправил навстречу к нему гетмана Жолкевского, который 14 июня осадил Царево-Займище, где засели московские воеводы, Елецкий и Волуев. Здесь соединился с гетманом Зборовский, приведший тех тушинских поляков, которые предпочли службу королевскую службе царю калужскому; несмотря, однако, на это подкрепление, Жолкевский не хотел брать приступом Царево-Займище, зная, что русские, слабые в чистом поле, неодолимы при защите укреплений. Елецкий и Волуев, видя, что Жолкевский намерен голодом принудить их к сдаче,

послали в Можайск к князю Дмитрию Шуйскому с просьбою об освобождении. Шуйский двинулся и стал у Клушина, истомивши войско походом в сильный жар. Два немца из Делагардиева войска перебежали к полякам и объявили гетману о движении Шуйского; Жолкевский созвал военный совет: рассуждали, что дожидаться неприятеля опасно, потому что место под Царевом-Займищем неудобное; идти навстречу также опасно, потому что тогда Елецкий и Волуев будут с тыла; решились разделить войско: часть оставить у Царева-Займища для сдержания Елецкого и Волуева, и с остальными гетману идти к Клушину против Шуйского. В ночь с 23 на 24 июня вышло польское войско из обоза и на другой день утром напало на Шуйского, разделившись по причине тесноты места на два отряда; один схватился с шведами и заставил Делагарди отступить. Другой отряд поляков напал на московское войско и прогнал часть его, именно конницу, но Шуйский с пехотою засел в деревне Клушине и упорно отбивался, пушки его наносили сильный урон полякам, и исход битвы был очень сомнителен, как вдруг наемные немцы начали передаваться полякам, сперва два, потом шесть и так все больше и больше. Поляки подъезжали к их полкам, кричали: «Kum! Kum!» — и немцы прилетали, как птицы, на клич, а наконец объявили, что все хотят вступить в переговоры с гетманом. Когда уже с обеих сторон дали заложников и начали договариваться, возвратился Делагарди и хотел прервать переговоры, но никак не мог: иноземные наемники обязались соединиться с гетманом, Делагарди же и Горн с небольшим отрядом шведов получили позволение отступить на север, к границам своего государства. Между тем русские, видя, что немцы изменяют, начали собираться в дорогу, срывать наметы; немцы дали знать полякам, что русские бегут, те бросились за ними в погоню и овладели всем обозом. Дмитрий Шуйский, по словам летописца, возвратился в Москву со срамом: «Был он воевода сердца нехраброго, обложенный женствующими вещами, любящий красоту и пищу, а не луков натягивание». Измену наемников летописец приписывает также главному воеводе: немецкие люди просили денег, а он стал откладывать под предлогом, что денег нет, тогда как деньги были. Немецкие люди начали сердиться и послали под Царево-Займище сказать Жолкевскому, чтоб шел не мешкая, а они с ним биться не станут.

Из-под Клушина Жолкевский возвратился под Царево-Займище и уведомил Елецкого и Волуева о своей победе. Воеводы долго не верили, гетман показывал им знатных пленников, взятых под Клушином. И убедившись в страшной истине, они все еще не хотели сдаваться на имя королевича, а говорили Жолкевскому: «Ступай под Москву: будет Москва ваша, и мы будем готовы присягнуть королевичу». Гетман отвечал: «Когда возьму я вас, то и Москва будет за нами». Воеводы неволею поцеловали крест Владиславу, но гетман, с своей стороны, должен был присягнуть: христиан-

ской веры у московских людей не отнимать; престолов божиих не разорять, костелов римских в Московском государстве не ставить; быть Владиславу государем так же, как были и прежние природные государи; боярам и всяких чинов людям быть по-прежнему; в московские города не посылать на воеводство польских и литовских людей и в старосто городов не отдавать; у дворян, детей боярских и всяких служилых людей жалованья, поместий и вотчин не отнимать, всем московским людям никакого зла не делать; против тушинского царика промышлять заодно; важна последняя статья: «Как даст бог, добьет челом государю напяснейшему королевичу Владиславу Жигимонтовичу город Смоленск, то Жигимонту королю идти от Смоленска прочь со всеми ратными польскими и литовскими людьми, порухи и насильства на посаде и в уезде не делать, поместья и вотчины в Смоленске и в других городах, которые государю королевичу добили челом, очистить, и городам всем порубежным быть к Московскому государству по-прежнему».

Жолкевский понимал, что овладеть Москвою можно только именем Владислава и притом только с условием, что последний будет царствовать, как прежние природные государи; понимал, что малейший намек на унижение Московского государства пред Польшею, на нарушение его целости может испортить все дело. Гетман согласился на условия, обеспечивавшие самостоятельность и целость Московского государства, ибо его цель была как можно скорее свергнуть Шуйского и возвести на его место Владислава. Жолкевский должен был выбирать из двух одно: или, уступая требованиям русских, отнять Москву у Шуйского и отдать ее Владиславу; или, не уступая их требованиям, действуя согласно королевским намерениям, усилить Шуйского, вооружить против себя всю землю, стать между двумя огнями, между Москвою и Калугою. Разумеется, гетман выбрал первое.

Когда Елецкий и Волуев присягнули Владиславу и когда по их примеру присягнули ему Можайск, Борисов, Боровск, Иосифов монастырь, Погорелое Городище и Ржев, то войско гетмана увеличилось десятью тысячами русских. Сам Жолкевский говорит, что эти новые подданные королевича были довольно верны и доброжелательны, часто приносили ему из столицы известия, входя в сношения с своими, и переносили письма, которые гетман писал в Москву к некоторым лицам, также универсалы, побуждавшие к низложению Шуйского. К этим универсалам гетман присоединял и запись, данную им воеводам при Цареве-Займище, думая, что она послужит для московских жителей полным ручательством за их будущее при Владиславе. Но вот что отвечали гетману из Москвы смоленские и брянские служилые люди, которым он чрез их земляков подослал грамоты и запись: «Мы эти грамоты и ответные речи и запись, сами прочитавши, давали читать в Москве дворянам и детям боярским и многих разных городов всяким людям, и они,

прочитав, говорят: в записи не написано, чтоб господарю нашему королевичу Владиславу Сигизмундовичу окреститься в нашу христианскую веру и, окрестившись, сесть на Московском государстве». Гетман отвечал, что крещение королевича есть дело духовное, принадлежит патриарху и всему духовенству; но в Москве думали, что дело касается не патриарха только, а всей земли, и потому некоторые, видя, что Шуйскому не усидеть на престоле, склоннее были к царику калужскому, чем Владиславу. Самозванец рассчитывал на это расположение: узнав, что при Клушине дело Шуйского проиграно, он приманил к себе деньгами войско Сапеги и двинулся к Москве. На дороге ему нужно было взять Пафнутиев Боровский монастырь, где засел московский воевода, князь Михайла Волконский, с двоими товарищами. Последние, видя непреклонность старшего воеводы, решили сдать монастырь тайно и отворили острожные ворота, куда устремилось войско Лжедимитрия. Тогда Волконский, увидав измену, бросился в церковь; тщетно изменившие товарищи звали его выйти с челобитьем к победителям: «Умру у гроба Пафнутия чудотворца»,— отвечал Волконский, стал в церковных дверях и до тех пор бился с врагами, пока изнемог от ран и пал у левого клироса, где и был добит. Разорив монастырь, самозванец пошел на Серпухов; этот город сдался; крымские татары, пришедшие на помощь к царю Василию и взявшие от него большие дары, не устояли перед войском Сапеги и вместо помощи рассеялись для грабежа, гнали пленных, как скот, в свои улусы. Сдались Лжедимитрию Коломна и Кашира, но не сдался Зарайск, где воеводствовал князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Еще прежде Ляпунов, поднявшись против царя Василия по смерти Скопина, присылал к Пожарскому племянника своего Федора Ляпунова уговаривать его соединиться с землею Рязанскою против Шуйского, но Пожарский, отправив грамоту в Москву, потребовал подкрепления у царя Василия и получил его. Теперь жители Зарайска пришли к воеводе всем городом просить его, чтоб целовал крест самозванцу; Пожарский отказался и с немногими людьми заперся в крепости; никольский протопоп Дмитрий укреплял его и благословлял умереть за православную веру, и Пожарский еще больше укреплялся; наконец он заключил такой уговор с жителями Зарайска: «Будет на Московском государстве по-старому царь Василий, то ему и служить, а будет кто другой, и тому также служить». Утвердивши этот уговор крестным целованием, начали быть в Зарайском городе без колебания, на воровских людей начали ходить и побивать их, и город Коломну опять обратили к царю Василию.

Лжедимитрий, однако, шел вперед и стал у села Коломенского. У Шуйского было еще тысяч тридцать войска, но кто хотел сражаться за него? Мы видели, что служилые люди переписывались с Жолкевским об условиях, на которых должен царствовать Вла-

дислав; Голицын ссылался с Ляпуновым, который прислал в Москву Алексея Пешкова к брату своему Захару и ко всем своим советникам, чтоб царя Василия с государства ссадить. Начали сноситься с полками Лжедимитрия, однако не для того, чтоб принять вора на место Шуйского, не хотели ни того, ни другого, и потому условились, что тушинцы отстанут от своего царя, а москвичи сведут своего. Тушинцы уже указывали на Сапегу как на человека, достойного быть московским государем. Шуйский видел, что трудно будет ему удержаться на престоле, и потому хотел вступить в переговоры с гетманом Жолкевским, но когда предстоит тяжелое дело, то любят откладывать его под разными предлогами, и Шуйский отложил посольство к гетману, думая, что выгоднее будет дождаться, пока сам гетман пришлет к нему.

Но Захар Ляпунов с товарищами не хотели дожидаться. 17 июля пришли они во дворец большою толпою; первый подступил к царю Захар Ляпунов и стал говорить: «Долго ль за тебя будет литься кровь христианская? Земля опустела, ничего доброго не делается в твое правление, сжалься над гибелью нашей, положи посох царский, а мы уже о себе как-нибудь промыслим». Шуйский уже привык к подобным сценам; видя пред собою толпу людей незначительных, он думал пристращать их окриком и потому с непристойно-бранными словами отвечал Ляпунову: «Смел ты мне вымолвить это, когда бояре мне ничего такого не говорят»,— и вынул было нож, чтоб еще больше пристращать мятежников. Но Захара Ляпунова трудно было испугать, брань и угрозы только могли возбудить его к подобному же. Ляпунов был высокий, сильный мужчина; услыхав брань, увидав грозное движение Шуйского, он закричал ему: «Не тронь меня: вот как возьму тебя в руки, так и сомну всего!» Но товарищи Ляпунова не разделяли его горячки: видя, что Шуйский не испугался и не уступает добровольно их требованию, Хомутов и Иван Никитич Салтыков закричали: «Пойдем прочь отсюда!» — и пошли прямо на Лобное место. В Москве уже сведали, что в Кремле что-то делается, и толпы за толпами валили к Лобному, так что когда приехал туда патриарх и надобно было объяснить, в чем дело, то народ уже не помещался на площади. Тогда Ляпунов, Хомутов и Салтыков закричали, чтоб все шли на просторное место, за Москву-реку, к Серпуховским воротам, туда же должен был отправиться вместе с ними и патриарх. Здесь бояре, дворяне, гости и торговые лучшие люди советовали, как бы Московскому государству не быть в разоренье и расхищенье: пришли под Московское государство поляки и литва, а с другой стороны — калужский вор с русскими людьми, и Московскому государству с обеих сторон стало тесно. Бояре и всякие люди приговорили: бить челом государю царю Василью Ивановичу, чтоб он, государь, царство оставил для того, что кровь многая льется, а в народе говорят, что он, государь, несчастлив и города украин-

ские, которые отступили к вору, его, государя, на царство не хотят же. В народе сопротивления не было, сопротивлялись немногие бояре, но недолго, сопротивлялся патриарх, но его не послушали. Во дворец отправился свояк царский, князь Иван Михайлович Воротынский, просить Василия, чтоб оставил государство и взял себе в удел Нижний Новгород. На эту просьбу, объявленную боярином от имени всего московского народа, Василий должен был согласиться и выехал с женою в прежний свой боярский дом.

Но надежда перейти из этого дома опять во дворец не оставила старика: он сносился с своими приверженцами, увеличивал число их, подкупал стрельцов. Обстоятельства были благоприятны: тушинцы обманули москвичей, ибо когда последние послали сказать им, что они сделали свое дело, свергнули Шуйского, и ждут, что тушинцы также исполнят свое обещание и отстанут от вора, то получили насмешливый ответ: «Вы не помните государева крестного целования, потому что царя своего с царства ссадили, а мы за своего помереть рады». Патриарх воспользовался этим и начал требовать, чтобы возвести опять Шуйского на престол, и много нашлось людей, которые были согласны на это. Разумеется, не могли согласиться зачинщики дела 17 июля: боясь, чтоб это дело не испортилось, они спешили покончить с Шуйским; 19 июля опять тот же Захар Ляпунов с тремя князьями — Засекиным, Тюфякиным и Мерином-Волконским, да еще с каким-то Михайлою Аксеновым и другими, взявши с собою монахов из Чудова монастыря, пошли к отставленному царю и объявили, что для успокоения народа он должен постричься. Мысль отказаться навсегда от надежды на престол, и особенно когда эта надежда начала усиливаться, была невыносима для старика: отчаянно боролся он против Ляпунова с товарищами, его должно было держать во время обряда; другой, князь Тюфякин, произносил за него монашеские обеты, сам же Шуйский не переставал повторять, что не хочет пострижения. Пострижение это, как насильственное, не могло иметь никого значения, и патриарх не признал его: он называл монахом князя Тюфякина, а не Шуйского. Несмотря на то, невольного постриженника свезли в Чудов монастырь, постригли также и жену его, братьев посадили под стражу [92].

От кратковременного, исполненного смутами царствования Шуйского мы не вправе ожидать обилия внутренних правительственных распоряжений: большую часть царствования Шуйский провел в осаде, во время которой правительственная деятельность его должна была ограничиваться одною Москвою. Он дал несколько тарханных грамот церквам и монастырям, распорядился, чтоб монастыри давали содержание священно- и церковнослужителям дворцовых сел, бежавшим от воров. На первом плане стоял вопрос крестьянский и холопский. Мы видели временную меру Годунова — позволение переходить крестьянам между мелкими землевладель-

цами; более ли двух лет эта мера имела действие, решить нельзя, ибо в известном нам распоряжении Лжедимитрия о крестьянах ничего о ней не говорится, хотя, с другой стороны, на основании этого распоряжения нельзя решительно утверждать, что годуновская мера не имела более силы, ибо распоряжение Лжедимитрия насчет пска крестьян могло относиться к тем лицам, между которыми крестьянский переход был запрещен и при Годунове. Шуйский в марте 1607 года подтвердил прикрепление крестьян и постановил, что принимающий чужих крестьян обязан платить 10 рублей пени с человека, а старым господам их — по три рубля за каждое лето; кроме того, подговорщик подвергался наказанию кнутом. Побежит замужняя женщина, или вдова, или девица в чужую отчину и выйдет замуж, то мужика, который женится на беглянке, отдать к прежнему господину со всем именем и с детьми, которые от нее родились. Если кто держит рабу до 17 лет в девицах, вдову после мужа больше двух лет, парня холостого за 20 лет, не женит и воли им не дает, таким давать отпускные в Москве казначею, а в других городах — наместникам и судьям: не держи неженатых вопреки закону божию, не умножай разврата. Подтверждение прикрепления при Шуйском объясняется тем же, чем объясняются все последующие подтверждения: прикрепление было в пользу служилых людей, мелких землевладельцев, и чем более государство чувствовало нужду в последних, тем нужнее казалось прикрепление; бояре, богатые землевладельцы, которые имели такую силу при Шуйском, не хотели восстановлением перехода раздражать служилых людей, отнимать у них средства, когда эти служилые люди защищали их от козаков, холопей, ратовавших под знаменами Болотникова и тушинского вора. Мы видели также, что русские тушинцы, предлагая условия, на которых выбирали в цари королевича Владислава, вытробовали, чтоб крестьянскому переходу не быть.

Но если могущественные при Шуйском бояре по обстоятельствам времени не могли помешать повторению указа о крестьянском прикреплении, то могли останавливать царские распоряжения о холопях, находя их для себя невыгодными. 7 марта 1607 года царь Василий указал: которые холопи послужат в холопстве добровольно полгода, год или больше, а не в холопстве родились и не старинные господские люди, и кабал на себя давать не захотят, таких добровольных холопей в неволю не отдавать: не держи холопа без кабалы ни одного дня, а держал бескабально и кормил, то у себя сам потерял. Но 12 сентября 1609 года, когда об этой статье доложено было наверху боярам, то все бояре прежний приговор 1607 года указали отставить, а приговорили: о добровольном холопстве быть той статье, как уложено при царе Феодоре Ивановиче, т. е. холоп, послуживший с полгода и больше, прикрепляется окончательно. В 1608 году бояре приговорили: которые холопи бы-

ли в воровстве, государю добили челом, получили отпускные и потом опять сбежали в воровство, таких, если возьмут на деле, в языках, казнить или отдавать старым господам; которые же с нынешнего воровства прибегут к государю сами, таких старым господам не отдавать. Отказано было в просьбе тем дворянам и детям боярским, которые, подвергшись опале при Лжедимитрии, хотели повернуть к себе назад холопей, отпущенных на волю вследствие опалы. Положено, чтоб ответчики в холопьих исках, объявившие, что искомые старым господином холопи от них убежали, должны целовать крест, что убежали без хитрости со стороны их, ответчиков. Запрещено было давать простые записки на холопство до смерти: можно было давать такие записки только на урочные лета.

Посадским людям Шуйский подтверждал грамоты Грозного, которыми устанавливалось самоуправление; у крестьян Зюздинской волости в Перми установлено было самоуправление вследствие просьбы их, заключавшейся в следующем: «Живут они от пермских городов, от Кайгородка верст за 200 и больше и в писцовых книгах написаны особо, дворишки ставили они на диком черном лесу, и люди они все пришлые, и вот приезжают к ним в волость кайгородцы, посадские и волостные люди, и правят на них тягло себе в подмогу, имение их грабят, самих бьют, жен и детей бесчестят и волочат их в напрасных поклепных делах летом в пашенную пору». Государь их пожаловал, велел им за всякие денежные доходы платить один раз в год по 60 рублей, особо от кайгородцев, которым запрещено было к ним приезжать; при этом зюздинские крестьяне получили право выбирать у себя в погосте судью, кого между собою излюбят. Зюздинские крестьяне жаловались на кайгородцев, вятчане — на пермичей: «Отпустили они, по царскому указу, с Вятки в Пермь, к Соли Камской, в ямские охотники 46 человек, а пермский воевода князь Вяземский, стакнувшись с пермичами, вятских охотников бил, мучил без вины для того, чтоб они с яму разбрелись, а гоньбу бы гоняли пермичи, получая с Вятки прогонные деньги, приклепывая прогоны и корыстуясь этими деньгами сами, как прежде бывало; вятских торговых людей пермский воевода мучил на правеже насмерть». Царь писал Вяземскому, что если вятчане в другой раз на него пожалуются, то он велит на нем доправить их убытки вдвое *без суда*; однако в том же году царь велел пермичам гонять ямскую гоньбу одним по-прежнему. Не на одних воевод приходили жалобы; холоп боярина Шереметева подал челобитную, в которой писал: «Был всполох в Нижнем Новгороде от воровских людей, стали в вестовой колокол бить, побежали посадские люди в город с рухлядью, побежал и крестьянин государя моего, боярина Шереметева, с двумя новыми зипунами, но как бежал он в Ивановские ворота, стрельцы сотни Колзакова прибили его и зипуны отняли. Я на другой день бил челом воеводам о сыс-

ку, сотник Колзаков зипуны сыскал, но пропил их в кабаке с теми же стрельцами, а у крестьянина стал просить на выкуп десяти алтын. Я пошел к вечерне в Спасский собор и стал опять бить челом воеводам, а сотник Колзаков стал бить челом на меня, будто я его бранил. Тут дьяк Василий Семенов стал Колзакову говорить: «Не умел ты этого холопа надвое перерезать, у тебя свои холопи лучше его», да стал в соборе же бранить... государя моего Федора Ивановича Шереметева; я вступился за государя своего, но он стал меня бранить и хотел зарезать, а сотнику Колзакову кричал: где ни встретишь с своими стрельцами этого холопа или других холопей Федора Шереметева или крестьян его, грабь донага и бей до смерти; вины не бойся, я за вас отвечаю».

И Шуйский заботился о населении Сибири разными средствами: отправлено было в Пелым из московских тюрем восемь человек в пашенные крестьяне, но они оттуда бежали, подговорившись с собою в проводники двоих старых крестьян; вследствие этого царь писал в Пермь: «Вперед в Перми на посаде и во всем уезде велеть заказ учинить крепкий: кто поедет или пешком пойдет из сибирских городов без проезжих грамот и подорожных, таких хватать, расспрашивать и сажать в тюрьму до нашего указа». В то же время в Перми велено было набирать для Сибири пашенных крестьян из охочих людей, от отца — сына, от братьи — братью, от дядей — племянников, от соседей — соседей, а не с тягла.

Постоянные неудачи русского войска, превосходство иностранных ратных людей над русскими, сделавшееся очевидным при соединении полков Скопина со шведами, необходимость, какую увидал этот воевода, учить своих при помощи шведов,—все это заставило подумать о переводе с иностранных языков устава ратных дел, чтоб и русские узнали все новые военные хитрости, которыми хвалятся чужие народы. Переводчиками были Михайла Юрьев и Иван Фомин. Печатание книг продолжалось в Москве: им занимались Анисим Родишевский (волынец), Иван Андроников Тимофеев и Никита Федоров Фофанов псковитянин; в предисловии к Общей Минеи, напечатанной последним, говорится, что Шуйский велел сделать новую *штанбу*, еже есть печатных книг дело, и дом новый превеликий устроить.

Относительно нравственного состояния русского общества мы видели, в каком ходу было чародейство; о Шуйском прямо говорится, что он сильно верил ему; царь объявлял в своих грамотах народу, что Лжедимитрий прельстил всех чародейством, но легко понять, как распространение подобных мнений должно было вредно действовать на нравственные силы народа. При таких убеждениях народ должен был походить на напуганного ребенка и лишиться нравственного мужества: где же спасение, когда какой-нибудь чернокнижник, с помощью адской силы, так легко может всех прельстить? Надобно представить себе это жалкое положение рус-

ского человека в описываемое время, когда он при каждом шаге с испуганным видом должен был озираться на все стороны: вот злой человек след выймет, вот по ветру болезнь напустит. Гибельно действует на нравы отсутствие общественной безопасности, когда нет защиты от насилий сильного или злонамеренного, когда человек, выходя из дому, не имеет уверенности, дадут ли ему благополучно возвратиться домой; но еще гибельнее должна действовать на нравы эта напуганность, это убеждение, что повсюду против человека направлены враждебные невещественные силы. Если правительство уверяло народ, что расстрига прельстил всех ведовством и чернокнижеством, то нет ничего удивительного, что в Перми в 1606 году крестьянина Талева огнем жгли и на пытке три встряски ему было по наговору, что он напускает на людей икоту [93].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
МЕЖДУЦАРСТВИЕ

Присяга боярам.— Грамоты по областям о свержении Шуйского.— Кандидаты на престол.— Сношения бояр с гетманом Жолкевским.— Действия самозванца.— Договор с Жолкевским об избрании королевича Владислава.— Присяга Владиславу.— Король Сигизмунд хочет сам быть царем в Москве.— Жолкевский отгоняет самозванца от Москвы.— Посольство митрополита Филарета и князя Василия Васильевича Голицына к королю под Смоленск.— Самозванец в Калуге.— Польское войско вводится в Москву.— Жолкевский уезжает из Москвы.— Съезды великих послов с панами под Смоленском.— Действия Салтыкова и Андронова в Москве в пользу короля.— Казань и Вятка присягают самозванцу.— Смерть самозванца

По смерти царя Феодора, до избрания Годунова, правительствующею царицею считалась Ирина, но теперь, по свержении Шуйского, некому было стать или по крайней мере считаться в главе правительства, кроме Думы боярской, и вот все должны были присягать — до избрания нового царя повиноваться боярам: «Все люди,— сказано в крестоприводной записи,— били челом князю Мстиславскому с товарищи, чтобы пожаловали, приняли Московское государство, пока нам бог даст государя». Присягавший клялся: «Слушать бояр и суд их любить, что они кому за службу и за вину приговорят; за Московское государство и за них, бояр, стоять и с изменниками биться до смерти; вора, кто называется царевичем Димитрием, не хотеть; друг на друга зла не мыслить и не делать, а выбрать государя на Московское государство боярам и всяким людям всею землею. Боярам всех праведным судом судить, а государя выбрать с нами со всякими людьми, всею землею, сославшись с городами; бывшему государю Василью Ивановичу отказать, на государеве дворе ему не быть и вперед на государстве не сидеть; нам над государем Васильем Ивановичем и над государыней и над его братьями убийства не учинить и никакого дурна, а князю Дмитрию и князю Ивану Шуйским с боярами в приговоре не сидеть». В грамотах, разосланных по городам от 20 июля, Москва объявляла: «Видя междоусобие между православными христианами, польские и литовские люди пришли в землю Московского государства и многую кровь пролили, церкви и монастыри разорили,

святыне поругались и хотят православную веру в латинство превратить; польский король стоит под Смоленском, гетман Жолкевский в Можайске, а вор в Коломенском; литовские люди, по ссылке с Жолкевским, хотят государством Московским завладеть, православную веру разорить, а свою латинскую ввести. И мы,— продолжают москвичи,— поговоря между собою и услыша от всяких людей украинских городов, что государя царя Василия Ивановича на Московском государстве не любят, к нему не обращаются и служить ему не хотят, кровь христианская междоусобная льется многое время, встал отец на сына и сын на отца, друг на друга,— видя всякие люди Московскому государству такое конечное разоренье, били челом ему, государю, всею землею, всякие люди, чтоб он государство оставил для междоусобные брани и для того: которые люди, боясь от него опалы или его не любя, к нему и ко всему Московскому государству не обращаются, те бы все были в соединенье и стояли бы за православную христианскую веру все заодно. И государь государство оставил, съехал на свой старый двор и теперь в чернецах, а мы целовали крест на том, что нам всем против воров стоять всем государством заодно и вора на государство не хотеть. И вам бы всем, всяким людям, стоять с нами вместе заодно и быть в соединенье, чтобы наша православная христианская вера не разорилась и матери бы наши, жены и дети в латинской вере не были».

Из этих грамот мы видим, что тотчас по свержении Шуйского самою сильною стороною в Москве была та, которая не хотела иметь государем ни польского королевича, ни Лжедимитрия, следовательно, хотела избрать кого-нибудь из своих знатных людей. Этой стороны держался патриарх, и нет сомнения, что под его-то влиянием преимущественно писаны были присяжная запись и грамоты, разосланные по городам. Эта сторона имела в виду двоих кандидатов на престол — князя Василья Васильевича Голицына и четырнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича. Но эта сторона по обстоятельствам скоро должна была уступить другой. В Можайске стоял гетман Жолкевский, требуя, чтобы Москва признала царем Владислава, имея у себя значительный отряд русских служилых людей, уже присягнувших королевичу, а в Коломенском стоял Лжедимитрий. Временному правительству московскому не было возможности отбиваться от Жолкевского и Лжедимитрия вместе, особенно когда у последнего были приверженцы между низшим народонаселением города. Некогда было созывать собор для выбора царя всею землею, надобно было выбирать из двоих готовых искателей престола, Лжедимитрия и Владислава. Если у самозванца могли быть приверженцы в низших слоях московского народонаселения, то бояре и все лучшие люди никак не могли согласиться принять вора, который приведет в Думу своих тушинских и калужских бояр, окольн-

ничих и дворян думных, который имение богатых людей отдаст на разграбление своим козакам и шпыням городским, своим давним союзникам. Поэтому для бояр и лучших людей, для людей охранительных, имевших что охранять, единственным спасением от вора и его козаков был Владислав, то есть гетман Жолкевский с своим войском. Главою стороны Лжедимитриевой был Захар Ляпунов, прельщенный громадными обещаниями вора; главою стороны Владиславовой был первый боярин — князь Мстиславский, который объявил, что сам он не хочет быть царем, но не хочет также видеть царем и кого-нибудь из своих братьев бояр, а что должно избрать государя из царского рода. Узнавши, что Захар Ляпунов хочет тайно впустить самозванцево войско в Москву, Мстиславский послал сказать Жолкевскому, чтобы тот шел немедленно под столицу. Гетман 20 июля двинулся из Можайска, в Москву послал грамоты, в которых объявлял, что идет защищать столицу от вора; к князю Мстиславскому с товарищи прислал он грамоту, из которой бояре могли видеть, какие выгоды приобретут они от тесного соединения с Польшею; представитель польского вельможества счел нужным изложить пред московскими боярами аристократическое учение: «Дошли до нас слухи,— пишет гетман,— что князь Василий Шуйский сложил с себя правление, постригся, и братья его находятся под крепкою стражею; мы от этого в досаде и кручине великой и опасаемся, чтобы с ними не случилось чего дурного. Сами вы знаете и нам всем в Польше и Литве известно, что князья Шуйские в Московском государстве издавна бояре большие и природным своим господарям верою и правдою служили и голов своих за них не щадили. Князь Иван Петрович Шуйский славно защищал Псков, а князь Михайла Васильевич Шуйский-Скопин сильно стоял за государство. А все великие государства стоят своими великими боярами. Находящихся в руках ваших князей Шуйских, братьев ваших, как людей достойных, вы должны охранять, не делая никакого покушения на их жизнь и здоровье и не допуская причинять им никакого насильства, разорения и притеснения; потому что наияснейший господарь король, его милость, с сыном своим королевичем, его милостию, и князей Шуйских, равно как и всех вас великих бояр, когда вы будете служить господарям верою и правдою, готов содержать во всякой чести и доверии и жаловать господарским жалованьем».

Несмотря, однако, на то, что Мстиславский звал гетмана на помощь и что помощь его была необходима против самозванца, для большинства москвичей была страшно тяжела мысль взять в государи иноверного королевича из Литвы. Патриарх сильно противился признанию Владислава, и хотя гетман был уже в восьми милях от Москвы, однако бояре отписали ему, что не нуждаются в его помощи, и требовали, чтобы польское войско не приближалось к столице. Но у Жолкевского был могущественный союзник —

самозванец, пу́гало всех лучших людей: «Лучше служить королевичу,— говорили они,— чем быть побитыми от своих холопей и в вечной работе у них мучиться». Патриарх все настаивал на избрании русского православного царя; однажды он захотел убедить народ примером из истории: «Помните, православные христиане! Что Карл в великом Риме сделал!» Но народу было не до Карла и не до великого Рима: «Все люди посмеялись,— говорит современник,— заткнули уши чувственные и разумные и разошлись». Ростовский митрополит Филарет Никитич также выезжал на Лобное место и говорил народу: «Не прельщайтесь, мне самому подлинно известно королевское злое умышленье над Московским государством: хочет он им с сыном завладеть и нашу истинную христианскую веру разорить, а свою латинскую утвердить». Но и это увещание осталось без действия.

24 июля Жолкевский уже стоял в 7 верстах от Москвы на лугах Хорошовских, а с другой стороны самозванец уже начал добывать Москву. Во время сражения с ним Мстиславский, чтобы завязать сношения с гетманом, послал спросить его: «Врагом или другом пришел он под Москву?» Жолкевский отвечал, что готов помогать Москве, если она признает царем Владислава. В то же время в стан к гетману явились послы от Лжедимитрия. Последний, желая отстранить соперника, дал Сапеге запись, в которой обещал тотчас по вступлении на престол заплатить королю польскому 300 000 злотых, а в казну республики, в продолжение 10 лет, выплачивать ежегодно по 300 000 злотых, сверх того, королевичу платить по 100 000 злотых ежегодно также в продолжение 10 лет, обещался завоевать для Польши у шведов всю Ливонию и для войны шведской выставлять по 15 000 войска. Касательно земли Северской дал уклончивое обещание, что он не прочь вести об этом переговоры, и если действительно будет что-либо кому следовать, то почему же и не отдать должного? Однако лучше каждому оставаться при своем. С этою записью из стана Сапеги отправились послы под Смоленск уговаривать короля принять предложение самозванца. Приехав сперва в стан к гетману, они объявили Жолкевскому о цели своего посольства к королю и сказали, что Лжедимитрий хочет послать и к нему, гетману, с подарками, но Жолкевский, давши свободный путь к королю, сам уклонился от всех сношений с вором.

Между тем сношения с Москвою продолжались. Когда Мстиславский прислал письмо к гетману, то письменного ответа не получил, Жолкевский велел сказать ему, что письменные сношения только затянут дело, которому не будет конца. Начались съезды, но дело и тут затянулось, потому что прежде всего надобно было отстранить самое могущественное препятствие, иноверие Владислава; патриарх объявил боярам относительно избрания королевича: «Если крестится и будет в православной христианской вере, то

я вас благословляю; если же не крестится, то во всем Московском государстве будет нарушение православной христианской вере, и да не будет на вас нашего благословения». Бояре настаивали, чтобы первым условием Владиславова избрания было постановлено принятие православия, но гетман без наказа королевского никак не мог на это согласиться. Личные переговоры Мстиславского с Жолкевским, происходившие 2 августа против Девичьего монастыря, были прерваны известием, что самозванец приступает к Москве: вор был отбит с помощию русского войска, пришедшего с Жолкевским и находившегося под начальством Ивана Михайловича Салтыкова, сына Михайлы Глебовича. Покушения самозванца, с одной стороны, а с другой — ропот польского войска, не получавшего жалованья и грозившего возвратиться, заставляли гетмана ускорить переговорами: он объявил, что принимает только те условия, которые были утверждены королем и на которых целовал крест Салтыков с товарищами под Смоленском, прибавки же, сделанные боярами теперь в Москве, между которыми главная состояла в том, что Владислав примет православие в Можайске, должны быть переданы на решение короля. Бояре согласились; с своей стороны гетман согласился тут же внести в договор некоторые изменения и прибавки, которых не было в Салтыковском договоре. Эти изменения очень любопытны, показывая разность взгляда тушинцев, заключавших договор под Смоленском, и бояр, заключавших его теперь в Москве. Так, в Салтыковском договоре внесено условие свободного выезда за границу для науки; в московском договоре этого условия нет. Салтыковский договор, составленный под сильным влиянием людей, могших получить важное значение только в Тушине, требовал возвышения людей незнатных по их заслугам; в московский договор бояре внесли условие: «Московских княжеских и боярских родов приезжими иноземцами в отечестве и в чести не теснить и не понижать». Салтыковский договор был составлен известными приверженцами первого Лжедимитрия, которые не могли опасаться мести за 17 мая 1606 года; но составители московского договора сочли необходимым прибавить, чтобы не было мести за убийство поляков 17 мая. Прибавлены были также следующие условия: Сапегу отвести от вора; помогать Москве против последнего, и по освобождении столицы от него Жолкевский должен отступить с польскими войсками в Можайск и там ждать конца переговоров с Сигизмундом; Марину отослать в Польшу и запретить ей предъявлять права свои на московский престол; города Московского государства, занятые поляками и ворами, очистить, как было до Смутного времени; о вознаграждении короля и польских ратных людей за военные издержки должны говорить с Сигизмундом великие послы московские, наконец, гетман обязался писать королю, бить ему челом, чтоб снял осаду Смоленска.

27 августа на половине дороги от польского стана к Москве происходила торжественная присяга московских жителей королевичу Владиславу; здесь, в двух шатрах, где стояли богато украшенные налои, присягнули в первый день 10 000 человек; гетман с своей стороны именем Владислава присягнул в соблюдении договора. На другой день присяга происходила в Успенском соборе, в присутствии патриарха; сюда пришли русские тушинцы, прибывшие под Москву с Жолкевским,— Михайла Салтыков, князь Мосальский и другие. Они подошли под благословение к патриарху, тот встретил их грозными словами: «Если вы пришли правдою, а не лестию и в вашем умысле не будет нарушения православной вере, то будь на вас благословение от всего вселенского собора и от меня грешного, если же вы пришли с лестию, с злым умыслом против веры, то будьте прокляты». Салтыков со слезами на глазах стал уверять Гермогена, что будет у них прямой, истинный государь, и патриарх благословил его. Но когда подошел Михайла Молчанов, то Гермоген закричал на него: «Окаянный еретик! Тебе не след быть в церкви» — и велел выгнать его вон. Гетман и бояре угощали, дарили друг друга; думали, что Смутное время кончилось избранием царя из чужого народа, из царского племени. Но Смутное время было еще далеко до окончания: при избрании Владислава не удовлетворялось главному требованию народа; для успокоения последнего надобно было обмануть его, и временное правительство, не наказавшись прошедшим, решилось прибегнуть к обману. По городам разосланы были грамоты с приказом присягать Владиславу, и в этих грамотах правительствующие бояре писали, что так как советные люди из городов для царского выбора не приезжали, то Москва целовала крест королевичу Владиславу на том, что ему, государю, быть в нашей православной христианской вере греческого закона. Но понятно, что истины скрыть было нельзя; многие очень хорошо знали, что дело о принятии православия королевичем было отложено, и некоторые из них имели сильные побуждения разглашать об этом в Москве, давать знать в стан к самозванцу и по городам; и вот когда другие города повиновались Москве и присягнули Владиславу, Суздаль, Владимир, Юрьев, Галич и Ростов начали тайно пересылаться с самозванцем, изъявляя готовность передаться ему. Прежде эти самые города встали против Лжедимитрия и отчаянно оборонялись от его сподвижников, увидавши в них врагов государства. Но теперь высший интерес, интерес религиозный, становится на первом плане и отстраняет все другие: для многих лучше было покориться тому, кто называл себя православным царем Димитрием, сыном царя Ивана Васильевича, чем литовскому иноверному королевичу. С этих пор, с провозглашения Владислава царем, народные движения в Московском государстве принимают религиозный характер, и король Сигизмунд спешит дать им силу.

Через два дня после торжественной присяги с обеих сторон к гетману приехал из-под Смоленска Федор Андронов с письмом от короля, где тот требовал, чтоб Московское государство было упрочено за ним самим, а не за сыном его. Вслед за Андроновым приехал Гонсевский с подробнейшим наказом для гетмана, но не только сам гетман, даже и Гонсевский, узнав положение дел, счел невозможным нарушить договор и исполнить желание короля, которого одно имя, по собственному сознанию поляков, было ненавистно московскому народу. Решившись не обнаруживать ни в чем намерений короля, Жолкевский начал приводить в исполнение ту статью договора, которою он обязался отвести Сапегу от вора и прогнать последнего от Москвы. Он послал к первому с увещанием не препятствовать делу короля и республики и уговорить самозванца к изъявлению покорности Сигизмунду, в каком случае Жолкевский обещал выпросить ему у польского правительства Самбор или Гродно в кормление; в случае же несогласия самозванца Сапега должен был выдать его гетману или по крайней мере отступить от него. Сам Сапега готов был выполнить требования гетмана, но товарищи его никак не согласились. Жолкевский увидал необходимость употребить меры подействительнее простых увещаний, он двинулся ночью из своего стана и на рассвете стоял уже перед станом Сапеги в боевом порядке, князь Мстиславский вывел к нему также на помощь пятнадцатитысячный отряд московского войска, оставив по распоряжению гетмана другой сильный отряд в городе для сдержания приверженцев Лжедимитрия. Соединившись с Жолкевским, первый боярин Московского государства, князь Мстиславский, поступил под начальство коронного гетмана польского! Войско Сапеги испугалось, увидя перед собою соединенные полки Жолкевского и Мстиславского; русские, заметив эту робость, хотели тотчас же ударить на него, но гетман не хотел проливать крови своих, дожидался мирной покорности, которая и не замедлила: Сапега явился на личное свидание к гетману и обещал или уговорить самозванца к покорности, или отступить от него. Но Лжедимитрий, или, лучше сказать, жена его, находившиеся тогда в Угрешском монастыре, не хотели слышать ни об каких условиях: несогласие некоторых городов на избрание Владислава обещало им новую смуту, новую возможность поправить свои дела. Тогда гетман объявил боярам свое намерение: пройдя ночью через Москву, подступить к монастырю и захватить там врасплох самозванца. Бояре согласились, позволили польскому войску в ночное время пройти через город почти пустой, потому что бояре еще прежде вывели тридцать тысяч войска в поле. Впрочем, доверенность не была обманута: поляки прошли поспешно через город, не сходя с копей, безо всякого вреда для жителей. Польское и московское войско соединились у Коломенской заставы и пошли к Угрешскому монастырю, но из Москвы успели уве-

домить Лжедимитрия об опасности, и тот бежал в Калугу с женою и Заруцким, который перешел на его сторону, рассорившись с Жолкевским за то, что гетман не хотел дать ему главного начальства над русским войском, передавшимся на имя королевича. Не надеясь догнать самозванца, гетман возвратился в стан свой, а бояре — в Москву. На другой день русские приверженцы Лжедимитрия, не последовавшие за ним в Калугу, приехали к гетману и объявили желание присягнуть Владиславу, если только при них останутся те звания, которые они получили от самозванца. Жолкевский был не прочь удовлетворить этому требованию, но бояре московские никак не хотели на это согласиться. Извещая города о последних событиях, они писали: «Литовские люди — Ян Сапега с товарищами и русские люди, бояре — князь Михаил Туренин да князь Федор Долгорукий, и воровские советники князь Ал. Сицкий, Александр Нагой, Григорий Сунбулов, Фед. Плещеев, князь Фед. Засекин да дьяк Петр Третьяков, и всякие служилые и неслужилые люди вину свою государю королевичу принесли». Здесь любопытно отделение двух бояр — князя Туренина и Долгорукого от остальных приверженцев Лжедимитрия, которые называются воровскими советниками, как будто бы двое означенных бояр не были также воровскими советниками. Некоторые из этих воровских советников, недовольные московским приемом, опять отъехали к самозванцу.

Отогнав Лжедимитрия, гетман начал настаивать на скорейшее отправление послов к Сигизмунду, что давало ему случай удалить из Московского государства подозрительных людей, на которых указано было народу как на достойных занять престол. Жолкевский начал уговаривать Голицына принять на себя посольство, льстил ему, представляя, что такое великое дело должно быть совершено именно таким знаменитым мужем, каким был он, Голицын, притом уверял его, что это посольство даст ему удобный случай к приобретению особенной милости короля и королевича. Голицын принял предложение. Жолкевский от его удаления получал двойную выгоду: во-первых, удалял из Москвы, отдавал в руки королевские искателя престола; во-вторых, удалял из Москвы самого видного по способностям и деятельности боярина, с остальными легко было управиться. Михаил Федорович Романов, носивший в это время звание стольника, был еще очень молод, и потому его нельзя было включить в посольство; тогда гетман постарался, чтоб послом от духовенства назначили отца Михаилова, митрополита Филарета; Жолкевский представлял, что на такое важное дело нужно послать человека, не только по званию, но и по происхождению знаменитого, а последнему условию вполне удовлетворял только один Филарет. Уведомляя короля о присяге Москвы Владиславу, гетман писал ему: «Один бог знает, что в сердцах людских кроется, но, сколько можно усмотреть, москвитя-

не искренно желают, чтобы королевич у них царствовал. Для переговоров о крещении и других условиях отправляют к вашей королевской милости князя Василия Голицына с товарищами; переговоры эти не будут трудны, потому что Голицын, пришедши к патриарху с другими боярами, объявил ему, что «о крещении они будут бить челом, но если бы даже король и не исполнил их просьбы, то волен бог да господарь, мы ему уже крест целовали и будем ему прямить»». Удалившись чрез посольство Голицына и отца Михаилова, Жолкевский распорядился и насчет бывшего царя Василия, который мог быть также опасен, ибо патриарх не считал его монахом: по настоянию гетмана бояре отправили Василия в Иосифов Волоколамский монастырь, а братьев его — в Белую, чтоб отсюда удобнее было переслать их в Польшу; патриарх, кажется, догадывался об этом намерении и настаивал, чтоб Шуйского отвезли в Соловецкий монастырь, но тщетно. Царицу Марию заключили в суздальском Покровском монастыре.

Филарет и Голицын отправились в челе посольства; между остальными членами его были: окольничий князь Мезецкий, думный дворянин Сукин, думный дьяк Томила Луговской, дьяк Сыдавный-Васильев; из духовных — спасский архимандрит Евфимий, троицкий келарь Авраамий Палицын и другие; к ним присоединены были выборные из разных чинов люди; число лиц посольства простиралось до 1246 человек. Послам дан был такой наказ: 1) требовать, чтоб Владислав принял греческую веру в Смоленске от митрополита Филарета и смоленского архиепископа Сергия, чтоб пришел в Москву православным; 2) чтобы Владислав, будучи на престоле, не сносился с папою о делах веры, а только о делах государственных; 3) если кто-нибудь из людей Московского государства захочет по своему малоумию отступить от греческой веры, таких казнить смертию, а имение их отписать в казну; следовательно, здесь сделано исключение из того условия договора, по которому имение у преступников не отбиралось, но шло к наследникам; 4) чтоб королевич взял с собою из Польши немногих необходимых людей; 5) прежнего титула московских государей не умалять; 6) жениться Владиславу в Московском государстве на девице греческого закона; 7) города и места, занятые поляками и вором, очистить к Московскому государству, как было до Смуты и как условлено с гетманом; 8) полякам и литовцам, которые приедут с Владиславом, давать поместья внутри государства, а не в порубежных городах. Цель условия ясна: поляки, владея порубежными местами, легко могли завести их за Польшу; 9) всех пленников, взятых в Московском государстве во время Смут, возвратить без выкупа; 10) король должен отступить от Смоленска, на посаде и в уезде никакого насилия не делать; 11) на будущий сейм должны приехать московские послы, в присутствии которых вся Речь

Посполитая должна подкрепить великое утверждение между двумя государствами.

На случай неодолимого сопротивления с польской стороны послам дозволено было умерить свои требования, именно касательно первой статьи: если королевич на принятие православной веры в Смоленске не согласится и отложит это дело до прибытия своего в Москву, где примет решение, постановленное духовенством православным и латинским, то послы должны отвечать, что у них на такой случай нет наказа, просить позволения переписаться с патриархом, боярами и всею землею, а королевича просить идти немедленно в Москву, прибавлено, чтобы послы не спорили о вере с панами или учителями латинскими. Касательно четвертой статьи послы должны были настоять, чтобы Владислав не привозил с собою больше пятисот человек поляков. Касательно титула послы могли согласиться, что Владислав постановит о нем окончательное решение в Москве по приговору патриарха, бояр и всех думных людей. Статью о женитьбе послы могли изменить так: Владислав не может жениться без совета патриарха, всего духовенства, бояр и думных людей. Послы не должны были соглашаться на вознаграждение короля за подъем и на уплату жалованья польскому войску, бывшему при воре с Сапегою, не должны были соглашаться на построение костела в Москве, на оставление польских чиновников в порубежных русских городах до совершенного успокоения государства; должны были уклониться от переговоров о порубежных спорных делах, «чтоб за тем большому делу мешкоты не было». В случае же упорного настаивания с польской стороны насчет означенных последних пунктов послы должны были отвечать, что они не имеют о них наказа и потому решение этих дел должно оставить до будущих переговоров между Сигизмундом и его сыном, когда уже Владислав будет государем московским. В Москве, как видно, надеялись, что как скоро Владислав станет царем, то будет по необходимости блюсти выгоды своего государства, вот почему послы должны были прежде всего настаивать на скорейший приезд Владислава в Москву.

Патриарх отправил с послами от себя письмо к Сигизмунду, где умолял короля отпустить сына в греческую веру: «Любви ради божией смилуйся, великий государь, не презри нашего прошения, да и вы сами богу не погрубите, и нас богомольцев своих и таких неисчетных народов не оскорбите». Но Сигизмунд прежде всего должен был думать о том, чтоб не оскорбить своего народа и, поставленный в необходимость возвратиться в Польшу или с целым Московским государством, или по крайней мере с частию его, продолжал осаду Смоленска. С другой стороны, Ян Потоцкий, главный начальник над осаждающими войсками, завидуя успеху Жолкевского в Москве, хотел непременно взять Смоленск, его желание соответствовало и желанию войска, раздраженного

долгою осадою. Несмотря, однако, на ревность и мужество осаждающих, их приступы были постоянно отбиваемы осажденными, хотя между последними свирепствовала заразительная болезнь. Когда получено было известие о договоре Жолкевского с временным московским правительством, то и смольняне вступили в переговоры с королем, но как скоро Сигизмунд объявил Шеину, что Смоленск, древняя собственность Литвы, должен сдаться не королевичу, а самому королю, то воевода никак не согласился отделиться от Москвы без согласия всей земли. Окончание переговоров было отложено до приезда великих московских послов. И в этом случае город разделился, если верить речам перебежчиков: дворяне, которых было около двухсот человек, стрельцы, числом около двенадцати тысяч, даже духовенство и воевода соглашались сдать город на имя короля, полагая, что им все равно жить, под властию Сигизмунда или его сына, как скоро вера и права будут сохранены; но торговые и посадские люди никак не хотели отложиться от Москвы и настаивали, чтоб дожидаться послов.

Между тем чрез избрание Владислава шведы необходимо превращались из союзников в врагов Московскому государству: они взяли Ладогу, но не имели успеха под Иван-городом, жители которого, несмотря на крайность, оставались верны самозванцу; Горн разбил Лисовского под Ямою, после чего Лисовский и Просовецкий с донскими козаками отступили к Пскову, но рассорились, потому что Лисовский хотел служить Владиславу, а Просовецкий — самозванцу; вследствие этого Лисовский пошел в Остров, а Просовецкий остановился в двадцати верстах от Пскова. Самозванец по-прежнему укрепился в Калуге и должен был, по-видимому, готовиться к войне с прежним своим союзником Сапегою, который выступил в Северскую землю как будто для того, чтоб отнять ее у самозванца, но на деле было иное: по соглашению с двоюродным братом своим — канцлером Львом, Сапега должен был поддерживать Лжедимитрия, отвлекавшего внимание москвитян от замыслов королевских. Владения калужского царя были довольно обширны: так, например, Серпухов принадлежал ему; здесь сидел воеводою от него известный нам Федор Плещеев. Оставшись один под Москвою с небольшим своим войском, Жолкевский видел ясно всю опасность положения, видел, что русские только вследствие крайней необходимости согласились принять на престол иноземца и никогда не согласятся принять иноверца, а Сигизмунд никогда не согласится позволить сыну принять православие. Но и теперь, как прежде, самозванец продолжал помогать гетману; из страха пред простым народом, который не замедлит встать за Лжедимитрия при первом удобном случае, бояре сами предложили Жолкевскому ввести польское войско в Москву; гетман согласился с радостию и послал расписать квартиры в городе; но в Москве сторожили каждое движение: монах ударил в набат и объявил

собравшемуся народу, что поляки входят в Москву, бояре испугались волнения и упросили гетмана обождать еще дня три. Но гетман сам испугался, созвал коло в своем войске и сказал: «Правда, что я сам хотел поставить войско в столице, но теперь, внимательно осмотревшись, впал в раздумье. В таком большом и публичном собрании я не могу открыть причин, которые препятствуют мне поставить там войско, вышлите ко мне в палатки по два человека из полка, я им все открою». Когда депутаты пришли, гетман начал объяснять дело: «Москва город большой, людный, почти все жители Московского государства сходятся в Кремль по делам судным, здесь все разряды. Я должен стать в самом Кремле, вы другие — в Китай-городе, остальные — в Белом. Но в Кремле собирается всегда множество народа, бывает там иногда по пятнадцати и по двадцати тысяч, им ничего не будет стоить, выбравши удобное время, истребить меня там, пехоты у меня нет, вы люди до пешего бою неспособные, а у них в руках ворота». Приведши в пример первого Лжедимитрия, который погиб вместе с поляками, гетман заключил: «Мне кажется гораздо лучше разместить войско по слободам около столицы, которая будет, таким образом, как будто в осаде».

Но этому плану всего более воспротивился полк Зборовского, состоявший из тушинских поляков; последние не переставали жалеть, что у них вырвана была из рук добыча, теперь по крайней мере надеялись, что если Москва будет в их руках, то и казна царская будет у них же, а тут гетман как нарочно медлит, обнаруживает опасение и хочет становиться только в слободах. Депутат Зборовского полка, Мархоцкий, отвечал гетману: «Напрасно ваша милость считает Москву так могущественною, как была она во время Димитрия, а нас так слабыми, как были те, которые приехали к нему на свадьбу. Спросите у самих москвичей, и они вам скажут, что от прихода Рожинского до настоящего времени погибло 300 000 детей боярских. В то время, когда Димитрия и наших побили, вся земля была в собрании около Москвы, потому что царь готовился к войне с Крымом, но хотя русских было и много, а наших только три хоругви, однако и тут наших одолели только изменою. А ты теперь приехал на войну, будем биться и пеши, когда понадобится. Ваша милость жалуетесь, что у вас мало пехоты: мы каждый день от каждой хоругви будем посылать к вам в Кремль пехоты с ружьями, сколько прикажете. Если боитесь поставить все войско в столице, то поставьте наш полк: мы решились дожидаться в Москве или смерти, или награды за прежние труды. Что же касается до расположения войска в слободах, то мне кажется, что это будет гораздо опаснее, чем помещение его в самом городе. Недавно мы вступили в мирные сношения с Москвою и уже так стали беспечны, что большая часть наших всегда в Москве, а не в обозе, и так ездят туда неосторожно, как будто бы в Краков. То же самое будет,

когда расположимся в слободах: большая часть наших всегда будет в городе, а не при хоругвях». Жолкевский отвечал с сердцем: «Я не вижу того, что ваша милость видите: так будьте гетманом, сдаю вам начальство!» Мархоцкий отвечал: «Я начальства не хочу, но утверждаю одно, что если вы войска в столице не поставите, то не пройдет трех недель, как Москва изменит. А от полка своего я объявляю, что мы других еще трех лет под Москвою стоять не намерены».

С тем депутаты и разошлись от гетмана. Жолкевский не тронулся убеждениями Мархоцкого и послал Гонсевского в Москву к боярам предложить им, чтоб они отвели ему Новодевичий монастырь и слободы. Бояре согласились, но патриарх возражал, что неприлично оставить монахинь в монастыре вместе с поляками, неприлично и выслать их для поляков. Мнение патриарха нашло отголосок сильный: около Гермогена начали собираться дворяне, торговые и посадские люди, стрельцы. Патриарх дважды посылал за боярами, зовя их к себе; они отговаривались, что заняты государственным делом. Тогда Гермоген послал сказать им, что если они не хотят идти к нему, то он пойдет к ним, и не один, а со всем народом. Бояре испугались, пошли к патриарху и толковали с ним часа два, опровергая слова его о неблагонамеренных замыслах гетмана. Гермоген говорил, что Жолкевский нарушает условия, не отправляет никого против калужского вора, хочет ввести войска в Москву, а русские полки высылает на службу против шведов. Бояре с своей стороны утверждали, что введение польских войск в Москву необходимо: иначе чернь предаст ее Лжедимитрию; Иван Никитич Романов даже сказал патриарху, что если гетман отойдет от Москвы, то им всем, боярам, придется идти за ним для спасения голов своих, что тогда Москва достанется вору и патриарх будет отвечать за эту беду. Патриарху прочли строгий устав, написанный гетманом для предотвращения и наказания буйств, которые могут позволить себе поляки, в то же время Гонсевский, узнав, о чем идет дело у патриарха с боярами, прислал сказать последним, что гетман завтра же высылает войска против самозванца, если только московские полки будут готовы. Это известие дало боярам решительный перевес в споре, Мстиславский воспользовался случаем, чтоб превознести гетмана; говорят даже, будто бояре в торжестве решились сказать Гермогену, чтоб он смотрел за церковью, а в мирские дела не вмешивался, ибо прежде духовенство никогда не управляло государственными делами. Как будто бы предание государства иноверцам не касалось церкви!

Как бы то ни было, патриарх уступил боярам, уступил и народ. Салтыков, Шереметев, Андрей Голицын, дьяк Грамотин попеременно разъезжали среди толпы, выговаривали за мятеж, приказывали не замышлять нового, народ утих, Гонсевский поскакал в стан к гетману с известием, что нет никакой опасности располо-

жить войско в столице, что сами бояре просят об этом, гетман согласился. Ночью с 20 на 21 сентября поляки тихо вступили в Москву, поместились в Кремле, Китае и Белом городе, заняли монастырь Новодевичий, заняли Можайск, Борисов, Верею для безопасности сообщений своих с королем. Жолкевский для собственной выгоды хотел свято исполнить обещанное: решение распрей между поляками и москвичами предоставлено было равному числу судей из обоих народов; суд был беспристрастный и строгий: так, когда один пьяный поляк выстрелил в икону богородицы, то суд приговорил его к отсечению рук и сожжению, другой поляк насильно увел дочь у одного из московских жителей: преступника высекли кнутом. Обязанность продовольствовать поляков была возложена на замосковные города и волости, которые были расписаны по разным ротам, но когда посланные для сбора припасов поляки, по их собственному признанию, самовольно брали все, что кому нравилось, силою отнимали жен и дочерей у жителей, то последние согласились платить полякам деньгами, сбор которых приняли на себя. Гетману всего важнее было прибрать к рукам стрельцов, потому что на них должно было опереться народное восстание, и он довел дело до того, что по согласию бояр начальство над стрельцами поручено было Гонсевскому; сами стрельцы легко согласились на это, ибо Жолкевский обходительностию, подарками и угощениями так привлек их к себе, что они готовы были исполнить все, чего бы он ни захотел, сами приходили к нему и спрашивали, не подозревает ли он кого в измене, вызываясь тотчас схватить подозрительного человека. Гетману удалось даже поладить с патриархом: сперва сносился он с ним посредством других, а потом стал ходить к нему сам и приобрел его расположение.

Несмотря, однако, на все эти приязненные отношения и ловкие меры, Жолкевский знал, что восстание вспыхнет при первой вести о нежелании короля отпустить Владислава в Москву, знал, что эта весть может прийти очень скоро, и потому спешил оставить столицу. С одной стороны, личным присутствием хотел он подкрепить своих единомышленников, уговорить короля исполнить договор; с другой стороны, он должен был спешить из Москвы для сохранения своей славы, для выхода из положения, которое скоро грозило стать крайне затруднительным: с необыкновенным успехом окончил он поход свой, а теперь бесславно мог погибнуть с своим ничтожным отрядом среди всеобщего восстания. Бояре испугались, когда гетман объявил, что должен ехать, упрашивали его остаться, но Жолкевский был непреклонен. Бояре провожали его далеко за город, даже простой народ обнаружил к нему расположение, платя ласкою за ласку; когда он ехал по улицам, то москвичи забегали вперед и желали счастливого пути. На место гетмана остался Гонсевский.

Уезжая из Москвы, Жолкевский взял с собою свергнутого царя Василия, взял и двоих братьев его. 20 октября король писал боярам: «По договору вашему с гетманом Жолкевским велели мы князей Василия, Дмитрия и Ивана Ивановичей Шуйских отослать в Литву, чтоб тут в господарстве Московском смут они не делали, поэтому приказываем вам, чтоб вы отчины и поместья их отобрали на нас, господаря». Двое других подозрительных лиц, Филарет и Голицын, были уже под Смоленском во власти короля. Они выехали из Москвы 11 сентября, с дороги, от 18 сентября, они писали в Москву, что королевские войска осадили Осташков, разоряют его окрестности; от 21 сентября писали, что, не имея возможности взять Осташков, поляки рассеялись по уездам Ржевскому и Зубцовскому и пустошат их; от 30 сентября писали, что многие русские дворяне прнезжают к королю под Смоленск и по воле королевской присягают уже не одному королевичу, но и самому королю и король за это их жалует, дает грамоты на поместья и вотчины, а тем, кто уже присягнул королевичу, велит опять присягать себе, кто же не хочет, тех сажают под стражу, что король несколько раз посылал к смольнянам, чтоб они присягнули ему вместе с сыном, смольняне не согласились, и король промышляет над их городом всякими мерами. 7 октября послы приехали под Смоленск, их приняли с честию, отвели 14 шатров за версту от королевского стана, но кормы давали скудные: на жалобы послов отвечали, что король не в своей земле, а на войне и взять ему самому негде. 10 числа великие послы представились королю и били челом, чтобы отпустил сына своего на царство Московское. Лев Сапега именем королевским отвечал в неопределенных выражениях, что Сигизмунд желает спокойствия в Московском государстве и назначит время для переговоров. Между тем в совете королевском шли споры, соглашаться ли на просьбу послов, отпускать ли королевича в Москву или нет? Сначала Лев Сапега, отчаявшись в возможности взять Смоленск, был в числе тех, которые соглашались на отпуск королевича в Москву, но скоро переменил мнение, особенно когда получил письмо от королевы Констанции, которая писала ему: «Ты начинаешь терять надежду на возможность взять Смоленск и советуешь королю на время отложить осаду: заклинаем тебя, чтоб ты такого совета не подавал, а вместе с другими сенаторами настаивал на продолжение осады: здесь дело идет о чести не только королевской, но и целого войска». Сапега стал внушать королю, что присяга, данная московским народом Владиславу, подозрительна: не хотят ли москвичи только выиграть время? От этой присяги для Польши больше вреда, чем пользы, потому что для неверного надобно оставить осаду Смоленска, покинуть надежду на приобретение областей Смоленской и Северской, и все это будет соединено с страшным вредом и позором, если москвичи обманут Владислава. Гораздо лучше продолжать начатое, не вы-

пускать из рук того, что уже в руках, и, взявши свое, вести с торжеством Владислава в Москву. Требовавшие выполнения гетманского договора с Москвою представляли: король обещал, гетман с войском присягнули; нельзя сделать клятвопреступниками короля, гетмана и целое войско. Народ московский без государя быть не привык: если им не дать королевича, ими избранного, то, разрешенные этим от присяги, они обратятся к другому и упорно будут стоять против нас, видя наше клятвопреступление. Силою этой войны нам не кончить, потому что у нас нет достаточных для того средств; если же войны не окончим, то беда с двух сторон, от Москвы и от своих; от Москвы, ибо изберет себе чужого государя, от своих, потому что начнутся воинские конфедерации вследствие неуплаты жалованья; заплатить им из Польши трудно, потому что казны нет, а королю надобно прежде всего заботиться о своей славе, ибо если славу потеряет, то все потеряет и у своих, и у чужих. Война не может идти хорошо, потому что не только нет средств продолжать ее, но нет средств и долгу заплатить; ратные люди в отчаянии двинутся в Польшу за жалованьем — отсюда ненависть к королю войска, ненависть шляхты, наконец, возмущение, и тогда уже дело пойдет о жизни и царстве. Если же королевич будет отправлен в Москву, то будет у нас спокойное соседство, легко могут быть возвращены Лифляндия и Швеция, да и от татар будет меньше вреда; большая часть шляхты могла бы испомститься в Москве, вследствие чего Речь Посполитая могла бы быть безопаснее от бунтов, ибо причина восстания — бедность граждан. Король, давши Москве сына, приобретет себе вечную славу у своих и чужих. Если, чего не дай бог, приключится смерть королю и выбор другого сына его в короли встретит препятствия, то старший брат, царь московский, поможет ему.

Противники возражали: государь молодой, еще ребенок, не может управлять без руководителей, которыми должны быть или поляки, или москвитяне, или смешано из того и другого народа. Если назначить поляков, москвитяне оскорбятся, ибо народ московский иностранцев не терпит, это показал он на Димитрии, погубив его за то, что допускал иностранцев к делам тайным. Вверить королевича московским воспитателям — трудно, во-первых, уже потому, что там нет таких людей, которые бы умели воспитывать государя как следует: если станут воспитывать его в своих обычаях, то погрузят в грубость государя, подающего такие надежды. Воспитателями, разумеется, должны быть люди самые знатные, но они на таком месте не бывали, где бы могли пользоваться коротким обхождением с государем (государей своих они чтут, как божество); короткое обращение и молодость государя, участие, которое они будут иметь в правлении, породят в них презрение ко власти царской, станут друг с другом ссориться, и тот, кто осилит всех других, начнет замышлять и против государя;

примеров тому много, не у варваров, а в образованных государствах, ибо честолюбие сдержать трудно, зло это вкрадывается малопомалу, особенно когда судьба благоприятствует, а народ московский еще к этому очень склонен, потому что очень горд и завистлив. Прежние государи сдерживали это в нем страхом, но молодой государь сдержать не сможет. Потом, кого выбрать в воспитатели? Надобно ведь узнать добрые свойства и обычаи человека, прежде чем допустить его до такого места, и кто его узнает? Сами друг другу будут мешать, друг друга чернить, потому что если при встрече и поклонах обнаруживают такое смешное соперничество, то что же будет в таком важном случае? Соединить поляков с москвитянами? Но чтоб они ужились, потребно содействие духа святого, потребны люди с умереннейшими характерами. При молодом государе сейчас между ними возникнет соперничество: одни, приверженные к отцу и к нему самому, будут советовать ему только одно доброе, но другие будут только угождать, льстить молодому человеку для своих выгод, одна особенная милость божия может сделать, что он им не поддастся. Согласия между польскими и московскими воспитателями быть не может по причине различия нравов. Настоящее состояние Московского государства требует человека, который бы оборонил его от врагов внешних, усмирил волнения внутренние, каждого возвратил в прежнее состояние, потому что если в больном государственном теле смешавшиеся соки не возвратятся каждый в свое место, то болезнь возвратится снова: молодой человек этого сделать не может, а без этого жизнь и власть его будут в опасности. Простой народ там поднялся, встал на панов, чуть не всю власть в руках держит. Бояре, вожди народа, употребляют его как орудие для своих честолюбивых целей. Их надобно укротить, потому что без этого надобно каждую минуту опасаться волнения, многоглавый зверь может быть укрощен только мечом. Дитя этого сделать не может, а если сделает по чьему-нибудь внушению, то возбудит сильное волнение; притом же государя молодого опасно приучать к кровп. Попы имеют огромное значение, они главы народных движений, с ними и у старика голова закружится, с ними надобно покончить, в противном случае яд останется без лекарства; государь не может быть в таком случае безопасен, а охранять его могут только поляки, которых если будет не много, то не защитят, а скорее погубят. Большого войска держать при себе они не допустят, да и что будет за жизнь государю беспрестанно в стане, в беспокойствах. Избранию их и крестному целованию верить нельзя. Если бы его по желанию и по долгом размышлении выбрали, то можно было бы надеяться, что добровольно выбрали, добровольно будут служить, ибо любовь подданных — основа правительства. Но этого ничего нет, только маска да слово добровольного избрания; нужда служит причиною привязанности; какое тут вольное избрание,

когда стоят с саблею над головою? Пристойным именем только необходимость прикрыли, ибо если королевич им так сильно полюбился, то зачем не выбирали его прежде, пока были в силах? Зачем против гетмана шли, за Шуйского умирали? На отца везде искали помощи, клятвопреступником его называли, говорили, что нарушил клятву им и государю их. Хорошее доказательство доброго расположения! Не любовь была причиною избрания королевича, а необходимость, ибо когда тонешь, то рад, если и самый злой враг протянет руку. Из условий избрания легко видеть, что о нас не думали; в двух из них обнаружили свое нерасположение: чтоб королевич крестился в греческую веру и чтоб полякам не давать пограничных мест. Если креститься христианину велят, то, значит, за христианина его не считают, а какое расположение можно иметь к нехристианину? Говорят, что королевич окрестится: хорошо же думают они о своем кандидате, что за кусок хлеба согласится быть отступником и быть в поругании у всех народов и у них. Говорят, что это условие патриарх внес, тем хуже. Полякам ничего не давать на границах, но для чего их бояться? И можно ли того любить, кого опасаемся? Для чего испомещать их внутри государства? Не верят им, а царем кого берут? Королевича польского? Крестному целованию их верить, но надобно прежде посмотреть, что с другими государями делалось: разве Иван не от яду умер? Говорят, что он был тиран, но Феодор и маленький брат его Димитрий были ни в чем невинны — и погибли же. Говорят, что это Годунов сделал, но Годунова царем выбрали, и если бы бог его не покарал, то сын бы его царствовал, взяли того в государи, крест целовали и сейчас же убили, изменником назвавши; Шуйскому присягнули и до тех пор при нем стояли, пока беда не пришла. А нашему изменить — первая причина то, что католик, патриарх разрешит. Трудно верить народу, который уже привык нарушать клятву; возьмем в пример Римскую республику, где перемена государей вошла в обычай; это наследство досталось и нынешним итальянцам.

Говорят: присягнул гетман, все войско, король обещал, надобно исполнить обещание. Надобно выполнить обещание, но с толком, не опуская из виду обстоятельств, которые так же важны, как и главное дело. Дадим королевича, устранивши препятствия, потому что мы его обещали на спокойную землю. Говорят: если королевича не дадим, то обратятся к другому государю. Но к кому обратятся? Ни один своего государства не покинет, а сына, кроме английского короля, ни у кого нет, да и тот еретик, и плохая надежда, чтоб окрестился. Мы ближе всех, нам удобнее всех действовать. Столица в наших руках, и наших недостатков знать они не могут, потому что, судя по успеху, ставят нас выше, чем мы сами себя считаем. Правда, что войску будет тяжело, но из этого еще не следует непременно, чтоб оно взбунтовалось. С польских по-

боров деньги будут, хотя и не все; получивши часть, подождут остального. Ведь они не иностранцы, а сыны отечества, себе приобретают, не чужому государю. Говорят, что когда королевича дадим, то Москва все заплатит и Речи Посполитой даст вознаграждение. Но в казне московской нет ничего или очень мало, где же взять денег? А захотят брать у частных людей, то всего скорее вспыхнет восстание. Обещают возвращение Ливонии, оборону от татар и не говорят о земле Северской, которую должны будем потерять. Ливонию возвратить трудно, московского войска скоро употребить в дело не можем, потому что оно истощено, надобно дать ему отдохнуть. Будет восстание на короля, если отдаст сына без воли поляков: если без согласия республики не может он заключать союзов, то тем более не может давать государя соседнему народу. Король имеет право заботиться о своем потомстве, но без вреда для республики, а это вред, когда он отдаст своего сына чужому народу без ведома республики. Взвесивши все доводы за и против, трудно решить, что должно избрать. Если бы королевич был совершеннолетний и республика дала свое согласие, то скорее бы можно было согласиться отпустить королевича в Москву; но теперь надобно избрать что-нибудь среднее: всего бы лучше, если бы взяли в государи короля, мужа лет зрелых и опытного в управлении. Но предложить им это опасно: возбудится их подозрительность, взволнуется духовенство их, которое хорошо знает, что король ревностный католик. Насчет королевича, как в нежном возрасте находящегося, они имеют надежду, что могут приучить его ко всему, и к своим обычаям; но насчет короля такой надежды питать они не могут. Итак, предложить им прямо короля нельзя; но в добром деле открытый путь не всегда приносит пользу, особенно когда имеем дело с людьми неоткровенными: если неудобно дать королю сейчас же царский титул, то по крайней мере управление государством при нас останется, а со временем откроется дорога и к тому, что нам нужно. Мы не будем им отказывать в королевиче, будем стоять при прежнем обещании, а Думе боярской покажем причины, почему мы не можем отпустить к ним сейчас же королевича, укажем, что препятствия к тому не с нашей, но с их стороны, и медленность эта клонится не к нашей, но к их выгоде, причем нужно различать знатных людей от простого народа: одним нужно говорить одно, другому — другое. И знатным людям, и простому народу можно выставить на вид, что государство еще не успокоено, наполнено врагами внутренними и внешними, трудно от всего этого избавиться, имея такого бедного государя; надобно выдавать большие суммы денег из казны войску, а если приедет сейчас же Владислав, то эти деньги, нужные для войска, надобно будет обратить на царя, для поддержания великолепия двора. Доходы царские идут теперь в разные стороны, должности заняты людьми недостойными: все это надобно

привести в порядок до приезда царя, чтоб приехать ему на государство богатое, а не истощенное. Людей знатных надобно привлекать частными обещаниями и выставлять им на вид, между прочим, и то, что королевич молод, что для установления спокойствия в таком расстроенном государстве надобны разум и время и если не успокоить, то начнется волнение еще больше прежнего, что надобно обратить внимание на безопасность государя, потому что в земле размножились злые люди, которых зовут *ворами*; государь был бы безопасен только при многочисленном отряде телохранителей, а содержание этого отряда соединено с истощением земли и казны, когда же королевич достигнет совершенного разума и возраста, то ему уже не надобно будет телохранителей. Надобно ждать сейма, просить республику об отпуске королевича, на все это потребуется время, а между тем как быть без главы государству расстроенному? Неприятель воспользуется этим и усилится. Государь молодой не может управлять и не может войти в их порядки, потому что не знает их. Пусть вышлют сыновей своих и людей знатных ко двору королевскому, чтобы и королевич присмотрелся к их обычаям, и они узнали бы его обычаи; тогда он приедет в Москву уже как человек знакомый и будет управлять по обычаям земли. А между тем каждого привлекать на свою сторону обещаниями, то же самое делать и с духовными лицами, потому что и между ними не без честолюбия. Если бы они согласились отсрочить приезд королевича, то говорить, что в это время государство не может быть без главы, а кого же ближе признать этим главою, как не короля, единственного опекуна сына своего. Конечно, для благоразумнейших важнее всего будет жить спокойно в домах и иметь хлеб до тех пор, пока королевич придет в совершенные лета. Говорить об этом с послами, которые теперь у нас (с Филаретом и Голицыным), не следует: их выслали из Москвы как людей подозрительных; лучше отправить послов в Москву и там толковать с добрыми людьми; но если кто из этих послов склонится к нам, то хорошо будет также послать его в Москву.

Эти доводы превозмогли: положено было не отпускать королевича. 15 октября был первый съезд послов с панами радными, которые объявили, что королю нельзя отступить от Смоленска и вывести войско из Московского государства, ибо он пришел с тем, чтобы успокоить это государство, истребить вора, очистить города, а потом дать сына своего на престол московский. Послы отвечали, что государство гораздо скорее успокоится, если король выведет из него свои войска, что для истребления вора довольно одного отряда Жолкевского, потому что вор теперь силен только польскими войсками, что поход королевский на вора разорит Московское государство, и без того уже опустошенное; послы сказали, что им странно даже и толковать об этом, ибо условие об отступлении

короля от Смоленска подтверждено клятвенно гетманом в договоре с Волуевым и Елецким при Цареве-Займище; в договоре же московском сказано вообще об очистке всех городов к Московскому государству, и гетман обязался просить короля о снятии осады Смоленска, и, следовательно, об этом и речи быть не должно. Паны возражали, что король не может дать своего пятнадцатилетнего сына на престол московский, но хочет прежде сам идти на вора, после чего поедет на сейм, без согласия которого не может отпустить королевича в Москву. 17 октября был другой съезд: паны повторили прежнее, только более резким тоном, и наконец высказались прямо насчет Смоленска: «Для чего,— сказали они,— вы не оказали королю до сих пор никакой почести и разделяете сына с отцом, зачем до сих пор не отдадите королю Смоленска? Вы бы велели смольнянам присягнуть королю и королевичу вместе, и тем бы оказали почесть королю». Послы, выслушав это, спросили у панов: «Когда вы избрали короля своего, а у него был отец в Швеции, Яган король, то для чего вы разделили отца с сыном, сыну целовали крест, а отцу не целовали?» Паны возражали, что Яган король не приходил успокаивать их государства, и заключили так: «Не взяв государю нашему Смоленска, прочь не отхаживать». Тогда, желая уклониться от переговоров о Смоленске и выполнить скорее главную статью наказа, послы начали говорить, «чтоб теперь король исполнил договор, а сын его, царь московский, снесется уже с ним относительно Смоленска, если не получить этого города король считает для себя таким бесчестием». «Впрочем, — прибавили послы,— честь государская состоит в ненарушении данного слова, а король не раз объявлял, что предпринял поход не для овладения городами».

20 октября был третий съезд. Здесь паны прямо объявили, что «если б король согласился отступить от Смоленска, то они, паны и все рыцарство, на то не согласятся и скорее помрут, а вековечную свою отчину достанут». Послы в ответ на это велели читать гетманский договор; паны с сердцем закричали: «Не раз вам говорено, что нам до гетманской записи дела нет!» Несмотря, однако, на это, они тотчас же начали толковать о вознаграждении королю и войску, упомянутом в гетманском договоре; послы отвечали, что странно будет платить из московской казны за опустошение Московского государства и что об этом вознаграждении царь Владислав снесется после сам с отцом своим. В заключение послы просили панов донести королю, что до сих пор все говорили не о главном деле, тогда как они желают больше всего знать, даст ли король на царство сына своего и примет ли королевич православную веру греческого закона? Паны обещались донести об этом Сигизмунду. 23 октября был четвертый съезд: паны объявили, что король жалует своего сына, но отпустит его не раньше сейма. Тут же они прочли статьи, на которые соглашался король: 1) в вере

и женитьбе королевича волен бог да он сам; 2) с папою королевич о вере ссылаться не будет; 3) пленных выдать король велит; 4) о числе людей при королевиче и о их награде послы должны договориться с самим Владиславом; 5) насчет казни отступникам от веры король согласен с статьею наказа; касательно же других статей будет решение на сейме. Об отступлении от Смоленска последовал решительный отказ; паны заключили ответ свой так: «Как скоро Смоленск поддастся и присягнет королю, то его величество пойдет сам на вора, истребит его и, успокоив государство, отправится со всем войском и с вами, послами, на сейм: здесь даст вам в цари сына своего, с которым вы и поедете в Москву». Послы отвечали, что взять Смоленск, идти на вора, успокоить государство, идти на сейм — все это требует долгого времени, тогда как для Московского государства дорога теперь каждая минута и медленность королевская, породив сомнение, произведет смуту, почему они, послы, просят панов отвратить короля от этого намерения и настоять на выполнении гетманского договора; просили также позволения обослаться с смольнянами, с которыми до сих пор запрещено было им сноситься. Тогда же митрополит Филарет имел разговор со Львом Сапегою о том, надобно ли королевичу креститься? Сапега окончил этот разговор так: «Об этом, преосвященный отец, поговорим в другой раз, как время будет, я к тебе нарочно приеду поговорить; а теперь одно скажу, что королевич крещен и другого крещенья нигде не писано». На это послы сказали: «Бьем челом королю и королевичу со слезами, чтоб королевич крестился в нашу православную веру греческого закона. Вам, панам, самим известно, что греческая вера — мать всем христианским верам, все другие веры от нее отпали и составились. Вера есть дар божий, и мы надеемся, что бог благодатию своею коснется сердца королевича, и пожелает он окреститься в нашу православную веру, и потому вам, панам радным, не должно отводить от этого королевича и противиться благодати божией. Никак не может статься, что государю быть одной веры, а подданным другой, и сами вы не терпите, чтоб короли ваши были другой веры. А тебе, Льву Ивановичу, и больше всех надобно о том радеть, чтоб государь наш, королевич Владислав Жигимонтович, был в нашей православной вере греческого закона, потому что дед твой, и отец, и ты сам, и иные вашего рода многие были в нашей православной христианской вере греческого закона, и неведомо каким обычаем ты с нами теперь поразрознился: так тебе по нашей вере пригоже поборать».

21 октября был пятый съезд. Паны, желая испугать послов и показать им необходимость подчиниться воле Сигизмунда, уведомили их об успехах шведов на северо-западе и об усилении самозванца, к которому ушло из Москвы 300 дворян. Послы отвечали, что они сомневаются в справедливости этих известий, ибо из Моск-

вы к ним об этом не пишут; если же в московских людях есть измена и гетману от этого идти с войском на вора нельзя, то король может послать войска, которые стоят в Можайске, Боровске, Вязьме, Дорогобуже, Белой, ибо эти войска теперь ничего не делают, только разоряют и пустошат государство. Если король укажет эти войска послать на вора и мы отпишем во все города об этой милости королевской и особенно о том, что он и сына своего скоро отпустит на царство, то весь народ обрадуется и от вора отстанет; если же сам король пойдет с войском на Московское государство, то народ придет в сомнение, все договоренное рушится и будет хуже прежнего. Паны отвечали с сердцем: «Мы вам говорим прямые вести про шведов и про вора, а вы сами не знаете, чего просите: если б король и захотел отойти от Смоленска в свое государство, то войска его, люди вольные, не послушаются, и те из них, которые стоят в разных местах московских, а их всех 80 000, если не получат денег, передадутся к вору, и тогда вашему государству конец». Послы отвечали: «Просим королевское величество, чтоб умилосердился над государством Московским, велел своим ратным людям идти на вора, а черкас и татар велел из государства вывести, которые, стоя по городам, королевичу присягнувшим, жгут, разоряют и людей в полон берут». Паны закричали на это: «Пришли вы не с указом, а к указу, и не от государя пришли, пришли от Москвы с челобитьем к государю нашему, и что вам государь наш укажет, то и делайте. Сказываем мы вам прямые вести, что шведы Иван-город и Ладогу взяли, ко Пскову и к иным городам хотят идти, а с другой стороны вор сбирается со многими людьми, и многие люди, изменя, к нему из Москвы приезжают да к нему же хотят прийти на помощь турские и крымские люди. А многого мы еще вам не сказали: датский король хочет доступить Архангельска да Колы. Видите сами, сколько на ваше государство недругов смотрят, всякий хочет себе что-нибудь сорвать, и вам надобно о своем государстве радеть, пока злой час не пришел, а государского похода не отговаривать; хотя бы и сам государь наш захотел в свое государство идти, то вы должны были ему челом бить, чтоб он прежде ваше государство успокоил; государь наш, жалея о государстве вашем, сам хочет идти на вора, а вы этой государской милости не разумеете и поход отговариваете». Послы отвечали: «Указывать мы его величеству не можем: что хочет, то и делает; но как нам приказано бить челом от патриарха, бояр и всех людей Московского государства, так мы и делаем, отговариваем мы поход королевский потому, что государство наше и без того пусто и разорено, и тем приход королевича отложится, отчего вся земля придет в уныние и сомнение. Просим позволения отписать в Москву к патриарху, боярам и ко всяким людям, что вперед делать нам по их приказу, а без того ни на что согласиться не можем». Паны отвечали: «Вам и без указу московского, как вели-

ким послам, все делать можно; так сперва потешьте короля, сделайте, чтоб смольняне королю и королевичу крест целовали. Вы королевича называете своим государем, а короля, отца его, бесчестите: чего вам стоит поклониться его величеству Смоленском, которым он хочет овладеть не для себя, а для сына же своего. Король оставит ему после себя не только Смоленск, но и Польшу и Литву, тогда и Польша, и Литва, и Москва будут все одно». «Свидетельствуемся богом,— сказали на это послы,— что у нас об этом ничего в наказе не написано, и теперь, и вперед на сейме мы не согласимся, чтоб нам каким-нибудь городом Польше и Литве поступиться; Московское государство все божье да государя нашего королевича Владислава Жигимонтовича; и как он будет на своем царском престоле, то во всем будет волен бог да он, государь наш, а без него нам не только что говорить, и помыслить об этом нельзя». «Мы хотим,— говорил Сапега,— чтоб Смоленск целовал крест королю для одной только чести». «Честь королю,— отвечали послы,— будет большая от всего света и от бога милость, если он Московское государство успокоит, кровь христианскую уймет, сына своего посадит на российский престол, и тогда не только Смоленск, но и все Российское государство будет за сыном его». Паны кричали: «Много уже пустого мы от вас слышим; скажите одно: хотите ли послать к смольнянам, чтоб они государю нашему честь сделали, крест поцеловали?» «Сами вы знаете,— отвечали послы,— что наказ наш писан с гетманского согласия, на чем гетман крест целовал за короля и за вас, панов; но чтоб королю крест целовать, того не только в наказе нет, но и в мыслях у всего народа не бывало; как же нам без совету всей земли это сделать?» «Когда так, то Смоленску пришел конец»,— закричали паны. Послы опять начали просить, чтоб им позволено было переслаться с патриархом и боярами, жаловались, что дворянам, которые с ними приехали, содержать себя нечем, с голоду помирают, потому что поместьями и вотчинами их владеют литовские ратные люди, что сами они, послы, во всем терпят нужду большую, а лошади их все от бескормицы пали. Паны отвечали: «Всему этому вы сами причиною: если б вы исполнили королевскую волю, то и вам, и дворянам вашим было бы всего довольно».

В это время приехал под Смоленск гетман Жолкевский и 30 октября имел торжественный въезд в стан, привез сверженного царя Василия и братьев его и представил их Сигизмунду; говорят, что когда от Василия требовали, чтоб он поклонился королю, то он отвечал: «Нельзя московскому и всея Руси государю кланяться королю: праведными судьбами божиими приведен я в плен не вашими руками, но выдан московскими изменниками, своими рабами». 2 ноября был шестой съезд в присутствии Жолкевского. Послы начали говорить: «Обрадовались мы, что гетман Станислав Станиславич приехал: при нем, даст бог, государское дело станет де-

латься успешнее, потому что гетман о государском жалованье писал в Москву не раз и всем людям Московского государства королевичево жалованье сказывал, за великого государя короля, за все Польское и Литовское государство Московскому государству крест целовал, и все люди его гетманскому слову поверили. О чем мы прежде били челом и с вами, панами радными, говорили, в ином вы нам не верили, а теперь гетман Станислав Станиславич, по своему крестному целованью, станет за нас же говорить». Лев Сапега отвечал: «Много раз мы с вами съезжались, но ничего добра не сделали, мы твердим беспрестанно, чтоб вы королю честь сделали, велели смольнянам крест целовать его величеству и сыну его королевичу. Но вы оттовариваетесь не дельно, что без согласия московских бояр того сделать не можете, тогда как вам дана полная мочь говорить и становить обо всем». Послы сказали на это: «Мы надеялись в тот самый день, как сюда приехали, все по гетманскому договору получить; но и по сие время ни одной статьи этого договора не исполнено. Ты сам знаешь, Станислав Станиславич! можем ли мы от себя что-нибудь новое затеять: сам ты видел в Москве, как патриарх и бояре о всех статьях договорных со всеми людьми советовались и не раз все им статьи читали и, что им казалось противно, объясняли, а об иных статьях посылали их к тебе; не один патриарх с боярами советовались и приговаривали, но с людьми всех чинов. Как же можно нам из этих статей что-нибудь без совета со всею землею переменить? Чтоб Смоленск отдать королю, этого не только в статьях, но и в помине ни у тебя, ни у другого кого не было. Ты не раз говорил всем нам, что как скоро мы приедем к королю, то его величество тотчас же от Смоленска со всем войском отойдет в Польшу». Гетман долго говорил с панами полатыни, потом отвечал послам: «Какой я с Московским государством договор заключил, то все я делал по указу и воле королевской, и весь этот договор король соблюдает. Но чтоб его величеству отойти от Смоленска, о том я вам не говорил, а советовал послать о том с челобитьем; да и как мне было своему государю приказывать? А где в записи утверждено, чтоб идти мне на вора и я не пошел, в том виноват не я: приговорено было при мне послать с московским войском бояр, князя Ивана Михайловича Воротынского, Ивана Никитича Романова и окольничего Головина. Я уже отрядил для этого войско и поставил его в Борисове, Можайске, Боровске, но ваши люди к нему в сход не пришли. В то время вор сослался тайно с некоторыми московскими людьми: эти люди сысканы и грамоты воровские в Москве во многих местах найдены. Тогда бояре, князь Федор Иванович Мстиславский с товарищами, приезжали ко мне в стан и просили, чтоб я со всем войском моим вошел в Москву, и если я в Москву не войду, пойду на вора, то многие бояре, видя в московских людях шатость, в Москве не останутся, с женами и детьми пойдут за мною, и я потому в Москву и вошел,

а на вора отпустил Петра Сапегу: чай, он над ним и теперь промышляет. Потом у меня с боярами многие статьи переменены против договора, спросите об этом дворян, Ивана Измайлова с товарищами, которые приехали со мною к королю бить челом о поместьях: они вам скажут, как со мною бояре в Москве делали и советовались. По их примеру и вы здесь с панами так же делайте, чтоб было к королевской чести и к вашей пользе. Грамота, что послана из Москвы в Смоленск, была у меня, но в ней писано то, что вы хотели; а я писать не приказывал, не заказывал. Знаю я мой договор, чтоб из пушек по Смоленску не бить и никакой тесноты не делать, и король этот договор выполняет. А чтоб смольняне отца с сыном не разделяли и крест целовали обоим, то вам надобно сделать для чести королевской. Если же вы этого смольнянам не прикажете, то наши сенаторы говорят, что король за честь свою станет мстить, а мы за честь государя своего помереть готовы, и потому Смоленску будет худо. Не упрямьтесь, исполните волю королевскую, а как Смоленск сдастся, тогда об уходе королевском договор напишем».

«Помни бога и душу свою, Станислав Станиславич! — отвечали послы,— в записи, данной Елецкому и Волуеву, прямо написано, что когда смольняне королевичу крест поцелуют, то король отойдет от Смоленска, порухи и насильства городу не будет, все порубежные города будут к Московскому государству по-прежнему. Мы надеялись от тебя помощи, что ты за свое крестное целование станешь, за Московское государство королю будешь бить челом, а своей братьи, панам сенаторам, говорить, чтоб и они короля приводили на унятие крови. Ты говоришь, что после нашего отъезда у тебя с боярами во многом договор переменен, и ссылаешься на дворян, Ивана Измайлова с товарищами, но мы их и спрашивать не хотим: надобна нам от бояр грамота, а словам таких людей, которые за поместьями к королю приезжают, верить нельзя. В договоре статья была написана, что при государе королевиче польским и литовским людям у земских дел в приказах не быть и не владеть; а теперь и до государева приходу уже поместья и вотчины раздают. Мы об этом упомянули для того, чтоб не вышло в людях сомнения и печали». Сапега отвечал: «Государь король московских людей, которые его милости ищут, от себя не отгоняет, да и кому же их до приходу королевича жаловать, как не его величеству? И теперь государь пожаловал боярина князя Мстиславского конюшим, а князя Юрия Трубецкого — боярством, и за то все бояре его величеству благодарны». Чтоб возвратиться к главному делу, послы велели думному дьяку Томиле Луговскому читать договор гетмана с Елецким и Волуевым при Цареве-Займище. Но Сапега не дал ему читать и закричал: «Вам давно заказано упоминать об этой записи, вы этим хотите только позорить пана гетмана! Если вперед об этой записи станете говорить, то вам

будет худо». Луговской отвечал: «Хотя и помереть, а правду говорить: вы эту запись ни во что ставите, а мы и теперь, и вперед будем ею защищаться». Тут вмешался в спор Жолкевский: «Я,— сказал он,— готов присягнуть, что ничего не помню, что в этой записи писано: писали ее русские люди, которые были со мною и ее мне поднесли; я, не читавши, руку свою и печать приложил, и потому лучше эту запись оставить, а говорить об одной московской, которую и его величество утверждает». Другие паны кричали: «Мы о Смоленске в последний раз вам говорим; если вы не заставите смольнян королю и королевичу крест целовать, то крестное целование с гетмана сошло, его величество и мы Смоленску больше терпеть не будем, не останется камень на камне, будет над ним то же, что над Иерусалимом». Послы отвечали по-прежнему, что они своевольно договора не нарушат, а пусть позволят им послать гонца к патриарху и боярам и ко всем чинам, и что им вся земля прикажет, то они и сделают: «Ты, Лев Иванович! — говорили они,— сам бывал в послах, так знаешь, можно ли послу сверх наказа что-нибудь сделать? И ты был послом от государя к государю, а мы посланы от всей земли, как же мы смеем без совета всей земли сделать то, чего нет в наказе?» Потом послы обратились к Жолкевскому, чтоб заставить его употребить все усилия для спасения Смоленска: «Не скажет ли весь народ,— говорили они,— что до твоего приезда под Смоленск король сохранял договор, к городу не приступал, а как ты приехал, то Смоленск взяли?» Гетман дал слово всеми силами стараться о том, чтоб к Смоленску не делали приступа до возвращения гонца, отправляемого послами к патриарху и боярам за новым наказом. Гетману дали знать также, что Филарет сердится на него за приведение под Смоленск сверженного царя Василия и за представление его королю в светском платье. Вот почему Жолкевский при окончании съезда подошел к митрополиту с оправданиями: «Я,— говорил он,— взял бывшего царя не по своей воле, но по просьбе бояр, чтоб предупредить на будущее время народное смятение; к тому же он в Иосифове монастыре почти умирал с голода. А что привез я его в светском платье, то он сам не хочет быть монахом, постригли его неволею, а невольное пострижение противно и вашим и нашим церковным уставам, это говорит и патриарх». Филарет отвечал: «Правда, бояре желали отослать князя Василия за польскою и московскою сражею в дальние крепкие монастыри, чтоб не было смуты в народе: но ты настоял, чтоб его отослать в Иосифов монастырь. Его и братьев его отвозить в Польшу не следовало, потому что ты дал слово из Иосифова монастыря его не брать, да и в записи утверждено, чтоб в Польшу и Литву ни одного русского человека не вывозить, не ссылать. Ты на том крест целовал и крестное целование нарушил; надобно бояться бога, а расторгать мужа с женою непригоже, а что

в Иосифове монастыре его не кормили, в том виноваты ваши приставы, бояре отдали его на ваши руки».

Боясь за Смоленск, послы поехали на другой день к Жолкевскому, чтоб напомнить ему его обещание. Гетман объявил им, как будто от себя, что для спасения Смоленска одно средство: впустить в него польское войско, как сделано было в Москве, и тогда, *может быть*, король не будет принуждать Смоленск целовать ему крест и сам не пойдет на вора под Калугу. Послы в ответ прочли ему статью договора, чтоб ни в один город не вводить польского войска, и снова настаивали, чтоб им позволено было отправить гонца в Москву. Гетман обещал хлопотать об этом. Чтоб узнать, к чему повели его хлопоты, послы на другой день опять поехали к нему. Жолкевский объявил, что король соглашается на отправление гонца, но прежде требует, чтоб в Смоленск были впущены его ратные люди. Послы отвечали прежнее, что сами собою согласиться на это не могут. На другой день гетман прислал к ним племянника своего сказать, что король согласился на отправление гонца в Москву, но с тем, чтоб через две недели он возвратился с полным наказом. Но потом послам объявлено было, чтоб они приехали к гетману 18 ноября; тут нашли они всех панов радных, и Сапега объявил, что непременно должны впустить в Смоленск ратных людей королевских, потому что Шеину и всем смольнянам верить нельзя: подъезжал под Смоленск гость Шорин и дети боярские, и Шеин спрашивал у них про вора, где он теперь и как силен? Ясно, что они хотят с вором ссылаться и впустить его в город. Послы повторили, что ничего не могут сделать без нового наказа из Москвы; что же касается до смольнян, то Шорину и другим таким же ворам верить нельзя: подъезжают они под Смоленск не по нашему совету, смольнян обманывают и прельщают, а вам, сенаторам, говорят на них ложно. Паны отвечали, что о сылки с Москвою король и они ждать не хотят: «Увидите, что завтра будет над Смоленском!» Послы просили, чтоб дали им по крайней мере посоветоваться с митрополитом, которого не было на этом съезде по болезни. Паны согласились.

Приехавши в свой стан, послы держали совет. Филарет говорил: «Того никакими мерами учинить нельзя, чтоб в Смоленск королевских людей впустить; если раз и все многие королевские люди в Смоленске будут, то нам Смоленска не видать; а если король и возьмет Смоленск приступом мимо крестного целованья, то положиться на судьбы божии, только б нам своею слабостью не отдать города». Потом призваны были за советом дворяне и все посольские люди, спрошено: «Если Смоленск возьмут приступом, то они, послы от патриарха, бояр и всех людей Московского государства, не будут ли в проклятии и нена висти?» Все отвечали: «Одиначно на том стоять, чтоб в Смоленск польских и литовских людей не пустить ни одного человека: если и не многие королев-

ские люди в Смоленске будут, то нам Смоленска не видать. Если которая кровь прольется или что над Смоленском сделается, то это будет не от нас; только б своею слабостью Смоленска не потерять». Смоленские дворяне и дети боярские, бывшие при посольстве, сказали: «Хотя в Смоленске наши матери и жены и дети погибнут, только бы на том крепко стоять, чтоб польских и литовских людей в Смоленск не пустить».

На другой день послы объявили панам это решение, просили со слезами, чтоб король не приступал к Смоленску, но и слезы не помогли. 21 ноября все войско приступило к городу, зажгли подкоп, взорвали башню и часть стены сажень на десять, три раза поляки вламывались в город и три раза были отбиты.

29 ноября послам велено было приехать к Жолкевскому, у которого они нашли всех других панов. Те же предложения со стороны поляков, тот же ответ со стороны послов. 2 декабря новый съезд; Сапега встретил послов словами: «Надумались ли вы? Впустите ли в Смоленск королевских ратных людей? Знайте, что Смоленск не взят только по просьбе гетманской и нашей; король показал милость, чтоб не пролить крови невинной вместе с виновною». Тот же ответ от послов. Паны продолжали: «Государь вас жалует, позволил вам писать в Москву, только пишите правду, лишнего не прибавляйте. И так вы в Москву писали и не один раз, а это вы делаете непригоже, что пишете тайно и от государя людей отводите, чтоб к королю бить челом о поместьях и об всяких делах не ездили. Кому ж их, кроме нашего государя, жаловать?» Послы отвечали: «Только бы не эти воры, которые из Москвы приезжают, вам говорят неправду и нас корят, то кровь христианская перестала бы литься и христианство на обе стороны было бы в покое и тишине. О поместьях мы писали и вам говорили для того, что это может весь народ привести в сомнение».

4 декабря послам дали знать, чтоб они отправили от себя в Москву гонца, с которым вместе поедет и королевский коморник Исаковский; 6 числа Исаковский и гонец действительно выехали. Но между тем приводилась в исполнение статья известного нам рассуждения о том, что нельзя немедленно отправить королевича в Москву; видя непреклонность главных послов, обратились к второстепенным, обещаниями склонили их изменить своему делу, бросить главных послов и отправиться в Москву, чтоб там действовать в пользу короля. Филарет и Голицын узнали, что думный дворянин Сукин, дьяк Сыдавный Васильев, спасский архимандрит, троицкий келарь Авраамий и многие другие дворяне и разных чинов люди, взявши от короля грамоты на поместья и другие пожалования, отпущены по домам. Хотели поколебать и думного дьяка Томилу Луговского. Сапега прислал звать его к себе, Луговской поехал и встретил канцлера вместе с Сукиным и Сыдавным, наряженными в богатое платье, Сапега сказал Луговскому: «По-

дожди немного: я только представлю этих господ и других дворян королю для отпуска, потому что Сукин стар, а другие, живя здесь, проелись». Томила остановил Сапегу и сказал: «Лев Иванович! Не слыхано нигде, чтоб послы делывали так, как Сукин и Сыдавный делают: покинув государское и земское дело и товарищей своих, едут в Москву! Как им будет посмотреть на чудотворный образ богородицы, от которой отпущены? За наш грех теперь у нас такое великое дело началось, какого в Московском государстве не бывало, кровь христианская беспрестанно льется, и вперед не знаем, как ей уняться. Хотя бы Василий Сукин и в самом деле занемог, то ему лучше б умереть тут, где послан, а от дела не отъезжать; и старше его живут, а дел не бросают. Если Сыдавный для того отпущен, что проелся, то и всех нас давно пора отпустить, все мы также проелись, подмога нам всем дана одинакая. Судит им бог, что так делают. Объявляю тебе, Лев Иванович! как только они в Москву приедут, то во всех людях начнется сомненье и печаль; и во всех городах от того надобно ожидать большой шатости. Да и митрополиту с князем Васильем Васильевичем вперед нельзя будет ничего делать. Послано с митрополитом духовного чина пять человек, а нас послано с князем Васильем Васильевичем также пять человек; половину отпускают, а другую оставляют! Волен бог да государь, Сигизмунд король, а нам вперед ничего нельзя делать!» Сапега отвечал: «Печалиться вам об этом не для чего: вы все в воле государевой, его величество пожаловал их, отпустил по их челобитью, а посольское дело вы можете и без них отправить. В Москве от их приезда никакого худа быть не может, а только добро, они государю нашему служат верно, быть может, глядя на них, и из вас кто-нибудь захочет также послужить верою и правдою, и государь их также пожалует великим своим жалованьем, поместьем и вотчинами, а кто захочет, то и в Москву прикажет отпустить». Луговской сказал на это: «Надобно у бога и у Сигизмунда короля просить, чтоб кровь христианская литься перестала и государство успокоилось, а присланы мы к королевскому величеству не о себе промышлять и челом бить, но о всем Московском государстве».

Сапега прервал разговор, пошел к королю, а Луговскому велел дожидаться. Пришедши от короля, он взял Томилу в особую комнату и говорил ему наедине: «Я хочу тебе всякого добра, только ты меня послушай и сослужи государю прямую службу, а его величество наградит тебя всем, чего только захочешь; я, надеясь на тебя, уже уверил государя, что ты его послушаешь. Смольняне требуют, чтоб к ним прислали кого-нибудь из вас, послов, сказать им, что надобно делать? Они вас послушают и государеву волю исполнят. Так, Василий Сукин готов, ждет тебя, ступайте с ним вместе под Смоленск и скажите жителям, чтоб целовали крест королю и королевичу или впустили бы королевских людей в

Смоленск». Луговской отвечал: «Сделать мне этого никак нельзя. Присланы от патриарха, бояр и от всех людей Московского государства митрополит Филарет да боярин князь Василий Васильевич Голицын с товарищами, а мне без их совета не только что делать, и помыслить ничего нельзя. Как мне это сделать и вечную клятву на себя навести? Не только господь бог и люди Московского государства мне за это не потерпят, и земля меня не понесет. Я прислан от Московского государства в челобитчиках, и мне первому соблазн ввести? По Христову слову, лучше навязать на себя камень и вринуться в море. Да и государеву делу в том прибыли не будет. Знаю я подлинно, что под Смоленск и лучше меня подъезжали и королевскую милость сказывали, да они и тех не послушали, а если мы теперь поедем и объявится в нас ложь, то они вперед еще крепче будут и никого уже слушать не станут. Надобно, чтоб мы с ними повольно все съезжались, а не под стеною за приставом говорили: это они уже все знают». Сапега продолжал прежнее: «Ты только поезжай и себя им объяви, а говорить с ними станет Сукин, ехать бы тебе, не упрямиться и королевского жалованья себе похотеть». Луговской отвечал: «Государскому жалованью я рад и служить государю готов в том, что мне можно сделать, а чего мне сделать нельзя, в том бы королевское величество опалы своей на меня не положил, а этого мне никак сделать нельзя, чтоб под город ехать своевольно, да и Сукину ехать непригоже, от бога ему это так не пройдет». Этим разговор кончился, Сапега поехал к королю, а Луговской возвратился к себе в стан и рассказал все старшим послам.

Филарет и Голицын на другой день призвали к себе Сукина, Сыдавного, спасского архимандрита и говорили им, чтоб они попомнили бога и свои души, вспомнили бы, как отпущены из соборного храма Пречистой богородицы, как благословлял их патриарх. Сукин с товарищами отвечали: «Послал нас король с своими листами в Москву для своего государского дела, и нам как не ехать?» Эти люди говорили прямо, но келарь Палицын схитрил и тут: он не хотел иметь неловких для себя объяснений с митрополитом, не поехал к нему под предлогом болезни, которая, однако, не помешала ему отправиться в Москву. 43 человека покинули, таким образом, стан посольский. Захар Ляпунов также покинул послов, но в Москву не поехал, а перешел в польский стан: он ежедневно пировал у панов, забавлял их насмешками над послами и утверждал, что старшие послы все делают сами собою, не спрашиваются с дворянами, все таят от них. В последних словах мы видим причину, почему Ляпунов покинул послов. Филарет и Голицын объявили панам, что приезд Сукина с товарищами в Москву произведет смуту и всему делу поруху. Но дело рушилось уже и без этого.

Мы видели, что бояре и вообще лучшие люди, боясь вора и

его приверженцев, крепко держались за Владислава, что по их желанию поляки были введены в Москву. Больше всех приверженностию к Владиславу отличался первый боярин, князь Федор Иванович Мстиславский; еще в начале августа 1610 года Сигизмунд прислал Мстиславскому и товарищам его похвальную грамоту, в которой прямо сказано о давней приверженности Мстиславского к королю и королевичу: «И о прежнем твоем к нам раденьи и приязни бояре и думные люди сказывали: это у нас и у сына нашего в доброй памяти, дружбу твою и раденье мы и сын наш сделаем памятными перед всеми людьми, в государской милости и чести учинит тебя сын наш, по твоему отечеству и достоинству, выше всех братьи твоей, бояр». Мстиславский не усумнился принять звание конюшего из смоленского стана. Другой боярин, Федор Иванович Шереметев, писал униженное письмо ко Льву Сапеге, чтоб тот смиловался, бил челом королю и королевичу об его вотчинных деревнишках; 21 сентября (н. с.) 1610 года Сигизмунд прислал боярам грамоту, в которой приказывал вознаградить Михайлу Салтыкова с товарищами за то, что они первые приехали из Тушина к королю и присягнули ему; вознаграждение должно было состоять в возвращении движимого и недвижимого имения, отобранного Шуйским в казну за измену. В этой грамоте о королевиче ни слова. Сигизмунд прямо говорит, что Салтыков с товарищами приехали «к нашему королевскому величеству, стали служить прежде всех и били нам челом, чтоб мы их пожаловали, верных подданных наших, за их к нам верную службу». Михайле Глебовичу была пожалована волость Чаронда, которая была прежде за Дмитрием Годуновым, а потом за князем Скопиным, волость Тотьма, на Костроме, Красное село и Решма; сыну Салтыкова Ивану Михайловичу дана волость Вага, которая была прежде за Борисом Годуновым, а потом за Дмитрием Шуйским. Многие челобитчики отправились сами к королю в стан смоленский: до нас дошло множество листов или грамот Сигизмундовых, жалованных разным людям на поместья, звания, должности; все эти грамоты написаны от имени Сигизмунда; везде употребляются выражения: боярам нашим, мы пожаловали, велели. В числе челобитчиков была и царица Марфа, о которой король писал боярам: «Присылала к нам богомолица наша инока Марфа, блаженной памяти великого господаря Ивана Васильевича господарыня, бьючи челом, что князь Василий Шуйский, будучи на великом господарстве Московском, ограбил ее, отнял то, чем пожаловал ее великий князь Иван Васильевич, а велел кормить с дворца скудною пищею; которые люди живут у нее, тем жалованья денежного и хлебного не дают, она ныне во всем обнищала и одолжала. Вы б велели ей и людям ее давать жалованье, как обыкновенно на Москве держат господарских жен, которые в черницы постригаются». Поднялись и все опальные предшествовавшего царствования: Василий Яков-

левич Щелкалов выхлопотал привилей на поместье и вотчину; Афанасий Власьев бил челом, чтоб отдали ему назад двор и имение, отобранные Шуйским; известный нам благовещенский протопоп Терентий выпросил, чтоб определили его опять к Благовещенью. Но грамоты от имени короля писались только к боярам в Москву, грамоты же по городам писались от одного Владислава. Таким образом, временное правительство московское, Дума боярская, молча согласилась признать короля правителем до приезда Владиславова; по всем вероятностям, бояре, или по крайней мере большая часть их, этим и ограничивались; не ограничивался этим Михайла Глебович Салтыков, который прямо вел дело к тому, чтоб царем был провозглашен не Владислав, а Сигизмунд. Но одного Салтыкова было мало, и потому в смоленском стане признали полезным принять услуги и другого рода людей, именно тех тушинцев, которые готовы были на все, чтоб только выйти из толпы, которые, заключая договор под Смоленском, выговорили, чтоб будущее правительство возвышало людей низкого происхождения по их заслугам. В челе этих людей по способностям и энергии был Федор Андронов, о котором известно только то, что он был купец-кожевник, обратил на себя внимание Годунова (чернокнижеством, как уверяли враги Андронова), переведен был из Погорелого Городища в Москву; потом, во время Смут, видим его в Тушине и под Смоленском. Здесь он умел приблизиться к королю или его советникам до такой степени, что Сигизмунд послал его в Москву в звании думного дворянина, хотя можно думать, что он это звание получил еще в Тушине. В конце октября 1610 года король писал боярам: «Федор Андронов нам и сыну нашему верою и правдою служил и до сих пор служит, и мы за такую службу хотим его жаловать, приказываем вам, чтоб вы ему велели быть в товарищах с казначеем нашим Васильем Петровичем Головиным». Андронов продолжал служить верою и правдою королю. Все требования Гонсевского он исполнял беспрекословно, если только не предупреждал их: лучшие вещи из казны царской были отобраны и отосланы к королю, некоторые взял себе Гонсевский. Для прилики Гонсевский велел переписать казну боярам и печати свои приложить, но когда потом бояре пришли в казну, то уже печатей своих не нашли, нашли только печать Андронова, они спросили его, что это значит? Андронов отвечал, что Гонсевский велел распечатать. По словам поляков, были в казне царской литые золотые изображения спасителя и двенадцати апостолов; последние еще Шуйский перелил в деньги для уплаты шведским наемникам; полякам Гонсевского досталось только изображение спасителя, оцененное в 30 000 червонных; некоторые хотели было отослать его в краковский костел, но жадность большинства превозмогла, и священное изображение было разбито на куски.

Андронов не довольствовался казначейскими распоряжениями,

хотел служить и другие службы королю; по приезде своем в Москву он писал Льву Сапеге, оправдывая Жолкевского в уступке требованиям москвитян: «Если б не учинить тех договоров по их воле,— писал Андропов,— то, конечно, пришлось бы доставать саблею и огнем. Пан гетман рассудил, что лучше теперь обойтись с ними по их штукам; а когда приберем их к рукам, тогда и штуки их эти мало помогут; надеемся на бога, что со временем все их штуки уничтожим и умысел их на иную сторону обратим, на правдивую». Андронов пишет о необходимости держать под Москвою отряд польского войска, в котором ни один человек не должен выезжать из стану, но все каждую минуту должны быть готовы на случай восстания; а они, слуги королевской милости, Андронов с товарищами, будут держать при себе несколько тысяч стрельцов и козаков. Андронов предлагает также выгнать из приказов людей, оставшихся здесь от прежнего царствования, *похлебцов* Шуйского, как он выражается, и места их занять людьми, преданными королю: «Надобно,— пишет он,— немедленно указ прислать, что́ делать с теми, которые тут были при Шуйском и больше дурили, чем сам Шуйский». Список этих людей, вероятно составленный Андроновым, дошел до нас в отрывках; некоторые указания любопытны, например: «Дьяк Григорий Елизаров сидел в Новгородской четверти, сам еретик и еретики ему приказаны (не забудем, что Андронова также обвиняли в чернокнижии); дьяк Смолянин, сын боярский, бывал; Михайла Бегичев, а дьячество ему дано за шептанье; дьяки дворцовые: Филипп да Анфиноген Федоровы дети Голенищева — злые шептуны». Предложение Андронова было приведено в исполнение: товарищи его по Тушину и смоленскому стану были посажены по приказам: Степан Соловецкий сел думным дьяком в Новгородской четверти, Василий Юрьев — у денежных сборов, Евдоким Витовтов — в разряде первым думным дьяком, Иван Грамотин — печатником, посольским и поместным дьяком; в Большом приходе — князь Федор Мещерский; в Пушкарском приказе — князь Юрий Хворостинин; в Панском приказе — Михайла Молчанов; в Казанском дворце — Иван Салтыков.

Бояре сильно оскорбились, когда увидали рядом с собою в Думе торгового мужика Андронова с важным званием казначея; особенным бесчестием для себя считали они то, что этот торговый мужик осмеливался говорить против Мстиславского и Воротынского, распоряжался всем, пользовался полною доверенностию короля и Гонсевского, потому что действовал прямо, хлопотал, чтоб царем был Сигизмунд, тогда как бояре колебались, держались за Владислава. Гонсевский с людьми, присягнувшими королю, управлял всем: когда он ехал в Думу, то ему подавали множество челобитных; он приносил их к боярам, но бояре их не видали, потому что подле Гонсевского садились Михайла Салтыков, князь Василий Мосальский, Федор Андронов, Иван Грамотин;

бояре и не слыхали, что он говорил с этими своими советниками, что приговаривал, а подписывали челобитные Грамотин, Витовтов, Чичерин, Соловецкий, потому что все старые дьяки отогнаны были прочь. Но если сердились старые бояре, ревнивые к своему сану, Голицын, Воротынский сердились за то, что король их обесчестил, посадил вместе с ними в Думу торгового мужика Андронова, то еще больше сердился на Андронова боярин Салтыков, который за свою службу хотел играть главную роль и должен был поделиться выгодами этой службы с торговым мужиком. Между этими людьми немедленно же началось столкновение, соперничество. Андронов писал Сапеге: «Надобно воспрепятствовать, милостивый пан, чтоб не раздавали без толку поместий, а то и его милость пан гетман дает, и Иван Салтыков также дает листы на поместья; а прежде бывало в одном месте давали, кому государь прикажет; и я боюсь, чтоб при такой раздаче кто-нибудь не получил себе богатой награды за малые услуги. Я же, как привык до вашей милости утекать (потому что никогда в своих просьбах не получал отказа), так и теперь прошу: смилуйтесь, ваша милость, попросите королевскую милость, чтоб меня пожаловал сельцом Раменьем да сельцом Шубиным с деревнями в Зубцовском уезде, что было дано Заруцкому». Салтыков писал к тому же Сапеге: «Я рад служить и прямить и всяких людей к королевскому величеству приводить, да гонят их от короля изменники, а староста велижский, Александр Иванович Гопсевский, их слушает и потакает, а меня бесчестит и дела делать не дает; берет всякие дела по их приговору на себя, не рассудя московского обычая. Московские люди крайне скорбят, что королевская милость и жалованье изменились и многие люди разными притеснениями и разореньем оскорблены по приговору торгового человека Федора Андронова, а с Мстиславского с товарищи и с нас дела посняты, и на таком человеке правительство и вера положены. При Шуйском были такие же временщики, Измайловы, и такой же мужик Михалка Смывалов, и из-за них до сих пор льется кровь. И теперь по таким думцам и правителям не быть к Москве ни одному городу, если не будет уйму таким правителям. Как такому человеку знать правительство? Отец его в Погорелом Городище торговал лаптями, а он взят в Москву из Погорелова, по приказу Бориса Годунова, для ведовства и еретичества, и на Москве был торговый мужик. Покажи милость, государь Лев Иванович! Не дай потерять у короля государства Московского; пришли человека, которому верить можно, и вели дела их рассмотреть. Много казны в недоборе, потому что за многих Федор Андронов вступается и спускает, для посулов, с правежу; других не своего приказа насильно берет к себе под суд и сам государевых денег в казну не платит». Салтыков обвиняет Андронова в самоуправстве, нашлись люди (вероятно, сам Андронов), которые обвинили в том же Салтыкова; обвинения состояли

в том, будто Салтыков называет себя в Москве владельцем или правителем, вершит дела без приговору бояр, гонит одних, награждает других, говорит боярам бесчестное слово, что положил государь всякие дела на нем, а им велел его слушаться. Салтыков в ответной грамоте Сапеге отвергает все эти обвинения, причем шлется на князя Мстиславского, на всех бояр, на всю Москву, на всяких людей. Королю доносили также, что богатые волости, данные Салтыковым: Вага, Чаронда, Тотьма, Решма, с которых одних денежных доходов сходило 60 000, произвели зависть, ропот в боярах и во всяких людях. Салтыков отвечает, что эти волости искони за их братьею бывали, а доходу с них будет не больше 3000: «А я, государь Лев Иванович! поехал к государю к королю, покинув жену и детей да имения больше чем на 60 000, надеясь на государскую милость и на ваше сенаторское жалованье, служил я и прямил с сыном своим Иваном государю королю и королевичу, и вам, великим сенаторам, и великим государствам, Короне Польской и Великому княжеству Литовскому, и горло свое везде тратил, чая себе милости. Московское и Новгородское государства бог поручил государям, королю и королевичу, их государским счастьем, вашим сенаторским промыслом и нашими службишками, иные приехали к государю со мною, а им даны с уездами города, а не волости, а наш род сенаторский».

О своих действиях в пользу Сигизмунда в Москве Салтыков пишет Сапеге: «Я бояр и всяких московских людей на то приводил и к тебе писал, чтоб государю королю идти к Москве не мешкая, а славу бы пустить во всяких людях, что идет на вора к Калуге; теперь бояр и всяких московских людей я на то привел, что послали бить челом королю князя Мосальского, чтоб пожаловал король, сына своего государство очистил, вора в Калуге доступил: так королю непременно бы идти к Москве, не мешкая, а славу пустить, что идет на вора к Калуге. Как будет король в Можайске, то пожалуй, отпиши ко мне сейчас же, а я бояр и всех людей приведу к тому, что пришлют бить челом королю, чтоб пожаловал в Москву, государство сына своего очищал и вора доступал. Непременно бы идти королю в Москву не мешкая, потому что в Москве большая смута от вора становится и люди к нему прельщаются. А под Смоленском королю что стоять? Если будет король в Москве, тогда и Смоленск будет его». В другой грамоте к тому же Льву Сапеге Салтыков писал: «Здесь, в Москве, меня многие люди ненавидят, потому что я королю и королевичу во многих делах радею». Салтыков писал правду: по отъезде Жолкевского скоро начала становиться смута между москвичами: «Несколько недель,— говорит один поляк-очевидец,— мы провели с москвичами во взаимной недоверчивости, с дружбою на словах, с кампем за пазухой; угощали друг друга пирами, а думали иное. Мы наблюдали величайшую осторожность: стража день и ночь стояла у ворот и на пере-

крестках. Для предупреждения зла, по совету доброжелательных к нам бояр, Гонсевский разослал по городам 18 000 стрельцов под предлогом охранения этих мест от шведов, но собственно для нашей безопасности: этим способом мы ослабили силы неприятеля. Москвичи уже скучали нами, не знали только, как сбыть нас, и, умышляя ковы, часто производили тревогу, так что по два, по три и по четыре раза в день мы садились на коней и почти не расседлывали их».

21 ноября Сигизмунд дал знать боярам, что ему надобно прежде истребить калужского вора и его приверженцев, вывести польских и литовских людей, очистить города и, успокоивши таким образом Московское государство, пойти на сейм и там покончить дело относительно Владислава; король в своей грамоте причисляет Смоленск к тем городам, которые вору прямят, и потому пишет: «До тех пор, пока смольняне не добьют нам челом, отступить нам не годится, и для всего государства Московского не беспечно». 30 ноября Салтыков и Андронов, пришедши вечером к патриарху, просили его благословить народ на присягу королю. Так говорит казанская грамота, посланная в Хлынов; она прибавляет, что на другой день приходил к патриарху просить о том же деле и Мстиславский, что патриарх не согласился на его просьбу и у них с патриархом была ссора, патриарха хотели зарезать, тогда патриарх послал по сотням к гостям и торговым людям, чтобы приходили к нему в соборную церковь; гости, торговые и всякие люди, пришедши в Успенский собор, отказались целовать королю крест, несмотря на то что толпы вооруженных поляков стояли у собора. На приведенное известие нельзя во всем положиться, ибо это пишут казанцы, желающие оправдать свою присягу Лжедимитрию; ниоткуда не видно, чтобы Салтыков счел возможным и полезным так круто повернуть дело и прямо требовать присяги королю; соображаясь с намерениями Салтыкова, высказанными в его письмах к Сапеге, можно положить, что он вместе с Мстиславским ходил к Гермогену требовать его согласия на призвание короля в Москву и что патриарх не согласился. Как бы то ни было, народ видел ясно, что дело идет дурно относительно Владислава, и волнения в пользу вора усиливались. Схвачен был поп Харитон, который ездил в Калугу от имени всех москвичей звать самозванца к столице, на первой пытке он оговорил в сношениях с вором князей: Василия и Андрея Васильевичей Голицыных, Ивана Михайловича Воротынского и Засекина; на второй пытке он с князя Андрея Голицына сговорил, что тот с вором не ссылался; несмотря на то, и Голицына отдали под стражу вместе с Воротынским и Засекиным, потому что он еще прежде возбудил против себя ненависть поляков: однажды, когда Гонсевский сидел в Думе с боярами и явился туда дворянин Ржевский с объявлением, что король пожаловал ему окольничество, то Голицын обратился к Гонсевскому с такими словами: «Паны поляки! Кривда большая нам от вас

делается. Мы приняли королевича в государи, а вы его нам не даете, именем королевским, а не его листы к нам пишут, под титулом королевским пожалования раздают, как сейчас видите: люди худые с нами, великими людьми, равняются. Или вперед с нами так не делайте, или освободите нас от крестного целования, и мы будем промышлять о себе». Дело Харитона и весть, что Иван Плещеев хочет напасть на поляков в Москве, дали Гонсевскому повод ввести немцев в Кремль и прибрать все к своим рукам.

Дела на северо-западе шли дурно для поляков и их приверженцев. В Новгород отправлен был с войском сын Михайлы Салтыкова, Иван, для охранения его от шведов и воров. Салтыков, называя себя подданным королевским, доносил своему государю Сигизмунду, что на дороге в Новгород он послал его жителям грамоту с увещанием целовать крест королевичу Владиславу, от Московского государства не отступать и во всем великим государям служить и прямить. Новгородцы отвечали, что они послали в Москву узнать о подлинном крестном целованье и привезть список с утвержденной записи и, когда посланные возвратятся, тогда они, новгородцы, поцелуют крест Владиславу, но прежде этого Салтыкова в город не пустят, потому что другие города, присягнувши Владиславу, впустили к себе польских и литовских людей и черкас и те лучших людей били, грабили и жгли. В то же время Салтыков узнал, что в Новгород присылают из Пскова грамоты с увещанием покориться лучше царику калужскому, чем иноверному поляку, и на многих новгородцев это увещание подействовало. В таких обстоятельствах Салтыков слал грамоту за грамотою в Москву, чтобы бояре тотчас же отпустили новгородских послов для предупреждения смуты в пользу вора. Наконец эти посланцы возвратились, но и тут новгородцы впустили к себе Салтыкова не прежде, как взявши с него присягу, что войдет в город только с русскими людьми, а литовских никаких людей в город не пустит. Салтыков привел новгородцев к присяге Владиславу и разослал по окрестным городам увещательные грамоты последовать примеру новгородцев и от Московского государства не отставать. Торопчане послушались, но скоро дали знать Салтыкову, что, несмотря на их крестное целованье Владиславу, литовские люди опустошают их уезд, мучат, жгут, бьют и ведут в полон людей; видя это, другие города решились не целовать креста поляку и сесть в осаде. Салтыков от имени дворян и детей боярских бил челом Сигизмунду, чтоб унял своих подданных, как будто король имел для того какие-нибудь средства.

Еще хуже для Владислава шли дела на востоке: здесь Казань явно присягнула самозванцу, Вятка последовала ее примеру. Летопись говорит, что когда казанцы согласились целовать крест Лжедимитрию, то этому воспротивился второй воевода, знаменитый Богдан Бельский, за что и был убит; но грамоты разослан-

ные из Казани в другие города, написаны от имени воевод Морозова и Бельского: впрочем, Бельский мог сопротивляться и после рассылки грамот, за что и был убит. Вместе с грамотами разосланы были и присяжные записи, как целовали крест казанцы; присягавший должен был клясться: «От литовских людей нам никаких указов не слушать и с ними не ссылаться, против них стоять и биться до смерти. Козаков нам волжских и донских, терских и яицких и архангельских стрельцов в город помногу не пускать и указов их не слушать же, а пускать козаков в город для торговли понемногу, десятка по два или по три, и долго им в городе не жить». Эти слова очень замечательны; казанцы присягают Лжедимитрию, ибо видят, что Москва занята поляками, но вместе с тем не хотят козаков: дурной знак для самозванцев, царей козацких, невольная верность к ним не будет продолжительна. Замечателен также ответ пермичей вятчанам на их увещания признать Димитрия: пермичи говорят в своей отписке, что они получили вятские грамоты и разослали их по своим городам, но о желании своем присягать Димитрию ни слова, пишут только: «В соединеньи быть и за православную христианскую веру на разорителей стоять мы ради. И вам бы, господа, с нами быть в совете по-прежнему и с торгами, с хлебом и мясом и со всякими товарами торговых и всяких людей из Вятки к нам отпускать, и нам бы со своими торгами к вам ездить по-прежнему; и вперед какие у нас вести будут, то мы к вам эти вести станем писать; а что, господа, у вас вперед каких вестей откуда-нибудь объявится, и вам бы, господа, о том к нам писать почасту». Таким образом, пермичи остаются верны своему прежнему выжидательному поведению, желая сноситься с своими соседями о добром деле, а не о крестном целовании.

Но города переписывались о присяге Лжедимитрию, когда уже его не было в живых. В то время как он принужден был бежать из-под Москвы в Калугу от Жолкевского, вместе с другими отступил от него к Владиславу и царь касимовский. Потом старый татарин выпросился у гетмана в Калугу повидаться с сыном, который оставался при воре, и обещался привести этого сына с собою. Но как скоро старый царь явился в Калугу, то был утоплен по приказанию Лжедимитрия. Тогда крещеный татарин Петр Урусов, начальник татарской стражи Лжедимитрия, поклялся с товарищами отмстить за смерть царя: 11 декабря они вызвали самозванца за город охотиться за зайцами, убили его и бежали в степи, опустошая все по дороге. Неразлучный спутник самозванца, шут Кошелев, бывший свидетелем смерти своего господина, прискакал с известием о ней в Калугу; Марина, ходившая последние дни беременности, в отчаянии бросилась бегать по городу, крича о мщении, но мстить было некому, убийцы были далеко; в Калуге оставались сотни две татар, козаки бросились на них, гоняли, как зайцев, лучших мурз побили, дворы их разграбили. Заруцкий хотел бе-

жать, но его схватили миром и не пустили; князь Григорий Шаховской просил у мира, чтоб его отпустили в Москву с повинною, ему не поверили, не отпустили, и когда Марина родила сына Ивана, то его провозгласили царевичем. Но при всеобщей Смуте новорожденный ребенок был плохой вождь, и калужане должны были исполнить требование московского правительства и целовать крест Владиславу: сначала, впрочем, они отвечали, что присягнут тогда, когда королевич будет в Москве и примет православную веру, но потом безусловно приняли к себе князя Юрия Трубецкого и целовали крест всем городом [94].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ОКОНЧАНИЕ МЕЖДУЦАРСТВИЯ

Движение в Москве против поляков вследствие смерти самозванца.— Восстание Ляпунова.— Переписка городов.— Первое ополчение против поляков; причины его неуспеха.— Переговоры великих послов с панами под Смоленском.— Сожжение Москвы.— Русское ополчение осаждает в ней поляков.— Отсылка великих послов в глубь польских владений.— Взятие Смоленска.— Василий Шуйский с братьями в Варшаве.— Троеначальники в ополчении под Москвою.— Смерть Ляпунова.— Новгород Великий взят шведами.— Продолжение борьбы лучших людей с меньшими в Пскове.— Безнарядье у поляков в Москве и в русском стане под Москвою.— Призывные грамоты из Троицкого монастыря.— Архимандрит Дионисий.— Признаки народного очищения.— Деятельность Минина в Нижнем Новгороде.— Князь Пожарский.— Второе ополчение для освобождения Москвы.— Остановка ополчения в Ярославле.— Сношения его с Новгородом Великим.— Поход ополчения к Москве.— Отношение его к козакам.— Битва с поляками.— Очищение Москвы.— Поход короля Сигизмунда к Москве.—Его возвращение.— Избрание царя Михаила Федоровича Романова

Смерть вора была вторым поворотным событием в истории Смутного времени, считая первым вступление Сигизмунда в пределы Московского государства. Теперь, по смерти самозванца, у короля и московских приверженцев его не было более предлога требовать дальнейшего движения Сигизмундова в русские области, не было более предлога стоять под Смоленском; лучшие люди, которые согласились признать царем Владиславa из страха покориться козацкому царю, теперь освобождались от этого страха и могли действовать свободнее против поляков. Как только на Москве узнали, что вор убит, то, по словам современного известия, русские люди обрадовались и стали друг с другом говорить, как бы всей земле, всем людям соединиться и стать против литовских людей, чтоб они из земли Московской вышли все до одного, на чем крест целовали. Салтыков и Андронов писали к Сигизмунду, что патриарх призывает к себе всяких людей явно и говорит: если королевич не крестится в христианскую веру и все литовские люди не выйдут из Московской земли, то королевич нам не государь; такие же слова патриарх и в грамотах писал во многие города, а

москвичи посадские всякие люди, лучшие и мелкие, все припялись и хотят стоять. Но и тут при всеобщей готовности стоять против поляков первый двинулся Ляпунов. До смерти вора Прокофий был верен Владиславу: так, в октябре он взял Пронск у самозванца на имя королевича; но в январе 1611 года московские бояре писали к Сигизмунду о восстании Ляпунова в Рязани, о том, что Заруцкий действует вместе с ним и отправился с козаками своими в Тулу; бояре требовали от короля, чтоб он схватил находящегося у него под Смоленском Захара Ляпунова, который сносится с братом.

Опять города стали переписываться друг с другом, но теперь грамоты их уже другого рода: прежде уговаривали они друг друга подождать, не спешить присягою тому, кто называется Димитрием, ибо приверженцы его грабительствуют в городах присягнувших, но теперь затронуто было начало высшее: города увещевают друг друга стать за веру православную, вооружиться на поляков, грозящих ей гибелью. Первые подали голос жители волостей смоленских, занятых, опустошенных поляками; они написали грамоту к братьям своим, к остальным жителям Московского государства, но это братство в их глазах не народное, не государственное, а религиозное: «Мы братья и сродники, потому что от св. купели св. крещением породились». Смольняне пишут, что они покорились полякам, дабы не отбыть православного христианства и не подвергнуться конечной гибели, и, несмотря на то, подвергаются ей: вера поругана и церкви божии разорены. «Где наши головы? — пишут смольняне.— Где жены и дети, братья, родственники и друзья? Кто из нас ходил в Литву и Польшу выкупать своих матерей, жен и детей, и те свои головы потеряли; собран был Христовым именем окуп, и то все разграблено! Если кто хочет из вас помереть христианами, да начнут великое дело душами своими и головами, чтобы быть всем христианам в соединении. Неужели вы думаете жить в мире и покое? Мы не противились, животы свои все принесли — и все погибли, в вечную работу латинству пошли. Если не будете теперь в соединении, обще со всею землею, то горько будете плакать и рыдать неутешным вечным плачем: переменена будет христианская вера в латинство, и разорятся божественные церкви со всею лепотою, и убиен будет лютою смертию род ваш христианский, поработят и осквернят и разведут в полон матерей, жен и детей ваших». Смольняне пишут также, что нечего надеяться иметь когда-либо царем Владислава, ибо на сейме положено: «Вывесть лучших людей, опустошить все земли, владеть всею землею Московскою».

Москвичи, получив эту грамоту, разослали ее в разные города с приложением собственной увещательной грамоты, в которой писали: «Пишем мы к вам, православным христианам, всем народам Московского государства, господам братьям своим, православным христианам. Пишут к нам братья наши, как нам всем православ-

ным христианам остальным не погибнуть от врагов православного христианства, литовских людей. Для бога, судьи живым и мертвым, не презрите бедного и слезного нашего рыдания, будьте с нами заодно против врагов наших и ваших общих; вспомните одно: только в корню основание крепко будет, то и дерево неподвижно; если же корня не будет, то к чему прилепиться?» Этими словами москвичи хотят показать значение Москвы, корня государственного, но и они, верные господствующему интересу времени, спешат выставить значение Москвы с религиозной точки зрения: «Здесь образ божией матери, вечной заступницы христианской, который евангелист Лука написал; здесь великие светильники и хранители — Петр, Алексий, Иона чудотворцы, или вам, православным христианам, все это нипочем? Писали нам истину братья наши, и теперь мы сами видим вере христианской перемену в латинство и церквам божиим разорение; о своих же головах что и писать вам много? А у нас святейший Гермоген патриарх прям, как сам пастырь, душу свою за веру христианскую полагает неизменно, и ему все христиане православные последуют, только неявственно стоят».

Явственнее стояли жители других областей: в начале января 1611 года нижегородцы послали в Москву проведать, что там делается? Посланные виделись с патриархом, получили от него благословение на восстание, но грамоты от него не привезли, потому что у патриарха писать было некому: дьяки и подьячие и всякие дворовые люди взяты и двор его весь разграблен. Мы видели, что прежде нижегородцы увещевали балахонцев оставаться верными тому царю, который будет на Москве, не затевая из-за искателей престола междоусобной брани, но теперь царя на Москве не было, его место заступал патриарх, блюститель веры, и патриарх призывал к восстанию; нижегородцы ему повинуются: вместе с балахонцами целуют крест стоять за Московское государство и приглашают другие города памятовать бога, пречистую богородицу, московских чудотворцев и стоять всем вместе заодно. Нижегородцы послали грамоту и в Рязань; Ляпунов отвечал им: «Мы, господа, про то ведаем подлинно, что на Москве святейшему Гермогену патриарху и всему освященному собору и христопменитому народу от богоотступников своих и от польских, литовских людей гонение и теснота большая; мы боярам московским давно отказали и к ним писали, что они, прельстясь на славу века сего, бога отступили, приложились к западным жестокосердным, на своих овец обратились; а по своему договорному слову и по крестному целованию, на чем им гетман крест целовал, ничего не совершили». Восставшие русские люди еще не отказывались от присяги Владиславу, но клялись: «Стоять за православную веру и за Московское государство, королю польскому креста не целовать, не служить ему и не прямить, Московское государство от польских и литовских людей очищать,

с королем и королевичем, с польскими и литовскими людьми и кто с ними против Московского государства станет, против всех биться неослабно; с королем, поляками и русскими людьми, которые королю прямят, никак не ссылаться; друг с другом междоусобия никакого не начинать. А кого нам на Московское государство и на все государства Российского царствия государем бог даст, то тому нам служить и прямить и добра хотеть во всем вправду, по сему крестному целованью. А будет по кого с Москвы пошлют бояре, велят схватить и привести в Москву или отослать в какие-нибудь города, или пеню и казнь велят учинить, то нам за этих людей стоять друг за друга всем единомышленно и их не выдавать, пока бог нам даст на Московское государство государя. А если король не даст нам сына своего на Московское государство и польских и литовских людей из Москвы и из всех московских и украинских городов не выведет и из-под Смоленска сам не отступит и воинских людей не отведет, то нам биться до смерти». Ярославцы в грамоте своей в Казань указывают на мужество патриарха Гермогена как на чудо, в котором бог обнаруживает русскому народу свою волю, и все должны следовать этому божественному указанию: «Совершилось нечаемое: святейший патриарх Гермоген стал за православную веру неизменно и, не убоясь смерти, призвавши всех православных христиан, говорил и укрепил, за православную веру всем велел стоять и помереть, а еретиков при всех людях обличал, и если б он не от бога был послан, то такого дела не совершил бы, и тогда кто бы начал стоять? Если б не только веру попрали, но если б даже на всех хохлы поделали, то и тогда никто слова не смел бы молвить, боясь множества литовских людей и русских злодеев, которые, отступя от бога, с ними сложились. И в города патриарх приказал, чтоб за православную веру стали, а кто умрет, будут новые страстотерпцы: и слыша это от патриарха и видя своими глазами, города все обослались и пошли к Москве». Во время этого страшного бедствия, постигшего Русскую землю, три человека, по словам ярославцев, были утешением скорбных людей: патриарх Гермоген, смоленский архиепископ Сергий и воевода Шеин. Ярославцы дают знать, что они уже послали три отряда от себя к Москве, что жители городов встречают ратных людей с образами и корм дают. В городах было сильное движение: собранные для очищения государства ратные люди ходили по соборам и монастырям, с плачем служили молебны об избавлении от находящей скорби и, получа благословение от духовенства, выступали из городов при пушечной и ружейной пальбе для приезжих людей, чтоб и в других городах был ведом поход. Когда воевода Иван Иванович Волынский двинулся из Ярославля с войском, родственник его, другой Волынский, остался в городе с старыми дворянами «для всякого промысла, всех служилых людей выбирать в поход и по городам писать, а приговор учинили крепкий за руками: кто не

пойдет или воротится, тем милости не дать, и по всем городам тоже укрепленье писали».

Если города еще не совершенно отказывались от присяги Владиславу, то духовенство говорило решительнее. Соловецкий игумен Антоний писал к шведскому королю Карлу IX: «Божиею милостию в Московском государстве святейший патриарх, бояре и изо всех городов люди ссылаются, на совет к Москве сходятся, советуют и стоят единомышленно на литовских людей и хотят выбрать на Московское государство царя из своих прирожденных бояр, кого бог изволит, а иных земель иноверцев никого не хотят. И у нас в Соловецком монастыре, и в Сумском остроге, и во всей Поморской области тот же совет единомышленный: не хотим никого иноверцев на Московское государство царем, кроме своих прирожденных бояр Московского государства». Встали и пермичи, недеятельные до тех пор, пока дело шло между разными искателями престола — Димитрием, Шуйским, Владиславом; но теперь они двинули свои отряды, когда патриарх благословил восстание на богохульных ляхов; пермичи знают только одного патриарха, от него получили они грамоту о восстании, к нему посылают отписку с именами своих ратных людей. Встали и новгородцы Великого Новгорода и, по благословению митрополита своего Исидора, крест целовали помогать Московскому государству на разорителей православной веры и стоять за нее единомышленно; поклявшись в этом, новгородцы посадили в тюрьму Владиславовых, т. е. королевских, воевод — Салтыкова и Корнила Чоглокова за их многие неправды и злохитрство.

Несмотря, однако, на всеобщее одушевление и ревность к очищению государства от врагов иноверных, предприятие не могло иметь успеха по двум причинам, и во-первых, потому, что в челе предприятия становился Ляпунов, человек страстный, не могший довольно освободиться от самого себя, принесть свои личные отношения и стремления в жертву общему делу. Будучи, по тогдашним понятиям, человеком худородным, выдвинутый смутами бурного времени из толпы, стремясь страстно к первенству, Ляпунов ненавидел людей, которые загораживали ему дорогу, которые опирались на старину, хотели удержать свое прежнее значение. В то время когда города призывали друг друга к восстанию на врагов веры, один Ляпунов не удержался и сделал в своей грамоте выходку против бояр. И после, ставши главным вождем ополчения, он не только не хотел сделать никакой уступки людям родовитым и сановным, но находил особенное удовольствие унижать их, величаясь перед ними своим новым положением, и тем самым возбуждал негодование, вражду, смуту. Другою, еще более важною, причиною неуспеха было то, что Ляпунов, издавна неразборчивый в средствах, и теперь, при восстании земли для очищения государства, для установления наряда, подал руку — кому же? Врагам

всякого наряда, людям, жившим смутою, козакам! С ним соединились козаки, бывшие под начальством Заруцкого, Просовецкого, князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого — всех тушинских бояр и воевод. Говорят, будто Ляпунов приманил Заруцкого обещанием, что по изгнании поляков провозгласит царем сына Марины, с которою Заруцкий был уже тогда в связи. Мало того, Сапега, пролившій столько русской крови, так долго сражавшийся против Троицкого монастыря, Сапега объявил желание сражаться против своих поляков за православную веру, и Ляпунов принял предложение! Вот что писал Сапега к калужскому воеводе, князю Трубецкому: «Писали мы к вам, господин! Много раз в Калугу о совете, но вы от нас бегаете за посмех: мы вам никакого зла не делали и вперед делать не хотим; мы хотели с вами за вашу веру христианскую и за свою славу и при своих заслугах горло свое дать, и вам следовало бы с нами советоваться, что ваша дума? Про нас знаете, что мы люди вольные, королю и королевичу не служим, стоим при своих заслугах, а на вас никакого лиха не мыслим и заслуг своих за вас не просим, а кто будет на Московском государстве царем, тот нам и заплатит за наши заслуги. Так вам бы с нами быть в совете и ссылаться с нами почаще, что будет ваша дума, а мы от вас не прочь, и стоять бы вам за православную христианскую веру и за святые церкви, а мы при вас и при своих заслугах горла свои дадим. Нам сказывали, что у вас в Калуге некоторые бездельники рассевают слухи, будто мы святые церкви разоряем и петь в них не велим и лошадей в них ставим, но у нас этого во всем рыцарстве не сыщешь, это вам бездельники лгут, смущают вас с нами; у нас в рыцарстве большая половина русских людей, и мы заказываем и бережем накрепко, чтоб над святыми божиими церквами разорения никакого не было, а от вора как убережься, да разве кто что сделал в отъезде?» Бывший тушинский воевода Федор Плещеев писал к Сапеге: «От Прокофья Ляпунова идут к тебе послы о том же добром деле и о совете: а совету с тобою Прокофий и все города очень рады, про заслуженное же они так говорят: не только что тогда заплатим, как будет царь на Москве, и нынче рады заслуженное платить». В самом деле Ляпунов писал к пану Чернацкому, уговаривая его прислать послов от имени Сапеги для заключения условий, причем обнаруживал страшное злоупотребление начитанностию св. писания: «Как в старину великий Моисей согласился лучше с людьми божиими страдать, нежели иметь временную греха сладость: так и вы по апостольскому гласу, не плотского господина, а вечного владыки волю ищете творить, желая по правде поборниками быти, видя польского короля неправое восстание на Московское государство и всемирное губительство в настоящее время». Но по крайней мере этот незаконный союз не состоялся почему-то: через месяц Сапега писал в Кострому, уговаривая жителей ее признать опять Владислава: «Теперь вы госу-

дарю изменили,— пишет Сапега,— и неведомо для чего, и хотите на Московское государство неведомо кого. Знаете вы сами польских и литовских людей мочь и силу: кому с ними биться?»

Но бойцов нашлось много: они шли из земли Рязанской и Северской с Ляпуновым, из Муромской с князем Литвином-Мосальским, из Низовой с князем Репниным, из Суздальской с Артемием Измайловым, из Вологодской земли и поморских городов с Нащокиным, князьями Пронским и Козловским, из Галицкой земли с Мансуровым, из Ярославской и Костромской с Волынским и князем Волконским. Все это были полки гражданские, полки земских людей, преимущественно людей чистого севера; но вот туда же, к Москве, для той же цели, для очищения земли, шла козацкая рать Просовецкого с севера, шли с юга козацкие рати тушинских бояр, князя Дмитрия Трубецкого и Заруцкого. Трубецкой и Заруцкий приглашали отовсюду *запольных*, то есть застепных козаков, обещая им жалованье, в их призывной грамоте говорится также: «А которые боярские люди крепостные и старинные, и те бы шли безо всякого сомнения и боязни, всем им воля и жалованье будет, как и другим козакам, и грамоты им от бояр и воевод и от всей земли дадут». Так предводители козаков старались увеличить число их в Московском государстве.

В это время всеобщего восстания, в это время, когда к стенам Москвы подходили отовсюду отряды под предводительством людей незнаменитых, которых выдвигало на первый план только отсутствие сановников первостепенных, что же делали члены Думы царской, правители московские? В начале восстания, еще в 1610 году, Салтыков с товарищами предложил боярам просить короля, чтоб отпустил Владислава в Москву, к послам, Филарету и Голицыну, написать, чтоб отдались во всем на волю королевскую, а к Ляпунову, чтоб не затевал восстания и не собирал войска. Бояре написали грамоты и понесли их к патриарху для скрепления, но Гермоген отвечал им: «Стану писать к королю грамоты и духовным всем властям велю руки приложить, если король даст сына на Московское государство, крестится королевич в православную христианскую веру и литовские люди выйдут из Москвы. А что положиться на королевскую волю, то это ведомое дело, что нам целовать крест самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не благословляю вам писать и проклинаю того, кто писать их будет, а к Прокофью Ляпунову напишу, что если королевич на Московское государство не будет, в православную христианскую веру не крестится и литвы из Московского государства не выведет, то благословляю всех, кто королевичу крест целовал, идти под Москву и помереть всем за православную веру». Летописец говорит, что Салтыков начал Гермогена позорить и бранить и, вынувши нож, хотел его зарезать; но патриарх, осенив его крестным знамением, сказал ему громко: «Крестное знамение да будет против

твоего окаянного ножа, будь ты проклят в сем веке и в будущем», а Мстиславскому сказал тихо: «Твое дело начинать и пострадать за православную христианскую веру, если же прельстишься на такую дьявольскую прелесть, то преселит бог корень твой от земли живых». Таким образом, грамоты были отправлены без подписи патриаршей; князей Ивана Михайловича Воротынского и Андрея Васильевича Голицына, сидевших под стражею, силою заставили приложить к ним руки.

Грамоты эти привезены были под Смоленск 23 декабря, на другой день они были доставлены послам с требованием, чтоб те немедленно же исполнили приказ боярский, иначе им будет худо. Когда грамоты были прочтены, то Филарет отвечал, что исполнить их нельзя: «Отправлены мы от патриарха, всего освященного собора, от бояр, от всех чинов и от всей земли, а эти грамоты писаны без согласия патриарха и освященного собора, и без ведома всей земли: как же нам их слушать? И пишется в них о деле духовном, о крестном целовании смольнян королю и королевичу; тем больше без патриарха нам ничего сделать нельзя». Голицын и все оставшиеся члены посольства также объявили, что грамоты незаконные. 27 декабря позваны были послы к панам, у которых нашли дьяка Чичерина, присланного из Москвы с известием о смерти самозванца. Паны объявили послам, что королевским счастием вор в Калуге убит. Послы встали и с поклоном благодарили за эту весть. «Теперь,— с насмешливым видом спросили паны,— что вы скажете о боярской грамоте?» Голицын отвечал, что они отпущены не от одних бояр и отчет должны отдавать не одним боярам, а сначала патриарху и властям духовным, потом боярам и всей земле; а грамота писана от одних бояр и то не от всех. Паны говорили: «Вы все отговаривались, что нет у вас из Москвы о Смоленске указа, теперь и получили указ повиноваться во всем воле королевской, а все еще упрямитесь?» Сапега прочел грамоту боярскую и сказал: «Видите, что мы говорили с вами на съездах, то самое дух святый внушил вашим боярам: они в тех же самых словах велят вам исполнить, чего мы от вас требовали, значит, сам бог открыл им это».

Голицын отвечал: «Пожалуйте, мое челобитье безкручинно выслушайте и до королевского величества донесите. Вы говорите, чтоб нам слушаться боярского указа: в правде их указа слушаться я буду и рад делать сколько бог помощи подаст, но бояре должны над нами делать праведно, а не так, как они делают. Отпускали нас к великим государям бить челом патриарх, бояре и все люди Московского государства, а не одни бояре: от одних бояр я и не поехал бы, а теперь они такое великое дело пишут к нам одни, мимо патриарха, священного собора и не по совету всех людей Московского государства: это их к нам первое недобро, да и всем людям Московского государства, думаем, будет в том великое сомнение и скорбь: чтоб от того кровь христианская вновь не пролилась!

Другая к нам боярская немилость: нам в наказе написали и бить челом королю велели, чтоб королевское величество от Смоленска отступил и всех бы своих людей из Московского государства вывел, и бить челом о том нам велено накрепко. А теперь к нам бояре пишут, что они к королю с князем Андреем Мосальским писали, били челом, чтоб король шел на вора под Калугу. Мы бьем челом королю по нашему наказу, чтоб шел в свое государство, князь Мосальский бьет челом, чтоб шел под Калугу, мы ничего этого не знаем, наводим на себя гнев королевский, от вас слышим многие жестокие слова. А князю Мосальскому с таким делом можно бы и к нам приехать, и с нами вместе королю бить челом. Во всем этом господ наших бояр судит с нами бог. Они же к нам пишут, что нам про вора проведывать непригоже — где он и как силен? Как будто мы ему добра хотим. И за это мы будем на бояр богу жаловаться. Сами они знают, что мы вору никогда добра не искивали, а писали мы к боярам о воре для того, что вы на всех съездах нам говорили, что с вором в сборе много людей; мы не знаем, что вам отвечать, потому и писали к боярам, спрашивали их о воре, и тем было им меня позорить непригоже. Сами они знают, что по божией милости, отца моего и деда из Думы не высылали и Думу они всякую ведали, некупленное у них было боярство, не за Москвою в бояре ставлены, вору добра не искивали, креста ему не целовали, у вора не бывали и от него ничего не хотели, только нашего и дела было, что за пречистой богородицы образ и за крестное целованье против вора стояли и нещадно головы свои на смерть предавали. Да они же теперь брата моего, князя Андрея, отдали под стражу, неведомо за что, а ко мне писали по пустой сказке, будто я, идучи под Смоленск, с вором ссылался, и тем меня позорят; как даст бог, увижу на Московском государстве государя нашего Владислава Жигимонтовича, то я ему во всем бесчестье стану на них бить челом и теперь вам, сенаторам, бью челом, чтоб вы мое челобитье до королевского величества донесли».

Паны обещали, но требовали по-прежнему, чтоб исполнен был указ боярский относительно Смоленска, послы по-прежнему отговаривались тем, что нет у них приказа от патриарха; паны возражали, что патриарх особа духовная, в земские дела не вмешивается; послы отвечали: «Изначала у нас в Русском царстве при прежних великих государях так велось: если великие государственные или земские дела начнутся, то великие государи наши призывали к себе на собор патриархов, митрополитов и архиепископов и с ними о всяких делах советовались, без их совета ничего не приговаривали, и почитают государи наши патриархов великою честию, встречают их и провожают и место им сделано с государями рядом; так у нас честны патриархи, а до них были митрополиты; теперь мы стали безгосударны, и патриарх у нас человек начальный, без патриарха теперь о таком великом деле советовать непригоже. Когда

мы на Москве были, то без патриархова ведома никакого дела бояре не делывали, обо всем с ним советовались, и отпускал нас патриарх вместе с боярами, о том гетману Станиславу Станиславичу известно, да и в верющих грамотах, и в наказе, и во всяких делах в начале писан у нас патриарх, и потому нам теперь без патриарховых грамот по одним боярским нельзя делать. Как патриарховы грамоты без боярских, так боярские без патриарховых не годятся; надобно теперь делать по общему совету всех людей; не одним боярам, всем государь надобен, и дело нынешнее общее всех людей, такого у нас дела на Москве не бывало. Да, пожалуйте, скажите, паны радные, что отвечали смольняне на боярскую грамоту?»

«Смольняне закоснели в своем упорстве,— отвечали паны,— они боярских грамот не слушают, просят, чтоб им позволено было видеться с вами, и говорят, что сделают так, как вы им велите, следовательно, от вас одних зависит все». Послы отвечали: «Сами вы, паны, можете рассудить, как нас смольнянам послушать, если они боярских грамот не послушали. Ясно теперь видно, что в Москве сделано не как следует: если б писали патриарх, бояре и все люди Московского государства по общему совету, а не одни бояре, то смольнянам и отговариваться было бы нельзя. А мы теперь сами не знаем, как делать? Осталась нас здесь одна половина, а другая отпущена в Москву, начальный с нами человек митрополит, тот без патриарховой грамоты не только что делать, и говорить не хочет, а нам без него ничего нельзя сделать». Паны отпустили послов и сказали, чтоб завтра, 28 числа, они приезжали вместе с Филаретом на последний съезд. Но на этом съезде Филарет сказал панам: «Вчерашние ваши речи я от князя Василья Васильевича слышал: он говорил вам то самое, что и я бы сказал; я, митрополит, без патриарховой грамоты на такое дело дерзнуть не смею, чтоб приказать смольнянам целовать крест королю». Голицын прибавил: «А нам без митрополита такого великого дела делать нельзя». Паны отпустили послов с сердцем; когда они выходили из комнаты, то паны кричали: «Это не послы, это воры!» Вслед за этим приехал к панам Иван Бестужев с какими-то речами от смольнян, но паны не стали его слушать и выгнали вон. Когда он был на дворе, то Сапега закричал ему в окно: «Вы государевой воли не исполняете, грамот боярских не слушаете: смотрите, что с вами будет!» Бестужев оборотился и сказал: «Все мы в божией воле, что ему угодно, то и будет; бьем мы челом королю о том, что все люди Московского государства приговорили и излюбили: нас бы королевское величество тем пожаловал, а с Москвою розниться не хотим».

Между тем Захар Ляпунов и Кирилла Созонов продолжали наговаривать панам, что во всем виноваты главные послы, которые дворянам ничего не объявляют. Паны призвали к себе дворян и сказали им: «Нам известно, что послы с вами ни о чем не советуются и даже скрывают от вас боярские грамоты». Дворяне отвечали:

«Это какой-нибудь бездельник, вор вам сказывал, который хочет ссору видеть между вами и послами; поставьте его с нами с очей на очи. Боярскую грамоту послы нам читали, и мы им сказали, что исполнить ее нельзя, писана она без патриарха и без совета всей земли».

Около месяца после того послов не звали на съезд. Голицын придумал средство к сделке с королем: уговорить смольнян впустить к себе в город небольшой отряд польского войска, с тем чтоб король не требовал от них присяги на свое имя и немедленно снял бы осаду. Дано было знать об этом панам, и 27 января 1611 года назначен был съезд. Голицын предложил панам впустить в Смоленск человек 50 или 60 поляков; паны отвечали: «Этим вы только бесчестите короля; стоит он под Смоленском полтора года, а тут как на смех впустят 50 человек!» Послы отвечали, что больше 100 человек впустить они не согласятся, и тем съезд кончился. Между тем еще 23 января приехал под Смоленск Иван Никитич Салтыков с новыми боярскими грамотами к смольнянам и послам, подтверждавшими прежние. Смольняне отвечали, что если вперед приплют к ним с такими воровскими грамотами, то они велят застрелить посланного: есть при короле послы от всего Московского государства, через них и должно с ним говорить. 29 января сообщена была новая грамота послам, а 30 они позваны были на съезд к панам, у которых нашли и Салтыкова. Послы объявили, что и на новой грамоте нет подписи патриарховой и потому им остается одно, продолжать дело о впуске в Смоленск королевских людей, причем они надеются, что король по обещанию своему не велит смольнянам присягать на свое имя. Поляки закричали, что это клевета, что никогда не было и речи о том, чтоб оставить присягу на королевское имя. «Вы сами на последнем съезде нам объявили,— отвечали послы,— что король свое крестное целование оставил, а велел только говорить о людях, сколько их впустить в город, и мы за то тогда же благодарили короля». «Клевета! Клевета!» — продолжали кричать паны. «Если вы увидали в нас неправду,— сказал Филарет,— то королю бы пожаловать, отпустить нас в Москву, а на наше место велеть выбрать других; мы никогда и ни в чем не лгали, что говорим и что от вас слышим, все помним. Посольское дело — что скажется, того не переговаривать, и бывает слово посольское крепко; а если от своих слов отпираться, то чему вперед верить? И нам вперед ничего нельзя уже делать, если в нас неправда объявилась». Филарету отвечали не паны, а Салтыков: «Вы, послы,— закричал он,— должны верить панам, их милости они не солгут; огорчать вам панов радных и приводить на гнев великого государя короля непригоже, вы должны беспрекословно исполнять волю королевскую по боярскому указу, а на патриарха смотреть нечего: он ведает не государственные, а свои поповские дела; его величеству, стояв под таким лукошком два года и не

взяв его, прочь отойти стыдно; вы, послы, сами должны бы вступиться за честь королевскую и велеть смольнянам целовать крест королю». Послы отвечали ему, чтоб он вспомнил, с кем говорит, что ему не след вмешиваться в рассуждения послов, выбранных всем государством, и оскорблять их непригожими словами. Обратясь к панам, Филарет сказал: «Если вам, паны, есть до нас какое дело, то говорите с нами вы, а не позволяйте вмешиваться в разговор посторонним людям, с которыми мы слов терять не хотим». Паны велели Салтыкову замолчать и спросили послов: «Хотите ли вы наконец делать по боярской грамоте?» Филарет отвечал: «Сами вы знаете, что нам, духовному чину, отец и начальник святейший патриарх, и, кого он свяжет словом, того не только царь, сам бог не разрешит; и мне без патриаршей грамоты о крестном целовании на королевское имя никакими мерами не делывать, а вы бы на меня в том не досадовали: обещаюсь вам богом, что хотя мне и смерть принять, а без патриаршей грамоты такого великого дела не делывать». «Ну так ехать вам к королевичу в Вильну тотчас же»,— закричали паны и отпустили послов.

1 февраля послы опять были позваны к панам: прежний вопрос, прежний ответ, прежняя угроза: «Собирайтесь ехать в Вильну». «Нам не наказано ехать в Вильну»,— говорили послы. «Бояре велят вам туда ехать»,— кричали паны. Филарет сказал на это: «Если королевское величество велит нас везти в Литву и в Польшу неволею, в том его государская воля; а нам никак нельзя ехать, не на чем и не с чем: что было, то все проели, да и товарищи наши отпущены в Москву, и нам делать нечего». 7 февраля опять позвали послов и объявили им, что король, милосердуя о смольнянах, жалует их, позволяет присягнуть одному королевичу; но, чтоб не оскорбить и королевской чести, надобно впустить в Смоленск по крайней мере 700 человек; если же послать 100 человек, то Шеин велит их или в тюрьмы посажать, или побить. Послы отвечали, что больше двухсот человек впустить они не согласны. На другой день послам было объявлено, чтоб они вошли в переговоры с смольнянами о введении в их город королевских людей без определения числа. Послы едва могли уговорить их впустить 200 человек, ибо смольняне понимали хорошо, что это первый шаг к овладению их городом, и потому поставили непременным условием, что прежде, чем будут введены поляки в Смоленск, король отступит со всем своим войском за границу и отряд, который войдет в город, не будет иметь здесь никакой власти и будет вести себя чинно. Но в совете королевском написаны были другого рода условия: 1) страже у городских ворот быть пополам королевской и городской, одним ключам быть у воеводы, а другим — у начальника польского отряда; 2) король обещает не мстить гражданам за их сопротивление и грубости и без вины никого не ссылать; 3) когда смольняне принесут повинную и исполнят все требуемое, тогда

король снимет осаду и город останется за Московским государством впредь до дальнейшего рассуждения; 4) смольняне, передавшиеся прежде королю, не подчинены суду городскому, но ведаются польским начальством; 5) смольняне обязаны заплатить королю все военные убытки, причиненные их долгим сопротивлением. Но понятно, что смольняне не могли принять этих условий, которые обнаруживали слишком ясно королевские замыслы; они требовали, чтоб воротные ключи были у одного смоленского воеводы, чтобы Смоленск и весь Смолепский уезд были по-прежнему к Московскому государству, чтоб, как скоро они поцелуют крест Владиславу, король отступил от их города, очистил весь уезд, и потом, когда он пойдет в Литву со всем войском, они впустят к себе его отряд сполна; смольняне отказались также платить за убытки, отговариваясь своею бедностию и обещая только поднести дары королю.

Услыхав эти требования, поляки решились употребить средство, которое бы заставило послов быть уступчивее. 26 марта Филарет и Голицын с товарищами были позваны на переговоры; так как наступила оттепель и лед на Днепре был худ, то они должны были идти пешком. Паны объявили им, чтоб они без отговорок ехали в Вильну, объявили, что их уже не отпустят в прежний стан, но что они должны остаться на этой стороне реки. Послы просили позволить им по крайней мере зайти в прежний стан, взять там необходимые вещи, но и в том им было отказано. Как скоро они вышли из собрания, то их окружили ратные люди с заряженными ружьями и отвели в назначенное помещение: митрополиту досталась одна изба, князю Голицыну, Мезецкому и Томиле Луговскому — другая; на дворе и кругом двора расставили стражу, и вход к послам запрещен был для дворян посольских. Так провели послы Светлое воскресенье; к этому дню король прислал им: стан говядины, тушу баранью старую, двух барашков, одного козленка, четырех зайцев, одного тетерева, четырех поросят, четырех гусей и семь куриц — все это послы разделили с своими дворянами. Переговоры о Смоленске возобновились. Паны предложили прежнее условие, исключивши только статью о вознаграждении за военные убытки; послы также уступили, обещались уговорить смольнян впустить польский отряд весь в город прежде Сигизмундова отступления дня за два или за три, если король назначит день отступления и напишет его в договорной записи. Но тут пришла весть о разорении московском.

В то время как Сигизмунд считал необходимым взять Смоленск для Польши какими бы то ни было средствами и тратил время в бесплодных и унизительных для своего достоинства переговорах, восстание против сына его не ослабевало в Московском государстве, и поляки поведением своим подливали все более и более масла в огонь. Украинские города, бывшие за вором — Орел, Болхов, Белев, Карачев, Алексин и другие — по смерти вора

целовали крест королевичу; несмотря на то, королевские люди под начальством какого-то пана Запройского выжгли их, людей побили и в плен повели. Гонсевский велел отряду запорожских козаков идти в рязанские места, чтобы мешать Ляпунову собраться к Москве; черкасы соединились с Исаком Сумбуловым, воеводою, преданным Владиславу, и осадили Ляпунова в Пронске, но к нему на выручку пошел с коломенцами и рязанцами зарайский воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский; черкасы, услыхав об его выступлении, отошли от Пронска, и освобожденный Ляпунов отправился в Рязань, скоро сам Пожарский был осажден у себя в Зарайске черкасами и тем же Сумбуловым, но сделал вылазку, выбил неприятеля из острога и нанес ему сильное поражение: черкасы бросились бежать в Украйну, Сумбулов — к Москве; для восстания на юге не было более препятствия.

Главный двигатель этого восстания, начальный человек в государстве в безгосударное время, находился в Москве; то был патриарх, по заповеди которого во имя веры вставала и собиралась земля. Салтыков пришел к нему с боярами и сказал: «Ты писал, чтобы ратные люди шли к Москве; теперь напиши им, чтобы возвратились назад». «Напишу,— отвечал Гермоген,— если ты, изменник, вместе с литовскими людьми выйдешь вон из Москвы; если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за православную веру, вижу ей поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле пение латинское и не могу терпеть». Патриарха отдали под стражу, никого не велели пускать к нему. Патриарх сказал не все: с самого отъезда Жолкевского начались для жителей Москвы оскорбления, которые увеличивались все более и более уже вследствие опасного положения поляков, видевших себя осажденными среди волнующегося народа. Только что гетман уехал, Гонсевский стал жить на старом дворе царя Бориса, Салтыков, бросив свой дом, поселился на дворе Ивана Васильевича Годунова, Андронов — на дворе благовещенского протопопа; везде у ворот стояла польская стража, уличные решетки были сломаны; русским людям запрещено было ходить с саблями; топоры отбирались у купцов, которые выносили их на продажу, у плотников, которые шли с ними на работу, запрещено было носить и ножи; боялись, что за недостатком оружия народ вооружится кольями, и запретили крестьянам возить мелкие дрова на продажу; гетманские строгости относительно буйства поляков были оставлены: жены и девицы подвергались насилиям; по вечерам побивали людей, которые шли по улицам из двора во двор, к заутрене не только мирским людям, но и священникам ходить не давали.

17 марта, в Вербное воскресенье, патриарха освободили для обычного торжественного шествия на осле, но никто из народа не пошел за вербою; разнесся слух, что Салтыков и поляки хотят в это время изрубить патриарха и безоружный народ, по всем

площадям стояли литовские роты, конные и пешие наготове. Действительно, сами поляки-очевидцы пишут, что Салтыков говорил им: «Нынче был случай, и вы Москву не били, ну так они вас во вторник будут бить, я этого ждать не буду; возьму жену и поеду к королю». Он хотел предупредить жителей Москвы, напасть на них прежде, чем придет к ним помощь от Ляпунова, чего именно ждал во вторник. Поляки стали готовиться ко вторнику, втаскивать пушки на башни кремлевские и Китая-города; действительно, в московские слободы пробрались тайком ратные люди из ляпуновских полков, чтобы поддержать жителей в случае схватки с поляками, пробрались и начальные люди: князь Пожарский, Бутурлин, Колтовской. Но вторник начался тихо, москвичи ничего не предпринимали, купцы спокойно отперли лавки в Китае-городе и торговали. В это время Николай Козаковский на рынке начал принуждать извощиков, чтобы шли помогать полякам тащить пушки на башню. Извощики не согласились, начался спор, крик; тогда осьмитысячный отряд немецкий, перешедший при Клушине к полякам и находившийся теперь в Кремле, думая, что началось народное восстание, ринулся на толпу и стал бить русских; поляки последовали примеру немцев, и началась страшная резня безоружного народа: в Китае-городе погибло до 7000 человек, князь Андрей Васильевич Голицын, сидевший под стражею в собственном доме, был умерщвлен озлобленными поляками. Но в Белом городе русские имели время собраться и вооружиться; они ударили в набат, подняли страшный крик, загородили улицы столами, скамьями, бревнами и стреляли из-за этих укреплений в поляков и немцев; из окон домов палили, бросали каменья, бревна, доски. Ратные люди, пробравшиеся прежде в слободы, оказали деятельную помощь: на Сретенке поляки были остановлены князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, который соединился с пушкарями, отбил неприятеля, втоптал его в Китай-город и поставил себе острожек у Введенья на Лубянке; Иван Матвеевич Бутурлин стоял в Яузских воротах, Иван Колтовской — на Замоскворечье. Поляки, загнанные в Кремль и Китай-город, обхваченные со всех сторон восставшим народонаселением, придумали средство — *огнем выкурить неприятеля*. Попытались запалить Москву в нескольких местах, москвичи не давали, надобно было с ними стреляться, делать вылазки, наконец удалось поджечь в разных местах; говорят, что Михайла Салтыков первый зажег собственный дом свой. Поднялся страшный ветер, и к вечеру пламя разлилось по всему Белому городу, начало было гореть и в Китае у поляков, но здесь пожар не распространился: ветер был не с той стороны. Ночь была светлая: булавку можно было увидать; набат не переставал гудеть на всех колокольнях. На другое утро, в середу, поляки держали совет, что делать? Бояре говорили: «Хотя вы целый город выпалите, все же будете заперты в стенах: надобно постараться всеми мерами

запалить Замоскворечье, около которого нет стен,— там легко вам будет выйти, легко и помощь получить». Следуя этому совету, поляки пошли на Замоскворечье и встретили сильное сопротивление: там были стрелецкие слободы, было кому оборонять; однако, хотя с большим трудом, с большою потерею в людях, полякам удалось наконец поджечь Замоскворечье. По другую сторону они возобновили нападение на Пожарского, который целый день отбивался из своего острожка, наконец пал от ран и был отвезен в Троицкий монастырь. Народ вышел в поле в жестокий мороз: в Москве негде было больше жить. В Великий четверг некоторые из москвичей пришли к Гонсевскому бить челом о милости; тот велел им снова целовать крест Владиславу и отдал приказ своим прекратить убийство; покорившимся москвичам велено было иметь особый знак — подпоясываться полотенцами.

Великий четверг прошел спокойно для поляков, но в пятницу пришла весть, что Просовецкий приближается к Москве с тридцатью тысячами войска. Гонсевский выслал против него Зборовского и Струся; Просовецкий, потеряв в стычке с ними человек с двести своих козаков, засел в гуляй-городах, на которые поляки не посмели напасть и ушли в Москву. Просовецкий также отступил на несколько миль, где дождался Ляпунова, Заруцкого и других воевод; в понедельник на Святой неделе все ополчение, в числе 100 000 человек, подошло к Москве и расположилось близ Симонова монастыря, обставив себя гуляй-городами. Через несколько дней Гонсевский вывел все свое войско к русскому обозу, но русские не вышли с ним биться; он послал немцев выбить русских стрельцов из деревушки, находившейся подле обоза, но немцы были отражены с уроном. Отбив немцев, стрельцы начали наступать и на поляков, конница которых должна была спешиться и стрелять с ними. Конница русская во все это время не выходила из обоза; но когда поляки начали отступать к Москве, русские вышли за ними из обоза; поляки остановились, чтобы дать им отпор, русские — опять в обоз; поляки опять начали отступление, русские — опять за ними. Полякам пришлось очень трудно, едва успели они войти в Москву и больше уже из нее никогда не выходили.

1 апреля ополчение подошло к стенам Белого города: Ляпунов стал у Яузских ворот, князь Трубецкой с Заруцким — против Воронцовского поля, воеводы костромские и ярославские — у Покровских ворот, Измайлов — у Сретенских, князь Мосальский — у Тверских. 6 апреля, ранним утром, поляки услыхали шум, взглянули — а уже русские заняли большую часть стен Белого города; у поляков осталось здесь только пять ворот или башен. Начались ежедневные стычки; Ляпунов храбростию, распорядительностию выдавался изо всех воевод: «Всего московского воинства властель, скачет по полкам всюду, как лев рыкая»,— выражается о нем летописец. Поляки находились в самом затруднительном

положении. «Рыцарству на Москве теснота великая,— писали Потоцкому под Смоленск,— сидят в Китае и в Кремле в осаде, ворота все отняты, пить, есть нечего». Съестные припасы для себя, конский корм должны были доставать с бою. В начале мая на Поклонной горе раскинулся стан знаменитого рыцаря Яна Сапеги; он завел переговоры с русскими и начал обнаруживать неприязненные намерения относительно осажденных; потом, не поладив с ополчением, вооружился против него, был отбит и передался на сторону Гонсевского. Но последнему было мало от него пользы: скоро сапежинским рыцарям соскучилось стоять под Москвою, где было нечего грабить, и они отправились к Переяславлю Залесскому; Гонсевский отпустил с ними также часть своего войска; зачем он себя ослабил таким образом, поляки, бывшие с ним, не объясняют: по всем вероятностям, он принужден был к этому недостатком в съестных припасах.

Осажденных после этого осталось очень мало, тысячи с три с чем-нибудь, кроме немцев и пехоты польской, бывшей, как мы знаем, в очень небольшом числе. Чтоб прикрыть в глазах осаждающих эту малочисленность свою, поляки начали распускать слух, будто гетман литовский идет на помощь с большими силами, тогда как русские знали лучше их, идет ли к ним кто или нет. В знак радости поляки начали стрелять из пушек и из ружей: «Нам казалось,— говорит один из них,— что стрельба у нас была очень густая, но Москва из этой самой стрельбы заметила, что нас только горсть осталась в стенах Кремля и Китая». Настрелявшись и думая, что задали большой страх Москве, поляки разошлись по домам и заснули спокойно в ночь с 21 на 22 мая. Но осаждающие не спали: за три часа до рассвета приставили они лестницу и полезли на стены Китая-города; сторож на башне, вверенной Мархоцкому, услыхал шум, спачала не знал, от кого он происходит — от людей или собак, которых тогда в погорелой Москве было множество, но потом рассмотрел, что это люди, и закричал: «Москва! К звонку!» Мархоцкий вскочил и велел ударить в колокол, потому что у русских обычай, говорит он, на каждой башне держать по колоколу. Когда осаждающие услыхали колокол, увидали, что они открыты, то с криком бросились на стены; поляки выбежали на тревогу из домов и отбили русских от Китая-города; тогда осаждающие обратились в другую сторону, к башням Белого города, находившимся во власти поляков, и в продолжение дня успели овладеть ими всеми. На другое утро русские осадили немцев в Новодевичьем монастыре и принудили их к сдаче. После этого русские смеялись над поляками: «Идет к вам на помощь гетман литовский с большою силою,— кричали они им,— идет с ним пятьсот человек войска! Больше не надейтесь, уже это вся Литва вышла; идет и Конецпольский, живности вам везет, везет одну кишку», потому что ротмистры были Кишка и Конецпольский. Но не шел

гетман литовский Ходкевич даже и с пятьюстами человек, не шел Конецпольский с Кишкою: Сигизмунду было не до Москвы, ему нужно было прежде всего покончить с Смоленском.

8 апреля Филарет и Голицын были призваны к Сапеге, и канцлер объявил им, что во вторник на Страстной неделе русские люди начали сбираться на бой, королевские вышли к ним навстречу, сожгли город и много христианской крови пролилось с обеих сторон. Тут же Сапега объявил, что патриарх за возбуждение восстания взят под стражу и посажен на Кириловском подворье. Послы горько заплакали, и Филарет сказал: «Это случилось за грехи всего православного христианства, а отчего сталось и кто на такое разорение промыслил, тому бог не потерпит и во всех государствах такое немилосердие отзовется. Припомните наши слова, мы на всех съездах говорили, чтоб королевское величество велел все статьи утвердить по своему обещанию и по договору, иначе людям будет сомненье и скорбь. Так и случилось. Так хотя бы теперь королевское величество смиловался, а вы бы, паны радные, о том порадели, чтоб кровь христианскую унять, и все бы люди получили покой и тишину». Сапега отвечал, что король именно за тем и пришел в Московское государство, чтоб его успокоить, но русские люди сами и во всем виноваты; полякам же нельзя было Москвы не жечь, иначе сами были бы побиты. «Но скажите,— прибавил он,— как этому злу помочь и кровь унять?» Послы отвечали: «Теперь мы и сами не знаем, что делать. Посланы мы от всей земли, и во-первых, от патриарха; но слышим от вас, что этот начальный наш человек теперь у вас под стражею, Московского государства бояре и всякие люди пришли под Москву и с королевскими людьми бьются. Кто мы теперь такие, от кого послы — не знаем; кто нас отпускал, те, как вы говорите, умышляют противное нашему посольству. И с Смоленском теперь не знаем что делать, потому что если смольняне узнают, что королевские люди, которых москвичи впустили к себе, Москву выжгли, то побоятся, чтоб и с ними того же не случилось, когда они впустят к себе королевских людей». Сапега отвечал: «Что сделалось в Москве, об этом говорить нечего: говорите, что делать вперед?» Послы отвечали: «Другого средства поправить дело нет, как то, чтоб король наши статьи о Смоленске подтвердил и время своего отступления в Польшу именно назначил на письме, за вашими сенаторскими руками. А мы об этой королевской милости дадим знать в Москву патриарху, боярам и всем людям Московского государства, напишем и тем, которые теперь пришли под Москву, чтоб они унялись и с королевскими людьми не бились и чтоб из Москвы к нам как можно скорее отписали и прислали людей изо всех чинов». Сапега соглашался, но требовал, чтоб договор о Смоленске был заключен немедленно, немедленно были впущены в город королевские люди. Послы отвечали, что этого сделать нельзя до обсылки с Москвою, смольняне не послушаются. Сапега

велел послам написать две грамоты: одну — к патриарху и боярам, другую — к воеводам ополчения, стоящего под Москвою. Но когда на другой день Луговской принес эти грамоты к Сапеге, тот спросил его: «Хотите ли теперь же впустить в Смоленск людей королевских?» Луговской отвечал, что решено ждать ответа из Москвы. «Когда так,— сказал Сапега,— то вас всех пошлют в Вильну». Луговской отвечал: «Надобно кровь христианскую унять, а Польшею нас стращать нечего: Польшу мы знаем».

12 апреля послам дали знать, что на другой день их повезут в Польшу. Напрасно Филарет и Голицын представляли, что им из Москвы нет приказа ехать в Польшу и что не с чем им подняться в путь: их не слушали, подвезли к их двору судно и велели перебираться. Когда посольские люди стали переносить в судно вещи и запасы господ своих, то польские приставы перебили слуг, запасы велели выбросить из судна, лучшее взяли себе. Ограбленных послов и дворян повезли всех вместе в одном судне, где находились солдаты с заряженными ружьями, за судном шли еще две лодки с людьми посольскими. На дороге послы терпели во всем крайнюю нужду; когда проезжали они чрез земли гетмана Жолкевского, то последний, находившийся в это время там, прислал спросить их о здоровье; послы отвечали ему, чтоб он помнил свою душу и крестное целование.

Вслед за послами окончили свое дело и смольняне. Цынга опустошала их город, лишенный соли: из 80 000 жителей, сколько считалось при начале осады, едва осталось 8000, но оставшиеся в живых не думали о сдаче. Известный нам Андрей Дедешин, перебежавший к королю, указал ему на часть стены, построенную наспех сырою осенью порою и потому непрочную; король велел обратить пушки в ту сторону, и стена была выбита. Ночью 3 июня поляки повели приступ и вошли через пролом в город, Шеин с 15 товарищами стоял на раскате, он объявил, что скорее умрет, чем сдастся кому-нибудь из простых ратников, тогда прибежал к нему Яков Потоцкий и Шеин сдался ему; жители заперлись в соборной церкви Богородицы, зажгли порох, находившийся внизу в погребах, и взлетели на воздух по примеру сагунтинцев, как говорят польские историки. Шеина привели в королевский стан и пытали по 27 допросным пунктам:

1) Для чего, в какой надежде после сдачи столицы не хотел сдать Смоленска на имя королевское? Ответ. Одну надежду имел, что король отступит от Смоленска, давши сына на царство Московское, о чем прислана была грамота из Москвы.

2) Откуда получал известия? Если из обоза королевского, то от кого, сколько раз и какими способами? Шеин назвал всех перебежчиков.

3) Через кого сносился с Голицыным и о чем? Ответ. Ни о чем.

4) Какие сношения имел с Ляпуновым и другими изменниками? Ответ. Никаких.

5) Для чего не слушал советов архиепископа и второго воеводы Горчакова, чтоб сдать Смоленск? Ответ. От Горчакова ничего не слыхал; архиепископ же только один раз сказал, когда начались сношения с послами московскими и привезены были условия от сенаторов; говорил он, что «гнев божий над всею землею и над ними распростерся, чего меч не истребит, то поветрие истребляет, лучше нам поддаться за присягою их, хотя бы нас потом и перебили». Такие слова он только раз сказал в большой толпе людей, никто на них не обратил внимания, а потом сам он никогда об этом не вспоминал, а прежде, с начала осады, архиепископ часто его, Шеина, упрекал, зачем промысла над неприятелем не чинит, языков не достает и на вылазки людей не пускает.

6) Что замышлял делать после, если бы отсиделся в Смоленске? Ответ. Всем сердцем был я предан королевичу; но если бы король сына на царство не дал, то, так как земля без государя быть не может, поддался бы тому, кто бы был царем на Москве.

7) Кто ему советовал и помогал так долго держаться в Смоленске? Ответ. Никто особенно, потому что никто не хотел сдаваться.

8) Прежде чем король пришел под Смоленск, от кого он, Шеин, получал вести из Польши и Литвы? Ответ. От холопов пограничных.

9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 16-й вопросы все в том же роде, т. е. о сношениях с разными лицами и местами. Ответы отрицательные.

17) Сколько было доходов с волостей смоленских до осады и куда они делись? На этот вопрос Шеин отвечал обстоятельно; по его словам, в казне было 900 рублей.

18) Куда девал имения, оставшиеся после умерших. Ответ. Я не брал этих имений.

19) Не закопаны ли где-нибудь в Смоленске деньги? Ответ. Не знаю.

20) Васька Полочанин с чем приходил в Смоленск? Ответ. Сказал, что король послал в Ригу за пушками.

21) Не сносился ли с кем-нибудь из купцов в королевском обозе? Ответ. Ни с кем.

22) Кто привозил соль и другие запасы из королевского обоза в Смоленск? Ответ. Родственники смольнян, в обозе бывшие.

23) Из смоленских детей боярских с кем имел сношения и что они ему советовали? Ответ. Ни с кем.

24) Сколько было наряду в Смоленске? Орудий 170, пороху 8500 пудов при начале осады.

25) С Иваном Никитиным Салтыковым через кого сносился? Ответ. Не сносился ни через кого; а когда Салтыков королю изменил, то присылал грамоту, на которую дан был ответ с ведома архиепископа.

26) У первого самозванца, Гришки Отрепьева, чем был и в какой милости? Ответ. Был я в Новгороде Северском по приказу царя Бориса; когда другие поклонились Гришке, то и я поклонился; сначала он на меня сердит был, потом стал ласков, звал на службу; при смерти его я не был.

27) Когда начал сноситься с царйком калужским и что это были за сношения? Ответ. Я с самозванцем никакой ссылки не имел; раз присылал он Ивана Зубова в Смоленск с длинною грамотою, в которой всю библию и псалтырь выписал, уговаривая, чтоб смольняне ему поддались, воеводу своего свергнули, посадили на его место Зубова, прислали к нему в Тушино всю казну, а купцы прислали бы к нему все свои товары: когда сядет в Москве, то за все заплатит. Смольняне вместо воеводства посадили Зубова в тюрьму.

После пытки Шеина отправили в Литву, где держали сначала в тесном заключении, в оковах; семейство воеводы было поделено между королем и Сапегою; сына взял себе Сигизмунд, жену и дочь — Сапега; радость о взятии Смоленска была неописанная в Литве и Польше; король говорил благодарственную речь рыцарству, главная мысль которой заключалась в следующем: «Одолели вы упорного неприятеля, одолели не тем, что поморили его голодом, но одолели своими подвигами; упорные сердца мужеством победили упорным». Скарга говорил проповедь: «Прежде всего радуемся тому, что господь бог указует путь к расширению своей церкви и правды католической, к спасению душ людских. Народ этот, в старый раскол с церковию божиею погруженный, утратил правду божию, впал в суеверие и в грехи, на небо вопиющие; на него напала такая глупая гордость, что на латинов смотрел как на поганых, как на жидов и неверных, а господь бог бедствиями и униженьями приводит его к сознанию заблуждений своих». Знаменитый проповедник не счел за нужное позаботиться о том, чтобы факты, им приводимые, были хотя сколько-нибудь верны; так, например, по его словам, патриарх Гермоген, не желая присягать Владиславу, призывал на помощь Скопина, но Скопина свои отравляют; патриарх призывает Лжедимитрия, но последний, когда уже сбирался под Москву, убит своими и т. д.

Вместо того чтоб тотчас по взятии Смоленска идти к Москве, король принужден был распустить войско и отправиться на сейм в Варшаву. Здесь в упоении торжества думали, что взятием Смоленска все кончено, забыли, что в Москве горсть поляков осаждена многочисленным неприятелем; спешили насладиться зрелищем торжественного въезда в Варшаву пленного царя московского. 29 октября 1611 года Жолкевский с некоторыми панами, послами земскими, с двором и служилым рыцарством своим ехал Краковским предместьем в замок королевский; за ним ехала открытая карета, запряженная в 6 лошадей, в карете сидел сверженный царь

московский, Василий, в белой парчевой ферязи, в меховой шапке: это был седой старик, не очень высокого роста, круглолицый, с длинным и немного горбатым носом, большим ртом, большою бородою; смотрел он исподлобья и сурово; перед ним сидели два брата его, а в середке у них — пристав. Когда всех троих Шуйских поставили перед королем, то они низко поклонились, держа в руках шапки. Жолкевский начал длинную речь о изменчивости счастья, прославлял мужество короля, указывал на плоды его подвигов — взятие Смоленска и Москвы, распространился о могуществе царей московских, из которых последний стоял теперь перед королем и бил челом. Тут Василий Шуйский, низко наклонивши голову, дотронулся правою рукою до земли и потом поцеловал эту руку, второй брат, Дмитрий, ударил челом до самой земли, третий брат, Иван, трижды бил челом и плакал. Гетман продолжал, что вручает Шуйских королю не как пленников, но для примера счастья человеческого, просил оказать им ласку, причем все Шуйские опять молча били челом. Когда гетман окончил речь, Шуйских допустили к руке королевской. Было это зрелище великое, удивление и жалость производящее, говорят современники; но в толпе панов радных послышались голоса, которые требовали не жалости, но мести Шуйскому, как виновнику смерти многих поляков; раздался голос Юрия Мнишка, который требовал мести за дочь свою. Шуйских заключили в замке Гостынском, в нескольких милях от Варшавы.

Какой-то Юрий Потемкин привез в стан под Москву известие о взятии Смоленска; но бояре, Мстиславский с товарищами, получили эту весть прямо от короля. Король писал, что одною из причин, побудивших его взять Смоленск, была измена дворян Смоленского уезда, отставших от королевского дела вместе с Иваном Никитичем Салтыковым. Король послал Салтыкова с смоленскими дворянами в Дорогобуж, эти дворяне начали советоваться, как бы отъехать в московские полки, но один из них донес об их умысле Сигизмунду; должно быть, тут же был обнесен и Салтыков, но после он успел оправдаться пред королем и вошел к нему в прежнюю милость.

Бояре, называя себя верными подданными короля, отвечали, что они, слыша о погибели многих невинных христианских душ, простых людей, жен и младенцев, бедно со света сего сошедших за непокорство Шеина и других лихих людей, поскорбели о них христианским обычаем и братскою любовию, как о братьи своей единокровной: «О том же, что вам, великим государям, над непослушниками вашими подал бог победу и одоленье, богу хвалу воздаем и вас, великих государей, на ваших преславных и прибылых государствах поздравляем». Бояре извещают короля, что новгородцы Новгорода Великого за его государское имя мучили на пытках боярина Ивана Михайловича Салтыкова и, мучив, по-

садили на кол. Мы видели, что новгородцы сами извещали воевод восставшего ополчения о посажении Салтыкова в тюрьму; летописец сообщает подробности: Салтыков отнял у шведов Ладогу, оттуда прямо хотел идти к Москве, потому что опасался враждебного расположения жителей новгородских. Последние послали просить его, чтоб возвратился к ним в Новгород, и целовали крест, что не сделают ему ничего дурного. Салтыков поверил и возвратился, но спустя немного времени новгородцы забыли клятву, схватили его и, не удовольствовавшись тюремным заключением, подвергнули пытке; тщетно Салтыков клялся, что у него не было никакой мысли против Московского государства, тщетно обещал, что если отец его придет с литовскими людьми, то он и против него станет биться: сыну Салтыкова не поверили, и он страшною смертию поплатился за поведение отца. Говорят, что заводчиком дела был дьяк Семен Самсонов. Бояре уведомляли также Сигизмунда, что они много раз писали к восставшему ополчению с увещанием обратиться: «Но те воры от воровства своего не перестают и к вашей государской милости не обращаются, наших грамот и приказу ни в чем не слушают, нас укоряют и бесчестят всякими непригожими речами, похваляются на нас лютыми позорными смертями и людей наших, которые у нас по городам, мучат злыми смертями и пытками, поместья и вотчины наши роздали и разоряют». Наконец, уведомляют о сношениях восставшего ополчения с шведским королем насчет избрания одного из его сыновей в государи московские. По словам летописца, начальники ополчения начали думать, что без государя быть нельзя, и придумали послать к шведам просить у их короля сына на Московское государство.

Но, заводя переговоры о будущем царе, ополчение должно было подумать о том, как устроить временное правительство, ввести какой-нибудь порядок в управление войском и землею. Мы видели, сколько воевод с разных сторон пришло под Москву с своими отрядами. Кому из них надобно было дать первенство? Высшее звание, звание бояр, носили князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и Заруцкий, хотя оба получили боярство в Тушине, но этим боярам не мог уступить думный дворянин Ляпунов, первый по способностям и энергии. 30 июня 1611 года Московского государства разных земель царевичи, бояре, окольничие и всякие служилые люди и дворовые, которые стоят за дом пресвятой богородицы и за православную христианскую веру против разорителей веры христианской, польских и литовских людей, под Москвою, приговорили и выбрали всею землею бояр и воевод, князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, Ивана Мартыновича Заруцкого да думного дворянина и воеводу Прокофья Петровича Ляпунова на том, что им, будучи в правительстве, земским и всяким ратным делом промышлять, расправу всякую между всякими людьми чинить вправду, а ратным и всяким земским людям их,

бояр, во всем слушать. «Приговор утверждает, чтоб относительно раздачи поместий примеривались, как было при прежних российских прирожденных государях. Поместья и отчины, разнятые боярами по себе и розданные другим без земского приговора, отобрать назад и из них дворцовые и черные волости отписать во дворец, а поместные и вотчинные земли раздать беспоместным и разоренным детям боярским. Отобрать дворцовые села и черные волости, равно и денежное жалованье, у всех людей, которые, служа в Москве, Тушине или Калуге, получили их не по мере своей. Поместья, данные кому бы то ни было на имя короля или королевича, отобрать, но не отбирать их у тех дворян, у которых, кроме их, других поместий и дач нет. Которые дворяне и дети боярские были отправлены из Москвы с послами под Смоленск и теперь *заложены* в Литву, у тех, равно как у жен и детей смоленских сидельцев, поместий не отнимать. Церковных земель не брать в раздачу и, которые были прежде отобраны, возвратить. Не отнимать поместий у жен и детей умерших или побитых дворян, не отнимать вотчин у сподвижников Скопина. Бояре, поговоря со всею землею, вольны раздавать вотчины, причем не должно нарушать прежнего приговора патриарха Гермогена (какой это был приговор и когда состоялся, неизвестно). Дворянам, детям боярским и всяких чинов людям, съезжавшим с Москвы, бывшим в Тушине и Калуге и сидевшим по городам, давать вотчины против московских сидельцев, а не против тушинских окладов их. Ратным людям, которых поместья находились в порубежных местах и разорены от литвы или от крымцев, дать поместья в других замосковных городах, «как им можно сытым быть». Если дворяне и дети боярские, не приехавшие на земскую службу под Москву до 29 мая и лишенные за то своих поместий по прежнему боярскому приговору, приедут и будут бить челом боярам и всей земле, что они до сих пор не приезжали по бедности, о таких сделать обыск, и если окажется, что они сказали правду, то поместья им возвратить, равно как тем, у которых поместья отобраны по ложному челобитью или которые были на Москве поневоле. Дворян и детей боярских, посланных в города на воеводства и на другие посылки и способных к службе, возвратить и велеть им быть в полки тотчас, а на их место посылать дворян, которым на службе быть нельзя. В Поместном приказе посадить дворянина из больших дворян и с ним дьяков, выбрав всею землею, и велеть испоместить наперед дворян и детей боярских бедных, разоренных, беспоместных и малопоместных. Если атаманы и козаки служат давно и захотят верстаться поместными и денежными окладами и служить с городов, то их желание исполнить; а которые верстаться не захотят, тем давать хлебное и денежное жалованье. С городов и из волостей атаманов и козаков свести и запретить им грабежи и убийства; посылать по городам и в волости за кормами дворян добрых и с ними детей боярских, ко-

заков и стрельцов и велеть корм сбирать по указу. Если же кто из ратных людей по городам, в волостях и по дорогам будет разбойничать, таких сыскивать, унимать и наказывать, даже казнить смертию, для чего устроить Разбойный и Земский приказ по-прежнему. Младшие воеводы не должны самовольно распоряжаться денежными доходами и брать их себе, но должны присылать в казну. Печать к грамотам о всяких делах устроить земскую, а при больших земских делах у грамот быть руке боярской. Всякие ратные дела большие ведать боярам и разрядным дьякам в Большом приказе. Которые ратные люди теперь под Москвою за православную христианскую веру от литовских людей будут побиты или от ран изувечены, тех убитых и раненых записывать в Разряде, а заслуги их писать воеводам и головам по полкам и присылать в Большой разряд за руками, чтоб вперед всяких ратных людей служба в забвенье не была. Крестьян и людей беглых или вывезенных другими помещиками в Смутное время сыскивать и отдавать прежним помещикам. Строить землю и всяким земским и ратным делом промышлять боярам, которых избрали по этому всей земли приговору; смертною казнью без приговору всей земли боярам не по вине не казнить и по городам не ссылать; семьями (скопом) и заговором никому никого не побивать, недружбы никакой никому не мстить, а кому до кого дело, бей челом об управе боярам и всей земле. А кто станет ходить скопом и заговором, кто кого убьет до смерти по недружбе или на кого кто скажет какое изменное земское дело, про то сыскивать вправду, а по сыску наказанье и смертную казнь над ними приговаривать боярам, поговоря со всею землею, смотря по вине; а не объявя всей земле, смертною казнью никого не казнить и по городам не ссылать. А кто кого убьет без земского приговора, того самого казнить смертию. Если же бояре, которых выбрали теперь всею землею для всяких земских и ратных дел в правительство, о земских делах радеть и расправы чинить не станут во всем вправду и по этому земскому приговору всяких земских и ратных дел делать не станут и за ними всякие земские дела поостановятся, или которые воеводы бояр во всяких делах слушать не станут, то нам всею землею вольно бояр и воевод переменить и на их место выбрать других, поговоря со всею землею, кто к ратному и земскому делу пригодится».

В приговоре этом видим, с одной стороны, умное забвение прошедшего: служившие Шуйскому в Москве и царику в Тушине и Калуге уравнены; но с этою уступкою, с желанием примирения и забвения прошедшего соединена твердость в стремлении восстановить строгую справедливость, требуется, чтоб все отдали полученное ими сверх меры на какой бы то ни было службе. Ясно высказалось также охранительное направление, чтоб все было по-старому, стремление примериваться, как было при прежних го-

сударях. Но это стремление к восстановлению наряда, так ясно выразившееся в ополчении, на этот раз оказалось бесплодным по приведенным уже причинам: по характеру человека, который стоял в челе именно лучших земских людей в противоположность козака, по характеру Ляпунова, и потому что чистое было смешано с нечистым, подле земских людей стояли козаки. Летописи сохранили нам любопытное известие, что ратные люди били челом троеначальникам, чтоб они не попрекали друг друга Тушином: разумеется, этот упрек мог быть делаем только Ляпуновым Трубецкому и Заруцкому, которые были тушинские бояре, хотя он был равный им по власти троеначальник, однако по своему боярству Трубецкой и Заруцкий занимали пред ним высшие места, он писался третьим, и ему приятно было напоминать старшим товарищам, что они не имеют права величаться своим боярством, добытым в Тушине. В начальниках была великая ненависть и гордость, говорит летопись: друг перед другом честь и начальство получить желали, и ни один меньше другого быть не хотел, всякий хотел один владеть. Прокофий Ляпунов не по своей мере вознесся и от гордости его отецким детям много позору и бесчестия было, не только детям боярским, но и самим боярам. Приходили к нему на поклон и стояли у его избы долгое время, никакого человека к себе прямо не пускал, а к козакам был очень жесток, и за то была на него ненависть большая. Разумеется, больше всех должен был ненавидеть Ляпунова Заруцкий, который также хотел исключительного первенства; Трубецкой не мог играть видной роли, был в тени, летопись прямо говорит, что ему от Ляпунова и Заруцкого чести никакой не было. Значит, собственно в подмосковном стане было двоевластие, а не троевластие, начальствовали, т. е. соперничали друг с другом, Ляпунов и Заруцкий. Ляпунов, несмотря на то что возбудил против себя негодование отецких детей, опирался на дворян и детей боярских, на чистое ополчение северных или северо-восточных областей, одним словом, на некозаков; Заруцкий опирался на козаков, был их главным воеводою и представителем. Земский приговор был написан дворянами и детьми боярскими; летопись говорит, что Ляпунов к их совету пристал и велел написать приговор, тогда как Трубецкому и Заруцкому, козацким воеводам, это дело было нелюбо и понятно почему: приговор был направлен прямо против козаков, грозил им жестоким наказанием за своевольство и грабежи, был направлен прямо против Заруцкого, который захватил себе много городов и волостей; теперь по смыслу приговора он должен был их возвратить. И с этих пор, говорит летопись, как Ляпунов велел написать приговор, начали думать, как бы его убить. Дело началось тем, что у Николы на Угреше Матвей Плещеев, схватив 28 человек козаков, посадил их в воду; козаки вынули всех своих товарищей из воды, привели в таборы под Москву, собрали круг и начали шум на Ля-

пунова, хотели его убить. Летопись умалчивает о подробностях, но видно, что в этом случае козаки имели правду на своей стороне: если Плещеев поймал козаков на грабеже, то обязан был привести их в стан и отдать на суд, а он самовольно посадил их в воду, тогда как в приговоре было утверждено, что смертная казнь назначается с ведома всей земли. Ляпунов выехал из стана, чтоб бежать в Рязанскую землю, но козаки нагнали его под Симоновом и уговорили остановиться; козаки должны были понять, как опасно выпустить Ляпунова из стана и дать ему возможность собрать свое новое ополчение, к которому, разумеется, присоединились бы все дворяне и дети боярские. Ляпунов переночевал в Никитском острожке; на другое утро пришли к нему всею ратью и уговорили возвратиться в стан.

Но если козаки так сильно желали смерти Ляпунова, то не меньше желал этого Гонсевский в Москве: козаки с Трубецким и Заруцким не были ему страшны, страшно ему было ополчение земских людей, когда оно имело такого деятельного и талантливого предводителя, как Ляпунов. На одной из стычек поляки взяли в плен донского козака, который был побратимом атамана Исидора Заварзина, этот Заварзин начал стараться, как бы освободить товарища, и выпросил у Гонсевского позволение повидаться с ним и поговорить, дав заклад. Гонсевский воспользовался этим случаем, велел написать грамоты от имени Ляпунова, в которых тот писал во все города: «Где поймают козака — бить и топить, а когда, даст бог, государство Московское успокоится, то мы весь этот злой народ истребим». Под руку Ляпунова искусно было подписано на грамоте. Пленный козак отдал эту грамоту Заварзину: «Вот, брат, смотри, какую измену над нашею братьею, козаками, Ляпунов делает! Вот грамоты, которые литва перехватила». Взяв грамоту, Заварзин отвечал: «Теперь мы его, б.... сына, убьем». Когда Заварзин пришел в стан и показал грамоту, то козаки собрали круг; Трубецкой и Заруцкий в круг не поехали; посылали за Ляпуновым два раза, он не поехал, в третий раз пришли к нему некозаки, Спильвестр Толстой, Юрий Потемкин, и поручились, что ему ничего не будет; Ляпунов вошел в круг: атаман Карамышев стал кричать, что он изменник, и показал грамоту, подписанную его рукою, Ляпунов посмотрел на грамоту и сказал: «Рука похожа на мою, только я не писал». Начался спор и кончился тем, что Ляпунов лежал мертвый под козацкими саблями; с ним вместе убили Ивана Никитича Ржевского: Ржевский был Ляпунову большой недруг, но тут, видя его правду, за него стал и умер с ним вместе. По некоторым известиям, Ржевский говорил козакам: «За посмех вы Прокофья убили, Прокофьевой вины нет».

Со смертию Ляпунова дворяне и дети боярские остались без вождя, во власти козацких предводителей. Летописец рассказывает, что вскоре по смерти Ляпунова принесен был в стан из Ка-

зани список с иконы казанской богородицы; духовенство и все служилые люди пошли пешком навстречу иконе, а Заруцкий с козаками выехали верхом. Козакам не понравилось, зачем служилые люди захотели отличиться перед ними благочестием, и начали ругать их. Летописец прибавляет, что дворяне и стольники искали себе смерти от насилия и позора, многие из них были побиты, многие изувечены; другие разъехались по городам своим и по домам, боясь убийства от Заруцкого и козаков. Нашлись из них и такие, которые купили у Заруцкого воеводства и разные должности и отправились по городам наверстывать заплаченные деньги; остались под Москвою большею частию те, которые привыкли жить вместе с козаками в Тушине и Калуге. Стан наполнялся также москвичами, торговыми, промышленными и всякими черными людьми, которые кормились тем, что держали всякие съестные харчи; в стане же были приказы, сидели в них дьяки и подьячие, с городов и волостей на козаков кормы сбирали и под Москву привозили, но козаки от воровства своего не отстали, ездили по дорогам станицами, грабили и побивали.

В то время когда козаки убийством Ляпунова и разогнанием лучших служилых людей остановили ход земского дела под Москвою, на северо-западе Новгород Великий достался в руки шведам. Мы видели, что последние имели мало успеха: им удалось овладеть только Корелою; Ладогу они потеряли, и вторичный приступ к ней был неудачен, равно как и приступ к Орешку. В марте месяце Делагарди приблизился к Новгороду, стал в семи верстах от него у Хутынского монастыря и послал спросить у новгородцев, друзья они или враги шведам и хотят ли соблюдать Выборгский договор? Разумеется, новгородцы отвечали, что это не их дело, что все зависит от будущего государя московского. Узнав, что земля встала против Владислава, Москва выжжена поляками, которые осаждены земским ополчением, Карл IX писал к его начальникам, чтоб вперед не выбирали чужих государей, а выбрали бы кого-нибудь из своих. В ответ на это приехавший в Новгород от Ляпунова воевода Василий Иванович Бутурлин предложил Делагарди съезд, на котором объявил, что вся земля просит короля дать на Московское государство одного из сыновей. Начались переговоры и затянулись, ибо и шведы, подобно полякам, требовали прежде всего денег и городов, а между тем в Новгороде, происходили явления, которые подавали Делагарди надежду легко овладеть им. По шведским известиям, сам Бутурлин, ненавидевший поляков и подружившийся с Делагарди еще в Москве, дал ему теперь совет овладеть Новгородом. По русским известиям, между Бутурлиным и старым воеводою, князем Иваном Никитичем Одоевским Большим, было несогласие, мешавшее последнему принять деятельные меры для безопасности города; Бутурлин ссылался со шведами, торговые люди возили к ним вся-

кие товары, и когда Делагарди перешел Волхов и стал у Колмовского монастыря, то Бутурлин продолжал съезжаться с ним и здесь; к довершению беды, между ратными и посадскими людьми не было совета. Посадские люди взволновались и перебрались с именем в город; и действительно, 8 июля Делагарди повел приступ, но после жестокой сечи ему не удалось вломиться в город; посады были сожжены по приказанию Бутурлина. Семь дней после того шведы стояли в бездействии. Это ободрило новгородцев: в то время как некоторые из них молились день и ночь, другие стали пить, ободряя друг друга: «Не бойтесь немецкого нашествия, нашего города им не взять, людей в нем множество». Пьяные лазили на стены, бесстыдно ругались над шведами. У последних в плену был Иван Шваль, холоп Лутохина. Шваль, зная, как плохо стерегут город, обещал шведам ввести их в него. 15 июля (как рассказывал потом сам Делагарди) приехал в шведский стан дьяк Анфиноген Голенищев от Бутурлина, который велел сказать Делагарди, чтоб шел прочь от Новгорода, а не пойдет, так его проводят, Делагарди велел отвечать: «Бутурлин меня все обманывает, присылает с угрозами, хочет меня от Новгорода проводить, так пусть же знает, что я за такие речи буду у него в Новгороде». И действительно, ночью на 16 июля Шваль ввел шведов в Чудиновские вороты так, что никто не видал; жители только тогда узнали, что неприятель в городе, когда шведы начали бить сторожей по стенам и по дворам. Первое сопротивление встретили шведы на площади, где расположился Бутурлин с своим отрядом, но это сопротивление было непродолжительно: Бутурлин вышел из города, и при отступлении козаки и стрельцы ограбили лавки и дворы под тем предлогом, что шведы отнимут же все. Было еще сильное, но бесполезное сопротивление в двух местах: стрелецкий голова Василий Гаютин, дьяк Анфиноген Голенищев, Василий Орлов да козачий атаман Тимофей Шаров с сорока козаками решились защищаться до последней крайности; много уговаривали их шведы к сдаче, они не сдались и умерли все вместе за православную веру. Софийский протопоп Аммос заперся на своем дворе с несколькими новгородцами, долго бился против шведов и много перебил их; Аммос был в это время под запрещением у митрополита Исидора; митрополит служил молебен на городской стене, видел подвиг Аммоса, заочно простил и благословил его. Шведы, озлобленные сопротивлением, зажгли наконец двор протопопа, и он погиб в пламени со всеми товарищами: ни один не отдался живой в руки шведам.

Это были последние защитники Великого Новгорода. Исидор и Одоевский, видя, что нет никого ратных людей в городе, послали договариваться с Делагарди. Первым условием была присяга новгородцев королевичу шведскому; Делагарди с своей стороны обязался не разорять Новгорода и был впущен в кремль; подробности

договора были следующие: 1) Между Новгородом и Швецией будет искренняя дружба и вечный мир на основании договоров Теузинского и заключенных при царе Василии; новгородцы обязываются прервать всякие сношения с Польшею, в покровители и защитники принять короля шведского, его преемников мужеского пола и королевство Шведское, без ведома которого не будут заключать ни с кем ни мира, ни союза. 2) Новгородцы избирают и просят в царя которого-нибудь из сыновей короля Карла и утверждают это избрание присягою, вследствие чего и государство Московское должно признать короля Карла покровителем, а одного из сыновей его — царем своим. 3) До прибытия королевича новгородцы будут повиноваться Делагарди, обязываются вместе с ним приводить к присяге королю ближайшие города, не щадя при этом жизни своей; обязываются не скрывать ничего от Делагарди, заблаговременно уведомлять его обо всех вестях из Москвы или откуда бы то ни было, не предпринимать никаких важных дел без его ведома и согласия, тем более не умышлять против него ничего враждебного; обещаются объявить без утайки о всех доходах Новгорода с областями и о всех деньгах, находящихся налицо в казне. 4) Делагарди обязуется: если Новгородское и Московское государства признают короля Карла и наследников его своими покровителями, то король отпустит на царство которого-нибудь из сыновей своих, как скоро оба государства через своих полномочных послов будут просить о том его величество; Делагарди обязывается как после воцарения королевича, так и теперь, до его прихода, не делать никакого притеснения православной вере, не трогать церквей и монастырей, уважать духовенство и не касаться его доходов. 5) Из городов и уездов новгородских не присоединять ничего к Швеции, исключая Корелы с уездом; что же касается до вознаграждения за издержки на вспомогательные войска для Шуйского, то об этом король постановит с боярами и народом русским по отпуске сына своего на царство. 6) Запрещается вывозить из России в Швецию деньги, колокола, воинские снаряды без ведома и согласия русских; русских людей не выводить в Швецию, а шведов не задерживать в России. Всякие чины люди сохраняют старые права; имения их остаются неприкосновенными; суд совершается по-прежнему; для суда беспристрастного в судебных местах должны заседать по ровному числу русские и шведские чиновники. За обиды, нанесенные русским шведами и наоборот, должно наказывать без всякого потворства. 7) Беглецов выдавать. 8) Шведские ратные люди, оказавшие услуги России с согласия вельмож русских, получают награды в виде имений (отчин?), жалованья, поместий. Между обоими государствами будет свободная торговля с узаконенными пошлинами. 9) Козаки могут переходить, по их желанию, за границы; но слуги боярские останутся по-прежнему в крепости у своих владельцев; пленники

будут возвращены без окупа. 10) Все эти условия будут всегда сохраняемы нерушимо не только в отношении к Новгородскому, но и Владимирскому и Московскому государствам, если жители их вместе с новгородцами признают короля покровителем, а королевича — государем. 11) Войско шведское не будет помещено в отдаленной части города, где бы оно могло быть в тягость жителям, но последние должны помогать деньгами для его продовольствия. Никто из жителей не может выезжать из города для жительства в деревнях или вывозить свое имение без ведома и согласия Делагарди. Последний присягнул в соблюдении договора; новгородцы также поклялись исполнять условия, если б даже Владимирское и Московское государства на то не согласились. Этою статьею, следовательно, Новгород отделял свое дело от дела Московского государства. Из договора ясно видно также, что он был написан победителем; Московское государство не могло принять его в этом виде, ибо с избранием королевича в цари соединялась обязанность признать короля отца и всех его наследников покровителями Русского царства, притом самое главное условие для русских, именно принятие православной веры королевичем, было опущено в договоре.

Новгород отделился от Московского государства, Псков давно уже отделился от него, но не с тем, чтоб признать государем иноземца, здесь оставался последний угол, где еще мог явиться новый самозванец. Мы оставили Псков в то время, когда он находился во власти младших граждан, которые преследовали духовенство и лучших людей как изменников. Сперва основывались на доказательствах явного отступничества; но потом нашлись люди, которым выгодно показалось пользоваться Смутою, из частной корысти обвинять правого и виноватого: много было смуты и кровопролития по правде и по неправде, говорит летописец. Иные доносили воровством, продажами и посулами, а другие — по простоте, смотря на других, *прикликали*, и многих перемучили. А кто за кого вступится и станет говорить, что без вины мучат, и того примутят, крича: «И ты такой же, за изменника стоишь». Тюрьма была всегда полна. Но, как обыкновенно бывает, господство черни, превратившееся в безумное тиранство немногих, возбудило сильное противодействие и в большинстве самих младших граждан: выведенные из терпения насилиями стрельцов и Кудекуши, они соединились с духовенством и лучшими людьми. В августе 1609 года стрельцы повели казнить какого-то Алексея Хозина, и это самовольство послужило поводом к восстанию: поднялись всякие люди, большие и меньшие, даже и те, которые прежде прикликали, корыстовались от своих же и посулы брали, теперь, видя, до чего дошло дело, видя, что нет ни правому безопасности, ни виноватому суда, встали на стрельцов — зачем хотят владеть без городского ведома и ведут казнить не общею всех думою, сами

вздумали своим самовольством, а Псковом того не ведают. Все напустились на стрельцов, хотели отнять у них Алексея Хозина; стрельцы не хотели уступить, вооружились и зазвонили в колокол на Романихе; и вот пронеслась весть, что стрельцы бьют псковичей, и всякие посадские люди двинулись на стрельцов. Те, видя, что им не устоять против всех псковичей, ухватили Алексея Хозина, отрубили ему голову и побежали в свою слободу; а псковичи заперли от них город. Тогда лучшие люди, видя, что большинство за них, хотели воспользоваться выгодою своего положения, схватили Тимофея Кудекушу и других кликунов семь человек и побили их камнями, но при этом лучшие не умели умерить себя: стали всех меньших без разбора называть кликунами, виноватых вместе с невиноватыми; священники взялись не за свое дело, стали пытать мелких людей крепкими муками во всегородной избе, иных по торгам бить кнутом, десяти человекам головы отсекли и пометали в ров, тюрьмы опять наполнились, теперь уже мелкими людьми; другие из меньших разбежались по пригородам и селам.

Когда пришло в Псков известие, что царь Василий торжествует, что тушинский стан разорен и меньшим людям, таким образом, не будет помощи от своего царя Димитрия, то лучшие люди захотели порешить с своими противниками: они заперли город; бояре, гости, дети боярские, монастырские слуги вооружились, сели на коней; около них собрались все их приверженцы, помощники и хлебосольцы; вся площадь и Кремль наполнились вооруженным народом; зазвонили во все троицкие колокола; начали петь молебен за царя Василия, поздравляли друг друга, целовались, толковали, как бы мелких людей смирить до конца, всех привести к присяге, а непокорных и стрельцов в слободе побить. Тогда мелкие люди, видя что настал для них решительный час, пошли на Запсковье, ударили в колокол у Козьмы и Демьяна и собрались огромною толпою; полонящане, услыхав звон, пришли на помощь Запсковью. Лучшие люди велели стрелять с Покровской башни по Стрелецкой слободе, но полонящане не дали стрелять и сбили с башни. Тогда лучшие люди решились идти биться на Запсковье; но запсковляне обратили на площадь полковую пушку, сбили замок у Возвоских ворот и послали весть к стрельцам в слободу, чтоб шли на помощь к мелким людям на Запсковье. Лучшие люди, услыхав, что запсковляне сносятся с стрельцами, испугались и завели сношения с меньшими, стали просить, чтоб те не принимали в город стрельцов, обещались жить все вместе по-старому, Новгороду креста не целовать и зла никакого никому не делать. Запсковляне отвечали им: «Нам стрельцы не изменники, зачем вы их не пускаете в город?» Лучшие люди, видя, что мелких трудно уговорить, бросились на Полонище, чтоб силою воспрепятствовать стрельцам войти в город, но полонящане

отбили лучших от ворот. Тогда двое воевод, дети боярские и лучшие люди, числом 300 человек, выехали в Новгород, иные — в Печоры, другие скрылись до времени по домам, а народ впустил стрельцов в город. На этот раз мелкие люди с умеренностию воспользовались своею победою: переписали имение тех, которые отъехали в Новгород, но, кто укрывался в Печорах или во Пскове, тех имения не тронули. После этого началась усобица между Новгородом и Псковом, напомнившая давнюю старину: новгородцы с шведами и псковскими отъезжиками приходили врасплох на Псковскую волость, отгоняли скот, брали в плен крестьян, портили хлеб и луга. Но это было еще только началом бед: в Москве, Новгороде и Торопце целовали крест литовскому королевичу; во Псков пришла грамота из Москвы от патриарха и бояр, чтоб целовали крест Владиславу: «Как вам стоять против Московского, Литовского и Польского царства?» Но псковичи не испугались и не целовали креста. Пришел Лисовский и без малого четыре года воевал Псковскую волость, подо все пригороды подходил, как волк искрадом хватал и поедал. В марте 1611 года пришел под Печоры литовский гетман Ходкевич из Ливонии, шесть недель стоял под Печорами, семь приступов было. 23 марта в Иван-городе проявился последний вор Сидорка, назвавшись царевичем Димитрием; козаки встрепенулись, послышав своего: 15 апреля они вышли из Пскова, сказали, что идут на Лисовского, и вместо того пошли к вору в Иван-город. В эти Смутные годы, говорит летописец, воевод не было во Пскове, один был дьяк Иван Леонтьевич Луговской да посадские люди даны ему в помощь, и с этими людьми дьяк всякие дела, и ратные, и земские, делал: и божиею милостию иноземцы не овладели ни одним городом псковским, но овладели, когда воевод во Пскове умножилось. Еще в начале весны псковичи послали челобитчиков ко всей земле, к подмосковным воеводам, что Лисовский волость воюет, Ходкевич под Печорами стоит, новгородцы с немцами мало отходят, а от Иван-города вор наряжается подо Псков, многие напасти отовсюду сходятся, а помощи ниоткуда нет. Но подмосковный стан не мог оказать этой помощи: ему было не до Пскова.

Мы оставили этот стан в то время, когда по смерти Ляпунова козаки восторжествовали, а лучшие люди в ополчении или должны были покинуть общее дело, или выносить буйство козаков. 14 августа 1611 года (н. с.) пришел опять под Москву Сапега с съестными припасами, начал биться с ополченцами, осажденные поляки сделали вылазку в Белый город, но неудачно. На другой день они были счастливее: полякам Сапегиным удалось переправиться через Москву-реку и снабдить осажденных съестными припасами; осажденные с своей стороны опять сделали вылазку и отобрали у русских четверо ворот в Белом городе, самый сильный бой был за Никитские ворота; но полякам удалось удержать и их

за собою, Тверские остались за русскими. Поляки говорят, что на русских напал такой страх, что на другой день они не только не сделали попытки овладеть снова потерянными воротами, но очень плохо стерегли и те, которые оставались в их руках. Но если ополчение Трубецкого и Заруцкого действительно оробело, то при этом страхе оно было спасено отсутствием всякой дисциплины у поляков. Когда те из них, которые бились целый день при овладении воротами, утомились к вечеру и послали просить у Гонсевского свежих хоругвей себе на смену, то ни одна хоругвь не двинулась, несмотря на приказание Гонсевского. На другой день Гонсевский собрал войско и объявил, что надобно пользоваться обстоятельствами, ударить всеми силами и забрать остальные укрепления Белого города; Сапега с своей стороны дал знать, что как скоро осажденные пойдут на стены Белого города, то он ударит на ополчение с поля; большая часть войска была согласна с Гонсевским, но некоторые, завидуя ему, начали говорить, что идет гетман литовский Ходкевич и не для чего отнимать у него славу и давать ее Гонсевскому, и большинство согласилось ничего не делать. Сапега заболел и 14 сентября умер в Кремле в доме Шуйского; 6 октября (н. с.) пришел наконец под Москву гетман Ходкевич, стал у Андроньева монастыря и имел несколько стычек с ополченцами, но не очень счастливых, по свидетельству самих поляков, которые объясняют и причину несчастия: между Потоцким, губернатором смоленским, и Ходкевичем была вражда: Потоцкому не хотелось, чтоб слава завоевания Москвы досталась Ходкевичу; отсюда в войске, двинувшемся под Москву, образовались две стороны — Потоцкого и Ходкевича; притом же поляки не хотели повиноваться Ходкевичу, как гетману литовскому. Наконец русские ратные люди имели полное право смеяться над ничтожностию сил гетмана: с ним пришло не более 2000 войска, ослабленного нравственно раздорами и физически предшествовавшими трудами в Ливонии; пехоты вовсе не было.

Так прошла осень 1611 года; когда наступила зима, у поляков недостало съестных припасов, за сеном нужно было ездить за несколько миль в сопровождении вооруженных отрядов для безопасности, и Ходкевич отступил от Москвы к монастырю Рогачеву (между рекою Пугою и Волгою, в 20 верстах от Ржевы): отошло с ним немало и тех поляков, которые сидели в Кремле и Китае; тем же из них, которые остались в Москве, равно как охотникам из Сапежинских полков, пожелавшим остаться с ними, положено было особое жалованье, а в заклад отданы сокровища из казны царской: первым дано две короны — Годуновская и Лжедимитриева, посох царский единороговый с дорогими камнями, богатое седло гусарское Лжедимитриево, несколько рогов единороговых, которые ценились тогда очень дорого; сапежинцам дали две шап-

ки царских, золотой посох и яблоко, усыпанное дорогими каменьями.

Бояре, осажденные в Кремле, видели, что только немедленное прибытие короля или королевича с войском может спасти их, и потому в начале октября отправили к Сигизмунду новое посольство, составленное из князя Юрия Никитича Трубецкого, Михайлы Глебовича Салтыкова и думного дьяка Янова. Новое посольство, говорилось в верющей грамоте, отправлено потому, что старые послы, как писал сам король, делали не по тому наказу, какой был им дан, ссылались с калужским вором, с смоленскими сидельцами, с Ляпуновым и другими изменниками. Грамота к Сигизмунду начинается так: «Наияснейшему великому государю Жигимонту III и проч. великого Московского государства ваши государские богомольцы: Арсений, архиепископ архангельский, и весь освященный собор, и *ваши государские верные подданные*, бояре, окольничие» и проч. Гермоген был заключен, да и ни в каком случае не согласился бы подписать грамоту, где бояре называли себя верными подданными Сигизмунда; бывший Лжедимитриев патриарх Игнатий воспользовался вступлением Жолкевского в Москву, чтоб освободиться из заключения и уехать в польские владения; в челе кремлевского духовенства оставался Арсений — грек, которому поручено было служить в Архангельском соборе и который потому назывался архиепископом архангельским. Благодаря польскому безнарядью безнарядное ополчение Трубецкого и Заруцкого могло держаться под Москвою, придавая себе по-прежнему вид людей, пришедших сражаться за православную веру против богоборных польских и литовских людей. Но русские люди вовсе не так смотрели на это ополчение по смерти Ляпунова; вот что писали казанцы к пермичам: «Под Москвою, господа, промышленника и поборника по Христовой вере, который стоял за православную христианскую веру, за дом пресвятой богородицы и за Московское государство против польских и литовских людей и русских воров, Прокофья Петровича Ляпунова, козаки убили, преступя крестное целованье. Митрополит, мы и всякие люди Казанского государства согласились с Нижним Новгородом и со всеми городами поволжскими, с горными и луговыми, с горными и луговыми татарами и луговою черемисою на том, что нам быть всем в совете и в соединенье, за Московское и Казанское государство стоять, друг друга не побивать, не грабить и дурного ничего ни над кем не делать; а кто до вины дойдет, тому указ чинить по приговору, смотря по вине; новых воевод, дьяков, голов и всяких приказных людей в города не пускать и прежних не переменять, быть всем по-прежнему; козаков в город не пускать же, стоять на том крепко до тех пор, пока бог даст на Московское государство государя; а выбрать бы нам на Московское государство государя всею землею Российской державы; если же козаки станут выби-

рать государя по своему изволенью, один, не согласившись со всею землею, то такого государя нам не хотеть».

Из этой грамоты мы видим, что земские люди, жители чистой половины Московского государства, жители Поволжья, противоположного козацкой преждепогибшей Украйне, вовсе не пришли в отчаяние от гибели Ляпунова и торжества козаков под Москвою, вовсе не соединяли дела очищения земли с личностию одного человека, одного воеводы; скорбно отзываясь о гибели представителя своего, они в то же время дают знать, что общее дело от этого не проиграно, что между ними господствуют совет и соединенье, дают знать, что они не допускают никакой перемены, никакой новизны до восстановления законного порядка, до избрания царя всею землею, и повторяют свой первый приговор над козаками: козаков в города не пускать, и государя, ими одними избранного, не хотеть.

Нравственные силы чистого, общественного народонаселения были напряжены по-прежнему, и по-прежнему раздались увещания к единодушному стоянию за веру отцовскую против врагов богоборных. Прежде призывал к восстанию за веру начальный человек в безгосударное время, патриарх; теперь не было его слышно из темницы кремлевской; но вместо грамот патриарших шли призывные грамоты от властей прославленного недавно новою славою Троицкого Сергиева монастыря, от архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына. Последний нам уже хорошо известен: мы видели, как хитрый келарь не хотел терпеть нужды под Смоленском, не хотел дожидаться заточения в глубь Польши и уехал, не повидавшись с послами. По приезде в свой монастырь он нашел, что дело Владислава проиграно, и стал ревностно за дело освобождения: когда ополчение Ляпунова подошло к Москве, Авраамий явился к нему со святою водою. Другим характером отличался человек, которого имя стоит вместе с именем Палицына в знаменитых посланиях троицких, архимандрит Дионисий; с ним-то мы и должны теперь познакомиться.

Однажды при начале Смутного времени, в Москве, на рынок, где продавались книги, пришел молодой монах, высокий, стройный, красивый. Глаза всех обратились на него, и один из присутствовавших, вспомнив поведение некоторых монахов, обратился к нему с неприличными словами. Монах, вместо того чтоб осердиться, глубоко вздохнул, облился слезами и сказал ему: «Да, брат! Я в самом деле такой грешник, как ты обо мне подумал. Бог тебе открыл обо мне правду. Если б я был настоящий монах, то не бродил бы по этому рынку, не скитался бы между мирскими людьми, а сидел бы в своей келье, прости меня грешного, бога ради, в моем безумии!» Все присутствовавшие, тронутые этими речами, обратились с криком на человека, который осмелился оскорбить достойного инока, называли его дерзким невеждою. «Нет,

братья! — говорил им монах,— дерзкий невежда — то я, и не он, все слова его обо мне справедливы; он послан от бога на мое утверждение, чтоб мне вперед не скитаться по рынку, а сидеть в келье». С этими словами монах ушел; обидчик бросился за ним просить прощения. Этот монах был из старицкого Богородского монастыря, именем Дионисий.

Скоро опять увидали Дионисия на площадях московских, в сане архимандрита своего монастыря, и тут уже он не говорил, что неприлично было ему, как монаху, показываться среди народа, тут он был на своем месте. Увещевая духовенство, патриарх Гермоген ставил в пример Дионисия: «Смотрите,— говорил он,— на старицкого архимандрита: никогда он от соборной церкви не отлучается, на царских и всемирных соборах всегда тут». Под всемирными соборами патриарх разумел эти шумные собрания народа, где противники царя Василия требовали его низвержения, где патриарх защищал царя, а Дионисий был подле патриарха и увещевал народ, несмотря на оскорбления, которым подвергались увещатели от буйной толпы.

Из Старицкого монастыря Дионисий был переведен на архимандрию в Троицкий Сергиев монастырь. Когда Москва была разорена и козаки, сапежинцы, свирепствовали в окрестных областях, толпы беглецов с разных сторон устремились к Троицкому монастырю, и страшно было смотреть на них: одни были изломаны, обожжены, у других ремни из хребтов вырезаны, волосы с голов содраны, руки и ноги обсечены, многие приходили в монастырь для того только, чтоб исповедаться, приобщиться и умереть; многие не успевали достигнуть монастыря, умирали на дороге; монастырь, слободы, окрестные деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими. Дионисий призвал келаря, казначея, всю братию, слуг и крестьян монастырских и начал им говорить, что во время такой беды надобно из всех сил помогать людям, которые ищут приюта у св. Сергия. Ему отвечали единодушно: «Кто, государь архимандрит, в такой беде с разумом сберется? Никому невозможно стало промышлять, кроме единого бога». Дионисий заплакал и начал опять говорить им: «Ведь это искушение нам от господа бога, от большой осады нас господь бог избавил; а теперь за леность нашу и за скупость может нас и без осады смирить и оскорбить». «Что же нам делать?» — спросили келарь, братия и слуги. Дионисий отвечал: «Дом св. троицы не запустеет, если станем молиться богу, чтоб дал нам разум: только положим на том, чтоб всякий промышлял, чем может». Слуги и крестьяне посоветовались между собою и сказали архимандриту с братиею: «Если вы, государи, будете из монастырской казны давать бедным на корм, одежду, лечение и работникам, кто возьмется стряпать, служить, лечить, собирать и погребать, то мы за головы свои и за животы не стоим». И вот пошел промысл всем бедным, живым и умирающим, в монастыре

и кругом монастыря. Прежде всего начали строить домы, больницы для раненых, избы на страшноприимство всякого чина людям, прибегавшим из Москвы и других городов, особые избы мущинам, особые женщинам, в Служней слободе и в селе Клементьеве; монастырские люди ездили по селам и дорогам, подбирали раненых и мертвых; женщины, которым монастырь дал приют и содержание, беспрестанно шили и мыли рубашки живым, саваны мертвым. А внутри монастыря, в келье архимандричьей, сидели *писцы борзые*, из которых особенно отличался Алексей Тихонов, собирали они учительные слова из божественных писаний, составляли увещательные послания и рассылали по городам и полкам, призывая к очищению земли.

Летом 1611 года, когда еще Ляпунов был жив, разосланы были Дионисием грамоты в Казань, во все понизовые города, в Новгород Великий, на Поморье, в Вологду и Пермь: «Православные христиане! — говорилось в грамоте,— вспомните истинную православную христианскую веру, что все мы родились от христианских родителей, знаменались печатию, святым крещением, обещались веровать во св. троицу; возложите упование на силу креста господня и покажите подвиг свой, молите служилых людей, чтоб быть всем православным христианам в соединении и стать сообща против предателей христианских, Михайлы Салтыкова и Федьки Андронова, и против вечных врагов христианства, польских и литовских людей. Сами видите конечную от них погибель всем христианам, видите, какое разоренье учинили они в Московском государстве; где святые божии церкви и божии образы? Где иноки, сединами цветущие, и инокини, добродетелями украшенные? Не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием; не пощажены ни старики, ни младенцы грудные. Помяните и смилуйтесь над видимою общею смертною погибелью, чтоб вас самих также лютая не постигла смерть. Пусть служилые люди без всякого мешкания спешат к Москве, в сход к боярам, воеводам и ко всем православным христианам. Сами знаете, что всякому делу одно время надлежит, безвременное же всякому делу начинание суетно и бездельно бывает; хотя бы и были в ваших пределах какие неудовольствия, для бога отложите все это на время, чтобы всем вам сообща потрудиться для избавления православной христианской веры, пока к врагам помощь не пришла. Смилуйтесь, сделайте это дело поскорее, ратными людьми и казною помогите, чтобы собранное теперь здесь под Москвою войско от скудости не разошлось».

6 октября троицкие власти опять разослали грамоты по областям с известием, что «пришел к Москве, к литовским людям на помощь Ходкевич, а с ним пришло всяких людей с 2000 человек и стали по дорогам в Красном селе и по Коломенской дороге, чтоб им к боярам, воеводам и ратным людям, которые стоят за право-

славную христианскую веру, никаких запасов не пропустить и голодом от Москвы отогнать, и нас, православных христиан, привести в конечную погибель; а бояре, воеводы и всякие ратные люди стоят под Москвою крепко и неподвижно, хотят за православную христианскую веру по своему обещанию пострадать и смертию живот вечный получить. А каширяне, калужане, туляне и других замосковных городов дворяне и дети боярские, и всякие служилые люди к Москве пришли, а из северских городов Юрий Беззубцев со всеми людьми идет к Москве же наспех, а на другой стороне многих городов дворяне и дети боярские, и всякие служилые и ратные люди собираются теперь в Переяславле Залесском и хотят идти к Москве же». Грамота оканчивается тем же увещанием, какое мы видели и в прежних грамотах. Конечно, у Троицы очень хорошо знали о поведении козаков в подмосковном стане, но все же это войско стояло под хоругвию православной веры и Московского государства, держало в осаде вечных врагов креста Христова и успешно билось с ними, и потому не удивительно, что троицкие власти считают своею обязанностию в минуту опасности призывать русских людей на помощь ополчению Трубецкого и Заруцкого. Но любопытно для нас то, что две тысячи Ходкевичева войска могли нагнать такой страх, могли возбудить опасение, что такая горсть поляков может занять все дороги и заморить голодом ополчение Трубецкого и Заруцкого. Регулярное войско, хотя и малочисленное, наводило страх; но зато у русских, лишенных вождя и средоточия, образовалось множество легких отрядов, которые наносили страшный вред полякам, не давая им покоя, отнимая добычу и продовольствие. Эти партизаны носили у поляков название *шишей*.

Народ был готов встать как один человек; непрерывный ряд смут и бедствий не сокрушил могучих сил юного народа, но очистил общество, привел его к сознанию необходимости пожертвовать всем для спасения веры, угрожаемой врагами внешними, и наряда государственного, которому грозили враги внутренние, воры. Явились признаки сознания о необходимости нравственного очищения жителей для подвига очищения земли от врагов, признаки того, что народ, не видя никакой внешней помощи, углубился во внутренний, духовный мир свой, чтоб оттуда извлечь средства спасения. По областям промчалось слово, города переслали друг другу грамоты, где писали, что в Нижнем Новгороде было откровение божие какому-то благочестивому человеку, именем Григорию; велено ему божие слово проповедать во всем Российском государстве; говорили, что этот Григорий сподобился страшного видения в полуночи: видел он, как снялась с его дома крыша, и свет великий облистал комнату, куда явились два мужа с проповедию о покаянии, очищении всего государства; во Владимире было также видение. Вследствие этого по совету всей земли Мос-

ковского государства во всех городах всем православным народом приговорили поститься, от пищи и питья воздержаться три дня даже и с грудными младенцами, и по приговору, по своей воле православные христиане постились: три дня — в понедельник, вторник и среду ничего не ели, не пили, в четверг и пятницу сухо ели. Так при господстве религиозного чувства выразилась в народе мысль о необходимости очищения всей земли, отделения себя от настоящего смутного и осквернённого общественным развратом времени. Мы видели, что еще Шуйский думал об этом очищении, и два патриарха хотели очистить народ от греха недавних клятвопреступлений, но это действие было произвольно с их стороны и потому преждевременно; теперь же народ путем испытаний сам пришел к мысли о необходимости очищения: православные христиане постились, говорит грамота, по своему изволению.

Итак, все было готово, ждали только начала движения, движение обнаружилось в Нижнем Новгороде. Правительственными лицами здесь в описываемое время были: воеводы — князь Василий Андреевич Звенигородский и Андрей Семенович Алябьев, стряпчий Иван Иванович Биркин, дьяк Василий Семенов; в числе земских старост был Кузьма Минин Сухорукий, мясной торговец. Биркин сперва служил Шуйскому, потом тушинскому вору, потом опять Шуйскому, опять изменил ему вместе с Ляпуновым, который и прислал его в Нижний. Здесь считали его человеком ненадежным, земский староста Кузьма Минин прямо называл его сосудом сатаны. Когда в октябре 1611 года и нижегородцы получили троицкую грамоту, то старшие люди в городе с духовенством собрались для совета и Минин сказал: «Св. Сергий явился мне во сне и приказал возбудить уснувших; прочтите грамоты Дионисиевы в соборе, а там что будет угодно богу». Стряпчий Биркин стал противоречить, но Минин остановил его, заметив, что догадывается о его замысле. На другой день нижегородцы сошлись в соборной церкви; там протопоп Савва увещевал их стать за веру и потом прочел троицкую грамоту; после протопопа начал говорить Минин: «Захотим помочь Московскому государству, так не жалеть нам имения своего, не жалеть ничего, дворы продавать, жен и детей закладывать и бить челом — кто бы вступился за истинную православную веру и был у нас начальником». После этого начались частые сходки, Минин продолжал свои увещания. «Что же нам делать?» — спрашивали его. «Ополчаться,— отвечал Минин,— сами мы не искусны в ратном деле, так станем кличь кликать по вольных служилых людей». «А казны нам откуда взять служилым людям?» — послышался опять вопрос. Минин отвечал: «Я убогий с товарищами своими, всех нас 2500 человек, а денег у нас в сборе 1700 рублей; брали третью деньгу: у меня было 300 рублей, и я 100 рублей в сборные деньги принес; то же и вы все сделайте». «Будь так, будь так!» — закричали все. Начался

сбор; пришла одна вдова и сказала: «Осталась я после мужа бездетна и есть у меня 12 000 рублей, 10 000 отдаю в сбор, а 2000 оставляю себе». Кто не хотел давать волею, у тех брали сплою. Но прежде чем скликать ратных людей, надобно было найти воеводу. В это время в Суздальском уезде жил стольник и воевода известный, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, который приехал сюда от Троицы и долечивался от ран, полученных при разорении Москвы. Минин снесся с ним, уладил дело и сказал народу, что не за кем больше посылать, кроме князя Пожарского. Посланы были к нему печерский архимандрит Феодосий, дворянин добрый Ждан Петрович Болтин да изо всех чинов лучшие люди. Пожарский отвечал посланным: «Рад я вашему совету, готов хотя сейчас ехать, но выберите прежде из посадских людей, кому со мною у такого великого дела быть и казну сбирать». Посланные отвечали, что у них в городе такого человека нет. Пожарский сказал им на это: «Есть у вас Кузьма Минин, бывал он человек служилый, ему это дело за обычай».

Когда посланные возвратились и объявили нижегородцам слова Пожарского, те стали бить челом Кузьме, чтобы принялся за дело; Минин отказывался для укрепления, чтобы нижегородцы сдались на всю его волю: «Соглашусь,— говорил он,— если напишете приговор, что будете во всем послушны и покорны и будете ратным людям давать деньги». Нижегородцы согласились, и Минин написал в приговоре свои прежние слова, что не только отдавать имения, но жен и детей продавать. Когда приговор был подписан, Кузьма взял его и отправил тотчас к Пожарскому, чтобы нижегородцы, охладев в усердии, не взяли его назад.

Весть, что нижегородцы встали и готовы на всякие пожертвования для ратных людей, скоро распространилась по городам ближайшим; смоленские дворяне, лишившиеся поместий в своей области вследствие завоевания ее поляками и получившие земли в Арзамасском уезде, прислали бить челом нижегородцам, чтобы те приняли их к себе, потому что Заруцкий выгнал их из новых поместий, не велевши крестьянам слушаться их. Нижегородцы послали этих челобитчиков к Пожарскому упрашивать его, чтобы шел к Нижнему немедленно; он поехал, на дороге присоединил к себе служилых людей дорогобужских и вяземских, испомещенных в Ярополче и также выгнанных Заруцким, и вместе с ними вступил в Нижний, где был принят с великою честию. Прежде всего новый начальник ополчения занялся раздачею жалованья ратным людям, но скоро нижегородской казны стало недостаточно; нужно было писать по всем городам, просить их содействия. Эти грамоты написаны от имени Димитрия Пожарского, Ивана Биркина, Василья (Семенова?) Юдина и всяких ратных и земских людей Нижнего Новгорода; в них говорится, что, «по Христову слову, встали многие лжехристи, и в их прелести смялась вся земля наша,

встала междоусобная брань в Российском государстве и длится немалое время. Усмотря между нами такую рознь, хищники нашего спасения, польские и литовские люди, умыслили Московское государство разорить, и бог их злокозненному замыслу попустил совершиться. Видя такую их неправду, все города Московского государства, сославшись друг с другом, утвердились крестным целованием — быть нам всем православным христианам в любви и соединении, прежнего междоусобия не начинать, Московское государство от врагов очищать, и своим произволом, без совета всей земли, государя не выбирать, а просить у бога, чтобы дал нам государя благочестивого, подобного прежним природным христианским государям. Изо всех городов Московского государства дворяне и дети боярские под Москвою были, польских и литовских людей осадили крепкою осадою, но потом дворяне и дети боярские из-под Москвы разъехались для временной сладости, для грабежей и похищенья; многие покушаются, чтобы быть на Московском государстве панье Маринке с законопреступным сыном ее. Но теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, сославшись с Казанью и со всеми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми, видя Московскому государству конечное разоренье, прося у бога милости, идем все головами своими на помощь Московскому государству, да к нам же приехали в Нижний из Арзамаса смольняне, дорогобужане и вятчане и других многих городов дворяне и дети боярские; и мы, всякие люди Нижнего Новгорода, посоветовавшись между собою, приговорили животы свои и домы с ними разделить, жалованье им и подмогу дать и послать их на помощь Московскому государству. И вам бы, господа, помнить свое крестное целование, что нам против врагов наших до смерти стоять: идти бы теперь на литовских людей всем вскоре. Если вы, господа, дворяне и дети боярские, опасаетесь от козаков какого-нибудь налогу или каких-нибудь воровских заводов, то вам бы никак этого не опасаться; как будем все верховые и понизовые города в сходу, то мы всею землею о том совет учиним и дурна никакого ворам делать не дадим; самим вам известно, что к дурну ни к какому до сих пор мы не приставали, да и вперед никакого дурна не захотим: непременно быть бы вам с нами в одном совете и ратными людьми на польских и литовских людей идти вместе, чтобы козаки по-прежнему не разогнали низовой рати воровством, грабежом, иными воровскими заводами и Маринкиным сыном. А как мы будем с вами в сходе, то станем над польскими и литовскими людьми промышлять вместе заодно, сколько милосердый бог помощи подаст, о всяком земском деле учиним крепкий совет, и которые люди под Москвою или в каких-нибудь городах захотят дурно учинить или Маринкою и сыном ее новую кровь захотят начать, то мы дурна никакого им сделать не дадим. Мы, всякие люди Нижнего Новгорода, утвердились на том и в Москву к

боярам и ко всей земле писали, что Маринки и сына ее, и того вора, который стоит под Псковом, до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, точно так же и литовского короля».

Эта грамота, возвещавшая второе восстание земли, отличается от грамот, писанных во время первого восстания, тем, что в ней объявляется движение чисто земское, направленное столько же, если еще не больше, против козаков, сколько против польских и литовских людей; основная мысль грамоты: надобно нам соединиться и действовать вместе, чтобы не дать козакам сделать ничего дурного. Грамота имела сильное действие, ибо в областях все были готовы к восстанию и ждали только начала. Отовсюду слали в Нижний выборных на совет, присылали и казну, шли ратные люди. Первые пришли коломничи: сначала в Коломне сидел по королевскому приказу известный нам Василий Сукин, покинувший посольское дело под Смоленском, но уже 26 августа 1611 года король писал боярам в Москву, что Сукин вместе с сыном ему изменил и отъехал к ворам-изменникам. Оказывается, что Сукин переехал в Троицкий монастырь, ибо его имя встречаем в грамотах троицких подле имен Дионисия и Палицына. За коломничами пришли рязанцы, за ними — служилые люди украинских городов; пришли добрые козаки и стрельцы, которые сидели в Москве в осаде с царем Василием; все получили жалованье. Между всеми этими гостями и нижегородцами был великий совет и любовь, говорит летописец. Но дурные вести пришли оттуда, откуда менее всего их ожидали: Казань, которая до сих пор так сильно увещевала другие города к общему делу, теперь отказалась в нем участвовать по заводу дьяка Никанора Шульгина. Как видно, Шульгин был недоволен тем, что не царственная Казань, главный город Понизовья, не он, захвативший в ней всю власть, стали в челе восстания, а второстепенный Нижний с своим земским старостою; Шульгина поддерживал сват его, строитель Амфилохий Рыбушкин, который не слушался троицких грамот; тогда троицкие власти вызвали отца его Пимена, архимандрита старицкого Богородицкого монастыря, и за измену сына томили его тяжкими трудами, заставляли печь хлебы. К Шульгину же в Казань перешел Иван Биркин, также недовольный первенством Пожарского и Минина в Нижнем.

Получив весть о недобром совете Шульгина и Биркина, князь Димитрий, Кузьма и все ратные люди положили упование на бога, и как Иерусалим, говорит летопись, был очищен последними людьми, так и в Московском государстве последние люди собрались и пошли против безбожных латин и против своих изменников. Действительно, это были последние люди Московского государства, коренные, основные люди: когда ударили бури Смутного времени, то потрясли и свеяли много слоев, находившихся на

поверхности, но когда коснулись оснований общественных, то встретили и людей основных, о силу которых напор их должен был сокрушиться.

Так окончился 1611 и начался 1612 год. В конце января в Костроме и Ярославле явились грамоты от бояр московских с увещанием отложиться от Заруцкого и быть верными царю Владиславу: «Сами видите,— пишут бояре,— божию милость над великим государем нашим, его государскую правду и счастье: самого большого заводчика Смуты, от которого христианская кровь начала литься, Прокофья Ляпунова, убили воры, которые с ним были в этом заводе, Ивашка Заруцкий с товарищами, и тело его держали собакам на съедение на площади три дня. Теперь князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкий стоят под Москвою на христианское кровопролитие и всем городам на конечное разоренье: ездят от них из табора по городам беспрестанно козаки, грабят, разбивают и невинную кровь христианскую проливают, насилуют православных христиан, боярынь и простых жен берут на блуд, девиц растлевают насильством мучительским, церкви разоряют, иконы святые обдирают и многие скаредные дела на иконах делают, чего ум наш страшится написать. А польские и литовские люди, видя ваше непокорство, также города все пустошат и воюют. И то многим из вас известно: как в Новодевичьем монастыре сидели ратные люди от нас из Москвы, то они церковь божию соблюдали, как свое око; а когда Ивашка Заруцкий с товарищами Девичий монастырь взяли, то они церковь божию разорили и черниц — королеву, дочь князя Владимира Андреевича, и Ольгу, дочь царя Бориса, на которых прежде взглянуть не смели, ограбили донага, а других бедных черниц и девиц грабили и на блуд брали, и как пошли из монастыря, то церковь и монастырь выжгли: это ли христианство? Хуже они жидов, сами своих казнят и ругают. вас, дворян и детей боярских, гостей и лучших торговых людей эти воры козаки, наши и ваши холопи, грабят, побивают и позорят и вперед всеми вами и вашими домами владеть хотят, что сами вы лучше нас знаете. А теперь вновь те же воры — Ивашка Заруцкий с товарищами государей выбирают себе таких же воров козаков, называя государскими детьми: сына калужского вора, о котором и помнить непригоже, а за другим вором под Псков послали таких же воров и бездушников, Казарина Бегичева да Нехорошка Лопухина с товарищами, а другой вор, также Димитрий, объявился в Астрахани у князя Петра Урусова, который калужского убил. И такими воровскими государями крепко ли Московское государство будет и кровь христианская литься и Московское государство пустошиться вперед перестанет ли? А такими правителями, князем Дмитрием Трубецким да Ивашкою Заруцким, Московскому государству можно ли состояться? Они никогда в своем доме не умели ничего расправить, а теперь таким великим и преславным

государством и вами всеми владеют и указывают, не для чего другого, как только для своих бездельных корыстей, воровства и содомского греха, а Московскому государству на конечное разоренье. А великий государь Жигимонт король с большого сейма, по совету всей Польской и Литовской земли, сына своего великого государя королевича Владислава на Владимирское и Московское государство отпустил, и сам до Смоленска его провожает со многою конною и пешею ратью, для большого успокоенья Московского государства, и мы его прихода к Москве ожидаем с радостью. Сами можете рассудить, что Московское государство усмирить и кровь христианскую унять можем только Сигизмундом королем и сыном его. Видя нашу беду и конечное разоренье, между нами нестроенье и несовет, кто не подивится, не восплачет и не возрыдает? Со всех сторон Московское государство неприятели рвут, и всем пограничным государям в посмех мы и в позор и в укоризну стали. А все это от вас, от вашего непокорства и крестного преступления».

Бояре писали правду: козаки подмосковного стана действительно вошли в сношения с ивангородским самозванцем, которому в это время удалось утвердиться в Пскове, почему он обыкновенно и называется псковским. Казарин Бегичев, приехавши из-под Москвы в Псков, не пожалел своей души и старости, как взглянул на вора, так и закричал: вот истинный государь наш калужский! А 2 марта подмосковный стан присягнул самозванцу по заводу Ивана Плещеева. Между тем из Ярославля дали знать в Нижний, что Заруцкий прислал много козаков в Ярославль, а Просовецкий уже идет с войском, хотят захватить Ярославль и все поморские города, чтоб не дать соединиться нижегородской рати с ярославцами. Получив эту весть, Пожарский немедленно послал двоюродного брата своего, князя Дмитрия Петровича Лопату-Пожарского, и дьяка Семена Самсонова занять Ярославль до прихода Просовецкого, в чем они и успели. Вслед за Лопатою по тому же направлению двинулась и главная рать, казны нижегородской недостало ей на жалованье, и потому взяли деньги у купцов иногородных, торговавших в Нижнем, всего 5207 рублей, из которых 4116 р. было взято у строгановских прикащиков. В Балахне, Юрьеве Поволжском жители встретили войско с радостию, дали денег, проводили с честию. На Решме явился к Пожарскому Кирилла Чоглоков и подал грамоту от Трубецкого, Заруцкого и всего подмосковного войска; козаки писали, что они, преступя всемирное крестное целование — не выбирать государя без совета всей земли, целовали крест вору, который в Пскове, но теперь они сыскали, что во Пскове прямой вор, а не тот, что был в Тушине и в Калуге, отстали от него и целовали крест, что вперед им никакого вора не затевать, а быть с нижегородским ополчением в совете и соединении, против врагов стоять и Москов-

ское государство очищать. Пожарский и Минин не поверили козацкому раскаянию, у них было твердо положено не соединяться с козаками, однако, не желая преждевременно раздражать их, они отпустили Чоглокова с честию и велели сказать козакам, что нисколько их не опасаются и спешат к ним на помощь под Москву.

Дав отдохнуть войску несколько времени в Кинешме, Пожарский пошел к Костроме, но на Плесе получил известие, что костромской воевода Иван Шереметев прямит Владиславу и не хочет пускать нижегородское ополчение в город. Пожарский подумал с Мининым и решили, не останавливаясь, идти к Костроме. Здесь между жителями были две стороны: одна держалась воеводы, другая не хотела Владислава; последняя была многочисленнее, и как скоро Пожарский вошел в посад Костромы, народ встал на Шереметева, отнял у него воеводство и убил бы его, если бы не защитил Пожарский, у которого костромичи выпросили себе другого воеводу, известного нам князя Романа Гагарина. В то же время суздальцы прислали просить защиты от Просовецкого: к ним был послан брат Лопаты, князь Роман Петрович Пожарский.

Наконец в первых числах апреля ополчение достигло Ярославля, где получило грамоту от троицких властей: Дионисий, Авраамий Палицын, Сукин и Андрей Палицын уведомляли, что «2 марта злодей и богоотступник Иван Плещеев с товарищами по злому воровскому козачью заводу затеяли под Москвою в полках крестное целованье, целовали крест вору, который в Пскове называется царем Димитрием; боярина князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, дворян, детей боярских, стрельцов и московских жилецких людей привели к кресту неволею: те целовали крест, боясь от козаков смертного убийства; теперь князь Дмитрий у этих воровских заводцев живет в великом утеснении и радеет соединиться с вами. 28 марта приехали в Сергиев монастырь два брата Пушкины, прислал их к нам для совета боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, чтоб мы послали к вам и все бы православные христиане, соединясь, промышляли над польскими и литовскими людьми и над теми врагами, которые завели теперь смуту. И вам бы положить на своем разуме о том: может ли и небольшая хижина без настоятеля утвердиться, и может ли один город без властодержателя стоять: не только что такому великому государству без государя быть? Соберитесь, государи, в одно место, где бог благоволит, и положите совет благ, станем просить у вседержителя, да отвратит свой праведный гнев и даст стаду своему пастыря, пока злые заводцы и ругатели остальным нам православным христианам порухи не сделали. Нам известно, что замосковные города — Калуга, Серпухов, Тула, Рязань по воровскому заводу креста не целовали, а радеют и ждут вашего совета. Да марта же 28 приехал к нам из Твери жилец и сказывал, что в Твери, Торжке, Старице, Ржеве, Погорелом Городище также креста не целовали,

ждут от вас промысла и совета; Ивана Плещеева в Тверь не пустили, товарищам и его козакам хлеба купить не дали. Молим вас усердно, поспешите придти к нам в Троицкий монастырь, чтоб те люди, которые теперь под Москвою, рознью своею не потеряли Большого Каменного города, острогов, наряду». В этой же грамоте впервые говорится о страдальческой кончине патриарха Гермогена (в изгнании нужне умориша). Летописец рассказывает, что поляки прислали к Гермогену русских людей, которые стали уговаривать его отписать к Нижегородскому ополчению, чтобы не ходило под Москву; Гермоген отвечал: «Да будут благословенны те, которые идут для очищения Московского государства, а вы, изменники, будьте прокляты». Поляки велели за это уморить его голодом: он умер 17 февраля и погребен в Чудове монастыре

7 апреля из Ярославля пошли грамоты по городам: «Бояре и окольничие, и Дмитрий Пожарский, и стольники, и дворяне большие, и стряпчие, и жильцы, и головы, и дворяне, и дети боярские всех городов, и Казанского государства князья, мурзы и татары, и разных городов стрельцы, пушкари и всякие служилые и жилецкие люди челом бьют. По умножению грехов всего православного христианства, бог навел неутолимый гнев на землю нашу: в первых прекратил благородный корень царского поколения (и т. д. следует перечисление бедствий Смутного времени до убийства Ляпунова и буйства козаков, за ним последовавшего). Из-под Москвы князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкий, и атаманы и козаки к нам и по всем городам писали, что они целовали крест без совета всей земли государя не выбирать, псковскому вору, Марине и сыну ее не служить, а теперь целовали крест вору Сидорке, желая бояр, дворян и всех лучших людей побить, именье их разграбить и владеть по своему воровскому козацкому обычаю. Как сатана омрачил очи их! При них калужский их царь убит и безглавен лежал всем напоказ шесть недель, об этом они из Калуги в Москву и по всем городам писали! Теперь мы, все православные христиане, общим советом согласились со всею землею, обет богу и души свои дали на том, что нам их воровскому царю Сидорке и Марине с сыном не служить и против польских и литовских людей стоять в крепости неподвижно. И вам, господа, пожаловать, советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разоренье быть небезгосударным, выбрать бы нам общим советом государя, чтоб от таких находящих бед без государя Московское государство до конца не разорилось. Сами, господа, знаете, как нам теперь без государя против общих врагов, польских, литовских и немецких людей и русских воров, которые новую кровь начинают, стоять? И как нам без государя о великих государственных и земских делах с окрестными государями ссылаться? И как государству нашему вперед стоять крепко и неподвижно? Так по всемирному своему со-

вету пожаловать бы вам, прислать к нам в Ярославль из всяких чинов людей человека по два, и с ними совет свой отписать, за своими руками. Да отписать бы вам от себя под Москву в полки, чтоб они от вора Сидорки отстали, с нами и со всею землею розни не чинили. В Нижнем Новгороде гости и все земские посадские люди, не пощадя своего имения, дворян и детей боярских снабдили денежным жалованьем, а теперь изо всех городов приезжают к нам служилые люди, бьют челом всей земле о жалованье, а дать им нечего. Так вам бы, господа, прислать к нам в Ярославль денежную казну ратным людям на жалованье». У грамоты находятся подписи, из которых мы узнаем начальных людей рати; несмотря на то что главным вождем ополчения был избран Пожарский, первые места уступлены людям, превышавшим главного вождя саном: первая подпись принадлежит боярину Морозову, вторая — боярину князю Владимиру Тимофеевичу Долгорукову, третья — окольничему Головину, четвертая — князю Ивану Никитичу Одоевскому, пятая — князю Пронскому, шестая — князю Волконскому, седьмая — Матвею Плещееву, осьмая — князю Львову, девятая — Мирону Вельяминову, десятая уже — князю Пожарскому; на 15-м месте читаем: «В выборного человека всею землею, в Козьмино место Минина князь Пожарский руку приложил»; за Мининым следует еще 34 подписи, и в том числе князей Долгорукова и Туренина, Шереметевых, Салтыкова, Бутурлина.

Толпы служилых людей приезжали в Ярославль для соединения с ополчением, посадские люди привозили денежную казну, но под Москву нельзя было предпринять немедленного похода: козаки заняли Углич, Пошехонье, свирепствовали по уездам, шведы стояли в Тихвине. Нельзя было двинуться на юг, оставив в тылу этих врагов. Князь Дмитрий Михайлович и Кузьма начали думать со всею ратью, духовенством и посадскими людьми, как бы земскому делу было прибыльнее, и положили: отправить послов в Новгород, занять шведов мирными переговорами, а на козаков послать войско. В Новгород отправился Степан Татищев с выборными из каждого города по человеку, повез грамоты к митрополиту Исидору, князю Одоевскому и Делагарди: у митрополита и Одоевского ополчение спрашивало, как у них положено со шведами? К Делагарди писало, что если король шведский даст брата своего на государство и окрестит его в православную христианскую веру, то они ради быть с новгородцами в одном совете. Это было написано для того, говорит летопись, чтоб, как пойдут под Москву на очищение Московского государства, шведы не пошли воевать в поморские города. Грамоты в Новгород были написаны 13 мая; 19-го — Исидор, Одоевский и Делагарди отпустили Татищева с ответом, что пришлют в Ярославль своих послов; но Татищев объявил, что в Новгороде добра ждать нечего. Несмотря

на то, в июне начальники ополчения разослали грамоты по украинским городам, которые держались псковского вора, Марины и сына ее, чтоб они от ведомого вора отстали: «Только вы от того вора отстанете и с нами будете в соединенье, то враги наши, польские и литовские люди, из Московского государства выйдут; если же от вора не отстанете, то польские и литовские люди Москву и все города до конца разорят, всех нас и вас погубят, землю нашу пусту и беспамятну учинят, и того всего взыщет бог на вас, да и окрестные все государства назовут вас предателями своей вере и отечеству, а больше всего, какой вам дать ответ на втором пришествии пред праведным судиею? Да писали к нам из Великого Новгорода митрополит Исидор и боярин князь Одоевский, что у них от немецких людей православной вере порухи и православным христианам разоренья нет, шведского короля Карла не стало, а после него сел на государстве сын его Густав Адольф, а другой сын его, Карлус Филипп, будет в Новгород на государство вскоре, и дается на всю волю людей Новгородского государства, хочет креститься в нашу православную христианскую веру греческого закона. И вам бы, господа, про то было ведомо, и прислали бы вы к нам для общего земского совета из всяких чинов человека по два и по три, и совет свой отписали к нам, как нам против общих врагов, польских и литовских людей, стоять и как нам в нынешнее злое время безгосударным не быть и выбрать бы нам государя всею землею. А если вы, господа, к нам на совет вскоре не пришлете, от вора не отстанете и со всею землею не соединитесь и общим советом с нами государя не станете выбирать, то мы, с сердечными слезами расставшись с вами, всемирным советом с поморскими, понизовыми и замосковными городами будем выбирать государя. Да объявляем вам, что 6 июня прислали к нам из-под Москвы князь Дмитрий Трубецкой, Иван Заруцкий и всякие люди повинную грамоту, пишут, что они своровали, целовали крест псковскому вору, а теперь они сыскали, что это прямой вор, отстали от него и целовали крест вперед другого вора не затевать и быть с нами во всемирном совете; о том же они писали и к вам во все украинские города».

На этот раз из подмосковного стана писали правду: 11 апреля приехал оттуда во Псков Иван Плещеев обознавать вора; Плещеев, по словам летописи, обратился на истинный путь, не захотел вражды в земле и начал говорить всем, что это истинный вор. Очень может быть, что несогласие многих в самом подмосковном стане, несогласие северо-западных городов, причем тверичи не впустили его к себе в город, содействовало обращению Плещеева на истинный путь. Как бы то ни было, отказ его признать вора произвел свое действие в Пскове: 18 мая вор должен был бежать из города с воеводою князем Хованским, но Плещеев вошел в переговоры с Хованским и убедил его выдать вора, вследствие чего

20 числа самозванца привели назад в город и посадили в палату, а 1 июля повезли к Москве.

Пожарский послал и в далекую Сибирь грамоты с уведомлением о новгородских делах и с требованием присылки выборных для совета насчет избрания королевича. Он уведомлял города, что посланные им против козаков и черкас отряды везде имели успех: князь Дмитрий Лопата-Пожарский выгнал козаков из Пошехонья, князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский выгнал малороссийских козаков, или черкас, из Антониева монастыря в Бежецком уезде, потом выгнал великороссийских козаков из Углича; воевода Наумов отогнал отряды Заруцкого от Переяславля. Но среди этих успехов в самом Ярославле происходили смуты: туда явился с казанским ополчением известный нам Иван Биркин вместе с татарским головою Лукьяном Мясным; еще дорогою они ссорились друг с другом, Биркин вел себя как неприятель в городах и уездах, когда же пришел в Ярославль, то возобновил ссору с Мясным из-за того, кому быть главным начальником, едва дело не дошло между ними до бою, но, что всего хуже, эта ссора отразилась и в ополчении Пожарского: большинство было против Биркина и откинуло его, но смольняне приняли его сторону. Биркин ушел с большею частию своих назад, но Лукьян Мясной остался с двадцатью человеками князей и мурз, тридцатью дворянами и сотнею стрельцов. Смута не прекратилась и по уходе Биркина: начались споры между начальниками о старшинстве, каждый из ратных людей принимал сторону своего воеводы, а рассудить их было некому, тогда придумали по старине взять в посредники, в третьи лицо духовное, послали к бывшему ростовскому митрополиту Кириллу, жившему в Троицком монастыре, чтоб он был на прежнем столе своем в Ростове. Кирилл согласился, приехал в Ростов, потом в Ярославль и стал укреплять людей: какая ссора начнется у начальников, и те обо всем докладывали ему.

Озабоченные великим и трудным делом, обращая беспокойные взоры во все стороны, нельзя ли где найти помощь, начальники ополчения вспомнили о державе, с которою прежние цари московские были постоянно в дружественных сношениях, которой помогли деньгами во время опасной войны с Турциею; эта держава была Австрия. Вожди ополчения по неопытности своей думали, что Австрия теперь захочет быть благодарною, поможет Московскому государству в его нужде, и 20 июня написали грамоту к императору Рудольфу, в которой, изложив все бедствия, претерпенные русскими людьми от поляков, писали: «Как вы, великий государь, эту нашу грамоту милостиво выслушаете, то можете рассудить, пригожее ли то дело Жигимонт король делает, что, преступив крестное целованье, такое великое христианское государство разорил и до конца разоряет, и годится ль так делать хрис-

тианскому государю! И между вами, великими государями, какому вперед быть укрепленью, кроме крестного целованья? Бьем челом вашему цесарскому величеству всею землею, чтоб вы, памятуя к себе дружбу и любовь великих государей наших, в нынешней нашей скорби на нас призрели, своею казною нам помогли, а к польскому королю отписали, чтоб он от неправды своей отстал и воинских людей из Московского государства велел вывести».

В июле приехали в Ярославль обещанные послы новгородские: из духовных — игумен Вяжицкого монастыря Геннадий, из дворян городовых — князь Федор Оболенский, да изо всех пятин из дворян и из посадских людей — по человеку. 26 числа они правили посольство пред Пожарским и, по обычаю, начали речь изложением причин Смуты: «После пресечения царского корня все единомысленно избрали на государство Бориса Федоровича Годунова по его в Российском государстве правительству, и все ему в послушании были; потом от государя на бояр ближних и на дальных людей, по наносу злых людей, гнев воздвигнулся, как вам самим ведомо. И некоторый вор чернец сбежал из Московского государства в Литву, назвался» и проч. Здесь нельзя не заметить, что послы именно хотели связать гнев Бориса на ближних и дальных людей с появлением самозванца, как причину с следствием. Упомянув о последующих событиях, о переговорах начальников первого ополчения с Делагарди, у которого с Бутурлиным «за некоторыми мерами договор не стался, а Яков Пунтусов новгородский деревянный город взятьем взял, и новгородцы утвердились с ним просить к себе в государи шведского королевича», послы уведомили, что этот королевич Карл Филипп от матери и брата отпущен совсем, теперь в дороге и, надобно думать, скоро будет в Новгороде. Послы кончили речь словами: «Ведомо вам самим, что Великий Новгород от Московского государства никогда отлучен не был, и теперь бы вам также, учиня между собою общий совет, быть с нами в любви и соединении под рукою одного государя».

Слова эти не могли не оскорбить начальников ополчения, представителей Московского государства: Новгород, давно уже часть последнего, требует, чтоб целое было с ним в любви и соединении и приняло государя, которого он избрал. Пожарский отвечал горькими словами: «При прежних великих государях послы и посланники прихаживали из иных государств, а теперь из Великого Новгорода вы послы! Исконн, как начали быть государи на Российском государстве, Великий Новгород от Российского государства отлучен не бывал; так и теперь бы Новгород с Российским государством был по-прежнему». После этих слов Пожарский немедленно перешел к тому, как обманчиво и непрочно избрание иностранных принцев: «Уже мы в этом искусились, — сказал

он,— чтоб и шведский король не сделал с нами также, как польский. Польский Жигимонт король хотел дать на Российское государство сына своего королевича, да через крестное целованье гетмана Жолкевского и через свой лист манил с год и не дал; а над Московским государством что польские и литовские люди сделали, то вам самим ведомо. И шведский Карлус король также на Новгородское государство хотел сына своего отпустить вскоре, да до сих пор, уже близко году, королевич в Новгород не бывал». Князь Оболенский старался оправдать медленность королевича Филиппа смертию отца, весть о которой застала его уже на пути в Новгород, потом датскою войною; он кончил так: «Такой статьи, как учинил над Московским государством литовский король, от Шведского королевства мы не чаем». Пожарский отвечал решительно, что, наученные опытом, они не дадутся в другой раз в обман и признают Филиппа царем тогда только, как он приедет в Новгород и примет греческую веру. «А в Швецию нам послов послать никак нельзя,— заключил Пожарский,— ведомо вам самим, какие люди посланы к польскому Жигимонту королю, боярин князь Василий Голицын с товарищами! А теперь держат их в заключении как полоняников, и они от нужды и бесчестья, будучи в чужой земле, погибают». Посланники возразили, что шведский король не может повторить поступка Сигизмундова, ибо также научен опытом в его бесполезности: «Учинил Жигимонт король неправду, да тем себе какую прибыль сделал, что послов задержал? Теперь и без них вы, бояре и воеводы, не в собраньи ли и против врагов наших, польских и литовских людей, не стоите ли?»

Ответ Пожарского на это важен для нас, во-первых, потому, что показывает мнение его об одном из самых замечательных людей Смутного времени, во-вторых, потому, что обнаруживает характер самого Пожарского, противоположность этого характера характеру Ляпунова, что, разумеется, не могло не иметь важного влияния на успех второго ополчения; Пожарский отвечал: «Надобны были такие люди в нынешнее время: если б теперь такой столп, князь Василий Васильевич, был здесь, то за него бы все держались, и я за такое великое дело мимо его не принялся бы, а то теперь меня к такому делу бояре и вся земля силою приневолили. И видя то, что сделалось с литовской стороны, в Швецию нам послов не посылывать и государя не нашей православной веры греческого закона не хотеть». Последние слова Пожарского сильно тронули новгородских послов; настаиванье именно на том, чтоб не выбирать государя неправославного, пробудило в них чувство, которое служило самою крепкою связью между всеми русскими людьми, которое подняло всю землю против польских и литовских людей; Оболенский сказал: «Мы от истинной православной веры не отпали, королевичу Филиппу Карлу будем бить челом, чтоб он

был в нашей православнсй вере греческого закона, и за то хотим все помереть: только Карл королевич не захочет быть в православной христианской вере греческого закона, то не только с вами, боярами и воеводами, и со всем Московским государством вместе, хотя бы вы нас и покинули, мы одни за истинную нашу православную веру хотим помереть, а не нашей, не греческой веры государя не хотим». Переговоры кончились тем, что Пожарский не согласился вступить ни в какие обязательства со шведами; но, чтоб явным разрывом не возбудить последних против ополчения, положили отправить в Новгород посла, Перфилья Секерина, для продления времени; для того послали, говорит летописец, чтоб не помешали немецкие люди идти на очищение Московского государства, а того у них и в думе не было, что взять на Московское государство иноземца. «Если, господа,— писали начальники ополчения новгородцам,— если королевич, по вашему прошенью, вас не пожалует и в Великий Новгород нынешнего года по летнему пути не будет, то во всех городах всякие люди о том будут в сомнении; а нам без государя быть невозможно: сами знаете, что такому великому государству без государя долгое время стоять нельзя. А до тех пор, пока королевич не придет в Новгород, людям Новгородского государства быть с нами в любви и совете, войны не начинать, городов и уездов Московского государства к Новгородскому государству не подводить, людей к кресту не приводить и задоров никаких не делать».

По отправлении второго посла в Новгород ополчение стало уже собираться в поход из Ярославля, как открылся козацкий заговор на жизнь Пожарского. Из подмосковного стана, от Заруцкого, приехали в Ярославль двое козаков — Обреска и Степан, у них уже были здесь соумышленники — Иван Доводчиков смолянин, смоленские стрельцы — Шанда с пятью товарищами да рязанец Семен Хвалов; последний жил на дворе у князя Пожарского, который кормил его и одевал. Придумывали разные способы, хотели зарезать Пожарского сонного, наконец решили умертвить его где-нибудь на дороге, в тесноте. Однажды князь был в съезжей избе, оттуда пошел смотреть пушки, назначаемые под Москву, и принужден был от тесноты остановиться у дверей разрядных; козак, именем Роман, взял его за руку, вероятно, для того, чтоб помочь вырваться из толпы; в это время заговорщик, козак Степан, кинулся между ними, хотел ударить ножом в живот князя, но промахнулся и ударил Романа по ноге, тот упал и начал стонать. Пожарский никак не воображал, что удар был направлен против него, думал, что несчастие случилось по неосторожности в тесноте, и хотел уже идти дальше, как народ бросился к нему с криком, что его самого хотели зарезать; начали искать и нашли нож, схватили убийцу, который на пытке повинился во всем и назвал товарищей, которые также признались. По приговору

всей земли преступников разослали в города по тюрьмам, некоторых же взяли под Москву на обличенье: там повинились они вторично пред всею ратью и были прощены, потому что Пожарский просил за них.

Понятно, с каким чувством после этого Пожарский и все ополчение должны были выступать в поход под Москву, где под видом союзников должны были встретить убийц. Но медлить долее нельзя было, потому что приходили вести о приближении Ходкевича к Москве. Пожарский отправил передовые отряды: первый — под начальством воевод Михайлы Самсоновича Дмитриева и Федора Левашова; им наказано было, пришедши под Москву, не входить в стан к Трубецкому и Заруцкому, но поставить себе особый острожек у Петровских ворот; второй отряд был отправлен под начальством князя Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского и дьяка Семена Самсонова, которым велено было стать у Тверских ворот. Кроме известий о движениях Ходкевича, была и другая причина спешить походом к Москве: надобно было спасти дворян и детей боярских, находившихся под Москвою, от буйства казаков. Украинские города, подвигнутые грамотами ополчения, выслали своих ратных людей, которые пришли в стан к Трубецкому и расположились в Никитском остроге; но Заруцкий с своими казаками не давал им покоя. Несчастные украинцы послали в Ярославль Кондырева и Бегичева с товарищами бить челом, чтоб ополчение шло под Москву немедленно спасти их от казаков; когда посланные увидали здесь, в каком довольстве и устройстве живут ратники нового ополчения, и вспомнили свое утеснение от казаков, то не могли промолвить ни слова от слез. Князь Пожарский и другие знали лично Кондырева и Бегичева, но теперь едва могли узнать их: в таком жалком виде они явились в Ярославль! Их обдарили деньгами, сукнами и отпустили к своим с радостною вестию, что ополчение выступает к Москве. Но как скоро Заруцкий и казаки его узнали, с какими вестями возвратились Кондырев и Бегичев, то хотели побить их, и они едва спаслись в полк к Дмитриеву, а товарищи их, остальные украинцы, принуждены были разбежаться по своим городам. Разогнав украинских людей, Заруцкий хотел и прямо помешать движению ополчения; он отправил многочисленный отряд казаков перенять дорогу у князя Лопаты-Пожарского, разбить полк, умертвить воеводу, но и этот замысел не удался: отряд Лопаты храбро встретил казаков и обратил их в бегство.

Наконец и главное ополчение выступило из Ярославля. Отслужив молебен в Спасском монастыре у гроба ярославских чудотворцев (знаменитого князя Федора Ростиславича Черного и сыновей его Давида и Константина), взяв благословение у митрополита Кирилла и у всех властей духовных, Пожарский вывел ополчение из Ярославля. Отошедши 7 верст от города, войско ос-

тановилось на ночлег. Здесь Пожарский сдал рать князю Ивану Андреевичу Хованскому и Кузьме Минину, приказав идти в Ростов и ждать его там, а сам с немногими людьми поехал в Суздаль, в Спасо-Евфимиев монастырь, проститься у гробов родительских, после чего, как было условлено, нагнал рать в Ростове. В этом городе к ополчению присоединилось еще много ратных людей из разных областей, так что Пожарский мог послать отряд под начальством Образцова в Белозерск на случай враждебного движения шведов. Нужно было сделать еще важное распоряжение: митрополит Кирилл, который в Ярославле был посредником, примирителем ссор между воеводами, остался в своей епархии, нужно было под Москвою иметь такое же лицо, тем более что предвиделись распри еще большие вследствие соседства Трубецкого и Заруцкого. И вот 29 июля Пожарский от имени всех чинов людей написал к казанскому митрополиту Ефрему: «За преумножение грехов всех нас, православных христиан, вседержитель бог совершил ярость гнева своего в народе нашем, угасил два великие светила в мире: отнял у нас главу Московского государства и вождя людям, государя царя и великого князя всея Руси, отнял и пастыря и учителя словесных овец стада его, святейшего патриарха московского и всея Руси; да и по городам многие пастыри и учители, митрополиты, архиепископы и епископы, как пресветлые звезды, погасли, и теперь оставил нас сиротствующих, и были мы в поношение и посмех, на поругание языков; но еще не до конца оставил нас сирыми, даровал нам единое утешение, тебя, великого господина, как некое великое светило положи на свешнице в Российском государстве сияющее. И теперь, великий господин! немалая у нас скорбь, что под Москвою вся земля в собранье, а пастыря и учителя у нас нет; одна соборная церковь Пречистой богородицы осталась на Крутицах, и та вдовствует. И мы, по совету всей земли, приговорили: в дому Пречистой богородицы на Крутицах быть митрополитом игумену Сторожевского монастыря Исаии: этот Исаия от многих свидетельствован, что имеет житие по боге. И мы игумена Исаию послали к тебе, великому господину, в Казань и молим твое преподобие всею землею, чтоб тебе, великому господину, не оставить нас в последней скорби и беспастырных, совершить игумена Исаию на Крутицы митрополитом и отпустить его под Москву к нам в полки поскорее, да и ризницу бы дать ему полную, потому что церковь Крутицкая в крайнем оскудении и разорении».

По известиям русских летописцев, Заруцкий, услыхав, что ополчение двинулось из Ярославля, собрался с преданными ему козаками, т. е. почти с половиною всего войска, стоявшего под Москвою, и двинулся в Коломну, где жила Марина с сыном; взявши их и выгромив город, пошел на рязанские места и, опустошивши их, стал в Михайлове. Поляки рассказывают иначе при-

чину, побудившую Заруцкого оставить подмосковный стан: по их словам, Ходкевич, стоя в Рогачеве, завел сношения с Заруцким, склоняя его разными обещаниями перейти на сторону королевскую. Посредником был один из войска Сапеги, именем Борнславский, который явился в подмосковный стан, объявивши, что недоволен гетманом и службою королевскою и хочет служить у русских. Последние поверили, но один поляк, Хмелевский, также убежавший из польского стана, открыл Трубецкому о переговорах Борнславского с Заруцким. Борнславского взяли на пытку, жгли огнем, и он погиб в муках, а Заруцкий счел за лучшее уйти из стана под Коломну. Козаки, оставшиеся с Трубецким под Москвою, отправили атамана Внукова в Ростов просить Пожарского идти поскорее под Москву; но это посольство имело еще другую цель: козаки хотели разведать, не затевает ли ополчение чего-нибудь против них? Но Пожарский и Минин обошлись со Внуковым и товарищами его очень ласково, одарили деньгами и сукнами и отпустили под Москву с известием, что идут немедленно, и действительно, вслед за ними двинулись через Переяславль к Троицкому монастырю.

Прибывши к Троице 14 августа, ополчение расположилось между монастырем и Клементьевскою слободою: то был последний стан до Москвы, предстояло сделать последний шаг, и ополчением овладело раздумье; боялись не поляков осажденных, не гетмана Ходкевича, боялись козаков. Пожарский и Минин хотели непременно обеспечить себя относительно козаков каким-нибудь договором, укрепиться с ними, по тогдашнему выражению, чтоб друг на друга никакого зла не умышлять. В ополчении встала рознь: одни хотели идти под Москву; другие не соглашались. говорили, что козаки манят князя Дмитрия под Москву для того, чтоб убить его так же, как Ляпунова. В это время пришло предложение от других союзников ненадежных, от наемников иноземных, Маржерета с тремя товарищами, которые писали, что, набрав ратных людей, готовы идти на помощь к ополчению. Бояре. воеводы и по избранию Московского государства всяких чинов людей у ратных и земских дел стольник и воевода князь Дмитрий Пожарский написали ответ на имя одних товарищей Маржеретовых: «Мы государям вашим королям за их жалованье, что они о Московском государстве радеют и людям велят сбираться нам на помощь, челом бьем и их жалованье рады выславлять; вас, начальных людей, за ваше доброхотство похваляем и нашею любовью, где будет возможно, воздавать вам хотим; потому удивляемся, что вы в совете с француженином Яковом Маржеретом, о котором мы все знаем подлинно: выехал он при царе Борисе Федоровиче из Цесарской области, и государь его пожаловал поместьем, вотчинами и денежным жалованьем; а после, при царе Василии Ивановиче, Маржерет пристал к вору и Московскому государству многое зло

чинил, а когда польский король прислал гетмана Жолкевского, то Маржерет пришел опять с гетманом, и когда польские и литовские люди, оплоша московских бояр, Москву разорили, выжгли и людей секли, то Маржерет кровь христианскую проливал пуще польских людей и, награбившись государевой казны, пошел из Москвы в Польшу с изменником Михайлою Салтыковым. Нам подлинно известно, что польский король тому Маржерету велел у себя быть в Раде: и мы удивляемся, каким это образом теперь Маржерет хочет нам помогать против польских людей? Мнится нам, что Маржерет хочет быть в Московское государство по умышленью польского короля, чтоб зло какое-нибудь учинить. Мы этого опасаемся и потому к Архангельскому городу на береженье ратных людей отпускаем. Да и наемные люди из иных государств нам теперь не надобны: до сих пор мы с польскими людьми не могли сладить, потому что государство Московское было в розни, а теперь все Российское государство избрало за разум, правду, дородство и храбрость к ратным и земским делам стольника и воеводу князя Дмитрия Михайловича Пожарского-Стародубского, да и те люди, которые были в воровстве с польскими и литовскими людьми, стали теперь с нами единомышленно, и мы польских и литовских людей побиваем и города очищаем: что где соберется доходов, отдаем нашим ратным людям, стрельцам и козакам, а сами мы, бояре и воеводы, дворяне и дети боярские, служим и бьемся за св. божии церкви, за православную веру и свое отечество без жалованья. А до польских и литовских людей самих за их неправду гнев божий доходит: турские и крымские люди Волынь и Подолию до конца запустошили и вперед, по нашей ссылке, Польскую и Литовскую землю крымские люди пустошить хотят. Так, уповая на милость божию, оборонимся и сами, без наемных людей. А если по какому-нибудь случаю врагов наших не одолеем, то пошлем к вам своих людей, наказавши им подлинно, сколько им людей нанимать и почем им давать. А вы бы любовь свою нам показали, о Якове Маржерете отписали, каким образом он из Польской земли у вас объявился, и как он теперь у вас, в какой чести? А мы думали, что ему, за его неправду, кроме Польши, ни в какой земле места не будет».

От наемных иностранцев можно было отделаться, но от козаков подмосковного стана нельзя: пришла весть, что Ходкевича ожидают под Москву с часу на час. Пожарскому было уже не до уговору с козаками: он наскоро послал перед собою князя Туренина с отрядом, приказав ему стать у Чертольских ворот, и назначил 18 августа днем выступления целого ополчения к Москве. Отпевши молебен у чудотворца, благословившись у архимандрита, войска выступили, монахи провожали их крестным ходом, и вот, когда *последние* люди двигались на великое дело, сильный ветер подул от Москвы навстречу ополчению! Дурной знак! Сердца

упали; со страхом и томлением подходили ратники к образам св. троицы, Сергия и Никона чудотворцев, прикладывались ко кресту из рук архимандрита, который кропил их святою водою. Но когда этот священный обряд был кончен, ветер вдруг переменился и с такою силою подул в тыл войску, что всадники едва держались на лошадях, тотчас же все лица просияли, везде послышались обещания: помереть за дом Пречистой богородицы, за православную христианскую веру.

Время было уже к вечеру, когда, не доходя 5 верст до Москвы, ополчение остановилось на реке Яузе; к Арбатским воротам посланы были отряды разведать удобные места для стана; когда они возвратились, исполнив поручение, то уже наступала ночь, и Пожарский решился провести ее на том месте, где остановился. Трубецкой беспрестанно присылал звать Пожарского к себе в стан, но воевода и вся рать отвечали: «Отнюдь не бывать тому, чтоб нам стать вместе с козаками». На другой день утром, когда ополчение пододвинулось ближе к Москве, Трубецкой встретил его с своими ратными людьми и предлагал стать вместе в одном остроге, расположенном у Яузских ворот, но получил опять прежний ответ: «Отнюдь нам вместе с козаками не стаивать», и Пожарский расположился в особом остроге у Арбатских ворот; Трубецкой и козаки рассердились. Таким образом, под Москвою открылось любопытное зрелище. Под ее стенами стояли два ополчения, имевшие, по-видимому, одну цель — вытеснить врагов из столицы, а между тем резко разделенные и враждебные друг другу; старое ополчение, состоявшее преимущественно из козаков, имевшее вождем тушинского боярина, было представителем России больной, представителем народонаселения прежде погибшей южной Украйны, народонаселения с противуобщественными стремлениями; второе ополчение, находившееся под начальством воеводы, знаменитого своею верностию установленному порядку, было представителем здоровой, свежей половины России, того народонаселения с земским характером, которое в самом начале Смут выставило сопротивление их исчадиям, воровским слугам, и теперь, несмотря на всю видимую безнадежность положения, на торжество козаков по смерти Ляпунова, собрало, с большими пожертвованиями, последние силы и выставило их на очищение государства. Залог успеха теперь заключался в том, что эта здоровая часть русского народонаселения, сознав, с одной стороны, необходимость пожертвовать всем для спасения веры и отечества, с другой — сознала ясно, где источник зла, где главный враг Московского государства, и порвала связь с больною, зараженною частию. Слова Минина в Нижнем: «Похотеть нам помочь Московскому государству, то не пожалеть нам ничего» и слова ополчения под Москвою: «Отнюдь нам с козаками вместе не стаивать» — вот слова, в которых высказалось внутреннее очищение, выздоровле-

ние Московского государства; чистое отделилось от нечистого, здоровое от зараженного, и очищение государства от врагов внешних было уже легко.

Это очищение было тем более легко, что государство, с которым должно было бороться, само страдало тяжкою, неизлечимою болезнию внутреннего безнарядья. Еще осенью 1611 года поляки, находившиеся в Москве, послали сказать королю, что они долее 6 января 1612 года здесь не останутся; когда назначенный срок прошел, они сдержали свое слово: собрали коло, выбрали маршалком конфедерации Иосифа Цеклинского и, в числе 7000 конного войска, отправились в Польшу требовать заслуженного жалованья. В Москве осталась часть сапежинского войска и отряд, присланный из Смоленска с двумя Конецпольскими; главным начальником вместо Гонсевского Яков Потоцкий прислал племянника своего от сестры, Николая Струса, с целию мешать Ходкевичу. Четыре тысячи сапежинцев, примкнувшие было к Ходкевичу, также, как говорят, по интригам партии Потоцкого, бросили гетманский стан, составили конфедерацию, выбрали себе в маршалки Яна Залинского и ушли в Литву. При таком состоянии дел мы не будем удивляться бездействию Ходкевича в продолжение с лишком полугода; все, что он мог делать,— это снабжать осажденных съестными припасами.

21 августа узнал Пожарский о движении Ходкевича из Вязьмы к Москве, а вечером того же дня неприятель уже стоял на Поклонной горе. Чтоб загородить ему дорогу в Кремль, русское войско стало по обоим берегам Москвы-реки: ополчение Пожарского — на левом, подле Новодевичьего монастыря, ополчение Трубецкого — на правом, у Крымского двора; Трубецкой прислал сказать Пожарскому, что для успешного нападения на гетмана со стороны ему необходимо несколько конных сотен; Пожарский выбрал пять лучших сотен и отправил их на тот берег. На рассвете 22 числа гетман перешел Москву-реку у Новодевичьего монастыря и напал на Пожарского; бой продолжался с первого часа по восходе солнечном до осьмого и грозил окончиться дурно для Пожарского, он был уже придвинут к Чертольским воротам и, видя, что русская конница не в состоянии бороться с польскою, велел всей своей рати сойти с коней, но при этой перемене строя русские люди едва могли сдерживать натиск неприятеля. А на другом берегу ополчение Трубецкого стояло в совершенном бездействии: козаки спокойно смотрели на битву и ругались над дворянами: «Богаты пришли из Ярославля, отстоятся и одни от гетмана»,— кричали они. Но не могли спокойно смотреть на битву головы тех сотен, которые были отделены к Трубецкому из ополчения Пожарского: они двинулись на выручку своих, Трубецкой не хотел было отпускать их, но они его не послушали и быстро рванулись через реку; пример их увлек и некоторых ко-

заков: атаманы Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов и Марко Козлов пошли за ними, крича Трубецкому: «От вашей ссоры Московскому государству и ратным людям пагуба становится!» Приход на помощь свежего отряда решил дело в пользу Пожарского; гетман, потерявши надежду пробиться с этой стороны к Кремлю, отступил назад к Поклонной горе, с другой стороны кремлевские поляки, сделавши вылазку для очистки Водяных ворот, были побиты и потеряли знамена. Но в ночь четыреста возов с запасами под прикрытием отряда из 600 человек пробрались к городу: дорогу указывал русский, Григорий Орлов; стража, опередившая возы, успела уже войти в город, как явились русские, начали сильную перестрелку и овладели возами.

23 числа осажденные снова сделали вылазку из Китая-города, и на этот раз удачно; они переправились через Москву-реку, взяли русский острог, бывший у церкви св. Георгия (в Яндове), и засели тут, распустивши на колокольне польское знамя. Другого дела 23 числа не было: гетман употребил этот день на передвижку своего войска от Поклонной горы к Донскому монастырю, чтоб пробиться к городу по Замоскворечью через нынешние Ордынскую и Пятницкую улицы; очень быть может, что он не надеялся встретить сильного сопротивления со стороны стоявших здесь козаков Трубецкого, ибо видел равнодушие их накануне; он мог надеяться, что ополчение Пожарского захочет отомстить козакам и не двинется к ним на помощь. На этот раз Трубецкой расположился по берегу Москвы-реки от Лужников (старых), его же козацкий отряд сидел в остроге у церкви св. Климента (на Пятницкой). Обоз Пожарского был расположен по-прежнему на левом берегу, подле церкви Ильи Обыденного, но сам Пожарский с большею частию войска переправился на Замоскворечье, чтоб вместе с Трубецким не пускать гетмана в город.

24 числа, в понедельник, опять на рассвете, начался бой и продолжался до шестого часа по восхождении солнца; поляки смяли русских и втоптали их в реку, так что сам Пожарский с своим полком едва устоял и принужден был переправиться на левый берег; Трубецкой с своими козаками ушел в таборы за реку; козаки покинули и Клементьевский острожек, который тотчас же был занят поляками, вышедшими из Китая-города. Поляки, по обычаю, распустили свои знамена на церкви св. Климента; этот вид литовских знамен на православной церкви раздражил козаков: они с яростию бросились опять к острожку и выбили оттуда поляков; но одно чувство у этих дикарей быстро сменялось другим; увидав, что они одни бьются с неприятелем, а дворяне Пожарского им не помогают, козаки в сердцах опять вышли из острога, ругая дворян: «Они богаты и ничего не хотят делать, мы наги и голодны и одни бьемся; так не выйдем же теперь на бой никогда».

Клементьевский острог опять был занят поляками, и гетман расположил свой обоз у церкви великомученицы Екатерины (на Ордынке). Видя успех неприятеля, видя, с другой стороны, что с одним своим ополчением нельзя поправить дело, Пожарский и Минин послали князя Дмитрия Петровича Лопату-Пожарского за келарем Авраамием Палицыным, который в это время в обозе, у церкви Ильи Обыденного, служил молебен. Пожарский упросил Авраамия в сопровождении многих дворян отправиться в стан к козакам и уговорить их, чтоб шли против поляков и постарались не пропустить запасов в Китай и Кремль. Келарь отправился сначала к самому важному месту, к Клементьевскому острогу, у которого еще стояла толпа козаков, и начал говорить им: «От вас началось дело доброе, вы стали крепко за православную веру и прославились во многих дальних государствах своею храбростию: а теперь, братья, хотите такое доброе начало одним разом погубить?» Эти слова тронули козаков: они отвечали, что готовы идти на врагов и помрут, а без победы не возвратятся, только пусть келарь едет в таборы к другим козакам и уговорит их также вступить в дело. Келарь поехал и на берегу реки увидал множество козаков, которые сбирались переходить на тот берег в свои таборы; Палицын уговорил и их возвратиться назад; другие козаки, которые стояли уже на другом берегу, видя, что братья не возвращаются назад, не зная еще, в чем дело, бросились также назад через реку, одни в брод, другие по лавам; видя, что дело пошло на лад, Палицын переехал через реку в самые таборы козацкие; здесь одни козаки преспокойно пили, другие играли в зернь, но Палицын успел и их уговорить, и вот вся эта толпа оборванцев, босых, нагих (ибо все награбленное тотчас пропивалось и проигрывалось), бросилась через реку по следам товарищей с криком: «Сергиев! Сергиев!» Видя общее движение козаков, ополчение Пожарского также двинулось вперед, острог Клементьевский был снова взят у поляков, и русская пехота залегла по ямам и крапивам по всем дорогам, чтобы не пропускать гетмана к городу.

Уже начинало темнеть, а решительного еще ничего не было; по всем полкам пели молебны со слезами, чтоб бог избавил от погибели Московское государство, дали обет всею ратью поставить три храма: во имя Сретения богородицы, Иоанна Богослова и Петра митрополита. Сделать решительный шаг суждено было человеку, который начал великое дело: Минин подошел к Пожарскому и начал просить у него людей, чтоб промыслить над гетманом. «Бери кого хочешь»,— отвечал ему князь Дмитрий. Минин взял уже известного нам перебежчика ротмистра Хмелевского да три дворянские сотни, перешел реку и устремился на две польские роты, конную и пешую, стоявшие у Крымского двора; те испугались и, не дожидаясь удара от русских, бросились бежать к гетманскому стану, причем одна рота смяла другую; видя это,

русская пехота выскочила из ям и пошла также к польским таборам, а за нею двинулось и все конное ополчение; поляки не могли выдержать этого дружного натиска; потерявши 500 человек — потеря страшная при малочисленности его войска! — гетман вышел из екатерининского стана и отступил на Воробьевы горы; разгоряченные русские ратники хотели преследовать неприятеля, но осторожные воеводы остановили их, говоря,что не бывает на один день по две радости; только сильная стрельба продолжалась два часа: в полках нельзя было расслышать голоса человеческого, и небо стало в зареве, точно от пожара. На другой день восходящее солнце застало уже гетмана на дороге к Можайску.

Соединенными усилиями обоих ополчений гетман был отражен и к сидевшим в Кремле и Китае полякам не пропущено припасов; надобно было теперь думать о том, как бы стеснить их окончательно; но пошла опять рознь между ополчениями Трубецкого и Пожарского, то есть между козаками и дворянами: князь Трубецкой, как боярин, требовал, чтобы стольник князь Пожарский и торговый человек Минин ездили к нему в таборы для совета; но те никак не согласились, не потому, говорит летопись, чтобы считали это для себя унизительным, но боясь убийства от козаков. Скоро явились новые поджигатели вражды, о действиях которых так рассказывает грамота, разосланная по городам от Пожарского: «По благословению великого господина преосвященного Кирилла, митрополита ростовского и ярославского, и всего освященного собора, по совету и приговору всей земли, пришли мы в Москву, и в гетманский приход с польскими и литовскими людьми, с черкасами и венграми бились мы четыре дня и четыре ночи. Божиею милостию и пречистой богородицы и московских чудотворцев Петра, Алексия, Ионы и Русской земли заступника великого чудотворца Сергия и всех святых молитвами, всемирных врагов наших, гетмана Хоткеева с польскими и литовскими людьми, с венграми, немцами и черкасами от острожков отбили, в город их с запасами не пропустили, и гетман со всеми людьми пошел к Можайску. Иван и Василий Шереметевы до 5 сентября к нам не бывали; 5 сентября приехали, стали в полках князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, и начал Иван Шереметев с старыми заводчиками всякого зла, с князем Григорьем Шаховским, да с Иваном Плещеевым, да с князем Иваном Засекиным, атаманов и козаков научать на всякое зло, чтобы разделение и ссору в земле учинить, начали наговаривать атаманов и козаков на то, чтоб шли по городам, в Ярославль, Вологду и другие города, православных христиан разорять. Да Иван же Шереметев с князем Григорием Шаховским научают атаманов и козаков, чтоб у нас начальника, князя Дмитрия Михайловича, убить, как Прокофья Ляпунова убили, а Прокофий убит от завода Ивана же Шереметe-

ва, и нас бы всех ратных людей переграбить и от Москвы отогнать. У Ивана Шереметева с товарищами, у атаманов и козаков такое умышленье, чтобы литва в Москве сидела, а им бы по своему таборскому воровскому начинанью все делать, государство разорять и православных христиан побивать. Так вам бы, господа, про такое злое начинанье было ведомо, а жить бы вам с великим опасеньем и к нам обо всем отписать, как нам против таких воровских заводов стоять».

Важнее всего, разумеется, было не допустить козаков уйти из-под Москвы и овладеть северными городами. Козаки кричали, что они голодны и холодны, не могут долее стоять под Москвою, пусть стоят под нею богатые дворяне. Услыхавши о том, как рушится доброе дело под Москвою, троицкий архимандрит Дионисий созывает братию на собор для совета: что делать? Денег в монастыре нет, нечего послать козакам; какую им почесть оказать и упросить, чтоб от Москвы не расходились, не отомстивши врагам кровь христианской? Приговорили послать козакам сокровища церковные, ризы, стихари, епитрахили саженные в заклад в тысяче рублях на короткое время, написали им и грамоту. Но посылка тронула козаков: совестно, страшно показалось им брать в заклад церковные вещи из монастыря св. Сергия, и они возвратили их в монастырь с двумя атаманами и в грамоте обещались все претерпеть, а от Москвы не уйти. Надобно было после этого уладить дело между воеводами: приговорили всею ратью, что Пожарский и Минин в козацкие таборы ездить не будут, а будут все воеводы съезжаться на среднем месте на Неглинной и промышлять земским делом. Воеводы разослали по городам грамоты: «Были у нас до сих пор разряды разные, а теперь, по милости божией, мы, Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарский, по челобитью и приговору всех чинов людей, стали заодно и укрепились, что нам да выборному человеку Кузьме Минину Москвы доступать и Российскому государству во всем добра хотеть без всякой хитрости, а разряд и всякие приказы поставили мы на Неглинной, на Трубе, снесли в одно место и всякие дела делаем заодно и над московскими сидельцами промышляем: у Пушечного двора и в Егорьевском монастыре, да у Всех святых на Кулишках поставили туры и из-за них по городу бьем из пушек беспрестанно и всякими промыслами промышляем. Выходят из города к нам выходцы, русские, литовские, немецкие люди, и сказывают, что в городе из наших пушек побивается много людей, да много помирает от тесноты и голоду, едят литовские люди человечину, а хлеба и никаких других запасов ничего у них не осталось, и мы надеемся овладеть Москвою скоро. И вам бы, господа, во всяких делах слушать наших грамот — Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского и писать об всяких делах к нам обоим, а которые грамоты

станут приходить к вам от кого-нибудь одного из нас, то вы бы этим грамотам не верили».

Когда таким образом дело уладилось под Москвою, пришли дурные вести с севера: малороссийские козаки, или черкасы, отделившись от Ходкевича, подошли нечаянно к Вологде и взяли ее; вологодский архиепископ Сильвестр так описывал это происшествие в грамоте к Пожарскому: «22 сентября, за час до восхождения солнца, разорители православной веры пришли на Вологду безвестно изгоном, город взяли, людей всяких посекли, церкви божии поругали, город и посады выжгли до основания; воевода князь Иван Одоевский Меньшой ушел, а другого воеводу — князя Григорья Долгорукого и дьяка Корташева убили; меня грешного взяли в полон и держали у себя четыре ночи, много раз приводили к казни, но господь смилосердовался, чуть живого отпустили. А когда они пришли к Вологде, то воеводским нерадением и оплошеством от города отъезжих караулов, сторожей на башнях, на остроге и на городской стене, головы и сотников с стрельцами, у наряда пушкарей и затинщиков не было; были у ворот на карауле немногие люди, и те не слыхали, как литовские люди в город вошли, а большие ворота были не замкнуты. Польские и литовские люди пошли с Вологды 25 сентября; и теперь, господа, город Вологда жженое место, окрепить для осады и наряд прибрать некому; вологжане, которые убежали, в город сходиться не смеют; пришел с Белаозера воевода Образцов с своим полком и сел на Вологде, но его никто не слушает, друг друга грабят: так вам бы, господа, прислать на Вологду воеводу крепкого и дьяка; а все, господа, делалось хмелем, пропили город Вологду воеводы».

С другой стороны, приходили в Москву вести, что Ходкевич хочет прислать врасплох отряды и провести запасы осажденным в Китай и Кремль. Воеводы стали думать, как бы не пропустить поляков, и велели всей рати плести плетеницы и копать большой ров на Замоскворецком полуострове, от одного берега реки до другого; сами воеводы стояли попеременно день и ночь, наблюдая за работами. Еще в половине сентября Пожарский послал в Кремль грамоту: «Полковникам и всему рыцарству, немцам, черкасам и гайдукам, которые сидят в Кремле, князь Дмитрий Пожарский челом бьет. Ведомо нам, что вы, будучи в городе в осаде, голод безмерный и нужду великую терпите, ожидаючи со дня на день своей гибели, а крепит вас и упрашивает Николай Струсь да Московского государства изменники, Федька Андронов с товарищами, которые сидят с вами вместе для своего живота. Вам самим ведомо, в прошлом году (по сентябрьскому счету) Карл Ходкевич был здесь со всем своим войском, пан Сапега с великим собранием, а в Москве польские люди сидели с Зборовским и другими многими полковниками, войска польского и литовского было тогда много: но мы, надеясь на милость божию, польских и литовских людей

не побоялись. Теперь же вы сами гетманов приход видели, и как гетман от нас отошел, а мы еще и не со всеми людьми были. Гетмана в другой раз не ждите: черкасы, которые были с ним, покинули его и пошли в Литву; сам гетман ушел в Смоленск, где нет никого прибылых людей, сапежинское войско все в Польше. Ведаете сами, какая в Москве неправда сталась от Жигимонта короля да от польских и литовских людей: и вам бы в той неправде душ своих не погубить, такой нужды и голоду за неправду терпеть нечего, присылайте к нам не мешкая, сберегите головы ваши и животы ваши в целости, а я возьму на свою душу и у всех ратных людей упрошу: которые из вас захотят в свою землю, тех отпустим без всякой зацепки, а которые захотят Московскому государю служить, тех пожалуем по достоинству». Ответом был гордый и грубый отказ, несмотря на то что голод был ужасный: отцы ели детей своих, один гайдук съел сына, другой — мать, один товарищ съел слугу своего; ротмистр, посаженный судить виновных, убежал с судилища, боясь, чтоб обвиненные не съели судью.

Наконец 22 октября козаки пошли на приступ и взяли Китай-город. В Кремле поляки держались еще месяц; чтоб избавиться от лишних ртов, они велели боярам и всем русским людям выслать своих жен вон из Кремля. Бояре сильно встужили и послали к Пожарскому, Минину и всем ратным людям с просьбою, чтобы пожаловали, приняли их жен без позору. Пожарский велел сказать им, чтобы выпускали жен без страха, и сам пошел принимать их, принял всех честно и каждую проводил к своему приятелю, приказавши всем их довольствовать. Козаки взволновались, и опять послышались среди них обычные угрозы: убить князя Дмитрия, зачем не дал грабить боярынь?

Доведенные голодом до крайности, поляки вступили наконец в переговоры с ополчением, требуя только одного, чтоб им сохранена была жизнь, что и было обещано. Сперва выпустили бояр — Федора Ивановича Мстиславского, Ивана Михайловича Воротынского, Ивана Никитича Романова с племянником Михаилом Федоровичем и матерью последнего Марфою Ивановною и всех других русских людей. Когда козаки увидали, что бояре собрались на Каменном мосту, ведшем из Кремля чрез Неглинную, то хотели броситься на них, но были удержаны ополчением Пожарского и принуждены возвратиться в таборы, после чего бояре были приняты с большою честию. На другой день сдались и поляки: Струсь с своим полком достался козакам Трубецкого, которые многих пленных ограбили и побили; Будзило с своим полком отведен был к ратникам Пожарского, которые не тронули ни одного поляка. Струсь был допрошен, Андронова пытали, сколько сокровищ царских утрачено, сколько осталось? Отыскали и старинные шапки царские, которые отданы были в заклад сапежинцам, оставшимся в Кремле. 27 ноября ополчение Трубецкого сошлось к церкви Ка-

занской богородицы за Покровскими воротами, ополчение Пожарского — к церкви Иоанна Милостивого на Арбате и, взявши кресты и образа, двинулись в Китай-город с двух разных сторон, в сопровождении всех московских жителей; ополчения сошлись у Лобного места, где троицкий архимандрит Дионисий начал служить молебен, и вот из Фроловских (Спасских) ворот, из Кремля, показался другой крестный ход: шел галасунский (архангельский) архиепископ Арсений с кремлевским духовенством и несли Владимирскую: вопль и рыдания раздались в народе, который уже потерял было надежду когда-либо увидать этот дорогой для москвичей и всех русских образ. После молебна войско и народ двинулись в Кремль, и здесь печаль сменила радость, когда увидали, в каком положении озлобленные иноверцы оставили церкви: везде нечистота, образа рассечены, глаза вывернуты, престолы ободраны; в чанах приготовлена страшная пища — человеческие трупы! Обеднею и молебном в Успенском соборе окончилось великое народное торжество, подобное которому видели отцы наши ровно через два века.

Трубецкой поселился в Кремле, на дворе Годунова, куда для совещаний приезжал к нему Пожарский, поместившийся на Арбате, в Воздвиженском монастыре. Козаки по-прежнему не давали им покоя, все требуя жалованья; они позабыли, говорит летописец, что всю казну во многих городах выграбили; однажды ворвались они в Кремль, крича, что побьют начальных людей, дворяне остановили их, и едва между ними и дворянами не дошло до боя. А между тем схватили каких-то подозрительных людей; оказалось, что то были вяземские дети боярские, отобрали у них грамоты, из грамот узнали, что в Вязьме сам король Сигизмунд...

Когда в Варшаве узнали, что дела идут плохо в Москве для поляков, то нашлось много людей, которые сложили всю вину на короля, упрекали его в медленности, в неуменье пользоваться обстоятельствами, требовали, чтоб он как можно скорее шел к Москве и поправил дело, но никто не указывал, с какими средствами, с каким войском королю идти к Москве. Король, однако, пошел; в августе он приехал в Вильну и ждал войска, но войско не являлось ниоткуда, потому что у короля денег не было; кое-как набрал Сигизмунд три тысячи немцев, из которых составил два пехотных полка, и отправился с ними к Смоленску, куда прибыл в октябре месяце. Он надеялся, что конница, или рыцарство, находившееся в Смоленске, примкнет к нему, но получил отказ; он созвал коло и в горячей речи умолял войско следовать за ним, но все понапрасну. Грустный король двинулся из Смоленска с одною своею немецкою пехотою, а тут еще печальное предзнаменование: только что он хотел проехать в ворота, называвшиеся Царскими, как затворы сорвались с петель, упали и загородили дорогу; король должен был выехать в другие ворота. Впрочем,

некоторым из рыцарства стало стыдно, что отпустили короля своего с горстью наемников в землю неприятельскую, и 1200 человек конницы нагнали короля на дороге в Вязьму; в этом городе он соединился с Ходкевичем и пошел осаждать Погорелое Городище; здесь сидел воеводою князь Юрий Шаховской, который на требование сдачи отвечал королю: «Ступай к Москве; будет Москва за тобою, и мы твои». Король послушался и пошел дальше. Подступив под Волок-Ламский, он отправил к Москве отряд войска под начальством молодого Адама Жолкевского: с ним отпущены были князь Данила Мезецкий, товарищ Филарета и Голицына по посольству, и дьяк Грамотин, которые должны были уговаривать москвитян к покорности Владиславу. В Москве, когда узнали о приближении короля, то на воевод напал сильный страх: ибо ратные люди почти все разъехались, выйти навстречу к неприятелю было не с кем, сесть в осаде также нельзя, потому что не было достаточно съестных припасов. Несмотря на это, решили помереть всем вместе, и когда отряд Жолкевского приблизился к Москве, то его встретили мужественно и прогнали. При этой схватке был взят в плен поляками смольнянин Иван Философов; Жолкевский велел расспрашивать пленника, хотят ли москвичи королевича взять на царство, людна ли Москва и есть ли в ней запасы? Философов отвечал решительно, что Москва и людна и хлебна, и все обещались помереть за православную веру, а королевича на царство не брать; то же самое Философов повторил и перед самим королем. Действительно, ни один город не сдавался, ни один русский человек не приезжал в стан бить челом королевичу. Потеряв всякую надежду овладеть Москвою, Сигизмунд хотел по крайней мере взять Волоколамск и велел приступать к нему жестокими приступами; воеводами были здесь Карамышев и Чемесов, но от них, говорит летописец, мало было промыслу в городе, весь промысел был от атаманов — Нелюба Маркова и Ивана Епанчина; под их начальством осажденные бились на приступах с ожесточением, едва не схватываясь за руки с неприятелем, и на трех приступах побили много литовских и немецких людей. Король, видя и тут неудачу, снял осаду Волока и пошел назад; тут были новые потери в его маленьком войске от голода и холода. Князь Данила Мезецкий убежал от короля с дороги и, приехав в Москву, объявил, что Сигизмунд пошел прямо в Польшу со всеми людьми.

Как силен был прежде страх, нагнанный приближением Сигизмунда к Москве, так сильна была теперь радость, когда узнали об его отступлении от Волока. Дело очищения государства казалось конченным. Пришла весть, что и враг внутренний потерпел неудачу; Заруцкий с воровскими козаками вышел из Михайлова и взял приступом Переславль Рязанский; но Михайла Матвеевич Бутурлин разбил его наголову и принудил бежать.

Отступление Сигизмунда дало досуг заняться избранием царя

всею землею. Разосланы были грамоты по городам с приглашением прислать властей и выборных в Москву для великого дела; писали, что Москва от польских и литовских людей очищена, церкви божии в прежнюю лепоту облеклись и божие имя славится в них по-прежнему; но без государя Московскому государству стоять нельзя, печься об нем и людьми божиими промышлять некому, без государя вдосталь Московское государство разорят все: без государя государство ничем не строится и воровскими заводами на многие части разделяется и воровство многое множится, и потому бояре и воеводы приглашали, чтоб все духовные власти были к ним в Москву, и из дворян, детей боярских, гостей, торговых, посадских и уездных людей, выбрав лучших, крепких и разумных людей, по скольку человек пригоже для земского совета и государского избрания, все города прислали бы в Москву ж, и чтоб эти власти и выборные лучшие люди договорились в своих городах накрепко и взяли у всяких людей о государском избранье полные договоры. Когда съехалось довольно много властей и выборных, назначен был трехдневный пост, после которого начались соборы. Прежде всего стали рассуждать о том, выбирать ли из иностранных королевских домов или своего природного русского, и порешили «литовского и шведского короля и их детей и иных немецких вер и никоторых государств иноязычных не христианской веры греческого закона на Владимирское и Московское государство не избирать, и Марфики и сына ее на государство не хотеть, потому что польского и немецкого короля видели на себе неправду и крестное преступленье и мирное нарушенье: литовский король Московское государство разорил, а шведский король Великий Новгород взял обманом». Стали выбирать своих: тут начались козни, смуты и волнения; всякий хотел по своей мысли делать, всякий хотел своего, некоторые хотели и сами престола, подкупали и засылали; образовались стороны, но ни одна из них не брала верх. Однажды, говорит хронограф, какой-то дворянин из Галича принес на собор письменное мнение, в котором говорилось, что ближе всех по родству с прежними царями был Михаил Федорович Романов, его и надобно избрать в цари. Раздались голоса недовольных: «Кто принес такую грамоту, кто, откуда?» В то время выходит донской атаман и также подает письменное мнение: «Что это ты подал, атаман?» — спросил его князь Дмитрий Михайлович Пожарский. «О природном царе Михаиле Федоровиче»,— отвечал атаман. Одинакое мнение, поданное дворянином и донским атаманом, решило дело: Михаил Федорович был провозглашен царем. Но еще не все выборные находились в Москве; знатнейших бояр не было; князь Мстиславский с товарищами тотчас после своего освобождения разъехались из Москвы: им неловко было оставаться в ней подле воевод-освободителей; теперь послали звать их в Москву для общего дела, послали также

надежных людей по городам и уездам выведать мысль народа насчет нового избранника и окончательное решение отложили на две недели, от 8 до 21 февраля 1613 года. Наконец Мстиславский с товарищами приехали, приехали и запоздавшие выборные, возвратились посланники по областям с известием, что народ с радостию признает Михаила царем. 21 февраля, в неделю православия, т. е. в первое воскресенье Великого поста, был последний собор: каждый чин подал письменное мнение, и все эти мнения найдены сходными, все чины указывали на одного человека — Михаила Федоровича Романова. Тогда рязанский архиепископ Феодорит, троицкий келарь Авраамий Палицын, новоспасский архимандрит Иосиф и боярин Василий Петрович Морозов взошли на Лобное место и спросили у народа, наполнявшего Красную площадь, кого они хотят в цари? «Михаила Федоровича Романова» — был ответ [95].

ПРИМЕЧАНИЯ
К ТОМУ ВОСЬМОМУ

[1] Летоп. о мятеж. стр. 46 [1].

[2] Понятно, что о случившемся при смерти Феодора ходили разные слухи, записанные иностранцами; наприм., Буссов рассказывает, что царица Ирина убеждала мужа вручить скипетр брату ее, Годунову; но царь предложил скипетр старшему из своих двоюродных братьев, Федору Никитичу Романову, имевшему *на престол ближайшее право*; Федор Никитич уступал скипетр брату своему Александру, Александр третьему брату, Ивану, Иван Михаилу, Михаил какому-то знаменитому князю, так что никто не брал скипетра, хотя каждому хотелось взять его. Царь, долго передавая жезл из рук в руки, потерял терпение и сказал: «Так возьми же его, кто хочет!» Тут сквозь толпу важных особ протянул руку Годунов и схватил скипетр [2]. В наших хронографах (как, наприм., в хронографе Рум. муз. № 457 и др.) сказано: благословил и приказал быть по себе на престоле Москов. г-ства братанчу своему, Федору Никитичу Романову [3]. Но слова избирательной грамоты Мих. Федор. решают дело.

[3] Синбирский сборн. Введение к разрядной [4].

[4] Акты арх. экон. II, № 6 [5].

[5] С. г. г. и д. II, № 82 [6].

[6] Летоп. о мятеж. 48 [7].

[7] Акты арх. эксп. II, № 7 [8]. Шиль в Samml. von Wichmann, 451, 452 [9]; De Ty Hist. univers. CXX, 180 [10].

[8] Маржерет [11].

[1] Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев по преставлении царя Иоанна Васильевича (далее: Летопись о мятежах). М., 1788. С. 46.

[2] *Bussor C.* Chronicon Moscoviticum a 1584—1612. Rerum rossicarum scriptores exteri (Сказания иностранных писателей о России, изданные Археографическою комиссиею). Т. 1. Petropoli, 1851. P. 4—5.

[3] ГБЛ. ОР, ф. 250. Румянцева. № 457, л. 862 об. (цитировано Соловьевым неточно).

[4] Разрядная книга от 1559 до 1604 г. // Синбирский сборник. Т. I. М., 1844. Введение. С. 165.

[5] ААЭ. Т. II. СПб., 1836. № 6. С. 13—16.

[6] СГГД. Ч. 2. М., 1819. № 82. С. 179—186.

[7] Летопись о мятежах. С. 48.

[8] ААЭ. Т. II. № 7. С. 16—54.

[9] Relation wegen der Jungsten Anno [15] 98. von Röm. Nay. Mayt. unsers allergnadigen Herrn Hofdiener Cichaël Spielen anbefohlenen Reis in die Moscaw // *Wichmann B. V.* Sammlung bisher noch ungedruckter kleiner Schriften zur ältern Geschichte und Kenntnis des Russischen Reichs. Bd. I. Berlin, 1820. S. 451—452. См. также: *Шиль М.* Донесение о поездке в Москву придворного римского императора в 1598 г. // Чтения ОИДР. Кн. 2. Отд. IV. М., 1875.

[10] *De Thou J. A.* Histoire universelle de Jacques Auguste de Fhou, depuis 1543, jusq'en 1607. Vol. I. Londres (Paris), 1734.

[11] *Маржерет.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. СПб. 1832. С. 22.

[9] Буссов в Rerum Rossic. scriptores exteri [12]. Хронографы, как, напр., хроногр. Румянцев. музея, № 457 и др.[13]

[10] Вспомним приведенное выше известие, что чрезвычайные, великие соборы созывались по пятницам.

[11] Кто исчислял? По всему видно, что патриарх с своими единомышленниками. В акте сказано очень неопределенно: «И сие в свидетельство приводяще».

[12] Это известие находится у Татищева в неизданных его бумагах (библ. Моск. арх. мин. ин. д. Татищевск. бумаги в портф. Мюллера, тетр. № 7) [14]. Известие это читается так у Татищ[ева]: «Он же яко волк оделся в одежду овчию, так долго искав, ныне стал отрицаться и по неколикократном прошении он уехал к царице в Новодевич монастырь, причина ж тому была сия, что боляре хотели, чтоб он государству по предписанной грамоте крест целовал, чего он учинить и явно отказать не хотел, надеяся, что простой народ выбрать его без договора бояр принудит. Сие его отрицание и упрямство видя, Шуйские начали говорить, что непристойно более его просить, и представляли, чтоб обирать иного. Тогда патриарх пошел с крестным ходом, и Годунов безо всякого отрицания принял».

[13] Допол. к акт. истор. II, № 76 [15]; яко братию и царствию помогателя имети.

[14] Хроногр. Карамзинский, № 3 (в Археогр. комиссии) [16]; также рукоп. Импер. Публ. Библ. № 1406, 1411 [17]. Иное сказание о самозванцах во Времен. Москов. истор. общ. кн. 16 [18].

[15] Акты арх. эксп. II, № 10 [19].

[16] ТЖ. № 1 [20].

[17] Маржерет [21]; Летоп. о мятеж. стр. 50 [22].

[18] Акты арх. эксп. II, № 6 [23].

[19] ТЖ. № 8 [24]; Допол. к. акт. истор. I, № 145 [25].

[20] Палицын [26]; хронограф. Имп. Публ. Библ. № 198 [27].

[21] Шпля — Relation, стр. 462 [28]; Буссов [29]; С. г. г. и д. II, стр. 155, 157 [30]; Допол. к акт. истор. № 146 [31]; Москвитянин 1844 г., № 5 [32].

[12] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 5.
[13] ГБЛ. ОР. ф. 256. Румянцева. № 457, л. 862 об.— 865.
[14] ЦГАДА, ф. 199. Портфели Г. Ф. Миллера, ед. хр. 46, д. 7, л. 9—9 об.
[15] ДАИ. Т. II. СПб., 1846, № 76. С. 194—195.
[16] ГПБ. ОР. F IV. № 595, 598, 599, 600. Наиболее подробное изложение приведенных С. М. Соловьевым фактов дано в хронографе № 600, л. 635—636.
[17] ГПБ. ОР. Погодинское собрание. № 1406, л. 220 об.; № 1411, л. 255.
[18] Иное сказание о самозванцах // Временник МОИДР. Кн. 16. Отд. II. М., 1853. С. 7—9. См. также: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени // РИБ. Т. XIII. СПб., 1909. Стб. 11—16.
[19] ААЭ. Т. II, № 10. С. 57—61.
[20] Там же. № 1. С. 1—6.
[21] *Маржерет.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. С. 23—24.
[22] Летопись о мятежах. С. 50—51.
[23] ААЭ. Т. II. № 6. С. 13—16.
[24] Там же. № 8. С. 54—56.
[25] ДАИ. Т. I. СПб., 1846. № 145. С. 239—240.
[26] *Палицын Аврамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах. М., 1822. С. 7—8. См. также: Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 104.
[27] ГПБ. ОР. F XVII. № 17, л. 457.
[28] Relation... // *Wichmann B. V.* Sammlung... S. 462. См. также: *Шиль М.* Донесение о поездке в Москву // Чтения ОИДР. Кн. 2. Отд. IV.
[29] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 8.
[30] СГГД. Ч. 2. № 74. С. 156—157.
[31] ДАИ. Т. I. № 146. С. 249—250.
[32] Москвитянин. Ч. III. № 5. М., 1844. С. 80—82.

[22] Дела польск. № 24 [33]; Adelung — Übersicht der Reisend II, 13 [34]; Trebickiego Posolstwo Lva Sapiehy, Histor. Russ. Monum. I, № XXXI [35]; Zycie Lwa Sapiehy, у Бобровича — Zycia slawnych polakow, t. IV [36].

[23] Архив мин. ин. д. наказ Клаусу, как склонять жителей Риги к подданству [37]; царские грамоты псковским и ивангородским воеводам [38]; грамота Густава к Карлу шведскому [39]; Петрей [40]; Adelung — Übersicht, II, 4 [41].

[24] Архив мин. ин. д. Выписка о приезде королевича Густава [42]; наказ Клаусу [43]. По смерти Годунова Густав был переведен в Ярославль, потом в Кашин, где и умер, см. Буссова [44].

[25] Дела датские, архив древний 1516—1603, связка 1 [45]; Бюшингов магазин, VII, VIII [46]; летоп. о мятеж., стр. 66 [47].

[26] Памятн. дипломат. сношен. т. II [48]; Арх. мин. ин. д. Дела английские в царств. Годунова [49].

[27] Арх. мин. ин. д. о приезде любских и иных поморских вольных городов послов [50]; Мюллера — Samml. russ. Gesch. V. 164 [51]. Histor. Russ. Monum. II, № XXXII, XXXIII, XXXIV [52]; летоп. о мятеж. 65 [53].

[28] Дела крымские в столбцах, № 2 [54]; Памят. диплом. сношен. II, стр. 720 [55].

[29] Арх. мин. ин. д. бумаги о приезде грузинских послов и донесения москов. посланника Татищева [56]; летоп. о мятеж., стр. 68 [57].

[30] Дела ногайские (1601—1604 г.) [58]; летоп. о мятеж. 53 [59].

[33] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 24, л. 1—174 об. См. также: Сб. РИО. Т. 137. М., 1912. С. 74—162

[34] *Adelung Fr.* Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. Bd II. St.-Petersburg; Leipzig, 1846. S. 13.

[35] Акты исторические, относящиеся к истории России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым // Historica Russiae Monumenta. Т. II. СПб. 1842. № XXXI. С. 52—53.

[36] *Bobrowicz J. N.* Zycie slawnych polakow. T. IV. Jan Tarnowski, Lew Sapieha. W Lipsku, 1837. S. 102—106.

[37] ЦГАДА, ф. 64. Сношения России с Лифляндией. 1599 г., д. 13, л. 3—4.

[38] Там же, д. 11, л. 1—6.

[39] Там же.

[40] *Petreium Petrum de Erlesunda.* Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow. Lipsiae (Leipzig), 1620. S. 271—274. См. также: *Петрей П. де Ерлезунда.* История о Великом княжестве Московском... М., 1867. С. 177—179.

[41] *Adelung Fr.* Kritisch-literarische Übersicht. Bd II. S. 4.

[42] ЦГАДА, ф. 96. Сношения России со Швецией. 1599 г., д. 4, л. 1—13.

[43] ЦГАДА, ф. 64. Сношения России с Лифляндией. 1599 г., д. 13, л. 11—12.

[44] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 9—10.

[45] ЦГАДА, ф. 53. Сношения России с Данией. 1602 г., д. 1, л. 74—223.

[46] Magazin für die neue Historie und Geographie/Angelegt von A. Fr. Büsching. T. VII. Halle, 1773. S. 257—297, 316—317.

[47] Летопись о мятежах. С. 66—67.

[48] Памятник дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. II. СПб., 1852. Стб. 653—752.

[49] ЦГАДА, ф. 35. Сношения России с Англией. 1598 г., д. 28, л. 27, 34—37; 1600 г., д. 30, л. 39—46, 108—117; д. 31, л. 1—76. См. также: Сб. РИО. Т. 38. СПб., 1883. С. 260, 262, 285—288, 310—313, 315—363.

[50] ЦГАДА, ф. 61. Сношения России с имперскими городами, ед. хр. 18, л. 1—131.

[51] *Müller G. F.* Sammlung Russischer Geschichte. Bd V. St.-Petersburg, 1760. S. 164—166.

[52] Historica Russiae Monumenta. Т. II. № XXXII—XXXIV. С. 54—56.

[53] Летопись о мятежах. С. 64—65.

[54] ЦГАДА, ф. 123. Сношения России с Крымом. 1601 г., д. 2, л. 100—149; 1602 г., д. 1. л. 48—66, 80—114; 1604 г., д. 2, л. 22—27.

[55] Памятники дипломатических сношений... Т. II. Стб. 720—721.

[56] ЦГАДА, ф. 110. Сношения России с Грузией. 1603 г., д. 2, л. 61—161, 178—188, 197, 206—209; 1604 г., д. 1, л. 171—235; д. 2, л. 2—106.

[57] Летопись о мятежах. С. 68—70.

[58] ЦГАДА, ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. 1604 г., д. 1, л. 1—4; д. 3, л. 1—207.

[59] Летопись о мятежах. С. 53—54.

[31] Акты истор. II, № 1, 7—23, 26, 28, 29, 30, 35, 36, 39, 40—43, 45, 50—52, 345, 346 [60].

[32] С. г. г. и д. II, № 73[61]; Акты арх. эксп. II, № 11[62]; Акты истор. II, № 48, 223 [63].

[33] Дела датские, связка 1-я [64].

[34] Мы видели, что, по Флетчеру, стрельцы получали по семи рублей в год; не может быть, чтобы при Борисе жалованье было уменьшено, след., тот или другой ошибся; впрочем, Флетчер мог смешать жалованье десятника с жалованьем простого стрельца [65].

[35] Буссов [66].

[36] С. г. г. и д. II, № 71 и 72 [67].

[37] Цены этим товарам: сукна страфили средней земли по 14 рублей постав; сукна стамбреды по 3 рубля с четвертью половинка; сукна Жеганской земли по 2 рубля половинка; сукна калитки по 3 рубля половинка. Бочка вина красного по 4 рубля бочка, вино белое по той же цене; сахар по 6 рубл. пуд; перец черный по 3 рубля пуд; медь красная по 2 рубля по 4 гривны пуд; медь волоченая по 2 рубля 20 алтын пуд; медь в тазах по 2 с полтиною пуд; медь зеленая в котлах по 2 с полтиною пуд; медь паздера по 4 рубля; медь зеленая тонкая по 3 рубля; железо белое по 5 рублей четвертинка; пуд ладану по 3 рубля; пуд зелья пищального по 3 рубля; пуд бумаги хлопчатой по 2; стопа бумаги писчей 4 гривны; бочка сельдей 2 рубля; пуд соли алтын; сукна лундыши по 20 алтын аршин, по 20 рублей половинка; сера горячая по 20 алтын пуд; зеркала по гривне штука; изюм по 30 алтын пуд; атлас полузолотный по 30 алтын аршин и по 20; литра золота и серебра пряденого по 5 рублей; бочка лимонов по 3 рубля, бочка романеи 13 рублей; пуд мыла греческого 60 алтын; яхонт 50 рублей; ожерелья по 20 рублей; кипа сукон рославских по 40 рублей; пуд винных ягод 20 алтын; пуд чернослива четыре гривны; берковец сандалу по 5 рублей; пуд цилибухи 5 рублей; колокола весом в 30 пуд по 2 с полтиною пуд; свинец по 2 рубля с полтиною берковец; миткали по 2 рубля миткаль; кинзяки — по 40 алтын киндяк, сарочинское пшено по 4 гривны пуд; подсвечник медный по 8 алтын; рукомойник медный по полгипе; сафьян черный по 10 алтын; замки круглые по рублю дюжина; погребцы по рублю погребец; косяк камкасея по 4 рубля; полотенце астрадамское по рублю; камка кармазину по 30 алтын аршин; пуд гвоздики и корицы 20 рублей; пуд анису по полтора рубля; паникадило медное по рублю; ртуть по 3 рубля пуд; ярь по 5 рублей пуд; аршин бархату полузолотного полтора рубля; аршин бархата с серебром по рублю и 20 алтын; канфора по рублю с полтиною пуд, бочка москательного товара 50 рублей; пуд проволоки железной по рублю с полтиною; пуд камешков лячных по рублю; камешков белых лячных по гривне кистка; тафта по 3 алтына аршин; пуд кардамону по 11 рублей; имбирь в патоке по гривне фунт; цвет мускатный по 25 рублей пуд; гвоздика по 10 рублей пуд; полотенце полушелковое по 2 рубля; пуд масла спикопардова по 8 рублей; пуд масла деревянного полтора рубля; сердолики по 5 рублей; пуд масла бобкового по три рубля; пуд ядер миндальных по 2 рубля; бархат рытый цветной по рублю аршин, таусинный гладкий та же цена; вино алкан 15 рублей бочка, репское — 14, бастр — 13, белое француз-

[60] АИ. Т. II. СПб., 1841. № 1. С. 1—4; № 7—23. С. 8—23; № 26. С. 24—25; № 28. С. 26; № 29. С. 26—27; № 30. С. 27—28; № 35. С. 33—34; № 36. С. 34; № 39. С. 52—54; № 40—43. С. 54—57; № 45—52. С. 57—62; № 345. С. 411—412; № 346. С. 412.

[61] СГГД. Ч. 2. № 73. С. 153—156.

[62] ААЭ. Т. II. № 11. С. 61—62.

[63] АИ. Т. II. № 48. С. 59; № 223 (в документе нет сведений, указанных С. М. Соловьевым).

[64] ЦГАДА, ф. 53. Сношения России с Данией. 1602 г., д. 1, л. 44—52.

[65] *FletcherG.* Of the Russe Common Wealth. London, 1591. P. 55. См. также: *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 64.

[66] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 17.

[67] СГГД. Ч. 2. № 71. С. 151; № 72. С. 152.

ское 4 рубля; пуд сахаров чиненых по 4 рубля; лимоны в патоке по рублю пуд; пуд олова прутового по 2 рубля с полтиною; пуд олова блюдного та же цена; пуд киновари 12 рублей; пуд квасцов 25 алтын. Выписка из английских дел в царств. Бориса [68].

[38] Акты арх. экп. II, № 14, 19, 20, 23, 24, 225 [69]. Акты юридич. стр. 201, 202 [70].

[39] Дела английские [71]; вот имена отправленных в Англию: Никифор Григорьев, Софон Кожухов, Казарин Давыдов, Федор Костомаров. Буссов говорит, что выбрано было 18 молодых людей и по 6 отправлено было в Любек, Англию и Францию [72]; но из английских дел видно, что в Англию отправлено было 4; а в Любек, по свидетельству Брамбаха, отправлено 5. См. Willebrant — Hansische Chronik, III, 121 [73]. Об отправлении в цезарскую землю см. дела шведские, № 17.

[40] В Москов. архиве мин. ин. дел хранится письмо какого-то Товии Лонцпуса к царю Борису от 24 генваря 1601 года [74]; Лонцпус пишет, будто какой-то Крамер приглашал его в царскую службу и говорил ему, что царь хочет завести у себя школы и университеты. Кто был этот Крамер? — неизвестно. Крамер говорил правду, рассказывая о намерении Бориса завести школы (хотя и не университеты), но должен был договорить, ибо Буссов говорит о возражениях духовенства, вследствие которых посланы были русские молодые люди учиться за границу [75]; свидетельство Буссова мы должны принять, ибо посылка молодых людей — факт несомненный; след., Крамер не мог приглашать Лонцпуса в профессора! Борис мог вызывать ученых людей, которые могли быть ему полезны своими знаниями, но не мог вызывать их на профессорские кафедры. Письмо Лонцпуса может быть объяснено тем, что Крамеру, которому было наказано промышлять однолично, промышлял всякими мерами, всякою хитростию. Образец опасных грамот иностранцам см. С. г. г. и д. II, № 75 [76]. См. также грамоту, данную Борисом Якобу Людовику Корнелию Венецпявцу, у Чьямпи Bibliogr. crit.[77]

[41] Дела английские [78]; Буссов [79].

[42] Буссов [80]; Палицын (стр. 20) [81]; История об Иове патриархе рукоп. Рум. муз. № 156 [82].

[43] См. История России, VII, 259 [83].

[68] ЦГАДА, ф. 35. Сношения России с Англией. 1604 г., д. 41, л. 5—51 (текст С. М. Соловьевым цитируется выборочно).
[69] ААЭ. Т. II. № 19. С. 69—70; № 20. С. 70—71; № 23. С. 73—74; № 24. С. 74—75; № 225. С. 385—392; № 14 (в документе нет сведений, указанных С. М. Соловьевым).
[70] АЮ. СПб., 1838. № 189. С. 201—202.
[71] ЦГАДА, ф. 35. Сношения России с Англией. 1602 г., д. 36, л. 2, 4. См. также: Сб. РИО. Т. 38. С. 424—425.
[72] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 9.
[73] *Willebrandt J. P.* Hansische Chronik. Abt. III. Lübeck, 1748. S. 177. См. также: *Blumcke O.* Berichte und Akten der Hansischen Gesandschaft nach Moskau im J. 1603 // Hansische Geschichtsquellen. Bd VII. Halle, a. S., 1894.
[74] ЦГАДА, ф. 32. Сношения России с Австрией и Германской империей. 1601 г., ед. хр. 1, л. 1—14.
[75] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 9.
[76] СГГД. Ч. 2. № 75. С. 158.
[77] *Ciampi S.* Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche letterarie artistiche dell'Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali. T. I. Firenze, 1834. P. 39.
[78] ЦГАДА, ф. 35. Сношения России с Англией. 1599 г., д. 29, л. 8—10. См. также: Сб. РИО. Т. 38. С. 270—271.
[79] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 10.
[80] Ibid. P. 11.
[81] *Палицын Авраамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 20—21. См. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 109—110.
[82] История о первом патриархе Иове в великой России. О возведении на патриаршество и о изгнании его // ГБЛ. ОР, ф. 256. Румянцева. № 156, л. 139—139 об. См. также: РИБ. Т. XIII. Стб. 930.
[83] См. т. 7 наст. изд. С. 192.

[44] Палицын, стр. 8 [84].
[45] Маржерет [85]; Буссов [86]; Палицын, 20 [87].
[46] Летоп. о мятеж. 62 [88]; Буссов [89].
[47] Портфель Татищева, тетр. № 7 [90]. В тексте помещено известие летописца о Борисове, а на стороне прибавлено: «Другие сказывают, якобы Бельский отцу духовному в смерти царя Иоанна и царя Феодора каялся, что сделал по научению Годунова, которое поп тот сказал патриарху, а патриарх царю Борису, по котором немедленно велел Бельского взяв сослать».
[48] Буссов [91].
[49] Летоп. о мятеж. 54 [92].
[50] Русск. истор. сборн. т. II, стр. 268 [93].
[51] Акты истор. II, № 38, 54 [94]; Исаак Масса (Histoire des guerres de la Moscovie, II, 40) [95].
[52] Маржерет [96].
[53] Хронографы [97].
[54] Палицын [98].
[55] Палицын 10, 11 [99]; Летоп. о мятеж. 63 [100]; Буссов [101]; Маржерет [102]; рукоп. Румян. муз. № 591 [103]; Исаак Масса, II, 65 [104].
[56] Mémoires d'Aszentini у Карамз. XI, прим. 170 [105].
[57] Дела датские 1516—1603, связка 1-я [106].
[58] История России, VII, 25 [107].
[59] Палицын, стр. 14 и сл.[108]; Летоп. о мятеж. 71 [109]; Акты истор. II, № 44 [110].

[84] *Палицын Аврамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 8. См. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 104.
[85] *Маржерет.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. С. 36—37.
[86] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 26.
[87] *Палицын Аврамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 20—21. См. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 109.
[88] Летопись о мятежах. С. 62—63.
[89] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 18.
[90] ЦГАДА, ф. 199. Портфели Г. Ф. Миллера, ед. хр. 46, д. 7, л. 13.
[91] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 18.
[92] Летопись о мятежах. С. 54—56.
[93] Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. Т. II. Кн. 1—4. М., 1838. С. 268.
[94] АИ. Т. II. № 38. С. 34—52; № 54. С. 64—66.
[95] *Massa Isaac.* Histoire des guerres de la Moscovie (1601—1610). T. II (Traduction français). Bruxelles, 1866. P. 40; *Масса Исаак.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 53.
[96] *Маржерет.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. С. 67—68.
[97] ГБЛ. ОР, ф. 256. Румянцева. № 457, л. 870 об.— 872.
[98] *Палицын Аврамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 20. См. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 109.
[99] *Палицын Аврамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 10—13. См. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 105—106.
[100] Летопись о мятежах. С. 63—64.
[101] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 23.
[102] *Маржерет.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. С. 74—76.
[103] ГБЛ. ОР, ф. 256. Румянцева. № 391, л. 15 об.— 16 об.
[104] *Massa Isaac.* Histoire des guerres de la Moscovie... P. 64; *Масса Исаак.* Краткое известие о Московии... С. 61.
[105] *Карамзин Н. М.* История государства Российского / Изд. И. Эйнерлинга. Кн. III. Т. XI. СПб., 1843. Стб. 67; Примеч. № 170. Стб. 35.
[106] ЦГАДА, ф. 53. Сношения России с Данией. 1602 г., д. 1, л. 41—43.
[107] См. т. 7 наст. изд. С. 25.
[108] *Палицын Аврамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 14—21. См. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 106—110.
[109] Летопись о мятежах. С. 71—72.
[110] АИ. Т. II. № 44. С. 57.

[60] Известия Товянского в. Zycie J. P. Sapiehy, 1791 [111]; Буссов [112]; Паерле [113]; Летоп. о мятеж. 62 [114]; «держаху речь велию на Москов. государство»; надобно поправить: «держаху *рець* велику», как в хронографе гр. Толстого, № 198 [115]; в этом хронографе и других говорится, что самозванец писал, будто его уберегли Щелкаловы от убийства и отпустили в Литовскую землю.

[61] См. Consilium datum amico de recuperanda et in posterum stabilienda pace regni Poloniae, p. 27 [116]; Legende de la vie de Demetrius, изд. кн. Оболенского, см. предисловие [117].

[62] Adelung — Übersicht der Reis. II, 181 [118].

[63] Histor. Russiae Monumenta. II, № LV [119]. Вследствие этого распространился слух, что Лжедмитрий был воспитан францисканцами; Heri Géraldi в письме к в. г. Тосканскому [120].

[64] Известный Иван Наседка Ключарь пишет к составителю жития Дионисиева: «мнится мне, государь мой, и для того надобно вам держати те грамоты осадные для преди на гордость вельмож лукавых, как над царствующим градом учинилась от них погибель; *как царю Борису Федоровичу*, как царю Василью Иоанновичу; и что о сих глаголати? Но паче возопить: ох, ох! увы, увы!» — Печатн. житие Дионисия, стр. 84 [121]. Кроме Буссова [122] и другие современники иностранцы указывали на тех же виновников появления самозванца: Natizie estratte dalla storia della sollevazioni segvite in Polonia et. c. di Alessandro Cilli (Ciampi — Bibliogr. crit.) [123], «Altri volsero, che il detto Feodorovic (Борис) legitimamente in imperatore fusse elleto, ma che il detto Demetrio (per istigazione di quell che malvolontieri obbedivano a questo principe, sotto apparenti colorie metafore) non fosse quell veroe legitimo Demetrio figlio del gran Giovanni di Basilio, ma finto, falso, ambitioso di regnare.— О рассказе Лжедмитрия Вишневецкому в Historia de Pseudodemetrio, рукоп. II. П. Библ. польск. отд. № 33. См. также: Historica narratio de mirab. via ac ratione, qua paternum imperium consecutus est Demetrius, anno 1605 [124].

[65] Дела польские, № 26 [125]; летоп. о мятеж. 73 [126]; акты арх. эксп. II, № 28, 64 [127]. По извету Варлаама самозванец вышел из Москвы в Литву в 1602 году, а по свидетельству польских послов (Supplement, ad histor. Russ. Monum. p. 410) [128] 1601, что вероятнее. С. г. г. и д. II, № 152, 76, 79 [129];

[111] *Zmudzin Towiański*. Historya o Dymitrze Iwanowiczu krótko a prawdziwie napisana // *Kognowicki K.* Zycia Sapiehów y listy od manarchów księżąt y roznych panujących do tychże pisane. T. II. Warszawa, 1791. S. 73.

[112] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 62—64.

[113] Записки Георга Паерле о путешествии его из Кракова в Москву и из Москвы в Краков с 19 марта 1606 по 15 декабря 1608 года // *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. II. СПб., 1832. С. 4—5.

[114] Летопись о мятежах. С. 72—79.

[115] ГПБ. ОР. F XVII. № 17, л. 460.

[116] Consilium datum amico de recuperanda et in posterum stabilienda pace regni Poloniae. Conversum ex polonico in latinum. [S. l.], 1607. P. 27.

[117] La legende de la vie et de la mort Demetrius l'Imposteur, connu sous les noms de Grichka Otrepief, Samozvanetz, Rastriga ou Ljedmitri / Réimprimé par M. Obolensky. Moscou, 1839. P. VIII—IX.

[118] *Adelung Fr.* Kritisch-literarische Übersicht. Bd II. S. 181.

[119] Historica Russiae Monumenta. T. II. № LV. C. 72—73.

[120] *Ciampi S.* Bibliografia critica... T. I. P. 275—276.

[121] Канон преподобному отцу нашему Дионисию, архимандриту Сергиевой лавры... М., 1855. С. 49. См. также: Житие преподобного отца нашего Дионисия, архимандрита Сергиевой лавры. Троице-Сергиева лавра, 1908. С. 41.

[122] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 27.

[123] *Ciampi S.* Bibliografia critica... T. I. P. 84, 278.

[124] Historica narratio de mirabili via ac ratione, qua paternum Imperium consecutus est serenissimus Demetrius Magnus Dux Moscoviae, anno 1605. Graecii, 1606. P. 8.

[125] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 26, л. 1—18 об., 53—143 об. См. также: Сб. РИО. Т. 137. С. 193—205, 238—282.

[126] Летопись о мятежах. С. 72—79.

[127] ААЭ. Т. II. № 28. С. 78—81; № 64. С. 141—144.

[128] Supplementum ad Historica Russiae Monumenta // Дополнения к актам историческим, относящимся к России. Собраны в иностранных архивах и библиотеках и изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1848. № 163. С. 410.

[129] СГГД. Ч. 2. № 152. С. 322—324; № 76. С. 159—162; № 79. С. 165—166.

Cilli notizie estratte ct. c.; Annuae litterae Societatis Iesu, 1604. Lubienskie go — Pisma posmiertne b Dziejopisowie krajowi. стр. 51 [130]. Челобитная Варлаама служит важным, обстоятельным и живым источником относительно бегства Григория Отрепьева из Москвы. Г. Костомаров (Смутное время, II, 59 и след.) [131], которому непременно хочется уничтожить тождество Лжедмитрия с Григорием Отрепьевым, вооружается против справедливости показаний Варлаама на следующих основаниях: 1) Варлаам говорит, что он убежал с Григорием в 1602 году, а по известиям, сообщенным поляками, видно, что самозванец был в Польше ранее. Положим, что показания поляков точнее; но одна хронологическая неточность может ли накинуть подозрение на акт вовсе не официальный, а на рассказ монаха о своих похождениях. В подобных рассказах и позднейшего времени, идущих от лиц образованных, мы нередко находим неточности поважнее Варлаамовой, но это не дает никому права набрасывать подозрение на правду рассказа. Одно из главных правил исторической критики — обсуждать памятник по условиям того времени, в которое он явился, а не по условиям нашего времени и не требовать от простого русского человека XVI или XVII века той осторожности в хронологических показаниях, какою обязан ученый историк XIX века. Не слышим ли мы так часто споры людей о том, когда случилось интересующее их событие? Просто память изменила одному из них или обоим; почему же не допустить подобного же случая с Варлаамом? Когда явился самозванец и пограничные воеводы стали писать в Польшу, что истинный царевич Димитрий умер в Угличе, то каких хронологических неточностей они наделали! Историк считает это естественным и необходимым именно по условиям того времени, точно так как считает естественным и необходимым, если молодой человек, которому говорят, что он царевич Димитрий, не стал рассчитывать, что он старше или моложе, что он ничего не помнит об Угличе по той простой причине, что он не знал, сколько ему лет, ибо тогда и люди, повыше его поставленные, не знали года своего рождения.

2) Варлаам рассказывал, что, проживая в Печерском монастыре три недели, Гришка задумал идти к князю острожскому. Варлаам извещал на него архимандриту, чтоб тот удержал его, а потом сам пошел с Гришкою в Острог. Странно допустить, чтоб Гришка отправился вместе с человеком, который на него доносил и наблюдал за ним. Отвечаем: странно было бы предполагать, что Варлаам рассказал Григорию, что ходил извещать на него архимандриту, а, не зная об этом, Григорий пошел без всякого подозрения.

3, 4, 5 и 6) Г. Костомаров старается заподозрить свидетельство Варлаама тем, что он не говорит, видел ли Отрепьева после того, как тот назвался царевичем, и тем, что Варлаам не знал близко обстоятельств дела, о котором говорит. Отвечаем: показание Варлаама есть первое показание, в котором обыкновенно опускаются посредствующие обстоятельства, которые, по представлению свидетеля, очевидны, подразумеваются; поэтому отбираются еще новые показания, причем допрашивающий старается заставить свидетеля дополнить эти посредствующие обстоятельства вопросом: от кого вы это слышали? Сами ли вы это видели? и т. п. Для историка, к несчастию, первое показание известного свидетеля есть обыкновенно и последнее; вот почему так часто исследователи из показания свидетеля делают обвинительный акт против свидетеля, забывая, что это злоупотребление критики, что нельзя обвинять, не сделавши второго допроса относительно темных мест показания, не зная, что свидетель будет говорить при втором допросе. Что Варлаам не знал некоторых подробностей, смешал имена князей Вишневецких, передал по-своему речь Лжедимитрия королю — это так естественно, что не стоит останавливаться на этом. Положим даже, что Варлаам сам не видал Лжедимитрия по-

[130] *Lubieński*. Pisma pósmiertne. Droga do Szwecyi r. 1593. Rozruchy domowe od r. 1606 op 1608 / Prz (elożył) A. B. Locher. Petersburg: Mohilew, 1855. S. 51—53.

[131] *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Т. II. СПб., 1868. С. 55—64.

сле того, как последний оставил его еще будучи в монашеской рясе, положим, что Варлаам начал волноваться, поверив другим, что пришедший с ним из Москвы монах назвался царевичем Димитрием; то для чего Лжедимитрий, если не был Отрепьевым, мучил его, засадил в тюрьму? Ему стоило только показаться Варлааму и спросить: «Неужели я — монах Григорий, пришедший с тобою из Москвы?» Мы готовы утверждать, что Варлаам действительно не видал самозванца в Самборе, тот не показывается ему и старается устранить опасного свидетеля, что и будет служить лучшим доказательством, что Лжедимитрий и Отрепьев один и тот же человек. Г. Костомаров спрашивает: почему Варлаам, так подробно рассказывающий о своем свидании с Гришкою в Москве, очень краток в своем рассказе с тех пор, как Отрепьев разлучился с ним и ушел в Гошу. Отвечать на это легко: главное лицо рассказа Отрепьев, и как скоро он исчезает, рассказ Варлаама о самом себе становится краток. Что рассказ его правдив, доказательством служит то, что он выставляет жену старого Мнишка и дочь его Марину своими благодетельницами, выпустившими его на свободу, что выставлять ему было не выгодно в своей челобитной.

7) Варлаам говорит, что признали Гришку за Димитрия братья Хрипуновы; но о дозволении братьям Хрипуновым возвратиться в отечество просил Сигизмунд Димитрия, уже царствовавшего в Москве. Если бы Хрипуновы были в числе первых, признавших названного Димитрия еще в Кракове, то не предстояло бы необходимости просить за них. Отвечаем, что здесь видим явление, случающееся ежедневно и со множеством людей. Лжедимитрий забыл о Хрипуновых, и Сигизмунд напомнил ему о них, а забыть Лжедимитрию было легко в таком чаду. Да и просили ли Хрипуновы Лжедимитрия о возвращении в Россию, когда признавали истинным царевичем? Притом они были уже польские подданные, и им необходимо было прежде обратиться к королю и через него вести дело.

8) Варлаам говорит, что Гришка сына боярского Пыхачева велел казнить, а его, Варлаама, заключил в тюрьму: конечно, прежде всего Гришка казнил бы Варлаама, как человека, который хорошо знал его и мог обличать. Отвечаем, что при этом возражении не обращено внимания на важное обстоятельство, именно на то, что Варлаам был монах, а казнить монаха тогда не решались лица, которые легко казнили светского человека.

9) Варлаам говорит, что в 1605 году он прибыл в Смоленск. Это очевидная нелепость. Как мог человек, обличавший расстригу и за то пострадавший, освободившись из тюрьмы, отправиться в государство, где властвовал тот, кого он обличал и кому мог быть вреден? Отвечаем, что, во-первых, в Смоленске никто не знал о Варлааме и его обличениях; Лжедимитрий не знал, что невеста его освободила Варлаама, и не давал никаких приказаний схватить его. Во-вторых, не понимаем, как можно называть очевидною нелепостию существование людей смелых, не боящихся никакой опасности, ищущих ее, а Варлаам, как видно из его челобитной, именно принадлежал к числу таких людей.

Вопрос о происхождении первого Лжедимитрия такого рода, что способен сильно тревожить людей, у которых фантазия преобладает. Романисту здесь широкий простор, он может делать самозванцем кого ему угодно; но историку страшно срываться с твердой почвы, отвергать известие самое вероятное и погружаться в мрак, из которого нет для него выхода, ибо он не имеет права, подобно романисту, создать небывалое лицо с небывалыми отношениями и приключениями. Кроме того, сделавши Лжедимитрия математическим иксом, неизвестным, историк навязывает себе на руки еще другое таинственное лицо, Григорья Отрепьева, с которым развязаться легко нельзя, ибо что-нибудь да заставило современников остановиться именно на этом монахе, существование которого отвергать нельзя; историк не может отказаться от уяснения роли этого монаха, не может не остановиться на том, как это случилось, что Лжедимитрий, будучи отдельным лицом от Отрепьева, не показал этого Отрепьева московскому народу и разом не смыл с себя пят-

но, которое лежало на нем и во мнении тех, которые признавали истинного царевича и под видом Григорья Отрепьева,— пятно расстриги, самовольно свергнувшего с себя иноческий, ангельский образ.

[66] Supplement, ad histor. Russiae Monum., p. 410 [132]; рукоп. И. П. Библ. отд. польск. № 119; Буссов [133]; иное сказ. о самозванцах, врем. ист. общ. ки. 16 [134]; С. г. г. и д. II, стр. 178 [135]; портфель Татищ. № 7 в библ. архива мин. ин. д.[136]; Дополн. к акт. истор. I, № 151 [137]; акты арх. эксп. II, № 28 [138]; Historia de Pseudodemetr. Исаак Масса, 115 [139].

[67] Дополн. к акт. истор. I, № 151 [140]; Петрицкий, стр. 19 [141]; С. г. г. и д. II, стр. 175, № 78 [142]; Маржерет [143]; Паерле [144]; Борши — Wyprawa czara Moskiewskiego, рукоп. библ. главного штаба. Рукоп. Румянц. муз. № 301 [145]; historica narratio de mirabili via, et. c.[146]; Исаак Масса, 92 [147].

[68] Акты арх. эксп. II, № 27, [148]; Буссов [149]; Петрей [150]; акты истор. II, № 53 [151]; Паерле [152]; Летоп. о мятеж., стр. 84 и след.[153]; Маржерет [154]; Хронографы [155]; Milton — history of Moscov. 53 [156]; С. г. г. и д. II, стр. 177 [157].

[69] С. г. г. и д. II, № 85, 87 [158]; акты арх. эксп. II, № 32 [159]; С. г. г. и д. II, № 83 [158]; акты исторч. II, № 55 [160]; Летоп. о мятеж., стр. 87 и след.[161]; акты арх. эксп. II, № 34 [159]; Буссов [162]; Петрей Rerum rossicar script. exteri, p. 173 [163]; о смерти Федора летописец говорит: взять его за таенные уды и раздавы [161].

[132] Supplementum ad Historica Russiae Monumenta. № 163. С. 407—413.
[133] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 27.
[134] Иное сказание о самозванцах // Временник МОИДР. Кн. 16. Отд. II. С. 10—18. См. также: РИБ. Т. XIII. Стб. 17—32.
[135] СГГД. Ч. 2. № 81. С. 178.
[136] ЦГАДА, ф. 199. Портфели Г. Ф. Миллера, ед. хр. 46, д. 7, л. 14 об.— 16 об., 17 об.
[137] ДАИ. Т. I. № 151. С. 255—263.
[138] ААЭ. Т. II. № 28. С. 78—81.
[139] *Massa Isaac.* Histoire des guerres de la Moscovie... P. 115.
[140] ДАИ. Т. I. № 151. С. 255—263.
[141] *Petricius J. I.* Historiae Moschoviticae. Liber III. [Cracoviae, 1641]. P. 19.
[142] СГГД. Ч. 2. № 81. С. 175; № 78. С. 164.
[143] *Маржерет.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. С. 78—80.
[144] Записки Георга Паерле // *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. II. С. 6—9.
[145] О граде Курске... // ГБЛ. ОР, ф. 256. Румянцева. № 391, л. 18—19 об.
[146] Historica narratio... P. [12—13].
[147] *Massa Isaac.* Histoire des guerres de la Moscovie... P. 92.
[148] ААЭ. Т. II. № 27. С. 76—78.
[149] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 27—31.
[150] *Petreium Petrum de Erlesunda.* Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkov. S. 298—306. См. также: *Петрей П. де Ерлезунда.* История о Великом княжестве Московском. С. 195—200.
[151] АИ. Т. II. № 53. С. 62—64.
[152] Записки Георга Паерле // *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. II. С. 22—27.
[153] Летопись о мятежах. С. 84—87.
[154] *Маржерет.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. С. 80—82.
[155] ГБЛ. ОР, ф. 256. Румянцева. № 457, л. 878 об.— 880 об.
[156] *Milton J.* A brief history of Moscovia and of other lessknown countries lying eastward of Russia... London, 1682. P. 53.
[157] СГГД. Ч. 2. № 81. С. 177.
[158] Там же. № 85. С. 191—194; № 87. С. 196—197; № 83. С. 187—188.
[159] ААЭ. Т. II. № 32. С. 86—89; № 34. С. 89—91.
[160] АИ. Т. II. № 55. С. 67—69.
[161] Летопись о мятежах. С. 87—94.
[162] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 31—35.
[163] *Petreium Petrum de Erlesunda.* Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow. S. 306—314. См. также: *Петрей П. де Ерлезунда.* История о Великом княжестве Московском. С. 201—205.

[70] Акты арх. эксп. II, № 35 [164]; С. г. г. и д. II, № 89 [165]; акты арх. эксп. II, № 36, 38, 224 [164]; Буссов [166]; летоп. о мятеж., стр. 95 [167]; С. г. г. и д. II, № 92, 93, 121 [165]; акты истор. II, № 58—60, 64, 347 [168]; Акты арх. эксп. II, № 42 [164]; Сборн. Мухан. № 135—137 [169]; С. г. г. и д. II, № 130 [170]; акты историч. II, № 63, 62 [171]; Андрей Лавицкий в письме к padre provinciale di Polonia у Ciampi в Bibliogr. critica [172]; летопись из библиот. Волынского, в библиот. архива мин. ин. д.[173]; иное сказание о самозванцах, во времен. москов. истор. общ. кн. 16 [174]; Борши — Wyprawa czara Moskievsk. День венчания на царство самозванца я полагаю по русским источникам (см. Иное сказание во времен.) [175]. О духовнике самозванца см. акты, относ. до юридич. быта, стр. 236 [176]; Исаак Масса, 138 [177].

[71] С. г. г. и д. II, № 121 [178]; Legende de la vie et de la mort de Demetrius [179]; Хронограф карамзинский, стр. 719 [180]; Палицын [181]; Adelung. Uebers. der Reisend. II, 168 [182]; Petricii — Historiae Moschoviticae, I, p. 84, 86 [183]; Борши — Wyprawa czara Moskiewskiego, рукоп. библ. глав. штаба.

[72] Сказание еже содеяся (в чтениях моск. истор. общ. 1847, № 9) [184]; Палицын [185]; летоп. о мятеж.[186]

[73] С. г. г. и д. II, № 94, 100, 105 [187]; Geraldi Neri — Lettese al. G. Duca di Toscana, у Ciampi — Bibliogr. crit.[188]; Histor. Chodkiewicza, Нарушевича [189]; Немцевича Dz. pan. Zygm. III, t. II [190]; Zabczyca — Posel Moskiewski, 1605 [191]; С. г. г. и д. II, № 110, 112, 117 [192]; рукоп. И. Публ. Библ. отд. польск. № 111, 119.

[74] Немцевича — Dz. Panow. Zygm. III, IV [193]; Нарушевича — Histor.

[164] ААЭ. Т. II. № 35. С. 92; № 36. С. 92; № 38. С. 93—95; № 224. С. 383—385; № 42. С. 97—98.
[165] СГГД. Ч. 2. № 89. С. 200; № 92. С. 204—207; № 93. С. 207—210; № 121. С. 258—263.
[166] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 35—39.
[167] Летопись о мятежах. С. 94—97.
[168] АИ. Т. II. № 58—60. С. 71—76; № 64. С. 79—80; № 347. С. 412—415.
[169] Сборник Муханова. М., 1836. № 135—137. С. 203—205.
[170] СГГД. Ч. 2. № 130. С. 279—280.
[171] АИ. Т. II. № 63. С. 78—79; № 62. С. 77—78.
[172] *Ciampi S.* Bibliografia critica... T. II. Firenze, 1839. P. 227—229.
[173] Летописец великия России, продолжающийся по 1652 год // ЦГАДА, ф. 181. РО б-ки Моск. главн. архива Мин. иностр. дел, д. 13, л. 127—128 об.
[174] Иное сказание о самозванцах // Временник МОИДР. Кн. 16. Отд. II. С. 24—32. См. также: РПБ. Т. XIII. Стб. 41—56.
[175] Иное сказание о самозванцах // Временник МОИДР. Кн. 16. Отд. II. С. 24—32. См. также: РПБ. Т. XIII. Стб. 41—56.
[176] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. I. СПб., 1857. № 52. Стб. 236.
[177] *Massa Isaac.* Histoire des guerres de la Moscovie. P. 138; *Масса Исаак.* Краткое известие о Московии... С. 115.
[178] СГГД. Ч. 2. № 121. С. 258—263.
[179] La legende de la vie et de la mort Demetrius. P. 15—22.
[180] ГПБ. ОР. F IV. № 598, л. 719—723.
[181] *Палицын Аврамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 21—30. См. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 110—114.
[182] *Adelung Fr.* Kritisch-literarische Übersicht. Bd II. S. 168.
[183] *Petricius J. I.* Historiae Moschoviticae. P. 84—87.
[184] Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о расстриге Гришке Отрепьеве и о похождении его // Чтения ОИДР. Кн. 4. Отд. II. М., 1847. С. 1—36.
[185] *Палицын Аврамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 24. См. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 111.
[186] Летопись о мятежах. С. 97.
[187] СГГД. Ч. 2. № 94. С. 210—211; № 100. С. 211—222; № 105. С. 228—292.
[188] *Ciampi S.* Bibliografia critica... T. I. P. 275—276.
[189] *Naruszewicz A.* Zywot I. K. Chodkiewicza wojewody wileńskiego, hetmana Wielkiego. Ksiestwa Litewskiego. T. I—II. Kraków, 1858. S. 193—199.
[190] *Niemcewicz J. U.* Dzieie panowania Zygmunta III. T. II. Warszawa, 1819. S. 225—245, 269—280.
[191] *Zabczyc I.* Posel moskiewski. Kraków, 1605. S. 7—13.
[192] СГГД. Ч. 2. № 110. С. 237—238; № 112. С. 241—245; № 117. С. 252—253.
[193] *Niemcewicz J. U.* Dzieie panowania Zygmunta III. T. II. S. 278—285.

Chodkiew. I, 237 [194]; акты историч. II, 56 [195]; С. г. г. и д. II, № 96, 97, 103, 120 [196]; рукопись Жолкевского, стр. 15, 16, 17 [197]; С. г. г. и д. III, № 13 [198], дела польские, № 30, год 1615 [199].

[75] Ciampi — Bibliogr. crit.[200]; Adelung — Übersicht der Reisenden. II, 172, 181, 183 [201].; Histor. Rus. Monum. II, № XXXVI, XXXVII, XXXIX, XLI, XLII, XLIII, XLV, XLVI, XLIX, LIV, LV, LVII, LVIII, LXII, LXIII, LXVII, LXXIII, LXXV, LXXIV, LXXVI [202]; С. г. г. и д. II, № 98, 107, 124 [203]; древ. Вивлиоф. ч. XIII, стр. 116 [204].

[76] Histor. Russ. Monum. II, № LXXVII [205]; С. г. г. и д. II, № 126 [206]; дневник послов в сказан. современн. 167, 168 [207]; Летоп. о мятеж., стр. 99 [208]; чтения Москов. истор. общ. № 1, 1846 г.[209]; Histor. Russ. Monum. II, № LXVI [210].

[77] Акты арх. эксп. II, № 81 [211].

[78] Палицын, 28, 29, 32 [212]; Petricii — Histor. Moscou. II, 108, 111, 112, 116, 127, 129 [213]; степен. книга Латухина [214]; Histor. Russ. Monum. II, p. 173 [215]; Сказание еже содеяся, в чтен. Моск. истор. общ. т. IX [216]; Буссов [217]; De-Ту [218]; летоп. о мятеж., стр. 100 [219]; Пясецкий, под г. 1606 [220]; Lubienskiego pisma posmiertne, p. 94, 95 [221]; Histor. de Pseudodemetrio: обстоятельство, каким образом самозванец упал на Житный двор, объясняется рассказом Исаака Массы, что новый дворец Лжедимитрия был построен подле самых стен или даже на стенах Кремля, выходящих к Москве-реке (стр. 145 и 146) [222].

[194] *Naruszewicz A.* Zywot I. K. Chodkiewicza wojewody wileńskiego. T. I. S. 200—205, 237.
[195] АИ. Т. II. № 56. С. 70—71.
[196] СГГД. Ч. 2. № 96. С. 213—216; № 97. С. 216—217; № 103. С. 226—227; № 120. С. 257.
[197] Рукопись Жолкевского / Изд. П. А. Муханова. М., 1835. С. 14—17. См. также: Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. С. 9—10.
[198] СГГД. Ч. 3. М., 1822. № 13. С. 55—65.
[199] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 30, л. 78—83.
[200] *Ciampi S.* Bibliografia critica... T. I. P. 273—274, 285—286.
[201] *Adelung Fr.* Kritisch-literarische Übersicht. Bd II. S. 172, 181, 183.
[202] Historica Russiae Monumenta. T. II. № XXXVI—XXXVII. С. 57—58; №XXXIX, XLI—XLIII, XLV—XLVI, XLIX. С. 60—69; № LIV—LV. С. 72—73; № LVII—LVIII. С. 75—76; №LXII—LXIII. С. 78—80; №LXVII. С. 83; № LXXIII—LXXVI. С. 86—92.
[203] СГГД. Ч. 2. № 98. С. 218—220; № 107. С. 231—234; № 124. С. 267—269.
[204] ДРВ. Ч. XIII. М., 1790. С. 116—118.
[205] Historica Russiae Monumenta. Т. II. № LXXVII. С. 115—116. См. также: *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. II. СПб., 1859. С. 232—233.
[206] СГГД. Ч. 2. № 126. С. 272—275.
[207] Дневник послов польских Олесницкого и Гонсевского. 1606 года // *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. IV. СПб., 1834. С. 127—169.
[208] Летопись о мятежах. С. 99.
[209] Чтения ОИДР. Кн. 1. Отд. I. М., 1846. С. 41.
[210] Historica Russiae Monumenta. Т. II. № LXVI. С. 82.
[211] ААЭ. Т. II. № 81. С. 173—176.
[212] *Палицын Аврамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 28—29, 32. См. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 113—115.
[213] *Petricius J. I.* Historiae Moschoviticae. P. 108—129.
[214] Латухинская степенная книга // ГИМ. Синод. собр. № 293, л. 441 об.— 445.
[215] Historica Russiae Monumenta. Т. II. № CI. С. 173.
[216] Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о расстриге Гришке Отрепьеве и о похождении его // Чтения ОИДР. Кн. 4. Отд. II. С. 1—36.
[217] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 44.
[218] *De Thou I. A.* Histoire universelle... Vol. I.
[219] Летопись о мятежах. С. 100—103.
[220] *Piasecki P.* Chronica gestorum in Europa singularium a Paulo Piasecio, episcopo Praemisliensis accurate ac fideliter conscripta. Cracoviae, 1645. P. 285—287. См. также: *Пясецкий П.* Смутное время и Московско-Польская война // Памятники древней письменности и искусства. Вып. LXVIII. СПб., 1887. С. 7—12.
[221] *Lubieński J.* Pisma pośmiertne. S. 94—95.
[222] *Massa Isaac.* Histoire des guerres de la Moscovie... P. 145—147.

[79] Летоп. о мятеж., стр. 102 [223]; С. г. г. и д. II, № 140, 141, 142 [224].

[80] Карамзин: «Свидетельство едва ли достойное уважения, и если не вымышленное, то вынужденное страхом из двух малодушных слуг, которые, желая спасти себя от мести россиян, не боялись клеветать на пепел своего милостивца, развеянный ветром! Современники верили; но трудно убедить потомство, чтоб Лжедимитрий, хотя и не рассудительный, мог дерзнуть на дело ужасное и безумное; ибо легко было предвидеть, что бояре и москвитяне не дали бы резать себя как агнцев и что кровопролитие заключалось бы гибелью ляхов вместе с их главою» [225].

[81] С. г. г. и д. II, № 146 [226]; русск. достопамятн. I, 175 [227]; по свидетельству надгробной надписи в Архангел. соборе, Шуйский умер в 1612 году 60-ти лет; хронограф о Гермогене [228]. «Был же словесен муж и хитроречив (но не) сладкоучителен, от блаженных же словес присно народ упояшесь, и всякие книги ветхого закона и новые благодати и уставы церковные и правила законные до конца извыче, а правом груб и к бывающим в запрещениях косеи к разрешениям, ко злым же и благим не быстро распрозорителеп, но ко льстивым паче и к лукавым прилежа. О Василии царе злоречством навадиша мятежницы словесы лестными. Он же им о всем веруя, и сего ради ко царю Василию строптиво и неблаголепно беседоваше всегда, понеже внутрь юду имый наветованный огнь ненависти и супостатного коварства, якоже лепо бе никакоже отчелюбно совещевающеся со царем».

[82] Синбирск. сборн. разрядная книга, стр. 152 [229]; Histor. Russ. Monum. II, № CI, p. 183 [230]; летоп. о мятеж., стр. 104 [231] и след.; дела польские, № 26 [232]; Буссов [233]; Маржерет [234]; акты арх. эксп. II, № 48 [235]; Histor. Russ. Monum. II, № CI, p. 183; хронографы [236]; Коберзицкий — Histor. Vladisl. 434 [237]; С. г. г. и д. II, № 151 [238]; разрядные книги; акты арх. эксп. II, № 57, 58, 61 [239]; рукопись Филар., стр. 11 [239]; хронограф Лобковский (см. Москвитянин, 1850, ноябрь, кн. 1) [240]; латухинская степенная книга [241]; никонов. летоп. VIII, 82 и след. [242]; акты арх. эксп. II, № 67, 73 [243]; сборник Импер. Публ. Библ., № 17, стр. 292 [244]. Коберзицкий Historia Vladislai; Marchockiego —

[223] Летопись о мятежах. С. 102—103.
[224] СГГД. Ч. 2. № 140. С. 296—298; № 141. С. 299—300; № 142. С. 300—301.
[225] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. III. Т. XII. Стб. 5.
[226] СГГД. Ч. 2. № 146. С. 306—308.
[227] Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских. Ч. I. М., 1815. С. 175.
[228] ГБЛ. ОР. ф. 256. Румянцева. № 457, л. 927 об.— 928 (цитировано Соловьевым неточно).
[229] Разрядная книга от 1559 до 1604 г. // Синбирский сборник. Т. I. С. 152.
[230] Historica Russiae Monumenta. T. II. № CI. C. 183.
[231] Летопись о мятежах. С. 104—109.
[232] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 26, л. 14 об.— 52. См. также: Сб. РИО. Т. 137. С. 200—237.
[233] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 62—69, 74.
[234] *Маржерет.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского // *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. С. 94—103.
[235] ААЭ. Т. II. № 48. С. 106—115; № 57. С. 126—129; № 58. С. 129—135; № 61. С. 138—139.
[236] ГБЛ. ОР, ф. 256. Румянцева. № 457, л. 895 об.— 919 об. См. также: ЦГАДА, ф. 201. Рукописное собрание кн. М. А. Оболенского. № 128, л. 537—540.
[237] *Kobierzickij S.* Historia Vladislai, Poloniae et Suecie principis. Dantisci (Danzig), 1655. P. 69—72.
[238] СГГД. Ч. 2. № 151. С. 319—321.
[239] Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея России. М., 1837. С. 11—15.
[240] Хронографы Лобковский и Ельпинский (Несколько новых сведений о Смутном времени, о Козьме Минине, князе Пожарском и патриархе Ермогене) // Москвитянин. Ч. VI. № 21. Отд. III. М., 1850. С. 1—5.
[241] Латухинская степенная книга // ГИМ. Синод. собр. № 293, л. 448 об.— 458.
[242] Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. СПб., 1792. С. 82—91. См. также: ПСРЛ. Т. XIV. 1-я половина. СПб., 1910. С. 72—76.
[243] ААЭ. Т. II. № 67. С. 148—160; № 73. С. 164—166.
[244] ГПБ. ОР. Q IV. № 17, л. 292—293.

Histor. Wojny Moskiewskiej, стр. 6 и след.[245]; акты истор. II, № 75 [246]; времен. Москов. истор. общ. кн. 23 [247]; Белорусская рукописная летопись, хранящаяся в синод. библ. под № 790 [248].

[83] Известия об этих событиях не вполне ясны. Летописец русский не говорит об обещании помилования, данном Болотникову, Илейке, Шаховскому и Телятевскому [249]. Буссов [250] говорит об обещании, данном Болотникову и Илейке, Шаховской же, по его словам, не участвовал в переговорах, потому что был посажен под стражу осажденными, которые сердились на него за обман. Шуйский, овладев городом, приказал выпустить на волю всех заключенных, в том числе и Шаховского, который уверил царя, что народ озлобился на него за намерение покориться ему, Шуйскому. Тайная казнь Болотникова как будто указывает на обещание и подтверждает показание Буссова. Но если принять верность показания Буссова относительно Болотникова, то надобно принять верность его и относительно Илейки, а именно что и последнему дано обещание помилования. Что же касается до Телятевского, то о нем всеобщее молчание. Карамзин говорит: «Князя Телятевского, знатнейшего и тем виновнейшего изменника, из уважения к его именитым родственникам, не лишили ни свободы, ни боярства, к посрамлению сего вельможного достоинства и к соблазну государственному» [251]. При этом Карамзин ссылается на список бояр в древн. росс. Вивлиоф. XX, 86 [252], где говорится, что Телятевский умер в боярском сане в 1612 году. Но смерть Телятевского в 1612 году, в боярском сане, вовсе не исключает еще того, что он мог подвергнуться опале при Шуйском и получить прежнее значение по свержении последнего. С другой стороны, нельзя не принять к сведению и показания Буссова, что Телятевский еще при Восме перешел на сторону Шуйского.

[84] Летоп. о мятеж. 123 и след.[253]; Мархоцкий, стр. 6 и след.[254]; История смутного врем. Бутурлина, примеч. № VII [255]; летоп. Малиновск. в архиве мин. ин. д. II, № 24 [256]; сборник Импер. Публ. Библ. № 17, стр. 285 [257]; Буссов [258].

[85] Собр. гос. гр. и дог. II, № 139, 152 [259]; Histor. Russ. Monum. II, № LXXVII, CI [260]; акты историч. II, № 55 [261]; дела польские № 26, 27 [262]; Lubenskiego — pisma posmertne, стр. 96 (Dziejopisowie Krajowie) [263].

[86] Мархоцкий, стр. 28 и след.[264]; летоп. о мятеж., стр. 132, и след.[265];

[245] *Scibor M.* z *Marchockij Marchocic.* Historya wojny Moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 6—9.
[246] АИ. Т. II. № 75. С. 100—101.
[247] Временник МОИДР. Кн. 23. Отд. III. М., 1855. С. 3—5.
[248] Баркулабовская летопись // ГИМ. Синод. собр. № 790, л. 172—172 об. См. также: ПСРЛ. Т. XXXII. М., 1975. С. 191—192.
[249] ЦГАДА, ф. 181. РО 6-ки Моск. главн. архива Мин. иностр. дел. № 904 (Летописец русский), л. 96 об.— 97 об.
[250] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 79.
[251] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. III. Т. XII. Стб. 40.
[252] ДРВ. Ч. XX. М., 1791. С. 86.
[253] Летопись о мятежах. С. 123—130.
[254] *Marchockij M.* Historya wojny Moskiewskiej. S. 9—26.
[255] *Бутурлин Д. П.* История Смутного времени в России. Кн. III. Ч. 2. СПб., 1841. Прил. № 7. С. 46—58.
[256] ЦГАДА, ф. 181. РО 6-ки Моск. главн. архива Мин. иностр. дел. № 904, л. 48—50.
[257] ГПБ. ОР. Q IV. № 17, л. 285—291.
[258] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 82.
[259] СГГД. Ч. 2. № 139. С. 293—296; № 152. С. 322—324.
[260] Historica Russiae Monumenta. T. II. № CI. С. 182; № LXXVII. С. 122—123. См. также: *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. II. СПб., 1859. С. 242—244.
[261] АИ. Т. II. № 55. С. 67—69.
[262] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 26, л. 52 об.— 138 об., 283—338; Кн. 27, л. 1а, 48—207 об., 209—234 об. См. также: Сб. РИО. Т. 137. С. 237—280, 344—368, 418—477, 656—668, 674—692.
[263] *Lubieński.* Pisma pośmiertne. S. 95.
[264] *Marchockij M.* Historya wojny Moskiewskiej. S. 26—38.
[265] Летопись о мятежах. С. 131—135.

акты истор. II, № 92, 95, 89, 90 [266]; собр. гос. гр. и д. II, № 163 [267]; Histor. Russ. Monum. II, № LXXVIII и след. до LXXXII [268]; рукоп. Румянц. муз. № 390 [269]. За сообщение любопытного наказа второму Лжедмитрию я обязан князю Михаилу Андреевичу Оболенскому.

[87] Дела шведские, № 8 [270]; пол. собр. русск. летоп. т. IV, 323 [271].

[88] Летоп. о мятеж., стр. 135 и след.[272]; Москвитянин, годы 1841, 42. 44[273]; чтения Москов. истор. общ. 1846, № 4 [274]; Палицын [275]; акты истор. II, № 182. 240, 242 [276]; дополн. к акт. истор. I, № 157 [277].

[89] Летоп. о мятеж., стр. 138 и след.[278]; акты историч. II, № 98, 99, 100, 101, 106, 107, 108, 110, 128, 115, 116, 130 [279]; акты арх. эксп. II, № 88, 89, 91, 93, 95, 98, 99, 101, 102, 103, 104, 110[280]; Палицын, стр. 38 и след.[281]; Histor. de Pseudodemetrio; времен. Москов. истор. общ. кн. 23 [282]; Русск. Вест. 1842 г. № 3 [283]; древн. Вивлиоф. XVIII [284].

[90] Палицын, стр. 41 [285]; Житие преп. Дионисия (печатн. стр. 17) [286]; хронографы [287]; латухинск. степен. книга [288]; летоп. о мятеж., стр. 146 и след.[289]; Мархоцкий, стр. 46 и след.[290]; времен. Москов. истор. общ. кн. 16 [291].

[91] Акты истор. II, № 158—160, 271 [292]; акты арх. эксп. II, № 96, 108, 135, 136, 137, 140, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 150, 153, 156 [293]; полн. собр. русск.

[266] АИ. Т. II. № 92. С. 123; № 95. С. 126—129; № 89. С. 121; № 90. С. 121.
[267] СГГД. Ч. 2. № 163. С. 339—340.
[268] Historica Russiae Monumenta. Т. II. № LXXVIII—LXXXII. С. 136—140.
[269] Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о расстриге Гришке Отрепьеве; с присовокуплением четырех грамот // ГБЛ. ОР, ф. 256. Румянцева. № 390, л. 44 об.— 46 об.
[270] ЦГАДА, ф. 96. Сношения России со Швецией. Кн. 8, л. 1—61.
[271] ПСРЛ. Т. IV. СПб., 1848. С. 322—325. См. также: Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 267—271.
[272] Летопись о мятежах. С. 135—138.
[273] Москвитянин. Ч. V. № 9. М., 1841. С. 217—235; Ч. III. № 6. М., 1842. С. 267—324; Ч. III. № 6. М., 1844. С. 275—369; Ч. IV. № 7. М., 1844. С. 65—166.
[274] Чтения ОИДР. Кн. 1. № 4. Отд. IV. С. 3—4.
[275] *Палицын Авраамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 70—174. См. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 132—179.
[276] АИ. Т. II. № 182. С. 212—213; № 240. С. 282—284; № 242. С. 286—289.
[277] ДАИ. Т. I. № 157. С. 270—276.
[278] Летопись о мятежах. С. 138—142.
[279] АИ. Т. II. № 98. С. 131; № 99. С. 131—132; № 100. С. 132—133; № 101. С. 133—134; № 106. С. 136; № 107. С. 136—137; № 108. С. 138—139; № 110. С. 139—140; № 128. С. 153—154; № 115. С. 144; № 116. С. 144—145; № 130. С. 154—155.
[280] ААЭ. Т. II. № 88. С. 179—181; № 89. С. 181—183; № 91. С. 184—187; № 93. С. 188—190; № 95. С. 192—193; № 98. С. 194—195; № 99. С. 195—197; № 101. С. 198—199; № 102. С. 199—202; № 103. С. 202—203; № 104. С. 203—206; № 110. С. 211—213.
[281] *Палицын Авраамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 38—58. См. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 117—126.
[282] Временник МОИДР. Кн. 23. Отд. III. С. 5—6.
[283] Русский вестник. Т. 5. № 3. Отд. II. СПб., 1842. С. 338—355.
[284] ДРВ. Ч. XVIII. М., 1791. С. 17—18.
[285] *Палицын Авраамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 41—43. См. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 119—120.
[286] Канон преподобному отцу нашему Дионисию, архимандриту Сергиевой лавры. С. 9—11. См. также: Житие преподобного отца нашего Дионисия, архимандрита Сергиевой лавры. С. 8—9.
[287] ГБЛ. ОР, ф. 256. Румянцева. № 457, л. 918 об.— 919.
[288] Латухинская степенная книга // ГИМ. Синод. собр. № 293, л. 469—472 об.
[289] Летопись о мятежах. С. 149—155.
[290] *Marchocki j M.* Historya wojny Moskiewskiej. S. 39—62.
[291] Иное сказание о самозванцах // Временник МОИДР. Кн. 16. Отд. II. С. 65—69. См. также: РИБ. Т. XIII. Стб. 116—124.
[292] АИ. Т. II. № 158—160. С. 180—191; № 271. С. 322—327.
[293] ААЭ. Т. II. № 96. С. 193—194; № 108. С. 208—210; № 135. С. 247—248; № 36. С. 248—249; № 137. С. 250—253; № 140. С. 255—257; № 143. С. 258—259; № 144. С. 259; № 145. С. 259—260; № 147. С. 261—263; № 148. С. 263; № 149. С. 263—264; № 150. С. 264; № 153. С. 267; № 156. С. 268.

летоп. IV, 325 [294]; собр. гос. гр. и дог. II, 149 [295]; никон. летоп. VIII, 116 [296]; рукоп. Румянцев. муз. № 390 [297]; сборник Мухан. № 100 и след.[298]

92 Kobierzicki — Historia Vladislai, p. 82 et squ [299]. Naruszewicz — Histor. Chodkiewicza [300] (у Бобровича — Zycia slawn. Polak) [301]. Pametniki Maskiewicza, стр. 11, и след.[302] Рукопись Жолкевского, стр. 24 и след.[303] Rzodla do dziejow Polsk. Grabowskiego, I, стр. 83 [304]; акты арх. эксп. II, № 92 [305]; акты историч. II, № 96, 174, 179, 186, 188, 192, 194, 209, 199, 219, 267, 270 [306]; Niemcewicz — Dzieje Panovan. Zygmunta III, t. II — весь [307]; Histor. Russiae Monum. II, № XC, LXXXIX, XCII [308]; Wyprava K. J. M. do Moskwy — рукоп. библиот. главн. штаба; Буссов [309]; собр. гос. грам. и дог. II, № 171, 178 [310]; Муханова — подлин. свидет. о взаимн. отнош. России и Польши, стр. 241 [311]; сборник Муханова, № 104, 105, 106, 107 [312]; акты западн. России IV, № 180 [313]; Бутурлина — истор. смутн. времени, III, приложен. № 5 [314]; Видекинд, Histor. belli Sveco — Moscou [315]; летоп. о мятеж., стр. 165 и след.[316]; хронографы [317]; Мархоцкий, стр. 58 и след.[318]; москов. арх. мин. ин. д. Архив царства Польск., связка 1-я; Historia de Pseudodemetrio; чтения Москов. истор. общ. 1847, № 4 [319].

93 Акты юридич., стр. 362 [320]; судебник. пзд. 1786 г.[321]; акты историч. II, № 85, 250, 251 [322]; акты арх. эксп. № 69, 78, 82, 142, 133 [323]; акты истор. № 66 [322].

94 Kobierzicki — Historia Vladislai, p. 292 et edu.[324]; рукопись Жолкев-

[294] ПСРЛ. Т. IV. С. 326. См. также: Псковские летописи. Вып. 2. С. 272.
[295] СГГД. Ч. 2. № 149. С. 316—318.
[296] Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 116. См. также: ПСРЛ. Т. XIV. 1-я половина. С. 89.
[297] Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве и о расстриге Гришке Отрепьеве; с присовокуплением четырех грамот // ГБЛ. ОР, ф. 256. Румянцева. № 390, л. 46 об.— 50 об.
[298] Сборник Муханова. № 100—103. С. 172—174.
[299] *Kobierzickij S.* Historia Vladislai, Poloniae et Suecie principis. P. 82—291.
[300] *Naruszewicz A.* Zywot I. K. Chodkiewicza wojewody wileńskiego. T. 1. S. 207—245.
[301] *Bobtowicz I. N.* Zycie slawnych polakow. T. IV. S. 112—116.
[302] *Maskiewicz S.* Pamietniki Samuela Maskiewicza, początek swój bierze od roku 1594 w lata po sobie idace. Wilno, 1838. S. 11. См. также: *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. II. СПб., 1859. С. 23.
[303] Рукопись Жолкевского. С. 24—40.
[304] Zrzódla do dziejów polskich/Wudawane przez M. Grabowskiego i A. Przezdzieckiego. T. I. Wilno, 1843. S. 83—86.
[305] ААЭ. Т. II. № 92. С. 187—188.
[306] АИ. Т. II. № 96. С. 129—130; № 174. С. 200—203; № 199. С. 230—231; № 186. С. 215—216; № 188. С. 217—219; № 192. С. 222—223; № 194. С. 224—225; № 209. С. 241—247; № 219. С. 256—259; № 267. С. 319; № 270. С. 321—322.
[307] *Niemcewicz I. U.* Dzieie panowania Zygmunta III. T. II.
[308] Historica Russiae Monumenta. T. II. № LXXXIX, XC, XCII. С. 144—148.
[309] Rerum rossicarum scriptores exteri. T. I. P. 96—112.
[310] СГГД. Ч. 2. № 171. С. 350—352; № 178. С. 359—361.
[311] Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев. М., 1834. С. 241—244.
[312] Сборник Муханова. № 104—107. С. 174—181.
[313] АЗР. Т. IV. СПб., 1851. № 180. С. 314—317.
[314] *Бутурлин Д. П.* История Смутного времени в России. Кн. V. Ч. 3. СПб., 1846. Прил. № 5. С. 18—22.
[315] *Widekind I.* Historia belli sveco-moscovitici. Holmiae (Stockholm), 1672. P. 57—132.
[316] Летопись о мятежах. С. 165—188.
[317] ГБЛ. ОР, ф. 256. Румянцева. № 457, л. 919 об.— 920.
[318] *Marchockij M.* Historya wojny Moskiewskiej. S. 63—920.
[319] Чтения ОИДР. Кн. 4. Отд. III. М., 1847. С. 1—7.
[320] АЮ. № 338. С. 362.
[321] Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы. М., 1786. С. 240—248. См. также: Памятники русского права. Вып. IV. М., 1956. С. 376—379.
[322] АИ. Т. II. № 85. С. 114—116; № 250. С. 297; № 251. С. 297—299; № 66. С. 82—83. См. также: Памятники русского права. Вып. IV. С. 376—377.
[323] ААЭ. Т. II. № 69. С. 161; № 78. С. 170—172; № 82. С. 176; № 142. С. 257—258; № 133. С. 246.
[324] *Kobierzickij S.* Historia Vladislai, Poloniae et Suecie principis. P. 292—428. См. также: Сказания польского историка Кобержицкого о походах польского короля

ского, стр. 120 и след.[325]; Materialy do histor. Polsk. рукоп. библ. глав. штаба, № 11498. Zycie Lwa Sapegi — у Бобровича Zycia slawn. Polak [326]; Мархоцкий, стр. 100 и след.[327]; Pamietniki Samuela Maskiewicza, стр. 31 и след.[328]; Wyprava K. J. M. do Moskwy — рукоп. библ. глав. штаба; собр. гос. грам. и дог. I, 203 [329]; Акты историч. II, № 287 [330]; акты арх. эксп. II, № 164, 165 [331]; дополнения к деяниям Петра В.— Голикова. Т. II, стр. 52 и след.[332]; акты историч. II, № 228, 298, 299, 310, 306 [330]; Собр. гос. гр. и дог. II, № 208, 209, 210, 211, 218 [333]; акты арх. эксп. II, № 166 [331]; собр. гос. грам. и дог. II, 214, 224 [333]; никон. летоп. VIII, 150, 151 [334]; акты историч. II, № 306 [335]; акты арх. эксп. II, № 170, 171 [336]; акты историч. II, № 313, 317 [335]; акты западн. России, IV, № 183 [337].

[95] Wyprava K. J. M. do Moskwy, рукоп. библ. глав. штаба; pamietniki Maskiewicza, p. 49 и след.[338]; Мархоцкий, стр. 113 и след.[339]; Пясецкий под годом 1611 [340]; Historia de Pseudodemetrio; рукоп. публичн. библ. отд. XVII, № 13; Skargi — Na Moskiewskie zwyciestvo Kazanie 1611 [341]; Zycie Jana Stanislawa Sapiehy., рукоп. публич. библиот. отд. польское, № 16; хронографы (в особенности Карамзинский № 1 в археограф. комиссии) [342]; дела польские. № 30 [343]; летоп. о мятежах, стр. 189 и след.[344]; Видекинд — Historia belli Sveco-Mosc. p. 237. et. eqn.[345]; Шаума — Tragaedia Demetrio Moscovitica (в чтениях Москов. истор. общ. 1847, № 2) [346]; дела шведские, № 12 [347]; пол. собр. русск. летоп. III, 264 и след.[348]; IV, 325 и след.[349]; Relacia o Zamordowaniu okrutnym Jozaphta Kuncewicza, archiepiscopa Polockiego 1624 [350]; акты западн. России, IV, № 190 [351]; Materialy do His-

Сигизмунда и королевича Владислава в Россию // Сын Отечества. 1842. № 3. С. 5—22.

[325] Рукопись Жолкевского. С. 120—192. См. также: Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. С. 71—113.

[326] *Bobrowicz J. N.* Zycie slawnych polakow. T. IV. S. 112—122.

[327] *Marchocki M.* Historya wojny Moskiewskiej. S. 98—121.

[328] *Maskiewicz S.* Pamietniki... S. 31—37. См. также: *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. II. С. 44—49.

[329] СГГД. Ч. 1. М., 1813. № 203. С. 599—643. См. также: Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906. С. 22—92.

[330] АИ. Т. II. № 287. С. 349; № 228. С. 268—269; № 298. С. 335; № 299. С. 355—357; № 310. С. 366—367; № 306. С. 360—364.

[331] ААЭ. Т. II. № 164. С. 279—280; № 165. С. 280—284; № 166. С. 284—285.

[332] *Голиков И. И.* Дополнение к деяниям Петра Великого. Т. 2. М., 1790. С. 52—146.

[333] СГГД. Ч. 2. № 208. С. 451—452; № 209. С. 452—460; № 210. С. 460—463; № 211. С. 463—464; № 218. С. 480—486; № 214. С. 466—467; № 224. С. 490—492.

[334] Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 150—151. См. также: ПСРЛ. Т. XIV. 1-я половина. С. 105.

[335] АИ. Т. II. № 306. С. 360—364; № 313. С. 371—372; № 317. С. 374—375.

[336] ААЭ. Т. II. № 170. С. 291—293; № 171. С. 293—294.

[337] АЗР. Т. IV. № 183. С. 320—427.

[338] *Maskiewicz S.* Pamietniki... S. 49—71. См. также: *Устрялов Н. Г.* Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. II. С. 61—91.

[339] *Marchocki M.* Historya wojny Moskiewskiej. S. 122—145.

[340] *Piasecki P.* Chronica gestorum... P. 322—327. См. также: *Пясецкий П.* Смутное время и Московско-Польская война... // Памятники древней письменности и искусства. Вып. LXVIII. С. 37—47.

[341] *Skargi P.* Na Moskiewskie zwyciéstwo Kazanie. Krakow, 1611. S. 1—13.

[342] ГПБ. ОР. F IV. № 595, 598—600. Наиболее подробное изложение приведенных С. М. Соловьевым фактов дано в хронографе № 599, л. 693—770.

[343] ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 30, л. 26 об.— 246 об.

[344] Летопись о мятежах. С. 202—272.

[345] *Widekind I.* Historia belli sveco-moscovitici. P. 133—420.

[346] *Шаум М.* Tragaedia Demetrio Moscovitica (Подлинная история чудных и достопамятных происшествий, случившихся со Лжедимитрием...) // Чтения ОИДР. Кн. 2. Отд. III. М., 1847. С. 14—26.

[347] ЦГАДА, ф. 96. Сношения России со Швецией. Кн. 12, л. 14 об., 16 об. — 21, 26 об.— 27 об., 38—41.

[348] ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841. С. 264—267. См. также: Новгородские летописи (Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879. С. 352—357.

[349] ПСРЛ. Т. IV. С. 325—329. См. также: Псковские летописи. Вып. 2. С. 270—276.

[350] Relacia o zamordowaniu okrutnym Jozaphata Kuncewicza, archiepiscopa Polockiego. Zamósc, 1624.

tor. Polsk. рукоп. библиот. главн. штаба, № 11498; Histor. J. K. Chodkiewicza [352]; Житие преподобн. Дионисия по рукописи синод. библиот.[353]; хронографы (см. Москвитян. 1850 г., ноябрь, кн. 1 [354]); хронограф, принадл. князю Мих. Андр. Оболенскому [355]; временник Моск. общ. истор. кн. 17 [356]; Krajewski-Chronologia wojny Moskiewsk.[357]; Палицын, стр. 244 и след.[358]; новый летописец (временник Москов. истор. общ. кн. 17 [359]; никон. летоп. т. VIII[360]; памятники дипломатич. сношен. т. II, стр. 1403 и след.[361]; акты арх. эксп. II, № 176 [362]; Собр. гос. гр. и дог. II, № 223, 226 [363]; акты арх. эксп. II, 172 [362]; собр. гос. гр. и дог. II, 241 [363]; акты арх. эксп. II, № 180. 181, 182, 183 [362]; акты историч. II, № 318, 319, 327, 333 [364]; акты арх. эксп. II, № 185, 188, 190, 194 [362]; собр. гос. гр. и дог. II, 251 [365]; акты историч. II, № 321, 324, 325 [364]; собр. гос. гр. и дог. II, № 249, 267 [363]; акты истор. II, № 332 [364]; собр. гос. гр. и дог. II, № 263, 286, 264 [363]; акты арх. эксп. II, № 197, 199, 201, 202 [362]; собр. гос. грам. и дог. II, 270, 271, 272, 273, 274, 276, 277, 278, 279, 280 [363]; акты арх. эксп. II, № 210, 203 [362]; собр. гос. гр. и дог. II, № 281, 282 [363]; акты арх. эксп. II, № 202 [362]; собр. гос. грам. и дог. II, № 285 [363]; ученые записки имп. Академ. Наук по I и III отдел. т. III, вып. 1 [365]; собр. гос. гр. и дог. III, № 3, 4 [366]; т. I, № 203 [367]; дворцовые разряды, т. I, стр. 1 и след.[368]; Pamietniki de panowania Zygmunta III, Vladisl. IV i Jana Kszisiierza, p. 34 [369]; хроногр. кн. М. А. Оболенского [370].

[351] АЗР. Т. IV. № 190. С. 435.

[352] *Naruszewicz A.* Zywot J. K. Chodkiewicza wojewody wileńskiego. T. I. S. 246—268; T. II. S. 1—35.

[353] Житие и подвиги преподобного отца нашего архимандрита Дионисия // ГПМ. Синод. собр. № 416, л. 19—21 об., 103 об.— 111, 113 об.— 115. См. также: Житие преподобного отца нашего Дионисия, архимандрита Сергиевой лавры. С. 7—11, 35—44, 68—72.

[354] Хронографы Лобковский и Ельнинский // Москвитянин. Ч. VI. № 21. Отд. III. С. 5—12.

[355] ЦГАДА, ф. 201. Рукописное собрание кн. М. А. Оболенского, ед. хр. 128, л. 540 об.— 542 об.

[356] Новый летописец // Временник МОИДР. Кн. 17. Отд. II. М., 1853. С. 126—161.

[357] *Krajewski J.* Chronologia wojny moskiewskiej. Kraków, 1615.

[358] *Палицын Авраамий.* Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря... С. 214—293. См. также: Сказание Авраамия Палицына. С. 212—233.

[359] Новый летописец // Временник МОИДР. Кн. 17. Отд. II. С. 126—161.

[360] Русская летопись по Никонову списку. Ч. 8. С. 152—202. См. также: ПСРЛ. Т. XIV. 1-я половина. С. 106—129.

[361] Памятники дипломатических сношений. Т. II. Стб. 1403—1432.

[362] ААЭ. Т. II. № 176. С. 296—302; № 172. С. 294—295; № 180. С. 308; № 181. С. 308—309; № 182. С. 309—312; № 183. С. 313—314; № 185. С. 315—316; № 188. С. 318—327; № 190. С. 328—340; № 194. С. 342—344; № 197. С. 345—346; № 199. С. 347; № 201. С. 348—351; № 202. С. 351—353; № 210. С. 366—370; № 203. С. 353—358.

[363] СГГД. Ч. 2. № 223. С. 489—490; № 226. С. 493—495; № 241. С. 517—519; № 251. С. 535—537; № 249. С. 526—530; № 267. С. 566—567; № 263. С. 549—552; № 286. С. 607—608; № 264. С. 553—563; № 270. С. 569—570; № 271. С. 570—571; № 272. С. 572—573; № 273. С. 573—575; № 274. С. 575—577; № 276. С. 580—583; № 277. С. 583—588; № 278. С. 588—589; № 279. С. 589—591; № 280. С. 591—592; № 281. С. 593—597; № 282. С. 598—599; № 285. С. 604—607.

[364] АИ. Т. II. № 318. С. 375; № 319. С. 375—376; № 327. С. 394; № 333. С. 399; № 321. С. 376—379; № 324. С. 384—387; № 325. С. 387—393; № 332. С. 398—399.

[365] Ученые записки Академии наук по первому и третьему отделениям. Т. III. Вып. 1. СПб., 1855. С. 94—96.

[366] СГГД. Ч. 3. № 3. С. 8—11; № 4. С. 11—14.

[367] СГГД. Ч. 1. № 203. С. 599—643. См. также: Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 22—92.

[368] Дворцовые разряды. Т. I. СПб., 1850. Стб. 1—15.

[369] Pamietniki do panowania Zygmunta III. Władysława IV i Jana Kazimierza z rękopismu wydał K. Wł Wójcicki. T. I. Warszawa, 1846. S. 34.

[370] ЦГАДА, ф. 201. Рукописное собрание кн. М. А. Оболенского. № 128, л. 543.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ К СЕДЬМОМУ И ВОСЬМОМУ ТОМАМ «ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН»

Седьмой и восьмой тома «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева [1] посвящены важному периоду истории России (конец XVI — начало XVII в.), характеризующемуся оформлением системы крепостного права, первой крестьянской войной и иностранной интервенцией. Седьмой том открывается главой, которая по своему содержанию принадлежит предшествующему, шестому тому «Истории России». В этой главе, обширной и насыщенной богатым фактическим материалом, дан обзор «внутреннего состояния русского общества» во времена Ивана Грозного. Начиная изложение с вопроса о принятии Иваном IV царского титула и характеризуя нравы и обычаи в среде господствующего класса, состояние войска и финансов, С. М. Соловьев затем уже кратко говорит о крестьянах, холопах, развитии торговли и заканчивает главу рассмотрением истории церкви и культуры.

С. М. Соловьев, как известно, создавал свой труд в противовес «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, считавшейся в первой половине XIX в. официальной историей России. Критикуя субъективистскую концепцию Карамзина, в рамках которой не оставалось места для изменений в народной жизни, и стремясь преодолеть ее позитивно, Соловьев выдвинул идею об историческом развитии народной жизни и народного духа, находящих свое наиболее полное воплощение в развитии государства. Подтверждению этих взглядов наряду с главами о политической истории должны были служить и главы о «внутреннем состоянии русского общества», содержащие данные о различных сторонах экономической и политической жизни русского народа, его культуре и быте за тот или иной отрезок времени. Введение С. М. Соловьевым в «Историю России» этих глав, отсутствующих в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, означало шаг вперед по сравнению с дворянской историографией. Однако собственная идеалистическая концепция, основанная на развитии государственного начала, помешала Соловьеву нарисовать сколько-нибудь полную картину истории народной жизни.

Сводя историческое развитие в конечном счете к изменению государственных форм, исследователь отводил истории общественно-экономической жизни подчиненное положение по сравнению с историей политической. Главы о «внутреннем состоянии русского общества» носят в его истории вспомогательный, иллюстративный характер; факты внутренней истории рассматриваются изолированно друг от друга, без выяснения причин, их породивших. Место исторического анализа здесь зачастую занимает простое изложение источни-

[1] Седьмой том «Истории России с древнейших времен» впервые вышел в свет в 1857 г., восьмой том — в 1858 г. При жизни автора седьмой том выдержал четыре издания: в 1857, 1861, 1870, 1879 гг., восьмой том — три издания: в 1858, 1866, 1873 гг. После смерти С. М. Соловьева седьмой том выходил в 1889 г., восьмой — в 1883 г. Затем «История России с древнейших времен» три раза полностью публиковалась издательством «Общественная польза»: в 1893—1895, в 1895—1896 гг. и в 1911 г. В советское время «История России» была издана в 15 книгах в 1959—1966 гг. Настоящее издание седьмого и восьмого томов осуществляется по тексту их последнего издания (М., 1960).

ков. Эти недостатки проявились и в главах о «внутреннем состоянии русского общества», помещенных в седьмом томе; они слабее основных глав, посвященных рассмотрению политической истории.

Слабые стороны общеисторической концепции С. М. Соловьева были замечены уже его современниками — революционными демократами. Положительно оценивая вклад Соловьева в развитие русской исторической науки, они в то же время критиковали его за чрезмерное увлечение идеей государственной централизации. В 1860 г. на страницах «Современника» с рецензией на седьмой и восьмой тома «Истории России» под псевдонимом Грыцько выступил Г. З. Елисеев, близкий по взглядам к Н. Г. Чернышевскому. Он писал, что «при чтении самых блестящих страниц истории г-на Соловьева мы не получаем полного удовлетворения. В нас невольно рождается вопрос: где же народ? Что с ним делается?.. Ответа на эти вопросы у г-на Соловьева не находим. Он исключительно занят государственным началом и централизацией московскою». Более того, по мнению Елисеева, в изложении Соловьева мастерски нарисованная картина централизации заслонила собой историю народа: «Читатель не выносит из чтения не говорим уже резкого, живого впечатления о положении народа, даже представления об этом. Внутренняя жизнь народа для него исчезает совершенно при блестящей картине действий централизации, нарисованной мастерскою рукою» [2].

Вопросы социально-экономического развития и государственного строя XVI в. История России XVI в. ознаменована такими взаимосвязанными процессами, как складывание поместной системы, закрепощение крестьян, обострение классовой борьбы. С. М. Соловьев отметил факт роста в XVI в. служилого землевладения, не показав, однако, тех огромных последствий, которые имело становление поместной системы для самых различных сторон общественной жизни России.

Что касается земельной политики времени царствования Ивана Грозного, то С. М. Соловьев совершенно справедливо уделил большое внимание указам («приговорам») 1551, 1562 и 1572 гг., которыми существенно ограничивались права распоряжения вотчинников — и прежде всего князей — их родовыми владениями. Подробно изложив их содержание, он лишь по отношению к указу 1562 г. заметил, что это было сделано «для скорейшего перехода княжеских вотчин в казну» (с. 12, 86). В дальнейшем в исторической литературе утвердилось мнение о направленности всех этих указов против княжеского и боярского землевладения [3]. Однако существовал и другой взгляд, согласно которому запрет отчуждения вотчин в чужие руки скорее охраняет, чем разоряет, ту или иную корпорацию, а причиной заботы правительства о сохранении вотчин в руках рода являлось стремление в военных целях не допустить выхода земли из службы [4]. И в современной литературе существуют расхождения в оценках смысла этих указов. Одни историки видят во всех этих указах выражение «принципиальной линии» земельной политики правительства Ивана IV, состоявшей «в стремлении к ликвидации княжеского землевладения»[5]. При этом указы 1562 и 1572 гг. ставятся в прямую связь с подготовкой и проведением опричнины. Другие исследователи считают, что в отличие от указа 1562 г., который действительно создавал возможности для

[2] *Грыцько.* Исторические очерки // Современник. Т. 84. СПб., 1860. С. 65—71.

[3] См.: *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древнейшей истории русского права. СПб., 1903. С. 520—523; *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. СПб., 1898. С. 62—64; *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937. С. 104, 107.

[4] См.: *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 120—136; *Ключевский В. О.* Соч. Т. 2. М., 1988. С. 217—218; *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.; Л., 1947. С. 47—50.

[5] См.: *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.; Л., 1958. С. 441—447; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 88—89; *Он же.* Опричный террор. Л., 1969. С. 183. Эта точка зрения получила отражение и в ряде обобщающих работ.

наступления на княжеское землевладение, указы 1551 и 1572 гг. носили консервативный характер: они не только не имели антикняжеской направленности, а, напротив, сохраняя норму и традиции удельного времени, гарантировали потомкам бывших независимых князей и их вассалам сохранение их вотчин и тем самым способствовали консолидации местных землевладельческих корпораций [6].

Положение крестьян С. М. Соловьев характеризует в формально-юридическом плане. Он приводит правило Судебника 1550 г. о крестьянском выходе, указывает на насилия помещиков, мешавших крестьянам воспользоваться правом выхода, ссылается на крестьянские порядные (с. 42—44), пересказывает содержание уставных грамот Соловецкого монастыря (с. 90—93), что, однако, не дает полного представления об экономическом положении крестьянства. Им отмечен факт повторения в ст. 88 Судебника 1550 г. о крестьянском выходе соответствующего постановления Судебника 1497 г., хотя и не объяснено, чем это вызвано (с. 42). В советской исторической литературе выдвинуто положение о том, что некоторая стабилизация процесса закрепощения крестьян в середине XVI в., получившая отражение в повторении Судебником 1550 г. статьи о крестьянском выходе Судебника 1497 г., произошла вследствие обострения классовой борьбы в городе и деревне [7].

Придавая основное значение в развитии городской жизни торговле, а не развитию ремесла, С. М. Соловьев в своем обзоре состояния русских городов в XVI в. останавливается прежде всего на характеристике внутренних и внешних торговых связей. Им отмечены попытки московского правительства завести активные торговые отношения с такими западноевропейскими государствами, как Англия, Дания, Швеция (с. 49).

Разбирая вопрос о таможенной политике в XVI в., С. М. Соловьев сделал ценное наблюдение о том, что учреждение опричнины сопровождалось не уменьшением, а, наоборот, увеличением числа внутренних таможенных пошлин (с. 54). К такому выводу исследователь пришел, анализируя содержание Новгородской таможенной грамоты 1571 г. Вывод Соловьева об увеличении числа внутренних таможенных пошлин вследствие учреждения опричнины свидетельствует о том, что он, придавая опричнине большое положительное значение в деле окончательного торжества государственной централизации, не оставлял без внимания и те отрицательные стороны, которые таило в себе разделение государства на две части. К сожалению, это интересное наблюдение автора «Истории России» не получило должной оценки и развития ни в дореволюционной, ни в советской исторической литературе.

Судебник 1550 г. характеризуется С. М. Соловьевым как одно из выражений «новых потребностей государственных» времени царствования Ивана IV (с. 111). Централизаторские устремления Судебника 1550 г. справедливо подмечены Соловьевым. Создание этого Судебника явилось важным этапом на пути укрепления Русского централизованного государства. При рассмотрении его содержания С. М. Соловьев привлек Судебник 1497 г. и некоторые актовые материалы второй половины XVI в. Это было нужно ему для того, чтобы выявить новые моменты в законодательстве середины XVI в. по сравнению с законодательством конца XV в. и установить отношение Судебника 1550 г. к повседневной юридической практике. Указывая на отличия царского Судебника от великокняжеского, Соловьев не ставил перед собой задачу объяснить изменение юридических норм социально-политическими причинами. Такой подход к изучению Судебника 1550 г. был осуществлен в советской историографии. Советские историки не только подготовили новые издания этого Судебника, но и рассмотрели его создание в обстановке классовой и внутрикласс-

[6] См.: *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 230—233; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 68—69.

[7] См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 229.

совой борьбы, показали исключительно большое значение Судебника 1550 г. для изучения социально-экономического и политического развития России XVI в. [8]

Церковь и реформационно-гуманистическое движение. Будучи человеком глубоко религиозным, С. М. Соловьев не представлял себе возможность исторического прогресса вне христианской религии. Поэтому в своем труде он много места уделил православной церкви, история которой дается им апологетически; идеализируется «нравственное» и «просвещающее» влияние церковной проповеди. Миссионерская деятельность архиепископа Гурия, направленного Иваном Грозным в Казань для проведения христианизации местного татарского населения, вызывала восхищение у Соловьева. Он видел в ней «завершение покорения Казани, великого подвига, совершенного для торжества христианства над мусульманством» (с. 66). В такой оценке присоединения Казани и миссионерской деятельности Гурия проявились свойственные ему представления об исконной борьбе христианской Европы с мусульманской Азией. Согласно концепции Соловьева, сначала наступала Азия, а затем, в XVI в., произошел перелом и в наступлении в лице своего передового форпоста на Востоке — России — перешла Европа.

В середине XVI в. наблюдается возрастание роли церкви в политической жизни страны. Церковь успешно отстояла свои огромные земельные владения от секуляризационных попыток светских феодалов. В 1551 г. с помощью Ивана IV на Стоглавом соборе была проведена церковная реформа, свидетельствующая о торжестве воинствующего «иосифлянского» направления в церковной политике. Активное участие духовных феодалов в управлении объясняется не личными качествами митрополита Макария и не смягчающим влиянием церкви на суровые нравы того времени, ее правом «печалования» за опальных, как полагал С. М. Соловьев, а ее экономическим могуществом, союзом с самодержавной властью, умелым использованием противоречий в среде господствующего класса. Важным фактором возрастания роли церкви в политической жизни страны явилось ее активное участие в подавлении классовой борьбы, проявившейся в середине XVI в. и в форме еретических движений.

В трактовке вопроса о «ересях» середины XVI в. С. М. Соловьев проводил точку зрения официальных историков православной церкви. Для него «ереси» были сугубо внутрицерковным делом, а не общественным явлением, имевшим глубокие корни в реальной жизни. К рассмотрению взглядов Матвея Башкина и Феодосия Косого он приступал сразу же после обзора мнений, которые в дальнейшем, в XVII в., использовались раскольниками. Характеризуя эти мнения как продукт «отсутствия просвещения» (с. 94), Соловьев как бы подводит читателя к выводу, что и «ереси» середины XVI в. появились по той же причине. Только в первом случае незрелость мысли выразилась в спорах о внешних церковных обрядах, а во втором — в вопросах «более важных», заключавшихся в подрыве самых основ православной веры. По мнению автора, «ереси» середины XVI в. были связаны «со старым учением жидовствующих», подновленным «приверженцами учения новых западных реформаторов» (с. 95). Установление преемственности идей русских вольнодумцев середины XVI в. с учением «еретиков» конца XV — начала XVI в., которых Соловьев, следуя терминологии клерикальных историков, называл «жидовствующими», имело положительное значение. Однако ценность этого вывода снижалась указанием на решающее воздействие на русских «еретиков» западных реформационных идей. В изображении Соловьева М. Башкин и Ф. Косой выступали не создателями самобытных «учений», в которых отразились насущные потребности русской жизни, а простыми «приверженцами учения новых западных реформаторов». В своих суждениях о «ересях» XVI в.

[8] См.: Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952; Памятники русского права. Вып. IV. М., 1956; Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. М., 1985; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. С. 309—398.

Соловьев опирался на материалы церковного собора 1553—1554 гг., разбиравшего «дело» М. Башкина, и на книгу Зиновия Отенского «Истины показание», направленную против «нового учения» Ф. Косого.

С. М. Соловьев не делал различия между учениями М. Башкина и Ф. Косого, считая последнего одним из последователей М. Башкина. Между тем «новое учение» Ф. Косого, идеолога народной реформации, существенно отличалось от взглядов М. Башкина, представлявшего интересы бюргерской оппозиции. Говоря о критике Ф. Косым христианских догматов и церкви, историк прошел мимо его социальных воззрений, заключавшихся в отрицании феодального государства и крепостничества. Соловьев признавал возможность поступательного движения общественной мысли на Руси лишь в рамках православия, поэтому взгляды «еретиков» расценивались им как тяжкое заблуждение и уклонение от «истинного» пути. Считая церковь и государство единственными рассадниками культуры, он готов был признать элементы «возрождения» и «гуманизма» при Петре I, просвещавшем Россию сверху, но отказался их видеть в середине XVI в., когда ростки новой культуры пытались наперекор государственной власти и церковникам пробиться снизу.

Изменение традиционного клерикального взгляда на «ереси» середины XVI в. в буржуазной историографии связано не с именем С. М. Соловьева, а с именем Н. И. Костомарова. Этот историк увидел в «ересях» не внутрицерковные споры, а общественное явление, истоки которого, по его мнению, следовало искать в «умственном брожении», охватившем в середине XVI в. Россию. Костомаров впервые ввел в русскую историческую литературу для обозначения «ересей» термин «реформационное движение», вошедший и в советскую историографию. О «ересях» середины XVI в. он говорит как о «самобытном реформационном русском движении», которое «соприкасалось с реформационными началами, развивавшимися тогда на Западе и проникавшими в русский мир» [9]. Костомаров установил различие между взглядами М. Башкина и Ф. Косого. При этом им был отмечен глубокий интерес Ф. Косого к социальным вопросам.

В советской исторической литературе история реформационно-гуманистического движения в России стала предметом глубокого и всестороннего научного изучения. Советские историки детально исследовали как социальную природу русских «ересей», так и их идейное содержание. В работах И. У. Будовница, А. А. Зимина, А. И. Клибанова и других исследователей на обширном фактическом материале показан тот большой вклад, который внесли представители реформационного движения в развитие русской общественной мысли и культуры [10].

Проблема юридического оформления в России системы крепостного права. Вопрос о закрепощении крестьян является одним из основных в истории феодальной России. Законодательное оформление крепостничества в общегосударственном масштабе означало не только крутой поворот в жизни крестьянства; оно сильно сказалось на дальнейшем ходе русской истории в целом. Поэтому неудивительно, что с момента возникновения исторической науки в России этот вопрос стал предметом пристального изучения со стороны историков, самых разнообразных по своему классовому лицу, политическим убеждениям, принадлежности к той или иной «школе» или направлению в историографии. Не прошел мимо него в своей «Истории России» и С. М. Соловьев, правильно расценив факт прикрепления крестьян к земле в конце XVI в. как «одно из самых важных в истории русских сословий» явлений (с. 285).

Ко времени написания С. М. Соловьевым седьмого тома «Истории России» рассмотрение вопроса о закрепощении крестьян в русской исторической

[9] *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Кн. I. СПб., 1903. С. 239.

[10] См.: *Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947; *Зимин А. А.* И. С. Пересветов и его современники. М., 1958; *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России XIV — первой половины XVI в. М., 1960; *Он же.* Народная социальная утопия в России. М., 1977.

литературе имело почти столетнюю давность. Предшествующими историками, главным образом дворянскими, был накоплен определенный фактический материал и сделаны выводы как о причинах закрепощения, так и относительно конкретных мер, при помощи которых оно было осуществлено. С. М. Соловьеву предстояло принять одни выводы своих предшественников и отвергнуть другие, наконец, сделать свои собственные наблюдения. Чтобы яснее представить, что же нового было внесено исследователем в рассмотрение этого сложного вопроса, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать мнения его предшественников.

Дворянский историк середины XVIII в. В. Н. Татищев был родоначальником так называемой концепции «указного» прикрепления крестьян. В столичных и провинциальных архивах он обнаружил Судебник 1550 г., дополнительные статьи к нему и Соборное Уложение 9 марта 1607 г. Основываясь на вступительной части к Соборному Уложению Василия Шуйского, содержащей историческую справку о ходе закрепощения в конце XVI— начале XVII в., и на указе от 24 ноября 1597 г. о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян, В. Н. Татищев пришел к выводу, что в 1592 г. был издан общегосударственный закон, которым была отменена ст. 88 Судебника 1550 г. о крестьянском выходе. Дату издания закона о прикреплении крестьян он получил путем механического вычитания от 1597 г., когда был издан указ о беглых крестьянах, пяти лет.

Выводы В. Н. Татищева об «указном» прикреплении крестьян были приняты в основных чертах другими дворянскими историками — М. М. Щербатовым и Н. М. Карамзиным. Но поскольку круг источников со времени Татищева не расширился и в их распоряжении имелся только полный текст указа о беглых крестьянах 1597 г., то они постарались для подкрепления своих взглядов наделить его такими чертами, которые ему не были присущи. Так, М. М. Щербатов предложил толковать содержание указа 1597 г. таким образом, что будто бы этим указом был не только установлен 5-летний срок сыска беглых крестьян, но и запрещен крестьянский переход. Согласно Щербатову, запрещение выхода было осуществлено двумя государственными законами, из которых первый был издан в 1592 или 1593 г., а второй — через пять лет, в 1597 г. Н. М. Карамзин, говоря о законе 1592 г., также ссылался на текст указа 1597 г. Непоследовательность, присущая взглядам М. М. Щербатова, была устранена в 1816 г. Г. Эверсом, который решительно отверг предположение В. Н. Татищева о существовании указа 1592 г. и связал отмену крестьянского перехода только с указом от 24 ноября 1597 г.

Итак, к моменту написания С. М. Соловьевым седьмого тома «Истории России» в исторической литературе по вопросу о времени прикрепления крестьян существовало три мнения: В. Н. Татищева — о лишении крестьян права выхода указом 1592 г., М. М. Щербатова — о двоекратном прикреплении крестьян указами 1592 и 1597 гг. и Г. Эверса — о запрещении крестьянского перехода лишь указом 1597 г. С. М. Соловьев, разделяя общее мнение предшествующих историков о прикреплении крестьян к земле законом, изданным во время царствования Федора Ивановича, не поддержал ни одной из высказанных до него точек зрения о времени издания этого закона. В глазах Соловьева отсчитывание пяти лет от 1597 г., примененное Татищевым для определения времени издания указа о закрепощении, никакой силы доказательства не имело. Не принял он и точку зрения Эверса, так как в тексте указа 1597 г. не было ни одного слова о запрещении перехода крестьян. Мнение Щербатова, как компромиссное, отпадало само собой.

С. М. Соловьев относил издание закона о прикреплении крестьян к «началу царствования Федора», но дальше отодвигать его он не мог, потому что это противоречило бы вступительной части Соборного Уложения Василия Шуйского, где Борис Годунов обвинялся в лишении крестьян права перехода в царствование Федора Ивановича. Заслугой исследователя является привлечение к решению вопроса о закрепощении крестьян в конце XVI в. приговора

церковного собора 20 июля 1584 г. об отмене тарханов. В этом приговоре историк увидел меру, подготавливавшую прикрепление крестьян в общегосударственном масштабе. Он рассуждал следующим образом: крестьяне уходили от служилых людей на монастырские и церковные земли, привлекаемые тарханами. Чтобы воспрепятствовать оскудению служилых людей, государственная власть прибегла к уничтожению тарханов, лишив крестьянина стимула к переходу с одной земли на другую. Однако мероприятие это было временным и краткосрочным. Уже в октябре 1594 г. тарханы были восстановлены. Отсюда Соловьев заключал, что, «по всем вероятностям, следовательно, закон об укреплении крестьян должен[ствовал] быть одновременен с восстановлением тарханов, ибо надобно было дать служилым людям обеспечение, необходимость которого была так торжественно провозглашена на соборе» (с. 287). Таким образом, конкретизируя свою точку зрения, автор склонялся к тому, чтобы отнести издание закона о всеобщем прикреплении крестьян к октябрю 1584 г.

На примере исследования С. М. Соловьевым вопроса о времени издания указа о прикреплении крестьян ярко выступает его критическое отношение к мнениям своих предшественников. В особо важных случаях Соловьев не полагался на авторитет самых известных историков, работавших до него. Он стремился исходить из источников и делать выводы в строгом соответствии с их показаниями.

Существенно разошелся С. М. Соловьев с дворянскими историками в определении причин закрепощения. Если В. Н. Татищев считал закрепощение следствием несовместимости крестьянской вольности с монархической формой правления, а Н. М. Карамзин относил его на счет отеческих забот самодержавия о крестьянах, то С. М. Соловьев видел в прикреплении крестьян к земле меру вынужденную, вызванную природными условиями России и государственными потребностями, заключавшимися прежде всего в «умножении войска». Огромные земельные пространства России были относительно слабо заселены, поэтому между землевладельцами шла борьба за рабочие руки. В этой борьбе верх брали богатые светские вотчинники и монастыри, располагавшие большими средствами для предоставления крестьянам льгот. Между тем основу государственного войска составляли дворяне и дети боярские, получавшие за свою службу поместья, которым угрожала опасность оказаться пустыми. «Государство,— писал Соловьев,— давши служилому человеку землю, обязано было дать ему и постоянных работников, иначе он служить не мог» (с. 286). Чтобы разрешить эти противоречия, государство специальным законом прикрепило крестьян к земле.

Говоря о причинах, приведших к закрепощению крестьян, С. М. Соловьев считал необходимым также указать на то, что «Московское государство в описываемое время находилось на очень низкой ступени промышленного развития, было чисто земледельческим; мануфактурная промышленность была в младенчестве, город в смысле центра мануфактурной промышленности не существовал, город продолжал быть огороженным селом, городские жители продолжали заниматься земледелием точно так же, как сельчане и деревенщики. В чисто земледельческом государстве господствующим отношением бывает отношение землевладельца к земледельцу, причем обыкновенно первый стремится привести второго в полную от себя зависимость» (с. 287—288). Мы привели эту выдержку, чтобы показать, какую глубокую и смелую для своего времени мысль высказал Соловьев, ставя крестьянское закрепощение в зависимость от слабости русского города в XVI в. Однако мысль эта в его труде сколько-нибудь полного развития не получила.

Неоднократно ссылаясь на обязанность государства удовлетворять нужды служилых людей в рабочих руках как на важнейшую побудительную причину к прикреплению крестьян, С. М. Соловьев в то же время приводил пример Литвы, где этот вопрос был разрешен путем запрета землевладельцам предоставлять крестьянам избыточные льготы. По мнению Соловьева, рус-

ское правительство пыталось в 80-х годах XVI в. пойти по этому пути, отменив тарханы, но, столкнувшись с церковью, вынуждено было искать другое решение. В этой связи представляет большой интерес мысль исследователя о том, что прикрепление крестьян было осуществлено за счет сделки «между выгодами духовенства и мелких служилых людей» (с. 288), заключавшейся в том, что церковь сохранила тарханы, а помещики добились запрещения крестьянского выхода. Этой сделке всемерно способствовал Борис Годунов, которому «в борьбе со старейшими боярами... выгодно было опираться на духовенство и на мелких служилых людей» (с. 288).

Связывая прикрепление крестьян к земле с усилением государственной централизации, С. М. Соловьев сделал шаг вперед в изучении проблемы возникновения крепостного права. Однако указание на государственные нужды, удовлетворение которых, согласно его концепции, являлось общенародным делом, затушевывало классовый характер закрепощения. В этом вопросе Соловьев был близок к Б. Н. Чичерину, который в эти же годы сформулировал теорию «закрепощения сословий», представлявшую собой исторческое оправдание крепостничества [11].

Необходимо отметить, что современное ему крепостное право С. М. Соловьев называл «пятном, позором, лежавшим на России, исключавшим ее из общества европейских, цивилизованных народов» [12]. Но оценку крепостного права в современной ему России он не переносил в отдаленные времена, последовательно проводя свой принцип историзма, свое абсолютное неприятие модернизации в оценках — «перенесения понятий времен новых на старые».

В 1858 г. в «Русской беседе» появилась статья М. П. Погодина, в которой развивались взгляды о «бытовом», или «безуказном», закрепощении крестьян. Погодин отрицал существование указа 1592—1593 гг. или какого-либо другого государственного закона о прикреплении крестьян. Среди обстоятельств, приведших к установлению в России крепостного права, он на первое место выдвигал «народный характер, кроткий, смирный и терпеливый до крайностей» [13]. Политический смысл этой концепции заключался в исторической реабилитации крепостного права и в попытке снять с самодержавия ответственность за участие в установлении его в России. С. М. Соловьев не поддержал концепции М. П. Погодина, созданной в угоду политическому моменту и слабо аргументированной источниками. Ему претило также откровенное раболепствование Погодина перед самодержавием.

Взгляды о «безуказном» закрепощении крестьян были энергично развиты в 80-х годах XIX в. В. О. Ключевским, по мнению которого закрепощение крестьян совершилось без прямого вмешательства государства, на основе роста задолженности крестьян и распространения на них правового положения, в котором издавна находились кабальные холопы [14].

Принципиально новый подход к вопросу о возникновении крепостного права в России был осуществлен в советской историографии. В трудах советских историков, среди которых особенно большое значение для изучения проблемы имеют фундаментальные исследования Б. Д. Грекова [15], были выявлены глубокие социально-экономические причины усиления закрепощения в XVI в., показано, что юридическое оформление в общегосударственном масштабе крепостного права в конце XVI в. в России было лишь этапом в длительном и сложном процессе закрепощения крестьян. И хотя полная картина развития законодательства по крестьянскому вопросу в конце XVI в. еще не вполне ясна, многие вопросы (в том числе и о существовании указа 1592 г.)

[11] См.: *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 223—230.
[12] *Соловьев С. М.* Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 339.
[13] *Погодин М.* Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права? // Русская беседа. Кн. IV. Ч. I. М., 1858. С. 120.
[14] См.: *Ключевский В. О.* Происхождение крепостного права в России // *Ключевский В. О.* Соч. Т. VII. М., 1959. С. 238—317.
[15] См.: *Греков Б. Д.* Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.; Л., 1940; *Он же.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. Кн. 2. М., 1954.

остаются спорными, не приходится сомневаться, что закрепощение крестьян совершилось при активном участии государства, которое не только выражало интересы феодалов, но и преследовало свои цели [16].

Крестьянская война начала XVII в. и борьба русского народа с польско-шведской интервенцией. Бурные и сложные события начала XVII в.: крестьянская война, иностранная интервенция, ожесточенная борьба внутри господствующего класса за власть — объединены у С. М. Соловьева под общим термином «смута», принятым в дворянской и буржуазной историографии. В общеисторической концепции Соловьева, в основу которой положена идея о развитии государственного начала, «смута» занимает особое место. Она представляется реакцией всех антигосударственных сил и элементов на успешный процесс государственной централизации, завершившийся во второй половине XVI в. В царствование Ивана IV государственное начало окончательно восторжествовало над родовыми отношениями. Стараниями грозного царя была обуздана своевольная боярская аристократия. Россия перешла в наступление на Азию. Главной государственной потребностью стала «потребность просвещения, сближения с народами Западной Европы» (с. 348). У Грозного появляется мысль о необходимости утверждения на берегах Балтики «для беспрепятственного сообщения с Западною Европою, для беспрепятственного принятия от нее плодов гражданственности, для принятия науки, этого могущества, которого именно недоставало Московскому государству, по-видимому, так могущественному» (с. 373). В этот момент, когда Россия готовилась вступить в семью европейских народов, династия Рюриковичей, свершив свою историческую миссию по собиранию Русской земли, сходит со сцены. Наступает полоса «страшных смут, грозивших юному государству разрушением». Но «юное государство» выдержало натиск анархии. Государственный порядок («наряд») восстанавливается. Начинается подготовка петровской реформы.

Такова в общих чертах концепция «смуты» С. М. Соловьева, изложенная им кратко во Введении к первому тому «Истории России» и последовательно проведенная в седьмом и восьмом томах. События «смуты», в основе которых лежали глубокие социальные потрясения, рассматриваются им под углом зрения «разрушения» и «восстановления» государственного порядка («наряда»).

Общая схема «смуты», предложенная С. М. Соловьевым, вполне согласуется с представлениями дворянских историков, видевших в «смуте» «разорение» государства, за которым последовало его «восстановление». Позднее мы встречаемся с этой же схемой в работах В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова [17], несмотря на присущий им интерес к вопросам социальным, совершенно обойденным С. М. Соловьевым.

Расценивая исторические события с точки зрения развития государственности, С. М. Соловьев увидел в событиях начала XVII в. насильственный перерыв в органическом ходе русской истории, для которого у него не нашлось другого названия, кроме слов «страшные смуты». Движение направляется тогда «по пути незаконному» и тем самым лишается какого-либо исторического смысла. Это — регресс, отступление от того, что уже было достигнуто в конце XVI в. «Смута» у Соловьева не только отделяет «эпоху сосредоточения» от времени подготовки петровской реформы, она их отдаляет друг от друга. После «смуты» движение возобновляется по законному пути, но с тех рубежей, на которых в конце XVI в. остановились Рюриковичи.

В качестве первой причины «смуты» С. М. Соловьев указывает «неудовлетворительное состояние народной нравственности в Московском государст-

[16] См.: *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1981.

[17] См.: *Ключевский В. О.* Соч. Т. III. М., 1988; *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937.

ве» (с. 377). Падение нравственности в России, по мнению Соловьева, произошло во время опричнины Ивана Грозного. Именно тогда «водворилась страшная привычка не уважать жизни, чести, имущества ближнего». Именно тогда возникла другая губительная привычка — «привычка сообразовываться со случайностями», которая, «разумеется, не могла способствовать развитию твердости гражданской, уважения к собственному достоинству, умения выбирать средства для целей». «Преклонение перед случайностью» и свою очередь вело к тому, что у людей отсутствовало сознание обязанности служить обществу, «подчинения частных стремлений и выгод общественным». Земля была собрана, но ее единство держалось на внешней силе, какие-либо внутренние связи отсутствовали. «Дурное состояние нравственности» выражалось в страшной недоверчивости людей друг к другу, постоянных доносах, стяжательстве и других пороках. Господствующий «недуг» времени сказался как на характере царя Бориса Годунова, так и на характере любого простолюдина.

Догадка историка о том, что предпосылки «смуты» следует искать еще во времени опричнины Ивана Грозного, не лишена интереса. Но решение вопроса о причинах «смуты» предложено им не в социальном, а в моральном плане, причем под нравственностью он понимал прежде всего нравственность религиозную. Поэтому и своих попытках определить главную причину «смуты» Соловьев близок к Авраамию Палицыну, личные качества которого он порицал, но основную мысль его о «смуте» как «божьем наказании» за грехи всех русских людей, начиная от царя и кончая холопом, фактически проводил в своей «Истории России».

Другим обстоятельством, благоприятствовавшим развитию «смуты», С. М. Соловьев считал существование казачества. В огромной колонизуемой стране со степными окраинами в казаки уходили все те, кто по каким-либо причинам тяготился своим положением. Государство от этого только усиливалось, так как «дурные соки» выходили наружу. Но с началом «смуты» нарыв, образовавшийся на границах России, прорвался внутрь государства, заражая его здоровые части. К внешним, степным казакам примкнули казаки внутренние. Для всех них было характерно стремление «пожить на чужой счет». Казаки придали «смуте» такой размах, что государство оказалось на краю гибели (с. 379—380).

В связи с вопросом о казаках С. М. Соловьев делает свой основной вывод о «смуте», которую предлагает рассматривать как «борьбу между общественным и противообщественным элементом, борьбу земских людей, собственников, которым было выгодно поддержать спокойствие, наряд государственный для своих мирных занятий, с так называемыми козаками, людьми безземельными, бродячими, людьми, которые разрознили свои интересы с интересами общества, которые хотели жить на счет общества, жить чужими трудами» (с. 380).

Выдвигая в качестве причин «смуты» падение нравственности и развитие казачества, С. М. Соловьев выступал против историков, которые видели причину «смуты» в прикреплении крестьян. «Некоторые,— писал он, имея в виду В. Н. Татищева и М. М. Щербатова,— полагают причиною Смуты запрещение крестьянского выхода, сделанное Годуновым. Но мы не можем согласиться с этим мнением, во-первых, потому, что ни один из современных писателей не намекает на это, во-вторых, закон об укреплении крестьян был вполовину отменен Годуновым в его царствование, участь крестьян была облегчена именно там, где она могла быть тяжела» (с. 380). Доводы, приведенные Соловьевым в обоснование своего несогласия со взглядами Татищева и Щербатова, несостоятельны. Если действительно в сохранившихся памятниках публицистики начала XVII в. нет прямых указаний на связь «смуты» с закрепощением крестьян, то об этом совершенно определенно говорится в докладе бояр и дьяков Поместного приказа Боярской думе, помещенном во вступительной части Соборного Уложения Василия Шуйского 1607 г. В этом докладе события крестьянской войны, тенденциозно трактуемые его составителями как

«грабежи» и «убийства», непосредственно выводятся из недовольства крестьян закрепостительной политикой конца XVI в. Что касается отмены закона об укреплении крестьян в царствование Бориса Годунова, то это сделано было, как правильно замечает сам Соловьев, лишь «вполовину» и к тому же на короткий срок. Временная отмена запрещения выхода для крестьян мелких и средних помещиков произошла во время страшного голода 1601 и 1602 гг., но уже в 1603 г., после разгрома восстания Хлопка, указ этот не был возобновлен, так что в последние годы царствования Бориса Годунова запрещение выхода оставалось в полной силе.

При рассмотрении хода развития «смуты» С. М. Соловьев подробно останавливается на вопросе о борьбе за власть в конце XVI в. между различными боярскими группировками, которая особенно обострилась после смерти бездетного Федора Ивановича. Яркую характеристику дает Соловьев Борису Годунову. Он далек от того, чтобы видеть в нем традиционного злодея, терзаемого угрызениями совести за совершенное преступление — убийство царевича Дмитрия, каким представлял себе Бориса Годунова Н. М. Карамзин. В изображении Соловьева Борис Годунов предстает крупным государственным деятелем, который яснее других понимал задачи, стоявшие перед страной. Но вместе с тем Соловьев подчеркивает «мелкодушие» Бориса, его мелочную подозрительность, жестокость — качества, приобретенные им в школе опричнины Ивана Грозного и губительно сказавшиеся на судьбе его царствования.

Критически сопоставляя версии Нового летописца и Углицкого следственного дела об обстоятельствах смерти царевича Дмитрия в 1591 г., Соловьев указывает на противоречия, содержащиеся в следственном деле. В результате он приходит к выводу, что царевич Дмитрий был убит по приказанию Бориса Годунова, как о том говорится в Новом летописце, а следственное дело было подтасовано в угоду Борису Годунову. Версии же о подмене и спасении Дмитрия он вообще не касался, так как считал ее совершенно несостоятельной.

Вопрос об обстоятельствах смерти Дмитрия остается спорным и в современной исторической науке. Наряду с традиционным мнением о его насильственной смерти в результате заговора, возглавленного Борисом Годуновым, существует и мнение о случайной гибели царевича [18].

Начало «смуте», по мнению С. М. Соловьева, было положено боярством, интриговавшим против Бориса Годунова. «Годунов пал вследствие негодования чиноначальников Русской земли» (с. 376, 393). Выдвижение первого самозванца произошло по инициативе бояр, которые хотели использовать его как простое орудие в своей борьбе с Годуновым, а затем отбросить прочь. Польские магнаты и иезуиты начали помогать самозванцу уже позднее, когда он оказался за границей. Поддержка, оказанная Лжедмитрию I казаками, и переход на его сторону дворянского войска привели к усилению «смуты» и утверждению самозванца на престоле. Расценивая самозванцев как казацких царей, Соловьев оставил без анализа политику Лжедмитрия I по крестьянскому вопросу. Отметив тенденцию январского указа Лжедмитрия I к «ограничению холопства», он лишь пересказал содержание указа от 1 февраля 1606 г. о сыске беглых крестьян, воздержавшись от каких-либо комментариев по этому поводу.

Разбирая запутанный вопрос о происхождении Лжедмитрия I и склоняясь к тому, чтобы отождествить самозванца с Григорием Отрепьевым, С. М. Соловьев отмечал принципиальное отличие деятельности историка от творчества писателя. Если первый должен придерживаться в своей работе точных фактов, то второй имеет право на художественный вымысел. «Вопрос о происхождении первого Лжедмитрия,— указывал Соловьев,— такого рода, что способен

[18] См.: *Полосин И. И.* Углицкое следственное дело 1591 г. // *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени».

сильно тревожить людей, у которых фантазия преобладает. Романисту здесь широкий простор, он может делать самозванцем кого ему угодно; но историку странно срываться с твердой почвы, отвергать известие самое вероятное и погружаться в мрак, из которого нет для него выхода, ибо он не имеет права, подобно романисту, создать небывалое лицо с небывалыми отношениями и приключениями» (с. 679).

О некоторых личных качествах самозванца Соловьев отзывался с симпатией, видя в нем человека талантливого, введенного в заблуждение другими людьми, стремившимися использовать его в своих политических целях. Ему импонировали доброжелательный нрав Лжедмитрия I, его сообразительность в государственных делах, молодечество, страстная любовь к Марине. Соловьев первый среди историков высказал мысль о том, что бояре, выдвинув Григория Отрепьева на роль самозванца, сумели настолько внушить ему мысль о его царственном происхождении, что он сам уверовал в эту мистификацию и в своих поступках не отделял себя от царевича Дмитрия. Мысль эту при всей ее оригинальности и привлекательности обосновать фактами нельзя, поэтому, высказывая ее, Соловьев невольно отступал от требований, которые им же самим справедливо предъявлялись к исторической науке.

Таким образом, согласно С. М. Соловьеву, «смута» началась боярской интригой, а уже затем в нее втянулись дворянство и купечество. Отсюда следует, что исходные моменты известного мнения В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова о развитии «смуты» «сверху вниз», о последовательном включении в политическую борьбу различных слоев русского общества имеются в наличии уже у С. М. Соловьева. Однако эти представления о развитии «смуты» не отражают реального хода событий. Кризис правительства Бориса Годунова в действительности был вызван не «боярской крамолой», хотя она сыграла при этом определенную роль, а прежде всего ожесточенной классовой борьбой крестьянства и посадских людей, переросшей в начале XVII в. в крестьянскую войну [19].

Восстание И. И. Болотникова для С. М. Соловьева было не событием первостепенной исторической важности, а кратковременным эпизодом «смуты», не идущим в сравнение не только со вступлением в Россию польского короля Сигизмунда III, но даже со смертью «тушинского вора». И действительно, если названные события играют у него роль вех, отделяющих различные этапы «смуты» (с. 602), то восстанию Болотникова он такого значения не придает. Это — один из моментов проявления «противуобщественного начала» (с. 466), борьбы за дело самозванцев. Это восстание у Соловьева лишено социального содержания. Крестьяне, вовлеченные в борьбу казаками, и не думали выступать «в защиту своих сословных прав и интересов» (с. 380). Он склонен допустить, что лишь на юге России «в некоторых местах» крестьяне поднимались против помещиков. Но это «явление местное», исключительное. В остальных же случаях, вступая в казаки, они «переставали быть крестьянами» и начинали «бить и грабить прежде всего свою же братию — крестьян» (с. 380).

Презрительно отзываясь о войсках восставших как о «шайках», Соловьев приветствует разгром восстания. Однако о самом Болотникове он говорит с некоторым сочувствием, следуя в его характеристике запискам Конрада Буссова, который видел в Болотникове «доброго и верного рыцаря», введенного в заблуждение каким-то авантюристом (вероятно, М. А. Молчановым), выдававшим себя в Польше за Дмитрия.

Лжедмитрия II в отличие от Лжедмитрия I С. М. Соловьев справедливо характеризует как личность совершенно ничтожную, как игрушку в руках польских магнатов: сначала — Меховецкого, а затем Рожинского. Основываясь на свидетельстве К. Буссова, он пишет о том, что второй самозванец

[19] См.: *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985.

обещал крестьянам и холопам, господа которых продолжали служить Василию Шуйскому, вольность, объявлял во всех городах, чтобы они забирали вотчины своих господ (с. 470). Однако это были лишь демагогические жесты. Как показывают актовые материалы, в своей повседневной практике Лжедмитрий II придерживался закрепостительной политики, раздавал поместья и вотчины, выдавал жалованные и вводные грамоты, боролся против побегов крестьян.

Большое место в восьмом томе «Истории России» С. М. Соловьев уделил героической борьбе русского народа с иностранной интервенцией, патриотическому подъему, охватившему тогда различные слои русского общества, росту национального самосознания русского народа. Замечание Соловьева о поляках, которые «хотели воспользоваться смутным состоянием Московского государства для его завоевания» (с. 530), его мысль о том, что имя Владислава служило Сигизмунду III лишь для прикрытия завоевательных замыслов (с. 541), безусловно, верно вскрывают подлинные цели интервенции польских панов. Вместе с тем Соловьев сильно преувеличивал роль патриарха Гермогена и других церковных деятелей в организации борьбы с польскими и шведскими захватчиками. По его словам, «главный двигатель этого восстания (против поляков.— *В. К*), начальный человек в государстве в безгосударное время, находился в Москве: то был патриарх, по мановению которого во имя веры вставала и собиралась земля» (с. 615). Грамоты патриарха Гермогена с призывами подняться против интервентов, конечно, способствовали в какой-то мере развертыванию освободительной борьбы, но ее глубокие истоки таились в горячем патриотизме русского народа, поднявшегося на защиту своей Родины от иноземных врагов.

Как глубокий исследователь, С. М. Соловьев не мог пройти мимо классовых противоречий в России во время открытой польско-шведской интервенции и освободительной борьбы. Он правильно отмечал тот факт, что бояре целовали крест польскому королевичу Владиславу, боясь быть побитыми своими же холопами. Развал первого ополчения он связывал с недовольством казаков, среди которых было много беглых крестьян и холопов, с закрепостительной политикой руководителей ополчения. В его представлении в этом ополчении «чистое было смешано с нечистым, подле земских людей стояли казаки» (с. 627). И далее: «...казаки убийством Ляпунова и разогнанием лучших служилых людей остановили ход земского дела под Москвою» (с. 629). Освобождение Москвы, согласно Соловьеву, было делом посадских людей и черносошного крестьянства приволжских и северных районов, к которым примкнуло дворянство центральных уездов, т. е. «здоровой части русского народонаселения», которая «порвала связь с больною, зараженною частью» (с. 659). Он недооценивает значение казаков и их «подмосковных таборов» в деле освобождения столицы Русского государства. На практике, как об этом отчасти пишет сам Соловьев, полного разрыва между казаками и земским ополчением не было и казаки активно участвовали в освобождении Москвы от польских захватчиков [20].

Рост национального самосознания русского народа в ходе освободительной борьбы был сведен Соловьевым лишь к борьбе за православную веру, за восстановление монархии, против иноверных захватчиков — католиков и протестантов. Так, он пишет, что с провозглашением Владислава царем народное движение в Московском государстве принимает «религиозный характер» (с. 567). Внешнему «очищению» страны от домашних и пришлых врагов, казаков и интервентов, предшествовало внутреннее «нравственное очищение» русских людей, средством которого явился всенародный трехдневный пост и покаяние (с. 640—641).

Седьмой и восьмой тома «Истории России» С. М. Соловьева содержат

[20] См.: *Долинин Н. П.* Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 1958.

наиболее полное и подробное (по сравнению с трудами его предшественников) повествование о событиях этого сложного периода русской истории. К тому же если Н. М. Карамзин прервал свою «Историю» на 1611 г., то С. М. Соловьев довел изложение до восстановления государственного единства в результате возведения на престол новой династии. Обширный фактический материал, собранный в этих томах, отдельные наблюдения автора над взаимной связью политических событий не потеряли своего значения до наших дней.

Бурные события конца XVI — начала XVII в. стали предметом глубокого и детального изучения в советской исторической науке [21].

[21] Кроме названных выше работ см: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951; *Шепелев И. С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957; Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959; Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.; Л., 1966; Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: Проблемы, поиски, решения. М., 1974; *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978; *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ ИЗДАТЕЛЯМИ В ПРИМЕЧАНИЯХ И КОММЕНТАРИЯХ К СЕДЬМОМУ И ВОСЬМОМУ ТОМАМ «ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН» С. М. СОЛОВЬЕВА

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук.
АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею.
АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.
АЮ — Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства.
Временник МОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею.
ДРВ — Древняя российская вивлиофика.
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
ОИДР — Общество истории и древностей российских.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РИБ — Русская историческая библиотека.
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Аарон, воев. волошский 238
Аббас I, иранский шах 221, 236, 269, 363, 435
Абдул-Хаир, сын хана Кучума, сибирский царевич 271
Абрамов Сапун *см.* Аврамов Сапун Василий Тихонович
Август, лжецаревич 469
Аверкий Иванович *см.* Авраамий Палицын
Авраам, бургграф донавский *см.* Донау Абрагам
Авраам, патриарх, библ. 152
Авраамий Палицын, келарь Троице-Сергиева мон., писатель-публицист 327, 329, 494, 495, 497—499, 518, 551, 570, 590, 592, 637, 644, 647, 662, 670, 672, 675, 676, 681, 685, 688, 698
Аврамов (Абрамов) Сапун Василий Тихонович, подьячий, затем дьяк Разрядного приказа, думный дьяк 274, 284
Адашев Алексей Федорович, окольничий 96, 177, 201
Адриан, старец Андросовой пустыни 8
Адриан Ангелов, келарь Троице-Сергиева мон. 98
Азн Хосров (Хозрев) *см.* Хаджи Хосров
Айгустов Улан Мартьянов, подьячий, затем дьяк 120
Акинфиев Григорий, воев. Лжедмитрия I 408
Акинфовы, боярский род 11
Аксаков К. С., славянофил, публицист 330
Аксенов Михаил, житель Москвы 557
Аксинья *см.* Ксения Борисовна Годунова
Александр, архиеп. новгородский 72, 296
Александр, казанский царь 8
Александр, кн. молдавский 28
Александр, старец Кирилло-Белозерского мон. 82
Александр II, кахетинский царь 268, 269, 363
Александр Казимирович, в. кн. литовский, позднее кор. польский 61
Александр Свирский, основатель, иг. Спасского Свирского мон. 83
Александр Ярославич Невский, сын кн. Ярослава Всеволодовича, в. кн. владимиро-суздальский 184, 446, 448, 460
Александра Семашковна, 3-я жена кн. А. М. Курбского, кн. 146
Александра Федоровна *см.* Ирина Федоровна
Алексей (Алексий), архиеп. ростовский 81, 88
Алексей (Алексий), митр. московский (св., чудотворец) 8, 80, 461, 604, 663
Алексей Михайлович Романов, царь 315, 386
Аллабердей, крымский мурза, посол в Москве 257

* В указателе приняты сокращения: архиеп.— архиепископ, архим.— архимандрит, библ.— библейский, б-н — боярин, в.— великая, великий, воев.— воевода, др.-греч.— древнегреческий, др.-рим.— древнеримский, друж.— дружинник, еп.— епископ, иг.— игумен, имп.— император, кн.— княгиня, князь, кор.— королева, король, легенд.— легендарный, митр.— митрополит, мон.— монастырь, псевд.— псевдоним, св.— святая, святой, соч.— сочинение, ур.— урожденная, уроч.— урочище.

Алп-Гирей, крымский царевич, калга 251
Алферьев Роман Васильевич, думный дворянин, печатник 283
Алферьев Семен Романович, думный дворянин 381
Альдобрандини, кардинал 360
Алябьев Андрей Семенович, дворянин, дьяк, воев. в Нижнем Новгороде 511, 512, 641
Амвросий, богослов, переводчик, единомышленник кн. А. М. Курбского 163
Аммос, протопоп Софийского собора в В. Новгороде 630
Амурат III, турецкий султан 262, 263, 268, 296
Анастасия, св. 81
Анастасия Романовна (ур. Захарьина-Юрьева), 1-я жена Ивана IV Васильевича, царица 101, 152
Андреев Афанасий, стрелецкий голова 435
Андреев Василий, запорожский атаман 281
Андрей, протопоп, духовник царский, позднее митр. московский Афанасий 96
Андрей Иванович Меньшой, сын в. кн. Ивана III Васильевича, кн. старицкий 328
Андрей Лях, казачий атаман 27
Андроник Невежа *см.* Невежин Андроник Тимофеев
Андронов Федор, московский купец-кожевник 539, 540, 562, 568, 594—596, 598, 602, 615, 639, 665, 666
Андруш, казачий атаман 27
Анна, греческая царевна, жена в. кн. Владимира I Святославича, в. кн. 101
Анна, дочь Ивана IV Васильевича, царевна 8, 89
Анна, дочь Сигизмунда I, жена Стефана Батория, кор. польская 207
Анна, св., библ. 82, 313, 331
Анна, сестра Сигизмунда III, кор. шведская 216
Анна Алексеевна (ур. Колтовская), 4-я жена Ивана IV Васильевича, царица 82, 469
Аннибал ди Капуа, папский нунций в Польше 207
Антоний, иг. Соловецкого мон. 606
Антоний, иезуит *см.* Поссевин Антоний
Антоний, митр. московский 86, 87
Антоний, основатель Киево-Печерского мон. 157
Анфим, сын протопопа Благовещенского собора Сильвестра 167
Апраксин Федор Никитич, дьяк, одним из первых перешедший к Сигизмунду III 539
Араслан-мурза (Арослан), сын Дивея-мурзы, крымский военачальник 267
Аристотель, др.-греч. философ 81, 162
Арсений, архиеп. Архангельского собора в Москве 636, 667
Арсений, архиеп. Элассонский 327
Арсений, еп. львовский 106
Артемий, иг. Троице-Сергиева мон., идеолог нестяжательства, публицист 96—100, 157, 161, 162
Арцы-Карло, Арцы-Карлус *см.* Карл IX, кор. шведский
Асманак, сын хана Кучума, сибирский царевич 364
Аталык Муслы, татарин 252
Афанасий, иг. Кирилло-Белозерского мон. 88
Афанасий (Андрей), митр. московский 366
Афанасий, монах Старорусского мон. 164
Афанасьев Борис, слуга М. Ф. Нагого 308, 313, 330
Афанасьев Иван, гость, посол Ивана IV Васильевича 50
Афанасьев Иван, колокольный мастер 48
Афанасьев Федот Огурец, пономарь в Угличе 310, 311
Ахмет-ага Сулешев, крымский паша 254, 259, 260, 360, 361
Ахмет-Челибей, крымский посол в Москву 361, 362

Байков Петр, приказчик, московский «зажигальщик» 301
Банер Густав, шведский военачальник 225
Банер Стен, шведский посол 230
Бартенев Второй, дворовый человек б-на А. Н. Романова 382
Бартенев Данила Микулин, дьяк в В. Новгороде 137
Барятинский Михаил Федорович *см.* Борятинский Михаил Федорович
Басманов Иван Федорович, окольничий, воев. 390

Басманов Петр Федорович, б-н, воев. в Новгороде Северском 376, 391, 405, 407, 411, 413, 416, 437, 440, 442, 521
Бахтеяров-Ростовский Владимир Иванович, кн., воев. 254, 463
Башкин Матвей Семенович, сын боярский, еретик 96—100, 692, 693
Бегичев Иван Дубина, ополченец из украинского отряда 655
Бегичев Казарин, дьяк Лжедмитрия I 645, 646
Бегичев Михаил Петрович, сын боярский, смолянин, дьяк 595
Беззубцев Константин Александрович, б-н, воев. коломенский 12
Беззубцев Юрий, дворянин, воев. 640
Безнин Михаил Андреевич, воев., думный дворянин 193, 199, 200
Безобразов Иван Романович, дворянин, ловчий, посол Лжедмитрия I в Речь Посполитую 427
Безобразов Истома Харитон Осипович, думный дворянин, постельничий, наместник Московской трети 285
Безобразов Козьма (Кузьма) Авраам Осипович, воев., думный дворянин 300
Безобразов Семен Владимирович, стряпчий, посол царя Федора Ивановича в Крыму 257, 258
Бекман Рейнгольд (Роман), ливонец, толмач, гонец царя Федора Ивановича в Англию 243, 244, 246, 373
Белль Филипп, ливонский ландмаршал 156
Белобород Иван (Валле Ян де ла), голландский купец 50, 234
Белоус Яцко, казачий атаман 27
Бельский Богдан Яковлевич, думный дворянин, оружничий, б-н 52, 84, 185, 186, 243, 255, 259, 376, 380, 381, 385, 412, 415, 451, 599, 600, 676
Бельский Давыд Нежданов, дворянин 208
Бельский Иван Дмитриевич, кн., б-н, воев. и наместник 11, 89, 156
Беляев И. Д., историк 315, 326
Бем Исаак, шведский воев. 521
Берсень-Беклемишев (Берсенев) Иван Никитич, сын боярский 77
Бестужев Иван, посол из Смоленска 611
Бибиков Иван, посол царя Федора Ивановича в Крым 254, 256
Билибин Шершень Василий Григорьевич, дьяк приказа Большого дворца, затем во Пскове 47
Биркин Василий Петрович, рязанский дворянин, голова в Пронске 263, 264
Биркин Иван Иванович, стряпчий 641, 644, 651
Битяговские, дьяческая семья 311
Битяговский Данила Михайлович, сын дьяка 306—311, 331
Битяговский Михаил, дьяк в Казани, затем в Угличе 37, 306—312, 329, 331, 401
Благово (Благов) Борис Петрович, стряпчий, посол в Турцию 262—264, 292
Блазновы, вологодские оброчники 47
Бобрович И. Н., польский историк 673, 686, 687
Бобровский, военачальник польский Лжедмитрия II 478, 518
Богдан, самозванец *см.* Лжедмитрий II
Богдан, священник церкви Константина в Угличе 310, 311, 331
Бодырин Федор, атаман терских казаков 435
Бойе (Бое) Поран Нильс, шведский посол 230
Бокей (Печихвостовский) Федор, шляхтич 159
Болдырь, волжский атаман 280, 281
Болоньетти Альберто, легат папы римского в Речи Посполитой 196
Болотников Иван Исаевич, беглый холоп, руководитель крестьянского восстания 446, 454—458, 462, 463, 465, 466, 488, 558, 684, 700
Болтин, сын боярский 385
Болтин Ждан Петрович, дворянин, нижегородец 642
Болховский Семен Дмитриевич, кн., воев. сибирский 270
Бомелий Елисей, лейб-медик и астролог Ивана IV Васильевича 177, 178
Бона Сфорца, миланская герцогиня, жена Сигизмунда I, кор. польская и литовская 57, 102

Боргезе, кардинал 427, 429—431, 480, 481
Борзецкий, пленный поляк Лжедмитрия II 519
Борзиковский Петр, поляк, гонец из Москвы 471, 476
Борзунов Иван, новгородский староста 39
Борис Федорович Годунов, б-н, конюший, затем царь 16, 183—192, 200, 220, 221, 225, 227, 232—237, 239—241, 243—246, 248—250, 253—256, 259, 269, 270, 273, 274, 278, 283, 287—289, 294—297, 301, 305—307, 312, 313, 322, 323, 325—330, 335—363, 365—383, 386—390, 392—394, 397—402, 404, 405, 407—415, 417, 420—422, 424—426, 428, 435, 438, 440, 443, 444, 447, 451, 455, 459—462, 471, 474, 495, 496, 531, 557, 558, 562, 579, 593, 594, 596, 615, 622, 645, 652, 657, 667, 671—677, 694, 696, 698—700
Борисславский, поляк, посредник 657
Борисов Григорий Никитич, б-н, воев. путивльский 281
Борша Станислав, польский дворянин, автор соч. о России 680, 681
Борятинский Михаил Федорович, кн., воев., посол в Крым 284, 362
Борятинский Федор Петрович, кн., воев. в Ярославле 502, 506
Борятинский Яков Петрович, кн. 349
Боус (Боузс) Джером (Еремей), английский посол в Россию 50, 52, 243, 322
Брамбах Иоганн, посол любекский от Ганзейского союза, автор соч. о России 675
Бреиков Давила, купец 276
Будило (Будзило) Иосиф, мозырский хорунжий 465, 513, 666
Будовиц И. У., историк 693
Буйносов-Ростовский Василий Иванович, кн., воев. в Ивангороде 367, 389
Буйносов-Ростовский Иван, кн. 70
Буйносов-Ростовский Петр Иванович, кн., воев. 37, 283
Буйносова-Ростовская Мария Петровна, княжна *см.* Мария Петровна
Булгаков Федор Матвеевич Меньшой, кн., воев. 404
Булгаков-Куракин Григорий Андреевич, кн., воев. в Казани 37
Булыга, кн. 147
Бунаков Андрей, посол в Речь Посполитую, затем дьяк в Смоленске 401
Буссов Конрад, немецкий ландскнехт, автор соч. о России 391, 394, 551, 671—677, 680—684, 686, 700
Бутурлин Василий Иванович, стольник, воев. 629, 630, 652
Бутурлин Д. П., историк 684, 686
Бутурлин Иван Матвеевич, воев. 616
Бутурлин Иван Михайлович, окольничий, воев. 360, 361, 363
Бутурлин Михаил Матвеевич, кн., стольник 493, 649, 652, 668
Бучинские, поляки, братья 420, 432, 448, 453
Бучинский Ян, секретарь Лжедмитрия I 416, 423, 426, 427
Быкасовы, дети боярские 189
Быковский, литовский посланник 10

Валавский, поляк, канцлер Лжедмитрия II 467, 469, 479
Валенти, кардинал 428, 429
Валуа, династия французских королей 193
Валуев (Волуев) Григорий, сын боярский, московский воев. 442, 535, 550, 552—554, 582, 587
Ваповский Андрей, польский магнат 194
Варкоч Николай, имперский посол 232—239, 241
Варлаам, архиеп. ростовский 296
Варлаам (Василий), монах, автор «жития» Евфросина Псковского и др. 94, 176
Варлаам, отшельник из «Жития Варлаама и Иоасафа» 82, 84
Варлаам Пушкин, архиеп. крутицкий 190, 191
Варлаам Яцкий, монах 395, 396, 400, 401, 403, 677—679
Варсонофий, архим. казанский 68
Варшицкий Станислав, каштелян варшавский 349
Василий, лжецаревич, мнимый сын царя Федора Ивановича 469
Василий Багрянородный, византийский имп. 101
Василий Блаженный, или Нагой, московский юродивый 141

Василий II Васильевич Темный, в. кн. московский 183, 286, 350
Василий Великий, св., архиеп. кесарийский, византийский церковный писатель 160—162, 164, 166, 175, 481, 485
Василий Дмитриевич, сын в. кн. Дмитрия Ивановича Донского, кн. владимирский и московский 299
Василий III Иванович, сын в. кн. Ивана III Васильевича, в. кн. всея Руси 7, 12, 13, 37, 38, 71, 86, 89, 115, 130, 167, 176, 185, 190, 328, 347, 490
Василий Иванович Шуйский, кн., б-н, затем царь 190, 283, 287, 288, 307, 323, 328, 382, 387, 391, 393, 402, 403, 407, 412, 415, 416, 427, 428, 436—438, 440, 441, 443—448, 450—453, 455—466, 470, 471, 475, 476, 478, 488—491, 493, 495, 496 499, 501, 503, 504, 506, 508, 509, 511, 512, 514—522, 524, 525, 527—531, 534—536, 538, 542, 545, 546, 548—552, 554—560, 562—564, 570, 576, 579, 585, 588, 593—596, 602, 606, 623, 626, 631, 633, 635, 638, 641, 644, 657, 677, 683, 684, 694, 698, 701
Васильев, донской атаман 266
Васильев Истома, слуга Кирилло-Белозерского мон. 138
Васильев Смирной, дьяк приказа Большого дворца 394, 395, 399
Васильев Сыдавной Семен Зиновьевич, дьяк дворцовый, затем думный дьяк 519, 570, 590—592
Васспан, архим. чудовский 81
Васспан Косой, инок (кн. Василий Иванович Патрикеев), публицист 99, 150, 156, 165, 166
Вашийский, поляк 530
Вельяминов Гаврила, рында 282
Вельяминов Мирон Андреевич *см.* Вельяминов-Зернов Мирон Андреевич
Вельяминов Михаил Иванович, думный дворянин, посол царя Федора Ивановича в Империю 240, 285
Вельяминов Никита Дмитриевич, окольничий 539
Вельяминов Третьяк, воев. в Иван-городе 367
Вельяминов-Зернов Мирон Андреевич, чашник, воев. 407, 508, 512, 649
Вельяминовы, боярский род 282, 413
Венедикт, монах 403
Веревкин Гаврила, стародубец 465
Веревкин Матвей, попович *см.* Лжедмитрий II
Веселовский С. Б., историк, академик 690
Видекинд II., шведский историк 686, 687
Вильс, английский медик 374
Вильчек, поляк, воев. можайский 549
Висковатый Иван Михайлович, подьячий, затем думный дьяк, глава Посольского приказа 83, 95, 96
Витовский Станислав, посол Речи Посполитой в Москву 476
Витовт Кейстутович, в. кн. литовский 205, 292
Витовтов Евдоким Яковлевич, думный дьяк, перешел к Сигизмунду III 539, 595, 596
Витт, ливонский купец 370
Вишневецкие, польские князья 678
Вишневецкий Адам Александрович, кн., польский магнат, конюший Лжедмитрия II 392, 394, 396, 403, 439, 442, 467, 469, 677
Вишневецкий Александр, кн. 226
Вишневецкий Андрей, кн., воев. браславский 146
Вишневецкий Дмитрий Иванович, кн., гетман 27
Вишневецкий Константин Александрович, кн., магнат 396
Владимир Андреевич, сын кн. Андрея Ивановича, кн. старицкий 8, 14, 171, 313, 323, 645
Владимир Всеволодович Мономах, сын кн. Всеволода Ярославича, в. кн. киевский 150, 168, 303
Владимир I Святославич, сын в. кн. Святослава Игоревича, в. кн. киевский 23, 66, 96, 101
Владислав III, сын Сигизмунда III Вазы, королевич, затем кор. польский 220, 427, 528—530, 539—542, 549, 553—555, 558, 562—572, 575—577, 580, 582, 583, 585, 593—595, 598, 599, 601—604, 606—608, 610, 614, 615, 617, 622, 629, 634, 637, 645, 647, 668, 701
Власьев Афанасий Иванович, думный дьяк, посол царя Федора Ивановича 240, 285, 352, 356—

358, 362, 393, 404, 416, 417, 423, 424, 429, 451, 474, 594
Внуков, ученик константинопольского патриарха 101, 292
Впуков Кручина, казачий атаман 657
Воейков Богдан, пристав 385, 386
Воейков Ефим (Баим) Васильевич, думный дворянин, воев. 363, 364
Война Гаврила, посол Речи Посполитой в Россию 226
Войтехов Ян, поляк 531, 532
Вокорлин, мордвин, возглавил движение крестьян 456
Волан, протестантский литовский писатель 154
Волконский Григорий Константинович, кн., окольничий, посол в Крым и Речь Посполитую 360, 361, 474, 476, 555
Волконский Михаил Константинович, кн., воев. 267, 555
Волконский-Мерин Федор Федорович, кн., воев. 557, 608, 649
Волохов Осип, сын Василисы Волоховой 306—309, 311, 401
Волохова Василиса, мамка царевича Дмитрия Ивановича 306, 308, 309, 311, 331
Волынский Василий 139
Волынский Иван Иванович, воев. ярославский 505, 608
Волынский Федор 139
Воронков Иван Иванов, новгородский купец 39
Воронов Рахман Макарьев, подьячий, затем дьяк на Вологде 510
Вороновецкий Петр, слуга кн. А. М. Курбского 147
Воронцов Иван Михайлович, б-н, московский посланник в Литву 11, 12
Воротынские, князья 187, 188
Воротынский Иван Михайлович, кн., воев., б-н 412, 413, 422, 444, 454, 455, 551, 557, 586, 595, 596, 598, 609, 666
Воротынский Михаил Иванович, кн., воев., б-н 10—12, 23, 25, 85
Востоков А. Х., историк 320, 321
Всеволод Мстиславич, сын в. кн. Мстислава Владимировича, кн. новгородский и псковский 31
Всеволод III Юрьевич, сын в. кн. Юрия Владимировича Долгорукого, в. кн. владимиро-суздальский 184
Выламовский, польский восначальник 478
Вылузгин Елизарий Данилович, думный дьяк 274, 307
Высоцкий, дьяк коронной канцелярии 106
Выходец Тимофей (Тимоха), московский купец, посол 232
Вышеславцев Никита Васильевич, воев. 511
Вяземский Семен, кн. 511
Вяземский Семен Юрьевич, кн., воев. в Перми 559

Гаврилка, лжецаревич, мнимый сын царя Федора Ивановича 469
Гагарин Роман Иванович, кн., воев. 515, 518, 647
Гамель И. Х., историк 317
Ганна, жена Красенского 149
Гарабурда Михаил Богданович, посол Речи Посполитой в Россию 159, 193, 198, 201—203
Гасс, английский агент 52
Гаютин Василий, стрелецкий голова 630
Гвоздев-Ростовский Василий Иванович, кн., стольник 284
Гедиминовичи, князья 183, 184, 387
Гейденштейн Рейнгольд, польский историк, хронист 133, 322
Геласий, митр. крутицкий 307, 311, 312, 403
Гендриксон, шведский посол в Москву 352
Геннадий (Гонзов), архиеп. новгородский 94
Геннадий, иг. вяжицкий 652
Геннадий, старец Сарайской пустыни 8
Генрих III Валуа, герцог анжуйский, кор. французский и польский 28, 194, 195
Генрих IV Бурбон, кор. наваррский, затем кор. французский 193, 220, 237
Герасим, иг. Коряжемского мон. 289
Герасим, монах Старорусского мон. 164
Герберштейн Сигизмунд, барон, имперский дипломат, писатель 7
Герман (Полев), архим. казанский 68
Гермоген, архиеп. казанский, затем митр. московский и патриарх всея Руси 291, 436, 446, 450, 459—462, 515, 567, 574, 598, 604, 605,

608, 615, 622, 625, 636, 638, 648, 683, 701
Глаголь Семен Высокий, псковский иконописец 48
Глазов, царский охотник 300
Глазунов, верхотурский ямской охотник 365
Глебович Ян Юрьевич, воев. полоцкий, кастелян минский, посол литовский в Москву 107, 131, 213, 217, 225
Глембоцкий, польский магнат, посол Стефана Батория 226
Глинские, князья, бояре 12
Глинский Василий Львович, кн. 12
Глинский Василий Михайлович, кн., б-н, наместник казанский 11
Глинский Иван Михайлович, кн., воев., б-н 38, 285
Глинский Михаил Васильевич, кн., воев., б-н 12, 21
Глухов Иван, голова 270
Гнездиловский, кн. 138
Годабенд, персидский шах 269
Годунов Борис Федорович *см.* Борис Федорович Годунов
Годунов Григорий Васильевич, окольничий, б-н, дворецкий 275, 306, 348
Годунов Дмитрий Иванович, постельничий, окольничий, б-н 276, 348, 593
Годунов Иван Васильевич, воев., окольничий, б-н 255, 299, 300, 615
Годунов Иван Иванович, окольничий 501, 544
Годунов Семен Никитич, стольник, окольничий, б-н 362, 382, 413
Годунов Степан Васильевич, воев., окольничий, б-н, посол 11, 211—213, 255, 348
Годунов Федор Борисович, царевич *см.* Федор Борисович Годунов
Годунова Ксения Борисовна, царевна *см.* Ксения Борисовна Годунова
Годуновы, боярский род 179, 180, 184, 186, 193, 306, 313, 376, 386, 411, 413, 414, 416, 443, 459
Голенищев Афиноген (Анфиноген) Филиппович, подьячий, затем дворцовый дьяк 595, 630
Голенищев Филипп Федоров, дворцовый дьяк 595
Голиков И. И., историк 687
Голицын Андрей Васильевич, кн., б-н 517, 519, 574, 596, 598, 609, 610, 616
Голицын Андрей Иванович, кн., воев., б-н 283, 284, 336, 463
Голицын Василий Васильевич, кн., б-н 184, 186, 387, 411, 413, 437, 443, 444, 450, 451, 470, 515—517, 552, 556, 562, 563, 569, 570, 576, 581, 590—592, 598, 608, 609, 611, 612, 614, 619, 620, 653, 668
Голицын Василий Юрьевич, воев., б-н 283
Голицын Иван Васильевич, кн., воев. 411, 441
Голицын Иван Иванович, кн., воев. 283
Голицыны, князья, бояре 188, 284, 382, 387, 411, 427
Головин Василий Петрович, казначей 594
Головин Михаил Иванович, дворянин, наместник 188, 199, 200
Головин Петр, воев. терский 435, 436
Головин Петр Иванович, казначей 186
Головин Семен Васильевич, стольник, окольничий, 519, 523
Головин Федор Васильевич, стольник, затем окольничий 586, 647
Головины, боярский род 187, 188
Голохвастов Алексей, дворянин 494, 497—500
Голощап Андрей (Андрюша), атаман волжский 281
Голшаница, посадник виленский 425
Гольшанская Мария Юрьевна *см.* Курбская Мария Юрьевна
Гонсевский Александр Иванович, польский посол, наместник в Москве, затем староста велижский 425, 427, 432, 434, 439, 442, 471—473, 479, 531—533, 568, 574, 575, 594—596, 598, 599, 615, 617, 618, 628, 635, 660, 682
Горихвостов Степан Иванович, воев. в Тихвине 521
Горн Еверт, шведский военачальник, посол 230, 522, 523, 550, 553, 572
Гороховой, казачий атаман 535
Горсей Джером, англичанин, агент Московской компании, автор соч. о России 187, 244, 322, 323
Горчаков Петр Иванович, воев. смоленский 621

Гошевский, священник, митр. в Галиче 101, 102
Грабленый Никифор, новгородский дьякон, иконописец 48
Грамотин Иван Тарасьевич, подьячий, затем думный дьяк, печатник 492, 539, 574, 595, 596, 668
Греков Б. Д., историк, академик 696
Греков Обрюта Михайлов, ученик константинопольского патриарха 101
Григорий, митр. солунский 160
Григорий, нижегородец 640
Григорий XIII, папа римский 108, 242
Григорий Балабан, еп. галицкий 103
Григорий Богослов, византийский церковный писатель 160, 162, 175
Григорий (Гриша) Брюшина, монах Троице-Сергиева мон. 499
Григорьев Матвей, новгородский шелковник 39
Григорьев Никифор, ученик, отправленный в Англию 675
Грозильников, нижегородский купец 435
Грыцько, псевд. *см.* Елисеев Г. З.
Грязной Василий Григорьевич, опричник 153
Грязной Тимофей, дворянин 515, 539
Гудсон, агент английской торговой компании 52, 53
Гундоровы, князья 12
Гурий, первый архиеп. казанский и свияжский 37, 66—68, 70, 180, 692
Гурка Станислав, воев. познанский 195, 207, 213, 216, 217
Густав, сын Эрика XIV, королевич шведский 335, 356, 425, 426, 476, 673
Густав I Ваза, кор. шведский 49, 130
Густав II Адольф, кор. шведский 650

Давид, архиеп. ростовский 100
Давыд Федорович, сын кн. Федора Ростиславича, кн. ярославский 655
Давыдов Казарин, ученик, отправленный в Англию 675
Даниил, иг. Иосифо-Волоколамского мон., затем митр. московский 72, 95, 150, 164, 190
Даниил, пророк, библ. 166
Данилов Василий Дмитриевич, б-н 11
Даниловы, род боярский 12
Дашкович Евстафий, воев. литовский, наместник кричевский 27
Дворжицкий, гетман Лжедмитрия I 406
Девлет-Гирей, крымский хан 55, 140
Дедевшин Андрей, сын боярский 226, 620
Делавилль Домбаль П. де, французский военачальник в войске Делагарди 550
Делагарди Понтус, барон, шведский военачальник, наместник Ливонии 221—223
Делагарди Якоб (Яков) Понтусов, граф, шведский маршал 521, 523, 524, 527, 535, 548, 549, 553, 629—632, 649, 652
Деньгин Илья, житель посада Холуй 509
Димитрий Грек, толмач 94, 176
Димитрий Прилуцкий, основатель Спасо-Прилуцкого мон. 82, 84
Дионисий, архим. Троице-Сергиева мон. 602, 637—639, 641, 644, 647, 664, 667, 677, 685, 688
Дионисий, митр. московский и всея Руси 187—191, 202, 293, 299, 323, 328, 401
Дионисий, митр. терновский 264
Дионисий I, патриарх константинопольский 101
Дионисий Глушицкий, основатель, иг. Глушицкого мон. 83
Дмитриев Михаил Самсонович, воев. 655
Дмитриев С. С., историк, профессор 4
Дмитриевский А. А., историк 327
Дмитрий, астраханец, казак 435, 645
Дмитрий, попович церкви Знамения в Москве *см.* Лжедмитрий II
Дмитрий, протопоп зарайский 555
Дмитрий, самозванец, «псковский вор» *см.* Лжедмитрий III
Дмитрий Иванович, сын Ивана IV Васильевича и Марии Нагой, царевич 183, 185—187, 189, 208, 303, 305—310, 312, 313, 323, 327—330, 380, 390—392, 400—403, 412, 448, 454, 459—462, 579, 699, 700
Дмитрий (Дмитр) Иванович Нагий *см.* Лжедмитрий II
Доводчиков Иван, смолянин 654
Довойна Станислав, воев. полоцкий,

литовский посол в Москву 130
Долгорукий-Оболенский Владимир Тимофеевич, кн., б-н, воев. 228, 284, 649
Долгорукий-Оболенский Федор Тимофеевич, б-н 569
Долгорукий-Роща Григорий Борисович, кн., окольничий, воев. 494. 497—499, 665
Долинин П. П., историк 701
Доморацкий, польский гонец из Москвы 477
Донау Абрагам (Авраам), бургграф, имперский посол в Россию 240
Досифей, архиеп. ростовский 88
Достоевский, земянин минский 107
Дробовский, ротмистр 277
Друцкой-Соколинской, кн., посол Речи Посполитой в Москву 476
Дубровский Казарин Юрьевич, дьяк в В. Новгороде 37, 38
Дуров, ключник путный 19
Дьяконов Петр Иванович, крестьянин 289

Евгений IV, папа римский 297
Евдокия, св. 152
Евдокия Магнусовна, дочь кор. Магнуса и Марии Владимировны Старицкой 313
Евлашов Иван Васильевич, казачий атаман 281
Евстафий, протопоп, царский духовник 132
Евфимий, архиеп. ростовский 297
Евфимий, архим. спасский 570
Евфимий, иг. спасский 29
Евфросин Псковский, монах Псково-Снетогорского мон. 94, 176
Екатерина Ягеллон, жена кор. Юхана III Вазы, кор. шведская 207
Елагин Григорий, терский казак 435
Елена Васильевна, дочь кн. Василия Львовича Глинского, 2-я жена в. кн. Василия III, в. кн. московская 10, 136
Елена Ивановна, дочь в. кн. Ивана III Васильевича, жена литовского в. кн. и кор. польского Александра 8
Елецкий Дмитрий Петрович, кн., воев. 552—554, 582, 587
Елизавета I, кор. английская 50, 243—250, 359 360, 374
Елизаров Григорий, дьяк Новгородской чети 595
Елисеев Г. З. (псевд. Грицько), публицист, демократ 690
Ельчанинов Никифор, гонец царя Федора Ивановича в Речь Посполитую 258
Енох Праведный, церковный писатель 95
Епанчин Иван, казачий атаман 668
Ерема (Еремей), псковский сыромятник 490, 491
Еремеев Федор Борисов, дьяк в В. Новгороде 37, 38
Ермак Тимофеевич (Василий Тимофеевич Аленин), казачий атаман, начавший освоение Сибири 179, 270, 271
Ермолай, тверской мастер-строитель 48
Ерошка (Ерофей), лжецаревич, мнимый сын царя Федора Ивановича 469
Ефимьев Семен, дьяк приказа Большого дворца, затем дворцовый дьяк 395
Ефрем, митр. казанский 459, 656

Жданова Ирина, кормилица царевича Дмитрия Ивановича 309, 312
Жегулин Василий, казачий атаман 266
Жигимонт (Иванович) *см.* Сигизмунд III Ваза
Жолкевский Адам Станиславич, польский военачальник 668
Жолкевский Станислав Станиславич, коронный гетман Речи Посполитой, автор соч. о войне с Россией 133, 397, 408, 528—531, 533, 551—556, 562—572, 574—576, 581, 585—590, 594, 597, 600, 611, 615, 620, 622, 623, 636, 653, 658, 682, 686, 687
Жулебин Иван Иванович, приказчик Ивана IV Васильевича 38

Заболоцкий Владимир, дворянин, воев. Лжедмитрия II 475
Заварзин Исидор, казачий атаман 628
Загряжский (Загрязкий) Владимир, дворянин, посол царя Федора Ивановича 232, 306, 329
Залинский Ян, польский маршалок 660
Замойский Ян, коронный гетман и канцлер Речи Посполитой 133, 194, 195, 201, 206, 207, 213, 216,

217, 219, 220, 232, 236, 397, 422
Запройский, польский военачальник 615
Заруцкий Иван Мартынович, донской атаман, б-н Лжедмитрия II 446, 469, 519. 531, 538, 544, 569, 600, 603, 607, 608, 617, 624, 627—629, 635, 640, 642, 645, 646, 648, 650, 651, 654—657, 668
Засекин Иван Васильевич, кн., стольник 557, 663
Засекин Федор Михайлович, кн., воев. 557, 569, 598
Засекины, князья 493
Засецкий Иван Васильевич, кн. 544
Захар, мастер-строитель 48
Захарьин Роман Юрьевич, окольничий 12
Захарьин-Юрьев Василий Михайлович, б-н 11, 12
Захарьин-Юрьев Данила Романович, б-н, наместник гверской 11
Захарьин-Юрьев Никита Романович, воев., б-н, посол 11, 12, 26, 52, 132, 179, 183, 184, 186, 187, 197, 243, 322
Збаражский Христофор, кн., воев. браславский 238, 397
Збаражский Януш, кн., воев., литовский посол в Москву 130
Зборовские, польские магнаты 194—196, 206, 207, 213, 216, 217, 242
Зборовский Александр, польский полковник 478, 479, 518, 522—524, 527, 537, 550, 552, 573, 617, 665
Зборовский Андрей, польский магнат 194, 207
Зборовский Самуил, польский магнат, противник Стефана Батория 194, 195
Зборовский Христофор, польский магнат 194—196, 216
Зборовский Ян, кастелян гнезненский 195, 196
Звенигородский Василий Андреевич, кн., воев. нижегородский 279, 509, 641
Зебржидовский Николай, воев. сандомирский 195
Зенович, староста чечерский 464
Зернин А. П., историк 327
Зимин А. А., историк 691, 693
Зиновий Отенский, церковный писатель, обличитель учения Феодосия Косого 164—167, 693
Зиновьев Афанасий, дворянин, воев. путивльский 281, 282
Зиновьев Петр, гонец царя Федора Ивановича в Крым 252, 253
Змеев Яков Матвеевич, московский посол в Крым 27
Зосима Соловецкий, основатель, иг. Соловецкого мон., чудотворец 90
Зубов Иван, посол Лжедмитрия II в Смоленск 622

Ибрагим, паша, турецкий посол в Россию 263
Иван, лжецаревич, мнимый сын Ивана IV Васильевича и Анны Алексеевны 469
Иван, сын царя Симеона Бекбулатовича 401
Иван, «царевич», сын Лжедмитрия II и Марины Мнишек 601
Иван, учитель из г. Сокол *см.* Лжедмитрий II
Иван Грек, приближенный турецкого султана 264, 265
Иван I Данилович Калита, в. кн. московский и владимирский 12, 313
Иван III Васильевич, в. кн. московский 13, 30, 42, 44, 94, 112, 150, 167, 176, 335, 347
Иван IV Васильевич Грозный, в. кн. московский, затем царь 7—10, 12—15, 17, 22, 23, 30, 32, 34, 37, 38, 40—42, 44, 46, 48, 50, 53, 55, 56, 66, 68, 70, 71, 73, 82, 87, 89, 93, 100, 101, 111, 112, 122, 130, 131, 134, 136—138, 150—155, 167, 170, 171, 177—186, 188, 194, 196—199, 207, 209, 221, 225, 243, 247, 250, 262, 268, 270, 271, 273, 275, 277, 279, 292, 299, 302, 304, 313, 314, 318, 322, 323, 326, 328—330, 339, 345, 347, 348, 355, 366, 370, 373, 374, 377, 381, 389—391, 400, 412, 417, 437, 443, 455, 459, 469, 471, 490, 495, 496, 524, 559, 567, 579, 593, 676, 689, 690, 692, 697—699
Иван Иванович, сын Ивана IV Васильевича, царевич 8, 12, 87, 108, 339, 469
Иван, Ивашка *см.* Луба Иван Фаустин Дмитриевич
Иванов Андрей, подьячий, затем дьяк, посол в Литву 220, 474
Иванов Григорий, площадный писчик 138
Иванов Никита, крестьянин 289

Иванов П. И., историк 317
Иванов Семен (Сенька), русский пленник в Крыму 261
Ивашев Дмитрий, купец, посол Ивана IV Васильевича 50
Ивон, кн. молдавский 28
Игнатий, архиеп. рязанский, затем патриарх московский 416, 444, 636
Игнатий, архим. Киево-Печерского мон. 108
Игнатий, единомышленник Феодосия Косого 100, 158
Иеремия II, патриарх константинопольский 109, 265, 294—296, 326
Измаил, кн. ногайский 134
Измайлов Андрей Яковлевич, дворянин, воев., посол в Речь Посполитую 193, 197, 198
Измайлов Артемий Васильевич, окольничий, воев. 608, 617
Измайлов Иван, дворянин 587
Измайловы, дворянский род 596
Иисус Христос, библ. 59, 60, 63, 68, 82, 90, 94—100, 155—157, 160, 162, 163, 172, 187, 238, 300, 344, 358, 421, 431, 462, 469, 516, 642
Иларион Русин (Русский), митр. киевский 66
Илья, св., библ. 59, 60
Илья, митр. галицкий 107
Илья (Илюшка), псковский мясник 490
Илья (Илюшка, Илейка) Коровин Муромец, «царевич» Петр, мнимый сын царя Федора Ивановича, терский казак, один из руководителей восстания И. И. Болотникова 435, 436, 462, 463, 465, 466, 469, 475, 481, 531
Иоаким, александрийский патриарх 100
Иоаким, антиохийский патриарх 293, 297
Иоаким, библ. 331
Иоанн, принц датский 335, 356, 357, 367, 389
Иоанн, св., библ. 65
Иоанн III (Яган) *см.* Юхан III Ваза, кор. шведский
Иоанн Богослов, апостол, легенд. автор Апокалипсиса 84
Иоанн (Большой Колпак), московский юродивый 141
Иоанн Дамаскин, византийский богослов, философ и поэт 158, 162, 163
Иоанн Златоуст, византийский церковный деятель, еп. константинопольский 157, 160—163, 175, 485
Иоанн Креститель, библ. 157
Иоасаф, архиеп. коломенский 436
Иоасаф, архим. Троице-Сергиева мон. 494
Иоасаф, митр. евгрипский 100
Иоасаф, патриарх константинопольский 100
Иоасаф Скрипицын (Умный), иг. Троице-Сергиева мон., затем митр. московский 71, 72, 81, 83, 84
Иов, архиеп. ростовский, затем митр. московский и патриарх всея Руси 190, 294—297, 312, 313, 326, 328, 329, 331, 335—338, 340, 341, 343—346, 366, 375, 376, 394, 401—403, 410, 413, 414, 446, 459, 460—462, 675
Иоиль, иг. нижегородский 504, 511
Иона, архиеп. новгородский 176
Иона, архим. чудовский 71
Иона, иг. Антониева Сийского мон. 386
Иона, иг. Тихоновой пустыни 504
Иона, иг. Троице-Сергиева мон. 81
Иона, митр. киевский и галицкий 106
Иона, митр. московский, св., чудотворец 80, 461, 604, 663
Иона, митр. ростовский 394
Иона, монах в Верхотурье 366
Иона Мотякин, монах 84
Иона Ручкин, инок Кирилло-Белозерского мон. 83
Иосиф, архим. Новоспасского мон. 670
Иосиф, митр. киевский 104, 108
Иосиф Волоцкий (Иван Санин), иг., основатель Волоколамского мон., писатель-публицист 97, 99, 150, 151, 166, 167
Иосиф Девочкин, казначей Троице-Сергиева мон. 497—499, 500
Иосифович, войт могилевский 60
Ирина Федоровна (ур. Годунова), жена царя Федора Ивановича, царица (в монашестве Александра, старица Новодевичьего мон.) 185, 187, 188, 244, 313, 335—341, 344, 346, 359, 379, 435, 562, 671
Ириарх, монах Антониева Сийского мон. 386

Исаия, иг. Савва-Сторожевского мон., затем митр. крутицкий 656
Исаковский, польский королевский коморник 590
Исидор, митр. киевский 72
Исидор, митр. новгородский 411, 493, 630, 649, 650
Исидор Новый, священник юрьевский 176
Ислам-Гирей, крымский хан 250—252, 261
Истленьев (Исленьев) Данила Меньшов, дворянин, посол в Турцию 268, 313
Ишей, мурза кадомский 46

Казаковский, польский военачальник 505
Казимирский, поляк, посол Лжедмитрия II 544
Казы-Гирей, крымский хан 193, 251—253, 255, 256, 258, 313, 343, 361, 362
Канаф, библ., первосвященник 82
Кайбула, астраханский царевич 21, 261
Калачник Федор, мещанин 421
Калачов Н. В., историк права 317
Калиновский, урядник кн. А.М.Курбского 146, 147
Кальвин Жан, деятель Реформации, основатель кальвинизма 158
Капля, мещанин г. Владимира Волынского 147
Карамзин Н. М., историк, писатель 314, 317, 321—323, 326, 676, 683, 684, 689, 694, 695, 699, 702
Карамышев, казачий атаман 628
Карамышев Иван, воев. в Волоколамске 668
Карача, кн. сибирский 270
Карл Великий, имп., кор. франкский 484, 565
Карл V, имп., кор. испанский 232
Карл IX, сын Густава I Вазы, кор. шведский 229, 349, 352, 354, 355, 425, 434, 488—490, 519, 520, 528, 536, 546, 606, 629, 631, 650, 653, 673
Карл Зюдерманландский *см.* Карл IX
Карл Филипп, сын кор. Карла IX, принц шведский, претендент на русский престол 650, 652, 653
Карнковский, архиеп., примас гнезненский 200, 206, 216, 217
Карп, казачий атаман 27
Карпов Афанасий, дьяк в Астрахани 456
Карповы, князья 383
Картавый Нехорошко, казак 267
Карташев (Корташев) Истома Захарьевич, дьяк в Вологде 665
Кассиан, еп. рязанский 99
Катилина Луций Сергий, др.-рим. политический деятель 194
Катырев-Ростовский Иван Михайлович, кн., воев., писатель-публицист 324, 411, 477
Качалов Никита, племянник дьяка Михаила Битяговского 306—309, 311, 312, 329, 401
Кашин Александр Васильевич *см.* Оболенский-Кашин Александр Васильевич
Кашин-Оболенский Михаил Федорович *см.* Оболенский-Кашин Михаил Федорович
Кашурин Иван, купец 326
Келемет Иван, слуга кн. А. М. Курбского 146—148
Кернозицкий, польский военачальник Лжедмитрия II 521—523
Кий, легенд. кн., основатель Киева 319
Кикин Иван Федорович Меньшой, дворянин 285, 455
Кикины, рязанские дети боярские 186, 455
Киприан, еп. пермский и вологодский 88, 93
Киприан, митр. московский 96, 299
Кирик, кн., запорожский атаман 252
Кирилл, иг. Кирилло-Белозерского мон. 82—85
Кирилл, митр. ростовский и ярославский 651, 655, 656, 663
Кирилл, патриарх александрийский 162
Кишка Станислав Петрович, маршалок, литовский посол в Москву 130, 618, 619
Кишкин, донской атаман 263, 264
Клаусон (Клаус) Георгий, шведский посол в Москву 352, 673
Клементий, лжецаревич, мнимый сын царя Федора Ивановича 469
Клешнин Андрей Петрович, думный дворянин, окольничий 255, 306, 307, 329, 401
Клибанов А. И., историк 693
Климент VIII, папа римский 242, 360, 428, 430

Клобуков Андрей Федорович, дьяк 402
Клодий Пульхер, Публий, рим. политический деятель 194
Ключевский В. О., историк 690, 696, 697, 700
Кобелев Федор, купец 275, 276
Коберзицкий С., польский историк 683, 686
Кобрин В. Б., историк 691
Коваль, вологжанин 138
Ковальченко И. Д., историк, академик 4
Ковровы, князья 12
Кожухов Софон Михайлов, ученик, отправленный в Англию 675
Козаковский Николай, поляк 616
Козинская Мария Юрьевна *см.* Курбская Мария Юрьевна
Козлов Марко, казачий атаман 661
Козловский Иван Андреевич, кн. 255, 608
Колзаков, стрелецкий сотник 559, 560
Коломна Афанасий, казачий атаман 661
Колтовская Анна Алексеевна *см.* Анна Алексеевна (ур. Колтовская)
Колтовский Иван Александрович, казачий голова 254, 616
Колычев-Крюк Иван Федорович, б-н, окольничий, дворецкий 189, 283, 458, 517
Колычев-Умного Федор Иванович, б-н 13, 283
Колычевы, боярский род 187, 189
Кольцо Иван, казачий атаман 270
Кольцов-Масальский Владимир Васильевич *см.* Масальский-Кольцов Владимир Васильевич
Комулей (Комулович) Александр, священник, посол папы римского в Россию 242, 243
Кондратьев Михаил 138
Кондырев, ополченец из украинского отряда 655
Конев Федор, торговый человек 416
Конецпольские, польские военачальники 660
Конецпольский, ротмистр 618, 619
Константин (Костя), лекарь 416
Константин, сын царя Александра II, кахетинский царевич 363
Константин I Великий, римский имп. 432
Константин X Мономах, византийский имп. 101
Константин Федорович, сын кн. Федора Ростиславича, кн. ярославский 655
Констанция, жена Сигизмунда III, кор. польская 576
Конь Федор Савельевич, зодчий 279
Корела Андрей, донской атаман 408
Корецкий Богдан (Богуш), кн. 70, 158
Корецкий В. И., историк 4, 697
Коробейников Трифон, купец 326
Коровин Иван, житель Мурома 435
Корсак, дворянин 106
Корсяков, казачий атаман 522
Коршинский, кн. 160
Косинский (Коспцкий) Криштоф (Христоф), запорожский гетман 267
Костомаров Н. И., историк, писатель 678, 679, 693
Костомаров Федор, ученик, отправленный в Англию 675
Кочергин, казначей Троице-Сергиева мон. 499
Кошелев Петр, шут Лжедмитрия II 538, 600
Кошка Федор Андреевич, б-н, воев. московский 12
Кошкины, боярский род 11
Кравков (Кровков), муромский сын боярский 465
Краковский, поляк 105
Крамер Иоанн, иностранец из окружения Бориса Годунова 675
Красенские, польские магнаты 148
Красенский, ковенский поляк 149
Красный Федор, сотник 508
Кривозерские, князья 12
Кривой (Кривый) Иван Дмитриевич, посол Ивана IV в В. Новгород 41
Крон Каспар, купец 233
Кропоткин Петр Иванович, кн., воев. в Ивангороде 367
Кротошевский (Скротошин) Ян, литовский посол в Москву 132
Крузе Элерт, ливонский дворянин, автор соч. о России 321
Крым-Шевкал, кн. кахетинский 269
Крюк-Колычев Иван Федорович *см.* Колычев-Крюк Иван Федорович
Ксения (Аксинья) Борисовна Годунова, царевна (в монашестве Ольга) 335, 343, 356, 357, 382, 409, 410, 413, 424, 459, 496, 645
Кудекуша Тимофей Трепец, житель Пскова 522, 632, 633

Кузнецов Максим Дмитриев, сторож собора в Угличе 310
Кулага, черкасский атаман 253
Кушкеев, мурза, отъехавший в Литву 208
Куракин Григорий Андреевич, кн., воев., б-н 274, 285
Куракин Иван Семенович, кн., б-н 437, 467, 478, 517, 519
Курачов, старец Троице-Сергиева мон. 98
Курбская (Козинская, ур. Гольшанская) Марья Юрьевна, 2-я жена кн. А. М. Курбского, кн. 144—146
Курбский Андрей Михайлович, кн., воев., б-н, писатель-публицист 37, 99, 144—164, 179, 180, 321, 330, 463, 509
Курицын Федор Васильевич, дьяк, еретик 98
Курлятев Константин Иванович, кн. 15, 16
Курмачева М. Д., историк 4
Курцов, новгородский помещик 70
Кучум, сибирский хан 270—272, 363, 364
Кушнярков Иван, крестьянин Балахнинского у. 508

Лавицкий Андрей, иезуит 428, 431, 432, 681
Лаврентий, еп. перемышльский 101
Лаврентий, лжецаревич, мнимый внук Ивана IV Васильевича 469
Лаврентий, св. 223
Лапша Григорий, крестьянин 508
Лебедев Василий, кн., московский «зажигальщик» 301
Левашов Федор Васильевич, воев. 655
Левонович, польский дворянин 107
Лейстер Роберт-Деви, граф, фаворит английской кор. Елизаветы I 246
Леонид, архиеп. новгородский 72, 73, 77, 86, 89
Леонид, еп. рязанский 297
Леонид, монах 393
Леонид, монах Антониева Сийского мон. 386
Леонтьев Михайла, слуга Новинского мон. 138
Лесновольский, польский сенатор 207
Лесун, казачий атаман 27
Лжедмитрий I (Дмитрий Иванович, самозванец; Григорий Отрепьев, расстрига), царь 56, 329, 376, 391—406, 408—415, 447—454, 456, 459, 460, 470—476, 480, 489, 501, 521, 530, 534, 537, 541, 543, 558, 566, 573, 577, 622, 677—679, 682, 683, 699, 700
Лжедмитрий II (Димитрий, «тушинский вор», «таборный царь»), самозванец 446, 456—459, 462—471, 475—477, 479—481, 486, 488, 491—493, 495, 500—504, 506, 507, 509—514, 517, 527, 529, 531, 535, 536, 538, 542—547, 550, 555, 556, 559, 560, 562—565, 567—569, 572, 574, 598—600, 603, 606, 622, 633, 645, 685, 700, 701
Лжедмитрий III (Сидорка, дьякон, «псковский вор»), самозванец 634, 646—649
Лжепетр *см.* Илья Коровин Муромец
Липский, шляхтич 419, 420
Лисовский Александр, польский полковник 467, 476, 478, 494, 495, 501, 502, 509, 510, 512, 513, 518, 550, 572, 634
Литвин-Мосальский Василий Федорович *см.* Мосальский-Литвин Василий Федорович
Лихарев, казачий голова 252
Лобанов-Ростовский Семен Васильевич, кн. 130
Лобанов-Ростовский Петр Семенович, кн., воев. новгородский, окольничий, б-н 221, 274
Лонцинус Товий, ученый 675
Лопата-Пожарский Дмитрий Петрович *см.* Пожарский-Лопата Дмитрий Петрович
Лопухин Нехороший (Нехорошко) Васильевич, думный дьяк Лжедмитрия I 645
Луба Иван Дмитриевич (Лжеивашка), мнимый сын Лжедмитрия II и Марины Мнишек 392
Луговской Иван Леонтьевич, дьяк новгородский 634
Луговской Томило Иудич (Юдич), думный дьяк 570, 587, 588, 590—592, 614, 620
Лугуй, кн. остяцкий 271
Лука, библ. 604
Лукомский, кн. польский 229
Лукьянов Данила 138
Лутохин, новгородец 630
Лучанин, торговый человек 365
Лыков-Оболенский Борис Михайло-

вич, кн., б-н 382, 387, 463, 478, 517, 519
Лыковы, князья 387
Львов Алексей Михайлович, кн., стольник, воев. 649
Лэн, англичанин 120
Лютер Мартин, деятель Реформации, основатель протестантизма 140, 154, 158
Ляпунов Захарий Петрович, дворянин, станичный голова 285, 400, 455, 478, 556, 557, 564, 592, 603, 611
Ляпунов Прокопий Петрович, думный дворянин, возглавил отряд рязанцев в восстании И. И. Болотникова, глава 1-го земского ополчения 285, 400, 455—457, 518, 528, 548, 552, 555, 556, 602—604, 606—608, 615—617, 621, 624, 627—629, 634, 636, 637, 639, 641, 645, 648, 653, 657, 659, 663, 701
Ляпунов Федор Григорьевич, дворянин 555
Ляпуновы, рязанские дворяне 186, 446, 455

Магмет, донской казак 264
Магмет-Гирей, сын Девлет-Гирея, крымский хан 250
Магмет-Кул *см.* Маметкул
Магнус, датский принц, кор. Ливонии 8, 283, 313, 356
Магомет II *см.* Мухаммед II
Магомет III *см.* Мухаммед III
Макарий, архиеп. новгородский, затем митр. московский, публицист 8, 66, 69—72, 78, 95, 100, 134, 136, 176, 180, 181, 692
Макарий, еп. львовский 105
Макарий, митр. киевский 101, 104, 106, 108
Макарий (Михаил Петрович Булгаков), митр., историк церкви 318
Макарий Тучапский, еп. галицкий 102, 103
Максим Грек (Михаил Триволис), монах, писатель-публицист, переводчик 99, 100, 150, 154, 156, 157, 162, 164—167, 292
Максимилиан, австрийский эрцгерцог, брат имп. Рудольфа II 201, 203, 207, 215—217, 219, 231—235, 237, 241, 242, 296, 358
Малагрида, легат и кардинал 473
Малахея Ржевитин, старец Троице-Сергиева мон. 497
Малый Василий Юрьевич, б-н 11, 12
Малюта Скуратов *см.* Скуратов-Бельский Малюта
Маметкул (Магмет-Кул), сибирский царевич 270, 271
Мамин, «человек» Бутурлина 138
Мамонич Кузьма, виленский бурмистр 159, 161
Мамонич Лука, литовский купец 209
Мансуров Иван, воев. 271
Мансуров Петр Иванович, воев. вятский 527, 608
Мануилов Григорий, б-н 72
Маржерет Жак (Яков), французский ландскнехт, автор соч. о России 331, 368, 369, 408, 657, 658, 671, 672, 676, 680, 683
Марина Мнишек, дочь польского магната Ю. Мнишка, жена Лжедмитрия I и Лжедмитрия II 396, 398, 400, 421, 423, 424, 426, 427, 429, 430, 432, 433, 436, 440, 441, 446, 447, 471—473, 476, 479, 480, 495, 528, 542—545, 550, 566, 600, 601, 607, 643, 644, 648, 650, 656, 669, 679, 700
Марпя, дочь Ивана IV Васильевича, царевна 89
Мария I Тюдор, кор. английская 50
Мария Владимировна, дочь кн. Владимира Андреевича старицкого, жена кор. Магнуса, кор. Ливонии (в монашестве Марфа) 8, 313, 500
Мария Григорьевна, дочь Малюты Скуратова, жена Бориса Федоровича Годунова, царица московская 382, 409, 410, 413, 460, 551
Мария Петровна, дочь кн. Петра Буйносова-Ростовского, жена Василия Ивановича Шуйского, царица московская 436, 470, 570
Мария Федоровна (ур. Нагая), 7-я жена Ивана IV Васильевича, царица (в монашестве Марфа) 306—312, 399, 414, 416, 417, 423, 441, 442, 448, 449, 453, 454, 593
Марк Балабан, еп. галицкий 103
Марков Нелюб, казачий атаман 668
Мартензон Монс (Монша Мартыныч), секретарь шведского кор. Карла IX 493
Мартин, св., библ. 63
Мартынка, лжецаревич, мнимый сын царя Федора Ивановича 469
Марфа Ивановна *см.* Романова Ксения Ивановна
Мархоцкий М., польский военачаль-

ник Лжедмитрия II 518, 535, 545, 550, 573, 574, 618, 684—687
Масса Исаак, голландский купец, автор соч. о России 676, 680—682
Мастрюк Темрюкович *см.* Черкасский Мамстрюк Темрюкович
Матвей, запорожский атаман 281, 282
Мацеевский, кардинал 429
Межаков Филат, казачий атаман 661
Мезецкий Данила Иванович, кн., окольничий 458, 570, 614, 668
Меланхтон Филипп, протестантский богослов, единомышленник Мартина Лютера 158
Мерик Джон, английский купец в Москве 373
Мерш Антон, английский купец 246, 247, 249, 250
Меховецкий, польский военачальник Лжедмитрия II 465, 466—468, 502, 700
Мещерский Григорий Федорович, кн., воев., посол в Речь Посполитую 198
Мещерский Федор Андреевич, кн. 522, 523, 595
Мещеряк Матвей, казачий атаман 270, 271
Микошинский Богдан, запорожский гетман 238
Микулин Григорий, стрелецкий голова 437
Микулин Григорий Иванович, дворянин, посол в Англию 359, 360
Микулинский-Пунков Семен Иванович, кн., б-н, воев. 283
Миллер Г. Ф., историк, археограф, издатель 316, 325, 672, 673, 680
Милон, римский трибун 194
Милюков-Гусь Иван Васильевич, дворянин, воев. двинский 511
Минин Сухорукий Кузьма, нижегородский земский староста, один из руководителей 2-го земского ополчения 602, 641, 642, 644, 647, 649, 656, 657, 659, 662—664, 666
Мисаил (Михаил) Повадин, монах 395, 401, 403
Мисаил Сукин, монах 84
Миссенгейм Ганс, посол датского кор. 181
Митрофанов Юшка, десятский 29
Митурич Димитрий, уставник 180
Митя, Дмитрий, деменский купец 39
Михаил, господарь волошский 352, 363
Михаил (Михайла), псковский иконописец 48
Михаил Клопский, новгородский монах 176
Михаил Рогоза, земянин, затем митр. киевский 107
Михаил Федорович Романов, сын Федора Никитича Романова, царь 335, 383, 392, 393, 563, 569, 602, 666, 669, 670, 687
Михайлов Евдоким, сторож Дьячьей избы в Угличе 308, 311
Михайлов Яков, казачий атаман 270
Михалон Литвин, посол польского кор. в Крыму, автор соч. о России, Крымском ханстве 48, 135, 142—144, 317
Мишук, путивлец, запорожский казак 281
Мишурин Семен Федоров, дьяк, гонец царя Федора Ивановича в Крым 252, 253
Млоцкий, польский военачальник Лжедмитрия II 478, 503, 518, 544
Мнишек, сын Юрия Мнишка, староста сандомирский 550, 551
Мнишек Юрий Николаевич, польский магнат, воев. сандомирский, староста львовский и самборский 396—398, 400, 404, 406, 422—424, 426, 427, 429, 432, 433, 439, 447, 448, 463, 471, 472, 474, 476, 479, 480, 487, 488, 531, 532, 542, 623, 679
Мнишки, польские магнаты 396, 421, 439
Молвенинов, царский охотник 300
Моллер, немец на царской службе 133
Молчанов Михаил, дворянин 413, 446, 452—454, 462, 474, 475, 539, 567, 595, 700
Монтолт, польский магнат 144
Монтолт Андрей, пасынок кн. А. М. Курбского 145
Морозов Василий Петрович, б-н, воев. казанский 600, 649, 670
Морозов Василий Яковлевич, б-н 37
Морозов Михаил Яковлевич, б-н, воев. 11, 12
Морткин Иван Юрьевич, кн. ярославский 36
Мосальский Андрей, кн. 610
Мосальский Василий, кн., посол Ивана IV Васильевича в Крым 136
Мосальский Дмитрий Васильевич, кн., наместник и воев. рославский 465, 512

Мосальский-Кольцов Владимир Васильевич, кн., воев. в Сибири 271
Мосальский-Литвин Василий Федорович, кн., окольничий, воев. 467, 475, 608, 617
Мосальский-Рубец Василий Михайлович, кн., воев. 405, 413, 451, 458, 463, 488, 539, 541, 567, 595, 596
Москов, мордвин, возглавивший движение крестьян и холопов 456
Мотовил, арианин 160
Моховиков Кирилл, сытник в Угличе 311
Мочалов Андрей (Андрюша), ведун в Угличе 312
Мошницкий, пристав Лжедмитрия II 508
Мстислав Владимирович Великий, сын в. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха, в. кн. киевский 150
Мстиславец Петр Тимофеевич, первопечатник 181, 182
Мстиславские, князья, бояре 12, 183
Мстиславский Иван Федорович, кн., б-н, наместник В. Новгорода 11, 12, 183, 185—188, 197, 390, 396
Мстиславский Федор Иванович, кн., воев., кравчий, б-н 225, 254, 255, 283, 336, 387, 406, 407, 410, 412, 422, 436, 454, 458, 463, 471, 562, 564—566, 568, 574, 586, 587, 593, 595—598, 609, 623, 666, 669, 670
Мстиславский Федор Михайлович, кн., б-н 12, 283, 368
Мурад III (Мурат), турецкий султан 296
Мурат-Гирей, сын Магмет-Гирея, крымский хан 250, 251, 253, 254, 258, 259, 261—263, 301
Мустафалей, касимовский царь 262
Мухаммед II, турецкий султан 178
Мухаммед III, турецкий султан 268
Муханов П. А., историк 682, 686
Мухорт, беглый крестьянин 278
Мюнцер Томас, идеолог Крестьянской войны в Германии XVI в. 154, 719
Мякинин Ляпун Некрасов, челобитчик 139
Мясной Иван Никитич, дьяк, послан с воев. в Сибирь 271
Мясной Лукьян, татарский голова 651

Нагаевы, князья 12
Нагай Федор (Феодор), московский гость 189
Нагие, дворянский род 185, 186, 305—308, 310—313, 328, 330, 441
Наговицын Федор, житель Гороховца 509
Нагой Александр, дворянин, сторонник Лжедмитрия II 569
Нагой Андрей Андреевич, дворянин *см.* Лжедмитрий II
Нагой Андрей Федорович, дворянин, воев., посол в Крым 259, 309
Нагой Гаврила Иванович, дворянин 349
Нагой Григорий Федорович, дворянин, окольничий, б-н Лжедмитрия I 308—310, 312
Нагой Иван Григорьевич, дворянин, воев. в Сибири 348
Нагой Михаил Федорович, дворянин, воев., б-н 307—310, 312, 330, 417, 447, 454
Нагой Никифор Иванович, дворянин 349
Нагой Петр Федорович, дворянин 330
Наливайко, казачий атаман 508
Наполеон I Бонапарт, имп. французский 330
Нарушевич А., польский историк 681, 682, 686, 688
Наседка Иван, ключарь 677
Наумов, военачальник Лжедмитрия II, воев. 133
Наумов Василий Григорьевич, окольничий, б-н, большой посол Ивана IV в Крыму 133
Наумов И. Ф., воев. 513, 651
Нащокин Петр Степанович, воев. в Вологде, участник ополчения 608
Нащокин-Злобин Григорий Афанасьевич, дворянин, дипломат, посол царя Федора Ивановича в Турцию 264—268
Невежин (Невежа) Ашронин Тимофеев, печатник 182, 374
Невежин Иван Андроников, печатник 374, 418
Невельский, дворянин 107
Неволин К. А., историк права 319
Некрасов, пристав 384
Нектарий, пг. Ферапонтова мон. 97, 99
Немоевский Ян, польский магнат 196
Немцевич Я. И., польский историк 681, 686
Несвитаев Юрий (Юшка), казачий атаман 264

Нефедьев Маруша, московский печатник 47, 48, 181
Нехороший Бабкин, воев. суздальский 513
Никандр, архим. слуцкий 106
Никифор Каллист, церковный писатель 162
Никифоров Василий (Васюк), новгородский резчик-каменщик 48
Николай, грек, посол патриарха константинопольского 293
Николай, псковский юродивый 141
Николай (Никола), св. 59, 60, 78, 90, 240, 485
Никон, св., чудотворец 659
Нил, митр. солунский 160
Нифонт, архиеп. крутицкий 66
Нифонт, келарь Троице-Сергиева мон. 84
Новосильцев Лука Захарьевич, дипломат, посол Россию 200, 201, 231
Ноготков-Оболенский Федор Андреевич, кн., воев., б-н 283, 368
Ногтев Даниил Андреевич, кн., воев. 283
Нурадин, крымский царевич 258

Оболенские, князья 368
Оболенский Михаил, кн., единомышленник кн. А. М. Курбского 162
Оболенский Михаил Андреевич, кн., историк-архивист 318, 677, 685, 688
Оболенский Федор Тимофеевич (Черный), кн., посол новгородцев к Дмитрию Пожарскому 652, 653
Оболенский-Кашин Александр Васильевич, кн. 16
Оболенский-Кашин Михаил Федорович, кн., воев. 282, 283, 399
Оболенский-Овчина-Телепнев Дмитрий Федорович, кн. 137
Оболенский-Овчина-Телепнев Иван Федорович, кн., б-н., конюший 9, 131, 138
Оболенский-Овчина-Телепнев Федор Федорович, кн. 137
Оболенский-Пенинский Федор Иванович, кн. 153
Оболенский-Репнин Александр Александрович, кн., воев. 368
Оболенский-Серебряный Василий Семенович, кн., б-н, воев. 11
Оболенский-Стригин Александр, кн. 13
Образцов Григорий Федорович, воев. в Белозерске 656, 665
Обреска, казак 654
Овчина Иван, кн. *см.* Оболенский-Овчина-Телепнев Иван Федорович
Огарев Посник, посол Бориса Годунова в Речь Посполитую 400, 401
Огарков Михаил Федорович, дьяк в посольстве царя Бориса Федоровича в Крым, Иерусалим, Палестину 326
Огинский Богдан, кн., подкоморий, посол Речи Посполитой в Россию 209
Огурец Федот Афанасьевич *см.* Афанасьев Федот Огурец
Одерборн Павел, немецкий протестантский пастор, автор соч. об Иване IV Васильевиче 322
Одоевский Иван Большой Никитич, кн., б-н, новгородский воев. 629, 630, 649, 650
Одоевский Иван Меньшой Никитич, кн., воев. в Вологде 665
Одоевский Михаил Никитич, кн., воев. 283, 284
Одоевцев, сын боярский 133
Окулов, монастырский «человек» 54
Олесницкий Николай, каштелян, посол польского кор. Сигизмунда III в Москве 432—434, 439, 442, 471, 479, 480, 682
Онисифор Девочка, митр. киевский и галицкий 107
Оранские, дворяне 107
Оранский, дворянин 108
Орлов Василий, новгородец 630
Орлов Григорий 661
Осетр Суббота, новгородец 137
Осипов Тимофей, дьяк 437
Осмульский Ян, поляк, слуга Марины Мнишек 441
Осталовский-Лопатка Иван, еп. галицкий 103
Остан, псковский иконописец 48
Остаховичи, мещане г. Берестечко 147
Острожский Василий, кн. 397
Острожский Константин Константинович, кн., воев. в Киеве 157—161, 180—182, 195, 226, 242, 395, 396, 401, 403, 404
Осторог, каштелян познанский 422
Отоевский, поляк 530
Отрепьев Богдан, сын боярский, отец Лжедмитрия I 394
Отрепьев Григорий (Юрий) *см.* Лжедмитрий I

Отрепьев Солмень, устюжский голова 504
Отрепьев-Смирной, дядя Лжедмитрия I 400
Отрепьевы 421

Павел, апостол, библ. 152, 158, 161—163, 165, 181
Павел, католический еп. виленский 149
Павел V, папа римский 393, 427, 429, 430, 432
Павлов Михаил, слуга Троице-Сергиева мон. 497
Павлов-Сильванский Н. П., историк 690
Павлусов Лукаш, немец, посол царя Федора Ивановича 232, 233
Паерле Ганс Георг, купец из Аугсбурга, автор записок 677, 680
Паисий, иг. Хилендарского мон. на Афоне 100
Палеолог Константин XI, византийский имп. 178
Палецкие, князья 12
Палецкий Андрей Дмитриевич, кн. 13
Палецкий Борис Дмитриевич, кн. 13
Палецкий Дмитрий Федорович, кн., б-н, наместник в Новгороде 29, 37, 38
Палецкий Мартин, дворянин, заводчик виленский 64
Палицын Аверкий Иванович *см.* Авраамий Палицын
Палицын Андрей Федорович, дворянин 647
Пальчиков Афанасий, болховский дворянин, посол патриарха Иова в Речь Посполитую 401
Пан Гаврила, казачий атаман 435
Пантелеев Дружина *см.* Петелин Дружина Фома Пантелеевич
Параскева Пятница, св., покровительница торговли 78, 81
Патрикеевы, князья, бояре 150, 151, 184, 347, 387, 444
Пафнутий, митр. крутицкий 459
Пафнутий Боровский, основатель, иг. Боровского мон. 82, 555
Пац, державец мстиславский 465
Пачановский Станислав, пленный поляк 519
Пашай, крымский мурза 261
Пашков Истома Ивапович, сын боярский, сотник, один из военачальников И. И. Болотникова 455—458
Пелгржымовский Илья, литовский писарь 349
Пенинский, кн. *см.* Оболенский-Пенинский
Пересветов Иван Семенович, публицист середины XVI в. 178, 693
Перский Богдан, устюжский голова 504
Першин Федор, купец, посол Ивана IV Васильевича 50
Петелин Дружина Фома Пантелеевич, думный дьяк 274
Петр, апостол, библ. 60, 84, 604
Петр, митр. киевский 343
Петр, св., чудотворец московский 80, 461, 663
Петр Федорович, «царевич» *см.* Илья Коровин Муромец
Петр I Алексеевич, царь 386, 687, 693
Петрей де Ерлезунд Петр, шведский дипломат, хронист 322, 323, 673, 680
Петрилло, кн. молдавский 28
Петрицкий Я. И., автор соч. о России 680, 681
Петров Артемий, новгородский мастер-серебряник 48
Петров Родион, новгородский мастер-серебряник 48
Петровский, беглый москвич, слуга Льва Сапеги 392
Петровский, краковский каноник 195
Пешков Алексей, рязанский дворянин 556
Пивов Роман Михайлович, думный дворянин 255
Пимен, архиеп. новгородский 70, 73
Пимен, монах 403
Пимен Рыбушкин, архим. Богородицкого мон. в Старице 644
Плавт Тит Макций, рим. комедиограф 422
Платонов С. Ф., историк 690, 697, 700
Плещеев Василий Тимофеевич, дворянин, воев., посол в Кахетию 363
Плещеев Иван Васильевич, воев. 599, 646—648, 650, 663
Плещеев Лев Осипович, воев. 539
Плещеев Матвей, воев. 627, 628, 649
Плещеев Наум Михайлович, гонец Лжедмитрия I 411, 412, 415
Плещеев Федор Кириллович, воев. Лжедмитрия II 492, 493, 508, 509, 512, 513, 569, 572, 607
Повадин Мисаил *см.* Мисаил Повадин

Погодин М. П., историк, публицист 330, 696
Погорелов Федот, купец, посол Ивана IV Васильевича 50
Подкова Иван, запорожский атаман 28
Подщипаев Фома, воев. белозерский 505
Пожарская Мария, мать кн. Дмитрия Пожарского, кн. 382
Пожарские, князья 12
Пожарский Дмитрий Михайлович, кн., б-н, стольник, воев., руководитель 2-го земского ополчения 299, 382, 517, 535, 555, 602, 615—617, 642, 644, 646—649, 651—667, 669
Пожарский-Лопата Дмитрий Петрович, кн., воев. 646, 651, 655, 662
Пожарский-Лопата Романи Петрович, кн. 647
Полевой Н. А., историк, писатель 326
Полосин И. И., историк 699
Полочанин Василий (Васька) 621
Полтев Григорий, руководитель смоленского ополчения 457
Понтий Пилат, рим. прокуратор Иудеи 82
Поперзак, купец ливонский 370
Порыдубский, панцирный б-н ковельский 149
Поссевин Антоний (Поссевино Антонио), иезуит, папский посол в Россию 100, 154, 242, 321
Постник (Посник), ростовский иконописец 301
Потемкин Юрий, дворянин 623, 628
Потоцкий Ян (Яков), польский военачальник, смоленский губернатор во время интервенции 571, 618, 620, 635, 660
Потребацкий, запорожский атаман 226
Прозоровский Семен Васильевич, кн., стольник 527
Пронский Василий, кн., воев., наместник 285, 608, 649
Пронский Василий, кн., стольник коропный 213
Пронский Фридрих (Семен) Глебович, кн., воев. киевский 108
Пронский-Турунтай Иван Иванович, кн. 11, 124
Просовецкий Андрей Захарьевич, казачий атаман, затем стольник и воев. Лжедмитрия II 512, 513, 572, 607, 608, 617, 646, 647
Протопопов Суббота, стряпчий 310
Пунтусов Яков *см.* Делагарди Якоб
Пушкин Гаврила Григорьевич, думный дворянин 412, 415
Пушкин Евстафий (Астафий) Михайлович, воев., посол в Речь Посполитую 230, 301
Пушкин Никита Михайлович, окольничий, воев. в Вологде 502, 504, 510
Пушкины 647
Пыхачев Яков, сын боярский 400, 679
Пясецкий П., польский историк 682, 687

Рагоза, чечерский урядник 464
Радзивилл Николай Николаевич, виленский воев., канцлер 209
Радзивилл Криштоф (Христоф), кн. литовский, гетман 216
Радзивилл Юрий, кн. литовский, кардинал 216, 225, 297
Радзивилл-Спротка Николай Христоф, кн., воев. троцкий, виленский 198, 217, 219—221, 225
Радминский (Радоминский) Станислав, посол Речи Посполитой в Россию 226
Ранка, горшечная кн. М. Ю. Курбской 145, 146
Раков Иван Михайлов Колтыря, дьяк во Пскове, затем в Москве 37
Раков Русин, угличский городовой приказчик 307, 308, 330
Рангони, граф, посол Речи Посполитой в Москву, племянник папского нунция 429
Рангони Клавдий, граф, папский нунций в Польше 396, 397, 426—431, 433
Резанов (Рязанов) Афанасий, посол в Империю и Речь Посполитую 229
Резван чеуш, турецкий посол в Россию 268
Репнин Борис Александрович, кн., воев. 608
Репнин-Оболенский Александр *см.* Оболенский-Репнин Александр Александрович
Репнины, князья 383
Ржевский, дворянин 598
Ржевский Елизарий Леонтьевич, думный дьяк, затем думный дворянин, посол в Речь Посполитую 207—209, 211, 218, 219, 232

Ржевский Иван Никитич, дворянин 628
Ржевский Матвей Иванович Дьяк, кн., наместник в Чернигове, посол в Крым 11, 28
Ржов Овсейка, псковский купец 490
Родишевский Аписим (волынец), книгопечатник 560
Рождественский С. В., историк 690
Рожинские, князья, казачьи атаманы 252
Рожинский Богдан, кн., казачий голова 28
Рожинский (Ружинский) Кирик, кн., казачий атаман 252
Рожинский (Ружинский) Михаил, кн., казачий атаман 252
Рожинский Роман Наримунтович, кн., польский полковник, гетман 446, 467—470, 476—478, 500, 502, 518, 531, 535—538, 542—547, 550, 573, 700
Рокита (Рогита) Ян, протестантский священник 154
Роман, казак 654
Романов Александр Никитич, кравчий, б-н 255, 382—384, 671
Романов Василий Никитич, дворянин, стольник 383, 384
Романов Дружина, казачий атаман 661
Романов Иван Никитич, дворянин, стольник, б-н 255, 383, 384, 417, 458, 477, 574, 586, 666, 671
Романов Михаил Никитич, дворянин, стольник, окольничий 383, 671
Романов Михаил Федорович *см.* Михаил Федорович
Романов Роман, английский купец 248
Романов Федор Никитич, б-н, воев. (в монашестве Филарет, митр., затем патриарх) 225, 284, 341, 368, 383—386, 417, 501, 502, 516, 538, 539, 546, 550, 562, 565, 569, 570, 576, 581, 583, 588—590, 592, 608, 609, 611—614, 619, 620, 668, 671, 683
Романова Анастасия Никитична, дочь б-на Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, княжна 383
Романова Ксения (Аксинья) Ивановна, жена б-на Федора Никитича Романова, кн. (в монашестве Марфа) 383, 666
Романовы-Захарьины-Юрьевы, князья, бояре 12, 179, 184, 189, 368, 376, 382, 383, 386, 389, 394, 402, 403
Ромодановские, князья 12
Ромодановский Иван Васильевич, кн., посол в Данию 50, 131
Ростовский, кн., воев. *см.* Катырев-Ростовский Иван Михайлович
Ростовский Василий, кн. *см.* Буйносов-Ростовский Василий Иванович
Ростовский Семен, кн. *см.* Лобанов-Ростовский Семен Васильевич
Ртищев Андрей Петрович, воев. устюжский 504, 505
Рублев Андрей, живописец, крупнейший мастер московской школы живописи 77
Рубцов, торопецкий купец 277
Рудольф II, имп. германский 207, 224, 231—241, 357, 358, 651
Ружинские, князья *см.* Рожинские
Рукавов Иван Некрас, новгородский еретик 98
Рукин Александр, московский подьячий 464
Руцкий, польский военачальник 550
Рыбушкин Амфилохий, строитель 644
Рыбушкин Пимен *см.* Пимен Рыбушкин
Рюрик I, кн. 184, 303, 328, 382, 446, 552
Рюриковичи, князья 12, 183, 184, 193, 303—305, 377, 533, 552, 697
Рязанов, посол в Речь Посполитой *см.* Резанов Афанасий
Рязанов Евсевий, воев. заонежский 521
Ряполовские, князья 150
Ряполовский Семен Иванович, кн. 84

Сабуров Богдан Феофан Юрьевич, б-н, воев. в Свияжске, затем в Казани 37
Сабуров Елизарий, воев. торопецкий 285
Сабуров Никита, помещик 18
Сабуровы, боярский род 413
Савва, протопоп нижегородский 641
Савва Вишерский, основатель Николаевского Островского мон. 137
Савва Сербский, св. 326
Савватий Соловецкий, св., чудотворец 90
Савелий, лжецаревич, мнимый сын царя Федора Ивановича 469

Савицкий, патер 430
Сайдет-Гирей, сын Магмет-Гирея, крымский хан 250, 251
Салтыков Борис Михайлович, кн. 647
Салтыков Данила Борисович, дворянин 16
Салтыков Иван Никитич, окольничий 382, 527, 556, 612, 613, 621, 623
Салтыков-Кривой Михаил Михайлович, воев., окольничий 282
Салтыков-Морозов Иван Михайлович, б-н, воев. 539, 566, 593, 594, 596, 597, 599, 606, 623, 624
Салтыков-Морозов Михаил Глебович, б-н, воев., окольничий 228, 229, 297, 335, 352, 353, 355—357, 367, 389, 404, 406, 409, 411, 451, 493, 522, 538, 539, 541, 546, 562, 566, 567, 574, 593—599, 602, 608, 615, 616, 636, 639, 658
Салтыковы, боярский род 597
Сальков, крестьянин 535
Самойлова Мария, постельница царевича Дмитрия Ивановича 309
Самсон Тихвинец (Тифинец), псковский купец 490
Самсонов Семен (Семейка) Федоров, подьячий, затем дьяк в Б. Новгороде 624, 646, 655
Сапега Андрей, воев. мстиславский 479
Сапега Лев Иванович, посол Речи Посполитой в Россию, канцлер литовский, воев. и в. гетман 196, 197, 209, 335, 349, 350, 352—356, 392—394, 406, 427, 521, 533, 572, 576, 583, 586—594, 596, 609, 611, 619, 620, 622
Сапега Лука, посол польского кор. Стефана Батория 198
Сапега Николай, воев. минский 145
Сапега Ян (Петр Павлович), литовский магнат, староста усвятский 478—480, 493—496, 500—502, 505, 508, 512, 513, 518, 523, 524, 527, 535—537, 542, 545—547, 550, 555, 556, 565, 566, 568, 569, 571, 572, 587, 607, 608, 618, 634, 635, 657, 665
Сарыгозин (Сарыхозин) Марк, единомышленник кн. А. М. Курбского 161
Сатин, сын боярский 133
Сафонов, дьяк *см.* Софонов Денис Игнатьевич
Свирговский, казачий атаман 28
Святослав Ольгович, сын кн. Олега Святославича черниговского, кн. 184
Седельник (Седларь) Семен, львовский мещанин 161
Сеитов Третьяк, воев. в Ростове 501
Сеидяк, сибирский хан 271
Секерин Перфилий, дворянин, посланный в В. Новгород от 2-го ополчения 654
Селевин Осип (Оська), служка Троице-Сергиева мон. 498, 500
Селим II, турецкий султан 262
Семейка Новгородец, донецкий казак 281
Семен, лжецаревич, мнимый сын царя Федора Ивановича 469
Семен, мастер-строитель 48
Семен (Сенька), холоп бояр Романовых 384
Семен (Симеон), протопоп, духовник Матвея Башкина 96
Семенов Василий, подьячий, затем дьяк в Нижнем Новгороде 560, 641, 642
Семенов Вахруш, ярославец, купец 248
Серапион Спицкий *см.* Спицкий Семен Федорович
Сергеевич В. И., историк 690
Сергий, архиеп. смоленский 549, 570, 605
Сергий Радонежский, основатель, иг. Троице-Сергиева мон., церковный и политический деятель 82—84, 302, 496, 638, 641, 663, 664
Серебряный Василий Семенович *см.* Оболенский-Серебряный Василий Семенович
Сесиль Уильям (Сисель Вилим), министр английской кор. Елизаветы I 250
Сигизмунд I (Жигимонт) Казимирович, в. кн. литовский, кор. польский 57, 58, 101, 107
Сигизмунд II Август, кор. польский, в. кн. литовский 23, 59—62, 64, 65, 103, 106—108, 132, 140, 148, 215, 315, 324, 397
Сигизмунд III Васа, кор. польский, в. кн. литовский, затем кор. шведский 193, 207, 212, 215—217, 219, 220, 224—232, 234—237, 239, 349, 351—356, 358, 359, 392, 397, 402, 403, 420, 421, 423—427, 429, 430, 433—435, 472, 474, 476, 478, 479, 519, 528—530, 532—536,

538—541, 546, 547, 549, 550, 554, 562, 566—569, 571, 572, 576, 582, 583, 585, 591, 593—595, 597—599, 602, 603, 614, 619, 622—624, 636, 646, 651, 653, 666—668, 679, 700, 701
Сидорка, дьякон, «псковский вор» *см.* Лжедмитрий III
Сидоров Богдан, «человек» И. Г. Нагого 349
Спкора, наместник митр. в Галиче 101, 102
Сикст V, папа римский 242
Сильван, монах, ученик Максима Грека, богослов 164
Сильвестр, архиеп. вологодский 665
Сильвестр, протопоп Благовещенского собора, писатель-публицист 95, 96, 167, 168, 170, 171, 378, 388
Симеон, архиеп. полоцкий 104
Симеон, врач царевича Дмитрия Ивановича 401
Симеон, пг. Кирилло-Белозерского мон. 98
Симеон Бекбулатович, касимовский хан, в. кн. всея Руси, затем в. кн. тверской 313, 329, 343, 401, 409, 417
Симонетта, папский нунций 481
Ситников Тереха, подрядчик 21
Сицкие, князья 383
Сицкий Алексей Юрьевич, кн., стольник 493, 569
Сицкий Василий Андреевич, воев., б-н 16
Сицкий Иван Васильевич, воев., б-н 16, 368, 383
Сицкий Семен Федорович (в монашестве Серапион), кн. 83
Скарга Повенский Петр, иезуит 160, 205, 206, 622, 687
Скоморохов Степан 138
Скорняков Василий 138
Скорнякова Ульяна, жена писчика Григория Иванова 138
Скотницкий, поляк, воев. калужский 544
Скротошин *см.* Кротошевский Ян
Скрынников Р. Г., историк 690, 697, 700
Скумин-Тышкевич Федор, литовский подскарбий 209, 211, 214
Скуратов-Бельский Малюта Григорий Лукьянович, думный дворянин, воев., опричник 179, 185, 551
Скурыгин, подьячий 517
Слуцкая, кн. 106
Слуцкий Юрий Семенович, кн. 181
Смирнов Василий 404
Смирнов И. И., историк 690, 692, 702
Смирной-Васильев, дьяк *см.* Васильев Смирной
Смирной-Отрепьев *см.* Отрепьев-Смирной
Смолянин, сын боярский, дьяк 595
Смывалов Михаил (Михалка), купец 596
Смывалов Тимофей, купец, посол Ивана IV Васильевича 50
Собакин Василий Меньшой Степанович (в монашестве Варлаам), окольничий 82
Согорская, кн. 141
Созонов Кирилл, дворянин 611
Соловецкий Степан Михайлов, думный дьяк в Новгородской чети 539, 595, 596
Соловьев С. М., историк, академик 314—316, 318, 320—326, 671, 672, 674, 675, 683, 687, 689—702
Сомме Христиерн, шведский военачальник 524, 527, 535
Софонов (Сафонов) Денис Игнатьевич, печатник, думный дьяк 509
Софья Фоминична Палеолог, жена Ивана III Васильевича, в. кн. московская 150, 151
Стадницкий Станислав, польский магнат, посол 476, 536, 538, 542, 543
Старого Елизарий Григорьев, подьячий 285
Стародубские, князья 13
Стародубские-Пожарские, князья 12
Стародубский-Пожарский Иван Васильевич, кн., наместник переяславский 12
Старый Федор, слуга кн. Шуйских 189
Степан, казак 654
Степанко Ярославец, иконописец 403
Стефан Баторий, кор. польский, в. кн. литовский 10, 27, 28, 59, 61, 103, 107, 109, 110, 126, 133, 178, 188, 193—203, 205—207, 209—211, 215, 219, 221, 224, 226, 231, 236, 239, 242, 250, 279, 324, 393, 422
Стригин Олешка *см.* Оболенский-Стригин Александр
Строганов Григорий Аникеевич, купец, солепромышленник 47
Строганов Данила, купец 276
Строганов Козьма Данилович, ку-

пец, солепромышленник, воев. в Тотьме 502
Строганов Максим Яковлевич, купец, солепромышленник, землевладелец 289, 503
Строганов Никита Григорьевич, купец, солепромышленник, землевладелец 124, 289, 503
Строганов Петр Семенович, купец, солепромышленник, землевладелец 525
Строгановы, купцы, солепромышленники 40, 47, 179, 272, 289, 510, 525
Струсь Николай, польский военачальник 617, 660, 665, 666
Суворов Алексей, устюжский приказчик 504
Сукин Василий Борисович, стряпчий, дьяк, затем думный дворянин 271, 570, 590—592, 644, 647
Сумбулов (Сунбулов) Григорий Федорович, воев. рязанского ополчения, примкнувший к И. И. Болотникову 455—457, 515, 569
Сумбулов Исаак, воев. 615
Сутупов Богдан Иоаким Иванович, дьяк царя Бориса Федоровича, перешедший к Лжедмитрию I 413
Сыдавный Васильев, дьяк *см.* Васильев Сыдавной Семен Зиновьевич

Талев, пермский крестьянин 561
Тарло, поляк, приближенный Марины Мнишек 432
Татев Борис Петрович, б-н, воев. 382, 387, 399, 458
Татев Иван Андреевич, кн., воев. 189
Татевы, князья 189
Татищев В. Н., историк 672, 676, 694, 695, 698
Татищев Игнатий Петрович, думный дворянин, казначей, воев. 222, 223, 228, 229, 297, 673
Татищев Михаил Игнатьевич, думный дворянин, окольничий 349, 352, 437, 440, 472, 521
Татищев Степан, дворянин, судья Монастырского приказа 649
Таубе Иоганн, ливонский дворянин, автор соч. о России 321
Твердиков Степан, дьяк Казенного двора, посол Ивана IV 50
Телятевский Андрей Андреевич, кн., б-н, воев. 411—413, 453, 454, 463, 466, 684
Тенчинский Ян, польский магнат, староста бельский 194
Терентий, протопоп Благовещенского собора 415, 470, 594
Теренций Публий Афер, рим. поэт, комедиограф 422
Терехины, казаки 21
Терешка, просвирник в Могилеве 464
Тетерин-Пухов Тимофей Иванович, стрелецкий голова, дворянин, адресат Ивана IV Васильевича 37, 199, 208
Тизенгаузен, дворянин ливонский 370
Тимофеев Иван Андроников, печатник 560
Тимофей, «человек» бояр Нагих 308
Тихонов Алексей, писец 639
Товянский Ж., польский автор соч. о России 677
Толстой Сильвестр, дворянин 628
Тотт Клаус Акесон, шведский военачальник 222
Траханиотов Иван Васильевич, думный дворянин, казначей, воев. в Сибири 226, 272
Траханиотов Малый Василий Юрьевич, б-н *см.* Малый Василий Юрьевич
Траханиоты, греческий род на Руси 12
Тренка, вологжанин 138
Третьяков Данила, служилый человек в Угличе 307
Третьяков Петр Алексеевич (в иноках Павел), дьяк, при Лжедмитрии I думный дьяк 569
Трифон, старец Пыскорского мон. 70
Трифон Печенгский, основатель Печенгского мон., проповедник 68, 69, 318
Троекуров Иван Федорович, кн., воев. 15
Троекуров Федор Михайлович, кн., воев., окольничий, б-н, посол в Речь Посполитую 15, 193, 199, 200, 203, 211—213, 324, 477
Трубецкие, князья 186
Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, кн., восначальник 2-го ополчения, воев., б-н 493, 509, 544, 607, 608, 617, 624, 627, 628, 635, 640,

645—648, 650, 655—657, 659—661, 663, 664, 666, 667
Трубецкой Никита Романович, кн., воев. 255, 407
Трубецкой Тимофей Романович, кн., воев., б-н 255, 282—284, 336
Трубецкой Федор Михайлович, воев., б-н 283, 285, 325
Трубецкой Юрий Никитич, кн., стольник 455, 477, 587, 601, 636
Тулуповы, князья 12
Тургенев А. И., общественный деятель, историк, писатель 322, 673
Тургенев Петр, дворянин 421
Туренин Василий, кн. 658
Туренин-Оболенский Иван Самсонович, кн., окольничий 230, 283—285
Туренин-Оболенский Михаил Самсонович, кн. 569, 649, 658
Туровицкий, б-н кн. А. М. Курбского 147
Тутолмина, боярыня 258
Тучков Василий Михайлович, сын боярский 176
Тырков Василий, сын боярский 525, 526
Тышкевич (Тишкевич) Самуил, воев. тушинский 467, 512, 537, 538, 545
Тюменские, князья 11
Тюрина А. П., историк 4
Тютин Хозяин Юрьевич, казначей 77
Тюфякин Василий Васильевич, кн. 284, 557

Уваров Илья Иванович, дьяк на Двине 511
Умойся Грязью Федор, псковский купец 490
Урус, ногайский хан 262
Урусов Петр Арасланович, кн. 600, 645
Урусовы, князья 189
Усов Василий 300
Устрялов Н. Г., историк, академик 331, 671, 672, 676, 682—684, 687
Ухтомский Василий Иванович, кн., воев. 292
Ухтомский Михаил Федорович, кн., воев. в Вятке 525—527
Ушаков, ученик, посланный к патриарху в Константинополь 101, 292

Федор, лжецаревич, мнимый сын царя Федора Ивановича 467
Федор (Феодор) Борисович Годунов, сын Бориса Федоровича Годунова, царевич 241, 326, 329, 343, 350, 353, 357, 376, 409, 410, 412—414, 416, 452, 460, 461, 531
Федор (Феодор) Иванович, сын Ивана IV Васильевича, царевич, затем царь 8, 12, 183, 185—189, 191, 193, 196—198, 202, 207, 209, 211—213, 215, 216, 221—225, 229—231, 238, 242, 250, 251, 253, 259, 262, 268—273, 275—279, 285, 287—289, 292, 296, 297, 299, 303, 305, 306, 313, 323, 328, 335—339, 345, 346, 348, 349, 356, 357, 359, 361—363, 368, 371, 376, 381, 389, 392, 400, 401, 409, 412, 416, 453, 459, 469, 494, 502, 531, 533, 552, 558, 562, 579, 671, 676, 680, 694, 699
Федор Ростиславич Черный, кн. ярославский и смоленский 152, 655
Федор Сазонович, священник могилевский 464
Федоров Иван, дьякон, первопечатник 181, 182
Федоров Матвей, атаман запорожский 252
Феодор, иг. 70
Феодор, иконописец Старорусского мон. 164
Феодорит, архиеп. рязанский 670
Феодорит, еп. Кирский, церковный писатель V в. 95
Феодорит, проповедник 68
Феодосий, архим., духовник Ивана IV Васильевича 339
Феодосий, архим. нижегородского Печерско-Вознесенского мон. 642
Феодосий, архим. Киево-Печерского мон. 71
Феодосий, иг. Хутынского мон., затем архиеп. новгородский 69, 71, 72, 74, 87, 139
Феодосий Косой, белозерский монах, еретик 100, 158, 164—167, 692, 693
Феодосия Федоровна, дочь царя Федора Ивановича, царевна 300, 313, 435
Феоктист, архиеп. тверской 457
Феоктист, архим. новгородского Юрьева мон. 72
Фердинанд I, имп., австрийский эрцгерцог, кор. венгерский и чешский 220, 232
Фети-Гирей, крымский царевич, калга 253, 257

Фидлер Каспар, немец 462
Филарет, митр. ростовский и ярославский, патриарх московский и всея Руси *см.* Романов Федор Никитич
Филипп, королевич шведский *см.* Карл Филипп
Филипп II, испанский кор. 50
Филипп (Федор Степанович Колычев), пг. Соловецкого мон., затем митр. московский 70, 71, 90, 91, 176
Философов Иван, смолянин 668
Флетчер Джильс, английский посол в Россию, автор соч. о ней 154, 246, 247, 249, 273, 274, 276, 278, 279, 290, 321—324, 368, 674
Флоря Б. Н., историк 702
Фома Аквинский, католический философ-схоласт 160
Фомин, б-н новгородского архиеп. 86
Фомин Иван, переводчик 560
Фомин Потап, новгородский скотник 39
Фофанов Никита Федорович, псковитянин, печатник 560
Фредров, польский сподвижник Лжедмитрия I 406

Хабаров Иван Иванович, б-н 82, 83, 85
Хаджи Хосров (Азп Хосров), иранский посол в Россию 236
Харитон, священник 598, 599
Харлинский, маршалок Лжедмитрия II 469
Хвалибог, поляк, слуга Лжедмитрия I 452
Хвалов Семен, рязанец 654
Хворостинин Андрей Иванович, кн., окольничий, воев. терский 269
Хворостинин Дмитрий Иванович, воев., окольничий, кн., б-н 224, 225, 282—285, 324
Хворостинин Иван Дмитриевич, воев. астраханский 456, 517
Хворостинин Федор Иванович, кн., дворецкий, окольничий, б-н 259, 260
Хворостинин Юрий Дмитриевич, кн. 539, 595
Хилков Василий Дмитриевич, кн., воев. 282
Хлопицкий Станислав, польский магнат 238
Хлопко Косолап, предводитель восстания крестьян и холопов 390, 699
Хмелевский Павел, польский ротмистр 657, 662
Хованский Андрей Петрович, кн. 16, 141
Хованский Иван Андреевич, кн., б-н, воев. 656
Хованский Иван Федорович, кн., б-н, воев. псковский 650
Ходкевич Ян-Карл, в. гетман литовский, маршал 11, 182, 619, 634, 635, 639, 640, 655, 657, 658, 660, 663, 665, 668
Хозин Алексей, пскович 632, 633
Хомутов Федор, дворянин 556
Хорив, легенд. кн. 319
Хребтович Богдан, польский посол в Россию 230
Хрипуновы Осип и Кирилл, братья 425, 679
Христиан III, кор. датский 181, 356
Христина *см.* Шуйская Екатерина Григорьевна
Хрущов Борис, сын боярский, голова 252, 265, 266, 404
Худяк, монах Троице-Сергиева мон. 499

Цвингли Ульрих, церковный реформатор, политический деятель 158
Цеклинский Иосиф, польский маршалок 660

Чаплич (Чаплий) Кодиян, поляк 158
Чарторыйская Анна Ивановна, кн. 160
Чеботов (Чоботов) Иван Яковлевич, б-н 11, 180
Чеглоков (Чоглоков) Кирилл (Корнил), воев. 522, 606, 646, 657
Челяднин (Яковля) Иван Петрович, б-н 11, 14, 180
Челяднин (Яковля) Семен Васильевич, б-н 11
Челяднин-Андреев Иван Иванович, б-н 9
Челяднин-Федоров Иван Петрович, воев. московский 11
Чемесов Степан Васильевич, дворянин, воев. в Волоколамске 668
Чепчугов (Чепчюгов) Никифор Павлович, воев. 303, 329
Черемисинов-Караулов Дементий Иванович, думный дворянин, воев., казначей 224, 255

Черепнин Л. В., историк, академик 4, 702
Черкасская (ур. Романова), жена кн. Бориса Черкасского, кн. 383, 384
Черкасские, князья 11, 383, 402
Черкасский Борис (Хорошай) Камбулатович, сын кабардинского кн. Камбулата Идаровича, кн., б-н 383, 394
Черкасский Василий (Казый) Карданукович, сын абазинского мурзы Карданука Дударукова, кн., воев., б-н 255
Черкасский Дмитрий Мастрюкович, кн., б-н 283, 493, 651
Черкасский Иван Борисович, кн., б-н 383, 384
Черкасский Мамстрюк (Михаил) Темрюкович, сын кабардинского кн. Темрюка Айдаровича, кн., б-н 120, 179
Черкашенин Михаил (Мишка), донской атаман 180
Чернацкий, поляк 607
Черниковский Петр, люблинский подстолий, посол Речи Посполитой в Россию 209
Чернышевский Н. Г. 690
Чин-Мурза, ногайский хан 272
Чичерин Б. Н., юрист, историк, публицист 696
Чичерин Иван Иванович (из дворян), дьяк, затем думный дьяк за переход к полякам 539, 596, 609
Чортов, патриарший тиун 366
Чохов Андрей, мастер-пушечник 302
Чубаров Матвей Денисов, подьячий Московского судного приказа 517
Чулков Данила, воев. в Сибири 271, 522
Чьямпи С., историк 675, 677, 681, 682

Шанда (Шалда), смоленский стрелец 654
Шаров Тимофей, казачий атаман 630
Шаум Матвей, участник похода шведских войск в Россию, автор соч. о ней 687
Шах-Али (Шиг-Алей), касимовский царь и казанский хан 21, 134
Шаховской Григорий Петрович, кн. 453, 454, 462, 463, 466, 522, 523, 543, 601, 663, 684
Шаховской Юрий Иванович, кн., воев. 668
Шваль Иван, холоп 630
Шевкал, кн. таркский 269, 281
Шеин Иван Михайлович, б-н 640
Шеин Михаил Борисович, б-н, чашник, окольничий, воев. в Смоленске 407, 479, 530—532, 549, 572, 589, 605, 613, 620—623
Шейдяков Петр Тутаевич, воев., б-н 283
Шелефединов, дворянин 413
Шепелев И. С., историк 702
Шереметев Борис Петрович, сын боярский 491
Шереметев Василий Андреевич (в монашестве Варсонофий), б-н 82—85
Шереметев Василий Петрович, б-н 663
Шереметев Иван Большой Васильевич (в монашестве Иона), б-н, воев. 11—13, 16, 83
Шереметев Иван Меньшой Васильевич, б-н, воев. 11, 12, 180, 186, 283
Шереметев Иван Петрович, воев. в Костроме 647, 663, 664
Шереметев Петр Никитич, б-н, воев. во Пскове 228, 284, 404, 406, 411, 454, 491, 492
Шереметев Федор Иванович, б-н, воев. 509, 512, 527, 535, 559, 560, 574, 593
Шереметевы, боярский род 649
Шестунов Иван Дмитриевич, кн. 394
Шестунов Федор Дмитриевич, кн., воев., б-н 222, 223, 382
Шестунова (Шестова) Мария, жена кн. Ивана Дмитриевича Шестунова, кн. 383
Шестуновы, князья 383
Шиг-Алей *см.* Шах-Али
Шилов Меншик, суздальский дворянин 501
Шиль Михаил, автор соч. о России 671, 672
Ширяй Иван (Ивашка), псковский каменщик 47
Шишкин Гурий, дьякон Троице-Сергиева мон. 497, 499, 500
Шкот, граф, итальянец на службе при имперском дворе 234, 235
Шломовский, архиеп. львовский 103
Шорин Василий, гость московский 589
Шуйская Екатерина (Христина) Григорьевна, дочь Малюты Скуратова, жена кн. Дмитрия Ивановича Шуйского, кн. 551

Шуйские, князья, бояре 12, 138, 183, 184, 186—193, 283, 323, 328, 337, 341, 347, 387, 401, 402, 422, 427, 438, 444, 490, 494, 495, 548, 549, 551, 564, 623, 672
Шуйский Александр Иванович, воев., б-н 190
Шуйский Андрей Иванович, кн., воев., б-н 189, 190, 401
Шуйский Василий Васильевич, б-н, воев. 9, 131, 133
Шуйский Василий Иванович *см.* Василий Иванович Шуйский
Шуйский Василий Федорович, кп. 12
Шуйский Дмитрий Иванович, кн., воев., кравчий, б-н 190, 405—407, 410—412, 470, 548, 549, 551—553, 562, 576, 593, 623
Шуйский Иван Андреевич, кн., б-н, воев. 12, 401
Шуйский Иван Васильевич, кн., б-н 519, 562
Шуйский Иван Иванович, кп., б-н 190, 395, 458, 493, 494, 576, 623
Шуйский Иван Михайлович, кн. 11, 12
Шуйский Иван Петрович, кн., б-н, воев. 12, 184, 185, 188—190, 283, 564
Шуйский Петр Иванович, кп., б-н, воев. 12, 184
Шуйский-Скопин Василий Федорович, кн., воев. новгородский, б-н 190, 221, 382
Шуйский-Скопин Михаил Васильевич, кн., мечник 417, 449, 456, 458, 477, 488, 490, 493, 505, 510, 511, 514, 517—525, 527, 528, 533—536, 546—552, 555, 560, 564, 593, 622, 625
Шульгин В. С., историк 4
Шульгин Никанор Михайлович, дьяк в Казани, затем в Свияжске 644

Щеголев, волжский атаман 281
Щек, легенд. кн. 219
Щелкалов Андрей Яковлевич, большой думный дьяк 16, 52, 186, 243, 245, 246, 249, 258, 261, 274, 284, 294, 295, 322
Щелкалов Василий Яковлевич, думный дьяк, печатник 120, 211, 241, 242, 274, 283, 284, 337, 370, 374, 417, 593, 594
Щелкаловы, дьяки 186, 188, 232, 284, 392, 417, 677
Щепятев-Патрикеев Петр Михайлович, кн., б-н, воев. 37
Щепин-Ростовский Василий, кн. 301
Щепотьевы, дворяне 258
Щербатов М. М., историк 694, 698
Щербатый Меркурий Александрович, кп., посол царя Федора Ивановича в Крыму 257, 259—261, 299
Щукин Григорий, псковский купец 490

Эверс И. Ф. Г., историк древнерусского государства и права 694
Эйнерлинг И., издатель 314, 676
Эрик XIV, сын Густава Вазы, кор. шведский 356
Эссекс (ерль Ексетский), граф 360

Юдин Василий (Семенов), дьяк в Нижнем Новгороде, затем дьяк приказа Большого прихода 662
Юдин Семен (Семейка), стряпчий в Угличе 309
Юрий Васильевич, брат Ивана IV Васильевича, кн. 14, 101
Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий, в. кн. киевский и суздальский 150
Юрий Иванович, сын в. кн. Ивана III Васильевича, кн. дмитровский 328
Юрьев Василий, справный подьячий, затем дьяк Новгородской чети 539, 595
Юрьев Василий Михайлович *см.* Захарьин-Юрьев Василий Михайлович
Юрьев Данила Романович *см.* Захарьин-Юрьев Данила Романович
Юрьев Михаил, переводчик 560
Юрьев Никита Романович *см.* Захарьин-Юрьев Никита Романович
Юхан III (Иоанн) Ваза, кор. шведский 193, 207, 222—224, 228, 229, 254, 582

Ягайло (Ягелло) Ольгердович, в. кн. литовский 102, 528
Яган, кор. шведский *см.* Юхан III Ваза
Язловецкий Николай, староста снятыньский 206
Якоб Людовик Корнелий, венецианец 675
Якоби Роберт, английский медик 244
Яков (Якушка), псковский иконописец 48

Яков, ризничий 72
Яковлев Иван Чермной, подьячий Разрядного приказа 284
Яковлев Влас, донецкий казак 281
Яковлев Иван Петрович *см.* Челядинин (Яковля) Иван Петрович
Яковлев Посник, псковский мастер 47
Яковлев (Яковля) Семен Васильевич *см.* Челядинин (Яковля) Семен Васильевич
Янов Василий Осипович, думный дьяк Разрядного приказа 636
Ярослав Владимирович Мудрый, в. кн. киевский 352
Ярышевский Ян, казачий атаман 251

Adelung Fr. 673, 677, 681, 682
Arsenij Elassonis 337
Baliński Michał 321
Blümcke O. 675
Bobrowicz J. N. *см.* Бобрович И. Н.
Bussov C. *см.* Буссов Конрад
Ciampi S. *см.* Чьямпи С.
Fletcher G. *см.* Флетчер Д.
Gorecii L. 315, 316
Grabowskij J. A. 324, 686
Kognowicki K. 677
Krajewski J. 688
Lasicki J. 321
Lubieńskj 678, 682, 684
Marchockij M. *см.* Мархоцкий М.
Maskiewicz S. 686, 687
Massa Issac *см.* Масса Исаак
Milton J. 680
Müller G. F. *см.* Миллер Г. Ф.
Müller L. 316
Naruszewicz A. *см.* Нарушевич А.
Niemcewicz J. U. *см.* Немцевич Я. И.
Petricius J. I. *см.* Петрицкий Я. И.
Petrum Petreium de Erlesunda *см.* Петрей де Ерлезунд Петр
Piasecki P. *см.* Пясецкий П.
Skargi P. *см.* Скарга П.
Solikovij J. D. 316
Thou de J. A. 671, 682
Towiański Żmudzin *см.* Товянский Ж.
Wichmann B. V. 671
Widekind I. 686
Willebrandt J. P. 675
Zabczyc J. 681

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

Або, г. в Финляндии 229
Австрия (Австрийское гос-во) 193, 237, 238, 261, 270, 335, 357, 359, 373, 651
Азия 53, 135, 156, 260, 363, 692, 697
Азов, г. 180, 210, 253, 262—267
Азовцы, жит. 265—267
Айдар, р., приток р. Донца 280
Алаторские станицы 25
Александрия, г. 326
Александровская (Александрова) слобода 16, 48, 70, 182, 188, 535, 536, 546—548
Алексин, г. 153, 284, 299, 614
Алексинцы, жит. 254
Амстердам, г. 371
Англичане, нар. 50—52, 54, 154, 243, 245, 247, 248, 276, 529
Англия, Английская земля 49—51, 178, 193, 237, 243, 244, 315, 324, 335, 357, 359, 360, 373, 374, 425, 675, 691
Антверпен (Антропп), г. 49, 50
Антиохия, г. 326
Апеннинский п-ов 193
Аравия 65
Арель, р. 26
Арзамас, г. 459, 512, 643
Арзамасский у. 642
Армяне, нар. 27, 72, 80, 132
Арослапов улус 267
Архангельск, г. 235, 279, 357, 370, 584, 658
Астраханское царство 191
Астрахань, г. 21, 46, 47, 49, 53—55, 66, 68, 80, 179, 189, 204, 210, 250, 251, 253, 254, 256, 258, 262, 268, 272, 278, 279, 301, 435, 436, 456, 469, 512, 515, 645
Афанасьевское, с. дворцовое 41
Афины, г. 160
Афон (Святая гора), мыс на Афонском п-ове в Эгейском море 101, 159, 167

Баку, г. 269
Балахна, г. 504, 511, 646
Балахнинский у. 508
Балахонцы, жит. 504, 511, 604
Балканский п-ов 318
Балтийское море 48, 53, 351, 374
Барабинская степь 271
Батневка, д. 505
Бахчисарай, г. 256
Бежецкий Верх, г. 31, 91, 509
Бежецкий у. 651
Бежичане, жит. 31
Белая, г. 479, 480, 531, 549, 570, 584
Белгород (Аккерман), г. 28, 253
Белгород (Курский), г. 278
Белев, г. 9, 282, 300, 614
Белевский у. 300
Белое море 53, 220, 228, 383
Белозерск, Белоозеро, г. 30, 47, 86, 189, 307, 383, 384, 504, 505, 509, 656, 665
Белозерский у. 314
Белозерцы, жит. 53, 504
Бельзская вол. 61
Бельзское воеводство 422
Бендеры, креп. 28
Березов, г. 272

* В указателе приняты сокращения: вол.— волость, г.— город, гос-во — государство, губ.— губерния, д.— деревня, жит.— жители, княж-во — княжество, креп.— крепость, м.— местечко, мон.— монастырь, нар.— народ, о.— остров, обл.— область, оз.— озеро, ок.— около, окр.— округ, п-ов — полуостров, р.— река, с.— село, у.— уезд, уроч.— урочище.

Берестечко, г. на Украине 146, 147
Берлюково, с. 88
Ближний Восток 318
Богданова, околица под Смоленском 226
Болгария 358
Болхов, г. 9, 470, 610
Борисов, г. близ Можайска 360, 381, 554, 575, 586
Боровая, р. 280
Боровск, г. 554, 584, 586
Босния 210, 358
Браславль, г. 27
Братошино, с. под Москвой 517
Брест, г. 65
Бронницы, с. под Москвой 521
Брянск, г. 405, 467
Бухара (Бухария), г. 248, 272, 364
Бухарцы, жит. 49
Быстрая Сосна, р. 280
Бычин, г. в Силезии 219

Вага, вол. в Поморье 593, 597
Важане, жит. бассейна р. Ваги 34, 35, 42
Важская земля, обл. 191, 255
Важский у. 34, 70
Валахия, Волохи (земля), Дунайское княж-во 28, 108, 210, 257
Валмиера (Вольмар), г. в Ливонии (Латвии) 153
Валуйки, г. 278, 360
Варанга, р. 231
Варшава, г. 206, 207, 209, 214, 216, 229, 277, 602, 622, 623, 667
Васильевское, с. дворцовое 41
Векса, р., приток р. Вологды 46
Велиж, г. 277, 531, 532
Велижская вол. 355
Великие Луки, г. 56, 200, 550
Великое княжество Литовское *см.* Литва, Литовское гос-во
Вельский стан Важского у. 34, 288, 289
Венгрия, Венгерская земля 210, 211, 236, 240, 257, 434
Венгры, нар. 87, 663
Венден (Кесь), г. 16, 373
Венев, г. 455, 458
Венеция, г. 454
Верея, г. 575
Верхнеслободский городок 40
Верхотурский у. 365
Верхотурье, г. 364—366, 419, 511
Весьегонское (Весь), с. Городецкого стана Бежецкого у. 31
Византия, Византийская империя 66, 214, 242, 295
Вилейцы, жит. 60, 161
Вильно, г. 57—60, 62, 64—66, 108, 110, 160, 181, 182, 202, 203, 217, 218, 277, 297, 317, 353, 484, 486, 613, 620, 667
Винница, г. на р. Южный Буг 27
Виремская вол. в Поморье 90
Висла, р. в Польше 207
Витебск, г. 277, 531
Витебский повет 61
Владимир Волынский, г. 107, 145—147
Владимир Залесский, г. на р. Клязьме 294—296, 501, 508, 512, 514, 527, 567, 640
Владимирская дорога 535
Владимирский у. 508
Владимирское гос-во *см.* Московское гос-во
Владимирцы, жит. г. Владимира Залесского 512, 513
Вогуличи, нар. 365, 366
Волга, р. 12, 25, 46, 53—55, 67, 179, 190, 210, 251, 256, 262, 264, 280, 384, 435, 436, 512, 523, 545—547, 635
Волжская Переволока, Переволок, м. 26, 54, 278, 281
Вологда, г. 52, 53, 55, 234, 245, 275, 290, 322, 349, 365, 444, 502, 503, 509—511, 639, 663, 665
Вологжане, жит. 53, 503, 509, 510, 665
Вологодская земля, обл. 275, 608
Вологодский у. 70
Волоколамск (Волок Ламский), г. 458, 547, 668
Волхов, р. 32, 356, 491, 630
Волынская земля, Волынь 108, 143, 146, 210, 218, 321, 658
Волынское воеводство 149
Воля, м. близ Варшавы 207
Воробьевская слобода Московского у. 33
Воробьевы горы под Москвой 663
Ворона, р., приток р. Хопра 25, 26
Воронеж, г. 226, 278, 280
Воскресенское, с. Ковровского у. 189
Восма, р., приток р. Беспуты 463, 684
Восток 100, 164, 692
Вотская пятина Новгородской земли 69
Вотяки (удмурты), нар. 291
Всходна, р. 477

Выборг, г. 49, 54, 229, 230, 488, 489, 493
Вымичи, жит. 276
Вымская земля 271, 365
Вымь, р., приток р. Вычегды 365
Высоцкое, с. Московского у. 518
Вычегда, Вычегодская земля 276
Вычегда, р., приток р. Северной Двины 248
Вычегжане (вычегодцы), жит. 276, 289, 503, 504, 510, 525
Вышковский стан 41
Вязема, р. 227
Вязьма, г. 132, 432, 457, 584, 660, 667, 668
Вятка, г. 70, 364, 365, 383, 437, 525—527, 559, 599, 600
Вятка, р., приток р. Камы 435
Вятская земля, обл. 40, 70, 456, 526
Вятчане, жит. 512, 525, 600, 642

Галиция, Галицкая земля 102
Галицкая земля (обл. Галича Костромского) 608
Галич, г. в Костромской обл. 101, 103, 395, 416, 421, 444, 509—511, 567, 669
Галич (южный), г. 38, 101—103
Галичане, жит. Галича (южного) 38, 101—103
Гамбург, г. 234
Ганзейские города (Ганза) 335, 360
Гданьск (Данциг), г. 51, 201
Германия, Германская империя 154, 181, 369, 434, 484
Глиняны, г. 404
Глотов, слобода в Вымской земле 246
Глушица, р. 83
Голландия (Нидерланды), 50, 52, 193, 241, 245, 280, 529
Горетов стан Московского у. 288
Горжды, м. влад. Тельшевского у. Ковенской губ. 65
Городец Волжский, г. 509, 523
Городецкий стан 31
Гороховец, г. 509
Готланд (Готский берег), о. 50
Гоща, м. Острожского у, Волынской губ. 396, 679
Греки, нар. 80, 100, 132, 158, 178, 280, 294, 304, 369, 481
Греческое гос-во 297, 358
Гродно, г. 203, 568
Грузино, с. Новгородского у. 521
Грузия (Иверская земля, Иверия) 269, 325
Гурмыз, г. 50

Давыдова слободка 124
Дагестан 363
Данилово, с. 509
Дания, Датская земля, Датское королевство 49, 50, 65, 131, 193, 250, 320, 356, 691
Датчане, нар. 280
Двина, край, Двинская земля, обл., тер. по р. Северной Двине 33, 47, 53, 55, 231, 275, 511
Двинский у. 299
Двиняне, жит. 36, 53, 276, 278
Дедилов, г. 26
Дербент, г. 253, 260, 268, 269
Дерпт (Юрьев), г. *см.* Тарту
Десна, р. 26, 467
Диепи, г. 371
Дмитров, г. 18, 33, 95, 545—547
Днепр, р. 23, 26, 28, 59, 60, 65, 210, 241, 251—253, 258, 358, 404, 534, 614
Днепровская обл. 530
Добрый (Кошкин) перевоз 258
Добрыничи, с. близ г. Севска 376, 392, 407, 408
Дон, р. 26, 54, 210, 215, 223, 251, 253, 260, 262—268, 404, 455
Донков (Данков), г. 26
Дорогобуж, г. 457, 584, 623
Дорогобужане, жит. 643
Дриса, м. под Полоцком 65

Евреи (иудеи), нар. 61, 65, 125, 129, 135, 143, 148, 149, 253, 460, 540
Европа 53, 193, 219, 220, 239, 421, 426, 692
Европейская Россия 365
Елец, г. 280, 285, 454, 455
Емецкий ям Двинской обл. 47
Епифань, г. 26

Жабна, р., приток р. Волги 524
Жеганская земля 674
Жмудская земля, Жемайтия 65

Заблудов, г. 182
Заборье, д. под г. Серпуховом 458
Закавказье 363
Западная Двина, р. 353
Западная Европа 154, 164, 348, 355, 373, 693, 697
Западная (Литовская) Россия *см.* Россия Западная
Запорожская Сечь, Запорожье 252, 463

Запорожцы *см.* Казаки запорожские
Зарсковье, м. 633
Зарайск, г. 180, 478, 555, 615
Звенигород, г. 18, 95, 471, 476, 480
Звонец, днепровский порог 59
Зубцов, г. Зубцовского у. 549
Зубцовский у. 546, 576, 596
Зунд, пролив 50
Зыряне, нар. 364
Зюздинская вол. 559
Зюздинцы, жит. 559

Ивангород, г. 50, 222—225, 230, 278, 356, 367, 451, 493, 572, 584, 634
Ивангородский у. 69
Ивантеево, д. 517
Иверская земля *см.* Грузия
Иерусалим, г. 155, 326, 395, 588, 644
Ижорская пятина 221
Израиль 155, 470
Изюм-Курган, г. 280
Индия 49, 65, 424
Иртыш, р., приток р. Оби 270, 271
Испания 49, 237, 290
Италия, Итальянская земля 162, 234, 235, 356, 486
Итальянцы, нар. 207, 579
Ишим, р., приток р. Иртыша 270

Кабарда, Кабардинская земля 258, 268, 269
Кавказ, Кавказские страны 184, 268, 270, 335, 363
Кадомские земли 25
Казаки (козаки) 7, 20, 21, 25—28, 90—92, 114, 115, 136, 196, 238, 251, 261—264, 266, 267, 270—272, 278, 280, 282, 290, 364, 365, 379, 380, 399, 403—405, 422, 436, 452, 454, 455, 458, 460, 469, 478, 500, 506—508, 513, 525, 531, 535, 541, 543, 544, 564, 595, 600, 607, 608, 617, 625, 627—631, 634, 637, 638, 640, 644—649, 651, 655, 657, 658, 660—664, 666—668, 698, 700, 701
Казаки донские 193, 226, 253, 254, 258, 260, 262—268, 281, 361, 362, 398, 399, 408, 413, 435, 469, 486, 519, 531, 538, 541, 544, 546, 550, 572, 600, 603, 607
Казаки запорожские (низовские) 226, 236, 238, 251—253, 260, 267, 281, 282, 396, 403, 460, 486, 518, 521, 546, 549, 615
Казаки вапольные (застепные) 608
Казаки московские 27, 263
Казаки рыльские 21, 281
Казаки стародубские 281
Казаки терские 253, 254, 258, 263, 435, 436, 541, 600
Казаки украинские (малороссийские, черкасы) 27, 54, 228, 238, 251—253, 263, 264, 267, 268, 279—282, 358, 362, 369, 406, 435, 505, 513, 584, 599, 615, 651, 663, 665, 666
Казаки яицкие 281, 541, 600
Казанская обл. 275
Казанский у. 291
Казанское царство, гос-во 179, 191, 270, 636, 648
Казанцы, жит. 31, 598—600
Казань, г. 37, 39, 47, 49, 53—55, 66, 67, 80, 156, 179, 204, 256, 258, 272, 274, 275, 291, 305, 349, 406, 451, 513, 599, 600, 605, 639, 644, 656, 692
Казбин (Казвин), г. в Иране 248
Кайгород (Кайгородок), м. в Пермской земле 559
Кайгородцы, жит. 559
Калейский стан в Заволочье 299
Кальмиус (Калка), р., впадает в Азовское море 267
Калуга, г. 55, 356, 405, 458, 462, 463, 471, 477, 528, 538, 543—547, 550, 551, 554, 562, 569, 572, 589, 597, 598, 600, 607, 609, 610, 625, 626, 629, 646—648
Калужане, жит. 543, 601, 640
Калужская губ. 456
Калязин, г. 523, 524, 527, 535
Кама, р., приток р. Волги 435
Каменец, с. близ Варшавы 214
Каменка, г. на р. Висле 207
Каменка, с. Торопецкого у. 522
Канев, г. 27, 60, 226
Карачев (Корачев), г. 25, 26, 36, 466, 467, 614
Карачевцы, жит. 25
Каргополь, г. 53, 55, 189, 190, 466
Каргопольский у. 70
Каргопольцы, жит. 53
Касимов, г. на р. Волге 262, 527
Каспийское море 53
Каунас (Ковно), г. 65, 317
Каффа (Феодосия), г. 65, 80, 210
Кахетия 268, 269, 363
Качи-бей *см.* Одесса
Кашин, г. 255, 509, 673
Кашира, г. 455, 555
Каширяне, жит. 640
Кереть, Керетская вол. в Поморье 276

Кесь, г. *см.* Венден
Кетский острог 272
Киев, г. 54, 59, 65, 103, 104, 107, 144, 179, 203, 208, 215, 218, 292, 395, 403
Киевское гос-во 208
Кижский Спасский погост 372
Кимры, г. 33
Кинешма, г. 190, 647
Кипр, о. 416
Киржач, р., приток р. Клязьмы 55
Китай, Китайская земля 49, 51, 246
Клементьевское, с. Троице-Сергиева мон. 639, 657
Клушино, с. под Можайском 528, 553, 555, 616
Княгинино, с. нижегородское 12
Ковда, вол. 276
Ковель, г. 148
Ковно, г. *см.* Каунас
Козельск, г. 9, 300, 466, 471
Козельский у. 300
Козлов, г. 28, 251, 252
Койсу (Сулак), р. 269
Кокшага, р. и вол. 270
Кола, г. 69, 231, 584
Колмогоры, г. *см.* Холмогоры
Коломак, р. 26
Коломенская дорога 535, 568, 639
Коломенское, с. под Москвой 254, 255, 414, 456, 458, 555, 563
Коломна, г. 67, 96, 372, 373, 456, 478, 518, 555, 644, 656, 657
Коломничи, жит. 615, 644
Кольская вол. 276
Комарницкая вол. 408
Конда, р., приток р. Оби 240
Константинополь (Царьград), г. 54, 80, 162, 178, 243, 262—266, 268, 269, 292, 295, 296, 326, 373, 485
Копенгаген, г. 50
Копорский у. 69
Копорье, г. 222—225, 228, 230
Корачев, г. *см.* Карачев
Корела, г., креп. 49, 222—224, 230, 372, 451, 488, 520, 523, 527, 546, 629, 631
Корельская земля, обл. 225, 231
Корельский у. 69
Кореляне, жит. 372
Короткое, с. 276
Корсунь (Херсонес), г. 66, 358
Кострома, г. 275, 509—512, 593, 607, 645, 647
Костромичи, жит. 647
Костромская земля, обл. 275, 608
Котельнич, г. на р. Вятке 525—527
Котлы (Верхние и Нижние), д. под Москвой 442, 458
Кочубеев, г. *см.* Одесса
Краков, г. 102, 103, 181, 194, 202, 211, 214, 217, 219, 229, 232, 236, 396, 399, 400, 423, 427, 475, 573, 679
Краковское предместье 622
Краковское старостно 194
Красное, ковенское имение Красинского 149
Красное, с. под Москвой 412, 535, 593, 639
Красносельцы, жит. 412
Кромы, г. 278, 280, 408, 409, 455, 468, 469, 501
Кропивна, г. 26
Крутицы, м. близ Москвы 656
Крым, Таврида, Крымское царство 27, 28, 80, 85, 133—136, 153, 193, 210, 226, 250—252, 254, 256—262, 314, 320, 325, 335, 358, 360, 362, 363, 370, 434, 438, 573
Крымский юрт 251, 260
Крымцы, жит. 23, 55, 135, 153, 225, 229, 235, 250—252, 254, 255, 257, 262, 266, 268, 279, 280, 282, 283, 362, 404, 424, 434, 555, 584, 625, 658
Кубенское оз. 466
Кура, р. в Закавказье 435
Курск, г. 114, 278, 389, 405
Курская обл. 389
Кушалино, с. близ Твери 313
Кыркор, г. 254
Ладога (Старая), г. 572, 584, 624, 629
Лампас (Лампожня), м. на р. Мезени 52
Латины, латиняне, нар. римско-католического вероисповедания 72, 415, 421, 431, 473, 644
Латыш, нар. 292
Ливны, г. 252, 257, 258, 278, 280, 360, 361, 404
Ливония, Ливонская земля (Прибалтийский край) 8, 11, 22, 40, 54, 134, 157, 177, 199, 203, 221, 223, 224, 232, 233, 237, 238, 352, 353, 355—357, 373, 399, 404, 476, 519, 520, 529, 530, 565, 577, 580, 634, 635
Ливонцы, нар. 154, 355, 369, 420
Литва, Великое княжество Литовское, Литовская Русь, Литовское гос-во 12, 32, 33, 48, 51, 54, 57, 62, 65, 100, 103, 124, 127, 132—134, 143, 153, 154, 157, 158, 161,

182, 188, 189, 196, 201, 202, 205—214, 217—221, 224—226, 228, 229, 231, 232, 237, 242, 251, 253—255, 258, 264, 277, 278, 292, 296, 297, 313, 315, 321, 335, 349—353, 355, 358, 390, 395, 401, 403, 404, 422, 434, 448, 465, 475, 478, 479, 504, 509, 511, 518, 529—531, 536, 540, 541, 556, 564, 572, 576, 585, 586, 588, 597, 603, 613, 614, 621, 622, 625, 634, 652, 660, 666, 677
Литовская земля 23, 134, 208, 210—212, 218, 232, 241, 248, 404, 460, 646, 658, 677
Литовская Россия *см.* Россия Западная
Литовское море *см.* Балтийское море
Литовцы, литва, нар. 134, 135, 151, 157, 177, 198, 202, 207, 210, 212, 217, 224, 257, 277, 290, 292, 351, 352, 355, 357, 364, 440, 457, 465, 466, 473, 475, 496, 505, 520, 534, 625, 648, 649
Лифляндия, Лифляндская земля *см.* Ливония
Лондон (Лунд), г. 53, 244, 359, 360, 371, 373
Лопари (лапонцы, лапландцы, лопь), нар. 68, 69, 231
Лопасня, с. 254
Лопатничи, с. 189
Лужники, с. на берегу р. Москвы 661
Луки, г. *см.* Великие Луки
Лух, г. 253, 509, 513
Луцк, г. 65, 162
Львов, г. 28, 102, 103, 182, 206, 417
Любек, г. 49, 242, 373, 374, 675
Любчане, жит. 278, 360
Люблин, г. на р. Бистрице 529

Мазовия, обл. 218
Малая Азия 65
Малмыж, г. 383
Малороссия *см.* Украина
Мангазея (Тазовский), г. в Сибири 364
Медведица, р., приток р. Дона, 281
Межа, р., приток р. Западной Двины 26
Мезень, г. 52
Мезенцы, жит. 365
Мемель, г. 65
Мехренжане, жит. 53
Мещера, г. 23, 26
Микулин, г. 86
Минск, г. 475, 532, 533
Мироносицкая слобода 33
Михайлов, г. 656, 668
Мияс (Миюс), р., приток р. Исети 26
Могилев, г. 464
Можайск, г. 54, 56, 226, 458, 471, 552—554, 563, 564, 566, 575, 584, 586, 597, 663
Мокша, р., приток р. Оки 46
Молдавия (Молдавское господарство, княж-во) 28, 210, 257, 358, 363
Молога, г. 511
Молога, р., приток р. Волги 31
Монастырь:
Александров Свирский *см.* Спасский Троицкий на р. Свири
Андроников (Андроников) Спаса Нерукотворного в Москве 635
Андросова Николаевская пустынь, близ Ладожского оз. 8
Антониев в Бежецком у. 651
Антониев Сийский Троицкий 383
Благовещенский на р. Понарати, в Сербии 326
Богородицкий в Старице 413, 638
Богородицы Покрова (Дионисиев Глушицкий) 83
Богородицы Рождества во Владимире 418
Богородицы смоленской (Новодевичий) в Москве 8, 33, 336, 337, 340—343, 399, 566, 574, 575, 618, 645, 660, 672
Богородицы Успения (Зосимина пустынь) 93
Богородицы Успения на Тихвине 142
Борисоглебский на Ушне, в Муроме 395
Браславский в Браславле 107
Варсонофьевский на Сретенке, в Москве 413, 459
Воздвиженский на Арбате, в Москве 667
Вознесенский в Минске 107
Вознесенский девичий в Москве 417, 432, 442
Вознесенский Милешев в Сербии 326
Выксинская пустынь на Белоозере 307
Вяжицкий *см.* Никольский на Вяжищах
Георгиевский (Егорьевский) в Москве 664
Георгиевский под В. Новгородом 72, 356
Данилов в Москве 254, 458

Донской в Москве 256, 661
Иосифо-Волоколамский (Иосифов-Волоцкий Успенский) 180, 300, 321, 546, 549, 550, 554, 570, 588, 589
Кириллов в В. Новгороде 298
Кириллов Белозерский на Белом озере 33, 47, 82—84, 88, 89, 96, 138, 140, 188, 275, 395, 399, 400
Кожеозерский Богоявленский 383
Козмодемьянский в Старой Русе 89, 164
Колмовский (Богородицы Успения на Колмове) в В. Новгороде 630
Корнилиев Комельский (Введения Богородицы), ок. Вологды 98
Коряжемский в Сольвычегодске 289
Межигорский *см.* Спасо-Преображенский Межигорский
Михаила Архангела в Москве, в Кремле *см.* Чудов
Никитский в Москве 84
Никольский в Двинском у. 299
Никольский в Киеве 403
Никольский на Вяжищах, ок. В. Новгорода 372, 652
Никольский на Угреше, под Москвой 568
Нилова Столбенская пустынь в Иркутском у. 99
Новинский митрополичий под Москвой 138
Новодевичий *см.* Богородицы смоленской
Пантелеймонов русский на Афоне 100, 101, 326
Пафнутьев Боровский (Рождественский Богородицкий) под Боровском 395, 555
Песношский Николаевский на р. Песноши 88
Печерский (Успения Богородицы) в Пскове 97, 522
Печерский Федосиев (Киево-Печерский) в Киеве 107, 108, 395, 403, 678
Покровский (Богородицы Покрова) девичий в Суздале 43, 570
Предтеченский в Полоцке 105, 106
Преображенский в Новгороде Северском 395
Пыскорский Спасо-Преображенский в Пермской губ. 70
Рогачев в Ржевском у. 635
Рождественский Богородицкий во Владимире *см.* Богородицы Рождества
Саввин Сторожевский в Звенигороде 84, 656
Саввина пустынь на р. Вишере 48
Саввы освященного в Иерусалиме 326
Сарайская пустынь 8
Селижаров *см.* Троице-Селижаров
Симонов Успенский в Москве 31, 66, 83, 166, 300, 617, 628
Соловецкий на Белом море 33, 70, 99, 140, 298, 521, 524, 570, 606, 691
Спасо-Евфимиев в Суздале 299, 656
Спасо-Преображенский Межигорский под Киевом 106
Спасский во Владимире Волынском 107
Спасский Преображенский на Хутыне, близ В. Новгорода 521, 629
Спасский Преображенский в Ярославле 655
Спасский Троицкий (Александров Свирский) на р. Свири 83
Старицкий *см.* Богородицкий в Старице
Старорусский Спасов *см.* Козмодемьянский в Старой Русе
Сторожевский *см.* Саввин Сторожевский в Звенигороде
Сумелийский в Трапезунде 327
Тихвинский *см.* Богородицы Успения на Тихвине
Тихонова Успенская пустынь в Калужском у. 504
Троице Селижаров в Осташковском у. 54
Троице-Сергиев в Радонеже 33, 45, 47, 55, 71, 81, 83, 84, 88, 93, 139, 140, 275, 283, 312, 327, 357, 407, 488, 493—496, 500, 518, 523, 524, 527, 535—537, 546, 547, 602, 607, 617, 637, 638, 640, 642, 644, 647, 648, 651, 657, 672
Троицкий, ок. Астрахани 46, 54
Троицкий в Вильне 107
Троицкий *см.* Троице-Сергиев
Троицкий Дубенский, в с. Дерманах 395, 396
Угрешский *см.* Никольский на Угреше

Успенский Успенский Пречистенский, ок. Острога 105, 106
Успенская Зосимина пустынь *см.* Богородицы Успения (Зосимина пустынь)
Успенский слободской в Хлынове 366
Хиландарский болгарский на Афоне 100
Хутынский *см.* Спасский Преображенский на Хутыне
Чудов (Михаила Архангела) в Москве, в Кремле 8, 394, 395, 399, 400, 403, 557, 648
Юрьев *см.* Георгиевский под В. Новгородом
Моравия 195
Моравск, г. 404, 405
Мордва, пар. и его земля 25, 46, 280, 369, 456, 511
Морж Нижний, р. 299
Мосальск, г. 549
Москва, г. 16, 18, 20—23, 27, 28, 33, 35—37, 39, 41, 44, 45, 47—49, 51—56, 66, 68, 70, 72, 75, 76, 78, 80, 82, 88, 89, 95, 100, 101, 108, 113, 117, 130—135, 137, 141, 150, 153, 169, 176, 178—182, 184—187, 189—193, 196—204, 207, 209—212, 214, 219—227, 229, 231, 235, 236, 238, 240, 242—246, 248, 250—257, 261—269, 271, 272, 275, 276, 278, 279, 289, 292—298, 300. 303, 307, 311—313, 323, 327, 328, 330, 335, 337, 338, 342—344, 349, 351—357, 359—364, 368—370, 373, 374, 376, 379, 381, 383, 384, 388—400, 403, 404, 407, 409—430, 432, 434—436, 438—444, 446, 449, 450, 452, 453, 456—460, 463—465, 467, 469—478, 480, 484, 486, 488—494, 497—499, 501, 502, 504, 505, 509—511, 514—519, 522—525, 527—536, 538, 540—542, 545—558, 560, 562—577, 580—587, 589—602, 604—613, 615, 616, 618—626, 628, 629, 631, 634—640, 642, 643, 645—651, 654—660, 663—669, 677, 679, 701
В Москве:
Арбат, ул. 463, 509, 667
Арбатские ворота 659
Белый (Царев Каменный) город 279, 312, 573, 575, 616—618, 634, 635
Варварский крестец 395
Водяные ворота 661
Воронцовское поле 617
Живой мост из Нового города 66
Житный двор 682
Замоскворецкий п-ов 665
Замоскворечье 616, 617, 661
Ильинская (Ильинка), ул. 88, 439
Каменный мост (из Кремля через р. Неглинную) 666
Китай-город 573, 575, 616, 618, 635, 661, 662, 665—667
Клементьевский острожек 661, 662
Красная площадь 415, 439, 442, 444, 452, 670
Кремль 66, 185, 186, 190, 337, 342, 389, 412, 415, 416, 439, 440, 443, 444, 452, 535, 556, 573, 575, 599, 615, 616, 618, 635, 636, 660—662, 665—667, 682
Крымский двор на правом берегу р. Москвы 660, 662
Лобное место 328, 407. 412, 415, 515, 516, 556, 565, 667, 670
Лубянка, ул. 616
Москворецкие ворота 415
Неглинная (на Трубе), ул. 664, 666
Немецкая слобода 394
Никитские ворота 634
Новгородский двор 439
Ордынская (Ордынка), ул. Замоскворечья 661, 662
Петровские ворота 655
Покровские ворота 617, 667
Пушечный двор 684
Пятницкая, ул. Замоскворечья 661
Серпуховские ворота 442, 556
Сретенка, ул. 413, 616
Сретенские ворота 439, 617
Стрелецкая слобода 441
Тверские ворота 517, 617, 635, 655
Фроловские (Спасские ворота) Кремля 66, 186, 440, 442, 667
Фроловский мост 66, 366
Чертольские ворота 658, 660
Яндово в Замоскворечье 661
Яузские ворота 616, 617, 659
Москва, р. 67, 191, 477, 556, 634, 660, 661, 682
Москвичи, москвитяне, жит. 132, 143, 144, 216, 428, 429, 444, 449,

452, 454, 470—473, 482, 483, 486, 518, 519, 529, 542, 546, 556, 557, 564, 572, 573, 575, 577, 578, 597, 598, 603, 604, 616, 667, 668
Московская земля, обл. 9, 164, 275, 434, 602, 603
Московский у. 18, 89, 288, 371
Московское гос-во, царство, Московия 23, 26—28, 54, 55, 65, 100, 101, 124, 136, 144, 147, 163, 179, 180, 185—187, 194, 196, 199, 201, 202, 205, 207—210, 214—216, 220, 228, 245, 268—270, 272, 287, 290, 295, 297, 322, 335, 337, 343, 350—352, 359, 363, 366, 372, 373, 376, 377, 379, 381, 392, 393, 396—398, 404, 408—410, 412, 414, 424—426, 428, 434, 435, 447, 448, 455, 459, 471—478, 481, 484, 489, 500, 503, 504, 506, 512, 514, 516, 519, 520, 524, 528—533, 535—537, 539—544, 548, 550, 554—556, 562—573, 576, 578, 581—587, 589, 591, 592, 596—599, 602—612, 614, 619, 620, 624, 628, 629, 631, 632, 634, 636, 637, 639—641, 643—646, 648—654, 656—662, 665, 666, 669, 677, 695, 697, 701
Московское княж-во 14, 422
Мошок, вол. Муромского у. 12
Мста, р., впадает в оз. Ильмень 521
Муравский шлях (дорога) 26, 280
Муром, г. 39, 395, 512, 527
Муромская земля, обл. 275, 608
Муромцы, жит. 512
Мценск, г. 25, 26
Мценяне, жит. 25

Нарва, Нарова (Ругодив), г. 53, 157, 211, 222, 224, 225, 227—232, 238, 352, 355
Нарвский порт, пристань 53, 276
Нарова, р. 223, 224, 356
Нарым, г. 272
Нева, р. 220
Неглинная, р., приток р. Москвы 666
Незвань, р. 477
Немецкая земля *см.* Ливония
Немецкое гос-во *см.* Германия
Немцы (ливонские), франц. нар. 32, 38, 48, 50, 52, 87, 134, 135, 154, 176—178, 181, 201, 216, 245, 280, 290—292, 355, 357, 367, 369, 370, 389, 412, 434, 438, 439, 491, 492, 505, 518, 553, 599, 616, 648, 663, 665, 667, 668
Нидерланды *см.* Голландия
Нижегородцы, жит. 504, 511, 604, 641, 642
Низовая земля, Низ, по р. Волге *см.* Поволжье
Никитский острожек, ок. Москвы 628, 655
Николаев, г. 146
Николая св., гавань на Белом море 53
Никольское, с. Могилевского у. 464
Никольское, с. на р. Вяземе 227
Новая Соль, м. на р. Холуй 45, 47
Новгород Великий, г. 7, 8, 21, 22, 29—32, 37—41, 44, 47—50, 52, 53, 56, 69, 71, 72, 75, 78, 86, 95, 109, 110, 115, 119, 134, 137, 139, 169, 176, 177, 179, 200—202, 232, 274, 275, 278, 304, 305, 348, 356, 398, 407, 473, 488, 490—493, 505, 515, 517—519, 521, 523, 524, 530, 547, 599, 602, 606, 623, 624, 629, 630—634, 639, 649, 650, 652—654, 669
В Новгороде Великом:
Варецкая ул. 39
Павлова ул. 39
Пробойная ул. 8
Славенский конец 40
Софийская сторона 31, 54, 137
Торговая сторона 31, 32, 54
Чудинцовские ворота 630
Новгород Нижний, г. 21, 22, 52, 186, 189, 275, 384, 456, 459, 501, 504, 511, 557, 559, 602, 636, 640—644, 646, 649, 659
Новгород Северский, г. 25, 27, 376, 395, 403, 405—407, 467, 549, 622
Новгородок Ливонский, г. 233
Новгородская вол. 137
Новгородская земля, обл. 19, 31, 48, 54, 68, 224, 275, 489
Новгородская четверть 595
Новгородский у. 489
Новгородское гос-во 597, 631, 632, 650, 653, 654
Новгородцы, жит. 22, 31, 40, 54, 89, 177, 348, 491, 492, 520, 599, 606, 623, 624, 629—631, 634, 649, 652
Новосиль, г. 26, 282
Ново-Холмогорск, г. *см.* Архангельск
Новый городок (Нейгауз), г. немецкий 97, 233
Нагаи, нагайны, ногайские татары, нар. 49, 86, 134, 250, 261, 262,

266, 272, 363, 369, 370, 673
Ногайская Орда (Наган) 184, 262, 270, 271, 364, 369, 370
Норвегия 250
Ныробская вол. 383

Оболенск, г. 86
Обь, р. 240, 271, 363
Овечьи воды, р. 253
Одесса (Качи-бей, Кочубеев), г. 27, 65
Одоев, г. 12
Ока, р. 23, 55, 67, 254, 280, 283, 343, 344, 456, 544
Омовжа (Эмбах), р. 176
Онежане, жит. 53
Опоки, м. в В. Новгороде 32
Ордынцы, жит. 18
Ореховский у. 69
Орешек, г. в Южной Карелии 49, 222, 493, 522, 629
Орел, г. 26, 282, 411, 466—468, 614
Орловская губ. 456
Орша, г. 205, 277, 401, 533
Оршане, жит. 277
Оскол, г. 278, 360
Оскол, р. 25, 280, 281
Осташков, г. 576
Остерботния 231
Остров, г. 572
Острог, г. 182, 395, 396, 678
Остяки, нар. 271, 365, 419
Очаков, г. 28, 251

Пахна, р. 513
Пахра, р., приток р. Москвы 254, 456
Пелым, г. 272, 307, 383, 384, 560
Переволок см. Волжская Переволока
Перекоп, г. 65, 251, 258
Переяславль Залесский, г. 33, 46, 226, 413, 501, 527, 618, 640, 651, 657
Переяславль Рязанский (Рязань), г. 285, 668
Переяславское оз. 46
Переяславцы, жит. 276, 501
Пермичи, жит. 278, 510, 512, 524—527, 559, 600, 606
Пермская обл. 456
Пермь, г. 37, 365, 383, 419, 527, 559, 560, 561, 639
Персия 65, 193, 248, 269, 270, 325, 360, 424
Персы, нар. 268, 363
Песьи Кости, уроч. 26
Пехорка, р. 535
Печенга, р. 69
Печма, м. 194
Печора, вол. 52, 233, 240, 634
Пильзен, г. 357
Пинега, вол. в Поморье 52
Пинежане, жит. 365
Пиренейский п-ов 193
Пирогово, д. под Москвой 517
Плёс (Плёсо), г. 647
Плюсса, р., приток р. Наровы 222, 223
Поволжье 7, 608, 637
Погорелое Городище, посад 554, 594, 596, 647, 668
Подляшье, обл. 218
Подоланы, м. Краковского старостства 194
Подолия, Подолье, Подольская земля 102, 143, 144, 210, 218, 530, 658
Познань, г. 277
Поклонная гора ок. Москвы 618, 660, 661
Полоцк, г. 22, 56, 59, 65, 134, 203, 276, 351
Полоцкая земля 61
Польская земля 208, 211, 241, 296, 353, 646, 658
Польское королевство 214, 232, 235—237, 242, 426, 484
Польша (Польско-Литовское госво) 28, 51, 53, 57, 87, 109, 177, 193—196, 198, 200—202, 205—212, 214, 216, 218—221, 225, 227—234, 242, 243, 273, 276, 277, 314, 320, 324, 327, 331, 349—351, 353, 355, 358, 359, 369, 390, 392, 398—400, 406, 408, 417, 420, 421, 424—430, 433, 434, 439, 442, 447—449, 454, 457, 463, 466—468, 470—472, 474—477, 479—481, 483, 484, 486, 488, 519, 528—531, 534, 536, 539—541, 543, 545, 554, 556, 564—566, 570, 571, 576, 577, 585, 586, 588, 597, 603, 613, 614, 619—622, 631, 634, 637, 658, 660, 668, 678, 700
Поляки (ляхи), нар. 157, 202, 208, 210, 213, 217, 220, 350—352, 355, 369, 389, 392, 400, 404—406, 408, 411, 415—420, 427, 434, 436, 438, 442, 443, 457, 460, 467, 468, 470—473, 475, 496, 506, 507, 514, 518, 520, 529, 530, 534, 577, 578, 603, 616, 619, 648, 649, 660, 663, 666, 667, 669
Поморская земля, обл., Поморье

(побережье Белого моря) 233, 606, 639
Поморцы, жит. 53, 503
Попарать, р. в Сербии 326
Попизовье (Низовская земля) 644
Попова гора, м. 463, 464
Порожане, жит. 53
Порта Оттоманская *см.* Турция
Порхов, г. 522
Почеп, г. 549
Пошехонье, г. 511, 649, 650
Прага, г. 240, 357
Преображенское, с. 179
Пресня, р., приток р. Москвы 477, 478
Прибалтийские области *см.* Ливония
Приднепровская Русь *см.* Россия, Русь Южная
Присецкая вол. Троице-Сергиева мон-ря 139
Пронск, г. 603, 615
Пропойск, м. 464
Прошовицы, м. Краковского староства 194, 195
Пруссия 65, 233
Псков, г. 22, 23, 37—39, 44, 47, 48, 52, 56, 71, 75, 78, 83, 87, 95, 109, 110, 133, 134, 141, 177, 184, 189, 200, 201, 209, 220, 229, 232, 274, 275, 278, 279, 305, 373, 398, 454, 473, 488, 490—493, 515, 522, 523, 572, 584, 599, 602, 632, 633, 634, 644—647, 650
В Пскове:
Возвоские ворота 633
Кремль 633
Покровская башня 633
Полонище 633
Романиха, ул. 633
Стрелецкая слобода 633
Псковичи, жит. 22, 39, 56, 78, 177, 490—492, 633
Псковская вол. 634
Псковская дорога 56
Псковская земля, обл. 21, 94, 275
Пуга, р. 635
Пузырево, с. монастырское 91
Пустозерск, г. 52
Пустозерский острог 292
Путивль, г. 23, 25—27, 65, 134, 259, 280—282, 376, 405, 408, 409, 411, 448, 453, 454, 464, 467, 470
Путивльцы, жит. 25, 281, 453
Пчельна, р. близ Калуги 463
Пятрятино дворище на Опоках в В. Новгороде 32
Раздоры, г. 267
Раменье, с. Зубцовского у. 596
Рахманово, с. 493
Ревель, г. 51, 230, 355
Ревельцы, жит. 278
Регенсбург, г. 201
Речь Посполитая 529, 538, 570, 571, 577, 580
Решма, вол. Кинешемского у. 508, 593, 597, 646
Ржев, г. 549, 554, 635, 647
Ржевский у. 278, 576
Рига, г. 51, 199, 232, 352, 621, 673
Рижане, жит. 355
Рим, г. 94, 109, 214, 243, 297, 421, 428, 431, 481, 485, 486, 565
Римская империя, Римское гос-во 206, 232, 233, 421, 427, 429, 430
Римская республика 579
Рогачев, г. 657
Рогачево, с. Дмитровского у. 33
Романов, г. 511, 512
Российское (Русское) царство 7, 438, 444, 446, 447
Россия, Российское гос-во, Русское гос-во, Русь 7, 16, 29, 49—52, 60, 66, 71, 109, 162, 177, 178, 180, 181, 184, 192, 208, 243, 247, 262, 271, 290, 295, 303, 313—315, 320, 321, 323—328, 331, 335, 339, 341, 344, 356, 359—361, 370, 376, 388, 391, 402, 410, 416, 418, 442, 444, 446, 454, 460, 461, 473, 474, 478, 484, 523, 529, 585, 605, 610, 631, 632, 636, 640, 643, 652, 653, 656—659, 664, 679, 689, 690, 692, 693, 695—697, 700, 701
Россия, Русь Восточная 7, 58, 60, 156, 286, 424
Россия, Русь Западная 7, 27, 56, 58, 60, 110, 124, 143, 144, 149, 156, 164, 180, 286, 287, 293, 424
Россия, Русь Северо-Восточная (Московская) 14, 26, 108, 335, 488
Россия Юго-Западная 108, 321, 541
Россия, Русь Южная (Киевская и Днепровская) 23, 208, 335
Ростов Великий, г. 501, 567, 651, 656, 657
Ростовская обл. 275
Ростовский у. 89
Ростовцы, жит. 510
Руза, г. 18
Русская земля 21, 82, 163, 176, 192, 221, 233, 303, 319, 355, 359, 376, 439, 443, 489, 504, 521, 524, 530, 543, 605, 663, 697, 699

Русский народ (россы, русь, русские) 50, 51, 134, 135, 154, 156, 157, 177, 182, 193, 225, 230, 231, 242, 245, 247, 252, 254, 255, 270—272, 276, 290—292, 301, 351, 357, 363, 369, 375, 378, 379, 381, 406, 408, 411, 420, 421, 436, 437, 443, 471, 472, 481, 485, 506, 530, 560, 572—574, 604, 605, 617—619, 631, 634, 636, 639, 640, 648, 653, 661—663, 666—668, 678
Русь Московская *см.* Россия, Русь Северо-Восточная
Рыбинск, г. 511
Рыльск, г. 25, 26, 282 408
Ряжск (Рязск), г. 26
Рязанская земля, обл. 275, 535, 555, 608, 628
Рязанское княж-во 455
Рязанцы, жит. 31, 455, 456, 548, 644
Рязань (Новая) *см.* Переяславль Рязанский (Рязань)
Рязань (Старая), г. 23, 86, 179, 180, 191, 456, 478, 548, 552, 603, 604, 615, 647

Салата, г. в Жмудской земле 65
Самара, г. 27, 253, 436
Самара, р. 26
Самбор, г. 396, 398, 400, 424, 454, 475, 480, 568, 679
Самоеды, нар. (саамские племена) 52, 292
Санчурск (Шанчурск), г. 270, 278
Саратов, г. 278
Свирь, р. 83
Свислочь, г. 61
Свияжск, г. 37, 459
Свияжский у. 291
Святославля, слободка 299
Святые Горы, уроч. 26
Себеж, г. на оз. Себеж 22
Север 23
Северная Германия 193
Северная Двина, р. 52, 53, 250, 276
Северные страны 8
Северо-Восточная Россия *см.* Россия, Русь Северо-Восточная
Северный Ледовитый океан 53, 69, 351
Северская земля, обл., страна 23, 196, 200, 201, 229, 241, 402—406, 434, 454, 463, 475, 530, 531, 535, 543, 565, 572, 576, 580, 608
Северский Донец, р. 25, 26, 210, 215 252, 253, 267, 280, 281, 361
Северское княж-во 351, 398, 480
Севрюки, нар. Северской обл. 25, 281, 390, 404, 408, 460, 475
Севск, г. 114, 406, 407
Сейм, р., приток р. Десны 259
Сербия 210, 358
Серпухов, г. 254, 255, 267, 343, 372, 373, 414, 458, 555, 572, 647
Серпуховичи, жит. 458
Сибирские земли 8, 271, 272
Сибирское царство, Сибирь 49, 179, 193, 240, 270—272, 275, 284, 289—291, 307, 349, 363—365, 421, 560, 651
Сибирь, г. 270
Силезия 219
Синай, Синайская гора, п-ов в Красном море 101, 326
Сирия 65
Скулинская земля, именье кн. А. М. Курбского 145
Слободской, г. 366
Слоним, г. 424
Служняя слобода Троице-Сергиева мон-ря 639
Смединская земля 148
Смоленск, г. 56, 95, 133, 196, 198, 200, 201, 205, 214, 215, 220, 226—229, 232, 274—279, 293, 296, 324, 325, 336, 408, 424, 457, 528—537, 543, 546, 547, 549, 550, 552, 554, 562, 563, 565, 566, 568, 570—572, 576, 581—592, 594, 597, 598, 602, 603, 605, 609, 610, 612—614, 618—623, 625, 637, 649, 660, 666, 668, 679
Смоленская губ. 456
Смоленская вол., обл. 576, 621
Смоленский у. 614, 623
Смоленское княж-во 351, 398
Смольняне, жит. 254, 457, 458, 532—534, 572, 582, 583, 585—589, 591, 603, 611—614, 619—622, 643, 651
Соболево, с. Троице-Сергиева мон-ря 93
Сокол, г. 463
Соликамск (Соль Камская), г. 365, 559
Сольвычегодск, г. 45, 289, 291, 365, 526
Соль Новая на Холуе 45, 48
Сосна, р. 259
Средняя Европа 193
Старая Руса, г. 56, 275, 522
Старица, г. 459, 647
Стародуб Северский (Ряполовский),

г. 12, 47, 54, 282, 464
Стародубцы, жит. 465, 549
Стокгольм, г. 221
Суздаль, г. 501, 509, 512, 513, 550, 567, 656
Суздальская земля 608
Суздальский у. 642
Суздальцы, жит. 501, 513, 647
Сума, вол. Соловецкого мон-ря 91, 92
Сумерский погост Шелонской пятины 222
Сумский острог 606
Сургут, г. на р. Оби 272, 364
Сухона, вол. двинская 511
Сысола, вол. 276
Сысольчи, жит. 276

Таванский перевоз на р. Днепре 65
Тавренская вол. 300
Таврида *см.* Крым
Тайнинское, с. под Москвой 417, 477
Тара, г. 272
Тара, р., приток р. Иртыша 270
Тарки, м. на Северном Кавказе 269, 363, 435
Тарнополь, г. 469
Тарту (Дерпт, Юрьев), г. 40, 41, 176, 177, 238, 373
Татария 51
Татары, нар. 23, 25, 49, 51, 67, 68, 70, 129, 134—136, 143, 144, 146, 149, 197, 210, 226, 235, 251, 253, 278, 280, 281, 291, 292, 301, 344, 351, 364, 365, 369, 389, 402, 430, 469, 472, 505, 508, 529, 577, 580, 584, 636
Тверичи, жит. 650
Тверская земля, обл. 9, 48, 275, 457
Тверской у. 457
Тверь, г. 56, 86, 191, 275, 299, 457, 521, 523, 527, 547, 647, 648
Темниковские земли 25
Терек, р. 253, 256, 258—260, 266, 268, 269, 435, 436
Терский городок-креп. 258, 262, 263, 268, 435
Тетеревичи, д. 18
Тешилов, г. 254
Тихая Сосна, р. 223
Тихвин, г. 649
Тихвинцы, жит. 221, 521
Тобольск, г. 271
Томск, г. 364
Тор, р. 26
Торжок (Новый Торг), г. 86, 191, 275, 521—523, 547, 647
Торжокская обл. 275
Торопец, г. 56, 285, 522, 634
Торопецкий у. 522
Торопчане, жит. 599
Тотьма, г. на р. Сухоне 55, 502, 509, 593, 597
Тотьмичи, жит. 502, 510
Троицкое, с. Московского у. 456
Троки, замок-креп. 317
Тула, г. 23, 255, 282, 283, 412, 416, 446, 455, 458, 463, 465, 469, 489, 531, 603, 647
Тульские земли 266
Тульские станицы 24
Туляне, жит. 254, 640
Туптарахань, м. в Крыму 251
Тура, р., приток р. Тобола 271
Турецкая земля 238
Туринск, г. 364
Турки, нар. 27, 28, 51, 80, 101, 149, 178, 210, 227, 235—239, 242, 251, 253, 265, 267—270, 280, 294, 362, 363, 421, 423, 424, 434, 437, 486, 529, 658
Турция (Оттоманская империя, Порта Оттоманская) 27, 193, 233, 250, 265, 325, 363, 434, 651
Турчасовцы, жит. 53
Тушино, с. под Москвой 446, 477, 479, 480, 486, 487, 493, 494, 501—505, 508, 509, 514, 516—519, 521—523, 527, 528, 531, 534—538, 542—547, 550, 566, 593—595, 622, 624—627, 629, 646
Тушинцы 501—503, 505—507, 509—514, 518, 519, 522, 535, 537, 547, 556, 557, 566
Тюмень, г. 271
Тюменцы, жит. 376
Тявзино, м. близ Ивангорода 230

Углич, г. 55, 185, 305—307, 312, 328—330, 356, 390, 399, 401—403, 412, 441, 448, 452, 453, 459, 512, 649, 651, 678
Угличане, жит. 307, 311, 312, 330
Угра, р., приток р. Оки 240, 470, 550
Украина (Малороссия) 206, 220, 250, 254, 257, 267, 313, 331, 351, 446, 454, 467, 488, 489, 500, 659
Украина Северская 25, 380, 389, 390, 456, 460, 527, 549, 615, 637
Упа, р., приток р. Оки 465
Урал 270
Уральские горы 290, 335
Уржум, г. 270

Усолье Луда, г. 179, 383, 503
Усольцы, жит. 510
Устьмошане, жит. 53
Устюг Великий, г. 365, 503
Устюжане, жит. 278, 503—505, 510, 524—526
Устюжна Железопольская, г. 74, 504, 505, 509
Устюжская обл. 275
Устюжский у. 41, 503
Уфа, г. 384, 451

Финляндия 229
Фокино, селище на р. Волге 12
Франция 193, 373, 675
Французы, нар. 207, 245, 529
Фряги *см.* Немцы (ливонские)

Химка, р. 478, 519
Хлынов (позднее Вятка), г. 70, 73, 366, 598
Ходынка, р. 477, 478, 518
Холмогорская обл. 275
Холмогорский город *см.* Архангельск
Холмогорцы, жит. 278
Холмогоры (Колмогоры), г. 36, 52, 53, 55, 234, 243—245
Холуй, с. Вязниковского у. 509
Холыня, слобода государева в В. Новгороде 40
Хоротевские луга под Москвой 565
Хрепелево, с. Покровского мон-ря 43, 137
Хутынь, м. Новгородского у. 48

Царев-город на р. Кокшаге 270
Царев-Борисов, г. 279
Царево-Займище, с. 543, 552—554, 582, 587
Царицын, г. 278, 281
Царьград *см.* Константинополь
Церкви:
в Могилеве:
Николы св. 464
в Москве:
Архангела Михаила, соборная (Архангельский собор) в Кремле 342, 413, 453, 462, 636, 683
Благовещения Богородицы (Благовещенский собор) 95, 342, 594
Богородицы Знамения на Арбате 463
Богородицы казанской у Покровских ворот 667
Богородицы Похвалы, придел церкви Успения 73
Богородицы Пречистой к Сретению 47, 662
Богородицы Пречистой, соборная на Крутицах 656
Богородицы Успения, соборная (Успенский собор) 66, 71, 294, 339, 340, 342, 343, 440, 447, 461, 469, 470, 515, 567, 598, 667
Богородицы Пречистой близ Троице-Сергиева мон-ря 55
Василия Блаженного, Покровский собор 66, 297, 298, 301, 415
Введения на Лубянке 616
Всех Святых на Кулишках 664
Георгия св. (в Яндове) 661
Екатерины великомученицы на Ордынке 662
Ильи Обыденного 661, 662
Ильи Пророка на Ильинке 439
Иоакима и Анны в Новодевичьем мон-ре 8
Иоанна Милостивого на Арбате 662, 667
Климента св. на Пятницкой ул. 661
Максима св. 245
Николы Гостунского 181
Николы Мокрого 442
в Новгороде Великом:
Богородицы 55
Георгия св. на Хутыне 48
Дмитрия св. 8
Иоанна Предтечи Рождества на Опоках 31, 32
София, соборная в Кремле 48, 72, 89, 630
Сретения на Дворище 48
в Новгороде Нижнем:
Спаса Преображения, соборная 560, 641
в Пскове:
Козьмы и Демьяна 633
Троицы, соборная 490
в Смоленске:
Богородицы Пречистой, соборная 294, 620
в Угличе:
Богородицы, соборная 399
Константина и Елены 310
Спаса Преображения, соборная 306, 309, 310, 399
в Юрьеве:
Георгия Кападокийского 176
Николая 176

Цивильск, г. 270
Чароида, с. дворцовое Белозерского у. 276, 593, 597
Чебоксары, г. 383
Черемисская земля, Черемиса 278
Черемисы (мари), нар. 197, 204, 270, 280, 291, 369, 511, 525, 636
Черкассы, г. 27, 59, 210, 226
Черкасы *см.* Казаки малороссийские
Черкесы кабардинские 258, 264, 265, 278, 279
Черкизово, с. под Москвой 517
Чернигов, г. 27, 226, 282, 395, 399, 404, 453, 549
Черниговцы, жит. 281, 405
Черное море 263
Чили-Кул, оз. 271
Числяки, м. 18
Чуваши, нар. 291
Чудская земля, Чудь 69
Чудь, нар. 69

Шанчурин (Шанчурск), г. *см.* Санчурск
Шацк, г. 26
Шведская земля 221, 231, 354
Шведы, нар. 38, 134, 211, 221—225, 228, 230, 231, 264, 276, 280, 352, 424, 472, 491, 493, 519—522, 529, 530, 546, 553, 560, 565, 572, 583, 584, 624, 629, 630, 649, 656
Швеция, Шведское королевство 49, 54, 65, 134, 140, 193, 211, 219—221, 225, 227—231, 235—237, 243, 320, 324, 339, 349, 354—356, 369, 397, 431, 434, 488, 520, 535, 577, 582, 631, 653, 691
Шелонская пятина 221
Шемаха, г. в Ширване 248, 268
Шенкурцы, жит. 34, 35
Шестаков, г. 40
Шестаковцы, жит. 40
Шклов, г. 464
Шотландия 193
Шотландцы, жит. 280
Штеттин (Щетин), г. польский на Балтике 233
Шубино, с. Зубцовского у. 596
Шуя, г. 509

Эльба, р. 357
Эстония 211, 227, 352

Юго-Западная Русь *см.* Россия Юго-Западная
Юрбург, г. 65
Юрьев, г. *см.* Тарту
Юрьев Польский (Волжский), г. 385, 508, 567, 646

Яворовское староство 195
Ягорлык, креп. 28
Яик (Урал), р. 179, 262, 279
Ямбург (Яма, Ямы), г. на р. Луге 222—225, 228, 572
Ямский у. 69
Яренск, г. 383, 384, 525—527
Ярополч, г. 642
Ярославская дорога 52
Ярославская земля 608
Ярославль, г. 52, 53, 55, 245, 290, 365, 474, 479, 502, 503, 509, 512—514, 524, 602, 645—649, 651, 652, 654—656, 660, 663, 673
Ярославцы, жит. 503, 513, 514, 605, 646
Яуза, р., приток р. Москвы 659

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ СЕДЬМОЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Внутреннее состояние русского общества во времена Иоанна IV

Титул царский.— Обычаи нового царского двора.— Состав двора.— Знатнейшие фамилии.— Княжеские отчины.— Уменьшительные имена.— Местничество.— Кормление и служба.— Стрельцы, пушкари, иноземцы.— Продовольствие войска.— Посоха.— Станичная и сторожевая служба.— Шляхта в Западной России.— Козаки.— Финансы.— Областное управление.— Города.— Села.— Холопи.— Инородцы.— Промышленность.— Торговля.— Физические бедствия.— Города в Западной России, крестьяне, промышленность, торговля.— Церковь в Восточной и Западной России.— Новый судебник в Восточной России.— Новый статут в Западной.— Народное право.— Нравы и обычаи в Восточной и Западной России.— Литература.— Книгопечатание

7—182

ГЛАВА ВТОРАЯ

Царствование Феодора Иоанновича

Положение царского дома.— Будущие династии.— Смуты при утверждении Феодора на престоле.— Царское венчание Феодора.— Смерть боярина Никиты Романовича; Годунов и его борьба с Шуйскими.— Образ царя и правителя

183—192

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Продолжение царствования Феодора Иоанновича

Состояние Польши в начале царствования Феодора.— Посольство Измайлова к Баторию.— Посольство князя Троекурова и Безнина.— Слухи о замыслах Австрийского дома на престол московский.— Приезд в Москву Баториева посла Гарабурды и переговоры его о престолонаследии.— Вторичное посольство князя Троекурова к Баторию.— Смерть Батория.— Королевские выборы в Польше.— Избрание Сигизмунда Вазы.— Сношения с Швециею.— Война с нею.— Сношения с Польшею.— Мир с Швециею.— Война с нею.— Сношения с Польшею.— Мир с Швециею.— Сношения с Австриею.— С папою.— С Англиею.— С Данией.— С Крымом: нашествие хана Казы-Гирея на Москву.— Сношения с Турциею.— Донские козаки.— Дела кавказские.— Переговоры с Персиею.— Утверждение русских в Сибири

193—272

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Продолжение царствования Феодора Иоанновича

Царская власть.— Соборы.— Приказы.— Финансы.— Торговля.— Города.— Береговая служба.— Козаки.— Местничество.— Укрепление крестьян.— Холопи.— Переселения.— Церковь.— Учреждение патриаршества.— Нравы и обычаи.— Искусство

273—302

ГЛАВА ПЯТАЯ

Окончание царствования Феодора Иоанновича

Значение Рюриковой династии.— Смерть царевича Димитрия в Угличе.— Разбор известий об этом событии.— Решение дела в Москве.— Мнение народа.— Кончина царя Феодора

303—313

ПРИМЕЧАНИЯ К ТОМУ СЕДЬМОМУ

314—331

ТОМ ВОСЬМОЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Царствование Бориса Годунова

Избрание Годунова.— Неофициальные известия об этом избрании.— Въезд нового царя в Москву.— Подкрестная запись.— Слух о нашествии хана.— Борис выводит войско за Москву.— Торжество без подвига.— Меры для утверждения Бориса на престоле.— Царское венчание Бориса.— Милости.— Благоприятные отношения к соседям.— Посольство Льва Сапеги в Москву.— Посольство Салтыкова в Литву.— Сношения Годунова с ливонскими недовольными.— Вызов шведского принца Густава в Россию.— Датский принц Иоанн, жених царевны Ксении; его смерть.— Сношения с Австриею, Англиею, городами Ганзейскими, Италиею, Крымом.— Неудачи русских за Кавказом.— Успехи за Уральскими горами.— Внутренние распоряжения Бориса

335—375

ГЛАВА ВТОРАЯ

Продолжение царствования Бориса Годунова

Причины Смуты.— Дело Богдана Бельского.— Доносы.— Опала Романовых.— Отношения царя к другим вельможам.— Навязанная молитва при заздравной чаше.— Голод.— Мор и разбои.— Слухи о самозванце.— Разбор мнений о самозванце.— Похождения Отрепьева.— Обличения ему из Москвы.— Меры царя и патриарха против самозванца.— Вступление Лжедимитрия в московские пределы.— Сдача Путивля.— Битва под Новгородом Северским.— Битва при Добрыничах.— Недеятельность царских воевод.— Смерть Бориса Годунова.— Присяга царю Феодору Борисовичу.— Отправление воеводы Басманова к войску.— Переход войска к самозванцу.— Возмущение Москвы против царя Феодора.— Свержение патриарха Иова.— Убиение царя Феодора и матери его

376—413

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Царствование Лжедимитрия

Грамоты Лжедимитрия.— Присяжная запись.— Въезд царя в Москву.— Действия князя Шуйского против нового царя.— Патриарх Игнатий.— Приезд царицы Марфы в Москву.— Правительственная деятельность царя.— Поведение поляков, приведенных им в Москву.— Новые обычаи.— Обличители.— Сношения с Польшею.— Сношения с Римом.— Женитьба царя на Марине Мнишек.— Самозванец Петр.— Неудовольствия в Москве на царя.— Новые обличители.— Заговор Шуйского.— Смерть Лжедимитрия.— Избрание князя Василия Шуйского в цари

414—445

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Царствование Василия Ивановича Шуйского

Грамота нового царя о своем избрании.— Ограничение царской власти.— Царские грамоты по областям.— Царское венчание Шуйского.— Патриарх Гермоген и отношения его к царю.— Причины появления второго самозванца.— Молчанов.— Возмущение в Ук-

райне.— Волнение в Москве.— Болотников.— Поражение царского войска и повсеместное восстание на юге. Ляпуновы.— Болотников у Москвы.— Отступление дворян от Болотникова.— Поражение и бегство Болотникова.— Наступательное движение Шуйского.— Разрешительная грамота патриархов Иова и Гермогена.— Болотников и самозванец Петр в Туле.— Победа царских войск.— Шуйский осаждает Тулу.— Появление второго самозванца.— Взятие Тулы царем.— Состав войска второго Лжедимитрия.— Рожинский, Заруцкий.— Новые самозванцы.— Беспокойство в Москве.— Лжедимитрий спешит к Москве.— Мир Шуйского с Польшею.— Лжедимитрий в Тушине.— Война его с Шуйским.— Марина и отец ее в Тушине.— Польский наказ для второго Лжедимитрия

446—487

ГЛАВА ПЯТАЯ

Продолжение царствования Василия Ивановича Шуйского

Шведский король предлагает помощь свою Шуйскому.— Царский племянник князь Скопин-Шуйский отправляется в Новгород для заключения союза с Швециею.— Борьба в Пскове между большими и меньшими людьми.— Псков целует крест самозванцу.— Шуйский садится в осаду в Москве.— Тушинский двор.— Осада Троицкого монастыря.— Тушинцы захватывают врасплох северные города.— Пересылки между последними.— Неистовство тушинцев.— Восстание против них.— Положение Шуйского в Москве; неудача восстаний против него.— Война между Москвою и Тушином.— Договор царя Василия с шведским королем.— Поход Скопина-Шуйского с шведами для освобождения Москвы

488—527

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Окончание царствования Василия Ивановича Шуйского

Польский король Сигизмунд осаждает Смоленск.— Смута в Тушине по этому случаю.— Самозванец бежит из Тушина в Калугу.— Послы от русских тушинцев у короля Сигизмунда и предлагают русский престол сыну его Владиславу.— Условия избрания Владислава.— Положение Марины в Тушине.— Положение самозванца в Калуге.— Марина убегает из Тушина.— Поляки оставляют Тушино.— Народная любовь к князю Скопину.— Торжественный въезд его в Москву.— Затруднительное положение короля Сигизмунда.— Смерть Скопина.— Ляпунов поднимается против царя Василия.— Победа польского гетмана Жолкевского над русскими при Клушине.— Поход Жолкевского к Москве.— Самозванец под Москвою.— Свержение Шуйского.— Правительственные распоряжения в царствование Шуйского

528—561

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Междуцарствие

Присяга боярам.— Грамоты по областям о свержении Шуйского.— Кандидаты на престол.— Сношения бояр с гетманом Жолкевским.— Действия самозванца.— Договор с Жолкевским об избрании королевича Владислава.— Присяга Владиславу.— Король Сигизмунд хочет сам быть царем в Москве.— Жолкевский отгоняет самозванца от Москвы.— Посольство митрополита Филарета и князя Василия Васильевича Голицына к королю под Смоленск.— Самозванец в Калуге.— Польское войско вводится в Москву.— Жолкевский уезжает из Москвы.— Съезды великих послов с панами под Смоленском.— Действия Салтыкова и Андронова в Москве в пользу короля.— Казань и Вятка присягают самозванцу.— Смерть самозванца

562—601

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Окончание междуцарствия

Движение в Москве против поляков вследствие смерти самозванца.— Восстание Ляпунова.— Переписка городов.— Первое ополчение против поляков; причины его неуспеха.— Переговоры великих послов с панами под Смоленском.— Сожжение Москвы.— Русское

ополчение осаждает в ней поляков.— Отсылка великих послов в глубь польских владений.— Взятие Смоленска.— Василий Шуйский с братьями в Варшаве.— Троеначальники в ополчении под Москвою.— Смерть Ляпунова.— Новгород Великий взят шведами.— Продолжение борьбы лучших людей с меньшими в Пскове.— Безначалие у поляков в Москве и в русском стане под Москвою.— Призывные грамоты из Троицкого монастыря.— Архимандрит Дионисий.— Признаки народного очищения.— Деятельность Минина в Нижнем Новгороде.— Князь Пожарский.— Второе ополчение для освобождения Москвы.— Остановка ополчения в Ярославле.— Сношения его с Новгородом Великим.— Поход ополчения к Москве.— Отношение его к козакам.— Битва с поляками.— Очищение Москвы.— Поход короля Сигизмунда к Москве.— Его возвращение.— Избрание царя Михаила Федоровича Романова

602—670

ПРИМЕЧАНИЯ К ТОМУ ВОСЬМОМУ

671—688

Приложения

КОММЕНТАРИИ К СЕДЬМОМУ И ВОСЬМОМУ ТОМАМ «ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН»

689—702

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

703

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

704—732

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

733—747

ОГЛАВЛЕНИЕ

748—751

Научная

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ
КНИГА 4

ИСТОРИЯ РОССИИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ТОМА 7—8

Редактор С. С. ИГНАТОВА
Младший редактор Л. П. ЖЕЛОБАНОВА
Художественный редактор И. А. ДУТОВ
Технический редактор Ж. М. ГОЛУБЕВА
Корректор О. П. КУЛЬКОВА

ИБ № 3861

Слано в набор 26.10.88. Подписано в печать 31.03.89. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Обыкнов. новая гарнитура. Высокая печать. Усл. печатных листов 47. Усл. кр.-отт. 47,75. Учетно-издательских листов 54,17. Тираж 200 000 экз. Заказ № 141. Цена 7 р.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28